

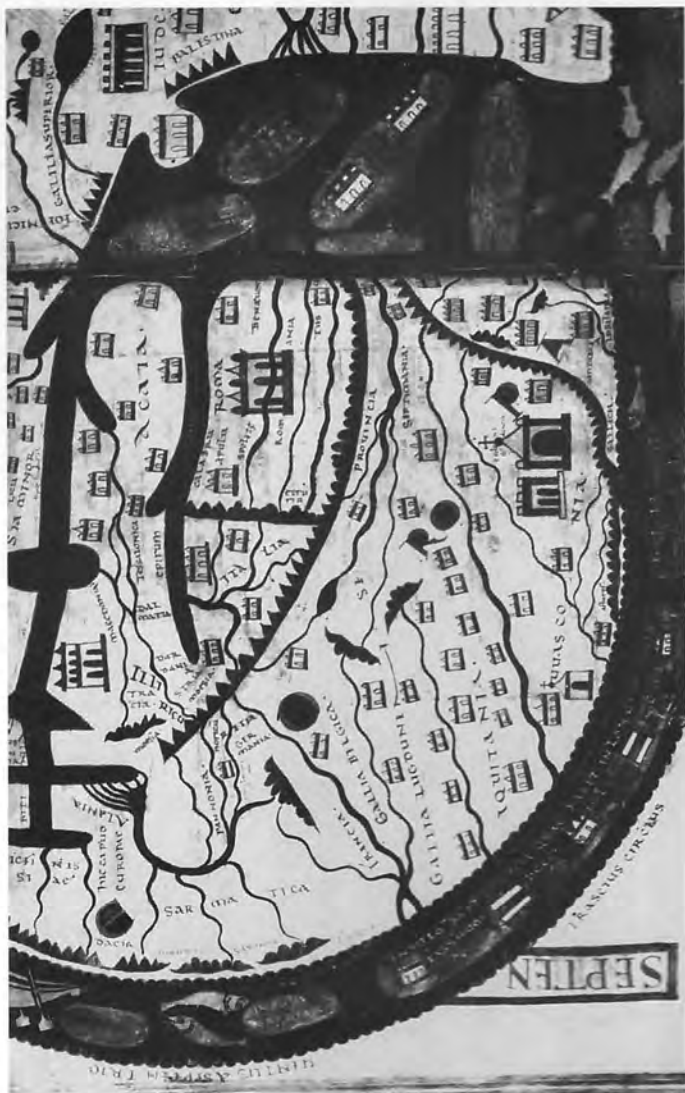
Sicut lux laetificat oculos, ita lectio corda

Памятники
средневековой
латинской
литературы

*
X—XI века

НАУКА

Карта мира. Французский манускрипт XI в.
Barraclough G. The Crucible of Europe.
Berkeley and Los Angeles, 1976

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А.М. ГОРЬКОГО

Памятники
средневековой
латинской
литературы

X–XI века

Ответственный редактор
М.Л. ГАСПАРОВ

МОСКВА НАУКА 2011

УДК 821.124
ББК 84 (4Лат)
П15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-04-16068д*

Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века / отв. ред. М.С. Касьян ; Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2011. – 895 с. – ISBN 978-5-02-037373-0 (в пер.).

Антология “Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века” продолжает серию “Памятники средневековой латинской литературы”. Она включает в себя как публиковавшиеся ранее, так и новопереведенные поэтические и прозаические тексты, которые были созданы в малоизученный период, завершавший эпоху раннего Средневековья.

Для специалистов в области истории, литературоведения, культурологии, истории Церкви, богословия, а также для всех, кто интересуется средневековой литературой.

ISBN 978-5-02-037373-0

© Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, 2011

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2011

М.Л. Гаспаров

Латинская литература между Империей и Папством (X–XI вв.)

*

X–XI вв. в истории Европы были временем окончательного складывания феодального строя. Кризис начала X в. застал ее еще в состоянии социально-политического хаоса, а к концу XI в. мы уже находим во всех основных ее государствах развитую систему феодальных отношений, сложную и гибкую, в ее классическом западноевропейском облике. Земля с прикрепленными к ней крестьянами, над ней – целая иерархия держателей-феодалов: император или король, под ним герцоги, под ними графы, под ними бароны и виконты, под ними простые рыцари; каждый вассал получает держание только от своего непосредственного сеньора и обязан верностью только ему, каждое держание наследственно и не выходит из родового владения; рядом с этой иерархически организованной светской властью – столь же иерархически организованная духовная власть: римский папа, ему подчинены архиепископы, им – епископы, тем – приходские священники, особняком держится только черное духовенство в монастырях – таков западноевропейский феодализм, каким он сложился в X–XI вв.

В этой разветвленной системе отношений действовали свои центробежные и центростремительные силы. Центробежные силы в светской организации выступали в лице местных феодалов, в духовной организации – в лице монастырей, разрозненных и выпадавших из общецерковной иерархии, подвластных влиянию местной знати. Центростремительные силы в светской организации выступали в лице короля или императора, в духовной организации – в лице папы и иерархической епископальной сети. В начале X в. и королевская и папская власть переживали кризис: королевская власть была доведена последними каролингами до полного бессилия, папство было игрушкой в руках римских феодалов и их любовниц (“порнократия”, “блудовластие” – называли впоследствии этот период истории папства). X век стал в истории Европы веком реставрации империи, XI век – веком реставрации папства.

Латинская литература – литература на языке всеевропейском, международном, ни для кого не родном – всем существом своим была связана именно с центростремительными, объединяющими тенденциями европейского об-

щества и культуры. Время Карла Великого было придворным периодом истории латинской литературы, каролингский IX век – монастырским периодом; в X–XI вв. латинская литература покидает монастыри с их партикуляристскими тенденциями, и центр тяжести ее перемещается в епископские города с их централистскими тенденциями. При дворе Карла средневековая латинская литература торопливо набиралась античных культурных запасов из впервые собираемых древних рукописей. В тиши монастырей происходило медленное усвоение этих античных традиций, их переработка, их скрещивание с традициями местной народной культуры. Теперь средневековая латинская литература, сложившись и окрепнув, выходит на открытый простор общественной жизни, политической и идейной борьбы. Пора ученичества для нее закончена, она обретает свой собственный голос. Но на пути из монастырских келий в епископские палаты латинская литература должна была пройти еще один этап. Политические обстоятельства сложились так, что в X в. реорганизация императорской власти, блестящая, но кратковременная, опередила реорганизацию церковной власти, более медлительную, но более основательную и прочную. Поэтому во второй половине X в. культурным центром Европы на недолгое время вновь стал императорский двор – это так называемое оттоновское возрождение, ослабленное повторение каролингского возрождения.

1

Политическими обстоятельствами, которые повели в середине X в. к созданию оттоновской империи, были натиски на Германию славян со стороны Эльбы и венгров со стороны среднего Дуная – последняя угасающая волна великого переселения народов. Необходимость отпора сплотила Германию (настолько, насколько это было возможно) вокруг новой королевской династии – саксонской, Лиудольфингской. Ее основатель Генрих I Птицелов (919–936) укрепил славянскую границу новыми городами-крепостями, отодвинул французскую границу присоединением Лотарингии к Германии, нанес первое серьезное поражение венграм. Его сын Оттон I Великий (936–973) перешел в решительное контрнаступление против славян, разгромом при Лехе (955) положил конец венгерским набегам, взял под свой контроль династическую борьбу каролингов и робертингов в бессильной Франции, браком с итальянской королевой Адельгейдой (Аделаидой) сделал Италию своим вассальным владением, в 962 г. венчался в Риме императорской короной по примеру Карла Великого, в 972 г. женил своего сына на византийской принцессе Феофано. Возрожденная империя достигла предела в своем внешнем величии. Такой она перешла к сыну императора, Оттону II (972–983), и внуку, Оттону III (983–1002). Императорам новой империи все время приходилось бороться с непокорностью могущественных местных герцогов (Баварии, Швабии, Франконии, Лотарингии). В этой борьбе со светскими феодалами императорам нужна была опора. Такой опорой стали церковные феодалы, епископы и

архиепископы. Для императора это были такие же вассалы, как герцоги или графы, с той только выгодной разницей, что церковные феодалы не передавались по наследству и поэтому крепче зависели от императорской власти. Поэтому Оттоны прежде всего заботились о замещении епископских и архиепископских кафедр преданными им людьми и об округлении их земель за счет прирезок от уделов светских феодалов или от монастырей. Так, при Оттоне I кельнским архиепископом был брат императора Брунон, архиканцлер, дипломат и меценат, второй после Оттона человек в государстве, майнцским – незаконный сын императора Вильгельм, трирским – двоюродный брат императора Генрих, а богатство церковных феодалов было таково, что при Оттоне II они поставляли для императорской армии больше средств и сил, чем светские феодалы. На церковных магнатах держалось внутреннее единство империи – каждая смена императоров (особенно, если император был малолетний и нуждался в регентстве) сопровождалась сепаратистскими порывами герцогов и централистским нажимом архиепископов. На церковных магнатах держалась внешняя политика империи – безопасность на французской границе обеспечивали архиепископы кельнский и трирский, на славянской границе – магдебургский и бамбергский. Наоборот, монастырям саксонские императоры не покровительствовали, отнимали у них земли в пользу епископств, пытались вернуть их от привольной жизни IX в. к прежнему аскетизму и всячески старались, чтобы епископы главным образом воздавали кесарево кесарю, а монахи – Божие Богу. Исключение составляли новооснованные монастыри, настоятелями которых были лица императорского рода или близко с ним связанные: Гандерсгейм, Кведлинбург, Нордгейм и др.; они служили такой же опорой императорской власти, как и епископства.

Этот социально-политический блок императорской власти и церковных феодалов определяет и особенности культуры в оттоновское время, отличающие ее от культуры каролингского времени или сближающие с ней. Важнейших таких особенностей можно насчитать четыре.

Первая особенность оттоновской латинской культуры – ее германская (и даже уже – саксонская) замкнутость, столь непохожая на всеевропейскую “открытость” каролингской культуры. Причина этого в том, что немецкая церковь всеми силами подчеркивала свою связь с германской королевской властью и свою независимость от Рима и остальной церковной сети. Конечно, и оттоновской культуре приходилось начинать с ученичества у иноземных или периферийных учителей – из Лотарингии (где еще доживали свой век ирландские монахи), из Италии (связь с которой окрепла после женитьбы Оттона I на Адельгейде), даже из Византии (откуда приехала к Оттону II Феофано и куда собирались выдать замуж племянницу Оттона Великого Гедвигу). Сам Брунон Кельнский, ученейший человек оттоновского двора, усвоил свои знания от лотарингца Бальдерика Утрехтского, ирландца Израила и, наконец, от того неугомонного Ратхера Веронского-Люттихского, которого равно можно считать и лотарингцем, и итальянцем. Из Италии приехал как

эмигрант служить пером немецкому двору и Лиутпранд, самый талантливый в старшем поколении оттоновских писателей. Но ни Ратхер, ни Лиутпранд не прижились при императорском дворе и не оставили там учеников. Германские монахи гордились традициями каролингской культуры и на пришельцев смотрели свысока. Итальянский грамматик и богослов Гунцо Новарский, приглашенный Оттоном I в Германию, проезжая Санкт-Галлен, обмолвился в латинской беседе с местными монахами винительным падежом вместо творительного. Его тут же попрекнули этим так едко, что в отместку он написал огромное письмо (к монахам Рейхенау, вечным соперникам Санкт-Галлена), полное язвительнейших обличений санкт-галленского буквоедства и полное эффектного щегольства собственной широкой ученостью. Письмо Гунцо написано блестяще, оно напоминает лучшие страницы Лиутпранда, но весь талант его автора пропал зря: по приезде в Германию, Гунцо исчезает где-то в глуши, не оставив ни сочинений, ни учеников. Литературная продукция X в. создается в Германии собственными силами и посвящена собственным интересам. В высшей степени характерно, что Видукиндр в своей “Истории” представляет Оттона I, своего героя, исключительно как германского короля, а об его итальянской политике, отношениях с Римом и императорском венчании говорит почти мимоходом – для него это не события.

Вторая особенность оттоновской культуры – ее децентрализованность. Причина этого – в том, что духовная деятельность сосредоточивается теперь не при императорском дворе, а в епископских городах и в новооснованных монастырях. Никакого подобия “академии” Карла Великого при Оттонах не существует; имеется придворная школа, с трудом налаженная Бруноном, но она едва обеспечивает потребности императорской канцелярии. Придворная ученость поддерживается скорее для блеска, чем для дела: мать императора Матильда, жена Адельгейда, дочь Матильда Кведлинбургская, племянницы Герберга и Гедвига славятся своей образованностью, но сам Оттон Великий по-латыни не умеет не только читать, но и понимать. Оба главные памятника панегирической литературы об Оттоне и его династии созданы не при дворе, а в монастырях – это “История” Видукиндр Корвейского, заказанная Матильдой, и поэма “Деяния Оттона” Хротсвиты Гандерсгеймской, ученицы Герберги. “История” Видукиндр – это прежде всего прославление доблестей саксонского племени и военных подвигов Оттона, поэма Хротсвиты – это прежде всего домашняя хроника императорского двора; первый перерабатывает героические сказания, вторая – семейные предания; специфически-религиозного пафоса нет ни в том, ни в другом произведении, и все-таки это продукты монастырской литературы, рассчитанные на местную, саксонскую публику, а не на общеимперское распространение: популярности они не имели, и рукописи их малочисленны. Виднейшие деятели и покровители оттоновской церкви нашли своих биографов: жизнеописания матери императора Матильды, Брунона Кельнского, Удальриха Аугсбургского, Бернварда Гильдесгеймского представляют интереснейший материал для характеристики эпохи; но

это произошло потому, что почти все они были епископами, и память о них хранилась в епископских городах; сам же Оттон Великий остался без биографии, он не нашел своего Эйнхарда, потому что при нем не существовало того придворного ученого круга, откуда мог бы выйти новый Эйнхард.

Третья особенность оттоновской культуры – усиление в ней христианского моралистического духа и ослабление античного светского духа. Это уже не столько контраст, сколько преемственность с каролингской культурой. Вергилианский идеал и библейский идеал могли мирно сосуществовать лишь на первых порах каролингского возрождения, в “академии” Карла; далее, в монастырский период, вергилианский идеал все больше ступшевывается перед библейским; в оттоновский период, под влиянием союза императора и церкви, эта тенденция еще более усилилась. Вергилий, буколический и героический, впервые теряет свое первое место среди античных образцов. Теперь наиболее почитаемыми авторами становятся самые сентенциозно-моралистические – Теренций, Гораций (Горация знали в это время только как автора моралистических “Сатир” и “Посланий”, “Оды” читались лишь кое-где в Италии), Персий, Ювенал. Начитанность в этих авторах давала подчас неожиданные результаты; так, в “Жизнеописании Матильды” портрет короля Генриха I описывается фразами из Теренциевой “Девушки с Андроса”. Впрочем, даже чтение таких нравственных писателей казалось порой предосудительным, ибо все же они были язычники; и биограф Брунона Кельнского, сообщив, как хорошо знал его герой Теренция, спешит добавить: “но при этом наименее его занимало содержание, наиболее же – словесное искусство” (правда, это не помешало после смерти Брунона появиться рассказу-“видению”, будто Христос и святые на небесах упрекали его в чрезмерной любви к языческим авторам, и только заступничество апостола Петра его спасло). Точно так же рассуждала и Хротсвита, когда, пленившись разговорным изяществом комедий Теренция, она поставила своей целью воспроизвести это “словесное искусство”, но наполнить его языческую форму благочестивым содержанием из житий святых. Ученые иногда условно называют X–XI вв. в латинской литературе “горацианско-теренцианским возрождением”, в отличие от предшествующего “вергилианского возрождения” IX в. и последующего “овидианского возрождения” XII в. Это удобная номенклатура, однако следует помнить, что в собственном смысле слово “возрождение” к оттоновскому времени применимо еще менее, чем к каролингскому: здесь не было сознательного обращения к традициям дальних предков через голову ближних предков, здесь было добросовестное продолжение традиций ближних предков в том виде, в каком они определились к концу монастырского периода.

Наконец, четвертая особенность оттоновской культуры – это ее ученость и аристократизм. Это опять-таки скорее объединяет, чем разъединяет, оттоновскую культуру и культуру предшествующего периода. В каролингских монастырях, которые были островками латинского языка и латинской куль-

туры в море “варварского” германского населения, рано наметились две противоположные тенденции развития: одна – к изоляции от народного окружения, к уходу в самодовлеющую ученость и изысканность, в игру пышным и темным стилем античных реминисценций, другая – к сближению с народным окружением, к использованию народных тем в латинских стихах и латинских литературных форм в стихах на народном языке. Оттоновская эпоха решительно поддержала первую тенденцию в ущерб второй: и епископства, и ведущие монастыри тесно связаны с двором и слабо связаны с народом, внешний словесный блеск важнее для них, чем доходчивость и популярность. Самый разительный пример действия этой тенденции – полное прекращение литературного творчества на немецком языке: между опытами IX в. (Отфрид Вейсенбургский, “Муспилли”, “Хелианд”) и опытами XI в. (переводы Ноткера Немецкого) оттоновская эпоха зияет провалом в истории немецкой литературы. Но и латинская литература этих лет старается быть как можно менее народной и как можно более книжной: это сказывается и в языке, и в стиле, и в метрике, и жанровом своеобразии ее произведений.

Латинский язык в Средние века не был мертвым языком, он был языком живым, разговорным, на нем говорили и в школе, и в канцелярии, и при епископском дворе, но в литературе этих лет, и школьной и деловой, и “высокой”, это не чувствуется нигде: книги пишутся языком книжным, искусственным, их фразы сшиты из обрывков фраз античных и церковных классиков или построены по их образцу. Образцами чаще всего являются: для историков Саллюстий, для поэтов Теренций, Гораций и Пруденций, для всех вообще – Библия, Августин и другие отцы церкви. Лишь изредка у наиболее талантливых авторов (у Ратхера, у Лиутпранда, в диалогах Хротсвиты) это ученое наследие Возрождения оживляется индивидуально окрашенной интонацией.

Латинский стиль этих лет отмечен новшеством, характерным именно для ученого, эстетского вкуса – воцарением рифмы. Рифма в европейской литературе зародилась не в стихах, а в прозе – в латинской риторической прозе с ее любовью к параллелизму, сопровождаемому порой невольным созвучием окончаний (гомеотелевтон). Среди христианских писателей мастером такой прозы был Августин, у него вкус к ней переняли писатели раннего средневековья, сознательно культивировать рифму в прозе стал, как кажется, Венанций Фортунат. Каролингское возрождение с его классическими вкусами задержало развитие рифмованной прозы, но в X в. она расцветает вновь, ярче всего у Хротсвиты, и к XI в. затопляет всю латинскую литературу, скольконибудь притязающую на художественность: проповеди, жития, письма, даже папские указы, в меньшей степени историю, в наименьшей богословские трактаты. Рифма здесь пока еще примитивна, односложна, и на нынешний слух почти неуловима: “католики – поступки” в начале пролога Хротсвиты для нас вряд ли рифма, но для средневекового читателя, привыкшего читать по слогам, это была рифма. (В нашем издании рифмованная проза передана – с некоторым усилением – лишь в переводе Хротсвиты, в остальных же

памятниках не соблюдена.) Из прозы рифма – тоже поначалу простая, одно-
сложная – перешла в поэзию: в IX в. метрические стихи с рифмованными по-
лустишиями (“леонинские” гексаметры и пентаметры) и ритмические стихи
с рифмованными концами были еще сравнительно редки, в X–XI вв. они ста-
новятся массовым явлением. (В нашем издании звучание леонинского стиха
точнее всего передано в переводе “Весны” Марбода, менее точно – в переводе
да из Примаса Орлеанского, совсем не передано в переводе “Руодлиба”.)

Латинские жанры этих лет переживают полосу экспериментов, понятных
именно в условиях ученого, эстетского отношения к литературе. Их творцы
действуют на свой вкус и на свой риск, не имея ни предшественников, ни
последователей. Хротсвита пишет ученые житийные пьесы в век, когда гра-
мотная Европа понятия не имеет о театре; только через триста лет одна из ее
пьес дойдет до подмостков. Ратхер Веронский превращает свои обличитель-
ные трактаты в исповедь, самоанализ и саморазоблачение: предшественни-
ков его приходится искать за триста и за пятьсот лет в Исидоре и Августине,
а преемников – через сто и полтора лет в Отлохе и Ансельме. Лиутпранд
пишет историю, как памфлет, полный личных выпадов против политических
противников и пересыпанный стихотворными вставками на бозтиевский фи-
лософский образец. Через полтора лет, в эпоху публицистической борьбы
между империей и папством, такой ученый и воинственный дух никого не
удивил бы, но в X в. он одинок. Такими одиночками были все талантливые
писатели оттоновского века: они экспериментировали с небывалой смелос-
тью, но результаты их экспериментов или должны были ждать отклика очень
долго, или не находили его совсем. Они слишком возвышались над общим
уровнем культуры своего времени.

Именно эта погоня за ученостью и изысканностью, именно этот новый,
слишком поспешный отрыв латинской культуры от народной культуры был
причиной столь быстрого надлома оттоновского возрождения. Точно так же
и в политике отрыв от германских национальных интересов и погоня за идеа-
лом вселенской империи были причиной быстрого надлома саксонской динас-
тии. Рубежом здесь оказалось правление Оттона III, фанатического юноши,
мечтавшего о водворении на земле в “юбилейном” 1000 году августиновско-
го идеала “града Божия” с императором и папой во главе. Он перенес свою
столицу в Рим, писал на печатях “Обновление империи римской”, сделал па-
пой своего наставника Герберта, ученейшего человека в Европе и такого же
политического идеалиста, как он (Герберт принял папское имя Сильвестра II
в память о том Сильвестре I, который был папой при Константине Великом),
ходил на поклонение к мощам Карла Великого и к итальянским отшельни-
кам-аскетам, окружил себя двором византийского образца, вел переговоры с
константинопольским императором, а Германию целиком оставил в управле-
ние епископам и герцогам. Кончилось это в 1002 г. скоропостижной смертью
23-летнего Оттона III, а через несколько месяцев – смертью Герберта-Силь-
вестра. На Оттоне III кончилась линия прямых потомков Оттона Великого,

а на его преемнике Генрихе II Баварском (1002–1024) – и вся династия Лидуольфингов; ее сменила новая династия, франконская, в лице Конрада II (1024–1039) и Генриха III (1039–1056). Новые императоры вернулись от все-ленской политики к германской политике, в Италию ходили походами лишь для коронации и наведения порядка, а в Германии по-прежнему опирались на епископов и боролись с герцогами.

Для латинской культуры в Германии это все означало прежде всего смещение географического центра. Саксонские монастыри Корвей и Гандерсгейм, державшиеся лишь покровительством саксонских императоров, приходят в упадок. Последний запоздалый представитель саксонского оттоновского возрождения – это Титмар Мерзебургский (975–1018), епископ пограничного города, сам участвовавший в походах, написавший драгоценную для историков хронику, главный предмет которой – Саксония, главные события – войны со славянами, а стиль – потуги на ученую красоту (вплоть до стихотворных вставок), так хорошо дававшуюся предыдущему поколению и очень плохо дающуюся Титмару. После этого латинская культура в Северной Германии надолго иссякает; центр ее вновь перемещается в Южную Германию с ее более давними и прочными культурными традициями.

Южная Германия – Швабия и Бавария – находилась в оттоновской империи на особом положении. В политическом отношении она всегда стояла в оппозиции к саксонским императорам и была вечным очагом герцогских мятежей. В духовном отношении она стояла в оппозиции к насаждавшимся сверху культурным центрам – епископским дворам и императорским монастырям – и хранила верность старым каролингским монастырским традициям: культуре дружеских посланий и стихов на случай, ученому щегольству и связям с народной германской культурой, омывавшей стены монастырей. Старыми южногерманскими монастырскими центрами были Рейхенау и Санкт-Галлен в Швабии, в X в. к ним прибавился третий – Тегернзее в Баварии. Из Тегернзее происходит любопытный памятник монастырской культуры и быта ок. 1000 г. – сборник писем (конечно, рифмованной прозой), составленный Фроумундом, аббатским секретарем и учителем монастырской школы, вставившим тут и там между письмами стихи на случай собственного сочинения – дружеские послания, эпитафии, надписи, инвективы, школьные парафразы евангельских отрывков, поздравления проезжему баварскому герцогу, вычурные акrostихи. Кое-где они звучат живо и забавно (начало послания к кастеляну с просьбой о теплой одежде: “Время настало, когда – “у! у!” – мы дуем в ладоши...”), но общий их художественный уровень невысок. Из Рейхенау происходит написанная в 990-х годах панегирическая поэма монаха Пурхарда в честь аббата Витиговона и его монастырских построек, в изысканной форме диалога поэта и олицетворенного монастыря, который – характерно! – жалуется на то, что аббат слишком много разъезжает по императорским делам и слишком мало уделяет внимания своим аббатским обязанностям. Автор явно вдохновлялся в этой поэме панегирическими стихами Валахфрида

Страбона, память которого свято чтится в Рейхенау. Другим напоминанием о Валахфриде Страбоне является южногерманская поэма X в. “Деяния Аполлония Тирского” на сюжет греческого романа, написанная в форме эклоги двух певцов, “Страбона” и “Саксона”, и полная вергилизмов и темных слов из глоссариев, – отголосок византийских связей оттоновской культуры. Третий центр, Санкт-Галлен, переживал в это время полосу упадка (после венгерского погрома 920 г. и пожара 937 г.; пожар устроил ученик монастырской школы, провинившийся и боявшийся наказания; после этого школу чуть не закрыли совсем), однако и здесь аббат Эккехард I продолжал сочинять секвенции в традиционном стиле, а глава монастырской школы Ноткер Младший (Ноткер Лабенон-“Тубастый”, или Ноткер Немецкий, ок. 950–1022) впервые после долгого перерыва обратился к сочинению на немецком языке и перевел на немецкий язык псалтирь и школьные пособия по логике – разумеется, это было возможно только в условиях монастырского контакта с народной культурой. Переводил он и стихи (“Буколики”, Теренция, дистихи Катона), но до нас они не дошли. Именно здесь, на стыке монастырской и светской культуры, возникли два наиболее художественно ценных и исторически важных памятника начала XI в. – лирика “Кембриджских песен” и эпос “Руодлиб”. “Кембриджские песни” были записаны в южной Лотарингии, на границе германского и романского мира; здесь совершается самый смелый опыт сочетания религиозной формы и мирского содержания, здесь немецкие дружинные песни и народные анекдоты облекаются в форму латинских (ноткеровских) секвенций, а французские любовные песни – в форму латинских (амбросианских) гимнов; здесь впервые в средневековой литературе – писанной литературе, конечно, – появляется любовная тема “под двойной аккомпанемент Овидия и “Песни Песней” (по выражению одного исследователя), которая потом расцветет у вагантов, от вагантов перейдет к трубадурам, труверам и миннезингерам, от них – к поэтам предвозрождения и Возрождения, после которых станет столь характерной для всей европейской лирики нового времени. “Руодлиб” был записан в Тегернзеемском монастыре, но автор его хорошо знал и придворную и рыцарскую жизнь (король и простой рыцарь описаны в “Руодлибе” с похвалой, а магнаты-феодалы – с осуждением: это отголосок политики франконских императоров, пытавшихся опереться на мелкое рыцарство против герцогов). В поэме легко сочетаются монастырский морализм (“двенадцать добрых советов”), предкуртуазный вкус к изображению подвигов и роскоши и народный дух сказочных приключений. И все это растворяется в плавном повествовании, с такой наивностью живописующем каждую подробность и каждый эпизод, что будь эта поэма дописана, она доросла бы до исполинских размеров поздних рыцарских романов. По существу это и есть первый рыцарский роман – первое в новоевропейской литературе большое эпическое произведение не с историческим или псевдоисторическим, а с откровенно вымышленным сюжетом, первый образец той “беллетристики” в собственном смысле слова, без которой наш современник

не может представить себе художественную литературу. “Кембриджские песни” и “Руодлиб” – наиболее многообещающие открытия, сделанные латинской литературой XI в.

Но общий облик латинской литературы XI в. определялся не этими уникальными достижениями разрозненных монастырских центров, а массовой литературной продукцией единой сети епископских кафедр и соборных школ. К рассмотрению этого материала мы и переходим.

2

Епископские школы существовали в Европе так же издавна, как и монастырские. Они устраивались при соборах в епископских и архиепископских городах и должны были обеспечивать образование белого духовенства – приходских священников, диаконов, епископов. До X в. культурная роль их была незначительна: учителей не было, книги и люди сосредоточивались в монастырях, оттуда и выходило большинство церковных и литературных деятелей. С упадком монастырей в первой половине X в. положение меняется, ведущая культурная роль все более переходит к соборным школам – сперва во Франции и Лотарингии, потом – в XI в. – и в Германии. Можно почти поименно проследить, как наука переходила из монастырей в города: для организации или реорганизации образования в соборных школах обычно приглашались учителя из известных монастырских школ. Так, ведущая из соборных школ X в. – в архиепископском Реймсе – была налажена последними питомцами каролингского возрождения, грамматиком Ремигием Оксеррским и поэтом Хуквальдом Сент-Амандским. Так, из одного Санкт-Галлена вышли организаторы школ в Зальцбурге, в Страсбурге, в Шпейере и – что важнее всего – в Люттихе (Льеже), где санкт-галленский монах Ноткер стал епископом в 972 г. и возродил местную латинскую ученость, заглохшую было после норманнских погромов. Реймс, Люттих и – немного позднее – Шартр стали тремя главными центрами европейской латинской культуры во второй половине X и в первой половине XI в.

Чем отличались новые епископские школы от старых монастырских? Главным образом тем, что монастырские школы воспитывали учеников для своих же монастырских нужд, и монастырские питомцы сплошь и рядом оставались в родном монастыре учителями, писцами, счетоводами; епископские же школы готовили учеников “на сторону”, для церковной карьеры в других местах. Это имело свою отрицательную черту: обучение в монастырях было бесплатным (монах потом “отрабатывал” его своему монастырю всю жизнь), в соборных школах стало платным, т.е. доступным лишь для имущих – состав учеников стал аристократичнее. Впрочем, для способных учеников из простонародья легко делались исключения – оба светоча культуры этого времени, Герберт Реймский и Фулберт Шартрский, были низкого происхождения. Но это имело и свою положительную сторону: ученики

епископских школ были старше и подготовленнее, обращение с ними было мягче (о поджоге школы, как в Санкт-Галлене, здесь не могло быть и речи), между учителями и учениками легче завязывались дружеские связи, которые не порывались и тогда, когда питомцы рассеивались по разным концам Европы. И, что еще важнее, обучение в новых школах, готовившее учеников не к монастырскому уединению, а к общественной жизни, должно было стать шире и практичнее: оно уже не могло сводиться, как в монастырской школе, к изучению грамматики с чтением школьных авторов и к изучению богословия с заучиванием святоотеческих суждений по компендиям, – к грамматике должны были присоединиться остальные “благородные науки”, а к искусству владеть цитатами – искусство владеть диалектическими приемами.

Важнейшей ступенью в повышении культуры соборных школ была деятельность Герберта Реймского (или – по месту рождения – Орильякского, ок. 945/950–1003), будущего папы Сильвестра II. Он учился гуманитарным наукам в Реймсе и математическим в Испании, где познакомился, хотя и из вторых рук, с арабской культурой; из Испании он вывез абак – таблицу для позиционного счисления, крайне облегчавшую все арифметические действия и подготавливавшую переход Европы от римских цифр к арабским, – и астрономические приборы, казавшиеся его современникам чудом. Впоследствии за ним закрепилась слава чернокнижника и имя его обросло цветистыми легендами (записанными в “Истории” Вильяма Мальмсберийского). Его письма напоминают письма Сервата Лупа или позднейших итальянских гуманистов: он собирает в Реймс списки древних книг со всей Европы, обещает соседнему архиепископу собственноручно изготовленную небесную сферу в обмен на полный экземпляр “Ахиллеиды” Стация, тоскует, что в бытность свою в Италии читал и не успел переписать астрономическую поэму Манилия, а когда его книги задерживаются в переписке, обращается к переписчикам по-цицероновски. Он один в своей литературной эпохе, колебавшейся между варварской примитивностью и ученым маньеризмом, сумел оценить и взять за образец стиль Цицерона; он один, преподавая в реймской школе риторику, советовал ученикам не выставлять искусство речи напоказ, а скрывать его за видимой безыскусственностью; ему принадлежит фраза, воскрешающая цицероновский идеал единства жизни, мысли и слова: “Так как образ нравов и образ речи неотделим от философии, то я всегда старался соединять заботу о хорошей жизни и заботу о хорошей речи”. Но главной заслугой Герберта было то смещение центра тяжести гуманитарных наук с грамматики на диалектику, которое стало началом всего будущего развития европейской схоластической философии. Публичный диспут Герберта, лучшего французского диалектика, с Отрихом, лучшим германским диалектиком, на отвлеченную тему о классификации наук, состоявшийся в 980 г. перед Оттоном II и его двором и длившийся целый день, пока слушатели не изнемогли, был первым прообразом схоластических диспутов XII–XIII вв.

Учеником и духовным наследником Герберта Реймского был Фулберт Шартрский (ок. 960/975–1029); для Европы XI в. он был таким же “всеобщим учителем” и авторитетом, как за двести лет до него Алкуин, а за полтораста – Храбан Мавр. Это был более “средний” человек и мыслитель, чем Герберт, не увлекавшийся ни математическими отвлеченностями, ни политическими утопиями (которые привели Герберта к Оттону III и папскому сану), но именно потому он лучше подходил для своей просветительской деятельности. Он писал жития, проповеди, немногочисленные стихи, занимался медициной, в письмах своих давал консультации по богословию и каноническому праву всей ученой Европе, но славился он не столько как писатель, сколько как человек и наставник. Из его шартрской школы вышел целый выводок церковных деятелей, просветителей и ученых: Вазон Люттихский, один из первых поборников папской теократии; Ольберт из Жамблу, канонист и агиограф, учитель такого историка, как Сигеберт из Жамблу; Регинальд Анжерский, учитель такого поэта, как Бальдерик Бургейльский; Франкон Люттихский, автор трактата о квадратуре круга; Радульф Малькоронский, знавший медицину лучше знаменитых салернских медиков; Адельманн Люттихский, автор трогательного и неуклюжего стихотворения о школе Фулберта, покойном учителе и бывших своих соучениках; и самый знаменитый из всех – Беренгарий Турский, диалектик-еретик, о котором еще будет речь дальше. Всех их объединяла память об общем наставнике. Когда Беренгарий начал проповедовать свое еретическое учение, чувствительный Адельманн писал ему: “Молочному брату моему во Христе Беренгарии... Молочным братом зову я тебя. ибо вместе проводжали мы сладостное наше время – я постарше, ты помоложе – в Карнутской Академии при достопочтенном нашем Сократе; и этому мы более имеем права радоваться, чем радовался Платон, благодаря природе за то, что он родился в дни Сократа, и не скотом, а человеком”, – и далее Адельманн вспоминает “уединенные вечерние беседы, которые он так часто вел с нами в садике за капеллой, говорил о том царствии, где ныне он, произволением Божиим, восседает среди сенаторов, и увещевал нас со слезами, от избытка святого рвения прерывавшими порой его речь, чтобы к царствию тому направляли мы все наши стремления, чтобы следовали прямою дорогою, путь держали бдительно по стопам святых отцов, не отвлекаемые ничем, не сбиваясь ни на какие обманчивые нехоженые тропы...” Пусть этот образ Фулберта крайне идеализирован, но идеализирован он не только под христианского праведника, а и под античного философа, и это уже характерно для новой эпохи европейской культуры.

Сверстники и ученики Фулберта распространили это оживление научных интересов по всей сети епископских школ, покрывавшей Европу, – главным образом, Францию, в Германии эта сеть была реже. Рядом с Реймсом вскоре возвысился Лан, где во второй половине XI в. учил Ансельм и учился Абелья; из Лана даже приглашали учителей в Реймс для налаживания занятий. Мец славился изучением музыки, Тур – изучением медицины, Камбрэ – изу-

чением математики; в Вердене учил архидиакон Германфрид, знавший пять языков; в Турнэ учитель Одон преподавал, прогуливаясь, как Аристотель и Зенон, увлекался языческими авторами настолько, что годами не брал в руки христианских, а прочитав, по настоянию друзей, “О свободе воли” Августина, воскликнул: “Я не знал, что у Августина было такое высокое красноречие!”. Люutih, по словам его историка, “познаниями наук не уступал Платоновой Академии, а твердостью веры – Риму при папе Льве”; на тот же титул “вторых Афин” успешно притязал и немецкий Регенсбург. Такая картина свидетельствует, между прочим, о том, что в новых условиях трудно было получить всестороннее образование в каком-нибудь одном месте: круг изучаемых наук расширился, и в одних школах лучше преподавались одни, в других – другие. Поэтому любознательные ученики начинают кочевать из одной школы в другую: об Ангельраме, ученике Фулберта, говорили, что он собирает знания по школам, как пчела свой мед по цветам. В следующем столетии это станет массовым явлением, и на этой почве вырастет вагантство.

Главный предмет изучения в епископских школах составляли “семь благородных наук”, канон которых прочно держался со времен поздней античности: “тривий” (грамматика, риторика, диалектика) и “квадривий” (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Науки квадривия, несмотря на сильный толчок, данный им Гербертом, разрабатывались слабо. Из арифметики обычно усваивались лишь четыре правила (умножение и деление – уже с трудом), дроби давались немногим; из геометрии решались простейшие практические задачи; астрономия должна была ждать XII в., чтобы усвоить от арабов Птолемею систему мироздания; музыка сводилась к церковному пению, которое усваивалось на слух, пока в 1020-х годах Гвидон Аретинский не изобрел записи нот на линейках; однако все эти “практические” знания сопровождалось “теоретическими” рассуждениями самого отвлеченного рода о числах как основе гармонии мироздания.

Грамматика изучалась сперва по краткому курсу Доната, потом по подробному – Присциана. Авторы, читаемых в школах, учебник конца XI в. делит на три степени трудности: 1) дистихи Катона, басни Авиана и Эзопа (“Ромула”), Максимиан, “Латинская Илиада” (краткое изложение “Илиады” латинскими гексаметрами I в. н. э.); 2) Плавт, Цицерон, Бозтий, грамматики, латинский перевод “Тимея” Платона; 3) Теренций, Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан, Стаций, Ювенал, Персий, Саллюстий. Элементарных справок, сообщаемых в грамматическом курсе об этих авторах и их произведениях, оказалось достаточно, чтобы к концу XI в. из них сложился краткий “Диалог об авторах” Конрада из Гиршау – первое подобие учебника по истории литературы. Средства к овладению стилем были прежние: сочинения в стихах и в прозе, закрепляющие запас словесных штампов, усвоенных от изучения авторов. Имитация древних авторов не была самоцелью: в отличие от школ поздней античности или Возрождения, здесь не считалось высшим блеском написать, например, подражание Цицерону так, чтобы его можно было выдать за сочинение

самого Цицерона. От этого предохраняло христианское недоверие к языческим авторам; поэтому основной языковой и стилистический фон сохранялся библейский, а реминисценции из античных авторов – более или менее обильные, в зависимости от жанра и от вкусов писателя, – служили в нем лишь инкрустациями и расцветкой. Это и позволило языку средневековой латинской литературы остаться жизнеспособным и не выродиться в мертвую книжную ученость – опасность, реально грозившая ему в пору каролингского и оттоновского возрождения, и следы которой чувствуются на протяжении всего XI в. в пристрастии многих писателей к редким словам из глоссариев.

Риторика изучалась, главным образом, по Цицероновскому трактату “О нахождении материала” и псевдоцицероновской “Риторике к Гереннию”; остальные сочинения Цицерона и Квинтилиана были мало известны. Здесь усваивалась, главным образом, античная традиция построения речи и использования стилистических фигур. Это было практически важно: по традиционному плану “вступление – разделение – изложение – разработка – заключение”, с традиционными средствами “распространения” и “сжатия” материала, строились и проповеди и письма; а владение этими жанрами было необходимо для каждого клирика. Проповедь была основной формой пастырского служения священников, а письма им приходилось писать и за себя и за других, потому что именно на клириках лежала секретарская работа не только в монастырях и епископатах, но и при светских владетелях: миряне, вплоть до самых знатных, были еще почти сплошь безграмотны, и о грамотности, например, императора Генриха IV историки сообщают почти с восторгом. Проповеди и письма составляют едва ли не половину всей литературной продукции описываемого (да и позднейшего) времени. В конце XI в. появляется первый “письмовник”, сочинение Альберика Монтекассинского в трех книгах: о разработке материала, о сентенциях и примерах (предмет особой гордости автора) и о грамматике и стиле.

Диалектика, как сказано, сильно выдвинулась вперед с тех пор, как Герберт перестал преподавать ее по кратким компендиям раннего средневековья и обратился к подлинному Аристотелю в латинском переводе и к его толкователю – Боэтию. Изучалось сперва “Введение к Категориям Аристотеля” Порфирия (в латинском переводе IV в.) с комментариями Боэтия, затем трактаты самого Боэтия (“О категорических силлогизмах” и др.), затем “Категории” и “Об истолковании” Аристотеля с “Топикой” Цицерона, опять-таки в сопровождении комментария Боэтия, и наконец, в качестве дополнительного чтения по философии, – “Тимей” Платона в латинском переводе, “О свободе воли” Августина и “Утешение философией” Боэтия. Этот курс позволял ученикам достаточно свободно рассуждать о “пяти предметах” диалектики – роде, виде, различии, свойстве и проявлении; этот курс развивал достаточную гибкость мысли, чтобы ученики могли оторваться от буквы святоотеческих авторитетов и делать из их положений собственные логические выводы. До середины XI в. диалектические рассуждения еще держались на уровне

школьных упражнений: так, Герберт в трактате “О разумности и о пользовании разумом” (вопрос, поднятый в его знаменитом диспуте с Отрихом) ставил проблему: какое понятие шире – “разумность” или “пользование разумом”? Обычно считается, что разумность шире, ибо не всякий, кто разумен, пользуется своим разумом; нет, возражает Герберт, “пользование разумом” шире, ибо это есть “способность с действием”, тогда как “разумность” есть “способность без действия”; стало быть, “пользование разумом” и “разумность” относятся как род и вид, и первое может служить атрибутом ко второму; и далее следуют тонкие операции с понятиями “потенция”, “акция” и “атрибут”. Пройдет два-три поколения, и из таких диалектических упражнений вырастет спор об универсалиях и начнется схоластика.

Однако покамест этот переворот в средневековой философии еще не наступил, и в богословской науке стоит затишье. X в. и первая половина XI в. – это промежуток между авторитарным богословием предшествующего периода и диалектическим богословием последующего периода: уже прошла эпоха, когда ученые монахи в одиночестве своих келий старались решить для себя догматические неясности умелым подбором святоотеческих цитат, и еще не наступила эпоха, когда ученые богословы перед лицом всей Европы в напряженных спорах будут решать догматические неясности логическими операциями над текстами Писания и отцов Церкви. Богословская продукция этого времени скудна и малоинтересна.

Точно так же теряет интерес другой род литературы, характерный для предшествующей, монастырской, эпохи, – агиография. К X в. тип жития в латинской литературе все больше стандартизируется: черты истории и быта выветриваются, черты личности складываются в твердый канон, вырабатывается житийный тип святого епископа, миссионера (иногда – мученика), девственницы; центром жития становится перечисление и восхваление христианских добродетелей героя (особенно – аскетических), биографические эпизоды излагаются все суше и однообразнее, а описания чудес, прижизненных и посмертных, – все обильнее и цветистее. Очень поучительно сравнение ранних и поздних биографий церковных деятелей X в. – миссионера-мученика Адальберта Пражского, епископа Удальриха Аугсбургского, императрицы-матери Матильды: ранние версии, относящиеся к концу X в. и подчас написанные людьми, лично знавшими своих героев, еще сохраняют их живые индивидуальные черты, а переработки, сделанные в начале XI в., уже превращаются в безликие “зеркала добродетелей”, изукрашенные всеми средствами ученого красноречия. Любопытно видеть, как один и тот же реальный прототип преобразуется до неузнаваемости в соответствии с требованиями жанра: о современнике Карла Великого, графе Вильгельме Желлонском говорится и в историческом повествовании о деяниях св. Бенедикта Анианского, и в панегирически-благочестивом “Житии Гульельма”, и в героическом эпосе старофранцузской джесты о Гийоме Курносом; и трудно усмотреть какое-нибудь сходство между подвижником жития и удалым рыцарем джесты.

Исторический жанр также не имел почвы для развития в обстановке феодальной раздробленности XI в. Кругозор летописца был узок и ограничивался пределами его епархии, в лучшем случае – его государства; о событиях в других местах он писал по смутным слухам. Когда один из наиболее заметных историков XI в. Адемар Шабаннский переходит в своем труде от ранних разделов, компилирующих каролингские источники, к поздним разделам, где ему самому приходится собирать сведения, его поле зрения разом суживается со всей Европы до его родной Аквитании. Типичной для этого времени формой исторического жанра являются хроники епископств и аббатств – “Деяния епископов такого-то города”, “Деяния аббатов такой-то обители”. Они могут быть высокоинтересны по материалам для внутренней истории (например, труд Флодоарда Реймского, пересказывавшего весь богатейший реймский архиепископский архив), по материалам для внешней истории (например, хроника Адама Бременского с ее сведениями о германском натиске на славянскую Прибалтику), они могут даже отличаться заботой о стиле (например, хроника Рихера, Гербертова ученика, который в своем подражании античным историкам доходил до того, что графов называл “консулярами”), но по сравнению с давними историческими трудами Беды или Павла Диакона это – шаг назад. Единственным историком XI в., сознательно задавшимся целью написать о своем времени историю, подобную истории Беды или Павла, был клюнийский монах Радульф Глабр; но то, что у него получилось, – это беспорядочный хаос разрозненных заметок, наугад размещенных по годам, перемешанных с моралистическими и богословскими рассуждениями и пронизанных тревогой о близком конце света, которого с 1000 г. н.э. ждали особенно настороженно.

Ведущими жанрами в латинской литературе XI в. становятся жанры моралистические. Это понятно: если для монахов главной целью было обретение пути истинного в удалении от мира, то для белого духовенства главной целью было наставление мира на путь истинный.

Простейшим из моралистических жанров была пословица. Пожалуй, ни раньше, ни позже не производило средневековье в таком количестве сборники пословиц и сентенций. В самом непритязательном виде они сочинялись рифмованной прозой по собственному разумению: таков был маленький сборник Випона, капеллана и биографа Конрада II, начинавшийся: “Царское звание есть законов знание”, “Да внемлет трон, что велит закон”, “Науку изучение есть душ просвещение” и т.д. В более зрелом виде они представляли собой коллекции выписок из Священного писания, из античных поэтов (главным образом, сатириков) и т.п. (отрывок из такого сборника, составленного Отлохом Эммерамским, помещен в этой книге). Следующим шагом литературной обработки этого жанра было переложение сентенций в стихи; такова была книга Арнульфа “Услады клира”, посвященная Генриху III, – 291 сентенциозное двустишие (образцом были, конечно, “Дистихи Катона”) в форме наставлений отца сыну, со стихотворным же обрамлением. Наконец, предель-

ной изысканности достигает этот жанр в поэме Эгберта Люттихского “Ладья обильная”, состоящей из двух частей – “носа” (вереница сентенций – одностиший, потом двустий, потом трехстиший и т.д.) и “кормы” (несколько десятков поучительных стихотворений, где в гексаметры перелаживаются басни, отрывки проповедей Августина и Григория, куски “Физиолога” – книги о животных, и т.п.). Но основной фонд материала всюду был один: так, одно и то же изречение из “Притч Соломоновых” Випон отважно рифмует: “Лучше знание, чем силой обладание”, а Эгберт укладывает в гексаметр: “Мудрость лучше стократ, чем все драгоценные камни”.

От таких сентенций был естествен переход, с одной стороны, к сатире, где содержание сентенции раскрывалось конкретными примерами, а с другой стороны – к дидактической поэме, где содержание сентенции раскрывалось отвлеченными рассуждениями. Сатира разрабатывалась меньше – она требовала хорошего знания жизни и быта, которое было не у всякого клирика; однако в середине XI в. в рейнской Германии поэт, скрывшийся под псевдонимом Амарций Галл Пиосистрат, написал четыре книги “Бесед” – две о пороках, две о добродетелях, – взяв за образец “Беседы” (“Сатиры”) Горация, но не копируя их, а подражая им, и довольно удачно.

Дидактическая поэма разрабатывалась гораздо усерднее: получалось нечто вроде проповеди в стихах, растягивавшейся на любую длину и заполнявшейся то медитациями, то увещаниями, то пересказами Писания. Еще в X в. знаменитый монашеский реформатор Одон Ключинский написал поэму в семи книгах о сотворении, грехопадении и спасении человека. В XI в. о царящем в мире зле и о пути к спасению души пишут Отлох Эммерамский в поэме “О духовном учении” и Герман Увечный в поэме “О восьми главнейших пороках” (имеются в виду гордыня и порождаемые ею тщеславие, зависть, гневливость, уныние, скупость, чревоугодие и похоть). Варнерий Базельский в поэме “Параклит” изображает диалог между кающимся грешником и Господней Благодатью (которая, между прочим, учит его не верить в тот всемогущий рок, обрекающий на зло, о котором пишет Платон в “Тимее”, – “не Сократу следуй, а апостолу”, говорит Благодать), а Евполемиус (“Благовоитель”, псевдоним загадочного поэта) сочиняет огромную аллегорию о борьбе между Богом и дьяволом за душу человека, причем Бог у него – это король Агат (“Благой”), дьявол – отпавший от него вассал Как (“Злой”), человек – это Иуда, сын Антропа (“Человека”), завлеченный Каком в плен. На выручку Иуде идет сперва передовое войско Агата во главе с Номом (“Законом”), а потом – главное, во главе с Мессией, сыном Агата. Они воюют и ценой жизни Мессии одерживают победу, причем ход войны изображается по всем вергилианским канонам. Так мы видим, как в ходе художественной разработки дидактического материала поэзия все дальше отходит от первоначальной моралистической установки и все больше включает в себя элементов образной и сюжетной занимательности. Стоит сделать еще один шаг – и моралистическая установка останется лишь слабым рудиментом. Это и происходит,

например, в диковинной поэме Эмбрихона Майнцского “Житие Магомета”, где нанизывается бесконечный ряд самых фантастических эпизодов злодейской жизни героя, а исток этих злодеяний – отпадение от христианства еретика-колдуна, рабом которого был когда-то Магомет (!) – остается забытым в завязке поэмы.

Смежным, но не сходным с моралистической поэмой является и еще один усердно разрабатываемый в эту пору жанр – дидактическая поэма на научную тему (часто – в качестве мнемонического пособия); наиболее значительным памятником здесь является медицинская поэма “О действиях трав” Одона Мёнгского, долго считавшаяся произведением римского поэта Эмилия Макра, учителя Овидия.

Все эти ответвления моралистических жанров получают свое развитие в поэзии следующего столетия: сатира найдет продолжателей в Нигелле Вирекере, в ученых английских сатириках и в вагантах, дидактическая аллегория – в Алане Лилльском, экзотическая сюжетная поэма – в “Алексаиде” Вальтера Шатильонского, научная поэма – в “Книге о камнях” Марбода Реннского.

Лирические жанры описываемого времени по-прежнему неразрывно связаны с церковной службой: это гимны и секвенции. В церковном году было много праздников, над епископскими и монастырскими церквями было много покровителей-святых, каждый праздник и каждый святой многократно прославлялись в гимнах. Гимны о праздниках поневоле должны были перерабатывать один и тот же узкий круг образов и мотивов; здесь забота поэтов сосредоточивалась, в основном, на вариациях деталей и оттенков, доходивших до необычайной тонкости. Гимны о святых были более разнообразны по содержанию и более единообразны по форме: вступление, панегирик святому, повествование о житии и чудесах святого (в избранных эпизодах, количество которых варьировалось в зависимости от объема гимна), молитва к святому о заступничестве, заключительное исповедание ортодоксального символа веры (особенно учения о Троице). Повествовательная часть гимна, естественно, опиралась на опыт стихотворных житий, которые продолжали сочиняться и в эту эпоху, как и в предыдущую. Единообразие церковных служб еще не установилось, поэтому поводов для сочинения гимнов было великое множество. Гимнографическая продукция эпохи огромна, она продолжится и в XII в.; подавляющее большинство гимнов анонимно и не поддается точному хронологическому приурочению.

По стихотворной форме гимны по-прежнему разделялись на метры, ритмы и секвенции. Метрическая гимнография переживает решительный упадок: богатый репертуар “боэтианских” размеров, которым так широко пользовалось каролингское возрождение, стремительно оскудевает, их напевы, по-видимому, ощущаются как что-то разом слишком сложное и слишком однообразное. Ритмическая гимнография, наоборот, процветает: мода на рифму, сперва – односложную, потом более глубокую – двухсложную, придавала ритмическим строчкам законченность и стала основой для их объединения

в строфы; простой ритм ямбов и хореев был хорошей основой для сложного музыкального рисунка. Именно здесь, в размерах, легко дающихся сочинителю и легко доступных слушателю, стихия средневекового лиризма этой поры находила наиболее непосредственное воплощение. Секвенция была формой более изысканной, ее гибкие строфы, создаваемые заново для каждого нового напева, предоставляли больше всего простора поэтической индивидуальности. Именно форму секвенций имеют лучшие лирические шедевры XI в. – произведения Випона и Германа Увечного. Секвенции XI в. подвергаются сильному влиянию со стороны ритмической гимнографии: они украшаются рифмами, параллельные строки строф и антистроф приобретают не только силлабическое, но и ритмическое тождество, строение их схематизируется, многообразие упрощается; это – начало той тенденции, которая в XII в. приведет к созданию Адамом Сен-Викторским нового типа секвенций с единой формой строфы, выдержанной от начала до конца. Такая тенденция ощутимее в секвенциях французского происхождения, германские секвенции ближе держатся традиций Ноткера Заики.

Особого упоминания заслуживает новый жанр литургической лирики, родственной секвенции, – троп. Начало этого жанра, как и жанра секвенции, восходит к IX в. Автором нескольких тропов считается санкт-галленский товарищ Ноткера Заики Туотилон, но быстрый подъем жанра тропов относится уже к X–XI вв. Как и секвенция, троп представлял собой вольное добавление к каноническому тексту литургии; но если секвенция была приурочена к колоратурному пению “аллилуйя”, не связываясь с конкретным содержанием смежных текстов и легко выделяясь в самостоятельный “номер”, то троп был приурочен к конкретному месту литургического текста – обычно к зачину – и служил его риторическому эмоциональному подчеркиванию. А так как троп, как и секвенция, пелся антифонно двумя полухориями, то эти вставки рано стали приобретать вид вопросов и ответов. Так, пасхальная служба стала открываться тропом: “Кого ищите во гробнице, христоревнители? – Иисуса Назарянина распятого, о небожители! – Нет его здесь, ибо воскрес он, как и предсказывал; идите, возвестите, что воскрес он из гроба”, – а далее следовал уже канонический зачин литургии: “Воскрес я и доселе с тобою есмь, аллилуйя” и т.д. Так, рождественская служба стала начинаться тропом: “Кого ищите в яслях, пастыри, молвите? – Спасителя Христа Господа, младенца в пеленах, по вещанию ангельскому! – Здесь сей младенец с Мариною, матерью своею” и т.д. – а далее следовал канонический зачин: слова Исаяи “Отрок рожден нам и сын дарован нам” и т.д. Постепенно разрастаясь, реплика за репликой, в целые диалоги между солистами, полухориями и хором, антифонный литургический троп стал зачатком литургической драмы, а она – зачатком всего средневекового театра. Но становление более развитых форм религиозной драмы относится уже к следующему столетию.

В целом литература XI в. по сравнению с литературой X в. выглядит ровнее, хотя, быть может, и бледнее. X век был веком одиночек: Ратгер,

Лиутпранд, Хротсвита, Видукинд, Герберт – все это писатели яркие, своеобразные, совершенно не похожие друг на друга, но еще более не похожие на ту темную массу полуграмотных монахов, которые писали в это же время хроники и грамоты на фантастичнейшей латыни. XI век был веком выработки массовой и общеприемлемой латинской литературы: ни одного крупного имени, соизмеримого с именами предшествующего века, он не дал (если не считать Петра Дамиани и Ансельма, о которых речь будет дальше), но общий культурный уровень пишущих повысился и стал единообразнее: порой кажется, что все они вышли из одной школы. Так оно и было; и школа эта была соборной епископской школой, раскинувшейся по Европе целой сетью очагов преподавания грамматики, риторики и диалектики.

Не следует представлять себе этот культурный прогресс гладким и беспрепятственным. На каждой новой его ступени изначальное противоречие между унаследованным от античности культурным материалом и унаследованным от раннего христианства культурным идеалом обнажалось вновь и требовало нового примирения. В 990-х годах папский легат, протестуя против избрания Герберта в реймские архиепископы, уже осуждает всех, кто учится “у Платона, Вергилия, Теренция и прочего стада философов” (“ибо Петр не знал всего этого, но поставлен был при вратах небесных”), а Герберт, возражая ему, заявляет, что папский Рим, коснеющий в невежестве, не может диктовать свою волю Французской Церкви. Крайности в увлечении античным материалом и крайности в протесте против него встречались всюду. В Равенне обвинялся в ереси грамматик Вильгард, которому являлись демоны в виде Горация, Вергилия и Ювенала и требовали, чтобы он веровал в их стихи, как в Священное писание. В северной Италии Ансельм Безатский в наивном тщеславии описывал свое видение – как в царствии небесном его душу тянет в одну сторону весь небесный сонм, а в другую – три сестры: грамматика, риторика и диалектика; а в Германии Отлох Эммерамский с тревожным пылом писал книгу за книгой, стихами и прозой, чтобы собственным примером отвратить верующих от пагубных языческих наук и обратить их к “бегоборству духовному” в христианском самосовершенствовании.

Драматическое столкновение этих двух тенденций средневековой латинской культуры, духовной и светской, происходит в последней трети XI в. и находит выражение в бурном взрыве литературной активности вокруг двух вопросов, всколыхнувших всю ученую Европу, – вокруг спора об инвеституре и вокруг беренгариевской контroversии.

3

Монастыри были церковной организацией, зависимой более всего от местных феодалов. Епископаты были церковной организацией, зависимой более всего от королевской власти. Спор об инвеституре был борьбой за создание церковной организации, зависимой прежде всего от папского престола. Цер-

ковь X–XI вв. государственной церковью, подчиненной во Франции французскому королю, в Германии – германскому императору. С конца XI в. Церковь становится единой всеевропейской Церковью, подчиненной римскому папе.

Движение за церковную реформу началось как протест против “обмирщения” Церкви на службе у светской власти. О том, как короли и императоры укрепляли епископскую Церковь, чтобы найти в ней опору против местных феодалов, уже рассказывалось выше. Епископы получали свои епископства в лен от императора, император совершал над ними обряд инвеституры, посвящения в сан – вручал им посох, символ духовного папства, и кольцо, символ обручения с Церковью, – принимал от них клятву верности, и это считалось нормой. Епископы были заняты политическими делами больше, чем церковными: когда императору Генриху II (прозванному Святым) нужно было унять непокорного лотарингского феодала, он нашел энергичного барона, согласившегося принять духовное звание, возвысил его в сан трирского архиепископа; новый архиепископ роздал 60 приходов своим товарищам-рыцарям, собрал с них войско и в два счета подавил мятежника. Но когда заботами императоров Церковь достаточно окрепла, она стала бороться за освобождение от императорской опеки и сплываться вокруг римского престола. Внешним знаком этой перемены было то, что инвеститура стала совершаться не императором, а папой или его представителем. Этот поворот был крут, он означал не только борьбу между папством и империей, но и борьбу внутри самой Церкви: узы, связывавшие епископов с покровителями-императорами, рвались болезненно. Эта борьба и выплеснулась в литературе конца XI в. волной полемических сочинений вокруг спора об инвеституре.

Первый этап движения за церковную реформу начинается еще в X в. и обнаруживается не в белом духовенстве, а в монашестве. Это так называемое клюнийское движение. История монашества в Европе циклична: в VI в. явились строгие бенедиктинские уставы, затем строгость их сама собой расшаталась; в начале IX в. Бенедикт Анианский вновь усилил строгость, но через сто лет она вновь ослабела; тогда в первой половине X в. новое укрепление строгости бенедиктинского устава начали осуществлять во Франции Одон, аббат Ключи (в Оверни), а в Лотарингии Иоанн, аббат Горзы (близ Меца). Клюнийская реформа вновь подчеркивала в монастырском уставе требования аскетической простоты и безусловной дисциплины: занятия науками были ограничены до минимума (в житии Одона Клюнийского рассказывается, что смолоду он много читал Вергилия, но однажды увидел во сне его стихи в образе вазы, с виду прекрасной, но внутри полной ядовитых змей, и с этих пор не брал в руки языческих книг). Не следует преувеличивать клюнийского обскурантизма. Сам Одон, как мы видели, был автором латинской дидактической поэмы, виднейший клюнийский деятель Аббон Флёрыйский, сверстник Герберта, был одним из ученейших книжников в Европе, но в целом клюнийская реформа, конечно, была враждебна культурным традициям каро-

лингских монастырей и содействовала упадку монастырской латинской литературы. Ключнийское движение быстро распространялось, к середине XI в. число реформированных монастырей считалось многими сотнями, ключнийский аббат Одилон (994–1049), визионер и чудотворец, был самым почитаемым человеком в Европе. Папы покровительствовали ключнийству, заботясь о нравственности монахов, короли – заботясь об их дисциплине. Недовольны были только сами монахи, которым приходилось менять привольную жизнь на строгую.

В литературе XI в. распространение ключнийской реформы нашло отражение, между прочим, в двух любопытнейших сочинениях этого времени. Первое из них – поэма “Бегство узника”, написанная в Лотарингии, в самом центре реформаторского движения. Талантливо сочетающая элементы эзоповской басни, народной сказки и горацианской сатиры, обнаруживающая одинаково живое знакомство и с монастырскими и с придворными нравами, эта поэма аллегорически изображает судьбу молодого монаха, который томится в строгом монастыре по вольной мирской жизни, убегает из монастыря, сталкивается на горьком опыте с превратностями и опасностями света, чуть не гибнет и, наконец, возвращается в обитель, чтобы отмолить грехи и обрести душевной покой, – ситуация, если не реально, то психологически правдоподобная, особенно для монаха из знатного рода, выросшего в светском окружении, каких было немало в лотарингских монастырях. Второе произведение – “История Санкт-Галленского монастыря” Эккехарда IV, красочный рассказ о давних днях процветания знаменитого аббатства при последних каролингских и первых саксонских королях, рассказ, окрашенный ностальгической тоской по золотому прошлому, которому навек положила конец ключнийская реформа, докатившаяся и до Санкт-Галлена в лице аббата Норперта, “при котором мы теперь живем не как хочется, а как можется”, по дипломатичному выражению Эккехарда. Через аллегорию или через историческую легенду, но оба эти произведения позволяют заглянуть в душу средневекового монаха в критическом XI в., и это их особенная ценность.

Второй этап движения за церковную реформу начинается в середине XI в., когда движение распространяется с черного духовенства на белое, внимание смещается с “очищения нравов” на освобождение от светской власти, и центр движения переносится в Рим. Почвой здесь был протест итальянских клириков и мирян против засилья немецких епископов, назначаемых императорской властью. Благоприятной обстановкой было временное ослабление империи в 1050–1060-х годах, в пору малолетства императора Генриха IV (1056–1106). Подготовительными мерами были, во-первых, реорганизация папской казны энергичным архидиаконом Гильдебрандом и, во-вторых, союз папства с норманнами, только что завоевавшими южную Италию: это дало папству финансовую и политическую опору. Первыми шагами папства к независимости были в 1054 г. открытое отделение западной христианской церкви от вос-

точной (независимость от византийского престола) и в 1059 г. декрет о том, что папа избирается не “клиром и мирянами”, как прежде, а только клиром в лице высших его представителей – кардиналов (независимость от германского вмешательства). Двумя главными пунктами реформаторской программы было осуждение симонии – “святокупства”, взяточничества при получении духовного сана и требование celibата – безбрачия духовенства: и симония, и браки священников слишком связывали их с мирскими интересами и ставили в зависимость от светской власти. Требование celibата разом вызвало волнения низшего духовенства, осуждение симонии быстро повело к конфликту с императорской властью, для которой подарки от назначаемых епископов были законным актом феодальной верности. Конфликт разразился между Генрихом IV и Гильдебрандом, ставшим папой Григорием VII (1073–1085): в 1076 г. папа впервые в истории отлучил императора от церкви, освободив тем самым его вассалов от присяги и вызвав в Германии гражданскую войну. Затем последовало в 1077 г. покаяние Генриха в Каноссе, в 1080 г. второе отлучение, в 1084 г. погром Рима сперва немцами, а потом норманнами, в 1085 г. смерть Григория VII. Борьба затянулась, папы поддерживали в Германии антиимператоров, императоры в Италии – антипапа, епископы стояли в большинстве на императорской стороне, монастыри (в союзе с мятежными феодалами) – на папской. Наконец, уже в начале XII в., постепенно был достигнут компромисс, духовная инвеститура (кольцом и посохом) была отделена от светской (скипетром), обязанности епископов по отношению к императору и к папе четко разграничены. Сперва такой компромисс утвердился в Англии и Франции, где борьба была не столь острой, а в 1122 г. был закреплен и в Германии Вормским конкордатом.

В литературе XI в. время Григория VII и его преемников – это высший подъем полемической словесности: политической, юридической, моралистической, богословской. Памфлетов этого времени сохранилось около полутора века, а погибло, вероятно, еще больше. Использовались все жанры: главным образом, конечно, трактаты и письма, причем некоторые из них, ради авторитета, издавались под именами церковных деятелей прошлых веков (например, Удальриха Аугсбургского). Однако отголосками полемики полны и проповеди этого времени, и толкования Писания, и хроники. Так, полемически направлена против Генриха IV лучшая история этого времени, написанная Лампертом Герсфельдским. Один итальянский епископ написал поэму “О кольце и посохе” в защиту папской инвеституры, другой – стихотворный панегирик Генриху IV. В жанре видения монах Руперт Санкт-Лоренцкий аллегорически изобразил (в стихах разных метров) церковь как ладью среди моря бед и как невесту Христову, оскверняемую симонитами. Блестящую сатиру на папскую алчность, полную библейских пародий, предвещающих вагантскую поэзию, написал испанец Гарсия Толедский под заглавием “О пренесении мощей Альбина и Руфина” (Альбин – “белый”, Руфин – “рыжий”):

имеются в виду серебро и золото, приносимые в Рим). Есть даже темное упоминание об антипапском “сценическом измышлении, наподобие трагедии о житии и уставе папы римского”.

Важность этой полемики была в том, что она впервые объединила вокруг общего интереса всю Европу – не только географически, от Рима до Кельна, Толедо и Тура, но и социально, от герцогов до саксонских повстанцев-крестьян и от монахов и клириков до итальянских горожан. Впервые в Европе ощутилось подобие общественного мнения, и литература стала апеллировать к этому общественному мнению. Pamфлеты распространялись через епископскую сеть, через монастырскую сеть, через странников, даже через купцов, грамотные доносили их до неграмотных: “книжка расходуется повсюду, появляется на площадях и перекрестках, шумом ее уже повсюду полны прядильни баб и слесарни ремесленников”, – сколь ни гиперболичны эти жалобы современников, все же они означают начало новой полосы в духовной жизни Европы.

Важность этой полемики была и в том, что в ней впервые были осознаны многие идеи, имевшие потом славную судьбу в истории европейской мысли. Ощутимее стало культурное единство и цельность политически раздробленной Европы оттого, что на смену местным церковным организациям стала утверждаться всеевропейская (“Нелепо верить, будто Бог не одинаков повсюду, и будто он не может сделать в Шпейере того, что сделал во Франции”, – писал один из деятелей германского клюнийства.) Римский собор 1123 г., утвердивший Wormсский конкордат, считался на Западе IX вселенским собором, созванным через два с половиной века после VIII в. Заново было продумано представление о государстве: папист Манегольд Лаутенбахский, оправдывая отлучение Генриха IV, впервые выдвинул идею “общественного договора” в феодальном осмыслении: мирская власть, конечно, от Бога, но не непосредственно, а через народ; есть договор между правителями и подданными, который может быть расторгнут, если правители нарушат обязательства. Заново было обдумано и представление о Церкви: в сочинениях антипапистов впервые мелькает мысль будущих реформаций, что когда есть Священное писание, то нет нужды в папе.

Одним из частных следствий этого оживления мысли были энергичные занятия правом: они имели самое практическое значение для обоснования претензий императора и папы на власть. Прежде всего началась систематизация церковного, канонического права (материалы к нему сразу умножились, когда Григорий VII раскрыл своим сторонникам архивы папского престола): своды канонов появляются один за другим, самый значительный из них был составлен Ансельмом Луккским в 1080-х и Деуседитом в 1090-х годах. А затем началось и открытие римского права: до сих пор романское население Западной Европы пользовалось лишь кодексом Феодосия, с сильными видоизменениями от страны к стране, теперь становится известен кодекс Юстиниана;

первый его толкователь Ирнерий работал в Болонье ок. 1100 г. Занятия правом требовали умения делать дальние логические выводы и разрешать противоречия. Это была область, где невозможно было обойтись без применения той диалектики, которой столь усердно учили в соборных школах.

Было бы натяжкой выводить обострение философского интереса к диалектике непосредственно из практических нужд борьбы за инвеституру. Но тот факт, что первое в западной Европе (после одинокого усилия Эриугены) применение диалектики к богословию – беренгариевская контроверсия – точно совпадает по времени со спором об инвеституре, конечно, не случаен. Это были симптомы одного и того же духовного оживления Европы на новом историческом рубеже.

Беренгарий Турский (ок. 1010–1088), ученик Фулберта Шартрского, исходил из основного положения средневековой логики: сущность вещи (субстанция) предшествует формам ее существования (акциденциям), изменение субстанции влечет изменение акциденций, неизменность акциденций свидетельствует о неизменности субстанции. Он применил этот критерий к церковному Таинству Причастия – Евхаристии. Получилось: так как вид и качество хлеба и вина при причастии не меняются, то и субстанция хлеба и вина не превращается в субстанцию Плоти и Крови Христовой, а лишь приобретает их силу, их действенность. С точки зрения церковной традиции это была ересь. Беренгарий был осужден на нескольких соборах (в первый раз в 1050, в последний раз в 1079 г.), сидел в тюрьме, отрекся, потом взял свое отречение назад как вынужденное, потом отрекся вновь и умер под покаянием; только личная приязнь Гильдебранда спасла его от более серьезного наказания. От Беренгария сохранилось лишь одно сочинение, от его оппонентов (главным из которых был Ланфранк, аббат Бека в Нормандии, потом архиепископ Кентерберийский) – около десятка; по размаху эта контроверсия несравнима с борьбой за инвеституру, но значение ее не меньше.

Дело даже не в том, что из традиционного церковного взгляда на евхаристию можно вывести схоластический “реализм”, а из беренгариевского – схоластический “номинализм”; дело в том, что эта контроверсия открывала путь в науку для разума. Спор между сторонниками и противниками диалектики был прежде всего спором о границах научного познания. Именно этот вопрос был главным в беренгариевской контроверсии: противники Беренгария попрекали его тем, что он “злоупотребляет диалектическими софизмами против простоты апостольской веры” (по выражению историка Сигиберта из Жамблу). “Оставив святые авторитеты, ты ищешь прибежища в диалектике..., я же предпочел бы выслушивать и отвечать на святые авторитеты, а не на диалектические тонкости”, – писал Ланфранк. Беренгарий же отвечал, что довод от большинства голосов – не довод и что апеллируя к разуму, он апеллирует к Богу, ибо разум и делает человека образом и подобием Бога. Увлечение диалектикой и протест против нее столкнулись в эти годы так остро, как никогда

раньше. Противники диалектики выдвинули из своих рядов писателя необычайной силы – это был Петр Дамиани, из свинопаса ставший знаменитым учителем, потом монахом, потом кардиналом, аскет, самобичеватель, автор экстатических стихов и молитв, отвергавший и обличавший мир и все мирское. Это ему принадлежит знаменитая сентенция о науке – служанке богословия (“О всемогуществе Божиим”, 5). Ниспровергая грамматику, он предлагал просклонять, не впадая в ересь, слово “Бог” во множественном числе; ниспровергая диалектику, он утверждал, что для Бога не существует законов логики и законов природы, нет причин и следствий, Бог может даже уничтожить прошлое и сделать бывшее небывшим. Это – предельная точка иррационализма XI в.

В этом противоборстве двух крайностей решающее слово сказал ученик Ланфранка Ансельм Кентерберийский (1033–1109), одна из крупнейших фигур во всей истории Европы; и это было слово в пользу разума. Ансельму принадлежит формула: “верю, чтобы понимать” (“Прослогий”, I). Эти слова не следует понимать (как часто делается) как утверждение превосходства веры над разумом. “Вера” для Ансельма – не метод познания, противоположный разуму, а степень познания, предшествующая разуму: та непосредственная убежденность в достоверности фактов, без которой бесплодны всякие логические операции над фактами (другое дело – что для Ансельма, как для всякого средневекового человека, и евангельские чудеса и повседневные явления одинаково были “фактами”). Диалектики претили ему тем, что принуждали своими софизмами к выводам, противоречившим непосредственному жизненному и душевному опыту; иррационалисты – тем, что принуждали в своем протесте против выводов отказываться и от самих исходных данных непосредственного душевного опыта. Мир Ансельма – это не воздушный замок диалектических построений, красивый и стройный, но пустой и безжизненный, это и не страшный мир Петра Дамиани, в котором царит лишь неисповедимый Божий произвол. Это гармоничный мир, органической частицей которого является человек, и поэтому мир живой, доступный и понятный во всех проявлениях. Чтобы показать, что этот мир открыт для человеческого разума до предельных его высот и глубин, Ансельм предпринимает свои знаменитые доказательства бытия Божьего, все исходящие только из непосредственного душевного опыта. Так как психологически невозможно представить себе бесконечность, то необходимо должен существовать конечный предел блага, бытия, совершенства, всеохватности; это и есть Бог. Понятно, что при таком отношении к миру и разуму Ансельм не нуждается в библейских и святоотеческих авторитетах для опоры своих мнений: ему достаточно смотреть в свою душу и давать себе отчет о своем душевном опыте. Его сочинения приобретают вид духовных медитаций, в которых через раскрытие личного достигается всеобщее. Образцом Ансельма здесь был только Августин, а сам Ансельм стал образцом – и обычно недостижимым образцом – для луч-

ших писателей и мыслителей XII–XIII вв. В истории средневекового мышления это был переворот огромной важности.

Мировоззрение Ансельма снимало на новом уровне то вечное противоречие античного и христианского духовного идеала, которое так мучило в этот критический век европейскую культуру. Целиком основанное на приятии мира, оно открывало ворота для средневекового гуманизма – “возрождения XII века”. Первые проявления этой новой культурной эпохи заметны уже в поколении Ансельма. Очагами нового “возрождения” были, во-первых, Монтекассино и, во-вторых, Луарская область – Анжер, Гур, Мане.

В Монтекассино в 1070–1080-х годах после долгого культурного упадка вновь вспыхивает вкус к античному стилю и античному стиху в самых лучших его образцах; монтекассинский поэт Альфан пишет гимны святым и оды современникам горацианскими размерами, монтекассинские прозаики вырабатывают нормы прозаического ритма (по образцу античных ораторов), чтобы постепенно это тонкое украшение вытеснило из прозы более грубое украшение – рифму. Однако здесь непримиренность античного идеала формы и христианского идеала содержания еще чувствуется, мирские темы избегаются, дышит дух соседнего григорианского Рима.

В Луарской области, вдали от центра борьбы между империей и Римом, эта напряженность исчезает. Здесь трудятся поэты Хильдеберт, Бальдерик, Марбод, правовед-канонист Ивон Шартрский, историк крестового похода Гвиберт Ножанский; здесь недалеко аббатство Бек и архиепископство Кентерберийское, где живет и пишет сам Ансельм. Здесь приятие мира совершается уже без ограничений, здесь Марбод любит в стихах красотами весны, Бальдерик – роскошной утварью и светским обхождением, Хильдеберт – древним величием Рима; в Монтекассино эти темы были бы немислимы. Там красота ценится лишь постольку, поскольку она облакает христианское содержание; здесь красота ценится сама по себе, ибо она тоже есть частица Божьего мира и восприятие ее поселяет гармонию в душе человека. И Альфан и Бальдерик с одинаковым вкусом умеют воспевать роскошь построек и убранства, но Альфану нужно, чтобы это было убранство Божьей обители – Монтекассинского монастыря, а для Бальдерика прекрасно и убранство покоев блуаской графини. И Альфан и Бальдерик с одинаковым изяществом и пафосом пишут скорбные элегии в дистихах, но у первого это изливание скорбной души перед Христом, а у второго – изливание сосланного Овидия перед Флором. Мирская тематика не противопоставляется христианской у луарских поэтов. Она сливается с ней в общем эстетическом подходе: Хильдеберт с одинаковой заботой отделяет и гимн Троице, ставший одним из знаменитейших образцов латинской христианской лирики, и эпиграмму о слуге и хозяйской жене, долго считавшуюся произведением самого Марциала. Гармонический Божий мир, на его лоне – ученое светское общество, в котором каждый обходителен в поступках, проникателен в мыслях, изящен

в словах, – и все это во славу Божию: таков идеал начинающегося “возрождения XII в.”, идеал, выношенный духовным сословием Европы с его латинской словесностью и затем переданный им рыцарскому сословию с его новоязычной словесностью.

Именно здесь пролегает граница между подготовкой “возрождения”, совершаемой на исходе XI в. и собственно “возрождением”, приходящимся на XII в. Историческим событием, отмечающим этот рубеж, был крестовый поход 1096–1099 гг. – первый и важнейший из крестовых походов. Именно крестовые походы дали толчок возвышению рыцарства, дали толчок возвышению бюргерства, а вместе с этим – подъему новоязычной словесности, а вместе с этим – подъему светской стихии в европейской культуре рядом с религиозной стихией. Положение латинской литературы в Европе разом меняется. XII век – это для нее уже новый исторический период¹.

Москва, 1972 г.

¹Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 9–37.

Об основных жанрах латинской литературы X-XI вв.

*

Средневековую латинскую литературу можно с полным правом назвать литературой ученой. В разных концах христианской Европы ее создатели усваивали опыт классического, античного образования, учась в монастырских и соборных школах. “Благородные искусства”, в частности, грамматика, риторика и диалектика, входившие в состав “тривиума”, становились источниками не только литературных тем, но и литературных форм. Еще Алкуин, преподавательская деятельность которого определила развитие европейской культуры на много лет вперед, говорил о грамматике следующим образом: “Грамматика есть знание написанного, страж правильной речи и письма”, т.е. не сводил область грамматики исключительно к изучению латыни как языка. Более того, частью грамматики он считал “речь” – “распределение речений, являющее выраженное в совершенстве и соответствующее [цели] суждение”, иными словами “упорядоченность слова”. Давая определение грамматики в своем диалоге “De Grammatica”, Алкуин относит к ней не только такие привычные понятия, как звук, буква, слог, часть речи, но и тропы, фигуры, тексты прозаические и стихотворные и, что особенно интересно, басни и истории. Из Алкуинова понимания грамматики следует, что, по его мнению, первая дисциплина “тривиума” учит как основам правильного латинского языка, так и основам составления различных текстов на этом языке. Таким образом, к области грамматики принадлежат так называемые “progymnasmata” – “подготовительные упражнения”, каждое из которых представляло собой правило или образец для составления определенного вида текста. Усвоив “подготовительные упражнения”, можно было легко составить басню, хрию, похвалу или хулу, доказательство или опровержение, описание или “locus communis” (“общее место”, “топос”). Можно сказать, что античность передала эти упражнения равно и латинской Европе, и грекоязычной Византии, и состав этих упражнений практически не менялся на протяжении всего периода Средних веков. О значении “подготовительных упражнений” греческий ритор Иоанн Сардийский писал: “Так же, как в изучении ремесел есть приемы, которым учатся прежде, чем полностью постигают само ремесло, например кузнецы учатся разжигать уголь и работать с мехами, а сапожники – изготавливать сапожную колодку, так и в “подготовительных упражнениях” нужно начинать

с более легких...” Он же писал о некоей “неполноте” “подготовительных упражнений”, имея в виду то, что “ни одно из них не произносится в суде или в политическом собрании само по себе”, “их нужно использовать как составные части своей речи, а не как отдельные завершённые речи”, как бы строительные блоки, различное сочетание которых позволяет возводить отличающиеся друг от друга здания.

Возможно, именно использованием таких “блоков” и объясняется слитность жанров раннесредневековой литературы. Рассматривая тексты, принадлежащие к разным жанрам, можно заметить, что они как бы перетекают друг в друга. Послание может сближаться с проповедью, с одной стороны, и с богословским комментарием, с другой. Проповедь, в свою очередь, очень близка и к богословскому комментарию (если проповедь произносится на текст из Священного Писания), и к житию (если темой проповеди является жизнь святого). Так называемые “книги видений” также объединяют в себе два аспекта: рассказ о земной, реальной, даже повседневной, жизни и внезапное изменение ее под влиянием мира невидимого, вторжение в жизнь человека того, над чем он не властен. Переход поэзии в прозу и обратно, естественность которого для средневекового человека закрепляется еще на уровне школы (одно из упражнений раннесредневековой школы состоит именно в переводе прозы в стихи и стихов в прозу), приводит к тому, что одному и тому же содержанию, например, рассказу о житии святого или об основании монастыря, могут соответствовать различные по стилю, словарю, синтаксису, ритмике словесные оболочки (например, поэма или прозаическое повествование).

Тексты, принадлежащие к разным жанрам, можно включить в некую систему, не только опираясь на формальные признаки, заданные “подготовительными упражнениями” и их сочетанием, по которым можно, скажем, житие отличить от биографии, а проповедь от комментария, но и принимая во внимание идеи, их объединяющие. Необходимо помнить, что у текстов, составлявшихся средневековыми писателями, было две группы адресатов: обитатели мира невидимого – Бог, святые, ангелы, и современники авторов, поскольку они руководствовались евангельской заповедью о любви к Богу и ближнему.

Мировоззрение средневекового человека было религиозным, а центром мироздания для него был Бог. Большая часть жанров поэмы объединяется вокруг церковной службы и церковного календаря. Ее объединяющей идеей можно назвать “понятие о Боге и служение Ему”. Существует несколько разновидностей собственно церковного служения (например, вечернее богослужение или литургия – мисса), каждое из которых включает в себя как неизменяемые, так и изменяемые элементы. Неизменяемые элементы представляют собой текст службы, канон, закреплённый церковной традицией. В качестве изменяемых элементов выступают тексты прозаические (житие, молитва, проповедь) и поэтические (гимн, секвенция, троп), которые прибавляются к основному тексту службы в зависимости от событий, отмеченных

в церковном календаре. Каждый день церковного календаря является днем воспоминания о каком-либо святом (мученике, исповеднике, подвижнике и т.д.) или значимом для христиан событии, поэтому в день памяти святого в неизменяемый текст службы вставляются особые дополнения. Например, за вечерней службой читали житие святого, выбирая из него в общей сложности не менее двенадцати отрывков, затем следовала проповедь, раскрывавшая те качества святого, которым должно было подражать, наконец, к святому обращались в молитве. В течение всего суточного круга церковных служб пелись гимны, а также секвенции и тропы, в которых прославлялся святой. Такая группа текстов сложилась под влиянием церковных реформ VIII–IX вв. во всем христианском мире. Византиец св. Иоанн Дамаскин (676/7–754) упорядочил богослужебный Октоих, или Осмогласник, т.е. песнопения на воскресные дни для вечерних и утренних богослужений. Дамаскин был автором не только музыки, но и текстов. Введение в церковный обиход Октоиха привело в течение IX в. к замене Иерусалимского богослужебного устава Константинопольским. Кроме этого, Дамаскин сделал единообразным празднование дней святых, упорядочив Месяцеслов. Октоих был принят в греческих и сирийских церквах, а также у яковитов и несториан. Реформы Дамаскина были известны и Западной Церкви. Так, Карл Великий принял Октоих, приказав перевести для пения в своих храмах антифоны. Упорядочение Месяцеслова Восточной Церкви, возможно, стало одной из причин составления служб святым, прославленным на Западе. Как представляется, написание произведений, необходимых для праздничной службы тому или иному святому (“житие – проповедь – молитва/гимны”), не было возведено в закон, однако авторы, отличавшиеся ученостью, широким кругозором, интересом к церковным традициям христианского мира, оставили нам прекрасные литературные ансамбли. Такими авторами были Луп Ферьерский, создавший по заказу братии монастыря Херсфельд житие и проповедь (позже безымянным автором к ним был прибавлен гимн) св. Вигберту, покровителю монастыря, а также Эйрик Оксерский и Хинкмар Реймский.

Уже само название “житие” указывает на содержание произведений, которые принадлежат к этому жанру. Предметом изображения в житийной литературе является человек, мученик или исповедник, посвятивший свою жизнь служению Богу, исполнявший заповеди, не изменивший своим убеждениям даже под угрозой смерти. Рассказ о святом может быть беден биографическими деталями, сосредоточиваться на нескольких чудесах, совершенных святым, на описании его мученической кончины (аретология, характерная для III–V вв.) или, наоборот, проследивать его жизненный путь от детства до последних дней, изобиловать реальными фактами из его жизни (агиобиография, с V в. и далее). Обычно житие-агиобиография составлялось по схеме, восходящей к античной риторической практике (так называемые *три возраста*). Сначала рассказывалось о детстве святого, о его родителях и о тех обстоятельствах, которые побудили его с горячей и глубокой верой обратиться

к Богу. Затем агиограф переходил к зрелым годам жизни святого, чаще всего, к принятию им монашества, к его аскетическим подвигам, явленным ему видениям, чудесам, происходившим по его молитвам. Последняя часть жития посвящалась кончине святого и связанным с ней чудесам. Каким бы ни был тип жития, цель его состоит в том, чтобы прославить святого и выявить те качества его характера, которым может подражать христианин.

Агиографический жанр был весьма популярен в X–XI вв. Продолжалась проповедь христианства на славянских и скандинавских землях, что означало написание житий новых святых. Так, например, на территории Богемского герцогства с IX в. трудились миссионеры из Регенсбургской диоцезы, а в 20–30-х годах X в. эта область получила собственных святых, принадлежавших к правящей династии, – св. муч. Людмилу и св. муч. Венцеслава (рус. Вячеслав). На протяжении X в. создавались тексты, рассказывающие об их мученичестве. Когда христианство упрочилось в Богемии достаточно для того, чтобы добиваться самостоятельной епископской кафедры в Праге, первым праздником новой диоцезы стал день национального святого – св. муч. Венцеслава, для чего было заказано и составлено его житие, ставшее каноническим. Среди житий исповедников необходимо упомянуть “Житие св. Ансгаря”, составленное учеником и соратником этого святого – Апостола Скандинавии. “Житие св. Ансгаря” представляет собой “агиобиографию”, т.е. рассказывает о пути человека к обретению святости. В этом житии соединились черты агиографического и историографического жанров, так как фоном для рассказа о пути недавнего современника к святости явились реалистические, насколько это было возможно в конце IX в., зарисовки жизни скандинавов. До сих пор в отечественной науке это житие чаще всего рассматривается не как религиозный текст, а как источник по ранней истории Скандинавии.

Кроме житий новопрославленных святых, составлялись заново на материале более древних текстов жития ранее канонизированных святых. Среди наиболее почитаемых святых можно назвать свв. Бенедикта Нурсийского, Николая Мирликийского, Григория Великого, Сильвестра, Мартина Турского, свв. апп. Петра и Иоанна, а также мучеников, пострадавших в период гонений – свв. Викентия, Стефана, Себастьяна, Агнеты, Агаты, Люции. Однако создавались и жития святых, связанных с определенной местностью, с основанными ими монастырями (например, “Житие св. Альдегунды” Хуквальда Сент-Амандского, традиция клюнийских житий). Необходимо отметить, что составной частью житий X–XI вв. являются посвященные послания, обычно адресованные клирикам, которые занимали высокое положение в церковной иерархии (епископы, настоятели монастырей). Наряду с так называемыми “общими местами”, обязательными при написании таких посвященных посланий, агиографы могли рассуждать о том, что является правдивым историческим свидетельством, или о том, что такое время и вечность (подобный философский настрой был характерен для лотарингских авторов).

Посвятительные послания никогда не читались за богослужением, но нужно помнить, что жития входили не только в круг богослужебных текстов, но и были частью так называемого келейного чтения, то есть, например, в монастырях читались в отведенные для чтения часы.

Когда было необходимо прочитать житие за службой, из него, вне зависимости от его размеров, выбирали двенадцать отрывков, иногда довольно длинных, которые вместе давали представление о жизненном пути святого, о его чудесах. Эти отрывки, которые средневековый человек слышал в течение праздничной службы, весьма часто становились материалом для следующего жанра вышеупомянутой группы – проповеди.

Проповедь является учительным жанром. В задачи проповедника входит воспитание слушателя, объяснение ему основ веры, выражение своего положительного или отрицательного отношения к явлениям или событиям, называние примеров, которым слушатель может следовать, наконец, прямой призыв поступать определенным образом. В любой проповеди можно выделить три части: вступление, где объявляется тема проповеди, повествовательная часть, посвященная раскрытию темы, и заключение, призывающее слушателей усвоить некий урок. Основными типами проповеди являются беседа, то есть объяснение отрывков из Свщ. Писания стих за стихом, и слово, то есть рассуждение на определенную тему с приведением примеров и доказательств в пользу истинности доказываемого положения, своеобразное “сочинение на заданную тему”. Такие задачи, как высказывание определенной оценки и необходимость преподать пример читателю или слушателю, позволяют житию и проповеди иметь общий предмет повествования – жизнь святого. Цель проповеди о святом состоит в том, чтобы выделить в повествовании о нем наиболее полезные для слушателей эпизоды, объяснить их духовный смысл и, наконец, призвать слушателей подражать примеру святого в жизни.

Если житие святого предоставляло обилие сведений о святом, задача проповедника состояла в том, чтобы выбрать наиболее яркие и поучительные эпизоды из его жизни и снабдить их собственным комментарием. Если же житие было написано на основе скудной устной традиции, как это произошло в случае “Жития св. Вигберта”, написанного Лупом Ферьерским, то проповеднику приходится строить свою речь по аналогии. Так, повествовательная часть “Слова на праздник св. Вигберта”, составленного Лупом вместе с житием, состоит из общих мест, необходимых для рассказа об апостолах, девственниках, мучениках, подвижниках-аскетах, ибо немногие достоверные факты из жизни св. Вигберта позволяют отнести его к каждому из четырех названных чинов святых. Только упоминание имени святого в самом начале “Слова” связывает проповедь и житие, написанные Лупом.

Проповедники X–XI вв. продолжили гомилетическую традицию предыдущих эпох, особенно эпохи Каролингов. Так, Радбод Утрехтский создавал как слова, так и гомилии, следуя примеру Алкуина, а не более ранним образцам. При написании Гомилии о св. Лебуине Радбод столкнулся с теми же труд-

ностями, что и Луп Ферьерский, о котором говорилось выше. О св. Лебуине было известно лишь то, что он был современником первых англосаксонских миссионеров свв. Виллиброрда и Бонифация и вместе с ними проповедовал христианство германцам-язычникам. Эти скудные сведения, как и в Слове на праздник св. Вигберта, при помощи общих мест превращаются в повествование, построенное по схеме трех возрастов. Реконструированное таким образом житие становится иллюстрацией мысли Радбода, с которой начинается гомилия: лучше слушать истории святых, чем вымыслы и сказки. Гомилия завершается кратким поучением, в котором перечисляются добродетели святого. Повествовательная часть Слова о житии св. девы Амельберги того же автора также построена по обычной житийной схеме, однако проповедник уделяет мало внимания “первому возрасту” святой, то есть детству, юности, качествам ее характера, благодаря которым она выбрала служение Богу, а не замужество, и ее “третьему возрасту”, ее кончине. Центром проповеди является эпизод, возможно, представляющий собой большой отрывок жития. На подобную мысль наводит отсутствие какого-либо деления длинного текста на части, после которых проповедник мог добавить свои комментарии к происходящему, отсутствие метафор, которые помогают соотнести действия святой с предписаниями Свщ. Писания, и самих библейских цитат. Особенностью этой проповеди Радбода является отсутствие развитого заключения, содержащего в себе уроки слушателям, как если бы одного изложения истории отказа св. Амельберги от брака с королем (согласно Радбоду, отвергнутым женихом был Карл Великий) и похвалы ей достаточно, чтобы читатель или слушатель оценил величие ее подвига и получил от этого назидание.

Аттон Верчельский, слывший одним из лучших проповедников своего времени, является автором весьма примечательного слова на праздник покровителя города, епископом которого он был, – св. Евсевия Верчельского. Это слово является довольно подробным изложением жития святого в полном соответствии со схемой трех возрастов. Особенностью пересказа жития является постоянное использование гомеотелевтона, то есть рифмующегося окончания глаголов, существительных, наречий. Возможно, Аттону пришлось использовать этот прием, чтобы довольно подробный пересказ жития святого не только не утомил слушателей, но и запомнился им.

Интерес к логике, возраставший в течение всего XI в., и введение этой дисциплины в программу соборных и монастырских школ оказали значительное влияние и на гомилетiku. Так, Слово на житие св. Флоренция Марбоды Реннского, самим своим названием указывающее на связь двух жанров, разделено на три части, озаглавленных по-разному. Каждая из этих частей представляет собой законченную проповедь и может произноситься отдельно от остальных. Первая часть содержит упоминание наиболее важных моментов жития святого с комментариями проповедника. Житие святого должно доказывать основную мысль проповедника: св. Флоренций сочетает в себе свойства двух чинов святых – мучеников и исповедников веры.

Во второй части последовательно перечисляются и рассматриваются добродетели святого; наконец, третья часть посвящена урокам, которые должен усвоить слушатель.

К жанру проповеди примыкает жанр комментария. Особенно это родство заметно между гомилией (проповедь, по преимуществу толкующая текст Священного Писания), и многочисленными комментариями на библейские книги.

Обязательным элементом службы святому являлась молитва, представляющая собой обращение к Богу или святому, имя и подвиги которого вспоминаются за тем или иным богослужением. Текст ее состоит обычно из таких элементов, как зачин (обращение к Богу или святому), основной текст (прошение, благодарение, покаяние), славословие с обязательной концовкой “Аминь”. Обычно молитва написана ритмической прозой. Достичь ритма помогает такое стилистическое средство, как синтаксический параллелизм. Молитва, как правило, не бывает длинной, но даже небольшой текст может быть насыщен различными тропами и фигурами, главными из которых являются метафора, гомеотелевтон, антитеза. Молитва по сути своей является просьбой, причем просящий заранее уверен, что ему будет дано по его вере. X–XI вв. были временем, когда многие церковные писатели составляли не только молитвы, которые могли звучать за богослужением в качестве личных молитв священнослужителя (молитвы Ратхера Веронского), но и циклы молитв на одну тему (например, молитвы Св. Кресту Петра Дамиани). В конце рассматриваемого нами периода были созданы молитвы и духовные размышления Ансельма Кентерберийского, которые, скорее всего, можно было читать в качестве келейного чтения или использовать в личном молитвенном правиле.

Неотъемлемой частью церковной службы является пение. Наиболее распространенными видами поэтических текстов, тесно связанных с музыкой, в X–XI вв. были тропы, секвенции и гимны.

Тропом называется вставка в литургический текст или украшение, совершаемое благодаря вставке. Тропы обычно писались, чтобы развить и украсить полный и независимый литургический текст (например, “Introit”, “Kyrie”, “Gloria” и т.д.). Эти добавления тесно связаны с каноническим литургическим текстом, но ни в коем случае не меняют его значение; они вплетены в него, увеличивая и объясняя его. Можно сказать, что тропы являются поэтическим комментарием, вплетенным в литургический текст и составляющим с ним единое целое. Если троп отделить от литургического текста, который он распространяет, значение литургического текста не изменится, а троп может стать бессмыслицей. Тропы получают названия по текстам, к которым они пишутся, например, троп для “Kyrie”, троп для “Gloria”, троп для “Agnus Dei”. Тропы могли быть и прозаическими, и стихотворными. Наиболее частым размером для тропов был гекзаметр. Встречался и трохеический диметр. Тропы записывались в особые сборники – тропарии.

В отличие от тропов секвенции являются вставкой в литургию, но не в литургический текст. Это независимые законченные произведения. Их можно назвать литургическими гимнами, которые исполняются в праздничные дни между градуалом, то есть группой антифонов, которые пелись после чтения Апостола, и евангельским чтением. Секвенции предназначены для исполнения двумя хорами, поэтому часто текст секвенции разделяется на пары – строфа и антистрофа. Появление секвенций как отдельного вида богослужебных песнопений произошло в результате церковных реформ Карла Великого и введения григорианского пения (песнопений, связанных с папским двором в Риме VII–VIII вв.) в пределах его империи. Происхождение секвенции связывают с мелизмами конца “Аллилуиа” (более или менее длинными последовательностями нот, выпадающими на конечный гласный “а”). Эти мелизмы стали называться секвенциями. Длина мелизмы заставляла поделить ее на несколько частей, так чтобы певчие могли сделать вдох. Эти отрезки мелодии также стали называться секвенциями. Обычно такие музыкальные отрезки пелись двумя хорами, и, таким образом, каждый отрезок повторялся дважды. К подобным мелодиям стали писать тексты, и они получили название “*sequentia cum prosa*”, то есть “мелодия с текстом”. Самая ранняя форма секвенции представляла собой прозаический текст, состоящий из равных отрезков текста, без ритма и рифмы. Структура этой примитивной секвенции была построена на счете слогов, и каждая из последующих строф, или “куплетов”, состояла из двух строк равной длины; музыкальная фраза, соответствовавшая одной строке, пропевалась два раза. Это повторение музыкальной фразы для второй строки текста представляет собой отличительную черту секвенции на протяжении всей ее истории. Другой важной чертой ранней секвенции является неодинаковая длина строк от куплета к куплету. В ранней секвенции одна нота соответствовала одному слогу, поэтому форма текста строго определялась формой мелодии. К концу XI в. главной в секвенции стала поэзия, а не мелодия. Ведущим размером секвенции стал трохеический септенарий, ибо его строка могла делиться пополам и на более мелкие части и представляла собой своеобразный строительный материал наподобие детского конструктора, из которого можно было составлять стихотворные строки. Группы слов и отдельные слова в секвенциях могли теперь заменяться отрезками стихотворной строки, и эти отрезки соединялись в стихи разной длины.

Различие между секвенцией и гимном состоит в том, что все строфы гимна всегда подчиняются одному стихотворному размеру и поются на один и тот же мотив, в то время как строфы, или “куплеты”, секвенции отличаются друг от друга числом слогов, и часто каждая строфа, состоящая из двух строк, имеет свою собственную мелодию. Первые гимны были созданы еще в IV в. в Милане, центре амвросианской гимнографии. Эти ранние гимны были сохранены в манускриптах X в. Самыми распространенными размерами гимнов в X–XI вв. веках оставались ямбический тетраметр и сапфическая строфа.

Наиболее известными центрами, где создавалась церковная музыка и песнопения, в конце IX–XI вв. были монастыри Санкт-Галлен и Рейхенау. Санкт-Галлен прославлен именами Туотилона, автора первых тропов, и Ноткера Заики, знаменитого своими секвенциями настолько, что некоторое время его считали создателем этого жанра. В X веке жанр секвенции распространился по всей Европе. Самым известным автором секвенций в Англии был Вульфстан Винчестерский, вообще отличавшийся поэтическим дарованием. Он написал несколько секвенций к праздничным службам таким англосаксонским святым, как свв.Этельвольд, Бирин, Свитин. На рубеже X и XI вв. самым значительным гимнографом Франции считался Фульберт Шартрский. Его перу принадлежат гимны и тропы. Известна была и гимнографическая традиция Ключни (и Одон, и Одилон Ключнийские писали гимны). В Германии – Отлон Сент-Эммерамский, Випон, в Италии – Альфан Салернский и Петр Дамиани. Поэты Луары – Хильдеберт Лаварденский, Марбод Реннский, Бальдерик Бургейльский – также были авторами церковных песнопений.

Если первая большая группа жанров объединена мыслью о Боге и служении Ему, вторую группу можно сформировать, руководствуясь интересом к человеку и его назначению в этом мире.

Здесь, как и в первой группе, немаловажное место занимает агиография. Согласно требованиям жанра похвалы, принятым в агиографии, следовало охарактеризовать образ жизни святого, показать, как высота его призвания проявлялась в повседневных занятиях и аскетических упражнениях. Подвигам, прославляющим античного героя, в житии соответствовали чудеса, совершенные святым. Описание конца жизни, “третьего времени” жития, как и в похвальной речи, очень развито, так как праведная кончина подвижника поучительна для читателей жития. Чудеса, совершенные у могилы или мощей святого, являются подтверждением его святости, что соответствует схеме похвальной речи, в заключительной части которой говорится о том, какое мнение сложилось об усопшем. Подобный тип житий получил название “агиобиография”. Герои агиобиографий, святые, живут среди людей и для людей, предстательствуют за них перед Богом, просят для них милости и исцелений; становясь, таким образом, посредниками между Богом и людьми. Однако эти же святые являются активными созидателями земной Церкви, они погружены в заботы не только о спасении души, но и о благополучии вверенных им монастырей или диоцез. Они участвуют в церковных соборах, встречаются с властью предрержащими и потому оказывают влияние на жизнь общества, путешествуют по землям, принадлежащим монастырю или диоцезе. Агиобиография подразумевает обращение автора произведения к реальным фактам из жизни святого, поэтому повествование строится с учетом временного фактора. Точка зрения агиографа постепенно смещается благодаря интересу к святому, как к человеку яркому, деятельному и талантливому, и автор жития, не оставляя совершенно мысль о Боге, тем не менее, начинает сосредоточиваться на описании земных дел. В житиях конца IX–XI вв. усили-

вается элемент правдоподобия, характерный ранее только для исторических произведений. Так, уже упоминавшееся выше “Житие св. Ангария”, составленное Римбертом, изобилует описаниями жизни скандинавов-язычников, “Житие св. Вигберта”. Лупа Ферьерского гораздо более ярко рассказывает о сражениях христиан с саксами-язычниками, чем о жизни святого. “Житие св. Ромуальда” Петра Дамиани написано настолько живо и занимательно, оно сохранило столько исторических подробностей, с одной стороны, и столько точных зарисовок человеческих характеров, с другой, что и в наше время читается скорее как приключенческий роман, чем как произведение дидактического характера.

Исторические произведения, как и жития, характеризуются как повествования, рассказывающие о событиях прошлого и деяниях героев. В X–XI вв. на карте Европы появились новые государства, осколки империи Каролингов, правителям которых требовалось обосновать законность своей власти, поэтому историописанию в это время придавалось большое значение.

Истории, согласно риторической теории, пишутся для пользы читателей. С другой стороны, в центре исторического повествования всегда находятся люди, совершающие хорошие или дурные поступки, поэтому историческим произведениям всегда присуща оценка происходящего, чаще всего, положительная.

Согласно античной риторической теории, исторические повествования должны отличаться такими качествами, как краткость, понятность, правдоподобие. Как достигнуть этих качеств, средневековый автор исторического повествования мог узнать, например, из “Риторики к Гереннию”, трактата, широко использовавшегося для преподавания риторики в монастырских школах. Требование такого качества, как краткость, трудно приложимо к историческим произведениям X–XI вв. Задачи, которые ставили перед собой историографы, состояли в том, чтобы как можно более подробно рассказать о жизни отдельных людей и их роли в истории их страны, о началах государственности в той или иной области, о событиях во времена мира и войны, о принятии новых законов. Перед читателем предстает картина жизни того или иного народа с его обычаями, отношениями между людьми, политическими амбициями, духовными исканиями. Часто историческое произведение состояло из нескольких книг. Однако можно говорить о краткости применительно к описанию отдельных деяний и поступков героев. Краткость не должна достигаться в ущерб другому важному качеству истории – понятности. Историографу нельзя опускать важные детали, поэтому в описании событий, имеющих большое значение для истории того или иного народа должно быть сохранено все, что раскрывает их смысл. Для повествования о жизни и деятельности людей в земном измерении весьма важно такое качество, как правдоподобие. Чтобы достигнуть правдоподобия, о котором подробно говорится в уже упоминавшейся “Риторике к Гереннию”, историограф должен указывать точное время, когда произошло

то или иное событие, место действия, имена действующих лиц, называть имена очевидцев.

Составляя свои произведения, историки X–XI вв. веков не только руководствовались правилами риторики, унаследованной от античности, но и строили свои повествования по античным моделям. Ярким примером здесь может послужить сочинение “О нравах и деяниях первых Нормандских герцогов” Дудона Сент-Квентинского. Как следует уже из самого названия этого произведения, речь в нем идет о возникновении правящей нормандской династии. Дудон, образованный франк, зная, что первый правитель Нормандии прибыл в Нормандию как вождь викингской дружины, уподобляет историю его жизни истории знаменитого троянца Энея. Как и Эней, Роллон вынужден покинуть родную землю и вместе с дружиной искать себе новое отечество. Дудон описывает изгнание молодых скандинавов во главе с Роллоном, их скитания, их жизнь на службе у короля англов. Вещие сны, описанные Дудоном, предвещают главному герою – родоначальнику династии – великую славу и власть над Нормандией. Историю Дудона можно смело назвать “героическим повествованием”, посвященным становлению нового государства.

Образцом для книги “О деяниях саксов” Видукинда Корвейского послужили сочинения Светония и Саллюстия. Следуя их примеру, Видукинд пользуется характерными для римских историков художественными средствами, старается беспристрастно оценивать события и личности героев. Задача Видукинда состоит в том, чтобы написать не только историю династии, но и историю народа, причем в его повествовании история государей отходит на второй план.

Если книга Видукинда Корвейского может рассматриваться как история политического образования, государства, то “Хроника” Титмара Мерзебургского является историей образования церковного, диоцезы. В восьми книгах Титмар излагает, сохраняя хронологическую последовательность, историю Мерзебургской кафедры, в ткань которой вплетены краткие биографии, семейные предания, сведения об основании монастырей, личные воспоминания. История Мерзебургского епископства неотделима от истории династии Оттонов и таким образом становится частью истории Саксонии.

Сочинение “Пять книг истории” Родульфа Глабера замечательно тем, что оно представляет собой первый опыт создания всеобщей истории, рассказывающей о происходящем в четырех частях света. Обосновывая свое желание обозреть четыре стороны света, Родульф опирается на арифмологию, т.е. на учение о символическом значении чисел, в данном случае, на символику числа “четыре”. Как и все историки средневековья, Родульф рассматривает исторические события с богословской точки зрения. Неотъемлемой частью исторического повествования у Родульфа являются рассказы о чудесах и видениях. Приступая к написанию своей книги, Родульф высказывает намерение принести пользу читателю. Видения и чудеса служат Глаберу средством показать духовное значение земных событий.

“История” Глабера имеет точки соприкосновения с многочисленными книгами видений, состоящими, как правило, из коротких рассказов, каждый из которых посвящен одному чуду или видению. Эпизоды, описывающие видения, вещие сны, чудесные происшествия, часто встречаются в произведениях средневековой литературы, но сам жанр видений оформляется только в VII в. Сочинения, посвященные видениям, рассказывают о внезапном вторжении невидимой реальности в мир земных людей. Поэтому содержание таких произведений весьма разнообразно: это описания загробного мира и его обитателей, предупреждение о грядущем наказании, обещание награды за праведную жизнь или изменение посмертной участи человека, знакомого рассказчику; наконец, это побуждение к какому-либо действию, например, к основанию монастыря. В X–XI вв. повествования о видениях, а также и о чудесах, приобрели вид коротких рассказов, каждый из которых имеет свой сюжет, развивающийся от завязки к кульминации и развязке в пределах одного произведения. Такие рассказы объединялись в тематические сборники. Рассказчиком в них мог выступать либо человек, их собравший, либо некие очевидцы, сообщившие ему о видениях и чудесах. В рассказах о чудесах и видениях перед читателем разворачивается на первый взгляд знакомая ему картина мира: в ней присутствуют нищие, которые просят подаяния на паперти храма, и любознательные епископы, стремящиеся постигнуть скрытый смысл событий, а также вельможи, монахи, священники, благочестивые женщины; действие может происходить на берегу реки, на постоялом дворе, в храме, у стен замка. И вдруг читатель обнаруживает, что этот привычный, хотя и далекий от идеала мир представляет собой нечто вроде завесы, за которой скрывается невидимая реальность. Жители этого невидимого мира подчас занимают тем же, что и люди: они вершат суд, беседуют, прогуливаются, но в их действиях людям открываются значение и последствия их собственных слов и деяний. Занимательность повествования помогает донести до читателя некий урок, который хотел бы преподать ему автор.

Взгляд на поэзию и прозу как на взаимозаменяемые формы, в которых может заключаться одно и то же содержание, привел к тому, что упомянутые выше жанры, например, жития и исторические произведения, могли быть написаны и стихами, и прозой. В X–XI вв. появилось множество стихотворных переложений житий. Поэма “О деяниях Оттона Великого”, жизнеописание в стихах, а также поэма “Об основании Гандерсгеймского монастыря”, которая могла быть изложена и прозой, принадлежит перу драматурга и поэта Хроствиты Гандерсгеймской.

Еще одним жанром, обращенным к человеку, был жанр послания. Распространенность произведений этого жанра весьма естественна, поскольку письма были единственным средством общения между людьми, живущими в разных местах. Послания писались в соответствии со сложившейся традицией и содержали в себе набор типичных для них “общих мест”. Собственно текст послания обрамлялся двумя обязательными элементами: зачином, где

назывались имена автора письма и его адресата и содержались добрые пожелания будущему читателю послания, и концовкой “Vale/ Valete” – “Будь здоров/Будьте здоровы”. Содержание послания могло быть любым: от краткого сообщения о том, что автор письма был занят на церковных службах и не успел приготовить обещанного адресату лекарства, до разбора сложных богословских вопросов и пастырского внушения. Послания последнего типа сближаются по форме и по содержанию и с проповедью, и с комментарием.

Жанр диалога имеет долгую историю и восходит к античности. Несмотря на то, что в эпоху раннего средневековья диалог никогда не имел столь широкого распространения, как, например, житие, послание или проповедь, он никогда не бывал окончательно забыт. Место средневекового диалога – в монастырской школе, где обучение происходит в виде вопросов и ответов, где одним из упражнений является диспут, в котором каждый из участников должен отстаивать в беседе свои взгляды. Диалог может существовать и в стихотворной форме, также представляя собой род диспута. Однако иногда в виде диалога, дружеской беседы, приводящей на ум, к примеру, “Тускуланские беседы” Цицерона, может излагаться даже житие святого (как это сделано у Пасхазия Ратберта). Излагая житие в виде беседы единомышленников, людей разного возраста, автор наделяет своих героев разными характерами, заставляет их выражать различные чувства. Хотя подобный диалог скорее всего не был предназначен для чтения по ролям, он в некотором смысле близок к драме.

Искусство средневековой драмы только зарождалось в X–XI вв., и произведения драматического жанра так же, как и рассмотренные выше жанры, можно разделить на две группы, помня об обращенности средневекового человека к Богу и ближнему. Литургическая драма появилась как вставная часть миссы, тогда как драмы Хросвиты Гандерсгеймской представляют собой соединение школьного диалога и традиций античной драматургии, в частности, Теренция. Таким образом, и здесь можно увидеть разделение текстов на те же две группы: с одной стороны, это тексты, создающиеся для церковного служения, с другой, те, которые сосредоточены на человеческой личности.

Своим возникновением литургическая драма обязана церковным реформам Карла Великого, в результате которых богослужение на территории Каролингской империи стало гораздо более зрелищным, например, частью богослужения могли стать процессии в определенные праздники, литургическое действо Омовения Ног и поклонение Св. Кресту

Литургическая драма становилась частью праздничных богослужений сперва на Пасху, позже на Рождество. Течение службы прерывалось, и священники в присутствии паствы исполняли сцену, основанную на событии, которое описывалось в Евангелии и вспоминалось на богослужении. В определенном смысле все присутствовавшие также становились участниками этого действия, ибо у обряда нет зрителей, но есть участники. Первая литургическая драма была посвящена Воскресению Христову (Англия, X в.).

Написана она была прозой по-латыни. Ее текст напоминал респонсории, то есть исполнение песнопения двумя хорами или солистом и хором поочередно, как если бы отвечая друг другу. В XI в. появляются Рождественские драмы.

Драмы, принадлежащие перу Хросвиты Гандерсгеймской, представляют собой явление, уникальное для раннего средневековья, ибо они были созданы тогда, когда практики театральных представлений как таковых не существовало, и написаны рифмованной прозой, что также было редкостью в X в. В предисловии к своим драмам Хросвита писала, что, наслаждаясь чтением Теренция, она была огорчена тем, что изящная латынь и изысканная форма его сочинений служат для описания мирских утех, и потому решила написать драмы, пользуясь его формой и стилем, но влагая в эту форму благочестивое содержание. Героями Хросвиты становятся не античные герои, а мученики и подвижники.

Интерес и любовь к античности, отличавшие раннесредневековых авторов, привели в течение X–XI вв. к становлению литературы, написанной не на религиозные сюжеты. Вторая половина X века отмечена появлением первого перевода “Романа об Александре”, сделанного Львом Неаполитанским. По сравнению с греческим образцом латинский перевод сильно проигрывал: он был полон ошибок; довольно безыскусная латынь переводчика не смогла передать красоты греческого оригинала; латинская версия романа оказалась короче греческой. Значение этого перевода было в том, что он послужил источником для большинства рыцарских романов об Александре Македонском, написанных в XII–XIV вв.

Другим интересным произведением второй половины X в. была короткая поэма Летальда из Миси “О некоем рыбаке, которого проглотил кит”, или “Витин рыбак”. Особенность этой ученой латинской поэмы, изобилующей цитатами из вергилиевой “Энеиды”, состоит в том, что материалом для нее послужил некий рассказ или сказка, принадлежащий к англосаксонской или ирландской фольклорной традиции. “Средний стиль” изложения (поэма написана леонинами) в сочетании с сюжетом, который, по правилам античной риторики, следовало бы отнести к “низким”, пригодным для изложения в виде басни, приводит на память поэзию вагантов, принадлежащую уже XII в.

Поэты второй половины XI в. – Бальдерик Бургейльский, Фулькон из Бове, Серлон из Байо, Варнер Руанский – создавали сочинения на темы, получившие свое развитие позже, в XII в. Так, Фулькон и Бальдерик, следуя Овидию, разрабатывали любовную тему, особенно, тему земной, плотской любви. Оживление жанра сатиры по образцу сатир Горация и Ювенала является заслугой вышеупомянутых Бальдерика, Серлона и Варнера.

Беглый обзор основных жанров латинской литературы X–XI вв. позволяет по-новому взглянуть на ход литературного процесса этого времени. Литература X–XI вв., безусловно, может быть названа религиозной, однако уже заметно, что в ее недрах происходит зарождение новых, светских жанров (например, таких, как роман и новелла), появление новых тем и сюжетов, которые определяют лицо литературы последующих столетий.

I. От Каролингов к Оттонам

*

Луп Ферьерский

Луп Ферьерский родился около 805 г. недалеко от Санса в Западной Франкии. Начальное образование он получил в монастыре свв. Марии, Петра и Павла в Ферьере, который находился между Сансом и Орлеаном. Кроме Священного Писания, в Монастырской школе Ферьера изучали “семь свободных искусств”, в особенности грамматику и риторiku, хотя, как писал позже сам Луп, этой программе обучения не хватало “величественности Цицерона и других писателей древности”. Для завершения образования около 828 г. Луп отправился в Фульду, где стал учеником Храбана Мавра. Проведя в Фульде несколько лет, Луп познакомился со многими образованными людьми своего времени, чьи имена известны из его обширной переписки. Одним из таких ученых друзей Лупа стал знаменитый Эйнхард, биограф Карла Великого, который, удалившись в старости от двора, жил в Зелигенштадте, недалеко от Фульды. Лупа объединял с Эйнхардом интерес к изящной словесности. Кроме того, Эйнхард давал Лупу книги из своей богатой библиотеки.

В 836 г. Луп, уже известный своими знаниями в области богословия и светских наук, возвратился из Фульды в Ферьер. Настоятель монастыря Одо принял его с большим уважением и поставил во главе монастырской школы. В 837 г. Луп появился при дворе. В 840 г., по ходатайству королевы Юдифи, Луп был избран настоятелем монастыря и управлял им до своей кончины (ок. 862 г.).

Настоятельские обязанности вовсе не исключали участия Лупа в государственных делах. Так, ему пришлось участвовать в военных действиях против племянника Карла Лысого, Пипина, который при поддержке графа Бернарда Септиманского пытался вывести Аквитанию из-под власти короля. В битве под Тулузой (844) Луп попал в плен, но был скоро освобожден. Луп часто бывал при дворе, пользуясь расположением короля и королевы, к нему обращались за советом в политических и церковных делах. Из-под его пера выходили дипломатические документы и собрания канонов для церковных Соборов. Ему приходилось посещать различные монастыри и даже поехать в Рим, к папе Льву IV.

Однако, как бы ни был занят Луп, он всегда находил время для чтения и литературных занятий. Еще живя в Фульде, он составил “Житие св. Вигберта”, что неудивительно, так как Вигберт был одним из известных помощников Винфрида-Бонифация, похороненного в этом монастыре. Кроме того, сохранилось около ста тридцати писем Лупа к различным лицам. Многие из этих писем показывают его особый интерес к древней литературе и собиранию манускриптов античных и раннехристианских авторов.

Перевод сделан по изд.: PL. V. 119. ccl. 431etc.; 679–699.

Послания

Любезнейшему Эйнхарду¹ Луп – здравствовать.

Я долго медлил, о дражайший из всех людей, и не мог набраться смелости чтобы писать Вашему Превосходству. И в то время, как разные соображения удерживали меня от этого, в особенности страшило еще и то, что желание мое предложить Вам дружбу могло бы показаться навязчивостью. Подумать только: весьма поспешно и решительно неподобающим порядком начал я с предложения дружбы, когда даже еще и не знаком с Вами! Но Ваша благосклонность и скромность, а также поистине приличествующая философии природа Вашего духа, дает мне надежду, хотя я испытываю сильное волнение, достигнуть желаемого. Однако, дабы было видно, что я не поступаю необдуманно, не буду отсылать к рассуждениям по поводу дружбы у писателей светских, поскольку ими Вы занимались с особым усердием, дабы не получить заслуженный упрек в тех самых Горациевых словах, что всем образованным людям хорошо знакомы: “В лес дрова не носи...”² Ведь наш Господь, не говоря уж, конечно, о том, что Он не давал никогда примера пренебрежения дружбой, еще и заповедал любить врагов. Потому, прошу, отнеситесь с терпением и благожелательством к моим рассуждениям, которые я веду издалека, чтобы Вам стало понятно, что я решился на такой шаг не по заблуждению или юношескому легкомыслию. Любовь к литературе зародилась во мне почти с самого детства, и те досужие, как многие ныне говорят, занятия словесностью не вызывали у меня отвращения. И если бы не отсутствие наставников, если бы от длительного пренебрежения почти не прекратилось бы изучение древних авторов, я, пожалуй, смог бы по щедроте Господней удовлетворить свой жадный интерес. Поскольку же, благодаря наиславнейшему императору Карлу и Вашим воспоминаниям (а писать о нем следует непрестанно, чтобы уготовить ему память вечную) интерес к литературе стал возвращаться, она несколько приподняла голову; хорошо известны слова, сказанные прекрасно и правдиво: “Почет питает искусства, слава воспламеняет всякого к занятию ими”³.

Ныне же всякий, кто стремится чему-то выучиться, всем лишь в тягость. Любой усердный ученик выставлен будто бы публично напоказ на видном месте, и если в нем обнаруживается что-либо, достойное порицания, то множество неучей приписывают это не человеческой греховности, а образован-

ности. Потому, когда одни не получают достойной награды своему уму, другие, страшась дурного о себе мнения, отступаются от столь славного труда. Я же уверен совершенно, что ради самого знания должно к нему стремиться: отправленный на поиски его святым архиепископом Альдриком⁴, я нашел себе учителя грамматики и с ним усвоил необходимые правила. Но поскольку переходить от грамматики к риторике, а затем по очереди и к прочим свободным наукам в нынешнее время – дело пустое, то в конце концов начал я понемногу знакомиться с авторами по манускриптам. Однако сочинения, составленные в наше время, не понравились мне, так как отступали от основательности и строгости Туллия⁵ и других, кому подражали также и выдающееся мужи христианской веры; тут-то попал мне в руки Ваш труд, в котором Вы (да будет мне позволено сказать это без подозрений в лести) самым блестящим образом изложили на письме блестящие деяния достопамятного императора. Обнаружив там и изящество чувств, и редкостную связность мыслей, что я подмечал у древних авторов, и завершенные предложения разумной протяженности, а не скованные путаными и длинными периодами, – всем этим я был восхищен. И вот, не только из-за Вашего образа мыслей, который я впитал уже и раньше как достойный мудрого мужа, но и, главным образом, из-за красноречия этой книги, столь высоко мною ценимой, пожелал я найти наконец какой-нибудь удобный повод и обратиться к Вам лично. И если ранее пред худостью моей Ваша честь просияла своей мудростью, так и ныне пусть моя любовь к Вам и стремление к наукам вверяют меня Вашему величию. И поистине, это желание не угаснет до тех пор, пока буду знать, что Вы пребываете в сей жизни и пребываете в добром здравии. В надежде как можно скорее осуществить сие я переехал из Галлии сюда в Трансрейнскую область и стал к Вам ближе. Ибо вышеназванный архиепископ направил меня к досточтимому Храбану⁶, чтобы я усвоил от него начала толкования Божественных Писаний. Следовательно, узнав, что отсюда к Вам пойдет посыльный, я хотел для начала отправить Вам несколько неясных мест из текста для разъяснения; затем же, мне показалось будет лучше предварить свою просьбу этим письмом; если оно будет принято Вами милостиво, я весьма возрадуюсь получению столь желанного для меня подарка. Однако, единожды перейдя границы стыдливости, прошу Вас еще и о том, чтобы Вы одолжили мне, пока я здесь нахожусь, несколько Ваших книг; хотя просить книги много проще, чем добиваться дружбы. Книги же таковы.

Книга Туллия о риторике⁷; она есть у меня, но во многом полна ошибок. Потому я сравнил ее с рукописью, найденной здесь; и в той, которую считал наиболее верной, нашел их еще больше. Еще того же автора о риторике три книги в виде бесед и диалога об Ораторе⁸. Полагаю, что они есть у Вас, ибо в кратком перечне Ваших книг после упоминания книги к Гереннию⁹ среди прочего я нашел запись: “Цицерона о риторике”. Также “Толкование на книги Цицерона”. И кроме того: книги “Аттических ночей” Авла Геллия¹⁰. И многое еще из перечисленного в Вашем кратком списке.

Но и после того как вот эти книги будут посланы и я по получении их для себя скопирую, жажду, пока здесь нахожусь, заняться и другими из вышеупо-

мянутого перечня, если бы Бог даровал мне у Вас милость. Прошу Вас снять с меня груз моей застенчивости, молю Вас сделать это; и пока я раскапываю горькие корни словесности, напитайте меня ее зрелыми, сладчайшими плодами: вдохновите меня столь славным красноречием Вашим. Если же я заслужу благосклонный ответ, то благодарность за такое благодеяние пребудет со мною всегда, пока жив буду. Ибо нет нужды говорить, какое Вам по заслугам последует воздаяние. Еще многое приходит мне на ум, что надо сказать, но не должно мне более задерживать Вас и занимать своими пустяками Ваши мысли, направленные, я уверен либо на необходимые заботы мира сего, либо погруженные в сокровенные философские размышления.

Дражайшему наставнику Эйнхарду – Луп.

Потрясенный тягостным известием о кончине досточтимой Вашей супруги¹¹, я более, чем когда-либо, желал бы ныне прийти к Вам, чтобы или облегчить Вашу скорбь своим сочувствием, или утешить в долгой беседе избранными местами из Божественных речений. Однако пока Бог не дает такой возможности, увещаю Вас, помня об участи человеческой, которую мы навлекли на себя как наказание за первородный грех, благоразумно и мудро снести то, что выпало Вам на долю. И Вы, кто побеждал всегда сильным духом более легкие испытания судьбы, не должны покориться этому горю. Поэтому, призвав Бога в помощь, проявите ныне ту силу терпения, к какой Вы, возможно, призывали кого-нибудь из любимых Вами людей, страдавшего в подобном же несчастье. Желаю Вам благополучно здравствовать.

Почтеннейшему и превосходнейшему наставнику Храбану¹² Луп – здравствовать.

Я не мог до сих пор Вас поблагодарить по причине многих дел. Однако Знающий Тайное всегда видел, сколь великую благодарность пробуждает во мне любовь к Вам. Далее же, если Бог продлит Вашу жизнь и восстановит желанный мир, у меня будет возможность на деле показать то, что я чувствую в душе. Ибо с согласия наших братьев в десятый день декабрьских календ мне вверена Ферьерская киновия¹³, и наш господин Карл даровал мне это своей милостью, заботливо удостоив меня столь дивной почести. Итак, прошу, по благоволению Вашему да удостоюсь я и вверенная мне община благодати Ваших святых молитв, чтобы Вы так же, как помогали ранее моим занятиям своей просвещенностью, умеряли бы ныне тяготы моих обязанностей своим неустанным молитвенным заступничеством. Однако я слышал, что Вы сложили ношу Вашего служения и ныне преданы только лишь Божественным занятиям, а нашему Хаттону оставили заботу, исполненную многого и постоянного труда. О том, как будут идти дела эти, а равно и любые другие, я ожидаю узнать из письма Вашего блаженства. Желаю Вам благополучно здравствовать и всегда вспоминать меня милостиво.

Житие св. Вигберта¹⁴

Почтеннейшему авве Бунону и всем братьям его Луп желает многого спасения.

Я медлил, не доверяя своим силам, но Ваша настойчивость, возлюбленные отцы, принудила меня попытаться описать житие св. Вигберта. И справедливость требовала, чтобы я продолжал упорно отказывать вам, поскольку мне, неспособному, не хватает таланта для описания этого предмета столь тонкого, а к этому прибавилось еще и то обстоятельство, что Вы попросили об этом труде в то самое время, когда я наиболее занят; но любовь к Вам вынудила меня, оставив важнейшие и неотложные дела, уступить Вашей воле. Поскольку подчас тот, кто повинуется, отложив попечение о своем, имеет попечение о пользе братьев, я подчинился Вашему настоянию. Остальное передается Божественному Милосердию и заступничеству блаженного мужа, к деяниям которого я решил некоторым образом прикоснуться, чтобы достойное памяти было описано достойной речью и устрашающая грубость стиля не искажала бы преславной сути дела.

Пусть этот труд никто не сочтет недостоверным, по той причине, что он пишется в 836 году, от Воплощения Господня, в 14 индикт, и не думает, что когда я, подобно кузнецу, обрабатываю существующее сочинение, просто повторяю рассказ о событиях девятистолетней давности¹⁵. Пусть этот муж, если, конечно, он хотя бы слегка учен, вспомнит Саллюстия Криспа и Тита Ливия¹⁶, которые, частью услышав, частью узнав из написанного, рассказали немало из того, что давно предшествовало их веку; если же перейти к нашим писателям, то Иероним прославил Павла-монаха записав его жизнь, которая, конечно, весьма удалена от него по времени, и предстоятель Медиоланский Амвросий оставил нам “Страдание девы Агнеты”, современником которой он никак не мог быть¹⁷. Ведь пренебрежение к прошлому совсем не новость и оно единственно может послужить оправданием тому, что деяния столь великого мужа не были преданы памяти, ибо мы знаем не только от тех, кто жил незадолго до нас, но даже от тех еще, кто жил очень давно, что важнейшие дела зачастую предавались молчанию. Потому не вижу причины требовать от меня достоверности, когда по моей вине добродетели столь выдающегося мужа до сих пор не преданы письму, а я на самом деле устраняюсь, я не предлагаю желающим прочесть ничего, что бы ни было им точно известно. Да обрету я снисхождение читателя благожелательного и образованного: если в плавной латинской речи он будет спотыкаться где-либо об имена людей или названия мест, переданные на местном германском наречии, пусть он перенесет это с терпением и помнит, что я пишу не стихи, где имена подчас увечатся по вольности поэтической, приспособляясь к звучному римскому слогу, а иногда совершенно меняются, но пишу я историю, которая не нуждается в стиле темном и вычурном. Однако приступим к исполнению нашего замысла.

*Глава 1. О том, как саксы стали жителями острова Британия*¹⁸

Свидетельства подтверждают, что жители Британии, называемые англосаксами, ведут свой род от тех саксов, которые населяют северную область Германии. Ибо в давние времена, когда почти все войска короля бриттов Вортигерна были истреблены в часто вспыхивающих войнах, он с согласия народа своего позаботился призвать помощь из Германии. Приглашенные Вортигерном дружины саксов пересекли море, простирающееся между берегами Галлии и Германии, и приняли от вышеупомянутого короля место для поселения в восточной части острова; вскоре, завязав сражение с врагами и почти не неся потерь, обратили их в бегство. Когда они объявили своему народу о победе, а равно и о плодородии острова, туда был послан отряд, вооруженный еще сильнее; а вновь прибывшим саксам было выделено бриттами место для поселения при условии, что они будут надежно обеспечивать защиту страны, а население будет выплачивать воинам жалование. И благодаря такому случаю могущество саксов за короткое время подчинило большую часть острова своей власти.

Глава 2. О рождении св. Вигберта и о том, что все любили его в тех краях из-за его стремления к добродетелям

От их потомков, от англосаксов, уже после того как этот народ предал себя христианской вере, вел свой славный род и блаженный Вигберт, далеко превосходя знатность мирского рождения выдающимся достоинством своих добродетелей. Ибо с отроческих лет он столь прославился честным и скромным нравом, что уже тогда было ясно, кем он будет, и что жребий свыше, как случилось, избрал великое дарование, весьма превосходящее обычные способности. Усердно обучившись Священному Писанию, он повсюду снискал себе также горячую любовь и не меньшее почтение по причине своей необычайной разумности и серьезности.

*Глава 3. О славе и почестях мужа Божия и краткое воспоминание о святости и мученичестве св. Бонифация*¹⁹

Во все концы разносилась молва о св. Вигберте как о муже блаженном, и по воле Божией это дошло и до слуха славнейшего Бонифация. Сей Бонифаций достиг такой высоты святости, что по единодушному мнению не только в Германии, где он трудился на ниве Господней, засевая ее усердно и благоуспешно, но еще и в Галлии и в других частях земли, – все уверены были и открыто признавали, что слава его сравнима со славою древних отцов. Ибо он был самым бдительным защитником христианской веры и самым усердным ее распространителем. Он не умел ни добиваться благоволения сильных мира сего, прибегая к отвратительной угодливости и лести, ни ослаблять честь и строгость церковную из корысти, хотя и подслащенной слабыми оправданиями, но губительной. Так, посвятив всего себя Богу, непобедимый воин Христов усердно трудился и принял в лоно Церкви новообращенный народ фризов;

не устранившись, что ярость варваров поразит его мечом, он вынес из битвы той венец мученичества. Но пусть повествование вернется к тому замыслу, от которого мы немного уклонились.

Глава 4. О том, как тот же Бонифаций призвал св. Вигберта в помощь себе на проповедь христианства

Замыслив открыть неверующим путь спасения и с помощью Божией вернуться назад тех, кто сбивался с него, тот же Бонифаций вскоре после того, как пришел в Германию, приложил все старания, чтобы призвать к себе блаженного Вигберта, который в будущем стал ему помощником в проповедании христианства. И тот, послушный зову св. Бонифация, более того, Бога, стал общником святого предстоятеля в то время, когда вождь франков Карл²⁰ получил верховную власть. Блаженный Бонифаций принял св. Вигберта как равного и с великой благодарностью, отнесясь к нему с братской любовью и с величайшим почтением, ибо св. Вигберт, как старший по возрасту, ранее воспылал стремлением к Божественному.

Глава 5. О том, что св. Вигберт был поставлен настоятелем над монастырями во Фритесларе²¹

Спустя некоторое время св. Бонифаций был Божией милостью возведен на важнейший сан предстоятельского достоинства в Могонтиаке²²; с согласия клира он поставил св. Вигберта главой в свою киновию (имя которой на местном германском наречии было Фритеслар), чтобы сей муж наладил в ней жизнь по уставу монашеского благочестия и улучшил положение дел. Там св. Вигберт долго жил со своим Мегингом²³, получившим затем епископское достоинство, и исправил образ жизни братий, до тех пор нестрогий и неустойчивый, подчинив его правилу своей собственной жизни, в чем он, без сомнения, руководствовался примером Священного Писания.

Глава 6. О том, что св. Вигберт по приказу св. Бонифация перешел в монастырь Ордорф²⁴

После того, как во Фритесларе ученики святого мужа глубоко впитали устремление к святому занятию, и многие, по примеру наставника, приняли позже на себя заботу настоятельства, блаженный Бонифаций не мог снести, чтобы столь великий муж, подобный светильнику, по предваряющей Христовой благодати, рассеивал мрак одного лишь места, и отеческим увещанием побудил его перейти в другой монастырь, называемый Ордорф. И там, усердно трудясь с таким же успехом, св. Вигберт исправил то, что делалось ошибочно, и сам, неуклонно следуя тесным путем, который ведет неустанных к жизни вечной, благоуспешно повлек за собой великое множество братий. Ибо, наученный примером Спасителя, он прежде исполнял то, чему должно учиться²⁵, и имел обыкновение идти впереди, на какие бы ступени он побуждал их восходить.

Глава 7. О том, что, вновь вернувшись во Фритеслар, св. Вигберт предался еще более суровой жизни

Таким образом св. Вигберт с пользой провел в трудах несколько лет, живя в Ордорфе. Поскольку святой муж был не только отягощен старостью, но и часто страдал от опасной болезни, он, не желая ничего предпринимать вопреки воле св. Бонифация, после многих просьб, исполненных при том самого искреннего смирения, получил от предстоятеля разрешение вернуться в прежнюю киновию, которой он управлял ранее, и жить там на покое до кончины. Принятый с изъявлениями радости многолюдным собранием братьев, муж Божий, словно бы помолодев и обретя юношескую силу, заново с усердием постигал основы святости и вел суровейшую духовную брань, не соразмеряя с этим ни заслуженный возраст, ни столь многочисленные свои превосходные труды; но, забыв прошлое, согласно апостолу²⁶, он устремился к радостям вечного блаженства – к цели наидостойнейшей, с чем в сей жизни сравниться ничто не может. И хотя, как мы уже сказали, тело св. Вигберта угнеталось болезнью, его дух не смирялся и не позволял себе ослаблять узду воздержания большей снисходительностью. Однако не потому, что считал тех, кто щадит себя, позволяя себе послабления во время немощи, достойными порицания; он, “сосуд избранный”, подтверждал собственным примером, что любой человек, добровольно ограничивая себя в дозволенном, весьма продвигается к получению награды Божией. И таким образом, в точности исполняя служение любви, св. Вигберт не отделял себя от общества братьев, но от пустых разговоров неизменно воздерживался и помышления о Божественном законе никогда не оставлял.

Глава 8. О том, что св. Вигберт посещал больных, по их просьбе, не ожидая провожатых

Было у того Вигберта постоянное и непреложное правило: если по просьбе кого-либо из христиан он выслушивал его исповедь и не мог уединиться, то ни с кем не вступал в случайный разговор, избегал приветствий, которые, (как тонко кто-то заметил, произносятся на ходу, не ради спасения чьей-либо души), но помятуя об особом предписании Господнем, он без малейшего промедления и с готовностью одаривал нуждающихся спасительными наставлениями. И когда бы он ни оказался среди тех, кто искал совета, как спастись, то незамедлительно, отлагая все временные заботы, открыто проповедовал о том, что служит вечному спасению души; так привлекая к себе слушателей разными смыслами Божественного закона, он, как искуснейший врач, исцелял души от тайных страстей.

Глава 9. О виноградной лозе удивительной величины, что выросла из виноградной косточки, посаженной святым

Отнюдь не обойду молчанием еще и такое чудо, поскольку единогласно повторяют этот рассказ верные у нас и в других краях. Ибо в то время как святой совершал как обычно литургию, по какому-то случаю, у него не оказалось вина,

trina dedit illi adō & scō petro principe
 apostolorum licentiam & potestatem p̄di
 candi & docendi quoscumq; sc̄a con
 uertere potuisset doctrina liberatoq;
 firmissima hoc faceret potestate

Ipsi namque exinde pergentes in uere
 sequuti sunt. cum in corporaliter
 non spiritaliter adhererant suo ep̄o
 kyliano. colonias p̄br. & cotnamus

Благословение на проповедь. Папа Конон благословляет св. Килиана на проповедь.
 Фульда. Кон. X в. *Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination.*
An Historical Study. P. 2. L., 1999. P. 140a

без чего не претворяется Кровь Господня. Тогда он поспешно вышел из церкви и случайно заметил на лозе гроздь дикого винограда; святой сорвал ее и тут же прямо руками выжал сок в потир. Когда же он закончил, то попалась ему одна виноградная косточка, неповрежденная перетираем; тотчас же воткнув ее в землю перед церковью, он немедленно удалился, чтобы довершить начатое служение. После службы некий брат, который внимательно наблюдал за действиями святого, смиренно спросил у мужа Божия, почему он так сделал. Поняв, что действия его стали известны, святой сказал: “Если дела мои находятся в Господнем попечении, то в течение девяти лет Он соизволит открыть это”. И конечно же так и случилось, по вере его. Ибо из этой косточки появилось такое множество побегов, что они очень скоро разрослись на весьма большое пространство и, поднявшись по опорам, образовали из своих свисающих ветвей крышу прелестнейшего портика для сидящих внизу.

Глава 10. О том, каков был конец жизни св. Вигберта, когда он оставил сей мир

Блаженный Вигберт неотлучно находился в вышеназванном монастыре, исполняя Божественные предписания и пребывая в непорочности, пока не призвал его к Себе Господь и не освободил от уз плоти. Так, после тяжелой болезни достигнув предела сей жизни, св. Вигберт умер и сделался общником святых.

Глава 11. О том, как прекраснейшая птица появилась над телом святого мужа

Однако в час его исхода приключилось нечто, изумившее всех. Когда братия стояли вокруг одра святого, появилась некая прекрасного вида птица и трижды пролетела над его телом. После же того ее нигде больше не видели, и без всякого сомнения всем стало очевидно, что то был знак совершенной чистоты его жизни.

Глава 12. О многочисленных знамениях, произошедших у гробницы святого

Тело св. Вигберта было положено перед церковью в ничем не примечательной гробнице, и несколько лет он покоился в таком месте, вид которого едва позволял верить, что столь многими и великими знамениями Божественное Милосердие прославит этого мужа. Хотя по небрежению знамения те записаны не были, однако о них повсюду говорили и слухи не умолкали. И потому, стремясь к краткости, я расскажу о некоторых из них. Мнение же мое, скажу прямо, таково, что много достойнее те чудеса, которыми Бог нуждающихся в Его милосердии удостаивает ради увековечивания памяти святых, чем те, что во множестве, как сообщают нам достоверные писания, совершаются Им чрез людей, пребывающих еще в сей жизни, хотя и праведным образом живущих, но все еще угнетенных бременем плоти – ведь они могут и в соблазн впасть и оступиться, пусть даже в малом. В тех же, кому уже

diaconus. Et venerunt in partem austeraliū
francorum. Ad castellum quod dicitur uuir-
zburg. Ibiq. predicantes in primis. Fuo-
bundne.

Quibus auditis gozbertus dux. conuocari
eos fecit ad se. Cum autem presente ad eum.
confabulationem in inuicem fecerunt.
kylianus eps. et predanus dux gozbertus.

Проповедь св. Килиана. Фульда. Кон. X в.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
P. 2. L., 1999. P. 146

никакое падение не страшно, тем выше признается всеми статус блаженства их, чем надежнее о том свидетельства. Благожелательное мнение людское о живущих праведной жизнью не безошибочно, но что касается святых, после кончины, – то нет сомнения в подлинности их прославления и их славное имя уже ничем не затмится.

Глава 13. О том, что из страха перед саксами хассоны²⁷ выкопали мощи святого

Однако, надо далее рассказать, что мы обещали. Свирепый народ саксов, выйдя за свои границы, устремился на соседние земли, и вынудил местных жителей, недостаточно полагающихся на свои силы, из страха перед нападавшими собраться в город, имя которому Бурабург²⁸. Сидя в запертом городе, жители рассудили, что их ненадежное спасение обеспечивается пока лишь слабой преградой стен, и для того, чтобы защитить себя, позаботились перенести в город останки блаженного мужа, в особенности потому, что боялись, как бы саксы, безумствуя, не осквернили гробницу. Однако осуществить желаемое и перенести мощи оказалось для них непросто.

Глава 14. О трудностях перенесения мощей св. Вигберта

Дело в том, что когда огромное множество людей, сопровождавшее мощи, вошло в неглубокую долину, расположенную напротив города, то там опустили святой прах и положили его на землю, чтобы несшие их люди могли немного отдохнуть. Когда же вскоре они приготовились довершить начатый путь, удивительно сказать, мощи, которые они несли до того времени, сделались весьма тяжелы, и не было возможности сдвинуть их с места. Все были приведены этим в ужас и решили, что лучше уж они испытают здесь худшее, чем оставят в опасности своего покровителя; наконец горячими молитвами они склонили волю Божию, и, подняв носилки с величайшей легкостью, смогли осуществить задуманное.

Глава 15. О свече, упавшей в реку

Было еще и такое чудесное знамение. Сопровождавшие мощи святого с крестами, хоругвями, а равно и восковыми свечами и хвалами, подобающими останкам блаженного мужа, выражая тем глубочайшее почтение человеку Божию, переходили реку Адрану²⁹. В это время из руки одной женщины, пораженной необычностью происходящего, выпала свеча и погрузилась в реку. Когда многие, желая помочь, бросились вынимать свечу из воды, то ожидали, что по причине враждебной природы стихий она погасла, однако увидели, что ее свет не померк, и как прежде, огонек свечи изливает сияние. Истинно, мы не сомневаемся и признаем, что все, что бы ни делалось по воле Божией, согласуется с природой; так нам видится достойным доверия и то, что огонь не был потушен водой, как не уступила огню человеческая природа у тех известных трех отроков³⁹.

Глава 16. О вылазке горожан и о полном поражении врагов

Когда же драгоценные останки блаженного мужа были принесены в город, войско саксов, преследуя горожан, приступило к осаде и теснило их оборону превосходящей военной силой. И тогда они сами, сделав вылазку, при поддержке и благоуспешном заступничестве святого Вигберта вступили в сражение. Обнаружилось, что жители города гораздо сильнее; они рассеяли и поразили многочисленное войско врагов, изувечили ранами многих, кто не успел убежать, и в конце концов всех принудили искать спасения в бегстве.

Глава 17. О том, как, устрешенные величием небесного видения, саксы спасались бегством

Озловившись еще больше из-за того, что их прогнали, саксы жаждали повторным сражением смыть бесчестье своего бегства, и, одержав верх, истребить прежних победителей до единого. Однако той ночью, после которой, как саксы надеялись, настанет день жестокой битвы, эти нечестивцы были внезапно поражены невероятным ужасом, ибо увидели ярчайший свет, что излился свыше на церковь, выстроенную в память святого мужа. В этом свете узрели они на гребне церковной кровли призрачную фигуру, будто бы человеческую, но далеко превосходящую смертных и телесной крепостью, и достоинством, еще и закутанную в белые одежды, которая прохаживалась туда и сюда по крыше. Потому по Божией воле, устранившись к тому же сего величественного видения, саксы, побросав обозы и все прочее, что необходимо, лишь торопясь свою жизнь спасти, вновь обратились в бегство.

Глава 18. О дележе добычи

Рано утром, когда стало достоверно известно, что враги ушли, более того, убежали почти что нагишом, побросав все в великом множестве, из города вышли те, кто, запершись, переждал нападение врагов за преградой стен. Горожане, вознося Богу благодарения за щедрость Его и неожиданную радость, разделили на всех поровну доспехи и имущество врагов и увезли в город.

Глава 19. О человеке, пораженном неизлечимым параличом

Немного времени спустя эти же саксы вернулись, собираясь возобновить столь неудачно начатую войну; и вот, один из них принес горящую головню и трут и силился подпалить церковь, о которой уже шла речь; но ничего не вышло и усилия его оказались напрасны. По заступлению св. Вигберта он был повергнут Божественной силой на землю и получил достойную награду за кощунственный замысел, а именно: был поражен неизлечимым параличом.

Глава 20. О грабителе, лишенном ума и зрения

Пытаясь ограбить тот же дом Божий, один из саксов разбил дверь, ворвался внутрь, схватил нечестивыми своими руками искусно вызолоченный серебряный оклад с креста и не медля поспешил в выходу. Не замедлила и кара Божия: он потерял разум, и скорее походил на бессмысленное животное,

чем на человека. Когда его обнаружили с окладом в руках, он бродил около церкви, и таким образом, ничего не сознавая, вернул на законное место то, что украл, находясь в полном сознании. А еще на вилле Гейсмар³², которая была недалеко от города, нашлись мощи святых, также увезенные саксами, и оказались ни в чем не поврежденными.

Глава 21. О недейственности огня

Не обойду молчанием еще и такое. Уже не раз упомянутые саксы, захватив огня и набрав много трута (материал, что всегда в ладу с огнем), набросали все это внутрь церковного здания и вновь попытались его поджечь; но и теперь благодаря вмешательству блаженного Вигберта их безумные ожидания были обмануты. Столь ничтожен был результат тех суетных усилий, что пламя, разведенное рукой неистовствующих варваров, горело во всю силу лишь в куче хвороста. Можно было наблюдать, как совершенно обычное, квасцами³⁰ не обработанное дерево будто бы отстраняло от себя мощь огня, являя дивящимся людям внушенную ему волей Божией силу сопротивляться стихии, которой прежде было оно послушно.

Глава 22. О том, что само здание церковное не могло быть запачкано нечистотами

После ухода саксов собралось вместе немало хассонов (ибо хассонами называют тех, кто населяет саму эту область), чтобы вычистить церковь. Она, как они полагали, должна была быть сильно загажена, потому что саксы, не выказывая по отношению к зданию церковному никакого благоговения, устроили там конюшню. Однако вошедшие не нашли ничего, о чем тревожились. Так вот, силою Божией оказались смыты нечистоты и скверна, а от всей той грязи не осталось и следа.

Глава 23. Об истечении мирра от мощей святого

Это все происходило подле церкви, перед которой, как мы указывали, долго находилась гробница св. Вигберта. Но затем его мощи перенесли в город, и подобно тому, как бесценное мирро, если его коснуться, повсюду начинает распространять приятнейший аромат, так и останки сего святого мужа, когда их струнули с места, щедро источали благоухание чудес. Это сообщал достаточно надежный и достойный доверия свидетель (когда уже соединение членов было поколеблено по причинам мирским, которому некогда неоднократно являлся дух блаженного Вигберта и в продолжение двух или трех дней удостоил его быть свидетелем девяти чудес.

Глава 24. О том, как, по небесному увещанию, мощи св. Вигберта были препровождены в монастырь Херольфесфельд³³

По прошествии нескольких лет Альбуину³⁴, предстоятелю этого же Фритесларского города, а именно: Бурабурга, во сне явился некто и сказал, что послан свыше в монастырь, имя которому Херольфесфельд, и что туда должны быть перенесены мощи блаженного мужа. Запомнив сон, епископ открыл его

Лулла³⁵, архиепископу Могонтиакской Церкви; тот изложил дело великому Карлу и немедленно добился его согласия. Так по приказанию Лулла помощник³⁶ его Альбуин в ночное время передал прах блаженного Вигберта трем монахам вышеназванной киновии, а именно: Эрнусту, Батуриху и Вольфу, с тем, чтобы они тайно перенесли его в Херольфесфельд. Делать это днем было опасно, ибо народ, привязанный любовью к столь великому мужу, мог в слепом мятеже напасть на тех братьев, либо учинить над ними какое насилие и присвоить, превосходя монахов силою, себе право на столь необычайное сокровище. Конечно же, так было решено не потому, что досточтимый настоятель не полагался на святого Вигберта, который, без сомнения, мог вмешаться и защитить переносивших его останки, но потому, что рассудил премудро: хотя совершалось это при явном благоволении Божиим, но нельзя было не принимать во внимание и человеческие намерения, ведь они вполне законны. Ибо благочестию христианскому, пока человек должен что-либо делать в мире сем, в полной мере присуще не искушать Господа Бога своего. Потому, если кому это утверждение может показаться неважным, отошлем его к примеру из Писания: когда фараон отпустил народ Израильский, Господь именно потому не повел его через землю филистимлян³⁷, чтобы не покарать Своих избранных, если увидит, что они восстанут против Него. Ясно, что человек здравомыслящий никак иначе понимать это место не может, кроме как согласившись с нашим толкованием, более того, с толкованием древних. Из этого примера ясно видно, что люди должны делать все, что возможно, по здравому рассуждению, чтобы избежать опасности, даже когда Господь со всей очевидностью предстает им Помощником.

Глава 25. О том, как ковчег с мощами святого был помещен в гробницу

Итак, преславнейший дар, врученный им епископом, названные выше братья быстро доставили в монастырь Херольфесфельд и останки святого, встреченные там прочими слугам Божиими, были со славой захоронены на лучшем месте в церкви. Заручившись согласием великого Карла, Лулл к тому же позаботился изукрасить надгробие св. Вигберта золотом и серебром, а еще разными бронзовыми украшениями (как это можно обычно видеть на гробницах святых в Галлии и Германии) и завершил этот труд к августовским Идам³⁸. И там впоследствии, по преизобильно излившейся Божественной благодати, просияли великие и удивительные знамения. Но поскольку они почти что неисчислимы, то я в добавление к уже описанному здесь упомяну лишь некоторые, дабы размышляя над этими, всякий, кто пожелает, представил бы себе и остальные.

Глава 26. Об исцелении Хунтхери

Некий муж был болен настолько тяжело, что его привезли в киновию на тележке, устроенной наподобие кровати. В этом месте, получив благодетельную поддержку блаженного Исповедника, он не только выздоровел, но и обрел отменную крепость. А также, приняв там монашество, участвовал в монастырских послушаниях и находил радость в том, что ничем не отличался от прочих братьев. Его имя было Хунтхери.

Глава 27. О Бургварте, пораженном параличом

Также и другой муж, именем Бургварт, который был лишен почти всех телесных сил, немалое время лежал у порога гробницы св. Вигберта, и наконец, благодаря неустанной молитве ему было даровано полное исцеление. И в самом деле, обретя давно забытую способность ходить, он даже отправился в Рим, чтобы там помолиться.

Глава 28. О Сигеберте, одержимом нечистым духом

Господь не отказал достохвальному рабу Своему и в благодати изгнания злых духов. Так в недавнее время некий муж, по имени Сигеберт, одержимый жесточайшим демоном, был приведен сюда, в железных оковах на руках, и вызывал у всех сострадание; по заступничеству же св. Вигберта, он освобожден от беспощадного врага.

Глава 29. О Бертгаре, одержимом нечистым духом

Так другой муж, называемый Бертгар, был превращен злым духом из человека в неистового зверя; он исцелился от этого ужасного страдания у гробницы святого.

Глава 30. О тройном излечении Рамнульфа

А еще некий муж, аквитанец, имя которого было Рамнульф, был от рождения глух, нем и согнут наподобие животного, так что его глаза устремлены были на его чрево. Когда же его привели сюда, он вдруг обрел, благодаря величайшему и редчайшему чуду, испрошенное отвержение замкнутого слуха и уст, и еще выпрямился, так что мог, как свойственно человеку, взирать на небо. Таким образом он поражался, что, испытывая прежде страдание от тройного увечья, удостоился внезапно стольких же полезных способностей, присущих человеческому естеству.

Заключение труда

Я изложил сколь возможно полно и привел в порядок то, что было начато, как вы пожелали; ничего не добавил я лишнего и, не сходя с тропы истины, поведал о том, что вы по проницательности ума своего велели изложить.

Пожелаем же, дабы блаженный исповедник Христов Вигберт одарил мое писание милостивым благоволением и изволил вознаградить вас, доставивших мне сведения о святом, а также и меня, приложившего руку к сему труду и придавшего этим сведениям вид книги.

Гомилия на праздник св. Вигберта

Радуйтесь и веселитесь в Господе, возлюбленные братья, пришедшие преданным духом на праздник святого Вигберта, и по зову сердца восславьте вместе и многообразно Господа Иисуса Христа, Который никогда не оставляет надеющихся на Него, но милосердно позаботился послать нам, находя-

щимся в сей горестной темнице мира, достохвальных покровителей, чтобы они ходатайствовали за нас; поскольку благодаря им мы научены Христианской вере и насыщены небесными яствами, мы уже можем надеяться на небесную награду, если последуем за ними сердцем и делами. Сам также Господь наш Иисус Христос, Святой Создатель всяческих, сотворил всех святых; и никто никогда не делался святым без щедрого Господня попечения. По этой причине, как мы читаем в Новом Завете³⁹, от первомученика Авеля⁴⁰ до наших времен в этом мире Господь прославляет спасительными чудесами святых и избранных Своих, которые не были подвержены мирским соблазнам, но всем напряжением ума и тела питали праведные помыслы и удерживали себя от всяческой неправды, действительно противостоя внушениям диавольским. Вот почему, по преизобилующей Божественной благодати, они суть общники и наследники престолов ангельских на небе, где они не могут желать ничего лучшего, кроме как ненасытимо наслаждаться созерцанием Господа Иисуса Христа и обществом сограждан Града вышнего. И потому, братия возлюбленные, возьмем себе оружие и примеры тех, кто, являя веру свою, с Божией помощью покорял бранные царства, вершил справедливость, достигал обетованного; и действительно Господь Иисус Христос в Евангелии изрек слово истины: “Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного”⁴¹. Павел, выдающийся проповедник, увещевал такими словами: “ибо не имеем здесь”, в мире, полном нечистоты, “постоянного града, но ищем будущего”⁴². По этой причине подобает и вам, держащимся наичистейшей апостольской веры стремиться подражать им во всем пронизательным и неустанным духом, сколько сможете. Ибо, как мы читаем на страницах Писания, апостолы были столь воспламенены любовью ко Христу, что никоим образом ни муки или угрозы царей, а равно гонения от неверных не могли разлучить их с Богом; но, благодаря твердой вере и деяниям, или любви, которая не преидет, единодушно, не уклоняясь, они шли по пути спасения, доколе по Божественному призыванию не удостоивались восходить от сего мира в горня. Что скажем о девах? По немощи плоти не достанет ума человеческого написать что-либо, их достойное, или подражать им, ибо у них была вера едина, любовь неизменна, едино милосердие; и они имели девство плоти – тело целомудренное, девство души – веру неповрежденную⁴³. Ибо были украшены благочестивыми стремлениями в Господе Христе, приняли в качестве достойных наград пальмы подвигов и венцы на небесах. Что должно сказать также о мучениках? Облеченные в лохмотья и жалкие одеяния они предавали тела свои на земные мучения, пока не сподобились быть вместе с Господом Вседержителем и вечно царствовать с Ним. Они отвергли пышные цветы мира сего с его обманчивыми заботами, которые морочат людей своей лживостью, и всеми силами возлюбили Господа Христа, и посему царствуют в небесных чертогах. Об исповедниках, из числа которых и этот вот раб Божий, да и обо всех прочих святых мы читаем в истории Церкви: все чрез различные испытания оставив

пути мира сего поднялись в горня. Конечно, нам должно в чем-нибудь подражать их святейшей жизни, насколько позволяет человеческая немощь; ибо мы сотворены по образу Божию, как и они. И потому мы должны возвратить Богу, восседающему на высоком Престоле, наши незапятнанные образы, как Он говорит в другом месте: “Образ Кесаря да возвратится Кесарю, образ Божий да возвратится Богу”⁴⁴. Если наша жизнь по сравнению с жизнью святых отвратительна, нам, однако, не должно впадать в отчаяние, которое опасно, но должно полагаться на помощь Божию, ибо “все пути Господни – милость и истина”⁴⁵, – а различаются своим завершением. Ведь в самом деле, благодатная и невыразимая воля Всемогущего не различает ничто другое, кроме того, что подобает по высшей справедливости. Никто же из вышеупомянутых святых не был столь безупречен, что не нуждался бы в высшем милосердии. Ибо никому не было достаточно умножения Божественных благ настолько, что больше не оставалось бы совсем ничего, что ум, вооруженный Божественной помощью, не желал бы понять и совершить. Потому никто не должен отчаиваться о величине своих неправд, как Господь сказал в другом месте: “Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был”⁴⁶. Следует, однако, с поспешностью принять, как целительное лекарство, обращение к Богу, чтобы не упустить время для улучшения и исправления по причине медлительности и небрежения, ибо никому из нас не известен последний день нашей земной жизни. И потому приклоним слух сердца к правдивым речениям Павла, когда он говорит: “Отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно”⁴⁷. Ибо ни одно из деяний Господа нашего Иисуса Христа не лишено милосердия, когда Он проявляет заботу о человеке как снисхождением, так и наказанием; и Он милосердно уготовляет ему на время суровое испытание, чтобы тот не заслужил для себя кары навечно. И потому да не пребывает никто в бездействии на пути жизни сей, чтобы не потерять приятнейшего места в Небесном Отечестве. По этой причине тот, кто по доброй воле ищет Бога Всеблагого, Который содержит в Себе все блага и совершенства, тот ищет ничто иное, как радость вечную на небесах. Да обрящем же Господа, как сделал сей блаженный раб Божий, за что он и увенчан пред лицом Бога и людей. Будем искать Его, пользуясь тем оружием, каким мы можем обрести Его: любовью к Богу и ближнему, раздачей милостыни, частым посещением церкви и непрестанными молитвами и, с Божией помощью, постоянным сопротивлением дьявольским силам, ибо в различных несчастьях бежит жизнь земная, словно колея мирская. В сей жизни ни у кого нет радостей небесных. Но от сотворения мира до наших дней многие уклоняются с пути истинного по неведению, ибо среди многих бурь и тревог мира сего нелегко знать и любить Бога. Потому сделаем так, как говорит пророк: “Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко. Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник – помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив”⁴⁸. Итак, без конца ищите бла-

гое, и упорствуйте в найденном; ибо бесспорно, что истинное блаженство – во Всевышнем Боге, на что никак не возразишь. Ибо ни охватить умом, ни выразить речью все устройство Божественного деяния невозможно человеку. Придет время, когда то, что мы делаем лишь наружно, стяжаем по существу дел. Однако этого мы коснулись вскользь и кратко. Впрочем, что может быть блаженнее и что спасительнее, чем служить Богу, Который правит кораблем мира, как Великий Кормчий, и “Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины”⁴⁹. Но до тех пор, конечно, пока не наступит день Всеобщего Суда, и мы, радостные по причине наших добрых дел и защищенные Божиим покровом, не удостоимся принять вечное блаженство вместе со святыми своими. [Аминь].

Молитва на праздник св. Вигберта

К нам день святого Вигберта
 Приходит удивительный,
 Христом хранимых Пастырем,
 Нас светом просвещающий.
 Господень исповедник сей,
 Смиренный духом праведник,
 Кому Христос предсказывал,
 Что Рая удостоится.
 Его прошеньем, верится,
 Достигнем Царства Божия,
 Коль будем почитать Того,
 Чей трон стоит на ангелах,
 На херувимах зиждется,
 На серафимах зиждется,
 И Кто полки небесные
 Ведет Своею властью,

И Тот, Кто Сам избавил нас
 От адского мучения
 И от сетей диавольских
 Упас хоругвью крестною.
 Святого исповедника
 За нас молиться просим мы,
 Чтобы Господь, Царь ангелов,
 Простил нам прегрешения.
 О пастырь благодетельный,
 Вступишь за клир свой преданный.
 Твои веленья добрые
 Искупят наши немощи.
 Спаситель наш, ослаби нам,
 Прости нам преступления
 Заступничеством Вигберта,
 Подвижника преславного.

¹ *Эйнхард* (ок. 770–840) – один из выдающихся писателей эпохи Каролингов, сподвижник Карла Великого и преемника Людовика Благочестивого.

² *Горацій*. Сатиры. I, 10, 35.

³ Цитата из “Тускуланских бесед” Цицерона (см. примеч. 5) I, 4, 4 (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴ *Св. Альдрик* (800–857) происходил из знатной семьи, приближенной ко двору. В возрасте 12 лет был привезен в Аахен, воспитывался в кордлевском дворце и получил образование в “Академии” Карла Великого. Позже был каноником в Меце, диаконом, затем при епископе Дрогоне, сыне Карла Великого, пресвитером и главой соборной школы. В начале 20-х годов IX в. был настоятелем монастыря Ферьер и по поручению Людовика Благочестивого помогал вводить бенедиктинский устав в монастыре Сент-Аманд. С 832 по 857 г. был епископом Мансским и конфессионарием Людовика Благочестивого.

⁵ *Марк Туллий Цицерон* (106 до н.э. – 43 до н.э.) – величайший римский оратор, крупный политический деятель, исследователь и популяризатор греческой философии. Риторические со-

чинения Цицерона изучались в средневековых школах и являлись важнейшим руководством по теории красноречия.

⁶ *Храбан Мавр* (780–856) – выдающийся педагог, богослов, ученый-энциклопедист; в 847–856 гг. архиепископ Майнцский.

⁷ Скорее всего, имеется в виду ранний трактат Цицерона “О нахождении” (“*De inventione*”).

⁸ Трактат Цицерона “Об Ораторе” “*De oratore*” в трех книгах, написанный в форме диалога (55 г. до н.э.).

⁹ Вероятно, имеется в виду трактат “Риторика к Гереннию”, приписывавшийся в Средние века Цицерону.

¹⁰ Обширный труд Авла Геллия “Аттические ночи”, начатый в 60-е годы II в. и состоящий из 20 книг (все, кроме 8-й, дошли до наших дней), представляет собой извлечения из сочинений 275 античных авторов из области философии, истории, грамматики, медицины, геометрии, астрономии, физики. Из 434 глав примерно две трети посвящены вопросам литературы, лексикологии, этимологии.

¹¹ *Имма* – сестра Бернарда, епископа Вормского, настоятеля монастыря Вейсенбург. В 815 г. она уже была замужем за Эйнхардом. Умерла в 836 г.

¹² См. примеч. 6.

¹³ Монастырь существовал уже в 630 г. До начала IX в. община жила по уставу, принесенному миссионерами-ирландцами, после церковных Соборов 816–819 гг. и начала реформ Бенедикта Анианского в монастыре был принят бенедиктинский устав. С 782 г. настоятелем Феррьеера был Алкуин; здесь же было составлено его житие. Своего расцвета монастырь достиг в настоятельство Лупа (840–862).

¹⁴ *Св. Вигберт* (ок. 670–ок. 738) – англосаксонский миссионер; прибыл на Континент по приглашению св. Винфрида-Бонифация в начале 20-х годов VIII в.

¹⁵ В конце 40-х годов VIII в. О более ранней версии Жития святого ничего не известно.

¹⁶ *Саллюстий Крисп* (86–35 до н.э.) – римский историограф, автор книг “Заговор Катилины”, “Югуртинская война”, “История”; *Тит Ливий* (59 до н.э.–17 н.э.) – автор огромного исторического произведения в 142 книгах “От основания Города”, являющегося изложением истории Рима от его основания до современных автору событий.

¹⁷ Двое из четырех великих учителей Западной Церкви; *блаж. Иероним* (ок. 341–420), кроме жития прп. Павла Фивейского, написал еще жития прп. Иллариона и Малха; *свт. Амвросий Медиоланский* (339–397) – автор сочинений “О Товии”, “О патриархе Иосифе”.

¹⁸ Сведения для Главы I взяты из “Церковной истории англов” Беды Досточтимого (Кн. 1, гл. 14,15).

¹⁹ *Св. Винфрид-Бонифаций* (ок. 675–754) – один из самых известных англосаксонских миссионеров VIII в., архиепископ Майнцский.

²⁰ *Карл Мартелл* (ок. 688–21.10.741) получил верховную власть в 737 г.

²¹ Монастырь Фрицлар основан в 723–724 гг. св. Винфридом-Бонифацием на реке Эдер во время одной из его миссионерских поездок к язычникам-хассонам. Св. Винфрид-Бонифаций срубил священный дуб в святилище бога Тора в Гейсмаре (около г. Бурабург) и из его древесины приказал построить во Фрицларе церковь св. ап. Петра. До основания Фульды (744) был центром миссионерской деятельности англосаксов в Гессене. В 732–733 гг. переформирован в монастырь. Первым настоятелем монастыря был св. Вигберт, чьи мощи после его кончины были перенесены в город Бурабург (в 774) по причине частых набегов язычников-саксов.

²² Ныне – г. Майнц.

²³ *Св. Мегинг (Мегингод)* – бенедиктинский монах, епископ. Поступил в монастырь Фрицлар в 738 г., позже стал его настоятелем, с 754 г. епископом Вюрцбургским; в 787 г. удалился на покой в монастырь Нойштадт.

²⁴ Ныне Ордруф – первый монастырь, основанный в Тюрингии (725) св. Винфридом-Бонифацием; являлся базой для деятельности англосаксов-миссионеров.

- ²⁵ Деян 1:8 “будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли”..
- ²⁶ Флп 3,7–8.
- ²⁷ Германское племя, населявшее Гессен и давшее этому краю свое имя.
- ²⁸ В земле Гессен, на юго-западе от монастыря Фрицлар. Центр миссионерской деятельности сначала ирландских, затем англосаксонских миссионеров. Обладание этим городом окончательно укрепило позиции франков в Северном Гессене.
- ²⁹ Ныне – р. Эдер.
- ³⁰ Библейская история о трех еврейских юношах, Данииле, Анании и Мисаиле, в вавилонском плену, чудесным образом уцелевших “в печи огненной” (см. Дан 3,19–51 и далее).
- ³¹ Один из каролингских доменов в Саксонии; бывшее святилище языческого бога Тора со священным дубом, разрушенное св. Винфридом-Бонифацием. Вероятно, саксы-язычники случайно отвезли в Гейсмар похищенные из Бурабурга мощи святых.
- ³² *Квасцы* – соль, употреблявшаяся в медицине и ремеслах; дерево, опущенное в квасцовый раствор, становится огнеупорным.
- ³³ Монастырь Херсфельд основан на месте эремиция (cella), построенного св. Стурми, учеником св. Вигберта между 769 и 775 гг., родственником и сподвижником св. Винфрида-Бонифация Луллом, который жил в этом монастыре с 780 г. до своей кончины в 786 г. 13 августа 780 г. в монастырь были принесены мощи св. Вигберта.
- ³⁴ В то время, когда происходили события, описанные в житии, Альбуин был хорепископом Бурабургским.
- ³⁵ *Лулл* (ок. 710–786) – архиепископ Майнцкий. Родился в Вессексе (Англия), двоюродный брат св. Винфрида-Бонифация. Принял монашество в монастыре Мальмсбери, знаменитом своей школой; в 738 г. присоединился к англосаксонским миссионерам на континенте, став ближайшим помощником, а затем преемником св. Винфрида-Бонифация в качестве епископа Майнцкого после его мученической кончины в 754 г. Получил архиепископский паллий в 781 г. До конца своей жизни находился в основанном им монастыре Херсфельд (с 780 по 786 г.)
- ³⁶ Хорепископ.
- ³⁷ Исх 13,17.
- ³⁸ К празднику перенесения мощей св. Вигберта в Херсфельд – 13 августа.
- ³⁹ Деян 5, 12, 6, 8, 7, 36, 8, 6, 14, 3, 15, 12; Евр 11,4.
- ⁴⁰ Быт 4, 8.
- ⁴¹ Мф 5, 16.
- ⁴² Евр 13, 14.
- ⁴³ Ср. Откр 14, 4–5.
- ⁴⁴ Ср. Мф 22, 20–22; Мк 12, 16–17; Лк 20, 24–25.
- ⁴⁵ Пс 25,10 (24,10).
- ⁴⁶ Иез 33,11.
- ⁴⁷ Рим 13, 12–13.
- ⁴⁸ Ис 55, 6–7.
- ⁴⁹ 1 Тим 2, 4.

Пасхазий Ратберт

Один из наиболее значительных писателей Каролингской эпохи Пасхазий Ратберт родился около 786 г. в окрестностях Суассона. О его жизни известно лишь то, что он сам счел нужным упомянуть в своих произведениях, и то, что сообщает в панегирике ему Энгельмод, епископ Суассонский.

Первоначальное образование Пасхазий получил у монахинь в Суассоне, а затем поступил в монастырь Корби, где настоятельством Адальхард, двоюродный брат Карла Великого; верным сподвижником и помощником был его младший брат Вала. В Корби Пасхазий скоро стяжал славу как богослов, прекрасно ориентирующийся как в западной, так и в восточной святоотеческой традиции, и знаток античной литературы. Его образованность позволила ему преподавать в монастырской школе, но, несмотря на репутацию весьма образованного человека, он до конца жизни не имел пресвитерского сана. В 844–851 гг. Пасхазий был избран настоятелем монастыря, но, будучи не в силах справиться с нарушителями устава, сложил с себя настоятельские обязанности и полностью посвятил себя научным трудам. Пасхазий прожил в Корби до самой кончины, последовавшей 26 апреля 865 г.

Пасхазий писал толкования на Св. Писание (“Толкования на Евангелие от Матфея” в двенадцати книгах, “Толкования на Плач Иеремии”), трактаты на различные богословские темы. Он составил жизнеописание Вала под названием “Эпитафия Арсению”. Жизнеописание в двух книгах написано в форме диалога. При создании столь необычного произведения Пасхазий взял за образец, с одной стороны, книгу Сульпиция Севера о св. Мартине Турском, с другой, сочинения Цицерона. Его перу принадлежит также “Житие св. Адальхарда”, к которому он присоединил “Эклогу двух монахинь” – стихотворение на смерть Адальхарда. Присоединенная к прозаическому житию, “эклога” составляет с ним прозиметр. Имена монахинь, оплакивающих Адальхарда, характерны для традиции эклоги – Галатя и Филлида, но сами монахини являются персонификациями двух монастырей, Корби и Корвей, которые основал Адальхард.

Перевод сделан по изданию: *Green R.P.H. Seven versions of Carolingian pastoral. Reading, 1980. P. 21–25.*

Эклога двух монахинь

Галатя:

Плачьте со мною, мужи, над отцом опочившим рыдайте,
Старцы, молитесь о нем, для него снисхожденья просите,
Мир утопите в слезах и поля разукрасьте цветами
На похоронах отца; днесь округа вся полнится плачем.
Горе замкнуло уста, их служение приняло сердце,
Голосу скорбной души отвечают стенанием звезды.
Пусть ему долг отдают италийцы, и галлы, и франки,
Пусть необузданный сакс погребальную песню подхватит.
Путник, сюда поверни, ибо спел величайший из смертных:
“Холм насыпьте, на нем такие стихи начертайте”¹.
Старца останки теперь в драгоценный ларец положите,

Дом, подходящий тому, кто открыл нам дорогу к спасенью.
На погребенье его пусть миряне смешаются с клиром,
Как антифон, воспоют песнопенья, внушенные свыше.
Пусть в сладкозвучных стихах скажут пастыри, сколь он прекрасен,
“Стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада”².
Пусть им ответит народ: “Мы о милости молим, Создатель,
Даруй прощенье рабу и прими его в райские кущи;
Не забудь нас, сирот, не оставь без прощенья старца,
Ты, Сердцеведец, о нем знаешь, что он награды достоин”.
Пусть отразятся любовь, плач и скорбь в этой общей молитве,
Пусть о победах юнцы, пусть о славе мужи рассуждают.

Филлида:

Кто же слезу не прольет, оттого что сей муж доброчестный
Легким стал прахом теперь, почивая под мрамором тяжким?
Слава деяний его до земных долетает пределов,
Сам же потомок царей стал едою червей ненасытных.
Что ж мы на этой земле можем сделать, подвластные смерти?
Можем мы плакать, рыдать, но его возвратить мы не в силах.
Ныне зовем мы его, он ушел и не слышит зовущих.
Скорбь разрывает сердца, душу мучают горькие слезы –
К нам не склоняет свой слух и не внемлет стенаньям скорбящих.
Перед страданьем таким беззащитно смятенное сердце,
Ныне вся жизнь наша – плач, не поможет и смерть нам глухая.
Здесь, на печальной земле остается лишь горсточка праха,
Искра бессмертья – душа – взлетает, блаженная, к звездам.
И потому я хочу, чтобы юноши, девы и старцы
Плакали и из сердец источали соленые реки.
Так как начало вещей омрачилось явлением смерти,
Знают страданье сие все потомки Адама и Евы,
Все сострадают отцу, погружаясь в отчаянье скорби.
Пусть сотрясут небеса вместе вздохи, стенания, слезы,
Пусть отовсюду слышны будут стон и рыданье монахов.

Галатея:

Старца во гроб опусти ты, как старшая, мать Корбейя,
Я же, как младшая, песнь воспою, что с рыданием сходна,
Ибо и я лишена покровителя доброго ныне.
Ты ведь недавно меня породила, и дочери милой
Имя свое нарекла, коим радостно зваться и в скорби.
Ты мне сказала: “Дитя, ты сestroю мне в вечности будешь”,
Ибо один основал нас, ликуя, блаженный Арсений,
Много в речах изъяснив, что в грядущем сестер ожидает.

В страшные те времена кровожадный свирепствовал демон,
В капищах темный народ приносил ему жертвы без счета,
Истинный Бог был забыт, разрушались Христовы овчарни,
Нечисть Арсений изгнал, словно свет, что рассеял потемки,
Славные монастыри основав, их молитвой наполнил.

Филлида:

О преблаженный отец, за тебя понесу я страданья,
Ты же в надзвездном краю наслаждайся достойной наградой!
Прежде ты пастырем был Амбианскому кроткому стаду,
После Корбейя тебя, как наставника, также узнала,
Дикие саксы тебя, как отца, почитали, Арсений.
Так ты у Бога стяжал в Горнем Царстве двойную награду.
Ты, вероломная смерть, состраданья совсем не имеешь,
Всякому яд подаешь, не взирая на чин и на званье,
К ближним не знаешь любви, к господину не знаешь почтения,
Все пред тобою равны, всем ты – жребий последнего часа,
Ныне похитила ты безвозвратно учителя многих,
Коего прах мы теперь провожаем, в слезах утопая,
Плачем, рыдаем, скорбим и в стенаньях любовь выражаем.
Ты же, о хищная смерть, никого никогда не жалеешь!
Горе! Уносишь с собой всех, кого мы так верно любили,
Все поглотить ты спешишь, что в сей горькой юдоли мы ценим.

[Галатея:]

Младшая тут из сестер, что зовут Галатеей, сказала:
“О, сколь был кроток в речах, в обхождении ласков наставник!
Но почему нас одних ты оставил, когда мы столь юны?
Ты преселился туда, где не будет предела блаженству,
Я же, подруга войны, обагренная кровью сражений,
Слез непрерывным дождем орошаю поблекшие щеки,
Плачу и в грудь себя бью, осознавши свои прегрешенья,
Влагой соленой лицо отмываю от крови и грязи,
Ибо греховная жизнь потемнила меня, словно копоть.
Пусть с белоснежным лицом, словно майская роза сияя,
Вырасту и расцвету, продолжая оплакивать старца,
Не перестану скорбеть, сколько б лет над землей не промчалось,
Буду молиться о нем, пока смерть мне глаза не закроет”.

[Филлида:]

Также Филлида рекла о почившем наставнике слово:
“Не превзойдешь ты меня ни в слезах, ни в стенаньях, ни в плаче,
Лучше меня не споешь, и усердней молиться не сможешь.
Мед принеси, я прошу; я цветы собираю полевые;

Св. Евангелист Марк. X в.
Культура аббатства Санкт-Галлен. Stuttgart, 1993. с. 92. Вкл. 20.

Бледных фиалок сорви, припасу я белеющих лилий,
Сверху могилу отца я украшу душистой травой,
Ибо вот этих даров был достоин учитель Арсений,
Нам подававший не раз врачевство утешений духовных,
Кровью Христовой тебя возродивший для радостей Рая.
Некогда в вещих речах Бог открыл чрез пророка Исайю:
День незабвенный придет, и восплещут ветвями дерева,
Мирт, благородная ель, также сосны с корою смолистой,
Гроздь винограда блеснет, засияет седая олива,
Эта земля процветет, словно Сад Наслаждений небесных,
Ливень весенний ее ото сна векового разбудит.
Больше не будет она черным зевом средь скал у Аверна,
Станет она для людей Дверью Жизни и Рая Вратами.
Не принесет тебе вред ядовитое смерти коварство,
Ей не настигнуть тебя на пути, уходящему к звездам.
Ты уж главой вознеслась до лазоревой тверди небесной,
Имя известно твое до пределов подлунного мира,
Не было прежде такой у монахов заступницы доброй,
Лучше тебя не найти, хоть всю землю измеряй шагами.
И потому замени на рыдание песню о старце.
Восемьдесят ему лет лишь исполнилось, был еще крепок,
Ты ж, дорогое дитя, не была еще зрелой духовно,
Умер внезапно отец, видишь, гидрия жизни разбита,
Родины светоч погас, излучавший Премудрость Христову”.

[Галатея:]

“Матушка”, дочь говорит, уповая на Бога Благого,
“Что пробуждаешь ты вновь разговором великие скорби,
Иль вспоминаешь тот день, что чернее потемок Эреба,
Столь несчастливого дня прежде не было, нет и не будет.
День сей похитил у нас покровителя юности нашей,
Жизни красу унеся и лишив нас надежной опоры.
Мы – горемыки – живем, но его мы – увы! – потеряли,
Ибо нас, бедных, гнетет неотступная тягота рока.
С ним не могли мы уйти в мир, где нет ни скорбей, ни болезней,
Но полагаю, что смерть предпочтительней жизни сиротской”.

Филлида:

Вот почему весь народ, что омыт был водою Крещенья,
Реки соленные слез источил, чтоб оплакать потерю.
Умер мой девственный муж, об усопшем раздайтесь, рыдания,
Был он разумен и добр, сердцем чист и любви преисполнен,
Кроток, смиренен душой, целомудрен, привычен к молитве,

Меру во всем сохранял, справедливость, трезвение, ровность,
Был он прославлен умом, благородством возвышенным духа,
Ярко блистала в речах драгоценная мудрость Христова,
Жизни источник кипел, изливая спасение многим.
Нрав, добродетель его всем народам на свете известны,
Старцу снискали любовь миролюбие, скромность и милость, –
Эти сокровища он собирал на земле неустанно.
Их мне, как свадебный дар, преподнес добродетельный Арсений,
И потому возросла благодарность в душе моей чистой,
Как возрастают цветы, украшая всю землю весною.
Но потому-то и плач возрастает теперь поминутно,
Что столь большая любовь, словно ладан, в нем благоухала.
Нет целительных средств против скорби великой и жгучей,
Лишь облегчает ее прославление имени старца.

[Галатея:]

Тотчас в ответ говорит Галатея, блаженная дева:
“Сетовать ныне начни, воспевая великое имя,
Пусть подивятся таким похоронам болтливые Музы
И к воздыханьям твоим пусть свои песнопенья прибавят.
Пусть даже камни с тобой воспевают печальную песню”.
“Если б вернулась любовь, – продолжала затем Галатея. –
Мы, проливая о нем непрестанные горькие слезы,
Силы могли подкрепить почерпанием сладости дивной.
За руки взявшись, теперь устремимся к Небесным Чертогам,
Гости на Браке Царя, нас на пир призывавшего прежде.
Мы на Небесных полях бесконечную радость узнаем,
Где наслаждается днесь достославный наставник Арсений,
Нашу стяжавший любовь и почтение круга земного,
Скорбные вздохи и плач из сердец безутешных исторгший”.

Филлида:

Что же, стремленье сие отвечает законам природы,
Только вот путь к Небесам пролегает сквозь камень гробницы.
Если, скажу я тебе, постоянно стремимся и ищем,
То по конце своих дней мы придем в удивительный город,
Где благочестие, мир, доброта, изобилие правят,
Свет, наслажденье, покой, радость вместе с весельем сияют,
Где все благое живет, где согласие радует души,
Где источает хвалу, честь и славу Источник чудесный,
Блещет там вечная жизнь, покрываются нивы цветами,
Все пробуждает весна, словно ангелы, овцы ликуют.
Там после тяжких трудов получают за подвиг награды,

Ибо Господь раздает победившим венцы золотые.
Праотцы там собрались и когорты апостолов вместе,
Там над рядами бойцов веет ветер, как травы, душистый,
Те, кто страдал за Христа, по цветущему лугу ступают,
Лагерь военный стоит, в нем несут свою службу пророки,
Девственных воинов полк серебром облаченья блистает.
Войско Христово поет, восхваляя Создателя стройно,
В песне едины уста, в восхвалении души едины,
Гимн величавый Творцу голоса золотые выводят.

[Галатея:]

“Больше не дли свой рассказ”, говорит Галатея Филлиде,
“Лучше нам будет воспеть все, что ты мне теперь описала,
В день, когда в Райский Чертог вместе с ангельским войском войдем мы.
Ныне же ты собери и цветов, и травы изумрудной,
Пусть “Аллилуйя!” звучит, обещая грядущую радость,
Пусть первоцветы – поля, пусть фиалки дорогу покроют,
Розы – тропу средь лугов, город празднество лилий украсит”.

¹ Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 2007. Эклога V / Пер. С. Шервинского. С. 49.

² Там же. С. 49.

Вандальберт Прюмский

Монастырь Прюм был основан в 721 г. в Трирской диоцезе в Германии еще при Меровингах и посвящен Спасителю. Первоначально община жила по уставу святого Колумбана (Кельтская Церковь), затем в 750-х годах был принят устав святого Бенедикта Нурсийского. Монастырь не утратил своего положения при смене династий и пользовался покровительством Карла Великого и его преемников. Несколько представителей династии Каролингов приняли в нем монашество. Так, например, Лотарь I стал монахом Прюма в 855 г. и окончил там свои дни. Покровительство королевской семьи и связи со двором привели к тому, что Прюм стал одним из известных центров просвещения Каролингской империи. Первым писателем, который создавал свои произведения в монастыре Прюм, считается Вандальберт.

Сведения о жизни Вандальберта весьма скудны. О нем известно лишь то, что он сам сообщил о себе в своих писаниях. Он родился в 813 г., предположительно, во Франкии. В молодости он поступил в монастырь Прюм. По крайней мере, в 839 г., когда ему было поручено заново составить житие почитаемого в Прюме святого – св. исповедника Гоара, он уже состоял в братии монастыря. Там же, в монастыре, он был рукоположен во диакона и

оставался в этом сани до конца жизни. Известно о его дружбе с Флором Лионским, известным поэтом и писателем времен Людовика Благочестивого.

В жизни Вандальберта особую роль сыграл настоятель Прюма Марквард (829–853), который сам, будучи человеком широко образованным (в частности, состоял в переписке с крупным деятелем Позднекаролингского времени Лупом Ферьерским), поощрял ученые занятия Вандальберта и побуждал его к литературным трудам. В настоятельство Маркварда диакон Вандальберт возглавлял монастырскую школу.

По поручению того же Маркварда Вандальберт составил на основе анонимного “Жития св Гоара” VIII в. новое жизнеописание этого святого. Используя текст старого жития, исправляя погрешности языка и стиля и переписывая неясные места так, чтобы они стали понятны читателю, он также упорядочил сведения о святом в соответствии с существовавшим агиографическим канонам.

Вандальберт, возможно, по делам монастыря, время от времени ездил в Кельн. В Кельне, по просьбе одного из пресвитеров этого города, Отрика, он приступил к созданию второго своего известного сочинения – стихотворного “Мартирология”. В составлении “Мартирология” ему помогал уже упоминавшийся Флор Лионский. Вандальберт пользовался как источником более ранними мартирологиями, одно из произведений этого жанра, например, принадлежало Досточтимому Беде. В “Мартирологии” Вандальберта прослеживается влияние и более ранних авторов – Пруденция и Боэция. До нашего времени также дошла дидактическая поэзия Вандальберта – стихотворения о двенадцати месяцах. Этот стихотворный цикл завершается небольшой поэмой “О сотворении мира”, рассказывающей о шести днях Творения.

Перевод сделан по изд.: PL 121, 639–654.

Житие св. Гоара

Во имя Христово благоприлично начинается Пролог диакона Вандальберта к Житию, деяниям и чудесам блаженного Гоара, составленный для славного мужа Маркварда, настоятеля Прюмского¹ монастыря.

1. Все мы знаем, что человеческому роду следует неповрежденной верой воспринимать чудеса Божественных дел и славить их в благоговении, как увещает Священное Писание и как Ангел повелел святому Товии². Однако в наше время из чудес, которые Силой Христа совершаются либо творятся Им через святых мужей, поставленных для примера миру, многие совсем неизвестны или мало прославлены. Ведь мы, заботясь о преходящем, их почти что не замечаем, а те из них, которые приводят нас в восхищение своим величием, мы не столько по неведению, сколько по лености душевной, оставляем без внимания и по небрежности не записываем для будущих веков. По этой причине наша вина гораздо более очевидна и непростительна, чем вина на-

ших предков. Конечно, в течение многих лет в Галлии усердие к словесности было в упадке³, и нелегко вновь отыскать за прошедшее время многих, кто занимался бы свободными искусствами и кто к нашему времени благодаря щедрости государей и искусству наилучших мужей⁴ преуспел бы в изучении наук. Таким образом, если бы мы позволили деяниям святых мужей, которые дошли до нашего сведения, окончательно пропасть для потомков, нам осталось бы лишь признать справедливость таких упреков. И не должно слушать тех, кто ценит прошлые времена столь высоко, что в своем предубеждении полностью отрицает, будто ныне совершается что-либо достойное запечатления в слове. Божественным Провидением для рода человеческого установлены правила и образ действия, отвечающие потребностям людей в отдельные эпохи мира, и как нам не пристало завидовать блаженству живших прежде нас, так и им, если бы они могли предвидеть то, что ныне творится, не пристало бы порицать состояние нашего времени. Конечно, также и в наши времена в Церкви многие люди своей добродетельной жизнью прославлены, и часто для подтверждения их святости в священных храмах совершаются поразительные чудеса; но мало кто им удивляется или почти никто, ибо из-за того, что часто происходят, они обесценились⁵ для уже очерствевших людских сердец.

2. Поскольку вы, святой и любезнейший отец Марквард, принуждаете меня приложить руку к новому труду, а именно: чтобы я более тщательно изложил “Деяния святого исповедника Христова Гоара”, которые многим уже стали задевать слух своим слишком простым стилем и слабым слогом, а также прибавил чудеса, о которых, вспоминая о нем, достоверно сообщают многие, я вкратце хотел бы оправдаться перед теми, кого, возможно, могло бы задеть написанное мною. Я не берусь самонадеянно исправлять сочинение, чтобы присвоить плоды усердия моих предшественников, и не именую дерзостно литературным трудом то, что собираюсь написать, но лишь хочу, просто отдавая должное послушанию, в подробности исследовать то, о чем я сказал в начале; ибо излагать дела Божии и передавать деяния святых грядущим после нас векам – похвально и славно⁶. И в самом деле, предпринимая этот труд, я более всего уповаю на заслуги святого мужа; немало побуждает меня к этому и Ваше повеление, кому я обязан всем, что я могу. Думаю, меня не много должны волновать пересуды или чье-либо предвзятое мнение, и если в свидетельстве истины и веры дело будет благополучно завершено, я обрету награду у благосклонных читателей.

Во имя Христова кончается Пролог.

Начинается Книжица о Жизни и деяниях святого Гоара, день которого празднуется накануне июльских нон⁷.

3. Об отечестве, родителях и добродетелях святого Гоара.

Святой Гоар был уроженцем провинции Аквитания⁸, которая занимает почти третью часть всей Галлии, и происходил от славных предков. Отца его

звали Георгием, а мать Валерией. Он родился в дни Хильдеберта⁹, короля франков, происходившего из рода славнейшего короля Хлодвика¹⁰, которого блаженный Ремигий¹¹, епископ ремов¹², первого вместе с его войском, обратил в христианство своей проповедью, и жил до времен короля Сигиберта, столицей которого был город Медиоматрик¹³. Гоар был образом жизни честен и благороден, деяниями знаменит, обликом достоин и видом весел, душой смиренен, телом целомудрен, верой непорочен, телесным упражнением заметен. С детства он был в высшей степени предан делам благочестия и милосердия, скоро достиг вершины святости, так что он был и совершитель чудес, и свидетель небесных тайн. И в то время как в нем день ото дня возрастали любовь и стремление к Небесной Отчизне, и вскоре затем явился в изобилии плод добрых дел, его жизнь стала примером ко спасению и прочим людям, так что многие, увещаемые не только его проповедью, но и примером, обратились от нечестия к лучшей жизни и праведным делам; и те, кто прежде служил диаволу, после стали Христовыми воинами.

4. О том, как святой Гоар, сделавшись священнослужителем, ушел в Германию и построил там церковь.

Поскольку не может укрыться город, стоящий на верху горы [Мф 5, 14], слава этого святого мужа и известия о его жизни распространились повсюду, так что он, приняв сан священнослужителя и честь пресвитерства, стал стражем Христовых Тайн и распространителем в народе Божественного слова. Затем, когда дух святого Гоара возрос во все более сильном стремлении к высшим благам, его переполнило влечение к невидимому и презрение ко всему видимому. Святой Гоар оставил родителей и отечество и удалился как странник мира сего и гражданин небесной отчизны к крайним пределам Галлии. Итак, придя в провинцию, соседствующую с берегами реки Рейн, которая называлась Трикория¹⁴ и принадлежала к диоцезе Тревириков¹⁵, он добровольно избрал отшельническое служение Богу в пределах Васалиенских¹⁶. Там в некоем месте, над рекой, которая ныне называется Вокара, с согласия и по воле епископа Феликса¹⁷, который тогда возглавлял город и народ Тревириков, он построил церковь по силам своим и собрал в ней множество реликвий святых, а именно: Пресвятой Богородицы и Блаженного Иоанна Крестителя, и других святых, которых я не счел необходимым перечислять.

5. О том, что святой Гоар отличался странноприимством¹⁸.

Итак, святой Гоар служил Богу в этом месте много лет, посвящая дни и ночи бдениям, молитвам и постам, усердно подвизаясь в терпении и особенно в странноприимстве. Он так ревностно во всякое время по силам своим упражнялся в этой добродетели, что странноприимство считалось особенно свойственным только ему, хотя он отличался всеми добродетелями души.

6. О том, как святой Гоар приводил к вере язычников.

Тем временем святой Гоар начал возвещать слово спасения язычникам, преданным по заблуждению своему поклонению кумирам и обманутым лживыми суевериями идолопоклонства, чтобы, как благой возвеститель Евангелия,

оставивший все свое, стать учителем многих в познании вечной жизни. Так и случилось: многие язычники из соседних областей, которые до того времени упорствовали в ложной вере, наученные его словом и побуждаемые его примером, отвергли языческие суеверия и обратились на путь христианской жизни. И сила его проповеди не лишена была также и знамений, чтобы неверующие умы, которые не могли быть убеждены доводами разума, были бы подвигнуты к вере чудесами. Святой Гоар не раз именем Христовым совершал благодетельные исцеления среди больных и претерпевающих телесную слабость. И сегодня мы видим, что святой муж различными способами благотворит обращающимся к нему, когда наблюдаем, как при воспоминании его имени и слепые обретают зрение, хромые – способность ходить, одержимые нечистыми духами – неповрежденность души, а иные, угнетенные болезнями, – здоровье, дабы исполнились слова святого мужа Псалмописца: Весьма почитаемы друзья твои, Боже, весьма крепко первенство их [Пс 138, 17]¹⁹.

7. О том, каковы были усердие святого Гоара в молитве и любовь к бедным.

Был заведен у святого Гоара такой обычай, чтобы во всякий день, торжественно совершая миссу, приносить Жертву Тела и Крови сообразно с установлениями Церкви, и в углубленной молитве полностью прочитывать Псалтирь, а затем принимать на себя служение любви по отношению к странникам и беднякам, без которых почти никогда не обходилась его трапеза. Препоручая их Богу в молитве, он, тем не менее, подкреплял их вещественной пищей, чтобы зашедший к нему случайно странник вместе со словом спасения и помощью молитвенного заступничества получил также и пищу для плоти. Святой муж делал это, помня апостольское речение: “ибо дающего с радостью любит Бог” [2 Кор 9, 7], и в лице бедняков и странников желал принимать Христа, чтобы удостоиться слов Его: “Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” [Мф 25, 40].

8. О том, как святой Гоар возбудил зависть диавола.

Так как древний враг, завидуя избранному, всеми силами стремится противодействовать их преуспеянию, все, кто желает благочестиво жить во Христе, терпят гонения. Диавол весьма скорбел, что святой муж совершает такие дела проповеди и любви; и вот, то тайно, то даже открыто он начал заманивать святого Гоара в сети коварства и напрягал все силы, чтобы отвратить его разными способами от его цели. Все это святой муж переносил со спокойным расположением духа, зная, что многими скорбями надлежит войти в Царствие Божие²⁰. По этой причине святой Гоар не мог прекращать проповеди, заботясь всегда о приобретении душ Богу, и не терпел никаких препятствий в делах любви, которые, как он знал, наиболее угодны Богу; так что ежедневно к нему приходили многие люди, которые или прибегали к истинной вере от языческой лжи, или, по примеру святого мужа, стремились отдать силы свои на добровольное служение Христу.

Священник, служащий миссу.
Рисунок в sacramентарии XI в. Культура аббатства Санкт-Галлен.
Stuttgart, 1993. С. 41. Ил. 10.

9. О том, что святой Гоар терпел притеснения завистников.

Как добрым людям свойственно радоваться чужим делам, которые им кажутся достойными похвалы, и обращать их к своему духовному преуспеянию, так, напротив, умы дурных людей всегда стараются очернить дела избранных и не устают устами вредоносными поносить то, чему не могут или не желают подражать. Потому случилось так, что однажды к блаженному Гоару пришли под ложным обликом благочестия двое приближенных епископа Рустика, который возглавлял тогда Церковь Тревиоров. Одного из них звали Альбин, другого Адальвин. Они сказали, что пришли за предметами, нужными для освещения церкви святого Петра вышеупомянутого города. В то время как искали необходимое для вещественного света или скорее делали вид, что они это ищут, они не могли скрыть, каким мраком коварства сами были ослеплены.

10. О том, как святой Гоар был обвинен перед епископом.

Эти люди видели, как поступает слуга Христов, а именно: непрерывно проповедует приходящим к нему слово Божие, ежедневно на рассвете возносит хвалы и псалмопение Христу и вслед за тем служит миссу, после завтракает с приходящими к нему странниками и бедняками, совершая это, конечно же, по усердию к любви и по неумолимому желанию добра. Так как дурным людям неприятна жизнь людей добрых, они подумали, что найдут какой-нибудь повод, чтобы обвинить слугу Божия и до некоторой степени опорочить его жизнь. Итак, возвратясь к своему покровителю, они начали рассказывать совершенно другое, выдумывая, что мол увидели много такого, что могло бы опорочить и погубить других людей; что сам Гоар, скорее, чревоугодник и винопийца, чем (как думают несведущие) священнослужитель; конечно тот, кто рано ест и пьет, не может соблюдать обычное и должное время принятия пищи и вести образ жизни, приличный клирику; и что он такое еще и проповедует, чтобы под покровом слов спрятать порочный нрав; и делает еще очень много такого, что, если бы не сдерживалось епископской властью, в будущем принесло бы самому епископу бесчестье, поношение и позор, раз он позволяет, чтобы такое творилось в его диоцезе иноземцем и человеком умалишенным; что должно призвать Гоара на открытый суд Церкви, и пусть он даст отчет в своих поступках, чтобы не возросла в других дерзость, видя такое попустительство, и чем большему числу людей так будет дозволено поступать, тем более будет обессиливаться епископская власть. Завистники говорили все это, но, возводя клевету на слугу Христова, они, по Божественному суждению, сделали жизнь святого мужа более известной другим людям, и показали с очевидностью, насколько они сами достойны осуждения.

11. О том, как святой Гоар был вызван на суд к епископу.

И тогда епископ, — ведь иногда бывает, что предстоятели, особенно же приверженные земному, погрузившись в различные заботы, разрываются между многими делами и тем менее внимания уделяют какому-нибудь одному, и едва ли могут они сразу распознать, что и по какой причине разные

люди говорят, — услышав такую клевету на мужа Божия от своих приближенных и взволнованный их речами, поручил им поспешно отправиться обратно к блаженному Гоару и как можно быстрее доставить к нему святого мужа, чтобы произвести дознание об его делах. Альбин и Адальвин, как им было приказано, быстро вернулись к святому мужу и, желая искусным притворством утаить свои козни и обвинения, хотя это никак не могло укрыться от святого Гоара, приветствовали его от имени своего владыки, что, мол, епископ послал за ним и велит, чтобы святой Гоар быстро ему явился. Услышав это, святой муж в простоте духа исполнился обо всем великой радостью и воздал благодарение Богу за то, что он удостоится приказа поспешить к своему владыке и посетить его. Ликуя, сказал: “Да сотворит Господь, да сотворит так, чтобы я смог сделать это, ибо надлежит без промедления оказать послушание”. И даже если святой Гоар и мог иметь подозрения относительно причины такого приказа епископа, он помышлял о полноте власти Господа над Апостолами: “Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается” [Лк 10, 16], и сказанное апостолом Петром: “Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа” [1 Пет 2, 13].

12. О том, как святой Гоар задержал вестников епископа на ночь.

Поскольку же приближался предел дня, святой Гоар не мог немедленно пуститься в путь. Он задержал своих гонителей на ночь и по человеколюбивому обычаю своему, как он со всеми поступал, устроил по своим силам трапезу и покормил их для восстановления сил; сам же он, как это было у него заведено, провел ночь в гимнах и хвалах Богу. С первыми лучами солнца святой муж, как и до того он делал много дней, вознес Богу псалмопения и молитвы, и только по завершении, приступив, совершил торжество миссы. Затем святой Гоар велел ученику, чтобы тот, как мог, приготовил завтрак его гонителям и ему, говоря: “Сын, приготовь нам угощение из наших запасов, чтобы посланцы нашего владыки потрапезовали с нами; может быть, Бог присоединит какого-нибудь бедняка, чтобы смог он во Христовой любви принять с нами еду и питье”. Когда же люди, злоумышляющие и душою давно испорченные, услышали это приказание, они, не в силах дольше скрывать злобу, внутри их кипящую, явили, что у них на уме. Говорят они с укором, словно справедливо порицая грешника: “Нехорошо ты поступаешь, нарушая законное и каноническое время принятия пищи; и мы не поддержим тебя в принятии яств в неурочный час дня”. Как если бы Царство Божие было еда и питье, а не праведность, мир и любовь; или в принятии пищи промедление имело бы большую силу, чем мера и воздержность; или будто бы святой муж делал это ради желудка, а не по причине радушия! Ведь святой Гоар именно потому приказал непременно приготовить еду, что, как он думал, его гости хотят выехать пораньше; он хотел ради трудного пути покормить их с утра и не позволить им уехать голодными; он радовался, что в них, хотя и недостойных, он принимает Христа²¹. Когда святой Гоар увидел, что Альбин и Адаль-

вин несдержанно и упрямо противоречат ему, он, будучи всегда спокоен духом, сказал: “Плох тот дом, где не боятся Господа. Вы же, если бы истинно боялись Бога, не отвергли бы любви”. В то время как он говорил это, пришел его отрок и указал на странника, стоящего у дверей. Услышав это, святой Гоар возрадовался и, приняв странника в доме, сказал: “Вот, сколь хорошо и сколь приятно жить братьям в единстве!” И, накрыв на стол, приступил и сам к трапезе вместе со странником.

13. О том, как блаженный Гоар снабдил дорожными припасами своих завистников.

Видя это, завистники с великой поспешностью и проворством оседлали своих лошадей, говоря в это время, что они точно нашли, в чем обвинить Гоара, и смогут возвести на него явную клевету у того, кем они посланы. Однако они попросили святого Гоара, чтобы он ради трудностей пути и нужд дороги уделил им что-нибудь из еды и питья, что они могли бы съесть по пути. Святой муж, всегда исполненный любви и готовый благотворить всем, даже неблагодарным, с удовольствием принял их просьбу и приказал положить своим завистникам в сосуды то, что они попросили. Так, взяв в провожатые слугу, с которым обычно путешествовал, святой Гоар вместе с ними отправились в город Тревиров.

14. О том, как по воле Божией завистники томились от голода и жажды.

Пока путники ехали, уже приблизилась середина дня, солнце взошло высоко в небе, и, вот, в отмщение за Своего слугу наступило Божественное наказание: те, кто незадолго до этого отвергли изобилие предложенной им из любви еды и питья, весьма сильно захотели есть и пить, и вдобавок их начала изнурять столь великая усталость, какой они никогда не испытывали. Между тем святой муж пребывал погруженным в божественные хвалы и псалмы, следуя словам Апостола: “Непрестанно молитесь. За все благодарите” [1 Фес 5, 17–18]. Когда путники миновали уже шестой милиарий²² и достигли того места, что называется “Павлово Поле”, Альбин сказал своему товарищу Адальвину: “Меня сдает голод и жажда”. А тот ему в ответ: “И я, если быстро не попью, умру тотчас же”. Они направились к некоей речке, которая, как им было известно, текла поблизости, чтобы напиться из нее и на берегу ее принять пищу. Но, придя туда, они не нашли в ее русле никакой воды. Вода в речке, конечно, иссякла по воле Божией из-за тех, в ком пылала столь великая злоба. Затем Альбин и Адальвин протянули руки, чтобы взять из мешков кушанья, уделенные им, как они помнили, святым мужем, но и мешки нашли пустыми. И правильно: те, кто был лишен любви, которая есть полнота всех благ, нашли пустыми сосуды, в каких приняли пищу от мужа, исполненного любви.

15. О том, как святой Гоар чудесным образом накормил своих завистников.

Завистники пришли в смятение, ибо они еще не полностью осознали свою вину. Поразившись произошедшему, они, тем не менее, продолжили путь верхом. Слабость их возросла до такой степени, что Альбин упал с коня,

словно бездыханный, а Адальвин, обратившись к мужу Божию, стал умолять его многими просьбами, чтобы тот сжалился над ним и его товарищем. Тогда святой муж, дабы исполнить сказанное: “Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья” [Рим 12, 20], как и предписание Господне: “Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас” [Мф 5, 44], ответил просившему его: “Сын, подобает вспомнить, что Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем. Потому, когда вы видели сегодня, как я предлагал вам пищу ради любви Христовой и сам принимал ее, не должно вам было отказываться от долга любви. Ныне же Бог совершает это для вашего исправления, чтобы, переменившись по Его увещанию, вы научились принимать любовь, которая есть начало совершенства”. Говоря это, святой Гоар увидел вдали трех ланей замечательной красоты, своим числом словно знаменующих Таинство Святой Троицы. Тотчас же, воззвав к силе Святой Троицы в молитве, святой муж велел ланям стоять на месте. Лани, хотя твари и неразумные, тотчас же послушались и подчинились Божественному Имени, без слов устыдив людей за их черствость и непослушание. Тогда святой Гоар взял небольшой сосуд и, подойдя к ланям, подоил их²³. Затем, разрешив им отойти, он помазал члены своих спутников, лежавших, словно бездыханные, молоком, которое он надоил, и тотчас же восстановил их в прежней силе и здравии. Потом он велел Альбину и Адальвину вернуться к речке, почерпнуть воды и подкрепить ослабевшее от голода тело пищей из мешков. Так было сделано, чтобы те, кто прежде, обидев святого мужа, нашли сосуды пустыми и речку пересохшей, затем, вымолив его милость, обрели достаточно и воды в реке, и еды, уложенной в те сосуды.

16. О том, как святой Гоар ясно показал, что должно слушаться предстоятеля.

Когда завистники ели, удивляясь и поражаясь тому, какие они видели деяния по отношению к себе, блаженный Гоар начал выспрашивать, по какой причине епископ задумал призвать его к себе; святому мужу казалось удивительным, что у владыки к нему какое-то дело. “Ибо мы должны выказывать послушание предстоятелю, — сказал святой Гоар, — не без причины случилось то, что Божественная сила изволила явить по отношению к нам сегодня через животных, но для того, чтобы показать, как Бог заботится о Своих рабах и не презирает надеющихся на Него, ибо Господь имеет власть приготовить трапезу в пустыне, и для того еще, чтобы мы увидели, сколь возвеличены дела Твои, Господи”. Угнетенные страхом и трепетом, они ничего не ответили, но решили, что скоро погибнут, потому что узрели в слугителе Христовом столь великую действенность Силы, Которую до некоторой степени дерзнули оскорбить. После этого они, отправившись в путь, ближе к вечеру достигли города Тревириов. Когда они приехали в город, святой муж, как это у него было в обычае, вошел в церковь, чтобы себя и дело свое поручить Господу.

17. О том, как епископ сделал святого Гоара жертвой клеветы.

Когда же Альбин и Адальвин привели в город святого Гоара, они как можно скорее отправились к епископу и по порядку рассказали владыке все, что выпало им на долю в пути, и то, что заметили в человеке Божиим. Епископ же вместо того, чтобы, изменив свое мнение, восхититься Божественными делами и восславить Господа в святом Его, пришел в ярость и стал говорить стоящим около него, что Гоар, скорее, не Божественной помощью эти дела творил, а волшебным искусством и злыми чарами, и что никакого признака истинной добродетели не могло существовать в человеке, преданном плоти и чреву, — он, мол, с утра ел и пил и не терпел воздержания в пище во время поста, в то время как древние святые и праведники угождали Богу постом, воздержанием и милостыней. Это так произносилось, словно какой-нибудь святой жил только лишь воздержанием, а не искренней любовью к людям и Богу.

18. О том, как святой Гоар повесил свой плащ на луч солнца²⁴.

Пока все это происходило у епископа в присутствии клира Церкви, досточтимый пастырь вошел в дом, в котором епископ находился вместе со своими грубиянами, и начал высматривать, куда бы пройти его ученику, который сопровождал его, или где он сам мог бы повесить свой плащ. И вот, в углу дома он увидел, как ему показалось, палку, торчащую из стены (а это был солнечный луч, входящий в малое оконце); подойдя, святой муж повесил на солнечный луч свой плащ, ибо, как уже сказано, он принял его за палку, и велел ученику стоять подле. Неудивительно, что солнечный луч обрел из послушания святому мужу крепость дерева; ведь тому, кто преданно служит Творцу, даже и сотворенное подчиняется по воле Творца.

19. О том, как святой Гоар опроверг обвинение в магическом искусстве.

Когда епископ увидел это, он стал спрашивать себя, для чего пришедшему нужно было повесить свою одежду на солнечный луч. Епископ решил, что немощный человек, посягнув на такое, сделал это самонадеянно, и не благодаря Божественному чуду, и, скорее, пользуясь обманом магического искусства, чем по заслугам добродетели. Затем епископ подошел ближе к святому Гоару и объяснил свои недоумения: кажется ему удивительным, что в ком нет высоты святости, доит диких зверей и использует солнечный луч как деревяшку. Пока это выспрашивали у святого мужа и возводили клевету на его честную и чистую совесть, человек Божий, который хорошо знал, что он никогда не изучал дурных искусств, ответил просто: “Богу — Праведному Судии, сильному и долготерпящему, Сердцеведцу, видящему все тайное, известно, что я решительно никогда не знал магического искусства прежде и не знаю сейчас, и что я никогда не желал кого-либо убеждать в обратном. Я доил диких зверей не благодаря каким-то заклинаниям, из которых я совершенно не знаю ни одного, но исполнил то, что мне позволило и определило Божественное Милосердие для спасения моих спутников; и я знаю, что повесил свою одежду на дубовую палку, а не на солнечный луч, как говорят.

Что же до сказанного обо мне, что я рано ем и пью, да видит Тот, Кто зрит и судит всяческое, делал ли я это когда-либо из-за порока чревоугодия или по долгу любви”.

20. О том, какой обычай был у тревиров по отношению к подкидышам.

В то время как святой Гоар говорил это, неожиданно вошел некий отрок из клириков Церкви, по имени Леобгиз, неся на руках младенца, которому, как полагали, от часа рождения исполнилось всего три дня. Никто не знал, кто были его родители. Тогда у тревиров был такой обычай: если так случится, что некая женщина произведет на свет дитя и не хочет, чтобы его родители были известны, или они никак не могут пропитать его из-за отсутствия средств, то подкидывают рожденного малыша в мраморную раковину, поставленную специально для этого (ныне эта раковина, отданная в собственность Прюмского монастыря как дар славнейшего короля Пипина, около трапезной доставляет братьям воду), чтобы, когда подкинута дитя будет обнаружено, нашелся какой-нибудь человек, который примет его и вскормит, движимый состраданием. Когда же такое случается, стражи или церковные служители берут ребенка и спрашивают у народа, не хочет ли кто-нибудь принять его на воспитание и растить, как собственного; когда же такой находится, то подкинута дитя относят к епископу, и по его решению тому, кто принял его, дается право вскармливать и растить малыша.

21. О том, как невинность святого Гоара была защищена словами младенца.

Тогда случилось подобное, и младенец, найденный в раковине вышеупомянутым клириком, был принесен в присутствие епископа и Церкви. Увидев ребенка, епископ обратился в своим приближенным со словами: “Ныне мы сможем легко испытать, от Бога ли деяния Гоара или от врага. Давайте, сейчас мы узнаем, кто родители принесенного мальчика; и, если опора Гоара в силе Божией, пусть он сделает так, хотя это противоестественно, чтобы трехдневный младенец заговорил²⁵ и назвал имена своих родителей”. Мужа Божия принудили выполнить это условие; епископ приказывает ему совершить чудо, чтобы обнаружить невинность своих деяний и святость своей честной души. Муж Божий должен был сделать нечто такое, чтобы дух сомневающих укрепился, в будущем слушая его и подражая ему; если же он либо не захочет, либо не сможет сотворить это, значит, не будет веры ни его прежним делам, ни тому, что он говорил о себе, как о невинном и чистом человеке, и все, что он делал до сих пор, будет приписано действию колдовских чар, а сам он будет казнен как волшебник и чародей. Тогда блаженнейший муж стал сильно горевать и сокрушаться, что его предстоятель приказывает ему совершить такое дело. Казалось, что и решиться на это будет некоторой самонадеянностью, и отказаться — непреодолимой трудностью. Ибо, говорил он, ему всегда было достаточно своей собственной совести и свидетельства Вышнего Судии, и что не подобает приказывать таковое, что это не для него, знающего о себе, что он грешник во всем, но что это чудеса святых.

Но так как святой Гоар не мог противиться приказаниям епископа и опасался вместе с тем того, что неокрепшее сознание тех, кто привык его слушать и уважать, было бы введено в заблуждение, он, обратившись к молитвам и умоляюще простирая руки к Богу, сказал: “Христе, Который вынес Свое истощание ради искупления человечества и изволил принять образ раба, окажи мне, хоть и недостойному служителю Своему, милосердие и яви мощь Своей силы в этой нужде, чтобы присутствующий здесь епископ и народ его узнали, как я Тебя люблю, Тебя почитаю, Тебе желаю честно служить, Творец всяческих и Искупитель”. Сказав это, святой Гоар подошел к клирику, принесшему дитя, и спросил, сколько дней от рождения этому младенцу. Когда тот ответил, что младенцу от рождения уже три дня, муж Господень добавил: “Святая Троица, Тебя призываю, и прошу тебя, младенец, чтобы ты во имя Святой Троицы ясно назвал своих родителей по именам”. Тогда младенец, протянув руку к епископу, совершенно отчетливо ответил: “Этот вот человек, епископ Рустик, мой отец, а мать моя зовется Флавией”. Так, по справедливому суду Божию, пока этот епископ воздвигал клевету на слугу Господня и силился, прибегнув к злобным и коварным вымыслам, очернить его деяния, которыми он должен был бы восхищаться, открылись всем и сделались известным дела самого епископа, и какую тайную жизнь он вел.

22. О том, как святой Гоар побудил епископа к раскаянию и дал обет приносить за него покаяние семь лет.

Когда епископ увидел, что изобличен и то, что, как он был уверен, можно утаить, сделалось открытым для всех, он в смущении упал к ногам блаженного мужа. Он говорил, что без сомнений признает, что святой Гоар – муж святой и любезный Богу; ведь он думал, что его преступление никому не известно или не станет известно, кроме него, и той, с кем он вступил в незаконную связь, да еще одного лишь младенца. Однако благодаря Божественной силе, более того, по причине Божественного наказания сделалось видимым всем чрез невинного и еще не говорящего по своему младенческому обычаю ребенка. Святой же муж, обдумывая происшедшее, неподвижно стоял в изумлении, более того, испускал тяжелые вздохи из глубины сердца. Он заплакал, обратившись к епископу, так как увидел, что предстоятель был разоблачен из-за него. Сказал святой Гоар, что лучше было бы епископу принести добровольное признание втайне; что прежде чем его бы стали порицать всенародно, ему следовало бы искупить обвинение совести исправлением по своей собственной воле и соответствующим наказанием, и что, конечно, истинно и незыблемо речение: “Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно” [Мф 10? 26]. И как только епископ найдет утешение в спасительном решении, пусть он примет по суждению пресвиторов за свою собственную провинность суровое и долгое покаяние, которое состоит не только в словах, но исходит из глубины души, и в истинной слезной скорби и сокрушении духа будет просить прощения у Бога, желающего жизни каждого. Пусть точно так же, как ранее, усердно ра-

ботая диаволу, которому он, совершив столь великое преступление, принес веселие и прибыль в виде себя, ныне принесет печаль и смущение, достойно совершив покаяние. Ибо никому не должно отчаиваться получить прощение, не говоря уже и о самом епископе, когда Господь провозгласил устами пророка: “Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился и жил, и в какой бы день ни обратился бы грешник, все нечестие его да будет забыто” [ср. Иез 18, 23, 32]; и Сам говорит в Евангелии: “Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию” [Лк 5, 32]. И поскольку Высшее Милосердие готово отпустить грехи, людям подобает быть скорыми на покаяние. И что, заботясь о нем, хотел бы, по скромным силам своим за грех епископа нести покаяние семь лет и исполнить его до конца, что желал бы просить Бога за него в непрестанных молитвах и слезах, хотя знает, что многие добрые и лучшие его мужи будут усердно оплакивать прегрешение епископа и помогать ему своими молитвами, согласно слову апостола Иакова: “Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться” [Иак 5, 16]. Святой Гоар побуждал епископа к покаянию этими и подобными словами: по любви, которой пылал ко всем, святой муж, сострадающий несчастьем епископа, просил для него у Бога милости, помня речение апостольское: “Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов” [Иак 5, 20].

23. О том, как святой Гоар из послушания ответил королю Сигиберту о себе и о преступлении епископа.

После того, как произошли эти события, молва о них быстро дошла до короля Сигиберта; тотчас же направив к блаженному Гоару своих посланников, король позаботился пригласить его к себе. И вскоре, узнав, что приглашенный прибыл, король спросил его о том, молва о чем донеслась до него, а именно: о послах епископа и о животных, которых подоил святой муж, а также о самом епископе и о младенце, который заговорил прежде времени своего возраста. Так как святой Гоар ничего не отвечал на это, чтобы не показалось, что он повсюду хвастает о себе, то король в раздражении повелел, чтобы святой Гоар по порядку открыл то, о чем его спросили, из послушания, которое даже муж Божий должен оказывать королям, властителям и святым. Только тогда, вынужденный необходимостью, святой муж попросил расспрашивающего его короля сказать, что же тот хочет от него услышать. Когда король ответил, что он хочет узнать о посланниках епископа, и животных, и о епископе, святой муж попросил, чтобы тот сам рассказал о произошедшем так, как он это слышал. После того, как король так и поступил, изложив события в таком же порядке, как они происходили, святой Гоар добавил: “Я не должен пренебрегать послушанием, однако ты не услышишь от меня ничего, кроме того, о чем рассказывал сейчас ты сам, ибо это другим людям представляется, что я все это совершал.”

24. О том, как святой Гоар отказался от епископства.

Тогда король, исполнившись восхищения, начал широко всем рассказывать то, что он узнал о деяниях святого мужа. Вслед за этим все возгласили,

что святой Гоар достоин по изгнании Рустика стать епископом Тревиров, что это совершилось не без Божественного определения, что должно возглавлять Церковь тому, кто может во всем украсить достоинство пастырского служения чудесами и знаменами, а равно и заслугами жизни. К тому же, и король со всей готовностью и радостью присоединился к голосам возглашающих и согласился с желанием народа. И с одобрения присутствовавших священнослужителей и знатных мужей, служащих при королевском дворе, король повелел, чтобы святой Гоар принял епископскую кафедру вышеупомянутой Церкви. Но сам святой муж, который просил всегда для других, а не для себя, и знал, что нужно придерживаться таких слова мудрости: “Сколько ты велик, столько смирайся” [Сир 3, 18], а также слова Господня: “Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать” [Лк 17, 10], восскорбел и опечалился. Он с неохотой выслушал повеление короля и сказал, что лучше ему умереть, чем захватить место епископа Рустика; что королю должно по отношению к епископу подумать над Божественным речением, которое гласит: “Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его” [Мф 10, 25] и “Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?” [Мф 10, 25]; что не должно отказывать епископу Рустику в месте покаяния, что Царь Всяческих пребывает на небесах и выносит суждение о каждом человеке, и если король желает, чтобы Он отпустил ему грехи, ему должно и Рустику позволить, чтобы тот усердно вымолил у Небесного Царя прощение за свои дела; и что не столь легко отрешить от служения священнослужителя, когда мы все смертны и по немощи плоти склонны ко греху.

25. О том, как святой Гоар настоятельно просил у короля отсрочки.

Король на это счел нужным ответить следующее: он и епископу не отказывает в покаянии, и желает слушаться советов того, чрез кого были совершены столь великие чудеса, но что он не может противиться воле священнослужителей и суждению народа, а именно: не может не возвысить того, кого все просят сделать епископом. Видя, что король упорно возражает ему, пресвятой муж смиренно и со слезами попросил короля, чтобы тот дал ему возможность удалиться в свою келью и там наедине с собой без принуждения обдумать это предложение в течение некоторого времени, и только так он сможет ответить королю то, что ему покажется надлежащим. Король немедленно дал на это согласие и приказал, чтобы святой Гоар через двадцать дней пришел к нему в город Медиоматрик, который ныне зовется Меттис. Святой Гоар отправился в келью, решив, без сомнения, сделать тем временем иное, с помощью чего можно было бы отклонить предложение короля. Придя в келью, святой муж простерся в молитве и начал усердно и со вздохами просить Господа, чтобы Он милосердно изволил освободить его от столь великого бремени пастырского попечения, говоря, что ему достаточно, если он будет тайно и в сокровенных глубинах своей совести служить Ему в течение оставшихся дней своей жизни, и что он не может нести бремя, которое хочет на него возложить

король. И в то время как святой Гоар так наедине с собой скорбел, проводя все время в молитвах, он, по воле Божией, охваченный сильной лихорадкой, заболел и долгое время страдал от телесного недомогания. Чего же больше? Так произошло в конце концов, что муж Божий избежал епископства, и король, полагая, что увидит его через двадцать дней, не увидел его и через семь лет. Божественное Провидение устроило так по отношению к рабу Своему, что святой Гоар и отклонил настойчивость короля, желавшего возвести его в сан епископа, и исполнил то, что обещал епископу Рустигу, а именно: семь лет молился за него, несмотря на свою немощь. Ибо как всю свою жизнь, так в особенности эти семь лет святой Гоар посвятил молитве, молясь, как предписал апостол, за всех людей, “за царей и всех начальствующих, дабы проводить им жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте” [см. 1 Тим 2, 2]. По прошествии этих семи лет он, не прекращая, проливал слезы и постоянно просил Господа, помня Его речение: “кто сеет в слезах, пожинает в радости” [ср. Пс 126, 5]. Зная, что конец его жизни совсем недалек, он желал разрешиться и быть со Христом [ср. Флп 1, 23].

26. О том, как святой Гоар не смог отправиться в королю Сигиберту перед болезнью.

Когда прошло семь лет, король Сигиберт вспомнил, какое упование он сам, народ и придворные имели на святого Гоара; и тут же отправил к святому мужу гонцов с просьбой к нему явиться. Но муж, исполненный Духа Божия, чувствуя, что близится разрешение плоти его, ответил посланцам короля словами пророческими: “Скажите, сынки, господину вашему, что он не увидит моего лица в сей жизни, если только не захочет вдруг сам прийти в нашу келью, так как, охваченный тягостной болезнью, я не в силах никуда выехать, хотя эти бичи, по милости Божией, много легче того, что я заслуживаю”. Когда посланные принесли такой ответ королю Сигиберту, он, опечалившись, говорил, что и он не достоин иметь такого учителя, и народ не заслужил иметь столь великого предстоятеля. Однако король послал еще других гонцов с настоятельным требованием, чтобы святой муж изволил поторопиться к нему и не отказывал бы властителю, сильно желающему с ним встречи. Когда посланцы прибыли к служителю Христову, они нашли его страдающим от еще более сильной лихорадки и тяжело больным, но непрерывно усердствующим в хвалах Богу. Святой муж сказал им, когда они к нему подошли: “Не утруждайте, о сынки, более ни самих себя, ни вашего короля, ибо я доподлинно знаю и уповаю на вышнее милосердие, что не выйду больше за пределы этого места, и не поднимут меня с ложа, кроме как для погребения”. Так, оставаясь твердым в своем намерении, святой Гоар неизменно пребывал в хвалах Богу и молитве.

27. О том, как святой Гоар попросил у короля место своего погребения и пресвитеров для его совершения.

Тогда посланные, которые к нему пришли, спросили у святого мужа, что он желал бы через них просить для себя у короля. Святой Гоар ответил им:

“Вот моя единственная просьба: если королю угодно, пусть сие место станет причиной увеличения его заслуг и вечного воздаяния в Царстве Небес; когда же для меня придет последний в этой жизни день и должный конец, пусть он придет ко мне, приказав своей властью, пресвитеров Агриппина и Евсевия, которые должны предать погребению мои останки”. Получив такой ответ, посланные вернулись к королю и по порядку передали слова и просьбу пресвитера Гоара. Узнав об этом, король, весьма встревожившись, восскорбел и переменялся в лице, так как он понял, что столь великий муж вскоре оставит его. Затем он пригласил к себе вышеназванных пресвитеров и повелел им отправиться в келью святого Гоара в соответствии с волей святого мужа, поручив им исполнить его повеление со всяческим усердием и старанием.

28. О том, как святой Гоар умер и как был похоронен.

По прошествии семи лет, о каковом сроке мы упоминали выше, блаженный муж еще три года и три месяца пребывал в немощи и возносил Богу хвалу. В канун июльских календ, исполнившись днями и добрыми делами и усовершенствовавшись в деяниях праведности, он скончался в присутствии приставленных к нему вышеназванных пресвитеров и множества других добрых и честных людей в своей келье, где он провел много лет в служении Богу. Святой Гоар оставил плотью сей мир, страсти и похоти которого он уже давно оставил из-за любви к Небесному Отечеству; и придя к Царю Христу, к Которому он непрестанно стремился, и достигнув блаженства небесной жизни, тот, кто не пожелал, хотя и мог бы, обладать тем, что здесь благами считается века сего, там будет неизменно обладателем благ вечных; и тот, кто часто тело свое делал для Христа домом смиренным и земным пристанищем, будет иметь с Ним на небесах жилище нерукотворное, вечное. Агриппин и Евсевий, а также другие пришедшие туда священнослужители и знатные мужи с высшей почестью и почтением позаботились об уже бездыханном теле святого мужа и предали его погребению в том же месте и в той церкви, которую он сам построил.

29. Свидетельство достоверности и заключение составителя.

То, что я написал о жизни святого мужа Гоара, в своем повествовании, я нашел в старинных и очень древних списках; излагая его деяния и во всей полноте веры, следуя истине, попытался я, как Вы и желали, славный муж и почтенный отче, исправить только лишь безыскусность речи, доставлявшую мало удовольствия образованным людям. Я хотел, чтобы заступничество и заслуги столь великого мужа пред Божьим милосердием всегда помощью были и мне, и всем, кто это прочтет; чтобы мы, ежедневно нарушающие Божественные законы по причине немощной плоти человеческой и по закону смертной природы, обрели заступничество того, кто в течение своей жизни непогрешимо служил закону Христову, чтобы получили мы облегчение бремени грехов и удостоились помощи в доброй жизни; что да дарует нам Господь Иисус Христос, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков. Аминь.

Здесь благополучно кончается книжка о Жизни и деяниях святого и блаженного исповедника Гоара, составленная диаконом Вандальбертом.

- ¹ *Монастырь Прюм* основан в 721 г. в Германии, посвящен Спасителю. Первоначально община жила по уставу святого Колумбана (Кельтская Церковь), затем в 750-х годах был принят устав святого Бенедикта Нурсийского. Был под покровительством династии Каролингов. *Марквард* – настоятель Прюмского монастыря с 829 по 853 г.
- ² См. Тов гл. 11–12.
- ³ В эпоху поздней античности (IV–V вв.) число риторических школ, в которых закладывались основы “усердия к словесности”, было в Галлии значительно. Однако волны варварских нашествий, с одной стороны, и смена мировоззрений в среде образованных людей, – с другой, привели к тому, что античная система образования перестала отвечать требованиям общества. В VI–VII в. из Галлии не вышел ни один крупный писатель. Условия для создания в Европе новой средневековой литературы, основанной на синтезе христианства, античности и народной германской культуры, закладываются англосаксонскими миссионерами с начала VIII в.
- ⁴ Речь идет о культурном подъеме во Франкии в царствование Карла Великого (кон. VIII – нач. IX в.). Согласно приказу короля (789), по всей стране при монастырях устраивались начальные и средние школы. В них необходимыми предметами были грамматика и риторика. Характерная черта этого времени – расцвет литературы, в особенности жанров *агиографии* и *историографии*, которые имеет в виду Вандальберт.
- ⁵ Та же мысль встречается и у Августина, например, в сочинениях: *In Ioannis evangelium tractatus* (PL 35, 1458, 1592), *Enarrationes in Psalmos* (PL 36, 439)
- ⁶ Аллюзия на место из Притчей Соломоновых: “Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследывать дело” (Притч 25, 2).
- ⁷ *Память святого Гоара* – 6 июля.
- ⁸ *Гоар* – аланское имя, означающее “добывающий скот”. Святой Гоар, этнический алан, родился в Аквитании, занимающей обширную территорию между Пиренеями (на юге) и Луарой (на севере) (Франция); Аквитания сначала была заселена иберами, затем кельтами. Зимой 406 г. аланы (под предводительством своего вождя Гоара) и вандалы перешли Рейн, вытесняемые с прежних мест обитания гуннами и готами. Часть алан ушла вместе с вандалами в Испанию, другая часть, возглавляемая Гоаром, стала союзниками Рима, была расселена в Галлии. Большое количество аланских поселений находилось в Аквитании (с центром в Тулузе) и в области к северу от Луары между городами Амьеном и Аррасом на западе и Триром, Мецем, Тулем и Лангром на востоке (с центром в Реймсе). Трир и Мец и прилегающие к ним земли, где происходят события, описанные в “Житии святого Гоара”, окружены аланскими поселениями. Святой Гоар, вероятно, получил свое имя в честь вождя алан, приведшего их в Галлию. В V в. аланы приняли христианство.
- ⁹ Вандальберт Прюмский указывает, что святой Гоар родился во времена короля Хильдеберта (I) (511–558) и дожил до правления Сигиберта (I) (561–575). Интересно, что имена епископов, занимавших в это время Трирскую кафедру, известны: святой Ницетий (525/6–561) и святой Магнерих (561/5–578), а не Феликс и Рустик. Возможно, объяснение может быть найдено в более раннем “Житии святого Гоара” (см. также примеч. 18).
- ¹⁰ *Хлодвик I* (456/6–511) – вождь и король салических франков (с 481 г.) из рода Меровея. Основатель династии Меровингов, превративший свою власть в наследственную. В 486 г. основал в Северной Галлии франкское королевство, объединив под своей властью всех франкских вождей. С 486 по 508 г. овладел большей частью Галлии, подчинив себе Аквитанию на юге и часть земель, населенных аламаннами, на востоке (497). На Рождество 498/9 г. принял христианство. Крещен святым Ремигием. Власть Хлодвика I была признана Византией, ему были присланы консульские инсигнии.
- ¹¹ *Святой Ремигий* (437–533) родился в городе Лан, происходил из знатного рода. В 22 года стал епископом Реймса, оставаясь им в течение 70 лет.
- ¹² *Ремы* – племя белгов, живших на землях между реками Матрона (ныне Марна) и Аксона (ныне Эна). Их главный город Дурокорторум позже назывался Реми, затем Реймс.

- ¹³ *Медиоматрик* – ныне Мец (на северо-востоке Франции, на реке Мозель, Лотарингия).
- ¹⁴ Вандальберт определяет Трикорию как местность, “соседствующую с берегами реки Рейн”; вероятно, ныне это земля Рейнланд-Пфальц.
- ¹⁵ *Тревирсы* – германское племя, жившее по среднему течению реки Рейн и по среднему и нижнему течению реки Мозель. Земли тревиров доходили до реки Маас. Население на землях тревиров было смешанное, кельто-германское.
- ¹⁶ Область, ныне называемая Обер-Вессель. Там, в месте слияния рек Лорбах и Рейн вблизи старой римской дороги святой Гоар построил свою келью, из-за чего это место так и называлось – Келлия. После кончины святого Гоара его тело было похоронено на месте его подвигов. В 765 г. Келлия была передана королем Пипином Коротким (714/5–768) – отцом Карла Великого настоятелю Прюмского монастыря Азуарию. Святой Гоар становился до некоторой степени покровителем монастыря. По этой причине его житие было составлено именно в Прюмском монастыре.
- ¹⁷ Имена епископов, возглавлявших церковь тревиров, становятся у Вандальберта “говорящими”. Получив благословение епископа Феликса (*лат.* ‘счастливый, блаженный’), святой Гоар построил свой эремиций и начал свое служение. При епископе Рустике (*лат.*: необразованный, грубый) святой претерпел несправедливые гонения. Здесь отражено средневекое восприятие имени как программы жизни его носителя. Далее в тексте жития (гл. 18) обыгрывается значение имени епископа Рустика: святой Гоар приходит в дом, где пребывает епископ, “окруженный своими грубиянами” – “rusticis”.
- ¹⁸ Странноприимство святого Гоара и связанное с этим служением обязательное угощение приходящих, в котором принимал участие и сам святой, показывает принадлежность святого к египетской аскетической традиции, к которой тяготело южное побережье Галлии, родина св. Гоара. Внутренние области Галлии придерживались сирийской традиции, согласно которой, для отшельничества были характерны уединение и очень строгий пост. Различие египетского и сирийского взглядов на странноприимство в случае святого Гоара дали основание обвинить святого в чревоугодии. Тот факт, что святой Гоар придерживался иной церковной традиции, чем его собратия, косвенно подтверждается тем, что клеветники называют его чужеземцем перед епископом, хотя святой Гоар прожил в окрестностях Трира много лет.
- ¹⁹ Перевод наш. – *М.Н.*
- ²⁰ Парафраз Деян 14, 21.
- ²¹ Аллюзия на Мф 10:40 и Мф 25:35. Ср. рассказ святого Иоанна Кассиана Римлянина (IV–V вв.) об одном старце, сказавшем своим гостям: “Принявши одного из вас в виде Христа, как должник, буду служить со всяким усердием”.
- ²² Келлия святого Гоара стояла у старой римской дороги, идущей вдоль Рейна и Мозеля, в дне пути от Трира, согласно тексту жития. Местоположением Келлии объясняется большое количество бедняков и странников, которых кормил святой Гоар. *Милиарий* – мильевой камень, отмечавший расстояние (римская миля равна 1480 м).
- ²³ Параллели сюжета мы находим в ирландской (житие святых Албеуса, Байре, Бераха, Комгена, Бригитты, Молинга) и англосаксонской (житие святой Вербурги) агиографиях.
- ²⁴ *Параллели* – в ирландской (житие святой Бригитты) и англосаксонской (житие святой Мильбурги) агиографии.
- ²⁵ *Параллели* – в ирландской (житие святых Албеуса, Бригитты, Кольмана Эло, Сенана) и галльской (житие святого Иллидия) агиографиях.

Радбод Утрехтский

Радбод, епископ Утрехтский, родился около 850 г. Он происходил из знатного рода – его прапрадедом с материнской стороны был последний король-язычник фриз, также Радбод. Получив начальное образование при своем

дяде, Гунтере, епископе Кельнском, Радбод завершил его в школах при дворах Карла Лысого и Людовика Заики, где собраны были наиболее ученые люди того времени. Так, под руководством Гуго, настоятеля знаменитого монастыря св. Мартина в Туре, Радбод занимался риторикой и диалектикой. Став епископом Утрехта в конце 899 г., он писал о своем поставлении следующее: “Я, грешник Радбод, был принят, хотя и не достоин того, в сообщество служителей Утрехтской Церкви; и молюсь, чтобы мне достигнуть вместе с ними вечной жизни”. Поскольку после нескольких набегов норманнов Утрехт лежал в развалинах, епископская кафедра переместилась в Девентер, где епископ Радбод провел последние 17 лет жизни. Скончался он 29 ноября 917 в местечке Оотмарсум. Тело епископа было перевезено в Девентер и похоронено в церкви св. Лебуина, где преемник Радбода, Балдерик, воздвиг алтарь над его могилой. Радбод Утрехтский был известен как поэт и музыкант. Его перу принадлежат тексты и музыка службы на праздник перенесения мощей св. Мартина Турского (*Martini Translatio*), секвенция *Ave summa praesulum* – “*Радуйся, вершина предстоятелей*” для этого же праздника, а также жития и гомилии. Считается, что Радбод привез в Утрехт сборник секвенций из Санкт-Галлена (Санкт-Галленский секвенциарий).

Перевод сделан по изд.: PL 132, 547–559.

Проповеди

Слово о св. Свитберте¹

1. Мы проведем, братья возлюбленные, день особой радости, когда должно совершать святое воспоминание о покровителе нашем блаженнейшем Свитберте. Подобаает нам быть готовыми ко всякому благому делу и иметь дух бодр²: сначала, чтобы слушать заповеди Божественного Закона, а затем, насколько будет в силах наших, попытаться следовать тому в делах своих и лишь тогда иметь возможность и других поучать. Ибо это делал Господь наш Иисус Христос, о Котором написано: “Иисус делал и... учил от начала” [Деян 1, 1]. Впрочем, бесплодно и пусто будет наше учение, если высказанное нами разрушим сами мы, не творя добра. Ибо если кто-то хорошо слушает и дурно поступает, что ему за польза? Или чего добьется указующий другому путь для ног его, если сам не перестает грешить и сбивается с пути нравственного? Итак, следуя по стопам нашего Искупителя, давайте послушаем что-либо хорошее со всей готовностью; услышанное же достойными деяниями исполним, и так, по порядку приступая к наставлению ближних, посодействуем им научением добрым делам, а равно и примерами. Итак, чтобы безотлагательно к тому приступить, мы должны вспомнить дела Отца нашего, о котором мы упомянули: чему бы он ни учил, примером служили ему, скорее, те дела, какие сам он должен был выполнить, а не такие, где он уже преуспел и где первенствовал. Впрочем, чтобы было это также очевидно для всех, кто желает ему уподобиться, пусть станут им известны его деяния – и Богу угодные,

и всякому слушающему весьма необходимые, доколе ими народ Христов будет устрояться и пребывать всегда в радости по славным молитвам столь великого мужа.

Однако кое-что для нас скрыто из его деяний, про которые кроме Бога знает только лишь древность (как известно, пришел он в наши пределы из области Англов), поэтому первыми приведем слова Досточтимого пресвитера Беда, оставившем в “Истории Англов”³ среди прочего об этом святейшем муже такую запись.

2. Во времена блаженного Виллиброрда⁴, епископа Утрехтского, братия во Фризии, преданные служению Слову Божию, выбрали из своего числа мужа, скромного обычаями и кроткого сердцем, Свитберта, чтобы он был поставлен над ними предстоятелем. Его, назначенного в Британию, по их просьбе рукоположил почтеннейший епископ Вильфрид⁵, который, будучи изгнан из <пределов> своей родины, оказался тогда в Мерсийских краях⁶. Ибо в то время Кантия не имела епископа после смерти Феодора⁷, да и его преемник Бертвальд, уехавший за море, чтобы быть рукоположенным, еще не вернулся на епископскую кафедру. Сей Свитберт, приняв епископство и вернувшись из Британии, удалился через некоторое время к народу боруктуариев⁸ и многих из них проповедью привел на истинный путь. Но боруктуарии вскоре были завоеваны народом старых⁹ саксов, и принявшие Слово оказались тогда рассеяны повсюду. Сам же предстоятель с соратниками обратился к Пипину¹⁰, который, поскольку и супруга его Блитруда¹¹ донимала его просьбами, дал ему место жительства на острове (реки) Рейн, на языке их называемом “на берегу”. На этом острове¹², построив монастырь, которым до сих пор управляют его преемники, прожил Свитберт довольно долго, проводя жизнь свою в полнейшем воздержании, там и завершил свой последний день.

3. Мы уверены, никто не будет оспаривать деяния святейшего мужа, какие припомнил Беда (разве что кто-либо по своей занятости книгу, где о том написано, или не читал, или даже прочитав, оставил ее без внимания). Однако мы никоим образом не должны сомневаться, что был этот муж во всех делах Христианской веры опытен, поскольку среди столь драгоценных светильников Церкви Божией, что дивно блистали в те дни и у Англов и у Галлов, удостоился он от мужей великой святости быть поставленным пастырем овец Христовых. Ведь, если бы он не знал в совершенстве пастырское дело, то не было бы вверено его охранению столь тучное стадо Христово. И еще, если бы он не был в некотором смысле также и опытным воином, крепким и неустрашимым в борении мученическом, то никак не мог бы возглавить легион в строю воинов Христовых, не мог бы стать центурионом войска Божественного Закона. Однако, обрисовав вкратце все это в образах, следует нам открыть еще и духовный смысл тех дел, в которых сей непобедимый воин вне всякого сомнения был славен. И прежде всего должно показать это на примере дел пастырских – там, где то лев неистовствующий, то волк подсте-

регающий немалый вред наносят овцам Христовым. Но когда пастырь бодрствует – остерегается козней или, мужественно сопротивляясь, отнимает похищенное, он возвратится с невредимым стадом в овчарни Господни. Если же, находясь в ежедневном препоясании, никогда оружия не сложит, но врага от крепостей прогонит или в открытом поле, размахивая сверкающим мечом, законную победу одержит, после того безопасно будет он властвовать внутри стен Святого Града.

4. Конечно, хорошо нам известно, что блаженный Свитберт трудился и там, и там. Ибо в то время как в Церкви он нес служение предстоятельства, он удерживал братий своих от обманчивых внушений, или отводил от публичных споров, словно спасал стадо Господне ото льва свирепейшего и волка лукавейшего. А когда они бывали угнетены властью правителей или жестоко утеснялись какими-либо князьями, защищал их от преследования тиранического мечом Слова Божия и щитом веры, приводил, поистине уподобляясь наилучшему полководцу, своих воинов обратно в лагерь невредимыми. Так, если желаешь знать, каким оружием ежедневно сражался этот наш вождь, пойми, что, конечно, совсем не выделанным искусной рукой, но духовным. Ибо он не был отягощен мечом, но был, скорее, препоясан верой, надеждой и любовью; он, (второй) Давид, держал камень в праще и, поражая ужасного филистимлянина в лоб, избавлял весь Израиль от смертной опасности. А потом, не думай, что хоть когда-нибудь в его обычае было складывать свое оружие, – тем же он был во время мира украшен, чем в бою стоял вооружен. Всегда был смирен, всегда милостив и кроток, терпелив в несчастях, скромн в преуспеяниях.

5. Также в целомудрии своем он блистал, в воздержании бодрость духа сохранял, в бодрствовании – трезвение, в молитве – стойкость. Держа речь в суде, не на положение смотрел, а справедливого решения хотел; сострадая, помогал участливо, а не утешал навязчиво; чужого не желал, но свое щедро раздавал; пороки людские сурово осуждал, человека же по-дружески любовью окружал. Речь его была, как сладкий мед, проповедь – для каждого радость души; трапезы с ним полны были яств духовных, общение – будто с ангелами пребывание; зло всяческое он, словно смертноносный яд, отвергал; все благое, словно благоухание райское, в любви принимал. В заключение, если желаешь, можно сказать, что во всем был он совершенен и весь Богом полон. Вот каково было, братия, оружие нашего покровителя Свитберта и в несчастии, и в преуспеянии: тем оружием он размахивал во всяком борении, всегда и всюду побеждая. Ибо была его “брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной” [Еф 6, 12].

6. Итак, принесем благодарение Всемогущему Богу в день праздника сего святейшего предстоятеля, молясь все вместе и прося, чтобы кого славную жизнь проповедуем на земле, того покровительством да удостоиться нам наслаждаться на небесах. Аминь.

1. Сколько раз, братья возлюбленнейшие, мы вспоминаем святых Божиих к хвале и славе Его Имени, столько раз мы восстаем из гробниц грехов наших. Ибо снова оживает тогда каким-то образом наша вера, и обновленный глас наш вновь наполняется сладостью, и повинуются ему уста наши, а чрез то да будет в нас, о чем говорит Апостол: “Обновиться духом ума вашего, и облечься в нового человека” [Еф 4, 23–24]. Ибо смерть во зле и во гробе смердение – что иное означает, если не скверну нечистот грехов наших? А из той могилы восстание – что иное означает, если не чрез исповедь и покаяние возвращение к Жизни, Которая есть Христос? Конечно, мы имеем множество примеров подобного рода смерти в Писаниях, где обыкновенно называются мертвыми те, кто никак не желает образумиться от грехов, как сказано в Евангелии: “Предоставь мертвым погребать своих мертвецов” [Лк 9, 60]. Ведь кто тела погребал, не были мертвы плотью, но так как были осквернены преступлениями и по той причине мертвы, то погребали тех, чью плоть смерть унесла из жизни. Потому да упасемся и мы такой смерти; и из гробниц пороков да поспешим восстать чрез благодать Христову, дабы удостоиться жизни с Ним в вечном блаженстве.

2. Восхвалим Господа Бога нашего во святых Его, будем и их совосхвалять и во Господе чтить; ибо служить Богу и святым Его, истинно, означает жить, а в том все время пребывать означает благоразумно западни прегрешений избегать. И вот, представляется нам сегодня в высшей степени подходящее время для этого дела, когда мы ежегодным празднованием чтим достопамятное житие удивительной деви Амальберги, которая в этом (земном) странствии была любезна Богу и людям – как блеском двойной красоты (внешнего и внутреннего человека), также и сохранением девственного целомудрия. Была она происхождения самого высокого и из-за необыкновенной красоты всеми любима. Но избрала Амальберга украшением себе драгоценные камни добродетелей, а не наряды дорогие, решила выглядеть пред людьми ничтожной и презренной, чтобы явиться взору Божию драгоценной и преславной. Не было у нее ни жемчуга, ни злата, ибо знала, что Христос, Жених ее, не имел их на земле; не любила пурпур и виссон, так как понимала, что по этой причине многие погрузились в бездну. Не доставляло ей также радости суесловие многолюдной толпы, ибо знала она, что место потаенное подходит для сокрушений.

3. Поскольку же она пренебрегла всем этим, то и поступала совсем по иному: вместо родных и друзей века сего любила бедняков Христовых; вместо жемчуга и злата украшалась речениями духовного учения; вместо одеяний из виссона и пурпура были у нее пепел и острые кремни; вместо народных многолюдных собраний, которые совершенно отвергала, она проводила все время на службах в храмах Божиих в молениях и бдениях у святых алтарей. Истинно, не должно обходить молчанием, каким образом и каким порядком достигла она таковой вершины небесного учения, ради доброго примера и

ради слова похвального по достоинству заслуг ее. Ведь она была целомудреннейшая из дев в наследии отцов своих во времена Франкских правителей; их мы можем назвать Каролингами по Карлу Великому¹⁴, который по причине многочисленных побед и усердного стремления к христианской вере из всех прочих один удостоился чести, чтобы заслуженно зваться великим и наилучшим.

4. Во дни вышеупомянутых принцепсов святая и Богу угодная дева Амельберга жила после смерти родителей в обширном наследном поместье, протянувшемся вдоль берега реки Скальды¹⁵. Жила там она со своим единственным братом в благочестии, постами и молитвами служа (Богу) день и ночь и творя многую и щедрую милостыню с величайшей веселостью, имея всегда в памяти речение Апостола: “Доброхотно дающего любит Бог” [2 Кор 9, 7]. И была она весьма привлекательна, превосходя красотой всех вокруг, потому-то из-за столь выдающейся красоты своей телесной, чуть не потерпела ущерба своему целомудрию. Ибо в то время слух о ней достиг короля земли, а именно, Карла, и он, тотчас охваченный страстью, начал чрез посредников настойчиво вести с нею переговоры о браке. Когда же понял, что блаженная дева, уже лучшему Жениху, Христу, обещавшаяся, несмотря ни на что отвергает его пожелание, он, всеми силами стремясь к тому, чего оказался не в силах добиться ласковыми словами и властью короля, задумал тайно похитить и соблазнить [ее]. Но дева против этого всего выставляла щиты молитв и копыя небесного воинства.

5. Однажды, когда блаженнейшая дева находилась дома одна и, по заведенному обычаю, пела псалмы, в заднюю дверь внезапно ворвался отрок-слуга, громко крича и объявляя, что у дверей находится король со своими приближенными. Тогда Амельберга, ничуть не потеряв присутствие духа, быстро прошла в домашнюю церковь, которая примыкала к дому, где немедленно с плачем и слезами на молитве простерлась, жалобным голосом умоляя, чтобы Господь освободил ее от приближающейся опасности. Тогда король, войдя за ней в часовню, весьма безрассудно начал ее прельщать многими льстивыми словами, и сулить земные почести, чтобы хотя бы своими уговорами ее заставить их принять. Однако она, никоим образом не желая оставить Жениха, Которого она избрала, лежала неподвижно и прикинула к земле так, будто вросла и удерживалась тесно сплетенными корнями. Король же, после того как истратил впустую все льстивые слова и увидел, что ни в чем не преуспел, проявил себя не как король властный, а как тиран свирепейший – схватив Амельбергу грубо за руку, он попытался силой вытащить ее вон. Наконец, поскольку даже таким образом ничего не добился, с силой дернул он руку девы и, изо всех сил вывернув, сломал кость плеча девичьего, словно отомстив за себя, и удалился.

6. Тогда Амальберга, дева весьма нежная, от сильнейшей боли в руке, конечно же, пред Господом немного поплакала и молилась так долго, что Христос, Жених ее, явившись, восстановил ее в полном здравии. С этого-то дня она

больше не допускала до себя ни одного земного возлюбленного, но беспрепятственно пребывала в любви Супруга своего Господа нашего Иисуса Христа. О блаженное общение! О выбор столь благоразумный, когда король земной ради Создателя неба и земли презирается, когда Бог вместо человека избирается, когда вместо этой вот грязи небесные богатства взыскуются! О, блаженнейшая дева, если высокородство твое много тебе повредило, то добровольное Бога ради отвержение и сокрушение плоти не много ли больше подарило? Если блеск твоей красоты опасности (тебя) подверг, то отпор королевскому величию вечной тебя славой увенчал. Если на время страдание опечалило, то от этого получила ты сообщество мучеников и вечный покой. И вот, ныне ты наслаждаешься всем, чего в этой жизни желала, ибо Царь Царей и Господь господствующих возжелал весьма твоей красоты, и ты, о царица августейшая, стоишь близ Него, “одесную Его в Офирском золоте” [Пс 45, 9].

7. И вот, ныне в тебе вера, надежда, любовь сияют, смирение царствует, терпение торжествует, девство белизной сверкает, стыдливость блистает, рассудительность добро и зло различает, благоразумие соразмеряет, храбрость побеждает, справедливость суд вершит, и, в завершение, – войско, из всех добродетелей составленное, в тебе и тобою держится. Потому ты, пребывая в вечном блаженстве, блага невыразимые не только всеблаженными очами зришь и в счастливейших руках своих держишь, но и прочие чувства твои услаждаются тем же счастьем. Ибо блаженными ушами слышишь ты орган небесный, и радостными устами поешь песнь новую, и досточтимыми ноздрями вдыхаешь ароматы благоуханные, теперь уже вечные. Так, не будет теперь никого, кто бы тебе причинил беспокойство, или кто бы вызвал волнение. Ибо ты имеешь радость без печали, услаждение без отвращения, безмятежность без страха, мир без несогласия, сладость без горечи, насыщение без убыли. Свет тебе без тьмы светит¹⁶; чистота без осквернения сияет; весь имеешь покой, всю обладаешь жизнью, ты, кто и усталости не испытываешь, ни смерти не подчинишься.

8. Что же лучше? Что приятнее? Земные богатства либо колесо судьбы отнимает, либо смертная участь похищает; но сокровища небесные, вечные, по самой своей сущности вожделенны весьма. Испроси же их и ты, о блаженнейшая дева, вместе с ангелами – по причине чистоты жизни, с апостолами – по причине кафолической веры, с мучениками – по причине стойкости в страдании, с исповедниками – по причине святой непорочности, с девами – по причине особой стыдливости души и тела; ныне устремившись к родному порогу по праву наследования принимаешь ты свою часть и гордишься Женихом твоим, Иисусом Христом Господом нашим. Именем Его тебе молимся и смиренно просим, чтобы ты не преставала ходатайствовать за нас пред Тем, Кто тебя в сей смертности укрепил настолько, что славой чистоты ты короля земного победила и особенной святостью князя преисподней диавола одолела – с помощью Бога, со Отцом и Святым Духом славимого во все веки веков. Аминь.

*Гомилия о св. Лебуине*¹⁷

1. Нередко случается, братья возлюбленные, что за трапезой приятны пирующим рассказы, полные вымысла, и жажда слушать любые небылицы увлекает душу, отягощенную плотской пищей; а пока ум, потерявший на время разумение по причине сытости тела, пренебрегает закуской духовной, он более склонен к такому роду праздной болтовни, которая развлекает плотский слух, чем к сладости небесного учения, которое душу, испытывающую тошноту, облегчит истинным и вечным наслаждением. Однако порадуемся, что при сегодняшнем чтении с нами произойдет совершенно иначе: чем привычнее оно для нашего слуха плотского на ежегодном праздновании, тем с большей жадностью мы вкушать будем сию трапезу, и само то, что мы насыщаемся после воздержания длительного и благоговейного, не сомневаюсь, вновь произведет в нас после блаженного насыщения алкание духовное. Таким

Девентер, собор св. Лебуина. Крипта. Ок. 1014 г.
Das Erste Jahrtusend. Kultur und Kunst in Werdenen Abendland an Rhein
und Ruhr. Düsseldorf, 1964. Илл. 68.

образом, чтобы обнаружилось, что за деликатесы, можно сказать, этот род рассказа обещает духовно проголодавшимся, пусть уже на небесный стол будут выставлены блюда, которые приятнее всех наслаждений века сего. Отведывая их, сладчайшие яства вечной жизни, возблагодарим Бога, Творца столь усладительного подкрепления, Который каждый год нас милостиво увеселяет участием в приятнейшем пире – дает нам вспоминать ежегодно блаженнейшего Лебуина в праздник его рождения в жизнь вечную, словно предоставляет нам хлеб ангелов, из корзины милосердия Его вынутый. Пока мы [сим хлебом] благоговейно наслаждаемся, то сперва испытываем полезный здоровью голод, затем вкушаем изобильно и ликуем радостно. Проистекают от этого в должном порядке красота духа, непобедимое мужество, непреложность спасения, презрение к миру, стремление к небесным, желание грядущих. Потому подобает нам выяснить, братия, сколь велики “деликатесы”, которые предлагаются, чтобы мы безотлагательно приняли их жаждающим сердцем: насытившись ими, мы не испугаемся никаких козней вражеских, не устрашимся молний и града бурь мирских. Чтобы, по милосердию Божию, достало у нас сил по сему пути следовать, думаем, достаточно будет нам примера этого пресвятого мужа, – ибо среди несчастий и преуспеваний мира он выдержал свирепый натиск судьбы, подобно башне Сиона и вратам Иерусалима, защищенным ангельской помощью, и пред потрясениями и ударами от козней вражеских твердо выстоял в крепости непреходящей веры.

Но восходил он к столь совершенному состоянию некими ступенями врожденных добродетелей, по которым, словно поднимаясь по лестнице и переступив чрез земное, счастливо достиг высоты небес. Даже во младенчестве своем он был любезен Богу и людям; и поскольку был умом восприимчив, душой кроток, духом нищ, заслугами богат, то получив поддержку и одобрение опытных мужей, он принял монашеский образ, в котором пребывая, сделался столь предан Христу и Церкви, что в учении превосходил своих ровесников остротой ума, подчинялся старшим с полным послушанием, наставнические приказания, словно от Бога данные, исполнял с истинным смирением и кротостью. Далее, в отроческие годы, в благопристойности поведения своего он следовал почтенной седине старцев, сочетая простоту непорочной жизни с познаниями в духовном учении. Возраст возмужания своего он провел не в распутстве и наслаждениях, но укрощал восстание юной плоти суровым воздержанием и неустанным деланием под игом трудов, обуздывая тело свое и подчиняя его себе, как раба, – чтобы, проповедуя пастве, самому не оказаться случайно лжецом. Ему известно было, что в святой Церкви много есть прославленных наставников в аскезе; среди них, как он слышал, были также блаженной памяти предстоятели Виллиборд¹⁸ и Бонифаций¹⁹, много потрудившиеся в возделывании виноградника Господня. Потому он упражнял дух свой в делах, угодных Богу, чтобы присоединиться к тем, кого он почитал Отцами в христианской истории, и стать общником их в блаженстве вечном. Раз уж упоминание о святых, великих светильниках дома Христова, возникло в нашем рассказе, даже если лишь луч сего досто-

славного света в него проник, то, отступив ненадолго от повествования, вознесем, сколь это в силах наших, этих мужей словами хвалы во славу Божию, дабы вспомнить их, как подобает, в ликовании ума. Ибо тем выше возрастет слава нашего Лебуина, чем в большей степени жизнь его предшественников, по словам многих, была достойной восхваления. Следуя в напряжении всех сил своих за великими проводниками, он не уклонялся от их путей. А потому: превозносится ли их благочестивая вера – он восхваляется; отмечают ли их духовное рвение – целиком его портрет получается; повествуют ли об их битвах и сражениях против бесплотных сил диавольских²⁰ – сомнения нет, что его победа описывается. Рассуждая таким образом, легко заключить, что вспоминая предшественников, проясним и жизнь их последователей: сынам больше славы, если подкреплена она преславной жизнью Отцов.

Нет у нас никакого сомнения, что мужи, о которых мы упомянули, были мужи святые. Каждый из них – один исповеданием, другой же мученичеством – удостоился быть принятым в свиту Агнца, и ныне стали Христу сонаследниками, ибо никогда не разлучались с Ним в этой жизни. Милосердие Божественное, конечно, даровало нам их для подражания: одним, кого устрашает меч в жестоких руках палача, чтобы сравнялся, насколько в силах его будет, с великим Виллибрордом, похвально служившим Господу в тишине Божественного мира; другим же, кто же полагает, что он может уподобиться борцу на арене, пусть смело последует святому Бонифацию, который пролил кровь ради любви ко Христу. Да вооружит он сам, даже без жестокого мучения от гонителей, руку свою Божественным мечом, став в духовном смысле для себя и преследователем (зла) и мучеником, если только достичь пожелает чистоты одного в мире или пальмовой ветви награды другого в мученичестве.

Помянув в немногих словах сих святых мужей, следует вернуться к нашему прерванному рассказу, как мы и обещали выше. Однако рассказ собственно и не прерывался, поскольку мысль о Лебуине не оставляла нас, а образ его, источавший непонятную сладость, то и дело возникал среди других рассуждений – так что пока перо выводило хвалы вышеупомянутым святым, сердце непрерывно вспоминало Лебуина. [Он (=автор гомилии), действительно, изначально решил писать о Лебуине; и хотя поставил вдруг в центре повествования других мужей, драгоценных достоинствами своими, в глубине души не мог оставить о нем помышления. Ведь то благое, что можно рассказать о Лебуине, со всей очевидностью проступает сквозь похвалы другим святым, а желающему изложить все, как должно, и во всей полноте, потребовался бы, пожалуй, весь цвет Туллиева и Плавтова красноречия]²¹. Блаженный Лебуин, находясь в окружении людей грубых нравом и почти что варваров, хранил непорочность агнца, помня слова Господа, гласящие, что Он пошлет апостолов, “как агнцев среди волков” [Лк 10, 3]. Но был святой муж не лишен и мудрости змеиной [ср. Мф 10, 16] – если кто дерзал оскорбить Главу его, Христа, он, не колеблясь, в защиту выставлял все тело. Ибо

в силе Всевышнего к Божественной Главе присоединить и члены, поскольку Тот, Кто, словно находясь в силках любви, появился среди людей, стремился нижайшее соединить с вышним и немощь человеческую приравнять к достоинству ангельскому. Ведь Премудрый Зодчий, построивший дом Небесный, поместил в основание камень, чтобы ни бушующими ветрами, ни палящими бурями, ни даже при натиске и ударах вражеских не был поврежден дом, печать добродетелей. Камень же есть Христос. Скажи, кто желает слушать, разве видишь ты что-нибудь более спасительное, чем эти скрепы, или более прочное, чем эта вот твердость? Ибо в Нем скрепленное ничем не расшатать, на Нем утвержденное никакой буре не разнести. Но, быть может, кто-то по лености или легкомыслию чаще склоняет свой слух к сказочным рассказам; тогда, показав в суетности своей, что он ненавидит правдивые рассказы, пусть обращается к поэтическим бредням; ведь поэты из-за придуманных их воображением призраков до такой степени потеряли здравость ума, что не сознают о своих собственных вымыслах, что они действительно вымыслы и есть. Мы же ни в чем не солгали о святом Божиим Лебуине, и тому свидетель – Церковь, его благодеяниями приумноженная. Она, подавая нам изобильное вспоможение, со всей очевидностью подтверждает, сколь великой награды у Бога был он удостоен. Ей самой судить, признательна ли она за то, что мы рассказываем о Лебуине, когда великое множество слушателей внимает проповеди: напор толпы угрожает даже тем, кто, как кажется, стоит в безопасном месте; когда же народ будет расходиться, едва ли найдется такой человек, кто не вознесет благодарение Богу, вспоминая, что он не только о покровительстве Лебуина услышал, но его и ощутил.

Потому полагаем, что даже если к сказанному мы прибавим еще немного, то никто гневаться не будет, ибо продолжение речи всем докажет, что Дух Божий построил в нем храм и Сам обитал в нем²². То же самое, что, как я полагаю, будет воспеваться в хвалах утренней службы, и в чтении не должно быть опущено, дабы подтвердить этим двуголосым служением, сколь почитаем у нас муж во Христе возлюбленный. Таково слово предварительное, так оно и есть. Святой Дух, по словам Писания, обитает в сердце мужа праведного. Ибо душа его, чуждая всякого греха, – это храм, где не жертвоприношения заколаются, но возносится жертва духовная: не одно лишь очищение тела, но и истинное отпущение греха и уничтожение вечной смерти. Таким храмом удостоился быть и называться блаженный Лебуин, ибо под защитой Господа чист оставался и заразе прегрешений неподвержен, ради Живущего и Царствующего во веки веков. Аминь.

Аллегорическая песнь о св. Свитберте

Свитберт, сияющий свет, просветил нас – и франков, и англов,
Истинной веры огонь тем и другим даровал.
Сеятель новый пришел на пустые саксонские нивы,
Чтобы посеять на них семя любви ко Христу.

Также он не миновал и равнины бесплодные фризов,
Их побудил принести новый невиданный плод,
Ибо рассеялась ночь душевредных слепых заблуждений,
Алой зарею восток Солнца приход возвестил.
Кроткое Солнце – Христос – озарило печальную землю,
Зло попаляя огнем и согревая добром.
О сколь велик этот свет, источаемый Истинным Солнцем
Через апостолов-слуг на христианский народ.
Пламенем духа Господь обновил Своих вестников лики,
Тем же священным огнем фризов сердца Он зажег.
Грозных мечей не страшась, христиане встречали их стойко.
Словно им сладок закон хладной Летейской струи.
Ибо огонь их сердец, на святых алтарях зарожденный,
Глину их плоти обжег, твердость придав их телам.
Их нечувствительна плоть, получая жестокие раны,
Кожа удары плетей восприняла без вреда,
Так крепкий дуб не дрожит под ударами мягкой холстины,
Так адамант не хранит слабых царяпин иглы.
И у палаток стоят в изумленье правители рядом,
Видя, что слуги Христа неуязвимы для мук,
К воинам в летах стальных безоружные смело выходят,
И, ничего не страшась, гибнут они от меча.
Скажет какой-нибудь муж, созерцая подобную битву:
“Твердость откуда сия, к смерти суровой любовь?”
Слушай, безжалостный тигр, и внимай мне, свирепая львица,
Вот что им вера твердит, разумом светлым сильна:
“Солнце, что светом Своим заливаает весь мир поднебесный,
Как мы сказали уже, знай, это Солнце – Христос.
Свет Он от Света Отца, оживляющий все мирозданье,
Сын есть Превечный Огонь, равный величьем Отцу”.
Этот Божественный Свет дал огонь негасимый сердцам их,
Что закалил, как булат, хрупкий скудельный сосуд.
Грех пожигая любой, сей огонь возгревал добродетель,
И христиан укреплял он перед войском врагов.
Вот почему пред врагом головы не склоняли герои
И не боялись угроз злобных языческих толп.
В райском надзвездном саду пребывают они, побуждая
Гордые выи владык долу склоняться теперь.
Сей Невещественный Огонь подает нам немало сокровищ –
Стойкость в смертельном бою, пальму, венец, небеса.
Также и Свитберт пришел на брега нашей милой отчизны,
Внутренним жаром горя, свет изливая святой.
Вот почему, если б вдруг он увидел ужасных циклопов,
Гарпий и диких зверей, не утрашился б ничуть.

Счастлив ты, воин благой, никогда не молившийся Марсу,
Ибо над Марсом самим в битве ты верх одержал.
Песнь нам какую сложить, восхваляя такие заслуги?
Гимны какие споеет звонкая наша свирель?
Разве небесный напев не приносит тебе наслажденье
Там, где ты ныне стоишь у эмпирейских кругов?
Музыка сфер там звучит, долетая к нам эхом чуть слышным,
Ритмы напевов ее чувствуют люди душой.
Звук нарастает, и вот превзошел он Орфееву лиру,
Трижды, четырежды он связь двух октав создает.
Горних гармоний волна не вмещается в реки земные.
Для небожителей где лучшая хрома звучит?
Здесь сладкозвучную песнь воспевают, тебя прославляя,
Попеременно поют два, и четыре, и три,
Восемь и девять хоров. Кто достоин таких восхвалений?
Тот, кто сравнялся с тобой, Богу и людям служа.
Воинство ангельских сил возглашает Создателю славу,
Тысячи светлых хоров в гимне священном слились.
Вечно теперь в небесах ты блаженнейшим слухом внимаешь,
Как ТРИСВЯТОЕ уста их бесконечно поют.
Вот потому-то тебе не нужны восхваления наши,
Что происходят из уст, хриплых от рева грехов.
Грубые наши сердца тяготеют безмерной виною,
Грех, как Стигийская тьма, бедные души покрыл.
Глухо наш голос звучит, издавая невнятные стоны,
Скорбью глубокой томим, плачет над нашей судьбой.
Свитберт, к тебе вопием; ты гармонии вышней причастен,
Гимн, что поешь ты Христу, выше всех звуков земных.
Ныне мы просим тебя, в сокрушении сердца вздыхая:
Слух благосклонный склони к нашей смиренной мольбе.
Ты высоко вознесен за труды своей праведной жизни,
Бог удостоил тебя слушать небесный псалом.
Дай, чтобы с этим псалмом, незапятнанным скверной греховной,
Наша тебе похвала вольной рекою слилась. Аминь.

Эклога о св. Лебуине

Праведный муж Лебуин был к нам послан из английских пределов,
Он на Христовой ладье был гребцом, добродетелей весла
В бурный поток погружал, поднимаясь по рейнским стремнинам.
Устье могучей реки под дыханием ветра бурлило,
Яростный дул Аквилон, возмущая речные просторы,
Не пропуская корабль, освященный Божественной волей.

После того как святой прочитал над волнами молитву,
Свыше на помощь ему прилетел южный ласковый ветер,
И отступился Борей, и в свои безмятежные воды
Принял смирившийся Рейн корабли, словно стаю пернатых.
Гавани мирной достиг без опасностей путник блаженный,
Якорь ушел в глубину под стенами старинного града,
Тяжкие камни его прижимают ко дну, чтоб, случайно
Освободившись, корабль не был бурей коварной украден.
И удивились поля необычным трудам земледельца,
Кто урожай свой обрек испытанию пламенем Божьим.
Должно нам нивы сии понимать в переносном значеньи,
Также и плуг, что на них борозду вел от края до края,
Чтобы в полях возросли деревья чистой веры Христовой,
Чтобы их ветви наверх, к Солнцу Правды, все время тянулись.
Диво! Сухая трава заблестала живыми цветами,
Роца плоды принесла, то – плоды золотые спасенья,
Зазеленели поля, добродетелей цветом покрылись,
После по воле небес небывалая жатва созрела.
В символах этих узришь Лебуина благие свершенья,
Если захочешь понять, что в сей песни Господь возвещает.
Ибо святой посадил виноградные лозы, когда он
Многих душой возродил, наставляя Евангельским словом;
Сеял пшеницу, когда сердце чистым хранить заповедал,
Господу войско собрал, что заветы Его сохранило.
С пылким усердием он посадил молодые деревья,
Крепкие веры дубы и оливы, что мир знаменуют,
Вечные подал плоды, исцеленье несущие людям.
Так что по праву его мы с великой любовью встречаем,
Почесть по праву спешим оказать, ибо чести достоин
Тот, кто за правду стоял и воспитывал добрые нравы,
Кто ненавидел порок и рассеивал мрак заблуждений,
Девы Разумной дворец и алтарь целомудрия чудный,
Всех добродетелей дом и олива всеобщего мира.
Память святого почтим в величальной торжественной песни,
Ведь от сокровищ земных Лебуин навсегда отказался,
Чтобы на небе собрать изобилье сокровищ нетленных.
Душу за братьев своих положить он желал непрестанно.
Мудрый читатель, прошу, слух склони к моей просьбе смиренной,
Вместе со мной помолись чистым сердцем Христу Жизнодавцу,
Также святому Его, ибо всякий, кто Господа любит,
Чтит и Господних святых, ибо Господу всею душою
Предан был муж Лебуин, и Господь возлюбил Лебуина.
Больше Христова любовь, чем дела человека земного,

Ибо всегда и во всем вечность более тленья бывает.
Воину Божию мы будем рады служить неустанно,
Он нас с любовью хранит, так и мы его преданно любим.
Жизнь и дела воспоем мы “любезного друга” Христова,
Как это имя звучит на родном языке Лебуина,
Как произносит его отделенный от мира британец.
Звался средь родичей он во младенчестве Леафувине,
И во Крещеньи Святом это имя ребенку осталось,
Духом оно и водой освященное Богу угодно.
Если же мы на латынь переложим германское имя,
“Милый” получится “друг”, но нам необходимо добавить,
Чей иль кому. Что же здесь подойдет по значению лучше,
Чем послушанье Христу иль союз со Спасителем мира?
Имя святого найдешь, коль два слова в прозвание сложишь,
Всем угодишь ты; когда италийцы услышат и англы,
То с ликованьем они проповедника разум похвалят:
Воина – англская речь, миротворца латынь величает.
Песни начало меня побуждает спешить к завершенью,
Чтоб я изысканных Муз не томил деревенскою дудкой,
Ибо легко сочинять мне, когда я на дудочке силовой
Грубый аркадский напев начинаю наигрывать стаду.
Вряд ли дожждаться конца этой песни ценитель захочет,
Коль за искусство мое дать он может не больше обола.
Скажем, что каждый поет: заблуждения предков оставив,
Мы обратились к добру; не имея амома и нарда,
Богу, хранящему нас, в дар приносим мы травы морские.
Это узри, Лебуин, досточтимый и праведный пастырь,
Ныне, служитель Христов, я молю: богачу не пособствуй,
Лучше печальной вдове помоги пережить ее горе,
Скажет спасибо она; разреши мои узы молитвой,
Дай мне, когда я умру и покину прибежище плоти,
Вечную радость снискать со святыми собраньями Агнца.

¹ *Свитберт* (ум. в 713) – уроженец Нортумбрии и спутник св. Виллиброрда в его миссионерских трудах, проповедовал в Брабанте и прилегающих областях. В 693 г. вернулся в Англию, где был рукоположен во епископа. Проповедовал у боруктуариев, но после захвата их земель саксами-язычниками удалился на земли, подчиняющиеся франкам. Получил островок на Рейне от Пипина и Плектруды, где основал монастырь. Там он и окончил свои дни. Его память празднуют 1 марта.

² Ср. Мф 26,41 (=Мк 14,38) (“дух бодр, плоть же немощна”).

³ *Беда Досточтимый* (ум. в 735) – знаменитый англосаксонский церковный писатель и богослов, автор “Церковной истории народа англов”, важнейшего источника по истории Англии до 30-х годов VIII в.

⁴ *Виллиброрд* (658–739) – просветитель Фризии, проповедовавший там с 690 г. до своей кончины, и архиепископ Утрехтский.

⁵ *Вильфрид* (ок. 634–709) – епископ Нортумбрийский (664), затем Мерсийский и Кентский, после 669 г. снова в Нортумбрии. Активно поддерживал миссионерскую деятельность англо-

- саксов во Фризии, где он сам проповедовал в 679 г. и где с 690 г. работал его ученик Виллиброрд.
- ⁶ *Мерсия* – одно из англосаксонских королевств, располагавшееся на западных землях Центральной Великобритании (ныне регионы Вест-Мидлендс и Ист-Мидлендс).
- ⁷ *Феодор Тарсийский* (602–690) – архиепископ Кентерберийский, по происхождению грек, чрезвычайно образованный богослов, знаток Св. Писания, осуществивший реорганизацию Церкви Англов.
- ⁸ *Боруктуари или бруктеры* – германское племя, проживавшее на северо-западе Германии между реками Эмс и Липпе (ныне северная Вестфалия).
- ⁹ *Старые саксы* – те, кто остался на прежнем месте после переселения части саксов в Англию в 5 в.
- ¹⁰ *Пипин Геристальский* (635–714) – майордом Австразии с 680 г., Нейстрии и Бургундии с 687 по 695 г., первый “герцог и принцепс франков”, отец Карла Мартела и прадед Карла Великого.
- ¹¹ *Плектруда* (ум. в 717) имела большое влияние на Пипина.
- ¹² Остров получил позже название по имени святого – Свитбертс-Инсель. Теперь это старейшая часть Дюссельдорфа – Кайзерсверт, находящаяся в северной части города, у реки Рейн.
- ¹³ *Св. Амельберга из Темс* (ок. 741–772) особо почитается в Бельгии и Фландрии. О ней не известно почти ничего достоверного. По традиции, ее имя связывается с Карлом Мартелом или с его внуком Карлом Великим.
- ¹⁴ *Карл Великий* (747–814) – король франков с 768 (в южной части с 771) г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., римский император с 800 г., основатель династии Каролингов.
- ¹⁵ Ныне Шельда.
- ¹⁶ Ср. Ин 1, 5.
- ¹⁷ *Св. Лебуин* (ум. ок. 775 г.) – англосаксонский монах из монастыря Рипон, настоятелем которого был св. Вильфрид (примеч. 5). По примеру свв. Виллиброрда и Бонифация решил посвятить жизнь миссионерским трудам. В 754 г. приехал в Утрехт, вместе с учеником св. Виллиброрда Мархельмом проповедовал в Вестфалии, построил церковь в местечке Вилпа (напротив Девентера, на берегу реки Йиссель). Однако язычники-фризы вошли в союз с саксами, напали на Девентер и сожгли его. Лебуин прибыл на Альтинг саксов в Маркло на реке Везер и выступил с речью в защиту христианства. Вернувшись в Девентер, от заново отстроил свою церковь. Он умер в Девентере ок. 775 г.
- ¹⁸ См. примеч. 1.
- ¹⁹ *Винфрид-Бонифаций* (ок. 675–754) – просветитель Германии и Фризии, архиепископ Майнцский.
- ²⁰ “*Власти медные*” или “*власти воздушные*” – бесплотные силы дьявольские – распространявшийся в средневековых текстах синоним воинства отпавших ангельских сил. Далее встречается у Аттона Верчелльского в “Слове на Вознесение Господне”, стр. 290.
- ²¹ Слова, заключенные при переводе в квадратные скобки, вероятнее всего, не авторские, а маргиналии, т.е. комментариев на полях рукописи, переписчика или образованного читателя.
- ²² Ср. Рим 8, 9, 11; 1 Кор 3, 16; 6, 19; 2 Кор 6, 16; 2 Еф 18–22.

Хуквальд Сент-Амандский

Хуквальд родился в 840 г. (место его рождения неизвестно), в ранней юности поступил в монастырь Сент-Аманд-сюр-Л’Эльмон около Турнэ, где его дядя Милон занимал важное положение. Там Хуквальд начал учиться, в том числе и музыке. Согласно биографам Хуквальда, еще мальчиком он

составил столь прекрасный гимн св. ап. Андрею, что возбудив в дядюшке зависть, был вынужден покинуть Сент-Аманд и основал собственную певческую школу в Невере. В 860 г. он пришел в монастырь св. Германа Оксеррского, где завершил образование, а в 872 г. возвратился в Сент-Аманд, примирившись с дядей и возглавив вместо него монастырскую школу. В 883 г. он преподавал в школе монастыря Сен-Бертен. По приглашению Ремигия Оксеррского в 892 г. он занялся реформой старинных певческих школ в Реймской диоцезе. С 900 г. до самой смерти, наступившей 25 июня 930 г. (по другим сведениям, 932 г.), он проживал в монастыре Сент-Аманд. Хукбальд известен своими работами в области теории музыки. Так, он предпринял попытку улучшить систему невм, при помощи которых записывалась мелодия. Позже он пользовался первыми буквами латинского алфавита, чтобы обозначать музыкальные интервалы, став, таким образом, предшественником Гвидо Ареццкого с его системой записи мелодий. Главное достижение Хукбальда как теоретика музыки состояло в том, что он добавил второй голос к одnogолосным церковным песнопениям, заложив основы полифонии. Кроме того, Хукбальд известен как автор многочисленных житий.

Перевод сделан по изд.: PL 132, 857–876.

Житие св. Альдегунды, девы

Посвящение автора

1. Помня о Вас и храня благодарность за Вашу, достойную восхищения, усердную заботу обо мне, я повиновался Вашей воле. Если медленнее, чем Вы желали, если менее удачно, чем подобало бы, то припишите это не моему легкомыслию, но, скорее, трудности дела: на слабом огне руду очистить не просто. Если кто будет смеяться над нескладностью моей речи, – это пусть эта вина ляжет на Вас, ибо я предпочел подвергаться осмеянию, чем слушаться Вас. Если же я кому-то не угожу по той причине, что пурпурные лоскуты, “блестящие ярко заплаты”, я не только не пришивал¹, но еще и сдирал, пусть знает, что я и не думал по обычаю девочек наряжать бесформенных кукол или раскрашивать неодушевленные изображения на стенах. Я желал лишь всем для подражания явить без прикрас непоколебимое сердце женское, более того, можно сказать, мужскую душу, исполненную добродетелей, словно зажженный Богом светильник. Если угодно Вам будет переписать сие житие, усердно прошу сохранить разделение на главы, а предваряющие слова поставить перед главами, как они ныне и присоединены. Ибо такие прологи, где вообще речь идет о деяниях святых, имеют целью как побудить всех читателей к подражанию им (в особенности порицая леность пренебрегающих великими примерами, а также убеждая, что нельзя извинить ничье невежество), так и показать, что должно любить и славить Господа, действующего в святых Своих. Если Вам, или наставникам, которым Вы, может быть, по

случаю дадите послушать это житие, оно не понравится, то пусть погибнет в руках Ваших этот внушающий отвращение и нелепый пергамент, пусть его порвут, или предадут огню. Что бы ни произошло, прошу ради дружбы, чтобы наше имя в этом труде не было названо.

Пролог Хукбальда

2. Сострадание Божественной Благодати во всякое время многообразно заботилось о человеческом спасении: после грехопадения первого человека, как чрез речения, так и чрез примеры праведников, приводило заблуждающихся на путь Истины; также и до Закона, и под Законом, и под благодатью простецам обоего пола милосердно являло оно для подражания образ добродетели. Писание обоих Заветов подобно сияющему своду небесному, что светит не только большими светилами, то есть Солнцем и Луной, но еще и меньшими звездами; то есть оно исполнено не только лучами Истинного Света, Который просвещает разумное творение, и красотой Вселенской Церкви, Которая весь мир делает светлым, но еще и сиянием отдельных святых, которые утешают нас в ночи мира сего, будто блистающие звезды. Итак, кто, по дарованию Божию, имеет здоровые глаза, пусть обратится к свету Солнца, последует по стопам Господа Спасителя. Кто же по слабости глаз не в силах смотреть на столь яркий блеск, да обратит взор к белым вершинам гор, сияющим отраженным светом Солнца Истинного: к святым апостолам и их последователям, которые просвещают весь мир учением и примерами; пусть последует за вождями веры, которые, словно овны-вожаки, ведут стадо свое на пастбище жизни. Ибо тот, кто слишком медлителен умом и пренебрегает Евангельским и апостольским учением (что весьма опасно), если по слабости своей веры не обращает должного внимания на неустрашимые деяния или свидетельства великих Отцов (что есть признак дурной и ослабленной души), то пусть, по крайней мере, читает или слушает Жития святых, которые жили в недавние времена, и познает благодать Создателя, всегда действующего в святых; познав же, воспламенится любовью к Нему. Если кто еще, изнеженный из-за слабости телесной, не решается подражать мужам, пусть устыдится, узнав о слабых женщинах и девах, которые, любовью к своему Искупителю победили мир. Нельзя оправдываться незнанием, если ты прочел или хотя бы прослушал чтение, как положено. Где не звучат уже слова Писания? В церквях чтецами ежедневно вслух читаются, певцами воспеваются для услаждения слуха, проповедниками разъясняются для пользы души. Есть ли какая страна, какой город, какое селение, что не украшены по особому предвидению Создателя покровительством какого-либо святого? Повсюду в членах Своих, как молния, вспыхивает Христос. Имя Его – разлитое мирро²; Он повсюду громом гремит, повсюду проливается дождем: через Евангелие, чрез апостолов, чрез Учителей, чрез примеры святых. Кого иного в Житии блаженной девы Альдегунды (чтобы от многих примеров перейти к одному) должно возлюбить, за Кем следовать, Кем дорожить, если все указы-

вает на Христа, на Агнца, за Кем, возлюбив, дева юная по заслуге целомудрия следует, куда бы Он ни шел? Таким образом, если мы расскажем кое-что о жизни этой девы во славу Того, Кто Один и Тот же во всех, делает малое и великое, и в несходном не Несходный, и в различном не Различный, то пусть предложенный здесь рассказ никому не будет неприятен, но пусть каждый внимает тому, что мы собираемся поведать.

Начинается житие

Глава I. Рождение, обучение, видения св. Альдегунды

3. Приблизительно в начале 630 года от воплощения Господня, в тот период, когда многие предстоятели Римской кафедры занимали ее по очереди на недолгое время, а именно: Гонорий, Северин, Иоанн, Феодор, Мартин³, при правлении Ираклия⁴ в Константинополе и царствовании Дагоберта⁵ во Франкии сына Хлотаря⁶, четвертого от Хлодова⁷, которого крестил св. Ремигий⁸, в селении Хайноэнском⁹ родилась дева Альдегунда, королевского рода, от отца Вальберта¹⁰ и матери Бертилии из королевского рода родилась дева Альдегунда. Ее сестра Вальдетруда¹¹, старшая по рождению, была связана законным браком с неким славным мужем, Мальдегарием, с фамильным именем Винцентий; позже он, вдохновленный наставлением благочестивых мужей, презрел мир и всем сердцем последовал за Спасителем Иисусом Христом. В то время многие мужи христианские, усерднейше возделывали Господень виноградник: Аманд, Утрехтский епископ, подобный напоенному влагой облаку, повсюду изливающему дождь; предстоятели Арнульф Мецкий, Аутберт Камераценский, Элигий Новиоменский, Аудозн Ротомангенский, странник Гислен¹², пришедший из Афин в Галлию. Немало было и других, сиявших в Церкви, словно ясные светила на небе, и освещающих своими лучами западные части мира; они многих приводили на путь спасения как проповеданием, так и примером жизни.

4. А девочка Альдегунда, возрастая при усердной заботе родителей и попечении Божественной благодати, выучилась также Священному Писанию. Весьма преуспевая в знании его и восприняв всей душою христианское учение, она с самых детских лет воспылала любовью к Небесному Жениху. Ибо ее родители, хотя и были возвышены гордостью высокого происхождения, но, не забывая об имени христиан, что они носили, воспитали дочь свою в страхе Божиим, и уже в самом нежном возрасте она желала угождать более Господу Христу, чем миру.

5. Между тем Альдегунда, пока еще жила в доме родителей, часто бывала восхищаема созерцанием небесного – по откровению ей Божественной благодати, иногда в бодрствовании, иногда во время сна, она воспринимала различные роды видений (как сама она доверила их и описала одному благочестивому отцу по имени Собин из Нивиаленского монастыря¹³). Даже если те, кто недостаточно серьезно относится к прочитанному или услышанному, решат, что эти видения излишни или им не должно верить, однако никакой разумный человек не сочтет удивительным или невероятным, что отроковица Божия,

усердно служащая Господу во всей полноте чувств своих, наслаждалась частыми видениями святых ангелов во сне или наяву, когда, напротив, беспечно преданная нечестивому распутству чья-либо душа зачастую бывает обманута демонскими осмеяниями. Таким образом (чтобы описать вкратце, что она видела), однажды в ночном видении она услышала, что ей обещаны неоценимые сокровища; сперва она предположила, что они земные, тотчас же в духе поняла, что ей обещаны небесные. Затем, восхищенная в видении ввысь, Альдегунда слышит, как некто убеждает ее, что отлагая тленное, она легче достигнет небесного; наконец, как только услышала голос: “Никакого другого себе не ищи жениха, кроме Сына Божия”, то видит Христа в образе мальчика невероятной красоты, подносящего ей белое платье и пальму победы; и воодушевившись тогда ожиданием небесных, слышит в видении своем, что будет в сообществе святых. В тех видениях иногда являлся ей диавол, злобой пышущий и удрученный своим выбором; являлся и ангел Божий, ее увещающий, чтобы она оставалась в девстве и удалилась бы от суетного мира. Немало подкрепленная такого рода видениями, изо дня в день она преуспевала в любви к добродетели, и, чтобы еще более укрепилась она на том пути, каждый день видела все большее. А именно: появилась пред ней девочка, словно бы странница, утверждавшая, что послана к ней от Пресвятой Богородицы, чтобы спросить, чего Альдегунде хочется. И та тотчас же ответила, что желает она того, чего хочет Господь, и более всего, чтобы творилась в ней воля Христова. Она часто видела ангелов, увещавших ее; видела блаженного Петра, напоминающего ей о Царстве Божием. Узрела даже Господа Христа в видении Царства Божия, явившегося пред ней в образе солнца и луны. Во всех такого рода откровениях благоразумная дева больше и больше смиряла себя, все более и более приближаясь к Царству Божию, и все сильнее воспламенялась страстью неотлучно быть вместе с Женихом Небесным.

6. Если же кому захочется больше узнать о таких видениях, пусть перечитает ее “Житие”. Взяв оттуда лишь немного, мы хотим в общем и целом только упомянуть о них для желающих понять, сколь велики были заслуги девы, столько раз удостоенной утешений ангельских, – ведь премудрый Создатель уделяет от милости и сладости Своей каждому соразмерно и по силам. И вот (чтобы нам уже завершить ряд подобных примеров), блаженная дева Альдегунда, возрастая из силы в силу, была удостоена Господом подняться на таковую высоту святости, что не только во многих снах или в восхищении духа, но однажды даже в бодрствовании предстал перед ней ангел и вел дружескую беседу об ее намерении сохранять девство, и когда дева святая с упованием спросила его имя, то услышала от него, что ее собственное имя славно и удивительно.

Глава II. Мать Альдегунды противоборствует ее намерению сохранить девство

7. Когда родители девы уже стали подумывать о ее замужестве, мать призвала свою дочь и повела с ней нежнейшие речи, убеждая не скрывать же-

ланий своих. Говорила, что они с отцом более всего хотят, чтобы, согласно достоинству своего рода, Альдегунда не отказывалась от обручения с кем-либо из знати. Мать описывала многочисленность семьи, обширность их поместий и земель, обилие всякого добра, сундуки, полные драгоценностей, и указывала прежде всего, чтобы прельстить дочь, на богатство, благородное происхождение и красоту одного юноши. Не отставала мать, пытаясь ласковыми уговорами подчинить дух дочери своей воле. Тогда Альдегунда, которая и нравом была честна, и речью приятна, постоянно Божественные книги читавшая и прилежно над Священным Писанием размышлявшая, попав в такие обстоятельства, дольше не могла скрывать, Какого Жениха избрала, Кого в глубине души своей возлюбила, а именно, Господа Христа, о Ком узнала из Писания и Кому всю себя уже посвятила. “Что же, – спрашивает, – о госпожа моя родительница, любезнейшая матушка, что ты меня прельщаешь? Что столь многими словами уговариваешь и сердце мое отягощаешь? Не буду более утаивать от тебя волю свою, открою желание свое, уже давно зародившееся в сердце моем. Не знаю, о каком ты мне рассказываешь нищем женихе; но я желаю Жениха великого и богатого настолько, что владения Его суть небо, и земля, и море, что поместья Его никогда не убывают, что богатства Его всегда возрастают и никогда не уменьшаются. Если можешь, матушка, такого для меня одобри Жениха, а не человека грешного, высокомерного и обреченного неизбежно на скорую смерть”. Выслушав это, мать, хотя и не могла поколебать стойкость дочери, однако с женской назойливостью все не отставала и часто заводила такие разговоры, напоминая ей о брачном договоре. Но что же? Впустую изливала она слова, тщетно стучалась в сердце девушки, обретшее опору во Христе¹⁴. Возлюбила дева Господа Христа, Того, Кто прекрасен видом более сынов человеческих, Его, алкая, она жаждала, Его, возжаждав, алкала. К бедным она милосердна была, ум свой чтением Святого Писания неустанно питала; в ответах – весьма осмотрительна, кротка со всеми, среди знатных смиренна, с меньшими словно равная; в скудости еды и питья настолько предана воздержанию, что никто из ее подруг не мог с ней сравниться.

8. Материнские лстивые уговоры пойти навстречу родительской воле и выйти замуж, непрестанно беспокоили нежную душу девы: не покориться этим речам казалось ей неподобающим, покориться же было бы полной гибелью, ибо означало, что она более родителей любит, чем Господа Христа. И тогда сострадание Божественного Провидения освободило ее от подобного искушения следующим образом. Сестра ее, вышеупомянутая блаженная Вальдетруда, к этому времени из любви к святой вере рассталась, по обоюдному согласию, со своим мужем. Он вел благочестивую жизнь в монастыре, который называется Высокая Гора, а она в это время, по совету досточтимого мужа Гислена, выстроила женский монастырь на горе, которая называется Замковое Место, и в радости вместе с другими служанками Божиими услаждала там душу размышлениями о горнем. Вальдетруда приняла святой пок-

Поклонение Агнцу. Трирский Апокалипсис. Ок. 800 г. *Mayr-Harting H.*
Ottonian Book Illumination. An Historical Study. Part 1. L., 1999.

ров, то есть одеяние монашеское, из рук блаженного Аутберта, предстоятеля Атребатской и Камераценской Церкви¹⁵, который тогда, в числе прочих пастырей Божиих, имевших в то время большое влияние, неленостно заботился об овчарне Господней. Итак, по Божественному вдохновению, раба Божия Вальдетруда, вспоминая свою любимую сестру Альдегунду, и весьма страшась, чтобы та не связала себя узами плотской любви, и всем сердцем желая иметь ее своей общницей в чине святого жития, послала матери письмо. В нем она настойчиво и с мольбой просила, чтобы отправили к ней сестру, говоря, что хочет побыть с нею вместе некоторое время; что, присутствие сестры, как она думает, подаст ей немалое утешение и что, как только матушке будет угодно, Альдегунда тотчас же вернется. Мать согласилась и отослала дочь. Так, совсем уже потеряв надежду провести жизнь свою в служении Господу, в самое нужное время дева обрела пристанище, да еще и общее со своей сестрой. Кто может достойно поведать, сколько наставлений они получили из бесед друг с другом, и сколь многие примеры доброделания подали

другим сестрам от своего жития? Ты созерцал бы их, как Евангельских сестер, Марфу и Марию, наперебой служающих Спасителю, но не легко было бы различить, которая из них более избрала сидеть у ног Его, когда обе о том преклись, и обе неохотно отвлекались на внешние заботы¹⁶.

9. Прошло немного времени, и вот, матушка их, начав по-женски тревожиться, как бы младшую ее дочь-девицу сестра не отвратила от мира и не убедила бы ее принять священный покров, посылает в монастырь и призывает деву к себе. Блаженная Вальдетруда, чтобы не оскорблять мать, хотя и против своего желания отослала сестру, но горячо молила ее и наставляла, чтобы она решительно сделала себя чужой миру, приготовила бы себя для Бессмертного Жениха; и так быстро, как сможет, вернулась бы в киновию. Та, простившись с сестрой, грустная вернулась к матери, которая тогда находилась в поместье своем, называвшемся Куртиссольтра. Не забывая, что, согласно Писанию, должно почитать родителей, девушка, добрая от природы, оказала матери приличествующее почтение. Она смиренно пала к ногам ее, умоляя со слезами, чтобы мать позволила ей поселиться в доме подле Церкви, говоря, что не подобает ей проживать среди мирских мужей и жен. Она напомнила еще своей родительнице, сколь свято, сколь благочестиво живет ее сестра Вальдетруда в монастыре, как устроила она служанок Христовых, от мира обратившихся (к Богу), сколь возвышенным вещам о Царстве Небесном в ежедневных наставлениях своих их учит. Когда девица рассказывала все это матери и полагала, что той этот рассказ весьма приятен, мать, ясно давая понять, что это ей не только неприятно, но еще и весьма тягостно, разгневалась и пригрозила побоями, если в дальнейшем услышит, что дочь ее ведет такие речи. Мудрая дева не только терпеливо перенесла ее угрозы, но еще и благоразумно замолчала, готовая понести наказание. Мать же достала лучшие ткани, передала дочери и велела, чтобы Альдегунда приготовила себе свадебные одеяния, ибо решила в ближайшее время сочетать ее законным браком с неким знатным юношей. Дева приняла ткани, вошла в домишко у часовни, который выпросила у матери, и там, пойдя на благочестивый обман, изготовила из них одежды для крещаемых во имя святой Троицы, не жалея своих сил и изнурая плоть. День и ночь со слезами умоляла Господа, чтобы она не была отчуждена от общества святых дев и не соединилась бы с другим женихом, кроме Иисуса Христа. И молитвы девы были услышаны, брак, который мать готовила для дочери через пятнадцать дней, был отложен: юноша, с которым мать собиралась ее обручить, задержавшись надолго, не приехал.

Глава III. Намерение св. Альдегунды наконец одобрено родителями

10. Тем временем блаженнейшая дева, в душе которой уже укрепилось чаянье Небесного, а также решение отвергнуть все то, что погибнет с сим миром, помнила, что дурные разговоры подчас наносят вред благому житию, и решила на время незаметно избегать общества своей матери; опору же нашла

она в водительстве и общении с Тем, Кого избрала себе Женихом, и Покровителем, и Отцом. О, счастливое и достойное многих похвал разлучение матери и дочери друг с другом, когда было явлено, сколь ценима у Бога юная новобранка Христова воинства, и подтверждено, что Спаситель, как Он и обещал, никогда не оставляет верных Своих! И вот, убежав, дева Христова вышла к реке, которая зовется Самбра, и не увидев нигде корабля, на котором можно было бы перебраться через реку, остановилась на высоком берегу. Что ей делать? Куда обратиться? Она не находила для себя никакого иного способа переправиться через реку, кроме того, что прошение верных, неизбежная надежда на Спасителя, никогда не остается втуне. Не забывала она, как Господь обещал верующим в Него, что дела, которые Он творит, и они сотворят, и больше сих сотворят; и как сделал море под ногами князя апостолов проходимым; и как апостола Павла, пребывавшего днем и ночью в морских волнах, уберег без вреда¹⁷. Помня также, что для совершенной веры нет ничего невозможного, Альдегунда знамение Креста Господня защитила свое тело со всех сторон, и так, в благочестивом уповании на помощь Господа, ступила на волны реки, словно на твердый путь. Она шла по водам, а слева и справа ее поддерживали духи ангельские, и края одежд ее не касались вод реки. То, что святые ангелы служили деве, не чуждо, как представляется, основам веры католической, ибо написано, что небесные духи, посланные на служение святым, суть ангелы¹⁸, и святые мужи именуется ангелами по сходству жизни своей, ибо живут, подражая ангельской жизни. Потому также Иоанн Креститель, “большой которого не восставал из рожденных женами”, и удостоился названия ангела¹⁹. После же того, как святая дева встала на противоположном берегу реки, она воздала благодарения Богу, благодаря Которому и могла она совершить и совершила то, что противоречит природе.

11. Затем Альдегунда, смиренно молясь Богу, чтобы Он направлял ее благие намерения, дошла до места, сплошь заросшего разнообразным кустарником (этой землей по праву наследия владели ее родители вместе со своей племянницей святейшей Гертрудой²⁰). На том месте она выстроила, выкорчевав терновник, совсем небольшую церковку. Известие о таком деянии немедленно распространилось по всему краю, а именно, что дева столь высокого рода, оставив дом и дела отцовские, последовала за Господом в уединение пустыни, взяв на себя Его крест.

Эту вот весть, наконец, услышали и мать, и отец, –
То, что их милая дочь от мирской суеты бежала прочь;
Дом свой оставив родной, поселилась в чашобе лесной.
Верные слуги рыдали, в монастырь госпожу провожали.

Но благочестивый отец ее счел происшедшее с дочерью “изменением де-
сницы Всевышнего” [Пс 77, 10], ибо совершилось это Божественной благо-
датью, и нашел немалое облегчение своей скорби в том, что Господу препор-
учил как начать, так и завершить исполнение намерений своей дочери.

12. Мать же оплакивая дочь, как если бы она умерла, изнурилась настолько от великой скорби, что подверглась опасности разлучения души с телом. Доброе сердце материнское сверх меры тяжело переносило отсутствие дочери, поэтому благое вышнее милосердие поселило в душе ее сильное желание увидеть ту, разлуку с которой она с трудом могла переносить. Итак, взяв некоторых спутников, она поспешила посетить дочь, а с какой радостью дочь встретила ее, изъяснить не в наших силах. Так, дочь, исполненная милосердия и любви, принимает мать свою, и после приветствий и поцелуев, увещает и уговаривает благочестивую женщину, чтобы та совершенно презрела земное, возжелала бы небесного и приобретала бы себе друзей “богатством неправедным”, чтобы они могли бы принять ее “в вечные обители” [Лк 16, 9], среди прочего добавив:

Матушка, вечна хвала, коль признаешь ты Богом Христа,
Мира оставив грехи, посвяти себя Божью пути,
Лучше Христа возлюбить, чем и душу и тело сгубить

Итак, блаженная мать, увидев, что дочь избрала себе лучшую дорогу, то имущество, которое ей принадлежало по закону наследования, и которое прежде она предполагала истратить на утрату целомудрия, поспешила даровать к славе непорочности, чтобы в будущем от Христа получить во сто крат и, сверх того, вечную жизнь в вечном блаженстве²¹. Таким образом, мать без промедления передала дочери имущество их семьи, также во владение ее немало леса. Это завещание было оглашено и подтверждено перед всеми. Радовалась дочь, что препоручила Господу мать; ликовала мать, что не повиновалась ей дочь и отказалась от брачных уз. Так обоюдно ликовали мать о дочери, и дочь о матери.

Глава IV. Принятие священного покрывала Устроение монастыря

13. Когда же матушка Альдегунды заболела и уже потеряла надежду на выздоровление, то призвала деву, свою дочь, дала ей злата и серебра, одеяния драгоценные, имения, поместья, слуг и служанок и все, что имела, кроме лишь того, что на тот момент для исцеления души своей раздала бедным и что отправила на нужды Божьих слуг и служанок в киновиях служителей Господних. А когда мать умерла, то была она похоронена в вышеназванном поместье Куртиссольтра подле мужа своего пастырями Божиими и другими чинами церковного достоинства в церкви Пресвятой Богородицы. Но тут юноша Эудон, которому ранее собиралась отдать дочь в жены мать Альдегунды, хотя и знал о кончине ее, несмотря ни на что стал настаивать на женьитьбе и приказал своим людям приготовить все, что нужно для свадьбы. Когда дева услышала об этом, она весьма испугалась и, убежав ночью в лесистое место, которое называется Мельбодий²², скрывалась там несколько дней. Узнав о прибытии в монастырь Высокая Гора епископов святого Аман-

да и досточтимого Аутберта, Альдегунда с великим смирением сердца, бо-
сая, поспешила туда, простерлась у их ног, открыла желание своего серд-
ца и поведала, что искушения раздирают ее благодаря козням диавольским.
Блаженный Аманд, о чьих добродетелях молва разнеслась уже почти всему
миру, и который, словно деятельный работник на жатве Божией, кругом мно-
гие народы привел к кафолической вере, многие киновии мужей и служанок
Божиих построил, тогда отверз уста свои, напоенные дождем Божественного
учения, и укрепил измученную душу девушки так, что она не только отверг-
ла сам мир, но еще и готова была, если так вдруг случится, принять муче-
ничество ради Спасителя Христа. Что более? Святые епископы отвели ее в
часовню того монастыря, освященную в честь и память св. Веста²³. Там, по
пастырскому благословению и по заслугам своим ими посвященная и Жени-
ху своему Господу Иисусу Христу обрученная, приняла она покров и одея-
ние святого монашества.

14. Когда пастыри Христовы приступили к этому делу и начали благосло-
вление, Вышнему Милосердию угодно было показать, что Оно всегда присут-
ствует там, где есть община праведных во имя Божие. Ибо святым предсто-
ятелям, поющим во время посвящения девы положенные гимны, явился Дух
Святой в виде голубя и, поддержал лапками и клювом освящаемый покров,
который немного стал сползать. А чтобы не возникло какого-либо двусмыс-
ленного толкования такого чудесного явления, он на глазах у всех присут-
ствующих в храме, подняв покров с земли, возложил его на главу блаженней-
шей девы. Свершив это, голубь, посланный с неба, тотчас же исчез с глаз.
А святая дева отнесла случившееся не своим заслугам, но блаженных пас-
тырей Христовых и воздала бесчисленные благодарения Богу, Который ее
недостойную, как она полагала, одарил такими благодеяниями.

15. Итак, блаженная Альдегунда вернулась в то пустынное место, где
прежде скрывалась, которое она сама назвала Мельбодий, и принялась тща-
тельно обрабатывать его, очищая от терновника и кустарника, а также начала
строить жилища, собирать там слуг и служанок Божиих. Наконец, после это-
го она построила там церковь в честь и память Пресвятой Богородицы Ма-
рии, где ежедневно воздавала хвалы и молитвы Богу. Затем, вменяя ни во что
богатства сего мира, она имения свои и состояние, что оставили ей родители,
законно распределила в места, где находились мощи святых, и нищим разда-
ла, чтобы достигнуть того совершенства, о котором Господь говорит: “Если
хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим; ...
приходи и следуй за Мною” [Мф 19, 21]. А место, где были похоронены ее
мать и отец, она обустроила и поселила там двенадцать монахинь для слу-
жения Господу Христу. По совету блаженного предстоятеля Аманды и с по-
мощью короля Дагоберта, в вышеназванном месте Мельбодий Альдегунда
поселилась сама с двумя дочерьми своей сестры, блаженной Вальдетруды.
Собрав там многих других в образе святого монашества, пребывала она в свя-
том житии, и оставила всем, кто находился с ней рядом, пример добрых дел,

достойный подражания. Ибо она была раба Божия, верно служащая своему Жениху в смиренности, в послушании, в терпении, изнуряющая плоть постами, бодрствующая в бдениях и молитвах, долготерпеливая в надежде, кроткая со своими домочадцами, разумная и в речах и в ведении дел церковных, в милостыне щедрая.

16. Альдегунда с великим усердием, не отступая от устава, воспитывала также в монастыре двоих своих племянниц, дочерей сестры, и с самого их младенчества старательно наставляя их, чтобы они избрали Господа Христа себе Женихом. Из них одна звалась Мадельбертой, другая Альдетрудой²⁴. Последняя, а именно, Альдетруда, девочка благих дарований, из всех сил стремилась подражать обычаям жизни своей тетки, и, непрестанно возлежав у ног ее, жаждала узнать как можно более об учении Жизни. При том, что Альдетруда процвела многими добродетелями, она была всегда смиренна и послушна. Однажды блаженная дева Альдегунда велела ей собирать вместе кусочки воска, заботясь, чтобы ни малейшая из монастырских вещей не пропадала. Та быстро повиновалась, собрала разрозненные кусочки воска в медный сосуд, разожгла огонь, и поставила на него котел, полный воска. Но, поскольку из-за сильного огня дрова быстро прогорели, раскаленный котел, объятый пламенем, накренился, и огонь с той стороны вспыхнул с новой силой; тогда девочка, боясь, что случится какой-то ущерб, вооружилась верой, и схватив голыми руками из середины пламени кипящий котел, торопливо перенесла его и поставила на каменный пол, не получив почти никакого повреждения телесного на коже. Так, без сомнения, удостоились награды у Бога и заслуги приказывающей, и добродетель повинующейся.

Глава V. Добродетели и чудеса Альдегунды

17. Блаженная же Альдегунда не изменяла своему намерению, но, возрастая из силы в силу, как с отрочества начала, творила дела святости ежедневно и изобильно. Ибо когда она еще жила в доме родителей, в очень нежном возрасте, но зрелая сердцем, все, что принадлежало ей по праву, милосердно тратила на бедных. Даже если подчас дева в чем-либо сама нуждалась, то никогда желание ее щедро раздавать не уменьшалось. Мать же ее, Бертилия, скопила немало денег; знала дочь, где находятся эти богатства (хотя мать и таила их местонахождение), однако, до смерти матери ничего оттуда не брала. Пережив родителей, Альдегунда тотчас начала раздавать бедным материнское сокровище. Когда прошло время, и она вместе с сестрой своей уже распорядилась делами семьи, то призвала верного служителя и вынесла серебра для приобретения одежды слуг и нищих Христовых, приказав вернуть ей, если что из денег будет лишним. Слуга исполнил предписание своей госпожи; купил много одежды, а что осталось из денег, принес назад; но серебра оказалось такое количество, как если бы ничего и не было потрачено. Кто может поведать, какое множество благодарений, пораженные огромной щедростью Творца, воздали они Богу?

18. Еще однажды ночью, когда обе сестры, преданные Христу Господу, бодрствуя, заботливо размышляли о любви Небесного Жениха, и уставном житии, и о спасении сестер, вверенных им Вышним Пастырем, свеча, пред ними стоявшая, внезапно упала и погасла. И в то время как они ожидали, что ее зажжет кто-нибудь, придя к ним на помощь, и сделалось некоторое промедление, дева, возлюбившая Свет, протянула руку, взяла светильник, и светильник в ее руке тотчас принял свет свыше. В этом чуде Господь наш Иисус Христос, Который есть Свет Истинный [Ин 1, 9], показал, что Он пребывает рядом со Своими служанками, каковым, собранным во Имя Его, не разрешил ни на мгновение пребывать во тьме.

19. Спустя немного времени, когда обе сестры, любезные Небесному Жениху, несли заботу о вверенном им стаде, они, проходя по монастырю для каких-то дел, оказались у базилики блаженного князя апостолов Петра, в час молитвы шестой. Постучались в дверь. Привратник храма отсутствовал, но не отсутствовал стоящий у врат небесных; он тотчас же отворил своим служанкам закрытые двери храма, чтобы не была похищена у них благодать молитв, и дух их, направленный, словно лук натянутый, к Божественному служению, не расслабился и не отклонился бы от созерцания вышнего. А они, войдя в “дом молитвы” [Мф 21, 13] с еще большим благоговением, чем обычно, и с большим покаянием совершили должное служение и вернулись к себе в радости духа.

20. Но, чтобы нам вспомнить предыдущее, после того, как премудрая дева Альдегунда, удалившись от толпы мирской, облачилась в монашеское одеяние, она, снова укрепленная ангельскими увещаниями, удостоилась увидеть Господа Иисуса, словно сияющее Солнце, вокруг которого стояли ангелы. Обрадованная этим чудесным видением и помня еще слова мужа Божия Аманда о всяческом презрении вещей преходящих и о высшем совершенстве духовном, ныне решила она полностью отказаться от всего, чем владела (что и ранее уже начала частично исполнять), и отдав все владения на земле, желала обрести сокровище на небе. Итак, Альдегунда приказала подсчитать все свое богатство, а также все деньги, какие имела в серебре и золоте, драгоценных камнях и королевских украшениях, которые были подарены ей королем и королевой, князьями, родственниками и родителями ее после того, как она приняла священный покров и раздала щедрые дары нищим Христовым, по совету блаженных Аманда и Аутберта епископов; все это благоразумнейшая дева, имея любовь даже к наружной красоте дома Божия, с благоговением даровала на украшение церквей. Имения же и безграничные земельные владения свои она пожертвовала для общего пользования служащим там Царю Христу; прочее все целиком распорядилась потратить на бедных, себе же не оставила ничего, кроме простой одежды, подобающей святому монашеству, и ежедневного пропитания, нужного для обычной ее жизни вместе с остальными служанками Божиими. Но щедрость Господа Спасителя, чтобы укрепить в вере дух служанок Своих, не замедлила возблагодарить их за презрение преходящего ради любви к Его Имени. Ибо в тот день, когда раба Божия столь славно испол-

нила дело своей щедрости, за вечерней трапезой по ее повелению служители принесли воды для питья, и Тот, Кто щедро одарил празднующих брак в Кане Галилейской, сотворив вино из воды²⁵ (Ин 2:9), Своей невесте Сам воду из источника превратил в вино чудесного вкуса, чтобы она согрелась. Когда такое дело стало известно всем служанкам Божиим в монастыре, столь великая любовь к Господу Христу воспламенила их души, что ради любви к Господу в дальнейшем ни одна из них не заботилась иметь что-либо земное.

21. Случилось однажды, что одна из служанок наполнила водой небольшой кувшин, чтобы святая дева омыла свои руки. Но через некоторое время кувшин опустошили для других нужд, и служанка не знала, что сосуд пуст. Когда же она собралась полить воду деве на руки и обнаружила кувшин пустым и в испуге уже хотела бежать к источнику, но внезапно ощутила, что кувшин полон воды. Это знамение было явлено всем в монастыре; заслуга девы вызвала восхищение и все принесли хвалы Господу Иисусу.

22. Как-то раз рыбак принес блаженной деве Альдегунде рыбу, еще живую. Эту рыбу дева по усердию любви решила сохранить для нужд мирян, рабов Божиих, помогающих в монастыре, а не для своих, и приказала бросить в ближайший источник. Когда рыба плавала близко от края, она сделала прыжок в воздухе, упала на берег и, попав на сухое место, начала трепыхаться.

С карканьем черные тут отовсюду вороны слетались,
Бедную рыбу терзать и когтями, и клювом пытались.

Удивительно это рассказывать, и необычно было видеть: подле пасся ягненок, по сравнению с прочими домашними животными совсем маленький; он быстро подбежал, выхватил рыбу у пожирающих ее, и сражаясь против ворон рожками и ножками, напрягши все тельце свое, отогнал их. Сестры же, наблюдавшие из монастыря необычную войну, поспешили туда, с великим удивлением обнаружили рыбу невредимой и отнесли рабе Божией Альдегунде. А тот агнец, защитник рыбы, все время следовал за ними, пока рыба не была принесена к деве настоятельнице.

23. Однажды монастырские сестры разожгли очаг и, как обычно, подвесили над огнем корыто с водой для стирки одежды. Одна же из них, одетая в рубашку блаженной девы Альдегунды, стояла подле горящих углей, как вдруг древний змий, ненавидящий смиренные труды служанок Божиих, толкнул в очаг ее, стоявшую близко к огню, и вылил на нее кипящую воду. Падая, она призвала имя св. Троицы. Служанки Божии спешно подбежали, вытащили ее из пламени и нашли ту, у которой, как они боялись, все тело было обожжено, совершенно невредимой благодаря молитвам и заслугам Всеблаженной (Богородицы) Марии.

Глава VI. Видения. Пророчества. Болезнь

24. Среди прочих благодеяний Божественного утешения, которые благодать Господа Спасителя сообщала этой деве, особо удивления достойно,

что Господь не позволял Альдегунде долго находиться в состоянии печали, часто ободряя ее посещением ангелов и дружеской беседой с ними. Об этом легко можно заключить еще из небольших примеров. Как-то раз она услышала о себе злое слово, брошенное некими злыми и праздными людьми (ведь у таких есть в высшей степени дурной обычай всегда унижать тех, кто их лучше). И когда после этого, по свойственной человеку немощи, дух девы несколько страдал, предстал пред ней ангел, утешая ее по обыкновению, и успокаивая сладкими словами: “Что, – говорит, – о сладчайшая дева, невеста Господа Иисуса Христа, что ты печалишься о словах людей праздных и завистливых, когда тебе уготован престол Царства Небесного, а тем, если они не обратятся, будет вечное наказание и адская мука?” Подкрепленная такими речами, дева больше не заботилась о пустословии порицающих.

25. Затем же (более полно это изложено в Житии блаженного Гислена) в воскресную ночь блаженный Аманд, исполнившись дней, словно спелая пшеница для Житницы небесной, преставился, сбросив мякину плоти; в этот самый час, во время ночного бдения и пения гимнов блаженной Альдегундой, он смиренно приклонил колени в монастырской церкви Мельбодиенской, перед алтарем Славной Родительницы Господа нашего Иисуса Христа Марии. И поскольку Альдегунда много возлюбила его в сей жизни, поскольку следуя наставлениям его, взошла к вершинам добродетели, то по благодати Господа Спасителя открылось ей, и каковы заслуги пред Господом ее наставника, и что в ближайшее время она также последует за своим руководителем туда, куда он ныне отправляется. Ибо, молясь в восхищении ума, она созерцала почтенного седовласого старца, в прекрасном священническом облачении с посохом в руке и переходящего в горня, а также множество одетых в белое людей, перед ним и после него идущих; и возликовала дева святая, видя, что и сама она вместе с этой свитой поспешает. Когда же ее спросили, что это за вождь столь славного множества людей, она ответила, что не знает, и так тогда сказал ей ангел: “Любезный Богу Аманд преселился от мира сего; и поскольку он в жизни своей, по благодати Божией, постарался сохранить себя без греха, и таланты, ему врученные, с верою разумно удвоил²⁶, ныне столь славно восходит он к радости Господа своего со святыми, которых приобрел Господу словом и примером”. Это видение разумнейшая дева в тот день не открыла никому из находящихся с нею, а блаженному Гислену дала поручение, чтобы по причине ее видения он изволил к ней прийти вместе с сестрой ее блаженной Вальдетрудой. Они пришли в место, которое называется Мервий²⁷, и Альдегунда поспешила им навстречу. А когда среди прочих спасительных бесед она открыла свое видение блаженному Гислену, муж Божий, поняв, что предзнаменует это видение, глубоко вдохнул и сказал: “О любезнейшая сестра, милая и преданная невеста Царя Предвечного Господа Нашего Иисуса Христа, благодари непрерывно Божественное Достоинство, Которое тебе заранее показало уже произошедший переход сладчайшего пастыря в небесные пределы и твой переход туда же в ближайшем

будущем. Потому что, по откровению Господню, ты уже отведала сладость и вкус Небесного Отечества, и необходимо, чтобы ты упорно и всей настойчивостью пребывала в послушании Ему, пока не удостоишься получить то, что Он пообещал любящим Его”.

26. Однажды еще блаженной Альдегунде в видении Господь показал врага рода человеческого весьма опечаленного. А она желала знать и спрашивала его озабоченно, что за столь великое упорство у него против рода человеческого? Какую выгоду в будущем надеется он иметь, если все не прекращает многие и многие тысячи людей ввергать в преисподнюю? Злой ей ответил, что немалая скорбь терзает его по причине зависти к сынам Адама, ибо они ежедневно туда восходят, откуда он сам, жалкий, со своими присными был изгнан.

27. Весьма приверженная Божественному закону, блаженная дева Альдегунда беспрестанно жаждала насыщаться Небесным Словом и желала подражать жизни святых и благочестивых мужей. Посетила разумная дева и Гумберта²⁸, живущего у Мариколы, мужа знаменитого святостью, просвещенного знанием Божественного Писания, носящего на темени знак Креста, напечатленный ангелом. Услаждаясь пиром яств Божественного Слова, в течение нескольких дней истекающих из уст его, она как-то прогуливалась с ним по соседству с монастырем. Жар дневной возрастал, и когда она почти потеряла силы от жажды, муж Божий помолился вместе с самой девой, в том месте из земли истек невиданный ранее источник пресной воды, и Альдегунда освежилась; источник же и до сего времени не убывает. А блаженный Гумберт, зная заранее день своей кончины, попросил у девы, чтобы она сама приготовила ему льняные одежды для его погребения. Когда же он послал за ними, то другой слуга уже был отправлен девой, предчувствовавшей грядущее, и он встретил посланника блаженного мужа на середине пути с одеяниями, которые тот просил.

28. Итак, блаженная Альдегунда, которая избрала Господа Спасителя своим Женихом, утешенная частыми видениями ангелов, с которыми нередко многообразно по-дружески беседовала, поскольку они признавали в ней сослужительницу и согражданку, знала заранее, по откровению Святого Духа, что приближается день ее успения. Она молила Господа, чтобы Тот, Кто святых освящает еще и праведных оправдывает еще [ср. Откр 22, 11] и Кто “бьет всякого сына, которого принимает” [Евр 12, 6], удостоил служанку Свою в настоящей сей жизни очищения, поражая плоть ее столь же сильно, сколь с незапятнанной душою смогла бы она после жизни сей войти в покой Господа Своего. Ибо она понимала, что никто в сей жизни не совершенен настолько, чтобы быть свободным от всей скверны греха. Божественная Благодать не замедлила подать милосердно то, что та просила смиренно. Ибо в ее правой груди чрез некоторое время началась болезнь, которая называется рак и которая, вплоть до последнего дня жизни поедала ее, терзая ее плоть. Но разумная дева, по примеру блаженного Иова и прочих святых, терпеливо

переносила болезнь и радовалась ей, словно полученному свыше дару, премудро вознося благодарение Небесному Величию.

29. Когда же пришло время ее освобождения, как предсказал ей ангел, в названный день никакая тягота телесная не утомляла ее, пред ней вновь предстал ангел, и она начала жаловаться ему, что все еще далеко она находится от уготованного ей Царства. Он сказал ей: “Знай, что святые ангелы попросили это для тебя у Господа, чтобы еще у тебя было некоторое время в сей жизни для совершенствования в добродетелях”. Но однажды, когда Альдегунда уже целую неделю страдала от перемежающейся лихорадки, около полуночи, по внушению диавола, ею овладела столь невыносимая жажда, что, казалось, она испустит дух, если тотчас же не попьет. Она сразу догадалась, что это не сила лихорадки, а соблазн диавольский, и мужественно сопротивляясь, решила воздержаться от питья и прибегла к молитве. И вот, перед рассветом она видит: стоит подле нее древний враг с лицом отвратительным и ужасным; он был вынужден признать, что это он внушил ей такую невыносимую жажду, а еще кощунник добавил, что ей предстоит мучительная и трудная дорога, и неизвестно, устоит ли она в служении Божию. Дева твердо ответила ему: “Господь мне помощник, не волнуют меня твои угрозы”. Немедленно посрамленный сатана бежал, и жажда от нее отступила. После соблазна диавольского предстает многократное утешение Божественное. Ибо Альдегунда узрела в видении, как будто она настойчиво просит у Господа стойкого пребывания в любви к Нему, и будто бы появившийся пред ней священник, то есть Сам Господь, милостиво пообещал ей это. Еще видела она блаженного апостола Петра, который принес ей ослепительно белый хлеб, и себя, которая ела этот хлеб из руки его. Сестра ее также услышала во сне свыше, что она сама получила прощение от Господа и что сестра ее дева Альдегунда удостоилась Жениха Христа.

Глава VII. Кончина и во время кончины чудеса

30. Между тем, когда дух девы беспрестанно утешался такого рода видениями и возносился к созерцанию небесного, к ней принесли маленького ребенка, спасти жизнь которого уже отчаивались. Альдегунда немедленно приказала положить его сбоку от алтаря, и как только это было сделано, он тотчас же стал снова здоров. Когда же деве сообщили о внезапном исцелении младенца, то она вспомнила свое видение и поняла, что случилось это потому, что ребенок коснулся того места, где несколько дней тому назад она видела, как прошел Господь. Что же ей оставалось, как не возблагодарить Бога? Действительно, незадолго до того дева видела, будто бы она стоит на улице и словно бы огненный шар сошел на нее с неба. На четвертый день после того, в середине воскресной ночи, когда она вошла в церковь на бдение, одна из сестер, выйдя, увидела улицу, на которой прежде явилось видение, осиянную необыкновенным светом, тогда как в тот же час мрак покрывал всю землю. Наутро сестры обсуждали это и дивились, а святая дева знала причину столь великого сияния,

однако никому из них тогда не рассказала. Через некоторое время подошел и другой свидетель этих видений, утверждая, что он видел Господа нашего Иисуса Христа с войском ангельским, беседующего с самой девой у алтаря. Спросив же у этого человека час, когда он видел такое, она узнала, что был тот самый час, когда она видела Господа в видении. Мальчик же исцелился, как сказано было выше, как раз на четвертый день после того.

31. Проживал в то время в монастыре один священник, имевший о себе доброе свидетельство, с отроческих лет до совершенного возраста “непорочный” [Фил 3, 6]. Он не раз рассказывал, что видел ночью, как огненный шар сходил с неба на жилище, где находилась больная раба Христова. А одна из престарелых служанок Господних после ночного пения гимнов ненадолго уснула, а потом увидела, что блаженная Альдегунда, стоя пред алтарем на месте священника, преломляет Тело Господне в потире и говорит ей: “Ну, иди, скажи священнику, чтобы в этом потире он совершил Таинства Господа Христа; и так как вчера по причине нездоровья телесного я не могла причаститься, сегодня сделаюсь причастницей Тела и Крови Господней”. Когда наступил день, вышел священник служить миссу и, совершая служение, заметил, что потир, поднявшись в воздух, тотчас же опустился на свое место. Тогда упомянутая выше раба Христова и пресвитер сообщили Христовой невесте и о видении, которое та видела, и о потире, в воздухе подвешенном, в полной уверенности, что эти видения предвещают ее кончину.

32. Среди чудес и свидетельств, которые сила Спасителя творила чрез Свою возлюбленную служанку, знаменующих высоту ее добродетелей, было и такое: некий человек, потерявший рассудок (то ли по причине своей греховности, то ли, чтобы явить всем силу веры у девы Альдегунды), дошел из-за своего безумия почти до гибели. Поскольку родители его уже потеряли всякую надежду и опасались за его жизнь, то они привели его в святой монастырь, поведав с плачем блаженной деве, что претерпевал этот несчастный. И она, от всего сердца сострадав несчастному, велела привести его к себе в вечернее время. Она помолилась за него и, сотворив над ним знак креста, приказала возвращаться домой: он тотчас же пришел в себя и выздоровел. А за пять дней до кончины блаженной девы сестра ее, раба Господа нашего Иисуса Христа Вальдетруда, восхищенная созерцанием небесных, увидела в видении Преславную Родительницу Господа нашего Иисуса Христа, идущую с полками святых и уводящую с Собой в горняя родную сестру ее, деву Альдегунду.

33. В монастыре Нивелль, где почивала плотию святая Гертруда, была некая монахиня чрезвычайной простоты души и послушания, которая отринула полностью любовь к миру сему при королевском дворе ради любви к Господу нашему Иисусу Христу. Накануне субботнего дня и дня успешия рабы Божией Альдегунды, около полуночи увидела она в видении яркое сияние света, входящее в Церковь св. Петра, прямо там, где была похоронена уже упомянутая блаженная Гертруда, так что оно осветило все строение от каменного пола до балок кровли, будто солнце полуденное. Пока ошелом-

ленная видением такового света, она приходила в себя от страха, то услышала хоры поющих псалмы и даже могла различать голоса мужей и жен, отроков и отроковиц, поочередно звучащих, как пары хоров.

34. На третью же ночь, прямо перед исходом Альдегунды из тела ее, когда уже собрались к ней многие благочестивые люди, а также пришла сестра деви, блаженная Вальдетруда, вот, вдруг появилось великое сияние, с невероятной силой блистающее над домом, где дева, невеста Господа Христа, без страха ждала Его прихода. И пока присутствующие дивились необычайному видению, а блаженная Вальдетруда, колеблясь между страхом и надеждой, что же это предзнаменует, с трепетом ожидала исхода дела, святая душа Альдегунды, которая Истинный Свет, Господа Христа, возлюбила и быть с Ним страстно желала, разрешившись от плоти, с тем самым светом ушла из этого мира. Похоронена она была в своем поместье, под названием Сольра, где были погребены ее родители, и после сестра ее Вальдетруда. Там она покоилась долгое время, пока, по дарованию Христову, тело ее не было перенесено в город Мельбодий, который она сама возвела от основания, где ныне сияет память о ней, и в подтверждение заслуг святой деви милость Божия щедро дарует просящим благодеяния многие.

35. Вот, благочестивый читатель или слушатель, среди прочих деяний святых даже и здесь найдешь ты, чему подражать. Альдегунда еще в отроческом возрасте презрела земное, возжелала небесного. Страсть плоти укротила любовью к девству, страсть очей, то есть любопытство, обуздала размышлением над Божественным Писанием, честолюбивые устремления в жизни, то есть гордыню, поправа смирением. Она презрела смертного жениха, избрала бессмертного. Имея богатство, “не гонялась за золотом” [Сир 31, 8], но благоразумно, раздав все нуждающимся, дорожила бедностью. Она нашла на поле скрытое сокровище, и из-за радости о нем, все продав, приобрела поле то [Мф 13, 44]. Искала хороших жемчужин, благая покупательница – нашла одну драгоценную, купила, завладела [Мф 13, 45–46]. Она мрака страшилась, свет любила, со светом преселилась, и обретет Свет вечной жизни. Итак, подражай тому, о чем читаешь; живи, как она жила; шествуй, куда она шествовала, и, без сомнения, достигнешь того, чего и она достигла, с помощью благодати Создателя, Который милосердно действует во святых Своих, Который дает “силу и крепость народу Своему. Благословен Бог” [Пс 68, 35] во веки. Аминь.

¹ Обыгрывается образ из “Науки поэзии” Горация:

*inceptis gravibus plerumque et magna professis
purpureus, late qui splendeat, unus et alter
adsuitur pannus,*

К важному и обещавшему много началу, бывает,
Часто один за другим лоскут пришивают пурпурный,

Издали видный (*пер. А.В. Артюшкова*)

.....к обещавшему много зачину

Вдруг подшивает поэт блестящую ярко заплату,

Этакий красный лоскут... (*Наука Поэзии, 14–16, пер. М.Л. Гаспарова*).

- ² Деян 2, 17–18 – о Духе Божиим; Песнь Песней 1:2 “имя твое – как разлитое миро”.
- ³ Речь идет о папах Римских: *Гонорий I* (27 октября 625 – 12 октября 638); *Северин* (28 мая – 2 августа 640); *Иоанн IV* (24 декабря 640 – 12 октября 642); *Феодор I* (24 ноября 642 – 14 мая 649); *св. Мартин I* (июль 649 – 17 июня 653).
- ⁴ *Ираклий* (575–641) – византийский император (610–641), основатель Ираклейской династии, талантливый военачальник, победитель персов. Вернул в Иерусалим Св. Крест, похищенный персидским царем Хосровом.
- ⁵ *Дагоберт I* (ок. 605–639) – король франков из династии Меровингов (629–639).
- ⁶ *Хлотарь II* (584–629), по прозвищу Великий, или Младший – внук основателя династии Меровингов.
- ⁷ *Хлодвиг, или Хлодовей, I* (466–511) – король салических франков с 481 по 511 г.; считается основателем династии Меровингов.
- ⁸ *Св. Ремигий* (437–533) – епископ Реймса и апостол франков, в 499 г. крестивший короля Хлодвига.
- ⁹ Теперь Эно во Фландрии.
- ¹⁰ *Св. Вальберт* (ум. в 678 г.) – герцог Лотарингский, граф Эно.
- ¹¹ *Св. Вальтруда (Вандру)* (ум. ок. 688) – жена графа Эно. В 656 г., одновременно с мужем приняла монашество и основала свой монастырь. Покровительница городов Мон, который вырос вокруг ее монастыря, Сент-Вандру и Эренталь в Бельгии.
- ¹² *Св. Аманд* (ок. 584–ок. 675) – один из Апостолов Фландрии и Северной Франции, основал монастыри в Генте, Эльноне (позже названный Сент-Аманд) и женский монастырь в Нивелле; *св. Арнульф* (ок. 580 – ок. 640) – епископ Мецский, советник короля Дагоберта, позже вел отшельническую жизнь в Вогезах, затем жил в монастыре Ремиремонт; *Св. Аутберт (Аусберт)* (652 – ок. 669/670) – епископ Арраса и Камбрэ (629/639–669/670); *св. Элигий* (ок. 588/590–659/660) – главный советник короля Дагоберта, в 642 г. избран епископом Нуайон–Турне, в течение почти 20 лет проповедовал во Фландрии; *св. Аудоэн* (ок. 609–683) – епископ Руанский; *св. Гислен* (ум. ок. 680) – Апостол Эно, франкский отшельник, основатель монастыря Сен-Жислен около города Мон в Бельгии.
- ¹³ Монастырь Нивелль, основанный св. Амандом.
- ¹⁴ Ср. Мф 7,25; Лк 6,48.
- ¹⁵ *Св. Аутберт* (ок. 600–669) – монах из Люксёя, по выбору короля Дагоберта I ставший епископом Арраса и Камбрэ.
- ¹⁶ Имеется в виду евангельский сюжет с сестрами Марфой и Марией, принявшими Христа в своем доме. Марфа и Мария символизировали собой приверженность земному и небесному. Ср. Лк 10.
- ¹⁷ Ряд новозаветных аллюзий: см. соответственно, Ин 14, 12; 21, 7; Мф 14, 29; 2 Кор 11, 23.
- ¹⁸ См. Пс 91, 11.
- ¹⁹ Ср. Мф 11, 10–11 и Мал 3, 1.
- ²⁰ *Св. Гертруда Нивелльская* (626–659) – дочь Пипина Ланденского, майордома Австразии при королях Дагоберте I и Сигеберте III, первая настоятельница монастыря Нивелль, основанного после смерти Пипина ее матерью Иттой в 640 г.
- ²¹ Парафраз Мф 19, 29.
- ²² Теперь г. Мобёж в Бельгии.
- ²³ *Св. Ведаст* (ум. ок. 540) – епископ Арраса, первый христианский наставник Хлодвига.
- ²⁴ Племянницы по очереди сменили св. Альдегунду как настоятельницы монастыря: св. Альдетруда с 684 по 697 г., св. Мадальберта – с 697 по 705 г.
- ²⁵ См. Ин 2, 9.
- ²⁶ Имеется в виду евангельская притча о талантах – см. Мф 25, 14–30.
- ²⁷ Возможно, Меру в Северной Франции, департамент Уаз.
- ²⁸ *Св. Гумберт из Маройль* (ум. ок. 680) – ученик св. Аманды, основатель монастыря в Маройль (*лат. Maricola*).

Поэты Санкт-Галленской школы

В 747 г. настоятель Санкт-Галлена Отмар, позже канонизированный, ввел в монастыре бенедиктинский устав, в котором особое значение придавалось общей молитве братии. В 43-й главе устава прямо сказано, что ничто нельзя ставить выше дела Божия, то есть богослужения и чтения отдельных канонических часов церковного дня. Время с 816 по 926 г. называют “золотым веком Санкт-Галлена”, временем, наиболее благоприятным для литургического творчества санкт-галленцев. Вторая половина IX в. ознаменовалась творчеством трех поэтов – Туотилона, Ратперта и, наиболее известного из них, Ноткера Заики.

Творчество Туотилона пришлось на период наивысшего расцвета Санкт-Галленской культуры при настоятеле Саломоне (890–920). Туотилон родился около 850 г. в Алеманнии, стал монахом знаменитого монастыря Санкт-Галлен. Его близкими друзьями были Ратперт (ум. ок. 895 г.) и Ноткер Заика (ум. в 912), дружба с которыми продолжалась всю жизнь. Эккехард IV (ум. в 1057 г.), автор произведения “История Санкт-Галленского монастыря” (*Casus Sancti Galli*), рассказывает: “У них, как нам известно от отцов, было, без сомнения, одно сердце и одна душа и трое составляли одно целое”¹. Позже Ноткер, Ратперт и Туотилон стали наставниками в Санкт-Галленской школе. Согласно Эккехарду, Туотилон был человеком разнообразных дарований: “...В резьбе – изящен, в живописи – мастер, музыкант, как и его товарищи, но в игре на струнных инструментах и свирели ему не было равных.... В стихосложении на обоих языках от природы одаренный и искусный”. Наибольшую известность Туотилон приобрел именно в качестве музыканта и искусного художника. Ему принадлежат хранящиеся в монастырской библиотеке резные оклады из слоновой кости для *Evangelium Longum*. По преданию, он также украсил алтарь св. Галла в церкви св. Отмара отчеканенным по меди житием отшельника.

Туотилон прославился также и своими тропами, о которых Эккехард писал: “То, что сочинил Туотилон, обладает прекрасным благозвучием. Эти тропы он представил в 833 г. королю Карлу (II, Лысому) для пения. Мы привели их здесь, дабы ты, если являешься музыкантом, знал, сколь отлична мелодия Туотилона от всех прочих”. Троп (греч. *tropos*) означает примерно то же, что и среднелатинское *sequentia*. Первоначально это лишь “оборот”, “направление”, в риторике – “оборот речи”, в пении – “переход мелодии”. Если секвенция как отдельное стихотворение имела свое конкретное место в литургии, то троп представлял из себя музыкально-поэтическое дополнение к уже существующим частям литургии. Он мог быть вступлением к исполнению песнопений или мелодической вставкой между ними. Такие вставки были зачастую механическими и неестественными. Туотилону же удавалось вписать троп в богослужение тактично и осмысленно. Поэтому он и считается одним из наиболее выдающихся мастеров этого жанра в раннем средне-

вековье. Благодаря Эккехарду, с уверенностью можно говорить об авторстве Туотилона лишь применительно к шести значительным тропам, которые через Санкт-Галлен вошли в литургию: три для *Introitus* (на праздники Рождества, св.Иоанна Богослова, Сретения), три для *Offertorium* (на праздники св.Стефана, Пасхи, Успения). Его рождественский троп *Nunc cantandus est nobis puer* (который приводится здесь) служил образцом для многих средневековых поэтов. Рождественские тропы Туотилона исполнялись вплоть до середины XX в.

Друг Туотилона Ратперт (ум. ок. 895 г.) родился в Турике (нынешний Цюрих). В одном из писем настоятелю Санкт-Галлена Гримальду, в правление которого Ратперт жил в монастыре, говорится: "...и в Альпах кругом увлекаются философией, и в Самбутинском (*Sambutinus*) округе Ратперт владеет лирическим слогом". Ратперт писал, в основном, латинские гимны с невмами для общей молитвы братии. Доказано его авторство для четырех гимнов: *Ardua spes mundi* ("Града Небесного Царь, Упование круга земного...") – литания Всем Святым; *Laudes, omnipotens, ferimus* ("Ныне приносим хвалы...") – гимн перед Св. Причастием; *Aurea lux terrae* ("Родины свет золотой...") – гимн на приезд императрицы; *Annua, sancte Dei, celebramus festa diei* ("Боже Святой, торжество ежегодное мы отмечаем...") – гимн на праздник св. Галла. Кроме того, перу Ратперта принадлежит первый гимн св. Галлу на древневерхнем немецком языке, который дошел до наших дней только в латинском переводе Эккехарта IV, из сочинения которого мы знаем подробности жизни монастыря и его обитателей.

Тот же Эккехарт писал и о других поэтах Санкт-Галлена: "Среди наших есть и другие, которые создали секвенции, тропы и многое подобное, каждый в соответствии со своими наклонностями". Среди поэтов младшего поколения выделялись Вальдрамм (ум. ок. 900 г.) и Хартманн (ум. в 925 г.), ученик Ноткера Заики. Вальдрамм, декан монастыря, был талантлив не только как поэт. Настоятель Санкт-Галлена Саломон отзывался о нем как о "муже, говорящем учено". В сочинениях Хартманна, одного из санкт-галленских агиографов, эта характеристика раскрывается следующим образом: "достоцитый монах и пресвитер, сведущий в науках и замечательный проповедник". Несколько раз упоминает о нем и Эккехарт, например, как об авторе церковной музыки: "каков он был, не скрывают его мелодии". Согласно Эккехарту, Вальдрамм, равно как и Хартманн, обычно подписывал свои произведения: "Намеренно упомянем и то, что Вальдрамм, о котором мы говорили выше, и Хартманн, который сделался нашим настоятелем, записывали свои имена над теми хвалами, которые они составляли, в книгах песнопений, только секвенция Вальдрамма *Devoti filii ecclesiae* ("...Христовы чада несомненные...") пишется без его имени". О Хартманне известно немного больше, чем о других поэтах его поколения. Эккехарт пишет о нем так: "Просят совета у Хартманна, это муж великой рассудительности, то самый Хартманн, который написал мелодию к *Humili prece*". Он поступил в Санкт-Галлен в юности, в 895 г. был диаконом (в это время ему должно было быть не менее

30 лет), в 910–913 гг. – камерарием, в 920 г. благочинным монастыря. Когда умер настоятель Саломон, Хартманна единогласно избрали его преемником. Хартманн управлял монастырем до своей смерти в 925 г., и с его уходом закончился первый период расцвета Санкт-Галлена. В 926 г. монастырь был опустошен венграми, в 937 г. сгорел. Новая эпоха расцвета наступила для Санкт-Галлена в 976–1072 гг., но такой плеяды поэтов в монастыре больше не было.

Текст перевода стихов Туотилона приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков”. М., 1972. С. 182. Перевод стихотворений Ратперта, Вальдрамма и Хартманна сделан по изд.: *Analecta Hymnica Medii Aevi*. Leipzig, 1907. V. 50. P. 237–263.

Туотилон

Троп на Рождество

Ныне должен воспет быть Отрок,
которого прежде всех век породил Родитель,
и Оного же в течение времен Матерь.

Вопрошают:

Кто же Оный Отрок,
Которого дивными словесами
вы ныне именуете?
Скорее молвите,
дабы и мы
помогли вам славить!

Отвечают:

Он есть Тот, о Ком
вещий и избранный
тайноведец Божий,
грядущее созерцая,
некогда глагодал
и так проповедал:
“Отроча рожден есть нам, и Сын дарован есть нам”.

Ратперт

Стих Ратперта для процессии в воскресный день

Града Небесного Царь, Упование круга земного,
Наши молитвы услышь, о милосердный Христос.
Дева превыше всех дев, золотым осиянная светом,
Ты перед Сыном Своим кротко за нас помолись.
Нам помоги, Михаил, Воевода и Грозный Архангел,

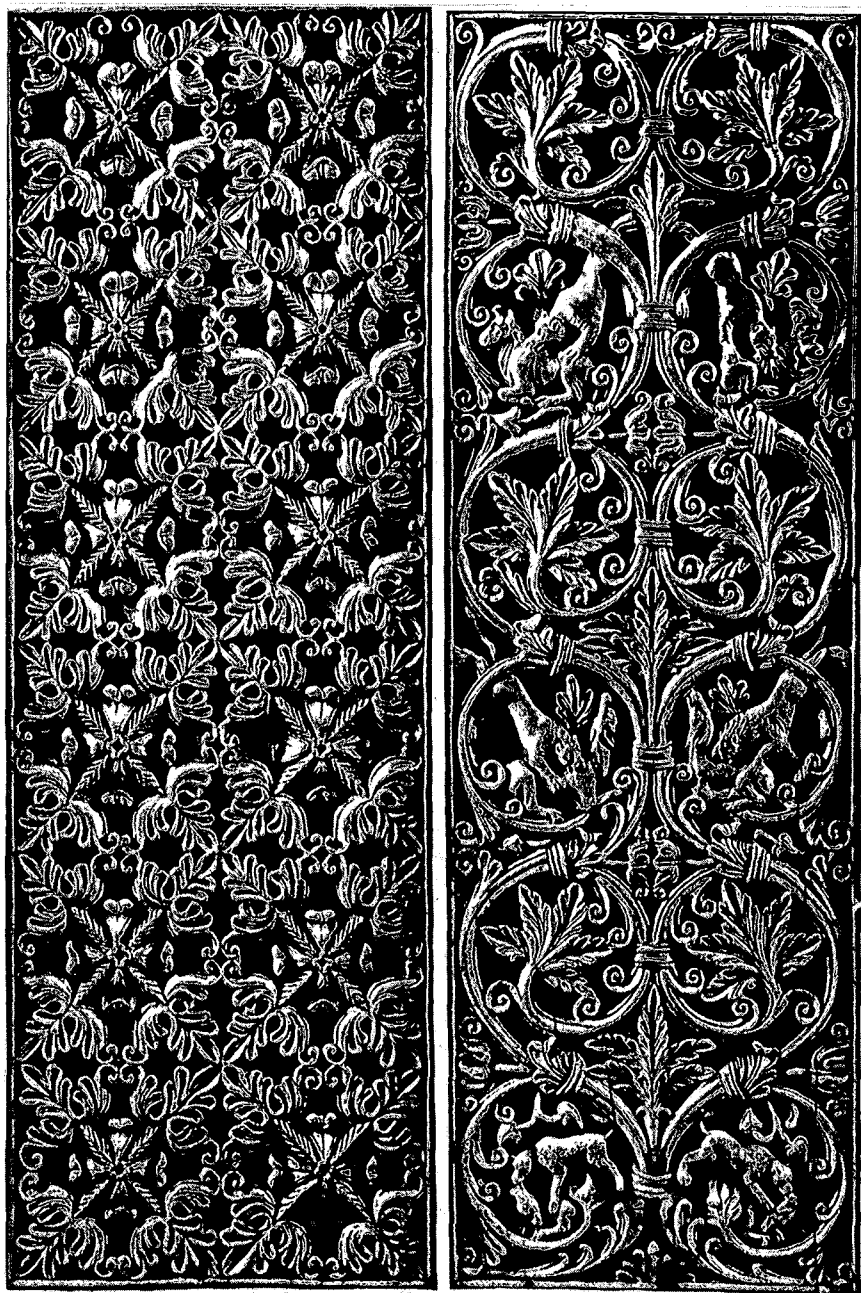
Помощь подай, Гавриил, нам с Рафаилом-врачом.
 Призри на нас, Иоанн, непорочный Креститель Господень,
 К Богу направь нас с Петром, истине с Павлом учи.
 Светлый апостольский чин, патриархи и лики пророков,
 Будьте защитою нам здесь и на Страшном Суде.
 Будем Стефана просить, за Христа пострадавшего первым,
 Чтобы он нас уберег от неминучей беды.
 Славный Лаврентий, огонь победивший во Имя Господне,
 Брось сострадательный взгляд на недостойных рабов.
 Многоученный Сильвестр и великий наставник Григорий,
 Нас проводите вдвоем, путников в Царство Небес.
 Добрый отец Бенедикт, Галл, обители этой строитель,
 Вместе с полками святых ввысь укажите нам путь.
 Отмар, подвижник святой, человек наилучший из свевов,
 Общник небесных дружин, верный порадуяй народ.
 Богу любезнейший Магн, утешение дай нам в печали,
 Нас отовсюду укрой от нападений врага.
 Лилии, девства цветы, вы несете, Агнета с Агатой,
 К девственной свите своей также причислите нас.
 Отроков, чистую жизнь проводивших, мы в песне прославим,
 Если нам, отрокам, спеть будет дано сей напев.

* * *

О все святые, в скорбях приходите нам скоро на помощь,
 Крест как оружие нам дай против ада, Христос-Искупитель,
 Грешных моления услышь, Тебя молим, яви Свою милость.
 Молим Тебя, о Христе, чтобы мир даровал Ты народам,
 Молим, чтоб наши грехи Ты простил, отпустил и изгладил,
 Молим, чтоб буйство ветров Ты благим дуновением сделал,
 Молим, чтоб нашей земле дал Ты новых плодов изобилье,
 Молим, чтоб всех христиан Ты избавил от древнего змия,
 Молим, чтоб Церковь Свою Ты в веках укрепил и прославил,
 Молим Тебя, в небесах на Престоле Высоком Сидящий,
 Агнец, что Кровью Своей нас очистил, Тебя восхваляем,
 Слух Свой склони к нам, Христе, *ὦ Κύριε ἡμῶν ἐλέησον.*

Стих на вкушение Евхаристии

Ныне приносим хвалы, Царь Небесный, Твою почитая
 Плоть, нам дающую жизнь, Крови спасительный ток.
 Вот, мы к Трапезе Твоей, о Всесильный Владыка, приходим,
 К нам, недостойным рабам, Господи, милостив будь.
 Милостив будь к нам, Благой, отпусти нам вину, Милосердный,
 Без осуждения чтоб к Чаше могли мы идти.

Туотилон (?). Обложка для книги. Ок. 900 г. Резьба по слоновой кости.
Beckwith J. Early Medieval art. Carolingian-Ottonian-Romanesque. L., 1969. P. 78

В горняя нас приведет врачевание, что подаешь Ты
От непосильных скорбей нас на земле исцелит.
Слабы и немощны мы, не оставь беззащитных, Спаситель,
Бедных овец не покинь, Добрый наш Пастырь, одних.
Тех, кого Ты воскресил, от врага защити и помилуй,
Даром Бесценным Своим нас без конца укрепляй.
Пусть мы не стоим наград, что нам Милость Твоя уделает,
Воля Святая Твоя правит вселенною всей.
Дай нам к Тебе приступить, Бог Отец и Бог Сын Равночестный
Вместе со Духом Святым, в Троице Единый. Аминь.

Стих на приезд императрицы

Родины свет золотой, здравствуй, славная императрица,
Ныне тыходишь под сень нашего монастыря.
Щедрой и доброй всегда будь к своим, о владычица, слугам,
Кои тебе эту песнь с радостным сердцем поют.
Ярче обычного днесь животворное солнце сияет,
Твой долгожданный приезд вмиг разогнал облака.
Поле, узревши тебя, покрывается тут же цветами,
Ныне приносит земля только благие ростки.
Рима высокая честь украшает тебя постоянно,
Но италийцам в ответ ты тоже честь принесла.
Верную службу тебе сослужить и Германия хочет,
Жаждет почаше твой лик видеть в пределах своих.
Доброго мужа краса, поправляешь деянья народов,
Ибо веленья твои – для человеков закон.
Здравствуй на все времена, наша верная в жизни защита,
Пусть будут рядом с тобой слава, почет и хвала.

Стих на празднество св. Галла

Респонсорий:

Боже Святой, торжество ежегодное мы отмечаем,
В день, когда Галл, наш отец, в вечную жизнь родился.
1. Се, воссиял этот день, почитаемый нашим народом,
В горняя ныне идешь, первый обители страж.
2. Смерти предел преступив, ты по праву наследовал вечность,
Ибо народу ты свет истинной веры открыл.
3. Местность сию, что была вековечною мглою покрыта,
Солнце-Христос озарил Светом Нетварным Своим.
4. Здесь, где из мрачных жилищ выходили нечистые духи,
Господу славу поют хоры согласных сердец.
5. Здесь, где в дремучем лесу укрывались свирепые звери,
Ныне стоит монастырь, много хранящий святынь.

6. Отче, сюда ты пришел, принеся с собой знаменье мира,
Край сей очистил от зла, веры светильник зажег.
7. Вот, после долгих трудов ты достойно награду приемлешь.
Пальма – боренья венец; будь нам защитою, Галл.
8. В райских зеленых садах ты заслуженно ныне блистаешь,
Все ж величанье тебе звонко выводят уста.
9. Призри на тех, кто мощей почитает твоих драгоценность,
Кто пред гробницей твоей благодаренье принес.
10. Призри на тех, кто тебе непрестанно хвалу воспевает,
И в ежедневных трудах нам наставленье подай.
11. Будем мольбы воссылать Божеству во Святом Троиединстве,
Ибо Господь даровал нам такого отца.

Вальдрамм

Антифон на освящение храма

1. Сей церкви славный праздник,	Иерусалиме,
2а. Христовы	Дал нам блаженство.
Чада несомненные,	6б. И мир нам превечный
2б. Радостно	Подавая,
Песнью дружной чествуйте.	Видения
3а. Она вас	Полков небесных ратников,
Из чрева	Их общества
Родила духовного,	Нас удостоил.
3б. И это	7а. Аминь и аминь
Вам, смертным,	7б. Будет, да будет!
В горняя путь открыло.	8а. Святые,
4а. Каждый год пусть счастье	Чьи мощи,
Всем верным	Церковь эта вмещает,
Приносит сей праздник	8б. Спаситель
4б. Матери духовной,	Защиту
Что Богу	Помощью вашей даст нам.
Нас породила в вечность.	9а. Ведь знаем мы, что нет
5а. Помолимся все,	Заслуг у нас
5б. Молимся все мы,	Достаточных в жизни сей,
6а. Чтоб Бог Всемогуший	9б. Ведь мы суть от праха
Соделал нас,	Прах и пепел,
Недостойных,	Что, тлея, стынет.
Света сынами в Горнем	

Стих на приезд императора

Славный правитель, приди к нам в обитель блаженного Галла,
Отмара кельи почти ты посещением своим.
Храм сей старинный хранит чудотворцев святейшие мощи,
Помощь почувствуешь их, если под кровлю войдешь.
Франкия шлет нам тебя, о властитель, на счастье свевам,
Просим тебя, не оставь нас, беззащитных сирот.
Норик, тюринг, славянин, сакс угрюмый и кроткий богемец
С радостью в сердце живут под управлением твоим.
Слух о тебе долетел до пределов подлунного мира,
Галл и испанец спешат власти предаться твоей.
Верный италов народ, из племен многочисленных слитый,
Ныне, дары принося, преданно служит тебе.
Словно квадриги коней, удила омочившие пеной,
Реки на землях твоих цезаря власть признают.
Милуя всех, не забудь о своих верноподданных свевах,
Коиx духовный отец – опытный муж Саломон.
Будь благосклонен и добр, попечением своим не оставь нас –
Тех, кого скотт убедил в пустынь от мира уйти.

Другой стих на приезд императора

Царственных отцов венценосный отпрыск,
Воспоем тебе мы хвалу, властитель,
Не забудь своих слуг, измлада верных,
Будь милосердным.

Ты ведешь свой род от героев франкских,
Славный предок твой звался Карл Великий,
Кровь в тебе течет также аламаннов
Многopобедных.

Этот монастырь был основан Галлом,
Из-за моря к нам навсегда пришедшим,
Новый храм возвел позже авва Отмар,
Строгий подвижник.

Устрашай врагов, кроток будь с друзьями,
Кто в бою с тобой стойко рядом бился,
Кто еще не раз меч в твою защиту
В сече подымет.

Приносящий мир и закон дающий
Цезарь, в жизни сей процветай и здравствуй,
После всех трудов над небесной твердью
Царство наследуй.

Стих для процессии

Респонсорий:

К высям надзвездным стремим голоса мы в молитвах смиренных,
Чтоб нами правил Благой в Троице Единый Господь.

1. Боже Отче, помоги,
Боже Сыне, нас спаси,
Душе Правый, Равный Им,
Сообщи нам благодать.
2. Дева всех превыше дев,
Дева-Мать, Звезда Морей,
Сыну помолись за нас,
Попроси за нас Христа.
3. Вышнего Престола страж,
Михаил, иль “Кто как Бог”,
С ангелами Божьими
Будь нам всем защитою.
4. О Креститель Иоанн,
Агнца Божия пророк,
Вестник Искупителя,
Богу помолись о нас.
5. Петр и Павел с братьями,
Посланы на проповедь,
Глас возвысьте к Господу
Вы за паству верную.
6. Мученики стойкие
Со Стефаном во главе,
Будьте нам подмогою,
Чтящим Бога в истине!
7. Сей киновии отцы,
Божьи исповедники,
Отмар с Галлом, чад своих
Не оставьте помощью.
8. Лик честной девический
Со Фелицитатю,
Неотступно Господа
За людей просите вы.
9. Все святые Божии,
Ангелы небесные,
Просьбы наши слезные
Передайте Господу,
10. Чтоб Господь оставил нам
Наши прегрешения,

- Дал ветрам спокойствие,
Землям плодородие.
11. О святые, мир несет
Ваше заступление,
Телу здравие дает,
А душе спасение.
 12. Умолите Господа,
Чтобы Он избавил нас
От болезней тягостных,
От угрозы голода.
 13. Обратимся к Господу,
Чтоб Он отвратил от нас
Страшный меч языческий
И врагов нашествие.
 14. Чтобы сохранил Христос
Стадо вместе с пастырем.
Вместе все помолимся:
Нас услыши, Господи.
 15. Молимся, чтоб Конрада
Вместе с войском минуло
Всякое несчастье.
Господи, услыши нас.
 16. Молим, чтоб искупленный
Кровью Драгоценною,
Наш народ в покое жил.
Господи, услыши нас.
 17. Души непорочные
Пусть в селеньях праведных
С миром упокоятся.
Господи, услыши нас.
 18. Мы поем Тебе, Христе,
В братском единении.
Сердце и уста твердят:
“Господи, услыши нас”.
 19. Господи, услыши нас,
Царь Небес, услыши нас.
“Кирие” – мы – “элейсон!”,
“Христе”, – поем – “элейсон”!

Хартманн

Стих, который поется перед чтением Евангелия

Пред очи всех стоящих здесь Евангелие вносится. Почтим его хваленьями, Дивясь Господней мудрости. Очистим плоть от пагубы, Очистим дух от помыслов, И ныне с чистой совестью Воспримем Тайны Божии. Поклонимся Евангелию, Уста сомкнем болтливые, Как если б обратившись, Предстанем перед Господом. Но вовсе не достаточно Звучанье слов улавливать. Храните в сердце заповедь, Чтобы делами выполнить. Так учит нас Наставник наш, Христос, Сын Бога Вышнего, В сердцах подобье видевший Земли, различной качеством.	“Вот вышел сеять Сеятель”, Он в притче повествует нам, “Но урожаи разные Поля дают Хозяину”. Где почва каменистая, Хлеба не урождаются. Посевы зноем выжжены, Горячим жаром солнечным. А где-то в поле высохшем Сорняк пшеницу вытеснил. А при дороге в пыль ее Копыта топчут конские. Но если в плодородную Пшеница землю сеялась, На радость потрудившимся Сторицей труд воротится. Так чистых душ деяния Сияют совершенные, Так поле сердца доброго Стократ обогащается.
---	--

Стих для процессии на праздник Вифлеемских Младенцев

Честь и хвала тебе, праздник, окрашенный кровью младенцев,
Честь и хвала вам, что смерть приняли вместо Христа.
Господи, стройно поют этих воинов крошечных лики,
День открывая святой звуком своих голосов.
Множество малых детей в Вифлееме безвинно погибло,
Новых страдальцев полки приняты в Царство Небес.
Царь нечестивый, боясь потерять Иудейское царство,
Яростью черной объят, отдал жестокий приказ,
Ибо узнал он, что Тот, о Котором вещали пророки,
Истинный Царь сей земли, Девою ныне рожден.
Только Ему надлежит в Иудее Царем называться,
То же сказали волхвы, то же явила Звезда.
Гибельный гнев обуял беззаконного Ирода сердце,
Ибо страшится он вмиг власти лишиться своей.
Требует он, чтоб скорей были преданы смерти младенцы,
Чтоб святотатственный меч против невинных блистал,
Жаждет Христа погубить среди прочих детей беззащитных
В тщетной надежде Его жизни предел положить.

Стих на праздник Вифлеемских Младенцев

Когда Младенец был рожден,
Бесчестный царь был потрясен,
А в Вифлеем волхвы пришли,
Христу подарок принесли.
Лукаво говорит им царь:
“Пророки нам сказали встарь,
Христос родится в сей земле,
Его почитать хотелось мне”.
Звездой ведомые волхвы,
Христа почтив, тайком ушли,
Узнав про мысли Ирода
В ночной тиши от ангела.
Взъярился царь обманутый,
Безумием охваченный,
Издав приказ детей убить,
Новорожденных не садить.
Исполнено веление:
Увы! Без снисхождения
Убито множество детей,
Чтоб успокоился злодей.

По городу гуляет меч,
Над городом несется плач.
Убит всяк мальчик до двух лет,
Ни одному спасенья нет.
Что, кровопийца, злобствуешь?
Что, чудище, свирепствуешь?
Богомладенца ты искал –
Он страшной смерти избежал.
Клинки люютуют острые,
От крови камни мокрые.
О Вифлеем, мучение
Ты терпишь во спасение.
Хвала страдальцам крошечным,
Небесным новым воинам!
Вы в горних наслаждаетесь,
Игрую утешаетесь.
Младенцы непорочные,
Услышьте нас, молящихся,
И будьте нам заступники
Перед Христом-Спасителем.

Еще стих на приезд императора

Верный народ, принимай милосердного к нам властелина,
С пеньем под кровлю веди скромной обители сей.
Просим смиренно, войди, о достойнейший в мире правитель,
Пусть защищает тебя Божья Десница с небес.
Посланный свыше успех пусть венчает твои начинанья,
Пусть ободренье несет сила горячих молитв.
Наши сердца и уста вопиют о твоём процветаньи,
Просьбы летят к небесам равно и ночью, и днем.
Пусть же Христова любовь принесет нам твою благосклонность,
Будь, как и прежде, к своим подданным кроток и щедр.
Та доброта, что тебе от рождения зримо присуща,
Нас покорила давно, раньше, чем встретились мы.
Дай нам твой лик созерцать, озаряемый внутренним светом,
Встреча с тобою награда многих, поверь нам, милей.
Пусть же Владыка Небес, Покровитель земных государей,
Тот, что по праву тебе царство земное вручил,
Свыше тебя укрепит, подавая небесную доблесть,
Верным же подданным мир и утешенье пошлет.

Стих на перенесение мощей св. Магна – первый

1.
Братий верная когорта
Воспеваёт радостно,
Гимн поёт, его сменяя
Антифоном праздничным,
На носилках золоченых
Драгоценный груз несёт.
2.
Поднимаются на горы,
В долины направляются,
По лесам идут дремучим,
Обходя расселины,
Путь стремят в обитель нашу,
Галла дом и Отмара.
3.
Небо, и земля, и море
Вторят хору братскому,
В похвалах святому Магну
Единят усилия,
Прославляют сей светильник,
Что Господь нам дарует.
4.
Звезды на небе ликуют,
Веселится Млечный Путь.
Пляшут знаки Зодиака,

Пляшет Северный Венец.
Солнце ныне облачилось
В лучший огненный наряд.
5.
Подражая их примеру,
Встретим мы сокровище.
Песнь красивую споем мы
Чтоб святыне честь воздать.
Чтоб Господень исповедник
Магн почтен был братией.
6.
С нами Магна ожидает
Дева-Богородица,
Петр, Ключарь Небес, и рядом
Славный чин апостольский,
Тут же мучеников лики,
Дев и исповедников.
7.
Искупитель и Податель
Непритворной радости,
Ныне верный укажет
Путь нам ко спасению,
Чтоб мы в вечности награду
Получить сподобились.

Стих иной на перенесение мощей св. Магна

Респонсорий:

Радостно песнь воспоем по обычаю легким хореем
Мы, кто на праздник спешит Магна святого почитать.
1. Шелковой лентой струясь, золотые разносятся песни,
Чистых сплетение нот ветром уносится вдаль,
Но не сложили еще песнопений, достойных настолько,
Чтобы по праву воздать почесть такому отцу.
2. Все ж отверзаем уста, чтоб подвижника преданно славить,
Чистое сердце такой нам сообщает напев:
“Богу любезный Отец, ты идешь к нам, сюда поспешая,
Где драгоценным мощам днесь приготовлен чертог.
3. Здания монастыря оглашаются праздничным пеньем,
Братия вся собралась мощи святые почитать.
Слуги ликуют твои, приготовивши пышную встречу,
Гул неумолчной хвалы сходен с прибоем морским.

4. Видя сей преданный труд, посети нас в обители скромной,
Помощь нам, Отче, подай, к верным пребудь милосерд.
Нас приучи совершать торжество в твою честь ежегодно,
В бедствиях нас не оставь, слух свой к молящим склони.
5. Наши сердца и дела направляй непрестанно ко благу,
Дай нам всю жизнь проводить дни без печали и слез,
Чтобы могли мы всегда возносить тебе благодаренье,
Ты же с небес нам внимай, глядя на наш монастырь”.
6. Ныне, родная земля, простирайся в молитве смиренной,
Мощи святого прими, их поклоненьем почтив.
Пусть же украсят цветы площадей городских протяженьем,
Пусть возгорится огонь в тысячах малых лампад.
7. Ангелов тут же полки и архангелов чин благородный,
Магну навстречу спешат, стражей встают вокруг него.
Царскую свитой они вокруг носилок блаженных ступают,
Распростиранием крыл мощи святые несут.
8. Се, предстает Колумбан, наш великий отец и учитель,
Некогда он перешел Альпы, чтоб нас просветить.
В бедах защитник благой, с нами счастье делит он ныне,
Он у носилок идет, светлой дружины глава.
9. Быстро подходит к нему и встает в единении братском
Троица франков святых, что Колумбану равны.
Им возвестила молва быстрокрылая, мир облетая,
Что в Санкт-Галлене почтить Магна собрался народ.
10. Вот и блаженнейший Галл, бодрым шагом стремится к носилкам,
С ним и питомцы его, верные ученики.
Следом сияющий сонм небожителей, все возрастая,
Как полноводный поток, в нашу обитель течет.
11. Магн, все святые тебя, как собрата, приветствуют дружно,
Просят приходом тебя наши пенаты почтить.
Тех, кто в надзвездных дворцах со Христом непрестанно ликует,
Здесь на земле единит общий почет и любовь.
12. Отмар заботой своей монастырь изукрасил отменно,
Выстроив новый собор, где будешь ты пребывать.
С тем, чтобы нравилось все столь приятному новому гостю,
Чтобы с ним радость пришла в стены обители сей.

Еще стих на перенесение мощей св. Магна

Респонсорий:

Воин Господень, поспеши в когорту,
Снова зовут тебя места родные,
Вновь на защиту сих пределов выйди,
Днесь, спутник Галла, с ним соединишься.

1. Галл, твой соратник,
Шлет тебе вести
И приглашает
В город вернуться
Всем нам на радость.
2. Горы и доли,
Небо с землею –
Все ожидают,
Чтобы пришел ты.
Магн, не замедли!
3. Верные чада,
Паства большая,
Пеших скопление,
Конных дружина
Молят: “Приди к нам!”
4. Старый и малый,
Всяк тебя просит,
Чтоб нашу жизнь ты
К благу направил,
Славный подвижник.

5. Входишь под сень ты
Церкви высокой,
Гость долгожданный.
Слугам неложным
Даруй защиту.
6. Каждый, простершись
Перед твоими,
Блаже, мощами,
Просит: “Помилуй,
Будь милосердным!”
7. Града, пожара,
Порчи, болезни,
Козней бесовских,
Марса и глада
Дай нам избегнуть!”
8. Тем, кто хваленье
Ныне приносит,
Мощи святые
Радостно славит,
Будь покровитель!

“Кембриджские песни”

“Кембриджские песни” образуют наиболее органически связующее звено между двумя периодами средневековой латинской литературы – предшествующим, каролингским, монастырским, и последующим, оттоновским, придворным и епископским. Это – предельная точка сближения книжной поэзии с народной поэзией; образы и темы народной поэзии облекаются здесь в языковые и стиховые формы книжной, религиозной поэзии. Дальше этого взаимное оплодотворение двух культурных стихий раннесредневековой Европы не могло идти: должно было наступить, с одной стороны, новое самоопределение литературы на латинском языке, а с другой стороны, становление литературы на народных языках, что и произошло в X–XI вв.

“Кембриджские песни” – условное заглавие антологии 50 стихотворений, сохранившейся в рукописном сборнике XI в., ныне хранящемся в Кембридже. Антология была составлена неизвестным любителем (несомненно, духовного звания) из стихотворений разного времени – самое раннее откликается на смерть герцога Генриха в 948 г., самое позднее – на смерть императора Конрада II в 1039 г. – и происходивших из разных стран Европы: можно различить стихотворения германского, французского, итальянского происхождения. Антологии такого рода, по-видимому, имели в это время уже довольно широкое хождение: в одной сатире Амарция (ок. 1050 г.) рас-

сказывается, как богач приглашает к себе жонглера, и тот развлекает его песнями о швабе, одурачившем жену, о Пифагоре и о соловье – три песни на эти темы находятся и в Кембриджской рукописи. Местом составления антологии была, по-видимому, рейнско-мозельская область – место наиболее близкого соприкосновения германской и романской культур. В рейнской области жил и Амарций.

Антология составлена из стихотворений разного содержания, но в расположении их заметен известный план. В начале помещены стихи религиозного содержания (в том числе, отрывки из Венанция Фортуната и Храбана Мавра); затем – стихи на придворные темы (плач о смерти герцога Генриха, в котором чередуются полустишия на латинском и на немецком языках; “Песнь об Оттонах”, приводимая ниже; стихи, посвященные Генриху II, Конраду II, Генриху III, кельнскому и трирскому архиепископам; одно из стихотворений, на выздоровление королевы от болезни, быть может, принадлежит какой-нибудь ученой придворной даме); затем – стихотворные новеллы и анекдоты (из них ниже переведены “Снежный ребенок” и “Лжец”); затем – стихи о весне и любви (из них переведены “Весенние вздохи девушки” и “Приглашение подруге”), стихи дидактического содержания, и наконец – несколько отрывков из античных поэтов, преимущественно патетического склада (из “Энеиды” и “Фиваиды”).

Из этого обзора видно, что социальная среда, в которой возникли эти стихи, также различна: церковная, дружинная (в “Песни об Оттонах”), придворная (сохранилось письмо учителя вормской соборной школы Эбона к Генриху III о том, что он собирает для короля “напевы”; быть может, наша антология имеет отношение к этому собранию), мирская (в анекдотах и любовных песнях). Предтечами этих стихов можно считать те “каролингские ритмы”, которыми заканчивался предыдущий сборник памятников латинской средневековой литературы. Но “каролингские ритмы” писались самыми простыми стихотворными размерами, а наши стихотворения облечены в сложную форму секвенций (“Песнь об Оттонах”, “Снежный ребенок”, “Лжец”) или в метры амброзианских гимнов (“Весенние вздохи девушки”, “Приглашение подруге”). Контраст традиционно-церковной поэтической формы и заведомо мирской тематики представляет собой главное своеобразие поэтики этих песен. Язык их прост, за исключением некоторых произведений, нарочито щеголяющих ученостью (“Стих о Пифагоре”). В “Песни об Оттонах” заметен налет вергилианского стиля.

Главной новостью в содержании этих песен является любовная тематика. В произведениях каролингской, монастырской эпохи она, как мы помним, начисто отсутствовала. Здесь она появляется впервые, и не без сопротивления: несколько стихотворений нашей рукописи тщательно вымараны кем-то из ее средневековых читателей (по обрывкам слов видно, что это тоже были любопытные стихи), пострадала и одна строфа в переведенном ниже

“Приглашении подруге”. Источник этой тематики – конечно, народная поэзия; характерно, что одно стихотворение даже написано от лица женщины, хотя автором его почти заведомо был мужчина-монах, лишь перелагавший на свой литературный латинский язык смолоду запомнившуюся народную женскую песню. Большинство этих стихотворений о весне и любви, по-видимому, не немецкого, а французского происхождения; одно из них, “Стих о соловье”, приписывается самому Фулберту Шартрскому. Несколько особняком стоит послание “К мальчику”, происходящее из Италии (упоминание “Тезида”, реки Адидже) и сочетающее громоздкие ученые образы с эротической пряностью обращения мужчины к мужчине – может быть, учителя к ученику.

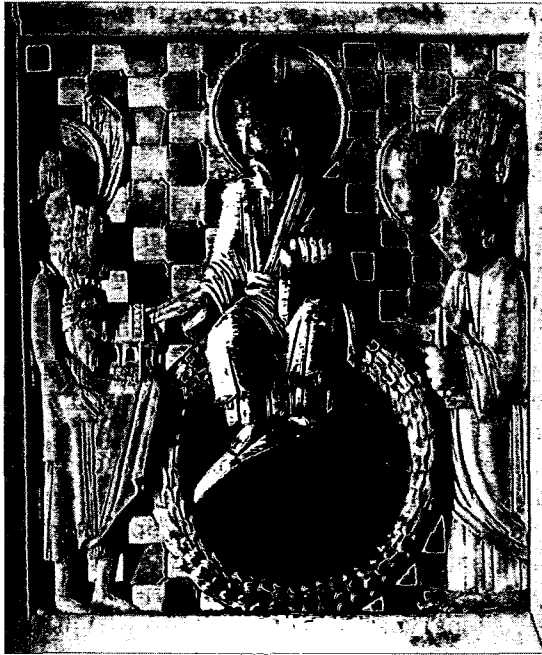
Рядом с этим стихотворением, самым “нечестивым” в нашем цикле, в одной из рукописей находится другое стихотворение, самое благочестивое в нашем цикле – гимн Риму на праздник Петра и Павла, написанный, по-видимому, от лица подходящих к Риму паломников, сочиненный тоже в Италии, тем же размером и, по всей вероятности, тем же автором, что и послание “К мальчику”. Оно не вошло в антологию “Кембриджских песен”, но мы помещаем его в виде приложения к ним. Так, стихами об Оттонах начинается и стихами о Риме заканчивается этот стихотворный цикл, открывающий серию памятников литературы X–XI вв. – “литературы между империей и папством”.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 49–54.

Песнь об Оттонах (напев Оттонов)

1. Оттон, славный кесарь, в честь коего
Названа эта песня “Оттоновой”,
Как-то ночью спал спокойно, отдыхая,
Как вдруг вспыхнул
Его дворец
Жарким полымем.
Слуги стоят в страхе, уснувшего
Не решаясь коснуться,
и в звонкие
Струны разом
ударяют во спасенье,
Возвещая:
“Восстань, Оттон!” –
Песнь Оттонову.

2. Восстал наш кесарь, неся надежду ближним,
И без страха пошел врагам навстречу,

Император (Оттон I) подносит церковь Христу.
Резьба по слоновой кости. X в. *Geoffrey Barraclough*.
The Crucible of Europe. Berkeley and Los Angeles, 1976. P. 121

Ибо приходят вести: злые венгры
На него войною ополчились¹.
На речном берегу военным стали станом;
Грады, замки, села лежат во прахе;
Сын о матери плачет, мать о сыне,
Из края родного во изгнаны.
3. Молвил Оттон кесарь: “Знать, меня ленивцем
Мнят парфяне² за то, что долго медлю?
Миг промедления множит избиения —
Отбросьте же робость и за мною
Встречу злым парфянам поспешите!”
Молвил герцог Конрад³, из всех самый храбрый:
“Да погибнет всяк, кто убоится!
Руки к оружию — враг уже поблизости:
Сам я вскину знамя, и клинок мой
Первым вражьей кровью обAGRится!”
4. Все пылают волей к бою,
Мечи в руки, рвутся в битву,

Вьются знамена, трубят трубы,
 Крик несется к небу, и воины
 Сотнями несутся на тысячи.
 Бьются насмерть, редкий дрогнет,
 Франки ломают, венгры – в бегство,
 Трупы горою прудят реку,
 Лех, от крови красен, к Дунай-реке
 Весть несет о славном сражении,
 5. С малым войском разбив парфян,
 Многократный победитель,
 К общему горю опочил он,
 Имя, царство, славу
 Сыну милому завещавши.
 Оттон юный за ним следом
 Государил многи лета,
 Кесарь справедливый, кроткий, сильный,
 В едином лишь меньший –
 Победителем был он реже.
 6. Но его же славный отпрыск,
 Оттон, краса юношества,
 Был и отважен, был и удачлив:
 Даже тех, кто был мечу его недоступен,
 Слава его имени побеждала.
 В войне храбрый, в мире мощный,
 Ко всем он был – милостивым;
 И, торжествуя в войне и мире,
 Всех, кто скуден был и бедствовал,
 призревал он
 Прослав отцом истинным неимущих.
 7. На том кончим песню, да не упрекнут нас,
 Что дар наш убогий доблести Оттонов
 Сверх меры принизил,
 Между тем как оных подстать лишь Марону.
 Славословить⁴.

Снежный ребенок (напев Лубонов)

1. Послушайте, люди добрые,
 Забавное приключение,
 Как некий шваб был женщиной,
 А после швабом женщина
 Обмануты.

Из Констанца шваб помянутый
 В заморские отплывал края
 На корабле с товарами,
 Оставив здесь жену свою,
 Распутную.

2. Едва гребцы в открытое вышли
 море,
 Как страшная нагрянула с неба
 буря:
 Море буйствует, вихри вихрятся,
 Вскипает хлябь;
 И по многом скитании выносят
 гонимого
 Южные ветры на берег далекий.
 А между тем жена не теряла часа:
 Являются шуты, молодые люди,
 Тотчас приняты, с лаской
 встречены,
 А муж забыт;
 В ту же ночь забеременев, рождает
 распутница
 В должные сроки недолжное чадо.

3. Два года уж миновало;
 Возвращается муж заморский.
 Навстречу бежит супруга,
 Ведя с собою ребеночка.
 Поцеловавшись, муж вопрошает:
 “От кого младенец без меня
 родился?”
 Скажи, не то худо тебе будет!”
 Она же, страшась супруга,
 Измыслила такую хитрость:
 “Мой милый, – она сказала, –
 Пошла я в горы альпийские,
 Мне пить хотелось, глотнула я
 снегу,
 И с этого снегу тяжела я стала,
 И ах, на срам родила ребенка”.

4. Пять лет или боле с тех пор
 миновало,
 Шваб неугомонный вновь наладил
 весла,
 Починил корабль свой, поднял
 парус,
 А младенца, от снега рожденного,
 Взял с собою.
 Переехав море, он выводит сына
 И продает в рабство за большие
 деньги.
 Получил сто фунтов и с прибытком
 От продажи такого невольника
 Воротился.

5. И с порога дома говорит супруге:
 “Горе, жена моя, горе, голубушка,
 Сына потеряли мы,
 Которого и я, и ты
 Так любили.
 Поднялася буря,
 В жаркие заводи
 и жестокий ветер
 угнал нас, измученных,
 Все от зноя маялись,
 А сын-то наш, а снежный наш
 Весь растаял”.

6. Так неверную
 жену-изменницу
 Проучил он:
 Так обман обманул обман,
 Ибо тот, кого снег родил,
 От палящего солнца впрямь
 Должен таять.

Лжец (напев Флоров)

1. Начну-ка я песню плутовскую,
 Для мальчиков к радости великой;
 Пусть, слушая мой напев лукавый,
 За ними и взрослые смеются.

2. У царя была царевна,
 И прекрасна, и разумна;
 Женихов ей ожидая,
 Царь такое дал условие:

Кто найдется лжец великий,
До того во лжи искусный,
Что сам царь признает это, –
Тот и станет ей супругом.
3. Шваб, узнав условие,
Молвил, не колеблясь:
“Шел однажды с луком
Один я на охоту
И, разя за зверем зверя,
Поразил стрелой и зайца,
Брюхо выпотрошил, шкуру
Снял, и голову отрезал.
Только зайца голову
За уши я поднял –
Вылились из уха

С полсотни ведер меду,
Из другого же из уха
Ровно столько же гороху.
Распластал я шкуру зайца,
Закатал туда добычу,
А под хвостиком зайчачьим
Вдруг нашел письмо царево,
4. В котором ты в рабство мне
отдался!”
“Лжешь! – крикнул царь, –
и лжет твоя находка!”
Вот так-то шваб, ловкой этой
ложью
Поддев царя, стал царевым
зятем.

Стих о монахе Иоанне

1. Уча деянья отчие,
Прочел смешную притчу я;
Ее я вам поведаю
Стихами так, как следует.
2. Жил-был в далеком времени
Мних, Иоанн по имени,
Он росту был невзрачного,
Но нрава непорочного.
3. Сказал он другу ближнему,
С которым жил он в хижине:
“Хочу, как Божий ангел, жить –
Не есть, не пить и наг ходить!”
4. “Одумайся, – ответил друг, –
И не берись за дело вдруг –
Не то, боюсь, расквасишь
И сам потом измаешься”.
5. А Иоанн: “Для робких нет
Ни поражений, ни побед!”
Сказал и, голоден и наг,
Пустыни в глубь направил шаг.
6. Семь дней тоску голодную
Питал он пищей скудною,
Но тщетны все усилия –

И вновь бредет он в келию.
7. Его товарищ в келье той
Сидит за дверью замкнутой;
И гость изнемогающий
“Открой!” – зовет товарища.
8. “Я Иоанн, твой верный
брат, Пришел, увы, к тебе назад
Под прежний кров меня впусти,
Не откажи мне в милости.
9. А тот, не открывая дверь:
“Мой брат средь ангелов теперь,
Он в небе обретается,
Он в крове не нуждается”.
10. Всю ночь под дверью пролежав,
Всю ночь от стужи продрожав,
За казнь добровольною
Он принял казнь невольную.
11. Лишь поутру подвижнику
Открыла двери хижинка;
Попреки друга слушая,
Он мыслит лишь о кушанье.
12. Благодарит раскаянно
И Бога и хозяина,

И к очагу становится,
Где еда уже готовится.
13. Вот так-то понял Иоанн, –

Удел ему от Бога дан
Не ангела небесного,
А мужа благочестного.

Весенние вздохи девушки

1. Зефиры веют нежные,
Восходит солнце теплое,
Земля раскрыла грудь свою
И дышит вешней сладостью.

2. Одет багрянницею,
Весна идет царицею,
Луга цветами сеяны,
Леса листвою зелены.

3. Повсюду птицы гнезда вьют,
А звери гнезда делают,
И сквозь листву древесную
Несется песнь чудесная.

4. Все вижу я, все слышу я,
Но, ах, полна душа моя
Не радостью живительной,
А горестью томительной.

5. Сажу я здесь совсем одна,
От мыслей тягостных бледна,
Ни света нет очам моим,
Ни пенья нет ушам моим.

6. Весна всемирносудная,
Услышь и пожалей меня –
Среди цветов, листов и трав
Моя душа скорбит, устав.

Приглашение подружке

1. Приди, подружка милая,
Приди, моя желанная,
Тебя ждет ложница моя,
Где все есть для веселия.
2. Ковры повсюду постланы,
Сиденья приготовлены,
Цветы везде рассыпаны,
С травой душистой смешаны.

3. А вот тебе и стол накрыт
И всеми яствами покрыт,
Вино чистейшее блестит,
И все здесь душу веселит.

4. Звонят звуки прелестные,
Играют флейты звонкие,
И в лад певцы ученые
Заводят песни складные.

5. Смычок струны касается,
С музыкой песня сливается.
И слуги появляются,
И кубки наполняются.

6. “Пошла гулять я в темный лес,

Пошла искать укромных мест,
Претят мне толпы шумные
И стогны многолюдные.

7.

8. Мне в радость не богатый пир,

А в радость мне беседы мир,
Не пышных яств обилие,
А лишь сердечность милая”.

9. Нам есть, чем душу радовать,
Зачем же нам откладывать?
Ведь рано или поздно ведь
С тобой нам праздник
праздновать!

10. Приди, сестрица милая,
Люблю тебя всем сердцем я,
Приди же, свет моих очей,
Приди, душа души моей!

К мальчику

1. Отрок, подобие прекрасной Венеры,
Всей чистоты людской затмивший примеры,
Бог да хранит тебя, Бог истинной веры,
Создавший землю, хлябь и звездные сферы!
Пусть не грозят тебе вору-лицемеры,
Пусть Клото выпрядет нить твою без меры!

2. “Храните отрока!” – молю не для вида,
А с сердцем искренним трех сестер Аида,
Клото, Атропу и ту, что Лахезида.
Будь тебе помощью Нептун и Фетида,
Когда ты пустишься по волнам Тезида⁵.
Ах, уплываешь ты, горька мне обида:
Как буду жить, тебя потеряв из вида?

3. Кость материнская, земные каменья
Были материей людского творенья⁶.
Ах, не из них ли ты создан в день созданья,
Кого и слезные не тронут рыданья?
Без олененочка томлюся, как лань, я,
А ты лишь высмеешь все мои стенанья.

Похвала Риму

1. О Рим, столица ты мира великая,
Все города земли превосходящая,
Кровью святых мужей вся обагренная.
Кринами чистых дев вся убеленная:
Неумолкаемо нами хвалимая,
Славься, во все века благословенная!

2. Петр, о вратарь небес многовластительный,
Слушай прошения наши внимательно!
Все дважды шесть колен судя рачительно,
Ты отнесися к ним доброжелательно:
Всем, кто на суд к тебе шел своевременно,
Свой приговор скажи ты сострадательно.

Павел, о внемли всем нашим молениям:
Всех любомудров ты сверг своим рвением.
В доме всевышнего ставший рачителем,

Ты ублажи всех нас Божеским яствием,
Вечной премудрости полный учением,
Полни и нас всегда всем своим знанием.

¹ Речь идет о венгерском нашествии 955 г., закончившемся решительной победой Оттона I при Лехе в Баварии.

² “*Парфяне*” (так же, как и “*гунны*”) – унаследованное от античности обозначение, прилагавшееся сперва к аварам, потом к венграм.

³ *Конрад*, герцог франконский, недавний враг Оттона I, был героем битвы при Лехе и погиб во время сражения.

⁴ Судя по тому, что об императорском сане Оттона III здесь не упоминается, стихотворение было сложено до 996 г.

⁵ *Тезид-Адидже* – река в Восточной Ломбардии. Во второй строфе стихотворения не 6 стихов, как в других, а 7 – может быть здесь имела место ученая интерполяция переписчика.

⁶ Античная реминисценция (из Овидия) – миф о Девкалионе и Пирре, после всемирного потопа создававших новое поколение людей из брошенных через голову камней.

II. Англия

*

“Действо о посещении Гроба”

“Действо о посещении Гроба”, датирующееся 965–975 гг., представляет собой развитый троп. В самом широком смысле этого слова троп можно определить как словесное развитие отрывка канонического текста литургии в виде введения, отступления или заключения, или же в виде сочетания всех этих элементов. Такая форма литературной активности выдвинулась на первый план в IX веке после церковных реформ Карла Великого и явилась одним из проявлений общего творческого и интеллектуального движения, обычно называемого Каролингским возрождением. Реформа Карла подразумевала единую практику церковного служения по всей империи, принятую из Рима. То, что требовал Рим и что вводилось во времена Каролингов, было единообразием в наиболее важных частях литургии, в молитвах и чтениях, а в отношении вставных песнопений свобода была гораздо большей. В текст, таких частей службы, как *introitus*, *offertorium*, *responsorium*, можно было вносить некоторые изменения и украшения, а евхаристический канон и евангельские чтения оставались неизменными. Тропы иногда писались в форме респонсориев, и эта вопросно-ответная форма уже содержала в себе начатки будущего жанра. “Действо о посещении Гроба” обычно присоединяется к вводной части литургии (*introitus*). Поскольку ни одно из Евангелий не рассказывает о посещении Гроба Господня Женами-мироносицами в виде диалога, источником пасхальной литургической драмы могут быть пасхальные антифоны¹ и респонсории², описывающие это событие.

Текст “Действа” включен в “*Regularis Concordia*”, сборник, предписывавший единообразие в церковной практике по всей Англии на основе бенедиктинского устава и соединявший в себе достижения бенедиктинского возрождения как в Англии, так и в Континентальной Европе. Двенадцать глав “*Regularis Concordia*” посвящены литургической практике в течение церковного года, в том числе и Пасхальной службе, в состав которой было включено “Посещение Гроба”, являющееся частью литургии.

Эта литургическая драма является евангельским повествованием, переделанным в литургическое действо. В евангельских текстах (Мф 28, 1–8;

Лк 24, 1–9; Мк 16, 1–8) уже содержится план всего действия, хотя вопроса “Кого ищите?” нет. Так, текст Евангелия от Марка (Мк 16, 2–8) гласит:

По прошествии субботы, Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти – помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба? И взглянувши видят, что камень отвален; а он был весьма велик. И вошедши в гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам. И вышедши побежали от гроба...

Согласно Евангелию от Марка, Жен-мироносиц охватывает “трепет и ужас” (Мк 16, 8), они никому ничего не рассказывают, в то время как в Евангелиях от Матфея и Луки они возвещают апостолам о Воскресении Христовом, причем делают это “со страхом и радостью” (Мф 28, 8). Владея правилами составления текстов различных жанров (подобные знания приобретались в любой средневековой монастырской школе), было довольно нетрудно развернуть сжатый текст в небольшую пьесу. Возникновение вопроса как части беседы между неким божественным посланцем или посланцами – юношей (Мк 16, 5), Ангелом (Мф 28, 2), двумя мужами в блистающих одеждах (Лк 24, 4) – становится точкой отсчета создания ритуального, литургического действия. Оно имеет обычную для богослужения форму респонсория, что дает людям, молчавшим в евангельских текстах, возможность рассказать о происходящем, а присутствующим на Пасхальной службе не только увидеть воочию важнейшее для христиан событие, но и быть его свидетелями, так как в церковных службах исчезает грань между настоящим временем и вечностью.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 182–185.

“Действо о посещении Гроба”

Во время третьего чтения да переоблачатся четыре брата, из каковых один, облаченный в белый стихарь, пусть выйдет, словно бы по какому делу, и тайно приступит к месту Гроба, где и воссядет в покое и с пальмовой ветвью в руке. К концу же третьего респонсория да последуют ему остальные трое с кукулями на головах, с возженными кадильницами в руках, в задумчивости проходя перед Гробом, наподобие людей, нечто ищущих. Ибо делается это, дабы представить Ангела, сидящего у Гроба, и Жен Мироносиц, приходящих с благовониями умастить тело Иисусово. Когда же сидящий увидит, как трое приближаются к нему в блуждании и как бы ища нечто, пусть начнет он сладкогласно воспевать, умеряя силу своего голоса:

Что ищите вы во Гробе,
Христоревнители ?

Когда допоет он это до конца, сии трое пусть ответствуют едиными устами:

Иисуса Назарянина распятого,
о, Небожителю!

Он же на сие:

Несть здесь,

но воскрес, как прорек вам:

пойдите, возвестите,

что воскрес Он из мертвых.

По слову повеления этого да обратятся они к хору, возглашая:

Аллилуйя,

Христос воскресе,

днесь воскресе Лев крепкий,

Христос, Сын Божий.

Когда это будет сказано, сидящий, словно бы призывая тех назад к себе, да возгласит такие антифоны:

Приидите,

посмотрите место, где лежал Господь,

аллилуйя.

Возгласив так, он да восстанет, поднимет покров и покажет им место, откуда Крест удален, остались же одни пелены, каковыми повит был Крест. Увидев сие, те трое да поставят кадила, что были у них в руках, в оный Гроб, да возьмут пелены и развернут их перед сослужащими, как бы показуя, что воскрес Христос и уже в них не завернут; и да пропоют такой антифон:

Христос воскресе во славе,

что нас ради распялся на древе,

аллилуйя.

Затем да возложат пелены на алтарь. Когда окончат они петь антифон, приор да возликует о торжестве Господа нашего, смерть поправшего воскресением Своим, и да начнет песнословие:

Тебя Бога хвалим³,

Тебя Господа исповедуем,

Тебя Отца вечного вся земля величает:

Тебе все ангелы,

Тебе небеса и все Силы,

Тебе Херувимы и Серафимы

непрестанными зывают гласами:

Свят, свят, свят

Господь Бог Саваоф,

полны суть небеса и земля

величием славы Твоей!
Тебя славный апостолов хор,
Тебя пророков достославный сонм,
Тебя хвалит победное
мучеников воинство;
Тебя во всей вселенной
святая исповедует Церковь:
Отца безмерного величия,
почтенного Твоего истинного и едиnorodного Сына,
и святого Утешителя Духа.
Ты, Царь Славы, Христе,
Ты присносушный Сын Отчий;
Ты ко избавлению принял человека
и девическим чревом не возгнушался;
Ты, одолев смерти жало,
отверз верным Твоим
Царство Небесное;
Ты сидишь одесную Отца
во славе Отчей;
Ты, как веруем,
грядешь Судиею.
Тебя ныне просим:
помоги рабам Твоим,
их же драгоценною кровию искупил Ты!
Сподоби их со святыми Твоими
в вечной славе воцариться!
Спаси народ Твой, Господи,
и благослови достояние Твое,
и правь людей Твоих,
и вознеси их вовеки!
Во все дни благословим Тебя,
и восхвалим имя Твое вовеки
и во веки веков.
Сподоби, Господи,
в день сей без греха сохраниться нам!
Помилуй нас, Господи,
помилуй нас!
Да будет милость Твоя на нас,
ибо уповали мы на Тебя;
на Тебя, Господи, уповал я,
да не постыжусь вовеки, аминь!

Когда же он начинает петь так, ударяют во все колокола сразу.

Христос во славе. Абдингхофское Евангелие, Саксония/Корвей. Ок. 1000 г.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
Part 2. L., 1999. P. 169

¹ Песнопение, которое попеременно, стих за стихом, поется двумя хорами.

² Песнопение Западной церкви, в котором чередуются пение солиста и припев, повторяемый хором.

³ Раннехристианский церковный гимн, авторство которого приписывается св. Амвросию Медиоланскому.

Вульфстан Винчестерский

Вульфстан, по прозванию Певец, считается одним из наиболее талантливых и плодовитых англо-латинских агиографов и поэтов Англии до Норманнского завоевания (1066 г.). Он родился около 960 г. и в юном возрасте был отдан в так называемый Старый Монастырь в Винчестере. Там он стал учеником Этельвольда, принял монашество, стал со временем священником и регентом монастырского хора, откуда и происходит его прозвище. Большинство его сочинений относится к 90-м годам X в., многие из них посвящены св. Этельвольду. Когда епископ Эльфег Винчестерский был избран архиепископом Кентерберийским, Вульфстан, возможно, отправился в Кентербери вместе с ним. Год смерти Вульфстана неизвестен (предполагают, что он умер после 996 г.), однако известен день: упоминание о его кончине находим под 22 июля в Винчестерском литургическом календаре.

Поэмы Вульфстана посвящены, в основном, местным, Винчестерским, святым. Его перу принадлежит “Стихотворная повесть о св. Свитуне” (*Narratio metrica de Swithuno*), которая считается самой длинной англо-латинской поэмой, написанной до Норманнского завоевания (предисловие, написанное дистихами, и две книги в гекзаметрах). Она является близким стихотворным переложением более раннего прозаического сочинения, рассказывающего о перенесении мощей этого же святого и о чудесах, совершавшихся у его гробницы. Особенно интересно стихотворное “Послание по особому поводу” (*Epistola Specialis*, в 348 строк), обращенное к епископу Эльфегу и описывающее перестройку и переосвящение собора Старого Монастыря. Поэма была написана в 992–994 гг., но завершена после переноса мощей св. Этельвольда в 996 г. Примерно в это же время Вульфстан составил и “Житие св. Этельвольда”, куда включил небольшое стихотворение, близкое по содержанию с *Epistola Specialis*. Житие, составленное Вульфстаном, является самым ранним повествованием о св. Этельвольде.

Вульфстан также составил поэму “Краткий рассказ о всех святых” (*Breviloquium de omnibus sanctis*), посвященную празднику Всех Святых. Начальные строки этой поэмы представляют собой акростих: UULFSTANUS. В поэме прославляются Богородица, девять чинов ангельских, патриархи и пророки Ветхого завета, св. Иоанн Креститель, апостолы, мученики, Отцы Церкви, исповедники, девы, преподобные. По содержанию поэма связана с текстом службы Всем Святым.

Вульфстан является автором текстов церковных служб и многих гимнов, написанных разными размерами, в честь св. Этельвольда, а также свв. Биринна и Свитуна, особенно почитавшихся в Винчестере. Ему принадлежат также шесть секвенций, тропы и мелодии к ним, записанные в так называемом “Винчестерском тропарии” (сборник тропов, ркп. СССР 473), который датируется 1000 г. и мог принадлежать самому Вульфстану. Сочинение “Краткий рассказ о музыке” (*Breviloquium super musicam*), также написанное Вульфстаном, не дошло до наших дней. От него сохранилось лишь несколько строк в комментариях к трактату о музыке XV в.

Перевод сделан по изд.: *Wulfstan of Winchester. The Life of St. Aethilwold*. Oxford, 1991. P. 2–68.

Житие св. Этельвольда

Начинается Предисловие. О житии славного отца, епископа Этельвольда¹, священная память которого торжественно празднуется в Августовские календы², в каковой день он пришел в Небесное Царство.

После того как Спаситель мира Христос явился человеческому роду воплощенным чрез чертог Девственной утробы и, исполнив несказанное определение Своего милосердия и нашего спасения, с торжеством славы возвратился к престолу Отческого Величия, Он распространил по всему миру многие светочи апостольских учителей, дабы они просвещенные евангельской верою, изгнали из человеческих сердец непроницаемый мрак невежества и, воспламеняя умы верующих огнем Вышней любви, многие народы насытили яствами вечной жизни, ибо многовековой нужде и голоду пришел конец. Из их собрания среди всех предстоятелей англов особенно возблистал, словно звезда утренняя, среди звезд сияющая, блаженный отец и избранник Божий предстоятель Этельвольд, многих монастырей основатель и церковных догматов установитель. Мы посчитали делом достойным немного рассказать желающим узнать о его рождении, деяниях и кончине. А также, чтобы память о таковом отце не была совершенно предана забвению, мы, твердо полагаясь на помощь этого святого, вкратце коснулись на этих страничках и того, что сами видели, и что узнали из правдивых рассказов старцев. Будет то на пользу и нам, кто написал, и тем, кто прочтет или послушает.

Начинается житие святого Этельвольда, епископа Вентанского³ и исповедника.

Глава 1

Родители святого предстоятеля Этельвольда вели свое происхождение от благородного христианского рода, проживали в городе Вентана во времена Эдварда Старшего⁴, короля англов, процветая и “поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно”⁵. Поскольку они отличались ежедневным

прирастанием добрых дел, то были прославлены исключительным даром Божиим, потому что удостоились произвести на свет дитя, ученостью и примерами которого не только народы настоящего века, но еще и будущие достигли бы знания Истинного Света, чтобы освобожденными от мрака и тьмы заблуждений, наслаждаться славой сияния вечного.

Глава 2

Когда блаженная родительница Этельвольда еще носила его во чреве, она увидела глубокой ночью сон, ставший верным предзнаменованием будущего. Ей привиделось, что сидит она перед дверями своего дома, и пред ее глазами некая величественная хоругвь, верхушка которой, казалась, касалась неба; хоругвь эта, склоняясь почтительно к земле, своей бахромой, словно завесой, окружила беременную и снова выпрямилась, стоя крепко и негибаемо в том же месте, вновь устремленная в небеса. Пробудившись, женщина опять погрузилась в глубокий сон, и вот, увидела, как из уст ее неожиданно появился и взлетел словно бы золотой орел удивительной величины, который в полете осенил златоперыми крыльями все строения Вентанского града и, поднявшись в небесную высь, исчез. Когда же потрясенная женщина проснулась и, дивясь в уме своем, стала обдумывать увиденное, то не в силах была найти тому объяснение. Тогда отправилась она к некоей рабе Христовой по имени Эдельтрида, и нравом и годами достойной, которая в вышеназванном городе воспитывала преданных Богу дев, и поведала по порядку, что было ей явлено в ночном видении. И так как та была весьма рассудительна и имела проницательный ум, а иногда даже, по откровению Господню, прозревала будущее, то многое предсказала о ребенке, который должен был родиться; и исход дел показал, что правдиво было предсказание.

Глава 3

Мы также можем быть толкователями тех снов, под величественной хоругвью понимая, что святой муж, которого тогда мать носила в утробе, должен был стать когда-нибудь знаменосцем воинства Божия, как и случилось. Мы видели, как он, многообразно противоборствуя, выступал в сражении против древнего врага ради защиты Святой Матери Церкви, и бился сам, более того, чрез него Бог побеждал, и мы свидетельствуем, что злобные умыслы оборачивались ничем. И так как орел получил имя свое из-за остроты зрения⁶, а, по свидетельству Святого Речения, “вожделенное сокровище” покоится “в устах мудрого”⁷, то под золотым орлом, который, как видно было во сне, осенил весь город покровом крыльев, изображается именно этот преславный муж, украшенный сокровищем всей премудрости. Внимая Божественному проницательным и неборимым сердцем, он всегда возлетал чрез созерцание к небесному, и над Церковью, градом Великого Царя, на который стремились напасть враждебные силы, повсюду распространил покров отеческой защиты, и, окончив путь благого борения, достиг лицезрения Бога в дружине святых, как говорится в Евангелии словами Господа: “Где труп, там

Св. Этельдреда.
The Benedictional of St. Ethelwold / Ed. F. Wormald. L., 1959. P. 27

соберутся и орлы” [Лк 17, 37]. Ибо туда, где Сам Искупитель наш присутствует телом, без сомнения, ныне собираются души избранных, и во славе будущего Воскресения туда же соберутся и их тела. Это мы кратко сказали о толковании снов: ныне вернемся к порядку повествования.

Глава 4

Однажды, когда его мать стояла в церкви в тесной толпе горожан, желая присутствовать на торжественном служении Святой Миссы, она почувствовала, что, вот, предстала душа младенца, которого она носила в утробе, и, по воле Бога, все устрояющего, вошла в него – как после, уже будучи епископом, сам святой, который должен был тогда еще родиться, нам с радостью рассказывал. Из этого становится очевидно, что он был избран Богом еще до рождения и получил душу рожденного человека, чтобы положить начало существованию, не от отца или матери, как полагают некоторые, но, как должно веровать истинно и непреложно, только Спаситель вдохнул в него дух жизни, который всякому человеку дается отдельно. Родился будущий предстоятель Божий, и, в купели крещения вновь рожденный во Христе, назван был родителями Этельвольдом, и, укрепленный святым и благодатным помазанием, во всем был препоручен Благодати Божией.

Глава 5

Случилось так в один праздничный день, что по заведенному обычаю кормилица Этельвольда собралась пойти в церковь и прилежно помолиться, но разразилась столь сильная буря со все затопляющим дождем, что и шагу ступить нельзя было за порог дома, где она и осталась сидеть, держа на коленях этого же младенца. В то время как она, скорбя, горько плакала, что не может исполнить обет благочестия, и смиренно склонила голову в молитве Всемогущему Господу, тотчас же удостоилась быть утешенной Божественным Состраданием. Ибо она, не почувствовав ни бури, ни дождя, внезапно с младенцем оказалась сидящей в той церкви, куда хотела пойти, где пресвитер совершал торжество миссы; и так как она не могла разумно объяснить случившееся, то сильно испугалась; и все вокруг, осознав, что произошло чудо, оцепенели в великом изумлении. Ибо как некогда пророк был внезапно поднят из Иудеи и с трапезой очутился в Халдее⁸, так и блаженный младенец Этельвольд в одно мгновение с кормилицей появился в храме, чтобы, подобно тому, кто в нужное время восстановил силы пророка Даниила в львином рве, окормлять тысячи людей в Церкви святых.

Глава 6

Отрок добрых дарований возрастал, преуспевая ежедневно, и в самом раннем возрасте был отдан для изучения Священных Писаний; чтобы указующий в будущем для других путь спасения сам с Марией смиренно сидел бы у ног Господа [ср. Лк 10, 39] и спасительно слушал бы слово из Его уст. Ибо Этельвольд по природе был отрок живой и столь смьшлен, что все, что бы

ни узнавал от старших, не предавал это ленисто забвению, но вверял цепкой памяти. Ибо он старался преодолевать достойным и добродетельным поведением соблазны отроческого возраста, всегда отдавать всего себя Божественному служению, и устремлять все намерение ума своего к исполнению воли Божией, таким образом, получив от Христа наперед дары, возблагодарить Его праведной жизнью, чтобы оказаться достойным получить дары еще ббльшие.

Глава 7

И когда Этельвольд достиг возраста цветущей юности, о его святой жизни возвестили королю Ательстану⁹, сыну вышепомянутого короля Эдварда, и поскольку повсюду молва его превозносила, он не медля повелел призвать юношу к себе. Когда Этельвольда привели во дворец, и он предстал перед королем, то снискал милость пред его взором и перед глазами его знатного окружения; и там, занимая долгое время близкое к королю место во дворце, научился весьма многому и полезному у мудрых мужей, при короле находившихся. И именно по приказу короля епископ Вентанский Эльфег¹⁰, согласно церковному обычаю, прежде постриг его, присоединив к сословию клириков, и по прошествии нескольких лет посвятил его в священнослужительское достоинство.

Глава 8

Ибо сам блаженной памяти отец Эльфег, среди прочих ему сообщенных духовных даров, отличался духом пророчества; и случилось, что он рукополагал в одно и то же время Дунстана¹¹, Этельвольда, и некоего мужа по имени Этельстан, который впоследствии, оставив монашеский образ жизни, до конца пребыл отступником. Когда было завершено служение миссы, святой Эльфег обратился к своим приближенным с такой речью: “Сегодня пред Богом я возложил руку на троих мужей и посвятил их в священническое достоинство; из них двое достигнут епископской вершины, один сначала в городе Вигорненском¹², затем в Кантии¹³, каковая есть столица Церкви народа англов, а другой когда-нибудь станет моим преемником в предстоятельском достоинстве; третий же чрез соблазн наслаждений и низменных страстей исчахнет жалкою кончиною”. Тогда Этельстан спросил святого предстоятеля, своего родственника, говоря: “Неужели случится так, что я один из тех двух, которые должны подняться на епископскую кафедру?” Предстоятель ответил ему: “Не будет тебе ни части, ни жребия в том числе, о котором я сказал ранее; но ты не останешься и в той святости, которой ты, как казалось, на глазах у всех положил почин”. Сколь правдивыми оказались его пророческие слова, доказал исход дела. Ибо двое (как говорит Писание: “праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще” [Откр 22, 11]) достигли чести предстоятельства, а третий – как грозно и устрашающе там же сказано: “нечистый пусть еще сквернится” [Откр 22, 11], закончил жизнь в нечистоте и распутстве.

Глава 9

А Этельвольд, раб Христов, благородный именем, умом и делами, шел по тесной дороге, ведущей прямо к Жизни, ежедневно, с помощью Божией, старался возрастать во благе со всем усердием, преданно следуя наставлениям и примеру Эльфегга, своего восприемника, который его рукоположил. Ибо по предписанию короля, он пробыл некоторое время у Эльфегга для совершенствования и после, придя в Глестонию¹⁴, предал себя в ученичество великому мужу Дунстану, настоятелю этого же монастыря. При таком наставничестве много преуспев, Этельвольд наконец получил от него одеяние монашеского чина и со смиренной преданностью отдал себя под его управление. В том же монастыре он овладел благородным искусством грамматики и медоточной сладостью метрики; и словно мудрая пчела, которая, кружа, обыкновенно отыскивает цветущие деревья и окунается в их прекрасное благоухание, он собирал нектар с цветов Божественных сочинений. Также он усердно изучал кафолических авторов и известных писателей, и сверх того, настойчиво предаваясь бдениям и молитве, а самого себя укрощая воздержанием, братий всегда побуждал стремиться к высшему. Когда его, всеми любимого по заслуге его святости, настоятель поставил деканом своего монастыря, то Этельвольд не впал в опасность превозношения, но подал подчиненным пример великого смирения. Он ежедневно работал, возделывая сад трудом своих рук, и готовил на трапезу братьям плоды и различного рода овощи, чтобы после духовного подкрепления послужить также и нуждам телесным, всегда имея перед глазами слово Господне: “Кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою” [Мф 20, 26], и еще: “Сколько ты велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа” [Сир 3, 18]. Крепко помня эти и другие свидетельства Писания, он наставлениями хранил тех, кто ему был поручен, и смирением – самого себя.

Глава 10

Случилось тем временем, что победоноснейший король Ательстан через четыре года после того, как в величайшей резне уничтожил войско язычников, умер, и вместо него принял бразды правления брат его Эдмунд¹⁵; но был через шесть с половиной лет жестоко убит, и престол занял его брат Эадред¹⁶. Этот король был особенным ревнителем и защитником Старого Монастыря в Вентании, как свидетельствуют те украшения, которые, по его приказанию были изготовлены, а именно: большой золотой крест, золотой престол, и прочие, которые щедро были туда пожертвованы им в честь блаженных апостолов Петра и Павла с предписанием сохранять их там вечно ко славе и хвале Божией. и еще распорядился украсить золоченой черепицей восточный портик этой же Вентанской церкви на случай, если сделается общником их жизни. Во время его правления муж Божий Этельвольд, настоятельно желая более полно изучить Писания и получить как можно больше знаний о монашеском образе жизни, решил отправиться в заморские края. Но досточтимая

королева Эадгива, мать упомянутого короля, опередила его, посоветовав королю не позволить такому мужу уезжать из королевства, и, сверх того, утверждала, что в Этельвольде была столь велика премудрость Божия, что и ему и другим может быть достаточно, даже если совсем не по этой причине он стремился к чужим пределам.

Глава 11

Услышав это, король возвеселился и великой любовью полюбил раба Божия Этельвольда, и ему было угодно, по совету его матери, дать святому мужу некое место, называемое Аббандум¹⁷, в котором исстари был небольшой монастырь, но в то время заброшенный и покинутый, с простыми постройками и имеющий только 40 мансов земли¹⁸; остальной землей в этом месте, которое было окружено со всех сторон сотней кассатов¹⁹ топей, владел сам король. С согласия настоятеля Дунстана и по воле короля, было решено, чтобы муж Божий Этельвольд принял на себя заботу о вышеуказанном месте, доколе в нем не назначит монахов, служащих Богу по уставу. Раб Божий пришел в место, ему порученное; тотчас же последовали за ним некоторые клирики из Глестонии, а именно: Осгар, Фольдберт, Фривегар и Ордберт из Вентании и Эадрик из Лундонии, подчинившие себя его наставничеству. Он собрал себе за краткое время монашескую паству, над которой, по велению короля, был назначен настоятелем. Король даровал настоятелю и братии для увеличения их ежедневного пропитания еще королевское владение в Аббандонии, а именно: сто кассатов с лучшими строениями, и много помогал им деньгами из своей королевской сокровищницы; но его мать направила им еще более щедрые утешения даров. И Господь сообщил такую благодать Ему служащим, что в монастырь, что прежде был самый бедный имениями, можно подумать, притекли одновременно все богатства; и так все благоприятно складывалось, что, казалось, открыто исполняется изречение Господня обетования, в котором говорится: “Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам” [Мф 6, 33].

Глава 12

Однажды король приехал в монастырь, чтобы самому руководить постройкой зданий, и, собственной рукой размерив все основания, предписал, где и как возводить стены; настоятель же попросил его с его приближенными позавтракать в монастырской гостинице. Король тотчас же изъявил согласие; и случилось так, что с ним было немало знатных мужей, пришедших из народа нортумбров²⁰, и все они с королем отправились на праздничную трапезу. Король возрадовался и приказал гостям вдоволь пить заздравные чаши хмельного меда, приказав при этом закрыть крепко двери, чтобы не оказалось, что кто-нибудь сбежит от королевской трапезы. Что больше? Слуги целый день черпали мед, чтобы его достало всем пирующим; но невозможно было вычерпать из сосуда жидкость, кроме как на меру ладони; нортумбры были во хмелю и ушли вечером радостными.

Глава 13

Однако настоятель Этельвольд не успел завершить порученное ему строительство во дни жизни короля Эадреда, так как этот король быстро ушел из этой жизни, в девятый день декабрьских календ²¹. Но когда на престол взошел славный король Эадгар²², знаменитый и милостивый, сын могущественного и непобедимого короля Эадмунда, Этельвольд заложил и выстроил в том же монастыре досточтимый храм в честь Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии; храм этот и ныне лучше видеть, чем на словах описывать.

Глава 14

Приблизительно в то же время на епископство Вигорнской Церкви был избран авва Дунстан, как и предсказывал святой епископ Эльфег, о чем мы упомянули выше. И после смены нескольких годовых круговращений он сделался архиепископом и пребывал в Кантии тридцать семь лет, словно столп непоколебимый, превосходя всех учением и деяниями; красотой был схож с ликом ангельским, отличался делами милосердия и пророческим даром; мы слышали, что у его гробницы часто совершаются небесные чудеса. А Этельвольд послал монаха Осгара через море в монастырь святого отца Бенедикта во Флориане²³, чтобы тот научился там обычаям соблюдения устава, и дома, уча братьев, показал, насколько он сам следует правилу монашеского образа жизни, и Этельвольд вместе с теми, кто ему подчиняется, отклоняя всяческие окольные пути, привел бы вверенное ему стадо к обетованному отечеству Небесного Царства. В той общине был некий брат по имени Эльфстан, муж и простой и великого послушания, которому настоятель приказал заботиться о пище для монастырских строителей. Он подчинился этому служению с величайшей преданностью и ежедневно варил мясо, и усердно прислуживал работникам, разжигая очаг и принося воду, и по своей воле мыл и очищал сосуды, хотя настоятель полагал, что он делает все это с помощью другого служителя. Ибо случилось так, что в то время как настоятель по заведенному обычаю обходил монастырь, он увидел этого брата подле кипящего котла, в котором тот готовил пищу мастерам, и, войдя, обнаружил, что все сосуды весьма чисты и полы подметены, и сказал ему радостно: “О брат мой Эльфстан, ты утаил от меня такое послушание, чему ты предаешься, в то время как я ничего не знаю. Но если ты таковой воин Христов, каким себя являешь, запусти руку свою в кипящую воду и не сочти за труд вытащить для меня один кусок с самого дна”. Тот сразу же без промедления, запустив свою руку на дно котла, извлек обжигающе горячий кусок, не чувствуя жара кипящей воды. Увидев это, настоятель приказал отложить этот кусок и ни одной живой душе об этом не говорить. Известно нам, как позже этот именно брат был назначен настоятелем, и даже, поднявшись до чести предстоятельства, стал главой Вилтунской Церкви²⁴ и завершил свою жизнь блаженной кончиной в Господе.

Глава 15

Святой Этельвольд был действительно великий строитель церквей и различных зданий, и в то время, когда был настоятелем, и когда был епископом. Потому общий враг расставлял ему обычные для его злобы ловушки, чтобы, если сможет, погубить его каким-нибудь способом. Так однажды, когда муж Божий работал на строительстве, огромный столб упал на него и сбросил в какую-то яму, и сломал ему почти все ребра с одного бока, так что, если бы не яма, в которую он упал, то он бы был весь разбит.

Глава 16

Однако святой муж с помощью благодати Всемогущего Бога оправился от этой тяготы, и Эадгар, блаженнейший василевс Англов, избрал его на епископство Вентанской Церкви, прежде чем была освящена церковь вышеупомянутого монастыря. И по повелению короля ее освящал Дунстан, архиепископ Доробернской Церкви²⁵, в год Воплощения Господня 963, на бдении святого апостола Андрея в третий день декабрьских календ, который тогда приходился на первое воскресенье поста в честь Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. А были тогда в Старом Монастыре, где находилась предстоятельская кафедра, каноники, нечестивые и преступные, охваченные превозношением, дерзостью и любовью к роскоши, до того, что некоторые из них отвергали служение миссы по ее порядку, отсылали прочь жен, на которых незаконно женились, и принимали других, непрерывно предавались обжорству и пьянству. Не перенося этого, святой муж Этельвольд, получив позволение от короля Эдгара, как можно скорее изгнал отвратительных кощунников из монастыря; и, призвав монахов из Аббандонии, поместил их там; и сам стал им настоятелем и епископом.

Глава 17

Случилось же так, что в субботу в начале четырехдесятницы, когда монахи, приехавшие из Аббандонии стояли у входа в церковь, клирики заканчивали служение миссы и пели запричастное песнопение: “Служите Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом! Примите наставление, да не прогневается Господь и не погибнете вы, сойдя с пути праведного” [Пс 2, 11–12]²⁶, словно бы говоря: “Мы не желали Богу служить, ни Его наставление хранить, вы, по крайней мере, сделайте так, чтобы не погибнуть, подобно нам, сойдя с пути праведного, который открывает Небесное царство хранящим праведность”. Услышав это, братия обрадовалась, понимая, что их путь благословляется Господом и что этот псалом был спет в их присутствии по воле Божией, и тотчас же отнесли к себе предписание Давидово, а Осгар подбадривая их, сказал: «Почему мы медлим перед дверями? Сделаем, как увещают нас каноники, войдем, и, идя по пути праведности, будем служить Господу Богу нашему со страхом и ликованием, чтобы, если возгорится вскоре гнев Его, мы удостоились стать общниками тех, о ком прибавлено: “Блаженны все, уповающие на него”» [Пс 2, 13].

Глава 18

Король послал также туда с епископом некоего мужа, славнейшего среди его служителей, имя которому было Вульфстан Эдельхам; и тот от имени короля объявил каноникам, чтобы они выбрали одно из двух: или без промедления уступить место монахам, или принять одеяние монашеского чина. И каноники, охваченные необыкновенным ужасом и проклинаящие монашескую жизнь, немедленно оттуда ушли; однако впоследствии трое из них пришли к обращению, а именно Эадсин, Вульфсин и пресвитер Вильстан. Вернувшись со смиренным сердцем в монастырь, который они покинули изгнанными, они подчинились выи под иго Христово. Ибо среди англов до той поры не имелось монахов, кроме лишь проживавших в Глестонии и Аббандонии.

Глава 19

Поскольку вышеназванные братья сохраняли правило уставной жизни в Старой Киновии²⁷, туда стекались многие на служение Богу: и старцы, обратившиеся к Богу в преклонных летах, и юноши, и по обету принесенные младенцы. Завидуя всему этому, каноники подлили епископу яду, когда он в своих покоех обедал с гостями и проявлял по отношению к ним внимание и любезность (ведь, если бы он умер, они бы изгнали оттуда рабов Божиих и снова, собравшись в одно место, смогли беспрепятственно наслаждаться прежними гнусностями). А у епископа в обычае было после трех-четырех кусочков сразу что-нибудь выпить: и он, не зная, что ему принесен яд, выпил все, что было в кубке, и тотчас же лицо его изменилось до мертвенной бледности, и сильнейший яд скрутил его внутренности и начал терзать с необычайной силой. Этельвольд едва-едва поднялся от стола, чтобы прилечь, а яд распространялся по всем членам его, грозя уже близкой смертью. И поразмыслив, он начал порицать самого себя и сказал душе своей: «И где только твоя вера? Где помышления твоего разума? Разве не истинны и не верны слова Христа, как обещал Он в Евангелии: “И если что смертоносное выпьют, не повредит им” [Мк 16, 18]. Разве не Тот это говорил, Кто присутствует в Божестве, но отсутствует Плотью? Без сомнения Он, Тот, Который всегда может все, может и в тебе уничтожить яд этой отравы». Вера, воспламененная в нем такими и тому подобными словами, полностью обезвредила смертоносный глоток, который он выпил, и, когда утихла боль от свирепого яда, он встал, вышел с веселым лицом в чертог, не являя глядящим на него и следа бледности, а своего отравитя, не сделав ему никакого зла, простил тот грех. Так силой Божией был разрушен злобный умысел клириков, которые, увидев, что их нечестие ни в чем не побеждает, весьма долго были рассеяны там и сям по различным областям народа англов, пока не окончили свою жизнь.

Глава 20

С тех пор орел Христов, предстоятель Этельвольд, расправил свои золотые крылья и изгнал, с согласия короля Эадгара, каноников также из Нового Монастыря и туда ввел монахов, живущих по уставу. А Эдельгара, своего

ученика, поставил им настоятелем. Муж этот впоследствии сделался епископом области южных саксов и затем, когда святой Дунстан перешел в Царство Небесное, стал архиепископом Кентерберийским.

Глава 21

В Аббандонии же Этельвольд поставил вместо себя настоятелем Осгара, и это место обогатилось на 600 и более кассатов²⁸, сверх того, этому монастырю были дарованы бессрочные права свободы, подтвержденные письменно и церковной, и королевской властью; грамоты с этими правами, запечатанные золотыми висячими печатями, сохраняются там до сего дня.

Глава 22

Также и в третьей Вентанской киновии, которая на языке англов называлась Нуннаминстер и была освящена в честь Приснодевы Марии Богу, Этельвольд учредил там общины монахинь, поставив матерью-настоятельницей над ними Этельтриду, о которой мы скажем немного ниже, и там сохраняется до сих пор правило уставной жизни.

Глава 23

Не только в пределах Западных Саксов, но еще и в отдаленных областях Британии святой предстоятель Этельвольд позаботился собрать монахов на служение Всемогущему Богу. Ибо есть некий известный край, расположенный в области Восточных Саксов, окруженный болотами и потоками, образуя остров, и по причине множества угрей, которые на языке саксов называются “эльги” и ловятся в этих болотах, получил имя Элиге²⁹. В этом краю есть монастырь, достойный всяческого почтения, весьма прославленный мощами и чудесами святой королевы Этельтриды, сохранившей девство, и ее сестер-монахинь; но в то время монастырь тот был заброшен и передан в ведение королевской казны. Раб Христов Этельвольд особо чтит это место по любви к столь прославленным девам, и за немалую цену выкупил его у короля Эадгара и поместил там большую группу монахов. Он назначил им настоятелем Бритнода, своего наместника, и место этого же монастыря найдостойнейшим образом заново обустроил монастырскими строениями, и препоручил этот монастырь, богатый обширными земельными владениями и укрепленный правом бессрочной свободы, Всемогущему Господу.

Глава 24

Этельвольд приобрел кроме того в области Гирвиев³⁰ у короля и знатных людей этой земли за немалую цену и другое место, расположенное на берегу реки Нен; на языке англов некогда нарекли этому месту имя Медесхамстеде³¹, а ныне оно обычно называется Бурх. Он освятил базилику этого монастыря, обустроенного подобающим образом хозяйственными постройками и расширенного за счет прилегающих к нему земель, в честь блаженного Петра князя апостолов, и там сходным образом поселил монашескую общину. Эадульфа

же, своего монаха, он поставил над ними настоятелем; муж сей после кончины господина Освальда, предстоятеля Эборакской Церкви³², получил архиепископский сан. Он приобрел за немалую цену и третье место на высоком берегу вышеупомянутой реки, – оно называлось обычно англским словом Торни³³ из-за терновника, повсюду его окружающего, – и благоустроив его, отдал монахам для жительства. Управителем же и настоятелем при них Этельвольд поставил Годемана, освятил построенный там монастырь в честь Богородицы и Приснодевы Марии и с радостью предоставил в общинное пользование.

Глава 25

Муж Божий Этельвольд был допущен к тайнам славного короля Эадгара, обладая влиянием и в советах, и в делах, и во многих местах освящал церкви, и везде, где бы он ни проповедовал Евангелие Христово, поступал, по увещанию пророка Исаии: “Взывай громко, не удержишься; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву – на грехи его” [Ис 58, 1].

Глава 26

Делу его проповеди весьма помог святой предстоятель Свитун³⁴, прославленный небесными знамениями, чьи мощи в то самое время были торжественно и в достойном убранстве перенесены в алтарь храма. Так в доме Божием воссияли сразу два равных светоча, поставленные на свещниках золотых, ибо то, что Этельвольд спасительной проповедью возвещал, то Свитун явлением чудес во славу имени Христова дивным образом украшал.

Глава 27

И произошло, что при поддержке короля, частью благодаря замыслам и делам Дунстана, частью благодаря усердному сотрудничеству Этельвольда, повсюду в народе англов устраивались монастыри для монахов или для монахинь под управлением настоятелей и настоятельниц, живущих по уставу. И раб Христов Этельвольд объезжал монастыри один за другим, устанавливая правила, увещая словом послушливых, чтобы преуспевали во благом, а глупых сурово наказывая, чтобы отступили от дурного.

Глава 28

Ибо Этельвольд для людей распушенных и развращенных был страшен, словно лев, а со смиренным и послушливым подобен был кротчайшему агнцу, так умеряя строгость змеиной мудрости, чтобы не потерять кротость голубиной простоты. Если ревностная необходимость принуждала его налагать на подчиненных справедливые наказания, то и сам гнев не от жестокости рождался, но от любви, и в душе он любил отеческой любовью тех, кого сурово карал, словно гонитель. Был он для монахов отцом и пастырем, для монахинь неусыпным попечителем, девам – защитником, вдовам – утешителем, для странников – гостеприимцем, Церквам – охранитель, заблуждающимся –

исправитель, беднякам – вспоможитель, сирот обоего пола – покровитель; и все это он исполнил на деле более, чем мы в скудности нашей можем изложить на словах.

Глава 29

Однажды случилось так, что жестокий голод и великая нужда сильно угнетали весь Британский край, и весьма многие погибли при том ужасном бедствии. А муж Господень, сострадая людскому множеству, гибнущему от сильного голода, потратил на нужды бедняков все деньги, сколько имел. И когда они кончились, приказал вынести из сокровищниц церкви всяческое убранство и множество серебряных сосудов, и велел разломать их на мелкие части и обратить в деньги. Он свидетельствовал со вздохом из глубины сердца, что не мог равнодушно смотреть на то, что бездушный металл оставался цел и невредим, а человек, созданный по образу Божию и искупленный драгоценной Кровью Христовой, погибал от нищеты и голода. Закупив пищу, он поддерживал бесчисленное множество нуждающихся, которые, желая избежать опасности голода, сбегались к нему отовсюду; и тех, кто еле живые лежали на улицах и перекрестках, лишённые всякого утешения, Этельвольд, приведя в чувство, поддерживал и исторгал несчастных из самой пасти смерти; он подавал также каждому ежедневное питание, пока Милосердие Божие не взглянуло с неба на землю и, с привычной милостью придя на помощь человеческому роду, не умерило бедствия голода. В этом труде милосердия Этельвольд следовал примеру блаженного Лаврентия, диакона и мученика³⁵, который, когда начались времена гонений, расточил и роздал нищим сокровища и имения Церкви, чтобы правда его пребывала во веки веков и рог его был вознесен во славе³⁶.

Глава 30

Истинно говорит Писание, что Господь, кого любит, того наказывает, и всякого сына, которого принимает, бичует [ср. Притч 3, 12 и Евр 12, 6]. Муж Божий часто испытывал кишечное недомогание, и голени его болезненно опухали. Он проводил ночи по большей части без сна из-за боли; и днем ходил, хотя и бледный, однако, словно бы здоровый и не испытывающий никакой муки, помня апостольское утешение, в котором говорится: “сила Моя совершается в немощи” [2 Кор 12, 9], и вновь: “когда я немощен, тогда силен” [2 Кор 12, 10], и еще: “я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова” [2 Кор 12, 9]. И хотя его тревожила мучительная болезнь, крайне редко он ел мясо животных или птицы, только однажды в течение трех месяцев, так как был вынужден из-за сильного недомогания (поступив так по велению архиепископа Дунстана), и еще раз во время болезни, от которой умер.

Глава 31

Ему всегда было приятно учить подростков и юношей: либо растолковывать им на языке англов латинские книги, либо обучать правилам грамматики и метрики, либо в шуточных беседах направлять к добру. Потому и случилось

так, что весьма многие из его учеников стали священниками, настоятелями, достойными почтения епископами, даже еще и архиепископами в народе англов.

Глава 32

Среди этого угодно было Всемогущему Богу подтвердить небесным знаменем, что Ему благоугодно пребывать во святом Своем. Когда святой предстоятель ехал куда-то, чтобы сеять семя Слова Божия на поле Господнем, случилось его клирику, которому было поручено везти святую хрисму, взять меньше мира, чем требовала необходимость, да еще и потерять по пути то небольшое, что он взял с собой. И когда раб Христов прибыл в назначенное место, после служения миссы и после сладостной беседы святой проповеди он велел, как обычно, подать ему миро для помазания отроков. Но клирик, который полагал, что сосуд у него с собой, внезапно обнаружил, что потерял его. Потому он в смятении бросился назад и быстро пошел по тому пути, откуда пришел, внимательно глядя по сторонам и нашел сосуд с хрисмой на дороге и полным мира, хотя ранее сосуд этот едва ли был заполнен вполовину. Взяв сосуд, со страхом и великой радостью он вернулся, прося прощения у святого предстоятеля, и рассказав все, как было, объявил о чуде с небесной жидкостью. Из этого следует, что произошло все так по воле Божией, дабы тот, кто был преисполнен благодати Духа Святого, Его помазанием возвеселил сердца и лица многих, а сам не только внутри, но еще и извне вознаграждался елеем вышней радости.

Глава 33

Под началом Этельвольда жил некий монах, который по бесовскому внушению впал в соблазн воровства. Потому всю общину охватили великая скорбь и печаль, когда каждый насельник думал, что это совершил другой брат, потому что точно знал, что он-то, без сомнения, этого не делал. А потому святой предстоятель, собрав братий, мягко попросил, чтобы если кто знает о себе, что он совершил кражу, пусть, с Божиим благословением, как можно скорее возвратит ту вещь или оставит в таком месте, где ее можно найти. Но тот брат, отвердев сердцем, упрямо молчал и пренебрег выполнением предписания мужа Божия. Когда прошло три дня и три ночи, и украденная вещь не была найдена, святой муж обратился с грозной речью в капитуле перед всем множеством братий, сказав с негодованием: “Не пожелал святотатец этот деньги, которые украл, возвратит с благословением, как мы приказали; пусть же вернет их с проклятием Всемогущего Бога, и да будет он скован нашей властью не только душой, но еще и телом”. Что более? Братия ответили: “Аминь”. И вот, этот монах, сидя там, оказался невидимо связан: руки его крест-накрест прилегли к телу под кукулем, и он оставался недвижим, не зная, что ему делать. Однако все остальные части тела остались подвижными и он мог всеми ими владеть, кроме рук, которые святой муж властью, ему от Бога данной, связал и сделал бесполезными. Наконец, когда собрание окон-

чилося, этот несчастный, связанный таким образом, поднялся и, выйдя вслед за святым епископом, исповедал ему наедине, что это он виновен и что он совершил кражу; однако ничего не сообщил ему о путях, которыми был скован. А епископ по своему обычаю милостиво прощать кающихся и плачущих и сострадать им с глубоким милосердием, видя, что тот охвачен необыкновенным ужасом, ласково отвечал: “Но ты, по крайней мере, хорошо поступил, хоть и поздно, исповедав свой грех; получи же ныне наше благословение”. И немедленно руки того монаха освободились, и епископ ничего не знал. И этот вот брат, идя оттуда, сильно радовался и рассказал по порядку о том, как он был связан и как освобожден, некому брату по имени Ульфгар, который посоветовал об том пока умолчать и открыть, лишь когда пройдет время. Такое дело ясно показывает, сколь заслужен пред Господом был такой муж, что только лишь при помощи одних только слов явил силу великую, хотя сам о том и не ведал. Поскольку Этельвольд по вере своей и по делам достойно соблюдал обязанность пастырской заботы святого управления, то получил, подобно блаженному Петру, князю апостолов, на самом деле право вязать и разрешать.

Глава 34

Когда муж Божий с великим тщанием приступил к обновлению Старой Церкви, он приказал братьям работать вместе с мастерами и строителями, и так как они трудились, сменяя друг друга, то строящееся здание поднималось все выше, поддерживаемое со всех сторон многими часовнями, где находились чтимые мощи святых, помогающие всем, кто приходит к ним с верой. А однажды случилось так, что в то время как братия стояли на самой вершине храма вместе с каменщиками, один из них, по имени Год, упал сверху прямо на землю. Тотчас же, как он коснулся земли, встал и без какого-либо вреда для себя от падения; и, благословив себя крестным знаменем, удивился, что он здесь делает и как сюда попал. И все, кто присутствовал там, видели, как он поднялся на то место, где находился до этого, и, взяв мастерок, усердно принялся за работу, которую начал. Кому должно приписать это чудо, если не тому, по чьему повелению он вышел на дело послушания? Брат сей потому не получил никакого повреждения, что когда он падал, заслуги мужа Божия перенесли его вниз невредимым и при падении защитили от опасности.

Глава 35

Однажды в зимнее время братия, согласно уставному правилу, в надлежащее время поднялись на бдение и в ночное время предавались пению псалмов и чтению. Один монах, по имени Теодрик, подошел к мужу Божию, желая дать знак, что ему что-то нужно, и увидел, что тот, напрягая старческие свои глаза при свете свечи, погружен в чтение; и монах так долго стоял, внимательно наблюдая за тем, как напряженно тот вглядывается в страницу. Наконец святой муж поднялся от чтения, а этот брат, оставшись на месте, взял

свечу и начал читать, проверяя, не может ли и он столь же усердно читать с напряжением своих, здоровых, глаз, как епископ напрягал свои подслеповатые глаза, чему он был свидетелем. Но это безрассудство не окончилось для Теодрика безнаказанно. Ибо следующей ночью, когда он погрузился в сон, явился пред ним некто, незнакомый на вид, и угрожающе сказал ему: “Что это за безрассудство такое, что ты дерзнул порицать епископа прошлой ночью во время чтения?” И когда, пораженный, он отрицал, что это сделал, тот, глядя на него грозным взором, сказал: “Ты не можешь меня дурачить, вводя в заблуждение, как полагаешь, но получай этот знак за свою дерзость”. И, говоря это, нанес ему крепкий удар пальцем по глазам, и тотчас же в глазах возникла сильная боль, от чего он сильно страдал много дней, пока он не снял ее, принеся извинение за свою провинность, которую по неосторожности допустил по отношению к святому мужу.

Глава 36

Когда раб Христов в ночное время также предавался чтению, он случайно уснул, ибо бодрствовал сверх меры; и из подсвечника на книгу, которую он читал, упала свеча. Она так на странице и лежала, не погаснув, пока не пришел один брат по имени Леофред. Он спешно снял с книги еще горящую свечу; и, взглянув, увидел тлеющий пепел самой свечи, лежащий поверх строк на книге, сдул его и обнаружил, что страница не повреждена. В том очевидна была заслуга святого мужа, ибо горящая свеча поглощалась пламенем, которое умерило свою природную силу, чтобы не повредить страницу.

Глава 37

Все это по щедротам Христовым, мы кратко поведали, чтобы со смиренной преданностью возбудить и в ныне живущих, и во всех верных в будущем любовь и почтение по отношению к столь великому отцу. Впрочем, нам не совсем легко изъяснить, сколь многие или сколь великие опасности святой Этельвольд вынес ради защиты монашествующих, или с какой доброжелательностью и любовью относился к братьям усердным и послушливым или сколько работал на строительстве монастыря, восстанавливая церковь и возводя другие постройки; или сколько времени бодрствовал в молитвах и сколь преданно увещал братьев к целительному покаянию, или сколь много тысяч душ спас от диавола и, возвратив их Богу, ввел на небо. Но из этого немногого, можно понять многое, о чем мы не в состоянии рассказать.

Глава 38

Подобало и в самом деле исполниться сновидению, которое, как утверждал святой Дунстан, этот славный и подобный ангелу архиепископ народа англов, он некогда видел о святом муже Этельвольде. Когда Дунстан был настоятелем Гластониенского монастыря, и под его началом воин Христов Этельвольд служил Всемогущему Богу, как мы рассказали выше, увидел он во сне, что стоит вне dormitorio, и видит словно бы некое удивительной

repleri . ut cum eis caelestis spon
si thalamum ualeatis ingre
di . quod ipse .

Епископ, благословляющий паству.
The Benedictional of St. Ethelwold / Ed. F. Wormald. L., 1959. P. 31

высоты дерево, распространившее ветви свои на запад и восток, на север и юг, протянулось над Британским краем во всю ширь и длину его. На ветвях этого дерева висели бесчисленные кукули, большие и малые, само же дерево на самой верхушке несло один огромный кукуль, который, раскинув рукава, защищал остальные кукули, превосходя их размером и высоко поднимаясь над ними, и касался самого неба. Тогда муж Господень Дунстан, весьма изумленный таким зрелищем, спросил у пресвитера, украшенного ангельской сединой, который показывал ему это видение: “Прошу, досточтимый старче, скажи, что это за крепкое и высокое дерево, ветви которого, повсюду распространившись, как хорошо видно, несут столь многочисленные кукули?” Ему тот отвечает: “Дерево это, которое ты видишь, отче Дунстан, обозначает место этого острова, а огромный кукуль, возвышающийся на вершине этого дерева есть кукуль монаха твоего Этельвольда, который в этом монастыре преданно служит Христу; остальные же кукули, которыми, как видно, отягощены эти ветви, обозначают множество монахов, которые должны быть наставлены им и собраны повсюду в этом краю на служение Всемогущему Богу; и под его водительством они достигнут славы Небесного Царства и единения с блаженными душами, царствующими со Христом”. Получив такой ответ и пробудившись, святой муж молча наедине с собою обдумывал видение и впоследствии открылся доверенным людям, рассказав все в точности. Со временем его разнесла молва, и оно многим стало известно; наконец, также дошло и до нас недостойных.

Глава 39

Не менее подобало исполниться и другому сновидению, который сам муж Божий святой Этельвольд поведал нам как-то в беседе. Он рассказывал: «Представлялось мне, что стою я на морском берегу, к которому, как мне казалось, причалил какой-то огромный корабль; и был он снизу доверху набит множеством рыб и угрей. И пока я молча обдумывал, что бы означало увиденное мною во сне, внезапно услышал голос, зовущий меня по имени и говорящий мне: “Этельвольд, Этельвольд, свыше от Бога послано тебе такое поручение. Воскреси этих рыб, которыми, ты видишь, наполнен этот корабль, и своими молитвами сделай так, чтобы они стали людьми, как были прежде”. Я тотчас подчинился приказанию этого голоса, встал на молитву за них и, излив слезный дождь, со вздохом сказал: “Господи Иисусе, Которому нет ничего невозможного, взгляни, Милостивый, на души, обманутые дьявольским коварством, которые отчуждены от разума человеческого и словно животные жалким образом погружены в полную соблазнов грязь века сего. Прошу, благий Иисусе, не позволяй, чтобы, торжествуя, похвалялся о них недруг рода человеческого, но да будут они воскрешены к жизни чрез всемогущество Твоего святого Имени, чтобы, избежав сна вечной смерти, они признали, что Ты есть Истинный и Единственный Спаситель мира, и затем всегда к безмятежной гавани Твоего спасения прибегали, жили свобод-

ными ото всех смятений мирских и под Твоим водительством пребывали в безопасности. Ибо Ты, Христе, можешь оживотворять мертвых, и сотворенное Тобою по образу Твоему, преобразить в его первоначальной красоте; Ты, Кто пришел в сей мир спасти грешников, и, смиренно претерпев жестокие муки на Кресте, изволил пролить Свою драгоценную Кровь ради спасения всех нас". Пока с сокрушением сердечным и в смирении духа изливал я молитвы такими и сходными с этим словами, вот, смотрю, что те, кого я прежде видел рыбами, погруженными в илистую грязь и в озеро скорби, внезапно сделались людьми и восстали от смерти; и великое множество людей поднялось с корабля и поспешно направилось к земле, и многих я узнавал. Среди них один, снова упав, во второй раз обратился в угря; **разумеется, это был тот Этельстан, который некогда вместе со мной был рукоположен во пресвитера; затем я не мог его никоим образом воскресить и сделать так, чтобы он стал человеком. А остальные единодушно вознесли голос свой к небу, рукоплеща и воздавая благодарение Всемогущему Богу, ибо по Его несказанному милосердию и при моем смиренном участии удостоились они быть призванными от смерти к жизни и быть восстановленными в человеческом разуме, который потеряли. Я же, радуясь в Господе и ликуя вместе с ними, просыпаюсь и потому передаю вам это видение, дети мои, чтобы и вы были постоянны, имея святое намерение в делании добра; так чрез благодать Божию вы можете быть причислены к числу тех, кто поручен мне, хотя и недостойному, для их спасения из полной нечистот бездны века сего в вечном блаженстве, которое не имеет конца». Эти сны, что мы упомянули, были явлены давно, но не прекращают исполняться с тех пор и до сего дня. Пока все, кто пылает Божественной любовью, спешат оставить мир и вести монашескую жизнь, пока все простецы стараются уклоняться от зла и творить добро, смиренно склоняясь пред Царем царей Христом, пусть все вместе, и монахи, и миряне, идя по стопам святого отца Этельвольда, удостоятся достигнуть вечной радости Небесного Царства.**

Глава 40

В год от Воплощения Господня 980 была обновлена и построена Церковь Старого Монастыря, и девять предстоятелей³⁷ освятили ее торжественно и с великой славой; из каковых первое место занимали лучшие и выдающиеся: архиепископ Дунстан и сам святой епископ Этельвольд. Случилось это в тринадцатый день ноябрьских календ³⁸ в присутствии короля Этельреда³⁹ и при собрании почти всех военачальников, настоятелей, танов и наиболее знатных мужей всего народа англов⁴⁰, которые в течение двух дней торжественно со всей радостью праздновали это освящение, о чем и мы, радуясь в Господе, воспели сию песнь:

Пастырь благой Этельвольд, преисполненный Духа Святого,
Радостный, много свершил, Богу угодных трудов.
Древнего храма сего он с усердием залы отстроил,

Стены поднял в высоту, кровлею новой покрыл.
С юга и севера он укрепил обветшавшее зданье
Портиков крепких грядой, каменных сводов щитом.
Множество малых церквей он прибавил и справа, и слева⁴¹,
Входы в них есть, что таят хитрый для взоров обман.
Чтоб посетитель не знал, проходя под высокие своды,
Где начинал он свой путь иль куда после пойдет.
Ибо он в каждой стене созерцает открытые двери,
Но не ведет никуда верная с виду тропа⁴².
Вставши, туда и сюда он поводит блуждающим взором,
Греческим кровлям дивясь, кои мог сделать Дедал⁴³.
Ждет он, покуда его не найдет провожатый надежный,
Чтобы притвора он мог верной достигнуть стопой.
Там, потрясенный, себя осеняет знаменiem крестным,
Сердцем не в силах понять, как очутился вовне.
Ярко строенье блестит, многоцветьем узоров играет⁴⁴.
Церкви старинной собор верной опорой стал.
Благочестивый отец, пламенеющий Вышней любовью,
Имя прославить хотел Бога, Владыки Громов,
Старую кладку скрепил, по обету исправивши кровлю,
Пышно украсил собор, труд освященья подъял.
Мудрый король Этельред, что и ныне страной управляет,
Делу святому сему верным свидетелем был.
Чтобы собор освятить, предстоятели — трижды по трое —
Древний свершают обряд по завещанью отцов.
Дунстан служенье ведет, и деяньем и обликом зрелый.
Волосы белы, как снег, с ангелом сходен лицом,
Подле, ликуя, стоит светоносная англов дружина,
И господин Этельвольд, пастырям добрый пример,
После и прочие семь, имена их мы здесь перечислим,
Звонкую песню сложив дактиля легкой стопой.
Эльфстан там был, Эдельгар, снова Эльфстан, блаженнейший Эсвиг,
Эльфег, честной Эдельсин, Богу любезный Атульф.
Вот уж и службе конец, прибывает десятый епископ,
Пока, трудов не неся, чашу заздравную пьет.
Множество знатных мужей и вождей, закаленных в сраженьях,
Таны в кольчугах золотых, англов надежный оплот,
Вместе они собрались на совет в королевском именье,
Что прозывает народ виллою Андеверан.
Сих достославных мужей пригласил упомянутый пастырь,
В этом ему преуспеть Божья дала благодать.
Праздновал пышно народ величайшее празднество храма,
Господа он воспевал сердцем, точащим хвалу.

Деталь каменного резного убранства из собора Старого Монастыря в Винчестере.
Tweeddle D., Biddle M., Kjolbye-Biddle B. Corpus of Anglo Saxon Stone Sculpture.
V.IV. South-East England. Oxford, 1995.III.508

Что же добавить еще? Этельвольд, досточтимый епископ,
Распорядился для всех выдать на память дары.
С пищей духовной гостям предлагалась телесная пища.
И подавали еду всем в изобилии на стол,
Не было ни одного с горькой скорбью, с печалью на сердце,
Каждый на этом пиру весел и радостен был.
Голод бежал, побежден дружным строем отменных закусок,
Досыта гости могли есть за обширным столом.
От погребов до стола виночерпии путь проторили,
Чтобы пирующим вновь средство от жажды подать,
Сладким вином до краев наливали бесценные чаши,
И за напитком одним следовал тотчас другой.
Так пролетели два дня в пеньи гимнов и общем веселье,

Ставши единой семьей, Господа славили все.
Вот и затихли уже песнопений последние звуки,
Но не устали еще Господа славить уста.
Каждый, кто был приглашен, воротился в родные пределы,
Радостно чистой душой Богу поющий хвалу.
Думаю я, никогда не видала родная отчизна
Пиры веселого столь, пышного столь торжества,
Чем освященья обряд, совершенный во граде Вентанском,
В храме святого Петра Старого Монастыря.
Пусть Всемогущий Господь бережет монастырь постоянно,
Как постоянны отцы в гостеприимстве своем.
Пусть, удаляясь сюда, обретет со смирением всякий
Тихий приют после бурь и отпушенья грехов.

Мы посчитали удобным привести здесь эту песнь, воспетую об обновлении и освящении Старой Церкви. Затем Вышнее Милосердие сообщило святому предстоятелю столь великую благодать, что занимавшие по сравнению с ним более высокое положение властители, вожди, главы вооруженных отрядов и судьи, и все, кто, казалось, ему до сих пор были враждебны и сопротивлялись ему на пути Божиим, внезапно, словно бы стали из волков овцами, и почтили его с удивительной любовью; и, склонив головы к его коленям и смиренно целуя десницу его, во всем предали себя молитве мужа Божия.

Глава 41

В то время, когда святой предстоятель Этельвольд был готов уйти из этой смертной жизни и принять от Бога награду за свои труды, он приехал в поместье, которое обычно называют Беаддингтон⁴⁵, отстоящее от града Вентанского на 60 миль. Пока он там пребывал, охватила его внезапно страшная слабость; и после помазания освященным елеем, он укрепил свой уход принятием Господня Тела и Крови. Итак, прощаясь и давая сынам своим лобзание мира, среди слов молитвы он предал дух небесам в день августовских Календ в год от Воплощения Господня 984, а епископского служения своего 22-ой, когда бразды правления держал Этельред, король англов. Многие из тех, кто при том присутствовал, свидетельствовали нам, что тело святого мужа внезапно изменилось и обновилось: оно стало цвета молочной белизны и украсилось розовым румянцем; так что казалось даже, что взорам представляется лицо семилетнего отрока, в котором знамением измененной плоти открылась уже слава воскресения. Невозможно сказать уже, сколь великое множество людей сошло на его похороны. Богатые и бедные без различий стекались отовсюду и спешили из соседних городов и крепостей в одно место, чтобы сказать последнее “прости” своему пастырю. Все со скорбью и душевной горечью следовали за погребальными носилками, покрытыми паллиями и украшенными невероятно дорого и пышно Священными Евангелиями и крестами; со всех сторон горели светильники и звучали согласные напевы

псалмов и небесных гимнов. На следующий день, когда процессия входила в Вентанию, навстречу телу святого мужа единодушно выбежал весь город. Здесь ты увидел бы толпы стенающих монахов, там – толпы бледных от горя дев, здесь услышал бы на хорах голоса клириков, поющих псалмы, там вздохи плачущих бедняков, вопль и рыдание нуждающихся, которые, не вынеся того, что они лишились своего пастыря, обращали к небу бесконечные восклицания со слезами. И вот, совершив церковное отпевание, мужа Божия внесли в Церковь блаженных апостолов Петра и Павла, к его епископской кафедре и, когда были торжественно отслужены вечерня и мисса, его погребли в крипте с южной стороны от святого алтаря; ибо, как он сам нам рассказывал, ему некогда свыше было открыто, что именно там он должен покоиться.

Глава 42

В двенадцатый год после кончины славного предстоятеля **Этельвольда**, угодно было Вышнему Промыслу, чтобы слава его была открыта чрез небесные знамения и его мощи были бы подняты из гробового укрытия, чтобы свеча, что до времени скрыта была под сосудом, была бы поставлена на подсвечник и светила всем, кто есть в доме⁴⁶.

Ибо есть небольшой торговый город, который обычно называют **Веалингафорд**⁴⁷; и там проживал один деятельный муж; имя ему было **Элехельм**. Потеряв зрение по какому-то случаю, он много лет стойко переносил свою слепоту. Святой предстоятель **Этельвольд** предстал ему под утро во сне и увещал его, чтобы тот, проснувшись, сразу же шел в **Винтонию**, чтобы около места захоронения его возвратить себе зрение, говоря так: “Потому я посещаю тебя, болящего, во сне и возвещаю тебе, куда следует пойти, чтобы твое выздоровление знаменовало, что подобает мне быть поднятым из могилы, в которой лежу”. **Элехельм**, услышав это и узнав голос беседующего с ним, принес благодарение святому отцу, за то, что тот изволил его посетить; и так как совершенно не знал, где тот похоронен, стал расспрашивать его, как разузнать о его гробнице и как дойти до нее; муж Божий тотчас же сообщил ему имя своего воспитанника и монаха, которого до тех пор **Элехельм** не знал, и сказал ему: “Когда ты не медля придешь в **Вентанию** и войдешь в Церковь Старого Монастыря, попроси, чтобы позвали монаха по имени **Вульфстан**, по прозванию **Певец**⁴⁸. Как только он услышит из уст твоих слова моего поручения, немедленно, без сомнения, проводит тебя к моей могиле, где ты и вернешь свет своим глазам”. Что более? Имея веру к словам и обещаниям святого предстоятеля, этот муж поспешно отправился в **Вентанию**, вошел в церковь, призвал вышеупомянутого брата; и, когда тот подошел, попросил его исполнить поручение блаженного отца и рассказал ему и всем присутствующим свое видение. В это время шла вечерняя служба, на которой по всему миру торжественно и достойно празднуется Рождество Святейшей Богородицы и Приснодевы **Марии**. А этот брат, удивляясь, находился между надеждой и страхом, но, смиренно подчиняясь велениям святого предстоя-

теля, послушно отвел слепца в пещеру, где был саркофаг. Тот в продолжение всей ночи пребывал там в молитве и, когда наступило утро, больше уже не нуждаясь в поводе, с радостью возвратился к себе домой — зрячий, сердцем и душой благословляя Бога.

Глава 43

Это откровение стало широко известно и истинность его подтвердилась вот таким очевидным чудом. После раб Христов являлся вышеупомянутому брату Вульфстану и весьма многим другим в ночном видении и открыл им чрез различные знамения, что Высшей воле угодно, чтобы он был перенесен из гробницы и с подобающими почестями помещен в Церкви. Досточтимый предстоятель Эльфег, преемник его, муж проникательный, поразмыслив о том, с радостным сердцем воздал смиреннейшие хвалы Всемогущему Христу за то, что Он соизволил во время его служения прославить небесными знамениями Своего святого. Без промедления созвав братию клира и множество простого народа, предстоятель Эльфег торжественно перенес мощи святого предстоятеля Этельвольда в четвертый день сентябрьских Ид и поместил их на хорах церкви. Там они находятся до сего дня, окруженные великим почитанием; и еще совершались там небесные чудеса, чему мы были свидетелями; из них в подтверждение мы кратко упомянем лишь о двух.

Глава 44

Жила в то время в городе Вентанском некая маленькая девочка, дочь одного из местных жителей Эдельварда, которая весьма сильно и мучительно болела и была близка к смерти. Мать привела ее к гробнице мужа Божия, где девочка ненадолго заснула. Проснувшись, сразу встала здоровой, и, радуясь, с матерью своей вернулась домой.

Глава 45

Еще один маленький мальчик, сын некого Эльффина, человека кроткого и разумного мужа, во младенчестве лишился зрения. Мать на руках принесла его к могиле отца Этельвольда. Удивительно сказать, но тотчас же мрак слепоты отступил, и глазам мальчика вновь открылось сияние света; и весь народ радовался вместе с ним, вознося благодарение, выражая во всей полноте веры преданность Христу, Который может все.

Глава 46

Не должно умолчать и о том, как вышеназванный преемник святого мужа, предстоятель Эльфег, велел одного вора, битого кнутом за многократную провинность, заключить в колодки, чтобы наказать его более сурово. И когда осужденный долго так лежал и мучился, однажды ночью явился к нему святой Божий предстоятель Эдельвольд и сказал: “Несчастный, почему столько времени ты лежишь так, растянутый на бревне?” И он, узнав святого мужа, которого часто видел при его земной жизни, ответил: “По заслугам, господин мой, терплю я наказание, и по праведному суду епископа так терзаюсь,

ибо меня часто ловили на воровстве, и я его не оставлял, но дурной поступок свой повторял снова и снова". Тогда святой говорит: "Оставь хотя бы отныне, несчастный, воровство, оставь и будешь свободен от ножных оков". Тотчас же несчастный встал, освобожденный, и, выйдя оттуда, пошел сразу к епископу Эльфегу, бросился к ногам его и рассказал ему по порядку все, что с ним произошло, и тот ради почтения к преславному отцу позволил монаху беспрепятственно удалиться. Известно, что сей святой соединился с вечной жизнью благодаря силе своих заслуг, и он в силах освободить нас от уз наших грехов, и привести к Небесному Царству, ибо ему, еще во плоти живущему, была свыше дарована власть вязать и решать, с помощью Господа нашего Иисуса Христа, Который с Богом, совечным Отцом, и Святым Духом живет и царствует – Бог в бесконечные веки веков. Аминь.

¹ Св. Этельвольд (ок. 912–984).

² 1 августа. Память св. Этельвольда также праздновалась 2 августа в Абингдоне, 8 октября в Эли, 23 октября в Торни. Праздник перенесения мощей св. Этельвольда – 10 сентября.

³ *Вентана* – ныне Винчестер.

⁴ *Эдвард Старший* – сын Альфреда Великого, король англосаксов с 899 по 924 г.

⁵ Так в Лк 1, 6 сказано о Захарии и Елисавете, родителях Иоанна Крестителя.

⁶ В подлиннике игра слов, отражающая народную этимологию: *aquila* "орел" и *acumen oculorum* "острота зрения".

⁷ Контаминация выражений из разных мест Притч Соломоновых: 21, 20 и 10, 23.

⁸ Имеется в виду пророк Аввакум, которому ангел повелел отнестись обед пророку Даниилу, посаженному в ров со львами в Вавилон – см. Дан 14: 33–42.

⁹ *Ательстан* – король англосаксов (924/5–927 гг.), король всей Англии (927–939).

¹⁰ Эльфег занимал Винчестерскую кафедру с 934 по 951 г.

¹¹ Св. *Дунстан* – один из трех "столпов" Бенедиктинского возрождения в Англии, епископ Вустерский (957–959), Лондонский (959–960), затем архиепископ Кентерберийский (960–988). См. "Житие св. Дунстана" в наст. изд.

¹² Ныне Вустер.

¹³ Ныне Кентербери.

¹⁴ Монастырь Гластонбэри, по легенде, основанный еще кельтскими христианами. Согласно данным археологических раскопок, англосаксонский монастырь существовал на этом месте с VIII в. В Гластонбэри Дунстан получил образование и между 940 и 946 гг. был назначен настоятелем этого монастыря.

¹⁵ Правил с октября 939 г. по 26 мая 946 г.

¹⁶ Правил с мая 946 г. по 23 ноября 955 г.

¹⁷ Ныне Абингдон, заново открытый в 954 г. Этельвольдом.

¹⁸ В англосаксонских грамотах упоминаются в качестве мер площади мансы и кассаты. В англосаксонском языке им соответствовал хайд, т.е. количество земли, которое можно было вспахать за день при помощи пары быков. Один хайд равнялся 120 акрам; существовало еще понятие "малого хайда", равного 60 акрам. Один акр равняется примерно 4046 м².

¹⁹ *Кассат* – количество земли, которое одна семья может обработать за день.

²⁰ Жители области Англии, расположенной к северу от р. Хамбер.

²¹ Эадред умер 23 ноября 955 г.

²² Король всей Англии с октября 959 г. по 8 июля 975 г. Еадгар вззошел на престол после Эадвига (955–959), но, поскольку Эадвиг был в сложных отношениях с Церковью и даже отправлял Дунстана в ссылку, Вульфстан не упоминает его имя.

- ²³ Монастырь Флери в Северной Франции.
- ²⁴ Ныне Вилтон.
- ²⁵ Ныне Дувр. Имеется в виду архиепископская кафедра в Кентербери.
- ²⁶ См. Псалтирь учебная. М.: “Правило веры”, 2000. С. 9.
- ²⁷ Ныне известной как Олд Минстер в Винчестере.
- ²⁸ См. примеч. 19.
- ²⁹ Ныне город Эли.
- ³⁰ Область вокруг городов Эли и Петерборо.
- ³¹ Ныне Петерборо.
- ³² *Св. Освальд* (ум. в 992) – епископ Вустерский с 961 г., архиепископ Йоркский с 972 г., один из трех “столпов” Бенедиктинского возрождения в Англии вместе с Дунстаном и Этельвольдом. Получил образование в одном из центров Бенедиктинской реформы – во Флери. Основатель монастыря Рэмси в Кенте, куда, возможно, по его предложению, был приглашен в качестве преподавателя Аббон Флерийский (см. наст. изд.).
- ³³ Ныне Торни.
- ³⁴ *Св. Свитун, или Свитин* (ум. в 862) – епископ Винчестерский, монах Старого Монастыря в Винчестере, духовник короля Эгберта (802–839) Вессекского и воспитатель его сына, будущего короля Этельвульфа, взшедшего на престол в 839 г. По желанию Этельвульфа Свитин был в 852 г. избран епископом Винчестерским. Во время епископства Свитина Вессекс стал самым значительным англосаксонским королевством. Св. Свитин почитался как покровитель Вессекского королевского дома.
- ³⁵ *Св. мученик Лаврентий* (ум. в 258) был известен своим попечением о бедняках и раздачей милостыни.
- ³⁶ Перефразированная цитата из Пс 112, 9.
- ³⁷ Кроме Дунстана и Этельвольда, на освящении Собора Старого Монастыря присутствовали епископы, активно участвовавшие в проведении Бенедиктинской реформы. Эльфстан Рочестерский (946/964–995), Эльфстан Рэмсберийский (970–981), Эсвиг Дорчестерский (975/979–1002), Эльфег Личфилдский (973/975–1002/1004), Этельсиг Шерборнский (978–990/992), Атульф Херефордский (951/955–1012) были монахами Старого Монастыря и, соответственно, непосредственными учениками и единомышленниками Этельвольда, а Этельгар Сэльсийский (2.05.980–09.988; переведен в Кентербери) принадлежал к братии Гластонбэри и Абингдона, монастырей, которые находились под руководством Этельвольда, были восстановлены и реформированы им.
- ³⁸ 20 октября.
- ³⁹ *Этельред* – король всей Англии (978–1016).
- ⁴⁰ Участники витана, королевского совета, состоявшегося в местечке Андеверан (теперь Андовер).
- ⁴¹ Благодаря раскопкам, был реконструирован внешний вид собора, отстроенного св. Этельвольдом. Стены раннего собора (VII в.), ставшего нефом собора св. Этельвольда, были надстроены. Удалось также восстановить план собора. По результатам раскопок, по южной и северной стенам собора было пристроено несколько четырехугольных часовен. Возможно, все они были соединены между собой и представляли для англосаксов род лабиринта.
- ⁴² Во время раскопок Старого Монастыря было найдено множество как скульптурных фрагментов, так и камней с остатками росписей. Англосаксы владели техникой живописи как по негрунтованной поверхности, так и по беленому камню. Фрески подобного рода Этельвольд и прочие англосаксы, посещавшие Италию, могли видеть и в частных домах Рима, и в церквях, так как традиция “иллюзорной живописи” в интерьере там не прерывается со времен античности до наших дней. Однако и за пределами Италии этот прием использовался в росписи храмов, например, во фресках собора св. Георгия в Рейхенау.
- ⁴³ Речь идет о расписных деревянных кессонных потолках, сохранившихся во многих Каролинских и Оттоновских базиликах, например, в соборах св. Георгия в Рейхенау, св. Кириака в Гернроде, св. Михаила в Хильдесхайме .

- ⁴⁴ Такого эффекта помогли достичь узорные поливные керамические плитки, найденные во множестве при раскопках. Они символизировали драгоценные металлы и камни.
- ⁴⁵ Ныне Беддингтон в графстве Суррей; поместье, пожалованное королем Эдгаром Этельвольду и Старому Монастырю.
- ⁴⁶ Аллюзия на евангельскую притчу о свече: Мф 5, 15; Мк 4, 21; Лк 11,33.
- ⁴⁷ Ныне Воллингфорд.
- ⁴⁸ То есть автора «Жития».

«Житие св. Дунстана»

Среди сочинений англо-латинской литературы X в. важное место занимают жития деятелей Англской Церкви, почитание которых началось практически сразу после их кончины. К таким святым принадлежит и Дунстан, один из «свильников Церкви», крупнейший деятель Бенедиктинского возрождения X в. в Англии. В начале X в. как состояние англской культуры, так и монастыри и монашеская жизнь все еще находились в упадке, несмотря на то, что король Альфред Великий, объединив страну под своей властью и прекратив набеги викингов, предпринял попытку исправить положение. Мирные времена способствовали развитию отношений между Англией и остальной Европой, где в это время началась и усиливалась бенедиктинская реформа, начатая Одоном Клунийским. Одним из центров этой реформы был монастырь Флери, имевший тесные связи с Англской Церковью. Ода, архиепископ Кентерберийский, принял монашество во Флери, его племянник Освальд, Этельвольд и Дунстан были его единомышленниками и ближайшими сподвижниками. После смерти Оды в 958 г. архиепископом Кентерберийским стал Дунстан, положивший немало сил на реформу церковной и монашеской жизни в Англии.

«Житие св. Дунстана» было составлено неизвестным агиографом, поставившим только начальную букву своего имени: «Б», поэтому долгое время авторство приписывалось Бритферту (ок. 970–1020), монаху монастыря Рэмси, математику, историку и агиографу, который учился в монастырской школе Рэмси, когда там преподавал сам Аббон Флерийский (985–987 гг.).

Перевод сделан по изд.: PL 139, 1423–1456; Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury / Ed. by W. Stubbs. L., 1874. P. 258–259.

«Житие св. Дунстана»

Житие святого Дунстана, составленное пресвитером Б[ридфертом], его современником и свидетелем его жизни.

Пролог

Премудрому господину архонту Альфрику¹ последний из всех священников Б[ридферт], ничтожный уроженец народа саксов, (желает) высоких радостей неба.

О благороднейший пастырь, я решаюсь просить тебя, – ибо ты широко известен своими обширными знаниями и имеешь преимущество по своему миролюбию и высокому достоинству, – стать мне твердой защитой перед всеми прочими, даже если они, в чем нет сомнения, люди ученые. Я попытался, описывая все достоверно и подобающим этой цели хорошим слогом, сохранить достойную память о заслугах достойного служителя Церкви, а именно: благого Дунстана. Но я мог опозорить как начатое восхваление его славной жизни, так и завершение всего этого скромного труда своим низким, как ты видишь, слогом, полным ошибок. Вот по какой причине я первым, опередив остальных, открыто признаюсь перед твоей светлостью в таком стыдном деле, и, по обычаю птиц, которые, прежде чем издать крик отлета, как мы знаем, бьют себя, хлопая крыльями, я сокрушаю себя бичами собственных слов и, припадая к твоим ногам, облегчаю тем самым свою совесть. Покуда прошу, как только ты, заметишь в этом экземпляре хоть какую-нибудь погрешность в правописании, случившуюся по вине составителя, то перво-пасторской властью своею вели соскоблить и пером, напитанным чернилами, исправить к лучшему, убрав ошибку. И также любого из людей тонкого вкуса, будь то мужчина или женщина, монах, или монахиня, которые пройдутся по этой, только что скудно засеянной, ниве нашей книги стопами своей учености, нижайше прошу поступить таким же образом, но не равнодушно, а, лучше всего, – с твоего одобрения. Однако делать это с осторожностью, чтобы не подавить, неосторожно ступив, редкие зеленеющие ростки; или даже не вырвать с корнем, хотя и потоптанные, но уже зреющие всходы, которые могли бы принести плоды, – ведь так бывает, когда на грядках выпалывают острой тяпкой добрые растения вместе с дурными. Но пусть они повыдергивают с корнем, не сильно при том утруждаясь, проклятые плевелы этого поля, по небрежности рассеянные повсюду.

Если я увижу, что к такой моей просьбе отнеслись сочувственно и благо-склонно, то воздам благодарение за столь милостивую услугу. Если же мне в том откажут, – будь то по неприязни или зависти, – и с презрением мои просьбы отвергнут, то, даже не знаю, не лучше ли будет мне своим собственным серпом, пусть он мал, зазубрен и истончен, начать обрабатывать свою жатву в поте лица и, насколько хватит сил, самому исправить свои огрехи. Но если чей-либо перст укажет, какие он увидел постыдные ошибки и места, где на этом поле поднялись вредоносные ростки, то откликнусь охотно и сам их истреблю. Ведь конечно же, кто не знает моего замысла, не сможет внести исправления так, как я хочу, но побудит меня тем самым захотеть сделать то, что я могу.

Как бы то ни было, я все-таки приступаю ныне к дорогим воспоминаниям о вышепомянутом богослове (я стремился их, – то, что смог раскопать, – представить, по возможности, в виде изящного надгробного слова, или хотя бы сжато изложить самое главное, усыпав капители² и всю ткань столь пространныго повествования, словно камнями драгоценными, золотыми фигу-

рами и двувидными украшениями из электра³); приступаю с легкомыслием сатуры и скользящей стопой, пошатываясь, как человек, совсем потерявший разум. Однако, право, лучше описать красоту столь великой жизни оставляю более способным к тому сочинителям (да не навлеку я на себя гнев блаженного предстоятеля); ибо, говоря с полной откровенностью, по положению своему я никого не превосхожу в этом мире, а всех прочих свободных людей, поскольку не наставлен я в Божественном учении, даже ничтожнее. Разве известен тебе еще кто-нибудь из людей образованных, имеющих знание свободных искусств, кто пользовался бы для написания пролога столь безобразным стилем, каким, как видишь, я злоупотребляю? Однако на последующих страницах, составленных кое-как по малости моих дарований, я искуплю свою вину, находя опору в надежнейших свидетельствах верных. И даже если что-то здесь из описанного мною вызовет твое недоверие (по моей собственной оплошности), то уж конечно не то, что стало мне известно от самого Дунстана – что я или видел, или слышал, хотя сам я и не острого ума, либо даже узнал от его воспитанников, которых он сам наставлял и возвращал от нежного возраста юности вплоть до совершенных мужей и вскармливал, подобающе проводя их по пастбищам знания. Прошу, прими, руководствуясь только лишь долгом любви, тонкую стопку этих скромных записок, наконец-то получившую эбеновый титул и густо исписанную черными чернилами⁴; и чтобы защититься неодолимым щитом от недоброжелательной зависти, отдал их я не на суд болтунов, а поднес именно твоему величию. Настоятельно прошу тебя, оглядеть письмена на этой равнине, принимая во внимание прежде всего покаянное сокрушение просителя, а не на невежество и леность составителя. Увещаю тебя, чтобы ты, не по докучливой обязанности ознакомился с добродетелями столь великого отца, но обогатился его примером, укрепился его образом жизни, был вознагражден его ученостью, нашел оправдание и строгостью его правил, чтобы преемником Кого ты стал на земле, Его исповедником ты удостоился бы стать на небесах в жизни вечной, да дарует тебе это Господь наш Иисус Христос, Который с Совецным Отцом и Святым Духом живет и царствует, Бог во все веки веков. Аминь.

Глава 1. Рождение, воспитание, ученые занятия, пребывание при королевском дворе и изгнание оттуда

2. После круговращений многих веков, когда не знали христианского исповедания веры истинной и когда народ англов предавался языческим обрядам древнего заблуждения более, чем Творцу всяческих Христу, Милосердный Господь позаботился о целительном средстве вечного спасения от той слепоты. Дабы Его творение, попав в силки диавольские, не погибло осужденное в вечности, Он направил, сострадав, досточтимого отца Августина⁵, избранного блаженным папой Григорием⁶, в эти края, в наше отечество; и тот, благодаря дарованию пронизательного ума, впоследствии присоединил обращенный народ верных как наследника к блаженному сообществу ангелов.

Тотчас же, как только муж Божий среди терний невежественного народа взрыхлил почву и провел борозду преславного учения, и вонзил лемех Божия посещения, и всеял пшеничное зерно Святой Троицы, он вырвал из него с корнем ядовитое семя чахлого плевела, чтобы не позволять более его росткам всходить на каменистом поле, поросшем терниями, и показать, что должно принести достойные плоды покаяния Богу свидетельством, а равно и примером. Так, весь народ Альбиона, презревший эту веру ранее, ныне уверовал в Господа и соединился чрез познание истинной веры с Богом своим. А Господь, без воли Которого не падают и малые птицы⁷, проявил особое попечение и заботу ради устройства Своего творения тем, что для чад, с той поры грядущих к Нему, Он избирал наставников, королей, понтификов, пастырей, деканов, наместников и прочих управителей Своей Церкви, чтобы они в отмеренное каждому время управляли в мире и правосудно новорожденным стадом Божиим⁸.

3. К этим замечательным мужам, имевшим королевское достоинство, в последствии причислен был и славный король Ательстан⁹, которому предшествовали в правлении многие христианнейшие и исповедующие истинную веру короли, чьи имена невозможно перечислить. Во времена его правления в западносаксонских пределах родился смысленный мальчик; отца его звали Хеорстан, а мать Кюнедрида. Благочестивые родители назвали его, рожденного новым рождением в водах Святого Крещения, Дунстаном. Так мальчик вырос и сделался любезен и Богу, и людям. На границе владений этого упомянутого мужа был некий великолепный остров, который соседние жители называли древним именем Гластония; местность эта размерена широкими заливами, окружена богатыми рыбой потоками и медленно текущими реками и пригодна для весьма многих нужд людских, а к тому же (что самое важное) одарена святыми дарами Божиими. В этих местах самые первые из новообращенных, принявших католический закон, по Божьему указанию обнаружили древнюю церковь, построенную без применения человеческого искусства, и, более того, уготованную свыше для спасения людей; впоследствии Сам Создатель небес многими чудесными явлениями и многократным проявлением силы таинств показал, что церковь эта будет посвящена Ему и Пресвятой Родительнице Его Марии. К ней пристроили еще они молельню из камня, посвятив ее Христу и Его апостолу блаженному Петру. Впредь толпы верных, стекаясь отовсюду, почитали Гластонию¹⁰ и часто со смирением посещали дорогое для всех место на названном острове. Случилось как-то раз вышеназванному мужу Хеорстану прожгать через Гластонию, а с ним был блаженный отрок Дунстан, и они заночевали там, чтобы помолиться. И вот, мальчика осенила мирная тишина сладчайшего сна, и, придя в умственный восторг, он увидел некого старца, одетого в белые, как снег, одежды, который вел его чрез красивые залы святого храма и показывал монастырские строения, которые и были выстроены, но уже позже, благодаря его пастырской заботе; и старец показывал их Дунстану, расположенными именно в

том порядке, в котором, как передают монастырские установления, они были после построены.

4. Благочестивые родители отрока предоставили Дунстану святое время досуга для изучения различных наук; и Господь тотчас же удостоил его такой обильной в том благодати, что он превзошел всех своих ровесников и прошел весь курс обучения легко и быстро:

Что за знаменье Господь показал еще в годы ученья
Мальчику, вам рассказать, по возможности, я попытаюсь.
Ибо случилось ему захворать лихорадкой жестокой,
Так что тяжелый недуг иступленьем ума завершился.
Дунстан, не помня себя, как безумный, метался и бредил,
И непослушный язык лепетал, запинаясь, бессвязно.
Вверили некой жене изнуренного тяжелой болезнью,
Знающей действие трав и корней на всякие хвори,
Чтобы, его исцелив, упасла от безвременной смерти.
Дунстана так угнетал сей недуг, приносящий погибель,
Что, истомившись вконец, чуть дыша, он простерся на ложе.
Смертная бледность уже разлилась по немеющим членам.
Долго он так изнывал от таинственной этой напасти.
Вдруг, изменившись в лице, он на ноги быстро поднялся.
Палку случайно нашел суковатую он возле ложа,
Ею он принялся бить от себя в обе стороны воздух,
Будто от бешеных псов неустанно себя защищая.
Как говорят, в эту ночь до стены монастырского храма
Дунстан добрал в забытьи и решительно ввысь устремился,
Шел он по лестнице вверх, по которой обычно взбираясь,
Каменных дел мастера с превеликой опаской и страхом
Этого храма – увы, боязливые! – кровли чинили.
Словно исполненный сил, по коньку черепитчатой крыши
То принимался ходить, то стоял там весьма безрассудно.
Бог Милосердный не дал неповинному чаду погибнуть
И от падения спас, опустив его тотчас на землю.
Цел, невредим и здоров, в безопасности он оказался,
Вмиг отнесен с высоты и поставлен под сводами церкви.
Каждую ночь этот храм охраняли два стража бессонных,
Не ожидали они, что меж ними появится третий.
Дунстан не мог объяснить, как попал он в святые чертоги.
Пусть кто-нибудь из людей догадается, как приключилось,
Чтоб при закрытых дверях посетитель был в церкви замечен,
Если железный засов оставался на месте недвижно.
Ныне, читатель, прошу, не тая размышлений, промолви,
Что ты подумал, скажи, о таком необычном дитяти.
Не усомнился ли ты, что на кровлю высокого храма

Он поднялся, а потом, от падения Богом спасенный,
В храм незаметно прошел, затворенные двери минуя,
Чтобы из пасти врага обреченных на гибель исторгнуть,
К небу им путь указать, наставляя их словом и делом.
Пусть же гордыня падет, пусть смиренность стяжает награду.

Так Дунстан чем выше с годами вырастал, тем более ума приобретал, чем более с течением лет созревал, тем сильнее любовью к Богу пылал, чем чаще Богу хвалы воспевал, тем упорнее духом в вере стоял.

5. Видя такие необыкновенные способности у своего сына, родители сочли его достойным принять обязанности церковного служения и присоединили его к прославленной киновии Гластониенской Церкви, чтобы он там с тем же усердием день и ночь служил беспрестанно Богу и Богородице Марии. И уже после того, как Дунстан, связав себя Божественными обетами, то есть монашескими, и преодолев свою юность, попрали цветущие годы своего отрочества; и праведником в дому Бога своего процвел сиянием добродетелей, подобно кедру Ливанскому; и как древо в садах Божественных чертогов, каждый день тянул все выше к звездам разрастающиеся крепкие ветви. Тем временем во дворце короля узнали о великой стойкости его в вере, ибо далеко и широко разносилась молва о его достохвальных делах. Однако Дунстана не трогала тщета благосклонности мира сего, но, одаренный по природе изобилием добродетелей, он носил в себе ту славу Вечного Царя, которую указала ему могущественная Премудрость в меру его духовных даров, разнообразных ученых занятий, а равно и в соответствии с сиянием златотканых священнических одежд. Ибо он, словно даровитая пчела, так быстро благодаря своей врожденной восприимчивости пролетал луга святых и Божественных сочинений, чтобы укреплять скорее ум, чем тело, чтением Божественных книг, и вместилище своей чистой, хотя и слабой, груди, орошенной дыханием Духа Святого, и благочестивым образом, вкушая нектар, восстанавливать силы души своей. Впоследствии место Гластонское, о котором я сказал, странниками из Ирландских пределов, как и прочими толпами верных, чтилось с особой любовью и, прежде всего, в память блаженного Патрика Младшего¹¹, который там же, как рассказывают, счастливо упокоился в Господе. Дунстан внимательно изучал и их¹² книги, рассуждающие о путях правой веры, а равно и других мудрых мужей, которые, как он ясно видел внутренним зрением сердца, укреплены были утверждением святых отцов, исследуя их тщательно и подробно. Однако Дунстан так направлял занятия своей жизни, чтобы всякий раз как он изучал книги Священного Писания, с ним вместе беседовал Бог; и сколько бы раз он, освободившись от забот мира сего, ни успокаивался вдохновенной молитвой, казалось, что он говорил напрямую с Богом.

6. Пока он упражнялся в добрых делах такого рода, кое-кто из его собственных собратий и служителей дворца (при том, что многие были с ним в родстве), завидуя его спасительным деяниям, сию лозу и отрасль святого

виноградника, тянущуюся к Небесному Царству, а именно блаженного Дунстана, во Христе силу черпающего, жалами языков змеиных и укусами зубов звериных, словно козлы в колючей щетине, пытались погрызть или обкорнать. Ибо из черной глубины грязных душ своих внушали ему неожиданную пустую страсть, уча его не по спасительным книгам и сочинениям мужей мудрых (то, что полезно в будущем для спасения души), но научали совершенно бессмысленным старинным языческим напевам и пустым волшебным сказаниям. Такой ложной страсти блаженный новобранец воинства Божия всегда противопоставлял Христа, знающего все прежде бытия Его¹³: от лица Которого кроткий пророк и Его вернейший свидетель Давид, предваренный пророчеством Святого Духа, так говорил против виновников Господня Страдания: “Восстали на меня свидетели лживые и дышат злобою” [Пс 26, 12]. И снова: “Желающие мне зла говорят о погибели моей и замышляют всякий день козни” [Пс 37, 13]. И Сам Господь в Евангелии сказал: “Блаженны вы, когда возненавидят вас люди” и т.д. [Лк 6, 22]. И пред слушателями Своими: “Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир” [Ин 15, 19]; и также: “Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах” [Мф 5, 11–12]. Утешенный этим твердейшим ручательством, раб Божий Дунстан сделался как глухой и не заботящийся о глазе поношения, так что едва когда-либо отверзал уста свои для суровой отповеди лаявшим против него псам. Они же, упорствуя в злобных кознях, несправедливо обвинили его в хуле на короля, и добились, что тот, кого, будь они в здравом уме, единодушно возлюбили бы, был изгнан из их общины. Далее нечестивое исступление их лишь усилилось, и злодеи, схватив невинного, словно кроткую овцу, за руки и за ноги и связав, бросили в болотную грязь и, чтобы в безумии ярости своей унижить еще более, попирали его ногами до тех пор, пока, как им хотелось по их злобной воле, не предали его полному позору, оставив в зловонной луже, где валяются свиньи. А когда они удалились, Дунстан, весь в черной тине, словно вымазанный дегтем, насилу выбрался из болотистой реки и решил пойти к одному из друзей, живущему от того места на расстоянии милиария, чтобы там помыться. Ему навстречу выбежали злобные собаки этого друга; и так как они подумали, что Дунстан, обезображенный грязью, какое-то чудище, а не человек, то устремились к нему со свирепым лаем; однако, слыша обращенные к ним ласковые слова, тотчас же признали его голос и потому замолкли. Тогда он, глубоко вздохнув, сам себе говорит: “О лютое безумие моих родичей, из свойственной людям доброты и любви обернувшееся лютостью псов! Ибо псы, неразумные по своей природе, виляя хвостами, показали мне человеческую любовь и доброту; а родные люди, забыв о человеколюбии, явили мне свирепость злобных псов; так нарушившийся естественный порядок жизни и у одних, и у других изменил в них их естество”.

Глава 2. Монашество св. Дунстана. Деяния и благочестивая кончина вдовы Этельфельды. Антифоны, на арфе произведенные

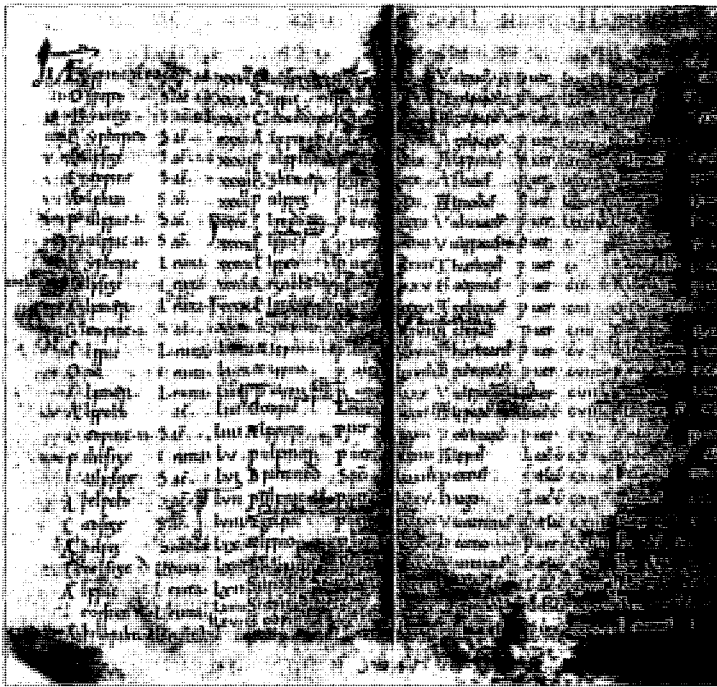
7. Старинный враг рода человеческого увидел, что этот юноша благодаря своим благим намерениям не отступил перед оружием его коварства, которым он начал бой против него, когда подсылал своих лукавых¹⁴ посланцев, завистливых товарищей. Что за сети соблазнов он раскидывал Дунстану, отчасти будет рассказано на следующей странице этой книжки. Прежде всего диавол внушил ему любовь к женщинам, чтобы в женских объятиях юноша наслаждался мирскими утехами. Тем временем родственник его Эльфег, по прозванию Лысый, также истинный епископ, не раз просил Дунстана и духовно увещал его стать монахом. Дунстан отказывался, поскольку по внушению вышеназванного обманщика более желал обручиться с молоденькой девицей, ласками которой он был ежедневно утешен, чем облачиться в монашеское рубище из козней шерсти. Услышав слова отказа, муж Божий тотчас же, сокрушенно вздыхая, стал просить Правящего Небесным Царством подвергнуть Дунстана судам Своих исправлений, чтобы тот всем сердцем воспринял увещания того, кого он прежде презрел; так довольно скоро и произошло, по милосердному содействию Божию, что подтверждается следующим. Ибо настолько невыносимая боль охватила Дунстана от набухающих волдырей, покрывших все его тело, что он решил, что заболел слоновьей болезнью, и почти что потерял надежду остаться в живых. В великом унынии посылает Дунстан спешно за предстоятелем, которого раньше презрел, и смиренно умоляет придти к нему, объявив, что желает подчиниться его спасительным увещаниям; и тот пришел, чтобы навестить его, и утешенного и исцеленного посвятил его Богу как монаха.

8. Так благой и милосердный Господь, призвавший, по преданию, Иоанна, апостола и евангелиста, которого особенно возлюбил, из чертога брачного, удержал, по щедротам Своим, и Дунстана, раба Своего, от любви к женщинам. Благодаря Божию исправлению и спасительному назиданию блаженного предстоятеля Эльфегга он осознал, что есть любовь; и в последствии не раз окормлялся у того епископа, ревностно следуя его советам и по причине спасительного учения и по причине родства.

Тем временем благочестивые жители Винтонского града¹⁵ пригласили того самого епископа Божия на освящение одной новой церкви, которую они построили из почтения к Вышнему Богу на оживленной улице в их городе Винтонии, где он держал бразды предстоятельского правления (говорят, ныне эта церковь находится ближе всех других церквей в западной части города). Среди других весьма многих на освящении ее вместе с предстоятелем присутствовал еще и Дунстан, равный этим замечательным мужам. Когда церковь была освящена, то как принято, досточтимый муж со свитой был зван к трапезе любви, и день прошел в весельи и радости при большом стечении народа как из почтения к столь великому мужу, так и по

поводу освящения Церкви. После того как епископ воздал благодарение и, поскольку уже приближалась ночь, со своими спутниками поднялся, он благословил всех пирующих — и мужчин, и женщин, и поблагодарив Бога, отправился восвояси. На своем пути они проходили мимо церкви, посвященной блаженному папе Григорию; остановившись там, епископ говорит блаженному Дунстану: “Совершим здесь у церкви святого отца нашего Григория положенный час комплетория¹⁶”. После того как они прочитали молитвы, сблизили головы свои, чтобы по заведенному обычаю принести друг другу свою исповедь. По завершении исповеди, когда епископ давал Дунстану отпущение грехов, громадный камень вдруг сорвался с самой высоты и рухнул на землю между обоими мужами, задев, по сбережению Господню, лишь только волосы у обоих и не причинив никому вреда; этот камень, скорее всего, был сброшен тем злобным врагом всякого праведного дела, который разъярившись пустил стрелы нечестия своего, думая отомстить одним ударом сразу двоим.

9. Случилось в эти же времена, что один диакон Гластониенской Церкви, по имени Вульфред, скончался в сей земной жизни; а пока Вульфред был жив, был он преданным, а равно близким и любящим другом блаженному Дунстану. Через недолгое время после кончины он явился Дунстану и радуясь сообщил ему много неведомого о небесных, и сверх того, еще всю последовательность его жизни, и его будущее и предвозвестил о добрых и дурных событиях. Блаженный же муж, услышав истину о тайнах небесных и о неизбежных испытаниях в своей жизни, в восторге духа сказал: “Если то, что ты утверждаешь, истинно и достоверно, то как я это пойму? По каким прямым и непреложным знакам мне станет это ясно?” Тогда Вульфред привел его в придел храма, где под землей покоились тела усопших, указал в южной части пальцем на нетронутое место и сказал: “Ты очевидным образом признаешь истину моих слов, ибо не пройдет и трех дней, как здесь будет погребен один пресвитер, хотя сейчас он еще полон сил; тело же его понесут для погребения из западной части этого храма”. На этих словах блаженный Дунстан пробудился и после первого часа дня, вспомнив удивительное откровение, пришел с кем-то на предуказанное ему в духе место захоронений, и, взяв небольшой камень, бросил на это место и добавил: “Если истинно то, что я видел в сновидении, до исхода трех дней здесь должен быть погребен некий пресвитер”. Затем, когда они удалились, туда пришел наставник и священник некой Этельфледы, благородной и благочестивой женщины, с другими спутниками и, беседуя с ними о разном, определил это же самое место для своего погребения, сказав: “Когда я умру, прошу, похороните меня здесь”. Многие уверяли, тогда он был еще вполне здоров. Но когда оттуда они ушли, довольно скоро, его поразила тяжкая смертельная болезнь, и на следующую ночь он предал последний свой вздох Господу Христу и до истечения трех дней был погребен именно в том месте, которое выбрал и на которое прежде указал блаженный Дунстан.

Начало списка братии. Ок. 1031– ок. 1090 гг.
Stowe MS 944, ff6,21v-22.

Ch. Brooke The Monastic World. N.Y., 1974. P. 88

Так несомненно узнал достославный служитель Господень,
Что все знаменья верны, возвещенные другом усопшим,
Жизни извилистый ход без утайки открыл ему Вульфред.
Помня всегда и везде путеводное это виденье,
Милостью строгость смягчал, сочетал со смирением разум
Дунстан в деяньях своих, став и Богу, и людям любезным.

10. Сейчас же я ненадолго отступлю от начатого повествования, чтобы тем временем немного рассказать о том, что, думаю, не должно пропустить, и буду немногословен. Ибо жила там некая чрезвычайно богатая матрона, имя которой выше мы только что упоминали, происходившая из королевского рода, но крепко преданная Божественному исповеданию. После смерти мужа, желая вести жизнь, насколько будет по ее силам, так, как положено вдовам, она выстроила для себя келью вблизи святого храма с западной его стороны, чтобы и днем и ночью служить там Господу Иисусу Христу, ибо желала удостоиться Небесного Царства. Ей постоянно с преданностью служил блаженный Дунстан, который удивительным образом горячо возлюбил

ее более остальных и старался облегчать ей различные нужды ее, по причине благочестия, а вместе еще и родства. Не в наших возможностях рассказывать во многих словах и подробно, как или сколько она приготавливала себя для Божественного служения. Однако Господь, видящий все тайное, возвестил, какова была ее заслуга пред Ним, как у последней черты ее земной жизни, так и пока она жила в сем мире. Она любила весь королевский род, от которого и сама вела свое знатное происхождение, искренней и горячей любовью и потому ради любви часто из своих средств услужала королям. Следуя этому благочестивому обычаю, она радушно приготовила славному королю Ательстану угощение, какое смогла, ибо узнала, что он прибыл в Гластонию для молитвы. Королевские слуги, зная, что король обещал своей племяннице, что заедет к ней, явились к ней накануне, чтобы посмотреть, все ли готово и годится ли это для приема короля. И, осмотрев все, сказали ей: “У тебя достаточно всего, чем ты могла бы служить королю, только медовухи мало”. И она ответила: “Да не потерпит госпожа моя, Мария, Святая Матерь Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он мне либо королевскому достоинству не даровал в достатке все необходимое”. И сказав это, она немедленно пошла в древнюю церковь Богородицы Марии и там простерлась, чтобы помолиться, и долго молила Вышнего Царя подать ей помощь, чтобы у нее изобильно приумножились запасы для служения королю. Итак, что же? Король, окруженный большой свитой, приехал к заранее определенному времени; и после молитв и служения миссы, радостный, приступил к предложенной трапезе. И конечно же для первой здравицы вычерпали всю медовуху из сосуда, ибо этот сосуд был наполнен на меру всего одной ладони: но после, поскольку Бог приумножал и блаженная жена удостоилась этого, сосуд стоял полон, не убывая, хотя виночерпии, как это в обычае на королевских пирах, весь день подносили заздравные чаши в рогах, изукрашенных резьбой, и столь же вместительных кубках. Когда король услышал об этом удивительном деле из рассказа служителей, он, изменив свое намерение, сказал своим приближенным: “Грех нам было отягощать рабу Божию таким множеством гостей”. Поднявшись, он простился с племянницей и двинулся далее своей дорогой.

11. Когда был пройден путь блаженной брани, и уже приближался конец, эта раба Божия, по закону человеческой природы, тяжело заболела. Блаженный Дунстан, к ней особо расположенный, проявлял о ней заботу и необыкновенно оберегал ее, словно собственную мать. Случилось раз, что в часы вечерней службы его не было рядом по причине неотложных дел и не был он вместе с монахами, поющими по заведенному обычаю псалмы; однако к исходу дня, уже в сумерках он вернулся вместе с учениками, которые его сопровождали, и пошел к упомянутой церкви, чтобы совершить позднюю службу. И когда он встал снаружи, перед дверями церкви, чтобы пропеть псалмы, то увидел издали из восточных областей неба стремительно летящего белоснежного голубя, удивительно прекрасного и необыкновенно сияющего. Концы его крыльев, казалось, вспыхивали, словно искры, и он несся в воздухе,

бия крыльями, в молниевидном полете; голубь быстро подлетел к жилищу блаженной матроны. А блаженный Дунстан, помня о болящей, тотчас же завершив псалмопения, отправился к ней и, придя туда, услышал, что она за плотной занавесой вела серьезные речи, беседа с кем-то, словно с близким другом. Он подошел к верным служанкам, которые оберегали свою госпожу, и с удивлением спросил, с кем она беседует. А они ответили, что не знают, но сказали: “Прежде чем ты пришел, сияние необыкновенного блеска наполнило весь этот покой золотым светом; и после, когда свет тот погас, она (как ты слышишь) не прекращала разговор со своим собеседником”. Тогда и он некоторое время оставался на месте, ожидая, пока она каким-то образом не прервет беседу. И как только она умолкла, тотчас же вошел к ней, отбросив складки завесы, и спросил на правах близкой дружбы, с кем она беседовала. И она ему отвечала: “Ты также видел, Кто посетил меня, прежде чем ты сюда пришел; и ныне ты спрашиваешь, с Кем я беседовала? Ибо со мной беседовал Тот, Кто тебе, когда ты пел псалмы, стоя перед входом в церковь, явился. Он и мне только что по порядку возвестил весь путь моей кончины. Однако вам, моим друзьям, не следует сильно печалиться обо мне, так как, когда я умру, меня встретит милосердие Бога моего и милостиво дарует мне войти в радости рая. На тебя же как на помощника твоей единственной подруги, возложу такой труд, чтобы также ты рано утром велел, чтобы для меня истопили баню и приготовили погребальные одеяния, в которые буду облачена, и, после того как тело мое будет омыто, отслужили миссу, и как только начнется Принятие Святой Крови и Тела Господа нашего Иисуса Христа тотчас же я приняла бы Святое Причастие, чтобы в тот же миг я могла вступить под водительством Господа на путь всея плоти”. Дунстан немедленно исполнил это, во всем повинаясь предписаниям блаженной жены, чтобы ни досадная медлительность, ни небрежение не помешало бы ему исполнить последнее попечение о ней, что он давно уже предвидел. Но и она, что ей было возвещено о ней ночью, днем исполнила в том порядке, как было указано; таким образом, говоря, что после таинства миссы, после спасительного вкушения Евхаристии, она вместе с окончанием церковной службы окончила блаженную жизнь свою в Господе Иисусе Христе.

Жизни предел наступил, и душа к небесам устремилась.
Тело предали земле, погребенье свершив по уставу.
Дунстан именье раздал беднякам, как вдова завещала
Раньше, при жизни своей. Он молился, идя от могилы,
Чтоб Этельфледа могла удостоиться радостей рая.

12. Поскольку Дунстан имел способности ко всему, среди изучения священных Писаний он еще усердно занимался искусством письма, а равно и игрой на кифаре, и также умел рисовать и, так скажу, просиял, как неутомимый исследователь всех полезных вещей. Вот почему некая знатная женщина, нареченная Эдельпримой, однажды позвала его к себе с дружеской просьбой

придумать для нее различные узоры, чтобы украсить столу для праздничных церковных служб, которую впоследствии она могла бы великолепно расшить золотом и драгоценными камнями. Придя к ней, он занялся этим и взял с собой по обычаю свою кифару, которую на языке отцов мы зовем гарпой¹⁷, чтобы временами увеселять ею себя и души окружающих. Однажды после трапезы, когда Дунстан и вышеназванная женщина с работницами возобновили прерванный труд, случилось удивительное происшествие, а именно: та самая кифара блаженного воина Христова, висевшая на стене покоя, сама по себе, без чьего-либо прикосновения, громко заиграла напев ликования, и все это слышали. Ибо она заиграла мелодию антифона и довела, торжественно допев, до конца: “Да возрадуются в вышних души святых, по стопам Христовым следующие и ради любви к Нему свою кровь пролившие! И за то со Христом царствовать будут в вечности”. Услышав такое, они весьма утрашились, и сам Дунстан, и упомянутая женщина, и все ее работницы. Совершенно позабыв про работу в своих руках, они сидели пораженные и переглядывались, весьма удивляясь, что бы могло предзнаменовать дело столь необычное и удивительное.

Глава 3. Деяния во время правления короля Эдмунда¹⁸. Принятие настоятельства в Гластонинской обители; как Дунстан избег демонских козней

13. Затем, когда умер король Ательстан и положение дел в королевстве изменилось, благородный король-преемник, а именно Эдмунд, предписал, чтобы блаженный Дунстан, который вел жизнь, достойную одобрения и отличался просвещенностью и красноречием, предстал его взору и был причислен к королевским знатым мужам и дворцовым советникам. Он благо-разумно не противился этим повелениям, но, помня Господне предписание, поспешил возвратить королю то, что принадлежит королю, а то, что Божие, – Богу¹⁹. Сходным же образом к этому его побудило увещание блаженного апостола Иакова, чтобы подчиняться “всякому человеческому начальству” и более всего тому, под чей властью находишься: “царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро”²⁰. Полагаю также, он вспоминал еще и следующие слова блаженного Павла апостола (ниже восстановленные по памяти), который говорил: “Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение” [Рим 13, 1–2]; и снова: “Отдавайте всякому должное; кому подать, подать, кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь” [Рим 13, 7]; а также этому же самому апостолу в момент призвания его говорил Господь: “Трудно тебе идти против рожна” [Деян 9, 5]. Ибо Блаженный Дунстан в сокровенной глубине сердца своего скрывал эти и сходные с ними заповеди Священных Писаний, чтобы не согрешить пред Господом. Но в тех словах, что были для гортани его “слаще меда и капель

сота” [Пс 18, 11; 119, 103], имел он светильник Истинного Света для стоп своих, которыми он ходил по путям Господним. И после того, как он ощутил, что достаточно твердо усвоил предписания Бога своего и просветился ими, дал себе клятву и впечатал в потаенных глубинах сердечных хранить до конца суды Его праведности, как Господь о том же говорил в другом месте: “Претерпевший же до конца спасется” [Мф 10, 22]; и еще: “Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни” [Откр 2, 10]. Таким образом, хотя в трудах и заботах, он долго жил в королевском дворце вместе со знатными мужами, держа двойные бразды управления, а именно: следуя закону созерцательной, а равно и практической жизни.

Видя такую стойкость в его поведении и делах, некоторые из воинов, пребывавших при короле, возлюбили его сильнейшей любовью, почти что братской. Но немало было и тех, кто, напротив, держа ум свой во мраке, к тому же мужу Божию испытывали безо всякой причины сильнейшую неприязнь и смертельно завидовали его преуспеяниям. Именно эти, без сомнения, злодеи, умножая свои пороки, еще и всех других, кого могли, склоняли к преследованию раба Божия. Ибо так долго сплетали они вокруг него свои подлые путы, (чтобы в будущем тем самым повязать не его, а, скорее, самих себя), что зараза их нечестивости распространилась даже на короля, и он поверил их наветам. Король, уже подученный нечестивцами, пришел в страшную ярость и немедленно приказал, чтобы Дунстана лишили сана и всех почестей, а сам он, человек немолодой, искал бы себе жилье, где угодно, не надеясь на помощь короля и его приближенных. В местечке же Кеодрийском²¹, где все это произошло, в это время гостили у короля некие почтенные мужи, посланцы восточного королевства. Не видя для себя иного выхода, Дунстан, словно уже обреченный на изгнание, подошел к ним и умолял, чтобы они его, оставленного королем, не покидали, но взяли бы с собой на родину, хотя бы для временного жительства. Сострадав его печали, они пообещали ему все привилегии в своем королевстве, если он отправится вместе с ними.

14. На другой день король отправился на охоту, которой он по обычаю увеселялся вместе со своими приближенными, и когда они достигли лесов, где собирались охотиться, то они поскакали по лесу наперегонки по тропинкам, разбегающимся в разные стороны. И вот, от шума, трубящих рогов и от лая собак много оленей обратилось в бегство. Король же, оставшись без спутников, лишь со сворой собак, выбрал себе для охоты одного оленя и долго гнался за ним по нехоженным тропам, преследуя на быстром коне и травя собаками, чем совершенно изнурил его. А там, неподалеку есть Кеоддис, пропасть у отвесной горы, каких много в тех местах, обрывающаяся вниз на невероятную глубину. Тот олень, не знаю, каким образом, если не по Божию тайному замыслу, добежав до нее, стремглав бросился прямо на дно этой пропасти и преследующие его собаки за ним; и, растерзанные, они все вместе разбились насмерть. Так же и король, следуя за оленем и собаками, достиг этого места на коне, который стремительно несся вперед, и, увидев

пропасть, король тотчас же, насколько был в силах, попытался сдерживать мчащегося во весь опор скакуна, но не мог, так как конь был строптив и упорно сопротивлялся. Что больше? Оставив совсем уже надежду остаться в живых, король предал свою душу в руки Божии, говоря, однако, себе: “Благодарю Тебя, Всевышний, что я помню, что в эти дни я никому не причинил вреда, разве только Дунстану: и я бы охотно исправил это и примирился с ним, если бы мне была сохранена жизнь”. В ответ на эту речь, заслугами блаженного мужа, конь (о чем даже содрогаюсь сказать) встал на самом краю пропасти, в то время как его передние ноги почти уже соскальзывали с травы в бездну. И тогда король вознес и в сердце своем, и вслух величайшее благодарение и хвалы Богу за спасение своей жизни; и вновь и вновь обдумывая случившееся, в глубине сердца осознавал, что он был почти обречен погибнуть в наказание за оскорбление такового мужа. Возвратившись домой, король сразу же приказал позвать к себе со всей поспешностью блаженного Дунстана. Когда Дунстан пришел, король сказал ему: “Поторопись и приготовь себе лошадь, чтобы ехать со мной в числе малой свиты туда, куда я направляюсь”. И немедленно, сев на коней, они прямым путем пустились по дороге, которая вела в Гластонию; и когда они, нигде не задерживаясь, прибыли туда, вошли, как подобало, в церкви Божии, чтобы помолиться. И тотчас же, исполнив молитвы и оттерши с глаз потоки слез, король снова призвал к себе раба Божия Дунстана. Взяв его за правую руку, король поцеловал его, то ли прося милости, то ли из почтения к его достоинству, и, подведя к настоятельскому креслу, посадил туда и сказал: “Будь могущественной главой и председателем этого места, и накрепчайшим верой настоятелем здешней Церкви; и если тебе будет не хватать собственных средств на что-либо для нужд церкви и исполнения святого правила, я преданно восполню это с королевской щедростью”.

15. После этого раб Божий Дунстан принял по королевскому повелению указанный высокий чин монастырского управления. Таким образом, следуя спасительному установлению св. Бенедикта, он просиял как первый настоятель из народа англов; и так деятельно трудился, преданно исполняя по сердечному чувству добровольное служение Богу. Прежде всего он, как мудрый овчар, со всех сторон надежно укрепил и оградил монастырь постройками и прочими укреплениями (как некогда от одного старца ему было указано в откровении), оградив тем самым во множестве отовсюду собранных овец Господних, чтобы их не растерзал невидимый волк. Затем тот же Божий проповедник вероучительных догматов начал вскармливать переданную и порученную ему киновию пищей слова Божия и поить из вышнего Источника, то есть учить методичным наставлением Священного Писания, что чрез тесные тропинки сей жизни должно перейти к вечным уладам небесного пира. Так для всех верных стало очевидно, что после перерыва в несколько лет ученики, которых он привил, словно молодые побеги, к Лозе Истинной Веры, а именно к Господу Христу, возросли обильно и приносили плод добродетели в красоте смирения. И что после того весьма многие из его учеников, избранные пастырями Церквей,

наученные его назиданиями и примерами, направлялись в различные города или в другие святые места, чтобы стать там же наставниками в святом управлении и благочестивом правиле, а именно: наместниками, деканами, настоятелями, епископами, даже архиепископами, наивысшего чина из прочих. И каждый из его учеников тогда, кто, расторгнув плотские узы в смертный час, претерпевал неизбежную кончину, без сомнения, стяжал высокие радости небес.

16. Поскольку древний завистник понимал, что блаженный отец Дунстан собрал себе столь великое воинство, вырвав из его рук, то не прекращал, как уже мы сказали выше, противостоять ему ни днем, ни ночью всевозможными кознями. Однажды ночью, когда атлет Божий, огражденный монастырскими стенами, неусыпно предавался псалмопениям и бдениям, враг Бога и людей явился ему в виде косматого и ужасного медведя, желая устрашить блаженного мужа своим свирепым обликом и от дела, столь для него мерзкого, на какое-то время отвлечь. Но когда Божий подвижник узрел это чудовище, скорее даже взором духовным, чем плотским, то еще более спокойно продолжал воздавать хвалы Богу, словно неодолимый воин. А через несколько минут диавол явился ему снова, но теперь в другом облике, – в виде свирепого пса (что ему особенно подходит, ибо все коварства его мерзостны), для того, чтобы мнимый пес обманом помешал Дунстану и, если бы смог, как-нибудь отвлечь от усердной молитвы. Однако напрасно настырный тот искуситель безумствовал против раба Божия, прибегая к нечестивым обманам лукавства своего; он лишь доказал, что Дунстан был отовсюду укреплен оружием веры. И потому ответным ударом, который Дунстан нанес ему копием святого Креста, каковой не выпускал из десницы своей, был поражен и расточился. Дунстан же, презрев все соблазны врага, ничуть не дрогнул и оставался на месте во славу Христа своего. Мало того, тот же коварный змий по свойственному ему обычаю решил потихоньку подобраться к подвижнику в третий раз, пробуя, не найдется ли, пожалуй, еще какого-нибудь способа, расслабляющего дух, чтобы победить мужа Божия. И тогда-то по устройению злого сердца оборотился он мерзкой лисой, чтобы хоть своей беготней и мельканием хвоста отвлекать раба Божия, устремленного к Богу. Когда блаженный отец Дунстан увидел его, столько раз менявшего свои личины, улыбаясь, сказал: “Иди уже, враг, ибо ныне ты сделался весьма похожим на себя самого”; и после того как был сотворен знак креста, враг исчез.

17. Древний совратитель подобным оружием, то есть наводя видения, пусть и безуспешно, часто утомлял блаженного отца Дунстана. Так еще, например, однажды во время бдения, когда он усердно подвизался в труде молитвы перед алтарем мученика Христова Георгия, неясно, почему, или по внушению того обманщика, или устав от непрерывного бдения, но внезапно, прямо посреди пения его охватила легкая дремота. Привиделось ему, как я сказал, в полусне, что косматый медведь, огромный и ужасный, яростно бросился на него и положил ему на плечи свои страшные лапы, готовясь растерзать, и навис над ним с широко раскрытой пастью, словно бы для того, чтобы его пожрать. И когда муж Божий в ужасе очнулся, то быстро схватил посох,

Король Эдгар, св. Дунстан, св. Этельвольд. Фронтиспис.
Tenth-century Studies / Ed. D. Parson. L., 1975.
Plate XIII. Regularis concordia

который всегда носил с собой, в ярости сияясь поразить гнусное чудовище, но лишь попал по пустой стене, и по всему храму разнесся звук от сильного удара. Придя же в себя, он с еще большей силой вступил в битву, а именно, воспевая псалом священной брани: “Да восстанет Бог, и расточатся враги Его” [Пс 67, 2], как и раньше; ибо на этом стихе, побежденный сном, он прервал псалмопения, и как только, говорят, оно с того же самого места возобновилось, то этот темный обманщик стал виден и в вышеназванном обличии, словно черная тень, посрамленный удалился.

18. У того же мужа Божия Дунстана был родной брат, по имени Вульфрик, которого Дунстан поставил внешним помощником себе за пределами своих владений, как имеющего власть, чтобы ни сам он, ни кто-либо из лиц монашеской братии не расхаживал вне обители, занимаясь суетными мирскими делами. Он-то, настигнутый смертной участью после отмеренного ему срока жизни, встретил свой земной конец. Поэтому так случилось, что все монахи вышеописанного храма вышли на его похороны; и никого, кроме лишь настоятеля и мальчика-послушника (впоследствии сделавшись предстоятелем, он это нам и рассказал) не осталось внутри, чтобы священным обрядом сопроводить тело в монастырь, где его должны были хоронить. Тем временем настоятель с этим учеником прохаживался в монастырском дворе, чтобы видеть, как полагаю, не приближаются ли уже братия с телом усопшего. И когда он шествовал, по обычаю своему напевая псалом, неожиданно по ту сторону Старой Церкви со свистом вылетело каменное ядро, направленное прицельно прямо в голову блаженному отцу; но, благодаря защите Божией, пролетело мимо, сбив все же войлочную шапку, покрывшую голову Дунстана, и далеко ее отбросив. Дунстан, повернувшись, сказал идущему за ним ученику: “Возьми-ка скорее тот круглый камень и принеси его мне, я посмотрю”. Когда ученик, с трудом подняв по приказу отца весьма увесистый камень, принес его к месту, где его ждал Дунстан, досточтимый отец произнес: “О противящийся враг! давно уже ты готовился нанести мне удар этим камнем из злобного усердия твоего”. Ибо, как многие подтвердили, не было в Сумерсетенских²² краях такого рода камней, больших или малых, разве что в каких-нибудь каменных постройках: и потому совершенно ясно было, что за нечестивая рука его швырнула. Все же после того камень этот, хотя он и был пущен ради его уязвления, Дунстан велел, как бы в подтверждение, спрятать и сохранить.

Глава 4. Деяния в правление королей Эадреда и Эдви²³. Отказ от епископства. Изгнание

19. Когда король Эдмунд был убит нечестивым разбойником, вскоре ближайший наследник, а именно Эадред, получил королевство по праву рождения, наследуя брату. Он, укрепившись в высоком положении, так возлюбил блаженного отца Дунстана, что выше него почти никого из знати не ставил. В свою очередь муж Божий, воздавая любящему его ответной искренней любовью, идущей из глубин сердечных, называл его обыкновенно наидражайшим королем. По причине этого твердого упования любви король поручил ему хранить в монастыре под надежной защитой самое дорогое из своего имущества, а именно: многие жалованные грамоты на земли и поместья, и еще древние сокровища предшествующих королей, а также и различные сокровища, которые он сам приобрел. По прошествии некоторого времени, когда, блаженный муж, старец Этельгар, предстоятель Хридионенской церкви, по закону плоти принужден был окончить жизнь во Христе, король стал настойчиво уговаривать мужа Божия Дунстана принять под свое пастырское

попечение осиротевшую кафедру, оставшуюся без отца. И Дунстан тотчас отказался, легко найдя тому оправдание; он говорил, что не пригоден для такого пастырского попечения и еще не готов для такого высокого сана и что не в силах столь обширную овчарню со всей необходимой осмотрительностью сохранять для Христа так, чтобы и самому при том не претерпеть бесславный конец. Такими или подобными доводами время от времени он возражал королю, пока не отклонил окончательно, твердо отказавшись, его предложение. Все же король в глубине души никак не мог оставить этот замысел, ибо желал, чтобы тот, кого он любил больше прочих, превосходил бы прочих по положению. Вот почему он перепоручил выразить волю свою своей матушке, сказав ей так: “Желаю, о мать моя дражайшая, чтобы ты ко трапезе своей пригласила нашего особого друга Дунстана, и среди веселого пира за приятной беседой попытайся, прибегнув к женской красноречивости, убедить его стать, как мы желаем, предстоятелем недавно овдовевшей Церкви”. И хотя она приложила к тому все силы, не смогла склонить Дунстана переменить свое решение. Однако, по его совету, был выбран на это епископство досточтимый муж Эльфвольд по причине его особой приятности в обхождении.

20. Следующей ночью явлено было Дунстану в ночном откровении, будто бы, взяв свиту, он должен спешить в Рим. Явились ему на том пути Петр и Павел с Андреем, открывая ему различные и неожиданные тайны своих исходов; и когда закончилась дружеская беседа с апостолами, Андрей розгой, которую нес в руке, довольно сильно ударил его, сказав: “А вот это тебе в награду за то, что вчера ты попытался отказаться от сотоварищества нашего апостольского”. И, немедленно проснувшись после этих слов, Дунстан спросил покоившегося при нем монаха, кто это его случайно сильно стукнул. И тот говорит: “Никто так, насколько я знаю, тебя не трогал во сне и не ударял”. Он же, подумав, говорит: “Теперь я, сын мой, знаю, теперь я постигаю, кто меня ударил”.

Король Эадред, которого Дунстан очень любил, был — увь, скорбь! — в течение всего времени своего правления весьма слаб здоровьем, так что, во время еды лишь обсасывал пищу, а остальное, пожевав немного, выплевывал, что было неприятно и вызывало отвращение у пирующих с ним воинов. Хотя он долго влачил такую жизнь в немощи и истощении телесном, но болезнь усиливалась и все чаще наваливалась на него, словно пудовая гиря, так что он уже был не в силах вставать. Тогда он, понимая из-за продолжительности недуга, что едва ли останется жив, разослал повсюду, чтобы собрать свое имущество и, пока еще есть силы, самому разделить его, распоряжаясь добровольно и свободно, между своими близкими. Именно по этой причине поехал и муж Божий Дунстан, как и другие стражи королевских сокровищ, чтобы вернуть обратно королю то, что хранил у себя. Через несколько дней пути на дороге, по которой он ехал с уложенным в тюки богатым имуществом, раздался голос, звучащий с неба: “Вот, ныне король Эадред упокоился с миром”. От этого голоса лошадь, на которой ехал муж Божий, внезапно

пораженная, пала замертво, ибо не могла перенести присутствие ангельского величия. Когда же Дунстан прибыл, то узнал, что жизнь короля прервалась смертью приблизительно в то самое время, когда в пути ангел ему о том возвестил. Множество верных, присутствующих при том, вверили Создателю Господу в покое мира отлетевшую душу, а равно и безжизненные члены короля по обычаю погребения человеков.

21. После того возвысился Эадвиг, сын короля Эадмунда, юный возрастом и мало разумеющий в делах правления, но по избрании он пополнил число и имена королей у обоих народов. Однако пристала к нему одна, хотя и весьма знатная родом, негодная женщина вместе со своей взрослой дочерью. Она преследовала короля гнусным сводничеством, добиваясь близости, чтобы своими путами связать с ним себя или хотя бы дочь свою супружеством. Как говорили, в ослеплении страсти он с ними обеими по очереди, что уж и сказать стыдно, проводил время в непристойных утехах и никого не стеснялся. После помазания и коронации в установленное время, ибо он был избран всеми вождями англвов, в самый день, когда был совершен святой обряд помазания, посреди веселого пира король, движимый бесстыдным желанием, внезапно вскочил и, оставив почтенное собрание знатных мужей, удалился, чтобы любезничать с вышеназванными блудницами. Тогда Ода, высший из предстоятелей, увидел, что невоздержность короля, особенно в день коронации, пришлась не по нраву всем без исключения доверенным королевским советникам, и обратился к своим собратиям-епископам: “Прошу, пусть кто-нибудь из вас пойдет и приведет короля обратно, чтобы он был в этом королевском пиру приятным сотрапезником своей свите, как то и подобает”. Боясь навлечь на себя королевский гнев или жалобы женщин, все уклонились, поочередно отказываясь. Наконец, выбрали двоих, известных стойкостью духа, а именно: отца Дунстана и епископа Кюнегия, родственника Дунстана, чтобы они, исполнив общую волю, вернули короля к оставленному трону, желает он того или нет. И они, войдя по приказанию своих начальствующих, нашли, что королевская корона из дивного металла, украшенная золотом и серебром и сияющая самоцветами, была небрежно сброшена с головы и поблескивала вдали на земле, а сам король, распутным образом тесно прижимался к обеим женщинам и валялся между ними, словно в грязной свиной луже. Тогда они сказали: “Начальствующие над нами мужи послали нас к тебе просить как можно скорее идти в пиршественный зал, где подобает тебе восседать, и не пренебрегать обществом благородных гостей своих на веселом пиру”. Когда же король не пожелал встать, то Дунстан выбранил сначала бесстыдниц, а потом своими руками оттащил его от распутных бабенок и, надев на него корону, повел с собой, пусть и насильно отрывая от женщин, в королевское собрание.

22. Тогда Эдельгив (таково было имя бесчестной женщины) в бешенстве уставилась своими бесстыжими глазами на досточтимого настоятеля и заявила, что такой человек, кто столь безрассудно нарушает уединение короля,

свыше меры храбр. Ведь нам известно из книг древних Царей, что Иезавель, исполненная заблуждения языческого и яда змеиного, днем и ночью ярилась и хулила пророков Божиих и не прекращала их преследовать вплоть до своей смерти. Так и эта бесстыдная баба, исполненная того же ядовитого дыхания Иезавели, хотя, недостойная, она и носила имя христианское, с этого самого дня не переставала преследовать мужа Божия Дунстана, поклявшись погубить его, пока не настроила враждебно короля и не добилась осуществления своих подлых замыслов. Затем она с согласия того короля подчинила своим законам всю честь королевского достоинства и всю его казну; и даже еще, пользуясь королевской властью, скоро самолично обрекла Дунстана на бедственное существование. Но не столь должно было быть удивительным неистовство этой ярящейся женщины, сколько более должно изумляться козням запинаящих его учеников, которых он сам воспитывал с юности, вскармливая сладостным нектаром вероучения; ибо пособниками подлого сговора в тайном обмане оказались те, кто должен был бы всеми силами воспрепятствовать несправедливому преследованию святого отца. И когда гонители его вели опись всего церковного имущества, вдруг в западной части храма послышался резкий и злобный хохот дьявола, словно рукоплескала и восклицала какая-то служанка. Когда муж Божий осмыслил, кто это был, сказал ему: “Не радуйся так, враг; ибо как ныне ты возрадуешься моему удалению, так снова опечалишься моему приходу, ибо владыка тебе – Бог”.

23. А после этого всякий из друзей, кто этому же мужу Божию, изгнанному по несправедливому суду и клеветническому навету женщины оказывал гостеприимство ради любви или сочувствия, навлекал на себя всю тяжесть королевского гнева. Потому Дунстан был принужден, пустившись в опасное плавание, пересечь на корабле бушующее море и отправиться на неопределенное время изгнанником в Галлию. Когда он уже ушел в море на быстроходном корабле при поднятых парусах почти на три римских мили, то, как рассказывают, явились посланные нечестивой уничтожительницей, чтобы выколоть ему глаза, если найдут его еще на этом берегу. Он же стремительно пронесся по водным путям лазурного моря и прибыл в неизвестную область уже помянутой Галлии, язык и обычаи которой ему были совершенно неведомы. Но, поскольку ему сопутствовало милосердие Божие, то он нашел милость и у некоего князя этой земли; этот князь охранял Дунстана с отеческой любовью во все время его изгнания. Хотя любезная опека этого властителя согревала его ежедневно, Дунстан душою и мыслями пребывал на родине, от которой был удален безжалостным судом. И даже иной раз, вздыхая, проливал изобильный дождь слез, льющийся из глаз всякий раз, как он вспоминал, какую высоту вероисповедания оставил в монастыре. Дунстан много раз в печальном размышлении сердца обдумывал случившееся, и вот, однажды ночью он увидел во сне, то, чем был снедаем в бодрствовании, а именно: он, как обычно, находился в монастыре вместе со множеством братий, стоящих подле, во время исполнения вечерней хвалы и пения псалмов, и когда после са-

мого последнего песнопения: “Величит душа моя Господа” они начали антифон: “Почему вы умалили слова истины?... вы слагаете речи для обличения... и силитесь ниспровергнуть друга вашего? однако... [Иов 6, 25–28]²⁴”, то на этом месте, как он видел во сне, прервав пение, все разом замолкли и дальше никак у них не получалось продолжать его, ни слова, ни мелодию. Много раз повторяли они антифон в бесплодных попытках, но доходили в пении лишь до этого места и никак не могли пропеть до конца два последних слова. Тогда в том же видении Дунстан им с упреком говорит: «Почему вы не хотите произнести: “Что помыслили, исполните”, – для завершения антифона?». Тотчас с другой стороны прозвучал Божественный ответ в таких словах: “Потому что, говорю, никогда не исполнят они того, что замышляют – чтобы удалить тебя из этого монастыря, лишив власти”. И, проснувшись после видения, Дунстан возблагодарил утешающего его Всевышнего. А из этого вернейшего откровения стало совершенно очевидно, что некоторые из его учеников, как выше мы уже о том кратко упомянули, были тайными его гонителями.

Глава 5. Епископство Вигорниенское и Лондиненское, затем архиепископство Кантвариенское. Путешествие в Рим

24. Случилось же так, что вышеупомянутый король во все предыдущие годы был совершенно презираем северным народом²⁵, ибо, получив власть, он поступал неразумно во врученном ему правлении; в тщеславной злобе губил людей проникательных и мудрых, а любого невежду, схожего с ним самим, принимал с усердием любви. После того как все жители севера по общему согласию отвергли его, то, по указанию Божию, избрали себе королем Эадгара, брата того же Эадвига; дабы он по справедливости властительным жезлом разил неправедных, а кротких тем же жезлом справедливости охранял в мире. И королевство, чему весь народ был свидетелем, по мудрому решению, было разделено по известной реке Тамесе²⁶, которая разграничила владения обоих королей. Тогда Эадгар, избранный таким образом на королевское правление упомянутым выше народом, послал, по Божию изволению, звать обратно досточтимого отца из ненавистного изгнания, в котором тот находился. Он не забывал, в каком почете Дунстан был у его предшественников, вместе с которыми неустанно исполнял свое служение, храня им верность и помогая спасительными советами. После возвращения Дунстана из чужих краев король оказал ему подобающее почтение, как и приличествовало его сану. Тем временем родной брат того же Эадгара, поскольку он, сбившись с пути, отступил от справедливых судов Божиих, испустил последний вздох, умерши жалкой смертью. А Эадгар как равноправный наследник, избранный обоими народами, принял его королевство и объединил разделенное управление королевств под одним скипетром. Он снова восстановил блаженного Дунстана в первоначальном достоинстве, которого тот был лишен, равно и бабуку свою, и других, кого брат его, пребывая в том же высоком положении, повелел предать неправедному суду.

25. После состоялось великое собрание мудрых в месте, которое называется Браданфорт²⁷, и в том месте, по всеобщему согласию, Дунстан был рукоположен во епископа, дабы правящим королям был он всегда рассудительным и предусмотрительным советчиком. После того, как блаженный Дунстан и прочие мудрецы, привлеченные королем, подобающим образом наставили короля в Божественных обычаях, он повсюду нечестивых подавил, а праведных и также законопослушных чистым сердцем возлюбил, себе повсюду королей и танов подчинил, разрушенные церкви Божии обновил или обогатил, и для восхваления Бога Всевышнего множество служителей собрал, – и весь край свой, как королю подобает, под защитой мира охранял. Затем Дунстан был сделан пастырем Вигорненской Церкви²⁸, поскольку Кюневальд, по обычаю смертных почил, пройдя поприще временной жизни Блаженный предстатель Дунстан, поставленный королем, с пастырской опытностью принял ту Церковь для охранения. Он тотчас же разумным своим попечением насадил в ней лозу истинной веры и отрасль праведности, а также, удалив терния заблуждений, засеял сердца верных пшеничными зернами Святой Троицы. И они, достигая предела века сего исполненными добрых дел, незапятнанными входили в непрестанно пребывающую жизнь. Вышеназванный король, видя, что пастырь надлежащим образом и неусыпно стоит на страже вверенной ему Церкви, поручил ему еще и Лундониенскую Церковь, после того как она потеряла благочестивого пастыря, дабы многочисленному народу того города, а равно и остальному множеству восточных саксов приготовил он мост для восхождения еще к высоким вершинам неба²⁹. В течение многих следующих лет Дунстан заботливо управлял этими обеими церквями, стоя у кормила власти, как предстатель, и примером и назиданием показал обеим овчарням путь, что ведет к истинным овчарням Христовым.

26. А после того, как хищная смерть привела к земному концу досточтимого Оду³⁰, архиепископа Церкви, находящейся в Кентербери и правителя Христова, ненасытным пожиранием исторгнув его из Адамовой участи, то к занимающим эту высшую кафедру был сопричислен Эльфсин, пастырь винтонцев. Он, как полагается высшим предстателям, спешно отправился в Ромулов град, чтобы испросить палий и архиепископскую митру, но в Альпийских горах попал в сильнейший снегопад, замерз и не выдержав холода, он скончался, а несчастные воины, сопровождавшие его, похоронив предстателя, возвратились и поведали со слезами о несчастье, случившемся в горах. После его кончины избрали Бюрхтельма, попечителя Доробернцев, то есть предстателя святой Доробернской Церкви³¹. Муж этот был кроток и скромн, смирен и добросердечен, настолько, что не сдерживал гордецов и строптивцев, как следовало бы, налагая на них наказания. Ибо есть право правящих хранить во благе людей добрых и по возможности прилагать все силы свои для наставления их к лучшему; а дурных и непокорных обличать и сурово исправлять, пока не отвратятся они от путей суетных. Наконец, и король понял, что вышеназванный предстатель слишком мягок и не осуществляет

положенным образом власть над вверенным ему народом, поэтому приказал ему возвратиться на пути, по которым он ходил прежде, и снова принять прежний сан. Затем с Божией поддержкой и по совету мудрых он назначил Дунстана, зная его твердость, высшим предстоятелем упомянутой Церкви.

27. Как только Дунстан принял сан архиепископа, тотчас же отправился через горы в дальнее путешествие, которое по обычаю совершают высшие предстоятели, а именно: в город Рим. Господь сопровождал его на том пути и не оставил того, кто чистой верой воспевал Его, и как Сам Он устами пророка обещал всякому верному, говоря: “Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Мое над тобою” [Пс 32, 8]; и еще: “Я пойду пред тобою и горы уравнию” [Ис 45, 2]. И когда он проехал уже далеко, ибо очень спешил, и все съестные припасы, которые они или с собой на лошадях везли или как-то иначе приобретали по дороге, были истрачены полностью на своих людей или на чужих, Дунстан спросил у своего казначея: “Что у тебя есть из еды, чтобы подкрепиться нам этой ночью?” И тот, сердясь, отвечал: “Решительно ничего: ибо ты себе-то самому не позаботился чего-нибудь оставить, когда по своему приказанию с избытком раздавалось все, что у нас, как казалось, было, своим или чужим”. И сказал ему епископ: “Прошу тебя, пусть это тебя нисколько не беспокоит; ибо Господь наш Иисус Христос достаточно богат и щедр ко всем, верующим в Него”. А тот снова: “Ты скоро увидишь, что твой Христос даст тебе на протяжении этой ночи, чтобы ты поел”. И предстоятель поднялся, ибо настало время вечерней службы, чтобы в отдаленных местах исполнить служение вечерней хвалы. А глупый казначей, все еще ворча, крикнул ему вслед: “Иди, только крепко помолись своему великому Христу, ведь что тебе до нашей нужды”.

Однако в этом же поместье, где тогда остановился муж Божий со спутниками, пребывали посланцы одного досточтимого настоятеля, уже три дня ожидавшие приезда своего блаженного предстоятеля; и не успел Дунстан, воспевая, совершить службу вечерней хвалы, как они пришли с обильными дарами дружбы и всевозможной изысканной пищей этого края, с любовью приветствуя епископа от лица настоятеля и верной дружины своих братьев. Приняв с благодарностью эти знаки любви и благословений, он ответил на приветствие милостивого настоятеля и преданного сотоварищества его братьев. А после еще долго в пути они с наслаждением питались из этих даров, принесенными также любовью упомянутых братьев, пока они спешили в Рим, и с тех пор прекратилась глупая воркотня дерзкого служителя, одоленная твердой верой предстоятеля.

28. Наконец, Дунстан при Господнем водительстве достиг желанной Церкви Римской кафедры, где во время пышной церемонии получил по праву предстоятельского сана паллий архиепископа вместе с апостольским благословением; и, обойдя раки святых и утешив бедняков Христовых, благополучно возвратился назад на родину. И когда высший предстоятель англо-вернулся, исполненный благодатью Духа, то сразу же, как имеющий более высокий

сан по сравнению с остальными священническими чинами, подчинил себя и более высокому Христову служению; дабы, подавая другим пищу истинной веры или указывая спасительным словом Божиим правильный путь, самому (как говорит Апостол) не остаться недостойным [1 Кор 9, 27], вопреки собственной проповеди. Затем же Дунстан стал то, что разрушено, обновлять, то, что брошено, восстанавливать, святые места обогащать, праведников любить, заблуждающихся на путь истинный приводить, Божии церкви возводить – и во всех делах своих имени истинного пастыря соответствовать.

29. Даже если бы я днем и ночью, вопреки человеческой природе, издавал железным голосом тысячи слов³², то не смог бы рассказать обо всех благотворительных делах его добродетелей, которые он совершал открыто или даже втайне. Одно лишь могу о нем сказать, что хотя он, облеченный плотью, жил в дольних, но умом, в бодрствовании или во сне, всегда пребывал в горних, как говорил апостол Павел: “Наше же жительство – на небесах” [Флп 3, 20]. Это, конечно, в особенности становилось очевидным, когда Дунстан слагал божественные мелодии священных песнопений, которые, конечно же, он брал совсем не от людей, но улавливал и сразу запоминал в сонных откровениях от блаженных граждан вышнего мира, как показывает следующая история. Однажды ночью (чтобы привести пример его видений) после благочестивого исполнения молитвенного правила и самого последнего служения комплетория, когда Дунстан предал блаженные свои члены сну, то совершенно отчетливо увидел свою собственную мать, произведшую его на этот свет, которая в виде новобрачной сочеталась браком с каким-то весьма могущественным королем при высшем свидетельстве его знатных мужей и с богатым приданным для жениха; и на той королевской свадьбе царила столь великая радость поющих псалмы, что все воинство вместе в веселии исполняло сладчайший гимн, звучно восхваляя этого короля. И пока длилось их пение, некий юноша, одетый в белоснежные одежды, в том видении подошел к предстоятелю и говорит ему: “Разве не видишь ты или не слышишь, как все это ликующее множество полным хором славит громкими голосами великого Царя, а ты один молчишь? Почему не отверсты уста твои и ты не возглашаешь, подобающие хвалы столь великому Царю вместе с нами? Ты, кто более всех должен был бы особенно радоваться такому браку своей родительницы?” Тогда Дунстан отвечал, что он не знает таких песнопений и что он совершенно не ведает, что пели во хвалу Царя, о котором он говорил. А тот в ответ: “Желаешь ли, чтобы я научил тебя, что тебе подобает петь?” И когда Дунстан изъявляя смирение, подтвердил, что желает, тот тотчас научил его такому антифону: “О Царь народов, Властитель всяческих, ради Престола величия Твоего даруй нам, Царю Христе, прощение грехов. Аллилуйа”. Поскольку этот антифон много раз в том видении повторялся и хорошо запомнился, то проснувшись Дунстан несколько раз его повторил, тихо напевая и, не откладывая, велел, пока он его не забыл, записать этот антифон, а когда он был записан, предписал одному молодому монаху разучить его. Когда же наступило утро, Дунстан велел

всем ему подчиненным монахам, так и клирикам, выучить и исполнять этот антифон. И среди голосов поющих он сам всегда с обильной слезною росой повторял: “Ибо истинен и неложен Тот, Кто показал мне, наставляя, это звучное песнопение в том ночном видении”. Отсюда, без сомнения (как уже мы сказали выше) очевидно, в каких местах Дунстан пребывал блаженным духом, пока сам отдыхал плотью.

30. Ныне я желал бы, прежде чем поспешу далее в своем рассказе, привлечь сведущего толкователя для объяснения тайны такого удивительного видения или с некоторым усилием попробовать, по мере сил, самому дать, пусть и расплавляя его на слабом огне, толкование этого видения. Я полагаю, что мать благого предстоятеля, сочетавшаяся в браке с Великим Царем, означает Церковь, которая и его, также и много-много других, подобно матери чрез утробу духовную святого Крещения по преимущественному праву первородительницы родила заново. Точно так и невеста, в видении обручающаяся ныне с Высшим Царем, а именно со Христом Господом, чрез принятие истинной веры и чрез объятие Божественной любви соединяется с Ним, как прилепляется невеста к мужу своему. Эта же самая святая Матерь-Церковь восклицает в “Песни Песней”: “Царь ввел меня в чертоги свои, – будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!” [Песн 1, 3]; и еще: “Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня” [Песн 2, 4–6]. А иначе еще, думаю, что мать того благого предстоятеля, соединенная в браке с Всевышним Царем, может означать Церковь, которую он сам возглавляет как предстоятель, принявший ее властью Превечного Царя, а именно: Христа Господа, чтобы оберегать ее вместо родного сына и чтобы утешить ее чистой непорочностью девства, подобно тому, как Господь, пригвожденный ради искупления народов к перекладине креста, Свою Матерь Деву препоручил девственному ученику, говоря: Вверяю тебе Родительницу Свою вместо матери [ср. Ин 19, 26–27]. Также, в чем я не сомневаюсь, и то многочисленное воинство, возглашающее в ликовании Царю своему хвалебную песнь, суть небесные общины ангельские. Ибо они некогда были враждебны людям и отделены из-за грехов человеческих, а ныне, видя, что жители небесных и жители земных соединились в одну семью Одного Отца, днем и ночью не перестают воспевать Богу Царю Истинному такую песнь: “Хвалите Бога нашего, все святые Его, и все боящиеся Его, малые и великие, ибо воцарился Господь Бог наш Вседержитель на небе, равно и на земле. Посему возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу” [ср. Откр 19, 5–7]. Это же самое славословие воспевало множество Небесного воинства Рожденному Господу, возвещая в вышних и на земле мир людям доброй воли [Лук 2, 14]. Это тот, конечно же, мир, о котором усиленно просил блаженный апостол, говоря: “Он есть мир наш, соделавший из обоих одно” [Ефес 2, 14]. А что касается того юноши, сияющего белизной одежд и довольно строго

Изображение ангела. Винчестер. X в. Early Medieval Wall Painting and Painted Sculpture in England. ed. Sh.Cather, D. Park, P. Williamson. L., 1990. P. 71. Plate 3

укорявшего Дунстана, ибо он молчал во время восхваления вышеназванного Властителя, – не сомневаюсь, что это был его ангел-хранитель. Обучив его духовными словами, он предостерег тем самым, чтобы Дунстан, уподобившись псу безгласному, не позволял таящемуся врагу, а именно: вору-диаволу, завладеть душами, ему врученными, или украдкой вырвать талант Бога своего. Но чтобы широко отверзтыми устами он проповедовал и благочестивым исповеданием сердца громко возглашал, что Христос есть Царь и Властитель всяческих: небесных, земных и преисподних; и чтобы ходатайствовал молитвенно пред Ним ради имени Его и Престола Величия Его, сначала за свои, затем и за грехи народов, дабы, по благодати Своей, простил Он грехи тем, за кого однажды, повинувшись воле Отца, не замедлил принести Себя в жертву.

Глава 6. Различные видения. Приготовление к смерти

31. Так, как изложили мы выше, Дунстан часто научен был от Божественных наставников напевам священных песнопений или прочим Богу подобающим славословиям, находясь в бодрствовании духа, хотя его тело покоилось в глубоком сне, как говорит то речение Соломона: “Я сплю, а сердце мое бодрствует” [Песн 5, 2]. И еще, как говорит пророк Исаия: “Будет ночью бодрствовать душа моя, ища Тебя, ибо свет для меня – повеления Твои”³³. Даже еще живя в мире сем, Дунстан прозревал ясным взором врагов рода человеческого, как стало видно, когда приближалась несчастнейшая гибель короля Эдмунда. Итак, однажды этот король со своими приближенными объезжал, по заведенному обычаю, места, достойные его положения, чтобы остановиться и пировать там, случилось блаженному Дунстану, еще тогда настоятелю, также ехать верхом в королевской свите в крепость некого знатного тана, а именно, Эльфстана, которая была ближайшей по пути. И вот, взглянув перед собой на дорогу, по которой они ехали, Дунстан неожиданно увидел, что среди королевских трубачей туда-сюда бегают, насмехаясь, ужасный враг. Пораженный Дунстан долго наблюдал за ним а потом сказал своему спутнику, вышеупомянутому знатному мужу: “Полагаешь ли ты, любезный, что

можешь видеть то, что я вижу?” И он отвечает: “Я не вижу ничего, кроме того, что обычно”. И Дунстан говорит: “Осени глаза свои спасительным крестным знаменем и попробуй, не сможешь ли увидеть то, что вижу я?”. И когда по приказу блаженного отца Дунстана он быстро осенил глаза свои печатью Святого Креста, увидел тотчас же, словно ради подтверждения свидетельства столь великого мужа, того самого врага Бога и людей, которого видел блаженный отец. А тот прыгал в образе некого темного человечка; и по зловещему явлению гнусного беса стало понятно, что скоро с кем-то из них случится несчастье; и, когда они перекрестились, враг исчез.

32. После того как они оставили разговор о том гнусном явлении древнего обманщика, этот же упомянутый знатный муж, а именно: Эльфстан, попросил мужа Божия истолковать и разъяснить сонные видения, которые были явлены ему недавно. Ибо, как Эльфстан рассказал, в показанном ему видении он видел упомянутого короля, который сидел по заведенному обычаю вместе со всеми своими знатными мужами в пиршественном зале своего дворца; и среди пиршественного веселья, где одни прислуживали, а другие веселились, короля, о котором я сказал, обуяла дремота, и после того как его сковали узы глубокого сна, почти все таны его и советники обратились в козлов и коз, утратив человеческий облик. Отвечая ему, блаженный Дунстан, наставленный словом пророческим, немедленно сказал: “То, что король уснул, знаменует его смерть, а то, что его вожди и мудрые мужи, как ты видел, обратились в бессловесных или бессмысленных животных указывает на будущее время, когда почти все таны и управители этого края, словно глупые животные, не имеющие пастыря, отклонятся по собственной воле с пути истины, хотя им путь тот хорошо известен”.

33. Ведя такую беседу, они наконец достигли королевского селения. И когда наступили сумерки, в тот же день на вечернем пиру у короля муж Божий Дунстан снова увидел того же или какого-то другого врага, мелькающего в толпе суетящихся слуг. Затем также, если не ошибаюсь, через три дня, в тот самый день, когда вышеупомянутый король должен был погибнуть от меча, святой Дунстан увидел в третий раз – незнакомца, право не знаю, враждебного ли, духовного ли мужа, который нес в руке длинную грамоту в виде большого свитка, густо исписанную письменами, в тот самый момент, когда король от торжественного служения миссы собирался идти на свой последний пир во дворец. Когда же Дунстан спросил таинственного мужа, кто он, тот ответил на саксонском наречии, что пришел из восточных областей королевства и что он хочет тайно побеседовать с королем о некоем брачном пире. Но пока о нем объявляли королю, и готовились, как полагается встречать неожиданных посетителей, ввести его пред очи правителя, неизвестного мужа нигде не смогли найти. Но, как мы сказали, в тот же день — увы, скорбь! — в глубь сердца короля коварно проникла жестокая и горькая смерть от кинжала наемного убийцы. Ибо вот как скоро разъяснились предвещения блаженного мужа о короле. Подобные предвещения о правителях были именно во

времена короля Эадвига, если только тот, кто должным образом не управлял ни собой, ни кем-либо другим, может по праву называться королем. Так как блаженный отец Дунстан был водим, по слову Апостола³⁴, Духом Божиим, то как сын Божий был он удостоен знания этой и подобных тайн; до такой степени, что весьма многие утверждали даже, что он говорит совершенный вздор, в то время как пророческими устами и научением Святого Духа он предсказывал весьма многие события, которые, как мы позже увидели, с непреложной очевидностью совершились.

34. Он еще мог беспрепятственно видеть или слышать некие дивные тайны духовные, их я бы теперь назвал откровениями. Ибо, как мы сказали, досточтимый муж Дунстан всегда пылал любовью Божией и по этой причине он заботливо обходил святые монастыри, чтобы устроить и наставлять монахов. Следуя этому спасительному обычаю, он пришел даже в место терм, где из горных расщелин сочится горячая вода, испуская пар; это место его жители на отеческом языке обыкновенно называют Бат. И пока он там оставался, с любовью принятый братьями этого монастыря, то после часа трапезы увидел, что душу некого послушника из Гластонской киновии ангелы Божии, воспевая хвалебные псалмы, отнесли к высотам небес, где ее со всех сторон обступило великое множество вышних жителей. А на следующий день, словно в подтверждение этого удивительного видения, из вышесказанного монастыря приехал наместник, по имени Кеолвий, желая по заведенному обычаю обсудить с предстоятелем монастырские дела и разрешить споры между своими братьями. Когда он пришел, Дунстан тотчас же после того, как дал ему благословение, спросил заботливо, все ли благополучно с его братьями; и тот, совсем забыв о смерти мальчика, ответил, что все, как и было, целы и благополучны. И так как Дунстан благодаря собственному видению оказался прозорливее его, то говорит тому сдержано: “Не думаю, что при человеческой кончине все у всех будет благополучно”. А тот: “Да, право же, все, исключая разве то, что маленький мальчик из нашей общины вчера днем в полуденный час умер и претерпел неизбежную кончину”. “О том я и говорил”, – ответил святой епископ, – “Да упокоится в мире его блаженный дух, по видению нашему”.

35. А в другой раз, когда муж Божий Дунстан находился в собственном монастыре, то есть в Гластони, этот умелый попечитель овчарен Христовых ходил с неким монахом того же монастыря из кельи в келью, проверяя пищу у простых братьев или же исследуя разные их нужды. И когда, осмотрев запасы, Дунстан возвращался к себе, он приблизился к западной стороне старой церкви и услышал, что с неба издали доносится голос, посланный нежданном знамением, который ласково призывал идущего с ним рядом монаха к небесным радостям, говоря: “Приходи, приходи, Эльфсиг, приходи” (ибо, думаю, так звали того самого брата). Тогда блаженный муж, поняв, какого призыва удостоился его подопечный, сказал: “Поспеши, брат, приготовиться как можно скорее и будь тверд, так как в ближайшие дни ты, призванный Господом,

преселишься к Нему от скверны этого мира". Через весьма немного дней исполнилось так, как достоверно предсказал о нем Дунстан. А затем на том месте Дунстан велел выстроить равноугольную церковь наподобие часовни и, построив, с честью освятил ее в честь благого Крестителя Иоанна. О великая заслуга славного предстоятеля, который удостоился при жизни своей созерцать в видениях ангелов и слышать их удивительные голоса!

36. Когда Дунстан пребывал в городе, где была его епископская кафедра, кроме прочих занятий высокого положения своего, обычно, поскольку его не оставляли в покое многие люди, приходящие к нему, или по причине еще множества других обязанностей, он с благоговением посещал святыни в сокровенные ночные часы, непрерывно напевая при этом святые псалмы. Однажды, связанный этим законом благочестия, он пришел к маленькому храму благого отца Августина³⁵, чтобы, как я сказал, помолиться ночной порой. Когда в том месте он исполнил священные молитвы, то для такого же моления направился к Церкви Богородицы, находящейся на востоке города. И когда Дунстан приблизился к той церкви, напевая псалом, неожиданно в ночной тишине услышал необыкновенно прекрасную мелодию, исполняемую на арфе, которая в изысканной гармонии громко звучала внутри базилики. Тотчас же заглянув внутрь чрез какую-то щель в дверях, он увидел, что вся вышеназванная церковь наполнена блистающим светом, и толпы дев водят хоровод по кругу и хором воспевают, двигаясь в ритме взад и вперед, известный гимн поэта Седулия³⁶: "Воспоем, други, Господа" и т.д. А также он заметил, что те девы, спев один стих и ответ на него, словно согласуясь с движением своего хоровода, еще раз повторяют две первые строки того небольшого гимна, как делают и земные девы:

Петь будем Господа, други, и честь воспоем в благочестьи,
Громко хвалу вознося сладкой Христовой любви
и так далее³⁷.

Как уже я говорил, подобные досточтимые знаки духовных даров и другие без счета, о чем ни я, ни кто другой из насельников жизни сей не способен в подробности рассказывать на языке человеческом, удостоился получить славный предстоятель Дунстан, ибо ходил путями праведности.

37. Итак, ныне, я не могу излагать все те благие деяния, которые совершил святой Дунстан, даже если бы, лишившись естественного сна, пребывал днем и ночью, силясь мыслью проникнуть в горняя. Полагаю, однако, справедливым, чтобы, по крайней мере, то, что я сам видел или о чем слышал, я всем поведал, побуждаемый Божиим справедливым увещанием и по тем силам, которые придает мне милость Его. И в самом деле, муж Божий, пока в тягости и трудах проводил время сей жизни, стремился более всего к тому, чтобы со всем усердием, непрестанно и неленостно, пребывать в святых молитвах и пении псалмов Давидовой десятиструнной псалтири, или, одолев сладкий сон, проводить ночи в непрерывных бдениях, или горя духом, всегда

совершать церковное служение. Усердно трудясь, он даже выправлял книги, соскабливая ошибки писцов, когда на востоке уже занималась заря, либо, разбирая споры между людьми, различал пронизательным умом, где истина, а где ложь; любого, кто не хотел примириться или ссорился, мирной речью превращал в согласных между собой и спокойных; помогал милостыней и поддержкой вдовам и сиротам, странникам и пришельцам в их нуждах; рас­торгал, становясь справедливым посредником, негодные или несправедливые браки; каждое из сословий, устроенных в человеческом обществе³⁸, укреплял в его положении словом жизни или примером; следя строго за распределе­нием доходов, поддерживал нуждающиеся церкви Божии, одаряя их; любого не­просвещенного человека, будь то мужчина или женщина, подготавливал, насколько мог, днем и ночью осоля небесной солью, то есть назиданием спа­сительной мудрости. И потому вся земля англов была исполнена его учения, сияя перед Богом и людьми, словно солнце и луна. И еще, когда он должен был совершать Христу Господу положенные часы своего служения и прочие благодарения миссы, то воспевая, исполнял их в такой чистоте духовной, что казалось, он говорил лицом к лицу с Самим Господом, даже если был перед тем весьма раздражен распрями среди своей паствы, но в то время его глаза и руки, по обычаю блаженного Мартина³⁹, всегда были устремлены к небу, и он никогда не отвлекал дух свой от молитвы. Сколько бы раз святой муж ни совершал какое-либо другое достохвальное деяние, поставляя священников, освящая церкви или алтари, или еще какие-либо Божественные установления в священнодействиях, он всегда делал это с обильной слезной росой, кото­рую из глаз его исторгал невидимый Насельник, Святой Дух, всегда обитав­ший в нем.

38. Вышний Сердцеведец высоко на вершинах небес призрел на испол­ненное благочестия усердие блаженного мужа Дунстана, всегда Ему видное, и, наконец, милостиво положил предел его тяжким усилиям, дабы святой муж вместе с полками блаженных ангелов получил на небесах вознаграждающий сестерций, за который весьма часто трудился, пока легкое бремя Его нес на земле. Ибо близился день Вознесения Господа Бога нашего и одновременно день призвания святого Дунстана в жизнь вечную. В этот день, по предпи­санию Господню, он совершил торжественное служение миссы, ни в чем не отступив от правила, и с обильным дождем слез преподал последнее утеше­ние Слова Божия врученному ему народу; уча неизменно, что Сын Божий с высоты небесных престолов сошел на землю ради спасения человеков, дабы по милости Своей безграничной открыто явить, что Христос со Отцом Сво­им и со Святым Духом есть Единый Бог; и, что в этот самый, ныне праздни­мый день победив диавола и освободив народ Свой, Он вознесся на небеса, откуда явился в мир. Когда святой Дунстан произнес заключение, оканчивая это увещание, он с необыкновенной сердечной любовью попросил о том, что он в начале испросил в кратком молении, а именно: чтобы Всемогущий Гос­подь Отческим Своим милосердием даровал всем верным, то есть членам

тела Иисуса Христа, способность подниматься ввысь, куда в вышеназванный день со властью вознесся Начало и Глава всех Христос. Этими речами и прочими спасительными высказываниями блаженный муж увещал сердца вверенных ему людей, обращаясь к ним трижды в течение служения одного дня: в первый раз после чтения Евангелия, как церковный порядок предписывает по канону; во второй раз после беспричинного благословения⁴⁰, поскольку ему была сообщена архипастырская власть; и в третий раз после преподания мира, угодного Богу, когда мы хором пропели: “Агнец Божий, подъявший грехи мира, помилуй нас”⁴¹, тогда и он милосердно препоручил врученных ему ягнят малых, облегчив их пред тем от бремени грехов, благому Пастырю, Агнцу, а именно: Иисусу Христу, пришедшему подъять преступления сего мира, чтобы паства его под охраной мира пребывала в непорочности⁴². Тем не менее, сам святой Дунстан после торжества миссы в этот же самый день пришел со своими братьями к общей трапезе. Но когда он, подкрепившись, ненадолго прилег по обычаю летнего времени, чтобы дать отдых своим уже слабеющим членам, вот, в успокоении сна, незаметно подкравшись, сразил его тяжкий недуг, знаменующий последние мгновения жизни. Он поразил досточтимого отца, и седую главу его, почти лишенную волос, разрешив от всех дел человеческих, и принудил к смерти, загасив окончательно в 10 день июньских календ⁴³ блаженный светильник, долго сиявший пред Богом и людьми. Настигнутый, как я сейчас сказал, по законам неотвратимой смерти, пребывая в покое от своих тягот, в день субботы, что значит “покой”, старец, исполненный блаженных дней, преселился к покою вечному при водительстве Господа Иисуса Христа, Кому честь, и власть, сила и мощь вместе со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Кончается житие св. Дунстана, архиепископа и исповедника.

¹ Альффрик – архиепископ Кентерберийский (995–1005).

² Обыгрывается элемент архитектурного декора (завершение столба утолщением, капителью) и поэтический термин “капитула” – рефрен в псалмах, завершающий стих (уменьш. капитель).

³ Изысканная имплицитная словесная игра: “фигуры” подразумевают также “фигуральные” выражения, иносказания; электр – сплав золота и серебра, поэтому “двувидность” может быть понята как в материальном смысле, так и в литературном – смесь прозы и стихов (примета жанра сатуры), на которую намекает автор.

⁴ Чернила, какими обыкновенно писали в то время, имели рыжеватый оттенок и не были черными в современном представлении. Поэтому специально подчеркивается “эбеновое надписание” (т.е. густо-черное), таким образом титул, заголовок Жития контрастирует с остальной рукописью. Простые же чернила всей рукописи (без рубрикации красными), возможно, также должны подчеркивать скромность автора.

⁵ Св. Августин Кентерберийский (ум. ок. 604) – сподвижник св. Григория Великого, папы Римского, по благословию которого он возглавил группу из 30 монахов, отправившихся на проповедь в Англию. Основатель монастыря свв. апп. Петра и Павла в Кентербери. Первый глава Англиской Церкви.

⁶ Св. Григорий Великий – папа Римский (ок. 540–604), апостол Англии.

⁷ Мф 10, 29.

- ⁸ То есть народом, принявшим крещение.
- ⁹ *Ательстан* – король англосаксов (924/5–927), король всей Англии (927–939).
- ¹⁰ Монастырь Гластонбэри, около которого находились владения семьи Дунстана.
- ¹¹ *Св. Патрик Младший, или Епископ* – современник св. Патрика Старшего, просветителя Ирландии.
- ¹² То есть круг чтения, традиционный для членов Кельтской Церкви, отличавшейся от Римской своей повседневной практикой.
- ¹³ Ср. Дан 13, 42.
- ¹⁴ В оригинале “левых”, т.е. тех, “которые по левую сторону” (Мф 25, 41), сторонники дьявола.
- ¹⁵ Ныне Винчестер.
- ¹⁶ *Комплеторий* – цикл ежедневных молитв, читавшихся в конце дня.
- ¹⁷ То есть арфой.
- ¹⁸ Правил с октября 939 г. по 26 мая 946 г.
- ¹⁹ Аллюзия на евангельское “кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мф 22, 21; Мк 12, 17; Лк 20, 25).
- ²⁰ Слова из Послания ап. Петра (1 Пет 2, 13–14) здесь, вероятно, ошибочно приписаны ап. Иакову.
- ²¹ Возможно, Чеддар в графстве Сомерсет. В Чеддаре в X в. был королевский дворец.
- ²² Ныне графство Сомерсет.
- ²³ Эадред правил с мая 946 г. по 23 ноября 955 г., ему наследовал Эадвиг (955–959).
- ²⁴ Пер. наш. – *М.Н.*
- ²⁵ То есть населением Нортумбрии, области к северу от р. Хамбер.
- ²⁶ Ныне Темза.
- ²⁷ Ныне, возможно, Брэдфорд.
- ²⁸ Дунстан был епископом Вустерским с 957 по 959 г.
- ²⁹ Игра слов: “*pontifex*” – дословно “делающий мост”, посредник между Богом и людьми буквально “наводящий мосты”.
- ³⁰ *Ода* – архиепископ Кентерберийский с 941 по 958 г. Происходил из смешанной англо-датской семьи. По преданию, его отец приехал в Англию вместе с Иваром и Хуббой, викингми-язычниками, о которых рассказывается в “Страданиях короля Эдмунда” Аббона Флерийского (см. «Аббон Флерийский» в наст. изд.).
- ³¹ *Дороберн*, ныне Дувр. Доробернская Церковь – архиепископство Кентерберийское.
- ³² Парафраз из Вергилия: Георгики, II, 43–44 “если даже я сто языков, сто уст возымел бы, / Голос железный”; точный повтор в Энеиде (IV, 625–626). Топос античной эпической традиции, восходящей к Гомеру (Илиада II, 488–490).
- ³³ Парафраз, наиболее близкое место см. Ис 29, 9: «Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя».
- ³⁴ Апостола Павла: “Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии” (Рим 8, 14).
- ³⁵ Небольшая церковь, построенная св. Августином Кентерберийским вскоре после того, как он и его спутники получили от короля Этельберга участок земли в Кентербери (после 597 г.).
- ³⁶ Далее цитируются начальные строки элегии известного раннехристианского латинского поэта Седулия (IV–V вв.) на Рождество Христово. О нем и его “Пасхальный стих” в пер. Ф.А. Петровского см. в “Памятники средневековой латинской литературы IV–V веков” (М., 1998. С. 316–325).
- ³⁷ Так в латинском тексте жития.
- ³⁸ Возможно, “тройкие чины”: воины, крестьяне, клирики.
- ³⁹ *Св. Мартин Турский* (ок. 316–397) – один из наиболее почитаемых святых средневековья.
- ⁴⁰ То есть не предусмотренного каноническими правилами.
- ⁴¹ Песнопение (*Agnus Dei*) поется перед принятием Св. Причастия, также как и возглас преподавания мира (“Мир всем”).
- ⁴² “*Мир*” как круг земной и “*мир*” как покой – омонимия, неизбежная в русском переводе; в оригинале – “грехи мира (*mundi*)” и “под охраной мира (*pacis*)”.
- ⁴³ 21 октября 988 г.

Эльфрик Бата

Эльфрик Бата (кон. X – 1-я пол. XI в.) был учеником более известного Эльфрика Эйншамского (ок. 950 – ок. 1010 г.), одного из наиболее образованных людей своего времени, писавшего как на латыни, так и на англосаксонском языке. Он известен как автор “Латинских бесед”. О его жизни практически ничего не известно. Его прозвище – “Бата”, по англосаксонски “бочонок”, – возможно указывает на его телосложение. Он сам говорит о себе в первых строках своих “Бесед” как об “очень невысоком монахе”. Кроме своих собственных сочинений, Бата переделал и расширил известные “Беседы” своего учителя Эльфрика о занятиях монахов, которые были в ходу наряду с “Латинскими беседами” Баты. “Беседы” Эльфрика Баты сделаны по образцу анонимной компиляции “О редких птицах”, которую он переработал в молодости. “Беседы” представляют собой упражнения по развитию латинской речи. Они могли использоваться, чтобы научить учеников монастырской школы тем основным фразам, которые могли пригодиться им в повседневной жизни. В этом контексте понятны диалоги, герои которых просят напиток, или приготовить им баню, или дать им рекомендательное письмо. “Беседы” Баты тесно связаны с бенедиктинским уставом. Так, 28 диалог напоминает 28 главу устава св. Бенедикта Нурсийского: “Если некий брат, часто порицаемый за какую-либо провинность, (...) не исправится, да будет наказание его более суровым, то есть его следует наказать бичеванием”. В 6-м диалоге учитель отчитывает мальчика, защищающего лентяя, что соответствует 69 главе устава: “Должно строго следить, чтобы по какому-либо случаю не дерзал один монах защищать или выгораживать другого в монастыре”. “Беседы” Баты рассказывают о событиях монастырского дня: подъем, умывание, занятия в монастырской школе, игры, еда и питье, посещение богослужения, обвинение и наказание вора, сон. Композиция, простота и обыденность реплик “Бесед” наводят на мысль, что они заучивались наизусть и разыгрывались на занятиях как сценки, а потом по их образцам составлялись новые диалоги. “Беседы” также показывают, как проходило обучение в англосаксонской монастырской школе. Учитель, преподававший начала грамматики и составления текстов, во время занятий спрашивал заученные наизусть отрывки из Священного Писания и церковных служб. Ему мог помогать старший ученик. Ученики заучивали наизусть определенные тексты, а для затверждения читали их вслух много раз подряд. На следующий день каждый ученик отвечал выученное перед учителем, и тот слушал, одобряя или наказывая. В качестве наказания применялась порка. За исключением Вульфстана Винчестерского¹ и Эльфрика Эйншамского, англо-латинские авторы X века писали на витиеватой “герменевтической” латыни, для которой были типичны несколько запутанный, но изящный синтаксис, настоящее “плетение словес”, употребление редких, архаичных слов или, наоборот, неологизмов и даже грецизмов. В “Беседах” Баты встречаются выражения, доказывающие, что и на такой

изысканной латыни говорили, хотя бы и в определенных, торжественных случаях. Разговорная латынь, которую могли употреблять в повседневной жизни, также широко представлена в “Беседах”.

Перевод (в сокращении) сделан по изд.: Pre-Conquest colloquies. Toronto, 1998. P. 11–38.

Латинские беседы

3.

– Прошу вас, мальчики, и велю вам, чтобы вы усердно, не отвлекаясь, читали всё, что вчера учили с вашими учителями, и хорошо затвердите это, чтобы завтра вы могли как можно быстрее это ответить и так уберечь от побоев вашу шкуру.

– Так, добрый наставник, мы хотим смиренно и безропотно слушаться тебя во всём, что ты нам предписываешь или чему учишь.

– О, ты, брат, протяни мне свою книгу, сядь здесь со мной на эту вот скамью и прочти своё задание, чтобы я мог быстро повторить его.

– Сейчас приду и так сделаю.

– Положи удобно свою книгу (да будет тебе благо!), чтобы я мог читать и затвердить то, что вчера учил, ибо я не смог сегодня найти свою книгу ни в каком месте и никоим образом не дерзаю из-за нашего наставника искать её, ибо он весьма строг. И если он видит, что кто-то из нас выходит, тотчас же желает его хорошенько высечь.

– Почему ты меня об этом просишь? Конечно, я совсем не желаю давать тебе свою книгу, и не забочусь, есть ли у тебя книга или нет. Каким образом ты смог потерять свою книгу? Весь день ты бегаешь бессмысленно повсюду, не делая ничего хорошего, и не желаешь с нами читать, и не желаешь учиться по своей воле, и не желаешь петь, ни писать на дощечке, ни на листочке, ни на пергамене, ни в пергаменной тетради, ни здесь оставаться со своими товарищами, но, где царит глупость и умственная тупость, там всюду ты желаешь бегать. И никто из нас не знает, где ты находишься, если только мы не должны есть, или пить, или играть, и ты делаешь это все то время, пока наш наставник отсутствует в школе. Честное слово, я хочу пожаловаться на тебя нашему наставнику, так как ты ежедневно причиняешь нам огорчение, и почти каждый день из-за твоей глупости наш воспитатель подвергает нас жесточайшим розгам и плетям. Потому пусть страдает твоя шкура, ибо, Бог знает, есть ли среди всех наших учеников более тупой, более недоброжелательный и более хитрый лис, то есть более лукавый мальчик, чем ты.

– Конечно, это неправда. Это ты хитрый, и весьма лукавый, и притворяешься, клянусь Всемогущим Богом.

– Говорю тебе, что ты лжёшь. И мы все можем сказать против тебя то же самое, а именно: что ты обманываешь, и всегда хочешь солгать, каждый раз, как открываешь рот. Итак, только подойди сюда, лгун, обманщик, и сам себя

оправдай, если можешь, перед всеми нашими товарищами, так как они сами хорошо знают, что я говорю правду, и что вообще не возвожу на тебя напраслину, ибо гнушаюсь делать это, и я не лжесвидетельствую против тебя, глупейший из всех мальчиков. И они могут подтвердить без опаски, что истинно то, что я говорю тебе перед всеми ними.

– А я, напротив, в ответ скажу тебе вот что, – кто поставил тебя наставником надо мной или над другими моими товарищами, чтобы учить нас или чтобы управлять нами? Но это твоя обычная дурная манера так обращаться с нами. Да будет тебе всегда горе, ибо ты дурно поступаешь со мной и моими сотоварищами, обвиняя нас, ибо ты ничего другого не умеешь делать хорошего, только всегда и во всем винить нас, несчастных.

– Братя мои любезнейшие, вы тоже говорите так? Разве правда то, что он сказал?

– Нет, поверь нам, неправда то, что он говорит ныне, и то, что он прежде сказал. Но поскольку он лжец, он всегда говорит неправду.

– Довольно. Не забочусь о том, что он говорит. Я же, если жив буду², оправдаюсь сам перед нашим учителем, и это исправлю перед ним, когда он придёт к нам.

5.

〈Мальчики в классе〉

– Ты, мальчик, иди и выбеги быстро за дверь, и посмотри, где ныне наш наставник, и если сюда он приблизится, тогда быстрее предупреди нас.

– Охотно пойду, любезный брат, и желаю побежать скоро и исполнить твоё приказание. Вот, я вышел, о товарищи мои, и увидел, что наш наставник сейчас идет из церкви на кладбище и беседует с одним мирянином.

– Где он сейчас?

– Прямо сейчас придёт к нам. Остерегитесь и будьте осторожны, и быстро возьмите ваши книги, и читайте, и пойте, пока он не придёт сюда, чтобы он не нашёл нас праздными и шутящими, когда придёт. Предостерегаю вас. Вот теперь он стоит за дверью и подслушивает, читаем ли мы и поём что-нибудь, и вот ныне входит.

〈Учитель и мальчики〉

– О, мои дорогие мальчики, что вы делали целый день и что у вас сделано?

– Дорогой господин, мы читали и пели весь день, и писали до первого часа и после первого вплоть до третьего, и когда церковный сторож ударил первый час, тогда тотчас же без промедления мы встали и пошли в отхожее место, и после вымыли руки, когда пелся седьмой псалом. И так мы пошли в церковь, чтобы петь наши молитвы, и после облачились в церковные одеяния к миссе, и спели миссу и вечерню с другими братьями.

– Вы все тогда надевали облачения?

– Не все, а только чередной служитель, певец, и тот, кто читал евангелие, и пресвитер. Только они одни надевали облачения.

– Что вы делали потом?

– Когда мы услышали, что звонит колокол, тогда мы пошли, стараясь идти вместе по порядку, молча в трапезную к нашей трапезе, и спели молитву, и затем съели свою еду и выпили всё, что было, по милости Божией; и после, подкрепившись, вместе вышли в церковь, воспевая наш последний стих, и после в должном порядке по строгим правилам вошли в отхожее место в соответствии с нашей нуждой, и ныне здесь перед тобой желаем делать всё, что ты бы нам ни предписал.

6. (Наставник и мальчики)

– Все ли вы ответили урок сегодня?

– Нет.

– Почему?

– Потому что не все мы смогли отвечать.

– Как?

– Некоторые ответили, господин, добровольно, а остальные отказались и не хотели отвечать. Я много их увещал, но ничего не добился.

– Почему так, брат?

– Не знаю, господин. Расспроси их. Они сами знают, отвечали ли они или нет.

– Конечно, я ответил свое задание без книги.

– Это хорошо. А этот вот маленький мальчик или тот брат, что там стоит мрачно?

– Нет.

– А эти вот братья или те мальчики ответили сегодня?

– Нет, господин.

– По какой причине?

– Не имеют столь хорошего разумения, чтобы всякий день могли отвечать.

– Я хорошо знаю, какое они имеют разумение; ты не должен мне это говорить. Но это твоё оправдание, так как ты их всегда оправдываешь.

– Я не хочу их больше оправдывать. Испытай сам, и так сможешь мне поверить.

– Почему ты, мальчик, не хотел сегодня отвечать урок?

– Я не мог, господин, и сейчас не могу.

– Конечно, по этой причине тебя следует высечь.

– Я хорошо знаю это, наставник, ибо я этого достоин и я виноват. Но будь милостив ко мне на этот раз, и, если будет твоя воля, позволь мне завтра ответить, и так всё затем хочу исправить, если Бог желает.

– Конечно, нет. Но снимай быстро твою накидку, и прежде я должен наказать тебя.

– Я сделаю это со смирением, и да будет твоя воля; и окажи мне некую милость, кроткий отче.

– Хочешь ещё раз исправить?

– Ещё, господин, честное слово, впредь исправлю.

– Тогда вставай, одевайся и исправь всё, и прощаю тебя, и щажу, и оказываю тебе милость, потому что ты столь смиренен. Однако остерегайся сам ныне и всегда. Вы желаете, мальчики, сходным образом завтра исправить и быстро ответить урок?

– Да, добрый отче. Прости и пощади нас, и ради любви Христовой даруй нам, пожалуйста, милость на этот раз, и мы все желаем исправить всё это и затем всегда вести себя осмотрительно и умно.

– Вы обещаете мне это постоянно, но ваше обещание неискренне и совсем ничего не значит. Однако то, что вы ныне обещаете, исполните, и наилучшим образом ведите себя в церкви и трапезной, никогда не бегайте туда и сюда без разрешения, ни в спальне, ни в любом другом месте.

– Мы так и хотим, клянемся Богом, и так должны мы поступать, прилагая к тому все силы.

– Делайте так, любезные дети и будьте осмотрительны, чтобы никто из братьев наших завтра не обвинил вас перед вашими наставниками. Мир Христов да будет с вами ныне, здесь и повсюду.

– И с тобою всегда, господин. Ныне благослови нас.

– Да благословит вас Всемогущий Бог ныне и присно.

– Аминь.

7.

– Мне кажется, что уже близок час вечерни.

– Так и нам. Но ещё не вечерня. Господин наставник, можно ли нам поиграть немножко, ибо мы уже хорошо знаем наши домашние задания и, конечно, наши чтения, и респонсории, и антифоны³.

– Можно, ибо сегодня праздник; потому даю вам разрешение сейчас играть до звонка к вечерне.

– Нам сейчас хорошо, потому что мы живём счастливо! Пойдём все вместе на улицу играть с палками и мячом или с обручем и бубенчиками.

– Ты, мальчик, одолжи мне одну палку, и я хочу тотчас дать тебе две палки, если хочешь.

– У меня их достаточно, и если ты желаешь поиграть со мной в обруч, я дам тебе один кнутик, чтобы мы могли играть оба по очереди. Если хочешь играть с мячом, я одолжу тебе и мой мяч, и мою палку для игры.

– Сделай так. Да будет тебе всегда хорошо. Я уже почувствовал, что ты мой друг, и по этой причине я желаю с тобой быть крепко связанным наилучшим и правильным образом – истинной, а не ложной дружбой.

⟨...⟩

15.

– О, наши ученики, придите сюда и кое-что, что полезно и благостно, немедленно выполните с веселием. Читайте или усердно пойте, или других научите всему хорошему, что знаете, или возьмите пергаменные листы и красиво напишите на них чернилами или на своих восковых дощечках вашим стилем, или палочками для письма, или нарисуйте какие-либо образы или

Иисус обращается к апостолам перед Вознесением.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
Part 2. L., 1999. P. 81.

займитесь резьбой, или изучите какое-нибудь полезное искусство и упражняйтесь в нём.

– Не умеем мы, господин, хорошо писать, не умеем ничего рисовать или вырезать. Мы не резчики ещё, не живописцы, не писцы. Дай нам списывать образцы, и мы каждый день желаем смиренно переписывать и усердно учиться.

– Сделайте так. И тогда будете мне весьма приятны, если пожелаете так делать. Всегда учитесь, и в своих книгах всегда со вниманием все исследуйте, чтобы вы обрели знание, когда будете старше возрастом и более зрелы; и если какие имена или слова вы не можете понять на языке англов, не ленись, а спросите о них и в памяти своей повторяйте их и храните, ибо лучше учиться, чем жить праздно. Ведь написано о премудрости и разуме Божиим:

“спроси отца твоего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и скажут тебе” [Втор 32, 7]; и “блажен человек, который снискал мудрость” [Притч 3, 13]; да, еще более блаженны те, кто по своей воле учатся, обдумывают и выучивают, и то благое, что узнали, сберегают, по милости Божией.

⟨...⟩

21.

– Где сейчас наш старец, знаешь ли ты, брат?

– Не знаю. Ушел, думаю, на пир, который приготовлен для него в доме одного человека, его друга.

– Сколько братьев пошло с ним?

– Трое.

– Когда он хочет вернуться?

– Полагаю, вечером.

– Я хотел бы получить у него разрешение выехать завтра в город верхом или на лодке.

– Пожалуй, ты смог бы. Он не захочет тебе отказать.

– Ты пойдешь, добрый мальчик, к нашему келарю, и попроси его смиренно от моего лица, чтобы он дал мне на рассвете еды на дорогу, чтобы она была у меня с собой в пути. Я не смогу вернуться в киновию прежде третьего, или шестого, или девятого часа, и я не могу поститься, и мои спутники не желают быть голодными весь день, ибо ныне летняя пора, а не зимняя. Попроси его, чтобы он дал нам пшеничного хлеба, и немного мёда и рыбы, сливочного масла и молока, солонины, и сыра, и яиц, и жареного мяса и взбитых сливок, бычатины, и свинину, и баранину, и овощи, и судок с перцем, и хорошую брагу, и вино с мёдом, и медовуху и все хорошее, и еще какую-нибудь скатерть. И если он хочет предоставить мне это или если не может, все равно – он человек хороший. Пусть сделает, как ему угодно. Скажи мне это тотчас же! Ты, милый мальчик, пойдешь в мою комнату и скажи моему слуге, чтобы рано утром он оседлал и подготовил моего коня с уздой и упряжью, и пусть держит его там наготове, и, оставаясь в кельи, ожидает моего возвращения, и прикажи ему подготовиться, чтобы он был готов ехать со мной верхом, и скажи ему, чтобы передал другим своим товарищам, чтобы и они все были сходным образом готовы.

– Иду сейчас, и передам ему все, и, вернувшись, скажу тебе. *(По возвращении)* Он готов сделать все, как я ему передал, и будет внимателен, снаряжая твою лошадь к путешествию. Но если бы ты захотел плыть на лодке, то, как они сказали мне, они согласны все приготовить, чтобы плыть с тобой, куда бы ты ни пожелал.

– Они так сказали?

– Да.

– Да свершится воля Божия!

24.

{...}

– Ты хороший писец и прекрасный отрок, смиренно прошу тебя: перепиши мне один экземпляр или на листке, или на хартии, или на пергаменте, или на диптихе.

– Если ты готов дать мне за то вознаграждение.

– Напиши мне прежде одну псалтирь, или гимнарий, или эпистолярый, или тропарий, или один миссал, или хороший итинерарий, или капитуларий⁴, правильно разбитый на рубрики и написанный без погрешностей и без ошибок, и я дам тебе хорошее вознаграждение, или тотчас же это все куплю у тебя, и дам тебе их цену, или в золоте, или в серебре, или в конях, или в кобылах, или в быках, или в овцах, или в свиньях, или в козах, или одеждой, или вином, или мёдом, или зерном, или овощами.

– Самое для меня приятное, если ты дашь мне денарии, ибо тот, кто имеет денарии или серебро, может получить все, что ему угодно.

– Да ты хитёр!

– И ты также гораздо хитрее, чем я, простой человечиска.

– Ныне прекратим такие речи, но лучше давай обсудим. Сколько должен я дать тебе за один “Миссал”?

– Ты должен мне дать две лиры чистого серебра, если ты желаешь иметь эту книгу, а если ты не пожелаешь, то пожелает другой какой-нибудь муж. Эта книга ценится дорого, и кто-нибудь сможет купить её дороже, чем ты.

– Если другой хочет быть настолько глупым, то я быть таким не хочу; но хочу быть осмотрителен и купить твою книгу за подходящую цену, поскольку мои друзья сказали мне, какова ее настоящая цена.

– Но сколько можешь дать мне?

– Да уж не знаю.

– Но что ты тогда хочешь, или сколько денариев даешь, или сколько манкузов⁵?

– Честное слово, не дерзаю дать тебе больше или купить книгу за более высокую цену. Прими вот это, если хочешь. Больше она не стоит. Я хочу дать тебе двенадцать манкузов и отсчитать их в твою руку. Что я еще могу? Ничего не хочу дать сверх того, что ты хотел бы получить.

– А теперь отсчитай монеты сюда, чтобы я видел, имеют ли они правильную ценность и сделаны ли они из чистого серебра.

– Я сделаю это.

– Да, все хорошие.

– Истинно, так и есть.

28 .

– Мальчики мои, кто из вас вчера днем украл яблоки этого монастыря? Скажите и сообщите мне, не украл ли их кто-либо из вас?

– Не знаем, отче. Полагаем, что их украли этот вот наш вор и его сообщник.

– Так думаю и я. О дурные мальчишки, это вы оба воруете наши яблоки?

– Нет, господин, нет.

– Не верь им, не так, как они говорят. Вчера на рассвете они одни были там в яблоневом саду, и украли много яблок, и так наполнили свои пазухи, и после вернулись на кровати свои, и спрятали их в своих ящичках на хранение. Мне также дали немного из них съесть.

– Врешь, честное слово, и говоришь против нас ложь, о сын диавола! Кто учит тебя так лживо говорить, если не злой диавол! Ты злоречив и никогда не перестанешь лгать? Виновен ты, а мы невиновны.

– Ты говоришь против нас неправду, ибо ты лжец и отступник от Бога и человеков. Ты, хищный волк, все желаешь красть, что бы и где бы ты ни нашел, в ограде ли монастыря, или в церкви, или в трапезной, или в спальней. Ты часто крадешь наши пояса, и наши денарии, и кошельки, и деньги наших братьев, и их овечьи шубы, и шапки, и накидки, и капитии⁶, и гребни, и чаши, и кубки, и фиалы⁷, и сети, и книги, и пергамен, и сыр, и хлебы, и кусочки еды, и опорки, и птиц, и рыбу. Ибо ты никто иной, как сам диавол среди твоих товарищей и величайший вор всего, что ныне существует на земле, и этот твой сообщник сходным образом постоянно поступает также дурно, как и ты, и ты всегда утаиваешь свое коварство и нечестие, и все, что стянул, ты отдаешь вилланам⁸, и они, со своей стороны, дают тебе за это или сливочное масло, или молоко, или кур. Но уж далее продолжаться не может так, как желаешь ты и твой сотоварищ. Скажи нам сейчас, ты наихудший мальчишка, что думаешь ты о своей жизни, чем ты занимаешься почти каждый день? Правда или вздор то, что мы говорим о тебе?

– Не могу отпираться; то, что вы говорите, истинно. Но впредь желаю перестать и принести покаяние.

– Ты всегда так говоришь, и снова делаешь так, как делал прежде. Пусть это все исправит наш наставник, каким образом ему покажется лучше.

– Я, конечно, не отказываюсь исправить. Есть ли у вас здесь какие-нибудь розги?

– Нет, но мы желаем принести их тебе.

– Быстро принесите мне розги покрепче.

– Вот, у нас есть теперь розги, господин.

– Хотите ли вы его высечь?

– Да, немедленно, если мы должны.

– Возьмите две розги, и пусть один встанет справа от его седалища, а другой слева, и так по очереди бейте по седалищу его и спине, и прежде вы высеките его хорошо, а я хочу сделать это после.

– Помилуй меня, отец, сейчас и пощади. Уже довольно.

– Ты, глупец, бей лучше. Он смеется над вашими ударами и вообще их не чувствует.

– Впредь, отче, желаю прекратить этот обман, за который такое терплю. Теперь меня достаточно высекли и наказали на этот раз. Окажи мне милость и снисхождение. Уже вот-вот умру.

– Ты еще не умер, но живешь.

– Ныне мне плохо. Любезнее ныне мне быть мертвым, чем претерпевать таковую порку. Горе мне, несчастному! И зачем я родился? Лучше бы мне было ныне быть мертвым, чем жить в таких несчастьях. Повсюду меня преследует моя судьбина. Бедственное положение души моей весьма угнетает и беспокоит меня. Меня обступили беды, окружили великие несчастья, я погружен в неудачи и горести, и подавлен злой судьбой и утеснениями. И у дверей дома меня не оставляет бедствие. Все зло, куда бы я ни убежал и куда бы ни повернулся, преследует меня, и особенно здесь и ныне. Никому я не сделал никакого зла, никому не причинил беспокойства, никого не оклеветал, никому не грозил, не сопротивлялся, и, однако, все мне стремятся навредить и обвинить меня, и против меня умышляют зло. Никто не оказывает мне покровительства, никто не подает мне защиты, никто не уделяет поддержки, никто не спешит на помощь мне в моих несчастьях. Я покинут всеми моими друзьями, и ближними, и знакомыми, и родней. Кто бы меня ни увидел, или убегают, или преследуют меня повсюду, и не перестают подготавливать и произносить лжесвидетельства против меня. Они говорят со мной лукаво, миролюбивыми словами и свое нечестие скрывают за ласковыми речами. Они из уст выпускают одно, а в сердце обдумывают (то есть помышляют) другое. Они показывают мне сообщника, которого у меня нет. Всем я ненавистен, и все меня презирают, и лицемерно разговаривают, и угрожают. Я хотел бы, чтобы они были милостивы, а они еще больше мне досаждают. Я, отвернув лицо, безмолвствую; они не успокаиваются, но пуще свидетельствуют против меня, больше и больше бросаются на меня. Ослабло сердце мое; я, несчастный, изнурен.

Я исчах, и, сделавшись бледным, сохну от страха и трепета. Никто мне, бедному, не протягивает руки, ибо нет такого, кто бы мне сострадал, но всем я отвратителен, и никто мне не источит или подаст каплю утешения. И, однако, мне, несчастному, достаточно ныне мучений, истязаний, пыток. Ныне кровь моя льется на землю, со слезами кровавая влага по капле истекает, это кровь не слез, но ран. Горе тому дню, в который я родился, и в который зачат человек. Почему я не умираю? Ах, я, несчастный, увы, мне неудачливому! Увы мне, я стражду! О скорбь, почему смерть так медленно приходит, почему, уже погребенный, конца жизни не приемлю? О смерть, как ты сладка несчастным, сколь радостна ты, о смерть, всем опечаленным и всем скорбящим, ибо смерть полагает конец всем несчастьям. Смерть кладет предел бедствию. Смерть от всякого бедствия избавляет. Лучше хорошо умереть, чем плохо жить. Лучше не существовать, чем быть несчастливым. Будьте милосердны к моей скорби, прошу вас. Пощадите меня, прошу; простите. Окажите милость моей тяготе и впредь не раздражайтесь против меня. Нестерпима моя скорбь и бесконечна печаль! Уже нет никакого упования душе моей.

– Оставь печаль. Перестань горевать. Отгони от себя уныние. Отгони от своего сердца скорбь. Превозмоги тяготу душевную. Победи скорбь ума. Почему ты настолько отчаиваешься духом? Не ропщи, не богохульствуй. Не го-

вори: “Почему я претерпеваю беды, почему угнетаюсь, что терплю такое несчастье?” Но лучше скажи: “Согрешил, и не пообещал стать достойным”.

– По заслугам мне, и правильно, могу так сказать, господин учитель.

– Будешь еще когда-либо что-нибудь красть?

– Нет, господин, нет. Мне противно все, что я где-либо украл. Теперь же хочу тебе Богом поклясться, что впредь желаю всякое воровство прекратить и равно обманывать перестать во все время жизни моей.

– Сделай так, несчастный, сделай! Ныне остановитесь, братия, остановитесь, и не порите его больше. Встань, глупец и оденься, и не плачь. И более не греши, чтобы не случилось с тобой чего похуже.

– Я всегда смогу уберечься от греха, пока жизнь моя пребывает в теле моем и Бог позволяет мне жить на земле.

¹ См. «Вульфстан Винчестерский» в наст. изд.

² Иак 4:15.

³ *Респонсорий* – песнопение, состоящее из перемежающихся реплик солиста и хора; антифон – песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами или солистом и хором.

⁴ *Гимнарий* – собрание текстов гимнов, которые пелись во время Миссы; *эпистолярый* – литургическая книга, содержащая тексты Апостольских Посланий, которые во время службы читались во время богослужения; *тропарий* – собрание богослужебных песнопений; *миссал* – богослужебная книга, содержащая последование Миссы; *итинерарий* – книга, содержащая описания паломнических маршрутов и святынь, которым можно было поклониться по пути; *капитуларий* – сборник законов.

⁵ Монета арабского или византийского происхождения, обычно золотая.

⁶ Часть одежды, плотно облегающая грудь.

⁷ Маленькие бутылочки.

⁸ То есть “крестьянам”.

Ансельм Кентерберийский

В истории европейской культуры Ансельму принадлежит особое место: это первый великий философ схоластической эпохи. Правда, и до него Европа знала такого гениального отщепенца, как Иоанн Скот Эриугена. Но Эриугена всей сутью своего мироотношения принадлежит иному культурному циклу, связанному с позднеантичными и византийскими традициями. Он – поздний собрат эллинских неоплатоников, родившийся на полуострове Северо-Западе и живший среди людей, которые оценили его как драгоценную диковинку, но не продолжили его дела. На Эриугене окончилась одна великая эпоха истории мысли; на Ансельме – началась другая.

Будущий епископ Кентербери родился в 1033 г. в североитальянском городе Аосте. О добронравной матери и беспутном отце Ансельма, о его детских переживаниях и религиозном кризисе, о том, как недоброжелательство отца побудило юношу бежать из дома, читатель узнает из прилагаемых отрывков жития Ансельма, составленного его верным другом монахом Эадме-

ром. Отправившись странствовать, юноша переходит Альпы и оказывается во Франции. На него производит сильное впечатление личность незаурядного церковного деятеля и ученого Ланфранка, приора в нормандском монастыре Бек. Ланфранк становится духовным отцом Ансельма и заменяет ему родного отца, Бек становится его обителем и заменяет ему родной дом. В этом монастыре Ансельм вскоре становится приором, затем аббатом. По Нормандии, как и по другую сторону Ламанша, распространяется слава о его учености и благочестии. “В те времена не было никого, – замечает биограф Ансельма, – кто превосходил бы Ланфранка почтенностью и многознанием, Ансельма же – святостью и богословской ученостью”. Открытое дружелюбие и ясное понимание чужой жизни, уравновешивавшие мистическую самоуглубленность, привлекают к нему множество друзей духовного и светского звания из монастырей и замков по обе стороны Ламанша. Это время было для Ансельма самым счастливым и творчески плодотворным: он пишет диалог “О том, что есть грамматик”, посвященный логическим проблемам, затем трактаты “Монологион” и “Прослогион”, богословски исследующие диалектику бытия и навсегда обессмертившие имя Ансельма в истории философии; следует упомянуть также “Книгу размышлений и молитвословий” – такой прочувствованной, подвижной, гибкой латинской прозы не было со времен Августина. Куда менее мирно складывается жизнь Ансельма после 1093 г., когда он против воли был принужден заступить место умершего Ланфранка на архиепископской кафедре города Кентербери. Ему приходится вступать в конфликты с английскими королями (Вильгельмом Рыжим, затем Генрихом I), терпеть обиды, идти в изгнание, снова возвращаться. Как искренне верующий сын католической церкви Ансельм с полной убежденностью боролся за дело папы Григория VII – утверждение верховенства духовной иерархии над светской властью; но переход от созерцательного покоя к страстям большой политики дался ему нелегко. Скончался Ансельм 21 апреля 1109 г.; умирая, он горько сожалел о том, что не имел досуга довести до конца свои размышления о природе души. В 1163 г. Ансельм был канонизирован по инициативе другого кентерберийского архиепископа, впоследствии тоже причисленного к лику святых, – того самого Томаса Бекета, который продолжил борьбу Ансельма против королевских притязаний и отдал в этой борьбе свою жизнь.

Уроженец ломбардского города, монах нормандского монастыря, иерарх английской церкви, Ансельм жил в сферах бытия, вознесенных над всякой национальной партикулярностью, как то было характерно для его космополитического века. Его подлинная родина – не Италия, не Франция и не Англия, но мир монашеской аскезы и мир августиновской философии. Августин впервые за шесть с лишним веков обрел в лице Ансельма достойного продолжателя, способного продумывать его мысли заново и идти дальше. Отношение, в котором Ансельм стоит к Августину, можно назвать настоящей конгениальностью. Если внутренний мир Ансельма не столь избыточно

богат и многосложен, как внутренний мир Августина, то общие для обоих основные линии выступают с тем большей ясностью и чистотой. “Онтологическое” доказательство бытия Божия, впервые разработанное Ансельмом и сыгравшее важную роль в истории философии, воспринятое Декартом, обстоятельно опровергнутое Кантом и переосмысленное Гегелем, коренится в платоновско-августиновском отождествлении бытия и совершенства: если мы определяем Бога как то, более или выше чего ничего нельзя помыслить, то эта дефиниция уже включает в себя наряду с прочими совершенствами также свойство “быть”, и предположение о небытии бога самопротиворечиво. Наследник Августина в философии, Ансельм был его наследником и как стилист; проникновенная проза “Прослогиона”, перемежающая абстрактные рассуждения с окличаниями бога и своей души, так близко подходит к стилю “Исповеди”, как ничто другое.

Куда менее органичны попытки говорить языком Августина у верного ученика Ансельма, англосаксонского клирика Эадмера, написавшего очень привлекательное и человеческое жизнеописание своего учителя. Эадмер время от времени пытается прибегнуть к красотам августиновской риторики, но необходимость высоко парить вскоре утомляет его, длинные периоды сменяются короткими, односложными фразами. Поэтому стиль простодушного рассказчика очень неровен (перевод по возможности передает эту черту). Как бы то ни было, уравновешенность, ясность и сдержанная серьезность, отличавшие духовный склад мыслителя, переданы Эадмером очень достоверно, и за это ему нетрудно простить все стилистические шероховатости.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 244–266.

Книга размышлений и молитвословий

Предварение

Поскольку нижеследующие размышления, или молитвословия, предлагаются ради того, чтобы возбуждать дух читающего к любви Божией, или ко страху Божию, либо же к испытанию самого себя, читать их должно не в тревоге, но в тиши, не поспешно, но помалу, с раздумием прилежным и неукоснительным. Притом читатель не должен понуждать себя читать каждое из них до конца, но лишь покуда он с Божией помощью ощущает от него пользу для возжигания молитвенного своего усердия или покуда утешается им. Равным образом нет ему нужды и начинать каждое из них всякий раз от начала, но пусть он начинает с того места, откуда ему покажется предпочтительнее. Разбиение их на разделы произведено с этою самою целью, а именно дабы читатель начинал и кончал по выбору, так, чтобы пространность и частое повторение одного и того же не порождали в нем досады, но, напротив, он почерпал из них благочестивое усердие, ради чего они и составлены.

Размышление первое

О достоинстве и бедственности состояния человеческого

1. *О том, что мы сотворены по образу и подобию Божию*

Пробудись, душа моя, пробудись; напряги дух твой, подвигни чувство, извергни леность губительного твоего забытья, приложи усердие о спасении твоём! Да устранился блуждание бесполезных помыслов! да отыдет праздность! да блюдется усердие! Прилежи к размышлениям священным и к божественным прилепляйся благам; озаботься вечным, оставь брренное. Но что будет для тебя полезнее, что целительнее помыслить в столь Божественных трудах духа, нежели сладостнейшей думою возвращаться к Безмерным благотворениям Создателя? Уразумей же, каким величием, каким достоинством почтил он тебя при самом начале творения; и взвесь, какую любовью, каким почтением должны мы воздать ему! Воистину, когда он, созида и устроая целокупность вещей видимых и невидимых, положил сотворить человеческое естество, он верховной мыслью предначертал достоинство состояния твоего, а именно – решил прославить тебя выше всех творений, которые только ни обретаются в мире. Усмотри же, сколь высоко твое сотворение, и поразмысли, какой долг любви лежит на тебе. “Сотворим, – говорит Господь, – человека по образу и подобию нашему” [Быт 1, 26]. Если такое речение Создателя твоего не понудит тебя пробудиться, если столь неизреченное благоволение, с которым тебе воздана почать, не подвигнет тебя всецело возгореться любовью к Нему, если все недра твои не восплают томлением по Нему, – что сказать мне? Назвать ли тебя спящей? Или, может статься, мертвой?

Внимай же с тщанием, что это означает: быть сотворенной по образу и подобию Божию. В этом тебе дан сладостный залог благочестивого размышления, дабы упражнять на нем свои мысли. Познай, что одно есть подобие, другое образ: примера ради, некое подобие человека может являть в себе конь или бык и другие подобные творения, между тем как образ человека не являет никто, кроме человека. Ест человек, ест и конь; вот некое подобие и общность между различными естествами. Образа же человеческого не воспроизведет никто, кроме как другой человек той же природы, какую являет и образ. Потому образ выше, нежели подобие. Подобие Богу можем мы иметь в себе, если, усматривая, сколь Он добр, потщимся быть добрыми; если, познавая, сколь Он справедлив, усилимся быть справедливыми; если, созерцая, сколь Он милосерд, приложим силы наши к делам милосердия. Но как обстоит дело с образом Его? Поразмысли. Бог вечно памятует о Себе, разумет Себя, любит Себя. Следовательно, и ты будешь причастен Его Образу, если по мере скудных сил твоих станешь неустанно памятовать о Боге, разуметь Бога, любить Бога; ибо в таком случае ты будешь усиливаться делать то самое, что вечно делает Бог. Целокупную жизнь свою должен человек об-

ратить на то, чтобы памятовать о высшем Благе, разуметь Его, любить Его; каждое помышление, каждое биение сердечное да будет устремлено, изоцирено, подвинуто к тому, чтобы в неустанном чувствовании памятовала ты о Боге, разумела Бога, любила Бога и через это спасительно изъясляла, что сотворена ты по образу Божию. Но к чему называю я тебя сотворенной по образу Божию, если, по свидетельству апостола, ты еси сам образ Божий? “Муж, – глаголет апостол, – не должен покрывать главу, ибо он есть образ и слава Божия” [1 Кор 11, 7].

3. О том, что где бы мы ни были, мы в Нем живем, движемся и есмь, Его же Самого имеем внутри себя

Тот, Кто в небесах обитает и в ангелах царствует, пред Кем преклоняются небо и земля со всем сущим в них, Сам предложил тебе Себя как обитель, Сам уготовал тебе Свое присутствие; ибо Павел апостол научает нас, что “в Нем живем мы, движемся и есмь” [Деян 17, 28]. Сладостная жизнь, отрадное движение, вожделенное бытие! Ибо что сладостнее, нежели иметь жизнь в Том, Кто есть сама жизнь блаженная? Что отраднее, нежели устремлять каждое движение пожелания и действия нашего к Тому и в Том, Кто утверждает нас в вечном постоянстве? Что вожделеннее, нежели намерением и поведением неизменно быть в Том, в Ком только и есть, или лучше сказать, Кто только и есть истинное бытие, помимо Которого ничто не может должным образом быть? “Я, – молвит он, – есмь Тот, Кто есть” [Исх 3, 14]. Как прекрасно! Ведь воистину есть лишь Тот, Кто обладает неизменяемым бытием. И вот Он, Чье бытие столь превосходно, столь несравненно, что Он один воистину есть, и в сравнении с Ним все сущее есть ничто; Он, Кто сотворил тебя для удела столь возвышенного, чтобы ты даже не в силах была уразуметь славу достоинства твоего, – где назначил Он тебе пребывать? Выслушай со вниманием, как Сам Он говорит людям Своим в Евангелии: “Пребудьте во Мне, и Я в вас” [Иоан 15, 4]. О, неоцененная милость! О, блаженная обитель! О, достославный обмен! Сколь велика милость Творца, возжелавшего, чтобы творение Его в Нем обитало! Сколь непостижимо блаженство творения, пребывающего в своем Творце! Сколь безмерна слава разумного творения, соединенного с Творцом своим в обмене столь блаженном, что Он в творении, творение же в Нем устрояет обитель! Сотворив нас так дивно, Он милосердно пожелал, чтобы мы в Нем пребывали, – в Том, Кто, будучи превыше всего, правя над всем, бытийствует без тревог; Кто, давая как бы общее основание всему, все поддерживает без усилия; Кто, превышая все вещи, все превосходит без гордости; Кто, держа мировую целокупность, объемлет ее без распространения; Кто, являя собою полноту всего, все исполняет без утеснения, Он-то, Сущий повсюду, пожелал устроить усладительное Свое Царство внутри нас, по свидетельству Евангелия, глаголющего: “Царствие Божие внутри вас есть” [Лк 17, 21].

Просологион

Глава 1

Ныне пробудись, о человече! уйди хоть немного от попечений твоих, сокройся хоть малость от беспокойных твоих помыслов. Ныне отбрось прочь тягостные заботы, отложи многотрудные твои занятия. Хоть ненадолго обрети досуг для Бога, хоть ненадолго стяжай в Нем успокоение. Войди в клетвь ума твоего, изгони все, кроме Бога и тех вещей, что помогают тебе искать Его, и, затворив дверь, взыскуй Его. Скажи ныне, все существо сердца моего, скажи Богу так: “Лика Твоего взыскую; буду искать лица Твоего, Господи” [Пс. 26, 8].

Господи, Боже мой! ныне Ты научи сердце мое: где и как ему искать Тебя? где и как ему обрести Тебя? Господи, если нет Тебя здесь, где искать мне Тебя как отсутствующего? Если же Ты повсюду, почему не могу я зреть Тебя как присутствующего? Так, Ты обитаешь во свете неприступном [1 Тим 6, 16]. Но где он, этот свет неприступный? и как приступить мне к свету неприступному? кто приведет меня к нему и введет в него, дабы лицезреть мне Тебя в нем? Под какими знаками, под каким образом искать мне Тебя? Никогда не зрел я Тебя, Господи, Боже мой; Лика Твоего не ведаю. Что же делать, Всевышний Господи, что же делать тому, кто столь отдален от Тебя изгнанием? Что делать рабу Твоему, что изнемогает от любви к Тебе и далеко отринут от Лика Твоего [ср. Пс 50, 13]? Жаждет он лицезреть Тебя, но слишком удален от него Лик Твой; приступить к Тебе хочет, но не приступна обитель Твоя; обрести Тебя желает, но не знает место пребывания Твоего; искать Тебя вожделеет, но не ведает Лика Твоего. Господи, Ты еси Бог мой, и Ты Господь мой – но никогда не зрел я Тебя. Ты сотворил меня, и Ты претворил меня, и все мои блага дал мне Ты – но доселе еще не познал я Тебя! Наконец, сотворен я для того, чтобы созерцать Тебя – но доселе не мог делать то, для чего сотворен!

О, горестный удел человека, утратившего то, для чего он сотворен! О, падение печальное и плачевное! Увы, что утратил человек и что он обрел? что отошло и что осталось? Утратил он блаженство, для которого предназначен, обрел же бедствие, для которого не предназначен; отошло то, что одно делает блаженным, осталось то, что в себе самом всецело бедственно. Некогда вкушал человек от хлеба ангельского, которого ныне алчет; ныне вкушает он от хлеба скорбного, которого некогда не знал. Увы! общее рыдание человеков! всемирный плач сынов Адамовых! Прародитель наш пресыщался яствами, мы терзаемся голодом; он изобиловал, мы нищенствуем; он счастливо обладал и плачевно утратил, мы несчастливо нуждаемся и плачевно желаем, но, увы, остаемся ни с чем. Зачем не сберег он для нас то, что ему было некогда легко сберечь, нам же столь тяжело не иметь? Зачем изринул из света и заключил во тьму? Зачем лишил нас жизни и причинил нам смерть! О, мы несчастные! Откуда мы извергнуты и куда ввергнуты? Откуда ниспали и куда устремились? Из отчизны в изгнание, от лицезрения Бога в слепоту нашу, от сладости

бессмертия в горечь и терзание смерти. О, бедственная перемена: от такого блага и к такому злу! Тягостна здесь утрата, тягостна скорбь, и все тягостно.

Но увы и мне, несчастному, одному из несчастных сынов Евиных, отторгнутых от Бога? Что я замышлял и что совершил? К чему стремился и куда пришел? По чему томился и от чего терзаюсь? Благо искал я, и вот смятение [Иер 14, 19]. К Богу поспешал я и преткнулся о самого себя. Покоя искал я в сокровенностях моих, и смуту обрел я в глубинах моих. Уповал я ликовать от радости духа моего и принужден кричать от горести сердца моего [Пс 37, 9]. Манило веселие, и вот усугубляется вздыхание!

Ты же, Господи, доколе? [Пс 6, 4] Доколе, Господи, будешь забывать нас, доколе будешь скрывать Лицо Твое от нас? [Пс 12, 2] Когда воззришь Ты на нас и услышишь нас? Когда просветишь очи наши и явишь нам Лик Твой? Когда возвратишь нам Себя? Воззри, Господи! услышь! просвети нас! яви Себя нам! Возврати нам Себя, и будет нам хорошо; без Тебя же сколь нам худо! Умилосердись над трудами и порываниями нашими к Тебе, ибо ничего не можем без Тебя. Ты призвал нас к Себе; помоги нам. Молю Тебя, Господи, да не пребуду безутешен в отчаянии, но утешен в чаянии. Молю Тебя, Господи! горько сердце мое через богооставленность; услади его через посещение свое! Молю Тебя, Господи! в алкании начал я искать Тебя, да не отойду от Тебя голодным; в скудости приступил, да не отступлю ненасыщенным! Нищий пришел я к Богатому, страждущий к Милосердому; да не возвращусь неутешен и презрен! И если я вздыхаю прежде яств [Иов 3, 24], удели мне яства после вздыханий! Господи, согбен я и могу смотреть лишь долу; воздвигни меня, да возмогу смотреть горе. Беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне [Пс 37, 5]. Освободи меня, сними с меня бремя мое, да не затворит надо мною пропасть зева своего [Пс 68, 16]. Даруй мне узреть свет Твой, хоть издали, хоть из глубины. Научи меня искать Тебя и яви Себя ищущему; ибо я не могу ни искать Тебя, если Ты не научишь, ни обрести Тебя, если Ты не явишь. Взыщу Тебя, вздыхая о Тебе, и воздохну о Тебе, взысquia Тебя; обрету, возлюбив, и возлюблю, обретая.

Исповедую, Господи, и благодарю Тебя, что сотворил Ты во мне этот Твой образ, дабы я памятовал о Тебе, мыслил Тебя, любил Тебя; но он настолько стерся от гнета пороков, настолько помрачился от дыма прегрешений, что не сможет творить то, для чего сотворен, если Ты не обновишь и не преобразуешь его. Не силюсь, Господи, проникнуть в глубины Твои, непосильные для моего разума; но желаю хоть отчасти разуместь истину Твою, в которую верует и которую любит сердце мое. Не ищу разуместь, дабы уверовать, но верую, дабы уразуместь; ибо верую и в то, что если не уверую, не уразумею.

Глава 2. О том, что Бог поистине есть, хотя и сказал безумец в сердце своем: "Нет Бога"

Итак, Господи, Ты, что даруешь вере разумение! даруй мне, насколько признаешь полезным для меня, уразуместь, что Ты еси, как мы веруем; и что Ты еси то именно, во что мы веруем. Веруем же мы, что Ты нечто, более чего

нельзя ничего помыслить. Или, может быть, сущности такой нет, коль скоро сказал безумец в сердце своем: “Нет Бога”? [Пс 13, 1] Но даже и сам этот безумец понимает, что я говорю, когда слышит: “Нечто, более чего нельзя ничего помыслить”; и то, что он понимает, есть в его разуме, хотя он и не понимает, что оно есть. Ибо одно дело, если вещь есть в разуме, а другое, если разум мыслит ее как ту, которая есть. Так, когда живописец замышляет то, что ему предстоит делать, он имеет в своем разуме нечто; однако он не мыслит того, что он еще не делал, как то, что есть. Когда же он все написал, он и в разуме имеет уже им сделанное, и мыслит его как то, что есть. Итак, даже и означенный безумец принужден признать, что хотя бы в разуме есть нечто, более чего нельзя ничего помыслить; ведь слыша эти слова, он их понимает, а то, что понимают, есть в разуме. Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме. Итак, если то, более чего нельзя ничего помыслить, имеет бытие в одном только разуме, значит, то самое, более чего нельзя ничего помыслить, есть одновременно то, более чего возможно нечто помыслить; чего явным образом быть не может. Следовательно, вне всякого сомнения, нечто, более чего нельзя ничего помыслить, существует как в разуме, так и на деле.

Глава 3. О том, что небытие Бога помыслить невозможно. То, небытие чего возможно помыслить, не есть Бог

Вышесказанное справедливо в такой степени, что небытие этой сущности невозможно и помыслить. Ибо мыслимо нечто, о чем нельзя даже помыслить, что его нет, и это больше, чем если о чем-либо можно помыслить, что его нет. Ведь если то, более чего нельзя ничего помыслить, может быть помыслено как то, чего нет, из этого следует, будто бы то самое, более чего нельзя ничего помыслить, не есть то, более чего нельзя ничего помыслить; а это явное противоречие. Итак, воистину есть то, более чего нельзя ничего помыслить, и притом так, что его небытия и помыслить невозможно. И это Ты, Господи, Боже наш! Итак, столь воистину обладаешь Ты бытием, Господи, Боже мой, что небытия Твоего нельзя помыслить. Так и быть должно: ведь если бы некий ум возмог помыслить нечто совершеннее Тебя, творение вознеслось бы превыше Творца и судило его, что весьма противно рассудку. Притом все иное, кроме Тебя одного, можно помыслить как несуществующее; итак, лишь Ты один обладаешь бытием в истиннейшем смысле и постольку в наибольшей степени, коль скоро любая иная вещь пребывает не столь истинно, а значит, имеет в себе меньше бытия.

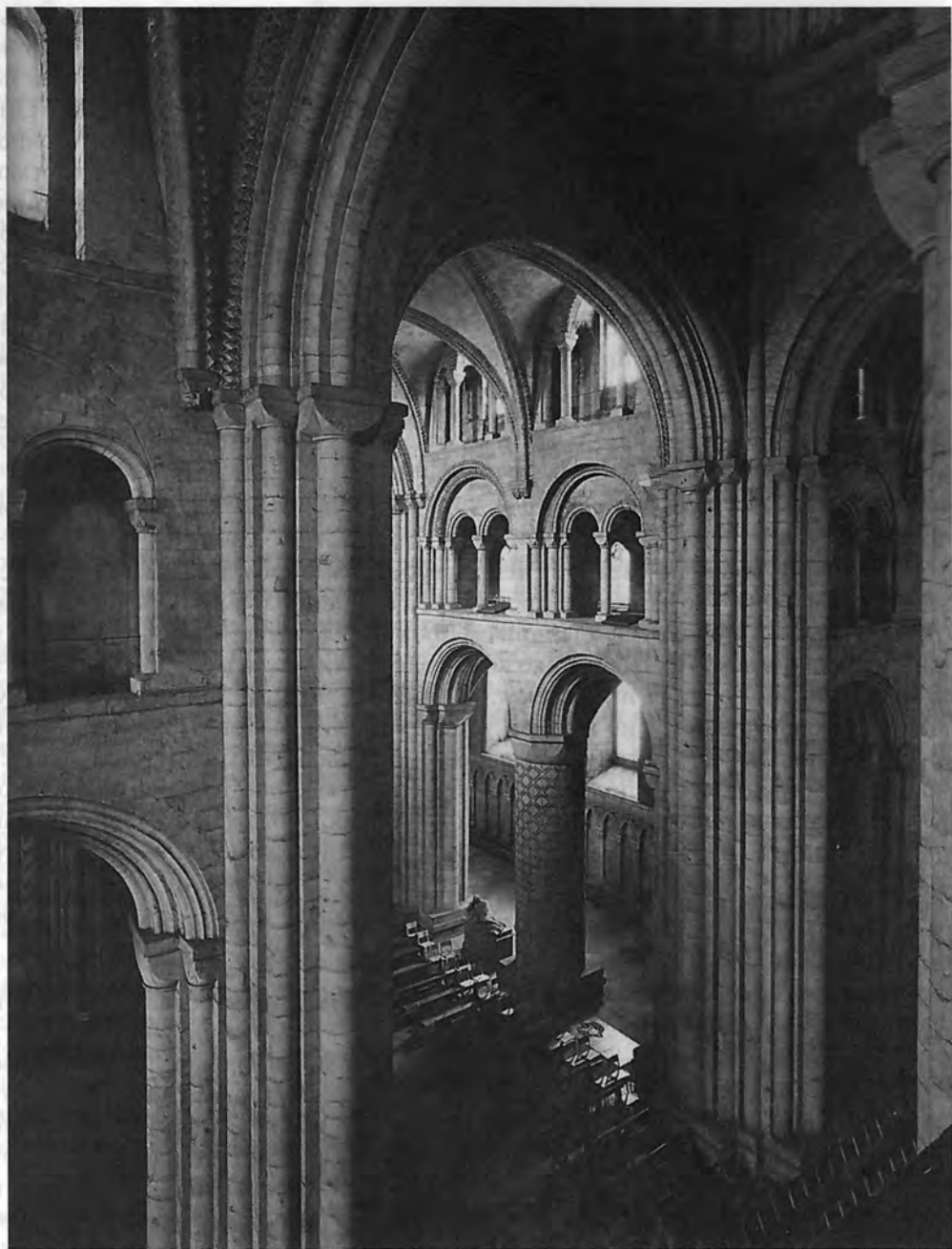
Так почему же сказал безумец в сердце своем: “Нет Бога”, если для каждого разумного духа так самопонятию, что Ты сравнительно со всем в наибольшей степени обладаешь бытием? Почему, если не потому, что он глупец и безумец?

Глава 4. О том, что безумец сказал в сердце своем нечто, чего невозможно помыслить. – Вещь может быть помыслена двояким способом: 1. Когда бывает помыслено обозначающее ее речение; 2. Когда бывает помыслена сама вещь. Первым способом небытие Божие может быть помыслено, вторым – не может

В самом деле, каким образом сказал безумец в сердце своем то, чего невозможно помыслить? Или каким образом он не мог помыслить того, что сказал в сердце своем? Ведь сказать в сердце своем и помыслить есть одно и то же. Здесь противоречие: он действительно помыслил, коль скоро сказал в сердце своем; и он не сказал в сердце своем, коль скоро не помыслил. Но сказать в сердце своем, или помыслить, можно разными способами. Одно дело помыслить вещь, мысля обозначающее ее речение; другое дело – уразумевая самое вещь как таковую. Первым способом возможно помыслить, что Бога нет, но вторым никак невозможно. Никто, разумеющий, что суть огонь и вода, не может помыслить: “огонь есть вода”, – держа в мысли вещи, хотя может это сделать, держа в мысли речения. Равным образом никто, разумеющий, что такое Бог, не может помыслить, что Бога нет, хотя бы он говорил эти слова в сердце своем, прибегая ли к внешнему изъявлению или обходясь без него. Ведь Бог есть то, более чего нельзя ничего помыслить. Тот, кто хорошо разумеет это, во всяком случае разумеет, что по свойствам бытия Бога его небытие нельзя даже помыслить, Благодарю Тебя, благий Господи, благодарю Тебя; ибо чему я прежде веровал, получив от Тебя веру, то ныне разумею, получив от Тебя озарение. И теперь если бы даже я не пожелал веровать, что Ты еси, я не смог бы не разуметь, что это так.

Глава 14. Как и почему Бог и видим, и невидим для взыскующих Его

Нашла ли ты, душа моя, что искала? Ты искала Бога, и ты нашла, что Он есть высочайший предел всех вещей, совершеннее которого ничего нельзя помыслить; и что Он есть сама Жизнь, сам Свет, сама Премудрость, сама Благодать, сами вечное Блаженство и блаженная Вечность; и что пребывает Он повсюду и всегда. Так вот: если не нашла ты Бога твоего, как же возможно, что ты нашла все вышесказанное и уразумела это с такой непреложной подлинностью и с такой подлинной непреложностью? Если же нашла, – в чем причина, что ты не ощущаешь Того, кого нашла? Почему не ощущает Тебя, Господи Боже, душа моя, если нашла она Тебя? Или она не нашла Того, о ком, однако, нашла, что Он есть Свет и Истина? Как же уразумела она это иначе, нежели увидав Свет и Истину? Да и могла ли она вообще уразуметь о Тебе нечто, кроме как через Твой Свет и через Твою Истину? [Пс 42, 3] Но если она видела свет и истину, она видела Тебя; если же не видела Тебя, не видела ни света, ни истины. Или увиденное ею было и Светом, и Истиной, и все же она не увидела Тебя, поскольку видела Тебя лишь немного, но не узрела Тебя, как Ты еси? [1 Ин 3, 2] Господи, Боже мой, сотворивший и претворивший меня, скажи взыскующей душе моей, что же Ты еси сверх того, что она

Собор в Дареме. 1093–1130 гг.

McKitterick R. Atlas of the Medieval World. Oxford, 2004. P. 157

видела, дабы она ясно видела, чего взыскует. Усиливается она увидеть больше и не видит ничего помимо уже увиденного, разве что мрак; вернее же, она не тьму видит, ибо нет в Тебе тьмы, но видит, что не может более видеть по причине собственной омраченности. Почему так, Господи, почему так? Омрачено ли око ее слабостью своей или ослеплено Твоим блистанием? Точно, оно и в себе омрачено, и от Тебя ослеплено; потемнено оно своею малостью, и подавлено Твоею безмерностью; несомненно, оно утесняется узостью своею и одолевается пространностью Твоею! Ибо каков этот Свет, из которого просиявает духу разумному всяческая истина? Сколь пространна эта Истина, вмещающая внутри себя все, что только и есть истинного и вне которой обретаются только ничто и лживость? Сколь безмерна она, что единым взглядом озирает все сотворенное, она, которой, и через которую, и по действию которой все было сотворено из ничего? Сколько в ней чистоты? Сколько простоты? Сколько непреложности и блистательности? О, без сомнения, больше, чем творение способно уразуметь.

Глава 16. О "свете неприступном" [1 Тим, 6, 16], в котором обитает Бог

Воистину, Господи, свет этот неприступен, в котором Ты обитаешь; воистину, нет ничего, что могло бы проникнуть в него и рассмотреть Тебя в нем. Воистину, его я не вижу, ибо слишком ярок он для меня; и все же все, что я вижу, я вижу в нем, как слабое око видит все им видимое в свете солнца, хотя взирать на само солнце и не может. Не в силах ум мой приступить к нему, слишком блистающему, не в силах уловить его, не выносит око души моей продолжительного всматривания в него; оно слепимо блистанием, одолевается пространностью, подавляемо безмерностью, постыжаемо полнотою. О свете высочайший и неприступный! О полная, о блаженная Истина! Как далеко Ты от меня, который так близок к Тебе! Как отрешена Ты от моего взгляда, между тем как я так подставлен Твоему! Без сомнения, Ты всецело здесь, я же не вижу Тебя. В Тебе "движусь я и есмь" [Деян 17, 28], и к Тебе не могу приступить. Ты во мне и вокруг меня, а я Тебя не ощущаю.

Глава 17. О том, что благозвучие, благоухание, сладость, мягкость и красота обретаются в Боге некоторым неизъяснимым образом

Доселе сокрываешься Ты, Господи, от души моей во свете и блаженстве Твоем; оттого и пребывает она доселе во мраке и убожестве своем. Озирается она, и не видит красоты Твоей; прислушивается, и не слышит благозвучия Твоего; обоняет, и не чувствует благоухания Твоего; вкушает, и не распознает сладости Твоей; осязает, и не распознает мягкости Твоей. Ибо все это есть в Тебе, Господи Боже, приличным для Тебя неизъяснимым образом, Ты же вложил это в сотворенные Тобою вещи приличным для них чувственным образом; но огрубели, но омертвели, но притупились чувствования души моей от застарелого недуга греховного.

Глава 18. О том, что Бог есть жизнь, премудрость, вечность и всякое истинное благо. – Все, что составлено из частей не являет собою полного единства и может быть разъято действием или мыслью. Премудрость вечность и т. п. не суть в Боге Его части, но единое, и сама целокупность, которая есть Бог, или само единство, не могущее быть разъято даже в мысли

Вот вновь смятение; вот вновь взыскующий радости и веселия встречен горестию и печалию! Уже чаяла душа моя насытиться, и вот вновь обрекается алкать. Уже мнил я, что вкусил яств, и вот глад мой сильнее, нежели прежде. Усиливался я взойти к свету Божию, и ниспал вспять, во тьму мою. Вернее же сказать, не теперь ниспал я в нее, но лишь восчувствовал свое в нее погружение; ниспал же я прежде, нежели зачала меня мать моя. Воистину, во тьме я зачат [Пс 50, 7] и погруженным во тьму родился. Воистину, все мы пали в лице Того, “в Ком все согрешили” [Рим 6, 12]. В Нем все мы утратили то, что Он имел без труда, утратил же на горе себе и нам; ныне, когда мы хотим искать утраченное, мы Его не ведаем, когда ищем, не обретаем, а когда обретаем, это не то, что мы искали. “Господи, взыскал я лица Твоего; буду искать лица Твоего, Господи; не скрой от меня лица Твоего!” [Пс 26, 8–9]. Подними меня от меня к Тебе. Очисти, исцели, изошри, просвети око ума моего, да возможет оно воззреть на Тебя. Пусть соберет расточенные свои силы душа моя, и всем разумением своим пусть сызнова вперится она в Тебя, Господи. Что Ты еси, Господи, что Ты еси, как должно сердце мое разуметь о Тебе? Истинно, Ты еси Жизнь, и Премудрость, и Правда, и Благодать, и Блаженство, и Вечность, и всякое Истинное Благо. Блага эти множественны, и бедный ум мой бессилен узреть их все единым взглядом, дабы усладиться ими всеми одновременно. Как же, Господи, Ты еси все это? Быть может, это части Твои? или, вернее, каждое из них есть Ты во Всей Твоей целокупности? Все, что составлено из частей, не являет собою безусловного единства, но до некоторой степени множество, не тождественное самому себе и могущее быть разъятым либо в действии, либо в мысли; но Тебе, совершеннее которого нельзя ничего помыслить, это чуждо. Итак, нет в Тебе частей, Господи, нет в Тебе и множественности, но Ты столь целокупен и самотождественен, что ни в чем не являешь неподобия самому себе; Ты – само Единство, не делимое ни для какой мысли. Следственно, и Жизнь, и Премудрость, и прочие совершенства – не части Твои, но все они суть едино, и каждое из них есть вся Твоя целокупность, объемлющая все остальные. Но коль скоро ни Ты не имеешь частей, ни вечность Твоя, которая есть Ты сам, их не имеет, следственно, нигде в пространстве и никогда во времени ни Ты, ни вечность Твоя не даны как часть; но Ты целокупно присутствуешь во всяком месте, и вечность Твоя целокупно присутствует во всяком мгновении.

Глава 24. Умозаключение о том, каково свойство, какова великость названного Блага. – Если жизнь сотворенная есть благо, то какое благо жизнь творящая?

Ныне, о душа моя! пробуди и напруги все силы ума твоего, и поразмысли, насколько можешь, о том, каково свойство и какова великость назван-

ного Блага. Ибо коль скоро и обособленные блага усладительны, поразмысли с прилежанием, как усладительно то Благо, что содержит в себе приятность всех благ; однако не ту приятность, какую знаем по опыту из сотворенных вещей, но столь же отличную от нее, сколь Творец отличен от творения. Ибо коль скоро и жизнь сотворенная есть благо, то какое благо – Жизнь Творящая? Коль скоро зиждимое спасение сладостно, то как сладостно то Спасение, которым зиждимо всяческое спасение? Коль скоро мудрость, состоящая в познания вещей созданных, любезна, то сколь любезна Премудрость, создавшая из ничего все вещи? Наконец, коль скоро много великих услаждений обретается в вещах усладительных, то сколь дивное и столь великое услаждение обретается в Том, Кто сообщил им усладительность?

Глава 26. Есть ли это радость совершенная, которую обещал Господь. – Блаженные столько возрадуются, сколько возлюбят; столько возлюбят, сколько познают

Боже мой, и Господи мой, упование мое, и радость сердца моего, скажи душе моей, есть ли это радость, о которой Ты глаголешь нам через Сына Твоего: “просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна” [Ин 16, 24]? Ибо нашел я некую радость совершенную, и более нежели совершенную. Если все сердце, и весь дух, и вся душа, и весь человек во всем своем составе исполнится радостью этой, и тогда перельется через край радость. Итак, не радость эта всецело войдет в радующихся, но радующиеся всецело войдут в радость. Скажи, Господи, скажи рабу Твоему в глубине сердца его, та ли это радость, в которую войдут рабы Твои, что войдут в радость Господина своего [Мф 25, 21]? Но радость эту, которую возрадуются избранные Твои, воистину “не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку” [Ис 64, 4; 1 Кор 2, 9]. Еще не сказал я, Господи, и не помыслил, сколько возрадуются эти блаженные Твои. Верно, столько возрадуются, сколько возлюбят; столько возлюбят, сколько познают. О, сколь много познают они Тебя, Господи, в оное время, и сколь крепко возлюбят Тебя! Воистину, не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, – сколько познают они и возлюбят Тебя в жизни той!

Молю Тебя, Господи! даруй мне познать Тебя, даруй мне возлюбить Тебя, дабы возрадоваться о Тебе. И если не смогу в жизни сей познать, и возлюбить, и возрадоваться в меру совершенства, пусть буду я хотя бы преуспевать в этом делании, покуда радость не станет совершенна. Пусть мое познание Тебя здесь преуспеваает, а там будет совершенно; пусть любовь моя к Тебе здесь возрастает, а там будет совершенна; пусть радость моя будет здесь велика упованием, а там совершенна исполнением. Господи! через Сына Твоего Ты нам повелеваешь, вернее же, советуешь, просить, и обещаешь, что мы получим просимое, чтобы радость наша была совершенна. Вот я прошу, Господи, как советуешь Ты нам через дивного Подателя советов; так да получу я то, что обещал Ты через Истину Твою, чтобы радость моя была совершенна.

Правдивый Боже, я прошу! так да получу я, чтобы радость моя была совершенна. Меж тем пусть размышляет о ней ум мой; пусть говорит о ней язык мой; пусть любит ее сердце мое; пусть проповедуют ее уста мои. Да взалкает ее душа моя, да возжаждет плоть моя, да возгорится все существо мое, доколе не вниду в радость Господина моего, Который еси Ты, Боже Троичный и Единый, благословенный вовеки. Аминь.

Приложение

Житие св. Ансельма, составленное Эадмером, монахом Кентерберийским, Ансельмовым учеником и неразлучным спутником

КНИГА 1

Деяния святого Ансельма¹ прежде поставления его в епископы

1. Происхождение св. Ансельма, обучение его, отшествие в Галльские земли, размышления о выборе образа жизни

Вознамерясь предать записи чин жития и жительство Ансельма, архиепископа Кентерберийского, наперед же всего призвав себе в помощь верховное милосердие Божие и величие, вкратце скажу нечто о происхождении и нравах родителей его, дабы читатель рассмотрел, от какого корня возросло то, что со временем возблистало в трудах имевшего родиться дитяти. Итак, отец его звался Гондольф, мать же Эрмеберга. Оба они, что касается мирской чести, благородно были рождены и благородно жили в городе Аосте. Город этот, сопредельный с Бургундией и Ломбардией, явил на свет в своих стенах Эрмебергу; Гондольф, родившись в Ломбардии, сделался его гражданином из пришельца. Сочетавшись уставом брака, оба они избыточествовали богатствами, однако в некоторой степени разнствовали нравами: ибо Гондольф, преданный мирскому житию, не довольно пекся о своем состоянии, но часто тратил его, так что почитался иными не только за щедрого и благотворителя, но за неумеренного и расточителя, между тем как Эрмеберга, занимаясь благими трудами, достолично заботясь о доме, с осмотрительностью устроая и сберегая свое добро, исполняла должность хорошей матери семейства. Нравы ее были честны и безупречны, и сообразованы с правомысленною рассудительностью. Таково было ее житие, в котором она пребывала, покуда жила, и в котором сподобилась принять кончину живота. Гондольф же, незадолго до смертного дня своего отвергшись мира и став монахом, монахом преставился.

Что до сына их Ансельма, то он в бытность свою малым ребенком охотно прилежал душою, покуда то еще позволял его возраст, к материнским беседам; и вот услышав, что есть единый Бог горé в небесах, который всем правит и обладает, он представил, как отрок, выросший среди гор, что на них и покоятся небеса, так что к небесной обители Божией возможно подняться

через горы. Когда он особенно часто обращал в душе эту мысль, ему случилось ночью увидеть в сновидении, что он должен взойти на вершину горы и поспешить к обители Бога, великого Царя. Притом еще прежде, чем начать восходить на гору, он узрел на равнине, простиравшейся до подножия горы, женщин, которые были служанки Царя; они жали ниву, но делали это весьма небрежно и леностно; отрок же, скорбя об их небрежении и негодуя на него, положил в душе своей обвинить их перед Господином и Царем. Пройдя засим гору, он вступил под кров Царя. Господина он застал с одним только хлебом, прочим же своих слуг, как представилось дитяти, он послал собирать урожай, ибо тогда стояла осень. Итак, отрок входит, слышит зов Господина, подходит к нему, садится у его ног, слышит обращенный к нему со сладостною приветностию вопрос, кто он, откуда, зачем пришел, и отвечает на вопрос сообразно своему разумению. Тогда властью Господина предлагается ему через хлебодара белейший хлебец, каковой он и вкушает пред лицом Предложившего. Восстановляя поутру в памяти увиденное, он поверил, как отрок, простой и невинный, что и вправду был в небесах и вкушал от хлеба Господнего, и в присутствии других людей утверждал, что все так и было.

Итак, отрок возрастал и был всеми любим; то было действие честных его нравов, побуждавших прилепляться к нему с чрезвычайною любовью. Отдают его в обучение, он учится, и в малое время делает великие успехи. Еще не достигнув пятнадцатого года, он уже начал раздумывать, как лучше устроить ему свою жизнь перед Богом, и порешил сам с собою, что нет в жительстве людей ничего предпочтительнее монашеского жития. В желании стяжать таковое приходит он к некоему знакомому аббату и просит сделать его монахом; однако аббат, узнав его намерение, но также и то, что просил он без ведома своего отца, из боязни оскорбить последнего отказал. Ансельм же, блюдя верность раз принятому решению, стал молить Бога, чтобы сподобиться ему занеуджить и хоть через это войти в столь желанный ему иноческий чин. Дивное дело! Бог, возвестивший, сколь скоропослушна благодать его даже в иных обстоятельствах, внял его молитвам и тотчас ниспослал ему великую телесную немощь. Он же, тяжело изнемогая, посылает за аббатом, объявляет, что опасается смерти, просит, чтобы сделали его монахом. По причине вышеназванного препятствия желание его не было исполнено, однако лишь в той мере, в какой разумение человеческое может судить об этом. Впрочем, Бог, от которого и будущее не сокрыто, не пожелал, чтобы раб его оказался связан с этим местом; ибо в лоне Его милосердия уже сокрывались те, которым со временем предстояло ради вящей Его славы прийти к согласию с Его волей через наставление от этого мужа.

После этого к юноше вернулось здравие; а то, чего он не достиг тогда, он положил с помощью Божьей совершить в будущем.

4. Между тем, однако, ему улыбалось телесное здравие, юношеское веселие, мирское благоденствие; и вот духовная его ревность о благочестивом намерении начала мало-помалу ослабевать, так что он более вступал на мир-

ские стези, нежели порывался их оставить и стать монахом. Притом и к ученым занятиям, особливо для него привычным, он начал охладевать и прилежать к юношеским забавам. Все же почтительная нежность и нежная почтительность, каковые питал он к матери своей, несколько удерживали его от такого поведения; когда же она скончалась, тут уже корабль сердца его как бы утратил якорь и почти унесен был волнением моря житейского. Однако Бог всемогущий, наперед ведая, что сотворит из него, не попустил душе его погибнуть через пользование мирским благополучием, но воздвиг на него горестную семейную брань, сиречь воспламенил душу отца столь яростной ненавистью против него, что его добрые дела озлобляли отца не менее, если не более, нежели дурные. Сын нимало не мог смягчить отца смирением, но чем более смиренным являл себя, тем более ожесточившимся видел его. Усматривая, сколь это непереносимо, и страшась, как бы не воспоследовало еще горшее, он предпочел скорее отказаться от родительского дома и родного края, чем навлечь на отца или же на самого себя от такого оборота дел бесчестие.

Итак, приготовив все, что потребно в дорогу страннику, он оставляет родной край, сопровождаемый одним услужавшим ему человеком духовного звания. Когда случилось ему во время перехода через перевал Мон-Сени² утомиться, изнемогши от непривычки к таким трудам, он попытался восстановить силы, жуя снег; ничего съедобного под рукой не было. Когда служитель его заметил это, он опечалился и принялся искать с тщанием, нет ли чего съестного в котомке, что нес их осел, и тотчас же в противоположность ожиданию нашел в ней белейший хлебец. Насытись им, Ансельм восстановил свои силы и был здоровым возвращен к жизни.

Кнут Великий и королева Эмма
приносят Распятие на алтарь собора
Винчестерского монастыря.
Из рукописи XI в. Ch. Brooke
The Monastic World. N.Y., 1974. P. 141.
Илл. 88-а.

5. Проведя затем около трех лет частью в Бургундии, частью же во Франции, он отправляется в Нормандию, устремляет путь к Авраншу³, одному из городов этой провинции, и некоторое время остается там, но затем приходит в Бек⁴, желая увидеть, услышать и воспользоваться обществом некоего магистра по имени Ланфранк⁵; как известно, то был муж весьма добродетельных нравов, высокого благочестия и достопамятной мудрости, так что необычная его слава распространялась повсюду и приводила к нему достойнейших людей духовного звания со всех частей земли. Итак, Ансельм, приступив к означенному мужу и усмотрев несравненную его мудрость, подчиняет себя его учительству и через малое время становится к нему близок предпочтительно перед прочими учениками. Днем и ночью занимается он науками, притом не только получая уроки Ланфранка по своему желанию, но и с тщанием обучая других по их просьбам. Меж тем как тело его среди таковых занятий изнуряемо было бдением, голодом и холодом, пришло ему на ум, что если когда станет он монахом, как положил в свое время, тяжелее того, что он терпит, ему терпеть не придется; но в монашестве он не утратит плоды своих трудов, а будет ли сохранен таковой плод и в миру, усмотреть невозможно. Поразмыслив обо всем этом, он начал устремлять все свои намерения к тому, как угодить Богу, и, презрев мир с соблазнами его, доподлинно возжелал стать монахом.

6. Что же дальше? Он раздумывает, где сможет принести больше пользы, в чем было его желание, и рассуждает сам с собой вот каким образом. “Так, – говорит он, – буду я монах. Но где? Если в Ключни или в Беке, тогда потеряно все время, что потратил я на ученье: ибо как в Ключни строгость устава, так в Беке умственное превосходство обретающегося в нем Ланфранка обрекут меня на то, чтобы оказаться там бесполезным, а здесь излишним. Итак, намерение мое я осуществляю в такой обители, где и познания мои смогу показать, и пользу многим принести”. Все это сам он частенько рассказывал, подтрунивая над собой, а затем, задумавшись, добавлял: “Еще не был я укрощен, еще не возросло во мне презрение к миру; и вот я воображал, будто увлекаем любовью к людям, и не примечал, сколь пагубны мои помыслы”.

Но затем он сказал, углубясь в самого себя: “Что же? Это ли значит быть монахом: желать, чтобы тебе предпочтительно перед всеми принадлежали первенство, почет, важность? Нет. Так отложи строптивость и становись монахом там, где в согласии с правдой ты ради Бога поставишь себя после всех, перед всеми умалишься, перед всеми лишишься важности; и где же это может быть? Где же, как не в Беке? Там я не буду ничего значить тем вернее, что там обретается он, кто, просявая светом чрезвычайных познаний, для всех достаточен, для всех почтенен, для всех любезен. Итак, там успокоение мое; там единственно Бог будет заботой моею, там одна любовь к нему будет размышлением моим, там блаженное и непрестанное памятование о нем будет счастливым утешением и насыщением моим”. Так он думал, так желал, так надеялся...

Глава 2

8. ...Итак, Ансельм, оставив все и покинув мир, стал в Беке монахом на двадцать седьмом году своей жизни. Киновией этой правил тогда владыка, аббат по имени Херлуин, муж дряхлостный и пользовавшийся весьма хорошей славой; был он в той обители первым аббатом и сам выстроил монастырь от основания на свои родовые средства, Ланфранк, уже многократно нами поименованный, исполнял должность приора. Что до Ансельма, едва ставшего монахом, то он ревностно подражал житию тех, кто являл особое благочестие; или скажем так: он настолько сообразовался во всем с велениями благочестия, что собственное его житие могло дать довольно образцов для подражания любому ревнителю благочестивой жизни во всей обители. Так в продолжение трех лет он день ото дня продвигался в духовном преуспеянии все далее, будучи для всех велик и почтенен.

9. Когда же достойнейший Ланфранк приял бразды правления киновией, что в Каэне⁶, Ансельм был облечен саном приора. Обретя через это большую возможность послужить Богу, он отныне отдавал этому всего себя, все свое время, а мир и всякое попечение о мирском всецело исключал из своих помыслов. Притом совершилось, что будучи непрестанно погружен в раздумья о Боге и о священных науках, он достиг таких высот божественного умозрения, что сумел самые темные и дотоле не решенные вопросы о сущности Бога и о вере нашей постичь, постигнув же изъяснить и очевидными доводами доказать, что сказанное им здраво и кафолично. К Священному писанию являл он великое доверие и в несокрушимой твердости сердца веровал, что в нем нет ничего, каким-либо образом отклоняющегося от стези надежной истины. Потому он чрезвычайно ревностно устремлял свой дух в то, что там преподано, так что по вере своей сподобился постичь умственным рассуждением сокрывавшееся под покровом обильного мрака.

И вот случилось в некую ночь, что перед уставным бдением был он углублен в подобные предметы и бодрствовал на ложе своем, размышляя сам с собою и силясь уяснить себе, как это пророки во время оно прозревали прошедшее и будущее, словно бы настоящее, и с твердой уверенностью возвещали, будь то в слове изустном или записанном. И вот, когда он весь погрузился в эти мысли и чрезвычайно желал уразумения, вперяя во тьму лучи глаз своих, узрел он сквозь толщу стен спального покоя и церковного покоя, как монахи, на обязанности которых это лежало, обходили алтарь и прочие части церкви, приготавливая все к утреннему богослужению и возжигая лампы, и как, наконец, один из них взял в руки прут и для пробуждения братии ударил по билу, на каковой звон сонм братии начал вставать с лож своих, Ансельм же дивился случившемуся и через это уразумел в себе самом, что для Бога бесконечно легко в духе явить будущее пророкам, коль скоро и ему было даровано узреть происходящее телесными очами сквозь столько препятствий.

10. Осиянный с тех пор изнутри прозорливейшим светом премудрости, он настолько проник по вразумлению тонкостного ума в нравы каждого пола

и возраста, что когда беседовал он с людьми всенародно, можно было заметить, как открывает он каждому тайны его сердца. Притом он снимал покров с истоков и самых, если можно так сказать, семян и корней, а равно и с возрастания всех добродетелей и пороков, и словами яснее солнца вразумлял, как одно стяжать, другое же избежать или одолеть. В нем видна была такая сила благого совета, что вне сомнения Дух совета основал престол в его груди. Сколь ревностен и терпелив был он в святых увещаниях, и рассказывать излишне, коль скоро все знают, как он оставался неутомимым и тогда, когда почти все слушатели ощущали утомление. Если о святом Мартине говорится, что на устах его всегда в изобилии обретались и Христос, и справедливость, и все, что относится к нуждам истинной жизни, то мы нимало не поколеблемся в согласии с правдой повторить слова эти об Ансельме.

По сему случаю читатель и сам вспомнит, как Ансельм некогда не без откровения о будущих временах утешен был в видении белым хлебом с трапезы Господней.

11. О телесных же его трудах, сиречь постах, молитвах и бдениях, мне представляется разумнее умолчать, нежели говорить. Ибо к чему буду я рассказывать о его постах, если он от начала приората своего настолько утоньшил свое тело воздержанием от еды, что в нем не только совершенно отмерли какие-либо соблазны чревоугодия, но он перестал, по собственным его неоднократным признаниям, сколько-нибудь ощущать страдания от голода или удовольствие от вкушения? Вкушал же он то, что и другие, но до чрезвычайности скудно, ведая, что вовсе без пищи тело его не сможет жить. В молитвах же, которые сам он по желанию и просьбе друзей своих записал, сколь ревностно, сколь благоговейно, с какой надеждой, с какой любовью взывал он к Богу и святым его, притом и других научая взывать, узнает тот, кто прочтет их, не требуя от меня слов. Только бы читал он с благочестивым тщанием; уповаю, что будет ему в радость ощутить в них и через них сердца Ансельмова горение, свое же духовное преуспеяние. К чему говорить о бдениях? Целого дня по большей части недоставало ему для бесед со взыскующими совета, и к дню прибавлялась большая часть ночи. Притом же ночью исправлял он книги, которые дотеле обращались повсюду в чрезвычайно искаженном виде, прилежал к святым размышлениям, изливал безмерные дожди слез, подвигаемый созерцанием верховного блаженства и памятованием о жизни вечной. Горчайшими слезами оплакивал он бедствия жизни сей, грехи свои, если были у него грехи, и вины других, засыпал же совсем незадолго до уставных бдений, а зачастую не вкушал сна во всю ночь. Таковыми трудами украшалась жизнь его.

Глава 3

19. ...Нравы и слабости всех людей переносил он невозмутимо, и каждому, кому мог помочь, доставлял облегчение. О, сколь часто братья, отчаявшиеся уже в немощах своих, любящей его заботой возвращены бывали к

первоначальному здравью! Какие услуги принял ты, Геревальд, дряхлый старец, отягченный не только летами, но и недугом столь жестоким, что во всем теле не владел ты ничем, кроме языка! Из рук его кормясь, пия же из самой его ладони сок, выдавленный из виноградных ягод, получил ты облегчение и был восстановлен в прежнем здравии. Другого же питья и из другой чаши дотоле упорно не принимала душа твоя, как сам ты рассказывал. Что до Ансельма, то он вообще имел обыкновение весьма часто посещать монастырскую больницу, с тщанием расспрашивать о немощах каждого из братии и любому без промедления и досады оказывать ту услугу, которой требовала его немощь. Так был он отец для здоровых, и мать для недужных, вернее же сказать, равно для здоровых и недужных как отец, так и мать. По такой причине, если кто из братии имел какую-либо невысказанную тайну, он открывал ее Ансельму не иначе, как сладчайшей матери. В особенности добивалась того проникательная благожелательность Ансельма в обращении с молодыми людьми ...

25. В эти времена написал он три трактата, а именно: “Об истине”⁷, “О свободе воли” и “О падении диавола”. Из них явственно обнаруживается, на каких высотах пребывал дух его, между тем как он, однако, никоим образом не позволял умственным занятиям подобного рода оторвать его от попечения о ближних. Написал он и четвертый трактат, озаглавленный им “О том, что есть грамматик”. Там он выводит воображаемого ученика, в диспуте с которым предлагает и разрешает множество диалектических тонкостей, а равно излагает и преподает способы, каковыми должны быть разграничиваемы качественные определения.

Составил он и еще одну книжицу, которую назвал “Монологион”, ибо ведет в ней одинокое собеседование с самим собою, и, совершенно оставив в стороне авторитет Священного писания, одним только разумом отыскивает и уясняет, что есть Бог. Так непобедимым рассуждением доказывает он, что дело обстоит не иначе, нежели исповедует о Боге истинная вера.

После того пришло ему на ум рассмотреть, не может ли быть единственным и притом сжатым доводом доказано все возвещаемое в проповеди и принимаемое в вере учение о Боге, как то, что Он вечен, неизменяем, всемогущ, на всяком месте целокупен, непостижим, справедлив, благ, милосерд, нелжив, что Он есть Истина, Благодать, Справедливость и прочее; и что все это в Нем едино есть [Ин 17, 21]. Замысел этот, как сам он рассказывал, доставил ему великое затруднение: ибо мысли часто отнимали у него еду, питье и сон, иногда же, что огорчало его существеннее, нарушали молитвенную сосредоточенность, которую должен был он хранить в себе во время утренних и прочих церковных служб. Приметив это и еще неотчетливо видя перед собою самое цель свою, он заключил, что подобные мысли суть диавольское искушение, и вознамерился всецело изгнать их из ума своего. Чем больше, однако, силился он это сделать, тем упорнее с каждым днем беспокоили его

все те же мысли. И вот, в некую ночь между одним уставным бдением и другим благодать Божия воссияла в нем, и вожделенное раскрылось его разумению, исполнив все глубины сердца его радостью и веселием. Рассудив же сам с собою, что если раскрывшееся ему станет ведомо и другим, оно, быть может, будет им в утешение, сей чуждый зависти муж записал все на восковых табличках, каковые предал на сохранение одному из братьев обители. Через несколько дней он просит их у хранителя назад; их ищут на том месте, где они были положены, но отыскать не могут. Все братья опрошены, не взяли таблички по случайности кто из них, однако безуспешно. Даже доселе не отыскался человек, который признал бы, что ему ведомо, куда они пропали. Ансельм сызнова делает записи о том же предмете на других табличках и передает их все тому же брату с наказом беречь повнимательнее. Последний прячет таблички в свою постель, а на следующий день, не ожидая ничего худого, находит их на полу рядом с ложем, причем куски воска отломались и были рассыпаны в разрозненном виде. Таблички поднимаются с полу, куски воска собираются, и все опять вручается Ансельму; тот сам подбирает разрозненное и с большим трудом восстанавливает записи. Страшась, однако, как бы сочинение не погибло по какой небрежности окончательно, он приказывает во имя Господне перенести его на пергамент. Так написал он книгу, малую величиной, но великую по силе мыслей и тонкости умозрения, какую назвал “Прослогион”, ибо непрестанно обращается в ней то к себе самому, то к Богу. Когда сочинение это попало в руки некоего читателя, тот весьма вооружился противу доводов одной из частей труда, найдя их неубедительными; с немалой резвостью пустившись опровергать их, он составил некое порицание, каковое приложил к труду Ансельма. Когда порицание это, пересланное одним другом, дошло до Ансельма, тот возрадовался, воздал порицателю своему благодарность и обнародовал свой ему ответ, присовокупив его к книге и отослав обратно другу. Желая, чтобы все это читаемо было как означенным его другом, так и всеми, кто ни пожелал бы иметь у себя его труд, он, таким образом, приложил к сочинению и порицание своих доводов, и свой ответ на порицание.

Глава 4

30. В некое время один аббат, почитавшийся за мужа весьма набожного, беседовал с ним о делах монастырского благочиния, и в числе другого упомянул воспитывавшихся в обители школяров, присовокупив: “Что, вопрошаю, выйдет из оных? Злонравны они и неисправимы; днем и ночью мы непрестанно их бьем, а они по-прежнему делаютя самих себя хуже”. На это Ансельм с изумлением молвил: “Непрестанно их бьете? Каковы же они становятся с возрастом?” – “Тупы и звероподобны”, – был ответ. Ансельм продолжал: “Что же побуждает вас устроить воспитание ваше так, что из чело-веков творите вы зверей?” – “А что, – спросил аббат, – можем мы сделать?”

Всеми способами утесняем мы их, дабы они исправились; они же нисколько не исправляются”. – “Утесняете? Скажи мне Бога ради, авва; если насадишь ты в саду твоём древо и тотчас отовсюду сдавишь его оградой, так что оно ни в одну сторону не сможет протянуть ветвей, а по прошествии нескольких лет уберешь ограду, какое вырастет дерево?” – “Совершенно негодное, с ветвями искривленными и спутанными”. – “А кто будет в этом повинен, если не ты же сам, столь неистово его сдавивший? Воистину, так поступаете вы с нашими школярами! Они насажены в саду церкви, да возрастут и принесут плод свой Богу; вы же отовсюду стесняете их угрозами, застрачиваниями и ударами, ни в чем не давая воли. От такого неразумного стеснения в них умножаются, прививаются, разрастаются помыслы порочные и наподобие плелелов спутанные, овладевая ими настолько, что они в закоснелости духа гнушаются всем могущим послужить к их исправлению. По этой причине они, не видя от вас к себе ни любви, ни милосердия, ни благорасположения или кротости, не хотят верить, что и в будущем получают от вас что-либо доброе, но во всех действиях ваших усматривают одну злобу и недоброжелательство к себе. Происходит вещь весьма прискорбная: чем более возрастают их тела, тем более растет в них ненависть и склонность подозревать дурное, в каждый миг устремляя их к порокам. Поскольку ничто не преподается им в истинной любви, и они ничего не могут встречать иначе, как глядя исподлобья и искоса.

31. Но скажите мне, ради Бога, как возможно, что вы являете такое недружелюбие? Разве вы не человеки? разве не то же у вас естество, что у них? Хотели бы вы, чтобы с вами поступали таким образом? Ведь вы были то, что они суть ныне. Но оставим это. Неужели одними заушениями и розгами надеетесь вы образовать в них добрые нравы? Приходилось ли вам видеть ремесленника, который силился бы одними только ударами образовать из золотого или серебряного листа изящное изваяние? Не думаю. А как это бывает? Ваяя потребный образ, мастер то своим орудием легко сжимает и ударяет лист, то искусной лаской разглаживает и круглит его. Так должно поступать и вам, если вы хотите, чтобы школяры ваши просияли изяществом нравов; грозя им розгами, облегчайте им бремя лаской и подкреплением отеческой доброты и приветливости”. На это аббат вскричал: “Какое облегчение? Какая ласка? Мы хотим строгостью приготовить их к приятию тяжкого и мужского бремени”. Ансельм же возразил: “Так, так. И хлеб, и всякая основательная пища хороша и здорова для того, кто может ее принимать. Дай, однако, загустевшее в творог молоко грудному младенцу, и ты увидишь, как он скорее давится им, нежели насыщается. Почему, объяснять излишне: дело ясно само собой. Так помните же, что как хрупкому и сильному телу определена разная пища в соответствии с силами их, так и хрупкой и сильной душе определено разное кормление по мере их. Сильная душа утешается и насыщается пищей основательной, сиречь тем, чтобы являть терпение в скорбях, не желать чужого,

ударившему в одну ланиту подставлять другую, молиться за врагов, любить ненавидящих, и прочее в том же роде. Но душа хрупкая и только учащаяся служить Богу нуждается во млеке, сиречь в том, чтобы другие выказывали ей кротость, благожелательность, снисхождение, приветливое обращение, готовность с любовью помочь, и тому подобное. Если будете вы таким образом примечать, кто из ваших силен, а кто немощен, всех с Божию помощью приобретете для Бога [1 Кор 9, 20], насколько это от вас зависит”. Услышав это, аббат возрыдал и молвил: “Так, отклонились мы от истины, и свет разумения не воссиял нам!” – и, пав на землю у ног Ансельмовых, исповедал себя грешником и преступником, просил прощения за прошлое и обещал исправление в будущем.

Мы рассказали это для того, чтобы изъяснить, сколь много рассудительной доброты и доброй рассудительности было в Ансельме для всех и каждого.

Из речений достопочтенного Ансельма

Достопочтенный отец Ансельм в бытность свою аббатом Бека однажды сверх меры углубил свой ум в размышления и раздумия, и вид его являл, что раздумия его омрачают. И вот некто из его монахов, по случайности при этом присутствовавший, сказал ему: “Господине, отче, Богом вас заклинаю, скажите, о чем Вы размышляете; ибо вижу, что размышления Ваши вас омрачают”. – “Скажу, – отвечал тот. – Вот о чем я думал: положим, некий богатый человек имеет стадо овец, и призывает он отрока столь немощного и малолетнего, что волку легче его унести, нежели любую из овец, и поручает отроку пасти своих овец, но с условием, что за душу любой погибшей овцы отрок отдает свою душу; разве он не должен был бы весьма утрашиться? Или если бы хозяин поручил пасти стадо одной из тех же овец, быть может, слабейшей и неразумнейшей среди них, и сказал так: “Овца, пекись об этих овцах, и ведай, что если погубишь одну из них, кровь ее взыщу от руки твоей, и будет душа твоя платой за душу ее”; разве не страшно было бы овце той? Как обрести ей уверенность? Так обстоит дело со мною. Я есмь малый отрок, я есмь овца слабая и немощная, я доступен козням врага более, нежели любой другой; и мне Бог поручил заботу об овцах своих, дабы я их вел, хранил, питал, притом с условием, что если по небрежности моей одна из них погибнет, душа моя будет платой за душу ее, и кровь ее от руки моей взыщет Бог. Потому страшусь, потому омрачаюсь, ведая, что страшно впасть в руки Бога живаго” [Евр 10, 31]. Брат же заботливо сказал: “Господине, Бог с вами, зачем вы такое думаете и говорите? Никто не думает о том, о чем вы думаете; посмотрите-ка, другие аббаты веселятся и горя не знают”. Ансельм возразил: “Быть может, Бог дал им уверенность, и потому они радуются и благодушествуют; мне же не дал, и потому я не без причин страшусь, ведая, что Он с лихвой взыскивает талант свой с того, кому доверил” [Мф 25, 25].

- ¹ Канонизирован в 1494 г. папой Александром VI.
- ² Перевал между Котскими и Грайскими Альпами, во Франции, недалеко от границы с Италией. Ныне там проходит шоссе Гренобль–Турин. Один из путей из Италии во Францию, наиболее часто использовавшийся в Средние века.
- ³ Центр одноименной области, находящейся на юго-западе Нормандии. В Средние века в городе находилась епископская кафедра и, следовательно, соборная школа, в которой с 1039 г. преподавал Ланфранк, будущий основатель школы в монастыре Бек.
- ⁴ Бенедиктинский монастырь около деревни Бек-Элуин в Нормандии, где находилась одна из наиболее прославленных средневековых школ. В 1078 г. настоятелем Бека стал Ансельм.
- ⁵ *Ланфранк* (ок. 1005–1089), знаменитый богослов XI в., известный участием в богословских спорах. Архиепископ Кентерберийский с 1070 по 1089 г.
- ⁶ Ланфранк стал первым настоятелем монастыря св. Стефана в Казне в 1066 г.
- ⁷ Все упомянутые здесь произведения Ансельма написаны во время его настоятельства в Беке; “Монологион” и “Прослогион” написаны первыми.

III. Испания

*

“Хроника Альфонсо III” (из цикла астурийских хроник конца IX в.)

Представленная ниже “Хроника Альфонсо III” является частью цикла астурийских хроник, созданных в 80-х годах IX в. в североиспанском королевстве Астурия – самом большом из политических образований христиан, возникших на Пиренейском полуострове в начальный период Реконкисты. Связь авторов (или соавторов, как в случае “Хроники Альфонсо III”) всех этих текстов с традицией испанских христиан-мосарабов, проживавших на землях, захваченных мусульманами, несомненна. В свою очередь, она восходит к историографическим сочинениям Исидора Севильского (ок. 570–636). Наконец, следует подчеркнуть и связь ранней астурийской историографии с двором Альфонсо III Великого (ок. 866–910/912), которого хронисты (не всегда с должным основанием) восхваляют как короля-победителя и даже исполнителя божественного пророчества, и который придавал историческим сочинениям столь большое значение, что лично выступил в качестве автора одной из хроник.

Комплекс хроник включает “Пророческую хронику”, “Альбельдскую хронику” и “Хронику Альфонсо III”. Все тексты цикла отличает победительный дух. Особенно характерна “Пророческая хроника” – скорее политический памфлет, чем собственно историческое сочинение, – которая построена как толкование пророчества Иезекииля (содержание которого интерпретируется весьма свободно). Анонимный автор полагает, что наказание библейского “Тога” (“готов”) дланью “измаилитов” (потомков ветхозаветного Измаила) подходит к концу, и уже “наш король Альфонсо” (Альфонсо III) будет правителем всей Испании. Такой же (хотя несколько менее последовательно выраженный) оптимизм отличает и две другие хроники, с восторгом описывающие победы “королей готов” (в реальности – либо сильно преувеличенные, либо вообще одержанные не монархами, а могущественными магнатами). С течением времени, в последующих дополнениях, эти “победительные” черты акцентировались всё больше, обретали новые краски (например, в той части “Хроники Альфонсо III”, где описывается предыстория битвы при Ковадонга).

В конечном итоге, несмотря на лапидарность этих текстов, именно они заложили основы явления, которое можно было бы назвать “идеологией (или даже мифом) Реконкисты”. Уже там проявились идеи, ставшие в дальнейшем важнейшими составляющими этого “мифа”: континуитет “королевства готов”, продолжившегося в Астурийском государстве, правителям которого надлежит восстановить власть Церкви над всей Испанией (основа концепции “неоготицизма”); образ Реконкисты как проявления сознательной политической воли (или, точнее, христианского долга) королей, поддерживаемых и наставляемых Церковью; единство короля и “народа” в этом процессе. По сути дихотомия “король – народ” являлась не более, чем риторическим образом, свойственным вестготским (а в истоках – даже римским) политическим и правовым текстам. Будучи воспроизведенной в астурийских хрониках, позднее, уже в историографии XIX–XX вв., она сыграла свою роль в формировании исторических концепций “народного” характера Реконкисты и “демократизма” обусловленного ею политического и социального строя; чрезмерно обобщенный и последовательно-негативный, выдержанный в русле эсхатологических представлений образ ислама как смертельного врага христиан, как злобной “ереси”, а отнюдь не самостоятельной религии (особенно четко проявляющийся в “Истории Мухаммада-лжепророка” – автономной части “Пророческой хроники”).

В эпоху Раннего Средневековья эти положения пустили глубокие корни в сознании образованного слоя. Позднее, в конце XI–XII в., в эпоху Крестовых походов в Палестину и апогея политического влияния Рима (которому уже подчинялась вся испанская Церковь), восприятие Реконкисты как особого “крестового похода”, начатого королем Пелайо и продолженного его преемниками, получило повсеместное распространение. И, прежде всего, оно ощущается в исторических текстах эпохи Высокого Средневековья, наиболее ярко – в “Готской истории” Родриго Хименеса де Рада (ок. 1170–1147) и связанных с ней более поздних памятниках.

“Хроника Альфонсо III” является крупнейшим сочинением цикла. Известны две ее основные редакции: (1) “Ранняя”, составленная в г. Овьедо, при королевском дворе; (2) “Родская”, составленная в наваррском епископстве Рода. Ее текст неоднократно переиздавался. Ниже он представлен в Ранней редакции.

Перевод выполнен по изданию: *Crónica de Alfonso III*. Madrid, 1918. P. 53–85.

“Астурийские хроники”

АЛЬФОНСО ТРЕТЬЕГО КОРОЛЯ ЛЕОНА, прозванного Великим, хроника для Себастиана о королях готов начиная от Вамбы¹ и [королях] Овьедских вплоть до Ордоньо первого.

Во Имя Господа нашего Иисуса Христа. Начинается хроника вестготов² от времени короля Вамбы доныне, составленная во времена славного Гарсии³, сына короля Альфонсо.

1. Король Адельфонс приветствует нашего Себастиана⁴.

Да будет тебе известно об истории готов, о которой ты нам поведал чрез пресвитера Дульцидия, что древнюю историю по лености не желали записывать, но обошли молчанием. И так как Исидор, епископ Севильской кафедры, весьма подробно изложил Хроники готов вплоть до времени славного короля Вамбы⁵, то мы кратко изложим тебе с этого же времени, так, как слышали от древних и от наших предшественников, и знаем, что это правда.

2. Рецесвинт⁶, король готов, выехав из города Толедо, прибыл в собственное поместье, имя которому было Гертикос⁷, которое, как известно ныне, находится на горе Каура, и там умер своей смертью. И когда король окончил жизнь и был похоронен в том же месте, в 710-м году эры⁸ Вамба был избран всеми на царство. Но он, хотя и не соглашался и не желал принимать королевство, получил, тем не менее, против своей воли то, чего желало войско; и как только его привезли в Толедо, сразу же был помазан на царство в митрополичьей церкви св. Марии⁹. И прямо во время помазания все присутствующие увидели, что с его головы взлетела пчела и устремилась к небу; это знамение было явлено Господом, чтобы возвестить будущие победы, что впоследствии доказал исход дел. Он смирил и подчинил своей власти часто восстающих астуриков и басков. Жители Галльских провинций, составив заговор, отделились от королевства готов и подчинились королевству франков. Герцог Павел, которого Вамба направил против них с войском, чтобы вернуть их и усмирить провинции, не только не исполнил возложенного на него дела, но, действуя против Отечества, сделался правителем злобных мятежников. Но если ты полнее желаешь узнать, сколь много было с врагами битв, сколь много кровопролитий, сколь многие города были сожжены, сколь многие полки франков или галлов были уничтожены Вамбой, и сколь многие славнейшие победы он одержал, и каковые разорения произошли от Павловой измены, читай блаженного митрополита Юлиана¹⁰, который самым достоверным образом описал историю этого времени¹¹.

3. В то же время двести семьдесят сарацинских кораблей напали на побережье Испании, и там все их войска были уничтожены мечом, а корабли – сожжены огнем. И чтобы объяснить тебе причину прихода Сарацинов в Испанию, изложим происхождение короля Эрвигия¹². Ибо во времена короля Хиндасвинта¹³ некий Ардабаст, изгнанный императором, в странствиях своих из Греции дошел до Испании; Хиндасвинт принял его с честью и сочетал браком с ним свою двоюродную сестру, от которой и родился Эрвигий¹⁴. Когда этот Эрвигий был воспитан при дворе и возвышен честью графского достоинства, он, нагло, высокомерно и коварно злоумышляя против короля, подмешал ему в питье траву, которой имя – ковыль¹⁵, и король тотчас же потерял память. И когда епископ города или знатнейшие люди дворца, которые принадлежали к королевским “верным”¹⁶, которые никак не могли знать, что причина того в напитке, увидели короля, лежащего в беспамятстве, побужденные состраданием

INCIPIT STORIA QVAT
TVORÆ IS VENTVM

¶ apofia hęc uidi quia auor
angelos tancat in quia
auor angelos uos. cōtinat q̄ur
auor uasat rōre nō le
rōre in cōtra nō que in mōre nō que
in mōre uerbo rōre.

Et uidi dicitur angelum ascē
dācōm uborau so lis habēcōm
signum dē in uēcas
Et clamabia uoce magna quia
auor angelus quibus uacūta
po est aut ledde cōmum cōmure
dicat. Nō dicitur cōmum
nō que mōre nō que uerbo
dōntē signat rōmū dē
nō in rōmū dē cōmum.

EXPLICIT STORIA

Волк на коне (св. Георгий)

и боясь, чтобы король не отошел в мир иной неподобающим образом, тотчас же подали ему чин исповедания и покаяния. После же того, как король выздоровел и узнал, что на него наложен монашеский чин, он направился в монастырь, и там прожил довольно долго, пребывая в исповедании веры. Он правил 9 лет, 1 месяц, 14 дней и прожил в монастыре 7 лет, 3 месяца и умер своей смертью в мире.

4. После Вамбы королевство получил Эрвигий, которое он захватил хитростью, и искажил законы, установленные Вамбой, и издал другие от своего имени. И, как рассказывают, по отношению к подданным был благоразумен. Свою дочь Циксилу он отдал в жены славному мужу Эгике, родственнику Вамбы. Сам уже помянутый Эрвигий умер своей смертью в Толедо в эру 725.

5. Когда Эрвигий умер, вышесказанный Эгика¹⁷ был избран на царство, и был он весьма премудр и терпелив. Он часто собирал церковные соборы, как явно видно из канонических постановлений. Он совершенно покорил народы, которые в пределах королевства были охвачены волнениями. Он провел три битвы против франков, вторгавшихся в Галлии, но не одержал никакой победы. Сына своего, Витицу, он сделал своим соправителем, и предписал жить ему в городе Туй, в провинции Галисия, чтобы отец держал королевство готов, а сын – свевов¹⁸. До избрания сына он правил 10 лет, с сыном же 5 лет. Умер в Толедо собственной смертью и был там похоронен в 739 году эры.

6. После кончины Эгики, Витица¹⁹ возвратился в Толедо на трон своего отца. А был он мерзок и бесчестен обычаями и, “как конь, как лошак несмысленный” [Пс 31, 9], осквернял себя с многими женами и сожительницами. И чтобы не возбудили против него разбирательство церковного суда, он распустил соборы, не слушал канонов, обирал духовенство. Епископам, пресвитерам и диаконам он предписал иметь жен. Это вот преступление было причиной гибели Испании; и так как короли и священство оставили закон Божий, все полки готов погибли от меча сарацин. Между тем Витица после 10 лет правления умер в Толедо собственной смертью и был похоронен там в 759 году эры.

7. Когда Витица умер, готы избрали на царство Рудерика²⁰. Последний явно следовал грехам Витицы, и не только не положил конец означенным преступлениям, вооружившись рвением к справедливости, но еще больше увеличил их. А сыновья Витицы, побуждаемые завистью, ибо Рудерик получил царство их отца, отправили по коварному своему замыслу гонцов в Африку, и попросили сарацинов прийти на помощь, и, когда их корабли прибыли, они впустили их в Испанию. Но те самые, кто причинил разорение отечеству, погибли от меча вместе с племенем сарацинов. Когда Рудерик узнал об вторжении, он поспешил им навстречу со всем войском готов, чтобы сразиться с врагами. Но “напрасно бежит тот, кому предшествует неправда”, как речет Писание²¹, угнетенное грузом своих грехов или грехов священства, или, по причине коварства сыновей Витицы, но обнаруженное врагом,

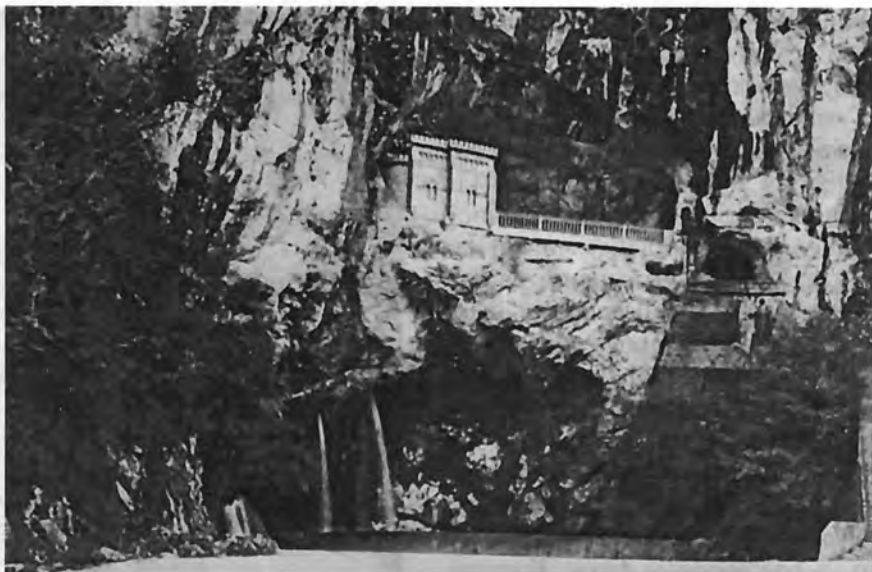
все войско готов обращено было в бегство и уничтожено мечом. А что касается короля Рудерика, никому не была известна причина его гибели: однако в наши суровые времена, когда город Визеу и его пригороды были нами захвачены и заселены, в одной базилике была найдена могильная плита, где была высечена сверху эпитафия, которая гласит: “Здесь покоится Рудерик, король готов”.

8. В то время как отечество вместе с королевской властью были угнетены, арабы в течение весьма многих лет платили дань Вавилонскому царю как наместники до тех пор, пока не избрали себе короля, и не упрочили свою власть в благородном граде Кордове. Готы же погибли частью от меча, частью от голода. А те, кто остался из королевского рода, устремились во Франкию, а наибольшая часть пришла сюда, на родину астурийцев и избрала себе властителем Пелайо²², сына правившего некогда герцога Фавилы из королевского рода. Когда же сарацины о том узнали, тотчас же послали в Астурию бесчисленное войско с военачальником Алкаманом²³, который вместе с Тариком²⁴ вторгнулся в Испанию, и Оппой²⁵, митрополитом Севильи, сыном короля Витицы, по причине чьего коварства погибли готы.

9. И когда Пелайо узнал об их вторжении, он удалился на гору Ансевскую, в пещеру, которая зовется Грот Святой Марии²⁶; и его тут же окружило вражеское войско. Приблизившись к нему, епископ Оппа сказал так: “Знаю, что от тебя не скрыто, брат, как вся Испания пребывала некогда под единым управлением готов, и хотя было собрано воедино все войско Испании, оно не смогло выдержать натиска измаилитов. Сколь дольше ты сможешь защищаться в этой вот дыре? Если бы ты только послушался моего совета и изменил свое намерение, ты наслаждался бы многими благами и в мире с арабами пользовался бы всем, что тебе принадлежит”. На это Пелайо ответил: “Я не буду связан дружбой с арабами и не подчиню себя их власти;

Эгикан. Деталь миниатюры
из Эмилианенского Кодекса, X в.
*Sánchez-Albornoz C. La España cristiana
de los siglos VIII al XI. V. 1. P. 470*

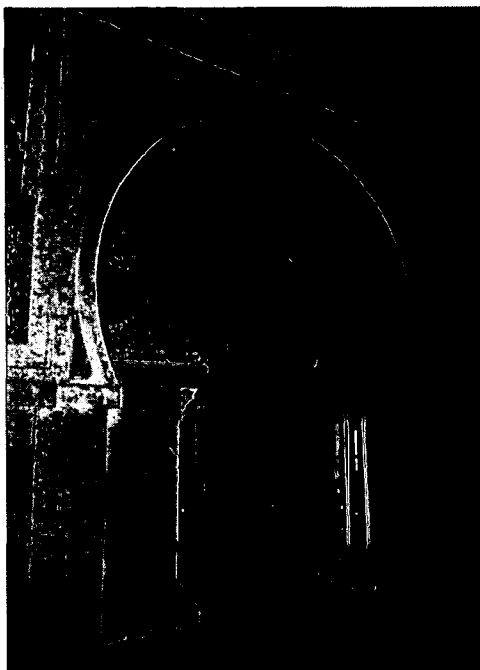
Ковадонга. Церковь в пещере на месте битвы готв и мавров.
 Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1956. V. 6. P. 30

Коронация и церемония помазания короля.
 Деталь Антифонария. X в. Из Леонского Собора.
 Sánchez-Albornoz C. La España cristiana de los siglos VIII al XI. V.1. P. 368

но ты не знаешь, что Церковь Господня уподобляется луне, которая хоть и терпит уменьшение, вновь чрез какое-то время возвращается к первоначальной полноте. Ибо мы веруем в Господне милосердие и в то, что от этой вот небольшой горки, которую ты видишь, будет спасение Испании, и войско готского народа должно восстановиться, чтобы на нас исполнились те слова пророка, которые гласят: “Посещу жезлом беззаконие их, и ударами неправду их; милости же Моей не отниму от него и не изменю истины Моей” [Пс 88:33–34]. Следовательно, если мы и примем по заслугам суровое наказание, мы ожидаем Его милосердия в восстановлении Церкви или народа и королевства, которое придет; потому мы презираем все это множество язычников и оно совершенно нам не страшно”.

10. Тогда нечестивый епископ, обратившись к войску, сказал так: “Вперед, сражайтесь, ибо, если не покараете их мечом, то мира с ними не добьетесь”. Тотчас же арабы взяли за оружие, и начали битву: поднимаются пращи, прилаживаются камнеметы, сверкают мечи, летают дротики и сыплются стрелы. Но и в этом присутствовали великие дела Господни, ибо когда из камнеметов были выпущены камни и достигали дома Святой Приснодевы Марии, они возвращались на головы их посылающих и с силой поражали и убивали халдеев. И поскольку Господь не сосчитывает дротики, но, кому желает, протягивает пальму победы, то когда христиане вышли из Грота на битву, халдеи тотчас же обратились в бегство и разделились на две группы. Там же тотчас был схвачен епископ Оппа, и Алкаман был убит; ибо в том же месте были умерщвлены сто двадцать четыре тысячи халдеев; а оставшиеся шестьдесят три тысячи поднялись на вершину горы Ансевы и по горной круче, которая в народе называется Амоса, в стремительном бегстве спустились в область Льебаниенскую²⁷. Но и они не избежали Господня мщения; ибо когда они шли по вершине горы, расположенной над берегом реки Девы рядом с поместьем, называющимся Касегадия, так, очевидно, сделалось по суду Господню, что часть этой горы обрушилась до самого

Великая Мечеть в Кордове, которую в X в. византийские мастера украсили мозаиками. *McKitterick R. Atlas of the Medieval World. Oxford, 2004. P. 54*

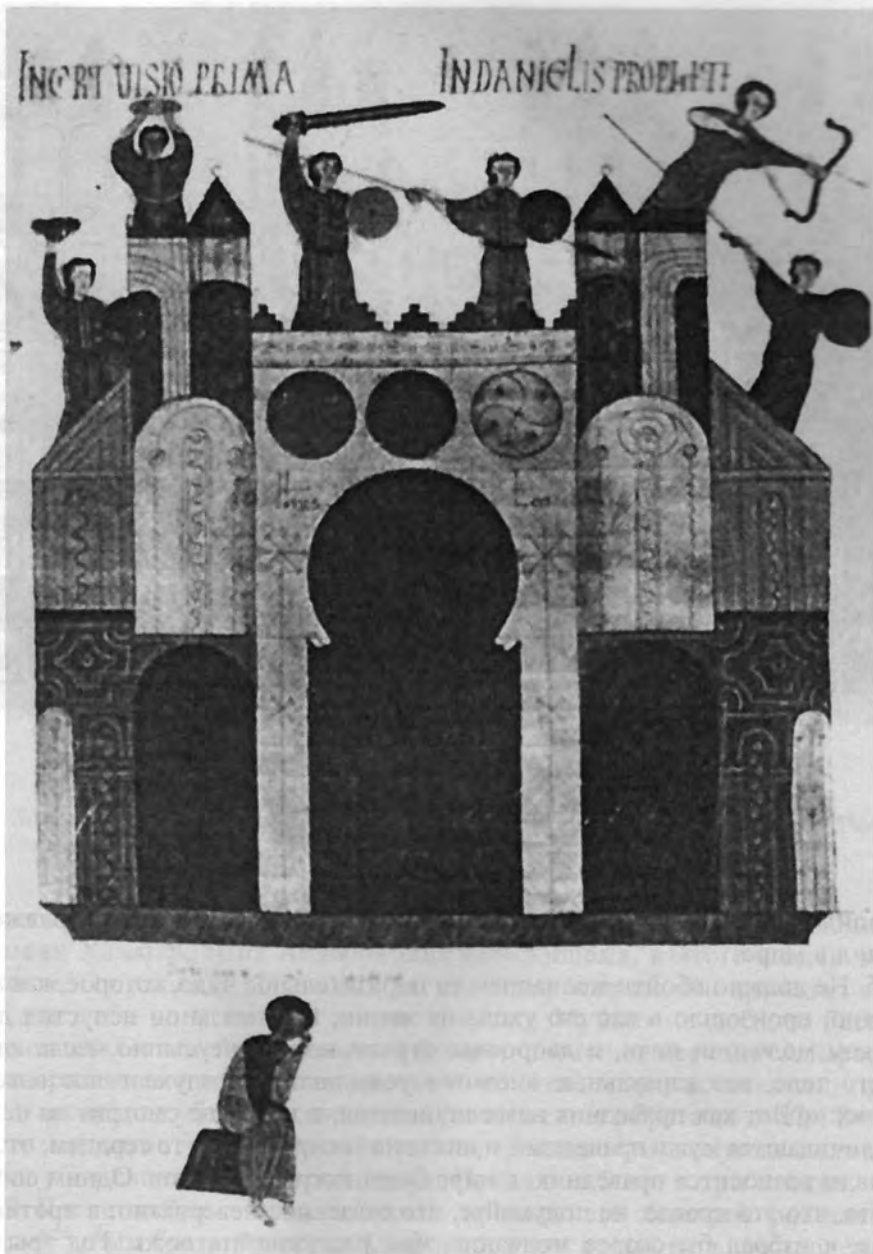
своего основания, и поразительным образом сбросила в реку шестьдесят три тысячи халдеев и всех задавила; и поныне в том месте той самой реки, когда в зимнее время наполняется ее русло и размываются берега, можно видеть остатки их вооружения и костей. Не сочтите это вот чудо пустой выдумкой, но вспомните, что Тот, Кто утопил в Красном море египтян, преследовавших Израиль, Сам задавил огромной тяжестью горы тех арабов, преследующих Церковь Господню.

11. В то же время в той Астурийской области во граде Леоне был вождь халдеев по имени Мунуза²⁸; этот Мунуза был один из четырех вождей, которые прежде угнетали Испанию. Когда он узнал об истреблении войска своего народа, то оставив город, бежал; и астуры, преследуя его, когда отыскивали его в месте Олалиенском, они убили мечом его вместе с его войском, так что никто из халдеев не остался в безопасности по эту сторону Пиренеев. Тогда-то собрались полки христиан, начало заселяться отечество, восстанавливались Церкви; и тогда все, вместе вознесли благодарение, говоря: *“Да будет благословенно Имя Господа²⁹, Который утешает верующих в Него и превращает в ничто нечестивые народы”*. После того как завершился девятнадцатый год правления Пелайо, он умер своей смертью, в год эры 775.

12. Сын Пелайо Фавила³⁰ наследовал ему в правлении; он по причине краткости времени не сделал ничего, достойного упоминания в истории. По некому случайному легкомыслию своему он был убит медведем во второй год своего правления, в год эры 777.

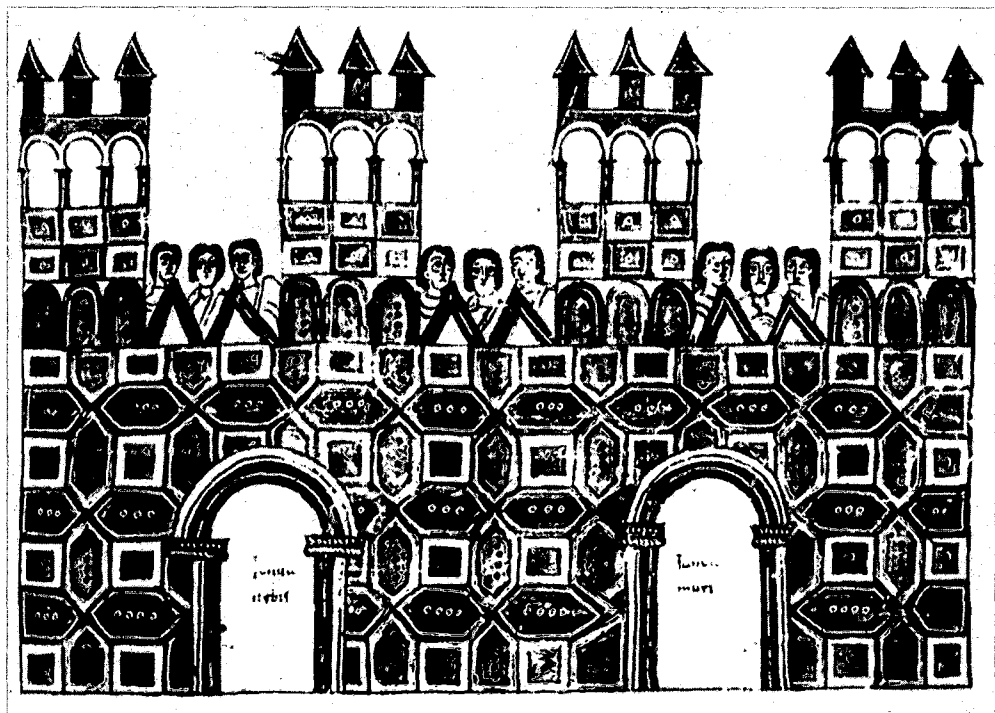
13. После гибели Фавилы стал править Альфонсо³¹, муж великой доблести, сын герцога Петра³² из рода Леовигильда³³, и потомок короля Реккареда³⁴. Он, по милости Божией принявший правление, во времена королей Эгики и Витицы был главой войска и часто сдерживал дерзость арабов. Следующие деяния ясно показывают, сколь великое милосердие, или доблесть, или сколь великую полноту власти имел этот муж. Ибо вместе с братом своим Фроилой он вел много битв против сарацинов и взял весьма многие города, некогда ими угнетаемые, а именно: Луго³⁵, Туй³⁶, Порту, Брагу, Визеу, Флавии³⁷, Агату, Ледесму³⁸, Саламанку, Самору, Авилу, Сеговию, Асторгу, Леон, Салданию, Мабе, Амайю³⁹, Симанкас, Ауку, Велегию, Алабенсу⁴⁰, Миранду⁴¹, Ребендеку⁴², Карбонарию⁴³, Абейку⁴⁴, Бруны⁴⁵, Цинизарию, Алесанко⁴⁶, Осму⁴⁷, Клунию⁴⁸, Агрантию⁴⁹, Сепульведу⁵⁰, не считая крепостей с местечками и селениями их; убив также всех арабов, захвативших вышеназванные города, он привел на родину с собой христиан.

14. В то время были населены Примории⁵¹, Льебана, Трансмера, Суппорта, Карранса, Бардулия⁵², которая ныне называется Кастилия, и приморская часть Галисии, Алава в Бискайе⁵³, Алаоне и Урдуня, как известно, всегда были во владении их жителей, как Пампилона⁵⁴, Дегий и Берроза. Таким образом, вышеупомянутый Альфонсо был весьма великодушен, не допускал оскорбления Бога и Церкви и вел жизнь, по праву достойную подражания. Он

Осада города.

Кодекс Беата Лиебанского, Национальная библиотека, Мадрид.
Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1956. V. 6. P. 117

Вид Толедо.
Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal.
Madrid, 1956. V. 6. P. 48

построил и восстановил многие базилики. Правил он 18 лет, жизнь блаженно окончил в мире.

15. Не должно обойти молчанием то поразительное чудо, которое, как всем известно, произошло в час его ухода из жизни; ибо, когда он испустил дух в глубоком молчании ночи, и дворцовая стража весьма неусыпно несла караул при его теле, все караульные внезапно услышали в воздухе голос ангелов, поющих: «“Вот как праведник возвеличивается, и никто не смотрит на него; и возвеличиваются мужи праведные, и никто не воспринимает то сердцем; от лица неправды возносится праведник, в мире будет погребение его». Одним словом, узнайте, что это правда, не подумайте, что сказанное невероятно: в противном случае, я избрал бы скорее молчание, чем рассказывать ложь. Год эры 795.

16. После того, как Альфонсо ушел из жизни, начал править его сын Фроила⁵⁵. Этот муж был весьма и остер умом, и силен оружием и одержал много побед против врага из Кордовы⁵⁶. Он сражался в месте под названием Понтумио в провинции Галисийской и, напав на халдеев, убил пятьде-

Епископы, переносящие св. мощи.

Деталь миниатюры из Эмилианенского Кодекса. X в.

Sánchez-Albornoz C. La España cristiana de los siglos VIII al XI. V. 1. P. 599

сят четыре тысячи; он также заколол их совсем молодого предводителя, по имени Хаммар, сына Абдеррамана ибн-Хишема, взятого в плен в этом же месте. Он победил мятежных басков и укротил их. Он приказал сохранить для себя одну совсем юную девушку Мунию из добычи басков и после сочетался с ней королевским браком, и имел от нее сына Альфонсо⁵⁷. Он разорил племена Галисии вместе с их отечеством, восставшие против него. Наконец, он убил собственными руками своего брата по имени Вимара. Спустя недолгое время Фроила по справедливости получил возмездие, будучи убит своими приближенными. Правил он 9 лет и три месяца.

17. После гибели Фроилы начал править его близкий родственник, Аврелий⁵⁸, сын брата Фроилы, Альфонсо; в его время вольноотпущенники, взяв оружие, подняли мятеж против собственных господ, но, побежденные усердием властителя, все были возвращены в первоначальную зависимость. Он не вел никаких битв, ибо заключил мир с арабами. Он правил шесть лет, на седьмой год упокоился в мире. В год эры 812.

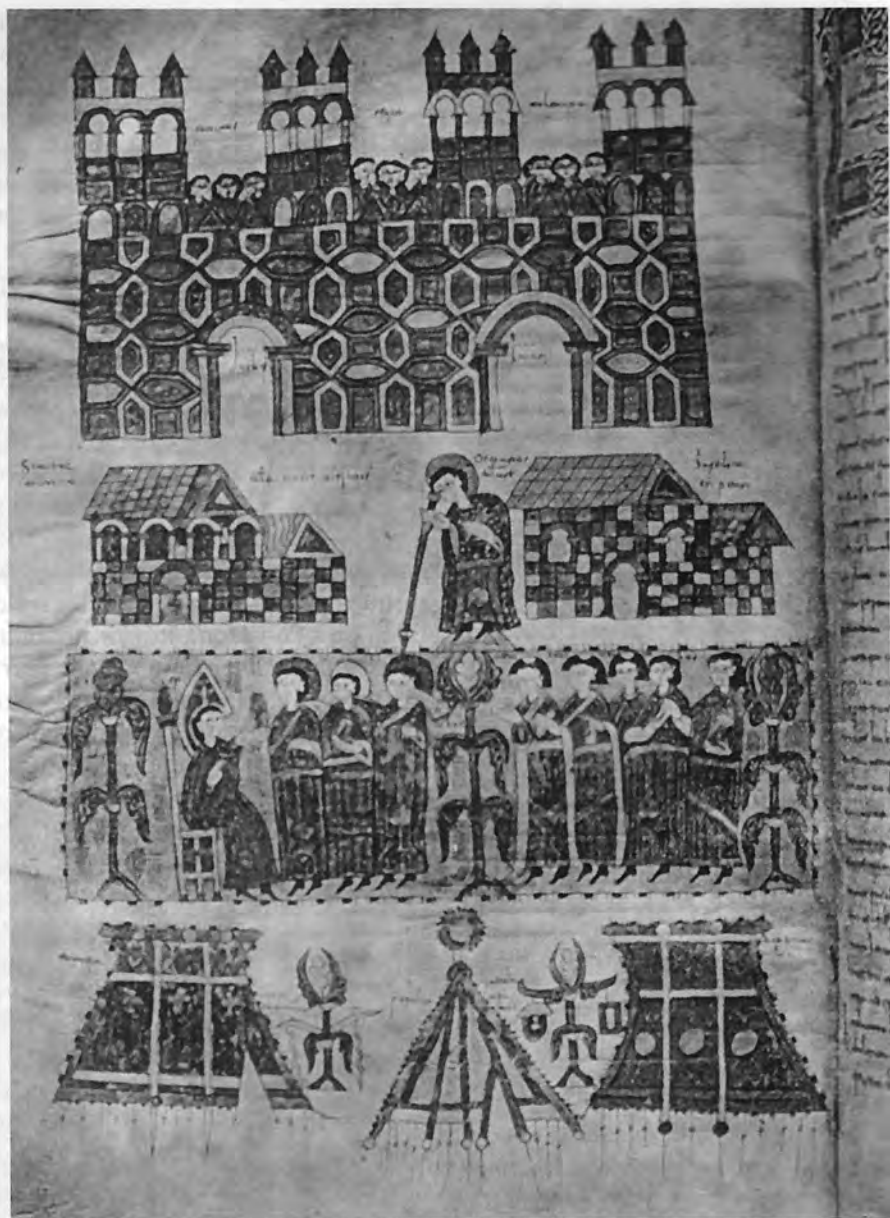
18. После смерти Аврелия пришел к власти Силон⁵⁹, потому что был выбран супругом Адозинде, дочери властителя Альфонсо. С измаилитами он заключил мир. Племена Галисии, против него восставшие, он победил в битве на горе Куперио и подчинил своей власти. Правил Силон 9 лет и на десятом году окончил жизнь, в год эры 821.

19. Когда Силон умер, королева Адозинда со своими придворными возвела на наследный трон Альфонсо, сына ее брата короля Фроилы; но его упредило коварство Маврегата⁶⁰, его дяди, сына Альфонсо-старшего, рожденного, однако, от рабыни. Альфонсо, свергнутый с престола, пребывал у родных своей матери в Алаве. Маврегат же удерживал власть, которую захватил хитростью, шесть лет. Он умер своей смертью в год эры 826.

20. Когда умер Маврегат, на правление был избран Бермудо⁶¹, родственник Адефонсо-старшего, а именно сын Фроилы, его брата. Этот Бермудо был муж благородный; он правил три года и по своей воле отказался от власти, не забывая, что на него был возложен диаконский сан. В год эры 829 он сделал преемником своего родственника Альфонсо, которого Маврегат лишил власти, и многие годы жил с ним в согласии. Окончил жизнь в мире.

21. В третий год правления Альфонсо войско арабов вторглось в Астурию во главе с неким предводителем по имени Мокехит; и из них почти семьдесят тысяч вместе с вышеназванным вождем, упрежденные королем, были убиты мечом и огнем в месте, что зовется Лутос. Альфонсо утвердил престол королевства в Овьедо. Он также возвел базилику удивительной работы во имя Искупителя нашего Спасителя Иисуса Христа. Базилика та была посвящена именно Св. Спасителю потому, что к главному алтарю с обеих сторон были добавлены приделы, дважды по шесть, с реликвиями всех апостолов. С северной стороны вышеназванного храма Альфонсо пристроил еще церковь в честь Св. Приснодевы Марии, в которой, с правой стороны от главного алтаря, воздвиг придел в память св. Стефана, с левой – придел в память св. Юлиана. Еще с западной стороны этого досточтимого храма он пристроил здание королевской усыпальницы, а равно воздвиг и третью базилику, в память св. Тирса⁶²; и красоту сего строения наблюдатель способен оценить в большей мере, чем ее может восславить [своим пером] ученый писатель. Еще король построил в Сирсии, отстоящем от дворца почти на стадий, базилику св. мученика Юлиана, расположив с обеих сторон два равновеликих алтаря, отличающихся удивительной красотой. Также и королевские дворцы, бани, пиршественные залы и дома, и претории он возвел и создал красиво и с пользой для королевства прекраснейшим образом.

22. На тридцатый год его правления на Галисию напали два войска халдеев; предводитель первого из них звался Алхаббез, а другого – Мелих, и тот и другой из рода Алькорексис. Итак, сколь отважно они напали, так и с еще большей отвагой были разбиты. Ибо оба вождя погибли в одно время: один в месте, что зовется Нахарон, другой в реке Ансео. Далее во время этого правления некий муж, по имени Махмут, бежавший от Кордовского эмира Абд-ар-Рахмана, против которого вел длительное восстание, бывший некогда

Вид Толедо: городские стены с населением, церкви свв. апп. Петра и Павла, церковный собор под председательством епископа.
Codex Aemilianensis. X в. Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal.
Madrid, 1956. V. 6. P. 50

жителем города Мериды, пришел к Альфонсо, был принят по милости короля в Галисии и провел там семь лет. Но на восьмой год, собрав отряд сарацинов, он опустошил земли соседей и укрылся для обороны в некоей крепости, что зовется Санта-Кристина. Как только весть о случившемся достигла ушей короля, он немедленно выступил с войском, осадил крепость, в которой заперся Махмут, расставил отряды воинов и окружил ее; и в первой же схватке тот знаменитый и прославленный воитель Махмут был убит; голова его была представлена правителю, а войска короля вошли в самую крепость, где порубили пятьдесят тысяч сарацинов, которые на помощь ему стеклись со всей Испании, и победитель Альфонсо счастливо возвратился с миром в Овьедо. И так, управляя королевством в течение пятидесяти двух лет целомудренно, рассудительно, безупречно, благочестиво и славно, любезный Богу и людям, он славный дух свой предал на небо, тело же его со всеми почестями погребения было похоронено в выше-названной, им основанной церкви св. Марии, где он упокоился с миром в каменной гробнице в год эры 880.

23. После кончины Альфонсо был избран на правление Рамиро⁶³, сын властителя Бермудо; но во время избрания он отсутствовал, ибо ради сватовства отбыл в Бардулиенскую провинцию⁶⁴. Из-за его отсутствия случилось так, что Непоциан⁶⁵, дворцовый граф, мятежно захватил королевскую власть. Когда Рамиро узнал, что его родственник Альфонсо покинул сей мир, а Непоциан захватил

Король Ариамир. Деталь миниатюры из Альбельденского Кодекса. F. 209. Библиотека Эскориала, Мадрид. Sánchez-Albornoz C. *La España cristiana de los siglos VIII al XI*. V. 1. P. 407

Замок Пеньяфиль. Испания.
Jackson G. The Making of Medieval Spain. L., 1972. P. 36

Церковь Сан-Мигуэль де Эскалада (Леон), основанная королем Альфонсом III (913 г.).
Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1956. V. 6. P. 88

власть, то, войдя в город Луго в Галисии, он собрал себе войско со всей провинции. Через некоторое время он вторгся в Астурию. Непоциан, собрав отряд астурийцев и басков, поспешил к нему навстречу к мосту через реку Нарсею; однако сразу же союзники его оставили и он обратился в бегство, но был схвачен двумя графами, а именно: Сципионом и Сомнаном в области Правии⁶⁶, так получив достойную кару по делам своим, ослепленный, он был отправлен в монастырь. Вскоре после этого корабли норманнов чрез северный океан пришли к берегу у Хихона и оттуда достигли места, которое называется Фарум Брегантиум⁶⁷. Когда Рамиро, уже ставший королем, узнал об этом, он послал против них войско с герцогами и графами и множество их убил, и корабли огнем пожег; кто же из них остался, вторглись в андалусийский город Севилью и, захватив из нее добычу, многих из халдеев истребили мечом и огнем.

24. Тем временем властитель Рамиро часто вовлекался в гражданские войны⁶⁸. Так, по королевскому приказу был ослеплен дворцовый граф Альдуроит, злоумышлявший против короля. Еще был им убит Пиниол, следующий граф дворца, вместе с семьей сыновьями, который открыто восстал против короля. Тем временем вышеупомянутый король выстроил церковь в память св. Марии, отличавшуюся удивительной красотой и превосходным убранством, на склоне горы Наранко, отстоящей от Овьедо на две тысячи шагов; и не говоря уже о многом другом из ее убранства, она имела множество арочных перекрытий, пересекающихся в центре, поддерживающих свод, построена только из камня и известняка, и если кто пожелал бы какое-либо здание сравнить с ней, то и в аль-Андалусе не нашел ей подобного. Недалеко от вышеупомянутой церкви он построил многочисленные дворцы и красиво изукрашенные бани. Но и против сарацинов он сражался дважды, и остался победителем. Завершив же седьмой год своего правления, Рамиро упокоился с миром в Овьедо в год эры 888.

25. Когда Рамиро скончался, начал править его сын Ордоньо⁶⁹ – человек большой силы и благоразумия. Он снова заселил оставленные города, из которых Альфонсо-старший изгнал халдеев, то есть Туй, Асторгу, Леон и Амайю Патрисию. В начале своего правления он часто сражался против халдеев и побеждал их. Когда он двинул войско против мятежных басков и подчинил их отечество своему закону, к нему, в то время как он возвращался к себе, прибыл гонец, говоря: “Вот, против нас войско арабов”. Тотчас король направил против них меч и войско; без промедления обратил их толпы в бегство и порубил сверкающим оружием. Но и об этом вот не умолчу, зная, что происходило это именно таким образом. Некий Муса, по рождению гот, но по религии – магометанин, со всем множеством своего рода (халдеи называют их Бану-Кази⁷⁰) поднял мятеж против правителя Кордовы и вторгся во многие его города отчасти силой, отчасти хитростью; сначала в Сарагосу, затем в Туделу и Оску, а после в Толедо, где он посадил наместником своего сына по имени Луп. Далее он обратил оружие против франков и галлов, вел

Мозарабская церковь
Сантьяго де Пенальба.
Вид с востока.

Sánchez-Albornoz C.
La España cristiana de los
siglos VIII al XI. V. 1. P. 637.
Илл. 332

Церковь Сантьяго де
Пенальба, освященная
в 931 г. Она служила
прибежищем монахам
мозарабского устава,
бежавшим из Андалусии.
Jackson G. The Making of
Medieval Spain. L., 1972.
P. 20

Санчо I. Деталь миниатюры
из Эмилианенского Кодекса, X в.
*Sánchez-Albornoz C. La España cristiana
de los siglos VIII al XI. V. 1. P. 460*

там многие кровопролитные битвы и взял много добычи. Он захватил хитростью двух великих франкских полководцев, одного по имени Санцион, а другого – Эпулон, и, повязав их, бросил в темницу. Из халдеев двоих великих самовластцев, одного из рода Алькорексис по имени Ибенамаз, другого – Моллита по имени Альпорз, с сыном его Азетом, взяли в плен в битве: одного – Муса, другого – его сын Луп. От этого, по причине великой победы, он вознесся в гордыне и повелел, чтобы его именовали третьим королем в Испании.

26. Король Ордоньо выдвинул против него войско к городу, который незадолго до этого был замечательно им выстроен и получил имя Альбельда. Король с войском подошел к этому городу и окружил его укреплениями, а сам Муса подоспел с огромным множеством воинов и разбил шатры на горе Латурз. Король разделил

войско на две части, чтобы одна из них осадила город, другая сражалась против Мусы. Тотчас началась битва, и Муса со своим войском был обращен в бегство. Они *положили на землю стольких*⁷¹, что, не считая простого народа, убиты были более десяти тысяч военачальников Мусы вместе с его зятем по имени Гарсеан; а он сам, трижды пронзенный мечом, полуживой, еле спасся и потерял там много воинского снаряжения и даров, которые ему направил Карл, король франков, и никогда больше не мог добиться победы, а король Ордоньо привел все войско к городу и взял его на седьмой день. Он истребил мечом всех воинов, сам же город разрушил до основания и с великой победой воротился к себе. Когда Луп, сын Мусы, который был наместником Толедо, услышал, что его отец побежден, он подчинился королю Ордоньо со всеми своими людьми, и до конца жизни оставался его подданным, и вместе с ним впоследствии участвовал во многих битвах против халдеев.

Король Ордоньо захватил в сражениях и многие другие города, такие, как Кория, вместе с его правителем по имени Зет, и подобный ему другой город – Таламанку, вместе с его правителем по имени Мозрор и женой его. Все же их войска он умертвил, а оставшийся народ с детьми и женами продал в рабство. В это время разбойники норманны снова достигли наших берегов, после

прошли далее в аль-Андалус и огнем и мечом разорили все прибрежные земли; после того переправились чрез море, захватили Нахор, город в Мавритании, и там умертвили мечом множество халдеев. Наконец, вторгнувшись на острова Майорку, Фирментеллу⁷² и Менорку, они опустошили их. Затем норманны двинулись в Грецию и через три года возвратились в свое отечество.

После шестнадцати лет своего правления, вышеупомянутый король Ордоньо, страдавший подагрической болезнью, умер в Овьедо и был погребен рядом с предшествующими ему королями в базилике св. Марии. Он счастливо провел время своего правления, блаженный предстоит на небе, и тот, кто здесь был весьма любим людьми, ныне радуется со святыми ангелами в Небесном Царстве, по дарованию Господа нашего Иисуса Христа, Который с Отцом и Святым Духом в Единстве Божества живет и славится в никогда не кончающихся веки веков. Аминь.

¹ *Вамба* – правитель Толедского королевства вестготов с 672 по 680 г. Обманом пострижен в монахи. Умер в 687 г.

² *Вестготы* (визиготы) – западная ветвь германского народа готов (наряду с восточной – остготами). На территории Римской империи – с 376 г. Ок. 418 г. – создатели первого из романно-варварских королевств – Тулузского (418–506/7), включившего земли юго-западной и южной (до р. Роны) Галлии и большую часть Испании. После его разгрома франками, в 560-х годах на территории бывших испанских провинций и Нарбоннской Галлии (Септимании) оформилось Толедское королевство вестготов, просуществовавшее до мусульманского завоевания 711–713 гг.

³ *Гарсия I* (910/12–914) – старший сын Альфонсо III и его преемник на престоле Астуро-Леонского королевства. В данном случае, хронист датирует его правлением окончательную редакцию материалов, собранных его отцом.

⁴ *Себастьян* – епископ Саламанки, которому долгое время атрибутировалось создание хроники.

⁵ На самом деле “История готов, вандалов и свевов” Исидора Севильского доведена лишь до времен правления Свинтилы (621–631). Здесь же речь идет о ком-либо из продолжателей Исидора, возможно – о так называемом Исидоре Бежском (или псевдо-Исидоре).

⁶ *Рецесвинт* (649–672) – король вестготов с 663 по 672 г.

⁷ Поселение в 12 км от Вальядолида.

⁸ То есть 672 г. от Р.Х. Здесь и далее датировки приводятся по так называемой “испанской эре” (“эре Августа”), по традиции введенной в испанских провинциях Августом в период Второго триумvirата и действовавшей в Испании до конца XIV в. Отсчет по “испанской эре” ведется с 38 г. до н.э.

⁹ На самом деле это событие произошло в базилике свв. Петра и Павла.

¹⁰ *Юлиан* (ум. в 690) – архиепископ Толедский, выдающийся политический и церковный деятель, а также видный церковный писатель.

¹¹ Речь идет о юлиановой “Истории короля Вамбы”.

¹² *Эрвигий* (ум. в 687) – сын некоего Ардабаста и родственницы короля Хиндасвинта (563–653), король визиготов с 680 по 687 г.

¹³ Правитель Толедского королевства в 641–652 гг.

¹⁴ Указания на греческое происхождение будущего короля Эрвигия (680–687) отражают скорее растущую неприязнь к Византии, чем реальное положение дел.

¹⁵ На деле речь идет о растении сиротамнус.

- ¹⁶ То есть принесли королю письменную клятву личной верности, соразмеримую по природе с позднейшим вассалитетом.
- ¹⁷ *Эгикан* (687–702) – правитель Толедского королевства.
- ¹⁸ До 586 г. на территории Галисии и северной Лузитании существовало королевство свевов, позднее завоеванное вестготами.
- ¹⁹ *Витица* (ок. 687–ок. 710) – правитель Толедского королевства с 694 г. (до 702 г. – как соправитель Эгики).
- ²⁰ *Рудерик, или Родерик* (ум. в 711 или 712 г.) – правитель Толедского королевства в 710–711 гг.
- ²¹ Неточная цитата Ps. 126:1.
- ²² *Пелайо* (ум. в 737) – основатель королевства Астурия; его правитель с 718 (722?) г.
- ²³ *Алкаман* – военачальник, присланный эмиром Кордовским и погибший в битве при Ковадонге.
- ²⁴ *Тарик-ибн-Зияд* (ум. в 720) – берберский полководец, возглавивший войска мусульман в 711 г., при завоевании Испании. Ныне его имя носит Гибралтар (Джебель-аль-Тарик – “скала Тарика”).
- ²⁵ *Отпа* – сын Эгики и сводный брат Витицы. В хрониках фигурирует то как архиепископ Толедо, то как епископ Севильи.
- ²⁶ Ныне Ковадонга. Битва при Ковадонге произошла в 718 г. (по другим данным – в 722).
- ²⁷ Область около Ковадонги.
- ²⁸ *Муруза* (VIII в.) – мавр, правитель Северной Иберии, включавшей в себя и Астурийскую область. Убит Пелайо в битве при Ковадонга.
- ²⁹ Выделенный текст см.: Иов 1:21; Пс. 112:2; Дан. 2:20.
- ³⁰ *Фавила* – второй король Астурии (737–739), единственный сын Пелайо.
- ³¹ *Альфонсо I* – король Астурии (737–757). По преданию, был женат на дочери Пелайо.
- ³² *Петр, герцог Кантабрии* (ум. в 730) – соратник Пелайо, по традиции участвовавший в битве при Ковадонга.
- ³³ *Леовигильд* – правитель Толедского королевства в 568–586 гг.
- ³⁴ *Реккаред I Католик* – правитель Толедского королевства в 586–601 гг.; при нем на III Толедском соборе (589) вестготы отказались от арианской ереси.
- ³⁵ *Луго* – город в Галисии (северо-западная Испания).
- ³⁶ *Туй* – город в Галисии.
- ³⁷ *Аква Флави* (совр. Чавес) – город в Лузитании (нынешней Португалии).
- ³⁸ Ледесма в области Риоха.
- ³⁹ Римский город Амаяя Патриция в Галисии, ныне часть Бургоса (?).
- ⁴⁰ Алагон в провинции Арагон.
- ⁴¹ Миранда-де-Эбро в области Риоха.
- ⁴² Город в области Риоха.
- ⁴³ Город в области Риоха.
- ⁴⁴ *Абалос* – город в горной части области Риоха.
- ⁴⁵ *Брион* – город в области Риоха.
- ⁴⁶ *Синисеро-и-Алесанко* – город в области Риоха.
- ⁴⁷ Ныне Бурго-де-Осма (провинция Сория).
- ⁴⁸ *Клунья* – полное название Колония Клунья Сульпиция, город, основанный римлянами на юге провинции Бургос. При повторном заселении новая Клунья возникла на месте современной деревни Корунья-дель-Конде, в 2 км от старого городища.
- ⁴⁹ Арьона в Андалусии.
- ⁵⁰ Город на территории современной провинции Сеговия.
- ⁵¹ *Бидассоа* – город на границе Испании и Франции.
- ⁵² Изначально – заселенная басками область в районе современного г. Бургоса, позднее – Кастилия (точнее – Старая Кастилия).

- ⁵³ Область у южного побережья Бискайского залива.
- ⁵⁴ Памплона.
- ⁵⁵ *Фроила* – король Астурии (757–768), прозванный Жестоким из-за убийства брата.
- ⁵⁶ То есть против мусульман, столицей которых была Кордова.
- ⁵⁷ *Адефонсо II Целомудренный* – король Астурии (759–842). С его именем связан феномен так называемого “астурийского неоготицизма”.
- ⁵⁸ *Аврелий* – король Астурии (768–774), брат Альфонсо I.
- ⁵⁹ *Силон* – король Астурии (774–783).
- ⁶⁰ *Маврегат по прозвищу Захватчик* – король Астурии (783–788/9), незаконнорожденный сын Альфонсо I.
- ⁶¹ *Бермудо по прозвищу Диакон или Монах* – король Астурии (788/9–791).
- ⁶² Св. мученик воин Тирс со спутниками пострадал в египетском городе Тамасе при императоре Деции (249–251). Память 4 октября.
- ⁶³ *Рамиро I* (ок. 790–850), король Астурии с 842 г.
- ⁶⁴ Позднее – Кастилия.
- ⁶⁵ *Непоциан* – король Астурии (842). Претендовал на корону, будучи женат на сестре Альфонсо II. Погиб в сражении с Рамиро при Корнелланском мосте на реке Нарсее.
- ⁶⁶ Округ Правия в Астурии.
- ⁶⁷ Ныне Ла-Корунья.
- ⁶⁸ То есть был вынужден подавлять мятежи знати.
- ⁶⁹ *Ордоньо I* – король Астурии (850–866).
- ⁷⁰ *Бану-Казы* – наваррский знатный клан, контролировавший район реки Эбро в IX–XI вв. и активно участвовавший в усобицах в аль-Андалусе.
- ⁷¹ Суд. 20:25.
- ⁷² Ныне Ферментера, один из Питиусских островов.

“Житие св. Ильдефонса”

“Житие св. Ильдефонса” было составлено неизвестным агиографом из королевства Леон в X или, скорее даже, в XI в.

Ильдефонс Толедский (ок. 607–667) – наиболее известный испанский богослов своего времени и выдающийся эрудит. Он получил образование в знаменитом монастыре Агали (близ Толедо), где его учителем являлся церковный деятель и поэт архиепископ Евгений II Толедский (?–657) (возможно также, что ранее Ильдефонс обучался и в Севилье, у великого Исидора Севильского). Впоследствии Ильдефонс принял постриг, стал аббатом Агали, а в 657 г. сменил Евгения II на толедской кафедре.

Из многочисленных сочинений Ильдефонса сохранилось немного. Его “Синонимы” и “Сентенции” известны лишь по названиям. Дошли же до нас небольшие сочинения – “О признании крещения” и “Книга о духовном пути пустычника”, а также трактат “О вечном девстве Святой Марии против трех неверных”, посвященный барселонскому епископу Квирику, в котором ощущается большое влияние манеры Иеронима, а также “синонимического” стиля Исидора Севильского. Наиболее же известное сочинение Ильдефонса – “О знаменитых мужах” – является прямым продолжением одноименного

произведения Исидора и содержит краткие биографии 14 лиц (от папы Григория Великого до Евгения II Толедского), в числе которых явно преобладают представители толедской кафедры, отмечаемые не столько за свои литературные заслуги, сколько за христианские добродетели и качества проповедников.

Автором первого сохранившегося жизнеописания Ильдефонса стал его младший современник, еще один выдающийся ученик Евгения II – Юлиан Толедский (ранее 640 – ок. 690). Однако представленное ниже полноценное житие было составлено лишь после канонизации. По всей видимости, оно было написано толедским епископом Сиксилой (744–753).

Перевод сделан по изданию: Vita vel Gesta S. Ildefonsi Toletanae sedis metropolitani episcopi, a Zixilano ejusdem urbis episcopo edita // España Sagrada. T. 5. Madrid, 1859. P. 485–490.

Начинается житие и деяния св. Ильдефонса, епископа и митрополита Толедской кафедры, составленные сиксилой, епископом того же города

1. Вот медом напитанные яства господина Ильдефонса, которые похитил он из рая Божия и, рассеяв их по всей Испании, утолил наш голод возвышенным красноречием. Заслугами он сравнялся с тем святейшим господином Исидором¹, из чьего источника, еще будучи послушником, пил чистейшую влагу. Ибо святой и досточтимый папа Евгений, митрополит Толедской кафедры, направил Ильдефонса к тому наставнику, Севильскому митрополиту, когда увидел, что отрок уже получил начатки знаний; а тот долго удерживал при себе мальчика, тщательно обучая его и воспитывая, даже, как рассказывают, за нерадивость в учении иногда подвергая наказанию. Обучившись в совершенстве наукам, св. Ильдефонс возвратился к своему первому наставнику, господину Евгению, и затем, после недолгого времени диаконского служения, сделался настоятелем церкви святых Косьмы и Дамиана, находившейся в пригороде Толедо. Пребывая в том служении, Ильдефонс сразу же стал всем известен, сочинив во славу своих святых небесных покровителей две миссы удивительно стройной гармонии (о чем сказано будет ниже), чтобы их исполняли в праздничные дни.

2. Затем, когда прошло много времени и умер господин Евгений, Ильдефонс возглавил ту же епископскую кафедру; а добродетель его на Ромуловой² кафедре тотчас во всей полноте своей просияла, и, словно ярким факелом, осветила все пределы Испании. До сего дня Церковь, подобно солнцу и луне, блистает его учением; его поминают в чине благословения благовоний и составления курений. Оставаясь евнухом³, он уже почти что с колыбели и с отроческих лет приготовил в себе Господу великое жилище; не материальным оружием он был усечен, но Божественным мечом; не острым железом он отсекал похоть, но по дару небесному удостоен был святости. Вдохновленный таким даром свыше, он сразу же стал славен никак не менее,

чем весьма многие и великие его предшественники; и этому вот мужу Божию сделалось доступно то, что для них было закрыто.

3. Ибо так насельник его, Святой Дух, то, что сей святой муж скрывал внутри себя, сделал для всех видимым, став во всем ему властительным помощником: Он научал его, что следует подобающим чином раскрывать в хвалах девам, а тот пред Ним являл нечто дивное в своем подвиге веры; и вот, таким образом Он показал всем людям и силу его веры, и не отказал в наградах труждающемуся в духовном борении. Ибо соделал так, что то, что не было еще явлено людям и в чем нуждались они в течение стольких лет, сначала Он открыл этому самому мужу Божию: а именно, мощи святой и Богу посвященной девы и исповедницы Его Леокадии⁴.

В праздник той святой, когда св. Ильдефонс прибыл в королевский дворец и при всем народе перед гробницей преклонил колени, гробница, в которой святое ее тело покоилось до сего дня, вдруг содрогнулась, и из-под крышки, поднявшейся руками не человеческими (ведь ее было не сдвинуть и тридцати юношам), но ангельскими, выскользнул наружу, будто живой, покров, который окутывал члены святой девы, он соскользнул, словно бы был стянут чьей-то рукой, и взору св. Ильдефонса, по Божией милости, предстала прекраснейшая дева; а епископы и властители, пресвитеры и диаконы, клир и весь народ вокруг восклицали: “Слава Богу на небесах, слава Богу на земле!”, и никто не молчал. Она же, как рассказывают, обхватив и сжав в руках свой покров, немедленно подхватила благодарственные слова, громко воскликнув со всем народом и провозгласив: “Благодарение Богу, живет Госпожа моя⁵ чрез жизнь Ильдефонса”; клир же, вторя тому, воодушевленно запел “Аллилуия”, а также кантик, который лично недавно сложил господин Ильдефонс: “Прекрасная создана, аллилуия; и аромат твой, как бальзам несмешанный”⁶, и другое, которое в самой миссе (о чем будет ниже) он излил в хвале Пресвятой Богородице.

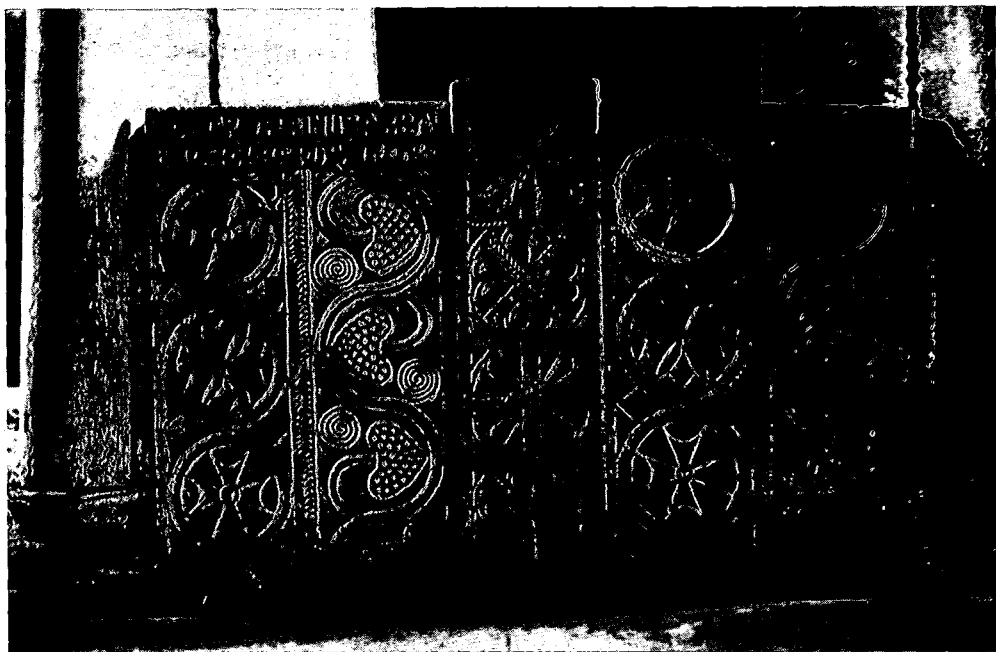
4. Св. Ильдефонс, среди криков народа возглашая трубным гласом, просил дать ему что-нибудь острое, чтобы отрезать часть покрыва, которая была в его руках, но никто не поспешил к нему на помощь, ибо народ лишь напирал, попусту толкаясь и разевая рты. Но и святая дева крепко удерживала покров, при этом умышленно не вырывая, чтобы еще более хотелось св. Ильдефонсу получить от него частицу. Тогда покойный король Рецесвинт⁷, правивший в то время, позабыв свое земное величие и жестокость (он с высокомерием относился к мужу Божию, по причине своих неправд, которые тот обличал), смилив свою гордыню и простирая с трона руки, протянул небольшой нож в чехле, чтобы его отнесли св. Ильдефонсу, низайше прося при том, чтобы тот не счел его недостойным и не погнушался принять от него вещь, предложенную со слезами. Схватив нож, святой отрезал правой рукой небольшой кусочек ткани, что уже держал левой рукой, а тот ножик вместе с реликвией, частью покрыва святой мученицы, поместил в серебряные ларцы;

ибо считал невозможным, чтобы к ножу, который резал святыню, после прикасалось что-либо оскверненное; для справедливости же он предписал викарию уплатить за нож по его стоимости. После того (ибо было бы долго здесь излагать все, что тогда происходило к пользе святой католической Церкви) все завершилось хвалами Богу.

5. Святой Дух совершил чрез св. Ильдефонса еще и другие чудеса спустя немного дней после таких событий, прямо в Рождественский пост. Но поскольку пересказ всех чудес, чрез него бывших, – о них писали в те времена господин Урбан и господин Евантий в городе Толедо, – занял бы много места, то от многих перейдем хотя бы к немногим, ибо те, кто, как и я, о том слышали или хотя бы читали, опечалются, что я обошел молчанием немало великого из произошедших событий, в особенности потому, что об этом известно и мне, и им.

6. При приближении праздника Святой Приснодевы Марии⁸, за три дня до того св. Ильдефонс отслужил литании и завершил миссу, о которой говорилось выше; мисса эта поется во хвалу Пресвятой Богородицы, и она седьмая по счету. Много народа сошлось на Ее святое празднество, прибыл и вышеназванный король (мало беспокоящийся о страхе Божиим и плохо сознающий свои неправды) по королевскому обычаю в роскошных одеяниях, чтобы слушать торжественную службу. Ибо раб Божий Ильдефонс, приготовив еще больший дар, с надеждой и ликованием встретил день праздника Госпожи своей, Которой он служил под Божим водительством. Ведь во хвалу Богородительницы родилась та музыка, которую мы упоминали выше, излившаяся с глубоким чувством сердечным и в соразмерной гармонии, а также он составил изящную и подробную книжку о девстве, наподобие “Синоним” по свидетельствам Ветхого и Нового Завета, и украсил достойным красноречием величие своей Госпожи. Поднявшись по заведенному обычаю до утренних часов, чтобы совершить службу Богу, ибо бдения свои посвящал Господу, святой с диаконом, субдиаконом, а также клиром, идущими со светильниками впереди него, двинулся в храм. Когда же первые, отворив неожиданно двери притвора, вступили внутрь, то их ослепило сияние небесное, и они в ужасе, побросав лампы, что были у них в руках, бежали от света, который не могли вынести, и бросившись назад, откуда пришли, полумертвыми вернулись к сотоварищам. Все собравшиеся встревоженно смотрели, что же делает раб Божий, и увидели его с хорами ангельскими; от такого неожиданного видения стражи столь устрешились, что, повернувшись спиной к церковным дверям, вернулись восвояси.

7. А св. Ильдефонс, не чувствуя никакого страха, простершись пред алтарем Святой Девы, вдруг увидел, что Сама Госпожа восседает в кресле из слоновой кости, где обычно сидит епископ и приветствует народ (и после к тому креслу ни один епископ не пытался приближаться, кроме лишь господина Сисиберта⁹, который тотчас же, потеряв саму кафедру, был удален в ссылку). Подняв глаза, св. Ильдефонс осмотрелся и увидел, что вся апсида

Иконостас церкви Санта-Кристина де Лена (Овьедо).

Sánchez-Albornoz C. La España cristiana de los siglos VIII al XI. V. 1. P. 607. Илл. 303

Церкви заполнена вереницами дев, поющих с гармоничной сладостью какие-то из песнопений Давидовых. Когда же он взглянул на Богородицу, Она (как он сам рассказывал близким ему и любимым людям) обратилась к нему с такой речью: “Подойди поскорее, любезнейший слуга Божий, прими из руки Моей знак особой милости, что принесла Я тебе из сокровищницы Сына Моего; ибо необходимо, чтобы ты только в Мой день облачен был в ризы, дарованные тебе по благословению свыше, которые уже пред тобою. И поскольку ты служил Мне верно, не отводя взора от горнего, и благодать, из уст твоих излитая во славу Мою, столь ярко запечатлелась благодаря тебе в сердцах верных, то пусть ты будешь украшен облачением славы уже в сей жизни, а в будущем возрадуешься в чертогах Моих с другими рабами Сына Моего”.

8. И сказав это, Пресвятая Дева удалилась от глаз его вместе с остальными девами и светом, в котором Она явилась. А раб Божий Ильдефонс остался в смятении, равно взволнованный как дарованием славы, так и уверенностью, что обретет пальмовую ветвь победы предстательством Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцом и со Святым Духом живет и все управляет, всегда и в бесконечные веки веков. Аминь.

¹ *Исидор Севильский* (ок. 570–636).

² В данном случае – Толедской, как приближенной к королевской резиденции: под “Ромулом” подразумевается правитель, а под “Римом” – столица.

³ О том, что св. Ильдефонс являлся евнухом, ранние (и заслуживающие большего доверия) источники не сообщают. Вероятно, включая это сообщение в текст, Сиксила следовал какой-то поздней устной традиции.

⁴ *Св. Леокадия Толедская* – дева и мученица (ум. в 304) погибла во время Диоклетиановых гонений. Раннехристианская церковь, построенная над гробницей св. Леокадии и посвященная ей, в VII в. неоднократно являлась местом проведения церковных соборов. Память 9 декабря ст. ст.

⁵ То есть Пресвятая Богородица.

⁶ Ср. Сир 24:17.

⁷ *Рецесвинт* – правитель Толедского королевства (649–672) (в 649–652 гг. – в качестве соправителя Хиндасвинта), выдающийся политический деятель и законодатель.

⁸ 18 декабря.

⁹ *Сисеберт* (или Сисберт) – архиепископ Толедский в 690–693 гг., глава заговора против короля Эгики (687–701/2). После подавления мятежа был подвергнут суду XVII Толедского собора (694), который низложил его с Толедской кафедры.

IV. Италия

*

“Житие Алексея, человека Божия”

Сказание об Алексее, человеке Божиим – несомненно один из самых любимых сюжетов житийной литературы. Мы встречаемся с ним уже в сирийских рукописях V–VI вв., в рассказе о человеке Божиим (имя его не названо), который в брачную ночь покинул свой родной дом в Риме, тайно приехал в Эдессу, где как нищий странник провел неузнанным долгие годы, предаваясь суровым подвигам молитвы и поста. Там же, в Эдессе, он и умер, а после смерти был прославлен как святой. В более поздних рукописях IX в. (сирийских и греческих) повесть получает свое продолжение – герой после многолетнего пребывания в Эдессе возвращается в Рим, поселяется под отчим кровом в положении бездомного пришельца и лишь в предсмертном послании открывает родителям кто он.

Версии этого сюжета существуют не только на языках всех стран Восточной и Западной Европы, но также и на арабском и эфиопском. Житие переводилось на грузинский язык и, вероятно, на армянский (см.: *Amiaud A. La legende syriaque de Saint Alexis l'homme de Dieu. P., 1889*). Латинские варианты его восходят к византийским редакциям, которые оформились, по всей видимости, на почве устных переложений, пришедших с Востока. Житие Алексея прошло не только через все литературы Европы, но и через все жанры – рассказ, проповедь, гимн, поэму, средневековую мистерию, драму. Его стихотворные переложения были особенно популярны в XI–XIV вв. в Италии, Испании, Франции, Германии, Англии. Пьесы по его мотивам стали писаться с XI в. во Франции, позднее также в Италии (с XVI в.) и Испании (с XVII в.). Наибольшей славой, однако, образ нищего Алексея пользовался в литературе Древней Руси и русском фольклоре. Известная исследовательница русского духовного Стиха об Алексее, В.П. Адрианова-Перетц пишет об этом так: “Широко распространенное среди книжных людей Древней Руси, давшее толчок творчеству известных и неизвестных деятелей древнего периода нашей литературы, житие Алексея, человека Божия, проникло и в неграмотную народную массу. Здесь оно прочно укоренилось в форме трогательного духовного стиха, передающего главные моменты жития этого святого. Стих о св. Алексее – один из наиболее излюбленных в репертуаре

наших калек-слепцов. Помимо чисто художественных достоинств жития, которые в значительной степени объясняют внимание к нему со стороны читателей и слушателей, в среде убогих певцов оно должно было вызвать особенно живой интерес и самим содержанием; жизнь св. Алексея, полная лишений и страданий, напоминала им об их собственной участи, вселяла надежду на небесную награду. Но стих о св. Алексее весьма популярен и среди сказителей былин, которые наделяют св. Алексея чертами любимых национальных героев, а самый язык стиха приспособливают к привычному строю былевого эпоса..." (Адрианова-Перетц В.П. Житие Алексея, человека Божия, в древней русской литературе в народной словесности. Пг., 1917. С. 226). Та же исследовательница указывает и на причины такой легкости распространения данного сюжета: "Популярность жития св. Алексея, — пишет она, — прежде всего базируется на наличии вызываемых им у читателя и слушателя сочувственных переживаний, которые обуславливаются как трогательностью содержания, так и художественностью композиции. Но в процессе усвоения того или иного художественно-поэтического образа или идеи большое значение имеет также характер почвы, на которую падает посев нового. Если почва подготовлена, то усвоение совершается легче, притом в направлении этой подготовки. Вот почему в поисках причины популярности легенды о св. Алексее, отдавая должное ее влиянию на эстетические эмоции слушателя, не следует оставлять без внимания литературы, сродной по идеям и по форме с этой легендой.

Житие св. Алексея объединило в своем содержании излюбленные житийные мотивы. Разбросанные поодиночке или группирующиеся по два — по три в других житиях, здесь они в большом количестве соединились в одном художественном рассказе, способствуя тем его популярности и легкости запоминания..." (там же. С. 127, 128, 131).

Путем сопоставительного анализа В.П. Адриановой-Перетц раскрыт трафаретный, общеизвестный в житийной литературе характер почти всех главных деталей биографии Алексея: его происхождение от богатых и благочестивых родителей, привычка отца ставить ежедневно три стола для нищих, бедность родителей и рождение у них сына после усиленных молитв, бегство героя из дома в брачную ночь, раздача нищим своего имущества, добровольное странничество, изнурение плоти и перенесение обид, наконец, чудесный голос, возвещающий о святости страдальца, и исцеление больных, прикасающихся к его мертвому телу.

Приводимый ниже перевод жития выполнен по той редакции (*Vita Romani*), которая принята как канонический текст римской церковью и издана в "Acta Sanctorum" болландистами по рукописи IX—X вв.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972. С. 104—109.

“Житие Алексея, человека Божия”

1. Жил в Риме человек, великий и знатный, именем Евфимиан, очень богатый и первое лицо в императорском дворце. Было у него три тысячи отроков, препоясанных золотыми поясами и одетых в шелковые одежды. Был он справедлив и милосерд и жаловал нищих щедрой милостыней. Каждый день в его доме накрывались три стола для сирот, вдов, странников и путешествующих. Сам же он вкушал пищу в девятом часу вместе с людьми благочестивыми. Жена его, именем Аглая, была благочестива и богобоязненна, и не было сына у них по ее неплодию. Они горевали и печалились, не имея наследника стольких семейных богатств. На всякий день они раздавали несметную милостыню и прилежными молитвами и прошениями испрашивали у Господа даровать им сына-наследника.

2. Бог по благодати Своей призрел на смирение их, вспомнил дела их, услышал их и послал им сына, и назвали его Алексеем. В сугубой радости они возблагодарили Бога и положили с тех пор остальную жизнь свою жить в чистоте и святости, чтобы приятны Богу были и они сами, и дарованный им сын, и чтобы впредь не касаться друг друга, а пребывать в целомудрии. А когда отрок пришел в возраст, способный к учению, его отдали служителям церковных таинств и свободных наук, и по Божией милости он выучился так, что преуспел во всех занятиях философских, а более всего духовных. Потом он стал юношей, и они порешили, что уже время для брачных уз. Выбрали ему девицу из императорского рода, украсили брачный чертог. И руками достойнейших священнослужителей на главах их в храме святого мученика Бонифация были положены венцы, и так провели они праздничный день в веселии и радости. Вечером Евфимиан сказал сыну: “Войди, сыне мой, в опочивальню к невесте твоей”. Войдя туда, благороднейший юноша, весьма умудренный во Христе, начал поучать супругу и многое говорил ей о святыне, затем отдал ей кольцо свое золотое и ленту, то есть головку пояса, которым препоясывался,— все это завернутое в вышитый пурпурный платок, и сказал: “Возьми и храни это, пока Господу угодно будет, и Господь да будет посреди нас”.

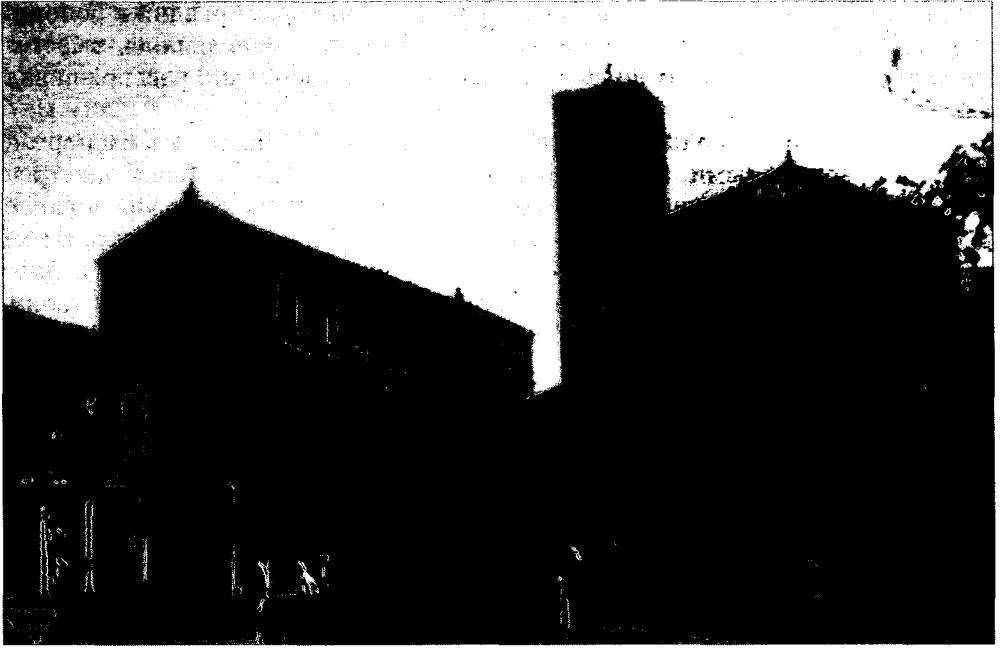
3. Он взял после того часть своего имущества и пошел к морю. Придя к морю, взошел на корабль и с Божьей помощью достиг Лаодикии¹, а оттуда поспешно направил путь свой в Сирию, в город Эдессу, где был Нерукотворный Образ Господа нашего Иисуса Христа на полотне. Прибыв туда, он роздал нищим все, что принес с собой, и, одевшись в убогие одежды, сел с нищими в притворе храма святой Богородицы Марии. Каждый воскресный день он принимал Святые Тайны² и из милостыни, которую ему подавали, брал себе необходимое, а остальную часть дарил нищим. В Риме же после его ухода сделан был тщательный обыск, и когда его не нашли, то отец послал своих слуг во все концы земли искать его. Из них некоторые, придя в Эдессу, видели его сидящим вместе с другими нищими и, дав ему милостыню, отошли, потому

что не узнали его. А человек Божий узнал их и прославил Бога словами: “Господи, благодарю Тебя, Который призвал меня и устроил так, что я от рабов своих принимаю милостыню во имя Твое; молю, сподоби свершиться во мне делу, которое Ты начал”. Слуги, между тем, возвратившись, сказали, что не нашли его.

4. Так же и мать его с того дня, как скрылся сын, сидела на полу своей спальни во вретнице и горестно вопила: “Жив Господь, не сойду с места, доколе не узнаю, что стало с сыном моим”. И невестка тоже сказала свекру: “Не выйду из дому твоего, но уподоблюсь горлице, которая не сочетается ни с кем, когда супруг ее пленен. Так буду и я вести себя, пока не узнаю, что стало со сладчайшим супругом моим”. А человек Божий пребывал неизвестный никем в том притворе семнадцать лет, ведя жизнь воздержанную и святую. И Бог после этого пожелал открыть подвиг его. И вот однажды бывшая там икона святой Богородицы Марии заговорила при церковном пономаре: “Введи сюда человека Божия, он достоин Царства Небесного, и дух Божий почивает на нем, и молитва его, как огонь, поднимается к лицу Божию”. Пономарь вышел, поискал его и не нашел, вернулся обратно и стал молить у Всесильного Бога милости: да покажет ему этого человека. И снова та же икона вымолвила: “Тот, кто сидит при входе, это он”.

5. Обрадованный пономарь вышел, увидел и припал к ногам его, моля войти внутрь церкви. После этого о нем все узнали и стали чтить его, но человек Божий убежал от людской славы: тайно покинув Эдессу, он пришел в Лаодикию и сел там на корабль, чтобы отплыть в Тарс Киликийский, где думал жить в безвестности при храме святого Павла. Божиим промыслом, однако, ветер подхватил и погнал корабль к римской гавани. Когда человек Божий понял, куда он прибыл, он сказал в сердце своем: “Жив Господь! Я никому не буду в тягость и пойду прямо в дом отца моего, потому что там не узнают меня”. И сойдя на берег, он пошел, и вот навстречу ему из дворца идет отец и множество людей вслед за ним. И возопил [к отцу]: “Раб Божий, взгляни на меня и яви милосердие, ибо я беден и странник, вели принять меня в доме твоем, чтобы мне питаться крохами от стола твоего, и Бог благословит лета твои и помирует того, кто у тебя на чужой стороне”.

6. Слушая это, отец вспомнил о сыне своем и, растрогавшись, позвал его к себе, а слугам сказал: “Кто из вас примет заботу об этом человеке? Жив Господь, я сделаю его свободным, и из дома моего он получит наследство”. Когда служитель был назначен, отец велел привести [Алексея] и при входе в дом поставить ему постель, чтобы сам он, входя и выходя из дому, мог видеть его и чтобы давали ему пищу со стола и ни в чем бы не притесняли. [Алексей] же и тут продолжал свою подвижническую жизнь, не ослабляя постоянных молитв, постов и бдений. Слуги стали насмехаться над ним, выливали на голову ему помои и учиняли много обид. Но человек Божий все их терпел с радостью, по любви к Господу. Ведь он понимал, что эти козни строил ему

Церковь Санта-Фоска (справа).

XI в., собор Санта Мария Ассунта. 1008 г. Торчелло, Италия.
Medieval Italy. An encyclopedia / Ed. Ch. Kleinhenz. N.Y., L., 1985. P. 1086

древний враг рода человеческого³. Так провел он неузнанный в доме отца своего еще семнадцать лет. Когда же почувствовал, что завершилось время жизни его, то потребовал себе у приставленного к нему слуги бумагу и трость и описал свою жизнь по порядку – как он отказался от брака, как пошел странствовать, как против воли возвратился в Рим и как выносил множество бесчестий в доме своего отца.

7. Бог пожелал после этого открыть его подвиг и величие, и вот в воскресный день после торжественной миссы в храме раздался с неба голос: “Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас”⁴. Слыша этот голос, все объята были страхом великим и, пав на лицо свое, восклицали: “Господи, помилуй!” И снова голос произнес: “Ищите человека Божия, чтобы молился о Риме. Ведь на рассвете в пятницу он испустит дух”. И тогда все пошли и стали искать его, не найдя же, собрались в пятницу в храме и просили у Бога милости – показать им, где находится человек Божий. И услышали голос: “Ищите в доме Евфимиана”. Евфимиану стали говорить: “Ты имел в своем доме такую благодать и не показал нам?” Но он отвечал на это: “Жив Господь! Не знаю”. И тотчас призвав управителя домом своим, спросил его: “Знаешь ли ты в доме моем кого-нибудь, чтобы имел такую

благодать?” Тот ответил, что не знает. Тогда императоры Аркадий и Гонорий, царствовавшие в то время в Римском государстве⁵, отправились вместе с архиепископом Иннокентием в дом Евфимиана и тщательно расспрашивали про человека Божия.

8. Евфимиан же со слугами пришел раньше их, чтобы отдать распоряжения, и с возженными светильниками и кадилницами вышел навстречу императорам и архиепископу. В это время слуга человека Божия подошел к господину дома и сказал: “Посмотри, господин мой, не тот ли это, к кому ты приставил меня. Ведь я видел много дивных дел его: он причащался каждое воскресенье Святых Тайн, умерщвлял себя постами и от слуг твоих с радостью принимал и терпел множество бесчестий и досаждений”. Услыхав это, Евфимиан бегом поспешил к нему, но застал его уже скончавшимся. Приблизившись, он открыл лицо его и увидел, что оно светится, как светильник, как лицо ангела Божия, а в руке у него небольшая записка, и он захотел взять ее и не смог. Изумленный и напуганный, он быстро вернулся к императорам и произнес: “Мы нашли того, кого искали”. И рассказал про то, что говорил слуга, и про то, как сам застал его мертвого с запиской в руке и как не смог взять ее.

9. Императоры и архиепископ направились тогда вместе с Евфимианом к месту, где он лежал, стали перед постелью и сказали: “Хотя мы и грешные, но держим кормило правления. Архиепископ же – общий отец. Дай нам хартию, чтобы мы узнали, что в ней написано”. После этого архиепископ подошел, взял из его руки хартию и дал ее прочесть архивариусу святой римской церкви, имя которого было Этий. И вот при полной тишине она была прочитана пред всеми. Едва услышав слова хартии, отец его Евфимиан пал без чувств на землю, затем, встав, разодрал одежды и стал рвать седины свои, дергать бороду, царапать себя и, повергаясь на тело, вопить: “Увы мне, Господи Боже мой! Зачем сотворил мне так, зачем так преогорчил душу мою, зачем столько лет доставлял мне воздыхания и стоны? Я ждал когда-нибудь услышать твой голос и получить от тебя весточку, где бы ты ни был, и вот вижу тебя, хранителя старости моей, лежащего на одре и безмолвствующего. Увы мне! Какое утешение положу в сердце моем?”

10. Тут и мать его, услышав, вышла, как львица, разодравшая сеть: в растерзанной одежде, с распущенными волосами, с глазами, обращенными к небу. Столпившийся народ мешал ей приблизиться к святому телу, и она кричала: “Пустите меня к человеку Божию, дайте взглянуть на утешение души моей, дайте взглянуть на сына, который сосал сосцы мои!” Подойдя же к телу, она пала на него и завопила: “Увы мне, сыне мой! Свет очей моих, зачем ты поступил так с нами? Ты видел, как горько плакали отец твой и я, и не явил себя нам! Рабы твои ругали тебя, и ты терпел”. И снова и снова простиралась она над телом, обнимая его, глядя руками его ангельский лик, и, целуя, восклицала: “Плачьте со мною все, здесь стоящие; семнадцать лет имела я его в доме моем и не узнала, что это сын мой единственный,

слуги глумились над ним, задевали его и плевали ему в лицо. Увы мне! Кто даст очам моим источник слез? Да плачу день и ночь печаль души моей!”⁶ Прибежала также и невеста его в худой одежде и со слезами заговорила: “Увы мне! Сегодня горестный день для меня, сегодня стала я вдовой. Уже не на кого мне взирать, не на кого поднять очей. Ныне разбилось зеркало мое, и погибла надежда моя. Отселе начинается горе, которому нет конца”. Народ, видя это, лил слезы.

11. Затем архиепископ вместе с императорами положили тело на украшенные носилки и понесли на середину города. Народу было возвещено, что найден человек Божий, которого искал весь город. И все устремились навстречу святому телу. От прикосновения к этому священному телу расслабленные сразу исцелялись, слепые прозревали, бесы изгонялись, и все недугующие, какой бы болезнью ни страдали, когда прикасались к святому телу, исцелялись.

Императоры, видя эти чудеса, сами взяли нести одр вместе с архиепископом, чтобы и самим освятиться от этого святого тела. Они велели рассыпать по улицам много золота и серебра, чтобы толпа прельстилась деньгами и позволила бы пронести его в церковь, но народ пренебрег любовью к деньгам и все больше и больше теснился, чтобы прикоснуться к священному телу. Так с великим трудом они принесли его в храм святого мученика Бонифация, и семь дней возносили там хвалы Богу и делали ковчег из золота и драгоценных камней. В него и положили это священное тело в семнадцатый день месяца июля.

От этого ковчега потекло благоухание, как будто он полон был всеми ароматами. Люди с радостью тогда вознесли великое благодарение Богу, который изволил дать народу своему такую помощь, от которой всякий человек, просящий с искренним расположением ума, несомненно получает просимое.

¹ Лаодикия – город в Сирии.

² То есть причащался.

³ То есть диавол.

⁴ Мф 11, 28.

⁵ Конец IV – начало V в.

⁶ Иер 9, 1.

Аттон Верчелльский

Ученый богослов и знаток церковных канонов, уроженец Ломбардии, возможно, состоял в клире Миланского собора. В 924 г. он получил Верчелльское епископство¹ и стал близок к королю Италии Гугону. В 933 г. Аттон стал канцлером Лотаря II, короля Франкии, и получил от него пожертвования и привилегии для Верчелльской кафедры. Год смерти Аттона известен не точно (960 или 961), но в 964 г. Верчелльскую кафедру уже занимал его преемник.

Литературное наследие Аттона не особенно велико и во многом отражает острые вопросы его времени, не столько богословские, сколько касающиеся отношений церковной и светской власти. Наиболее известны его сочинения: “О церковных обременениях” в одной книге (род комментария на “Об обязанностях священнослужителей” Амвросия Медиоланского), “Полиптик” и “Комментарии на Послания св. ап. Павла”; а также сохранились его письма и проповеди (частично представлены в настоящем издании). На первый взгляд, стилистически проповеди Аттона, произносимые перед прихожанами его церкви, достаточно непритязательны, но простота их оказывается тщательно продуманной, построение стройным, они полны игры слов и созвучий в концовках фраз. Таким образом, при прозаической форме, характерной для устной проповеди, “Беседы” Аттона тяготеют к ритмизованной прозе (что, к сожалению, не всегда возможно передать в переводе), и “безыскусность” его речи оборачивается весьма искусным риторическим приемом, необходимым, прежде всего, для удержания внимания слушателей.

Перевод сделан по изд.: PL 134, 833–855.

Проповеди

Слово на Рождество Господне

Возрадуемся все, братия возлюбленные, пусть возвеселятся и возликуют все народы. Не только видимое солнце, но и его, вернее сказать, невидимый Создатель озарил сиянием этот день. Поскольку в этот день Бог сделался Человеком, небесные служат земным, ангелы и человеки призываются к согласию. Ибо в начале был Бог, как повествует нам евангельское чтение: “Все чрез Него начало быть” [Ин 1, 3], но враг рода человеческого попытался восстать против своего Создателя, говоря: “Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему” [Ис 14, 14]. По причине гордыни и он сам, и все последователи его, соблазнившиеся непомерным превозношением, отринуты были Божественным судом. Чтобы исправить последствия их падения, Господь поселил в раю людей; и ангелы, ожидая от людей восстановления своего числа, приняли их с великой радостью и многой любовью. Но после грехопадения Адама, первого человека, настолько возросла вражда и раздоры, что почти что усох корень первоначальной любви. И уже ангелы не считали нас общниками своими, ибо они служили Богу без какого-либо греха. Всякий раз, являясь людям, они позволяли, чтобы люди поклонялись им, словно подчиненное творение. Вследствие этого Христос, Бог прежде времен, стал Человеком во времени ради нашего искупления и, приняв образ раба, примирил небо и землю, ангелов и людей. После Его Воплощения ангел запретил, чтобы человек поклонялся ему, говоря: “Смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим” [Откр 19, 10]. Это и есть тот день, когда пременяются законы естества: Дева зачала, Дева родила, и “Слово стало плотью” [Ин 1, 14]. Ибо

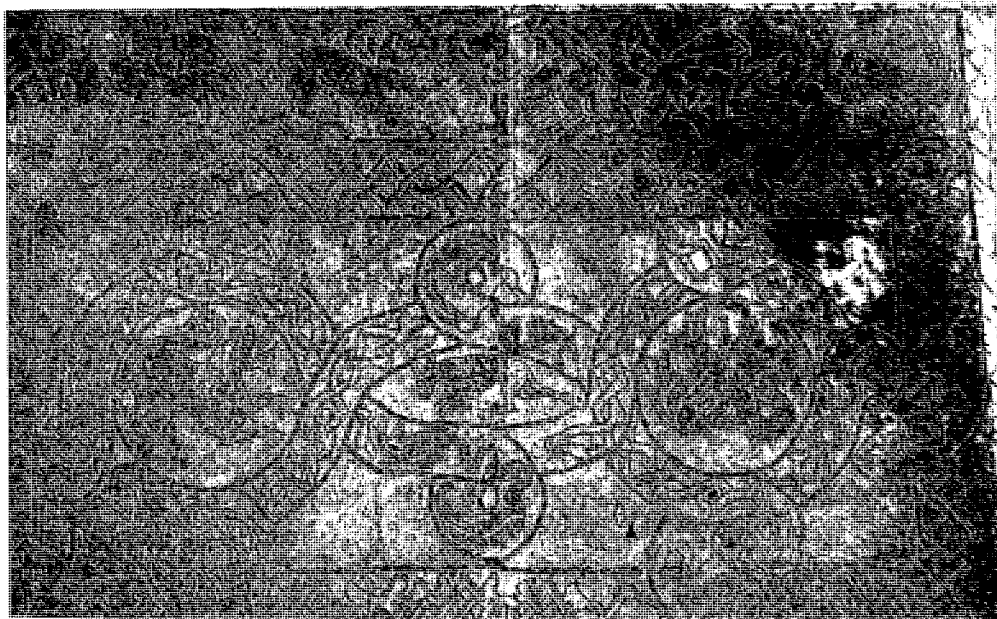

Рождество Христово. Явление ангела пастухам.
Санкт-Галленский сакраментарий. XI в. Культура аббатства Санкт-Галлен.
Stuttgart, 1993. С. 113. Ил. 32

Тот, Кого не вмещает безмерность неба, помещается в тесноте яслей. Сегодня ангелы пастырям явились и наставили их о Рождестве Господнем, и ободрили, чтобы те не боялись, и возвестили им радость великую, и впервые возгласили “Слава в вышних Богу” [Лк 2, 8–14]. Именно потому сперва им возвестили они Рождество Христово, что пастыри прежде прочих достойны были узреть горняя, ибо известно им, как с заботою предводительствовать стадами верных. Итак, возрадуемся сегодня, братия возлюбленные. <Аминь>.

Слово на праздник восьмого дня по Рождестве Господнем

В этот день, возлюбленные, мы, как вы знаете, всегда празднуем январские календы. Но не подобает нам умалчивать, что некоторые лже-христиане нарушают торжество сего дня кощунственным смешением, ибо, очевидно, что они посещают Божественную службу в Церкви, и не отказываются дома от исполнения различных колдовских обрядов. Да еще не страшатся соблюдать обычаи, связанные с Янусом, и языческие обряды: они настолько гонят от себя милость дарованной любви, что не позволяют никому в этот день входить в их дом, если он не будет нагружен приношениями, отказывают в гостеприимстве, и от себя ни крошки подать, ни помощь никому оказать не желают. О, род неверный и заблуждающийся! Лучше бы тебе было в доме твоём принять Христа, как гостя или бедняков, чем крестьян, притесняемых от тебя и от близких твоих и наученных притаскивать на себе угощение после своей трапезы или корзины с вином. Именно о том и Господь говорит: “так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” [Мф 25, 40]. И снова: “Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть; тогда все будет у вас чисто” [Лк 11, 41]. Сходным образом еще и в мартовские календы люди обыкновенно безумствуют во многих заблуждениях такого рода; диавол все еще возделывает свое поле в это время более, чем в иные дни года. Мы постараемся объяснить вам, откуда, как полагаем, это возникло. Ибо Марс и Янус были люди дурные и бессмысленные, из них один был человекоубийца и прелюбодей, другой же легкомыслен и неразумен настолько, что даже сам себя сжег. После их гибели им по обычаю язычников были поставлены статуи, в которых по причине безмерного количества их преступлений захотелось поселиться демонам; а чтобы легче было обманывать людей, захотели называться именами прорицателей, и так они похвалялись, что и живы, и что являются богами; утверждали, что должно посвятить им начала двух месяцев; повелели эти месяцы называть своими именами, а именно, Март и Январь – от Марса и Януса; научили, как справлять каждому из них торжества именно в календы и какое почитание им оказывать. Это заблуждение, часто повторяясь, распространилось настолько, что почти что все, впавшие в соблазн, эти праздники соблюдают. И полагаю, потому оно не искоренено, что и поныне крепко среди крестьян. Нам известно, что названия месяцев и знаков зодиака остаются и сейчас такими же, как они были придуманы древним воображением языческим, – такие, как, например, Овен, Телец и

Напольная мозаика. 1066 г. Помпоза, Италия.
Mosaics / Ed. C. Bertelli. N.Y., 1989. P. 180

прочие. Совершенно понятно, что имена эти, если внимательно их изучить, совершенно ложные, ибо звезды не образуют изображения животных, но язычники, со свойственным им любопытством, изучали и толковали эти выдумки по произволу своему или во славу своих богов, а точнее, демонов. Это мы можем доказать на простых примерах: и действительно, то, что языческие философы называли Арктосом, то есть Медведицей, и писали, что среди звезд ее поместил Юпитер, наши крестьяне называют это телегой. А что они признали головой Тельца, крестьяне зовут еще курицей; что же обозначали как “пояс Ориона”, это у крестьян наших зовется серпом. И пусть никто не думает, что поскольку простые люди ниже философов, будто бы они хуже могут видеть сходство во всяких нечестивых вещах. В конце концов, Арктос не больше похож на Медведицу, чем на телегу; да и другой знак не более схож с головой Тельца, чем с курицей. Что же до того, как называется “пояс Ориона”, всем понятно, что лучше уподобляться серпу, чем поясу. Итак, мы лишь пытаемся сказать, что видим, как многие, совращенные ложным учением, наблюдают расположение созвездий с излишней ревностью. Бог Всемогущий для того светила поместил в небесах, чтобы они служили людям на земле: они мрак умеряют, различению часов научают, путешествующим или плывущим по морю части света обозначают. Есть еще некоторые светила, по которым иногда можно предсказать время ливней или ясной

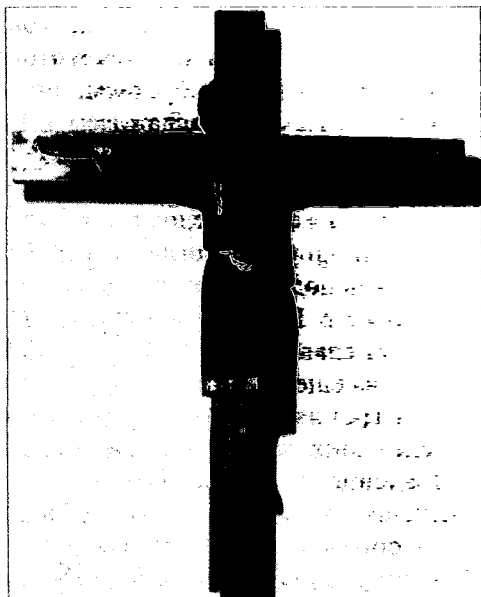
погоды. Такой закон изначально положил им Создатель всяческих, и они не могут сверх того ни помогать, ни вредить: хотя есть звездочеты, которые учат, что светила управляют рожденьями, властвуют над браками, помогают в строительстве. Однако то, что расположение звезд соединяют с Рождеством, достаточно опровергается в проповедях на Богоявление². Скажем, однако, по поводу браков: мы, несомненно, знаем, что нередко многие мужчины или женщины оказываются бесплодными, и есть возможность добиться рождения наследников, если соблюдать какие-то временные указания или знаки, или же (...) если взять другую жену. Что же касается строительства зданий, то мы можем сделать верный вывод хотя бы из недавнего пожара в Павии. Ибо был ли еще какой город в этом государстве, который сиял бы, как вы видели, более прекрасными строениями? Ни по какому расчету светил, сделанному древними или нынешними звездочетами, нельзя было заключить, что в этом городе не могло бы процветать зодчество, однако в один день, словно в день Божия суда, все было поглощено огнем. Значит те, кто утверждает, что зачатие ребенка зависит от тщательного соблюдения каких-либо сочетаний светил, и, наоборот, если ими пренебречь, то можно обмануться в своих надеждах; также и то, что дома, выстроенные при восходе одних созвездий, уязвимы огнем, а при восходе других остаются невредимыми; или кто стремится преуспеть в своих делах, основываясь прежде всего на сочетании звезд, – все они, если кто-либо верит в такое, заблуждаются, что доказывают приведенные выше примеры. Но враг рода человеческого, зная различные наши немощи, силится одолеть нас различными кознями: ибо так же, как людям сильным он подбрасывает возможность грабить, ловким – обманывать, сладострастным – любодействовать, физически крепким – превозноситься, так и глупцов, и невежд он ввергает в бесчувствие неверия, разбрызгивает яд суеверий, отстаивает старые привычки язычества, укрепляет бездушие. И хотя люди даже каются в совершенных грехах, но все же, сраженные стрелами, падают. Следовательно, должно строго спрашивать с таких людей, если они хоть раз допели до конца Символ Веры, к тому ли стремятся и о том помышляют; а если они отвергают, да удалятся из нашего сообщества, пока не исправятся. Если же они заявляют, что так из суеверия поступают часто, но при этом претендуют на то, что и на словах, и сердцем в Бога веруют, то, думаю, их поступки противоречат воле Его. Ибо о таких говорит Господь через пророка: “...этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня” [Ис 29, 13]. Лишь Тот Всемогущ, Кто может все; о чем и псалмопевец: “Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле, на морях и во всех безднах” [Пс 135, 6]. И апостол Павел: “ибо кто противостанет воле Его?” [Рим 9, 19]? Итак, братия мои, ясно видно, что все подобные обычаи лишь во вред для своих приверженцев. И потому искорените их из ваших умов, как если бы никогда вы о том и не слышали; но, по слову блаженного апостола Павла, все, что бы ни делалось, да будет всегда во имя Господне³. А кто тем пренебрежет, то пусть будут отлучены

от имени католического, ибо они, скованные путами астрологии, не заслуживают быть причисленными к числу сынов Твоих. <Аминь>.

Слово на праздник Богоявления

Тем, кто празднует день Богоявления, позаботимся рассказать, что Богоявление означает. Ибо праздник этот называется по-гречески “эпифания”, по-латыни же “явление свыше”. Ибо когда родился Господь наш Иисус Христос, то над пристанищем, в котором Он находился с Матерью, явилась звезда, которая волхвов из дальних стран прийти к Господу для поклонения побудила, и затем именем таким этот день освятила. Наконец, хотя Господь украсил этот день различными чудесами, это вот чудо, однако, заняло особенное место в имени праздника, или потому, что оно было первым, или потому, что было из всех чудес самым великим. Ибо эта звезда

побудила первины народов прийти ко Христу Господу, и склонила к вере, и научила поклонению. Единство, сложившееся из их множества и распространившееся ныне уже по всему почти миру, называется Церковь. Но само это чудо для всех прочих чудес, которые Господь за прошедшие годы в эти же годовщины изволил совершить, является началом или главою, как о том и сообщает чтение из Писаний. В то же время года Господь был крещен в Иордане, и Дух Святой в виде голубя дал знак, что Он – Сын Божий, и воды удивлялись Ему, и Иоанн, указуя на Него перстом, сказал: “Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех Мира” [Ин 1:29]. Затем Господь на пиру брачном воду в вино превратил, а после пятью хлебами и двумя рыбами насытил пять тысяч человек⁴. Что иное все эти чудеса, как не звезда, которая привела пребывающие в праздности сердца людей в далеких странах к познанию истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа? Так же как мы осматриваемся во мраке ночи, неся перед собою светильник, так и людям, увидевшим чудеса, легче было понять, что Бог скрыт в образе человека. Следовательно, если мы внимательнее посмотрим на вышеназванные чудеса, то поймем, что это все было предобразовано в тех волхвах (...) ибо они ранее всех осознали, что через тайну Воплощения в том самом месте приобщились

Распятие IX–X вв. Собор св. Иоанна Богослова, Сансеполькро, Италия. Tuscany. Art and Architecture. Koenemann, Tandem Verlag GmbH, 2005. P. 307

к Сыну Царя Небесного. И с другой стороны, всякий раз, как от иудейских знатоков Пятикнижия мы узнаем что-либо, знаменующее Рождество Господне, словно пять хлебов обретаем; но когда, путем трудным и мучительным, приходим к Нему, и наслаждаемся Его присутствием, пять хлебов словно бы преломлением увеличиваются, и мы насыщаемся их сладостным вкусом. О двух же рыбках – книгах псалмов и пророков – свидетельствуют писатели, которые также, безусловно, от них вкусили, ибо некоторые речения из псалмов и пророков согласуются. Так Псалмопевец говорит: “Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары” [Пс 72, 10]. Также и Исаия: “все они из Савы придут, принесут золото и ладан и возвестят славу Господа” [Ис 60, 6]. Наконец, знак святого Крещения в дарах Рождества еще и в том, что волхвы удостоились принять на себя исповедание Святой Троицы прежде, чем поклонились Господу – уже в самом своем числе и числе своих даров. Или же в том, что дарами своими они свидетельствовали о Младенце, как о Боге, Царе и Человеке смертном, поскольку благодать Крещения никакому исповедующему не должна сообщаться каким-либо иным образом; а также в том, что им было возвещено после поклонения Младенцу не возвращаться к Ироду, но другим путем отправиться в свой родной край⁵. Поистине, поклонение волхвов некоторым образом делает нам Крещение заранее известным. Ибо наш родной край есть рай, из которого мы были изгнаны по причине греха первого человека, и после долгое время жили, блуждая в краю Иродовом, то есть во власти дьявола. Но после того как мы кафолически исповедуем Бога, и для поклонения Ему погружаемся с головою в купель Крещения, все учение Священного Писания нас предостерегает, чтобы к Ироду мы не возвращались. Ведь Ирод означает дьявола, как ясно из толкования имени. Потому Божественные наставления и убеждают нас идти по другой дороге к нашей отчизне, чтобы мы, которые пали, отклонившись на окольные пути греха, удостоились бы по узкой тропе добродетелей взойти к Вышнему Царству. *〈Аминь〉*.

Слово на утро Пасхи

“Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена” [Пс 117, 1]. Достоин и праведно есть, чтобы мы всегда хвалили Господа, как свидетельствует Псалмопевец, который говорит: “Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих” [Пс 34, 1]. Ибо всегда подобают хвалы Господу устам нашим, но особенно на этом столь великом празднестве: ибо Царю, Который ад сокрушил, плененных освободил, жизнь возвратил, смерть запретил, по праву должно воспевать песнь новую, и следует громко возвещать хвалу Ему преславную. Ну же, братия возлюбленные, ныне с Пророком воспойте: “Пойте Господу песнь новую; хвала Ему в собраниях святых” [Пс 149, 1], – и не на медных кимвалах, не в уличных песенках, не под громоухание труб, но новой песнью, то есть песнью Нового Завета, надлежит нам восхвалить Господа. Потому прибавляется: “Да торжествуют святые во

славе, да радуются на ложах своих” [Пс 149, 5], и “Хвалящийся хвались о Господе” [2 Кор 10, 17]. <...> <Пойте> в радости, ибо, как свидетельствует сам апостол, “И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию, пребывает вовек” [1 Ин 2, 17]; в радости, а значит, в Боге, святые возрадуются на ложах своих, то есть в своей незапятнанной совести и чистом сердце, которым удостоятся видеть Бога. Они радуются не в театрах, как актеры; не в эпиталамах и песнях, как мимы; ни в плясках и в цирке, как гистрионы или идолопоклонники, каковым – увы! – некие христиане и до сих пор во многом подражают. Ибо, что более достойно сожаления у старцев, что более отвратительно для юношей, что более пагубно для подростков, чем воспевать постыдными телодвижениями и льстивым голосом бесчестье дев и похоть блудниц, привлекая зрителей подобными уловками и соблазняя их своей испорченностью? И смогут ли те, которые до сих пор не погибли, или хранимые Божественной благодатью, или по состраданию Божию, богатству и роскоши предпочесть грязную лужу? Вот какова блудница, как описано Соломоном, – “...женщина в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее; то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы” [Притч 7, 10–12], и много тому подобного, что нет возможности здесь привести. Также Дина, дочь столь великого отца Иакова, претерпела бесчестье, когда ходила повидать местных женщин. И мы читаем и слышали, что многие еще другие горько оплакивали непоправимо потерянное, подобным образом утраченное целомудрие. А представление на сцене поистине есть похищение целомудрия. Ведь в конце концов, как мы читаем, создателями игр в цирке были известные всем демоны – Либер и Венера. Итак, да избегает всякий христианин им потворствовать – тем, греховности которых он не желает уподобиться; и прежде всего во дни нынешнего праздника, ибо мало пользы будет от того, если мы, оплавав свое падение во время четыредесятницы, вновь скатимся к тому же падению, оскверняя тем самым пасхальное торжество. А трудно будет нам этого избежать, если не приложим усилия, чтобы умом своим от всего того отвратиться, ибо, согласно Апостолу, “худые сообщества развращают добрые нравы” [1 Кор 15, 33]. Потому и Соломон говорит: “смерть входит в наши окна” [Иер 9, 21]. Окна же наши суть пять плотских чувств, через которые проникает к нам смерть души, словно чрез окна; да будем достойны, чтобы от нее избавил нас Господь наш Иисус Христос, Которого – Царство. <Аминь>.

Слово на Вознесение Господне

После того как Господь и Спаситель наш, братья возлюбленные, воскрес из мертвых, Он пожелал пребывать на земле в течение сорока дней со своими учениками, чтобы изгнать из их сердец печаль тех сорока часов, в течение которых Он покоился в гробнице. Как некогда Он освободил сыновей Израильских из египетского рабства и из бездны моря Чермного, и в течение сорока лет по

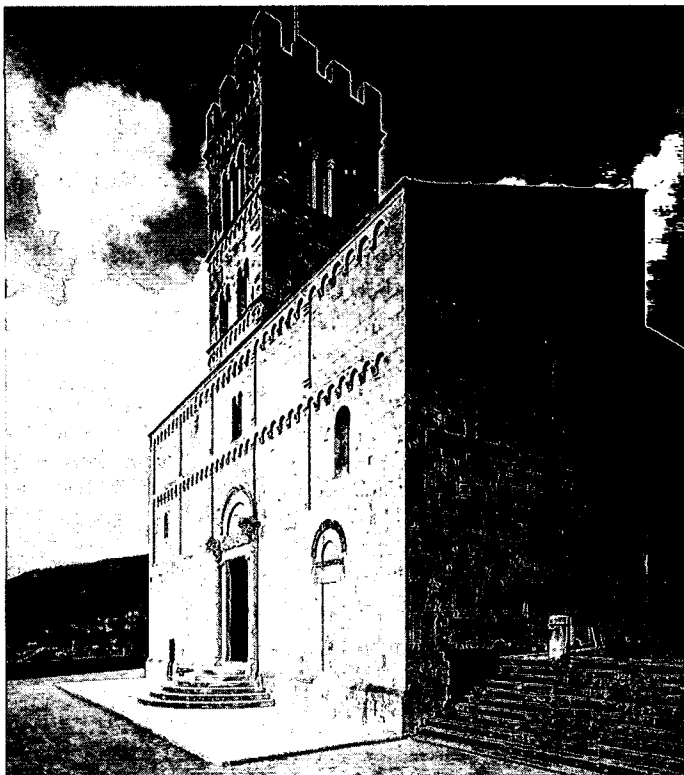
пустыне водил их, и обучил их тем временем устройству скинии, приношению жертв и соблюдению священных обрядов; и после, низложив гордые народы, ввел их в земной Иерусалим, который есть земля обетования, – так и теперь, восстав из мертвых и выведя к свету тех, кто несправедливо удерживался во мраке преисподней, Он привел Своих учеников от тумана неверия к познанию Света истинного, в течение сорока дней пребывал с ними, чтобы за это время научить их вместе и устройству Святой Церкви, и постижению Священных Писаний, и после, одолев все бесплотные силы диавольские⁶, вознесся к святому Небесному Иерусалиму, называемому также землею обетования, “которую Он обещал любящим Его” [ср. Иак 1, 12]; как сказал Псалмопевец: “Но я верую, что увижу благодать Господа на земле живых” [Пс 27, 13]. Итак, эти сорок дней безусловно указывают на те сорок лет, и мы, прибегнув к такому уподоблению, можем дать им истолкование. Господь, совершив на земле Таинства, в этот день вознесся на глазах у многих свидетелей, которые не просто это видели, но, более того, тому радовались; вознесся на небеса Победителем, как написано: “Восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном” [Пс 46, 6]. “При восклицаниях”, ибо столь великая радость в сердце рождается, какую словами не выразить. От того так и сказано, что сердца апостолов, видящих великое чудо, исполнились радости несказанной, ибо видели, что наш Искупитель, в Которого они истинно поверили как в Воскресшего из мертвых, восходит туда плотию. Потому они не сомневались, что им может быть даровано все, что Он обещал; не сомневались, что за Ним и они, как Он обещал, последуют к бессмертной и небесной славе, какой, – чему они и радовались, – Он уже достиг. Также и Духа Святого ожидали они с тем большим упованием, сколь вернее исполнялось, как они видели, все остальное, что Он предсказал. Справедливо добавлено “при звуке трубном”, ибо под тем мы понимаем гром гласа ангельского, словно трубы громогласной, когда сказано было ангелами: “Мужи Галилейские! что вы стоите и смóтрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо” [Деян 1, 11]. Потому так именно было возвещено, чтобы не осталось у апостолов какой-либо скорби, когда они увидели, что Господь отнят у них в телесном присутствии, либо чтобы не сомневались, что идет на небо Тот, Кому, как они видели, служат ангелы. Итак, братия возлюбленные, поскольку мы, избавленные уже из Египетского рабства, перешли Чермное море, и, в смерти с Господом прежде сопогребенные, воскресли (ибо это символизирует благодать Крещения), ныне усердно помолимся; помолимся, чтобы, пока мы пребываем в этой пустыне жизни смертной, Он по заповедям Евангелия и Декалога⁷, что означают сорок лет или сорок дней, изволил бы наставить нас к тому, чтобы, истребив пороки, мы удостоились в радости достигнуть Небесного Иерусалима. И таким образом, при помощи святых апостолов, постараемся прославить грядущий праздник Воскресения Господня, чтобы и мы могли ожидать даров Духа, которые апостолы приняли, как написано: “восшел на высоту, Господь пленил плен и дал дары человекуам” [Еф 4, 8]. Ведь “плен пленил” означает,

что, окончательно победив смерть, Господь вывел из мрака ада добычу его и с торжеством возвел на небеса. А “дал дары человекуам”, – когда Святого Духа передал апостолам; и не только апостолам, но еще и прочим праведникам. И подобает нам молить о таких дарах с наивысшим благоговением, чтобы мы были бы достойны их получить, а полученное навсегда сохранить. И то, что мы упустили в прошлом и не исполнили, то хотя бы в этой декаде давайте соблюдать: смоем скверну с сердца неправого, отвергнем всякое зло, и так проведем дни этого праздника, чтобы радостно встретить Пятидесятницу. Ибо если Святой Дух найдет нас очистившимися, без сомнения, Он приготовит в нас Себе обиталище; в чем порукой пусть будет нам Тот, Чье есть Царство и Владычество. <Аминь>.

Слово на кончину блаженнейшего Евсевия, епископа Верчелльского⁸

Должно нам, братья возлюбленные, для простого народа кое-что рассказывать о святых праздниках в течение года, чтобы все смогли узнать из наших бесед о том событии, празднование которого у нас в обычае. Но в этот день праздничный мы не можем сделать для них ничего более уместного, чем если кратко изложим деяния покровителя нашего местного. Так вот, блаженнейший Евсевий, память которого сегодня торжественно мы отмечаем, родился в провинции Сардиния, как мы знаем; однако в Риме получил он крещения благодать, сам высший понтифик его восприемником от святой купели захотел стать, и крещенный удостоился его имя принять. Это имя указывало на благодать справедливо – ибо с самого детства жил он благочестиво; ведь *Евсевий* “благочестивый” означает, как греческие толмачи разъясняют. Но тот, кто блаженным папой Евсевием⁹ был заново рожден, в сан епископа его преемником Юлием¹⁰ был возведен. В то время в Италии большой город Верчелли был тем самым городом, где еретики засели. Вот этот город и был назначен Евсевию, превзошедшему всех словом, делом и верою. Сборище же арианское, злобствуя, тем сильнее его презирало, что видело в нем защитника веры истинной, и потому знать его не желало. Ведь дерзнувшие Искупителя хулить и пастыря Его не могли любить. В Блаженной Богородицы храме, который возвел блаженной памяти Константин от основания, еретики затворились, засовами и запорами укрепились, заперев двери изнутри, чтоб хотя бы так не позволить пастырю войти. А славный пастырь, который прямо и открыто проповедовать Святую Троицу пришел, знамением крестным все запоры сокрушил; и свидетельствовать, что Бог Сын Отцу Богу равен, не устранившийся, войти удостоился в двери храма Матери Его, сами собою растворившиеся. Отступили ариане, великим ужасом пораженные, и к жестокому императору поспешили, смущенные. Император же Констанций¹¹, который тогда был правитель, губительным образом вел себя как веры кафолической искажитель, и поскольку было им известно, что с ними согласным будет еретика мнение, то на кафолика они без препятствий возвели обвинение. Тотчас же всех епископов на собор в Медиолан¹² Констанций созывает коварно,

чтоб сгубить там веру святую тайно. На тот собор блаженный Евсевий пойти не пожелал, однако, что там происходит должно было, прекрасно понимал. Грамоту еретическую, составленную по искаженной своей вере, император восхвалял, где Сына во всем меньшим Отца провозглашал. Против этого кафолики поначалу, как казалось, воевали, но в конце концов уstraшенные, все, кто был на соборе, мнение такое подписали. Блаженный Евсевий, о том услышавши и из глубины сердца восстенавши, не смог уже удержаться, чтобы не отправиться на упомянутый собор за веру сражаться. Святое Евангелие ему было порукою, и взяв Святые книги, он поспешил на реку Сиккиду широкую, – к переправе привычной, но тут случилось нечто необычное: лодка, на которой переправлялись, на другом берегу стояла, а когда Евсевий ее позвал, она пустая, без человека, сама к берегу, где он был, пристала, Евсевия подхватила, по быстрым волнам его понесла и на другой берег перевезла. Затем он главного города достиг и там плач великий вместе с кафоликами воздвиг. Утерев же слезы, высказал мудрое решение и братьям всем, если будут ходить по его стопам, дал грехов отпущение. Император, приняв его, изобразил великое смирение и скрыл свое нечестие, чтобы к кощунству склонить таковым образом его благочестие, говоря: “Подпиши, брат, что и мы подписали; подтверди ты, что мы все уже давно подтвердили”. Но мудрый отец сделать это погнушался, ибо поставить свое имя под их грамотой, всеми ранее одобренной, отказался; он громко потребовал этот постановление уничтожить, а другое создать, под которым он уже мог бы свое имя написать. Так Евсевий, которого тиран желал хитростью подчинить заблуждению, смог предать тирана посмеянию, по Божьему велению. Без промедления первое постановление сожигается, и другое, с ним схожее готовится; и оно таким образом было сочинено, как если бы было одним блаженным Евсевием составлено. На это кафолики согласие дали; все единодушно за ним подписали. Веры этой обещали стойко держаться, и даже под угрозой смерти от нее не отклоняться. Император Константин, видя, что не может их стойкость поколебать, стал на блаженного Евсевия в бешенстве своем нападать. Тогда он обрек мужа Божия на всяческие страдания, сверх того, наконец, повелел, чтобы тот надолго отправился в изгнание¹³: и темницу и оковы жестокие он тогда узнал, от голода и жажды долгое время страдал; но там же был Евсевий отмечен чудесами и знамениями и не раз был подкреплен ангельскими утешениями. И в такой беде добрый пастырь о своем стаде не забывал, в посланиях из дальних стран непрестанно о них вспоминал и оставаться твердыми в вере кафолической неотступно увещевал. Но теперь уже совсем отступали кафолики, ибо долго их теснили еретики. Наконец Господь сострадающий лишил жизни нечестивого властителя и возвратил блаженного Евсевия в родные обители¹⁴. В этом пути Господь послал ему видение, в котором святой муж узнал своей души с телом разлучение. В сем видении ему казалось, что он на горной вершине стоял, и что ввысь к некому дворцу прекрасному, ярче солнца сиявшему, на крыльях взлетал. Тотчас же понял Евсевий, что после нынешнего во временной жизни прозябания по заслугам жития своего получит он вечной славы воздаяние. Тем временем, вернувшись в Верчелли, он был

Собор Сан-Кристофано. Паперть собора – церковь X в. Барга, Италия.
Tuscany. Art and Architecture. Kōnemann, Tandem Verlag GmbH, 2005. P. 84

принят паствой своей с великой радостью и высшей почестью, и всех в вере Христовой укреплял смелой проповедью; говорил, что скоро преселится от века сего, и им многое претерпеть придется после того; наставлял их переносить все с терпением, приводя в пример стойкость свою и страдания, и, сверх того, обещал им радость вечного воздаяния. Но не прекратилась арианская смута, что принудило Евсевия обрести венец муки, ибо осмелились еретики с дубинами и мечами на него нападать и камнями его осыпать. Удары от тех камней честную его главу пробивали, и мужа Божия погубили, – так душу святую к Богу возвратили. Вот здесь он был своими учениками погребен, в этом храме, который им самим из любви к Богу в честь мученика Теонеста был возведен; здесь многие благодеяния всякому даруются, кто в чистой молитве к блаженному Евсевию обратится, многими благодеяниями по милости его обогатится. Да избавит и нас своими молитвами от вечной муки тот, кто сегодня, то есть в день августовских календ, был исторгнут из темницы плоти. *«Аминь»*.

- ¹ Регион Пьемонт на севере Италии.
- ² Скорее всего, подразумевается одна из проповедей Блаж. Августина.
- ³ Ср. Кол 3, 17 – “все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа”.
- ⁴ Имеются в виду два евангельских чуда: Ин 2, 1–11 и Мф 14, 15–21.
- ⁵ См. Мф 2, 12.
- ⁶ Буквально: “силы воздушные” или “власти воздушные” – см. примеч. 20, стр. 105 к “Томилини о святом Лебуине” Радбода Утрехтского.
- ⁷ То есть в согласовании Ветхого и Нового Заветов.
- ⁸ Св. Евсевий Верчелльский (ок. 283–371). Память 2 августа.
- ⁹ Евсевий – папа Римский с апреля по август 309 г.
- ¹⁰ Папа Юлий I (на Римском престоле 337–352) поставил св. Евсевия во епископа 15 декабря 340 г.
- ¹¹ Констанций II – римский император в 337–361 гг.
- ¹² В 355 г. – имел характер вероотступничества и политического скандала – где под грубым нажимом императора Констанция II заочно был осужден Афанасий Александрийский, поборник Никео-Цареградского Символа веры. Отказавшиеся подписать решения собора, в их числе и Евсевий Верчелльский, были сосланы на Восток. После смерти Констанция Евсевий был возвращен на свою кафедру и участвовал в Александрийском соборе (362 г.), принявшем покаяние арианских епископов.
- ¹³ Св. Евсевий был отправлен в ссылку, сначала в Скифополис в Сирии, затем в Каппадокию, позже в Фиванду в Египте.
- ¹⁴ В 363 г.

Лиутпранд Кремонский

Среди историков X в. Лиутпранд занимает видное место как по своему таланту, так и по значительности описываемых им событий. Сочинения Лиутпранда служат и источником для его биографии. Из них выясняется, что родился он в Павии, приблизительно в 920 г., в знатной лангобардской семье, в придворной школе короля Гуго получил прекрасное классическое образование. Отец его был влиятельным лицом при дворе, был даже послан в Византию для укрепления связей короля с империей. В 931 г. Лиутпранд, благодаря прекрасному голосу, был приглашен в дворцовую капеллу. Во время правления в Италии Беренгария (с 945 г.) Лиутпранд служил у него личным секретарем. Позднее был диаконом церкви в Павии. По поручению Беренгария он в 949 г. ездил послом в Константинополь, где усовершенствовал свои знания греческого языка. О целях и последствиях этого посольства Лиутпранд не сообщает, но известно, что по возвращении у него произошел разрыв с Беренгарием. И уже в 956 г. он живет в Германии в качестве политического эмигранта. Оттон I оказал ему благожелательный прием. В Германии Лиутпранд встретился с епископом Рецемундом из Эльвиры, послом калифа Абдерахмана III, и по его убеждению начал писать историю современной Европы и ее королей. Писал он ее во Франкфурте с 958 по 962 г. и назвал “Антаподосис, или Воздаяние”. У Оттона Лиутпранд

выполнял дипломатические и политические поручения: в 963 г. сопровождал королю в его итальянском походе в качестве переводчика в синоде в Риме, за что потом был пожалован епископством кремонским, а в 968 г. был главой посольства в Византию к Никифору Фоке, целью которого было сватовство к Феофано, дочери императора Романа II, для сына Оттона. Оттон рассчитывал, что южноитальянские владения греков будут отданы его сыну в качестве приданого. Но его надежды не оправдались – Никифор ответил отказом, и в 969 г. Лиутпранд вернулся из Константинополя, не достигнув желанных результатов. Об этих своих поездках он написал два сочинения: “О деяниях Оттона” (“*Historia Ottonis*”, или “*Gesta Ottonis*”) – об итальянском походе императора, и “Отчет о путешествии в Константинополь” (“*Relatio de legatione Constantinopolitana*”, или “*Legatio*”) – сочинение пропагандистского прототтоновского характера, направленное против Византии. Есть сведения, что Лиутпранд ездил в Византию и в третий раз и во время этой поездки умер, но это недостоверно. Умер он, по-видимому, в 972 г., потому что в следующем году епископом кремонским называется уже Ольдеберт.

Из сочинений Лиутпранда самое значительное по содержанию и объему – “Воздаяние”, в 6 книгах, направленное против Беренгария и имеющее целью обличить его перед современниками и потомками, т.е. воздать ему по заслугам. Однако задача эта не была выполнена, – история доведена автором только до 949 г., она останавливается на описании путешествия Лиутпранда в Византию. Причину необычного названия книги Лиутпранд объясняет в предисловии к III книге (см. ниже). По-видимому, это греческое название ее (“*Антаподосис*”) не было изначальным, а дано сочинению позднее. В нем освещаются события в Европе с 887 по 949 г.

Порядок изложения их хронологический, хотя нетрудно заметить довольно беззаботное отношение автора к точности датировок. Первые 3 книги излагают события в Италии и Германии с 887 по 931 г. Более ценна вторая часть сочинения, в которой автор выступает как очевидец изображаемых им событий и их активный участник. Лиутпранд осуществил здесь требования античной историографии, и в этом он выгодно отличается от своего современника, саксонского историка Видукинда. В IV книге содержатся сведения о Германии и ее королях Генрихе и Оттоне, а в V снова речь идет об Италии и ряд глав посвящен Византии. Основная ее тема: история царствования короля Гуго до его смерти в 947 г. В VI рассказано о путешествии Лиутпранда в Константинополь. Книга осталась незаконченной по неизвестным причинам.

В “Антаподосисе” история сплетена с автобиографией. Это сочинение напоминает мемуары политического деятеля, направленные против его врагов, и отличается крайней субъективностью; изложение его явно тенденциозно: Беренгарий нарисован самыми мрачными красками, напротив, Оттон – светлыми. Читатель ясно видит в нем автора – пламенного почитателя Оттона и ожесточенного врага Беренгария. При написании “Воздаяния”

Лиутпранд опирался и на устную традицию, но главным образом – на личные впечатления.

Форма изложения сочинения неровная: историческое повествование чередуется с живописными картинами быта, с новеллами и анекдотами порой весьма пикантного содержания, размышлениями, стихотворными вставками. Такое разнообразие не было случайным. В предисловии к сочинению Лиутпранд говорит, что книга – это не только серьезное чтение, но она должна служить и отдохновением читателю. Поэтому он, в подражание Бозтию, вводит в прозаический рассказ стихотворные описания и инвективы. Стихотворения то продолжают рассказ, то его иллюстрируют, то выражают отношение автора к излагаемому – его порицание или его одобрение, его ненависть или его любовь. В зависимости от изложения тон сочинения меняется: то в нем преобладает пафос, то ирония, то сарказм. Язык сочинения живой, местами несколько вычурный. Лиутпранд охотно щеголяет греческими словами, перестает речь цитатами из античных авторов: Вергилия, Овидия, Теренция, Ювенала, Цицерона и др. У античных историков Лиутпранд заимствовал прием вымышленной речи для характеристики своих героев. Эти речи очень оживляют и украшают его рассказ. В качестве литературного сочинения книга Лиутпранда оригинальна и значительна. Здесь в полной мере обнаруживается его талант. В качестве исторического сочинения она проигрывает из-за слишком односторонней и субъективной оценки событий. Как патриот лангобард Лиутпранд ненавидит всех иноземцев, вторгшихся в Италию: сарацинов, венгров, византийцев. Зато его сочинение дает живое представление о деталях жизни, быта и нравов современной Лиутпранду эпохи в феодальной Германии, Италии, Византии.

Второе сочинение Лиутпранда, “Деяния Оттона”, содержит всего 22 главы и посвящено деятельности Оттона в 960–964 гг., его итальянскому походу и действиям против папства. Здесь есть весьма интересные сведения о жизни и нравах папского двора. Сочинение это вполне объективно, о себе Лиутпранд говорит здесь в третьем лице, приводит документы, письма, речи. Стиль его спокоен, стихов нет, хотя заимствования из античных авторов встречаются. Оно должно было послужить продолжением “Воздаяния”, составить его VII книгу, но осталось незаконченным.

Третье сочинение Лиутпранда, “Посольство”, написано после его второго путешествия в Константинополь. Никифор Фока, зная о посягательстве Оттона на южные владения греков в Италии и о претензиях его на господство в Риме, недружелюбно встретил послов Оттона, не оказал им должного приема и даже держал их под домашним арестом. Окончившееся неудачей посольство дало Лиутпранду повод написать ярко тенденциозное сочинение. Формально оно было отчетом о посольстве, фактически жесатирой и инвективой, направленной против византийского двора, и, с другой стороны, пропагандой в пользу Оттона. В нем особенно ярко проявился талант Лиутпранда – памфлетиста и

сатирика. Все оно пропитано иронией и ненавистью к византийскому двору, к его дипломатическим интригам, нравам придворной знати, этикету и церемониям. Рассказ Лиутпранда выражает глубокую оппозицию и враждебность, которая разделяла мир западный и мир византийский, несмотря на попытки их сближения. Для греков соотечественники Лиутпранда оставались варварами, невежественными и прожорливыми. Лиутпранду греки и их правители представлялись лживыми, изнеженными, жадными, недостойными сравниться с доблестными, смелыми и благородными германскими королями. Лиутпранд в гротескной форме рисует Никифора – уродливого, грубого, невежественного, несправедливого, противопоставляя ему идеальный образ Оттона. Это сочинение, как и два первых, не окончено. И хотя рассказу Лиутпранда не всегда можно доверять и его инвективы высказаны крайне раздраженным тоном, все же он представляет значительный культурно-исторический и литературный интерес.

Литературные достоинства Лиутпранда не вызывают сомнения. Он блестяще рассказывает анекдоты и новеллы, вымышленные или исторически достоверные, но одинаково безжалостные для его врагов, пишет их портреты, нередко сатирически-карикатурные. При этом героем новеллы порой оказывается клирик. Излишняя страстность Лиутпранда может рассматриваться как недостаток, но размах его риторического таланта, его искусство описания, его эрудиция ставят его в ряд по-настоящему значительных писателей X в.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 55–69.

Напольная мозаика “Философия с дисциплинами тривиума и квадривиума”. Деталь. X–XI вв. Иврея, Италия. Mosaics / Ed. C. Bertelli. N.Y., 1989. P. 177

Антаподосис, или воздаяние

I, 1. Достопочтенному и всякой святости преисполненному господину Рецемунду, епископу либерританской церкви¹, Лиутпранд, диакон тицинской² церкви, не в меру своих заслуг, шлет привет.

Вот уже два года, как я по скудости таланта не решался приступить к осуществлению твоей просьбы, дорогой отец; ты убеждал меня написать книгу о деяниях императоров и королей всей Европы как человека, который знает обо всем этом не по сомнительным слухам, но по собственному наблюдению. Страшило меня в этом деле сознание недостатка в себе дара красноречия и зависть недоброжелателей, которые в своем непомерном высокомерии, даже не заглядывая в книгу, полагают, по выражению ученого мужа Бозтия, что облачены в философскую мантию, тогда как владеют всего лишь лоскутьями от нее³. Они-то, издеваясь надо мной, скажут: “Наши предки написали столько, что скорее не хватит читателей, чем книг”, и высмеют меня известным стихом из комедии: “Ничего не скажешь больше, чего бы не было уже сказано раньше”⁴. Им, только и умеющим облаять, я отвечу так: “Как одержимый жаждой, чем больше пьет, тем сильнее чувствует жажду, так философы, чем больше читают, тем ненасытнее стремятся познать новое. Если же кто утомится, читая глубокомысленные сочинения красноречивого Туллия, тот может по крайней мере отдохнуть за чтением литературных безделок. Ибо, если не ошибаюсь, как тот, кто, пораженный лучами солнца, защищает чем-нибудь свои глаза, чтобы не видеть его яркого света, так и ум, погруженный в размышления при чтении сочинений академиков, перипатетиков, стоиков, тупеет, не подкрепись он благотворным стихом комедии или забавным рассказом о героях. Если уж в книгах сохраняется память об отвратительных обрядах древних идолопоклонников, знание которых не только бесполезно, но, я бы даже сказал, довольно вредно, так почему же обходить молчанием деяния современников, чья слава равна славе таких выдающихся полководцев, как Юлий, Помпеи, Ганнибал, брат его Гасдрубал и Сципион Африканский?..” {...}

III, 1. Я не сомневаюсь, святой отец⁵, что тебя несколько удивит название этого труда. “Зачем, – возможно, спросишь ты, – книге дано название “Antapodosis” (“Воздаяние”), если повествует она о деяниях знаменитых людей?” Отвечаю: цель этого труда состоит в том, чтобы отметить, показать и изобличить дела Беренгария⁶, кто не правит теперь, но скорее тиранствует в Италии, а также жены его Виллы, которая за безмерность ее злодеяний может быть названа второй Иезавелью⁷, а за ненасытную жадность к стяжательству истинным ее именем – Ламией⁸. Ибо меня и мой дом, родных и близких они, не имея на то причин, так преследовали и копыями лжи, и хищным вымогательством, и бесчестными интригами, что ни языком этого выразить, ни пером описать невозможно. Да послужат эти страницы им антаподосисом, т. е. воздаянием. За свои страдания я обнажу перед современниками и перед

грядущим поколением их ἀσέβεια, т.е. их нечестие. Но не в меньшей мере пусть послужит этот труд воздаянием и людям благочестивым и благонамеренным за услуги, какие они мне оказали...

V, 10. ...Беренгарий, брат упомянутого Анскария⁹ и маркграф Иврей, тайно стал замышлять против короля¹⁰. Когда король узнал об этом, то, скрыв гнев и притворившись благосклонным, замыслил лишить его глаз, как только он придет к нему. Однако присутствовавший на совете сын его, Лотарь, еще очень молодой и не понимавший, что ему полезно, не мог, как мальчик, утаить это и, послав к Беренгарию гонца, дал ему знать о намерениях своего отца. Беренгарий, узнав об этом, тотчас покинул Италию через Юпитерову гору¹¹ и поспешил в Швабию к герцогу Германну, а жене своей Вилле велел прибыть туда же другой дорогой. Я не могу надивиться тому, как эта беременная и близкая к родам женщина перешла через Птичью гору¹², каким образом удалось ей пешком пройти столь суровые и непроходимые горы. Одно лишь я знаю твердо – фортуна не благоволила мне тогда. Но, увы! Какую сам себе приготовил западню Лотарь! Простодушный, он не мог знать будущего! Ведь в то время как он заботился о Беренгарию, он спас того, кто отнял у него потом и власть, и жизнь¹³. Поэтому я взываю не к Лотарю, кто совершил ошибку по детскому недомыслию и после горько сожалел об этом, но к тем суровым горам, которые, вопреки их обычаю, предоставили им¹⁴ легкий путь. Мне хочется возгласить теперь мою на них обиду.

11. О, гора Бездорожная!¹⁵

Тебе ль Бездорожною зваться?

Ты бы злодея стубить могла, а ты его пожалела!

Тропы твои для путников трудны и в знойную пору,

В дни, когда жрец кривым серпом сечет колосья Цереры,

В дни, когда пламя Фебово нас жжет из звездного Рака!

Ты ли вдруг проходимою под зимнею стала стужей?

О, когда бы исполнилось все то, чего я желаю, –

Тотчас бы горы соседние низвергли тебя в барафры!¹⁶

Вижу: гора Юпитера путем прямым и свободным

Ход дает Беренгарию: ей любо губить справедливых

И сохранять нечестивейших – таких, как мавры-злодеи,

Те, кто живут убийствами, человечьей радуются крови.

Долгие речи к чему вести? Да сразят тебя Божьи перуны,

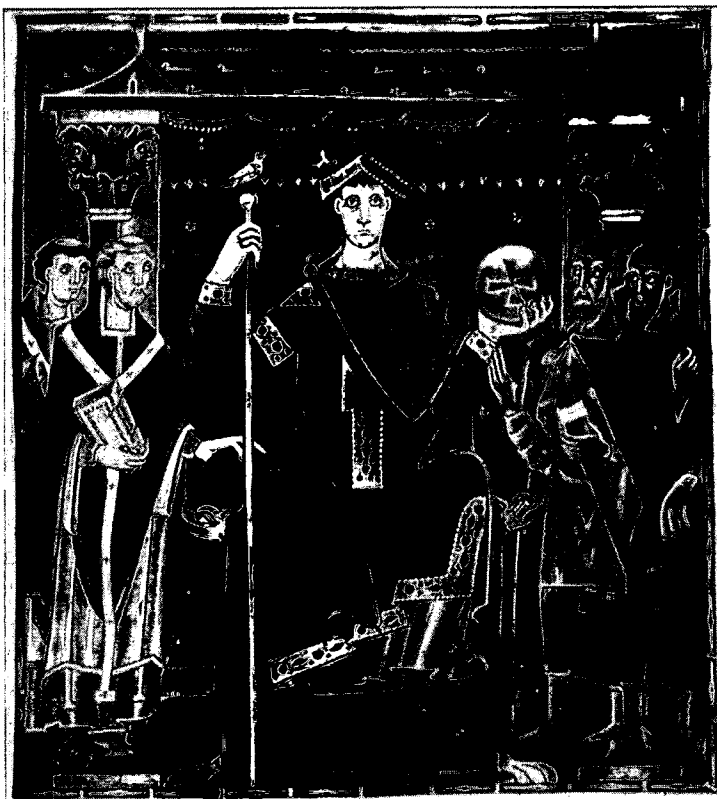
И да пребудешь ты в хаосе отныне на вечные веки!¹⁷

12. Итак, Германн, герцог швабский, благосклонно принял прибывшего к нему Беренгария и с большими почестями привел его к благочестивому королю Оттону. Мое перо не в состоянии описать, как милостиво принял его король, какими одарил его дарами и какую воздал ему честь. Все же, насколько возможно, оно опишет то, из чего разумный читатель легко сможет понять, как благочестив и гуманен был король и какое бесстыдство обнаружил Беренгарий.

13. Король Гуго, услышав о бегстве Беренгария, отправил послов к королю Оттону и обещал ему столько золота и серебра, сколько он только пожелает, если не примет он у себя Беренгария и не окажет ему помощи. Король дал им такой ответ: “Беренгарий обратился к нашей милости не с целью погубить вашего государя, но чтобы, коль это возможно, примириться с ним. И если бы я мог чем-нибудь помочь ему у вашего государя, то не только не принял бы обещанных мне даров, но охотно послал бы ему дары от себя; просить же о том, чтобы я не оказал помощи Беренгарию или кому-то другому, кто взывает к моему милосердию,— это верх глупости”. Итак, подумай только, с какой любовью принял его благочестивый король, который не только не пожелал получить обещанное, но сам намеревался заплатить за него¹⁸.

18. В то время как Беренгарий бежал из Италии, он взял с собой вассала Амедея, человека весьма знатного рода, который, как выяснилось позже, хитростью и отвагой не уступал Улиссу. Когда могущественный король Оттон не смог предоставить войско Беренгарию (его задержали некоторые обстоятельства, в частности заинтересованность в получении ежегодных даров от короля Гуго), упомянутый Амедей сказал Беренгарию следующее: “Тебе, мой господин, небезызвестно, как сильно итальянцы ненавидят короля Гуго за его жестокое правление и особенно за широкие раздачи должностей сыновьям своих наложниц и бургундцам, в то время как не найти итальянца, которого бы он или не изгнал, или не лишил всех его званий. И если они ничего не предпринимают против него, то лишь потому, что у них нет никого, кого бы они могли сделать своим королем. Вот если бы кто-нибудь из нас, переодевшись, чтобы не быть узанным, отправился туда и выведал намерения людей, то, несомненно, он мог бы подать нам хороший совет”. Беренгарий ответил: “Никто не сумеет сделать этого искуснее и лучше, чем ты сам”.

И вот Амедей, переодевшись, отправился в Италию вместе с бедняками, которые шли в Рим на богомолье, будто тоже был намерен идти туда же. Он побывал у владетельных людей и выведал, что у каждого из них было на сердце. При этом он не показывался всем в одной и той же одежде: одни видели его в черном, другие в красном, третьи в пестром. Все же “молва, что любого зла иного проворней, скоростью самой жива, набирает в движении силу”¹⁹, о том, что он в Италии, дошла и до слуха короля. И тогда Гуго приказал разыскивать его самым тщательным образом. Но Амедей, вымазав свою длинную и прекрасную бороду смолой, окрасив в черный цвет золотистые волосы и исказив лицо, прикинулся калекой столь искусно, что отважился в толпе нищих, которых по приказу короля кормили в его присутствии, предстать перед королем нагим, и не только получил от него одежду, но и услышал, что он говорил о Беренгарии и о нем самом. После этого, досконально все разузнав, он вместе с паломниками вернулся домой, однако не той же дорогой, какой пришел. Потому что король отдал приказ стражам горных проходов не пропускать никого, не обследовав тщательно, кто он такой. Узнав об этом, Амедей отправился в путь по непроходимым

Оттон III на троне. Райхенау. X в. Хроника христианства.
М., 1999. С. 132

и суровым местам, где не было никакой охраны, и прибыл к Беренгарию с донесением, которого тот ждал...

27. И вот “молва, что любого зла иного проворней, скоростью самой жива, набирает в движении силу”²⁰, о том, что прибыл Беренгарий²¹, быстро распространилась меж всеми... Тем временем все владетели Италии не в добрый час начали оставлять Гуго и примыкать к бедному Беренгарию. Бедным же я называю не того, кто ничего не имеет, а того, кому никогда ничего не достаточно. Потому что бесчестные и алчные люди, чье богатство ненадежно и подвержено всяким превратностям, вечно жаждут иметь еще больше. Из них никто еще когда-либо не был доволен тем, что имел. И они не должны рассматриваться ни как зажиточные, ни как богатые люди, но, напротив, как неимущие и бедняки. Ибо только те богаты и владеют прибылями и постоянным имуществом, которые довольны тем, что имеют, и считают достаточным то, что у них есть. Не быть жадным – истинное богатство, не быть одержимым

страстью к наживе – доход. Так признаемся же себе, кто богаче из двух: тот ли, кому не хватает чего-то, или тот, у кого больше чем нужно? Тот ли, кто терпит нужду, или тот, кто имеет всего в изобилии? Тот ли, кто чем больше имеет, тем сильнее стремится к наживе, или тот, кто содержит себя на свои средства? Быть довольным тем, что имеешь, – величайшее и самое верное богатство. Впрочем, об этом теперь сказано вполне довольно. Пусть мое перо вернется к Беренгарию, чье появление всем предвещало золотой век, и время, возвысившее такого человека, считалось счастливым.

28. Итак, в то время как он оставался в Милане и раздавал государственные должности своим приверженцам, король Гуго отправил туда своего сына Лотаря, к Беренгарию и ко всему народу с просьбой: раз уж они отвергают его, кто не поступает в угоду им, то пусть примут по крайней мере ради любви к Богу его сына, который ни в чем против него не провинился и кого они могли бы сделать послушным своим желаниям. Когда же Лотарь отправился в Милан, король выехал со всеми своими сокровищами из Павии с намерением оставить Италию и уйти в Бургундию. Однако его задержало следующее обстоятельство: когда Лотарь в церкви св. исповедника Амвросия и св. мучеников Гервасия и Протасия распростерся перед крестом, народ поднял его и объявил своим королем. Потом в скором времени к Гуго был отправлен гонец, с заверением, что он снова будет королем. Это решение, или скорее обман, исходило не от всех, но только от Беренгария, который, исполненный коварства, помышлял вовсе не о том, чтобы те в самом деле получили власть, но, как выяснилось впоследствии, чтобы не исчез Гуго и с помощью своего огромного богатства не восстановил бы против него бургундцев или какой-то другой народ.

30. ...Как велика тогда была радость итальянцев! Они громогласно кричали: “Новый Давид пришел!” В своем ослеплении они предпочитали Беренгария даже великому Карлу. И хотя Гуго и Лотарь снова были признаны королями Италии, Беренгарий, однако, лишь назывался маркграфом, на деле же был королем; а они, напротив, называясь королями, на деле оказывались не более чем графами. Что сказать еще? Обманутые такой славой Беренгария, его обходительностью и щедростью, мои родители отдали меня к нему на службу. Богатыми дарами, которые они ему преподносили, добились они того, что он стал доверять мне свои тайны и поручил вести его переписку. Долгое время я ему верно служил и получил за это такое вознаграждение, о Боже! О нем я расскажу в надлежащем месте²². Подобное воздаяние довело бы меня до отчаяния, не поступи он точно так же со многими моими друзьями. О таком, как он, прекрасно сказано в Писании: “перья страуса похожи на перья ястреба и цапли; когда настанет время, поднимется он на высоту, посмеется коню и всаднику его”²³. Действительно, при жизни Гуго и Лотаря этот огромный и прожорливый страус, не будучи добрым, тем не менее казался похожим на такого. Но когда они умерли и на вершину власти возвели его, как он поднял вверх крылья, как он нас всех осмеял – расскажу не столько словами, сколько вздохами и стонами. Но оставим это и вернемся к нити рассказа.

33. В это время²⁴ Таксис, венгерский король, напал на Италию с большим войском. Но Беренгарий откупился от него десятью модиями²⁵ монет, не из своих, однако, средств, а из церковных сборов и сборов в пользу бедных. Поступил же он так не потому, что заботился о спасении народа, но чтобы под этим предлогом собрать большое богатство. Это ему и удалось. Все граждане без различия пола и возраста должны были внести по одной серебряной монете. Он же, подмешав к ним меди, начеканил таким образом из небольшого количества серебряных монет десять модиев. Остальную часть и все, что он взял из церкви, оставил себе.

VI, 2. Со времени смерти короля Гуго в Провансе имя Беренгария прославилось у многих народов и особенно у греков. Ведь в действительности он правил во всей Италии, а Лотарь был королем лишь по имени. Поэтому Константин²⁶, по свержении Романа и его сыновей правивший в Константинополе, когда услышал, что власть Беренгария превосходит власть Лотаря, отправил к нему некоего Андрея, занимавшего должность дворцового графа²⁷, с письмом; в нем он говорил, что очень хотел бы видеть у себя посла Беренгария, по возвращении которого Беренгарий мог бы узнать о добром расположении к нему императора. Он написал также рекомендательное письмо относительно Лотаря, в котором советовал быть верным управляющим тому, кому Беренгарий милостью Божьей поставлен опекуном. Константин проявлял немалую заботу о благополучии Лотаря, потому что относился с чувством благочестивой любви к своей невестке, сестре Лотаря²⁸.

3. И вот Беренгарий, со свойственным ему коварством размышляя, кого бы ему послать, чтобы это не повлекло никаких расходов, обратился к моему отчиму, на чьем попечении я тогда находился, и сказал ему: “Чего бы я ни дал, чтобы твой пасынок понимал по-гречески!” “Да я бы за это отдал половину своего состояния!” – ответил тот. “Не надо и сотой доли, – сказал Беренгарий. – Император константинопольский просил меня в письме направить к нему посланника; никто не подходит для этого больше, чем твой пасынок, как по твердости характера, так и по дару красноречия. Да что говорить, с какой легкостью он выучится там греческому языку, если еще в детские годы он так освоил латинский!” Воодушевленный такой надеждой, мой отчим оплатил все расходы и отправил меня с большими подарками в Константинополь.

4. В августовские календы²⁹ я оставил Павию и, спустившись вниз по реке Эридану³⁰, на третий день прибыл в Венецию. Там я встретил греческого посла Саломона, китонита³¹, т.е. евнуха, который был послан в Испанию и Саксонию и теперь возвращался назад в Константинополь. Его сопровождал с большими дарами посланный нашего государя, тогда еще короля, теперь императора³², Лиутфрид, один из самых богатых жителей Маннца. Мы выехали из Венеции в 8-й день до сентябрьских календ³³, а в 15-й день до календ октября³⁴ прибыли в Константинополь. Я не премину описать здесь, какой неслыханный и удивительный прием был нам оказан там.

5. В Константинополе есть зал, примыкающий к дворцу, поразительно величественный и прекрасный, который греки называют “магнавра”, ставя вместо дигаммы³⁵ “V”, как будто бы это magna aura. И вот его Константин приказал приготовить для приема испанских, недавно туда прибывших, послов и для нас с Лиутфридом следующим образом. Перед троним императора стояло бронзовое, но все позолоченное дерево, ветви которого заполняли птицы разных пород, тоже из бронзы с позолотой, соответственно своей птичьей породе певшие на разные голоса. А трон императора был так искусно построен, что одно мгновение он казался низким, в следующее – повыше, а вслед за тем возвышенным. Этот трон как бы охраняли необыкновенной величины львы, не знаю из бронзы или из дерева, но позолоченные. Хвостами они били по полу и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание. И вот в этот зал в сопровождении двух евнухов я был приведен пред лик императора. Когда при моем появлении зарычали львы, защебетали птицы, каждая на свой лад, я не испытал никакого страха, никакого изумления, потому что обо всем этом был осведомлен теми, кто это хорошо знал. Но вот когда, склонившись пред императором, я в третий раз отвешивал поклон, то, подняв голову, увидел его, кого только что видел сидящим на небольшом возвышении, сидящим теперь чуть ли не под потолком зала и одетым в другие одежды³⁶. Как это случилось, я не в состоянии был понять, разве что, пожалуй, поднят он был тем же способом, каким поднимают вал давилного пресса. Сам император не произнес ни слова (да если б и захотел, то это было бы неудобно из-за большого отдаления от меня), но через логофета³⁷ он осведомился о жизни и здоровье Беренгария. Ответив ему подобающим образом, я по знаку переводчика вышел и вскоре был препровожден в предоставленную мне гостиницу.

6. Но я не могу здесь не вспомнить, что я тогда сделал для Беренгария, с тем, чтобы стало известно, сколь велика была моя любовь к нему и какое вознаграждение получил я от него за свою верную службу. Испанские послы и упомянутый Лиутфрид, посол нашего государя, тогда еще короля, Оттона, поднесли императору Константину богатые дары от имени их повелителей. Я же от Беренгария не принес ничего, лишь только письмо, да и то насквозь лживое. Поэтому душа моя из-за этого постыдного положения была полна смятения, и я напряженно придумывал, что бы такое предпринять в данных обстоятельствах. Но тут меня, озабоченного и обеспокоенного, осенила мысль: дары, которые я должен был преподнести императору от себя, поднести ему от имени Беренгария, и небольшой подарок по мере сил моих словами приукрасить³⁸. Вручил же я ему девять превосходных панцирей, семь великолепных щитов с позолоченными буллами, два серебряных с позолотой бокала, мечи, копыя, дротики и четыре carzimasia, невольника, которые для императора были ценнее всех других даров. Carzimasium же греки называют совсем юных евнухов, таких, на которых торговцы из Вердена получали огромные барыши и обычно вывозили их в Испанию.

7. И вот когда это подобным образом было проделано, император приказал пригласить меня через три дня во дворец и сам лично, поговорив

со мной, пригласил меня к столу, а после мне и моим спутникам преподнес богатые дары. Но поскольку теперь представляется случай рассказать, каким был его стол, особенно в праздничные дни, и что за зрелища были во время пиршества, я считаю уместным не обходить молчанием, но описать здесь.

С северной стороны близ ипподрома есть там помещение, необычайно высокое и изящное, которое называется “Деканеакубита”; имя это оно получило не без основания, но по очевидной причине. Ведь “deca” по-гречески значит “десять”, “ennea” – “девять”, а “cubita” от “cubare” мы можем перевести как “наклонное” или “изогнутое”. Это название происходит оттого, что в каждую годовщину рождения Господа нашего Иисуса Христа в этом зале накрываются девятнадцать столов, на которых император и его гости пировали не как в прочие дни сидя, но возлежа за столом. В эти дни на стол ставили не серебряную, но исключительно золотую посуду. А после пира приносили плоды в трех золотых вазах, которые из-за их непомерной тяжести доставлялись не людьми, но подвозились на тележках, покрытых пурпуром. А на стол они подавались таким образом: через отверстия в потолке спускалось три каната, обтянутых позолоченной кожей, с прикрепленными к ним золотыми кольцами, которые продевались в петли на краях сосудов и тогда посредством лебедки, находящейся над потолком, и с помощью четырех или более человек, стоящих внизу, вазы ставились на стол и точно так же потом убирались. О представлениях, какие я там увидел, я умолчу, так как было бы слишком долго описывать их; об одном лишь хочется упомянуть здесь, потому что было оно удивительным.

9. Вышел один человек, который нес на лбу шест, не поддерживая его руками, в 24 или даже более фута, а на нем локтем ниже верхнего конца была перекладина длиной в два локтя. Затем привели двух нагих мальчиков – на них были только набедренные повязки. Они вскарабкались вверх по шесту и выполняли там трюки, потом, перевернувшись головой вниз, опускались по нему, а он оставался неподвижным, словно бы врос корнями в землю. Наконец, после того как один из мальчиков спустился, другой, оставшись один, продолжал выступление; это привело меня в еще большее изумление, потому что, пока находились на шесте оба, это казалось вполне возможным, ведь они, хотя, слов нет, и были искусны, но управляли шестом, на который взбирались, благодаря одинаковой тяжести. Но каким образом один, оставшись наверху шеста, сумел сохранять равновесие так, чтобы и выступить с номером и спуститься невредимым, – это меня поразило настолько, что мое удивление не укрылось даже от самого императора. И поэтому, подозвав переводчика, он пожелал узнать у меня, что показалось мне более удивительным: мальчик ли, который управлял своими движениями столь осторожно, что шест оставался недвижимым, или же мужчина, который держал его на лбу с таким мастерством, что ни от тяжести мальчиков, ни от их трюков он даже слегка не отклонился в сторону? И когда я ответил, что не знаю, что кажется мне *thaumastoteron*, т. е. более удивительным, он, рассмеявшись от души, заметил, что тоже этого не знает.

Отчет о посольстве в Константинополь

Обоим Оттонам, непобедимым римским императорам августейшим, и прославленной императрице Адельгейде Лиутпранд св. Церкви в Кремоне, от всего сердца искренне желает здравствовать, процветать и торжествовать.

1. Почему у Вас до сих пор не было от меня ни донесения, ни вестника, объясняется следующими обстоятельствами. Накануне июньских нон прибыли мы в Константинополь и были позорно, оскорбительно для Вас, встречены и позорно, бесчестно приняты. Нас заперли в довольно большом, но открытом помещении, которое не защищало ни от холода, ни от зноя. Вооруженные воины были приставлены к нам в качестве стражей, они запрещали нам выходить оттуда, а всем прочим туда входить. Само это помещение, только и доступное нам, заключенным, находилось в таком отдалении от императорского дворца, что у нас перехватывало дыхание, когда надо было туда добираться пешком, а не на лошадях. Несчастье наше усугублялось еще и тем, что греческое вино оказалось непригодным для нас, потому что отзывалось оно гипсом и сосновой смолой. В дом не подавалась вода, и всякий раз, чтобы не умереть от жажды, мы вынуждены были покупать ее. К этой немалой беде добавлялась еще и вторая, а именно наш страж, который снабжал нас необходимым. Пожелай кто-нибудь найти ему подобного – он не нашел бы такого нигде, разве что в преисподней. Ведь он обрушивал на нас, словно бурный поток, любое зло, любое надувательство, любой шантаж, любое мучение, любое оскорбление – все, что только мог придумать! Из 120 дней не проходило и одного, чтобы он не доставил нам вздохов и стенаний.

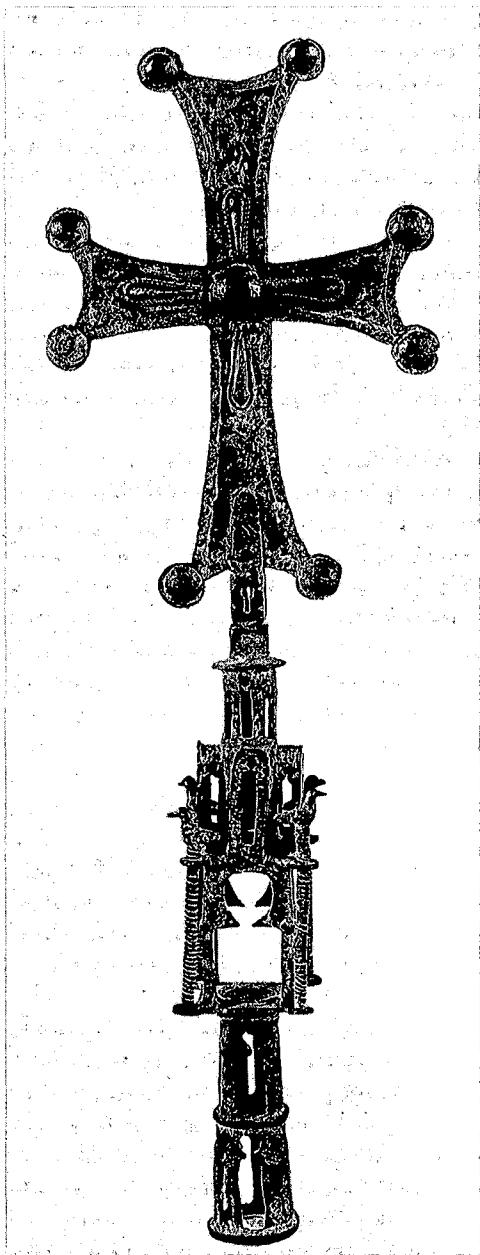
2. Накануне июньских нон³⁹ мы, как сказано выше, достигли Константинополя, остановились перед Золотыми воротами и ждали, сидя на лошадях, под проливным дождем до 11 часов. А в этот час Никифор⁴⁰ приказал впустить нас. Однако он не считал нас, удостоенных Вашей высокой милости, достойными въехать в город верхом, и нас отвели в упомянутый уже мраморный, ненавистный, открытый для сквозняков дом⁴¹. А в восьмой день до июньских ид⁴², в субботу накануне Троицы, я был представлен его брату⁴³, дворецкому и логофету, и выдержал с ним большой спор о Вашем императорском титуле. Потому что он назвал Вас не императором, что значит βασιλεία на их языке, но пренебрежительно ρήγας, т.е. король по-нашему; когда я ему заметил, что это означает то же самое и только обозначается по-разному, то он заявил, что я пришел не с миром, но чтобы спорить, встал, истинно негодуя, и принял Ваше письмо, но не сам, а через посредника – человек довольно высокого роста, но низкий лицемерностью; если кто на него обопрется, руку ему он проколет⁴⁴.

3. А в седьмой день до июньских ид⁴⁵, в самый день святой Троицы, привели меня в большой зал, который называют Στεφάνια, т.е. залом венчания на царство, к Никифору, человеку весьма отталкивающей наружности, какому-то пигмею с тяжелой головой и крошечными, как у крота, глазами; его уродовала короткая, широкая, с проседью борода, а также шея высотой

в толщину пальца. Его длинные и густые волосы придавали ему вид кабана, цветом кожи он был подобен эфиопу: “с ним бы ты не хотел повстречаться среди ночи”⁴⁶. Живот одутловатый, зад тощий, бедра для его короткой фигуры непомерно длинны, голени маленькие, пятки и стопы соразмерны. Одет он был в роскошное шерстяное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое, обут в сикионские⁴⁷ башмаки. Дерзкий на язык, с повадками лисы, по вероломству и лжи он – Улисс. Вы, мои повелители и императоры, всегда казались мне прекрасными, насколько же прекраснее теперь! Всегда великолепными, насколько же великолепнее теперь! Всегда могущественными, насколько же могущественнее теперь! Всегда добрыми, насколько же добрее теперь! Всегда полными всяческих добродетелей, насколько же полнее теперь! Слева от него, но не в одном и том же ряду, а несколько ниже, сидели два молодых императора⁴⁸, когда-нибудь его повелители, теперь ему подчиненные⁴⁹...

9. Да не будет мне в тягость описать *προέλευσις*⁵⁰, а моим повелителям узнать об этом. Огромная толпа торговцев и простого люда, собравшаяся в этот праздник для торжественной встречи и восхваления Никифора, знала обе стороны дороги от дворца до святой Софии, образуя как бы стену. В руках они держали уродливые тонкие щиты и убогие пики. Безобразие их шествия усугублялось еще и тем, что большая часть сброда шла во славу его самого босой. Так, мне думается, они предполагали еще больше украсить свое святое *προέλευσις*. Да и придворные его, проходившие с ним сквозь толпу этой босоногой черни, были одеты в широкие и потрепанные от старости туники. Гораздо приличнее выглядели они в своих повседневных одеждах! Не было среди них ни одного, чей прадед надел бы эту одежду новой! Золотом или драгоценностями не был там украшен никто, разве что сам Никифор, который в императорском одеянии, взятом с плеча предшественника более крупного телосложения, выглядел еще более уродливо. Клянусь Вашим благополучием, которое мне дороже собственного, что парадная одежда одного из Ваших вельмож ценнее сотни и даже более подобных одеяний! Итак, меня привели на *προέλευσις*, посадили на возвышенное место возле псаломщиков, т.е. певцов.

10. И когда он, как ползущее чудовище, приблизился, вскричали льстивые псаломщики: “Вот появляется утренняя звезда, всходит Эос! Его взор отражает лучи солнца! Бледная смерть сарацинов, Никифор *μέδων*, т. е. властитель!” И стали его воспевать: “*μέδωντι*, т.е. властителю Никифору *πολλά ἔτη*, т.е. многия лета! Народы поклоняйтесь ему, чтите его, склоните выи перед великим мужем!” Куда уместнее было бы им петь тогда так: “Иди, угасший уголь, *μέλλε*, ковьяля, как старуха, ты, лицом Сильвана⁵¹, неуклюжий, блуждающий по глухим местам, козлоногий, рогатый и двухтелый, ты, щетинистый, упрямый, неотесанный варвар, ты, бесстыдный, косматый, строптивый каппадокиец!” И вот он, чванясь от этих лживых славословий, входит в святую Софию, в то время как его повелители императоры, следовавшие за ним поодаль, склоняются с поцелуем мира в земном поклоне перед ним. Его оруженосец

Бронзовый выносной крест. Константинополь. X в. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks collection. Washington, 1965. V. 2. Plate XLI, N 69

отметил стрелой в церкви год, который шел со времени его вступления на престол, и так те, кто этого не видел, узнавали год с начала летосчисления.

11. В этот же день пригласил он меня быть его гостем, но поскольку он не счел меня достойным занять место перед каким-либо из его вельможей, то оказался я сидящим на пятнадцатом месте от него и от скатерти. Никто из моих спутников не только сидел за столом, но и дома-то, в котором я был гостем, не видел. В течение долго тянувшегося и отвратительного обеда с избытком масла, как это и бывает у пьяниц, и какого-то мерзкого рыбного маринада, он задал мне массу вопросов о Вашем могуществе, о Вашем государстве и войске. И после того как я ему последовательно и правильно все ответил, он сказал: “Ты лжешь! Воины твоих государей не способны к конному сражению, не умеют они биться и в пешем войске; величина щитов, тяжесть панцирей, длина мечей и бремя шлемов не позволяют им вести бой ни тем, ни другим способом”. И добавил насмешливо: “Мешает им к тому же *gastrimargia*, т. е. ненасытность желудков, их бог – чрево⁵², их отвага – хмель, хитрость – пьянство; их трезвость – слабость, воздержанность – страх. И на море у твоего государя ничтожный флот. Я один могуществен на море, я буду атаковать его своими кораблями, разрушать его приморские города, а города на реках обращу в пепел. А на суше, скажи, кто в состоянии с малым войском противостоять мне? Был при нем сын, была жена, саксы, свевы, бавары, итальянцы, все были с ним, и все же один городишко,

оказавший им сопротивление, не сумели они тогда захватить⁵³, да и вообще не могли бы. Как же они собираются противостоять мне, если бы я пришел? Мне, за кем следует столько воинов, сколько жатв на Гаргарском уклоне⁵⁴, лоз винограда в Мефимне, Рыб в пучине морской, звезд неисчислимой ночных?⁵⁵

12. Когда я хотел ответить ему и по достоинству возразить на это самохвальство, он не позволил мне этого и словно для унижения добавил: “Вы не римляне, а лангобарды!” Он намеревался говорить и дальше и рукой сделал мне знак молчать, но я сказал в возбуждении: “От Ромула, братоубийцы, от кого и получили римляне свое имя *romiogenitus*, т.е. рожденный от разврата, ведет начало летописание. Он соорудил себе убежище, куда стал принимать неплатежеспособных должников, беглых рабов, убийц, которые заслуживали свою смерть, и множество им подобных, и назвал их римлянами. Они-то и были родоначальниками тех, кого вы называете космократами, т.е. миродержцами-императорами. Но мы, лангобарды, саксы, франки, лотаринги, бавары, швабы, бургундцы, так презираем их, что у нас, когда мы в гневе, нет иного бранного слова, чем “римлянин”. Одним этим именем, “римлянин”, мы обозначаем все, что только есть самое низкое: трусость, алчность, изнеженность, лживость, словом, все самое порочное! А то, что мы, по твоим словам, невоинственны и неспособны к конному сражению — если грехи христиан заслуживают того, чтобы ты упорствовал в этом

Византийский император.
Император Константин. Константинополь. Сеп. X в. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks collection*. Washington, 1972. V. 3. N 25-A

своим строгим суждением, – в ближайшей битве выяснится, что вы за воины и какова наша воинственность”.

13. Раздраженный этими словами Никифор движением руки приказал мне замолчать и покинуть длинный узкий стол. Он велел мне вернуться в ненавистный дом, или сказать по правде, в мою тюрьму. Там, спустя два дня, я был поражен тяжелым недугом, как от негодования, так и от зноя и жажды. И среди моих спутников не было никого, кто бы ни испил из этой чаши и ни боялся, что близок его последний день. Как, спрашиваю я себя, они не заболели, когда пьем их был, вместо хорошего вина, лишь соленый раствор, ложем – не сено, не солома, даже не земля, но лишь жесткий мрамор, а подушкой камень? Когда открытое помещение не ограждало ни от жары, ни от дождя, ни от холода? Сама богиня здоровья⁵⁶, вся излившись на них, если б захотела, как говорят обычно, спасти б их не смогла⁵⁷...

46. В шестой день до августовских календ⁵⁸, находясь в Умбрии, недалеко от Константинополя, я получил разрешение от Никифора возвратиться к вам. Но когда я прибыл в Константинополь, патриций Христофор, евнух, правивший там вместо Никифора, передал мне, что я не смогу теперь уехать, потому что сарацины завладели морским путем, а венгры сухопутным, и что мне следует ждать, пока они не отступят. Но и то и другое было обманом⁵⁹. Тогда же была приставлена ко мне охрана, которая не позволяла мне и моим спутникам выйти из моего же дома. Плохо понимавшие латинскую речь, те, что пришли помочь мне, были схвачены и заключены под стражу; моему греколону, т.е. умевшему говорить по-гречески, не разрешалось выходить даже за необходимым продовольствием. Лишь повару, понимавшему по-гречески, было дозволено выходить, и он, не разговаривая с продавцами, объяснялся с ними только знаками, пальцами и кивком головы, и на четыре монеты покупал столько же продуктов, сколько греколон на одну. И когда бы кто-либо из моих друзей ни послал мне немного пряностей, хлеба, вина, плодов, все это мои стражи выбрасывали на пол и отсылали посланного назад, изрядно наградив его тумачами. И если бы не приготовлена была предо мной Божьей милостью трапеза в виду врагов моих⁶⁰, то мне оставалось бы только принять смерть. Но Кто допустил искушение, Тот дал мне по Своему милосердию и силу устоять. В таком бедственном положении томился я в Константинополе с кануна июньских нон до шестого дня до октябрьских нон⁶¹, целых 120 дней⁶².

¹ Ныне Иллибрия в Испании.

² То есть в Павии.

³ *Божий*, Утешение философией, кн. I.

⁴ *Теренций*, Евнух, Пролог, ст. 41–42.

⁵ То есть епископ Рецемунский из Эльвиры.

⁶ *Беренгарий II* – внук Беренгария I по матери, маркграф Ивреи, время правления – 961–964 гг.

⁷ *Иезавель* (библ.) – супруга израильского царя Ахава, дочь жреца Астарты. В своей фанатической преданности идолопоклонству жестоко преследовала пророков. Ее имя стало впоследствии символом всякого несчастья.

- ⁸ *Ламия* – в религиозных верованиях древних греков страшное фантастическое существо, вампир, пожирающий юношей.
- ⁹ В гл. IV говорится, что Анскарий, маркграф Сполето и Камерино, замышлял зло против короля Гуго (правил с 926 по 947 г.).
- ¹⁰ То есть короля Гуго.
- ¹¹ Теперь перевал Большой Сен-Бернар.
- ¹² Теперь Бернардин (Малый Сен-Бернар), у истоков Рейна.
- ¹³ Беренгарий отравил его (см.: *Флодоард*. *Анналы*, 950).
- ¹⁴ То есть Беренгарию и Вилле.
- ¹⁵ Здесь, по-видимому, игра слов на сходстве *avium* и *avius*: “птичья” и “бездорожная”.
- ¹⁶ В тексте *in batratum* (*греч.*), т.е. “в бездну”.
- ¹⁷ Перевод М.Л. Гаспарова. Стихотворение написано изысканным размером, названным на полях рукописи “алеманским дактилическим метром”; он отдаленно напоминает гексаметр с наращениями в середине стиха. В переводе ритм несколько упрощен.
- ¹⁸ Ср. V, 18, где, напротив, Оттон получал дары.
- ¹⁹ “Энеида”, IV, 174, 175. Цитируется неточно.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Об этом речь идет в предыдущих главах.
- ²² Лиутпранд так и не рассказал об этом в своей неоконченной книге.
- ²³ Иов 39, 18.
- ²⁴ То есть в 947 г.
- ²⁵ Римская мера сыпучих тел, равная приблизительно 9 литрам.
- ²⁶ *Константин Порфирогенет* (время правления – 955–959 гг.).
- ²⁷ В тексте *comis curtis* (*греч.* κόμιστις κόρτις) – “дворцовый граф”.
- ²⁸ То есть Берте, побочной дочери короля Гуго, жене его сына Романа.
- ²⁹ То есть 1 августа 949 г.
- ³⁰ Теперь река По.
- ³¹ Придворная должность, камергер, служащий – спальник.
- ³² Имеется в виду Оттон I.
- ³³ То есть 25 августа.
- ³⁴ То есть 17 сентября.
- ³⁵ Дигамма, двойная гамма, др.-греч. буква “F”, соответствующая лат. “V”.
- ³⁶ См.: *Константин Порфирогенет*. О церемонии византийского двора, II, 15.
- ³⁷ *Логофет* – церковная должность в средневековой Византии: канцлер в церкви, заведовал архивом, казной, хранил печать. Логофет при дворе ведал приемом гостей.
- ³⁸ Ср. *Теренций*. *Евнух*, II, 1, 8.
- ³⁹ То есть 4 июня 968 г.
- ⁴⁰ *Никифор Фока* – византийский император, сын императора Романа II, правил с 963 по 968 г.
- ⁴¹ Имеется в виду Мраморный дворец, который предназначался для жительства посольств.
- ⁴² То есть 6 июня.
- ⁴³ После принятия власти Никифор объявил своего брата Льва Фоку курополатом – управляющим и магистром. В его обязанности входило представлять императору иностранных послов.
- ⁴⁴ Исая 36, 6.
- ⁴⁵ То есть 7 июня.
- ⁴⁶ *Ювенал*. *Сатиры*, V, 54.
- ⁴⁷ То есть из Сикионской области (северо-запад Пелопоннеса).
- ⁴⁸ Сводные братья императора Никифора, сыновья императора Романа II – Василий II и Константин VII, которые пришли к власти в 976 г.

- ⁴⁹ В следующих IV–VIII гл. излагаются дипломатические переговоры Лиутпранда с Никифором, который медлит с ответом, высказывая недовольство политикой Оттона в Южной Италии, затем он приглашает Лиутпранда принять участие в торжественной церковной процессии.
- ⁵⁰ Торжественное церковное шествие по большим праздникам.
- ⁵¹ *Сильван (миф.)* – бог лесов и полей.
- ⁵² Флп., 3, 19.
- ⁵³ *Бари* – город в Апулии, византийская крепость, которую Оттон осадил в 968 г. и потерпел неудачу.
- ⁵⁴ Южная вершина горы Иды в Троаде.
- ⁵⁵ *Овидий*. Искусство любви, I, 57 и 59 (цитируются Лиутпрандом по памяти).
- ⁵⁶ В тексте *Salus* – богиня здоровья и благополучия.
- ⁵⁷ Ср. *Терентий*. Адельфы, IV, 7, 43.
- ⁵⁸ То есть 27 июля.
- ⁵⁹ Лиутпранду чинили препятствия для его возвращения, чтобы он не сообщил Оттону о подготовке Никифора к войне (гл. 27, 28).
- ⁶⁰ Псалтирь, 22 (23).
- ⁶¹ То есть с 4 июня по 2 октября 968 г.
- ⁶² В последних (53–65) главах рассказывается об обратном путешествии Лиутпранда, после его неудавшейся миссии, продолжавшемся 49 дней.

Ратхер Веронский

Если бы Ратхер Веронский жил столетием раньше, он был бы видной фигурой среди энергичных богословов-администраторов каролингского времени; если бы Ратхер жил столетием позже, он нашел бы себе место в бурной борьбе между императорской и папской властью. Но жизнь его пришлась на самое глухое и бесплодное время – на первую половину X в.; и поэтому его редкая начитанность, замечательный талант и кипучий темперамент были растрочены на склоки с ничтожными современниками, клиром и мирянами, и на душераздирающую вражду с самим собой.

Он одинаково известен как Ратхер Люттихский и Ратхер Веронский – это следствие его бурной судьбы, которая носила его из конца в конец Европы, из Нидерландов в Италию и обратно. Он родился близ Люттиха (Льежа) ок. 887 г. в знатной семье, получил образование в местном монастыре Лобб: здесь были заложены основы его эрудиции (в богословии – главным образом, по сочинениям Августина и Григория Великого, в античных авторах – вплоть до редчайших по тому времени Плавта и прочитанного им уже позднее, в Вероне, Катутла), а также и его вкуса к вычурному и витиеватому стилю, унаследованному от нидерландских ирландцев. Быстро почувствовав свое превосходство над окружавшим его обществом, он уверился в своем праве на обличение невежества и нехристианского образа жизни современников и стал искать для себя место, которое было бы его достойно.

В 926 г. Ратхер сопровождает в Италию своего начальника – Хильдуина, бывшего епископа Люттихского, и остается при нем, когда итальянский

король Гугон назначил Хильдуина епископом Вероны. Из Вероны Ратхер ведет деятельную переписку по богословским вопросам с итальянскими клириками и получает славу признанного авторитета. В 931 г. Хильдуин стал архиепископом миланским, а Ратхер получил освободившееся епископство в Вероне; Ратхер в это время был тяжело болен, и король надеялся, что занимать это место он будет недолго. Но Ратхер выздоровел, и обманувшийся в надеждах король Гугон с этих пор возненавидел его и стал преследовать. Ратхер отвечал ему такими же чувствами; а когда в 934 г. на Гугона пошел войной герцог Арнольд Баварский, Ратхер примкнул к нему и поддержал его большой суммой денег. За это наступила скорая расплата: Гугон схватил мятежного епископа и бросил его в тюрьму в Павии. Здесь Ратхер провел два с половиной года; здесь он написал самое известное свое сочинение – “Шесть книг предисловий, или Агонистик”.

“Агонистик” значит “Борец”: Ратхер имеет в виду борьбу разума и чувств, борьбу страстей, которая помогает или мешает каждому человеку в его стремлении к христианскому нравственному идеалу. Под этим психологическим углом зрения Ратхер дает блестящий обзор типов современного общества; традиционный жанр “зеркала добродетелей” обращается под его пером в подлинную инвективу, направленную прежде всего против духовенства. В первой книге перед читателем проходят художник, воин, врач, торговец, адвокат, чиновник, хозяин; раб, учитель, ученик, богач, нищий; во второй – супруги, родители, дети, отроки, юноши, старцы; в третьей – правитель государства; в четвертой – его обязанности по отношению к духовным властям и, в частности, к епископам (“Дражайший повелитель! – дерзко обращается Ратхер к мнимому собеседнику, – кто осмелится ныне молвить тебе в лицо всю правду? А когда на это осмелюсь я, ты запишешь меня в сумасшедшие, и бранным речам твоих собутыльников, которыми они будут поносить меня, не станет предела”); в пятой – нравы духовенства; и, наконец, в шестой – праведник, грешник, кающийся, мудрец, простачок, дурак. Кончает Ратхер свое сочинение излияниями скорби о собственных душевных слабостях.

В 936 г. Ратхер был освобожден из тюрьмы и сослан на поселение в Комо. Отсюда он переписывается с Бруноном Кельнским и Ротбертом Трирским; последний приглашает его на должность секретаря и библиотекаря, но Ратхер отказывается, ссылаясь на то, что он слишком долго не держал в руках книг. Вместо этого он уезжает в Прованс учителем в знатную семью (в этой должности им была написана несохранившаяся грамматика под характерным заглавием “Спасение от розог”), надеялся получить там приход, но безуспешно; в 944 г. мы видим его в Лане, где ему предлагают аббатство Сент-Амандское, но он отказывается, надеясь на лучшее, а потом – в Лоббе. В 946 г. король Гугон вновь приглашает его в Верону, чтобы сместить там неугодного епископа; Ратхер не удерживается от искушения и едет, вновь становится игрушкой политических интриг итальянских

феодалов, апеллирует в блестящих посланиях и к папе, и к епископам, и к Лиудольфу, сыну Оттона Великого, державшему в это время верховную власть над Италией; но, наконец, не выдерживает и возвращается монахом в Лобб.

Потерпев неудачу в Италии, Ратхер пытается счастья в Германии. В 952 . он принимает приглашение преподавать в придворной школе Оттона I и в награду вскоре получает от Брунона назначение епископом в Люттих. Однако в 955 г. местный граф сместил его, а Брунон из политических соображений не заступился за него; тогда Ратхер перебирается в Майнц под покровительство архиепископа Вильгельма, другого своего ученика. Вильгельм дает ему аббатство в Ольне близ Лобба; здесь Ратхер проводит несколько лет, сочиняя апологетические памфлеты, среди которых выделяется “Исповедное собеседование”, предел беспощадного душевного самораскрытия. Сборник его памфлетов, составленный им самим в Майнце, носит характерное заглавие “Безумие” (12 книг, сохранившихся неполностью).

В 961 г. Ратхер сопровождает Оттона I в его итальянском походе, в третий раз становится епископом Вероны и со всей своей энергией принимается за исправление нравов итальянского духовенства: произносит десятки проповедей, пишет трактаты “О пренебрежении к канонам”, “О недозволенном браке”, “Суд”, “О мятежных клириках”, “Раздор”, “Книга оправдательная”, “Противоборство двоих”, “О своем падении”, – заглавия говорят сами за себя. Взаимная вражда между Ратхером и подчиненными ему итальянскими клириками доходит до того, что в 965 г. вспыхивает прямой бунт, и толпа разоряет епископский дом. Покровитель Ратхера Брунон около этого времени умер, итальянские феодалы были против него; после нескольких лет борьбы утомленный Ратхер, 80-летний старик, оставляет свое епископство и возвращается в Лобб.

Последние годы неугомонного священнослужителя были не менее беспокойными, чем прежние. В Лоббе его радушно принял аббат Фолькуин, сам писатель-историк, но Ратхер тут с ним поссорился; купил у короля Лотаря (на вывезенные из Италии деньги) лен на Сент-Амандское аббатство, но на второй же день был выгнан оттуда монахами; скитался по Ольну, Отмену, Монсу и другим обителям в окрестностях Люттиха; в 970 г. выжил из Лобба своего врага Фолькуина, стал отстраивать аббатство, как крепость, и покупать себе союз окрестных графов; лишь в следующем, 971 г. новый люттихский епископ Ноткер с трудом примиряет строптивного Ратхера с Фолькуином и убеждает Ратхера принять аббатство в Ольне. Однако и здесь Ратхер не удержался дольше года: в 972 г. после смерти Оттона I в Лотарингии вспыхнули новые феодальные раздоры, Ратхера выгнали из Ольна, он бежал в Намюр и умер там в 974 г., немного не дожив до девяноста лет.

Перевод “Агонистика” (Вступление, Начало первой книги, главы 1, 3, 4 первой книги) приводится по изд.: “Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков”. М., 1972. С. 49–54. Переводы остальных текстов выполнены по изд.: PL. 136, 145–352; 443–758.

*Шесть книг Предисловий, или Агонистик,
сокровенные мысли некого Ратхера Веронского, блюстителя
Церкви, также монаха Лоббского, изложенные им в изгнании;
том, составленный из последующих шести книг
и предваряющий сочинение под заглавием “Агонистик”,
автор решил назвать “Предисловиями”*

I. Вступление

Так как я свободен и время благоприятствует, да и **положение мое** способствует, я порешил собрать в сей книге немногое из **бесчисленных** целительных средств, источаемых величием Божьим, с помощью **каковых** средств ратник Божий нашего века будет сражаться с противником. **И пусть силы** уже на исходе, пусть мышцы ослабели, он должен ежедневно себя **умасливать**, дабы, ратоборствуя по всем правилам, заслужить победный венец.

Если же кто-нибудь пожелает лучше понять сие, тем с **меньшей охотой** объясню я еще раз, что с Божьей помощью постараюсь отовсюду **извлекать** слова для благочестивой молитвы, чтобы наш состязатель, предаваясь **борьбе**, обратил их к тому, кто это ратоборье правит, к небесным его зрителям, к **покровителям** своим, и молил бы у них для себя милости, а для врага – устрашения и трепета и от ударов, и от велегласия.

Тот, кто будет эту книгу читать или просматривать, уразумеет, что сочинение такое более всего пристало тому, кто полностью отрешился от всяческой суеты, забот и дел насущных и преходящих, зеркало разума затемняющих, – для того ли, чтобы истинной философии следовать или защищать истину и справедливость, по слову Божью, избрав себе удел блаженных [Мф 5, 10], для того ли, чтобы какую-то свою вину исправить, находясь в заточении по **собственному побуждению** или по чьему-то повелению.

Эту книгу, мною ради меня же написанную, хоть и возмутительную многословием в делах необходимых, если кто-нибудь сведущий признает полезной, умоляю, пусть вместе со мной называет он ее “Агонистик” или же “Врачевание”. Ибо если захочет он судить об ее содержании, он заведомо сможет обрести в ней и на битву зов, и для врачевания великую пользу. И в самом деле, она тебя, с одной стороны, и к сражению увлекает, а с другой стороны, и полученные от противника удары, словно искусно поставленная припарка, лечит и исцеляет. Поэтому сильного и храброго книга эта к сражениям побуждает, равным же образом надломленного и обессиленного преобразует и подавленного возрождает, затем смиренного и робкого к дерзаниям направляет, а преисполненного гордыни и самомнения изобличает и принижает, указуя при этом, от каких источников должно ему черпать силы свои. Порой пробуждает она от беззаботности в праздность погруженных, а порой вознаграждает боем воспламененных. То предрекает она борьбу с искушениями, то сулит пальмовую ветвь за победное одержание.

А теперь соберись и отправляйся в путь, и помысли о своем направлении, и сам исследуй, так ли все это на деле. Мною сказано здесь слишком немного, чтобы ты от этого почувствовал скуку, ибо все, как ты увидишь, собрано по цветку из писаний святых отцов.

Сначала, если угодно, прочитай те предварительные наставления, которые предпосланы всем шести книгам “Предисловий”, наставления достаточно краткие и все же более подробные, чем это кажется на первый взгляд: быть может, в них ты обретишь некоторое подкрепление, коим желание твое возжжется и на дальнейшее, и тем с легкостью будет явлено, чего ради было нам угодно написать эту книгу. А ты, чтец или переписчик ее, умоляю тебя, заклинаю живущим во веки веков и страшным его испытанием, а еще той благодатью, которой “Христос возлюбил нас и предал себя за нас в приношение и жертву богу, в благоухание приятное” [Еф 5, 2], когда возьмешься читать или переписывать это сочинение, не пропускай того, что предпослано осторожности ради.

Кое-что отыщется в этих книжонках, чего сам сочинитель в душе не одобряет, каковы, например, упоминания о деяниях и страстях “некоего Оригена”¹ в III и IV книгах. Но раз уж так случилось, что сочинение это опирается преимущественно на свидетельство Божественной воли, будь снисходительным, прошу тебя, читатель, к тому, кто рассказывает частью виденное, частью слышанное, частью неясное, частью познанное. Не заботься о содержании – правдиво ли, ложно ли или сомнительно оно: лишь бы ты воспринимал истину и здравый смысл речей, и тем более охотно, чем меньше ты стремишься уйти от главного и правильного пути.

Касается же это первое предисловие: I. Любого частного лица. II. Воина. III. Искусника. IV. Врача. V. Делового человека. VI. Адвоката. VII. Судьи. VIII. Свидетеля. IX. Чиновника. X. Сеньора. XI. Торговца. XII. Советника. XIII. Господина. XIV. Слуги. XV. Учителя. XVI. Ученика. XVII. Богача. XVIII. Человека среднего достатка. XIX. Нищего.

Начало первой книги

1. Все заповеди Господни согласуются вообще со всеми установлениями Церкви, однако некоторые из них подходят лишь в отдельных случаях к отдельным людям, в зависимости от времени, сословия, обстоятельств, возраста, нравов, пола, страстей и различных причин. Ведь лучше мирно отдать рубашку [Мф 5, 40], когда приказано в тяжбе даже самую душу положить за брата [1 Ин 3, 16].

Господь говорит: “Продай имение твое и раздай бедным, и следуй за Мной” [Мф 9, 21]; но если бы все это немедленно выполняли, кто стал бы обрабатывать землю? И если бы все жен своих оставили, как продолжался бы род человеческий? И если Он же говорит: “Давайте милостыню”, – что даст тот, кто ничего не оставил для себя? Зато речение “Всякому просящему у тебя дай” [Лк 7, 30], как кажется Матфею, всем подходит, всех наставляет, никого не упуская. Это значит: если у тебя есть что дать, не медли; если нет, дай самого себя, предоставь щедрый разум и благоволение.

“Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человеках благоволение” [Лк 2, 4]. Псалмопевец говорит: “Во мне, Господи, обеты твои” [Пс 55, 12]. И еще: “Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, всем духом твоим, всеми силами твоими, и ближнего, как самого себя, и не кради, и не убивай, и не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, не пожелай добра или жены ближнего твоего” [Лк 10, 17]. Вот слова, которые обращены ко всем, к юношам и старцам, к мужчинам и женщинам, к рабам и свободным, к бедным и богатым, к мирянам и клирикам, никого они не минуют, никого не пропускают, всех объемлют. Нет человека, которого не касались бы эти речения, нет человека, который примет их, не почувствовав за собой вины. Здесь, стало быть, не существует различий между людьми.

Глава I. Обязанности христианина

2. Хочешь ли ты быть христианином и христианином хорошим среди многих христиан, среди народа и черни, на сходках и в совете, на городских площадях и в селах?

Будь тружеником, не только справедливым, но и прилежным, довольствуйся тем, что имеешь, никого не обманывай, никому не вреди, никого не хули, ни на единого человека не возводи клеветы.

Бойся Бога, молись святым, посещай церковь, почитай священнослужителей, посвящай Богу первинки и десятину от своих трудов, раздавай посильную милостыню, люби супругу; кроме нее, ни к одной женщине не приближайся, а в праздничные дни и во время постов, в согласии с ней, сдерживай себя из страха Божьего и в страхе Божьем воспитывай детей; немощных навещай, умерших предавай погребению; для себя желаемое уделяй и другому, но чего себе не желаешь, не причиняй и ближнему.

Глава II. О воинах

3. Ты воин: кроме того, выслушай, вот, что говорит Иоанн Креститель: “никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием” [Лк 3, 14]. Потому, если не можешь, воюя, получать жалование, добывай пропитание трудами рук своих, и беги военной добычи, берегись человекоубийства, уклоняйся от святотатства. Что, спрашиваешь, есть святотатство? То, конечно, то, о чем с таким ужасом вспоминает Псалмопевец, слушай: «которые говорили: “возьмем себе во владение селения Божии”». Боже мой! Да будут они, как пыль в вихре, как солома перед ветром. Как огонь сжигает лес, и как пламя опалает горы, так погони их бурей Твоею, и вихрем Твоим приведи их в смятение; исполни лица их бесчестьем, чтобы они взыскали имя Твое, Господи!» и т.д. [Пс 83, 13–16]. А селения Господни означают, что все, что бы ни было принесено Господу, принадлежит дому Его. Ибо, так имеешь, когда говорит Моисей: “что приносите Господу” [ср. Лев 2, 11], есть “великая святыня Господня” [Лев 27, 28], “священнику достанется оно во владение” [Лев 27, 21]. А насколько военная добыча неугодна Богу, слушай: “Ради страдания нищих и вздыхания бедных ныне восстану,

говорит Господь” [Пс 12, 6]. Восстав же, то есть приготовив себя к мщению, Он показывает, что Он делает, говоря: “Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре” [Лк 18, 7–8]. Каково же наказание такого рода, слушай: “Наказанье нечестивой плоти² – огонь и червь” [Сир 7, 19]. А тогда, скажешь ты, будет огонь, который можно погасить, и черви, но смертные. Пророк же, напротив, говорит “червь их не умрет, и огонь их не угаснет” [Ис 66, 24]. Понимай под “плотью” человека вообще, названного так от меньшего, как часто он же в Писаниях называется только “душой” – от большего. Там же: “Он не уважит лица пред бедным и молитву обиженного услышит; Он не презрит моления сироты, ни вдовы, когда она будет изливать прошение свое. Не слезы ли вдовы льются по щекам, и не вопиет ли она против того, кто вынуждает их? Служащий Богу будет принят с благоволением, и молитва его дойдет до облаков” [Сир. 35, 13–16]. “Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца. Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание, и проливает кровь, кто лишает наемника платы” [Сир 34, 21–22].

4. Но, пожалуй, слова Господа: “приобретайте себе друзей богатством неправедным” [Лк 16:9], ты понимаешь так, что и ты можешь быть искуплен из награбленного. Слушай такие же слова выше: “Кто приносит жертву от неправедного стяжания, того приношение насмешливое, и дары беззаконных неблагоугодны” [Сир 34, 18], и там же: “не благоволит Всевышний к приношениям нечестивых и множеством жертв не умилоустивляется о грехах их. Что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имени бедных” [Сир 34, 19–20]. Потому и Максим³, говоря о посте, сказал: “Какова польза, не свой хлеб есть, а у несчастных отнимать средства пропитания?” И то же: “Правильно”, говорит, “дашь денарий одному бедному, если не отнял его у другого”. Снова же тот, кто (говорил) выше: “и не надейся на неправедную жертву, ибо Господь есть судия, и нет у Него лицепрятия” [Сир 35, 11–12]. Также пророк: “горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем” [Ис 33, 1]. Еще Иов: “душа убиваемых вопиет, и Бог не воспрещает того”⁴ [Иов 24, 12]. И истинно же “Тебе предает себя бедный; сироте Ты помощник” [Пс 10, 14]. Потому, сравнивая это малое с бесчисленными свидетельствами Божественного закона, так исполняй временную военную службу, чтобы не погубить вечно живую душу.

Глава III. О занимающихся искусством

5. Ты занимаешься искусством? Слушай!

“Молитва художника – в исполнении искусства его; он упорно ищет закон Всевышнего и сливается с ним душой”⁵. Ты должен понять, что всеми твоими творениями ты можешь воздать достойную хвалу Богу, особенно твоими речами, если ты стремишься найти закон Всевышнего, соблюдая в слове Его заповеди. Так случится, если ты позаботишься, чтобы искусство, которое телесно кормит тебя, стало хотя бы малой поддержкой для души. Сделай

себе из него милостыню, отдай из него десятину Господу. Помни, что из всех творений, которые Он сотворил, Он всегда берет то, что принадлежит Ему. Если же ты не отдашь Ему Его части, смотри, как бы ты не лишил себя своей, и в настоящем, и в будущем.

Глава IV. О врачах

6. Не обратиться ли нам от тех, кто занимается искусством вообще, к одному из видов искусства? Ты врач? Вот и выслушай, что дословно предписывает тебе Господь:

“Врач! Исцели себя сам” [Лк 4, 23]. Это значит: если ты берешься лечить у других недуги телесные, позаботься об исцелении своих недугов нравственных. А это сбудется, если ты этим своим даром врачевания стремишься служить своему Творцу.

В отношении к бедным поступай по тому предписанию, которое Господь изрекает в Евангелии: “Даром получили, даром давайте” [Мф, 10, 8], а в отношении богатых – по известному слову Апостола: “Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно, потому что Господь мститель за все это” [1 Фес 4, 6]. Отсюда ясно, что к бедным ты должен приходить безвозмездно и милосердно, из любви в Господу, а у богатых, за принятую мзду, ты должен применять верное лечение, чтобы не испытать за свой обман Божьей кары.

Ты, пожалуй, скажешь: “Да ведь я принял мзду не даром: я и учителям платил, и лекарства различные покупал, и много трудных и бессонных ночей провел я ради больных людей и лечения!” Тогда Господь ответил тебе: “Без меня не можете делать ничего!” [Ин 15, 4]. Также говорят и апостолы: “Есть ли что-нибудь у тебя, чего ты не получил?” [1 Кор 4, 7]. И еще: “Кто дал первым, тому возместилось” [Рим 2, 35]. К тому же Иаков: “Всякое, – говорит он, – даяние есть благо, и всякий дар совершенен” [Зах 1, 17]. Ведь если бы предстал пред тобой Господь, разве не изрек бы он: «Кто дал тебе ту награду, которою ты обогащен? Неужели не Я? Кто дал учителю твоему – наставлять в знании, а тебе – ума набираться? Неужели не Я? Или ускользнуло из памяти твоей: “Всякая мудрость от Господа?” [Сир 1, 1]».

Также и рвение, которое было в тебя вложено за ту плату, – кто бы вложил его в тебя, если бы Я воспротивился? Также и деньги, которые ты уплатил за снадобья. Кто предоставил в твое обладание? Чьей силой, сочувствием и утешением в трудах ты наслаждаешься? Когда ты работаешь, Кто дает завершение твоим трудам? Неужели ты по многом опыте не сознаешь, что твой труд ничего не значил бы, если бы Я не судил больному выздоровление?

И если при одной и той же болезни одно лекарство возвращает к жизни, а другое обрекает на погребение – все это у тебя откуда? по каким заслугам твоим? по какому преимуществу? за какую плату? от чьей благосклонности? Обо Мне, обо Мне помышляя как о щедром подателе наград, как о распределителе трудов, служи своему искусству смиренно и благодарно, честно и весьма осторожно; помни, что Я всегда при тебе, дабы ты и в труде твоём достиг исхода плодотворного и по совершении труда возымел награду заслуженную.

7. Также усмотри явную разницу между светом и тьмой, между правдой и ложью, между благодатью Божьей и деяниями дьявола, чтобы помыслить, что относится к врачеванию, а что – к волхвованию.

Пользуйся, например, напитками, травами и различнейшими творениями Господними во имя Его – всем тем, что мудрость, которую Он вдохнул в искуснейших, открыла врачам. Прибегать же к гаданиям, к заклинаниям и к другим кощунственным суемудриям – дело математиков, или марсов⁶.

Племя математиков обитает в Африке и вреда от змей не испытывает. Если же они хотят узнать, не чужеродные ли у них дети, они бросают детей змеям; ибо чужеродных детей змеи пожирают. Другие марсы, называемые в Африке псиллами, занимались заклинанием змей, или убивая их, или не позволяя им приносить вред.

И от карбункулов, и от злокачественных гнойников – эта болезнь в просторечии называется “малампн”⁷ – есть избавление: оно заключается в том, что траву, которая на языке франков так и называется “корень”, в тщательно измельченном и растертом виде налагают сверху на больное место и оставляют до того часа, в который было наложено⁸, а сок того корня в то же время примешивается в питье больного, чтобы отравы не проникла до самого сердца; и пока не наступит час, в который это было приложено, нужно понемногу, чтобы не возникло отвращение, как можно более принимать его в пищу. И напротив того, никакого исцеления не приносит заклинание, написанное кругообразно на клочке бумаги и наложенное на рану, о котором здесь и помянуть не след, – хоть и кажется оно отличным средством, однако на самом деле есть колдовство и несет крайнюю, смертельную опасность для души.

Но что это? От подобных средств, кажется, довольно часто тело обретает все же истинное здоровье? Отнюдь! Не кажется ли порой, что дьявол, никогда не свидетельствующий во истину Божью, говорит правду? Но разве от этого поколеблется слово истины Божьей: “Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины” [Ин 8, 44]? (...)

Глава VI. О судейских

15. Ты – судейский, или ходатай (в суде)? Подумай, чье ты получил прозвание, и покажи, что ты верный служитель столь доброго дела. Ибо о Господе сказано, что Он для нас Ходатай пред Отцом [1 Ин 2, 1]. Также иногда не берись за дело ради сохранения любви.

Глава VII. О судьях

16. Ты логофет⁹, как мы называем начальника канцелярии при дворе, префект или судья? Подумай, а для тебя Кто станет Проверяющим или Судьей? Взвесь, сколь тяжкое иго ты несешь, и помысли, что тяжелее его нет. Лишь Тому Одному свойственно свободно судить о грехе другого, Кто не имеет своих, потому от Себя судит. Послушай наконец Его Самого: “Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы” [Мф 7, 1–2]. Слушай и другого, но наученного от Его же духа: “Не домогайся

toto legitimo opere perfectos. posse etiam manum
puplicam in partibus eius uobis credendam gubernare.

DATA X^{to} K^{to} DEC^{to} DNⁱ IUSTINIANO PP^o TERTIO COS^o

DOMⁱ IUSTINIANI GRATISSIMAVGVSTI INSTITVTORVM
SIVE ELEMENTORVM INCIPIT LIBER. I. DE IUSTITIA IURE RE

IUSTITIA EST CONSIN

ET PERPETUA VOLUNTAS. IVSSUM CUIQUE TRI

buenis. Iuris prudentia est diuinarum atq; hu

manarum rerum notitia iusti atq; iniusti scientia.

Huius generaliter cognitio & incipientibus nobis

exponere ut apud populum romani. ita maxime ui

dentur posse tradi commodissime. si primoleu

ac simplici postea deinde diligentissima atq; exac

tissima interpretatione singula tradantur.

Alioquin sistam ab initio rudem adhuc & in

firmum arumum studiosi. multitudinem ac ua

rietate rerum onerauerimus. duorum alteru

aut destitorem studiosorum efficiemus. aut cu

magno labore eius sepe etiam cum diffidentia.

que plerumq; iuuenis euerit. seruis ad id per

ducemus. ad quod leuiore uiaductus sine mag

no labore & sine ulla diffidentia maturius pduci

potuisset. Iuris precepta sunt hec. honeste uiuere

Страница из “Instituones” Юстиниана. Кодекс, написанный в 960–970 гг.,
подарен императором Генрихом III Бамбергскому собору в начале XI в.
McKitterick. Atlas of the Medieval World. Oxford, 2004. P. 112

сделаться судьей, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду, чтобы не убояться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту твою” [Сир 7, 6]. Но, кажется, – скажешь ты, – что слова, что ты привел, означают, будто Бог вообще не желает, чтобы были судьи. Тогда где же закон? Где высший закон? Где само различие между добром и злом? Все пожелают сделать что-либо безнаказанно: кража будет заслуживать такой же похвалы, как и даяние; пороки с добродетелями равно будут в радости получать венец. Кто разделит наследство между братьями? Кто защитит вдову от клеветника, деву от насильника? Кто о неимущем позаботится? Не запрещаю, – говорит Господь, – в веке сем, чтобы был какой-нибудь суд между людьми; но предвещаю опасность, да страшись греха. Ибо что опасно одному, того же должно избегать и многим повсюду.

17. Наконец, поразмыслив, едва ли я мог когда-либо видеть судью, лишённого алчности. Алчность, конечно, не различает справедливое, более того, ослепляет сердца судей. Итак, желаю, чтобы были судьи, а не грабители; желаю, чтобы были судьи, а не насильники; желаю, чтобы были судьи, а не клеветники, желаю, чтобы были судьи, но правдивые, желаю, чтобы были судьи, но не жаждущие обогащения. И, в самом деле, пусть такой совет подаст кто-нибудь другу своему, чтобы тот разделил груз власти своей: “Поставь судьями... людей правдивых, ненавидящих корысть” [ср. Исх 18, 21]. И книга Премудрости так начинается: “Любите справедливость, судьи земли” [Прем 1, 1]. Также и Иисус, сын Сирахов, говорит: “Когда судишь, сиротам будь как отец и матери их – вместо мужа, и будешь как сын Всевышнего, и Он возлюбит тебя более, нежели мать твоя” [Сир 4, 9–11]. И Господь во Второзаконии: “Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!” [Втор 27, 19]. И о том же тот, кого приводил я пред этим: “Не давай человеку повода проклинать тебя; ибо, когда он в горести души своей будет проклинать тебя, Сотворивший его услышит моление его” [Сир 4, 5–6]; и еще: “Не желай говорить какую бы то ни было ложь” [Сир 7, 13]. Также Псалмопевец: “Доколе будете вы судить несправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых” [Пс 82, 2]. А вот другой: “Он не уважит лица пред бедным и молитву обиженного услышит” [Сир 35, 13]. Так вот, знай, что тебе должно соблюдать и чему следовать, когда в суде дело богача судится справедливо, как нередко бывает, бедняка же несправедливо. Об этом же сказано: “Выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его; не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие” [Втор 1, 16–17]. “Судия” же называется так, ибо суд деет; а “суд десяти” означает отправлять правосудие. Наконец, послушай некого мужа, в справедливости которого не сомневайся: “Добрый судья, – говорит он, – ни в каком деле не должен судом своим решать, ни выносить решение о чем-либо по собственной воле и своему усмотрению,

не приносить из дому ни готовое, ни заранее обдуманное, но все объявлять по законам и праву, подчиняться постановлениям властей, ничем не потакать своим желанием”. О сколь прекрасно слова эти согласуются с голосом Самого Высшего и Единственного без обмана Судии, говорящего так: “Как слышу, так и сужу” [Ин 5, 30]. И ты, таким образом, как слышишь, так и суди; и разбирай, какова есть природа вещей сама по себе. Однако остерегайся ловить кого на слове, отвращайся примера фарисеев, которые, строя ковы, искали, как бы им уловить Господа в словах [Мф 22, 15]. Помни, что ты ежедневно грешишь не только в слове, но и еще во многом, – и пред лицом Самого Праведнейшего из всех Судии. И еще, когда ты справедливо судишь, остерегайся взимать награду или принимать какую-нибудь услугу, чтобы не оказалось, что Господь сетовал на тебя, говоря: “Народ мой притеснители его ограбили” [Ис 3, 12]¹⁰. Слушай лучше Самого Господа, предписывающего: “правды, правды ищи” [Втор 16, 20]. Ибо тот исполняет несправедливо то, что праведно, кто, требуя награду за праведное деяние, не боится торговать и самим правосудием. Но хватит и этой небольшой речи, ибо если хочешь получить более полное наставление, читай подобающую делу твоему книгу Исидора¹¹.

Глава VIII. О свидетелях

18. Ты свидетель? Бойся сказавшего так: “Лжесвидетель не останется безнаказанным” [Притч 19, 5], ибо, согласно стиху некоего мужа:

Тот, кто о правде молчит, со лжецом одинаково грешен,
Все, что приносит ущерб, пользы ни в чем не несет¹².

Я считаю, что нет большего преступления, чем лжесвидетельство, ибо такой человек виноват и перед Господом, Которому дает ложную клятву, и перед судьей, кого обманывает, и принимает на себя всю свою вину, ответственен также перед ближним, которому вредит, за весь его ущерб, который причиняет. Легче также, как было некогда кем-то сказано, справляться с возражениями, чем опровергать говорящего ложь.

Глава IX. О государственных чиновниках

19. Ты судебный исполнитель, сборщик налогов, которого обычно называют “гастальдом”¹³, а на франкском наречии – “старшиной”, или ты телонеарий¹⁴, или исполнитель какой-либо иной государственной должности? Подумай, какому делу ты служишь, зная, что правдиво сказано: “От всякого, кому дано много, много и потребуется” [Лк 12, 48], еще и взыщется с лихвою. А потому я сначала советовал обдумать служение, ибо различные служения такого рода одни легче, а другие тяжелее; среди них никакого не знаю тяжелее, чем то, которое италийцы называют “куратурой”, [или] заботой о налогах. Ибо в то время как это служение, согласно своему названию, принуждает непрестанно заботиться о земном, оно также, к великому несчастью, заставляет оставлять в пренебрежении несчастную душу. Ибо к этой должности, словно в убежище, стекаются все виды пороков; тогда как само то занятие призвано отмщать за эти пороки, но не находится ни одного

исполняющего, о ком не было бы известно, что он сам в них повинен. Ибо обязанность судебного исполнителя отправлять воров в тюрьму, хотя он сам ежедневно, как кажется, почти ничего не исполняет, кроме как ворует и обманывает; и, если сравнивать виды зла, лучше, думаю, что-либо красть без жестокости, чем взимать, прибегая к пыткам, с кого-то положенный долг. Лучше по крайней нужде учинить любой грабеж, чем из-за неумной жадности обманывать старшего, или кого-нибудь еще, или, конечно же, себя самого, – так что при этом они и клятвопреступление совершают, и, как представляется, не гнушаются и хищением. Что подтверждается словами мудрого: “Лучше вор, чем постоянно говорящий ложь; но оба они наследуют погибель” [Сир 20, 25]; и снова о зле клятвопреступления: “Человек, часто клянущийся, исполнится беззакония, и не отступит от дома его бич. Если он погрешит, грех его на нем; и если он вознерадел, то сугубо согрешит; и если он каялся напрасно, то не оправдается, и дом его наполнится несчастьями” [Сир 23, 11–13]. А умолчать о клятвопреступлении значит давать неискреннюю клятву. Вдвойне ошибается тот, кто это делает, ибо виновен и пред Богом, взора Которого не страшится, и пред ближним, которого не боится. Он ошибается вдвойне, ибо подпадает под бесчестье и обмана и клятвопреступления.

20. Судебный исполнитель посылает на муки прелюбодеев и блудниц, в то время как вся его жизнь очевиднейше показывает, что он самым гадким образом часто подвержен пьянству и прочим невоздержностям, которые обыкновенно порождают и прелюбодейство и блуд, – то есть у всех на виду делает то же самое, что осуждает в других. И в довершение губительного нечестия: если вдруг обнаруживает он в другом то же, в чем и сам грешен, то немедленно тот в самом карателе получает для себя защитника; и в этом случае получается, о чем написано в псалме: “когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеем общаешься” [Пс 50, 18]. Что же больше? Короче, скажем, что занятие это таково, что кажется, будто из многих тысяч человек избирается один, кто должен быть предан вечной погибели ради исправления других людей или их удобства. Но что я делаю, видя, как должность эта кое-кем приобретается за мзду? Что, говорю, из этого получится? Разве ты никогда не видел, как по ниточке выдергивают из каната, на котором следовало бы его повесить? Что ж, сочти такую уловку родом безумия и самого его несчастнейшим человеком.

21. Но в то время как мы, словно фарисеи, осуждаем придиричиво грех, пусть не покажется, что тем самым мы настаиваем на невозможности исправления; однако, указуя на сокровища благодати Божией, раскроем, каким образом даже ты можешь еще спастись. Прежде всего, дадим тебе такой совет: если каким-нибудь образом возможно, откажись от этих вот смертоносных для себя сетей, и именно так, прибегая к лекарству покаяния, ищи целительное средство оправдания в меру совершенного преступления. Если же ты не в состоянии вообще от должности этой отказаться, то, с великим трепетом исполняя порученное, будь осмотрителен и не допускай прежде всего жестокости, затем обмана, потом корыстолюбия и алчности, и

не меньше пьянства; наконец, того, о чем сказано в стихе из псалма, который мы уже приводили, а именно: чтобы ты не скрывал никакого хищения, прельстившись деньгами или поддавшись ложному милосердию, и не покрывал никакого преступления, которое должно преследовать. Наказывая за преступление, исполняй долг свой таким образом, как подобает служению, чтобы никогда не забывать того, что Господь выразил для всех, а для тебя в особенности, в притче, конец которой вот такой: “Злой раб!... не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?” [Мф 18, 32–33]. Но, прошу, и это вспоминай часто: “Кто из вас без греха, первый брось на нее камень” [Ин 8, 7]; и между делами не переставай, себе же в помощь, прибегать к этому, чтобы никогда не прекращать творить милостыню. Когда бедняки, может быть, побеспокоят со смирением сердца милостивый слух Всемогущего, тогда и ты удостоишься когда-нибудь, что Он придет к тебе и Сам, как Закхея и Матфея, посетит тебя и исцелит; и тем, кто отчаялся давно в твоём спасении, соизволил бы ответить: “Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию” [Мф 9, 13]. <...>

Глава XIII. О господах

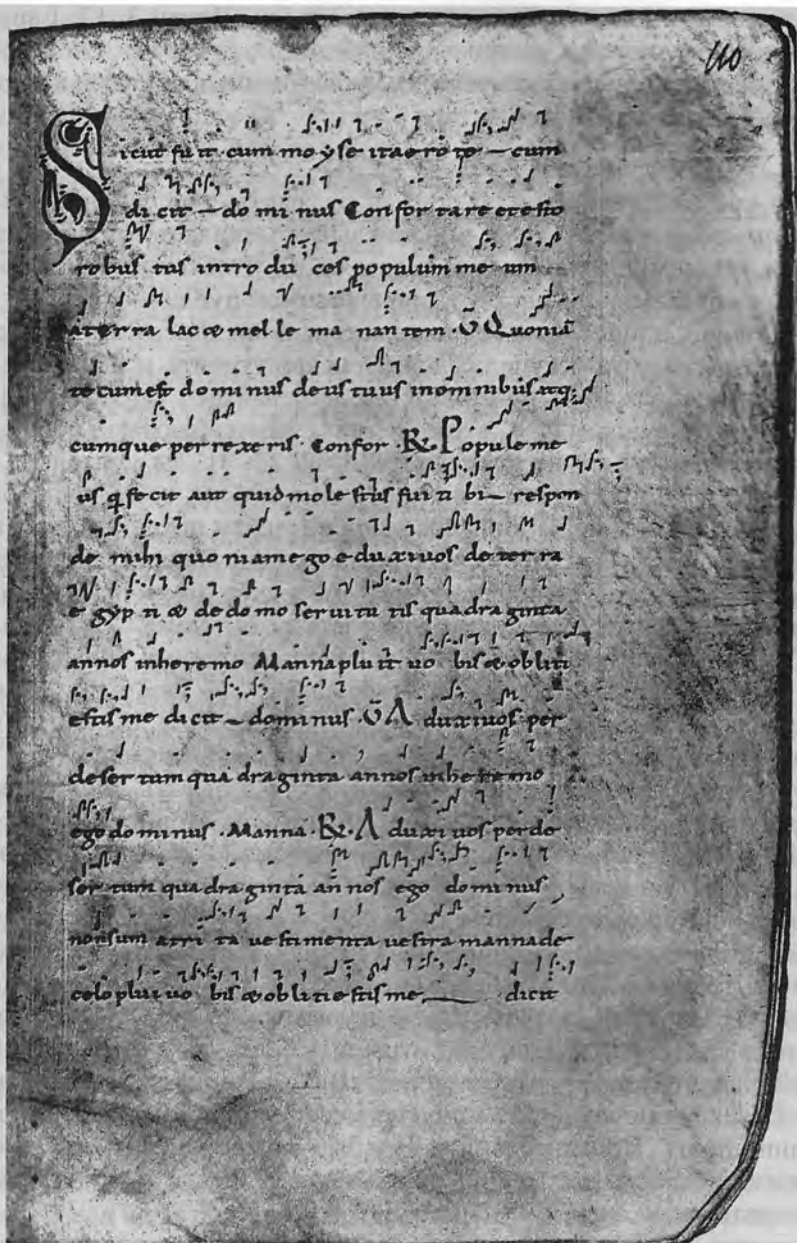
28. Ты господин? Не возносись: помни, что ты слуга, Одного имеешь Господина, и потому ты – сослужитель. Ибо хотя некий мудрец, размышляя над гордыней негодных слуг, премудро говорит: “хлеб, наказание и дело – для раба” [Сир 33, 25] и прочее, смотри, однако, не налагай на него более, чем он сможет понести, или если, конечно, того требует особо тяжкое служение. Ты знаешь, что рассуждение есть мать всех добродетелей, когда, согласно увещанию блаженного папы Льва¹⁵, и тебе должно поступать более снисходительно во всем, ибо ты пользуешься подчиненным положением того, с кем несешь одну и ту же службу Единому Богу. Поэтому прекрасно сказано, что тот, кто жесток к слугам, показывает на других недостаток у себя не столько воли, сколько силы¹⁶. Поэтому пусть устрашают тебя казни фараоновы, подумай о том, что Бог видит с неба угнетение несчастных; дай слуге ежедневно несколько времени, не чтобы он предавался в покое праздности, но чтобы мог служить Создателю. Если вразумление необходимо, ибо оно необходимо, пусть оно будет умеренным. Потому, если он тебе навредил, если что-нибудь украл, если обманул, если убежал, чего бы по ошибке он ни совершил дурного, стремись исправить все так, чтобы не гнев свой удовлетворять, но заботиться о небрегущем; чтобы было видно, что ты не отмщаешь, но преследуешь грех и спасаешь душу согрешившего; и пусть во всем этом не ускользнут из памяти твоей те устрашающие слова: «“Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня, не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?” И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям» [Мф 18, 32–34] и прочее. Потому, если слуга послушен и верен, внемли: “Если есть у тебя раб, да будет он как ты” [Сир 33, 31]; не удерживай его свободы обманом, и не отпускай его неимущим.

Глава XIV. О слугах

29. Ты слуга? Не печалься: если верно служишь своему господину, ты будешь освобожден Господином всяческих; ибо все мы братья во Христе. Потому слушай апостола, сказавшего: “Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам” [1 Пет 2, 18]. Каким страхом, и что имеет в виду, когда говорит “всяким”? То есть, во-первых, страхом по отношению к Богу, затем к земному господину, или, во-первых, страхом, присущим рабу, который изгоняется любовью [ср. 1 Ин 4, 18], а именно, чтобы тебя не секли, чтобы ты не терпел побои, чтобы на тебя не накладывали узы, и наконец, чтобы не быть тебе ввержену в вечный огонь за презрение к власти, поскольку “противящийся власти противится Божию установлению” [Рим 13, 2], “ибо нет власти не от Бога” [Рим 13, 1]. Псалмопевец говорит: “Посадил человека на голову нашу” [Пс 66, 12]; и, согласно мысли некоего мужа: “Необходимо, чтобы тот, кто пытается сопротивляться Богу, был лишен большого блага и впал бы в большое несчастье, ибо ведь он пошел наперекор благу высшему и прилепился к худшему злу?” Именно потому покорись в страхе чистом, пребывающем в век века, а именно, если ты будешь ленив или празден, чтобы не потерять славу, в будущем веке обещанную усердно трудящимся. Следовательно, если какое время украдешь у господина твоего, возврати Создателю твоему. И не думай, что ты подчинен рабству случайно или без промысла Божия, каким бы то образом это ни случилось, но послушай Исидора: «Рабство свыше дано человеческому роду в качестве наказания за грех первого человека, так что, если Бог видит, что кому-то не подобает свобода, милосердно налагает на него неволю, и хотя это имеет отношение к началу греха, но справедливый Бог, поставив одних рабами, других господами, так разделит человеческую жизнь, чтобы свобода рабов творить зло ограничивалась властью господ. Ибо если бы все жили без страха, мог бы кто-нибудь сдерживать злодеяния других? Потому и над племенами выбраны цари и князи, чтобы страхом перед собой удерживать народы от злых дел и подчинять их законам правильной жизни. Поскольку сказано о том, что “нет лицепрятия у Бога” [Рим 2, 11], Который “незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал., чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась” [1 Кор 1, 28–29] пред Ним, – то есть сила века сего. Един Господь для всех, и о господах и о рабах помысел Его. Лучше рабство в подчинении, чем свобода в надмевании; ибо многие, свободно служащие Богу, находятся во власти дурных господ; однако слуги те, хотя телесно и подчинены господам, но духом их выше»). Вот, не столь красноречиво, сколь утешительно это свидетельство столь великого мужа: будь верный и добрый слуга, всегда имея в сердце совет, что был дан ангелом Агари, служанке Сары: “возвратись к госпоже своей и покорись ей” [Быт 16, 9].

Глава XV. Об учителях

30. Ты учитель? Помни, что ты должен с любовью преподавать наставление ученикам, по примеру Того, Кто есть свыше Учитель Всяческих,

Sicut fuit cum moysi irae rogo — cum
 diu — do mi nus Confor rare cre fio
 robul tal intro du ces populum me um
 aterra lac e mel le ma nan tem. **Q**uonit
 te cum e s do mi nus de us tuus in om nibus reg
 cum que per re xe rit. **R.** Popule me
 us q se cit auo quid mole stus fui ti bi respon
 do mi hi quo ni ame go e du xiuol do xer ra
 e syp ti e de do mo ser u tu til qua dra gin ta
 annos in he re mo Man na plu ti uo bil e obli ti
 esul me di ca — do mi nus. **A.** du xiuol per
 de ser tum qui dra gin ta annos in he re mo
 ego do mi nus. Man na. **R.** A du xi nos per do
 ser tum qua dra gin ta an nos ego do mi nus
 nos sum a ppi ta ue si men ta uestra man na de
 celo plu ui uo bil e obli ti esul me — di ca

Антифоны, респонсории и гимны.
 Millenium Scriptorii Veronensis / Ed. G. Turrini. Илл. 18.

Кто, если любит кого, того бьет и наказывает [ср. Притч 3, 12; Евр 12, 6] и Кто обыкновенно называл учеников не рабами, но друзьями Своими [Ин 15, 15]; так и ты обязан, исправляя ошибки провинившихся бичами как слов, так и розог, воспитывать их в любви.

Глава XVI. Об учениках

31. Ты ученик? Знай, что ты должен оказывать послушание учителю и что послушание отражает нрав, ибо каждый взыскивает с подчиненных то, что он сам, как помнит, оказывал вышестоящим. Чтобы построить свою речь смешанным образом, по сходству с произносимой публично, спрошу так: ты ученик? Слушай, прошу, и ты Господа, который предписывает: “во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними” [Мф 7, 12]. Равным образом, ты учитель? “Не называйтесь учителями” [Мф 23, 8]. Ты ученик? Слушай: “все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте” [Мф 23, 3]. Ты учитель? Слушай: “кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской” [Мф 18, 6]. Ты ученик? Будь осторожен. Говорит апостол: “будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху” [2 Тим 4, 3]. Ты учитель? Прислушайся: “желают быть законоучителями, но не разумеют ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают” [1 Тим 1, 7]. Ты ученик? “в почтительности друг друга предупреждайте” [Рим 12, 10]. Учитель? “Не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду” [1 Пет 5, 3]. Наконец, ты учитель, или тебя так будут называть, или ты желаешь так называться? Заботься, чтобы не уронить достоинство учителя, не допускай, чтобы о тебе отзывались с презрением. Желай более приносить пользу, чем быть первым. Ты ученик. Старайся смиренно подчиняться, чтобы быть полезным, когда можешь, и себе, и многим другим. Ты учитель? Учи со смирением тому, что знаешь? Ученик? Учи жадно то, чего до сих пор не знал. Учитель? Желай более, чтобы тебя любили, чем боялись: ибо, как говорит Августин, угрюмость и излишняя суровость отвращает от себя многих¹⁷. Потому и Григорий говорит: если кому свойственен “нрав звериный”¹⁸, “необходимо, чтобы он жил один, подобно диким зверям”¹⁹. Ты ученик? Старайся послушанием снискать любовь наставника; ибо для тебе так сочинил поэт: “Победительница судьбы – мудрость; называем мы также счастливыми тех, кого наставница жизнь научила нести трудности жизни, и не сбрасывать своего ига”²⁰.

Ты учитель? Заботься так искусно умерять свое наставничество, чтобы было видно, что ты стоишь во главе своих учеников, наставляя их, а не отупляя. Ибо бывают некоторые ученики столь медлительны в понимании и столь забывчивы, что для них трудными оказываются даже самые начала грамоты, а не то что еще и более глубокие науки. Некоторым свойственна, скажу о том

словами Аврелия Августина, такая тупость, что они немногим отличаются от скотов²¹. А есть иные, отличающиеся столь живым умом и усердием, что часто больше усваивают благодаря своим собственным способностям и старанию, чем научаются от учителей. Есть еще и такие, которые с трудом воспринимают учение и быстро забывают. Есть такие, которые, усвоив что-то с трудом, твердо сохраняют выученное. Есть такие, которые легко впитывают знания и еще легче их теряют. Есть такие, которые обучаются лучше всех и все запоминают быстро и крепко. Понятно, что последним не нужно ни во что глубоко вникать, а лишь поупражнять в занятиях свою быструю восприимчивость, но не изучать глубоко то, что им вполне по силам, так они своей неблагодарностью возбуждают неудовольствие наставника и, не обладая достаточной разумностью, зачастую за небрежение наказываются. Ты знаешь, что иных следует направлять по мере их восприимчивости, сообразуясь с их понятливостью и соразмеряя разные способности и предписания наук. Если ты хочешь дать им нечто трудное для понимания, остерегайся, как бы не впали они еще глубже в обители слепоты. Читай книгу Августина “Беседы с самим собой”, и там найдешь об этом ясный совет, который, однако, созвучен тому, который даю я. Но, может быть, у тебя нет книги Августина, и ты не можешь это место найти? Говорим тебе, как мы там читаем, что задача правильного обучения состоит в том, чтобы ученики овладевали знанием в определенной последовательности, а без такого порядка вряд ли будет успех. Потому советую тебе тех, кого я изобразил выше (то есть учеников), вести по пути знаний постепенно, подобно врачу, старающемуся возратить зрение и возможность видеть солнечный свет больным, страдающим гнойным воспалением глаз. Пусть сначала предлагалось бы им выучивать самое простое и легкое для понимания. Вслед за этим несложное, но все-таки потруднее, и только потом то, что в какой-то части уводит в сторону от уже усвоенного, чтобы путем некоторых умозаключений словно бы немного расширить их взгляд; далее нужно показать что-либо, находящееся уже совсем близко к свету, а после самое легкое из нужных знаний, затем средней трудности, только тогда, если ученик в состоянии уже воспринимать, открыть ему весь блеск учености. Если же сказать по-другому, то для больного с гнойным воспалением глаз желательнее обходить лавки ранним утром, закупать то, что ему нужно, и возвращаться домой, чем если он, совершенно ослепленный сиянием полуденного солнца, будет искать укрытия в темном месте без всякого толка и возвратится, так ничего и не купив.

32. И как существует разнообразие и различие умов и восприятия у слушателей, так и наставники в разной степени расположены распространять свои знания, в зависимости от своего характера. Ибо некоторые столь высокомерны, что, хотя испрашивают должность учителя, но не желают, чтобы кто-нибудь чему-либо от них научился; стремятся также называться мужами учеными и те, кто полон злобы, и они всеми способами уклоняются от преподавания. Такие, кто зарыл сокровище премудрости в глубинах сердца

своего, в особенности подлежат осуждению острием поношения, согласно сказанному: “Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ” [Притч 11, 26]²². Есть, напротив, иные, которым свойственна, как представляется, такая щедрость, что, кажется, что они, скорее, льют реки учености, а не расходуют ее по частям и с толком; о таковых, по свидетельству Григория, говорится в каноне: “Муж, который претерпевает извержение семени, удерживается от священнослужения”²³. Ибо извержение претерпевает, кто, вылив впустую то, от чего в сердцах слушателей должны зародиться ростки благих добродетелей, самим своим недолжным излитием, как очевидно, делает сердца слушателей бесплодными. Хотя можно поделить таких наставников на пять групп, одна, думается, служит только добродетели, – когда кто-либо столь пылает к своему предмету такой любовью, что, если возможно, всего себя изольет в сердце слушающего, по речению апостола: “Желаю, чтобы все люди были, как и я” [1 Кор 7, 7] и “Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно” [2 Кор 6, 11–12]; как если бы апостол говорил: хотя и скудна копилка вашего сердца, чтобы получать, не скудна рука любви, чтобы отдавать. Иные же, как видно, служит раболепию, когда, под видом наставления желая угодить кому-нибудь из сильных мира сего, устраивают комедию и порочят учение. Третья – порождена, как представляется, жадностью; ибо многие в погоне за наживою продают то, о чем следует пока умалчивать, и разглагольствуют о том открыто. Четвертая же – те, кто в особенности любят похвастаться; ибо некоторые, чтобы казалось они много знают, весьма часто сообщают о том, что должно было бы скрывать, вопреки слову Псалмопевца: “В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою” [Пс 119, 11]; потому и Августин, излагая этот же стих псалма, говорит: “Кто тайное разглашает, тот наносит ущерб славе Христовой”²⁴; с этими словами довольно точно согласуется одно место у поэта Персия: “Иль совершенно знание твое ни к чему, коль не знает другой, что ты знаешь?”²⁵. Пятую же часть наставников отличает только неосмотрительная болтливость; ибо очень многие неосторожно распускают язык, когда говорят без удержу, необдуманно высказывают то, что не могут при всем желании вернуть назад. Из этих пяти разделений первых должно хвалить и сдерживать, вторые с пятыми достойны жалости и нуждаются в исправлении, третьих и четвертых следует совершенно избегать. Бывают кроме них и те, кто дерзают самонадеянно учить других тому, что сами не выучили. О таких говорит апостол, что они болтают, “желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают” [1 Тим 1, 6–7]. Раз они не признают достойным делаться учениками истины, то весьма часто становятся учителями заблуждения. Есть еще такие, которые, согласно апостолу, “всегда учащиеся и никогда не могущие дойти до познания истины” [ср. 2 Тим 3, 7]. Есть также такие, кто говорит много о том, чего не понимает. Есть, напротив, у кого понимание в изобилии, зато не хватает красноречия. Следует предостеречь

и от наставника, особо выделяющегося и красноречием и умом, ибо первый, о котором сказано выше, грешит самонадеянностью, другого же не должно порицать, но должно ценить, если только, конечно, он не исполнен зависти или подлости и не лишен, как бывает, благожелательности или любви; и таких, настоятельно прошу, остерегайся. <...>

Начало второй книги

Кратко пробежав под Твоим, Боже, водительством, по первой книге, я безотлагательно, не оставляя упования своего на Тебя, приступаю ко второй, скромной книге, сокрушенно каясь в многословии своем из-за одиночества, и собираюсь говорить по большей части, о чем прочел, немного же, — о чем узнал достоверно. К прискорбию своему, дойдя из рассветных сумерек младенчества до нынешнего, почти что полуденного, возраста, все еще претерпеваю я непроглядную ночь различных несчастий и связан темничным заключением, упрятанный за тремя запорами²⁶. Я, призванный некогда дивным образом из потемок к свету, чтобы созерцать Тебя, и поставленный, как казалось, народом, ныне изгнан введенной в заблуждение паствой, ибо не пожелал вручить ее волку злоумышляющему (как говорят, о если бы правдива была эта молва!)²⁷. Я подвергся наказанию, поскольку паству свою боялся подвергнуть опасности, подчинился господству века сего, хотя знаю, что подобает мне подчиняться лишь Тебе одному, Господи.

Сознавая, однако, что ничто в Тобою созданном мире вопреки воле Твоей не делается, бурю эту, на меня обрушившуюся, я спокойно переносу, поддержанный Твоим утешением; верю, что море это легко может успокоиться, если пожелаешь Ты и когда пожелаешь Ты, Кто песок как границу морскую положил в начале мира, сказав: “Доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим” [Иов 38, 11]. Итак, возгреми и еще, если угодно Тебе, волю Свою возвести с небес, Христе, как множество раз Ты грозно повелевал и чрез уста других, и Своими; и ныне сострадательно сострада страждущему, взывающему из глубины, повели в милосердии Своем: “Изыди”; повели окруженному ужасающим мраком темницы: “Поднимись, выйди из заточения”, скажи, не препятствуй. Но поскольку то, что кажется долгим и вроде бы трудным жаждающему, скоро и совсем легко Устраивающему; и если бы в чем-нибудь Ты поддержал здесь дух мой, я бы приложил все силы, чтобы закончить с Твоею помощью и этот малый труд, все прочее вверив милости Твоей, по благоволению и воле Которого, знаю я, все свершается. <...>

Глава VI. Об отце и матери

15. Ты отец или ты мать? Помни, что ты должен или должна учить детей; и повинуйся увещаниям апостольским, и при том также остерегайся конца первосвященника Илия²⁸. Апостол говорит: “и вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем” [Еф 6, 4].

Глава VII. О детях

16. Ты сын или дочь? Помни, что ты обязан или обязана оказывать почтение родителям. Ибо Сам Единородный, Который зачат не от греха, как ты, но от Духа Святого, рожденный от Девы, после того, как родители, – Матерь Дева и благочестивый Его воспитатель и называемый потому отцом, – отыскали Его в храме Иерусалимском, где Он властью Своего Божества, пребывая в Котором с Отцом, всем владеет, учил, и они того не поняли, “Он же пошел с ними, – как Евангелист говорит, – и пришел в Назарет; и был в повиновении у них” [Лк 2, 51]. Итак, почему ты пренебрегаешь подчиняться родителям, когда и все создавший Господь не пренебрегал подчинением Своему воспитателю? И часто случается, что отец беден, а сын богат. Что, спрашиваю, отвратительнее этого в природе вещей? И если другие по большей части более всего гордятся знатным происхождением своих родителей, то ты к стыду своему видишь отца, изнуренного бедностью, отпускаешь его бродить по улицам, прося милостыню. Ибо о чем свидетельствует такой нищий, как не о том, что ты – человек без роду и племени, приемный ребенок, тебя недавно приобрели, изобрели те, кто хвастает, что выделяет людей, то есть ты создан кем-то, ты выскочка, ты побочный и внебрачный? Если кто-нибудь, даже мимоходом, в том его упрекнет, разве не могло бы это стать серьезной причиной для душевного смятения? И это, конечно, что касается мира сего. Но согласно Богу, ибо Он в псалме Сам говорит: “Блажен, кто помышляет о бедном и нищем!” [Пс 41, 2], о ком, спрашиваю, ты помышляешь, если, проявляя сострадание, в нищем не видишь собственного отца? Кому, спрашиваю, ты протягиваешь подавание, ты, не признающий в отце ту же природу? Хотя должно оказывать милосердие всем, даже и чужим по вере, “а наипаче, – по словам апостола, – своим по вере” [Гал 6, 10], то как же те, кто не только свои по вере, но еще и свои по крови, или главы семейств, или, как некто прекрасно сказал в “Деястиструнии”²⁹: “Кто не чтит родителей своих, кому сможет подчиняться?” Следовательно, всем что-либо нужно давать, но отцу должно доставаться все, и в его распоряжение передаваться все целиком. Потому, отец ли ты, сын ли, или кому-либо родной по крови, слушай Апостола: “Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного” [1 Тим 5, 8]. {...}

Начинается третья книга

1. Обозрев бегло в двух предыдущих книгах Предисловий обстоятельства, лица, служения, мужчин и женщин или возраст со всей возможной краткостью, даже если и не с тем, как подобало бы, изяществом, мы ныне, с Божией помощью, пройдем по безбрежному морю чинов, сословий или родственных отношений; и терпя даже иногда кораблекрушение, пустившись по бурным волнам, и попадая из-за множества скалистых подводных камней в крутые водовороты, и клонясь под натиском встречных ветров, мы преградой всему тому выставляем Самого Христа, стремясь и далее бороздить эти воды на

тремачтовом кораблике своих книг³⁰. Лишь бы только не лишиться нам кормила Господня, и потому усердно просим Его подать нам необходимую в том помощь, ибо знает Он, что труд этот мы предпринимаем столь же в нерешительности, сколь и с опаской. Ведь с одного борта страшит нас Вышний Свидетель, с другого – ненастье в этом чрезмерно разбушевавшемся море. А кормчий нашего корабля, где сломаны весла, потерял руль, сам утомлен, истрепан и побит о различные утесы, не на судне несомый, а волнами пасомый, зубами стуча от холода и прикусив язык, без сил лежит на мели – отовсюду мы терпим крах, ибо понимаем, что ему выпало на долю вести корабль в плачевный поход, стремительным ходом, когда не знает он, как избежать губительного исхода.

Хотя Писание говорит: “Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди” [Еккл 12, 11], мы знаем непреложнейшую непреложность Божественной воли, – она умеет никого не щадить и никому не льстить; однако знаем также, с каким нынче особым пристрастием высоко ученые мужи держатся высказываний скорее обтекаемых, а не близких к истине; а также, что более полезным считается утверждение комического поэта, чем то, что под страхом наказания запрещает Господь; что многие держат в уме слова:

Правда рождает врага, раболепие друга находит³¹, но не: “кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет” [Лк 9, 26]. Быть может, первое потому считается сильнее сказанным, что более звучно; потому, как полагают, от него наибольшая польза, что выражено оно с большим блеском. Не потому ли достоинство второго, раз оно не украшено пышной листвой, или даже скорее густым лесом суесловия, разумники мира сего считают простым, даже, можно сказать, простецким, и совсем ни во что не ценят, хотя ничуть не меньше, думаю, к ним относится забота тех, кто говорил с недоверием «провидящим...: “перестаньте провидеть”, и пророкам: “не пророчествуйте нам правды, говорите нам лестное, предсказывайте приятное”» [Ис 30, 10]? Однако поскольку та же наставница, она же и путь, Истина, говорит устами некоего мужа о Самой Себе: «“вот путь, идите по нему”, если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево» [Ис 30, 21], то и нам следует постараться умерять нашу речь таким образом, чтобы, пока мы уклоняемся вправо и самонадеянно устремляемся к более высокому, чем мы сами, не уклониться бы налево, из робости отступив от правды. Тогда выйдет (хотя и прозвучит это довольно нелепо), что ни Теренций нас не осудит за то, что мы непредусмотрительно возбудили к себе чью-то ненависть, ни Христос за то, что мы вынуждены были ради дружбы с кем-либо предпочесть ее истине. Чтобы так не случилось, мы, ступая осторожно между двумя этими крайностями, так тронем струну высокого достоинства, чтобы умолчать о личности кифареда³²; так будем говорить о сословии³³, чтобы, умалчивать имя тех, кто к нему принадлежит; так поведем речь о родственных связях, чтобы не умалилась в нас любовь, тогда как прежде всего мы должны добиваться ее возрастания. Прежде всего потому, что у нас, думаем, не будет недостатка в

недоброжелательных выпадах со стороны ненавистников, которые не замедлят порицать даже и в этом отношении наше дерзновение; хотя знают они, что не найдут здесь ничего другого, кроме увещаний со всем нашим почтением к служению, а также никаких таких сведений, которые дали бы им возможность превратно истолковывать написанное.

Глава I. О королях

2. Ты король? Пусть же для тебя наставником будет само достоинство королевское, пока оно тебе в радость. Существуют некоторые особые качества, отличающие царское сословие само по себе, но без них, как бы тебя ни величали, достоинство столь великое на самом деле устоять не может. Качества эти должно проявлять, развивать, упражнять. Будь осмотрителен, справедлив, силен и умерен. Запрягши эту четверню, выезжай словно на колеснице и обозревай пределы королевства; наконец, направь эту колесницу таким путем, чтобы удостоиться называться возницей вместе со святейшим Илией³⁴ [4 Цар 2, 12]. Огражденный сей четвертной броней решительно и неустрашимо пойдешь ты навстречу врагам: ибо никаким противникам тебя не одолеть, если удостоишься быть окруженным такой защитой, словно стеной крепкой. <...>

Глава IV. О должном почитании епископов

8. Более всего бойся Бога; управляй, вернее, воспитывай народ, тебе вверенный, чтоб святым молились, епископов почитали; знай, что они над тобою, а не ты над ними; и, как больше скажу, они даны тебе как боги от Бога Вышнего и Единого и Единственного и как ангелы от Самого Ангела Великого Совета. Потому, если думаешь, что я говорю ложь, спроси своего предшественника Константина, спроси сам псалом, спроси Господа. “Вы есть, – говорит тот самый Константин, – Богом данные нам боги, и не приличествует человеку богов судить”³⁵. А Псалмопевец говорит: “Бог стал в сонме богов” [Пс 82, 1]; и немного позже: “Я сказал: вы – боги!” [Пс 82, 6]; и “Бог богов, Господь возглагодал” [Пс 50, 1]. Сам Господь сказал Моисею: “Я поставил тебя Богом фараону” [Исх 7, 1], и: “судей не злословь” [Исх 22, 28]³⁶, и там же: “пусть... придет пред судей” [Исх 22, 8]. И вновь в Псалме: “Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий” [Пс 104, 4], то есть Господь делает проповедников Своих и духа исполненными, и любовью пылающими. И чрез пророка сказал Господь: “Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа” [Мал 2, 7]. Когда в Апокалипсисе Иоанна ты слышишь Ангелов семи Церквей, понимай так, что это некто иной, как епископы их. В Евангелии Христос также говорит, какую власть Он им уделяет; смотри: “что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах” [Мф 16, 19]³⁷. То же найдешь в разных местах, и в псалме уже пророком было сказано: “А я высоко чту друзей Твоих, Боже; утвердилось владычество их” [Пс 139, 17]³⁸.

Кого? Апостолов, евангелистов, епископов, клириков, монахов, отрекшихся от мира, которые по праву с Богом господствуют и судят о мире, ибо не хотят ничего иметь в мире, предпочитая повелевать имеющими злато, чем злато иметь. Пророк говорит: “князья народов собрались к Богу Аврамову; ибо могучие избранныки Божии на земле высоко превознесены” [Пс 47, 10]³⁹. Вот, тебе ясно показано, что первые от народов есть “избранники Божии на земле”, т.е. сами боги земные. Но что такое это первенство? Для чего это первенство? Чтобы, – говорит он, – “заключать царей их в узы и вельмож их в оковы железные, производить над ними суд писанный” [Пс 149, 8–9]. Тем, какое они приняли первенство и для чего приняли, вот это первенство и укреплено. Когда? ныне и в будущем; где? по всему миру. Всюду, где Христу поклоняются, после Него священнослужитель почитается, и более того, в священнослужителе Христос прославляется. {...}

Житие св. Урсмара

Государям почтеннейшим, отцам возлюбленным, наставникам ученейшим, еще и всему стаду почитателей Христовых, в Лаубиенской⁴⁰ киновии проживающему, Ратхер, некогда монах этой киновии, а еще недавно епископ Веронский, хотя и совершенно как первого, так и второго недостойный, да и Господа Бога, желает во Господе того, что Он уготовал Своим верным от начала времен.

1. Проживая в изгнании по справедливому суду Божию у досточтимого епископа святой Куманской⁴¹ Церкви, мы отыскиали недавно книжечку, содержащую немного о добродетелях господина и особого покровителя нашего, а именно, св. епископа Урсмара⁴². Само описание деяний его ценнее золота чистого и камней многоцветных; но при своем небольшом объеме оно оказалось столь переполнено солецизмами⁴³ по сравнению со своим малым объемом, что было трудно понять, что стало тому причиной: небрежение ли писца или неразумие сочинителя. Поскольку мы беспрестанно наталкивались на подобные огрехи в этом писании, то постарались их исправить, но лишь такие ошибки, из-за которых либо читатель мог оказаться совершенно неспособным воспринимать смысл, либо те, которые своим чрезмерно тяжелым стилем могли бы оттолкнуть слушателей. И поскольку текст, составленный простым или (скажем так) простонародным почти что слогом, мог бы в целом показаться ученым людям возвышенным, мы, полагаем, не должны были его совсем изменять, ведь, как известно, и авторы Священных Писаний не думали о розгах учителей грамматики, и, как мы видим, простое учение рыбаков более угодило Богу в спасении обращенных повсюду народов, чем софизмы философов. А вступительное послание от лица некоего Ансона, благочестивого, как можно верить, хотя и не очень красноречивого мужа, которое он этому своему труду предпослал, мы решили опустить полностью; ибо ему была свойственна столь большая путаница, что в нем полностью

утонуло даже самое намерение автора. Итак, да примет, хотя бы в малой степени благосклонно, святая любовь вашего отеческого покровительства такой плод вашего наставничества от вашего, не дерзнем сказать, сына, но ничтожного слуги и к тому же (о ужас!) беглеца, и пусть сравнит его милостиво с теми книгами, что обычно читают у вас. Если сочинение мое с ними согласуется, прекрасно; а если же нет, то изысканный вкус вашей образованности пусть различит то хорошее и вкусное, что в нем содержится, и удержит это ради использования еще лучшего и еще более вкусного. Ведь, согласно речению некоего мудреца, хороша та беседа, которая своим ясным, приятным и стройным изложением увлекает слушателя, не говоря уже о том, что и история не должна содержать каких-либо неясностей, ибо она выпускается в свет не по какой иной причине, как чтобы сообщить потомкам обстоятельства дел прошлого или настоящего. Умоляю, однако, чтобы якорь ваших молитв меня, носимого самым плачевным образом по волнам моря мира сего, удерживал от кораблекрушений, хотя вы в праве ожидать именно этого, зная мои невеликие способности; все же не презрит Божия милость внять вздохам грешника. Бог же Отец мира, Который извел от мертвых Пастыря многочисленных овец в Крови Вечного Завета, Господа нашего Иисуса Христа, да сделает вас готовыми ко всему благу, чтобы вы творили волю Его, совершая чрез Самого Иисуса Христа Господа нашего в себе самих то, чему угодно быть пред очами Его. Да удостоимся и мы у Его милосердия непрестанно обрывать милостивого заступника, святейшего Урсмара, житие которого в настоящее время мы положили разъяснить во славу и хвалу Всемогущей Троицы и просвещения собравшегося народа.

Начинается житие

2. Блаженный Урсмар епископ, по благим дарам своим достойный всяческого прославления, уроженец Теораценского округа⁴⁴ и поместья, называемого Флеон, был избранным по Господню предопределению еще прежде, чем миру был дан по рождению. Ибо когда его мать была им беременна, в видении ей явился некий почтенный старец, держащий на руках маленького мальчика, и объявил: “Прими сего малыша и вскорми его”. Ибо в то время великий голод угнетал этот край. Женщина говорит в ответ старцу: “Как я сделаю это, господин, когда мне не хватает хлеба по причине голода великого, который мы терпим”. И он дал ей хлеб, совершенно белый, и сказал: “Ты вскормишь его этим хлебом”. Когда женщина приняла хлеб, то в ее руках он стал огромным, тогда она спрашивает: “Что означает это вот, что я вижу, господин?”. Он говорит ей: “Ты произведешь на свет сына, который получит часть от Царства Христова”. Истинность чего позже сам святой доказал, ибо стяжал от Господа столь великую благодать, что подкреплял всех, кто приходил к нему ради беседы, хлебом Божественного Слова. А в другой раз его мать, погрузившись в сон, тотчас увидела другое видение. Она видит перед собой лестницу, верх которой касался небес; по этой лестнице

этот же мальчик, поднимаясь, восходил на небо. Она же последовала за ним вплоть до вершины лестницы; но, как сама признавалась, следовать могла, а нагнать никак не могла. Таким образом, обдумав видение, она сразу же поняла, что все это истинно давало предознаменования о ее сыне, которого она носила еще в утробе. Такое и подобное этому весьма многое узнала мать о собственном сыне и прежде его рождения и после, о чем долго рассказывать по отдельности. Потому, ликуя в Господе, мать не раз говорила: “Знаю наверное, что по действию Божия милосердия велик будет сын мой, которого ношу во чреве, и открыто признаюсь, что счастлива я от того, что произведу на свет такого ребенка”.

3. Рожденный мальчик был назван Урсмаром, и, когда он подросток, был передан наставникам Священных Писаний. Они обучали его и святым текстам и Божественному закону – не в малости, но в совершенстве, не помирски, но по-монашески и по-уставному. С самого отрочества, исполняя дела, подходящие, скорее, старцам, он проводил жизнь не в своей воле, но в Божественной. Даже в полном расцвете юности был он чист душою и честен нравом. Ибо он был телом чист, умом целомудрен; всем мил, каждому любезен; духом бодр, обликом прекрасен; искусен в рассудительности, крепок в силе; в умеренности радостен, в справедливости строг, в великодушии совершенен и в милостыне щедр, в воздержании бережлив, наделен смирением и терпением, укреплен кротостью и благочестием; неложной любви исполнен, в вере крепкой постоянен, в надежде незыблемой долготерпелив. Совокупность же этих всех добродетелей усиливала его разумность, в каждой мысли его проявлявшаяся. Речь его также, в согласии со словом апостола, приправлена была солью [Кол 4, 6]. Улучая всякое удобное время не позволял он и часу пройти, чтобы не устроить дела ближних своих. Также Урсмар, призирая все земное и стремясь всей душою к небесному, желал посвятить себя Тому Одному, Кому с детских лет благочестиво предал всего себя.

4. Часто предаваясь молитве, со слезами и сокрушением сердца умолял он Господа, чтобы все, что он помыслил или сделал, было бы принято в очах Божиих. Господь же, Который со властью вдохновил его на эти просьбы, милосердно изволил выслушать его благочестивые моления. Наконец, достигнув епископской кафедры, Урсмар был вознесен таковой благодатью Господней, что превзошел почти всех смертных, и в мире живя, ничего от мира в себе не имел. Одним словом, он был наставник в Писаниях, строитель монастырей, попечитель церквей, страж душ, питатель сирот, защитник вдов, еще и выкупал пленных. Стадо, ему врученное, он любил так, как Сама Истина учила, что должно его любить⁴⁵. Ибо если бы, как в старину, свирепствовала ярость тиранов, он нисколько не устранился бы умереть за овец Господних. Что более?

5. Этот вот муж был совершенно непохож на тех людей, которых ныне, в наши времена, мы видим повсюду: и мы не слышали ни о ком, кто бы без терзающего меча был истязаем столь жестоким мученичеством. Мы же

Дорожный потир, Германия. X в.
Ch. Brooke *The Monastic World*.
N.Y., 1974. P. 55

неспособны рассказать или описать все страдания, которые он перенес в сем мире, особенно, когда девять лет и десять недель по причине телесной болезни он прожил совсем не вкушая хлеба. Пища же, которую он принимал, была столь скудна, и ее было столь мало, что едва ли кто из людей мог бы подкреплять ею свои силы, если только не Божественным чудом, как и Урсмар. Все же те, которые его видели или слышали его, удивлялись, что он был столь крепок телом и красноречив, живя без питания хлебного. Его напитком была вода и несколько раз сикера⁴⁶, которую, однако, он пил помалу и изредка, пища же его была такова, чтобы он мог есть ее, не разжевывая. Столь велико также было его терпение в подобных и иных муках, что он мог сравниться терпением с Блаженным Иовом, который “не согрешил

устаи своими” [Иов 2, 10] “и не произнес ничего неразумного о Боге” [Иов 1, 22]. Но напротив, он всегда воспевал хвалу Господу, и, согласно Пророку, благославлял Господа во всякое время, “хвала Ему непрестанно в устах его” [ср. Пс 34, 1]. Мы же можем предположить самым верным образом, чтобы этому мужу сохранить жизнь, подавал Тот Хлеб, Который сошел с неба ради нашего спасения⁴⁷. Ибо, как мы сказали прежде, благодаря Божественному дару, он был столь красноречив, что казался подобен источнику изливающемуся или полноводной реке. Чтобы он ни проповедовал устами, он подкреплял делом, зная, что примеры более действенны, чем слова, и учат более деяниями, чем речами. Был некий монастырь, который называется Мельбодиум⁴⁸, отстоящий почти на 12 миль от Лаубиенской киноии, находящейся на его попечении; в Мельбодиуме пребывала немалая толпа благочестивых жен; вот, на одну из них напал злой дух и, терзая, начал ее жестоко мучить и из уст ее выкрикивать отвратительные и непристойные слова. Живущих в обители объял великий ужас, и сердца окружающих пребывали в необычайном трепете. А сестры, ее удерживавшие, говорили демону, понося его: “Нечистейший демон, выйди из нее”. Отвечал он им: “Не выйду, прежде чем не придет епископ Урсмар и сам заставит меня выйти”. Мы никоим образом не ставим такое признание в заслугу тому, кто от начала мира был лжив и не устоял в истине [ср. Ин 8, 44], но согласны, что, подчиняясь Божией власти, он сказал правду, пусть и не по своей воле, как и в Евангелии: “И духи нечистые... кричали: Ты Сын Божий”

[Мк 3, 11]. Хотя сказана была истинная правда, но кроме многого другого приводится и свидетельство блаженного Петра, который ответил теми же словами славного исповедания вопрошающему его Господу⁴⁹. Однако о том, что со стороны диавола измышлено было самое страшное злодейство, свидетельствует страдание Господне, по диавольскому внушению учиненное нечестивцами. Ибо хотя диавол и знал, что Христос пришел для спасения человеческого рода, однако он, не зная порядка освобождения нашего, был, словно пойманная в силки птица, введен в заблуждение смертью Господней. Ибо, когда была явлена смертность Плоти, которую он желал убить, он был пойман, подобно рыбе, на скрытый крючок Божественной сущности. Но, если бы он, без сомнения, знал, что Сей есть Христос Сын Бога Живого, он бы признал, что власть смерти никоим образом не может удержать Его. Если бы он признал, что Христос не может умереть, он бы не подал совет распять Его. Ибо предрезостный палач, стремящийся погубить род человеческий, не понял, что он обманулся в собственной власти, свирепствуя против Спасителя мира. Не знала древняя злоба, что Закон Божий не допустит гибели людей, если он будет скреплен Кровью Искупителя человеков. Потому и Апостол говорит: “никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы” [1 Кор 2, 8]. Кто же эти власти же века сего, о которых он говорит, мы можем догадаться из другого его речения, где сказано: “наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной” [Еф 6, 12]. Так же и Сам Господь говорит: “идет князь мира сего; и во Мне не имеет ничего” [Ин 14, 30]. Впрочем, под ними можно понимать, соответственно, и Ирода и Пилата, согласно словам Псалмопевца: “Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его” [Пс 2, 2]. Но этими властями названы, прежде всего, власти одного народа, а не власти мира вообще. Таким образом, хотя говорить: “Ты – Христос, Сын Бога Живого” [Мф 16, 16], основываясь на свидетельстве блаженного Петра, было бы самой истинной правдой, но совершенно ложно утверждать: “Знаем, что ты Сын Божий”, основываясь на свидетельстве диавола. И как Петру сказано “потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах” [Мф 16, 17], так не хитроумное коварство и изворотливость природы диавола заставили его признать это, но сила и власть Того, Кто сошел с небес для его уничтожения. Как тогда мучимый Божественным присутствием, скрывающимся в Человеке, сомневающийся диавол, клеветца, сказал правду, так и ныне, когда Господня сила действовала в блаженном Урсмаре, он вынужденно произнес истину: и в том и другом случае он действовал не по своему желанию, но подчиняясь власти Повелевающего. Итак, на другой день, по управлению Божия промысла, блаженный епископ Урсмар оказался в том монастыре. И когда ему рассказали о деве, которая была мучима диаволом, он приказал тотчас же привести ее к себе. Когда это было сделано, он, полагаясь не на свою, но на Господню силу, взял книгу и начал читать над ее головой

молитву на изгнание нечистых духов; затем освященным маслом помазал ее ноздри, и очи, и уста, и сразу же обратился в бегство нечистого духа. Однако, когда дева была освобождена, страх же, который был, словно семена, посеян дьявольским присутствием, еще ощущался у части грешных людей, которые были в монастыре. Тогда муж Божий велел, чтобы ему принесли воду и соль; благословив их, приказал рассыпать их везде окрест монастыря, и так страх весь ушел вместе с породившим его сатаной.

7. В другое время была приведена к Урсмару некая дева из мирян, исполненная нечистых духов, которую он приказал привести к себе в молельню. Когда это было сделано, он велел ее освободить от оков, которыми она была связана, и после этого начал призывать силу Божию над ее головой, и побуждать и самого нечистого духа, чтобы он отошел от творения Бога Живого. Удивительным образом этот древний враг начал тотчас же тревожиться и шумно негодовать и издавать различные ужасные звуки. А святой Урсмар приказал вывести ее из молельни и сам, последовав за ней, ударил ее три раза посохом, который держал в руках. Тогда негодный дух вышел из нее так быстро, словно бы его самого побили. Немедленно блаженный предстоятель возвратил деву, обретшую здравие, в молельню и, помазав освященным елеем, разрешил ей уйти свободной.

8. Была у святого предстоятеля внучатая племянница в уже упомянутом Мельбодиенском монастыре, которую он сам еще маленькой девочкой вверил попечению святой Альдегунды⁵⁰. Когда она стала взрослой, появилась у нее на шее некая весьма неприятная болезнь, которая называется на галльском языке “гуттерия”, или “плоточная”. Врачи же доказывали, что эту болезнь нельзя излечить иначе, чем, надрезав плоть железным крючком, извлечь болезнь наружу. Когда же они задумывали так и поступить, случилось святому предстоятелю Господню неожиданно прибыть в монастырь, и он, подозревая к себе врача, спросил его, говоря: “Скажи мне, не можешь ли ты вылечить ее?” А тот отвечает: “Не могу, если только железным крючком, надрезав плоть, не извлеку болезнь наружу”. Услышав это, муж Божий, вообще запретил что-либо делать, ибо он весьма любил свою родственницу и видел, что это было очень опасно. Но многократно возлагая руку в тот день на само больное место, он говорил ей: “Смотри, дочка, как бы тебе не претерпеть, чтобы к тебе применили железо; ибо верую в милость Божию, что Он освободит тебя от этой болезни”. Этой же ночью святой муж излил обильные молитвы ко Господу о ее здравии. А когда рассвело на следующий день, девушка поднялась со своего ложа невредимой, в таком состоянии, что не осталось в ней и следа болезни.

9. В это время также другая больная, жившая под защитой того же монастыря, лежала, охваченная столь тяжким недугом, что все, кто ее видел, решительно отчаивались о ее выздоровлении. Когда она услышала о приходе столь великого мужа, то начала, собрав все силы, какие могла, просить: “Умоляю, попросите его прийти ко мне, ибо на Бога уповаю и верую, что я очень быстро поправлюсь, если удостоюсь увидеть его”. Когда блаженного

мужа известили об этом, он без промедления пришел к больной; посмотрев на нее пристально, он поднял руку и сотворил над больной крестное знамение; тотчас же лихорадка покинула ее, и женщина выздоровела, и после часто многим сама рассказывала, что жизнь была возвращена ей Богом заступничеством святого мужа.

10. Итак, после того досточтимый предстоятель, чувствуя, что его телесные силы мало помалу убывают, и приближается день его призвания к жизни вечной, начал немало беспокоиться, как бы вверенное ему стадо не осталось без пастыря. Тогда, по благоволению Божию и всеобщему желанию, избирается св. Эрмин⁵¹, муж, исполненный всяческих достоинств и обычаями своими сравнимый с наставником, которого без колебаний люди в это время чтили выше всех других. Благосклонный отец Урсмар наставлял его с любовью, словно милого сына, чтобы тот заботливо пас вверенное ему стадо и чтобы старался и примером и наставлениями препроводить их с собой на небо. Св. Эрмин с тяжелым сердцем принял на себя эту обязанность, но с Божией помощью усердно исполнил: приступил со смирением, продолжил добросовестно. Итак, добрый пастырь стада Христова Урсмар, достигший полноты дней и дел, призывается в Небесное Царство, чтобы получить награду, достойную его заслуг. По молитвам своих возлюбленных сыновей, которых он воспитал Христу, в их присутствии он, предавая свой дух Истинному Создателю и ликуя о Господе, освобождается из темницы плоти в 14 день майских Календ, чтобы со Христом быть в веках победителем. Увлекаемый служащими ему ангелами, он вводится в рай небесный, где без конца наслаждается верой патриархов, надеждой пророков, собранием апостолов, обществом мучеников, содружеством исповедников и дев и увеселяется неизменным торжеством всех жителей неба. А тело его было убрано для погребения благочестивым служением учеников и погребено с честными обрядами. И вот, на вершине горы, к подножию которой прилегает уже построенный монастырь, есть часовня в честь Святой Богородительницы, в которой и положили сокровище блаженного тела; там Божественная милость ежедневно являет, сколь почитаемые мощи находятся здесь для хвалы и славы величия Господня, честь, и слава и власть Которого пребывает без конца. Аминь.

Проповеди

О четырехдесятнице

1. Призываю и увещаю вас и самого себя, если есть в этой толпе народа кто-нибудь одних мыслей со мною, обратить слух сердца к совету пророка: “примите это, отступники, к сердцу” [Ис 46, 8]. Пусть каждый из нас помыслит, почему он создан, почему рожден, почему возрожден в Господе, какой ценой и почему искуплен. Принес ли он должное благодарение Творцу, Создателю и Искупителю своему, и покорен ли, как подобает, Его

спасительным предписанием. Даже если в этом не найдет никакой за собой вины, чего я желал бы, пусть, воздавая благодарения Создателю, Искупителю и Защитнику Своему, не превозносится и не себе это ставит в заслугу, а радуется со смирением и спрашивает непрестанно от Него благой и добродетельной кончины, чтобы не прослыть по справедливости лицемером.

2. Увещаю, чтобы те, кто поступал иначе, не отчаивались о себе, но, вспомнив бесчисленные примеры милосердия Божия по отношению к грешникам, поспешили быстро обратиться от своих неправд, пока здравы и невредимы; чтобы не случилось так, что, когда могут, не желают, когда бы желали, уже не могут. Но если они сделали бы это, то, без сомнения, восстали бы против себя того древнего противника, который, тотчас возбуждая себя против них всеми силами, попытается их запутать в прежние пороки. Как говорит апостол, “все подвижники воздерживаются от всего” [1 Кор 9, 25]. Следовательно, те, кто собирается бороться против столь безжалостного, жестокого и хитрого злодея, поскольку нам, и всем вместе и каждому, определены для такого духовного делания с Божией помощью эти дни, то будем, прежде всего, в это время воздерживаться от всего, что его делает сильнее, а нас совершенно ослабляет. От чего же нам следует воздерживаться, лучше пусть скажет апостол: “Прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу” [1 Пет 2, 11]. Вот что делает нас слабыми, а его – сильным: именно плотские похоти, от которых если мы не будем воздерживаться, то сделаем уязвимыми наши души. Поскольку всякий кому-нибудь служит, то нет никаких сомнений, кому служат плотские похотения; когда же говорят, что они сражаются против души, это означает, что они служат диаволу. Ибо нет никакого другого противника у наших душ, кроме того, кто немедленно в них устремляется, как только Бог по справедливому суждению их оставляет. А по справедливому суждению оставляет их Бог, если они прежде сами оставили Его, хотя Он и не оставлял бесчисленные души оставивших Его, но из милости более, чем по справедливости.

3. Поскольку плотские похоти, супротивники наших душ, служат диаволу, то, чтобы вождь их не одержал над нами победу, противопоставим им воздержание и, с Божией помощью, победим. Итак, обратимся ко Господу, братия, “всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании” [Иоил 2, 12]. Но как вы думаете, от кого и к Кому вас побуждают обратиться? От недругов душ наших, плотских похотей, к подруге нашей воздержности, от диавола, которому они служат, ко Господу, Который с ним сражается за нас, если мы желаем того, день и ночь. Но если мы хотим сражаться против диавола, постараемся оттолкнуть его далеко от себя, и изгнать из наших сердец, и не пригревать его внутри себя. Ибо, как говорит Господь: “Он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах” [Иов 40, 16]. Тенистые деревья суть хитрецы, тростник – лицемеры: на вид кроткие, внутри же – суетные и пустые; а болотистые места суть плоть тех, кто жаден

до наслаждений, и сластолюбивые их помыслы. Так вот, мы знаем, и Господь тому свидетель, что “сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста” [Мк 9, 29]. Но как имеет силу отогнать от себя дьявола молитвой тот, о ком говорится: “Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва – мерзость” [Притч 28, 9]? О если бы наша молитва была, пусть и не достойна быть услышанной, но хотя бы недостойна быть проклятой! И то же в другом месте: “Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, – и не будет услышан” [Притч 21, 13]. Здесь, конечно, еще глубже знаменуется, что Бог не услышит и тебя, обращающего молитву к Нему, если не поможешь вызывающему к тебе бедняку. Однако ты постишься, но как? Если ты не воздерживаешься от пороков, как Господь говорит: “вы не поститесь в это время так” [Ис 58, 4] и прочее? Следовательно, чтобы изгнать нам дьявола из наших сердец, будем поститься, молиться, подавать милостыню по возможности, но если это будет сверх наших возможностей, то будем иметь свидетелем Господа, что мы желали того. Так мы, полагаясь на помощь Его, сможем победить плотские похотения, которые борются против душ наших.

4. Однако кто-нибудь скажет: “Если мы будем воздерживаться от всего, что желает плоть, как мы будем жить? Разве голодный не хочет есть, жаждущий пить, хоть бы без излишества и роскоши? Желаящий спать (чтобы из бесчисленных вещей, необходимость которых благопристойна и обязательна, упомянуть хоть бы это) разве не хочет заснуть?” На это должно ответить, что предписание наше запрещает не необходимые, но излишние, но вредные, но непристойные и Богом запрещенные вещи. Потому и другой апостол говорит: “попечения о плоти не превращайте в похоти” [Рим 13, 14], ведь этим, конечно, нам предписывается так служить нуждам тела, чтобы мы не подчиняли душу никакой страсти; чтобы, в то время как душа есть госпожа, плоть должна быть служанкой, чтобы мы ради служанки не презрели госпожу, и не властвовала бы та, коей должно подчиняться, и не подчинялась бы та, которой должно властвовать. Впрочем, если воздержание наше не будет тройким, то для нашего совершенствования оно во всем бесполезно: так отступим ради страха или же любви Божией, во-первых, от дурного помышления, во-вторых, от вредного речения, в-третьих, от злого делания; дабы мы, очищенные щедротами милосердного Бога от всякой нечистоты плоти и духа, могли с радостью и веселием праздновать эти, по крайней мере, святые дни Пасхи, когда они наступят, с помощью Того, Кто со Отцем и Святым Духом живет и царствует, Бог во все веки веков. Аминь.

О Пасхе

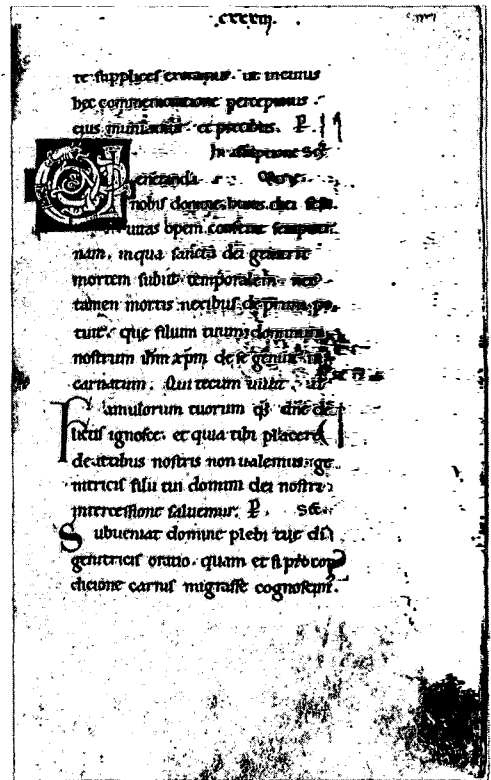
1. Мы, братия возлюбленные, собираемся сегодня вкусить Пасхальных яств и совершить для вас служение, то есть Священную Трапезу Того Агнца, на Которого Предтеча, показав перстом, воскликнул: “вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира” [Ин 1, 29] – ведь тот агнец [Исх 12, 3], конечно же, лишь символически мог изображать собой Этого вот Агнца, но

не мог освободить от греха, что может делать только Этот, Христос, Который в Божестве, для Него едином и неделимом со Отцем и Духом Святым. Итак, торжественно собираясь приготовить Тело и Кровь Сего Агнца, и поднести вам, возлюбленные, мы просим, чтобы никто из вас не досадовал, если мы положим рядом немного дикого латука⁵², ибо и это делаем по велению Самого Господа. Действительно, хотя кому-то могут быть и не известны природные свойства этих овощей – это не столь важно, но много хуже, если кто не имеет силы постигнуть их духовное значение и воспринять умом своим. Ведь говорят, что природа этого овоща такова, что у вкушающего глаза истекают слезами, а зубы очищаются; но природа того, что символизирует этот овощ, заставляет телесные и сердечные очи побуждаться ко спасительному плачу. Так же те, кто вроде бы исследуют природу, говорят, что орел, поев этой травы, восстанавливает свою прославленную остроту зрения, если по какой-либо причине она ослабнет. Наиподобающе, братия, такое сравнение, чтобы, если кто помрачит привычкой ко грехам свое внутреннее зрение, то пусть стремится восстановить его, вкусив этот латук.

2. Но вот теперь, давайте почтим ту Трапезу, которую пообещали. Братия возлюбленные, “Сей день, – так говорит пресвятой пророк, – сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!” [Пс 117, 24]. Разве, братия, не сотворил Господь равно и вчерашний день? Ясно, что Он освятит тот день постом, этот – радостью; тот день принес ученикам плач, этот же – величайшую радость. Итак, что должно делать, братия? Конечно же, разумно будет, если вчера мы плакали с апостолами, то возрадуемся сегодня с ними и со всеми святыми. И не убоимся, пусть не нам будет сказано: “Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете” [Лк 6, 25], когда по причине прежнего воздержания и печали вновь будем согреты утешением Того, Кто сказал (апостолам перед страданием, нам же перед днем Воскресения Господня): “Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас” [Ин 16, 22]. Это было сказано апостолам, это говорится и нам; плакали апостолы о смерти (впрочем, для них неизбежной) Христа, о Его Воскресении они радовались радостью великой и безмерным ликованием. Вчера мы подражали их плачу, сегодня будем подражать радости. Но если мы желаем подражать им, увещаю вас принять от них образец радости. Итак, скажи, святой апостол, после всех призванный, но вплоть до третьего даже неба вознесенный Тем, Кого Ты лучше знаешь; скажи, говорю, разъясни вопрошающим, почему мы должны радоваться. Он говорит: “Пасха наша, Христос, заклан за нас” [1 Кор 5, 7]. А не вследствие иного? Ибо мы поняли Саму смерть Того, Кого оплакали апостолы, как Жертву; и мы вчера подражали их плачу. Итак, просим, удостой нас разъяснения, что или как мы должны сегодня делать. Апостол добавляет и говорит: “Посему станем праздновать”, – то есть станем вкушать Тело Господне и пить Кровь Его, – “не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины” [1 Кор 5, 8]. “И истины”, говорю. Как это? Ибо и в другом месте то

же говорит апостол: “Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения” [Рим 6, 4–5]. Итак, в этом именно смысле, братия возлюбленные, если мы в служении своем сохраняем то, во что верим, мы во Христе возрождены, во Христе пострадали, во Христе бессмертны, во Христе воскрешены из мертвых, и в этом для нас главный смысл радости. Следовательно, не только для Себя сотворил этот день Господь, но и для нас, братия, – да возрадуемся и возвеселимся!

3. Вот, это в высшей степени достойные Пасхального праздника, которые мы Вам обещали; ныне они вам показаны, чрез малое время будут преподаны. А что мы сделаем, сыны, с обещанным диким латуком? Пусть и он будет и очистит гниль зубов, то есть громадной массы всего греховного, того, что препятствует душам; те, кто приходят вкусить Агнца, должны побудить излиться из глаз водам слезным. “Не со старою закваскою”, как сказано апостолом, то есть, не разжигая прежний грех либо в помыслах устремляясь к новому, но так, чтобы сегодня Вы не оставались привержены к тем же грехам, что и вчера. И “не с закваскою порока и лукавства”, словно апостол говорит: замените добротой прежний порок, оставьте лукавство, если желаете вкусить Плоть Агнца Божия и испить Крови Его. Следует далее: “но с опресноками чистоты и истины”. Помыслите, братия, да, помыслите, особенно те, кто пороку предан, полон лукавства. Если вы желаете спасительно радоваться; радуйтесь во Господе, а не в пустых забавах, не в праздных побасенках, не в достойных порицания непристойных речах, не в обольщающих прикосновениях, не во хмелю и пьянстве, не в легкомысленных песнях. Если желаете ликовать, “служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом!” [Пс 2, 11]. Если желаете праздновать Пасху, как положено, празднуйте опресноками. Если спросите,

Веронский Сакраментарий, XI в.
Millenium Scriptorii Veronensis /
Ed. G. Turrini. Илл. 19

какие же это опресноки, в которых имеее нужду, ответу: чистота и истина. Ибо худшая закваска – это двуличие, вредная закваска – это стремление к обману. Ибо “закваска” была названа так от “квашения”; и хотя мы можем называть самим пороком, самим лукавством весь древний ад в совокупности своей, ничто мы не можем отвергать более, чем лживость, противоположную чистоте и истине, научающую обманывать ближнего своего; то, чем пылает неугасимо дух лукавцев. Поскольку же прежде всего на ней зиждится желание совершить какого-нибудь зло, тем паче, добавим, братия, воздерживайтесь от нее, от лживости то есть, что ею оскорбляется Божественное величие и оскверняется Пасхальная красота. Ибо если это было бы не так, не стал бы апостол, и при запрете противоположного, и в предписании тех двух непреложных добродетелей, то есть чистоты и истины, в яствах Пасхального праздника настойчиво и различными словами повторять одно: “Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины” [1 Кор 5, 8]. Более того, пусть имеющий в сердце злую волю не участвует в пасхальном праздновании, ибо тот лишь имеет славу в высших с Богом, истинный мир на земле с человеками, кто имеет волю добрую.

4. Вот именно эту, братия возлюбленные, острую на вкус правду и правдивую остроту я и называю диким латуком, тем, что при духовном вкушении непременно, я на том настаиваю, изменит качество сердец и тел наших; побудит сердце к воздыханиям, тело же к плачу, а все вместе – к усилиям оставить злую волю. Мы, без сомнения, верим, что это произойдет, если к тому же попробуем заповеданое нам Господом в Декалоге чрез слугу Своего⁵³ о праздновании Пасхи связать с природой этого латука. Он говорит: “Ешьте же его (агнца) так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью” [Исх 12, 11]. Что более резкое, братия, что более едкое может быть сказано тому, кто, зная предписания сии, вспомнит, что он прошедшую Пасху праздновал, совсем их не соблюдая? Кто не послушался слов Псалмопевца: “препоишь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный” [Пс 45, 3], то есть крепко; но кто, по слабости своей предаваясь роскоши, дерзнул приступить к принятию Тела и Крови Агнца Божия; кто не следовал примерам святых отцов, которые почтили уже во Христе; кто не защитил себя посохом устава против льва рыкающего, то есть дьявола, ищущего поглотить его⁵⁴; кто в благочестивом желании не поспешил, то есть не пожелал “разрешиться и быть со Христом” [Флп 1, 23]. Не понимаю, как он сегодня осмелится без плача и воздыхания принять Тело и Кровь Господа; если только, думаю, он не оуплен смертельным отчаянием, либо обманут ложной надеждой. Но, увещаю, да не поступит так никто, убеждаю, да не отчаивается о себе, еще более прошу, да не обманет сам себя ложной надеждой. Пусть устремляется туда, куда следовал, пусть вздыхает и плачет: ибо “пасха” означает “переход” ко Господу⁵⁵. Словно бы Он сказал: переходит от дьявола ко Христу тот, кто стягивает чресла свои от

разврата; кто примерами деяний святых укрепляет шаги свои; кто посохом устава защищает себя от диавола, кто в тоске стремится достигнуть Небесной Отчизны. Лишь такому дозволено праздновать Пасху Господню, однако и ему не следует праздновать без дикого латука, то есть памятования о прошлых злодеяниях и наиболее полезного пролития слез.

5. Но ныне уже следует вернуться к апостолу; только он завершит тот труд, за который мы взялись, забыв о слабости нашей; он говорит: “Пасха наша, Христос, заклан за нас” [1 Кор 5, 7]. Это, как полагаем, как если бы он сказал: “Потому Христос принес Себя в Жертву за нас, что Он Сам есть наш переход к Нему Самому и только Он Сам есть наша радость.” А я советую настоятельно, чтобы так, именно так испросил бы каждый из нас: да возрадуемся и возвеселимся в Нем. Ибо Он есть мир нам, Он – свет, Он – вождь, Он – день, Он – солнце, Он – спасение, Он – жизнь, Он – воскресение, Он – радость истинная, Он – блаженство постоянное, Он – счастье вечное, Он – веселие неубывающее, наконец, – день, который порождением, а не творением создал Господь: и сие несказанно, “возрадуемся и возвеселимся в оный” [Пс 118, 24]. Пусть радость трапезы нашей также достигнет нищих Христовых; пусть изобилием нашим восполняется скудость их. Пусть сами нищие также помогают друг другу. Что одному недостает, пусть даст другой, если имеет; если не имеет, пусть, по крайней мере, пожелает дать, чтобы через все и во всем о нас радовался Христос, Пасха наша, Кто заклан за нас. И пусть этот день будет днем, в который повелел Господь, чтобы и мы могли радоваться и веселиться в этот день, ныне и без конца; и могли так принять Тело и Кровь Его, чтобы было это не в осуждение, как бывает (о ужас!) для многих, но нам в вечное исцеление, как для блаженных. Да поможет в этом желании нашем и освятит священнодействие Тот, Кто за нас на смерть отдал Сына своего Единородного, Который с Ним и Святым Духом живет и царствует во веки веков. Аминь.

Послания

*Милону, захватчику Веронской кафедры*⁵⁶

Жестокому предводителю, Милону, уроженцу Вицетии, возглавившему гонение, – епископ Вероны, жесточайше изгнанный.

1. При приближении праздника, которое должно совершать с еще большим благоговением, чем другие, прошедшие недавно, поскольку главное в этом празднестве состоит в приношении Жертвы, разделения и принятия Тайн, когда мы возглашаем Рождество Агнца, родившегося, чтобы принять за нас страдание, недоумевает дух, может ли многократно и без опаски возносить жертву тот, кто знает, что Сам Бог, Который и есть Агнец, наставлял: “Если ты принесешь дар твой...” и прочее⁵⁷. И так как я знаю, что ты против меня имеешь нечто, то когда я пытаюсь дар этого праздника предлагать Богу, желая исследовать свою вину, чтобы ее искупить, я не в

силах найти ничего другого, кроме того, что я дерзнул себя допустить до посвящения во епископы Веронской Церкви еще до твоего рождения. Но чего тогда мне было опасаться, когда, если даже я мог бы знать, что ты родишься, мог ли я заранее знать, женского ли ты будешь пола или мужского? И вот, значит, какова моя давняя вина пред тобой и именно за это ты меня схватил, низвел, изгнал, и все это к позору императора и (хотя они отрицают) вождей наших и в нарушение заповеди Того, Кто (тебе от Него не укрыться) запрещает всякое зло.

2. Недавняя же вина, более того, прямо-таки сиюминутная, та, что я не умираю, не пускаюсь, как ты побуждаешь меня, в бегство. Но кто может умереть, если жизнь его в руках Бога? Как осмелится бежать тот, кто твердо помнит Его слова, к нему обращенные: что, увидев волка, “наемник бежит, потому что наемник” [Ин 10, 13]; и еще: “кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать” [Мф 5, 32]. Если же кто кого-либо заставляет прелюбодействовать, разве не губит, как следствие этого, душу, ибо написано: “душа согрешающая, та умрет” [Иез 18, 4]. Ибо запрещает мне так поступать тот, кто говорит: “на погубление сына не полагай души твоей” [Притч 19, 18]⁵⁸. Ибо если на погубление сына запрещается полагать душу, то совсем не дозволяется губить чад от законной супруги моей. Потому, если тебе не стыдно зваться в этом случае волком, как в другом – вором, то знай, сам я страшусь называться наемником, но желаю быть причисленным к числу пастырей, ибо “во Христе все оживут, каждый в своем порядке” [1 Кор 15, 22–23]. А при том разделении козлища должны будут осуждаться весьма сурово, как говорит Евангелие [Мф 25, 23]; подумай-ка, что претерпят волки, пожиратели овец? И увещаю, остерегайся получить такое именование; ибо во взаимном соединении два эти имени, одно подразумевает другое: овном назовут всякого, хотя бы и грешника, если он неправедно что-то от кого-то терпит, волком же того, кто эту несправедливость учиняет. Конечно, когда ты слышишь, что тот, кто разведенную берет в жены, прелюбодействует [Мф 5, 32], то если ты не боишься впасть в прелюбодеяние, знай, что я боюсь, что меня назовут николаитом⁵⁹. И тогда это прибавится к моей вине пред тобой, которую уже не исправить.

3. Однако я предпочитаю, чтобы твою вину предо мною ты оценил сам, – и это я встречаю таким словом: “Мне отмщение”, выслушай и остальное: “Я воздам, говорит Господь” [Рим 12, 19]. Чтобы в том воздаянии не было тебе ничего плохого, советую тебе обдумать хотя бы, ибо ты торжественно присягал императору, как и я, в чем вина твоя пред самим собою? Когда его указ ты силишься нарушить и тех, кто ему ту же клятву давал, что и ты, вынуждаешь отступить от клятвы, вымогая этим их помощь; когда ты заставляешь священнослужителей, раз они – твои доброжелатели, столь серьезно нарушать каноны; когда вынуждаешь отца держать в подозрении своих сыновей, а сыновей – ненавидеть отца без вины; когда ты заставляешь закрывать глаза на клятвопреступления, вынуждаешь налагать анафему без

всякой причины; когда тому, кто говорит: “Что вы дадите мне, и я вам предам Его?” [Мф 26, 15], не отказываешь и сулишь награду? Хотя ты все это и тому подобное учиняешь против меня, или, скорее, против себя самого, я, отпуская тебя поразмыслить, боюсь, что я не могу умереть ни в таком состоянии духа, ни из-за тебя уйти спокойно из этого мира. Если ты никогда не решишь образумиться, постарайся устроить по-другому то, что ты начал. Давай, если ты в силах, получи власть императора и наших вождей прежде всего для того, чтобы я отступился, и не для вида, но прямо и открыто, чтобы всем стало понятно; ибо во всем остальном ты впустую стараешься, если только для тебя Бог не попустит, чтобы агнец сделался волком, к твоему более, чем к моему, поверь, осуждению.

Послание к Мартину Феррарскому

Господину Мартину, досточтимому собрату-епископу – грешный Ратхер.

Еще апостол предписал старца увещевать и запретил его укорять [1 Тим 5, 1]; но к тому побуждает меня любовь, которой Вас люблю, ибо я считаю, что для Вас губительно утаивать, сколько Вам вреда причиняют сыны Вашей Церкви, в особенно, совершая незаконное рукоположение отроков; к тому же такие рукоположения Вы постоянно совершаете за деньги, что есть симония, преданная анафеме святыми канонами. Поэтому умоляю Вас, как сын – отца, слуга – господина, как старик – почтенного старца, чтобы, Вы вспомнили чтение, что сегодня прямо для меня и для Вас было прочитано: “зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна” [Рим 13, 11]. Не пренебрегите воспоминанием и такого апостольского предписания к Тимофею: “рук ни на кого не возлагай поспешно” [1 Тим 5, 22], а также и Петра, сказавшего Симону: “серебро твое да будет в погибель с тобою” [Деян 8, 20], и мнением многих, утвердивших, что “и тому, кто даст, и тому, кто примет, анафема да будет”⁶⁰. Восстаньте же ото сна, прошу, прекратите столь явно пренебрегать канонами и откажитесь от таких рукоположений. Быть может, Тот, Кто сказал: “ты согрешил, остановись” и “обратитесь ко Мне... и Я обращусь к вам” [Зах 1, 3], не презрит на Ваше позднее обращение, ибо Он милостив и милосерд и не хочет “смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был” [Иез 33, 11]. Знайте, что, истинно, никто Вас за то не порицает более, чем те, которых Вы таким образом рукоположили, или те, по чьим просьбам Вы поступили так.

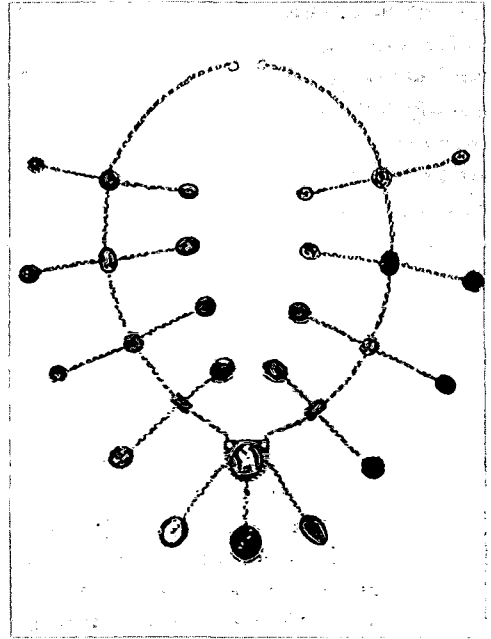
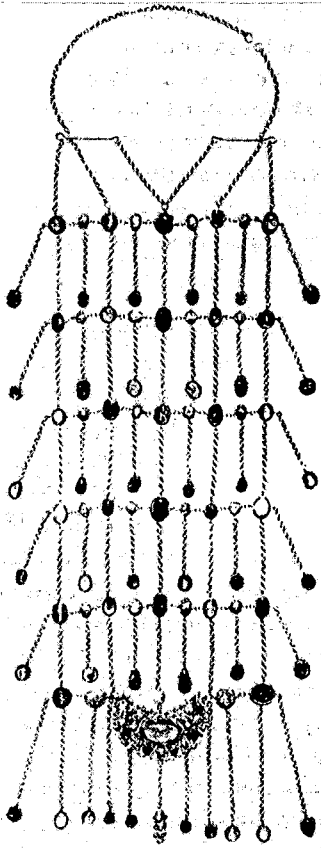
Наннону, графу Веронскому

Господину Наннону, столь превосходно и совершенно необходимо данному нам, по заслугам нашим, правителю, – грешный Ратхер с вестью о том, чего тот заслуживает, желает ли он того или нет.

1. До меня, человека ничтожнейшего, дошли известия, что превосходное Ваше правление представляет для меня угрозу, в наибольшей степени из-за того, что Вы собираетесь предать меня позору перед величием благочестивейшего императора⁶¹, хотя я, совершенный глупец, в бесстыдстве своем полагал, что внутренние помышления человека никому не открыты. Но, быть может, в мою

Вы проникли особенно глубоко (я того заслуживаю) и узнали то, что сказано было “на ухо внутри дома”, и “будет провозглашено”, – если не пощадит Бог, – “на кровлях” [Лк 12, 3]. Ибо, что касается всего остального, я твердо надеюсь, что Вы настолько же не сведущи, насколько всем уже противно стало прислушиваться к лживым наветам моих клеветников. Но что Вы, господин, делаете? Где не станет слов, там скажут дела. Ведь не раз я увещевал госпожу императрицу, и Вас прошу о том же самом: не думайте, что мудрейший император забыл это речение блаженного Иова “тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно” [Иов 29, 16]; и что он к Вам имеет уж такое доверие, ибо уста недруга не говорят истины⁶²; и что он не держит в памяти не только давние речи, но и эти, уже приевшиеся, что звучат сейчас и повторяются без конца. Но, о бесполезные паллии ничтожнейшего Рахтера, совершенно ничего ему не принесли, кроме такого рода горестей! О, Венеция, паллии которой даже для тех, кто получает их даром, оказались столь дешевы, что за них нельзя купить недейственную и ничего сообщающую благодать! О, правдивые слова и подходящие этому веку: “Так заведено, что ты загубишь прежние благодеяния, если не подкрепишь их последующими”. Ибо если в одном откажешь несправедливому притеснителю и ненасытному сборщику налогов, потеряешь тысячи дарителей.

2. О, виновники величайшего преступления, для которых мольбами не выпросить, и просьбами спасительно не вымолить того, что дается Псалмописцу: “От тайных моих очисти меня, Господи, и от умышленных удержи раба Твоего” [Пс 18, 13–14]! Умоляю, прекратите чинить мне препятствия “от лица” всегда ко мне милостивого цезаря, поскольку не в Ваших это силах. Ведь я в тысячу раз больше страшусь Вас, чем его, ибо добро обыкновенно любят, а дурного, напротив, пугаются. Я, служа невозможным образом разом вам двоим, двум господам, его люблю, Вас же боюсь. Думал ли он, почему? Желаю, чтобы он подумал, кому это выгодно и что это значит. Впрочем, пока мы восхваляем одно, поскольку нельзя забывать, как ныне сказано было об Иоанне, “ибо он пророк и больше, чем пророк”⁶³, то смотрите, как бы не оказались дела Ваши “более, чем властвовать”? В то время как славнейший император даже попечение о делах плоти своих подданных согласился доверить епископам своим, а Вы отнимаете у них сами души, когда запрещаете пресвитерам отправляться на собор, или выслушивать посольство от самого папы о разводе с женами, и вообще подчиняться епископам – до такой степени, что Вы забираете их, как воин добычу, в свои руки и не отказываете в покровительстве во всех их гнусных делах, которые они совершают против Бога, словно это Вам сказано: “что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах” [Мф 16, 19], так что таким образом заставляете их ни во что не ставить наш запрет. Именно это и значит “властвовать”, и даже более, чем “властвовать”, но не значит, говорю, “править”; ибо “править” означает “правильно поступать”, или “управлять” всем тем, кто чем владеет, то есть “находиться у кормила власти”.

Маниакон. Деталь парадного костюма императрицы Священной Римской империи. The Empress Theophano. Byzantium and the turn of the first millennium / Ed. by A. Davids. Cambridge, 1995. P. 259

Лорос. Деталь парадного костюма императрицы Священной Римской империи. The Empress Theophano Byzantium and the West at the turn of the first millennium / Ed. by A. Davids. Cambridge, 1995. P. 260

3. О, если бы Вы, раз владеете мною, так еще и управляли бы, о, если бы Вам нравилась и собственная власть и мое правление! Тогда более сносно было бы Ваше господство, так что как господина я боялся бы того же, кого и любил бы, чтобы это побудило меня поступить так же как в том месте Назона, что для меня весьма подходит:

Помнишь, как древний певец, позором ославив Елену,
Вскоре пропел ей хвалу, пушью славу стяжав?⁶⁴

Ведь после того, как я о нем сказал: “Кто избавил Израиль от руки фараона, пусть избавит Ратхера от руки Буккона⁶⁵”, и он, собираясь отойти от власти, стал много приятнее, стал и я тогда приговаривать так: “Если Бог пожелал одарить меня лучшим Букконом, пусть удалит тебя; если же худшим, молю,

да сохранит мне тебя”. Поскольку я не смог выпросить лучшего, и поскольку Он подал мне худшего, определив мне это же самое падение, то желаю, чтобы пал на его голову этот согласный припев о том же самом. Настоятельно Бога прошу, не низвергнув, но обратив, освободить из Ваших рук (даже меня признав недостойным того) хотя бы души тех кого Вы вынуждаете восставать против Господа из-за ненависти ко мне. Вы же знаете, что именно из-за этого я боюсь Вас в тысячу раз больше, чем императора, ведь он не настолько пренебрегает спасением душ, как для всех очевидным образом это делаете Вы.

*К императрице Адельгейде*⁶⁶

Светлейшей Августе госпоже Адельгейде, да не возгнушается, – грешный Ратхер, верно сверх долга и сил ей служащий.

Если истинно то, в чем Наннон старается убедить всех моих противников, то Вы не желаете ничего более, чем моей гибели, и ни о чем Ваш супруг не заботится меньше, как о состоянии моего здоровья. Но если Вы делаете это ради епархии, то потрудитесь, употребив свою власть, сохранить мою столь ничтожную жизнь до того времени, пока я не завершу постройку Церкви Блаженной Богородицы. Знайте, Бог мне свидетель, что все, что полностью готов выполнить все то, что Вы, руководствуясь разумом, потом мне предпишете. Ибо я предпочитаю благополучно удалиться далеко и оставаться в пустыне своего монастыря и там с нетерпением ожидать Господа, Который укроет меня от вихря и бури⁶⁷, чем долго терпеть такое с ущербом для души, да еще и без всякой пользы. Но все же, о, сколь было бы полезно для всех, кто поставлен у власти, как я не раз Вашему Владычеству высказывал, если бы они не выносили столь скоропалительные приговоры, но принимали бы во внимание то речение блаженного Иова: “тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно” [Иов 9, 16]. Увы, госпожа, вздутое чрево не извергает сладости медовой и радо обманывать, восхваляя то, что ненавидит.

¹ Под “неким Оригеном” (имя знаменитого еретика III в.) Ратхер имеет в виду себя.

² В синод. перев. “Наказанье нечестивому”.

³ Св. Максим Туринский (ок. 380–ок. 465) – епископ и богослов. Цитаты (вторая – неточная) взяты из его проповеди “О четырехдесятнице VIII”, или “О соблюдении поста” (PL 57, 327).

⁴ В Синодальном переводе: “душа убиваемых вопиет, и Бог не воспрещает того” (Иов 24:12)

⁵ В Вульгате Сир 38, 39.

⁶ Марсы – италийское племя, знатоки целебных трав и заклинатели змей, и псиллы – племя на северном побережье Африки, часто упоминаются рядом уже в античных источниках.

⁷ Испорченное “mēlon pneuma” (греч.) – “черное дыхание”.

⁸ То есть на сутки.

⁹ Логофет (греч.) – должность при византийском императоре, исполняющий различные обязанности; преимущественно этот титул носил придворный писец (глава канцелярии) или главный казначей. Западные королевские дворы заимствовали этот термин, и так чаще всего назывался королевский секретарь.

¹⁰ Перевод наш. – М.Н. (в синод. перев. “Притеснители народа Моего – дети”)

¹¹ Исидор Севильский (VI–VII вв.) “Этимологии” или “Начала”, кн.18, гл. 15 (PL 82, 650–651).

- ⁰² *Теодульф Орлеанский*. Увещание к судьям (PL 105, 283).
- ⁰³ На языке лангобардов, германского племени, с Нижней Эльбы постепенно двигавшегося на юг (V–VI вв.). В 568 г. они завоевали северную часть Италии и основали Ломбардское королевство.
- ⁰⁴ Казначей.
- ⁰⁵ Несколько измененная цитата из третьей проповеди Льва Великого “О четырехдесятнице” (PL 54, 274).
- ⁰⁶ Сентенция, приписываемая Публилию Сиру (1 в. до н.э.).
- ¹⁷ Цитата взята из “Толкований на 118-й псалом Давида” св. Амвросия Медиоланского (PL V, 15, 1440). Возможно, слова Амвросия приписаны Августину.
- ¹⁸ “Зверинные обычаи” в противоположность “человеческим” встречаются у церковных писателей, например, у Юлиана Померия (PL. 59, 505).
- ¹⁹ Неточная цитата из сочинения “Моралии на Книгу Иова” Григория Великого (PL 75, 723).
- ²⁰ Немного измененная цитата – см.: *Ювенал*. Сатиры. XIII, 20–22 / Пер. Ф.А. Петровского: Мудрость, которая нам наставленью несет в философских Книгах, победу дает над судьбой. но счастливыми также Мы полагаем и тех, кто, наученный жизнью, умеет Жизни невзгоды сносить и ярма не старается сбросить.
- ²¹ *Блаж. Августин*. Послание Августина к Иерониму, или Книга о происхождении душ человеческой. (PL 2, 1133).
- ²² Продолжение этого стиха из Притч Соломоновых: “...а на голове продающего – благословение”.
- ²³ Возможно, отсылка к “Правилу Пастырскому”, а также к “Моралиям на Книгу Иова” Григория Великого, где об этом упоминается (PL 77, 32 и 75, 267 соответственно).
- ²⁴ Из “Толкований на 118-й псалом Давида” Амвросия Медиоланского (PL V.15, 1247). Слова приписаны Августину (ср. прим. 13).
- ²⁵ *Персий*. Сатиры, I, 26–27 / Пер. Ф.А. Петровского.
- ²⁶ Папская тюрьма в Павии, куда был заключен Ратхер (см. вводную статью), была особо укреплена тройной системой запоров или тройным рядом дверей.
- ²⁷ Под “волком злоумышляющим” Ратхер подразумевает одного из своих преемников на Веронской епископской кафедре после своей опалы, но кого именно, достоверно неизвестно.
- ²⁸ См. 1 Цар 3, 12–14; 4, 10–18.
- ²⁹ Проповедь Блаж. Августина “О десяти струнах” из цикла “Проповеди о Священном Писании” (PL 38, 81).
- ³⁰ Подразумеваются три следующие, задуманные автором, книги (3, 4, 5-я).
- ³¹ *Теренций Афр*. Девушка с Андроса, 68 (пер. наш. – М.Н.).
- ³² В данном случае Ратхер имеет в виду, скорее всего, короля, по вине которого ему приходится претерпевать заключение, ибо в первой главке этой книги будет говорить о королевском достоинстве в целом.
- ³³ То есть о церковных чинах.
- ³⁴ См. библейский сюжет вознесения пророка Илии на небо: 4 Цар 2, 11–12: “Когда они (Илия и Елисей) шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более.”
- ³⁵ Цитата из 1-й кн. “Церковной истории” Руфина Аквилейского (PL 21, 468), отрывок из речи императора Константина Великого к участникам Никейского собора 325 г. Руфин не называет “благочестивого правителя” по имени, однако это имя известно Ратхеру.
- ³⁶ Ратхер отождествляет служение древних судей Израильских и христианских епископов. В латинском тексте здесь и в следующей цитате стоит слово “боги”, что передает “сильные, могучие” евр. оригинала; в переводах на новые языки иногда заменяется на “судьи” (как и в русск. синод. переводе).

- ³⁷ Слова Христа, обращенные к апостолу Петру.
- ³⁸ Цит. по: Псалтирь учебная. М.: Правило веры, 2000. С. 547.
- ³⁹ Цит. по: Там же. С. 179. В лат. оригинале также стоит слово “боги” (или “могучие избранники Бога”).
- ⁴⁰ Монастырь Лобб на р. Самбра во Фландрии (Бельгия).
- ⁴¹ *Кумы (Куманы или Комо)* – город на севере Италии, где в конце IV в. уже была епископская кафедра.
- ⁴² *Св. Урмар* (ум. в 713) – епископ и миссионер. Был настоятелем монастыря Лобб.
- ⁴³ *Солецизм* – языковая ошибка, преимущественно синтаксическая; в общем смысле – нарушение грамматики либо правил хорошего стиля.
- ⁴⁴ Ныне Тьераш, местность в Арденнах на севере Франции, на границе с Бельгией.
- ⁴⁵ Ср. “Я есмь Пастырь Добрый, пастырь добрый полагает жизнь свою за овец” (Ин 10, 11).
- ⁴⁶ Здесь, возможно, брага или пиво.
- ⁴⁷ См. Ин. 6, 35 “Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать...”
- ⁴⁸ См. “Житие св. Альдегунды” в наст. изд.
- ⁴⁹ См. Мф 16, 16: “Ты – Христос, Сын Бога Живаго”.
- ⁵⁰ См. “Житие св. Альдегунды” в наст. изд.
- ⁵¹ Св. Эрмин происходил из франкского рода в окрестностях Лана, умер 25 апреля 737 г. См. Фолькуин Лоббский. “Житие св. Фолькуина” в наст. изд.
- ⁵² То есть горьких трав.
- ⁵³ То есть Моисея.
- ⁵⁴ Ср. Пс 21, 14; 1 Пет 5, 8.
- ⁵⁵ Ветхозаветный праздник пасхи был установлен в связи с исходом евреев из Египта.
- ⁵⁶ Письмо написано в конце 965 г. после очередного смещения Ратхера с епископской кафедры г. Верона. Адресовано Милону, молодому епископу, занявшему место Ратхера.
- ⁵⁷ Мф 5, 23–24: “Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой”.
- ⁵⁸ Пер. наш. – *М.Н.*
- ⁵⁹ *Николаиты* – ересь, получившая свое название от одного из семи диаконов, упоминаемых в книге Деяний (6, 5), Николая Антиохийца, обращенного из язычников. Они проповедовали компромисс с язычеством и вели полуязыческий образ жизни, “побеждая” чувственность через удовлетворение чувственных страстей.
- ⁶⁰ Из постановлений Церковных соборов.
- ⁶¹ Оттона I.
- ⁶² Средневековая латинская поговорка.
- ⁶³ Об Иоанне Крестителе – ср. Лк 7, 26.
- ⁶⁴ *Публий Овидий Назон*. Искусство любви, III, 49–50 / Пер. М.Л. Гаспарова.
- ⁶⁵ Вероятно, предшественник Наннона на месте графа Вероны.
- ⁶⁶ *Адельгейда, Аделаида* (931/932–999) – королева Италии благодаря своему первому браку (с Лотарем II (947–950)), жена Оттона I, императрица империи Оттонов, одна из ведущих политических фигур X в. После смерти Оттона I в 973 г., когда Оттон II был еще мал, стала регентшей; после его смерти в 983 г. снова правила империей (вместе со своей невесткой Феофано), а с 991 (после смерти Феофано) до совершеннолетия Оттона III, снова правила одна. Письмо Ратхера относится к 968 г.
- ⁶⁷ Парафраз цитаты из Пс 59, 7–8.

Гумпольд Мантуанский

О Гумпольде Мантуанском известно крайне мало – лишь его имя и время, да и то приблизительно (966–981?), когда он занимал Мантуанскую кафедру. Годом его смерти называют 985 г., возможно, потому, что в этом году Мантуанскую кафедру уже занимал его преемник. Поскольку, как сам Гумпольд пишет в прологе к житию, он приступил к работе по поручению императора Оттона II, можно предположить, что, с одной стороны, он был связан с придворными кругами, с другой, имел какое-то отношение к Регенсбургской диоцезе, в которую входила и Богемия. Скорее всего, Гумпольд был клириком этой диоцезы до того, как получил епископство в Мантуе. Кроме того, Оттон II был дружен с Болеславом II Благочестивым, герцогом Богемским (967/972–999), внучатым племянником св. Венцеслава, поэтому логично предположить, что идея канонизации родственника Болеслава и написания его жития возникла не без участия правителя Богемии. Поскольку церковный праздник св. Венцеслава (св. Вацлава Чешского) был установлен в 985 г., вероятнее всего, что Гумпольд, уже будучи в весьма преклонных годах, составил его житие специально к установлению его официального почитания.

С IX в. Богемия находилась в юрисдикции Регенсбургской диоцезы, епископы которой заботились об обращении славян в христианство. К 70-м годам X в. христианство настолько распространилось и упрочилось в Богемии, что можно было говорить о создании собственной диоцезы. Немалую роль в распространении новой веры сыграл герцог Болеслав Жестокий (младший брат и убийца св. Венцеслава – правил в 935/36–972 гг.), который даже отправил свою дочь, монахиню Младу, в Рим с тем, чтобы она испросила у папы разрешения на основание самостоятельной епископской кафедры. В 973 г. была основана новая диоцеза с центром в Праге. Канонизация святого, принадлежавшего к правящей династии, не только укрепила ее политическое положение, но и открыла возможность признавать и других местных святых.

Жизнеописание и мученичество св. Венцеслава было весьма популярно, о чем свидетельствует немало количество рукописей и изображений со сценами из жития, и ходило во многих версиях. Наряду с именем св. Алексия, Человека Божия¹, имя св. Венцеслава (св. Вацлава Чешского) попало во все календари христианского мира. С его именем было связано много легенд, одна из которых легла в основу английской рождественской песни о “Добром короле Венцеславе”. В песне говорится, что добрый король Венцеслав, сопровождаемый своим слугой, отправляется холодным зимним вечером (в день св. первомученика Стефана, 26 декабря) посетить некоего бедняка; мороз становится все сильнее, ночь все темнее, и слуга чувствует, что начинает замерзать и вот-вот упадет без чувств в снег; тогда король велит ему идти след в след с ним, и слуга чудесным образом перестает мерзнуть. Сюжет этой песни отсутствует в житийном варианте, однако в народной памяти сохранились воспоминания как о доброте и милосердии святого, так и о его слуге, ко-

торый, по другой, житийной, версии, претерпел мученическую смерть за верность своему господину. “Житие”, составленное Мантуанским епископом, скорее всего, было первой литературной обработкой легендарного предания и легло в основу всех последующих вариантов описания жизни св. Вацлава.

Очень рано культ св. Венцеслава (рус. Вячеслав) получает известность в Киевской Руси. Канон этому святому помещен в сентябрьской служебной минее 1095–1096 г. Имя св. Вячеслава Чешского носили несколько русских князей, например, сын Ярослава Мудрого, родившийся в 1036 г., а также один из сыновей Владимира Мономаха. Славянский текст жития, особенно раннее “Убиение Вячеслава” (возникшее в 930-х годах), оказал немалое влияние на тексты, повествующие о мученической смерти свв. Бориса и Глеба. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие жития свв. Вячеслава и Людмилы Чешских, вошедшие в состав Пролога. Особая редакция “Убиения” (так называемая, Минейная – ок. первой трети XVI в.), широко известна в русской рукописной традиции XVI–XVII вв.

Перевод сделан по изд.: PL 135, 923–942.

Житие св. Венцеслава, герцога Богемского

Начинается пролог Гумпольда, епископа Мантуанского

Многообразные роды ученых занятий всякому человеку дают возможность развивать свои врожденные способности, среди которых этот род², поскольку опирается на разум, превосходит все прочие внутренней силой воображения, – благодаря природе, или еще и усердию; и он также позволяет с радостью познавать вещи, даже подвластные лишь чувственным ощущениям, и приспособлять их к желаниям человека, чтобы с приятностью ими воспользоваться. Так один, поскольку он благоразумен, презрев театральное представление тленного мира, устремлен к вышнему, а другой, восплаив стремлением к вещам суетным и преходящим, жаждет высоких наград и почестей. Одного юный возраст нередко соблазняет переступить границу дозволенного, а другого, прожившего долгую жизнь, хладная старость приучает к суровым и спасительным нравам. Этот снискивает желанную хвалу и славу смелостью и военным умением, тот освобождается от праздности и проявляет природную тонкость ума, прикладывая свои усилия к различным видам искусства. Некоторые же, исследуя глубины наук и благодаря дивным красотам красноречия предаваясь досугу, достойному свободного человека, погружаются в размышления о том, в каком порядке ходят движимые светила или как располагаются недвижимые; каков или какой протяженности ход земного круга и как неким, словно бы невидимым расчетом, при помощи математических формул, достигается точность этих вычислений; либо как выражаются через число количество и плотность [матери]; либо в каком соотношении созвучий рождается песня; либо со всем старанием и научной точностью

Инициал с изображением св. Венцеслава. XI в.
Geoffrey Barraclough. The Crucible of Europe.
Berkeley and Los Angeles, 1976. P. 155

пытаются понять, каким образом в споре обсуждение разных мнений приближается к различению правды и лжи в их сложном и глубоком смещении. Другие же увлечены стихотворством и, предаваясь поэтическим забавам, тратят свои высокие дарования на болтовню о разном вздоре. Однако по легкомыслию и пагубному небрежению своему, увеселяясь разными баснями, они не стыдятся утаивать истинную славу достопамятных деяний святых Божиих, которая по благоволению небесному столько раз являлась людским взорам. И если высокие философские вопросы отвлекают таких мудрецов от простых сочинений, излагающих по порядку события, то не удивительно, что многие из них, с большим увлечением изучающие творения языческих авторов, поставили на второе место не только то, что должно быть известно всем для прославления Бога в деяниях святых и сообщено будущим поколениям в записанных свидетельствах, но они также совсем отбросили, словно бесполезное, все Божественное, то, что дарует наибольшую радость благочестивому уму, ибо это, как им кажется, лишено сложности и совершенно понятно.

Наконец, хотя в этом случае, как многие полагают, бегло описываются дела человеческие, а тонкость ума возвышенных риториков должна быть направлена к предметам более высоким, тем не менее мы, будучи весьма далеки от учености и красноречия людей мудрых, взялись составить небольшое собрание заметок, даже если изложение их не лишено будет ошибок, по священному желанию победоносного императора августа Оттона второго³. Несмотря на нашу простоту и неумелость, на нас была им возложена обязанность сделать известным имя достопамятного мужа и поведать о его выдающихся делах, что и будет ниже изложено. Пусть же сам предмет окажется важнее последующего повествования, которое настолько умалено недостатками пишущего, насколько ярко украшено высоким достоинством святого, указавшего священной властью причину наших трудов.

Оканчивается пролог

1. После того, как решительная и достойная твердость последователей веры католической в защиту тайны нераздельной Троицы выкорчевало тернистые ростки губительной ереси, свыше полились животворные лучи истинного учения и, распространяясь по всему миру, разогнали мрачный туман заблуждения, осветив повсюду, по воле Божией, своим сиянием разные земли. Но поскольку при возрастании спасительной веры, в чем начало ее законной силы было заложено прежде всего членами Церкви, благодаря распространявшемуся все шире блеску учености богословов прошлых времен в изучении и толковании спасительного Писания, нам со всей очевидностью понятно, что написанное в книгах и, несомненно, непреложно сказанное для будущих поколений верных остается незыблимо. Однако несмотря на то что многие народы после различных уклонений и долгого блуждания по окольным тропам были выведены, наконец, святым Провидением на прямую и верную дорогу, еще не все в мире племена, хотя все были изначально к тому пре-

допределены, равно обрели дар этой благодати. Но по управлению небесного Величия, при том, что поражение диавола становилось все очевиднее, благодать Божия распространялась все успешнее и все шире, достигая самых дальних краев земли. Один из таких краев, который населяли славяне, следует нам обозреть, описав просто и без прикрас. Северная сторона, которая сурова была более других земель, а также позже других приняла веру, открыта нашим устремлениям; так согласиём и любовью Самого Духа Святого была земля эта удостоена, хотя и поздним, однако блаженным обращением, принять исповедание христианской веры.

2. Имя той земли было, как ее называли сами жители, Богемия⁴; во времена блаженной памяти преславнейшего короля Генриха⁵ ею управлял Зпуйтигнев⁶, наиболее знатный из местных уроженцев и к тому же влиятельный. Находясь под владычеством короля, он был верховным правителем этого края, когда же он проникся сладостным стремлением к почитанию Бога, то пожелал возродиться посредством таинства святой купели, очистился крещением и, горя новыми устремлениями, выстроил дома Божии для достойного почитания преблаженнейшей Богородицы Марии и святого князя апостолов, и в дальнейшем не проходило года, чтобы, по воле Божией, не воссияли там бесчисленные чудеса.

3. Между тем, когда, подчинившись природному закону, окончились дни его достохвальной жизни, ставшей примером славных деяний, верховную власть принял его младший брат, Вратислав⁷, избранный по общему согласию. Следуя вере брата и исповедуя истинную веру христианскую, он воздвиг Богу базилику в честь победоносного атлета Божия мученика Георгия. Когда же прошло много времени и Вратислав, по естеству человеческому скончался, он оставил наследником своего потомка, хвалы которому усиливали среди людей великое восхищение им, старшего из других сыновей, как рождением, так и по делам своим большего, возлюбленного Богом Венцеслава, который еще более пылко стремился к горнему.

4. Отец его еще был жив, когда Венцеслав, отрок высокородный и от природы способный, достигнув возраста цветущей юности, пожелал, чтобы его обучали разным наукам, о чем часто и настойчиво просил отца; и после переезда в город Бунсза⁸ он там был определен в учение. Таким образом одаренный свыше острым умом, он быстро все схватывал, и после недолгих занятий изучил Псалтырь и другие многие книги Божественные⁹, накрепко запечатлев все в глубинах своей памяти. Тем временем отец его, как уже было сказано, пошел путем всея плоти, и Венцеслав, сам еще юноша, но подающий в делах своих пример, достойный мудрости старцев, блистая под светлейшей властью короля Оттона, был по общему желанию племен избран преемником отцовской власти и, несмотря на его решительные возражения, был возведен на княжеский престол.

5. Поскольку тогда, когда юный властителя принял земную власть, при всей тяготе и разнообразии его обязанностей лучшие свойства души у него лишь воз-

Изображение св. Венцеслава на динарии князя Ольдржиха (1012–1034 гг.). Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 225

растали, то не следует удивляться, что на первое место перед всем прочим он ставил обеты небесные, не забывая о них в благочестии ума; ибо, хотя он обязался печься об общественной пользе подданных своих, предавался он, как и привык с детства, пресладкому служению Богу и не пренебрегал им, несмотря на свое высокое мирское достоинство. Хотя он опасался, что преступление вверенного ему народа не может быть иначе искуплено, кроме как строгим исполнением гражданского закона, тем не менее он недолго находился в колебании и проныцательно избрал трудную узкую стезю: так что и не оставлял заботу о мирских делах, и не боялся, что в будущем оставит в пренебрежении вышнее – то, к чему должно стремиться. Он правил, издавая своей княжеской волей законы и постановления на благо как граждан, так и дружины, стара-

раясь учесть нужды их. Был он осторожен в решениях и готов сострадать всякому; скорее склонен уменьшить, а не ужесточать наказания в чем-либо провинившимся; прост в домашнем быту, светел чистотой обычаев; ответы просителям не задерживал и обещанное честно исполнял; часто с радостью предпочитал обществу более знатных людей сельскую простоту бедных жителей; сирых и неимущих утешал, словно отец, и поддерживал, а равно и изгнанников, живущих вдали от родных, – всегда и во всем он отличался удивительным сиянием любви. Скромный во всех делах своих, правитель невероятно терпеливый, среди неудач и во всех делах осмотрительный; щедрейший раздаятель пропитания для бедняков в их плачевной нужде; исполненный мира и кротчайшего смирения; строгий по большей части к самому себе, а к прочим всегда снисходительный – так, подавая всем незыблительный пример щедрости, сострадания, просвещая невежество одних, укрепляя знания у других, оставаясь для всех образцом, славно правил Венцеслав.

7. Юноша, исполненный Божественной благодати, с особой любовью воспринимал это заповедание и, если предвидел опасность, что кто-либо ему не будет следовать, старался по великой доброте своей оттягивать исполнение обвинительного приговора осужденным на смерть или добиваться помилования. И чтобы в дальнейшем не множились позорные напоминания о мучительных казнях в его земле, Венцеслав приказал снести все виселицы,

воздвигнутые во многих местах его королевства, и после не позволял заново их отстраивать. Преумножая все более и украшая с каждым днем высоту благих дел своих, уже для всех очевидных, он был всегда готов принять к себе клириков, приезжающих из всех областей земли, и с милосердной щедростью оказывать им благодеяния; и, служа ближнему, в согласии с Божественной любовью, которую имел всегда пред очами своими, обходился с заботой и благожелательством с теми, кто с особой радостью пользовался его гостеприимством. В частых беседах с клириками и рассуждениях о делах божественных, научался он многому, что воспринимал он чистым умом своим, и все более совершенствовался прежде всего в постижении Священных книг. Ведь (что еще раньше в нем замечали его наставники) все усвоенное он сам претворял в дела: так, сострадая бедственному положению каждого, он с любовью и утешением посещал больных и расслабленных, и даже нередко положенным обрядом хоронил казненных, поскольку менее благочестивые сограждане его не заботились об их погребении. Но народы, которые находились под управлением Венцеслава, склонны были к старому закону и древним обычаям и не тверды в еще неустоявшемся вероучении. Иногда юноша блаженных дарований видел самых знатных людей в нечестивых капищах, посвященных демонам, среди языческих алтарей и беснующейся толпы, которые в течение года нередко туда приходили для жертвоприношения чужим богам. Но сколь часто его ни приглашали для совместного поедания жертвенной пищи, он, желая прежде всего пира Небесного, не только отвергал недозволенные яства, но даже, сколь мог, всеми способами избегал нечестивого общества таких сотрапезников, пребывающих в скверне демонской. Однако, немало беспокоясь о них, впадших в губительное заблуждение, он, часто обращаясь к Писанию, помнил то, что предписано в словах апостола: “Носите бремена друг друга” [Гал 6, 2]; и потому в ласковых беседах постоянно убеждал некоторых из них, кто был более склонен идти по истинному пути к вышнему благу, отринуть идолов, образами которых они обманывались, и направить умы и обеты свои к сущности истинного и неизменного Божества, не умаляющегося и не возрастающего, всегда пребывающего, получая за то несчетные блага Высшего Милосердия. Других же, менее способных воспринимать его спасительные наставления, кто был более черств сердцем и более ленив умом, чтобы приблизиться к постижению истины, он, по увещанию апостольскому, в благоприятный момент наставлял в вере, а в неблагоприятный – выслушивал их ругань, но в обоих случаях получая награду за свои усилия. С огромным желанием стремился он всех, кого можно, убеждением либо принуждением, звать в свой дом к своей изобильной трапезе, тратя на то все свои средства, и после того, как все утоляли голод, предоставлял им насыщаться вечными радостями (в благочестивой беседе).

8. Помимо своих дивных деяний во время постов, исполненных дел милосердия, Венцеслав свой скромный образ жизни делал, как правило, еще более суровым, стремясь еще больше украсить свою всегда почтенную и благочес-

тивную жизнь, добавляя к поступкам глубокое и ясное понимание Божественного слова, ибо, как мы читаем, служение послушания Бог одобряет более, чем благочестивые жертвы. Поскольку, по установленному строгому закону в течение года один пост сменяет другой, то святой юноша, хотя мирские дела управления нередко тому препятствовали, достойным образом проводил эти дни, насколько мог, благочестиво: в неустанных молитвенных трудах и в распределении щедрой милостыни между бедными. Ночами же он пребывал в радостном бездремотном бдении: в ночной тишине около полуночи тайно, презрев покровы блистательного ложа, он поднимался с постели, тихо будил мальчика-постельничего, и, захватив небольшой молитвенник, потертый от частого употребления, незаметно для стражи уходил из дворца, босиком, в сопровождении лишь одного слуги и отправлялся бродить по крутым вершинам холмов и опасным лощинам, по каменистым тропам или по твердому щебню проселочных дорог, распевая непрерывно псалмы и молитвы, разыскивая и осматривая отдельно стоящие церкви. Так угнетая свою плоть, он страдал настолько, что нежные ступни его были изрезаны, и льющаяся кровь там и сям отличала его следы. Вернувшись же домой, скрывая таившееся в глубине его души, он снова облачался в княжеские одежды, и восседал на троне, но в это время целомудренная плоть под этими одеждами терзалась колким волосом власяницы.

Когда же приближалось время жатвы, в ночной тишине на маленьком поле он небольшим серпом срезал пучки пшеницы и, возложив тяжелый сноп себе на плечи, уносил его и прятал дома в углу. Обмолотив там же и перетерев между камнями пшеницу, тщательно просеяв и очистив ее собственными святыми руками от полевого сора, сбрызгивал затем ее ключевой водой, которую он сам при помощи одного лишь мальчика-слуги кувшином зачерпывал и освящал именем Троицы Истинной. Затем из комка, получившегося из той горсти муки, он собственным трудом вылеплял жертвенные хлебцы, чтобы их испечь и вручить священнослужителям. Но даже так Венцеслав сам перед собой не признавал, что делает достаточно для торжества миссы. Он с радостью выполнял послушание, о котором по внушению свыше он уже знал, что оно достойно хвалы большей, чем жертва. Когда сменялось время года и наступал сбор винограда, Венцеслав, послушный зову необычайного усердия своего в вере, ночью перелезал тайком через ограду виноградников вместе с верным слугой, наполнял тяжелыми виноградными гроздьями корзинки, висящие у них за спиною, и уносил в отдаленную комнатку дворца, в которую приходил специально, ради скрытой там своей славной добычи. Тогда, заперев накрепко двери этого небольшого покоя, Венцеслав в специальном сосуде растирал пестиком виноград своего невеликого урожая и, выжав свежий сок из сусла, приготавливал чистое вино, тщательно процеживая его чрез холщовый мешочек своими собственными руками непорочными, затем наливал в кувшин и снова прятал в тайное место, о чем знал лишь один его слуга. В удобный момент это вино вместе с литургическими хлебами, которые он

сам заранее выпек для торжества миссы, он раздавал среди клириков своей земли для причащения дивным Божественным тайнам. О нерасторжимые узы незыблемой веры, связавшие чистое сердце! О благочестивые дела преданного последователя послушания! О удивительное смирение властителя, не стыдящегося брать на себя служение рабов по внушению Божественной любви! Тот, кто высоким созерцанием ума настолько чтит небесное, досточтимое и спасительное приношение Тела и Крови, постигая тайну сию сокровенным зрением сердца, и столь возлюбил его в послушании своем, что не только лишь постоянством веры служил приношению Жертвы Небесной, очищающей греховную скверну, но и сам внешним обликом и поведением уподобился чистейшему Источнику, трудясь в поле, словно последний раб, и благодаря благочестивой щедрости по отношению к священнослужителям.

9. Мы полагаем, что было бы полезно не скрывать благое намерение любящих истину, ибо, по вполне достоверным словам некоторых людей, ученый юноша уже не раз свыше получал надежные знаки относительно будущих дел человеческих и, как мы узнали, предзнаменовал не раз новые и ужасные несчастья для веры своих близких. Пусть смиреннейшая преданность пишущего эти строки о том не умолчит, но упомянет славный и удивительный дар, воздавая хвалу столь многочисленным чудесам. Ибо однажды в полуночный час ему свыше было явлено видение: он оказался каким-то образом в палатах одного пресвитера, Павла¹⁰; это здание, украшенное красивыми и широкими переходами и портиками, пред светлейшим взором святого и исполненного Божественной благодати Венцеслава представилось в виде пустого здания с голыми, ничем не украшенными стенами, и лишенного каких-либо признаков человеческого обитания. Конечно, он сразу же пробудился от тяжелого сна, и то зрелище, что увидел он сердцем своим, побудило его встать и бодрствовать; тогда он сообщил, мудро рассуждая, некоторым людям о том, что ему было явлено. Он тотчас же предположил, что видел истинно то, что совершится в будущем, и обратился с пророческой речью к тем, кого созвал, рассказывая приблизительно так:

10. “Милые друзья, и вы, близкие слуги, когда я покоился на своем ложе, в ночной тиши подняло меня грозное и величественное видение; ибо я видел крытую галерею пресвитера Павла совершенно лишенной всего своего величия и пышности, присущей зданиям, и покинутой людьми. Такое зрелище повергло меня в печаль, и испугался я, и глубоко обеспокоился за верных Господу. Однако, уповаю на великую благость Судии всех, ибо обещано, что верующий все может; и чтобы изложить вам истинный смысл этого сна, так как беда эта уже приближается, я приступаю к его истолкованию и объяснению”.

11. “Ибо разрушение домов, которое мне было показано, предсказывает блаженную кончину моей бабки, святой и досточтимой госпожи Людмилы¹¹; а произойдет это по безумному сговору, конечно же, моей матери, язычницы как по рождению, так и по скверным своим делам, вместе с несколькими слу-

гами, также готовыми на преступление; и вскорости поразит ее тайно оружие нечестивцев, и она претерпит жестокое страдание плоти за христианское имя и исповедание веры. А видение огромной безлюдной галереи предуготовляет клиру, окруженному нашей защитой, изгнание из государства и незаслуженную потерю всего состояния. В самом деле, моя родительница, достойная недоброй памяти, замышляет жестоко изгнать из государства клириков различных чинов, лишив их мирского имущества, ибо они не отказываются разделять мой образ мыслей; гложет ее зависть и ненависть к животворящему учению, которое я, несмотря ни на что, не перестаю исповедовать, всем сердцем любить и впредь в любом другом месте буду следовать ему неотступно”.

12. Тот, кто понимает, что есть истина, не смущается нимало при таком предвидении и проницательном предсказании; как только появились признаки, подтверждающие толкование его видения – и об умерщвлении упомянутой госпожи и о долгом скитании клира по областям, сопредельным подчиненной ему земле, и более того, о его кротчайшем милосердии, а после его скорой смерти об их жестоком изгнании, – все вскоре, как известно, исполнилось именно в таком порядке. Конечно, когда прозорливость чистого юноши, отмеченная благодатью Духа, со всей ясностью таким образом проявила, что было глубоко скрыто в глубине его души, тогда не одобряющие веру его родители, были потрясены настолько, что немедленно втайне велели своим приближенным, кто сочувствовал их замыслам, чтобы те попытались наивернейшего приверженца Христова, ради государственной пользы, о которой он должен заботиться, хоть как то отвратить от его намерения еще более ревностно следовать небесному служению. Он же пребывал тверд под надежной защитой Небесного всеоружия и хотя, как казалось, чистый слух свой пред влиятельными людьми королевства склонял к бессмысленным поучениям своей родни, словно бы соглашаясь, но внутренним помышлением сердца был совершенно чужд их наставлениям и поступал совсем иначе. Ибо он лишь делал вид, будто бы уступает им из страха, свойственного людям, и значительно реже обычного посещал при стечении народа храмы Божии, однако дивная неизменность его поведения с очевидностью открывала то, что возлюбил он в глубине души. Ведь он, отложив попечение о мирском, двенадцать раз в день или более того прочитывал череду молитв и божественных молений, которые держал при себе записанными в маленькую книжечку, сохраняя ее в тайне, и с чистым усердием восхвалял Христа, несмотря на то что мог найти место для молитвы лишь в потаенном покое или тишине собственной опочивальни в неизменной веренице ночей и дней.

13. Тем временем прошел столь счастливый возраст юношества, и крепкий духом герцог достигнув полного возмужания, все более твердо отвергал пустые советы своих преследователей и сторонился их невежественного заблуждения и незнания истины. Однажды, когда во дворце собрались на совет воины и придворные, он обратился к ним со словами порицания: «О други,

и в особенности, вы, верные Христовы, поскольку когда-то давно моими родителями была на меня возложена обязанность обучиться словесности и я с жадностью все впитывал учение, среди прочих речений наставников я узнал и записал такие слова апостола: “Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое” [1 Кор 13, 11]. В этих словах я вижу себя самого, поскольку с самых ранних лет я, ничтожное творение, стремлюсь познать Творца всяческих, и предаваться служению Ему, но по смерти отца, как старший по рождению среди братьев, я еще отроком законным образом принял власть. Я привел в порядок, по воле Божией, государственные дела, и защитил отчизну от множества ее врагов; а вас, поскольку вам дела нет до познания вышней истины и сердца ваши бездействуют, остаетесь по вере мне чуждыми и всего более в намерениях ваших, показывающих всю вашу неправду, я терплю уже долго. Если в безопасности останется и жизнь моя и власть, я, отбросив неправды ваши, буду от них свободен. Ставши мужем в юности, я, по слову апостола, оставлю младенческое; и буду исполнять на деле предписания Господни, не слушая более ваших неправых советов и укрепляясь Вышней Милостью. Посему пусть замолкнут ваши перешептывания заговорческие против меня, пусть прекратятся обсуждения жестоких замыслов на общественных сборищах. Пусть любовь к миру восплает в государстве, в домах и на улицах. Пусть осуждением судьи не губятся любые предприятия. Пусть никто не дерзнет совершить убийства близких родственников, которыми вы нередко оскверняетесь. Если вы, из страха перед Вышним Царем, не прекратите следовать этому нечистому закону, то наш гнев, по ревности Божией, разгоревшийся на злодеев, казнит всякого, кто будет виновен в таком преступлении». По окончании столь замечательной речи, нечестивые участники заговора пошли по домам, исполненные страха, и, признав силу святого герцога, вынужденно оставили надменное превозношение ума, и хотя бы на некоторое время прекратили плести козни против мужа удивительной святости. Уже тогда, при Господнем попечении, под его рукой успокоились волнения варварских народов, и распространялась кафолическая вера, даруя радость. Храмы, посвященные почитанию Бога, которые ранее пришли в упадок и у неверных находились в пренебрежении, были укреплены и обновлены; клирики, лишенные родины и имущества, были призваны обратно с радушием и щедростью; и святой муж немедленно вознаградил их, не только вернув все отнятое имущество, но еще и приумножив множеством дарений, – и вся церковь в тех краях, превознесенная при столь великом властителе, возрадовалась. В это время многие священнослужители из провинции Баваров и Свевов, услышав славу о князе, стекались с мощами святых и с книгами к Венцеславу; он с радостью даровал им всем в изобилии золото и серебро, владения и облачения, смотря по тому, что кому было необходимо. Все эти наставники веры удивлялись его учености. Ибо Венцеслав мог стать подражателем Псалмопевца, который в духе сказал: “я стал разумнее всех

учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих” [Пс 119, 99]. У Псалмопевца лишь в сердце драгоценная жемчужина просияла, а ему Господь изволил сообщить такую благодать, чтобы и на поле боя он был победителем. Обликом он же был строен, целомудрен, так, что стремился радостным духом закончить жизнь в безбрачии. С кроткими он беседовал ласково, а тех, кого знал как строптивых и бездельников, всею душою избегал.

14. Наконец, когда слава о его добродетелях разнеслась по всей земле, благоденствие государства возрастало под заботливым управлением герцога, вооруженного Небесной благодатью. Но то, что прежде достигалось силой вышней любви, теперь устраивалось и всегда находилось под неусыпным надзором властителя. И хотя нередко вокруг него возникало, как и раньше, нестроение среди дворцовой знати, но Венцеслав, проницательным умом это видел и как ревностный молитвенник за себя и неверующий народ, решительный покровитель бедняков, благожелательный утешитель угнетаемых и печалующихся, помощник, уделяющий неожиданную щедроту тем, кого он к себе привлекал, он не отступал и никакие трудности в делах мирских не могли ему в том воспрепятствовать.

15. Но коварный замысел, по хитрому наущению мерзейшего врага человеческого, при любой возможности, умертвить Венцеслава, нимало не замедлил. Брат его Болеслав¹², возрастом младший, достойный проклятия из-за испорченности ума и своих дел, подстрекаемый диаволом, исполненный нечестивой злобы и ярости против мужа Божия, желая силой отнять царство из рук брата, попытался при помощи дерзкого беззаконного заговора придворных сколь можно шире раскинуть для него сети погибели. Но известно, что это дело, впоследствии, однако, совершившееся, предопределением свыше в то время было отсрочено. По прошествии уже небольшого времени муж, возлюбленный Богом, торжественно пообещал исполнить задуманное по спасительному обету, а именно: возвести, если Бог даст, церковь, при помощи лучших зодчих, и освятить ее в честь Христа и Его победоносного атлета мученика Вита¹³. Без промедления он усердно и ревностно принялся за дело, и горя желанием скорее приступить к замыслу своему, отправил посольство в Ратисбон¹⁴, место пребывания короля, чтобы обратиться к епископу Тутону¹⁵, мужу, отличающемуся честностью нрава, в диоцезу которого входила вся Богемия, с настойчивой просьбой и мольбой о том, чтобы своей властью и одобрением он благословил этот труд во славу Бога.

16. Когда в согласии с обетом блаженного герцога епископ дал разрешение и с любовью отпустил назад послов, Венцеслав быстро приказывает созвать мастеров; горит дело, спорится спешная работа, украшается церковь последней отделкой, дивным блеском металлов убранная. Пригласив уже названного епископа, храм освящают в честь святого мученика Вита¹⁶. Епископ Тутон распростер свои руки в молитве ко Господу, призывая благословение, и говорит: “Идите, расскажите сыну моему Венцеславу: “Прекрасно выстроенная Церковь твоя уже известна перед Господом Богом”. И когда по

приказу епископа было это сказано герцогу, он весьма возрадовался и, созвав всех, с Божией помощью сам, приступив, торжественным чином утвердил храм во имя святого Вита, и там же просияли премногие знаменья чудес, совершаемых силой Божией для людей даже и до сего дня. Но глубина души, жаждущей праведности Божией, еще не наполнилась; муж неocenимых заслуг, избранник Божий Венцеслав сильным желанием внутреннего горения стремился отказаться от знаков земной почести, которые, как он знал, хрупки, ибо зависят от случая. Он подумывал добровольно передать власти брата кормило правления, а также хотел дойти до апостольских порогов Рима, чтобы помолиться под священной властью господина апостолического, отложить мирское и облачиться в монашеское платье и узреть конец сей временной жизни в монашеском житии. Но по предвидению щедрейшего Воздаятеля, всегда прославляющего Своих верных воздаянием, равным их заслугам, удостоен был этот общник небесных пребывать в больших бранях, чтобы после славных побед в них он стяжал и более славную награду.

17. Поскольку неукротимое желание брата его, Болеслава, любимым способом добиться власти возгорелось против святого Божия, и он посредством разнообразных уловок и хитростей его задерживал, то Венцеславу не удалось отправиться в путешествие в Рим, которое он собирался предпринять; а в укромных уголках дворца сгустился обычный сговор языческого народа, и зависть самого брата возгоралась больше и больше, ибо диавол предоставлял для того дополнительные поводы. Однако жестокость всех заговорщиков, замышляющих тайное убийство святейшего мужа не могла ускорить блаженный день грядущей победы прежде Божия определения. Поскольку, казалось, что его брату, Болеславу, не терпелось заглазить свое злоумышление против Венцеслава, то он не должен был преследовать его долее и прекратил строить козни для его гибели, но на самом деле злодей ждал момента, чтобы удалось одно покушение, более прочих подходящее, которое он с особой осторожностью замыслил совершить. Ибо коварно спрятав все оружие в складках одежд, и изобразив мир, пред братом изображал будто бы истинную любовь тот, кто искал удобного случая ему как можно больше навредить.

18. Перед наступлением какого-то радостного праздничного дня¹⁷, Болеслав, этот несчастный друг коварства, как можно более старательно украсил свой дом, засиявший множеством украшений, которые только были в обычае у этого народа; велел, чтобы служители приготовили пиршественную трапезу более обильной, чем обычно; созвал под предлогом праздничного веселья друзей и прежде прочих пригласил самого властителя, которого, придя во дворец, он умолял удостоить своим присутствием братний пир. Венцеслав, достойный Божией милости, весьма обрадовался его кротости, хотя и ложной, и, взяв друг друга за руки, они вошли в дом. Все располагаются за пиршественным столом. И через некоторое время, когда многие опьянели, один из жестоких сотрапезников, не будучи в состоянии долго скрывать подстроенный обман, начал подстрекать их на словно бы единодушное убийство свя-

того мужа. Так как злоумышленники, ибо кинжалы уже были скрыты под их одеждой, трижды поднимались и трижды снова в расслаблении валились на свои сидения, будто совсем потеряли силы и отвагу, то отпустили Венцлава невредимым, ибо еще не пришел определенный ему свыше час страдания. Венцеслав же, или не зная об этом деле, или не страшась опасности, уповая духом на Божественную защиту, хотя шепнул на ухо предостережение одному слуге, ибо заранее готовился к тому, что они что-то против него предпримут, но не двинулся с кресла и, ведя себя, как благодарный гость, с любовью попросил брата и прочих, сидевших с ним, чтобы они веселились. И немного позже, когда был убран стол, Венцеслав встал и, наполнив чашу вином, обратился ко всем присутствующим с ласковым приветственным словом: “Да спасет вас Спаситель всех Христос! Да не побрезгует никто из вас выпить чашу, которую я держу в руке, за любовь к святому архангелу Михаилу; почтя, по возможности, этой любовью глубину его духовности, от всего сердца помолимся, чтобы, в какой бы час закон естества ни привел бы нас к концу, он изволил бы стать быстрым в помощи покровителем наших душ и милосердным провожатым к радостям рая!” – и тотчас же после речи выпил, радостный, подавая с той же любовью кубки каждому по отдельности с дружественным поцелуем. Так неустрашимый Венцеслав, попировав столь достойно, снова воротился домой невредимым, поскольку по Божественному повелению дело откладывалось.

19. В течение следующей ночь Венцеслав невероятно усердно трудился в молитвах и милостыне; зная будущее, он провел ночь исполненный благочестия и готовый принять смерть за Христа. Когда же рассвело и наступила служба утрени, он, положив на себя крестное знамение, не медля, как уже привык, быстро встал с ложа и поспешил в церковь; он вознес Богу вечернюю песнь и утренние хвалы; после многих молитв направился домой, чтобы ненадолго прилечь и освежить утомленные члены. Уже занималась заря, когда Болеслав, недоброй памяти брат святого мужа, виновник преступления, не забывая, что он ранее уже тайно поднимал оружие против невинного, выскочил из ниши, где он прятался вместе с несколькими соучастниками этого преступления, – словно волк, в бешенстве бросающийся на агнца, чтобы разорвать его, – и сам, вооруженный мечом, встал у безоружного мужа на пути. Святой же, приветствуя его, кротко и благожелательно к нему обратился: “Здравствуй, возлюбленный брат! Мы приносим благодарность твоей неизмеримой любви, ибо ты вчера хорошо и весьма приятно услужил нам достойно устроенным пиром!” Не отвечая на ласковое обращение, этот страшный злодей быстро вытащил меч и изо всей силы ударил святого по голове, со словами: “Я приготовлю тебе сегодня лучший пир!” Но меч отскочил и даже не оставил следа от удара, тогда Болеслав ударил снова. И опять не нанес никакого вреда, тогда хотел он уже бить в третий раз, но как только замахнулся, меч выпал из руки устрешенного воина. Венцеслав поймал меч за рукоять и подняв над головой преступного брата, уже безоружного, сказал: “Разве не

Убийство св. Венцеслава.

Манускрипт "Житие св. Венцеслава" Гумпольда, нач. XI в.

Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study. Part 2. L., 1999. P. 173

видишь, злосчастный, что против тебя могла бы обернуться твоя жестокость? Ну! Я ведь не стану виновником пролития крови братней. Но не хочу отвечать на последнем суде за кровь брата, пролитую моей рукою. Бери меч, ускори казнь. Чему должно свершиться, пусть не замедлит¹⁸». Нечестивый брат вновь схватил оружие и громко закричал, словно бы испугался нападавшего, стал звать на помощь своих приспешников, притворившись, что ранен, потому что брат якобы первым напал на него. Они сразу же прибежали на зов и стали спрашивать, в чем дело, будто не знали ничего о замысленном преступлении, и видят своего господина в ярости. И тогда, когда нанесли уже в четвертый раз удар по его святой голове, как если бы он сам был виновник преступления, он был повержен; сразу же все они набросились и пронзили во многих местах его тело копьями и мечами. Израненный и полуживой он упал на землю. Они вновь и вновь жестоко пронзают тело его; льется кровь невинная; тело беспорочное уже и не различить, будто его рвут на части собаки. Святейшая душа, освобожденная из затвора плотского жилища чрез столь великие мучения от ран, в славной победе своей была подхвачена руками ангелов, чтобы она могла с радостью увидеть лик Вышнего Воздаятеля и воссесть в вечности среди чинов славных мучеников, и в четвертый день октябрьских календ навечно вошла в радостную общность Небесного Царства.

20. Когда клирики отслужили погребальную службу по князю Венцеславу, немногие из верующих, присутствовавшие там, похоронили священные останки, с почтением заключив их в саркофаг, около церкви рядом с местом борения. Когда же после этого на престол вступил герцог Болеслав, человек безмерной испорченности, его неумная жестокость обратилась на стадо верных. Через некоторое время после убийства блаженного мужа, Болеслав, пока еще наслаждался жизнью, осудил на смерть клириков и тех людей, которые были друзьями Венцеслава, а также и тех, кто был с ним близко связан, служа ему.

21. Когда досточтимое страдание крепчайшего атлета Божия совершилось, служители, получили приказание и, смывая водой, начисто оттерли кровь, которая была разбрызгана по доскам церкви в самый час мученичества. На следующий день, придя туда, они увидели, что кровь покрывала стену не меньше, чем сначала и что она оказалась разлитой на том же самом месте. Немало уstraшенные этим видением, они, снова принесли воду и гораздо более усердно и решительно принялись смывать ее. А назавтра, чтобы удостовериться, не обманываются ли они и до сих пор, служители пришли снова и признали, что стена не менее, чем раньше, окрашена кровью, хотя, как казалось, была трижды вымыта. Они весьма удивлялись этому и после того перестали ее отмывать, и так до сего дня сама стена, окропленная этой же кровью, сияет как достопочитаемое знамение.

22. Как нам открывалось в достоверных рассказах, после победы стойкого атлета Христова все, кто пролил его невинную кровь, были поражены вышним гневом: либо, попав во власть демонов, они после не входили в отношения с людьми; либо, поскольку их природа из-за преступлений перемени-

нилась, могли только лаять как собаки, а не говорить, как люди, лязгая притом и скрежеща зубами, словно кусаясь; либо, иссушенные мучительной сухоткой тела и даже полностью лишившись слуха, закончили жизнь, прежде всего ненавистную для них самих.

23. Когда досточтимое тело Венцеслава покоилось в этом же месте уже в течение трех лет, неким верным христианам ночью было явлено видение, что, по попущению Господню, останки его надо перенести к церкви св. мученика Вита, которую построил еще сам Венцеслав, чтобы похоронить их более благочестивым погребением. Пробудившись ото сна, эти люди поверили сну и, хотя страшились самовластия правителя, тем не менее ночью, около полуночи, разрыли могилу и, весьма испуганные, осторожно возложили на повозку драгоценный залог мученика, не открывая саркофага, привязали его и пустились в путь. Скоро они дошли до глубокой реки, по которой животные, везущие повозку не могли идти вброд, и на обоих берегах не было ни пристаней, ни лодок, чтобы чрез нее переправиться. Они остановились, оглядываясь. Мост уже, разломанный бурным течением, разрушился; бревна для его починки не нашли. Что же им было делать? Во время как они пребывали в этом затруднении, внезапно, подняв взгляды, увидели: вот, удивительной силой Божией повозка стоит на противоположном берегу, ничуть не намокшая от воды. Приведенные этим чудом в изрядное недоумение, они, переплыв через реку на лошадях, сопроводили повозку, отягощенную святым грузом, к месту, куда направлялись, быстро устремились с саркофагом к церкви и, воздав Богу хвалы, вошли внутрь. Затем, тщательно заперев двери и излив искренние молитвы, они открывают саркофаг – и вот, видят тело блаженного князя, плоть которого до сих пор не тронута тлением, целым и невредимым; отстались лишь следы от всех ран, кроме одной, нанесенной мечом брата, которая была открытой, и из нее, как было видно, сочилась кровь. И тогда, сопровождении толпы верных и при пении гимнов клириками они погребли снова драгоценные мощи при самом подступе к алтарю, что бы все и всегда могли чтить память святого. И там многократно проявилось всемогущество Божие благодаря бесчисленным знамениям и чудесам, по заслугам великого мужа явленным, множество раз вызывая у верных блаженное ликование и у неверных страх. Время сего переноса мощей отмечено под 4 нонами марта¹⁹ для почитания. Что касается чудес, прославившихся по всему миру, которые Божественное Милосердие чрез заслуги святого Венцеслава позже удостоило совершиться, то нам кажется вполне подобающим прервать наше повествование для краткого о них рассказа.

24. Однажды каких-то людей, привели после осуждения во дворец для определения им наказания, и по приказу властителя заключили в тюрьму. Там лежало много людей, закованных в деревянные колодки, и у каждого на шее был железный хомут. В середине ночи, ибо им, измученным гнетом ручных и ножных кандалов, было невозможно заснуть, они все вместе, когда стражник немного задремал, исторгли из сердца горький плач и взмолились с ры-

даниями: “О Высший Утешитель плачущих Бог, Дивный Создатель земли и неба, призри на нас, на смерть обреченных, и заступничеством возлюбленного Твоего воина Венцеслава, который всегда, еще в мире живя, ради имени Твоего был добросердечный защитник несчастным, удостой нас, несчастнейших, избавления от приближающейся казни”. Когда молитва была произнесена, средняя часть темницы, в которой стояли стерегущие их стражи, внезапно вся скрылась, будто в густом тумане, и когда внутри того тумана погасли горящие светильники стражников, прочая часть, в которой лежали скованные узники, словно бы осветилась ярким солнцем. И вот, внезапно голос, как должно верить, с неба, загремел в ушах скованных узников, и повелел, чтобы они поднялись. Они, ошеломленные как ужасом, так и ликованием, молча зашевелились, и тут же упали оковы, разбившись на части, освободив им руки и ноги; и, когда дверь по Божей воле отворилась, они радостные выбежали из темницы. Так, по изволению Божию, освободившись, они передавали из уст в уста среди людей хвалу Христу и святому Его мученику Венцеславу и, неизменно веруя и удивляясь, удивительную безмерность его чудес со всей решительностью повсюду подтверждали.

25. Один язычник, который находился в той же темнице, увидев это чудо, дал обет Господу, говоря: “Если Бог поможет мне по заслугам блаженного Венцеслава, уверую во Христа и отдам сына своего Ему на служение”. Тотчас же все железные оковы упали с него; его вновь и вновь заковывали еще более крепко, и ножные кандалы спадали опять, как и прежде. Он был немедленно отпущен на свободу и, наставленный в святой вере, крестился, прожив после того много лет.

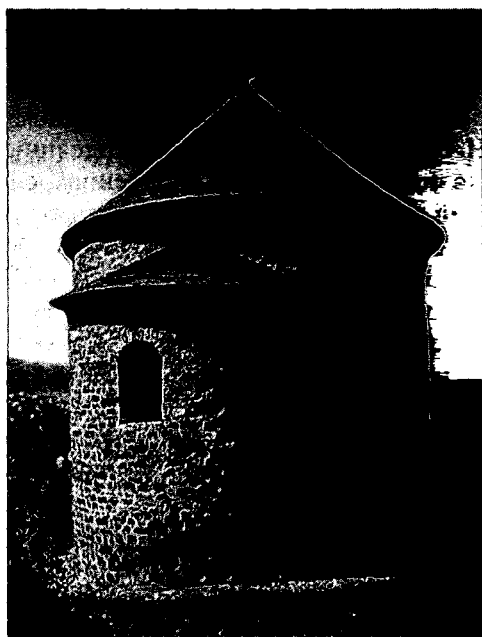
26. За этим чудом последовало еще одно, не меньшее. Святой муж Венцеслав, еще живя в мире, весьма любил некоего юношу, постельничего по имени Подхивен, который был предан князю более, чем прочие слуги, и более других посвящен в тайны князя (о нем уже упоминалось выше). Лишившись горячо любимого господина, он, печальный, целыми днями горевал и не меньше распространял среди многих людей, хваля святого князя, многие примеры его деяний, о которых сам знал. Узнав об этом, жестокий властитель возгорелся неистовым гневом и тотчас же приказал казнить его через повешение. И у повешенного, как свидетельствуют слова достойных мужей, через два года обнаружилось, что на его голове стала появляться седина и его волосы побелели таким же образом, как на голове у живых и здоровых людей.

27. Тем временем один человек, по суровому приговору был заключен в тюрьму и на следующий день должен был быть казнен; его заперли в темнице и гораздо более крепко сковали, ибо прежние заключенные смогли освободиться. Он также, горько плача, искренними молитвами стал призывать себе на помощь святого Божия Венцеслава: “Святой мученик Божий, если ты можешь, как говорят люди, получить такое у Бога Всевышнего, то вступишь за меня, которому должно умереть, чтобы, освободившись по твоим молитвам, я, несчастный, ныне прожил немного подольше для того, чтобы очистить-

ся от совершенных преступлений”. И тотчас же, как была произнесена молитва, немедленно разломились оковы, и он был, по благодати Божей, освобожден из темницы, а стражи этого и не заметили; но, снаружи темницы он попался вновь в руки разбойников-язычников, они крепко связали его, долго в оковах перевозили, чтобы получить выкуп, который за него могли выручить; тогда он повторил прежнюю молитву, и сердца язычников смягчились. Таким образом он, снова освобожденный, по землям идя, умножал хвалы Богу и блаженному герцогу. После властитель приказал заключить в темницу также и другого человека, и тот с вздыханиями часто призывал Господа, говоря: “Господи Боже, ради заслуг блаженного Венцеслава, помоги мне”. И когда он заснул, вдруг пробудившись, увидел, что он стоит вне темницы на улице, и на ногах и на руках его не было кандалов, а на шее не было ошейника. И, придя к епископу, он рассказал, каким удивительным образом был изведен из темницы силой Божией.

28. Рассказывают, что в том же городе, где покоились святые мощи, жила некая женщина, лишенная зрения, у которой с самого рождения были еще скрючены и изогнуты руки, так что она не могла пользоваться ими, как свойственно человеческой природе. Когда в течение года вновь наступил праздничный день, она вошла в церковь святого мученика Вита и пожелала, чтобы ее подвели к гробнице блаженного Венцеслава; там она, простершись, молилась и весьма долго с плачем усердствовала в мольбах до тех пор, пока, по заслугам святого мужа, чему все были свидетелями, она не была одарена зрением, и ее руки не вернулись в нормальное положение.

29. После также некий муж был схвачен теми, кому он был должен изрядное количество денег, одолжив их по договору; повязав его, они долго держали в оковах, чтобы он заплатил долг. Но так как люди те были заняты разными другими делами, то идя куда-то через город в другое место, они на время оставили его лежать связанным под открытым небом около дороги рядом с церковью. Он, стесненный в движении, лишь поднял руку к церковной двери

Храм св. Петра в Пльзене. 2-я пол. X в.
Христианство в странах Восточной,
Юго-Восточной
и Центральной Европы
на пороге второго тысячелетия.
М., 2002. Цв. вклейка. Илл. 1

и молился таким образом: “О кротчайший герцог и святейший мученик, в то время как твоя святость исторгла уже многих из рук нечестивцев посредством заступничества перед Великим Богом, я, несчастный, умоляю, не забудь меня, связанного, но по своему обычному милосердию освободи меня отсюда”. И тотчас же, по Божию благодению, внезапно распались узы, рассеченные молитвами блаженного мученика, словно железным мечом, и он вошел в Божий храм, чтобы вознести благодарение, и произнес молитвы Богу и святым мученикам, возвратился домой свободным.

30. В области франков был некий муж, лишенный уже с самого детства способности ходить, который из-за такого нарушения своего естества не способен был идти ногами, но, подтягиваясь, передвигался по земле ползком. Однажды ночью во сне он испытал трепет от видения, ибо муж удивительной красоты, облаченный в белые одежды, встав около его жалкого ложа, разбудил увечного и посоветовал ему средство к излечению, говоря: “Поднимись, о бедняк, каким только можешь способом, и поспеши в Прагу, город Богемский, хотя бы и все имущество свое отдав за повозку, чтобы тебя отвезли; поезжай, и, прибыв в этот город, войди в церковь святого мученика Вита, где покоятся святые мощи мученика Венцеслава; и, сотворив там молитву, вне всякого сомнения, получишь ты здоровье возможность ходить”. Увечный же, проснувшись, пренебрег этим повелением, поскольку был уверен, что обманут сном, и совсем не спешил отправиться в предписанное ему путешествие. Следующей же ночью отдыхая на ложе, бедняк вновь видит почтенного мужа, стоящего у ложа в великой славе, и сей муж, обличая его, говорит: “Любезный бедняк, пробудись от сна и признай истинное предзнаменование того видения. Откуда у тебя, несчастного, такое пренебрежение к тому, что тебе должно исцелить немощное тело? Почему ты отложил путь к собственному выздоровлению, назначенный тебе прежде, когда я посетил тебя в видении?”. Пробудившись от таких суровых упреков, увечный уже не сомневался в истинности услышанного и ответил: “Не замедлю уехать, о, милостивый и досточтимый господин!”. И когда наступило утро, как можно быстрее была приготовлена повозка; и, заплатив, сколько нужно было, купцам, направляющимся по той же дороге, он быстро прибыл к назначенному месту. И согласно увещанию явившегося ему во сне мужа, его, бессильного, поскольку он не мог ходить, на руках внесли в церковь святого мученика Вита, в которой покоились блаженные мощи (Венцеслава). Простершись на земле перед алтарем, он искренне помолился Богу и святым. Не замедлила помощь Божественной силы, и, благодаря достойным удивления заслугам блаженного Венцеслава, сухожилия ног, прежде сжатые, словно бы с треском, растянулись, колени и ступни окрепли. По Божьей благодати он поднялся здоровым и, принеся благодарение за излечение и возможность твердо стоять на ногах и ходить, вышел из церкви, полный сил и без какой-либо опоры, и возвратился на родину, ликуя и повсюду проповедуя Божии чудеса.

Оканчивается Страдание святого Венцеслава.

¹ См. “Житие Алексия, человека Божия” наст. изд.

² То есть литературные занятия как род “ученых занятий”.

³ *Оттон II* (955–983) – император Священной Римской империи из династии Оттонов.

⁴ Чехия.

⁵ Король Генрих I Немецкий (ум. в 936 г.).

⁶ *Сбигнев I* – сын Боривоя I (870–895) и св. Людмилы (ок. 866–927), правил в 895–912 гг.

⁷ *Вратислав I* – сын Боривоя из рода Пржемысловичей и св. Людмилы, обращенных в христианство св. Мефодием, просветителем славян, правил в 912–921 гг.

⁸ Ныне г. Будеч, к западу от Праги.

⁹ Одна из рукописей добавляет в этом месте: “у некого досточтимого пресвитера по имени Уцен”.

¹⁰ Павел был наставником св. Венцеслава и учеником св. Мефодия.

¹¹ *Св. мученица Людмила, княгиня Чешская*, (ок. 866–927) – воспитательница внука св. Венцеслава. Задушена по приказу Драгомиры, ее невестки-язычницы.

¹² *Болеслав I* по прозвищу Грозный, или Жестокий, правил в 935–972 гг.

¹³ Св. мученик Вит (ум. ок. 303 г.). Память 15 июня.

¹⁴ Ныне Регенсбург.

¹⁵ Епископ Регенсбургский в 894–942 гг.

¹⁶ В 926 г.

¹⁷ Болеслав пригласил брата в свою крепость Стара Болеслав, по одной версии, чтобы отпраздновать крещение новорожденного сына, по другой, на праздник Косьмы и Дамиана 27 сентября.

¹⁸ Аллюзия на слова Христа, сказанные Иуде Искариоту перед его предательством: “Что делаешь, делаешь скорее” (Ин 13, 27).

¹⁹ 17 марта.

Петр Дамиани

Петр Дамиани родился в 1007 г. в Равенне. Он был последним ребенком в знатной, но обедневшей семье, рано осиротел, остался на попечении старшего брата, который поручил ему пасти свиней. Уже мальчиком Петр отличался смирением и способностями к наукам, но не мог учиться, пока не вмешался другой из его старших братьев, Дамиан, равеннский протопресвитер. Дамиан забрал к себе младшего брата, и это событие полностью переменило жизнь Петра. По преданию, он был настолько благодарен брату, что взял себе его имя как второе. Петр учился в Равенне, затем в Фаэнце, завершил образование в Парме. Когда ему исполнилось 25 лет, он уже был знаменит в Парме и Равенне как преподаватель. Однако жизнь в миру с ее страстями и интригами заставила Петра задуматься о монашестве. Около 1035 г. он познакомился с двумя отшельниками из Фонте-Авеллана и, привлеченный их духовными беседами, решил присоединиться к ним. После сорокадневного затворничества Петр тайно покинул Равенну, пришел в Фонте-Авеллана, и, к его удивлению, ему сразу разрешили принять постриг. Молодой монах столь ревностно посвятил себя аскезе, что заболел, а, выздоравливая, посвящал все время изучению Писания. Когда он выздоровел окончательно, его послушанием стали духовные беседы с братией Фонте-Авеллана и соседних монастырей. В тече-

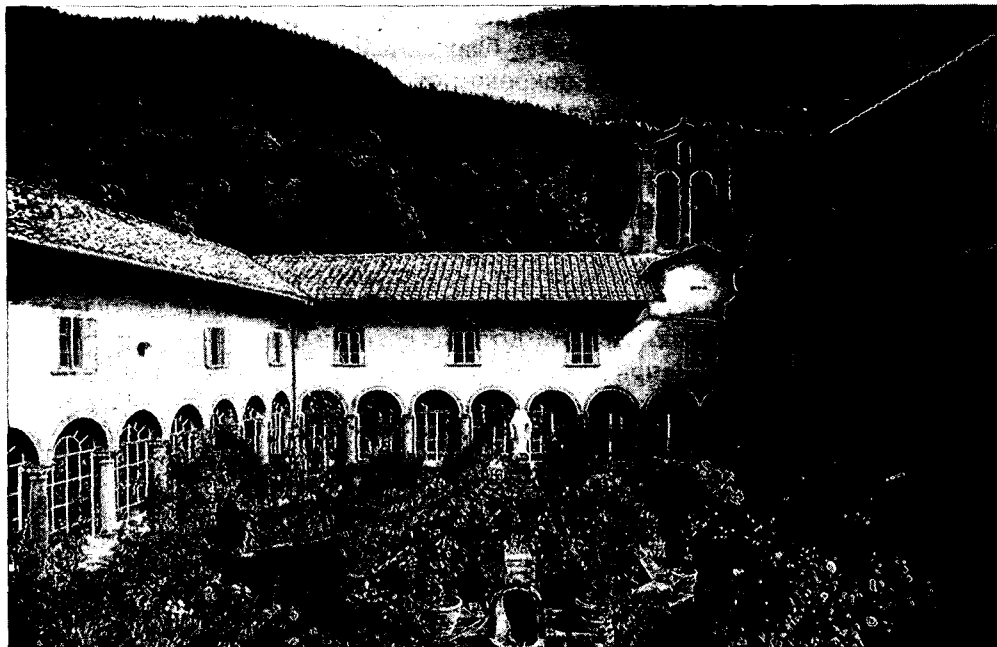
ние двух или трех лет Петр исполнял это послушание за пределами родного монастыря, в 1042 г. по просьбе братии монастыря Пьетрапертоза он составил “Житие св. Ромуальда”. Когда он возвратился в Фонте-Авеллана, он был назначен экономом монастыря, затем настоятель указал на него как на своего преемника. В 1043 г. Петр возглавил Фонте-Авеллана и оставался настоятелем этого монастыря до самой смерти (21 февраля 1072 г.). Хотя Петр Дамиани и предпочитал монастырское уединение, он принимал активное участие в церковной жизни. Он принимал участие в церковных соборах, стал, несмотря на свое великое нежелание, кардиналом, выполнял дипломатические поручения. Упоминание об отказе от кардинальского сана вместе с обращением к Гильдебранту как архидиакону может отнести это послание к периоду 1058–1067 гг. В ноябре 1057 г. Петр Дамиани стал кардиналом Остии и правителем диоцезы Губбио. С весны 1058 г. он не прекращает попыток снять с себя кардинальский сан, что удалось ему после долгих просьб только почти через десятилетие трудов на ниве церковной дипломатии. Петр, как и его друг Гильдебранд, позднее папа Григорий VII, был сторонником церковных реформ, выступал против симонии, церковных расколов.

Текст стихотворений, а также двух молитв (Богу Сыну и Святой Троице) приводится по изд.: “Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков”. М., 1972. С. 190–196. Перевод остальных произведений выполнен по изд.: PL 144, 205–497; 505–924; 953–1008; 145, 571–596.

*Житие св. Ромуальда¹, аввы и исповедника,
основателя Камальдоленской конгрегации²,
ордена св. Бенедикта*

Пролог

Со всей решительностью на тебя мы ропщем, нечистый мир, ибо есть у тебя несносная толпа глупых мудрецов, для тебя словоохотливых, для Бога безгласных. Есть у тебя те, кто чрез тщеславное красноречие и самоуверенную философию умеют надменно возносить себя на рогах гордыни, но нет у тебя тех, кто ради просвещения ближних и воспитания потомков желал бы писать памятные записки. Есть, говорю, у тебя те, кто в преториях судей может непрерывными речами подробно излагать тяжбы мирских дел и причины ссор, но нет у тебя тех, кто мог бы в Святой Церкви описать добродетели и славные деяния хотя бы одного святого. Значит, это такие мудрецы, что творят зло, добро же делать не умеют. Ведь со времени, когда блаженный Ромуальд, сложив бремя плоти, преселился в Царство вечное, прошло уже почти три пятилетия, и до сих пор не нашлось никого из мудрецов такого рода, кто бы составил, пусть кратко, последовательный рассказ из стольких великих деяний удивительной жизни его и удовлетворил бы неутолимую жажду благоговеющих верных и передал святой Церкви для чтения ради общественной

Монастырь Камальдоли.

Tuscany. Art and Architecture. Kōnemann, Tandem Verlag GmbH, 2005. P. 274

пользы. Нам же, живущим в тесном углу келейки, полезнее было бы, как мы и полагали, постоянно вызывать пред внутренним взором собственные грехи, чем соплетать историю чужой добродетели; более полезно оплакивать в потемках совершенные грехи, чем потемнять неучеными речами сияющие знамения святости. Ведь в самом деле, когда множество верных, сходясь к гробнице блаженного Ромуальда из отдаленных краев земли в течение всего года и, в особенности, на его праздник, желают узнать историю его жизни, но не могут ее послушать, так как таковой нет, то мы небеспричинно опасаемся, как бы молва о его известнейшем имени, которая до настоящего времени почерпается из уст всего народа, с течением времени не изгладилась бы совершенно из людской памяти.

Вот почему, побуждаемый этим страхом и просьбами многих братьев и побежденный братской любовью, приступлю я к описанию, и Бог мне в том порукой, обо всем, что я узнал о вышеназванном удивительном муже от выдающихся его учеников, – начало, ход и конец его жизни; так как я, бесспорно, неученый человек, то не историю пишу, но составляю нечто, подобное кратким памятным запискам, и попытаюсь набросать их, используя некоторые литературные приемы. Но прежде всего желаю, чтобы одно мой читатель знал, что не многие им сотворенные чудеса я соберу в этом небольшом со-

чинении, но попытаюсь, скорее, что касается построения рассказа, передать путь его обращения к Богу. Поскольку блаженный муж сохранял себя от пустой славы, ветром носимой, под покровом смирения, и старательно скрывал все, что могло показаться чудесным для взора человеческого. Однако даже если он и не совершал бы эти удивительные чудеса, не был бы достоин меньшего почитания, ведя жизнь, достойную удивления. Ибо и Предтеча Господень, больше которого не был никто из рожденных женами, как свидетельствует Сама Истина [Мф 11, 11], не творил чудес. Ведь некоторые полагают, что становятся ближе к Богу, если измышляют лживые истории, преувеличивая добродетели святых. Разумеется, они не знают, что Бог не нуждается в наших выдумках, и, оставив Истину, Которая есть Он Сам, думают, что могут угодить Ему изобретая неправды. Таких верно изобличал Иеремия, сказав: “приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости” [Иер 9, 5]. Те, кто мог бы просто и без труда сообщать истинно бывшее, проливают пот в напрасном труде, сочиняя то, о чем не знают; и когда думают, что они стараются для Бога, как помощники, на самом деле упрямо противоречат Богу, как лжесвидетели, согласно свидетельству апостола к Коринфянам: “если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша”, и далее: “мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал” [1 Кор 15, 14–15]. Но поскольку, приступая по необходимости к писанию, словно сдвинувшись с места, мы таким образом предварили наш рассказ, то теперь перейдем с помощью Божией, по молитвам того, о ком пойдет речь, к ходу нашего повествования.

Глава 1. Причина обращения Ромуальда к Богу

Итак, Ромуальд, уроженец города Равенны, происходил из славнейшего герцогского рода. Когда он достиг поры юношества, то начал склоняться ко греху плоти, пороку, воздвигающему обыкновенно брань на людей в таком возрасте, особенно, на богатых. Однако преданный душою Богу юноша часто пытался восстать от греха, представляя, что в будущем он совершит что-либо великое. Даже, когда он отправлялся на охоту, всюду, где можно было найти в лесу приятное для отдохновения место, сразу же дух его возгорался желанием пустынножительства, и он говорил себе: “О, сколь хорошо могли бы отшельники жить в этих уединенных лесных убежищах! Сколь подобающим образом они могли бы здесь найти покой от всех волнений мирского шума”. И так дух его, вдохновленный свыше, уже предсказывал в сердечной склонности то, что святой впоследствии исполнил делом. Отец его, по имени Сергей, интересовался лишь мирскими делами и был полностью погружен в земные заботы. Когда отец соперничал с неким родственником своим из-за владения лугом, видя, что сын его Ромуальд в этой тяжбе проявляет мягкосердечие и искренне опасается братоубийства, он пригрозил, что лишит того наследства, если он и дальше не изменит своего настроения. Что более? Дело

кончилось тем, что обе враждующие партии устремились из города на место, ставшее причиной спора, схватились за оружие, начали сражение лицом к лицу, и во время их битвы внезапно рукою Сергия был поражен его недруг и родственник. Ромуальд же, хотя он сам никого не ранил и не убил, но поскольку в том участвовал, принял покаяние за столь великий грех и сразу же, по обычаю человекоубийц, поспешил в Классенский монастырь блаженного Апполиария³, чтоб там сорок дней пребывать в плаче.

Глава 2. Обращение; а также, почему не может быть сомнения, что тело блаженного Аполлиария покоится в Классенском монастыре⁴

Ромуальд, пребывая в том монастыре и непрестанно изнуряя себя суровым покаянием, вел ежедневные беседы с неким обращенным братом⁵ и, не раз, умеряя свое душевное волнение, выслушивал от него совет благого увещания. Хотя тот часто советовал ему совсем отречься от мирской жизни и поспешить к строю святого монашеского жития, но никак не мог смирить к тому дух его. Вот однажды среди прочих разговоров, словно бы в шутку, он предложил: “Если я покажу тебе блаженного Апполиария в телесном облике, так что ты явно сможешь видеть его, что получу от тебя в награду?” На это Ромуальд говорит: “Я свяжу себя твердым и ненарушимым обязательством, что больше не пребуду в миру, как только увижу блаженного мученика”. Итак, этот брат уговорил Ромуальда этой же самой ночью не ложиться спать и вместе с ним провести ее в церкви в молитвенном бдении. И в то время как в ночной тишине они оба терпеливо усердствовали в молитве, вот, около того часа ночи, когда кричит петух, оба ясно увидели, как блаженный Апполиарий вышел из-под алтаря, который, как известно, был построен в середине церкви в честь Преплаженной Девы Марии. И видно было, что он вышел из восточной части, а именно: с той стороны, где лежал порфирный мрамор. И тотчас же всю церковь наполнил столь великий свет, как если бы солнце хранило внутри стен лучи своего сияния. Затем блаженный мученик, дивным образом украшенный священнической митрой, неся в руке золотое кадило, покадил все алтари церкви и, сделав это, тут же возвратился туда, откуда вышел, и немедленно все то сияние, которое за ним следовало, пропало с глаз.

После того начал этот брат, как непреклонный блюститель обещанного, усиленно настаивать и со страхом просить, чтобы Ромуальд исполнил то, что пообещал прежде. Но поскольку Ромуальд все еще упорствовал и настоятельно просил, чтобы он увидел снова то же видение; тогда и другую ночь они сходно усердствовали в молитве и, как и прежде, столь же отчетливо узрели блаженного мученика. Потому и даже много позже, если о теле святого мученика заходил когда-либо разговор, Ромуальд от всего сердца утверждал, что блаженный Апполиарий был погребен в этой самой церкви; и, сколь долго жил святой муж, он не прекращал о том свидетельствовать.

Ромуальд также имел обычай часто пребывать в молитве пред главным алтарем церкви; и там, после того как братья удалялись, он усердно молился Богу со многим воздыханием. И в то время как в один день после видения он делал это с особым тщанием, внезапно Святой Дух возжег его душу столь великим огнем Божественной любви, что он немедленно залился слезами, не будучи в силах сдержать избыточные реки слез, бросился в ноги монахам и, простершись перед ними, горя неопишным желанием, настоятельно просил их облечь его в монашеское одеяние. Но монахи не осмелились открыто объявить о первом шаге его обращения к Богу, поскольку боялись жестокости его отца. Тогда Ромуальд, не успокоившись, явился к Гонесту, который тогда занимал архиепископскую кафедру в Равенне, а ранее был настоятелем Классенской киновии, и открыл ему все желание своего сердца. Тот, возрадовавшись, прибавил к его чистому желанию поощряющее увещание и повелел братьям, чтобы они безотлагательно причислили его к своему сообществу. Потому, поддержанные покровительством Гонеста, киновиты приняли Ромуальда с бестрепетным душевным спокойствием и дали ему одежды святой жизни. В этом монастыре он провел около трех лет.

Глава 3. Как дурные монахи хотели сбросить Ромуальда с балкона

Однако в том монастыре Ромуальд видел, что некоторые, уклонившись далеко в сторону, живут более расслабленной жизнью, и ему невозможно было быстро постигать тот трудный путь совершенства, который ему подсказывало сердце; тогда он стал сам себя вопрошать с тревогой, что же ему делать, и не мог не волноваться, обуреваемый множеством разных мыслей. И он не раз брал на себя смелость сурово порицать тех, кто облегчал себе жизнь в обители, и для их устыжения призывал во свидетельство предписания монашеского правила. Но хотя Ромуальд со всей страстью не прекращал изобличать их пороки, они слова младшего и недавно пришедшего в монастырь брата ни во что не ставили; наконец, не снеся его обличений братья, не заботясь об исправлении собственной жизни, начали подумывать, чтобы погубить своего обличителя. Обычно Ромуальд поднимался ночью ранее прочих братьев и, если дверь молельни к тому времени была еще закрыта, то он бодрствовал в дормитории, пребывая в молитвах. А было это высокое строение с выступом, вроде балкона. Таким образом, по подсказке диавола придумали сыны каиновы такую хитрость, что они его чрез окошко этого выступа, перевернув вниз головой и вверх ногами, низвергли бы на землю, когда Ромуальд, как обычно, встанет ото сна прежде других. Это дело стало известно Ромуальду от одного брата, знающего о заговоре, и тогда он, ни слова не сказав, взмолился в горнице сердца своего к Отцу своему уже о другом и избежал грозившей опасности. Таким образом, тем, что Ромуальд уберег себя от гибели плоти, он замкнул бездну беззакония, чтобы не погибли души других смертью вечною.

Глава 4. Как Ромуальд удалился в пустыню

И в то время как в душе Ромуальда любовь к совершенствованию день ото дня возрастала все больше и больше, и никак его ум не находил покоя, он услышал, что в Венецейских пределах есть муж **Марин**, который ведет отшельническую жизнь. И, конечно, весьма легко получив согласие у настоятеля и братьев, он на попутном корабле прибыл к вышеназванному досточтимому мужу и под его руководством решил проводить жизнь в смиренном благочестии души. А был этот Марин, помимо прочих добродетелей, муж простоты духа и весьма искренней чистоты, не получивший никакого наставления в отшельнической жизни, но вдохновленный к тому только побуждением благой воли. Далее, его обычный образ жизни был таков: в течение всего года три дня в неделю он съедал небольшой хлебец и горсточку бобов, а в три другие для разнообразия в воздержанности своей принимал вино и **рыбу**; при этом каждый день он пропевал целиком всю Псалтырь. Марин, как после сам блаженный Ромуальд передавал с улыбкой, был без сомнения человек **неученый**, в правилах пустынножительства несведущий и чаще всего, выйдя из кельи, вместе с учеником он гулял повсюду в той пустыни, распевая псалмы, – вот под этим деревом двадцать, а под другим – тридцать или сорок. Ромуальд же, ибо оставил мир неучем, когда открывал Псалтырь, насилию мог разбирать свои стихи по слогам; и из-за того, что он напряженно вглядывался в книгу и глаза его всегда были опущены, производил неприятное угрюмое впечатление. Поэтому Марин постоянно ударял сидящего рядом Ромуальда палкой, которую держал в правой руке, попадая при этом ему по противоположной, левой части головы. Спустя много времени Ромуальд наконец, побуждаемый необходимостью, смиренно попросил: “Учитель, если тебе угодно, бей меня в дальнейшем справа, ибо уже полностью я теряю слух в левом ухе”. Тогда тот, удивившись столь великому терпению Ромуальда, умерил неразумную жестокость своего наставления.

Глава 5. Как Петр Урсеол сначала стал герцогом, а потом обратился к Богу

В то же самое время Петр, по прозвищу Урсеол⁶, держал в руках бразды правления Далматского герцогства. Он удостоился взойти на высоту своего герцогского достоинства по той причине, что покровительствовал тем, кто погубил его предшественника, Виталия Кандиана⁷. Почему тот был убит своими подданными, думаю, будет не лишним, если я вкратце и последовательно изложу. Ибо в супруги он получил сестру Гугона⁸, великого правителя их области, и по совету завистника-деверя получил многих воинов из краев Лангобардии и Тусции, поскольку там не было денег на их содержание. Этого-то не понеся, жители Венеции тайно составили заговор, чтобы внезапно ворваться во дворец герцога, напасть на него с оружием и без промедления умертвить его мечом со всем его домом. О собрании заговорщиков, однако, стало известно, и герцог Виталий, охраняемый денно и нощно стражами, не давал им никакой возможности осуществить их враждебный замысел. Обсуждая

разные способы, но, не будучи в силах добиться своего, наконец, они придумали, что если бы прежде запалить дом Петра, который стоял очень близко к герцогскому дворцу, то таким вот образом они и герцога бы поймали, и весь его дом сожгли бы. Увидев, что дело обстоит так, они настоятельно просили согласия на это у Петра, который был участником их заговора, и по договору условились, наконец, о его вознаграждении, что за один его дом, который будет огнем уничтожен, они подчинят его владычеству всю Венецию и, уничтожив того, кого они ненавидели, на его место тот час же предложат народу избрать герцогом Петра. Таким вот способом Петр получил первенство Далматского владычества; но после, уже удовлетворив свои честолюбивые устремления, он, по милости Божией, устыдился в сердце своем.

Некий досточтимый авва, по имени Гварин⁹, из дальних пределов Галлии имел обыкновение странствовать ради молитвы по различным краям мира. Петр также пришел к герцогу, и тотчас же стал просить, чтобы Гварин дал ему совет, как избежать опасности столь великого греха. Приглашены были Марин и Ромуальд, и они общим суждением повелели Петру, чтобы он оставил мир вместе с тем герцогством, которое захватил благодаря преступлению, и, поскольку он неправедно устремился к вершине чуждого владычества, пусть подчинит себя чуждой власти. Урсеол же, как человек, стоящий на вершине власти, не осмелился сделать явным для всех обращение свое к Богу¹⁰, но подумал, что безопасно будет воспользоваться этим советом. Итак, поскольку приближался праздник некоего святого мученика, во имя которого была названа базилика в его имени, он послал накануне туда свою жену, а сам притворился, что вскоре последует за ней, наказав ей следующее: чтобы она со всем тщанием проследила за убранством храма и приготовила для прибывших с ней на завтра роскошное угощение. Он же, оставшись после отъезда супруги, взял из своих сокровищ, что ему показалось необходимым, и со своим другом, а именно: Иоанном Грандеником¹¹, который знал о вышеупомянутом договоре, и с тремя этими блаженными мужами, о которых мы говорили прежде, взошел на корабль, а затем бежал в Галлию в монастырь аввы Гварина, оставшись там как знатный “обращенный”. Итак, после того, как Петр и Иоанн сделали монахами в киновии св. Михаила, Марин и Ромуальд, поселившись неподалеку от монастыря, возвратились к отшельнической жизни, к которой они привыкли. Едва прошел год, как к ним еще присоединились также и те названные братья, готовые переносить такое же суровое уединение.

Глава 6. Как Ромуальд один год прожил на горсти гороха в день и в течение трех лет питался от плодов своего земледелия

Тем временем Ромуальд, возгоревшись духовным устремлением, удивительным образом все возрастал из силы в силу и далеко превзошел остальных братьев восхождением по ступеням святой жизни; так что уже между братьями он сам принимал решения, будь то дела духовные или плотские, и его мнение, по общему желанию, всегда имело наибольший вес. Да и сам Марин

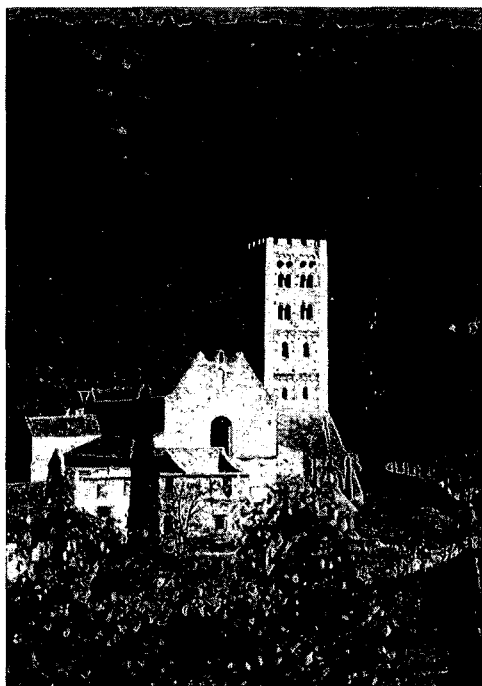
с радостью подчинился Ромуальду, над которым он недавно начальствовал. Ромуальд в течение целого года не употреблял в пищу ничего иного, кроме только одной горсточки вареного гороха в день. Еще три года он и Иоанн Гранденик разрыхляли землю мотыгами и сеяли пшеницу, питаюсь от труда своих рук; и, конечно же, когда они были заняты земледелием, удваивали свой пост.

Глава 7. О различных видах брани диавольской, которые вынес Ромуальд

Но диавол нападал на Ромуальда, подсылая к нему многие и различные соблазны, особенно в начале монашеской жизни, и увлекал душу его многими приманками пороков: то, приводя ему на память, что и как много столь деятельный муж мог бы приобрести в миру; то, какое наследство он должен был бы оставить обделенным родственникам; то упрекал его, что труды его весьма малы и ничтожны; то сулил ему долгие годы жизни, если тот оставит честь столь великого труда. О, сколь часто диавол стучал по стенам его кельи, заставлял подниматься его, едва он засыпал, и принуждал бодрствовать всю ночь, словно вот-вот наступит рассвет! Непрерывно в течение пяти лет в ночное время диавол ложился на ногах его и голених и, словно воображаемый груз, отягощал его, чтобы было трудно ему поворачиваться с боку на бок. Кто сможет изложить, сколько всего выдерживал он нападений от рыкающих зверей-пороков? Сколь часто он отгонял от себя нечистых духов в суровейшей битве? Потому бывало даже, когда какой-либо из братьев заходил для чего-то во время покоя в его келью, тотчас же воин Христов, готовый на борьбу, считая, что это – диавол, привычным образом громко начинал бранить его, говоря: “Куда это ты направляешься, презреннейший? Что тебе надо в пустыне, с неба сброшенному? Изыди, нечистый пес; сгинь, ничтожный змей”. Итак, произнося такие слова и такие речи, он ясно показывал, что находится непрерывно в битве со злыми духами и, препоясанный оружием веры, постоянно дает отпор на поле брани нападавшим на него врагам.

Глава 8. Особо суровый образ жизни Ромуальда; о покаянии герцога Петра и его предсказании

Случилось же так, что некогда, читая книгу о жизни отцов, Ромуальд остановился на том месте, где рассказывалось, что некие братья, постясь по отдельности целую неделю, в субботний день сходились вместе, а в сам день Воскресения Господня умеряли суровость поста и более свободно принимали пищу. Тотчас же Ромуальд принял такой образ жития и пребывал в непрерывной строгости жизни почти пятнадцать лет или того больше. Но герцог Петр упал уже под грузом столь строгого поста, ибо был привычен к большой роскоши. Потому он смиренно простерся у ног блаженного Ромуальда; когда тот велел ему подняться, он со смущением изложил свою нужду. “Отец, – говорит он, – у меня большое тело, по грехам моим половиной одной лепешки я не могу продержать себя”. Ромуальд, сострадая милостиво его немощи, добавил и так уже колеблющемуся брату к обычной мере еще чет-

Монастырь Сен-Мигель де Кука.
2-я пол. X в. *Xavier Barral i Altet*.
The Romanesque. Köln, 2001. P. 87

верть лепешки, чтобы тот совсем не изнемог, протянул руку милосердия и утвердил его в провозждении доброго жития на пути, который тот начал. Петр¹², сын герцога, носящий то же имя, муж весьма осмотрительный по отношению к миру, иногда посещал отца. Отец предсказал ему, не знаю, пророческим ли духом, или каким-нибудь откровением, что с ним должно случиться в будущем. Он говорил: “Знаю, сын мой, без сомнения, что тебя поставят герцогом, и ты будешь жить благополучно. Ты только потрудишься, чтобы и Церкви Христовой права сохранить, и в отношении подданных, не поддаваясь ни любви, ни ненависти, не уклоняться от справедливости”. {...}

Глава 13. Об осмотрительности Ромуальда, о трудностях пути, и вразумлении своего отца

Когда жители этого края¹³ услышали, что Ромуальд рассудил уйти от них, они взволновались, чрезмерно восскорбели и стали обсуждать меж-

ду собой, как бы удержать его от этого намерения, и, наконец, показалось им лучше всего следующее: подослав к нему убийц, погубить его по своему неблагочестному благочестию, мол, если не могут удержать его живым, пусть будет у них хоть его бездыханное тело ради его покровительства в этой земле. Узнав об том, Ромуальд обрил голову со всех сторон и, когда исполнители этого дела уже приближались к его келейке, почти что с первыми лучами солнца он начал есть, словно бы из жадности¹⁴. Они же, увидев это, поверили в его безумие и, рассудив, что ум поврежден, не сочли нужным повреждать тело. Ведь именно так осмотрительный Давид духовным безумием превзошел глупые плотские ухищрения мудрецов¹⁵. Ибо так Ромуальд и тех, кто мог согрешить, удержал, и ради вершины заслуг своих без смертного страха отвратил смертельную опасность. Затем, уже получив возможность свободно уйти, он не на коне, не в повозке, а с одним только посохом в руке, босиком дошел из внутренних пределов Галлии до Равенны, и там, обнаружив, что отец¹⁶ его желает возвратиться в мир, крепко стянул его ноги деревянными колодками, связал его тяжелыми оковами, сокрушил его суровыми бичева-

ниями и столь долго укрощал его тело благочестивой строгостью, пока не возвратил, с Божией помощью, его душу к состоянию спасения. {...}

Глава 17. О нечистых духах, которые являлись ему в образе страшных птиц

Итак, воин Христов, уже более закаленный в привычной брани, ежедневно стремился преуспеть в большем, возрастая из силы в силу, и, всегда сам более сильный, уже мог не бояться козней обессиленного врага. Ибо часто, когда он находился в келье, нечистые духи, словно отвратительные вороны или коршуны, казалось, стояли перед ним, и как если бы собирались издали поглядеть на охраняемый, потому недоступный для них, труп животного, ибо не дерзали приблизиться. Часто они являли себя в образе эфиопов, часто под видом различных зверей. А славный победитель Христов, насмехался, говоря им: “Ну вот, я готов, приходите; и, если есть в вас какая-то сила, явите ее. Неужели вы уже совсем обессилили? Неужели вы уже побеждены, и не имеете никаких ухищрений брани против ничтожного раба Божия?”. Такими и подобными словами он постыжал нечистых духов и тотчас обращал их в бегство, словно бы выпустив столько же стрел. Дьявол, видя, что сам по себе не может пересилить слугу Божия, возбуждал злобой против него, изобретая различные хитрости, куда бы святой муж ни шел, дух его учеников; чтобы (ибо было невозможно дьяволу удержаться от нападений в пылу злобы своей) святой был, по крайней мере, укрощен заботой о чужом спасении, и, раз врагом не может быть побежден он сам, то не отказываться от побед хотя бы над другими. {...}

Глава 19. О повелении св. Аполлинария Ромуальду

Как-то раз святой муж задержался недалеко от Катрии¹⁷. И когда он там пребывал некоторое время, ему открыто явился св. Аполлинарий и предписал с великой властью, что раз уж он направляется в свой монастырь, пусть там лучше живет. Святой муж никоим образом не отнесся к этому с пренебрежением, без промедления покинул место, в котором задержался, и сразу же поспешил туда, куда был послан.

Глава 20. О прожизании блаженного Ромуальда в Оригарии

Однажды досточтимый муж поселился в затворе у Коммиакленском болоте¹⁸, которое называется Оригарий. После же он вышел оттуда в такой степени весь опухший и облезший по причине обилия болотной тины и испорченного воздуха, что, казалось, невозможно поверить, что это был тот же человек, который затворился; ибо даже все тело его было в зеленых пятнах, словно у ящерицы-стеллиона. {...}

Глава 21. О загоревшейся келье, потушенной молитвой

В другое время Ромуальд жил на острове, который называется Перей¹⁹; этот остров отстоит на двенадцать миль от города Равенны. Там-то, когда он находился в келье с неким досточтимым мужем, своим учеником, по имени

Гвильельм, стены тесного домишки внезапно загорелись, затем пламя взметнувшись ввысь, быстро охватило крышу, не сдерживаемое уже ничем. Тотчас же святой муж прибегнул к обычной защите, – он не вытаскивал свое имущество, как всегда поступают, не разбрасывал на крыше дранку, чтобы потушить пожар, не выливал ведра воды, не пытался изо всех сил задуть огонь – он только излил молитву. И тотчас же клубы и шипение пламени были погашены Божественной Силой.

Глава 22. О короле, госте Ромуальда; а также о том, как святой муж принял настоятельство

В то же самое время младший император Оттон²⁰, пожелав привести в порядок Классенский монастырь, дал братии свободу выбирать себе настоятелем, кого они сами хотят. И они тотчас же единогласно попросили Ромуальда. Император же, не уверенный, что блаженного мужа можно призвать в королевский дворец через посланного, пожелал к нему отправиться сам, и пришел в его келью уже на закате. Ромуальд с почтением предоставил ему для отдыха свое ложе, ибо великого гостя принимал в бедном доме. Однако король не пожелал воспользоваться покрывалом, ибо решил, что оно колючее. Когда же наступило утро, король привел Ромуальда с собой во дворец и самолично со многими просьбами начал его убеждать принять настоятельство. Поскольку Ромуальд воспротивился и самым решительным образом не соглашался на уговоры короля, а король пригрозил ему тогда отлучением от Церкви и анафемой, произнесенной всеми епископами, архиепископами и всем соборным советом, то в конце концов он покорился неотвратимой необходимости и вынужденно принял управление душами. Он рассказывал, однако, что это не оказалось для него совсем неожиданным, но еще за пять лет до того было ему открыто свыше. Управлял он монахами, строго уча их монашескому уставу и не позволяя никому отступать от него безнаказанно; вообще никто, будь то человек знатный или сведущий в науках, не дерзал недозволенным действием отступать ни в левую, ни в правую сторону или уклониться от правильности надлежащего жития. Одним словом, муж святой устремлял око сердца на небо, чтобы Богу во всем быть послушным, не боялся не понравиться людям. Братия же, осознав это, винили, скорее, сами себя за то, что просили, чтобы Ромуальд их возглавил; и впоследствии они, разнося хулу на него, шушукаясь по углам, устраивая свары и ссоры, терзали и мучили его.

Глава 23. Об отказе от настоятельства; и о мире, заключенном между королем и тибуртинцами²¹

Итак, Ромуальд, видя, что и его совершенствование находится до некоторой степени под угрозой, и их нравы, катящиеся под гору, обращаются к худшему, спешно отправился к королю и, несмотря на то что тот немало противился, Ромуальд вместе с архиепископом удалился из своего монастыря. К тому же в это время король осадил город Тибуртину, потому что там жители убили Мазолина, его славного графа, и, захватив оружие, отгоняли самого

короля от своих стен. Потому, несомненно, блаженный Ромуальд был послан туда по Божьему промыслению, ибо он уничтожил опасность для столь многих душ мирным своим посредничеством. И действительно, между ними был заключен такой мир, по которому тибуртинцы из почтения к королю разрушили часть городских стен, дали заложников, а убийцу герцога, закованного в цепи, направили к матери герцога. Она, смягчившись молитвами святого мужа, излитыми к Богу, хотя и жестоко оскорбленная, простила и преступление, и убийцу, которому позволила уйти восвояси невредимым. {...}

Глава 26. Как Ромуальд заболел в Кассино и затем ушел в Перей

Итак, Ромуальд с пресловутым Таммоном и Бонифацем²², славнейшим мужем, которого ныне церковь Руссов²³ чтит как блаженного мученика, и с другими тевтонами, избравшими монашеский путь, из города Тибура пришел на гору в монастырь блаженного Бенедикта, который устроен в Кассино. Там он тяжело заболел, но, по Божественному милосердию, быстро поправился. У него был превосходный конь, подаренный ему сыном Бусклава²⁴, короля славян, постриженным им в монахи. Святой муж, из смирения обменял его и, достохвальный купец, в качестве выгодного обмена взамен получил осла [ср. Мф 13, 45]. Ибо, по примеру желания Искупителя нашего, Который восседал на спине ослицы, досточтимый муж с удовольствием ездил на этом животном. Когда Ромуальд со всеми выше поименованными мужами пришел в Перей, где еще раньше он долго жил, там, собрав этих и других многих братьев и поселив их в отдельные кельи, поддерживал строгость отшельнической жизни и для себя и для других со столь великой горячностью, что их жизнь всеми, до слуха которых могла достичь молва о них, почиталась достойной удивления. Ибо кто не остолбенел бы от изумления? Кто не мог бы предсказать перемену, совершенную Божественной десницей, когда бы увидел этих людей прежде, облаченных в шелковые, нет, более того, позолоченные одежды, часто окруженных раболепствующей толпой, привычных к роскоши всех удовольствий? А ныне видит, что они довольствуются одним лишь плащом, отказавшись от обуви, живут в уединении неухоженные и истощенные скудостью столь великого воздержания? Все там занимались ручным трудом: иные изготовляли ложки, иные – пряли, иные плели сети, иные – власяницы. {...}

Глава 30. О построении монастыря св. Адельберта²⁵ и пророчестве Ромуальда, высказанном против короля

А пока Ромуальд пребывал в Перее, император Оттон, по его предложению, выстроил там монастырь в честь св. Адельберта, прибавив для укрепления смежные с Классенской киногией земли, которые потом возместил себе из королевской собственности в Фирмийских краях²⁶. Итак, когда в новый монастырь был поставлен настоятель из учеников Ромуальда и собрались туда братья, Ромуальд держал их под большим присмотром и учил их жить по уставному порядку. Он еще предписал настоятелю, чтобы тот, уходя в пустыню на всю неделю, из кельи не уходил, а посещал бы братьев в монастыре,

приходя туда в дни Господни. Но тот презрел повеления святого мужа, начал жить по-мирски и раз уклонив стопы свои от монастырского труда, уже отошел далеко от пути праведного. Итак, Ромуальд, видя, что по горячности своего образа мыслей ученик его не может там трудиться, тотчас же пришел к королю и, желая исполнить принятые от него обещания, начал горячо настаивать, чтобы король сделался монахом. Король уверил Ромуальда, что он исполнит то, что от него требуется, но прежде нападет в Рим, против которого он возобновил войну, и тогда, окончательно одержав над ним победу, возвратится в Равенну. Ромуальд сказал: “Если ты пойдешь в Рим, не увидишь больше Равенны”, чем открыто возвещал ему, что близится его конец, ибо он не мог удержать короля, уверенный в его гибели, если тот поспешит в Рим. Ромуальд же, взойдя на корабль, переправился к городу Парентию²⁷. Итак, король, согласно пророчеству блаженного мужа, на обратном пути из Рима был внезапно поражен болезнью и умер недалеко от города Патерн²⁸. {...}

Глава 39. О трех монастырях, которые построил Ромуальд, и о его отъезде в Венгрию

Тем временем Ромуальд, услышав, что блаженнейший муж Бонифаций принял мученичество, воспылал огнем благочестивого желания и тотчас решил ехать в Венгрию, чтобы пролить кровь за Христа. Однако за краткое время, не оставляя своего намерения, он устроил три монастыря, а именно: один в долине Кастро, где потом было положено его святейшее тело, другой близ реки Исин²⁹, третий построил против города Эскулан³⁰. Затем, получив от апостолического престола разрешение, и поставив двух из своих учеников в архиепископы, с 24-мя братьями он пустился в путь. Ибо столь великое желание умереть за Христа разгоралось во всех, что святой муж на такое дело лишь не мог отправиться с малым числом братьев. Итак, когда, они, путешествуя, уже пересекли даже границу Паннонии, внезапно Ромуальд, охваченный болезнью, не смог идти далее. И он долго страдал, но если решал вернуться, тотчас же выздоравливал от болезни, а если же пытался идти дальше, все его лицо тотчас же опухало, и он не мог также удерживать пищу ослабевшим желудком. Потому, призвав братьев, Ромуальд сказал: “Думаю, что никоим образом не суждено мне по Божьей воле, чтобы я шел дальше. Однако я никого из вас не принуждаю возвращаться, так как знаю желания ваши. Ибо многие еще до нас молитвами и усилиями стремились достичь вершины мученичества, но если Божественное провидение полагало иначе, они были принуждены остаться в своем лике. Хотя не сомневаюсь, не всем вам позволено будет достигнуть мученичества, однако на суд каждого из вас оставляю, кто желает идти далее, а кто – вернуться со мной”. Итак, шестнадцать поехали дальше в Венгрию, а двое уже были отпущены в другое место, и только семь учеников осталось с наставником. Тех, которые ушли, мучили, продавали в рабство, но они обратили многих к Богу, однако мученического венца, как и предсказывал святой муж, не достигли.

А Ромуальд, обратив к Богу одного знатного мужа, а именно: брата герцога Адальберона³¹ (который позже, сделавшись монахом, вел святую жизнь до самой кончины) и других тевтонов, вернулся в монастырь, который выстроил ранее в старой части Рима. Потому следует заметить, что святой муж никоим образом не мог говорить пустое и ошибаться, подобно людям, привычным к непостоянству; по своему-то намерению он пошел на мученичество, по Божью же промыслу был послан для спасения тех, кого обратил. Так в вышеназванном монастыре Ромуальд претерпевал многие нестоения и преследования. Ибо он хотел, чтобы настоятель, как истинный монах, в действительности, возлюбил нищету, не касался мирского, утоляя желанья свои, не давал бы из тщеславия взаймы из монастырского имущества, а из потребного братиям подавал бы только необходимое. Когда настоятель, замкнувши слух, презрел его наставления, Ромуальд, покинув со своими учениками это место, поселился недалеко от поместья Кастро под властью Райнерия³², ставшего впоследствии правителем Тускской Марки. {...}

Глава 41. О Классенском настоятеле, который хотел удавить Ромуальда

В то же время досточтимый муж построил один монастырь недалеко от Массилийского замка. Услышав однажды, что некий венет незаконно получил настоятельское место в Классенском монастыре через симонию и сверх того также тяжко грешил по плоти своей, тотчас неутомимый воин Христов устремился туда и разными способами пытался очистить от него монастырь. А муж негодный, боясь потерять настоятельство, не уstraшилcя пойти на человекоубийство. Глубокой ночью, когда Ромуальд спокойно почивал на ложе, настоятель, таясь, подошел к нему и начал своими нечестивыми пальцами сжимать его горло, силясь его удавить. Но поскольку святой муж, у которого еще не совсем перехватило дыхание, насилиу выдыхая воздух, захрипел, Ингельберт, разбуженный предсмертными хрипами наставника, тотчас выхватил головню из тлеющего очага и, бросившись к нему, прогнал служителя дьявола, не дав ему закончить свое нечестивейшее преступление. {...}

Глава 65. О пророчестве Ромуальда и о его беседе с королем Генрихом

Тем временем император Генрих³³, придя в Италию из заальпийских краев, отправил к блаженному мужу посольство с настоятельной личной просьбой, чтобы он соизволил прийти к императору, обещая, что сделает все, что тот предпишет, если Ромуальд не откажется от беседы с ним. И когда досточтимый муж показал знаком, что отказывается нарушить возложенное на себя молчание, все ученики начали его умолять, говоря: “Учитель, ты видишь, что нас, последовавших за тобой, уже столь много, что мы не можем жить здесь надлежащим образом; итак, пойдя, если тебе угодно, и попроси у великого императора какой-нибудь монастырь, и там посели множество за тобой последовавших”. Святой муж, не знаю, по принятому уже откровению или по внезапному вдохновению Божию, уверенно написал им: “Знайте, что

монастырь на горе Амиатийской получите как дар короля, только подумайте, кого вы должны поставить там настоятелем”. Не нарушая молчания, он направился к королю. Король, тотчас же поднялся навстречу, и от большого сердечного волнения у него вырвалось: “О если бы душа моя находилась в твоём теле!”; сразу же стал он смиренно просить Ромуальда, чтобы тот заговорил, но в этот день не смог того добиться.

На следующий день, когда Ромуальд пришел во дворец, вот, туда отовсюду сбегаются толпы тевтонцев, которые толпясь и толкаясь, смиренно склоняют головы в приветствии, но еще рвут, как священные реликвии, клочки шерсти от шкуры, в которую он был одет, и старательно прячут, чтобы увезти на родину. Все это повергло досточтимого мужа в столь великую скорбь, что он немедленно ушел бы назад в келью, если бы не был утешен обступившими его учениками. Войдя к королю, он немало говорил о восстановлении права церкви, о жестокости знати, об угнетении бедняков и после многих речей себе попросил только один монастырь ради своих учеников. Впоследствии король передал ему монастырь на Амиатийской горе и выгнал оттуда настоятеля, который был достоин наказания за многие злодеяния. Сколько же зла святой муж претерпел и не только от того, кто был изгнан, но еще и от того, кого он сам поставил в настоятели из своих учеников, и как он мог перенести эти несчастия терпеливейшим образом, мы, даже если бы и был у нас дар слова, не в силах донести до читателя. {...}

Глава 69. О переходе Ромуальда в мир иной

Святой муж проживал также и во многих других местах и страдал много от злых дел своих учеников, но чрез него творилось множество еще и иных чудес, которые мы здесь обошли молчанием, чтобы избежать чрезмерного многословия. После же всех прочих мест, где Ромуальд находил себе пристанище, он, чувствуя приближение своего конца, возвратился в монастырь, который был им основан в долине Кастро. Он решил построить себе там келью с часовенкой, где бы мог пребывать до смерти своей, затворясь и сохраняя полное молчание в ожидании неизбежной кончины. Ведь лет за двадцать до конца своей жизни святой уже прямо сказал своим ученикам, что нужно его упокоить в том самом монастыре и что он устроит все так, что испустит дух свой без свидетелей и даже позаботится заранее о своем погребении. Так, когда был выстроен затвор, чтобы ему там запереться, пока еще он был в сознании, тело его стало все более и более слабеть и сгибаться, но не столько от слабости, сколько от дряхлости и груза долгих лет жизни. Он уже почти с середины года мучался обильным истечением из больных и ослабевших легких и задыхался от тяжелого кашля. Но несмотря на это святой муж ничем не облегчал свое состояние, не ложился в постель и даже, насколько было возможно, не отступал от строгости обычного своего поста. И вот, в один день силы телесные понемногу стали его покидать и болезнь утомила его особенно сильно. Когда солнце уже клонилось к закату, он велел двум братьям, нахо-

дившимся при нем, выйти и запереть за собой дверь келии, а возвратиться к нему утром, чтобы пропеть на рассвете торжественно утренние гимны. Когда же они, обеспокоенные, словно бы нехотя вышли, то не отправились сразу отдыхать, тревожась, как бы он не умер, но притаившись около келии оберегали талант драгоценного сокровища. Уже прошло довольно много времени, как вдруг, напрягши слух свой, они осознали, что не слышат ни движения никакого внутри, ни звука; сразу же они поняли, что произошло и, распахнув дверь, вбежали в келию, зажгли свет и нашли лишь святое тело, лежащее навзничь, ибо душа блаженная уже была восхищена на небеса. Он лежал будто небесная жемчужина, пока оставленная, но позже должна с почетом быть положенной на высшее место в сокровищнице Царя. Сомнения быть не может, что тот, кто скончался так, как ранее предсказывал, достиг того, куда стремился. Блаженнейший муж прожил сто двадцать лет: двадцать из них он потратил в миру, три провел в монастыре и девяносто семь прожил в пустыне. А ныне он сияет алым светом несказанным среди живых камней Небесного Иерусалима, ликует вместе с огненными толпами блаженных душ, облаченный в белоснежные одежды бессмертия, и Самим Царем царей венчается вечно сверкающей диадемой. {...}

*О различных чудесных рассказах,
с добавлением сходного рассуждения о различных явлениях
и чудесах*

Господину Дезидерию, архангелу-предводителю монахов, и остальным благочестивым братьям грешный монах Петр изъявляет покорность в самом преданном служении.

Так как пыл любви к тебе не угасает в моем сердце и не позволяет моим воспоминаниям о тебе охладиться, мне недавно кое-что пришло на ум, что понудило меня послать тебе послание. Ибо в то время как я пребывал в постоянных размышлениях о тебе, и сердечным взором словно бы присутствовал сам в ангелоподобном и святом собрании братьев, среди многого иного внезапно я вспомнил о твоём письме, которое ты прислал мне с вопросом, но до сих пор я не ответил на него, занятый делами синода.

И, если могу вспомнить, в этом послании таковое содержалось: что у некой ревнивой женщины был муж, которого она подозревала в прелюбодеянии, и она спросила у соседки совета, как бы вернуть его себе, чтобы он довольствовался супружеским ложем. Эта дурная и, очевидно, подлежащая пламени вечного наказания соседка научила ее кощунству, по совету древнего змия-отравителя, чтобы та приняла Тело Господне, как если бы собираясь причаститься, и, бережно сохранив Его, после мужу своему дала бы съесть, совершив некие колдовские чары. А Тело Господне, принятое от священника и сохраняемое, пока случай не подвернется, завернутым в плащик явилось чудо, вызвавшее великое изумление. Ибо обнаружилось, что эта частичка

Господня Тела обратилась до половины в плоть, другая же половина не изменила вид хлеба. Потому, если правильно помню, ты это изложил, а затем постарался узнать, что же могло бы это предвещать.

В ответ на этот вопрос я напрямик, ибо не нужно долго медлить, изложу, что мне кажется. По той причине Бог Всемогущий придал вид плоти этому священному таинству, чтобы ясно показать нечестие дурной женщины, когда Он явил видимую для глаз истинность Тела Господня; до этих пор она, очевидно, верила, что это простой хлеб, а когда узрела вид Истинной Плоти, то так осудила кощунственную дерзость начатого преступления. А то, что половина осталась в том же виде, как и была, содействует к более явному свидетельству Суда, чтобы в то время как увидишь, что в одном и том же веществе присутствует вид как хлеба, так и плоти, безотлагательно постигнешь истину в том и другом веществе Истинной Плоти и Истинного Хлеба, ибо и Он Сам есть Хлеб, сошедшей с неба [Ин 6], и, тем не менее Сама Плоть, Которая произошла из вещества Девственной Утробы.

Ибо и близкий Вам тот блаженной памяти епископ Амальфитанский, имени его не знаю, Стефану, предстоятелю Римскому³⁴, в моем присутствии часто свидетельствовал под клятвой, что когда он подчас приступал к престолу Господню, собираясь принести святую Жертву, и колебался с недоверием над Таинством Тела Господня, то в самом преломлении Спасительной Жертвы совершенно красная и настоящая плоть появлялась под его рукой, так что еще пальцы его обгалялась, и так уничтожила все сомнения и недоумения священнослужителя. Здесь должно отметить, сколь чрезвычайно опасно нечистыми руками прикасаться к столь ужасному Таинству. Но что мы говорим о самих таинствах, когда мы подчас видим как, еще над теми, кто оскорбляет священные сосуды, где совершаются Таинства, исполняются страшные приговоры?

Глава 1. Ужасный пример Арнальда, епископа Аретинского, спрятавшего чашу Господню и тайно вынесшего ее из Церкви

Конечно, ты также близко знал Арнальда, епископа Аретинской кафедры. Эту историю мне рассказал отшельник Мартин, пользовавшийся великим уважением и весьма доброй славой. Ибо Арнальд унес золотую чашу из одного монастыря, находящегося под его властью, и для каких-то надобностей ее спрятал; а на этой чаше знатная и благочестивая женщина, которая принесла ее в дар святым, предусмотрительно, чтобы никто не украл, приказала вырезать анафематствующую надпись. Тем временем одному брату во сне случилось увидеть некое озеро, огнем кипящее, источающее необычайно сильный жар и испускающее тяжелые запахи смолы и серы с клубами отвратительного дыма. Вокруг этого озера вроде как отвратительные эфиопы сидели на таких же черных конях, словно высокие башни. А внутри было несметное множество чудовищ, готовых терзать и мучить; он видел, как осужденные подвергаются там разнообразным страшным мучениям. Внезапно среди них он увидел еще и епископа Арнальда, который был погружен по шею в эти

воды, выходящие из берегов из-за чрезмерного жара, и два страшных эфиопа связали его, из которых один, как было видно, держал в руках железный ковш, а другой – золотую чашу; один ковшом черпал воду и наливал в чашу, и другой немедленно эту чашу прикладывал ко рту епископа и принуждал его выпить ее до конца. Так, они никогда не переставали: и тот – вливать чашу в рот, и этот вот, вынужденный бесконечно глотать воду. Что дольше я медлю? Об этом видении услышал епископ, и все друзья, конечно, предлагали, чтобы он вернул чашу в монастырь. Он, быть может, не без колебаний, пообещал вернуть ее. Но когда дело было отложено на потом, поскольку он не заботился о своем спасении, над ним не замедлил свершиться Небесный Суд. Ибо и блаженный апостол Петр о таких, кто из любостыжания уловляет лъстивыми словами, сказал: “суд им давно готов, и погибель их не дремлет” [2 Пет 2, 3]. Потому однажды, около третьего часа дня, Арнальд велел вынести кресло к стене замка, где он находился, чтобы согреться теплом восходящего солнца и изгнать остатки утреннего холода. И когда перед его креслом стояли его домашние, слуги и приятели, он, беззаботный, веселый и довольный, перекидывался с ними тонкими шутками и остроумными словами; внезапно неожиданная боль вступила ему в макушку, словно меч, и он воскликнул: “Умираю! Умираю!” Тотчас же друзья, подхватив его, отнесли на ложе, где он, приняв Таинство Святого Причастия, немедленно испустил дух. Итак, да убоится всякий, кто либо растаскивает утварь для церковных таинств, либо навещающее трепет речение “анафема” вмняет в ничто; как бы не поймала его западня потаенного Суда Божия, в то время как он спокойно ходит, словно в безопасности. Увы, весьма плачевное и несчастное человеческое состояние!

И в самом деле, упомянутый епископ, хотя и проявил в том случае легкомыслие и небрежение, однако в других обстоятельствах был пронизателен, даровит и осмотрителен и имел такое природное красноречие, что, в то время как он мог всегда легко и беспрепятственно рассуждать, но тут небеспричинно его можно было счесть лишенным уст и языка. Но хотя апостол говорит: “Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир” [Рим 8, 6], что пользы, если ухищряются в мудрости века сего, если взором живого ума проникают в малозначимое, если при помощи находчивости и хитрости, подобно Протею, превращаются в разнообразных чудовищ. {...}

Глава 2. Иной ужасный пример, рассказанный епископом Тедалдом³⁵

В связи с предыдущим рассказом вспоминается тем временем еще, о чем епископ Тедалд, предшественник того самого Арнальда, как-то раз рассказал как добавление к проповеди, которую произносил перед народом с амвона в праздник блаженного Доната. “В Лангобардии, – говорил он, – откуда я родом, был муж оборотистого ума и тончайшего остроумия, лукавый духом, с изящной речью, хорошо умеющий изобретать и устраивать всякие хитрости, с невероятной ловкостью придумывающий и меняющий свои планы. Он никогда не шел против течения, но если с какой бы то ни было стороны дохнет

на него ветер мирской бури, у него всегда наготове был плащ лукавства или изворотливости, чтобы прикрыться. Случилось же, что после его кончины один брат увидел его в сонном видении. И было там озеро огненное, которое курилось изрыгающими пламя клубами и вселяло страх и ужас в смотрящих, когда из него вылетали огненные шары; это озеро, как было видно, окружали, огромные, словно бревна, драконы и различные змеи, которые туда и сюда прохаживались по кругу. Муж этот, о котором мы сказали, был зажат со всех сторон пламенем в самой пучине шипящего огня и пытался-таки убежать, но вокруг стояли чудовища, и он страдал, что не было ему выхода. Только с этой стороны он приготовится выскочить, но перед ним оказывалась змея; пробует с другой стороны, вот, опять новое чудовище, шипя, длинной шеей перекрывает путь. Он снова пробовал выбраться в других местах, но чудовища поднялись вокруг, и, конечно, невозможно было даже думать о бегстве. Далее, как глаголит Истина: “Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить” [Мф 7, 2; Мк 4, 24], это ему выпало на долю по справедливому Божиему Суду. Ибо насколько ловко он умел выпутываться из любых сетей века сего, прибегая к пустым уловкам и хитростям земным, так после, напротив, никакой изворотливостью ума своего он оказался не в силах избежать мучения, которым был терзаем. Если бы он разум свой, который столь искусно умел использовать, утвердил в стремлении следовать предписаниям Божиим, не горел бы он посреди яростных змеев, но, скорее, радовался в сонме блаженных.

Глава 5. О том, что Бог не оставляет никакой грех безнаказанным

И что удивительного, если тяжкие грехи обрекают нас на муки, когда пронизательный Суд Божий не оставляет и малейшие ненаказанными? Конечно, что странного в том, если Он осудит кощунство лживых слов, когда даже возгласением хвалы Себе, если оно недостойно вознесено, также пренебрегает? Ибо то, что я сейчас опишу, я узнал от Адральда, мужа осмотрительного и благочестивого, возглавлявшего Бреметенский монастырь; это повествование, как он говорил, еще не изложено на письме.

“Клирик, – говорил Адральд, – Кельнской Церкви переезжал реку вброд, и вот, блаженный Северин, некогда епископ этой же Церкви, схватил поводья его коня, и, придержив, остановил его. Остановившись в оцепенении и сильно изумившись, клирик спросил, почему столь прославленный и столь известный добрым именем муж здесь находится, тот говорит: “Дай мне руку свою, и то, что вокруг меня, узнай не на слух, но осязанием”. И когда епископ поданную ему руку прижал к поверхности воды, ее охватил столь сильный жар, что плоть ее, разложившись, распалась и обнаженные кости повисли и едва держались на руке. Тогда клирик сказал ему: “Имя твое у нас столь возвеличивается и благословляется, и слава твоя воспевается созвучными хвалами всей Церкви, почему же ты связан этой пагубной бездной и зачем ты мучим столь великим – о, горе – жаром?” Отвечает ему святой епископ: “Ничего иного не осталось у меня, достойного наказания, кроме того только, что пока

когда я жил в королевском дворце, я глубоко погряз в делах государственных советов и не совершал канонического служения в установленные для этого часы. Рано утром я служил все службы дня вместе, и, освободившись, с беспечностью посвящал весь день суетным мирским делам. Потому из-за столь пренебрежительного отношения к каноническим часам, я претерпеваю пытку этого жара. Ты же смиренно умоли кротость Всемогущего Бога, чтобы Он восстановил твою руку в состоянии прежнего здоровья". Когда это сделалось, говорит: "Итак иди, сын, и попроси братий, клириков нашей церкви, и других духовных мужей, чтобы они за меня изливали молитвы, подавали вспоможение неимущим, ревностно исполняли обеты служения. Ибо после того я скоро освобожусь, без сомнения, из оков этой муки и в радости присоединюсь к ожидающим меня ликам блаженных граждан небесных".

Это, бесспорно, должно вселять в нас великий ужас, ибо когда святого мужа, только одному греху подвластного, связало столь невыносимое очистительное наказание, то – увы, увы! – какой же должно получить приговор мне и мне подобным, отягощенным столь великим обилием грехов?

Глава 6. О том, что хвалы Богу не должно осквернять дурными помышлениями

Итак, служение по устройению церковному должно быть разделено и совершаться по промежуткам времени, и службы, выражая великое послушание Божию установлению, должно произносить с великим страхом Божиим и благоговением, чтобы, пока мы воспеваем псалмы, не смешивать плоды духа и бездействие тела. Ибо что пользы приносить жертву хвалы Богу и в то же время по небрежности и легкомыслию оскверняться нечистыми помышлениями? Далее, о подобном смешении добра и зла говорит то евангельское место, где сказано: "В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их" [Лк 13, 1]. Ибо если Пилат толкуется как "секира палача"³⁶, то что мы должны понимать под ним, если не дьявола, который всегда готов сечь людей бичами грехов? Потому он и держит розгу за плечами людей, как говорится устами Пророка, "трость притеснителя его Ты сокрушишь, как в день Мадиама" [Ис 9, 4]. Что же означает кровь, если не грехи? Что означают жертвы, если не правильные и богоугодные деяния?

Итак, Пилат смешал кровь Галилеян с жертвами, ибо злой дух или оскверняет наши молитвы дурными помышлениями, или уничтожает добрые дела прикосновением какого-либо греха, как кровь оскверняет жертву; в то время как виновный в грехе, совершая благое деяние, оскорбляет жертву, принесенную Богу. Потому написано, что, когда Авраам благочестиво принес Богу жертву от скота и птиц, "и налетели на трупы хищные птицы, но Авраам отгонял их" [Быт 15, 11]. Ибо что означают птицы, если не нечистых духов, летающих по воздуху? Так, мы отгоняем птиц от нашей жертвы, когда

предусмотрительно охраняем жертвы дел наших от злых духов, пытающихся их осквернить.

Когда тот же, конечно, Адральд, о ком мы говорили прежде, вступил в Бургундское королевство, будучи моим спутником, то он сказал: “В том месте, через которое мы проезжаем, случилось нечто, и, если об этом расскажем, оно не покажется бесполезным. Здесь некогда проходил один брат из нашего монастыря (вне сомнения, что Ключийского³⁷), благочестивый души и правильной жизни муж; и, вот, некий человек с длинными волосами, словно возвращающийся из паломничества в Иерусалим, нес в руке пальмовую ветвь. И когда паломник и монах шли с двух сторон навстречу друг другу, говорит тот: “Комплеторий³⁸ на ложе – ни спасения, ни преуспевания”.

Услышал это изумленный брат сильно испугался, и, сразу обернувшись через плечо, не мог его увидеть. Ибо тотчас же, произнеся эти слова, незнакомец исчез. Брат же, немедленно обратившись к своей совести, обнаружил, что накануне вечером, вернувшись с дороги усталым, он простер утомленные члены на ложе и лежа исполнил канонические часы. Был ли это ангел, или в действительности, как показалось, человек, полагаем, должно оставить на Суд Божий.

В той еще пустыне у источника Авелланского³⁹, где я ныне живу, был некий приор, по имени Иоанн, который по причине каких-то давних болезней казался изможденным и тощим. Он, уверенный в своей телесной немощи и изможденности, нередко быстро прочитывал комплеторий, лежа на постели. Случилось же так, что неподалеку находился человек, одержимый злым духом, который без всякого стыда открывал перед всеми многие тайны людей и их нечистые деяния. И когда пресловутый Иоанн приказал нечистому духу выйти и мучил его разными вопрошениями из чина изгнания бесов, тот говорит: “Что же, ты, кто под одеялом ежедневно нашептывает комплеторий, сейчас желаешь изгнать меня, словно святой, и освободить подвластный мне сосуд от моего владычества?”. Услышав это, брат устыдился, ибо признал истину даже через изобретателя лжи.

Когда другой еще отшельник, который звался Иоанн из Ансо, упорно старался изгнать нечистого духа и часто угрожал ему, заклиная Божественным именем, тот сказал: “Неужели ты забыл, что я сделал с тобой этой ночью? Ибо, если это не ускользнуло из твоей памяти, ты наверняка помнишь, что ты меня преследовал как охотник, в то время как я принял вид лесного вепря. Но тот, кто казался вепрем, внезапно принял облик прекрасной женщины и, целуя тебя в уста, чтобы ты излил семя, торжествовал свою славную победу”. Если таким образом нечистый дух похвалялся, что он посредством силы воображения одержал во сне победу над согрешившим братом, какую победную пляску, мы думаем, он радостно пляшет над теми, кто грешит прелюбодеем или кровосмешением? Потому часто Всемогущий Бог совершает ужасный суд еще в сей жизни, однако несчастные люди не перестают снова впадать в грехи, достойные наказания.

Ибо король галлов Роберт⁴⁰, предок того Филиппа⁴¹, который принял власть по праву, доставшемуся от отца, вступил в связь с близкой по крови женщиной, от которой имел сына, имевшего шею и голову, совершенно как у гуся. Все почти галльские епископы их, то есть мужа и жену, общим решением вместе отлучили от причастия. Из-за такого решения священнослужителей столь великий страх объял повсюду народ, что все вообще прекратили с ними какое-либо общение, и не осталось при них никакой прислуги, кроме двух жалких рабов для необходимых услуг; однако и они все сосуды, из которых король ел или пил, после принятия пищи считая оскверненными, кидали в огонь. Наконец, из-за таких утеснений король, придя к здравому решению, был принужден отвергнуть кровосмесительное сожителство и вступить в законный брак. {...}

Глава 8. Ужасный пример некоего человека, отчаявшегося в спасении и убившего самого себя

Иной конец сужден был тому клирику, о котором мне в достоверном повествовании рассказал тот же Гугон⁴², правитель Клунийского монастыря: “Когда один благочестивый епископ, находясь в поездке, достиг берега какой-то реки, он, усталый, решил там остановиться и перевести дух. И в то время как он там спокойно отдыхал, услышал голос, исходящий из глубины реки, и внятно проговоривший такие слова: “Время подходит, человек не приходит”. Услышав это, епископ встревожился и, сознавая, что такое не могло произойти без чуда, стал внимательно наблюдать в ожидании, что же произойдет далее. Но пока внимательный наблюдатель с нетерпением ожидал продолжения и пока многое передумал, видит, несется какой-то клирик, пришпоривая коня, и торопится как можно скорее перейти реку. Тогда епископ велел своим спутникам, чтобы они спешно бросились навстречу подъезжавшему и сдержали его стремительный бег. А тот, мчась с опасностью для жизни, собирался стремглав броситься в реку и без промедления пересечь ее. Когда люди епископа с шумом и криками загородили ему дорогу и вынудили замедлить шаг, он сказал: “Успокойтесь, прошу вас, отпустите меня, отойдите, ибо меня подгоняет повеление короля. Это не такое дело, которое можно отложить на будущее. Королевская тайна настаивает; неотвратимая нужда повелевает”. Что более? Святой епископ, всеми силами его задержав, принудил его провести вместе с ним приближающуюся ночь на постоялом дворе. Но, о несчастная и достойная плача человеческая природа, которая с большей легкостью готова добровольно причинить себе зло, когда его нет, чем избежать его, когда оно угрожает! Ибо пока епископ со своими спутниками спал крепким сном, тот нашел на постоялом дворе бочку с водой, погрузил туда голову и сделавшись сам себе мучителем, жестоко убил себя. Но как и этот, кто хотя и тайком, но забыв о Божьем Суде, претерпел телесную кончину; так другой, благодаря благочестивому милосердию своему, избежал погибели равно души и тела. {...}

Рассуждение о различных явлениях и чудесах

Господину А., досточтимому архиепископу, грешный монах Петр выражает чувство полнейшей преданности.

Так как я знаю, что святая душа твоя, досточтимый отче, радуется преимущественно спасению человеческому, так что, когда тебе случается слышать о преуспевании душ, ты словно приступаешь к приятным на вкус кушаньям и получаешь удовольствие от еды.

Сообщаю тебе о канониках наших, то есть святой Велитренской Церкви⁴³, ибо даже те, кто при многих наших трудах и постах, казались несправимыми, по Благодати Божией, образумились и по пути канонического права ступают уже без принуждения, но с радостью.

Кроме того, каждый из них во время Четырдесятницы ежедневно прочитывает целиком Псалтирь. Три дня в неделю все сообща воздерживаются от вина и рыбы; и, кажется, имеют такую горячность к строгому житию, что во всю Четырдесятницу, что перед Пасхой, и ту, которая по обычаю предшествует Рождеству Господа нашего Иисуса Христа, три дня в неделю каждый из них в общем собрании перед братьями совлекает с себя одежду и, исповедав собственные грехи, переносит научение жесткой плеткой. Ты можешь понять из такого доказательства святого жития, что ты должен думать о прочих обычаях нашей жизни и их соблюдении. О, наставление спасительное, и в особенности плоти изнурение! В то время как при нем для взоров человеческих тело обнажается, перед очами Божиими оно предстает украшенным блистающими одеяниями. Далее, не прошло и месяца, как произошло это вот дело, о котором рассказываю.

Глава 1. Святое благочестие отшельника Барунция

На Барунция, совершенно со мною одного духа брата, отличающегося особой сладостью любви к Богу, пока он находился не в пустыни, но в некоем поместье, прилежащем к пустыни, исполняя необходимое послушание, напала невероятная слабость. Когда он понял, что его уход приближается, он предложил братьям, которые взялись ему усердно служить, чтобы они возложили на себя покаяние. Они же рассудили, что достаточно будет для него, как мужа благочестивого и непорочной жизни, читать три, или, самое большее, четыре псалма, но он попросил, чтобы они несли покаяние десять лет и как можно скорее отослали весть о том братьям, которые пребывали в пустыни, для совершения этого покаяния именно там. Итак, следующей ночью, когда все, разойдясь после крика петуха по кельям, сняли одежды и ревностно предавались аскетическим упражнениям, и братья поспешили исполнить покаяние, прежде чем он умрет, Барунций говорит брату Ламберту, который ему усердно помогал: “А почему ты не готовишься, и, как прочие братья, не украшаешь себя церковным облачением? Ибо все братья из пустыни стоят прямо перед взором моим, облаченные в сияющие белые одеяния, и, словно бы

хором, воспевают псалмы, выделяясь ослепительной белизной сверкающих одежд”. И принудил его облачиться по их примеру.

Здесь должно отметить, что хотя эти братья, сняв с себя одежды, пребывали далеко от него в аскетических упражнениях, они привиделись, так сказать, уже не плотским, но духовным его очам облаченными в блистающие одеяния. Тот, кто это мне рассказал, а именно: досточтимый отец Лиутпранд, равным образом поведал мне еще кое-что, что не будет бесполезно для наставления слушающих.

“В начале той Четыредесятницы, – рассказывал он, – которая по церковному установлению предшествует Рождеству Господню, тягота неожиданной болезни столь внезапно на меня навалилась, что ночами я едва стоял на ногах и даже не мог выполнять правило ежедневного монашеского жития. И в то время как я, пребывая в мрачных и смутительных размышлениях, почти совершенно оставил надежду выдержать пост и почти что решился на послабление ежедневной пищи, внезапно меня охватила дремота, и я на некоторое время преклонил голову на книгу, которую я читал. Тогда мне привиделось, что вся келья была полна дыма, и еще там было много людей, которые крикливыми голосами громко вели беседы между собою; но внезапно в дверь кельйки ворвался святой брат Ювенций, достохвально подвизавшийся в этом же скиту, и ревностно стал выталкивать этих людей, заслуживших суровое порицание, и без промедления выставил их всех вон. “Разве, – говорит, – не таково ненарушимое правило этого скита, что никто да не дерзнет вести беседу в келье, но уста входящих тотчас же обуздывает строгость молчания?” И сразу же схватил полотенце и разогнал весь хаос дыма, всю ту мерзость, которая наполняла келью. Когда это было сделано, я тотчас же пробудился от сна и осознал не без великой сердечной радости, что ум мой свободен от всякого тумана чадающих помыслов. Итак, когда была изгнана вся тягота соблазна и болезни, я обнаружил в себе крепость и неустрашимость столь великой силы, что в течение всей той Четыредесятницы вплоть до Господня Рождества едва ли когда-либо хоть немного чувствовал голод; и, если не ошибаюсь, не было такого дня, чтобы я нуждался в другой какой-либо пище, кроме хлеба и воды”.

Глава 2. Невоздержанность Парижского епископа наказывается свыше

И вот что, – увы! – приключилось с Альбуином⁴⁴, епископом Парижской Церкви. Когда он, если я правильно помню, совершал пост седьмого месяца и после уже двухдневного пощения наступила суббота, то ему принесли необыкновенно крупного кабана, пойманного на охоте. Сразу же пагубным образом соблазнившись смертоносной пищей, Альбуин постановил, что пост должно перенести на другую неделю, и тотчас же велел поварам тщательно приготовить свинину. Итак, в тот день несчастный человек исполнил желание своего чревоугодия, а в восьмой, то есть в следующую субботу, окончил свою жизнь. И, в самом деле, по достоинству такой конец заслужил тот, кто

из святилища Церкви, словно бы гробницу прихоти своей сделал в пустыне [ср. Чис 11, 34]. Что же удивительного, что там, где столь очевидна вина, открыто наложено и наказание, если часто очевиден для нас печальный исход дела, и, однако, нам неведомы причины и сокровенная тайна Божественного промысла.

Лев, некогда епископ ПUTEОЛЬСКИЙ⁴⁵, ныне же славный отшельник, недавно рассказал мне и братьям, что некий человек, одержимый злым духом, когда был в монастыре, что у ПАРТЕНОПЕИ⁴⁶ построен в честь блаженного исповедника Агнелла, он внезапно накинулся на близ стоящего человека, и ударив его с неистовой яростью, тотчас же убил. И, о кто способен постигнуть глубокие суды Божие! Ибо тотчас же, как бесноватый погубил невинного человека, он сразу же стал освобожден от злого духа и возвратился в прежний свой разум, и в дальнейшем уже не страдал более от той болезни. А когда его спросили, почему он совершил это злодеяние, он ответил: “Я видел не человека, но, как мне казалось, я убил черную собаку, которая, кусаясь, старалась схватить меня”.

Следовательно, в этом не прояснилась тайная причина действия Промысла, а именно: ни почему один, получив неожиданно удар, достоин был быть убитым, ни почему другой таким образом удостоился освободиться от нечистого духа. Ибо, что касается того, что видит человеческий суд, и тот невинно был убит; и тот, если судить по внешнему о его вине, казалось, достоин был понести наказание. И что удивительного, если нам не открыты чужие заслуги, зачастую мы сами по тупой забывчивости не знаем, что творим. (...)

Глава 4. Славнейшее явление святых в церкви св. Цецилии в Риме

Также рассказывал мне Райнальд, епископ Куманский, то, что, как он утверждал, он узнал от Гумберта, досточтимого некогда епископа св. Руфины. «Одного пресвитера, – сказывал Гумберт, – когда он спал в ночной тиши, брат его, который к тому времени уже умер, громко позвал в сонном видении, говоря: “Иди, посмотри зрелище, которое не сможешь счесть бесполезным”. И он привел этого пресвитера к базилике блаженной Цецилии, на паперти которой явились Агнета⁴⁷, Агата⁴⁸ и сама Цецилия⁴⁹, а также хор многих блаженных дев, привлекающий к себе внимание удивительными одеждами и изысканностью облика. Они были заняты устройством великолепного престола, отличающегося от прочих скамей в этой церкви, и, вот, всеблаженная Дева Мария с Петром, и Павлом, и Давидом в окружении многих толп мучеников и различных святых вошла и воссела на том престоле, что был приготовлен. А дальше, когда в этом пресвятом собрании наступило молчание и все почтительно стояли возле престола, вот, некая жена, хотя и бедная, однако надлежащим образом облаченная в одеяние из меха, пала к стопам Пречистой Девы и молила Ее, чтобы Та смилостивилась над патрицием Иоанном, уже усопшим. И когда жена, умоляя, то же самое повторила трижды и не могла выпросить никакого ответа, добавила: “Ты знаешь, – говорит она, – Гос-

пожа моя, Царица мира; я та несчастная, которая в преддверии Твоей великой базилики обычно лежала, нагая и дрожащая. Он же, как только это увидел, проникся ко мне милостивым сочувствием и набросил на меня вот эту шубу, которая была тогда на нем”. Тогда всеблаженная Богородица говорит: “Человек этот, о котором ты просишь, угнетен великой тяжестью бесчестных дел; однако были у него эти две добродетели, что был он милостив к нуждающимся и почитал с великим смирением святые места. Ибо часто масло из своих средств подавал и светильникам Церкви моей служил тем, что предоставлял трут”. Когда же и прочие святые свидетельствовали то же о том же самом патриции и уверяли, что Иоанн и в их церквах равным образом поступал, то Царица мира повелела привести его пред всеми. И вот, множество демонов влекут пресловутого Иоанна, со всех сторон связанного пыточными ремнями и истерзанного цепями, впившимися в его тело. Тогда Госпожа наша приказала развязать его и причислить к содружеству святых, а узами, от которых был освобожден Иоанн, опутать другого человека, еще пребывавшего в сей жизни. Затем это собрание святых было распущено, и каждый из них, устремляясь в свою сторону, исчез с глаз наблюдающих. А блаженный апостол Петр пошел в свою церковь; навстречу ему тотчас же поспешил радостный хор всех его преемников, а именно: предстоятелей Римских, со знаками своего достоинства; сам же блаженный Петр, как было видно, был облачен в те же еврейские одежды, как он видится повсюду на иконах, и с фригийской шапочкой на голове; он, как и прочие, носил на себе знаки своего первосвященнического достоинства. Тут возгремел песнопением медоточным и громкими возгласами респонсорий⁵⁰, начинающийся: “Ты есть пастырь овчий”, и это пение сопровождало святого Петра вплоть до места священнослужительского собрания. Придя туда, сам князь апостолов начал вечернее служение со слов: “Господи, уста мои отверзеши”, затем прочел, согласно канонам, три псалма и столько же чтений и респонсориюв, сколько перечисляется в службе святым апостолам. Итак, когда все было по порядку надлежащим образом исполнено, а вслед за тем были пропеты также и утренние хвалы, зазвонил колокол той церкви, и тотчас же пресвитер, который это видел, пробудился ото сна и сновидение пропало.

Кроме того, тот же, что упоминался выше, епископ рассказал мне, что некий монах ежедневно, когда проходил перед алтарем Всеблаженной Приснодевы Марии, по обычаю быстро прочитывал антифон, что начинается так: “Радуйся, Богородица, Дева Непорочная, радуйся, весть благую от ангела принявшая; радуйся, родившая Ясность Света Вечного; радуйся, Мать, радуйся, Пресвятая Богородица, Дева. Ты одна Мать Невестная. Всякое творение Тебя восхваляет, Родительница Света, буди нам заступницей”. Однажды, когда он, проходя мимо, пропел этот антифон, то услышал голос, исходящий из алтаря: “Радость ты Мне возвестил, пусть и тебе радость будет”.

Глава 5. Пресвитер, совершавший ежедневно поминальные службы, вводится в Небесное Царство

Этот же епископ рассказывал мне, что некий брат не служил ни ежедневных служб, ни праздничных служб святым, но исполнял с радостью лишь поминальные службы. Когда же, отдав положенный долг уделу человеческому, он предстоял престолу Вышнего Судии, демоны толпою стали яростно и настойчиво обвинять его в том, что, пренебрегая правилом церковного устройства, он презрел обычное служение и не исполнял обеты свои пред Богом. Тогда Всеблаженная Царица Мира Приснодева Мария и с Нею весь сонм святых со всей силой тому воспрепятствовали и единодушно встали на его защиту. “Он, – говорят, – был наш капеллан и служитель; и тем, что всегда охотно участвовал в поминальных службах по усопшим, без сомнения, служил всем нам. Да не будет того, чтобы этот вот муж попал в руки нечестивые, ибо, пока жив был, много потрудился в благочестивом усердии по отношению к нам”. Так, благодаря молитвам Всеблаженной Девы и прощению всех святых, он удостоился перейти в их сообщество. Однако епископ, рассказчик этого дела, не знал, то ли сей брат обращался к нам, то ли к другим, пребывающим в сей жизни.

Пишу это тебе, досточтимый отче, по-дружески, ибо так твоим утешением увеселяюсь, словно сладкими кушаньями, и душа моя тотчас ликует и возгорается, когда попадает что-нибудь подходящее, чтобы тебе описать.

Да будет благословенно имя Божие.

Проповеди

Слово о духовной брани

Если мы хотим усердно поразмыслить, братия возлюбленные, откуда мы приходим и куда призываемся, нет в нас достаточных сил, чтобы воздать благодарение Богу. Ибо мы сыны Израиля, которые служили фараону в Египте [ср. Исх 3, 7.9], которых угнетала тяжкая власть надменного царя. Потому что радовался князь мира сего, бесконечно истощая нас под железным игом своего рабства и всегда занимая исполнением рабских трудов. Он принудил нас сушить кирпичи, ибо приказал не из драгоценных камней добродетелей построить Храм Богу, но, скорее, создать себе земляное строение. Но, вот, уже Бог отцов наших, Бог, благословенный вовеки, исторг нас из Египта, то есть из мрака ветхой жизни, освободил из тиранического господства и безопасно ввел нас в землю обетованную.

Ибо в землю обетования мы вступили уже с Тем, на Кого, презрев желание мира, возложили упование твердой надежды в вечности; и уже в надежде мы обладаем ею, которую на деле будем после населять по благодати Божией. В эту землю уже по благодати надежды были введены те, кому говорил Петр: “Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в

удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет” [1 Пет 2, 9].

Но так как в эту землю, под вождением Божественной благодати, мы вступили, уже не должно нам посвящать себя праздности, подчиняться расслаблению и бездеятельности, неразумно предаваться сну или неосмотрительной беспечности. Потому важно, чтобы мы, всегда препоясанные оружием добродетелей, непрестанно стояли на страже, охраняя свое Отечество, и вели упорно брань против свирепых врагов наших.

Посредством войны мы достигнем мира, от трудов перейдем к покою. Ибо нет без битвы победы, и без победы не стяжать венца. Есть у нас внутренние враги, с которыми неустанно и без какого-либо совершенно перерыва мы принуждены сражаться, если не хотим погибнуть. А враги наши, против которых мы всегда стоим в битве, не разрушают возведенные нами крепостные валы, не срывают до основания городские стены, украшенные башнями, не пересекают ни глубоких рек, ни обрывистых гор, не сходятся с нами лицом к лицу, хоть и противостоят нам. Они всегда с нами, ибо живут в глубинах нашей души. Есть семь основных грехов, из змеиноного семени которых происходят, тем не менее, прочие язвы пороков, словно ядовитые потомки, каковые, конечно, суть гордость, жадность, пустая слава, гнев, зависть, высокомерие, уныние. Мы опустим их тщательное обсуждение по той причине, что находим, что большинство толкователей священных слов оставили о них многие рассуждения.

Нам достаточно будет утверждать только то, что кто бы против того врага ни сражался, кто пренебрежет победой при Божией помощи над ним, тот никогда не сможет быть победителем в духовной брани, никогда не стяжает венца победы: “не увенчивается, если незаконно будет подвизаться” [2 Тим 2, 5]. Это, наконец, суть те народы, которые Моисей предписал народу Израильскому уничтожить и стереть их с лица земли без заключения какого-нибудь договора: “Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их” [Втор 7, 1–2].

Вот, вы услышали, братия возлюбленные, что Всемогущий Бог предал в наши руки враждебные нам народы, и их в решении Своего Промысла уже истребил от лица нашего. Почему же мы цепенеем в низменной бездеятельности? Почему не спешим взять принесенную нам с небес победу? Почему из того, что уже установлено на Вышнем Суде, не выполняем то лишь, что относится к нам? Ибо если мы осмотрительно обдумаем сам смысл слов, уже увидим те народы, каковых нам самим приказывается убивать и истреблять, простертыми перед Божественным судом. Ибо когда говорится: “Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и

изгонит от лица твоего многочисленные народы” [Втор 7, 1] и немного далее прибавляет: “поразишь их” [Втор 7, 2], ясно, как день, что Всемогущий Бог в Своем предзнании уже уничтожил наших противников, о которых промыслил, чтобы мы их истребили. Он Сам сражается и призывает, чтобы мы победили; Сам уничтожает силы врагов и приписывает нам звание победителей. Он хочет, чтобы мы были победителями в Его геройском деянии, чтобы по заслугам Он смог увенчать нас, торжествующих победу.

Итак, да не сломит нас никакое отчаяние, кого увещание вышней силы побуждает храбро действовать. И никакая немощь человеческого состояния да не воспрепятствует, когда поддержка Божественного повеления укрепляет нас на брань. Послушаем и мы, что им было сказано: «Если скажешь в сердце твоем: “народы сии многочисленнее меня; как я могу изгнать их?” Не бойся их, вспомни то, что сделал Господь, Бог твой, с фараоном и всем Египтом, те великие испытания, которые видели глаза твои, знамения, чудеса, и руку крепкую и мышцу высокую, с какими вывел тебя Господь, Бог твой; то же сделает Господь, Бог твой, со всеми народами, которых ты боишься» [Втор 7, 17–19]. Так почему же по немощи своей не доверяем мы, у которых есть Вдохновитель силы, идущий впереди, и Вождь нашей схватки, что не обещает победы Тот, Кто есть Вождь и Вдохновитель битвы?

Итак, да возгорится душа любовью к борьбе и выйдет на ристалище, чтобы сражаться, да воодушевятся вялые души для окончательной победы над боевым строем вражеским. Да не будет у нас никакого соглашения со врагами нашими, никакие преимущества заключения перемирия да не прекратят нашей брани. Ибо бесславно не идти на битву; идти же и действовать с медлительностью, без сомнения, смертельно опасно. Ибо лучше уж не узнавать пути истинного, чем узнав, поворачивать назад. Некоторые, быстро освоив первые шаги священного воительства, расслабляются и пребывают в теплостности духа настолько, что если кажется, что они не творят зла, то уж и не стремятся души свои совершенствовать трудами многими и пота пролитием. Они, конечно, не утруждаются, чтобы победить голод голоданием, чтобы противиться наслаждению предложенных кушаний, чтобы переносить суровость мороза, чтобы приходить раньше всех на общие бдения; они, разумеется, если даже и не пользуются недозволенным, однако и тем, что дозволено, наслаждаются в свое полное удовольствие. Они, в самом деле, введены в ряды святого воинства, но что такое духовная брань, не ведают. Считается, что они приписаны к числу воинов, но ясно видно, что военной службы они не знают. Потому они, безоружные, не боятся ходить среди вооруженных мужей, не стыдятся беспечно и неспешно прогуливаться между рядов воинов, броней защищенных; и по этой причине гибнут от первого же удара какого-нибудь брошенного дротика, ибо не защищены предусмотрительно никаким щитом, и лучше было бы таким людям жить, оставаясь неизвестными, в доме, обнесенном оградой, чем погибать, раз неспособны они к войне, без славы и наград во время военных действий.

Базилика св. Амвросия, Милан. Атрий XI–XII вв.
Ch. Brooke The Monastic World. N.Y., 1974. P. 221

Во всяком случае, тот, кто, нося монашеское одеяние, ищет услаждения плоти, желает выжать сок из сухого древа; и, конечно, от такой изнеженности и ослабления образа жизни со многими случается, что в то время как они знают многое, но не знают себя, и совершенно не понимают, что за трудности им самим придется претерпевать; и так бывает, что тем, кому дано познать многое внешнее, еще не хватает, как представляется, испытаний для познания самих себя. Ибо мы видим весьма многих, уже давно пребывающих в священном лике, которые еще не знают, какие труднения они могли бы понести в постах, какие в бодрствованиях, какие в прочих делах Небесного учения: “А кто не понимает, пусть не понимает” [1 Кор 14, 38]; каким же образом будут или Богом узнаны, или удостоются узнать Бога Самого те, которые в служении Ему изобличены в незнании самих себя? Но воин, горящий желанием битвы, который осаждает городские стены, стремится приблизиться к крепостным укреплениям, пытается занять валы и прямо под градом летящих стрел высматривает, где он сможет стремительно ворваться в город.

Итак, тому, кто желает победить самого себя, позорно не иметь понятие о мере своих сил. Ибо по этой причине говорит Господь: “подвизайтесь войти сквозь тесные врата” [Лк 13, 24]. Еще не воспринял себе тот воин Господень такой опыт, о котором говорит Писание: “и возложил \langle Саул \rangle на голову его медный шлем, и надел на него броню, и опоясался Давид мечом... сверх одежды и начал ходить, ибо не привык; потом сказал.: я не могу ходить в этом, я не привык. И снял Давид все это с себя” [1 Цар 17, 38–39]. Давид умно уже испробовал на себе такое же, когда забрал меч Голиафа Филистимлянина, завернутый в плащ и лежащий позади эфода, и унес с собой, убегая от лица преследующего его Саула, сказав: “нет другого меча, ему подобного” [1 Цар 21, 9]. В том-то и есть доказательство того, что муж преуспел в состязании духовной брани, если уже он чувствует более слабое упорство пороков против себя; если легко подавляет поднимающиеся в себе движения плоти; если уже с меньшим трудом сдерживает шум волнующихся помыслов; если обрывает вырастающие шипы плотского соблазна, тотчас, как начнут появляться; если гордыню, непокорность, роскошество и прочие пороки, как только они подымают головы, тотчас же посекает мечом страха Божия.

Впрочем, какая польза кому-нибудь долгое время состоять в святом воинстве, кого ты видишь, словно бы с самого начала военной службы, слабосильным и все еще хромающим? Именно от такого нерадения и расслабленности удерживает превосходный проповедник своих учеников, говоря: “укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось” [Евр 12, 12–13]. Рука, искусная в битве, легко достигает торжества победы; тело, привыкшее к доспеху, оказывается готовым к сражению. А что иное должно сказать монаху, которому до сих пор невозможно подавить гордыню, сдержать жадность, угасить пыл зависти, сохранить ум чистым от порывов распутства, кто не в силах удалить яд злобы на обидчика, кто поддерживает несправедливость ради сохранения

строгости правосудия, как не то, что, он уже давно приписал свое имя к святому воинству, но, что есть духовная брань, до сих пор совершенно не знает? Конечно же, стремящимся к совершенствованию должно быть свойственно напряжение всех сил, чтобы, спасительно закаленные, они скорее научались не знать этих искушений, чем их побеждать. Да будет стыдно тем, кто открыто объявляет, что они умерли со Христом, а в них до сих пор предерзостно живут непокорные порывы плоти и страсти души, чему необходимо сопротивляться в самом начале схватки, а не тогда, когда есть время; чтобы уже по праву можно было бы отдохнуть заслуженным бойцам, пока вступают в сражение новобранцы.

Итак, пусть научится воин Христов, пока он еще молод, вступать в рукопашный бой, научится, когда вылезают разные пороки, выходить им навстречу, смотря по тому, как дело подсказывает. Пусть осмотрительно поворачивается во все стороны и смотрит повсюду, опираясь на длительный опыт, и отдельным стрелам, которые летят в него, пусть противопоставит броню защиты, чтобы гордыню повергнуть смирением, обжорство ограничить воздержанием, кротостью поправить гневливость, жадность обуздать щедростью, пыл плотского похотения угасить ужасом вечного огня, полено ненависти погасить огнем сладчайшей любви.

Бог, Который внимательно и глубоко смотрит на все, что живет в душе, увеселяется, конечно, такой вот борьбой. Радуются и ангелы таковому зрелищу, видя, что человеческая природа борется с тем, что направлено против нее самой, и преображает себя для их сообщества, из которого была изгнана; и, борясь с собою, она стремится, без сомнения, к истинному миру, который некогда для себя она потерял, уступив злу, ибо не сопротивлялась.

Не будем сетовать, братия мои, если по желанию сразу же все не победим, если в этом затруднении борьбы будем выносить горести, труды, утеснения и особо тяжкую досаду в душе, часто сомневающейся. Ибо в том нам оказывается попечение Божественного Промысла, чтобы наш дух не возносился в надменности от неожиданной победы и с высоты своей не упал бы глубже, если припишет силу своей победы не Творцу Богу, но себе. Именно потому народу Израильскому сказано устами Моисея: “дабы смирить тебя и испытать тебя, чтобы впоследствии сделать тебе добро, и чтобы ты не сказал в сердце твоём: “моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие”, но чтобы помнил Господа, Бога твоего, ибо Он дает тебе силу” [Втор 8, 16–18]. И даже потому душа нередко, победив в себе многое и сильное, но, сколь бы ни остерегалась, не покорит одно что-нибудь, возможно, малейшее. Так, конечно, устрояется по Божественному Промыслу, чтобы тварная природа человеческая, сияя всеми добродетелями, не поднялась бы в превозношении; так, что победу в той битве, в каковой, как она думает, она победила сильные грехи, а при том не может при всем старании укротить маленький грешок, она приписывала не себе, но Тому, благодаря дару Которого она смогла превзойти то, что было побеждено. Поэтому сказано: “Вот те народы, которых

оставил Господь, чтобы искушать ими Израильтян” [Суд 3, 1]. Как Израиль наставляется благодаря сохраненным другим народам, так и душа наша научается благодаря противодействующим ей малым, ибо никоим образом она не стоит выше большего.

В этом смысл всего делания, братия возлюбленные, по причине которого мы оставили мир; в этом пребывать должно всему нашему помышлению; возрадуемся, что мы пришли к святому лику для того, конечно, чтобы душа наша, препоясавшись оружием добродетелей, всегда упражнялась в духовной брани и силилась пламенным духом окончательно победить чудовищные пороки, которые нас окружают и не собираются ослабевать. Ибо что пользы было Израильскому народу оставить Египетские пашни, если бы не горели они желанием сокрушить выи врагов поражении одержать победу, чтобы после в мире и покое они могли владеть лучшей землей? Наконец, кто бы выиграл и что было бы дальше, если бы они избежали ига фараонова, под которым им позволялось худо-бедно как-то жить, и если в расслабленной беспечности привлекли бы мечи Хананеев на свои головы?

Итак, мы, братия возлюбленные, желающие достигнуть венца, отважно и неустанно сражаясь, да отбросим надменное бездействие и вялую расслабленность. Пусть мы будем всегда готовы обрушиться на боевой строй пороков и извергнуть рыкающих зверей с поля сердца нашего, и не позволим им поселиться для губительного суда в том месте, что наше по праву. Да не увидят недруги наши, да не будет этого, что мы отходим в бессилии, чтобы тотчас же они, рукоплеща самим себе, могли бы бурно радоваться нашему отступлению. Ибо у нас есть непобедимый Вождь нашей брани, Которому мы с твердым упованием говорим: “Вступишь, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною; возьми щит и латы и восстань на помощь мне” (Пс 34, 1–2). Счастлив тот воин духовный, кто следует в битве за таким Вождем, кто удостоен иметь такового Вдохновителя своей схватки, Который и дерзающему подает отвагу, и сражающемуся победу, и побеждающего ведет вперед к венцу славы, и, что еще лучше, Он Сам есть для сражающихся царское вознаграждение, для заслуженных бойцов – вольный город, для торжествующих победителей – вечная Награда, Иисус Христос, вчера и сегодня, Бог, благословенный во веки. Аминь.

Слово о перенесении мощей св. Илария Пиктавийского⁵¹, епископа и исповедника

Возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные, ибо мы торжественно собрались вновь для воспоминания высочайших заслуг блаженного Илария. И само необыкновенное значение его имени побуждает нас к тому, чтобы душа наша под действием духовной радости возвеселилась достойным одобрения образом. Тем не менее, и то достойно, чтобы в то время как мы почитаем перенесение мощей блаженного мужа, мы обратили души наши от земных желаний к небесным, чтобы наш ум тщательно осмыслил, что в то время

как персть тела его и мелкий прах в столь высокой чести находится у людей, сколь великим значением славы он обладает на небесах, где честь истинна и несравненна. Но желательно уже вкратце рассказать историю переноса его мощей, чтобы потом никто не блуждал в догадках и сомнениях касательно преславного происхождения этого праздника.

Так вот, когда исповедник Христов Фределин достохвально управлял монастырем блаженного Илария, что расположен в предместье Пиктавы, и пользовался там уважением по причине замечательных правил святой жизни и преславной честности обычаев. Ему в видении предстал воочию блаженный Иларий и среди прочего иного властно и настойчиво поручил ему, чтобы тот вместе с нынешним Пиктавийским епископом без промедления шел как проситель к королю франков, который тогда держал в руках бразды правления, и они смело просили денег на расходы, которые нужно будет понести, чтобы монастырь мог расшириться и сделаться более величественным. Сверх того, к этим словам святой настоятель добавил, что после того как монастырь будет отстроен заново, он уже предусмотрел себе подобающее место, где его мощи положат, когда совершится их перенесение. Король принял их снисходительно и благожелательно, когда они явились к нему по благому указанию с посольством, и предоставил им великолепные дары королевской щедрости.

Итак, неутомимые слуги Божии столь долго и ревностно подвизались в начатых трудах, отстраивая монастырь при помощи каменотесов и каменщиков заново и во всем великолепии восстанавливая его, пока не только громадное сооружение довели до завершения, но еще с обеих сторон, то есть изнутри и снаружи, одели стены сияющим мозаичным убранством. Когда в этом труде не хватило королевского дара, епископ не прекращал добавлять недостающее из церковных средств. Наконец, после не только завершения отделки монастырского строения, но еще и освящения ее благословениями священнического служения, в скором времени разобрали могильную насыпь, в которой было погребено тело святого. Был установлен день, в который перенесут святые останки, и вот, накануне ночью, когда епископ и настоятель в непрестанных бдениях и молитвах проводили ночное время, внезапно они увидели, что блаженные ангелы вынимают тело святого из могилы, которая уже была разрыта, и собственными руками относят на место, которое он себе приготовил. Итак, когда это было совершено, блаженный Иларий увещал святого Фределина посредством видения, чтобы он вместо себя поставил на управление киновии некоего ирландца, близкого себе по родству, а сам поспешил бы на Галлинарийский остров⁵², чтобы построить церковь в честь этого же блаженного Илария. Фределин тотчас же смиренно последовал повелению блаженного служителя Божия, и не только то, что было приказано, но еще и другие четыре монастыря построил в его честь. Хотя житие блаженного Фределина, в котором оказалась изложение этой истории, вовсе не попало в наши руки, однако то, что там написано, стало известно нам в пересказе братий.

Итак, вот таковы основания этого священного торжества, вот достойная причина сегодняшнего праздника, дабы, празднуя перенос священных останков, во всей полноте возрадовался благочестивый народ верных тому, погребение которого совершало войско ангельское. Далее, по случаю честного перенесения мощей приходят нам на память и прочие дела блаженного мужа, которые, совершенные задолго до наших времен предстают взору нашему будто недавние и новые. Ибо как только мы начнем толковать о деяниях досточтимого мужа, тотчас же приходит на память, сколь твердо он, словно несокрушимая стена Церкви, противостоял стрелам еретиков, как он, непобедимый воин, попраля учение злых ариан ради католической истины.

И то не пустое, что, когда он собирался сражаться против нечестивости еретиков и направился в град Селевкию Исаврийскую⁵³, девица-язычница, наученная свыше, провозгласила пришествие столь великого священнослужителя и потому вместе с отцом своим Флоренцием и всей семьей удостоилась принять таинство Божественного крещения.

И да не будет забыто и то необыкновенное чудо, когда на Галлинарийском острове ярость огромных ядовитых змей не смогла устоять пред силой столь славного предстоятеля, но змеи, устрашенные и словно бы пораженные все истребляющим грохотом, даже веку простого посоха, который святой вбил перед собой в землю, не осмелились перейти.

И то, как следствие, вспоминается, как этот же замечательный предстоятель не только возвратил матери живым и невредимым отрока, умершего без благодати Крещения, но еще научив его основам истинной веры, присоединил к сынам святой Церкви.

Итак, эти и многие другие примеры чудесных дел св. Илария приходят нам на ум по случаю честного перенесения его мощей, воспламеняя нас к любви к Богу и к благочестивому почитанию преславного священнослужителя. Ясно, что, в то время как Святая Церковь почитает перенесение мощей многих праведников, которые управляли людьми при помощи любви, со сколь большим усердием к благочестивому почитанию должно торжественно вспоминать вновь это вот перенесение, которое совершенно руками ангелов? Но что означает то, что Господь Сам скрыл тело Моисея и не пожелал, чтобы гробница его была известна людям, а тело блаженного Илария не только перенес при посредстве ангелов на глазах у людей, но и возвысил в славе столь великой чести и в почитании всей Церкви. Ибо о Моисее написано: “И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню; и погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня” [Втор 34, 5–6].

Итак, что же это значит, что о гробнице Моисея не знают, а Илария люди посещают ежедневно со всей славой великой христианского почитания? Что значит, спрашиваю, что Моисей скрыт от людей, если не опасение дать Израильскому народу в нечестии его повод для Божественного почитания того, о ком известно, что он столь любим и близок Богу? Тела же других святых не

скрываются, чтобы, пока не убывает поток христиан, их почитающих, и знамения чудес, сияющих золотым нетварным светом, чрез святых совершались бы и возрастала бы высота их блаженных заслуг.

Кроме того, по той причине некоторые христиане после смерти помещаются в более известные гробницы, чтоб они воспоминанием о себе побуждали живых по их примеру не отказываться от дел милосердия. Именно из-за этого по обычаю погребение называется “поминование”, что при том хранят память живые и обретают покой усопшие. Но что же означает, что некоторые из святых позаботились предуготовить гробницы своим телам? В самом деле, Авраам купил у сыновей Хетовых двойную пещеру за чetyреста сиклей серебра [Быт 23, 10–17], Иаков и Иосиф к этой же пещере простирали все желание своей души и просили, чтобы их тела перенесли туда после кончины [Быт 49, 29; 50, 25]. Итак, что же означает, что святые патриархи, которые явно говорили, что они прах и пепел, которые в действительности презрели плоть и всякое плотское помышление ради созерцания небесного, столь желали, чтобы их тела упокоились в земле Хананейской? Почему это место они по сравнению с прочими частями мира предвидели в качестве места своего упокоения, если не потому, что знали, что там родится Творец человеческого спасения от их семени? Вот почему Иаков умоляет сына своего Иосифа, говоря: “если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте, дабы мне лечь с отцами моими; вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в их гробнице” [Быт 47, 29–30]. Почему же в знак подтверждения клятвенного обещания, Иаков попросил, чтобы сын положил руку ему под стегно, если не потому, что признал, что Тот, Кто есть Высшая Истина, должен произойти от его собственного семени? Итак, после того как на этих пределах земли блаженные мужи в духе уже узрели запечатлеваются следы Спасителя, после того как внутренними очами уже увидели, как алеет Кровь драгоценного Тела Господня, они уже в сердце своем страстно желали, чтобы здесь их тела ожидали бы своего воскресения там, где, как они знали, воскреснет Сам Творец блаженного Воскресения.

Да обратим и мы, возлюбленные, к Нему проницательность нашего ума, раз не можем мы ногами дойти до Него, да устремимся к Нему поспешением пылкого желания, и всякий раз, как оказываем почитание мощам святых, да направим взгляд нашего ума к Одному и Единственному Телу, Которое, как мы верим, несказанно вознесено в славе Отческого величия. Несомненно, Он и есть та земля, о которой в свое время воздыхали блаженные патриархи и пророки, а именно: земля, текущая млеком и медом. Ибо млеко истекает из плотских сосцов, мед же из небесных приходит. И поскольку вещество Господнего Тела произошло из утробы Девы, а Божество сошло от Отческого Величия, Тело Господне справедливо называется Землей Обетованной. Об этой земле говорится, что она течет млеком, а равно и медом, ибо верно, что в Телe нашего Искупителя есть и вещество, и несказанная сладость Божества. Как говорит Апостол: “в Нем обитает вся полнота Божества телесно” [Кол 2, 9], и

в другом месте: “Бог во Христе примирил с Собою мир” [2 Кор 5, 19]. Да изволит нас привести в эту землю живых Тот, Кто не презрел понести смертное естество земли нашей, дабы там, питаясь млеком и медом, мы насыщались присутствием и медоточной сладостью нашего Создателя, Который с Богом Отцом и Святым Духом живет и царствует во веки веков. Аминь.

Гомилия на праздник Входа Господня в Иерусалим

“И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами” и далее [Мф 21, 1–2].

Господь, идущий по Своей воле на страдание ради спасения рода человеческого, так же добровольно пришел к месту страдания Своего. Для того Он пришел в мир, для того родился, чтобы тем страданием нас освободить. Зная об этом, пришел Он в Иерусалим, зная об этом, сопровождаемый великой толпой народа, торжественно Он вступил в город, в котором предан, в котором – распят Он должен быть. “Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!” [Мф 23, 37]. О, несчастный город, сколь славное о тебе говорили бы, если бы ты признал приходящего Господа ты, если бы оказал должное почтение, узнав Его! О, жалкий, о, ослепленный злым заблуждением, – пришел к тебе твой Спаситель, и ты не можешь, ты не хочешь признать его. Он пришел, чтобы спасти; ты отступаешь от Него, чтобы приступить к погублению Его. Он приготовил тебе, как больному, исцеление, ты приготовил Ему, словно вору, крест. Почему тебя покрыла столь непроглядная тьма? Почему ты не вспоминаешь, что сказано устами пророка Захарии: “Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной” [Зах 9, 9]. Вот, сколь великое зло ты замыслил в нечестии своем, боишься принять Царя своего, чтобы не лишиться земного царства. Но тем, что ты Его не принимаешь, ты теряешь и Царство, и народ. Ты желаешь убить одного человека, чтобы не погиб весь народ [ср. Ин 11, 50]. Но тем, что убиваешь Одного, у тебя погибают все. Потому о тебе должно справедливо сказать: “Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные!” [Ис 1, 4]. Вы – “порождения ехиднины”⁵⁴, которые рождаются не иначе, чем разрывая бок матери своей; так и ты не думай, что выйдешь иначе, чем чрез обогранный кровью бок Отца твоего, который создал тебя. Дитя, которое погубляет родителя своего, жестоко и само должно погибнуть. Но что сказать о слепоте Иудеев, уже упомянутой? Они были слепы, “водители слепых”, и потому и те, и другие, то есть начальники и меньшие их, упали в яму [ср. Мф 15, 14].

Но Ты, Господи Иисусе, возрастает изумление и сострадание к Тебе. Почему идешь к Иудеям, которые злоумышляют о душе Твоей? Они же предатели и человекоубийцы, не верь им, они обрекут Тебя жестокой и позорнейшей смерти, ибо Тебя не любят, Тебе не сочувствуют. Почему Ты спешишь перенес-

ти столько осмеяний, столько бичеваний, столько поруганий, почему хочешь, чтобы Тебя терновым венцом увенчали, оплевали, уксусом напоили, копием пронзили, умертвили и в гроб положили? От этого Твоего помышления, от этого Твоего решения ослабевают дух мой. Сострадаю, Господи Иисусе, угнетениям Твоего страдания. Кажется, не идет у меня из ума просьба Петра, друга Тебе: “будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!” [Мф 16, 22]. Не подобает Сыну Божию изведать смерть. Но Ты, решившийся претерпеть смерть, замыслил иначе. Итак, что же? Должно держаться помысла Петра или Иисуса? слуги или Господина? ученика или Учителя? Но “ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего” [Мф 10, 24]. Потому нужно согласиться с помыслом Господина и Наставника, который ни по чьему совету не действует; чтобы мне не сказали, как и Петру: “отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое” [Мф 16, 23]. Ибо Петр не знал, что Христос положил от начала, что Он смерть нашу, умирая, разрушит, и жизнь, воскресая, восстановит.

Итак, Божественная Премудрость мудро пожелала исполнить до конца то, что решила. Господь пожелал, согласно пророческим словам, как смиренный и бедный, сесть на осла и прийти в Иерусалим [Зах 9, 9]; как евангелист говорит: “когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязавши, приведите ко Мне” [Мф 21, 1–2]. То селение означает мир, который был против Господа и Его учеников и не только преследовал их поруганиями и бичеваниями, но еще и предал жесточайшей смерти. Потому Господь сказал: “Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир” [Ин 15, 18–19].

Ослицей и молодым ослом, привязанными в селении, означаются народы иудейский и языческий, каждый из которых находились во власти греховных уз. Ослица подъяремная означает иудейский народ, подчиненный ярму закона. Осленок, резвящийся и невзнузданный, значит язычников, ходящих по желанию плоти. Два ученика, посланные в город, суть проповедники двух заветов, преданные двойной любви, а именно: к Богу и к ближнему, или Петр и Павел, из которых один был апостолом языческих народов, другой – народа иудейского. Потому сам Павел говорил: “Ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников” [Гал 2, 8]. Они освободили оба народа от заблуждения неверия и словом проповедания привели к вере во Иисуса Христа. Господь восседает на них, ибо из веры их оправдывает их, как написано: “душа праведника – престол Премудрости”⁵⁵. Об оправдании и тех и других говорит Апостол: “Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдывает обрезанных по вере и необрезанных через веру” [Рим 3, 29–30].

Это может быть понято и в нравственном смысле. Виффагия толкуется как “дом священного хлеба”, что есть смысл священнослужения, тем самым она обозначает “исповедание”. Господь пришел к ней, ибо Он возжигает сердца к исповеданию грехов. Селение, которое против Господа и его учеников, есть дух упрямый, преданный своеволию. Два ученика, туда посланные, суть надежда и страх. Привязанные ослица и осленок суть смирение и простота. Ибо духу тому и тогда было известно, что есть смирение, что есть простота, и что должно жить смиренно и просто; но словно бы их привязывает и оставляет, когда не желает их нагружать. Его устрашает страх, грозящий ему муками, как только он опомнится и оставит зло. Укрепляет его надежда, обещающая награду, если он покается. Терзается дух между этими двумя исходами. Выйдя из Виффагии навстречу Господу, ослица с осленком освобождается, исповедует грех свой и обещает, что теперь будет жить смиренно и просто. И так селение, который прежде было оплотом дьявола, делается градом крепости нашей, Сионом; “спасение Он дал вместо стены и вала” [Ис 26, 1]. Стена есть смирение, вал – терпение.

Выйдем же, возлюбленные, навстречу Господу, из Виффагии, уязвляемые страхом перед наказанием и укрепляемые надеждой на небесную жизнь, и, ходя просто, сбросим одежды плотскости нашей, чтобы Господь не презрел воссесть на нас и ввести нас с Собою в Небесный Иерусалим. Аминь.

Послания

Благочестивым и почтенным епископам апостолического престола Бонифацию и Стефану грешный монах Петр свидетельствует покорность

Не желаю, возлюбленные мои братия и господа, чтобы вам осталось неизвестным, что этот вот новый Иаков⁵⁶, а именно, управитель монастыря святого Аполлинария, вполз на вершину нашей горы. Да, кто привык ползать по ровным и бесхолмным долинам, защищенным со всех сторон, принужден был, подгоняемый шпорами страха Божия, стремительно, словно на крыльях, брать приступом обрывистые горы; и кто по равнине едва плелся, прихрамывая, обходит ныне горные хребты, прыгая по скалам и ущельям. Вот почему обращаюсь я к снисходительности Вашего братолюбия, когда вы двое, словно Петр и Иоанн⁵⁷, принуждаете хромого бегать, – с кротостью подайте ему не золото и серебро, которых с собой у вас, пожалуй, нет, но милосердие, которое имеете и которое изобильно изливаете, окажите милость ему. Да укрепятся таким образом “его ступни и колени”, чтобы не нужно было бы ему волноваться о лишении места и разрушении своего жилища. Итак, да будет ему на пользу восхождение на вершину столь крутой горы, и пусть оттуда он воздаст Богу благодарение до тех пор, пока не войдет в свой храм, “ходя, и скача, и хваля Бога”.

Господину архидиакону Гильдебранту⁵⁸, грешный монах Петр свидетельствует покорность.

Удивляюсь, досточтимый брат, почему святая душа твоя никак не может смягчиться по отношению ко мне, так что ни одного слова, в особенности, когда меня рядом нет, ни ко мне, ни обо мне ты не произносишь, что, как представляется, прямо относится к служению любви. Но всякий раз, когда отправляется ко мне посольство или, быть может, заходит обо мне речь в твоём присутствии, сразу же имя моей скромной особы порицается, слава оплевывается, легкомыслие осмеивается, и обо мне говорят так, что и недругам моим в забаву, и мне – горестное смущение. После того как я присоединился к Римской Церкви, я всегда старался во всем подчиняться – о, если бы так же Богу или Петру! – и твоим начинаниям, и твоим устремлениям, и был рядом во всех твоих битвах или победах, но не как соратник или слуга, следующий за господином, а бросался в бой и разил, словно молния. Разве хоть в одной тяжбе, тобою начатой, я не становился тотчас же либо участником либо судьей? Где следовал ни какому иному каноническому предписанию, конечно же, а только решению твоей воли, и лишь воля твоя была для меня предписанием канонов. Никогда я не судил, как казалось правильным мне, а как угодно было тебе. Кроме того, сколь хвально имя твое было в устах моих, можешь узнать хотя бы у настоятеля Ключнийской обители, который тебе знаком. Ибо, когда о тебе как-то раз зашел разговор, он сказал: “Не знает он, сколь велика сладость любви, что ты к нему питаешь, в противном случае, конечно, если бы знал, то вспылал бы и к тебе несравненной любовью”. Но что мне растягивать это письмо, которое, я даже не надеюсь, что ты прочтешь? Конечно, нет никого, живущего во плоти, к кому бы я писал письма охотнее, если бы ты изволил обратить на них свой взор. Но поскольку у меня нет такой надежды, обрати внимание хотя бы, сколь тщательно отделан и изящен мой стиль, изобилующий цветами красноречия, блистающий тонкостью речи. Но увидишь ты или не увидишь этого, я сим письмом возвращаю тебе епископство, которое ты мне вручил, и всякое право и власть, по чину епископства, как казалось, мне принадлежащие, я с себя слагаю.

Господину Петру, тисцу святого дворца, Петр, слуга слуг Креста Христова, свидетельствует покорность и служение самой горячей преданности

Любезнейший друг, поскольку мне не безызвестно, что ныне из себя представляет Рим, а также часто я слышу о твоих достоинствах, то могу заключить лишь, что Тот, Кто может насадить белую лилию в густоте терний [Песн 2, 2], еще и тебя, по достоинству твоему, Сам пожелал представить римским твердыням. Вот почему, без сомнения, тебе понятно мое желание, чтобы ты относился ко мне с любовью; и вот почему я стремлюсь, чтобы связывали нас с тобой узы единодушия и согласия. Этому моему желанию не в силах помешать и удаленность наша друг от друга. Ведь я не вижу око на своей голове, при помощи которого вижу, однако, несмотря на это, я с радостью

им пользуюсь; и так как мне на ум пришло “око”, когда я приводил пример, то ты мне будь оком с той стороны, ты будь наставником, насколько будет мне дозволено увидеть, смогу ли я потрудиться пред блаженнейшим этим апостолическим папой. Ибо если Римский престол не возвратится в состояние правильности, несомненно, весь мир после ложного шага будет пребывать в своем заблуждении. И уже наступила необходимость, чтобы именно в том месте началось обновление, которое стало основанием начала человеческого спасения. Но поскольку столь рассудительному мужу не нужно многих слов, то пусть деревенская простота не оскорбит столичную утонченность, и, прошу, да не погнушается читающий это письмо написать ответ. Но по малому пергаменному листку совсем краткого письма познай обширную библиотеку моего сердца.

Молитвы

О святом Кресте

Молю Тебя, всемогущий Отче, чтобы небеса открыты были для меня, когда поклоняюсь я Кресту возлюбленного Сына Твоего, чтобы и молитва моя могла бы дойти до Тебя, и милосердие Твое сошло бы на меня. Ибо эта Жертва единственная, милосерднейший Господи, в благоухание приятное Тебе принесенная, и суды Твои над нами умягчает и, словно курение святого фимиама, поднимающееся из кадиланицы великой тайны страдания, обоняние человеческих душ услаждает. О, несказанная Жертва, истребившая печать древнего проклятия и запечатлевшая на нас знамение вечного благословения! О, приношение Жертвы истинного умилоствления и истинной хвалы, удалившее вражду древнего преступления и восставившее договор вечного согласия между небом и землей! С помощью этой, Господи, необыкновенной хоругви со знаменем силы Твоей меня, несчастную овечку стада Твоего, исторгни из окровавленной пасти льва, чтобы, Тобой побежденный и Тобой сокрушенный, он не мог торжествовать надо мной победу. Приведи меня вновь на вечно прекрасные зеленые пастбища Твои, не оставь раба, за которого Ты не презрел отдать Сына, Который с Тобою и со Духом Святым живет и царствует, Бог во веки веков. Аминь.

Молитва Богу Сыну

Вспомни, Господи Иисусе Христе, что не золотом или серебром, но ценою собственной крови Ты меня искупил; и если Ты – источник дома Давида, открытый для омовения грешника и кровоточащий, ужели один только я, Господи, буду лишен такой милости и останусь вне пределов Твоего искупления? Увы мне, всемилостивый Господи, предашь ли Ты меня с одеждой Твоего возрождения, которую дал мне со знаменем святого Креста, начертанного Тобою на челе моем, в руки диавола, и с самыми Твоими символами

Англы, саксы и юты прибывают в Британию.
Миниатюра из “Страдания св. Эдмунда”.
The Pimlico encyclopedia of the Middle Ages. P. 35

Король Эдгар
подносит Христу грамоту Ньюминстера в Винчестере, Англия. X в.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья.
СПб., 2000. С. 315

Переход через Красное море. Парижская Псалтирь. Сер. X в.
McKitterick R. Atlas of the Medieval World.
Oxford, 2004. P. 76

Реликварий Св. Креста. Ок. 965 г.
 McKitterick R. Atlas of the Medieval World. Oxford, 2004. P. 77

cordiē ab agno superatur. qui ab eius
patientia confunditur. .i.

INCIPIT DE AGRO ET BESTIAS PERATA:

ii decem reges cū agno pugnant.
Et agnus vincet eos. qm̄ dñs dñorum
est et rex regū et qui cū eo uocatos
electa et fideles. Et dicit michi. haec
uides ubi mulier sedet. ppt̄s et ur̄be
sunt. et gens. et lingua. et decē cor-
nua que uidisti hñ odio habent et de-
ser̄ta eā facient. et nudā et ea nescius
comedent et ipsam comburēt igne.
Et enī dedit me corde eorū facere senten-
ciam ei et dare regnū suū bestie. usq;
dum finiat̄ur dicta dñi. Et mulier
quā uidisti est ciuitas magna que habet
regnū sup̄ reges terrae. .i.

Антепендиум, подаренный императором Генрихом II и его женой Кунигундой Базельскому собору. 1019–1020 гг. *Xavier Barral i Altet*. *The Romanesque*. Köln, 2001. P. 12

Покровец на раку с мощами святых, изображающий Годовой Круг. *Xavier Barral i Altet*. *The Romanesque*. Köln, 2001. P. 8

Монастырь Сен-Мишель-де Кукса. 2-я пол. X в.
Xavier Barral i Altet. The Romanesque. Köln, 2001. P. 23

Церковь Сант-Понс, Крбера, Пиренеи. Кон. XI в.
Xavier Barral i Altet. The Romanesque. Köln, 2001. P. 25

Собор св. Кириака в Гернроде, заложенный в 961 г.
Xavier Barral i Altet. The Romanesque. Köln, 2001. P. 40

Собор св. Михаила, Хильдесхайм. Построен в 1010–1022/1033 гг.
Xavier Barral i Altet. The Romanesque. Köln, 2001. P. 40

Церковь Сен-Мишель д'Эгиль.
X–XI вв. *Xavier Barral i Altet.*
The Romanesque. Köln, 2001.
P. 57-6

Собор монастыря Мориенваль
(Уаз), построенный в XI в.
Wenzler C., Champollion H.
Eglises et Cathedrales de la France
Medievale. P., 2006. P. 114

Отмарсхайм (Haut-Rhin) Монастырь свв. Петра и Павла. 1030 г.
Wenzler C., Champollion H. Eglises et Cathedrales de la France Medievale. P., 2006. P. 132

Отмарсхайм (Haut-Rhin) Монастырь свв. Петра и Павла. 1030 г. Интерьер.
Wenzler C., Champollion H. Eglises et Cathedrales de la France Medievale. P., 2006. P. 133

Изображение писцов подле буквы "ω". Миниатюра из испанской Библии 960 г.
Леон, Сокровищница Церкви Сан-Исидоро. *Нессельтраус Ц.Г.*
Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 301

Небесный Иерусалим.

Миниатюра из Апокалипсиса Беата Либанского, работа мастера Факунда. 1047 г.
Нессельтраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 310

Крещение Христово.

Миниатюра Бенедикционала св. Этельвольда. 973–980-е годы С. 316.
Нессельтраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000

Епископ Эгберт и монахи Хероальд и Хериберт из Рейхенау.

Миниатюра Кодекса Эгберта. Ок. 985 г.

Нессельтраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 341

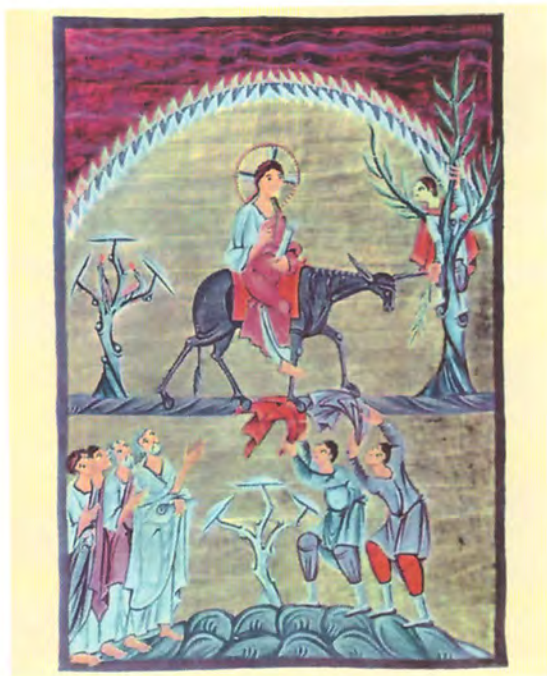

Оклад Евангелария Оттона III.
Ок. 1000 г. *Нессельштраус Ц.Г.*
Искусство раннего Средневековья.
СПб., 2000. С. 342

Св. Евангелист Лука. Миниатюра
Евангелария Оттона III. Ок. 1000 г.
Нессельштраус Ц.Г. Искусство
раннего Средневековья. СПб., 2000.
С. 345

Распятие. Миниатюра Евангелария Утты из Нидермюнстера. 1-я четв. XI в. Нессельитраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 361

Миниатюра Евангелария Оттона III. Ок. 1000 г. Нессельитраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 346

Семь светильников. Миниатюра из Бамбергского Апокалипсиса. Нач. XI в. *Нессельитраус Ц.Г.* Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 350

Падение Вавилона. Миниатюра из Бамбергского Апокалипсиса. Нач. XI в. *Нессельитраус Ц.Г.* Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000. С. 351

Коронавание императора
Генриха II. Миниатюра
из Бамбергского Апокалипсиса.
Нач. XI в. *Нессельштраус Ц.Г.*
Искусство раннего Средневековья.
СПб., 2000. С. 353

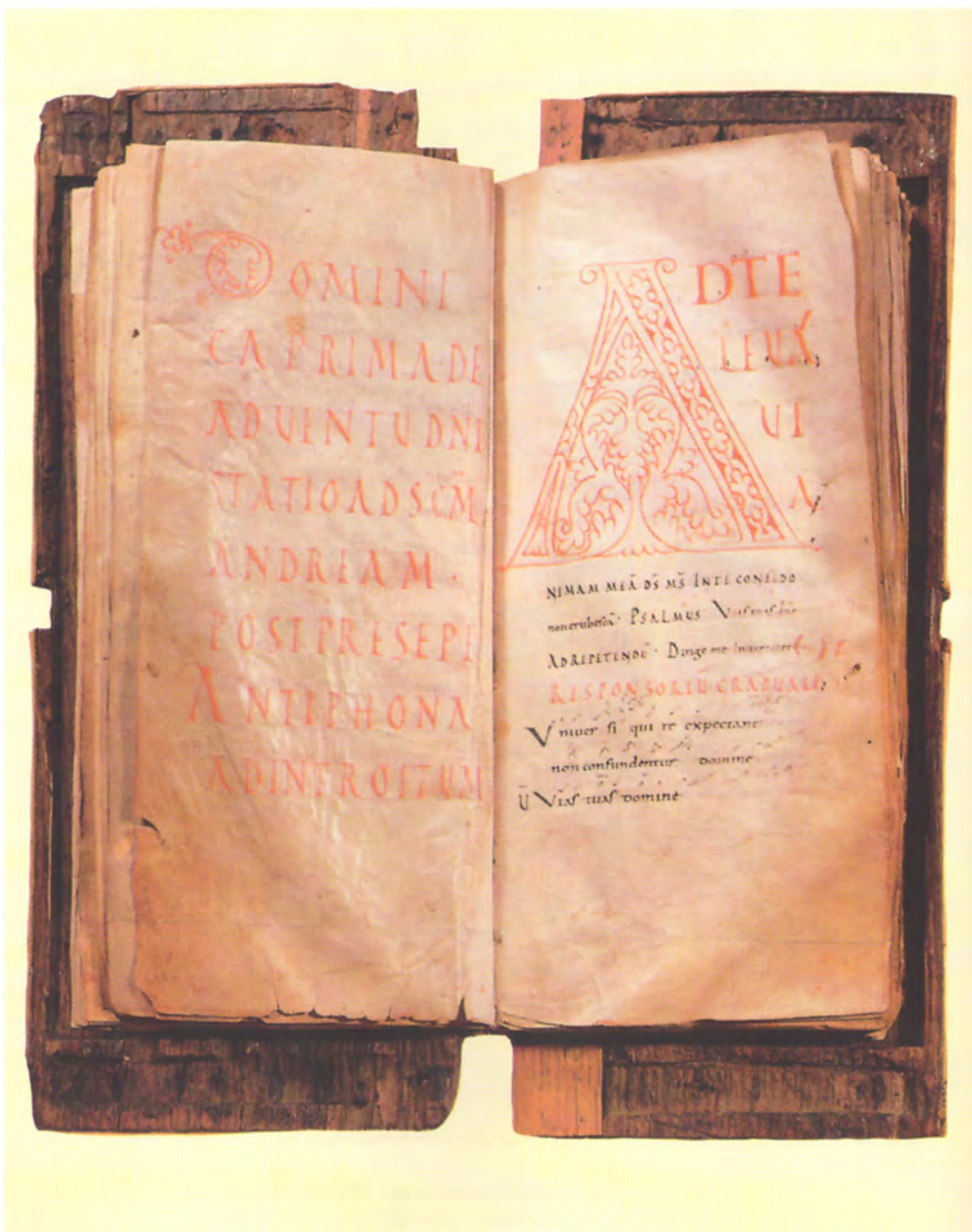
Коронавание императора Генриха II
и императрицы Кунигунды.
Миниатюра из Бамбергского
Апокалипсиса. Нач. XI в.
Нессельштраус Ц.Г.
Искусство раннего Средневековья.
СПб., 2000. С. 354

Миниатюра XI в., приписываемая Андрею из Миси, изображающая Фульберта с епископским посохом в Шартрском соборе, сгоревшем в 1030 г.
Miller M. Chartres Cathedral. N.Y., 1996. P. 10

Княгиня Эмма поклоняется св. Вячеславу.
Миниатюра из “Легенды Гумпольда”. Нач. XI в.
Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной
и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. Илл. 2

Кантаториум. Написан при настоятеле Хартманне. 922–925 гг.
Introitus к первому воскресенью Рождественского поста.
Культура аббатства Санкт-Галлен. Stuttgart, 1993. Вкл. 6. С. 54

Ноткер Заика за работой.
“Минденский тропарий”. Ок. 1025 г.
Культура аббатства Санкт-Галлен. Stuttgart, 1993. Вкл. 9. С. 81

Блаж. Иероним, переводчик Псалтири. Второй фронтиспис в Золотой Псалтири.
Ок. 900 г. Культура аббатства Санкт-Галлен. Stuttgart, 1993. Вкл. 18. С. 90

мучиться на вечном огне. Знаю, Господи, сколь велико милосердие Твое: Ты, коль я искренне обращаюсь к Тебе, тотчас же примешь меня. Но поелику из-за полной моей брэнности и невежества моего обращение мое не может совершиться достойно без Твоей помощи, Ты обрати меня, Боже, Спаситель мой, Ты просвети душу мою, Ты направь меня, Ты зажги во мне пламя любви Твоей. Но, быть может, о Всеправедный и Всеблагий Господи, столь велики грехи мои, что никакого моего раскаяния неостанет для их сокрушения? Вот тело мое, через которое я, несчастный, тебя оскорбил; Ты, врачеватель душ, бей, бичуй его; либо проказой, либо иными любыми Тебе угодными страданьями жесточайше терзай. Я – всецело творение Твое, Создатель мой; опоясай меня плетью Твоими и не предавай меня в руки врага моего; или, если столь возрастет неправедность моя, что не будет ей искоренения в жизни сей, повели до самого дня суда Твоего быть мне угнетаему карами и наказаниями, дабы по крайней мере тогда удостоился я оказаться последним из всех Тобою избранных. Да минует меня жажда славы: довлеет мне лишь избегнуть казни.

Но поелику моления мои, возносимые столь нечистыми устами, недостойны восходить к Тебе, молю я Тебя, Благодатная Дева Мария, храм Бога Живого, чертог Царя Вечного, святилище Духа Святого, благословенная в женах; обоняю сердцем моим благоуханное поле чрева Твоего, ибо на этом поле произросла единственная и несравненная лилия, из коей возник нераздельно с нею весь росток духовных доблестей, ибо Ты – небесная почва, приносящая плод свой, Ты – вещество небесной Премудрости, из коего создала она храм собственному телу. Ты исполнилась Духа Святого; Тебя несказанно осенила благодать Высочайшего; Ты отнеси мольбы мои Сыну, Создателю Твоему! Но нет: Ты сама моли за меня, Ты умоляй, ибо молитвы Твои не могут быть презрены, просьбы Твои в очах Его не пребудут ничтожными. Вот, Владычица моя, меня, несчастного, застигнутого на месте преступления, ведут на виселицу, влекут на меч, тащат на казнь. Да взойдет Царица мира, да воспротивится, да приступит к Сыну и освободит обвиненного.

Явись и ты, о Михаил, архистратиг воинства Небесного, грядущий при светопреставлении губитель Антихриста, дерзко восстающего на Бога, и низвергни его, хотящего царить в сердце моем. Избавь от искушения душу мою, доколе живет она в теле моем, дабы по кончине моей ты достойно представил ее Создателю. Помогни мне и ты, благословенный Гавриил, благовеститель Божественного бракосочетания: спаси молитвами своими меня, жалкого грешника, ты, посланный возвестить пришествие в мир освободителя грешников и несчастных. Исцели скорбную душу мою и ты, святой Рафаил, ты, отогнавший злого духа от Сарры и вернувший Товиту утраченное им зрение; изгони злобного духа, тщашегося отстранить от души моей истинного Христа, и пролей сияние света на темное сердце мое. Молите за меня, все святые ангелы, все святые архангелы, все святые силы, все святые власти, все святые начала. Моли за меня, святой хор престолов, моли за меня, святой хор

херувимов, моли за меня, святой хор серафимов. Молите за меня, все святые патриархи, все святые пророки. Да молит за меня праведный собор апостолов. Да молит за меня белоснежный хор мучеников. Да молят за меня все святые исповедники и все святые девы. Молите за меня, несчастного и безмерно скорбного, владыки мой, все святые Божии. И есть ли столь ужасная многогрешность, которую столькие небесные соборы были бы не в силах сокрушить своим заступничеством? Ибо не можете вы быть лишены милосердия, будучи неразрывно соединены с самим Источником милосердия. Знаю, Господи, что недостойн я достичь священных порогов церкви Твоей, ни поднять несчастных очей к небу. Недостойн я благословенное и преславное Имя Твое произносить своими порочными и нечистыми устами; но да снидет, молю, Дух твой в душу мою и очистит всю эту скверну. Ибо даже если солнце, не принадлежащее к наивысшим Твоим творениям, обладает такими силами, что уничтожает грязь, освещает земли, оплодотворяет пашни, то насколько же действеннее будет единовечный и единосущный тебе Дух, если удостоит озарить эту чахнувшую и обнаженную от листвы тростинку и тотчас заставит ее зазеленеть! И не бессилен будет Он одеть ее цветами добродетелей и красюю зреющих плодов. Приди, Господи Иисусе, вселись, пресладостный, в меня. Благоухание Твое побеждает все ароматы, сладость Твоя превосходит все медовые соты. Приди, молю, и крепко огради меня судом Твоим, дабы ни в чем, ни в единой части не счел меня своим достоянием мучитель, но яви меня всецело Твоим храмом, ибо Ты Господь и Бог мой, живой с Отцом и Святым Духом и властвующий во веки веков. Аминь.

Другая молитва Богу Сыну

Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живого, Славнейший Создатель мира, Ты, Сияние Славы, Совецый и Равный Отцу и Святому Духу, не презрел по этой причине плоть непорочную получить от Девы, позволил пригвоздить невинные и славные ладони твои на Кресте, чтобы разрушить темницы ада и род человеческий освободить от смерти. Помилуй меня, несчастного, Господи, угнетенного тяжким бременем злодеяний и оскверненного нечистотами испорченности. Не оставь меня, милосердный Господи, но снизойди милосердно к тому, что я неблагочестиво сделал и к чему с небрежностью руку приложил. Услышь, прошу, кротчайший и милосерднейший Иисусе, Бог Благой и Щедрый, меня, простертого пред Твоим достопоклоняемым славным Крестом, чтобы и в эти святые дни и всегда удостоился я Тебе предстоять чистым и Твоим взглядам всегда угождать, пока не освобожусь от всех зол; да буду всегда Твоею помощью утешен, Христе Господи, Спаситель мира, живущий и царствующий во веки веков. Аминь.

Первая молитва Святой Троице

Тебя молю, Тебе поклоняюсь, Тебя славлю, Тебя восхваляю, Благословенный, всемогущий Отец и Сын и Святой Дух, Трипостасный и Единый Боже. Помогите мне, Господи, оправдай меня, исправь меня, очисти меня, Царю и

Боже мой. Дай мне кротость, крепость, воздержание и разумение. Дай мне совершенную веру, надежду и любовь. Надели меня духом мудрости и благомыслия, совета и крепости, знания и благочестия и страха пред Тобою. Одожди и ноги мои и главу мою. Благослови меня и рососою неба и туком земли. Умягчи, Господи, окаменелое сердце мое. Дай угрызение и сокрушение сердечное, дабы оплакивать мне неисчислимые грехи мои. Недостоин я, Господи, войти в церковь Твою. Не смею поднять скорбные очи мои к небу, ни произнести имя Твое устами моими; но Ты, создавший меня по изволению и ведению Твоему, помилуй меня, Господи Боже мой.

Молитва вторая ко Святой Троице

Помилуй, Господи, всех друзей моих, и близких, и всех благодетелей моих, и всех, кто молится Тебе за меня, и всех, кто просит Тебя за меня в молитвах. Дай им покаяние многоплодное, умертви в них все пороки, и дай им процвести добродетелями Твоими. Дай им, Господи, так во всем жить, чтобы Величию Твоему они могли бы угодить добрым своим житием. Помилуй, Господи, предстоятелей Церкви, царей, власти и весь народ христианский. Святая Мария, молись за них всех. Все святые Божии, мужи и жены, молитесь о них. Помилуй, Господи, усопших моих благодетелей и всех, за кого я должен молиться; и всех верных Твоих свободи, дай им удел в сообществе святых Твоих. Святая Дева Мария, молись за всех; все святые Божии, мужи и жены, молитесь за всех них.

Стихотворения

Гимны Святому Аполлинарию Священномученику

На вечерне

Царствия Небес благородный консул,
Мы к тебе взываем с мольбой, да явишь
Курию Олимпа для нас отверстой,
Аполлинарий!

Слуг твоих да примет Ключарь небесный,
Что утешен много питомца славой
И ликует, вняв, как тебя величит
Мерное пенье.

Ибо ты Равенне, в ночи косневшей,
Вверженной во мрак и обман кумиров,
Утренней Звездой возблистал с Востока
Пламеннозрачно.

Иренея отпрыск, незрячий прежде,
Зрит, дивясь, тебя, как светило мира;
Ты ж уму отца, как и взору сына,
Свет открываешь.

Не поможет Фекле врачей искусство,
Не помогут сонмы богов безбожных;
Но тобой она спасена и к небу
Очи подьмет.

Радостно глаголют уста классийца,
Что разверсты мощью твоей молитвы,
И, слова слагать научившись, славят
Отчее Слово.

Деву, что двойкой подпала смерти,
Воздвигаешь ты от греха и тлена;
Се, дыханьем – плоть, благочестьем – сердце
Животворится.

Славу и хвалу мы Отцу приносим,
Что Своих святых возвеличил дивно,
С Ним же Сыну честь и Святому Духу
Буди вовеки.

На всенощной

Да славословят ангелы,
Да песнословят верные;
Страдальца преставление
Есть миру просветление!

Народам проповедавший,
О Боге им поведавший,
Аполлинарий казнями
Прославлен несказанными.

Святой твердит и в пламени
Христова славу имени;
Один, помыслишь, мучится,
Другим же слово молвится.

Разъяты члены дыбою,
Испытан правый пыткою;

Се рана раной ранима
И мука мукой мучима!

На плоть, в огне горящую,
Струю лиют кипящую:
Над жертвой всесожжения
Вершатся два заклания!

Сей ратоборец доблестный,
Антиохией взрощенный,
Восприят в часть блаженную
Спасенную Равенною.

Славна Святая Троица,
Кем все столь дивно строится,
Что нам и вины древности
К духовной служат радости!

На хвалениях

Се круг небес вращается, –
И день святой светлеется,
В который муж апостольский
Стяжал венец страдальческий.

Сколь славно преставление,
Что к жизни есть рождение!
Тот жизнь обрел нетленную,
Кто смерть принял священную.

Совлекшись тела бренности,
Облекшись в ризу радости,
Расторгнув узы дольные,
Он видит светы горние.

Ликуй, благословенная
Равенна осиянная:
Что Рим обрел в Наставнике,
Имеешь ты в Наперльнике!

О, наш предстатель благостный,
Вонми молитве ревностной,
И в день Суда последнего
Моли за нас Предвечного!

Величье Безначального
И с Ним Собезначального,
И Духа дуновение, –
Сих Трех единосушие!

Гимн Святому Бенедикту

На вечерне

Многосветлый перл Властодержца вышних,
Образ чистоты и зеркало братии,
От немирного, Бенедикте, мира
Ум возведи наш.

Дольний прах презрев, воспаряя к звездам,
Ты понудил к вере тебя родивших;
Ты ж сосуд разбитый, призвавши Бога,
Целым содеял.

В малом теле многую мощь являя,
Ты несешь труды, побеждаешь старость,
Всей душой ревнуешь о строгом долге
Жизни уставной.

Отрока, что был погребен обвалом,
Ты, возвысив глас, воскресил молитвой,
Чувства во плоти, как и плоть во здравье
Восстановляя.

В образе святом голубицы мирной
Сестрину ты зреть удостоен душу,
Возлетевшую до верховных высей
Звездного круга.

Так и сам, победу стяжав над миром
И окончив брань, ты восходишь к небу,
По стезе, горящей огнем созвездий.
Шествуя дивно.

Песнию величь и Отца и Сына;
Равная Им честь, и одно хваленье,
С Ними же и Духу, что круг вселенной
Весь исполняет.

Гимн Святому Апостолу Иоанну

На вечерне

Девственник и дивный служитель Девы,
Что в словах святых славословил Слово,
Молим, да паденья изгладишь наши,
О, Иоанне!

Ты спешишь оставить отца по плоти,
Горнего Отца в небесах взыскуя;
Мрежи покидаешь, рыбарь; к ловитве
Душ ты отозван.

Как река, лиясь от истоков вечных,
Ты течешь и мир напояешь целый,
Ибо сердце, к сердцу приблизясь, тайно
Мудрость впитало,

Похвала земли и светильник неба,
Испроси для нас от Владыки милость
И уму отверзни святые бездны
Богопознания.

Созерцая свет сокровенный Слова,
Все усилия лжи ты разрушить властен.
Возведи, ж и нас, Вождь умов прозревших,
К вечному Лику.

Песнию величь и Отца и Сына;
Равная Им честь, и одно хваленье,
С Ними же и Духу, что круг вселенной
Весь исполняет.

*Вечерний гимн
на Успение Пресвятой Девы*

Радость мира ты и звезда, от коей
Солнца свет возник, родился Создатель,
Грешным руку дай, окажи нам помощь,
Дева Мария.

Ты ведь лествица, созданная Богом,
По какой с высот сходит Вышний долу,
Даруй нам взойти от земли до самой
Неба вершины.

Сладкогласный хор ангелов блаженных,
Лик апостолов и святых пророков
Гимнами Тебя, вечно славослова,
Чтят после Бога.

Ты чертог святой вышнего Владыки,
На семи столпах мудрости стоящий;
Ты, Кого весь мир охватить не в силах,
В чреве вместила.

Ты Грозу небес и Погибель аду,
Господина рек, и морей, и вихрей,
В честь Кого поют и восток и запад,
Держишь в объятьях.

Молоком своим ангельским питая,
В лоне девственном Ты несешь Того, Кто
Властвуя над всем, в равновесье держит
Тяжесть земную.

Беспредельного мы Христа прославим,
Кто, рожден Святой Девой Марией,
Равный и Отцу и Святому Духу,
Царствует вечно.

¹ Св. Ромуальд (950–1027), память 19 июня.

² Камальдоленская конгрегация – монашеский орден камальдулов, названный так по имени пустынной местности в Апеннинских горах, близ Ареццо – “Campus Maldoli”, где и расположен был главный монастырь ордена. Монахов этого ордена скорее можно назвать отшельниками; они жили по очень суровому уставу, вели строго уединенный образ жизни, собирались только для богослужения и пения псалмов. Как особый орден камальдулы были признаны папой Александром II в 1072 г.

³ Монастырь Сан-Апполинаре-ин-Классе, незадолго до того реформированный св. Майолом Клунийским.

⁴ Св. Аполлинарий – чудотворец, исповедник и мученик конца I в., первый епископ Равенны.

- ⁵ “Обращенным” назывался монах, поступивший в монастырь уже во взрослом возрасте, проживший часть своей жизни в миру, либо мирянин, живущий в монастыре, не принимая обета.
- ⁶ *Пьетро I Орсеоло* (928–987) – дож Венеции с 976 по 978 г. Почитается как святой.
- ⁷ Предшественником Пьетро Орсеоло был Пьетро Кандиано, дож Венеции с 959 по 976 г. Витале же Кандиано был преемником Пьетро Орсеоло, избранным в 978 г. и отказавшимся от власти через 14 месяцев. После Витале Кандиано удалился в монастырь Сан-Иларио, где жил до своей кончины в 1017 г.
- ⁸ *Гуго Великий* (ок. 950–1001) – маркграф Тосканы с 961 г до своей кончины и герцог Сполето и Камерино с 989 по 996 г. Его сестру, вышедшую замуж за Пьетро Орсеоло, звали Вальдрада.
- ⁹ *Гварин* – настоятель монастыря Сан-Мигель-де-Кукса, основанного ок. 840 г., в Юго-Западной Франции, ранее член общины монастыря Клуни, который являлся центром бенедиктинской реформы X в. во Франции.
- ¹⁰ Здесь подразумевается принятие монашества.
- ¹¹ Родственник Пьетро Орсеоло.
- ¹² Сын Пьетро I Орсеоло, дож Венеции с 991 по 1009 г.
- ¹³ В 10 и 11 главах “Жития” упоминается Галлия.
- ¹⁴ О недозволении раннего приема пищи в монашеской традиции см. “Житие св. Гоара” Вандальберта Прюмского в наст. изд., прим. 18 на с. 90.
- ¹⁵ См. 1 Цар 21.
- ¹⁶ В 12-й главе “Жития” рассказывается о том, что отец св. Ромуальда, Сергей, принял монашество в монастыре св. Севера, недалеко от Равенны, но позже пожалел об этом и захотел покинуть монастырь.
- ¹⁷ Гора в герцогстве Урбино, у подножия которой был основан монастырь св. Креста в Фонте-Авеллано. Монастырь как эремитий был основан Людольфом (ок. 956–1047), из знатной немецкой семьи. В 989 г. эремитий принял устав от св. Ромуальда. В 1034 г. в этот эремитий поступил автор жития, Петр Дамиани, возглавлявший его с 1043 по год своей смерти – 1072 г.
- ¹⁸ Около современного г. Комаччо в Эмили Романье, в провинции Феррара.
- ¹⁹ Остров в болотах около Равенны.
- ²⁰ *Оттон III* (980–1002) – последний император из династии Оттонов.
- ²¹ В 1001 г. жители г. Тибур подняли восстание, которое было подавлено Оттоном III, хотя он и пощадил мятежников.
- ²² *Св. Бруно (Бонифаций) Квертфуртский* (ок. 970–1009) – епископ, миссионер, убитый язычниками на границе Литвы и Киевской Руси, иногда называемый вторым апостолом пруссов.
- ²³ Бруно (Бонифаций) отправился как миссионер в Венгрию, затем в декабре 1007 г. приехал в Киев, ко двору великого князя Владимира Святославича, где пробыл месяц. Князь Владимир выделил ему епархию, граничившую с землями печенегов. Там Бруно провел, проповедуя, пять месяцев, крестил 30 человек, способствовал заключению мира между печенегами и Киевом и перед отъездом на родину рукоположил епископа из своих спутников. Судьба этой епархии неизвестна, по-видимому, она оказалась недолговечной.
- ²⁴ *Болеслав I Польский* (967–1025). Старший сын его Безприм (986/987–1032), был обойден в престолонаследии. Около 1003 г. Болеслав отправил Безприма в Италию, где тот стал монахом в одном из эремитиев св. Ромуальда. Трон он получил только в 1031 г. при поддержке императора Священной Римской империи Конрада II и киевского князя Ярослав Мудрого, однако правил недолго и был убит в 1032 г.
- ²⁵ *Св. Адальберт Пражский* (ок. 956–23 апреля 997), проповедовал христианство прибалтийским пруссам и был убит ими; близкий друг Оттона III и вместе с Гербертом Орильясским его советник в деле христианизации славян. Одно из житий св. Адальберта было написано св. Бруно Кверфуртским.

- ²⁶ *Маркия Фирмана* – область, в X в. подчинявшаяся г. Фермо. Ныне Фермо в итальянском регионе Марке.
- ²⁷ Ныне Пореч в Хорватии (Истрия).
- ²⁸ Ныне Патерно в провинции Витербо, к северу от Рима.
- ²⁹ Монастырь св. Елены на р. Фьюмичино, на севере Италии.
- ³⁰ Ныне Асколи Пичено в области Марке.
- ³¹ Возможно, *Адальберон Эппенштайнский* – герцог Каринтии с 1011/1012 по 1039 г.
- ³² *Райнер* – маркграф Тосканы с 1014 по 1027 г.
- ³³ *Св. Генрих (973–1024)* – пятый и последний император Священной Римской империи из Саксонской династии (династии Оттонов). Время действия здесь – 1004 г.
- ³⁴ *Стефан IX (X)* – папа Римский с 3 августа 1057 г. по 29 марта 1058 г.
- ³⁵ *Тедальд* – епископ Ареццо с 1023 по 1034 г.
- ³⁶ Традиционный перевод с греч. имени Пилата – “вооруженный дротиком, копьем”.
- ³⁷ Монастырь Клюни – центр бенедиктинской реформы X в. во Франции.
- ³⁸ Последнее молитвенное правило, читаемое в течение дня (вечером), наподобие повечерия в Православной церкви.
- ³⁹ Ныне монастырь Св. Креста (св. Елены) на склоне горы Катрия в 60 км к западу от Анконы.
- ⁴⁰ *Роберт II (972–1031)* по прозвищу Благочестивый или Мудрый – второй король Франции из династии Капетингов (996–1031). Здесь речь идет о его женитьбе на Берте, вдове Одона I Блуасского, двоюродной сестре Роберта. По причине близкого родства папа Григорий V отказался признать этот брак и отлучил Роберта от Церкви. Преемник Григория Сильвестр II (Герберт Орильякский) аннулировал этот брак.
- ⁴¹ *Филипп I (1052–1108)*, по прозвищу Толстый – король Франции с 1060 до 1108 г.; сын Генриха I (1008–1060) и Анны Ярославны (1024/32–1075), дочери Ярослава Мудрого, князя Киевского.
- ⁴² *Гуго (1024–1119)* по прозвищу Великий – один из наиболее влиятельных людей своего времени, настоятель монастыря Клюни, центра бенедиктинской реформы X в. во Франции.
- ⁴³ Ныне Веллетри – город в Римской провинции, на Альбанских горах, в регионе Лацио.
- ⁴⁴ Возможно, Альберик (950–977).
- ⁴⁵ Город в Южной Италии, на берегу Неаполитанского залива, ныне Поццуоли.
- ⁴⁶ Древнее название Неаполя.
- ⁴⁷ *Св. Агнесса/Агнета* – римская мученица (ум. ок. 305).
- ⁴⁸ *Св. Агата*, место мученичества Катания (Сицилия), III в.
- ⁴⁹ *Св. Цецилия* – римская мученица, III в.
- ⁵⁰ Песнопение, состоящее из чередующихся реплик солиста и хора.
- ⁵¹ *Св. Иларий Пиктавийский (ок. 315–367)* – отец Церкви, один из первых западных богословов; род. в г. Пиктавий (г. Пуатье, Франция), единодушно был избран епископом в 350 г.
- ⁵² Остров в Лигурийском море, совр. Галлинара.
- ⁵³ Занимая непримиримую антиарианскую позицию, Иларий подвергся гонению и был сослан императором Констанцием в Малую Азию (с 356 по 360 г.), после смерти императора возвращен на свою кафедру.
- ⁵⁴ См. Мф 3, 7; 23, 33; Лк 3, 7.
- ⁵⁵ Фраза в точном виде встречается у Августина (Толкование на 46-й Псалом); ориентирована прежде всего на 7-ю гл. “Книги Премудрости Соломона”, с аллюзией на 1 Кор 1, 24, где Христос назван Божией Премудростью. В более поздней католической традиции “Престол Премудрости” – одно из именовании Богородицы.
- ⁵⁶ Намек на Быт 31, 44–54 – сюжет примирения Иакова с тестем своим Лаваном.
- ⁵⁷ Исцеление хромого из Деяний Апостолов (Деян 3, 2–11). Далее автор письма обыгрывает этот новозаветный текст.
- ⁵⁸ Будущий папа Григорий VII (с 1073 по 1085 г.).

Альфан Салернский

Хотя Альфан и вошел в историю с прозвищем “Салернский”, всей своей деятельностью он связан с другим южноиталийским культурным центром – Монтекассино. Монтекассинский монастырь, основанный в VI в. Бенедиктом Нурсийским и глубоко почитаемый как “мать” всех бенедиктинских монастырей, переживал в XI в., пору второго расцвета. Дело в том, что Южная Италия, дотоле поделенная между лангобардами и греками, во второй половине XI в. была быстро завоевана норманнами: в 1030—1047 гг. они захватили Беневент и Северную Апулию, а потом перешли в наступление против греков на юге и арабов в Сицилии. Папский престол, почувствовав, что на месте разрозненных и буйных лангобардских княжеств к югу от Рима утверждается крепкая и прочная норманнская власть, стал склонять ее к союзу. Монтекассинский монастырь, оказавшийся в самом центре новых норманнских владений, стал как бы аванпостом Рима в этой борьбе за патронат над норманнами. Чтобы поразить воображение северных пришельцев величием и блеском, папа Григорий VII помог заново отстроить Монтекассино; для новой базилики мрамор был привезен из Рима, бронзовые двери – из Византии, над мозаиками работали греческие мастера. Освящение базилики произошло в 1071 г.; руководителем работ был энергичный Монтекассинский аббат Дезидерий (1058—1087); стихотворный панегирик во славу аббатства, базилики и новой постройки написал лучший друг Дезидерия, Альфан Салернский.

Он стал настоятелем салернского монастыря, а в 1058 г. – архиепископом Салерно; в том же году его друг Дезидерий стал настоятелем Монтекассино. Ренан назвал творчество Альфана “последним дуновением античности”: более прозаично настроенный немецкий историк назвал Альфана “Фортунатом Южной Италии XI в.” Действительно, Альфану на его беспокойном месте приходилось одинаково печься и о духовных и о мирских делах, одинаково усердно сочинять и гимны во славу небесных заступников, и панегирики во славу римских покровителей и норманнских соседей. Герои его гимнов – преимущественно местные итальянские святые, в том числе св. Христина (житие которой он составил) и св. Матфей, мощи которого перенес в Салерно норманнский герцог Роберт Гискард. Герои его од и панегирических посланий – папы римские, в том числе Григорий VII, которого он прославил, еще когда тот был архидиаконом Гильдебрандом (это стихотворение переведено ниже), лангобардские герцоги, вроде Гизульфа Салернского, сменившие их норманнские правители во главе с Робертом Гискардом. Наряду с этими славословиями он писал и поучительные, медитативные стихотворения, откликаясь на общий духовный толчок, данный Европе Ансельмом; одно из лучших, “Исповедь стихотворная”, с ее замечательной выразительной силой, переведена в отрывках ниже. “Дуновение античности” и вправду чувствуется в стихах Альфана – прежде всего, в их стихотворной форме. Альфан – лучший в Европе своего времени мастер метрических старинных размеров пруденциевского и боэтиевского репертуара; он без нару-

шений выдерживает сложные метрические схемы и с отличным вкусом соблюдает выдержанный и строгий стиль этой поэзии. В некоторых из его стихотворений можно слышать последние отголоски забытой традиции горадиевских од.

В борьбе между Генрихом IV и Григорием VII Альфан, разумеется, всеми доступными ему духовными средствами поддерживал папу. В 1085 г., когда Генрих IV взял и разгромил Рим и Григорий был вынужден бежать, Альфан дал ему приют в своем салернском архиепископстве. Григорий здесь и умер; Альфан похоронил его в церкви св. Матфея и в том же году скончался сам. Дезидерий Монтекассинский пережил его лишь на два года.

Текст поэтических произведений приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 197–207. Перевод жития и проповеди сделан по изд.: PL 147, 1267–1282.

Житие и мученичество св. Христины, девы и мученицы, написанное Альфаном, архиепископом Салернским

Пролог

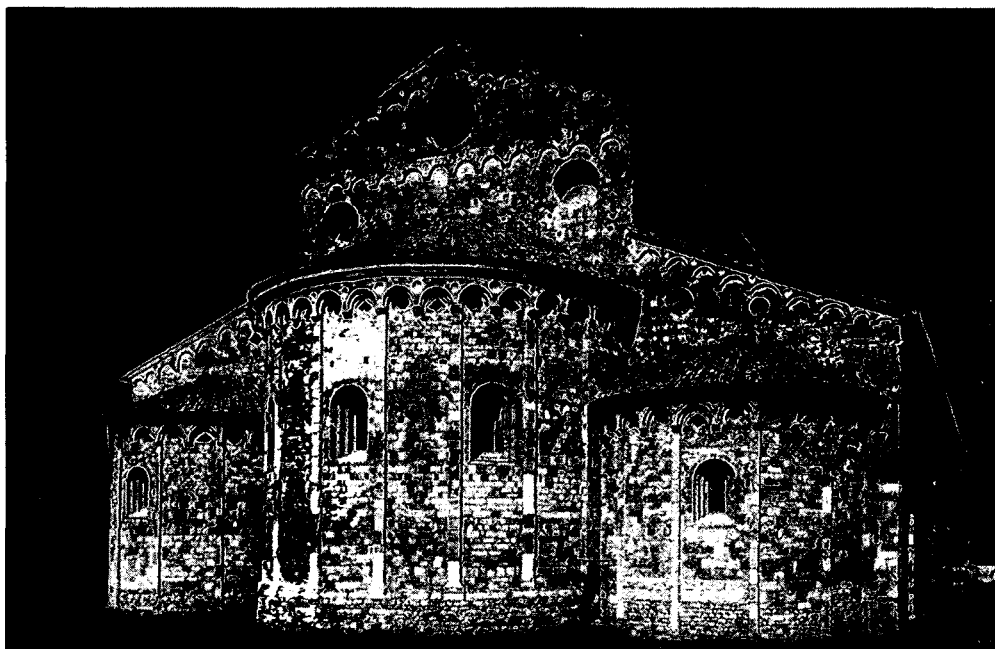
Решили мы речь вести о немногом в славном и достохвальном торжестве благороднейшей девы Христины и сохранить в памяти потомков кое-что из ее дивных деяний, а также поведать прежде всего о том, что она еще в нежном цвете отрочества претерпела, борясь с наупорнейшими гонителями христианского исповедания ради любви к Предвечному Царю. Ибо в повести такой – Богу воздается слава, мученикам – хвалы, и таким образом души воителей ревностнее побуждаются к радостным битвам. Ведь хорошо всем известно, как иногда бывает на поле боя: отважные духом воины вдруг слабеют (либо неожиданно испугавшись врага, либо просто устранившись грехота битвы), – они теряют силы и готовы, скорей, бежать, чем хвататься за оружие. Но как только они вспоминают прежние победы нахрабрейших мужей, вспоминают о славе, почестях, свободе, да еще и о своих собственных самых громких подвигах, то внезапно, превратившись из трусливых в самых смелых, с еще большей отвагой, бросаются на сомкнутые ряды вражеских когорт. Так происходит и в состязании битвы Божественной: когда некоторые, намеревающиеся противоборствовать тирании похоти, уже дрогнули по причине ужаснейших мучений или внушенных демонами соблазнов, но, представив пред глазами своими страдания преславных мучеников и венцы вечности после победы, они, собрав все силы с величайшей надеждой на свое торжество, поднимаются на решительный бой. Таким образом после сражений, дарующих блаженство, обретают вечные дары искомой радости. И после того, как они, став по заслугам трудов своих общниками ангелов и соделавшись друзьями Всемогущего Бога, возводятся на престол Небесных чертогов, то в чине наследников удела Божия проходят в неубывающем времени чрез трапезные, сияющие зарей, и приятнейшие поля, благоухающие розами, белеющие лилиями, лиловеющие фиалками, – все благоприятствует бестревожному покою, все свежо приятной молодой зеленью, – всем этим они наслаждаются, пре-

бывая в желанном мире. Вот каковы, оказывается, награды, заставляющие робких становиться сильными, вот то, что побуждает искуснейших воинов, воителей Божественной битвы, десницей своей одерживать победы.

Начинается Житие и страдание

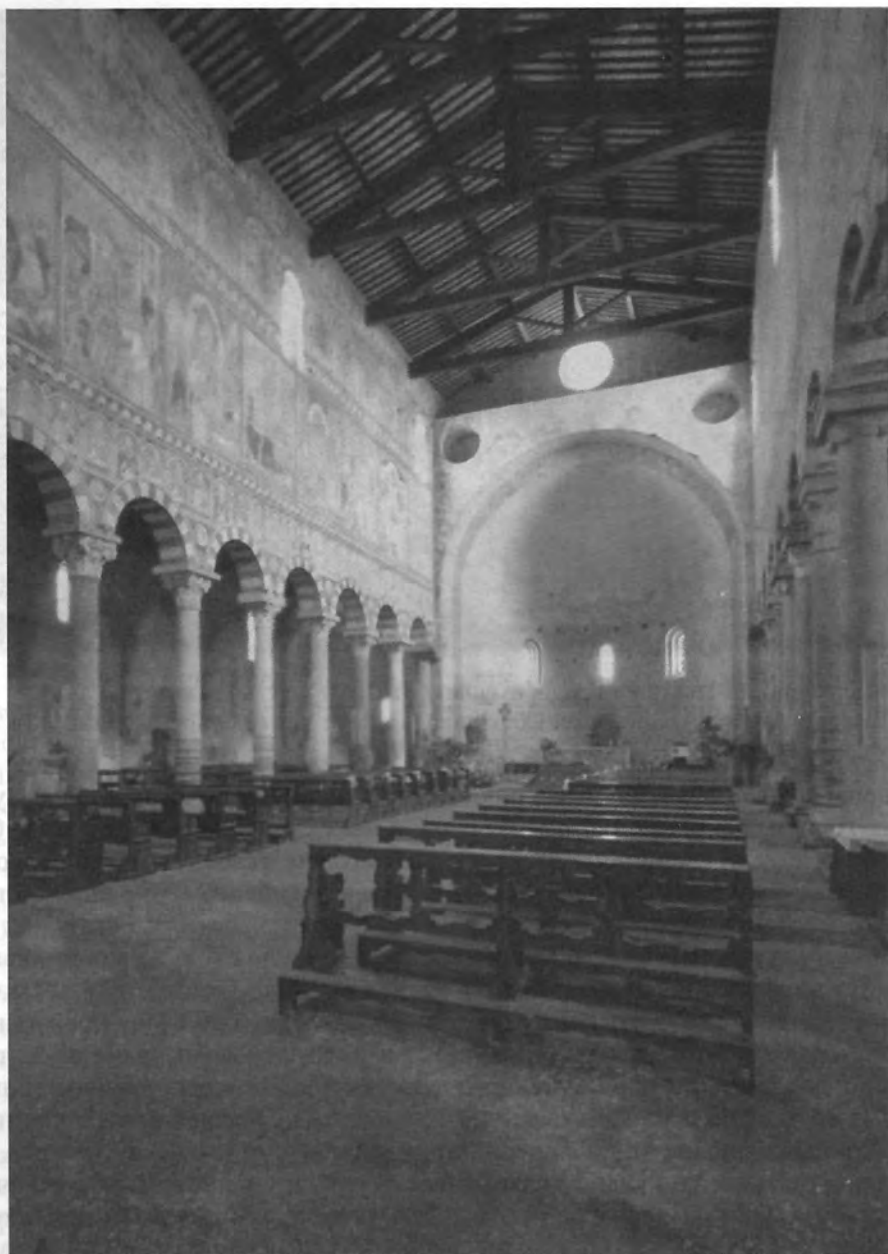
Таким образом, преславная дева Христина, из патрицианского рода Анициев, уже с самых юных лет была знакома с рассуждениям древних философов, немало преуспела в науке произнесения речей, хорошо знала творения поэтические, и могла, по всеобщему признанию, лучше всех в своем кругу остроумно поспорить, вести учтивую беседу и забавляться стихотворством. И когда она в совершенстве овладела таковыми наукам, поскольку подошел возраст юности, когда любой в особенности охвачен величайшими сомнениями, – с какими занятиями он желает быть тесно связанным в жизни, то, поразмыслив (ибо видела два пути, один путь – наслаждения, а другой – добродетели), она, наконец, с ревностным усердием вступила на тот, которому присуща честь, красота духовная и стыдливость. И поскольку была та девушка одарена не только знатностью рождения и благородством ума, но и красотой великолепной украшена, многие юноши добивались ее руки. А она упорно противилась им, словно страшась брачного союза, супружеской любви и соблазнов брака. Отец же ее, по имени Урбан, решил, что, вдохновившись примером весталок, хочет она наслаждаться вечным девством. Поэтому, желая, чтобы столь похвальный обет дочери был исполнен во всей полноте, он велел ее вместе с двенадцатью служанками, соединенными с ней долгой и тесной дружбой, незамедлительно воздать должные почести бессмертным богам по обычаю своих предков, совершивших многие благодеяния для Римского государства. И хотя дева пришла в смятение от повеления отца исполнить жертвенные обряды, но в его присутствии виду не подала, ибо если бы она воспротивилась, то в его власти было принудить ее. А была там башня необычайно высокая и выстроенная необычно.

Христину, обреченную подчиниться отцовскому приказу, затворяют в той башне вместе с названными сестрами, в дорогие одеяния наряженными и драгоценными уборами украшенными. Им Урбан поручил наилучшим образом исполнить как сам обряд жертвоприношения, так и положенные торжественные славословия, дабы прославить тем величие священных изображений; а если не подчинятся тому повелению, то грозил он им смертной казнью. А стояли в этой пирамиде, с западной стороны, статуи Юпитера и Аполлона, обе отлитые из чистейшего золота. И вот, служанки, помня о господском приказании, решают приступить, как было уговорено, к жертвоприношению и, простершись пред возвышениями, где поставлены были изображения богов, собираются возжигать им благовония. Призывают госпожу сделать то же самое, она отказывается, просят – отвергает; заявляет прямо, что она – невеста Христова и потому никогда не должна молиться рукотворным изображениям. После слов таких все девы, что находились с нею, сразу же подняли шум: одежды, в которые они были одеты, внезапно разрывают, себя рука-

Церковь Сан-Пьетро а Градо, к западу от Пизы у устья реки Арно. XI в.
Tuscany. Art and Architecture. Kōnemann, Tandem Verlag GmbH, 2005. P. 530

ми расцарапывают и с такими криками на девушку набрасываются: “Ну-ка скажи, говори, нечестивица, на что уповая, ты склоняешься к таковому безумию? Почему оскверненными устами изрыгаешь такое, о чем непозволительно даже упоминать? Почему стремишься к гибели? Что вовлекло тебя в такую мерзость? Хватает тебе и красоты, и родовитости, и богатства; неужели все усилия отца твоего Урбана, которые он всю свою жизнь прилагал, пропадут впустую? Значит, беда столь велика и дошло до того, что, несмотря на его стремление обучить тебя свободным искусствам во славу прежде всего бессмертных богов, а затем и сената и народа Римского, ныне из-за тебя суждено ему претерпеть величайший позор и гибель своего наизнатнейшего рода? И если даже, как всем очевидно, никакого другого ужасного преступления против отчизны он и не совершил, то за одно то, что взрастил тебя, такую дочь, он может по всей справедливости считаться виновным в величайшем преступлении. Значит ради этого ты, упорствуя, предаешь проклятью сладчайший брак? И в страхе отвергаешь самых знатных юношей и ласки любовные (хотя бывает ли что приятнее?), чтобы ради какого-то уже давно погибшего человека загубить красу своего девства? И неизбежностью мучительной гибели своей приводишь в содрогание богов, которым, если б захотела, могла бы служить с большой пользой? Или от тебя скрыто, что именно из-за

Церковь Сан-Пьетро а Градо, к западу от Пизы у устья реки Арно. XI в.
Интерьер. Tuscany. Art and Architecture. Könemann,
Tandem Verlag GmbH, 2005. P. 531

таких заблуждений, чудовищный призрак великой беды потихоньку проникает в столицу и что положение Римского государства, растревоженного битвами с внешними народами, ослабляется, передается во власть различным несчастьям? Итак, выкажи, когда есть возможность, приятное богам повиновение, чтобы ты не испытала по принуждению августейшего приговора безвременную смерть, когда навлечешь на себя их гнев еще более”.

Поскольку служанки не переставали ее бранить, говорит им Христина: “Скажите, к чему столь опрометчиво вы судите об этом как о заблуждении и испорченности? Уж совсем голову потеряв, вы на госпожу нападаете, опомнитесь. И впрямь, Минерва, как видите, ничему не учит. Не выступить ли нам по обычаю ведущих споры попеременно, чтобы доказать истину, прибегая к свидетельству людей ученых?” И они говорят: “Если можешь, приступай ты первая к тому, что, как ты полагаешь, должно обсуждать”. И хотя девушке и ранее не чужды были упражнения в красноречии, но сперва попыталась она расположить их к себе такими простыми словами. “Вы помните, подруги, сколь часто, будь то радость или горе, мы переживали и то и другое вместе, ибо и душой, и телом я с вами была неразлучна? Сколько раз наедине сама с собой я представляла, как после кончины отца и матери я найду другое применение всему наследному богатству, которое люди считают моим, и забота о нем ляжет на вас, что старцы мне будут вместо родителей, а вы – вместо родных. Кроме того, я уже распорядилась, чтобы все, что и сейчас принадлежит мне: ожерелья, браслеты, кольца, украшенные дивно сияющими самоцветами, одежды пурпурные, затканые чистейшим золотом, и все, во что царские отпрыски роскошно облачаются, – было бы общим, и моим, и вашим. Будущее состояние, положение, власть, все решения, что от меня бы требовались, я перепоручила вашему усмотрению; потому, прежде всего, что давно уже имею к вам полное доверие, и потому еще, что верования ваши весьма уязвимы, как давно мне стало видно, и мне не составляет совершенно никакого труда при открытом обсуждении их ниспровергнуть”. Но подружки ее, несмотря на то что многое еще она сказать хотела, нападают на нее с такими словами. “Да тебе легче вырвать палицу из руки Геркулесовой, чем нас, с колыбели предано исполняющих священные обряды пред изображениями богов, привлечь к христианской секте своими искусными риторическими ухищрениями, если только не разрешить этот спор, обсудив вопрос открыто, как ты и обещала. Только, если уж ты хоть как-то сомневаешься в божественности богов, давай начнем с Юпитера: если ты докажешь, опираясь на свидетельства поэтов или философов, что он не всемогущ, тогда об остальных и говорить нечего. Тогда увидишь, что мы, отбросив сомнение, согласимся с твоими утверждениями. Но если ты, возможно, защитишь свое мнение оказавшись не в состоянии, то по закону справедливости лучше будет, чтобы ты равным образом вместе с нами подчинилась власти наших богов”. Мудрейшая дева отвечает: “Пусть будет по-вашему; полагаю, что и у вас в сердце таится то, о чем я ныне собираюсь с вами говорить, но сейчас вы не желаете принимать ту или иную сторону в суждении о Творце. Так вот, в той книжечке

Врач, делающий прижигания.

Jones P.M. Medieval Medicine in Illuminated Manuscripts. L., 1998. Рис. 5

Апулея, называемой “О божестве Сократа”¹, к которой по причине невероятного обилия и сладости слов мы часто обращались, сказано с достаточной ясностью не только о бессилии Юпитера, но еще и о всевозможных преступлениях, им совершенных. Ведь в то время как этот ваш “всемогущий” на вершине славы и могущества властвовал в критском царстве (ибо так об этом мы там читаем), он с великим трудом и всеми силами боролся против покушавшегося на власть², и к тому же, когда уже был не в состоянии сопротивляться, бежал, отдав престол и царство. А поскольку он был предметом насмешки среди своих, то долго скрывался от преследования, и о нем никто не слышал; однако, получив благоприятные предзнаменования, он захватил высшую власть на небе, учредил богам жертвы и потребовал от них помощи и при их поддержке победил врага; так Юпитер увенчался лавровым венком победителя. Конечно, думаю, вы вместе со мною обратите внимание, что уже сразу по всем признакам видно его совершенное бессилие: он царство, которым по праву уже владел, оставил врагу, проиграв в открытом бою; и также того, с кем он постыдился вступить в сражение лицом к лицу или, скорее, побоялся, убил с чужой помощью. И несколько далее тот же Апулей так повествует о его кровосмесительных преступлениях: “Будьте бдительны, прекраснейшие из матерей семейства; ведь начинается в следующем месяце праздник отца Либера, изображение его, вновь поочередно *будет выставляться* по деревням, на перепутьях, даже по городу”³. {... } И даже Марк Варрон ясно дает понять читающим его сочинения⁴, как он клеймит ту самую Весту, пред которой вы смиренно склоняетесь в молитвах. Когда Веста, как он сообщает, прежде гордая преимуществом своего девства, была осквернена прелюбодеянием с Юпитером, и поскольку на судилище об осквернении не решались вынести приговор, она, воодушевленная своей безнравственностью, наполнила решето водой из Тибра, и так как вода не вытекла, тем самым прекратила разбирательство своего проступка⁵. О, что за безумство! О, человек, оскверненный всей нечистотой преступления! О, достойное проклятия и исполненное всякой гнусности чудовище! По своей воле он не в силах был прекратить буйство похоти: он похитил непорочность девы, порождение Агенора обманул образом быка⁶; решался даже на любое преступление, если чего-либо желал; и не постыдился опозорить гнусной безнравственностью величие божества. Вот какому и вот в чем великому богу римляне с радостью вручили Капитолийскую крепость для охраны; но когда весь город глубокой ночью оказался во власти враждебных племен, этот оплот славнейшей империи был бы захвачен, без сомнения, с таким-то стражем, если бы, в то время как Юпитер беспечно спал, бдящие гуси не встали бы на защиту крепости⁷. Потому удивительно, что люди столь рассудительные смогли впасть в заблуждение, почитая впоследствии такое божество. Но так как предложенное доказательство бессилия и безнравственности Юпитера, основанное на свидетельствах мужей прославленных, как мне кажется, уже до конца исчерпано, то, если вы считаете нужным что-нибудь этому противопоставить, возрадите, как было условлено, чтобы подтвердить свое мнение”. И они говорят:

“Совершенно ясно, что наше слабое оружие бессильно по причине опрометчиво обретенного суждения о божестве; мы же ничего возражать не станем, но только после этого просим, чтобы ты нам как можно понятнее объяснила, какова, как ты это понимаешь, Божественная сущность Христа?”. Христина сказала: “Весьма похвально, что, поправ упорное заблуждение, желаете вы узнать о Божественной сущности Всемогущего Бога, дабы вам, чей ум был покрыт слепотой во мраке языческих празднеств, навеки засиять отраженным светом Света Истинного, Который есть Христос. Итак, обратите души свои к тому, о чем настоятельно просите, и внимательно выслушайте меня, я буду излагать по порядку и ясно. Господь Иисус Христос, о Божестве Которого вы меня, рабу Его, расспрашиваете, есть Бог Истинный от Бога Истинного, чрез Которого все сотворено; до возникновения мира рожденный, не усыновленный, не воображаемый, но Всемогущему Отцу Единосущный и с Ним Сосуществующий, Сын Единородный. Через круговороты многих годов от сотворения мира, без принуждения, но по воле Своей и воле Отца ради освобождения человеческого рода, опутанного узами первоначального греха (ибо Первородитель по собственной вине, навлеченной диавольским внушением, от того непрерывного блаженства ангелов впал в бездну вечной смерти), сошел Он с небес в утробу Девы. И Кого оком неба и вся вместительность земли не в состоянии удержать, в тесной утробе Дева вместила. Из Нее, облекшись в нашу смертную плоть, Он как совершенный Бог и как Человек даровал Себя нашему гибнущему миру. Его видели люди и с людьми Он жил, друг мытарей и грешников, сделавшийся товарищем бедных рыбаков, из числа которых назначил Он апостолов, поставив их патриархами, глашатаями истины, судьями века сего. И, чтобы вам сделалось яснее то, что я проповедую, того рыбака, к стопам которого ради молитвы со всего мира сходятся люди, и который некогда довольствовался крючком и малой сетью, Он сделал князем мира и ключарем неба. И именно этим служителям величия Своего Он открыл тайны и научил проповедью Своею, чтобы они человечеству, лишенному уловками демонскими своего отечества, возвратили милость их Творца. Чтобы вера подтверждала сказанное и чтобы Сила Божества воссияла, Он очищал прокаженных, исцелял расслабленных, давал зрение слепым, воскрешал мертвых. Наконец, чтобы не только это помогло нашему освобождению, Он по воле Своей принял казнь крестную: умирает Господь жизни; погребается Слава Мира; земля содрогается, солнце потемняется, природные стихии, Господь которых распят, не подчиняются закону своему. Затворялся Он в гробнице Плотью, и силой Своей Божественности рушил затворы преисподней. Стекаются к Нему народы, на смерть неизбежно столь много веков осужденные. Тут же и Первородитель рода земного, как свидетельство первоначального греха; все единодушно умоляют своего Творца о прощении, указывая для оправдания на родоначальника лукавства своего. Тем временем Господь, тронутый их просьбами, связал вечными узами врага рода человеческого и, выведя с Собой, кого пожелал, возвратился в тело Свое и на третий день, как предсказал Своим Ученикам, воскрес. А через сорок дней

Он со славою во плоти вернулся на небеса, откуда пришел. Это подтверждено точнейшим и непреложным речением святых апостолов, осужденных из любви к Истине на блаженную смерть. Свидетельствуют о том и славнейшие мученики, которые, в огне и на дыбе победители, не страшатся проповедовать Творца всяческих. Но сим свидетельством они склоняют души слушателей к Небесному Царству; и ни во что не ставя жизнь эту, которая такова только по названию, приобретают жизнь иную, смерти не знающую и которая не имеет конца. К ней, без сомнения, и вы, любезнейшие подруги, смогли бы прийти, если бы пожелали”. И они: “Ныне желаем; силе Божества все мы весьма дивимся, но в особенности поражены мы таким и столь великим родом благочестия; благочестие сие, как кажется нам, неслыханно и его даже сравнить нельзя с нашими представлениями об устройении всего мира. Давай же, следуй тому, чего для обретения радости сей великой требует от тебя вера христианская, и, нас не опасаясь, действуй прямо сейчас”. И Христина, разумнейшая дева, возликовав от такого ответа, бросилась бегом к идольским изображениям и веткой, которую держала в руке, отхлестала в первую очередь Юпитера, приговаривая: “Попробуй-ка, если есть у тебя хоть какая-то сила и если можешь, отомсти мне, как полагается, и за себя и за нанесенную тебе обиду”. Нанеся каждому идолу по очереди такое поругание, схватила она их всех и свалила всех вместе в одну кучу. А в ту же ночь при помощи веревок спустилась со всем этим из окна; отнесла все добро тайным христианам, и с их помощью раздала нуждающимся.

Итак, совершив это, Христина вернулась тем же путем, каким вышла, и поведала подругам своим, что и как она сделала. А в это самое время прибыл Урбан в сопровождении большого отряда воинов, потому что он исполнял должность префекта города; был же у них тогда день праздничный. И когда он направился к статуе Аполлона, чтобы воскурить благовония тому, ради которого он пришел, то ничего не увидел. Остолбенеv, долго стоял он в великом изумлении и сначала сдержанно спрашивает дочь, где все изображения. А Христина ему отвечает: “Помня о высоком и почетном положении твоём, я всегда чтитла Сына Божия Единородного и ради благополучия всего государства я возносила молитвы Христу, Который на небесах. Им побужденная и на Него твердо уповая, полагаю, что весьма пагубно Божественное величие приписывать греховным и жалким человечешкам и оскорблять Творца всяческих молитвами перед их изображениями. Потому я решила своими собственными руками их поломать, и все, что там было золотого или серебряного, раздать бедным; что и сделано было прошедшей ночью.” Но Урбан никак не мог тому поверить, ибо запоры крепкие на дверях и непомерная высота башни никому не позволяли в нее проникнуть. И вот, когда он в глубокой печали и раздумьях расхаживал по дому, то опершись случайно на окно, видит вдруг веревки, которые ему представили верное доказательство, как все произошло. Тут обуял его страшный гнев, и, бушуя много более, чем подобает родителям гневаться на детей, с пинками и пощечинами набросился он на кротчайшее чадо свое. А стоящие вокруг воины советовали ему расспросить ее

по-отечески, прибегнув к ласке и убеждениям, и выяснить, в чем же дело; добавляя льстиво, что невероятно, чтобы женщина, столь умная и столь сведущая в римских законах, желала бы нанести отцу такое великое оскорбление, ибо, согласно гражданскому праву, отсюда следовало бы, что в родительском завещании она должна бы быть лишена наследства, и совершенно ясно, что таким образом, лишившись наследственного имущества, будь то по неосторожности или по своей воле, она нанесла бы себе вред и большой ущерб. Ответила на то блаженная Христина: “Если законы так постановляют, хотят того и к тому направлены, чтобы все, кто причиняет отцам бесчестье, лишались бы их собственности, то, согласно вашему же рассуждению, вполне законно вы получите наказание, – вы, отрешившиеся от своего Создателя, сотворившего вас по подобию Своему, и по собственной воле предающие себя демонам. Я же Его наследством по праву владею; в чем мне Сонаследник – Христос, сограждане – ангелы, соучастники – апостолы, сотоварищи – мученики, друзья – исповедники, сестры – девы; где никто на мое место не избирется наследником, никакой претор не в силах будет отнять владетельный удел благих, никакой сборщик налогов не дерзнет побеспокоить фискальными выплатами”. “Опомнись, безрассудная, – говорит на это Урбан, – и откажись от нечестивого намерения; принеси назад богов, которых ты спрятала, и соверши им жертвоприношение, в противном случае испытает тело твое те муки, каким ты ужасалась, только видя их у других людей”. Блаженная Христина ответила: “Брось уже разыскивать богов своих; ты, Урбан, когда узнал, что с ними стало (а они того и заслуживали), разбушевался столь сильно, совершенно позабыв, что разрушению подвергаются изображения демонов, сверкающая чеканка на серебре и золоте, и что от столь гнусных чудищ как можно скорее следует избавиться”. Урбан сказал: “Неужели ты уничтожила золотую статую могущественного Юпитера?” Блаженная Христина отвечает: “Я, подвергнув всех их позору и поруганию, всю грудку разбила на куски, {...} и бесчувственное изображение Юпитера тоже уничтожила”. Тотчас же Урбан в невероятной ярости приказывает воинам: “Бросьте ее наземь, и пусть жестоко накажут ее палками, чтобы поняла, чего заслуживает тот, кто осквернил жестоким оскорблением бессмертных богов”.

Как только этот приказ был отдан, были назначены для его исполнения двенадцать воинов, которые, стоя у стены, не смогли, по воле Божией, даже двинуться с места, будто немощные старцы, – для того, разумеется, чтобы тирану стало очевидно, что иные силы препятствуют воинам убить девушку. Тогда блаженная Христина, совсем не удивившись столь поразительному происшествию, спокойно говорит: “Ты видишь, что наказания твои недействительны, Урбан. Подумай, каким доверием ко мне могут проникнуться воины; пусть же явятся боги, и раз они не могут подавать помощь ратующим за них, пусть помогут себе сами; пусть применяют ко мне какую-нибудь божественную силу, если только они ее имеют; ведь я немалое бесчестье им нанесла: я опровергла их в речах своих, опровергнув, осмеяла, осмеяв, изломала: глаза их вырвала, уста их нечестивые заградила, шаткие их ноги оторвала, руки

сломала, недвижимые члены раздробила”. Услышав это, Урбан, опечалившись сильно и пребывая в полном замешательстве, стянул ее нежную шею железными оковами и запер ее в нижней части темницы в подземелье, а сам затем поспешил домой. Там, исполненный ярости, долго ничего не мог сказать, переживая случившееся, ибо неожиданное несчастье грозило разрушить всю его жизнь. Он рассказал все произошедшее супруге своей, встревоженной его мрачностью, и всем домашним, стало известно, что дочь их сделалась христианкой. Поспешно собрались отовсюду друзья и множество знатных жен; зашумел дом, приведенный в волнение воплями и плачем, наполнившись рыданиями мужей и женщин, причитаниями друзей и слуг.

В то время как у них такое происходило, блаженнейшая Христина на некоторое время погрузилась в молитву, моля Господа, чтобы Он подал ей непроницаемый щит веры против войска дьявольского. Как только она, сотворив же молитву, поднялась, вдруг явился перед очами ее прекраснейший юноша, окруженный огненным сиянием; и сказал он ей так: “Послал меня Господь Иисус Христос, Которого ты всем сердцем исповедала, как Его раба, дабы был я тебе шлемом вечного спасения, и броней для всякого нападения непроницаемой”. Сказав это, предложил он ей хлеб, который принес с собой, и велел ей съесть его.

Вот, спустя какое-то время мать ее, которая по слабости женской более была милосердна, с рассыпавшимися волосами, в разорванной одежде, вся в грязи, пришла к месту несчастья дочери и увидела ее, закованную в цепи железные. Тут неизбывная мука, тут ни с чем несравнимый плач, тут неслыханная скорбь возникает; на столь гибельное зрелище со всего города народ собирается; престарелой матери несчастной как поступить, куда бросаться? Обратиться к дочери пытается, голос ее прерывается, слова молвить не может, задыхается; чего хочет, не знает, что делать, не понимает. Смотрит она на матрон, сидящих вокруг, и каждую поименно просит, умоляет, заклинает, чтобы, движимые состраданием материнским, возвратили они ей ее единственную дочь. И вот, подошли они к блаженнейшей Христине и принялись вразумлять ее такими речами: “Узы, которыми ты опутана, Христина, несоместимы с достоинством твоим и образованностью, которые, как мы полагаем, тебе свойственны. А теперь, как мы видим, ты запятнала свои прекраснейшие устремления мерзостью, недостойной твоего знатного рода; кажется, что прямо о тебе сказана всем известная пословица: “Чем большая слава после победы, тем больший позор после падения”. Откуда у тебя сердце такое железное? Иль тебя породили тигрицы свирепые, иль вскормили Горгоны-родители? Значит, ты лишь обличьем человек, внутри же, оказывается, преисполнена звериной злобы, раз всем напоказ выставляешь себя, став причиной великой скорби матери, которая тебя родила. Хорошо ли, что она, впад в такое безумие, сделалась посмешищем для глаз окружающих? Если сохранилось в душе твоей хоть что-нибудь, а причин к тому было немало, что подвигло бы тебя к состраданию и тронуло бы твое сердце, – либо нежные речи, которыми она тебя, маленькую девочку, ласкала, то откликнись, вспомни о том.

Ради этого прелестного лица и ради тела во всех частях соразмерного умоляем тебя отказаться от этого нечестия и утешить мать, совсем уже погибающую». Им блаженная Христина отвечает в немногих словах: “Вы произнесли речь краткую и красноречивую, что родителям нужно оказывать послушание; изблещили меня в нечестии по отношению к матери, украсив все, что должно сказать, цветами слов и речений при помощи хорошо известного мне искусства. Однако Божественные законы нерушимы – кто возлюбил отца, или мать, или братьев, или сестер, или сыновей больше, чем Бога, Бога недостоин. Из чего следует, что почтение, которое, как вы убеждаете меня, я должна оказывать матери, делает меня, служанку Господню, нечестивой по отношению к Господу, таким образом, для тех, кто смотрит в глубь вещей, такое почтение и есть подлинное нечестие”.

Так женщины, раз никоим образом сломить ее волю не могут, возвращаются домой вместе с матерью, скорби которой многократно умножились. Урбан же, узнав от тех, кто к ходил к дочери, что она с ним примириться не собирается, припомнил историю о Фульвии, сыне одного сенатора: когда тот был задержан на пути в лагерь Катилины как соучастник заговора, отец приказал его убить⁸. Решив, что если и он поступит сходным образом, то это будет величайшим памятным деянием на службе его в должности префекта, Урбан приказал привести дочь пред свои очи. Вот, на глазах у всех людей, ждущих, каков будет исход такого дела, приводят святейшую Христину, в железо закованную: крик великий повсюду поднимается, что, мол, невинный человек без законного расследования осуждается – то будет во вред государству. И лишь только предстала она пред взоры тирана, он приступил к ней с такой речью: “Гораздо лучше, Христина, если бы, подумав, ты помогла бы спасению своему, важнее чего, как представляется, ничего для тебя быть не должно. Мне кажется, что не имеешь ты права безрассудным духом к смерти стремиться, а благое и полезное всеми способами отвергать”. Блаженная Христина ответила: “Не все, что тебе кажется, является необходимо таковым. К тому же, даже если бы твой Юпитер, которому ты поклоняешься, был бы богом, которого я отрицаю, то по такому приговору умереть сочту за честь”. Урбан сказал: “Хотел бы я, чтобы ты мне доказала две вещи, во-первых, что Юпитер не есть бог, во вторых, что умереть для тебя почетно, прошу, объясни это как можно понятнее”. Блаженная Христина ответила: “Всякий, в здравом уме пребывающий, понимает, что нет никакого иного Бога, кроме Того, Кто все создал”. Урбан говорит: “Это каждый человек знает”. Блаженная Христина сказала: “Значит известно, что все сотворил Юпитер, если он бог?”. Урбан: “Очевидно, что это так”. Блаженная Христина: “Если он все создал, то ничего без него не могло стать никаким образом; но ведь Сатурн, который его породил, смог появиться без него, следовательно, Юпитер сотворил не все. Благодаря столь очевидному доказательству, делается вывод, что Юпитер не бог. Вот, ты имеешь то, о чем спросил; тебе следует признать, что это выводится необходимым образом и тебе нечего возразить. Другое же, что также ты просил тебе объяснить, я докажу при помощи самого простого рассуждения; и если

ты будешь не в силах это опровергнуть, то перед всеми здесь находящимися самым верным образом покажешь, что сказанное **〈мною〉** в высшей степени правдиво”. Урбан говорит: “Не нужно отклоняться и отвечать на вопрос, заданный во вторую очередь, ибо доказательства по первому вопросу, возможно, будут изобличены противоположной стороной; итак, настаивая на первой теме, переставив некоторые слова, что ты против меня обратила, и обернув их назад на тебя, я опровергну твоё рассуждение. Скажи мне, следовательно, значит твой Распятый, о Котором ты проповедуешь, что Он Единородный Сын Божий, есть Бог, Который все сотворил? Если Он все сотворил, ничто не могло сделаться без Него; но Родитель Его, Которого Он не сотворил, мог сделаться без Него, и так ты тем же самым рассуждением неоспоримо сама докажешь, что Он не все сотворил и что Он не Бог”. Блаженная Христина ответила: “Как ты полагаешь, Бог есть Творец или творение?” Урбан ответил: “Творец”. Блаженная Христина отвечает: “Творец всех творений или некоторых?” Урбан ответил: “Всех”. Блаженная Христина ответила: “Раз Бог не есть творение, тем самым Он есть Творец всех творений; поскольку Отец и Сын есть (един) Бог, ни Отец не является Творцом Сына, ни Сын Творцом Отца. Таким образом, устранив всякую неясность, видно, что ты измыслил ложно, будто Единородный Сын Божий не создал всего, раз Отца Своего Он не создал, и что Он не есть Бог; следовательно, совершенно ясно, что Он есть Сын Единородный Бога Отца Всемогущего и Сам есть Бог и все создал, хотя Отца Своего не создал”. Урбан: “Все это вполне согласуется со сказанным о Сатурне и Юпитере, которым, все, что было создано, подчиняется, и даже которыми, по их устройению, все от начала управляется”. Блаженная Христина: “Обманываешься, префект, заблуждаешься, судья премудрый; говоришь, что все от начала управляется их устройением, при том что точно известно, что до них и многие тысячи людей существовали и весьма много времен проходило, как рассказывают поэты, признают философы. Знай, что они были люди, не боги, кровосмесители, человекоубийцы; за это они скрыты в тартаре, ожидая, что ты и прочие их почитатели вместе с ними будут гореть в вечном огне”.

Тогда Урбан в ярости нечестия **〈своего〉** приказал принести колесо и на нем укрепить острейшие мечи, а под ним развести большой огонь. Когда Христину, по велению тирана, привязали над колесом для столь жестокой муки, то как только колесо повертывалось, тело ее драгоценнейшее раздиралось и сожигалось. Тогда тиран, издеваясь над нею вместе со своими приспешниками, сказал: “Будь стойкой, Христина, не страшись, вынося это за Распятого, Который не пожелал, когда мог, сойти с креста”. Блаженная Христина ответила: “Ныне, жалкий и несчастный, внимательно слушай: чем более унижительно то, что Он ради меня претерпел, тем более я пред Ним в долгу; и хоть все виды пыток ты на мне испробуешь, я буду хвалить Христа, да не хвалиться мне ничем иным, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа⁹, Им я одолеваю врагов, с Ним иду против всех противников”. В то время как она произносила эти слова, колесо накренилось и придавило большую часть язычников, стоящих вокруг. Префект, пораженный ужасом великим, тотчас

же распустил собрание и велел передать ее в руки тюремных стражей. Когда же блаженная Христина вошла в самую темную часть узилища, пред ней явился Ангел Господень, словно солнце полуденное, и сказал ей: “Послал меня Господь Иисус Христос, ради любви к Которому ты претерпела тяжкие страдания, чтобы я возвратил здравие членам твоим”. И пока он это говорил, исцелились все ее раны, так что не осталось никакого следа от порезов. Следующей ночью Урбан, решив, что самым действенным будет еще раз попытаться склонить дух ее к почитанию богов, если обращаться с ней милостиво, ласковой речью и мягкими уговорами, велел привести ее пред свои очи. Но поскольку он не смог добиться от нее никакого ответа, то, обвязав самым тяжелым грузом, обрек ее на смерть в морских волнах. Когда же моряки бросили Христину в пучину открытого моря, ей пришли на помощь ангелы, и она невредимой была доставлена на берег. А Урбан тем временем, охваченный демонским безумием, испустил дух.

Однако спустя немного времени, когда префектом на место Урбана был избран нечестивейший Идион, гонители вновь начали притеснять блаженную Христину и принуждать ее принести жертву идолу Солнца. Поскольку она не согласилась подчиниться, ее привели на суд к бесчестнейшему судье, и префект в бешенстве говорит ей: “Не ты ли та Христина, которая все время, разводя всякие умные речи, насмехается над нашими всемогущими богами?” Блаженная Христина ответила: “Справедливо, и здравому рассудку не противоречит осмеивать то, что заслуживает презрения, и ни во что не ставить пустое. А вы в статуях железных почитаете не богов, а демонов, не небожителей, а нечистых людей, осужденных по причине безмерности их преступлений на преисподнюю”. Префект, возмущенный этими словами, тотчас приказал бить ее палками и затем принести как можно скорее медный сосуд, вроде корыта. По велению префекта воины наполнили его маслом, дегтем, смолой, серой и поставили на огонь, чтобы, сильно нагревшись, все это расплавилось. Когда же, от сильного огня такая смесь закипела, префект сказал: “Выбирай одно из двух себе, девица, или воздай поклонение божеству или тело свое окропи столь приятной росой”. Блаженная Христина напечатлела на себе знак славнейшего Креста, побежала и бросилась в кипящий котел. Тотчас же котел раскалывается, и все, что в нем было, наружу через трещины выливается, а блаженная Христина, стойкая, невредимой поднимается. Префект же, вознегодовав, тотчас велел, раздеть ее и пытать, а затем, обрив ей голову, отвести в храм Солнца.

А в середине храма был престол со стенами серебряными, уходящими в высь, двухскатная сень которого была покрыта блестящей слоновой костью, и на нем золотой лик солнца мерцал блистающими из густых кудрей лучами. Изображение это быстро вращалось, словно повторяло движение созвездий зодиака. Было видно шесть знаков справа и столько же слева, и казалось, что они заходили и всходили друг против друга по два соответственно своему противостоянию: там проходили в положенных промежутках то часы, то дни, то месяцы, то год.

Ось золотая была, лучи же серебряны были,
Хризолиты вверху сияли в нужном порядке¹⁰.

К этому великолепию приводят блаженную Хрестину после объявления решения префекта, что если она не согласится принести жертву богу-Солнцу, тотчас погибнет от меча. И вот, блаженная Хрестина немедленно попросила тишины, и, подняв руки к светилам, взмолилась Господу такой молитвой: “Царь Непобедимый, Отец Всемогущий, Бог Безмерный, Ты, Кто, придав грубой и неупорядоченной материи вид четырех стихий, дивным образом соделал совершенными частями совершенное мира устройство; Ты, Кто при самом рождении мира низверг с вершины неба ангела неумеренной гордыни, намеревавшегося по произволу своему захватить себе престол северный против воли Твоей, даруй мне, рабе Твоей, чтобы из этого идола Солнца, в котором обитает тот же злейший обманщик (его изгнать), и это механическое устройство, тем же самым искусником совершенное, раздробить, дабы так весь этот сенат и народ узнали, что всякое творение по долгу своему Тебе, Творцу всяческих, повинуется”. И когда она это произнесла, вот, появился демон огненный, который, разбив все это механическое и волшебное устройство, самую большую металлическую часть его швырнул в префекта и, поразив его в шею, убил на месте. Когда это совершилось, судья Иулиан приказал схватить блаженную Хрестину и сжечь ее дотла в раскаленной печи. Нечестивые же воины немедленно исполнили нечестивый приказ жесточайшего владыки. И когда святейшая дева уже пребывала в горниле в течение трех часов, судья приказал погасить огонь, решив, что она уже мертва. И вдруг из печи зазвучали нежные голоса поющих псалмы, и священный лик девы Хрестины явился среди хоров ангельских. Матроны же, которые пришли туда посмотреть, пораженные тем, что увидели, уверовали. А Иулиан, услышав о том, вознегодовал страшно и приказал, чтобы Хрестина была приведена к нему, и сказал ей: “Отвратительны, девица, оскорбления, которых уже немало ты нанесла нам и богам нашим, при том что никто тебе не сопротивляется или не мстит, итак, ты у нас заплатишься так, что никакие магические искусства того не одолеют”. И тотчас же, как было приказано, один из сословия магов, который в то время был самый знаменитый в Риме в сем гнусном искусстве, наколдовал у всех на глазах двух драконов, которых напустил на рабу Хрестову, чтобы они ее пожрали. Тут же блаженная Хрестина им противопоставила знамение Спасения; а драконы по Божественному повелению обратились назад и, схватив мага, в один миг умертвили его на глазах всего собрания. Судья со всей своей свитой стоял пораженный, а блаженная Хрестина подошла к месту, где лежал умерший, и во всеуслышание говорит: “Во имя Господа моего Иисуса Христа, Который был распят, восстань, несчастный, чтобы убедилась вся эта толпа, что Он есть Истинный Бог, живущий и царствующий во веки веков”. И по слову ее, мертвец, обретя дыхание, поднимается на виду у всех, объявляя и проповедуя, что нет другого Бога, кроме Того, Кого проповедует Хрестина, а именно: Господа Иисуса Христа. Драконы же тем временем, не причинив никому вреда, вернулись туда, откуда вышли. Но Иулиан, боясь, что

в народе возникнет смута, и страшась более ужасов мятежа, чем повинуюсь разуму, велел отрезать деве сосцы и язык; затем повелел отвести на ипподром и там забросать ее множеством стрел, до тех пор пока она не испустит дух. Закончилось же страдание непобедимой мученицы Христины в 9 день августовских календ по юлианскому счету.

10. Что ты, неразумный Урбан, яришься? Почему, нечестивейший Идион, пынешь злобою? На что, свирепейший Иулиан, ты тратишь все силы свои? Измышляйте муки новые и более тяжкие, чем прежние, множьте удары бича, нагромождайте казни. Чем помогла вам ярость ваша свирепая против плоти, добровольно отданной Христиной на мучения, когда душу, которую хотела она сохранить, вам не уничтожить? Узнайте, наконец, несчастные, узнайте ее радость и так узрите свою погибель. Вот уже прекраснейшая дева после палок и уз, после огня и колеса, после терзаний и бичеваний, после котла и обритуа, после изувечения и стрел уносится на руках ангелов к брачному покою Царя веков. Вы же, напротив, устремляетесь к полям Елисейским, предлагаете овна Ахеронту, а тем временем лодку, грузом злых деяний ваших отягощенную, уже поглотила стоячая Стигийская вода, пожрал огромный Цербер. Мукою большей, чем описать возможно, будете вы наказаны, вы, которые пренебрегли верой в Распятого. Но ты, о преданнейшая Невеста Сына Божия, подруга Отца Всемогущего, уже имеешь, что хотела, уже владеешь тем, что просила, уже наслаждаешься радостью Несказанного Света, и пребываешь в сокровенных Тайнах высоты Божественного величия. Там, ликуя, обрела ты возлежащего в полдень Жениха¹¹, ты, соединившаяся с Ним еще отроковицей. Ныне на пурпурном дерне прекрасных долин ты срываешь цветущие фиалки, собираешь неувядающие розы, срезаешь благоуханные колосья. Ты ныне сидишь у потоков вод, на краю источника хрустального, нежно и тихо напеваешь песни брачные. Ты сияешь в хороводах дев, царской диадемой украшенная. Ты сидишь при престоле Христовом, став общницей Царства вечного. Радуйся бесконечно, украшение девичества, стыдливость целомудренная, пример добродетели. Радуйся бесконечно, посвятившая свои члены прекрасные целомудрию вечному. Радуйся бесконечно, никакого плотского желания не знающая, сотворившая себя храмом Духа Святого. Радуйся бесконечно, от широких портиков и великих просторов поместий бежавшая и, приняв наследство Божие, сделавшаяся Христа сонаследницей. Радуйся бесконечно, дева, столь возвеличенная мучениями, отечества законы отвергшая и всей душою своею к Крестной хоругви устремившаяся. Радуйся бесконечно, приказания владык презревшая, ради свидетельства Истины на жестокую смерть осужденная. Радуйся бесконечно, в достоинство небесное возведенная, Жениха, Сына Божия и Господа, удостоившаяся. И на нас, верных тебе по обету послушания, призри; услышь, о чем просим; внемли тому, что чрез тебя получить желаем; вымоли и для нас также блаженства обещанной вышней жизни, взойти к которой без твоей помощи мы совсем не надеемся, ибо не заслужили по грехам своим. Испроси прощения у Творца всяческих нашим прегрешениям, чтобы Благий и (все) Знающий, прощающий нам, рабам Его, которые многое совершили, не обрек

нас наказаниям, соразмерным грехам нашим; и пока мы проводим краткое время этой хрупкой жизни, нас, к защите Твоей прибегнувших, укрой, сохрани, благослови, защити, управь, и умы наши сделай пригодными для хвалы Твоей. Вот, блаженная дева, мы рассказали деяния твоей славной победы и в немногих словах описали изобильную награду великого мученичества. Ты же, если было рассказано что меньше, чем надо, если что иначе, чем следовало, пощади, благодетельная, прости, дева милостивая.

Итак, блаженнейшие братия, поскольку мы объявляем победный день блаженной Христины торжественным празднеством, усвоим себе, что сможем, из ее добродетелей; да будет она к нам тем благосклоннее, чем более мы в своем духовном усердии стремимся за ней последовать. Ибо для того Господь нам предложил примеры святости женщин-подвижниц, дабы крепость душ мужеских, в жизни своей неправедной нами утраченную, побуждена была бы, по крайней мере, доблестью женщин, дабы вновь обрели мы силы идти путем верным. И так, приобщившись к страданиям блаженных, да возможем мы восходить по лестнице Иакова туда, где восседает Господь Иисус Христос, Который со Отцом и Святым Духом живет и Царствует, Бог во веки веков. Аминь.

Кончается страдание блаженной Христины

Гимн св. Христине

Дева, звездный престол в высях обретшая,
О Христина, пребудь с нами, склоненными,
Да возможем воспеть кроткими душами
О тебе славословие.

Ты, от блеска отцов славой блиставшая,
Чистой верой себя паче прославила,
В чистоте избежав мира сквернящего,
Устремляясь ко Господу,

Чьи веленья в тебе стали деяньями,
Чей завет пред лицом ты исповедовать
Смела злобных князей, сердцем бестрепетным,
Казнь презревши ужасную.

О, какие тебе муки готовились!
Сквозь мечи, сквозь бичи, колесования,
Сквозь оковы, огни, дроты разящие
Ты прошла победительно.

Света горних высот ныне достигшая,
Путь открой и для нас к оным обителям
И в молитве твоей вспомни о помнящих,
Нами здесь поминаема.

Да поможет и нам царственность Божия
Разногласную речь складною мерою
Оковать, чтоб и мы в мире незыблемом
При тебе пребывали бы.

Исповедь стихотворная

Древние мира грехи омывший священной кровью,
О Иисусе, услышь это моление мое.
Ты Единый мне можешь внушить слова убежденья,
Ибо Единый Ты нам всякое благо даришь.
Добрый плод от дурных корней родиться не может –
Лишь от Твоей доброты сам он становится добр.
Ежели мой язык хорошее вымолвит слово –
Знаю и верю: сошло слово ко мне от Тебя.
Я отверзаю уста, изливаю Давидовы речи –
Будь же в этих речах слышимо слово Твое,
Ты— источник живой, светлейший светлейшего солнца;
Тот, кто испил от Тебя – жажды не знает вовек.
Ты – сиянье зари, никакой не мрачимое ночью:
Вышедший в путь на заре благополучен в пути.
Ты напои меня, Ты озари меня, будь мне залогом,
Что обрету я в Тебе все, чего ищет душа.
Должен ли я, многогрешный, Тебе исповедовать душу,
Душу, на коей лежит бремя толиких грехов?
Должен, о Вышний мой Царь, Искупителем, Жертвою, Плотью
Ставший, чтоб павшей душе жизнь и свободу вернуть.
Смерть Твоя – жизнь, и жизнь Твоя – жизнь для всех человек:
Все, что в мире ни есть, славит Твое бытие.
Не по заслугам Ты нашим пришел – по Своей благодати:
Как же Твою благодать не исповедовать нам?
Нет, покуда я жив, Тебя исповедовать буду –
Кто исповедует, тот пышет любовью к Тебе.
Пышет любовью рыбак, и мытарь пышет любовью,
Этот – оставив челнок, этот – презревши лихву.
Малой доли лишась, обрели высочайшую долю:
Этот – Господень закон, этот – ключи к небесам.
Пышет любовью к Тебе припавший к Тебе с упованием
Гостеприимец и гость, пышет любовью к Тебе.
Пышет любовью к Тебе не обретший в Израиле веры –
Веру в тебе обретя, пышет любовью к Тебе.

Пышет любовью к Тебе жена, исшедшая горем, –
Сына здоровым узрев, пышет любовью к Тебе.
Пышет любовью к Тебе твоей окраием ризы
Крови сдержавший поток, пышет любовью к Тебе.
Пышет любовью к Тебе омывшая ноги Господни
Ливнем слез и волос, пышет любовью к Тебе.
Но и они лишь по воле Твоей воспылали любовью –
Будь же воля Твоя – стану достоин и я.
Верой назвать, надеждой назвать, любовью назвать ли
То, что возвысило их, – все это есть благодать...
...К милости ныне Твоей взываю, подобно Давиду, –
Правый для правых Судья, равным Ты внемлешь равно.
О Иисусе Благой, безумно, я знаю, безумно
И в упованье себя равным Давиду почесть.
Но не могу я воззвать, не могу воззвать я к иному,
Чтобы очистить себя от нечестивых грехов.
Дни за днями грешу, по обманчивым тропам блуждаю,
Рвусь от греха ко греху – пес на блевоту свою.
Всем рожденным дано уповать и в смертном пороке
На утешительный дух – мне утешения нет.
Что мне делать, как быть, куда обратиться мне, Отче?
В дрожь повергает меня близость последнего дня.
Что мне делать, как быть, от кого мне искать вспоможенья?
Пред Высочайшим Судьей грешнику грех не сокрыть.
Что мне делать, как быть в тот день Господнего гнева,
Гнева, который всех злых в вечные ввергнет огни?
Ты укажи мне, как быть, Ты будь мне податель совета,
Ты, в Котором для нас – весь милосердия путь.
Ты укажи мне, как быть, зиждитель всемирного зданья,
Властный вспять обратить время, творенье и жизнь.
Ты укажи мне, как быть, владыка земли и созвездий –
Воды потоков твоих наши омоют грехи!
– Праздный раб, вотще потерял ты многие годы,
С детских лет до поздних седин гонясь за соблазном
И безнаказанно лъстясь на лживую сладость порока.
Было то время, когда зараза еще не глубоко
В душу внедрилась твою и была исторжима лекарством
Без применения сил – а ныне и силы потребны.
Язва снадает себя, никаким умащением мягким
Не поддающаяся, от нее ты и чахнешь и сохнешь.
Губку к ране прижав, ты только поможешь болезни.
Ныне настала пора – взгляни на свое злополучье

И обуздай сладострастье свое. Ко греху устремляла
Резвая плоть доселе тебя; следи же, блюди же,
Чтобы она не могла понудить тебя к послабленью.
Будь неусыпен в ночи, неустанен в труде повседневном –
Всякий грех избудешь трудом. Дай жаждущим влаги,
Дай нагому покров, удели голодному пищи.
Слезы пролей, омойся в слезах, от пороков очисти
Свой тоскующий дух, да внидет в него добродетель.
Дух приучай ко смиренью постом и чтением многим,
Неукоснительным пеньем псалмов, прилежной молитвой;
Не помышляй свое бремя смягчить мечтой о награде,
Труд – надеждой на плату, боренье недолгое – видом
Вечных торжеств. Любые труды умаляются, если
Их вменять в заслугу себе. Какая заслуга
В том, что трудный твой пот оросит крутые уступы,
Коиими ввысь ты бредешь, восходя к высочайшим вершинам?
В небе ли цель у тебя? Отрада твоя и награда –
Праведность жизни твоей; стремись лишь к тому, что по праву
Предназначалось тебе...

...Ужели смущается дух твой

Видом обманчивых благ, какими владеют иные –
Те, что живут как во сне, всю жизнь сновиденьями тешась
Праздными, те, кого мир серебром украшает и золотом
И слоновью костью? Ты мнишь, что это – счастливыцы;
Глубже, однако, взгляни, проникни в то, что сокрыто
От незорких очей, и увидишь: срама и смрада
Жалкие души полны под этим блестящим обличьем.
Благополучие их кратковременно, призрачно, зыбко,
Хрупко, словно стекло. Величаясь присущим уделом,
Лишь до поры сияют они, пока не нагрянет
Срок, повергающий в прах и внезапно являющий миру,
Что за презренная грязь таилась под блеском заемным.
Добрый дается добро, чтоб они к добру устремлялись.
Вот потому-то и ты не верь сиянию ликов
Тех обладателей благ: их блага им не на благо.
Благополучия знак – не завидовать благу чужому,
Благополучие – в том, чтоб с улыбкой смотреть на имущих.
Ну, а можешь ли ты завидовать тем, у которых
Полные души коварств мнутся пагубным страхом,
Смертной разимы тоской из колчана сурового гнева?
Злого нрава рука, лук смерти, оружие несчастья –
Вот обличье, в каком приходит к ним горькая мука.
Рады они ненавидеть обидевших; подозревая

Вред, понуждают вредить; грозой нависают над слабым;
Но лишь подумай о том, как часто счастливцы лежали,
В ноги упав перед теми, кого в надменной гордыне
Сами от ног отрвали своих? как часто счастливцев
Казнь поражала, меж тем, как, нетронуты ей, миновались
Те, кто завидовал им? как часто отвергший просящих
Сам о пощаде просил? По праву зовется счастливым
Тот, которого в зависти мучит счастливейший; будь им!
Пусть иные и счастливы, пусть; но где они ныне –
Те, кто с высоких престолов уставы гласили народам?
Хрупки они, как стекло, разбиты, вытекла влага,
Встал из воды и лопнул пузырь, рассеялись тени,
Дым отлетел, облака испарились. Вот общая участь
Тех, кто страшен тебе: не хочешь бороться – спасайся
Бегством; боишься в чужой стороне скитаться убогим?
Столько не будешь убог, сколь убог на свет ты родишься!
Вырвись, вырвись из здешних усад, из здешнего мира –
Каждый шаг твой прочь от мира ко мне приближает.
Отче Христе, Дарователь святой и истинной жизни.
Отче Христе, Творец блага, добра, красоты,
Отче Христе, в деснице Твоей небытность и бытность,
Миру, которого нет, повелеваешь ты стать,
Отче Христе, не знающий зла, творящий творенья,
Чтобы не к худшему зло, а к наилучшему шло,
Отче Христе, сокрушение зла, прибежище блага,
Всем, кто истинно добр, добрый вещающий суд.
Отче Христе, в котором и тот, кто чужд совершенства,
Станет, избывши порок, добр и прекрасен и чист,
Отче Христе, Которого всяк, наделенный любовью,
Любит, зная о том или не зная о том,
Отче Христе милосердый, Тобой все чистые сердцем
Рады стремиться к добру, рады добро обрести.
Отче Христе, чрез Тебя вся истина истиной стала,
Все, что ведомо нам, ведомо нам чрез Тебя.
Отче Христе милосердый, предел жития и вершина,
Все, что в мире живет, только Тобою живет,
Отче Христе, держава твоя – мирозданья громада,
Ты, незримый очам, в зримой вселенной царишь,
Отче Христе, из державы Твоей в земные державы
Сходит царящий закон и правосудная власть,
Отче Христе, без Тебя я ничто, а с Тобой я возвышен;
О милосердый Отец, я воззываю к Тебе.
Отче Христе милосердый, в Тебе пребыванье – спасенье,

Жизнь – обречение Тебя, гибель – лишение Тебя.
Отче Христе, покидает Тебя лишь тот, кто обманут,
И обретает Тебя тот, кто внимает Тебе.
Отче Христе милосердный, лишь чистому сердцу открытый
Тех, кто скверну избыл, – Боже, взываю к Тебе.
Отче Христе милосердный, кто верит, кто ищет, кто любит,
Кто созерцает Тебя, тот обладает Тобой.
Отче Христе, нас вера зовет, возвышает надежда,
Соединяет любовь во одоление зла.
Отче Христе милосердный, Ты милостью вышней Господней
Нас возвышаешь к Себе – жизнь Ты, и путь, и врата,
Боже Христе, снизошедший до нас из славы небесной,
С грешными нами делясь горним наследьем своим,
Свет мой, обет мой, предел мой, удел мой, хвала, упование,
Благословляю Тебя, чту, прославляю, люблю.
Жажду Тебя, объеблю тебя, ищу Тебя, чаю, –
Ты лишь отрада моя, Ты лишь веселье мое.
Если бы в хор языков превратились огнистые звезды,
Или песчинки в морях, или в земле семена,
Или дождинки в дожде, или волны в прибрежном прибое, –
Все, чего счетом не счесть и не исчислить числом, –
Все же они не могли бы Тебя, Иисусе, прославить,
От недостойных гремя к небу достойной хвалой.
Через Христа благочестье во мне благочестно глаголет –
Будь же этот глагол верным путем ко Христу.
Пусть не могу я увидеть Тебя, но слова Твои вижу –
И прозревать я могу Божие Слово в словах.
В этих таится словах аромат небесного меда –
Тем, кто вкусил этих слов, сладостно все бытие.
В этих таится словах небесной дыхание жизни –
Жизни, которая в Нем к мертвым нисходит телам.
Но без Тебя никому не вкусить медвяной улады,
И без Тебя никому этим дыханьем не жить.
Ты – медовый поток, духовным устам излиянный,
Ты – дыханье небес, сердце живящее нам.
Горечь из глубей души исторгает вкушение меда,
Дух зловонный людской тает в дыханье небес.
Се добродетель Твоя пороки от нас отженила –
Да не вернуться они, Господи, с нами пребудь.
В храме Твоем обитай, охраною будь и оградой
Нам и внутри и вовне: дом сей – обитель твоя.
Мне, кратковечному гостю земли, яви свою милость –
Дай причаститься Тебе в жизни грядущей моей.

Ты – начало всего, благочестье Тобою любимо,
И милосердье Твое род осеняет людской –
Будь же Им осенен и Григорий в высоком сиянье,
Правящий вслед за Петром первоапостольный Рим.
Меж соименников он – седьмой, так пусть семикратно
Будет он одарен бдящих дарами жрецов.
Пусть охраняет он мир меж верных царей и народов,
Пусть опекает покой, радостный церкви Твоей.
Вспомни, Боже, молю, и о кроткой Агнесе царице –
Той, что Царю царей вверила царство и дух.
Отче, Тобою в отцы нам дан Дезидерий желанный –
Будь благосклонен и впредь, Отче, к желаньям его.
Рвеньем его возжены в Кассине несчетные светы –
Ты их, Боже, узри светами звездных очей.
Сень Бенедикта узри, красоты средоточие многой,
Коей по воле его славится имя Твое.
Сень Бенедикта узри, Твоею хранимую властью,
Стройные сонмы узри чтущих святыню Твою.
Благословенье даруй, излей на них влагу святую,
В коей и Отчий и Твой жив благодетельный Дух.
Ты иереев узри и диаконов с клиром и причтом,
Всех, кто в Церкви Твоей службу по чину несет,
Всех, кто соборно гласит Твою высочайшую славу
В час дневной и ночной, сердце горе вознося.
Ты – их руки, Ты – их очи, Господи правый,
Господи, Ты – их уста, Ты – их глубины души.
Меру мерой отмерь, заслугам воздай по заслугам,
Благодаренью же в нас нет и не будет конца.
Если процвел вертоград, насажденный Тобой и любимый,
Лучшие гроздия с лоз Ты, Иисусе, сбери.
Горечи в них да не будет, чужой да не будет породы,
Чтобы чужая рука Твой не похитила плод.
Господи Боже, блюстителем будь и хранителем сада,
Будь отрадой ему вера, надежда, любовь.
Как херувимы Твои – обетного стражи Эдема,
Так пусть пламенный меч нашу обитель хранит.

К монаху Вильгельму, грамматнику

1. Дорогой Вильгельм, не смешно ли вспомнить,
Как передо мной, закусивши сытно,
Поносил ты то, что теперь ты хвалишь, –
Долю монаха?

4. Ты мне говорил: “Богачам – блаженство,
Ибо только им без труда и пота
Достается все, что на пользу людям
Создано в мире”.

5. Ты и сам ведь был из числа богатых,
И пока твой дух изощрялся в знаниях,
Приносил тебе и казну и титул
Город Аверса.

6. Ради твоего и ума и нрава,
Ради всех друзей, что к тебе теснились,
Молви, отчего ты принять решился
Инока званье?

7. Ведь меня б ни честь, ни большие деньги
От мирской толпы не прогнали в келью.
Если бы не мысль, что в одном лишь в этом
Есть безопасность.

8. В сети ловит мир тех, кто предан миру,
Обольщает призраком лучшей доли
А потом, разя, отнимает разом
Все, что имеешь.

9. Это я читал и в старинных баснях;
Если склонишь слух к моему рассказу –
Согласишься сам, что в подобной притче
Истина скрыта.

10. Хитрая лиса, всех волков хитрее,
Убедила льва снарядить трирему,
Чтобы стать царем над морскою тварью,
Как над земною.

11. Вся толпа зверей, что при льве служила,
За своим царем поспешает следом
И, заполнив палубу, ждет, что скажет
Царственный кормчий.

12. Веет свежий ветер, надувая парус,
И плывет корабль по простору понта;
Но внезапно лев, окруженный зыбью,
Чувствует голод.

13. Первой жертвой льва пал медведь огромный,
За медведем вслед остальные звери,
День за днем собой утоляя муки
Львиной утробы.

14. Наконец, осталась одна лисица –
Биться ей со львом не под силу было,
И она уже о своем терзалась
Замысле горьком,

15. Как пришел на ум ей обман коварный,
И она кричит, что на ближнем бреге,
Ускользнув из свиты царя, пасется
Стадо оленей.

16. Лев, расшвирипев, приказал ей спрыгнуть
В море, плыть к земле и пригнать добычу
Прямо к кораблю; и спешит лисица,
Рада спасенью.

17. Выбравшись из волн на утес надводный,
“Нет, – кричит лиса, – не пойду я в море
С кормчим, для которого свой же спутник –
Лучшая пища!”

18. Грешный мир, как лев, погубляет присных;
Все его дары для людей опасны;
Кто вчера блистал в багрянице царской –
Ныне он нищий.

19. Я же налегке, не страшась разбоя,
С песней на устах прохожу по чашам;
Черный поворот колеса судьбины
Мне не опасен.

20. Ни к чему кошель, серебром набитый,
Ни к чему почет при застольях царских, –
Лучше скромный дар запивать Цереры
Соком Калена.

К архидиакону Гильдебранду

1. Сколь великою славою Государства блюстители Облекались заслуженно, От тебя, многознающий Гильдебранд, не укрылось,	2. Я уверен. О том твердит И дорога Священная, И утес Капитолия – Самовластия тронного И оплот и опора.
---	--

3. Но и подвигу трудному
Есть завистники злобные,
Во злонравье бесстыдные –
Даже самый достойный муж
Против них без защиты.

4. Яд язвительной зависти
Заразив злополучного
Безотрадную немощью,
Нас ввергает в несчастья
И к гибели близит.

5. Только ты не завидуешь
Ни единому смертному –
Нет, пусть люди завидуют
Твоему благоведенью,
Всякой меры безмерней!

6. Сколь полны справедливости
Приговоры высокие,
Без которых немислимо
Нам добиться желанного
И достигнуть награды!

7. Сила духа могучая
И стремление к высшему,
Что нам в жизни даровано, –
Вот залог благотворности
Помышленья и дела.

8. Оттого-то по праву Рим
Над державами властвует,
Осняя весь круг земной,

И свирепое варварство
В знатных землях трепещет.

9. Ты, что меч принял пламенный
От Петра первозванного,
Преломи их могущество
И надменность упорную
Вновь повергни под иго!

10. О, всесилье проклятия!
То, что некогда Марию
И державному Юлию
Доставалось оружием, –
Днесь покорствует слову!

11. Сципионы старинные
И квириты-воители
Неужели заслуженней
Перед римским могуществом,
Чем твоя непреклонность?

12. Многой славой покрытые
За служенье отечеству,
Эти мужи достойные
В светлом царстве вечного
Не обрящут покоя,

13. Гильдебранду сужденного
Там, где славой нетленною
Облечешься заслуженно,
Ибо равен апостолам
Ты для верного Рима.

Проповедь Альфана на текст евангельский:

“Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною” [Мф 9, 9].

Евангельское чтение, которое ныне прозвучало для вашего слуха, любезнейшие, особо выдается среди слов Господня научения, укрепляя тоскующую совесть грешников, – восстанавливает истощающиеся души, изгоняет малодушие и холод боязливости и унывающего возвышает до надежды обрести прощение. Ибо кто же по громадности своих преступлений, сколь бы они ни были велики, не будет уповать на милость Божию, когда услышит, что блаженный Матфей, жаждавший прибытка от продажи, не только был

неожиданно призван, но и причислен к исполнению двух особенных служений Небесной курии^{12?} Ради того, бесспорно, чтобы взойти на вершину апостольского сената, и среди товарищей-евангелистов, в том, в чем он первенствовал, принять достоинство преимущества, ибо никому другому не были сообщены оба дара, кроме лишь Матфея и Иоанна. И поскольку Иоанн зовется “Благодать Божия”, а Матфей толкуется как “(Богом) дарованный”, и тот и другой заслужили и дары двойного достоинства, как только, повторяю, воистину заблестала благодать небесного дара, но и для того еще, чтобы исполнилось то речение, которое гласит: “Когда умножился грех, стала преизобилывать благодать” [Рим 5, 20]. Матфей, положив начало Писанию в истине благовестия, среди прочих евангелистов имеет славу вождя и наставника; и к нему, конечно, в особой степени подходит сказанное другим апостолом, вернейшим и достойным всего, что он получил: “Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтоб Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной” [1 Тим 1, 15–16]. Потому и было, как ныне рассказала евангельская история, что “когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его” [Мф 9, 10]. Ибо тех, кому снедающее их осознание своих прегрешений могло преграждать путь к Искупителю, близкое общение Матфея с Господом побуждало приблизиться. И в то время как они видят близкого к Источнику Милосердия мытаря, то уже в блаженном дерзновении вместе с остальными грешниками-мытарями подходят к Тому Источнику, оставив сомнения свои. О приобщении народа к Вечному Источнику говорится устами пророка: “В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты” [Зах 13, 1]. Источник скрытый и сокровенный есть (Сын) Единородный Отца, Невидимый Бог; а источник открытый есть Тот же Бог Воплощенный, справедливо названный Источником, открытым дому Давидову, ведь наш Искупитель пришел к нам из рода Давида. Ты же, гордыня фарисейская, готова засыпать этот Источник Милосердия, всеми силами стараясь в надмевании своем не дать жаждущим и иссохшим к Нему приблизиться; но устами Исаии обещано тебе было напиться из Него, когда пророк говорил: “Ибо Я изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее; изолью дух Мой на племя твое и благословение Мое на потомков твоих. И будут расти между травою, как ивы при потоках вод” [Ис 44, 3–4]. И еще раз было обещано, когда в другом месте говорил: “Ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают” [Ис 58, 11]. Однако твердо укрепившись в высокомерии надменного превозношения и в соблазне своем возгордившись исключительным превосходством ложной праведности, ты упрямо пренебрегаешь безвозмездно предоставленным Источником вечного спасения и с презрением отвергаешь животворящие потоки Высшего Источника. Ибо, гордо и надменно подходя к ученикам Господним, ты изливаешь яд пагубной гордыни фарисейской, что внутри души твоей,

и сеешь ветер превозношения, испуская из яростных и брызжущих слюною уст дыхание, зародившееся в возгордившемся сердце твоём. Почему, спрашивается, с мытарями и грешниками ел ваш Учитель? Да именно потому ел с ними, чтобы из мытарей сделать праведников, из грешников – святых, из оклеветанных – апостолов. Грешников Он призывает, чтобы оправданием Своей добродетели сделать их невинными. Так, несомненно, именно так, как сказано в другом месте¹³: в то время, как ты, Фарисей, стоя в храме, в высокомерии перечисляешь добродетели свои, и, возвышая себя, осуждаешь другого, мытаря, – вот, он из бездны своей вины оправданным восходит к обретению милости и прощению, ты же пал с вершины своей ложной праведности, пал в несчастии своем перед очами Всемогущего Бога. И вот, таким образом, в то время как вы самонадеянно ждете награды за поддельный блеск вашей бесплодной праведности и уязвляете других, осуждая их со своей высоты, праведность ваша чрез превозношение обращается во грех, а дурные дела других уже приуготовлены получить прощение чрез благодать смирения, потому и говорится устами пророка: “И пустыня не делается садом, а сад не будут считать лесом” [Ис 32, 15]¹⁴.

¹ Ссылка на Апулея (как далее и на Варрона), не находит подтверждения в известных нам текстах этих авторов. Скорее всего, мы имеем дело с контаминацией различных сведений, полученных автором Жития из вторых рук, скорее всего, – из сочинений блаж. Августина. *Апулей, Варрон, Эвгемер* – авторы, примерами из которых нередко пользовался Августин, особенно в своей апологии христианства и ниспровержении языческих верований в “О Граде Божием”.

² В этом сюжете, вероятно, присутствует отголосок мифологического предания о битве Зевса (Юпитера) с гигантом Тифоном за власть над богами, широко известной по многим литературным источникам (Гесиод, Аполлодор, Гигин, Нонн).

³ Далее лакуна в рукописи.

⁴ Нельзя исключать, что приводимые примеры взяты из несохранившихся сочинений Марка Теренция Варрона Реатинского (I в. до н.э.), таких, как “Древности дел божественных и человеческих” или “О происхождении Римского народа”. Отношение к богам, как к обожествленным древним героям (общая идея эвгемеризма), было не чуждо и Варрону.

⁵ О таком случае оправдания весталки (Тукции) рассказано у Плиния старшего (Естественная История 28, 12), Валерия Максима (Знаменитые деяния и речения 88. 1(absol). 5); Тит Ливий упоминает лишь факт ее осуждения (“От основания Города”, XX, перифраза, 20). В Житии эта история перенесена на саму богиню Весту.

⁶ Имеется в виду похищение Европы, дочери финикийского царя Агенора.

⁷ О захвате Рима галлами (390 г.) и спасении воинов на Капитолийском холме см. *Тит Ливий*. От основания Города, V, 41. 1–6. Гуси, поднявшие шум и спасшие Рим, были не из храма Юпитера, а посвящены Юноне.

⁸ См. *Гай Саллюстий Крисп*. Заговор Катилины. 39. 5.

⁹ Гал 6, 14; “А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа”.

¹⁰ Парафраз цитаты из «Метаморфоз» Овидия (II, 107–109); предыдущее описание также перефразирует знаменитое описание Дворца Солнца – см. *Овидий*. Метаморфозы II, 1–18.

¹¹ Ср. Песн 1, 6.

¹² То есть апостольство и благовестие.

¹³ Евангельская притча о фарисее и мытаре – см. Лк 18, 10–14.

¹⁴ Полностью этот стих из пророка Исаии звучит так: “Доколе не излиется на нас Дух свяще, и пустыня не делается садом, а сад не будут считать лесом”.

V. Королевство франков

*

Одон Ключийский

Биография Одона была написана его преданным учеником Иоанном, который просил его рассказывать о своем детстве, юности и монашеской жизни. Одон родился в Туре в 878 г., сын рыцаря Аббона Мэнского. Аббон, отец Одона, был образованным человеком, интересовался историей и знал наизусть “Новеллы” Юстиниана, то есть был сведущ в законах, а также в Священном Писании. Он был уважаем соседями, к нему часто приходили спорящие. У Аббона и его жены Аренберги долго не было детей; когда они появились, то старшего из двух сыновей Аббон должен был по обету отдать в монастырь и готовил его для церковного служения. Через несколько лет Одон заболел и принял решение посвятить себя Богу. Он уехал в Тур, стал там каноником св. Мартина и провел там 6 лет. Однако Тур посещали многие аристократы. На Одона обратил внимание граф Фульк Анжуйский, который ввел молодого талантливого человека в аристократические круги. В Туре, тем не менее, Одон продолжил образование, прерванное отъездом ко двору Гийома Аквитинского. Одон желал полностью посвятить свою жизнь созерцанию и поселился в маленькой келье неподалеку от гробницы св. Мартина. В это время он прочитал Устав св. Бенедикта Нурсийского и пожелал уйти в монастырь, но прежде продолжил образование в Париже у некоего Ремигия. Оставив Тур, он стал монахом в монастыре Бом, где настоятелем был Бернон, будущий первый настоятель Ключи. Это был монастырь со строгой уставной жизнью, где придерживались редакции бенедиктинского устава, сделанного в начале IX века Бенедиктом Анианским, то есть читали предписанное им количество псалмов и молитв. Тем временем в 909 г. был основан Ключи, как реформированный монастырь, живущий по уставу св. Бенедикта. Важная роль в развитии Ключи принадлежит Одону. Одон также поддерживал две идеи, которые внедрял св. Бернон: полный отказ от частной собственности и отказ от мясной пищи. Вскоре он возглавил школу монастыря, а в 927 г. сменил Бернона как настоятель. Одон развивал и продолжал идеи первого настоятеля. Одно из наиболее важных начинаний Бернона было получение грамоты от короля и папы о независимости Ключи от внешних вмешательств. В 927 г. Одон получил королевскую грамоту на Ключи от Рудольфа Бургундского, короля фран-

ков. Что касается внутренней жизни Ключни, Одон настаивал на молчании, воздержании и точном исполнении бенедиктинского устава. Главными чертами реформы были общинная жизнь в бедности и строгое хранение целомудрия. Эти требования отличались от общепринятого в то время подхода к монастырской жизни. Подход Одона помог формированию идеалов духовного сословия, которые позже реализовались в реформе Григория VII. Влияние и власть Одона простирались далеко за пределы Ключни. Французские монастыри Флери (сыгравший большую роль для бенедиктинского возрождения в Англии) и Бур-Дье управлялись непосредственно Одоном, в то время как его реформам при влиянии папы были подчинены многие другие монастыри в юго-восточной и центральной Франции. В самом Риме Одон реформировал монастырь св. Павла-за-стенами и оказал большое влияние на монастыри Монте-Кассино и Субьяко. Уход от мира сделал его идеальным посредником в политических делах, особенно между Гуго, “Королем Италии”, и Альбериком Римским. К концу жизни Одон был очень влиятелен и уважаем. Много говорили о его щедрости к беднякам и милосердии к заключенным. Он умер 18 ноября 942 г. в монастыре св. Юлиана в Туре, через несколько дней после того, как принял участие в празднике покровителя города, св. Мартина Турского, которого он очень почитал.

Перевод сделан по изд.: PL 71, 115–128; 133, 713–721; 749–752.

Житие св. Григория, епископа Туронского¹, написанное Одоном, настоятелем Ключнийского монастыря

Пролог

По праву почитается память всех святых, но в первую очередь тех, кто или учением, или примером просияли славнее прочих. Немало свидетельств говорит, что одним из них был блаженный Григорий, архиепископ Туронской кафедры, и он просиял этим двойным даром учения и доброго примера. Его деяния, конечно, хотя бы частично будут описаны, чтобы слава такового мужа не потемнелась когда-либо облаком сомнения. И довольно для его славы, что он стал в горних общником Христа, Которому старался угодить, однако и здесь нельзя умолчать о духовных подвигах такого мужа, который стремился открывать людям духовные подвиги столь многих святых. Этот рассказ будет мал, и он не обнаружит знаки его величия, как они есть, ибо многие, как ходят слухи, утрачены, мы же упомянем те немногие, какие известны из его книг. Потому, если кто, исследуя чудеса, по обычаю иудеев, измеряет величие какого-либо святого количеством чудес, какое он будет иметь мнение о Преплаженной Богородице или об Иоанне Предтече? Потому пусть тот рассудит и поймет, что в Страшный день, когда многие, совершавшие чудеса, будут осуждены, по правую руку Высшего Судии соберутся лишь только те, кто следовал делам праведности. Следовательно, мы описываем жизнь

нашего предстоятеля не потому, что он совершал чудеса, хотя и они не вполне отсутствуют, но да начнем наше изложение, ибо он следовал Христу, будучи кроток и смирен сердцем.

1. Григорий был рожден в Кельтской области Галлии. Он был уроженцем Арвернского² края и произошел на свет от отца Флоренция и матери Арментарии. И если чем земная знатность служит божественному благородству, его родители не только были весьма богаты именем, но также блистали и славностью своего рода. Но что больше, некая особая преданность, казалось, связала их обязанностями божественного служения настолько, что всякий из рода, кто оказался бы лишенным благочестия, по праву был бы назван выродком; для подтверждения того добавим немного о его близких. Так, некогда сенатор Георгий взял в жены Леокадию; она происходила из рода Вектия Эпагата³, о котором Евсевий повествовал в пятой книге “Историй”⁴, что он пострадал в Лионе и подвизался в той борьбе среди других с особой славой. Леокадия произвела на свет святого Галла⁵, епископа Арвернской кафедры, и Флоренция, родителя этого мальчика. Об этом же Флоренции, а также и о матери Арментарии, и также о Петре, ее брате, еще и о жене Юстина, сестре ее, и двух племянницах, Евстене и Юстине, ученице блаженной Радегунды⁶, книги чудес рассказывают много такого, из чего можно распознать, что вера их и заслуги были весьма значительны. Земля Арверния, которая была родиной мальчику, некогда весьма возвысилась, так что она была могущественнее других благодаря своим сенаторам, словно Тарпейский град⁷; отсюда происходил род Григория, из земли, которая давала и сенаторов, и судей, и всех, можно сказать, принадлежавших к первым людям государства. Достаточно будет сказать о родителях то, что, поскольку “Бог в роде праведных” [Пс 13, 5], послужит к славе Григория, ибо его род казался ему столпом чести и святости. О его роде и его родине упоминает Фортунат:

Пожалуй, рода краса, Туроненская

Выше заснеженных Альп поднимаются горы Арверны⁸.

И о матери его:

Дважды блаженной зовись, величайся заслугами, словно

Ева, праматерь людей, или мать Маккавеев отважных,

Семеро чьи сыновей увенчались небесной наградой.

Вот и тебя назовем мы по праву счастливой в потомстве.

Славься своими детьми, Арментария, милая людям.

Ныне в семейном кругу наслаждаешься миром и счастьем.

Сын твой, Григорий, тебе и венец, и над тьмою победа⁹.

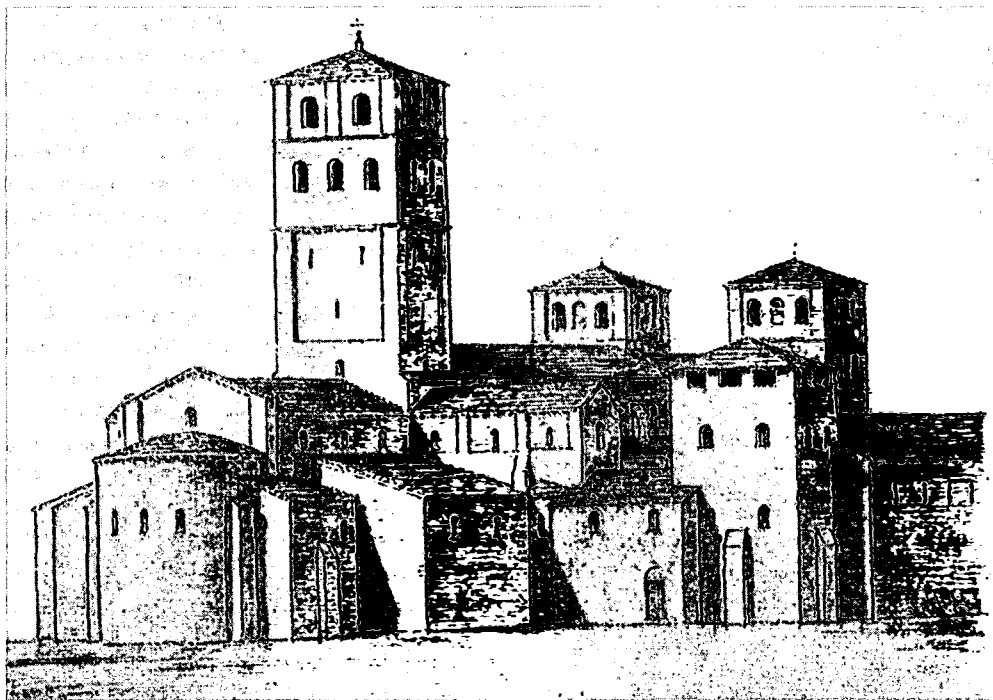
Так появился отрок, отрасль благородного корня, превосходящая его своим благородством, как бывает роза прелестнее своего стебля, и с избытком возвратил родителям увеличенную красоту высоких качеств души. И хотя уже не следует искать в именах величие тайны, однако, как подтвердили его дела,

он назван был Григорием, словно в качестве предсказания, что согласовывалось с его натурой. Ибо так греки называют бодрствующего, он же соблюдал не только третью стражу, но, что более, вторую, и даже первую, что весьма редко увидишь: и поскольку иго Господне он понес с юности, “сидел одиноко”, как говорит Иеремия¹⁰, или, по крайней мере, вблизи Мартина. Как скоро позволила телесная крепость нежного возраста, его отдали обучаться наукам, и в этих занятиях, сперва под руководством епископа Галла, своего дяди по отцу, окрепли его молодые чувства.

2. В то время как Григорий преуспевал в изучении письма, Божественный Промысел наставил его предзнаменованиями подвигов и прославил его непорочное детство явлением знамений. Ибо отец Григория, охваченный чрезвычайно сильной болезнью, лежал на ложе; внутри, в костях, начал бушевать жар, подагрическая опухоль стала увеличиваться, пересохшие уста уже едва дышали, когда явился в видении мальчику некий муж, сказав: “Ты прочел книгу Иисуса Навина?” Тот отвечал ему: “Ни о чем другом, кроме букв, я не помышляю, и ныне прихожу в уныние, обязанный в них упражняться. Ибо вообще не знаю, существует ли эта книга”. И тот говорит: “Пойди, сделай дощечку из дерева, чтобы на ней уместилось сие имя¹¹, и, написав его чернилами, положишь в головах под отцовским ложем. Если это сделаешь, будет тебе помощь”. Когда наступило утро, мальчик сказал матери, что видел; конечно, мальчик благочестивого ума полагал, что дело должно делать не по своему суждению, а по суждению матери. Мать приказала исполнить увиденное. Это было сделано, и с этого времени отец выздоровел. Что более разумно, что соответствовало возвращению здоровья: имя Иисусово или кусочек дерева?

3. Родители Григория, которые и вправду были знатны, владели обширным поместьем в Бургундии. Святой Ницетий¹², муж великого благочестия, стоявший во главе Лионского града, поскольку родители мальчика были его соседями, велел привести Григория к себе. Святой муж, поставив его перед собой, некоторое время смотрел на него и, не знаю, о чем божественном подумал, глядя на него. Затем Ницетий приказал, чтобы его поднесли к нему, ибо он лежал на ложе, и, словно обитатель рая, предчувствовавший будущего своего согражданина, обнял Григория и приласкал, но – об этом не должно умалчивать – так укрылся весь туникой, чтобы не коснуться мальчика даже неприкрытыми кончиками пальцев. Конечно, Григорий, повзрослев, часто рассказывал об этом примере чистоты своим слушателям, убеждая их заключить из осмотрительности столь совершенного мужа, насколько всякому немощному должно избегать прикосновения к чему-либо привлекательному. Св. Ницетий благословил мальчика и, помолившись о его благополучии, отпустил его к родителям.

4. После чуда, о котором мы рассказали, прошло почти два года, и отец Григория, Флоренций, был охвачен возобновившейся болезнью: поднялась лихорадка, опухли ноги, страшная боль терзала стопы, позапрошлогодняя

Клюни, вторая церковь монастыря. Реконструкция профессора К. Дж. Конанта.
Evans J. The Romanesque Architecture of the Order of Cluny.
Cambridge, 1938. Fig. 219

болезнь сокрушила мужа, и он лежал, уже почти не в силах двинуться. Тем временем мальчик снова увидел во сне некоего мужа, спросившего его, знает ли он книгу Товии. Мальчик ответил: “Никоим образом”. Муж говорит: “Знай, что он был слеп, и сын исцелил его рыбьей желчью при содействии ангела. И ты сделай подобным образом, и родитель твой исцелится”. Григорий передал это матери, и она немедленно отправила слуг к реке: рыбу поймали и то из ее внутренностей, что было велено, положили на угли. Исход смелого поступка не обманул ожидания, ибо, как только запах дыма достиг ноздрей отца, тотчас же отступили вся эта опухоль и боль. Если велико то, что уста Захарии были отверсты по заслугам Иоанна¹³, немало, во всяком случае и то, что Флоренций не один раз, но два исцелился при помощи сына. Из этого родители Григория увидели, что он сможет наилучшим образом идти правой стезей; они не могли не понимать, что Божий Промысел приуготовил его к более правым служениям. Однако они не тотчас же постригли его, ожидая, как полагаю, его собственного согласия на принятие церковного чина, а он тем временем еще более усердно занялся изучением наук.

5. Оставаясь еще в миру, он возрастал как пониманием, так и телом, когда внезапно тяжело заболел, страдая от сильнейшей лихорадки и желудочного расстройства. Немошь день ото дня все увеличивалась, усердие врачей не приносило никакой пользы. Его часто навещал Галл, его дядя по отцу, родительница же, как мать, постоянно плакала о нем. Но когда уже отчаялись в человеческой помощи, свыше юноше было внушено, чтобы он обратился к помощи Божественной. Григорий попросил, чтобы его отнесли к гробнице св. Иллидия¹⁴, ибо она была поблизости. Но это помогло мало ему, ибо эта тягота преследовала иную цель. Когда его вновь принесли домой, так через малое время он начал мучиться, что думали, что близок уже конец его жизни. Наконец, сделалась понятной цель его страданий; Григорий утешил тех, кто о нем плакал, говоря: “Еще раз несите меня к гробнице святого Иллидия; я верую, что он вскоре подаст и мне здравие, и вам радость”. Его отнесли туда, и он излил молитву громко, насколько был в силах, клятвенно пообещав, что, если он освободится от этой болезни, немедленно примет образ жизни клирика. Он произнес эти слова и тотчас же почувствовал, что лихорадка отступила, и из его ноздрей излилось много крови, так вся эта болезнь исчезла, как если бы некий посланец, получив то, за чем приходил, поспешил удалиться. Так Григорий сложил власы со своей головы и полностью предался служению Богу.

6. Когда святой Галл был призван к заслуженному венцу блаженной жизни, юношу принял муж Господень Авит¹⁵, который, исследовав его дарования и обычаи, употребил усердие учителей, чтобы благодаря его трудолюбию или их старанию как можно быстрее юноша достиг бы вершины премудрости. Об этом можно найти в Житии вышеупомянутого Иллидия. Затем, весьма прилежно изучая науки, Григорий упражнялся в них рассудительно, не увлекаясь чрезмерно ни одним ни другим, то есть ни мирскими, ни духовными науками. Он и болтовни поэтов совсем не чурался, однако совсем не увлекался ими, как в обычае у большинства, сверх меры, и не стал в душе их приверженцем, поддавшись соблазну. Ибо он узнал то, чего было достаточно, словно бы изострил пронизательность сердца о некую скалу, и так он, словно позаимствовав из Египта золотые сосуды, и перейдя в пустыню, чтобы питаться там манною, углубился в изучение высшей силы Божественных Писаний. Он сам говорил об этом, рассказывая о себе: “Я не упоминаю ни о изгнании Сатурна, ни о гневе Юноны, ни о разврате Юпитера”, – и вслед за тем, вот, что добавлял: “Пренебрегая всем этим как быстроразрушимым, обращусь, скорее, к Божественному и Евангельскому; ибо не желаю я ни оказаться пойманным в собственные сети, ни запутаться в них”. Этим Григорий показал, что ему известна ученость языческая, но по более здравому суждению он отвергал ее.

7. В назначенное время он был поставлен во диакона. В то время жил в Арверне некий человек, который унес щечочку от священной гробницы св. Мартина, но, поскольку он был довольно беспечен, то по небрежности

не сохранял ее с должным почтением, и вся его семья начала тяжело болеть. Вскоре после того болезнь стала тяжелее, а муж этот, не зная причины увядания, не исправился, он видит во сне грозного видом мужа, спрашивающего, почему с ним так поступают. Когда тот ответил, что не знает, грозный видом муж сказал: “У тебя здесь в небрежении хранится щепочка, которую ты унес от ложа господина **Мартина**, и потому ты навлек на себя такое наказание, но теперь пойдя, отнеси ее **диакону Григорию**. Как я думаю, этот левит представляется достойным, и сей **господин Мартин** верит ему все ценности своего стада”. В то время в **Арверне** многие **мужчины** просияли **благочестивой** жизнью своей, которых **юноша** посещал **то с блаженным Авитом**, то сам по себе, поскольку они были для него **примерами благочестия**, или по взаимной любви подавал им то, чего, может быть, им **недоставало**. Конечно, **служа** им, он служил **Христу**, и в них он видел **Христа**, словно сияние **солнца**, блистающее на **вершине гор**, ведь сам в себе он **Его** видеть не мог. **Духом** к тому устремляясь, **Григорий** либо **всяческое** ко славе **Христовой** с их помощью творил, либо даже **удостаивался** действовать с помощью тех, кто уже **предварил** его на **небесах**.

8. Поистине, среди тех, в ком свет **Христов**, как мы сказали, отражался, словно на **горных вершинах**, **Григорий** уже давно особо выделял **прославленного** господина **Мартина**, стоящего, подобно **Олимпу**, выше остальных, и потому, возможно, что был к **небу** ближе, **намного** более яркими **сплохами** своего **блистания** потрясал **сами небесные светила**. В **заслуженном** почитании его весь мир уже давно был **единодушен**, и **Григорий** **возгорелся** любовью к нему, **нося** его всегда в сердце, всегда на устах, **рассыпая** ему повсюду **хвалу**. Хотя он весьма укреплял ум и сердце свои в **упражнении добродетелей**, его **плоть**, как это обычно бывает, **докучала** ему по причине **присущих ей сил**. Потому и **Даниил** после явления **ангельского духом** был **ободрен**, но **ослабев** плотью, **болел** в течение **многих дней**¹⁶. Таким образом **Григорий**, **преуспевая** в **добродетелях**, но **слабев** плотью, однажды **заболел** **лихорадкой** с **гнойниками**; наконец, он **был изнурен** настолько, что, **отказавшись** от **принятия** пищи и **питья**, оставил **всякую надежду** на эту **земную жизнь**. Однако **оставалось** одно, поскольку его **твердая надежда**, **уповающая** на **св. Мартина**, никак не **пошатнулась**, более того, еще более **возгоралась**, и он **воспылал** настолько **страстным желанием** обратиться к **св. Мартину**, что, когда он уже почти **приблизился** к **смерти**, не колеблясь, **пустился** в **путь**, чтобы **увидеть** его **гробницу**; и **близкие** не могли **отговорить** его, ибо он **стойко сопротивлялся**, и **жар** **плоти** был **побежден** **жаром** любви. В **дороге**, после **двух или трех остановок**, **болезнь** только **усилилась**. Но тогда вообще **невозможно** было его **удержать** от его **стремления** как можно скорее **прибыть** к **мощам** **св. Мартина**; он **умолял** **именем** **величия** **Божия** тех, кто его **отговаривал**, чтобы они **положили** его **перед** **гробницей** **святого** **мужа** или **живого**, или, по крайней мере, **умершего**. Что более? Когда **Григорий** только **прибыл**, и его **крепкая вера** даровала ему **выздоров-**

ление и, исполнение его надежды. И не только он, но и некий Арментарий из его клириков, совершенно лишившийся рассудка, по вере Григория был исцелен. Потому, принеся благодарение, как за себя, так и за него, утолив свою жажду любви ко св. Мартину, или, скорее, еще более воспылав ею, он вернулся на родину.

9. Но однажды, когда Григорий держал путь из Бургундии в Арверну, поднялась сильная буря, сгустившийся воздух собрался в облака, небо заблестало частыми молниями и начало оглашаться сильными раскатами грома, все страшно обеспокоилось и испугалось приближающейся опасности. Но Григорий невозмутимо вытащил из-за пазухи мощи святых (ибо он непрестанно носил их на шее) и с твердостью противопоставил грозящим облакам; они, тотчас же разделившись, миновали путешественников справа и слева и обеспечили им безопасный путь. Но гордыня, которая большей частью вскармливается подвигами, тут же вкралась в юную душу; он порадовался сам за себя и приписал исполненное своим заслугам. А что ж столь близко к гордыне, как не падение? Ибо конь его, на котором он сидел, тотчас же поскользнулся и сбросил его на землю с такой силой, что, ударившись всем телом, Григорий насилу мог подняться. Поняв причину падения, Григорий весьма остерегался в последствии, чтобы по какому-нибудь случаю не оказаться повергнутым стрекалами тщеславия; но всякий раз, когда через него Божественная сила что-либо совершала, он относил это не за счет своих заслуг, но силы мощей, которые, как мы сказали, он постоянно носил с собой. Если подумать, что произошло, то более удивительным окажется, что гордыня исправилась, тем что облако разделилось.

10. Григорий привык к постоянной молитве, особенно в часы, отведенные отдыху. Пришло празднество Блаженной Девы Марии, поскольку около Арверна на Маркиаценской вилле¹⁷ хранились Ее святыни. Однажды там находился и Григорий, который, пока прочие были погружены в глубокий сон, по своему обычаю пришел на тайную молитву и увидел издали, что церковь озарена ярким сиянием. Григорий подумал, что некие благочестивые люди уже опередили его для ночного бдения, однако, пораженный видением света, пошел туда и обнаружил, что в храме стоит полная тишина. Григорий направился к смотрителю храма, но тем временем дверь сама собой открылась; благоговейно войдя к ангельской страже, он ощутил посещение Божие; сияние, которому он дивился извне, тут же удалилось, и он ничего не смог увидеть, кроме славы Преславной Девы.

11. В 172 год после перехода в вечность господина Мартина и в 12 год правления короля Сигиберта¹⁸, блаженный Ефроний¹⁹, который, состарившись среди подвигов, был наделен такой благодатью, что ему видимым образом присущ дух пророчества, был причтен к праотцам. Пришло время, чтобы Григорий, который давно пылал любовью к блаженному Мартину и стал готов к исполнению пастырского служения, в свою очередь должен был получить его кафедру для управления. Когда блаженный Ефроний умер, туронцы сошлись, чтобы обсудить его преемника, но все были убеждены без лишних

Мушан, церковь Сен-Острегезиль. Кон. XI в.
Wenzler C., Champollion H. Egliss et Cathedrales de la France Medievale.
P., 2006. P. 273

споров, что следует предпочесть Григория. Они уже давно хорошо его знали, ибо он весьма часто бывал там, и знали, что многие его деяния достойны мужа праведного. А тогда, когда все соединились в полном единодушии, не могло оставаться сомнения, что дело получило счастливый исход с Божьей помощью. Ибо толпа клира вместе со знатными мужами, весь народ, как сельский, так и городской, в один голос кричат, чтобы назначить Григория, ибо он славен заслугами, могуществен также и родовит, замечателен мудростью и благородством, известен князьям, почитаем за свою честность и способен к любому служению. К королю было направлено посольство, и тогда, конечно, не без Господня промысла, Григорий предстает перед королем. Когда собрался по этому поводу совет, то сколь смиренно он пытался уклониться, какими способами стремился избавиться себя от епископства? Но какова воля Божия, к тому все и оборачивается. Король Григория своей властью побуждает, королева Брунхильда²⁰ его принуждает. Но поскольку смирение само по себе не отменяет послушания, Григорий, наконец, согласился. Тотчас же, как я полагаю, чтобы он не убежал от смущения, Эгидий архиепископ Реймский²¹, рукоположил его, как писал поэт Фортунат:

Чадо свое Юлиан²² посылает к собрату Мартину,
Лучшего ученика отдает он любимому другу,
Чтоб во епископский сан посвятил его добрый Эгидий,
Чтоб он возглавил народ, Радегундой когда-то любимый.
Хвалит его Сигиберт, и Брунгильда его почитает²³.

Потому Туронская кафедра на восемнадцатый день после того, как потеряла Евфрония, приняла Григория. А так как туронцы, ликуя, устремились к новому пастырю, тот выше сказанный поэт создал такие чеканные строки хвалебной песни:

Рукоплещи, весь народ, приносите обеты, счастливицы,
Новой надежды заря, новый пастырь туронцам дарован,
Резвая юность, ликуй с седовласою старостью вместе.
Это событие всяк называет общественным благом²⁴.

И еще другие многие строки, в которых он показывает, как Григорий восхвалялся туронцами и законно занял на кафедре.

12. Чтобы сказать кратко, сколь много сделал Григорий или сколь велики были дела его после того, как он обрел предстоятельство, пусть посмотрят на многие церкви, которые он построил, взглянут на их восстановленные кровли, показывают книги, составленные им во славу святых или в объяснение Святых Писаний. Так Григорий восстановил главный храм, построенный господином Мартином, а тогда уже разрушенный по причине чрезвычайной ветхости, украсив его дугообразными сводами и расписав стены деяниями этого святого. О чем не умолчал и наш стихопевец, говоря среди прочего:

Труд сей Григорий подъял, уповая на помощь Мартина,
Старый украсил собор, обновив обветшавшее зданье²⁵;

и еще это:

Богу любезный слуга укрепил основания храма,
Славу его возродил, как желал бы его основатель²⁶.

Но он восстановил и многие другие храмы, как мы сказали, о чем можно найти в его собственных хрониках, например, церковь Святого Креста или Мартиенскую виллу.

13. Он посвящал себя целиком и возведению духовных храмов, а именно охранению паствы своей, не щадя себя, или потому не замечал, что не сохранил от самих святых мужей, усерствуя в своей проповеди. Ибо, чтобы умолчать о тех, чьи грехи, по словам апостола, явны [1 Тим 5, 24–25], и все, что бы мы о них ни сказали, было бы излишним, то во всяком случае, чтобы показать, в какой мере он был обеспокоен по отношению к духовно более совершенным, расскажем хотя бы о двоих, грехи которых по причине особой святости едва кто-либо, кроме Григория, смог бы заранее увидеть. Ибо вскоре после его поставления святой авва Сенок²⁷, выйдя из своей кельи, отпра-

вился к Григорию, чтобы его приветствовать. Святой муж Григорий, приняв его с великим почтением, недолго побеседовал с ним и тотчас заметил, что тот заражен пагубой гордости. Но благодать, которая помогала Григорию в различении духовного, совершенно исцелила авву Сеноха от этой гордыни. По причине сходного качества он также обеспокоился по отношению к блаженному Леобарду, которого нечистый дух так возбуждал дурными помыслами, что тот решил из-за некоторого словесного поношения переселиться из келлии, в которой давно затворился. Но сей муж, удостоившийся поддержки Григория, смог удержать себя от падения. Ибо, когда Григорий как обычно пришел в Великий Монастырь²⁸, чтобы, можно сказать, лобызать священные стопы Мартина, он как пастырь, заботящийся об овце, связанной любовью Христовой, и о том, как она ведет себя, свернул к хижине Леобарда²⁹. Тот сразу же открыл ему таящиеся в сердце помыслы, которые диавол ему хитроумно внушал, словно бы разумные: святой муж, будучи весьма проницательного ума, тотчас же понял выдумки диавола и, вздыхая от немалой скорби, человека выбранил, а хитрость диавольскую подобающими словами вскрыл; вернувшись же домой, переслал Леобарду в благочестивой о нем заботе книги, подходящие для монашеского жития. Перечитав их, тот подвижник был излечен не только от соблазна, который претерпевал, но еще весьма преуспел и в остроте сердечного видения. Что ж можно еще найти более славное, более превосходное для хвалы Григорию? Если душа лучше тела, важнее быть излеченным душою, и тот, кто может отрицать это, лжет. Сколь повелителен был его голос или сколь образцовым примером своей жизни он внушал подданным то, о чем он говорил, внимательный читатель усмотрит в его собственных книгах.

14. Однако, как мы рассказывали выше, телесное недомогание часто утомляло его, ибо он не имел заботы о плоти; но сколько бы раз беспощадная болезнь ни поражала его, утомлявшего немощное тело чрезвычайным упражнением в подвигах, он, прибегая к своему Мартину, быстро выздоравливал. Так бывало множество раз, при описании же чудесных деяний следует стремиться к тому, чтобы рассказ о том, когда и каким образом такое происходило, по заслугам доставлял удовольствие читателю: если же Григорий, будучи рассудительным и смиренным, сначала применял разные лекарства для излечения, но чем усерднее в смирении своем он стремился найти нужное, почитая себя недостойным чудесного излечения, тем более Божественная щедрость сберегала его для единственного целительного средства Своей силы. Однажды Григорий был исцелен от болезни только лишь силою блаженного Мартина. Когда он испытывал сильное недомогание, через некоторое время пришло ему на ум помышление, внушенное творцом козней, что это биение пульса в венах может успокоиться, если применить кровопускание. Пока он это обдумывал, его вены на обоих висках вздулись, боль возобновилась и обеспокоила его еще сильнее, тогда Григорий немедля поспешил к базилике, попросил прежде всего простить его за то помышление, а затем приложил к голове покров святой гробницы и тотчас же удалился здоровым.

15. Многое, признаю, Григорий уже устроил во славу разных святых, но хотя он особо пылко горел любовью к Мартину, однако не считал себя никоим образом достойным, чтобы написать о его чудесах до тех пор, пока он дважды и даже трижды не получил угрозу в сонном видении о том, что преступлению будет подобно, если он умолчит. Затем Григорий приказал увеличить в длину церковь св. Стефана, находившуюся в пригороде, и выдвинуть вперед алтарь, сохранив его невредимым, как он и был прежде. Не найдя в том месте никаких реликвий, одного из отцов он направил в епископский дом, чтобы передал мощи именно того мученика. Но Григорий забыл о ключе. Монах, найдя ларчик запертым, не знал, что делать: если вернется к епископу за ключом, это было бы своеволием, если доставит весь ларчик, знал, что ему будет неприятно, ибо там находились мощи многих святых. В то время как он пребывал в недоумении, Божественная благодать засвидетельствовала, что Она Григорию соотрудница, и пока его посланец пребывал в мучительных раздумьях, вдруг увидел, что ларчик открыт, ибо засовы выскочили. Тогда, вознеся благодарение, он, к удивлению многих, принес мощи Григорию, который, вернувшись уже обратно в дом, нашел ларчик вновь запертым, как он его и оставил.

16. Григорий совершал многое, о чем долго рассказывать, для излечения больных, однако он всеми силами старался относить это не к своим заслугам, но ссылаясь на заступничество святых, мощи которых он постоянно носил; и тем более действенно совершались им эти исцеления, чем с большим смирением он сам приписывал то, что совершается, другим. Однажды Григорий шел по дороге, и на его шее был надет золотой крест со святынями Всеблаженной Приснодевы Марии или блаженного Мартина. Видит он, что недалеко от дороги горит домишко некоего бедняка. А был домик, как обычно у бедных людей, крыт листьями и хворостом, то есть горючим материалом. Несчастный с детьми и женой бегал туда и сюда, кричал, носил воду, но напрасно. Пламя уже одолевало и нельзя было его унять. Тогда Григорий поспешил и поднял крест против клубящегося огня, и тотчас же весь огонь пришел в оцепенение пред мощами святых так, что не мог ни сжечь то, что уже охватил, ни продвинуться далее.

17. По некой причине Григорий должен был прийти в Ременский город, и поскольку епископ Эгидий принял его с обходительностью, в том же месте он остался на ночлег. На следующий день, когда наступило утро воскресенья, Григорий пошел в церковь, чтобы побеседовать с епископом. Пока он ожидал прихода епископа в уединенном месте, ибо он не желал говорить в церкви, к нему подошел Сигон, некогда референдарий Сигиберта. Григорий, поцеловав его, заставил его сесть подле себя. Некоторое время они беседовали друг с другом, и Сигон с напряжением слушал Григория, внезапно ухо его, которое прежде было глухим, с шумом отверзлось. Он начал возносить благодарение и объявлять, что ему было подано чрез Григория. Но муж Господень, помня привычное смирение, всеми силами стараясь отвлечь Сигона от этого при-

знания, сказал: “Не мне, милейший сын, приноси какую-нибудь благодарность, но блаженному Мартину, благодаря чьим мощам, каковые я ношу, хотя недостойн этого, тебе возвращен слух и устранена глухота”.

18. Ибо сила любви в Григории преобладала настолько, что он употреблял душевное расположение любви к самим недругам, и это будет ясно из следующего примера. Однажды случилось так, что он поспешал в Бургундию к своей досточтимой матушке. А в еловых лесах, расположенных за рекой Вербер, муж Божий случайно столкнулся с разбойниками, которые с такой яростью накинулись на его свиту, так что показалось, что они не только хотят ограбить, но и убить путешественников. Григорий, который шел, окруженный, словно оградой, заступничеством Мартина, не мог испугаться их нападения; но он тотчас стал просить святого о помощи и столь быстро ощутил ее приход, что разбойники обратились в бегство быстрее, чем появились. А Григорий, прибегнув к обычному милосердию, не смущенный их замешательством, звал бегущих назад и призывал недругов к еде и питью. Но тебе бы показалось, что их гнали палками и упирающихся коней сверх силы подгоняли шпорами, так что они не могли слышать зовущего их назад. Так о Григории явлено было, что он приближен Вышнему слуху и ревностен в делах любви.

19. Вера и благочестие народа весьма возросли чрез Григория; и злой враг терзался немалой скорбью; потому случилось так, что он, не выдерживая силы своей злобы, попытался поколебать, высказавшись прямо, твердую веру или пастыря, или паствы. Ибо в сам день Рождества Господня, когда Григорий, как обычно, шел торжественно совершить праздничное епископское служение в главной базилике, некто из бесноватых начал неистовствовать более возмутительно, чем прочие, и бросившись навстречу толпам, которые, окружали Григория и следовали за ним или шли ему навстречу, сказал: “Тщетно вы стремитесь к порогу Мартина, зря приходите в его церковь, ибо он оставил вас из-за многих преступлений; вот, питая отвращение к вам, он творит чудеса в Риме”. Эти и многие другие слова диавол нашептывал всем толпящимся людям; слыша его голос, затрепетали не только сердца простецов, но и клир, и даже сам Григорий. Войдя с великим плачем в базилику, все простерлись на полу, молясь, чтобы удостоиться присутствия святого мужа. А некий человек, у которого за три года до того обе руки и нога скрючились, простершись перед святым алтарем вместе с остальными, настойчиво просил помощи блаженного Мартина; внезапно он, охваченный великим жаром, начал мучиться, словно его растягивали на дыбе. В это время совершалось святое праздничное служение, и когда святой епископ, усердно предаваясь плачу, ожидал прихода блаженного Мартина, и святое таинство по обычаю уже было закрыто завесой, здоровье немощного было полностью восстановлено. Григорий, весьма тому возрадовавшись, принес благодарение Всемогущему Богу. Глаза его увлажнились ливнем слез, и таким голосом он внезапно сказал народу: “Пусть страх отойдет от ваших сердец, братия, ибо блаженный

исповедник обитает с нами, вообще не верьте диаволу, который с самого начала лжив и не стоит в истине”. Когда Григорий внушил эти и другие утешительные слова стоящим подле него, общий плач убавился и преложился в радость, и благодаря Мартину и Григорию все возвратились восвояси, гораздо более радостные, чем пришли.

20. Поскольку мы упомянули Рождество Господне, вспомним, что некогда в этот день выпало на долю нашему епископу. Ибо в священную ночь этого праздника, когда, утомленный бдениями, совершенными накануне, Григорий прилег на короткое время на ложе, к нему поспешно подошел некий муж, говоря: “Поднимись, вернись в церковь”. Григорий, разбуженный, наложил на себя крестное знамение и снова уснул. Не отступил этот муж, чтобы во второй раз увещать епископа; но так как тот, потревоженный, до сих пор чувствовал себя ослабевшим, то снова уснул. И тогда этот муж, придя в третий раз, впечатал ему в щеку пощечину, говоря: “Вот, ты должен остальных увещать ко бдению, и так долго утешаешься сном?” Потрясенный этой речью, Григорий проворно и быстро снова ушел в церковь. До такой степени он был приятен очам Всевышнего, что ему не разрешалось пренебрегать своим спасением, даже когда его принуждала человеческая природа.

21. Видно, нужно включить в наш рассказ то, как Бог пожелал обличить святого мужа, чтобы он не грешил даже по причине чужого легкомыслия. Ибо, когда блаженный Мартин исцелил его от почти безнадежной болезни настолько, что на следующий день он уже поспешил в церковь, но чтобы не утомиться самому во время торжества миссы, Григорий поручил служить одному из своих пресвитеров. Однако когда пресвитер, не знаю, насколько невежественно, произносил слова праздничной службы, некоторые из стоящих вокруг начали насмехаться над ним, говоря, что лучше было бы промолчать, чем так неискусно говорить. Следующей же ночью Григорий видит мужа, сказавшего ему, что тайны Божии не должно обсуждать. Впредь же у него оставалось совершенно неизменным, что он не разрешал никому из людей глупых и легкомысленных в своем присутствии высказываться уничижающе о блаженных празднествах.

22. Часто муж Божий, заботящийся и о пастве и своей душе, далеко уезжал или для пользы подданных, или ради собственного спасения. Однажды он пришел к гробнице св. Илария³⁰, чтобы помолиться, и уклонился от своего пути, чтобы также повидать святую королеву Радегунду. А случилось так, что, пока эти двое, словно жители рая, говорили друг с другом о небесном, миро, которое прежде там обыкновенно из святыни Св. Креста по капле стекало вниз, так умножилось при приходе епископа, что в течение одного часа обильно излилось более одного секстария³¹. Затем, когда эта блаженная королева должна была быть призвана к Царю Небес, муж Божий Григорий получил известие о ее переходе в вечность. Пока Григорий спешил к ней, она уже преселилась в горня, и он приготовил святые ее члены к погребению. В это

же время он торжественно освятил алтарь, однако оставил престол епископу, который по какому-то случаю в то время отсутствовал.

23. По причине какого-то дела Григорий должен был переправиться через реку Гарумну³² подле Биавинской крепости, но эта река так тогда вздулась, что вид ее внушал немалый ужас. А недалеко покоился святой пресвитер Роман, которого похоронил наш Мартин, как сообщает его житие. Когда, с одной стороны, весьма сильный ветер, с другой, волны, подобные горам, угрожали страшной опасностью тем, кто собирался плыть через реку, Григорий поднял глаза к небу и тотчас после обернулся к церкви вышеназванного Романа; все волнение водной пучины улеглось, так что, когда утихли ревущие волны, он переправился на другой берег без опасности.

24. Григорий уже завершил 16 лет своего епископства, когда одноименный ему Григорий Великий³³ был избран на апостолическую кафедру. Ибо считается, что один с другим был давно связан особенной дружбой. Фортунат заслуженно сравнил сего Григория с Назианзином, так как тот дан был Востоку, Римский же югу, а этот вот – Западу. Когда наш Григорий устремился к святому порогу апостолов, святой папа принял его с великим почтением, и, введя его на исповедь к Блаженному Петру, стоял сбоку, ожидая, когда тот поднимется с колен. А сам тем временем, ибо он был муж глубочайшего ума, погрузился в размышления, удивляясь таинственному Промыслу Божию, что на такого человека излилась столь обильная благодать, ибо наш Григорий был мал ростом. Тот, тотчас же узнав это по вдохновению свыше и поднявшись от молитвы, как был, со спокойным лицом, оглянулся на папу и сказал: “Нас сотворил Господь, а не мы сами себя сотворили; и Он Тот же в малых, как и в больших”. И когда святой папа понял, что эти слова отвечают на его помысел, обрадованный тем, что ему открылось, с тех пор начал весьма почитать благодать, которой настолько дивился в Григории, и так прославил Туронскую кафедру, что даровал ей золотое кресло, которое на вышеназванной кафедре сохранялось и после.

25. Блаженный Мартин, повсюду прославляя своего воспитанника, являл многими способами свою к нему благосклонность, но чтобы также показать себя его соратником, иногда удаивал людей созерцать свое присутствие, хотя и невидимое, сиянием, которое обычно можно было видеть. Ибо чтобы освятить церковь около Турона, перестроенную из кладовой его предшественника, Григорий с великим почитанием отнес туда мощи святого Сатурнина³⁴ и господина Мартина, взятые из базилики. Собрался немалый хор священников и диаконов в белых облачениях, и преславный чин граждан почитателей, равно и собрание простого народа великое, с сияющими торжественно свечами, с вознесенными вверх крестами. Когда таким образом все подошли к двери, сияние, повергающее в ужас, внезапно наполнило келейку и ослепило глаза всех необыкновенным блеском. Сияние продолжалось долго, перебегая туда и сюда, словно зарница, а все, потрясенные чрезвычайным страхом, лежали на земле. Григорий же, как общник такового знамения, их

увещал с твердостью, говоря: “Не бойтесь, снова вспомните, как был виден огненный жар, изошедший от главы блаженного Мартина, когда он взошел на небо, и потому верьте, что это он посетил нас со своими святыми мощами”. Тогда все восхвалили Бога, и старец с клириками говорил: “Благословен, кто приходит во имя Господня, Бог Господь, и освятил нас”.

26. Пусть будет сказано сие малое о нашем епископе: ибо мы не приписываем ему чудес, которые могут даваться даже неправедным, но и не покажем, что эта благодать у него отсутствовала. Впрочем, нам достаточно того, что должно вверить его славе, потому что он смиренным сердцем последовал Христу и потому что он не полагался на вещественные сокровища. Вот что он сделал особенно чудесное: как отчасти показано выше, Григорий был защищен от силков греха. Ибо защита от грехов выше всякой славы. На двадцать первом году своего епископства, как если бы было завершено седмичное число лет в вере во Святую Троицу, он был причислен ко своим отцам, полный не столь днями, ибо он был рукоположен почти тридцатилетним, сколь совершенством. Однако, как представляется, не в полном смысле слова заключен в могилу тот, память о ком хотя бы в речах остается в мире. И поскольку, как мы верим, он соединился на небе с блаженным Мартином, святой плотью соседствует с ним в гробнице. Затем, всегда необходимо, чтобы снова поразмыслили туронцы, насколько поддерживает их Бог, чтобы не казалось, что они неблагодарны за Божественные дары. Ибо им был дан не просто покровитель, а св. Мартин, главное или особенное, что можно сказать ему в восхваление то, что, как было написано и ясно показано, его наименьшее больше наибольшего у других. Однако сколь высоко его должно ценить, свидетельствуют все, скажем так, народы мира, которые ему личной любовью оказывают предпочтение настолько, что еще и в наше время, когда любовь совсем уже охладевает, мы видим, что многие, неизвестно откуда и на каком языке говорящие, стекаются к его святейшей могиле. По заслугам о Мартине можно сказать: “Лица его желает вся земля”³⁵. И справедливо усердие их обличает нашу леность, нас, живущих рядом; однако не без Божественного устроения остается неизменной любовь к нему, которая так проникла в сердца, что память о нем, словно о втором Иосии³⁶, всем сладка; и потому по всем концам земли она так распространилась, что там, где Христос имеет имя, там и Мартин имеет честь. Дан был им и Григорий, муж, славный не только святостью, но еще и ученостью, чтобы не оставался город Туронский в неизвестности, если он бы был лишен трудов писательских; ибо как Ромулов град после апостолов прославляется в другом Григории, так и Туронский град после Мартина украшается в сем муже. Мы надеемся, что имеем, конечно, в нем или пред Богом, или пред блаженным Мартином ходатая и посредника, и мы вверяем ему наши нужды и просим помощи. Истинно, Григорий не забудет ни свое, ни Мартина милосердие, которое с такой заботою и столь часто давал нам ощутить; ведь тот, кто ради этого изложил по порядку чудеса св. Мартина, чтобы в будущем никто из слушателей, узнав, какие великие

милосердные дела он творит видимым образом, сколь тяжкие болезни он исцеляет, никоим образом не усомнился бы в силе его; и если случится так по промыслению Божию со временем, что чудесные исцеления плоти прекратятся, то мы будем всегда верить, что св. Мартин подает целебное средство своей чудесной силы нашим душам. Григорий, общник милосердия Мартина, всегда приносит ему моление о своей пастве, всегда беспокоит просьбами о святом монастыре своем и о благе всего королевства. Не должно обходить молчанием и то, каким образом Григорий сохранил присущее ему смирение в самом своем погребении. Ибо он велел похоронить его в том месте, где бы всегда его попирали ногами проходящие люди и чтобы само расположение этого места не позволяло, чтобы он не мог находиться в каком-либо особом почитании. Но паства блаженного Мартина, не снеся такого, подняла друга Господня, Григория, из места его упокоения и, соорудив красивую усыпальницу, поместила с достойным почетом слева от гробницы вышеупомянутого святого. А почил он в 15-й день декабрьских календ, разумеется, на неделю позже дня св. Мартина³⁷, чтобы празднование святому, которое он начал служить уже в недомогании, довершить, присоединившись к нему, на небесах, как подает Господь Иисус Христос, который со Отцом и Святым Духом живет и царствует Бог во веки веков. Аминь.

Кончается житие святого Григория, архиепископа Туронского.

Проповеди

На праздник св. Мартина³⁸

Это сегодняшнее священное празднество, братия возлюбленные, нам должно тщательно чтить с почетом и с высшим благоговением; в этот день господин наш Блаженный Мартин удостоился венца своего преславного исповедничества, пусть некогда это был день Господень, однако сегодня он радуется нам в небесах, увенчанный Господом Иисусом Христом. Мы, братия возлюбленные, должны сорадоваться торжествам святых, но в особенности первому среди исповедников, о котором поем: “Ему после апостолов Господь изволил даровать столь великую благодать, что силой Божественной Троицы он удостоился сделаться славным троих мертвых воскресителем”. Ибо блаженный Павел говорит о таких: “А кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил” [Рим 8, 30]. Ведь св. Мартин не пришел бы к нам из столь удаленного края, то есть из Паннонии, если бы не был избран Господом Иисусом Христом: и не презрел бы он приказ императора Юлиана и волю отца и матери, если бы не был предопределен нам Богом. И царская почеть и любовь благородных родителей не были бы ему ненавистны, если бы он не был призван Богом и предназначен и дарован нам как милостивый заступник. Это, возлюбленные братия, нам великое утешение. Подумаем, сколь великая награда нам дана, но устрашимся нашего нерадения, бесчувствия и малодушия. В св. Мартине

нам и вам даровано великое сокровище и неоцененное таинство; истинно, оно, взятое в долг, у способных может возрастать, у небрежущих не может пропасть. Иным это сокровище возвращается с умноженной благодатью, с иных взыскивается с прибылью наказаний. Ибо Христос с прибылью просит талант, который ссужает; и платящему воздает благодать, неплатящего отсылает в муки и наказание вечным огнем. Этот талант, братия возлюбленные, мы ссудим своей проповедью вашим сердцам ради славного отца господина Мартина, чтобы принести Богу некоторую прибыль вашего спасения. Мы дадим отчет и в том, как наша проповедь была вам полезна, и в том, как послушание приносит плод Богу в ваших душах. Ибо желаю, чтобы вы знали наверное, что, в то время как плоть бессильно подчиняется лживым похотям, войска пороков уже решительно вооружаются против души. Христова Церковь также увещает всех кафоликов, что они тем меньше подчинят душу земным делам, чем больше помнят, что они имеют родину на небесах. Ибо избранных от нечестивцев обыкновенно отличает то, что избранные, которые ныне суть странники и изгнанники, горячо надеются достичь будущего Отечества и столь меньше услаждаются преходящими радостями, сколь более желают обрести Отечество на небесах. И, напротив, нечестивцы имеют здесь отечество и достойные сожаления радости, проводят свои дни в дурных наслаждениях и в один миг нисходят в преисподнюю, как написано: “кто благо творил, пойдут в жизнь вечную, кто же зло – в огонь вечный” [ср. Мф 25, 46], “где червь их не умирает и огонь не угасает” [Мк 9, 44, 46, 48]. Пусть эта речь достигнет слуха всех, и каждый будет либо блажен, ибо он предан исправлению, или виновен, ибо он презрел благовестие. Ибо мы говорили о блаженстве для верующих; призываем в свидетели суд для клеветников; так как сегодня мы живем и не знаем, что готовит завтрашний день. Итак, пока есть у нас время, будем делать добро, не будем прибавлять грех ко греху, так как не останется камня на камне, который бы не разрушился. Ибо если злые помышления отдаляют от Бога, сколь более делают это злые дела? Если о пустых словах мы отдадим отчет в День Суда, то как ответим за злые дела? И если будет суд без милосердия тому, кто не делает милосердия, каков будет суд тому, кто равнодушен? Возлюбленные отцы и братия, насколько мы праведны, отцы, насколько грешны, други и братия, говорю я, увещая и умолая: да не очерстеем сердцами своими, так как ни знание, ни молитвы, или сокровища не помогут приближающимся к преисподней, ибо там ничем не купишься. Итак, что скажем на Суде пред лицом Того, Кто Сам пожелал, чтобы Его били розгами, чтобы претерпеть оплевания и терновый венец, чтобы Ему наносили удары, чтобы Его пригвоздили ко Кресту, преданный не только за нас, но еще и за наши преступления и грехи, если мы, омытые от этих грехов в крещении и в покаянии Им Самим, сами всегда остаемся грешниками, вновь и вновь возвращаясь на путь греха? Скажем же с Апостолом и будем непрестанно повторять с частым рыданием: “Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Госпо-

дом нашим” [Рим 7, 24–25]. Ибо мы должны помнить, что должны творить не свою волю, но Божию: ибо кто исполнит Его Волю, пребывает в вечности. Вот почему, братья возлюбленные, умом непорочным, верой твердой, добродетелью крепкой, любовью совершенной будем готовы ко всякой воле Божией, сохраняя неустрашимо предписания Господни, в простоте невинность, в любви согласие, скромность в смирении, усердие в служении, заботливость в помощи труждающимся, милосердие в поддержке бедняков, стойкость в защите веры, строгое суждение в суровости образа жизни, чтобы ничто не отсутствовало в нас, по примеру благих делателей, в чем да поможет Господь наш Иисус Христос, который с Богом Отцом живет и царствует во веки веков. Аминь.

О почитании святой Марии Магдалины

По четырем частям света Святейшая Церковь празднует как пример для благочестивого подражания память святой Марии Магдалины, сохраненную соединением христиан. В писаниях блаженнейших евангелистов описано усердное служение ее преданности, непоколебимое почитание, и великий пыл любви, помощь этой святой близкой дружбы и невыразимая стойкость ее вплоть до победы Господня страдания; а еще и то, что она делала, в то время как ее Искупитель плотию вкусил смерть, когда даже и апостолы бежали; и потому Сам Господь, Великого Совета Ангел, восстав от мертвых, сначала явился ей. Однако, заботясь о пользе для читателей, мы взяли на себя труд вкратце описать те цветы ее добродетелей, которые на манер драгоценных камней освещают страницы Священных Писаний, и рассказать, каким образом они заставляют блистать эти страницы, проливая на них свое сияние. Пусть тот, кому, может быть, не хватает свободного времени пробежать по порядку ширь Святого Евангелия, подобную морю, где содержится прославление таковой веры, не откажется, воспламенившись желанием к горнему, прочитать эти листочки нашей худости. Что касается мирского величия, блаженнейшая Мария произошла из славнейшего рода. Как уверяют предания отцов, она названа была Марией Магдалиной по небольшой крепости Магдала. Не только достоинство рода, но еще и права наследства по кончине родителей сделали ее блистательной настолько, что двойная честь имени повсюду изливала ее превосходство. Ибо у людей обыкновенно более известны имена богатых, чем бедных. А так как любовь к наслаждениям, словно спутница, подчас следует за изобилием и богатством, она, ослабив узду стыдливости, подчинила время ранней юности соблазнительным разговорам. Ибо она та женщина, о которой пишет евангелист Лука: “вот: женщина того города, которая была грешница... прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много” [Лк 7, 37, 47]. И о ней говорит Марк: “Воскресши рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов” [Мк 16, 9]. Сколь же милосерден и милостив Господь к обратившимся грешникам, подтверждает совершенство этой блаженной жены,

Франкия.
Кающаяся Магдалина. Евангелие Оттона III. 998–1001 гг.

которая не только удостоилась очищения от грехов, но, сделавшись причастницей апостолов, дана им была как вестница Господня Воскресения. Когда же она, вдохновленная Божественным Духом, отвергая в себе дурные помышления и не вынося ущерба прежней жизни, узнала, что Господь и Создатель всего человеческого рода, пришедший призвать “не праведников, но грешников к покаянию” [Мк 2, 17], пришел в дом Симеона, то помня о чрезмерности своих прегрешений, она возложила упование на милость своего Творца; и, взяв драгоценное благовоние, поспешила к Самому Источнику милосердия и, упав наземь у стоп Господней Милости, умножила горечь сердца изобильным потоком слез. Тотчас она начала орошать стопы своего Создателя плачем покаяния, осушать волосами своей преданности, непрерывно согревать поцелуями истинного смирения, и умащать чистейшими благовониями своей любви. Поскольку она не была отвергнута в таком служении преданности, но, скорее, милосердно принята, то, уповая на дерзновение близкой дружбы, она еще и на Святейшую Главу Господню излила аромат драгоценнейшей жидкости, так что весь дом наполнился благоуханным запахом наподобие благовоний; она, конечно, ничего не выражала словами, но сообщала чрез благодеяния внешнего служения пламя своего раскаяния и пыл любви, как если бы говорила самими словами: “О, Господи Иисусе премилостивый, все знающий истинно и сердцеведец, Ты не желаешь смерти грешников, но более хочешь, чтобы обратились и жили, Ты сам понимаешь, чего настойчиво просят мои рыдания, чего настоятельно требуют слезы, исторгнутые из глубины сердечной, о чем умоляет мой горький плач. Я грешная, и нечистая, и оскверненная бесчестием всех ужасных грехов, но так как в прежние годы я осквернила свою жизнь, прибегаю к Тебе, Господину моему, Который есть Жизнь Вечная, чтобы Ты восставил потерянную во грехе мою жизнь и из пасти адовой меня милостиво исторг, милосердно освободил, со властью избавил, Ты, Единственный видящий боль и скорбь”. Что же последовало из такового изъявления любви, открыто являет Сам Господь, Который среди прочего ответил Симону, негодующему, почему Он разрешил подойти к Себе грешной женщине, обернувшись к нему: “⟨Аминь⟩, сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много” [Лк 7, 47]. Она, как описывает Лука, обретя снисхождение у Господа, все свое оставила и сделалась столь близка ⟨Ему⟩, что тотчас последовала за Ним не только душой, но и телом, служа Ему и уделяя из собственных средств и пищу и одежду, поскольку была весьма богата, и в полном смысле исполнив Господне предписание: “Кто Мне служит, Мне да последует” [Ин 12, 26]. В мистическом же смысле эта блаженнейшая женщина обозначает Святую Церковь. Говорится, что она правильно пришла в дом Симона и излечилась от всех воздействий прежней жизни (ибо Симон толкуется как “послушный”); уничтожая прежние заблуждения, она прокляла их и, отвергнув всю нечистоту демонов чрез воду крещения, обрела отпущение своих грехов. Она ежедневно следовала за Господом, не только ходя за Ним, но и подражая Ему на деле.

Эта женщина оросила стопы Господа слезами покаяния и помазала благовонием благочестивого исповедания, ибо Церковь верует, что Господь Иисус Христос есть Истинный Бог и Истинный Человек, и в слезных рыданиях ежедневно умоляет Его о прощении своих уклонений от истины. И в то время как она приняла с достойным почтением и проповедала Таинство воспринятого Человечества, ибо Господь изволил проводить жизнь среди людей, она излила на стопы Господа благовоние настоящего, то есть верного, нарда. Невеста говорит в Песни Любви, восклицая: “Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благовоние свое” [Песн 1, 11]. Эти слова буквально были исполнены руками блаженной Марии Магдалины и каждый день не прекращают исполняться духовно, когда говорится по всему миру и со славой возносится в хвалах Творцу: “Благодарение Богу, который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих” [2 Кор 2, 14–15]. Она с подобающим благоговением и почтением исповедует и проповедует высоту Божественного величия, которое равно у Него со Отцем, и почитает достойным поклонением по врожденной силе духа ее, проникнутой просвещением Вышнего Света; она напрягает умственный взор свой к созерцанию Той Силы, возливает на главу Его драгоценнейшие благовония. Говорят, что Иуда Искариот вознегодовал против той святейшей женщины, и тем дается понять, что за изливание того благовония, ибо нечестивцы и неверные, видя, что по четырем частям мира, по причине учения Христова и примеров, всем становится понятным власть Господней Божественной природы и милосердие Его человеческой природы, ежечасно свирепствуют против Святой Церкви и не верят ее благочестию и ее верности. Потому и об этой святой женщине, которая прежде приходит помазать Тело Господне, Сам Господь говорит: “Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала” [Мк 14, 9]. Ибо во всем мире проповедуется не только об этой святой женщине, ибо она помазала Главу Господню, но, конечно, ежедневно и о Церкви, как уже вкратце сказано, ибо это совершается в ее святых деяниях. Мария также правильно называется Магдалиной, Магдала же толкуется, как “башня” и означает Церковь. Ибо башня не только более высокий, но и более безопасный дом, труднодоступный врагам; и потому означает Церковь, которая, пренебрегая земным, желает небесного, и сражаясь среди духовных неправд, вверяя защиту свою не себе, но Господу, молится вместе с пророком: “Ты прибежище мое. Ты крепкая защита от врага” [Пс 60, 4]. Это та крепкая и неодолимая башня, которой говорится голосом Жениха в Песни Песней: “Шея твоя, как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных” [Песн 4, 4]. И о ней Соломон говорит: “Имя Господа – крепкая башня; убегает в нее праведник – и безопасен” [Притч 18, 10]. Но поскольку мы, увлекшись толкованием имени, немного удалились от самой истории, нам желательно обратить внимание на

Христос, св. Дионисий Парижский со спутниками. Миссал Сен-Дени. XI в.
Beckwith J. Early Medieval art. Carolingian-Ottonian-Romanesque. L., 1969. P. 182

столь милостивое и особо дружеское отношение Господа к блаженной Марии и сестре ее Марфе и на благоговейную преданность их самих во всем служении. Ибо мы читаем в повествовании евангелиста Луки: “Пришел он в одно селение; здесь женщина именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении” [Лк 10, 38–40]. Потому Марфа позволила себе сетование не только против сестры, но еще и против Самого Господа: “Господи, или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне” [Лк 10, 40]. И Господь, Который есть нелицеприятный Судья, судящий о заслугах отдельных людей, и знающий, что душа лучше, чем тело, что пища духовная лучше, чем плотская, так похвалив дело одной, чтобы не порицать и другой, сказал: “Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее” [Лк 10, 41–42]. В духовном же смысле эти две весьма преданные женщины, которые Господа приняли в дом свой, означают две жизни Церкви, то есть деятельную и созерцательную. Чрез Марфу, у которой везде было чистое служение, выражается труд деятельной жизни. А чрез Марию, которая, сидя у ног Господних, воспринимала Его слова внимательным умом, обозначается сладость созерцательной жизни, вкус которой можно отвесть столь больше, сколь больше дух отдалется от видимых дел, заботы и смятения. Ибо, презрев все преходящее, одинокая душа желала быть с Богом. Желательно услышать небесные предписания, подобно тому, как это делала блаженная Мария, которая, сидя у ног Господа, воспринимала Его слово напряженным слухом. Исполнилось на ней то, что некогда было сказано устами блаженного Моисея: “и они припали к стопам Твоим, чтобы внимать словам Твоим” [Втор 33, 3]. Ибо сколь Мария была приятна милостивому Создателю за свое преданное служение и пыл неугасимой любви, сообщает Евангелист Иоанн, когда он описывает досточтимое и неслыханное воскресение четверодневного Лазаря. Он говорит: “Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря” [Ин 11, 5]. И впоследствии он вспоминает, когда Мария пришла туда, где был Господь, так как ее позвала сестра, и, упав к Его ногам, сказала: “Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился, и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился” [Ин 11, 32–35]. Он открыто изъявил милосердие Своей любви по причине воспринятой человеческой природы, когда ради самой неизмеримости скорби не презрел пролить слезы Своего сочувствия, однако Божественная тайна не была нарушена. Знатность рода и достоинство мирского блеска Марии Магдалины можно увидеть в том событии, что уже на четвертый день смерти брата великое множество знатных и могущественных иудеев сошло для того, чтобы смягчить ее скорбь. И они же не допустили, чтобы она оказалась у гроба брата без Него, сказав: “Она пошла на гроб – плакать там” [Ин 11–31].

Наконец, Господне милосердие позаботилось о том, чтобы многие иудеи присутствовали у гробницы, когда совершилось столь великое чудо, чтобы, в то время как Лазарь воскрешается по плоти, некоторые возвышались бы умом и свидетельствовали бы о чуде и предано восхваляли Господа. Потому впоследствии тот же евангелист сообщает: “Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых” [Ин 12, 17]. Символически же эта женщина, оплакивающая брата, который умер четыре дня назад, прообразует святую Церковь, которая о тех, кто покорно отдается во власть преступления и погребен под лавиной смертных грехов, породив тем самым самую дурную славу, не престаёт плакать: “Ибо во Христе мы все – братья” [Мф 23, 8]³⁹. Говорится, что Господь плачет о кончине Лазаря, когда поддержкой Своего сострадания Он смягчает сердца покаянным плачем, посещая их чрез благодать раскаяния. Он Сам поступает так и тем самым побуждает и воспаляет наши души, чтобы мы всеми силами достигали того же. О том же, конечно, и эти слова: “но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными” [Рим 8, 26]. И как после излияния слез на глазах изумленной восстается Лазарь плотию; так и грешники после слез раскаяния, когда совершенно достойное укрощение плоти, восстаются душой, как обещал милосердный Господь чрез пророка: “В какой бы день грешник ни обратился и ни восплакал бы, все грехи его будут преданы забвению” [ср. Иез 33, 12–13]. Но коснувшись этого вкратце, следует перейти к рассказу о постоянстве ее веры и горении любви, а равно и о том, что она особенно для Господа по близкой дружбе исполнила во время Его страдания, для всех удивительное, более того, людям в пример и подражание. Ибо, как мы уже сказали выше, эта святая женщина последовала за Господом и преданно служила Ему из своих изобильных средств; после того как она увидела, что Он схвачен, связан, подвергнут бичеванию, поношению со всяческими издевательствами и насмешками, наконец, что Он ради спасения рода человеческого распят на кресте; и что даже ученики Его, которые прежде говорили: “пойдем и мы умрем с Ним” [Ин 11, 16], рассеялись; она осталась с Ним, ибо та, что более сильно и горячо Его любила, не могла расстаться и с Умершим. И так исполнилось во время Господня страдания то, что некогда было сказано устами блаженного Иова: “Кости мои прилипли к коже моей и плоти моей, и я остался только с кожей около зубов моих” [Иов 19, 20]. Ибо как кожа прилипла к кости, когда была изнурена плоть, блаженная Мария Магдалина продолжала оставаться с Господом, хотя ученики разбежались. И она оставалась до тех пор, пока не увидела, что Его, умашенного различными благовониями, положили в гробницу. Затем она, в глубочайшей печали и скорби, отступила, отойдя к месту, отведенному для погребения своего Искупителя, купила благовония и той же самой ночью, насколько могла, приготовила благовонные помазания. В субботу она по предписанию закона бездействовала, когда же зашло солнце, она приложила усердие к тому, что еще было необходимо сделать для приготовления помазания. Рано утром

в первый день по субботе, когда еще было темно, она одна с приготовленными благовониями пошла к гробнице, желая помазать пресвятое Тело Того, Кого любила необыкновенной любовью, когда Он был жив. Ибо, хотя женщины обыкновенно боятся ходить в потемках, эта вот женщина, всем сердцем возлюбившая Господа, не боялась ничего. В ней была совершенная любовь, которая изгоняет страх. Ибо она не свернула со своего пути и не поддавалась слабости своего пола, не испугалась ни величины надгробного камня, ни сторожей, пока не пришла бесстрашно к гробнице Господа. Стойкость этой женщины прекрасно предобразована в книге Царств, когда жрецы и прорицатели запрягли в колесницу отелившихся коров, а телок их заперли дома. Как написано, коровы пошли прямо: «на дорогу к Вефсамису, одною дорогою шли; шли и мычали, но не уклонялись ни направо, ни налево» [1 Цар 6, 12]. Так и блаженная Мария Магдалина, которая в назначенное время была лишена присутствия своего Господа, желая посетить гробницу Господа, шла, словно мыча и плача, и тем подавала пример для подражания всем христианам, чтобы, вступив на путь Божий, мы не отклонялись от него ни по причине демонских соблазнов, ни из-за боязни людей, или заботы о родителях, ибо награда обещается начинающим, но дается стойким. В аллегорическом же смысле в сердце этой святой женщины был мрак, когда она пришла к гробнице Господа; ибо, не зная о Его Воскресении, она искала Живого среди мертвых. Солнце же взошло в ее душе тогда, когда она не только увидела, что Он воскрес, но еще и уверовала, и увидела, что камень поднят с гроба. И так как она не нашла тела Господня, уверилась, что Его украли, и поспешно возвестила ученикам то, что увидела. Об этом правдиво говорится голосом Церкви в Песне Песней: «На ложе моем ночью искала я того, кого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: “не видели ли вы того, которого любит душа моя?” Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя; ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей» [Песн 3, 1–4]. Ибо, как мы сказали, эта святая женщина поспешила к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и сказала им: “Унесли Господа из гроба, и не знаем где положили Его” [Ин 20, 2]. И они побежали бегом ко гробу и нашли все так, как сказала женщина. Итак, ученики отошли и вернулись к себе. Мария же стояла у гробницы снаружи, плача [Ин 20, 2, 3, 10, 11]. Здесь должно обдумать, какая любовь к Господу возжигала душу этой женщины, не отступившей от гроба Господня, когда даже ученики отошли от него. И поскольку она не прекращала расспросов, она удостоилась увидеть Его первой. Она плакала, ибо не видела Того, о Ком много тосковала, плакала, ибо думала, что тело Господне было украдено из гробницы. А в то время, пока она плакала, она наклонилась и заглянула в гробницу. Ибо она уже видела гробницу пустой, и объявила ученикам, что Господь украден из могилы.

Что же значит то, что она снова желала посмотреть? Например, когда мы теряем некую вещь, то ищем ее, много раз бегая туда-сюда, однако часто прибегаем отовсюду к тому месту, где, как мы помним, она могла находиться, и осматриваем его. Так и эта святая женщина, хотя бегала, ища Тело Господне, однако она, встревоженная Его отсутствием, вновь смотрела в гробницу, где, как она знала, Его положили. Потому, хотя она не удостоилась тотчас же увидеть Господа, она не лишена была видения ангелов в белых одеяниях, один из которых сидел в головах, другой в ногах, где положено было Тело Иисуса. Они говорят ей: “Жена, что ты плачешь? Кого ищешь?” [Ин 22, 15]. Ангелы спрашивали не потому, чтобы умалить желание найти, но чтобы увеличить его. Ибо так и мы, когда плачем из-за потери, если кто спрашивает о причине плача, то более рыдание умножит. Вот и они спрашивали о причине скорби, чтобы увеличить желание плакать, зная, что блаженны плачущие, ибо они утешатся [Мф 5, 4]. Но женщина открыла, по какой причине плачет, когда добавила “Унесли Господа моего и не знаю, где положили его” [Ин 20, 14]. Когда она произнесла это, то обернулась назад и увидела Иисуса стоящего, но не узнала, что это Иисус. Правильно, что она удостоилась видеть Господа; говорится, что она обратилась назад; ибо тот, кто назад оборачивается, направляет глаза туда, куда раньше стоял спиной. Ибо она обратилась словно бы назад, когда, отложив облака сомнения, уверовала в Воскресение Христово. Однако Господь так удержал ее от того, чтобы она увидела Его, ибо, она любила Его, но не верила, что Он воскрес, она и видела Его, и не узнала. Потому и евангелист говорит: “Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его” [Ин 20, 15]. Ибо сила любви имеет такую особенность, что всякий, кто кого-то весьма любит, думает, что и все его любят. Но в целом эта женщина не заблуждалась, когда полагала, что Господь – садовник. Ибо как служение садовника состоит в том, чтобы вырывать с корнем вредные травы, чтобы могли расти всякие хорошие травы, так и Господь Иисус Христос из Своего сада, то есть из Своей Церкви, ежедневно вырывает с корнем пороки, чтобы могли возрастать добродетели. Хотя женский пол немощен, чтобы носить тяжести, эта женщина ради великой любви полагала, что это легко и возможно, говоря: “Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его” [Ин 20, 15]. Говорит ей Иисус: “Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! – что значит Учитель! Иисус говорит ей: Не прикасайся ко Мне” [Ин 20, 16–17]. Ибо Господь сначала назвал ее как женщину вообще, и она не узнала Его; тогда Он назвал ее собственным именем, чтобы она узнала Его, узнающего ее. Ибо, хотя у Господа установленное число избранных, великая благодать дается тем, о которых открывается, что они известны Господу под собственными именами. Таков был и Моисей, которому сказано: “Я знаю тебя по имени” [Исх 33, 12]. Потому, когда Господь назвал женщину ее собственным именем, она тотчас же узнала Узнавшего ее, говоря: “Раввуни”, – что значит “Учитель”. Сказав это, она тотчас упала на землю, желая удер-

жать Его ноги, поклонилась Ему; она узнала Его, когда Он назвал ее по имени. Господь сказал ей: “Не прикасайся ко Мне”. Здесь не должно думать, что после Воскресения Он отверг прикосновение женщин; так как говорится о двух, отступивших от Его гробницы, что они подступили и коснулись ног Его. Но потому Он запретил ей касаться Себя, что не чувствовал, что ее ум к тому времени совершенен в вере, когда она Живого Господа искала среди мертвых. Почему же Он не желал, чтобы она Его коснулась, объясняется, когда прибавляется: “Я еще не восшел к Отцу Моему” [Ин 20, 17], то есть пока ты ищешь Меня, словно мертвого, среди мертвых, и еще не веришь, что Я равен Отцу по Божественной природе, не прикасайся ко Мне. Господь не восшел к Отцу, по мнению того человека, который не верит, что Он равен Отцу. И так как блаженная Мария еще не в совершенстве познала силу Его Божества, в то время ей было запрещено касаться ног Его. “Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа, и что Он это сказал ей” [Ин 20, 17–18]. Ибо в этом месте кротчайшее Милосердие Господне обнаруживается по отношению к женскому роду. Ибо хотя смерть вошла в мир через женщину, женский пол не всегда находится в поношении, чрез женский пол, чрез который была возвещена печаль смерти, Милосердие Божие пожелало возвестить мужам радость Воскресения. Как если бы говорилось: “Из чьей руки ты принял смертную чашу, из уст таковой услышь радость Воскресения”. И как чрез Блаженную Приснодеву Марию, Которая есть единственная надежда мира, открыты нам врата Рая и удалено проклятие Евы, так чрез блаженную Марию Магдалину устранено поношение женского пола, и ею рассказано о величии нашего воскресения, явившегося в Воскресении Господнем. Потому “Мария” правильно толкуется как “звезда морей”. Хотя это толкование особенно подобает Пресвятой Богородице, чрез порождение Которой Девственное Солнце Правды воссияло миру, однако оно может подойти и блаженной Магдалине, которая, придя с благовоениями ко гробу Господню, первой объявила миру сияние Воскресения Господня. И если ученики назывались апостолами потому, что Самим Господом были посланы на проповедь Евангелия ко всему сотворенному, не меньше их блаженная Мария Магдалина, направленная Самим Господом к апостолам, поскольку она удалила из их сердец сомнение и неверие в Его Воскресение. Итак, умоляя Тебя, просим, Господи, чтобы Ты, даровавший ей столь великую благодать Своего милосердия, удостоишь нас Своей милости за ее заслуги. Поскольку мы, отягощенные бременем своих грехов, не можем получить милость, пусть она сама, Тебе послужившая преданно, более того, особо, поможет нам милосердным покровительством в мире сем, и ныне, наслаждаясь славой со светлыми ангелами, пусть она ликует на небесах, сияя присущим ей блеском любви, пусть отнимет нечистоту всех прегрешений и приведет к Вышней Отчизне своим молением, где, увенчанные, сделаемся общники ее славы, как Ты обещал, Живущий во веки веков. Аминь.

- ¹ *Георгий Флоренций Григорий* (538/539–594) – епископ Турский, церковный писатель, историк, автор “Истории франков”.
- ² Современная провинция Овернь.
- ³ Вектий Эпагат пострадал в Лионе в 177 г.
- ⁴ *Евсевий Кесарийский* (263–340) – автор первой дошедшей до наших дней “Церковной истории”, которая рассказывает о событиях от начала христианства до 324 г.
- ⁵ Св. Галл был епископом Клермонта в 525–551 гг.
- ⁶ *Св. Радегунда* (520–587) – королева, жена Хлотаря I, позже монахиня, основательница монастырей, канонизирована в IX веке.
- ⁷ То есть Рим.
- ⁸ *Венанций Фортунат*. Разные стихи (Carmina Miscellanea). Кн. 8, гл. 21 (PL 88).
- ⁹ Там же. Кн. 10, гл. 19. С. 342–343.
- ¹⁰ “Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился; под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко...” [Иер 15, 17].
- ¹¹ Имя Иисуса Навина символизировало имя Иисуса Христа.
- ¹² *Св. Ницетий* (513–573) – архиепископ Лугдунский (Лионский) с 552 г.
- ¹³ Иоанна Крестителя. См. Евангелие от Луки 1, 5–25; 57–80.
- ¹⁴ *Св. Иллидий* (ум. в 385) – епископ Клермонта, приложивший много сил к тому, чтобы Клермонт (ныне Клермон-Ферран) стал ведущим центром религиозной и культурной жизни в Оверни.
- ¹⁵ *Авит* – пресвитер, затем епископ Клермонтский (517–594).
- ¹⁶ См. Дан 8, 15–27.
- ¹⁷ Марсал; в X в. монастырь был реформирован Ключни и подчинялся ему.
- ¹⁸ *Сигеберт I* (535–575) – король Австразии с 561 г.
- ¹⁹ *Св. Евфроний* – епископ Турский с 555 по 573 г., предшественник св. Григория на епископской кафедре.
- ²⁰ *Брунхильда* (543–613) – королева франков, правившая Австразией и Бургундией как регентша своих сыновей, позже внуков.
- ²¹ Архиепископ Реймский в 573–590 гг.
- ²² *Св. Юлиан Овернский*, мученик (III в.) – один из особо чтимых местных святых; в Средние века его церковь в Туре была местом паломничества.
- ²³ *Венанций Фортунат*. Указ. соч. Кн. 5, гл. 3 (PL 88).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Кн. X, гл. 69.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Св. Сенох* (ум. в 576) – подвижник, известный суровостью своих подвигов; основал для своих последователей монастырь в 536 г.
- ²⁸ Монастырь Мармутье (Великий монастырь), основанный еще в 659 г. ирландскими миссионерами, жившими по уставу св. Колумбана.
- ²⁹ *Св. Леобард* (ум. в 593) – ученик св. Григория Турского, около 20 лет живший отшельником возле монастыря Мармутье.
- ³⁰ *Св. Иларий* (ок. 315–367) – епископ Пиктавийский, выдающийся богослов, боровшийся с арианской ересью.
- ³¹ Около полулитра.
- ³² Совр. р. Гаронна.
- ³³ *Св. Григорий Великий* (ок. 540–604) – папа Римский, в книге “Беседы, или диалоги, о жизни и чудесах италийских отцов”, написавший житие св. Бенедикта.
- ³⁴ *Св. мученик Сатурнин Галльский*, спутник св. Лукиана, епископа Бельгийского, вместе с ним проповедовавший христианство в Галлии и пострадавший при императоре Домициане (81–96 гг.)
- ³⁵ Ср. 3 Цар 10, 24: “И все цари на земле искали видеть Соломона”.

³⁶ *Царь Иудейский* (640–609 до н.э.), чье царствование ознаменовалось восстановлением Иерусалима и Храма, пришедших в упадок при вавилонском пленении иудеев; с его именем связаны религиозные реформы: уничтожение языческих культов, установление центра богослужения в Иерусалиме, чтение Торы (“Книги Завета”) перед народом.

³⁷ 17 ноября, день памяти св. Мартина – 11 ноября.

³⁸ *Св. Мартин Турский* (ок. 316–397) – один из наиболее почитаемых святых Средневековья. Он был похоронен в Туре, и этот город стал центром его почитания.

³⁹ Синодальный перевод: “все же вы – братья”.

Анселл Схоластик

Анселл Схоластик был преподавателем монастырской школы в монастыре св. Бенедикта во Флэри – известном центре клюнийского движения в средней Франции. Свое стихотворное “Видение” он написал по поручению самого клюнийского аббата Одона (ум. в 942 г.). Действие видения происходит в Реймсе, в монастыре св. Ремигия, который как раз в это время был тесно связан с флэрийским монастырем и готовился получить оттуда новый устав, реформированный в клюнийском духе. Можно подозревать, что содержание видения или целиком выдуманно или сильно переработано Анселлом: образ самого ясновидца-монаха бледен, никак не охарактеризован, ясновидец даже не назван по имени. Если это и реальное лицо, то Анселл вряд ли общался с ним лично.

Особенностью данного видения является то, что путеводителем ясновидца является не кто иной, как Христос, спускающийся в ад после своей крестной смерти, чтобы вывести оттуда праведников. Рассказ об этом составлял содержание апокрифического Евангелия от Никодима; оно и было основным источником нашего автора. Это видно, в частности, из того, что в начале “Видения” (ст. 84–104) подробно описывается вхождение Христа в Иерусалим – мотив, которым начинается действие в Евангелии от Никодима. Соответственно с этим меняется все строение видения: систематического обозрения адских мук не дается, ни одно реальное лицо среди обитателей загробного мира не упоминается, а вместо этого в резком эмоциональном контрасте патетическими средствами изображается ликование праведников и бессильное неистовство демонов. “Устрашающая” же часть выносится в особый дополнительный раздел – беседу с бесом-искусителем; в беседе этой много внимания уделено специальной богословской тематике, обсуждается вопрос об отношениях человека и дьявола, о том, может ли дьявол спастись по милости Божьей и т.п. Может быть, автор потому старается здесь показать свою ортодоксальность в богословских вопросах и свою приверженность к строгим клюнийским монашеским уставам, что он чувствует весь риск использования в своем сочинении такого явно апокрифического произведения, как евангелие Никодима.

Автор постарался придать своему “Видению” весь блеск школьной поэмы: эффектное ученое вступление, описательная вставка об аббатстве св. Ремигия и его прошлом, длинные фразы – до 17 стихов, – изукрашенные стилистическими вариациями: повторениями одной и той же мысли в двух смежных стихах (см. ст. 76–77, 170–172, 175–174 и др.) – это излюбленная стилистическая фигура Анселла. Зато лексикон поэмы прост, выисканных глосс и заимствованных грецизмов немного, ритмический стих легко воспринимается: это восьмисложный стих с дактилическими окончаниями, обычно связанными слабыми парными рифмами, переданными и в переводе.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 110–115.

Видение Анселла Схоластика

На ложе Соломоновом,
Из древ святых воздвигнутом
Ливанских пречудеснейших,
Тайный смысл сокрывающих,
Где власть царя построила
Локотники из золота,
Седалище из пурпура
Для Иерусалимских дев,
Храм олицетворяющих¹,
Там пиришество духовное
Обретешь превеликое:
Из рога избылиия
Сыплются там те кушанья,
От коих скорбь смиряется,
И дух наш исцеляется,
И перестанет род людской
Оплакивать свой жребий злой.
Но в аромате лилии
Сладчайший плод скрывается, –
Средь цветов благовоннейших
И средь медов отменнейших
Яство найдешь ты некое:
Вкушай его во здравие.
Есть город-метрополия,
Реймсом званная, стольная,
Что Ремом встарь построена,
Родимым братом Ромула,
Римского повелителя².

Имел тот город царственный
И издревле прославленный
Доброго архипастыря,
Великого Ремигия.
.....
Раз, в календы октябрьские,
В день оного святителя³,
Когда народ стекается
И сим увеселяется,
Среди других паломников
И всех добрых католиков
Один пришел в смирении
Из иноческой братии,
Чтоб плачем сокрушения
Смыть плоти прегрешения.
Его, как гостя, приняли
Под сень святой обители:
Так был включен он в братию,
Сроднился с ней любовью.
Когда в опочивальне он
Был погружен в глубокий сон
Было ему видение,
И вот каков рассказ его.
.....
«Пока мне очи сон смежал,
На ложе плоть покоилась,
В видении увидел я,
Что в алтаре Ремигия,

Славного архипастыря,
Свершаю чин молебствия
Я в облаченьи дьякона
Среди народа множества.
Было то в воскресение,
В кое Христу в сретение
Шли люди иудейские,
Соборне сына Божия,
Плоть приявшего, чествуя.
Знаем мы из Евангеля,
Что большего почтения,
Чем в этот день, оказано
Христу в то время не было,
Пока средь нас он шествовал.
“Осанна!” – громко отроки
Кричат. – “Благословен грядый
Ныне во имя Господа!”
Видя восторг неистовый,
Евреев род завистливый
Подверг Христа мучению,
Приговорил к распятию.
Ребро копьем пронзается,
Кровь с водой проливается,
Душа из тела просится,
В руце Отца возносится.
Когда о дивном деле том
Провозгласил я с трепетом
И затем по прочтении
Шел с амвона в смирении,
Держа под левой мышцею
Святую книгу Библию, –
Увидел я воочию
Христа изображение,
С креста ко мне сошедшее,
И знаменье победное,
Крестом у нас рекомое,
Мощной дланью держащее
И так мне говорящее:
“Крепко ли, брат, ты веришь в то,
О чем читал ты только что?”
Упавши на колени, я
Ответил, полн смирения:
“Я пред тобою прах земли,

И пыль, и персть, и хуже тли!
Что ртом прочел я, Господи,
В то сердцем верю в кротости,
И в глубине сознания
Нет и тени сомнения,
Что ты – Единый, рождшийся,
Страдавший и вознесшийся,
В третий день возродившийся:
И в это крепко верю я”.
Тут тотчас повелел Он мне:
“Иди, за мною следуя,
Куда стопы направлю Я”.
И вот, быстрее мгновения,
Свыше всякого чаянья,
Сошел Он в преисподние,
Держа в деснице знак креста:
Я ж следовал без трепета,
Ибо страшиться нечего
С таким руководителем.
Тут все князья подземной тьмы,
И бледной Смерти воины,
И злобные мучители,
И быстрые набежчики
Рассеялись в поспешности,
Не смея и очей взвести
И не дерзая вынести
Сего молниеносного
Сияния преесного.
Полями и долинами
Прочь убегают демоны
Темновидные, черные,
Печной золе подобные,
Обличием бескровные;
Все ревут, завываючи,
Как львы осwirепевшие,
Львят своих потерявшие⁴.
И день и ночь скулят они,
И звуки пенья скорбного
Рвутся из горла черного.
Вот прилетают ангелы,
Поющие Судье хвалы,
Чтоб души в небеса вести,
Которые от тягости

Император Генрих II во славе. Евангелие. Регенсбург.
Ок. 1022 г.

Христос возносит к радости;
И звучит славословия
Небесная мелодия.
Вовек ничей не видел взор,
И слух не вял до этих пор,
Ничья душа не ведала,
Какой был взрыв веселия,
Какая радость велия,
Как шли на выси горние
Смерти рабы недавние.
О Иисусе Господи!
Кто восхвалить дела твои
Возмог иль сможет в будущем?!
Ты над жалкими сжалился,
Ты опальных и брошенных
Вознес до мест возвышенных.
Но возвращу я кисть свою
К чудесному видению,
Дабы поведать истинно
По ряду все, что видено.
Видя сей подвиг благодный,
Шел вслед за ним я, радостный,
Как будто раньше времени
Избег я плоти бремени.
Но обратил тут с ласкою
Господь ко мне Главу Свою:
“Куда идешь ты с радостью?”
“С тобой, Свет светлый, шествую!
Твою я славу чествую,
Коей хочу участником
Я быть и сонаследником!”
Он же промолвил ласково:
“Шаги замедли временно
И не двигайся далее!
Вернись к твоей обители:
Года твои не минули”.
Что мог бы я на то сказать
И что бы мог ответствовать?
Слова не смея вымолвить,
Долго стоял в молчании,
В сердечном трепетании...
“Как возвращусь, о Господи?”
“Дорогой той же вспять иди!”

“Но всюду, сзади, спереди
Полны дороги нежити:
Мне одному не выбрести”.
Иисус же немедленно,
Взглянув налево пристально,
Зрит образину страшную,
Диавольскую, мрачную,
И, поманив концом перста:
“Негодный раб, пойди сюда!
Злой раб, послушай Господа!”
Властно повелевает он:
“Здоровым и нетронутым
Брата верни к местам родным,
И к святому Ремигию
Верни монаха в братию.
Смотри, чтоб мог он в целости
Без страха в свой удел идти,
Чтоб все твои приятели
Пальцем его не тронули!”

.....

В хаос Эреба входим мы
И вмиг обуреваемы
Роем теней подземной тьмы,
Бежавших прежде в ужасе
И вновь кружащих в хаосе.
Все больше их и больше их,
В сумраке изнывающих!
И вот с зубновым скрежетом
И со свирепым ропотом
Скликают диким голосом
Товарищей по бедствиям,
Чтоб руками когтистыми
И крюками калеными
Меня скорей увлечь на дно
И за спасенных множество
Мучить меня, невинного.
Но злой руководитель мой
Речью смирил их яростной:
“Если вы, племя бесово,
Замучите мне этого,
Что сотворите, жалкие,
Когда Христос опять придет?
Приказываю строго я

Пустить его, не трогая:
Не смеите вы бороться с ним:
Так велено Христом Самим,
Что нас страшит крестом Своим,
Чье Царство ужасающе,
Чья власть для нас страшилище:
Ее снести не можем мы,
Ее назвать не смеем мы!”
Смирив их строгим голосом,
Таким исполнил ужасом,
Что через племя мрачное,
Между копий сверкающих
И пропастей зияющих
Нераненым, нетронутым
Вернулся я к стенам святым
Блаженного Ремигия.
Но неотступно спутник злой
Вплоть до одра идет со мной.
Едва без промедления
Улегся на постели я,
Предстал с зубами черными,
Со спутанными космами
И с бельмами кровавыми,
С медведем схожий лапами⁵,
А когтем с львом, и черную
Неся козу на дротике.
“Пусти в постель убогую
Того, с кем шел дорогою!
Не бойся ты приятеля
Принять в свои объятия:
Тот, кто в пути не трогает,
На ложе не попробует!”
Тут, храбр и смел не в меру, я,
В Христа, не в силу, веруя,
Быстро подавшись в сторону,
Справа дал место демону,
Чтоб лег со мной в постель одну;
Уста к устам, на ложе том
Ведем беседу шепотом.
Я в Божью помощь верую,
Без страха с ним беседую:
“Скажи, приятель, спутник злой,
Противник веры истинной:
По каковому поводу

Понадобилось Господу
Спускаться в преисподние,
Чтоб вырвать души грешные
От вас из тьмы кромешных?”

.....

И тут со страшным скрежетом
Он начал искаженным ртом
Ответ свой диким голосом,
Дрожа губами робкими:
“Монашек мерзкий, мне внимай
И слухом сердца выслушай!
(Правду молвлю неволью я,
Скрывать ее не пробуя,
Хотя в моем обычае –
Солгать при всяком случае.)
Епископы-отступники,
Архимандриты-неучи,
Несчастные священники,
Негодные распутники,
Обманщики-диаконы,
Развратницы-монахини,
С толпою младших клириков
И завидущих иноков,
Ропшущих привередников⁶,
Все дни и ночи целые
От радостных пасхальных дней
И вплоть до Пасхи будущей
Мольбы возносят к Господу
В литургиях торжественных
За грешников отверженных.
А миряне негодные
Раздают подаяния
Бедным и недостаточным,
Крадут у нас покойников,
Наших слуг и работников.
Смягченный их молитвами
И гнусными поступками,
Любезный вам, враждебный нам,
Христос, соперник демонам,
Вывел от нас всех пленников
К Себе, Своих приспешников,
А после, в воскресенья час,
Увы и ах! осилил нас,
Сократил наше царствие,

Отнял великолепие.
С тех пор в дни Пасхи ясные,
Для вас всегда прекрасные,
Для нас всегда ужасные,
Взял Он себе за правило
Нас поражать безжалостно.
Лишь в одном мы довольны Им
И даже нами Он хвалим:
За то, что кто грешнее всех,
Кто скован здесь теснее всех.
Кого гнетет тяжчайший грех,
Убийцы и грабители
И брака нарушители,
Рабы содомской мерзости,
Привычные предатели,
Кто со стыдом не знается,
С законом не считается,
В грехах своих не кается, —
Таких не хочет вывести
Он ради справедливости:
Правых дарит наградою,
А худших тяжкой карою:
Не то, спасая всех равно,
Судил бы Он неправедно”.

.....

Еще о многом речь вели,
О многом с ним поспорили,
Чего я не сумел спасти,
Что за ночь от усталости
Навек истерлось в памяти.
И лишь одно оставил я,
Что вам опишет кисть моя,
Коль вам, отцы, желательно.
Выслушав все внимательно,
Злой дух увещевал меня:
“Вот близится заутрениа,
И близок день Ремигия,
Что вашему хвалению
Будет внимать и чтению.
Ты ж, движим мне неведомой
Привычкой некой пагубной,
Чуть звоны колокольные
Проникнут в уши сонные,
С постелью распрощаешься,

В Божью церковь направишься,
Первым быть постарайся!
В то время, как тебе кровать
Сулит возможность мирно спать
И телу сладкий отдых дать,
Ты, как глупец, без памяти
Несешься первым к паперти.
Успеешь ты, обряд храня,
Еще явиться во время,
Пока певцы усердные
Девяносто четвертое
Будут тянуть “Приидите”⁷.
“Палач бесчестный, пусть тебе
Бог ниспошлет возмездие,
Чтобы не знал ты сладости,
Вовек не видел радости,
Ты, что велишь во имя сна
Презреть уставы ордена⁸,
Велящие срываться с мест,
Едва раздастся благовест!
Едва ушей коснется он,
Тотчас должны со всех сторон
Мы, иноки, бежать на звон.
И если что во сне, незрим,
Ты, полуночник, шепчешь им,
Все могут отмолить тогда
Перед престолом Господа⁹.
Но что, о дикий, злобный волк,
Тебе до пенья нашего?”
“Всегда ношусь без отдыха
Я по простору воздуха,
Быстрей, чем Евр¹⁰, как тать в ночи,
В приютах божьих рыщучи,
Славить стараюсь грешника,
Воли моей приспешника!”
“Ну, повести постыдных дел
Теперь же положи предел:
Прерви глагол кощунственный!..”
Тут разговор окончил бес
И через миг из глаз исчез.
Затем покинул сон меня.
Вновь вместе с вами, братия,
Я к Господу Ремигия
Моления шлю о том, чтоб он
Виденью равным сделал сон.

- ¹ Песнь Песней, 3, 9–10: “Но сильный одр сделал себе царь Соломон из дерев Ливанских; столпцы его сделаны из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпурной ткани, внутренность его убрана с любовью дщерями Иерусалимскими”. Мистическое толкование этого места таково: все ложе – Царство Божие, воздвигнутое при помощи тела Богородицы (дерева Ливанские), поддерживаемое серафимами (столпцы); внутри его – Божественная Любовь, на коей возлежит Искупитель (царь Соломон), опираясь на херувимов (локотники), престолы и прочие чины ангельские (пурпур); девы Иерусалимские – человеческие души, в совокупности составляющие Церковь, олицетворяемую также Суламифью. Ложе Соломоново есть источник божественной мудрости.
- ² Результат народной этимологии, осмысляющей название галльского племени ремов, от которого получил название Реймс. Современник Анселла, Флодоард (“История”, I, 1), выражается осторожнее: “Кажется более вероятным, что город наш воздвигнут воинами Рема, бежавшими с родины”.
- ³ Праздник перенесения мощей св. Ремигия (437–544) отмечался 1 октября.
- ⁴ I послание Петра, 5, 8: “диавол ходит, как лев рыкающий”.
- ⁵ Ср. Апок., 13, 2. Б.И. Ярхо приводит для сравнения описание демонов в видении Фулберта (XII в.), 269 сл.
- Дротики железные держат два злодея,
Рты раскрыты, пламенем вместе с серой рдея,
И клыки торчат у них, заступов грубее,
Из ноздрей же явственно выползают змеи.
- Как жаровни, очи их обжигают взглядом,
Уши их отвислые пышут знойным смрадом,
Сверх того, на лбах у них по два рога рядом,
Коиx оконечности истекают ядом.
- ⁶ “Ропщущие” – термин монашеского обихода: устав св. Бенедикта (гл. “О послушании”) со строгостью обрушивается на ропщущего – “послушание его не угодно Богу... зрящему сердце его ропщущее, и таким послушанием не снищет он милости”.
- ⁷ Пс. 94 (“Приидите, возрадуемся Господу”), входящий в чин заутрени.
- ⁸ Монастырь Флери незадолго перед тем получил устав от самого Одона Клюнийского.
- ⁹ То есть: вымолить прощение за греховные сны.
- ¹⁰ *Евр* – восточный ветер.

Герберт Орильякский (папа Сильвестр II)

Герберт родился в Оверни (Франция), получил образование в монастыре Сен-Жеро в Орильяке, который покинул в 967 г., чтобы сопровождать графа Бореля Барселонского в Каталонию. Там Герберт продолжил свое образование. В 970 г. вместе с графом Борелем он отправился в Рим, где познакомился с папой Иоанном XIII и произвел на него весьма приятное впечатление. Там же Герберт познакомился с императором Оттоном Великим. Герберт получил приглашение переехать в Реймс от Адальберона, архиепископа Реймского, и с успехом реорганизовал школу при Реймском соборе. Его особенный талант проявился в преподавании математики. Самым известным его учеником был Фульберт (ок. 960–1028), который позже основал школу в Шартре и стал епископом Шартрским (1006 г.)¹. Другими известными учениками Герберта были Роберт, сын Гуго Капета, будущий король Франции Роберт Благочести-

вый (996–1031); Рихер из Сен-Реми, позже ставший биографом Герберта, и Адельбольд, занявший позже Утрехтскую кафедру². Известно, что Герберт сконструировал армиллярную сферу, астрономический прибор, состоящий из колец или кругов, при помощи которого он преподавал астрономию, и особые подзорные трубы, прототип телескопа, для наблюдений за звездами. Он также придумал особый вид счетов, на которых можно было производить сложение, вычитание, деление и умножение. В 983 г. Герберт был назначен настоятелем в знаменитый монастырь Боббио в Италии, основанный еще св. Колумбаном в 615 г., но на следующий год он снова возвратился в Реймс, чтобы подготовить избрание и коронацию Гуго Капета, как короля Франции. Это событие произошло в 987 г. с участием Герберта. В 991 г. он был назначен архиепископом Реймским, но не получил подтверждения своего сана от нового папы, Григория V. В течение шести лет он, однако, исполнял обязанности архиепископа, а затем оставил Реймс, чтобы в составе двора сопровождать императора Оттона III в его путешествии по Италии и Германии. Известно, что, находясь между 994 и 995 гг. в Магдебурге, Герберт изобрел еще один астрономический прибор, названный им “орологий”. Описание этого прибора не сохранилось, но предположительно это была астролябия или некий род солнечных часов. Возможно, в это же время Герберт изобрел и уже упоминавшиеся подзорные трубы. В 988 г. Герберт был назначен архиепископом Равенны. Когда в 999 г. внезапно умер папа Григорий V, Оттон III назначил Герберта его преемником. Герберт, приняв имя Сильвестра II, стал первым франком, восшедшим на папский престол. В течение своего недолгого правления Сильвестр был авторитарным реформатором, боролся с nepотизмом и симонией в среде священства и требовал целибата для клириков. Он также обратил особое внимание на нужды Святой Земли и на распространение влияния Западной Церкви на восток, в славянские земли. Возможно, именно Сильвестр послал “Святой Венец”, символ включения Венгрии в сообщество христиан, королю Вайну, который при крещении принял имя Стефан (“венец”) и позже был канонизирован.

Перевод сделан по изд.: PL 139, 169–178, 201–234.

Проповедь о просвещении епископов

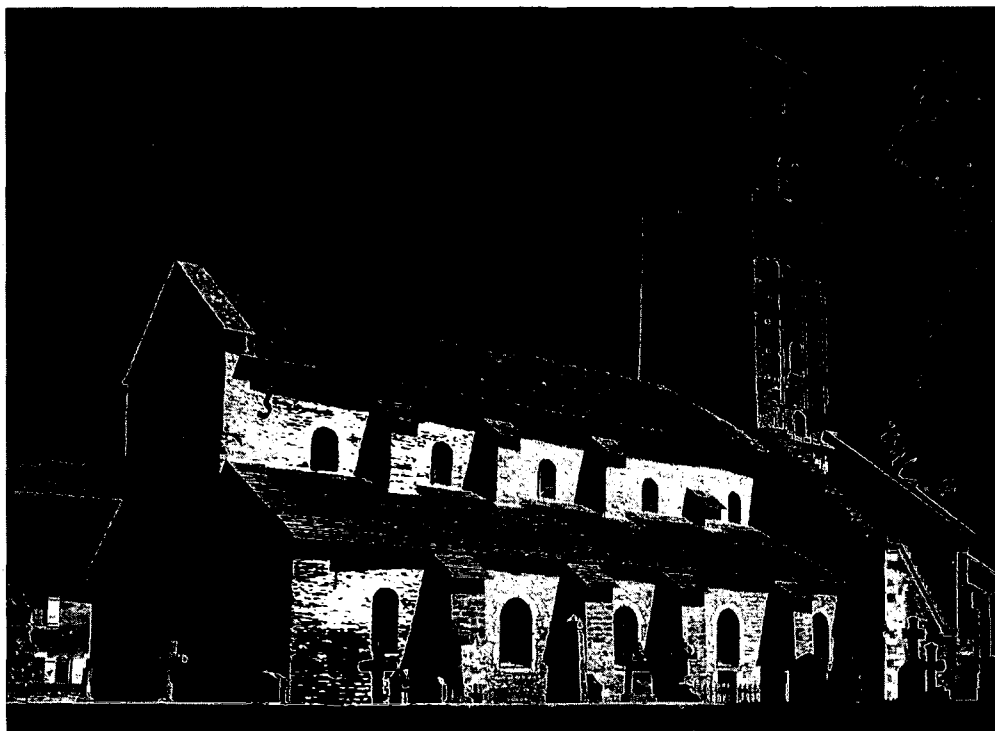
Братия, если кто вспомнит притчу, где господин упрекает бережливого раба, говоря о данных ему ранее деньгах, чтобы употребить в оборот, которые тот сохранил: “Если бы ты отдал серебро мое в оборот, ... то я, придя получил бы его с прибылью” [ср. Лк 19, 23]; пусть уже безмятежный слушатель не оставляет для своих нужд благодать Божественного дара, собранную для него; но, раздавая ее всем, он чем, что обильнее даст в рост, тем более надежно будет владеть ею, чтобы чрез это и себе и многим другим доставить плод научения, и так же как признано, что прекрасное дерево, полное яблок,

не бесполезно занимает место на земле, пока живет, ибо оно и само своими яблоками украшается, и все, кто от него плод приемлют, насыщаются; к тому же нас призывает блаженный апостол: “Никто не ищи своего, но каждый пользы другого” [1 Кор 10, 24] и в другом месте: “Ищу не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись” [1 Кор 10, 33]. Потому мы, кому вверено распространение слова Божия приняли стадо Христово, чтобы кормить и питать его, думаем, что не избежим сурового наказания, если будем согласно этому жить, но не будем проповедовать. И хотя проповедовать слово Божие нам мешает нечестивость жизни, но к этому нас побуждает непререкаемость заповеди. И, горе мне, если не проповеду, и если полученное сокровище, закопанное в землю, долго прячу в своем сердце, и под спудом держу светильник Божественного слова, а не открыто на свещнике у всех на глазах. Так, если ключами Царства Небесного, которые мы все, священнослужители, принимаем от блаженного апостола Петра, не отопру засовы людского невежества, как удостоюсь услышать по мере моих слов: “Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю” [Мф 25, 21]? Потому, страшись таких упреков и наказаний, подстрекаемый страхом Божиим и побужденный братской любовью, буду говорить уже не с подданным мне народом, который имею обыкновение наставлять, но обращу свои слова к самим уже проповедникам народа и моим сослужителям, словно покорный слуга, то есть я, как епископ – священнослужителям, дерзновенно не замедлю проповедовать обязанности спасения. И я не буду присваивать себе преимущество совести, если испрошу это заранее глазами любви для моих собратий-священнослужителей, и не стану заявлять, что я человек совершенной жизни, когда увещаю других к совершенной жизни; но, скорее, в то время как дерзаю говорить с ними об этом, вместе с ними послушаю то, что говорю.

Ныне уже приступлю, подкрепленный Божественной помощью, сколь будет по силам моим; пусть молитвы тех, к кому относится наша речь, помогут мне пройти желанный путь, и затем, словно вверенный попечению священнослужителей, обращусь с речью к ним самим. Слушайте меня, блаженнейшие отцы и, если достойным сочтете, святейшие братья; слушайте меня, корень левитов, семя священническое, род освященный, вожди и управители стада Христова: слушайте меня, равно молящегося и боящегося, об общих благах взволнованно рассуждающего и честь епископства показать желающего; чтобы, когда я буду показывать преимущество его чести, мы постарались бы узнать, какова и подобающая ему награда. Постигая истину, мы не можем погрешить в сем труде. Ибо достойно будет прежде узнать нам о достоинстве священнослужителя и затем так хранить его, чтобы нам опровергнуть речение Псалмописца: “Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают” [Пс 48, 13]. Итак, братия, честь и высоту епископского сана ни с чем нельзя сравнить. Если сравнишь ее с коронами королей и диадемами князей, они гораздо ниже, как если бы металлический блеск свинца ты сравнивал с сиянием золота. Ибо видишь, что выи королей

и колени князей склоняются перед епископом, и они высоко ценят советы архипастырей и верят, что укрепляются их молитвами. Что уже скажу о множестве народа, стать предстоятелем которого не только меня удостоил Господь, но по заповедям евангельским я обязан также заботиться о нем по отеческому закону? Так именно сказано было Господом блаженному Петру: “Симон Ионин! любишь ли ты Меня!”, и Петр ответил: “Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя”. И когда Господь трижды так спросил Петра и трижды получил ответ, Он повторил Петру в третий раз: “Паси овец моих” [Ин 21, 15–17]. Этих овец, это стадо блаженный апостол принял не только тогда, но принял его и с нами, и все мы принимаем их с ним. Потому паства передается для управления священникам, и справедливо народ сей именуется подданным своих управителей, ибо мы видим, что прямо о том гласит прекрасное евангельское слово: “Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его” [Лк 6, 40].

Все это, братия, мы должны заранее иметь в виду, дабы показать, что в мире сем нет ничего превосходнее епископов, не находится ничего выше предстоятелей. Мы покажем достоинство епископства, чтобы перед взором епископов и нам стать достойными того, чем мы являемся. И мы покажем, что мы есть по роду деятельности, скорее делом, чем именем, чтобы имя подобало делу, и дело отвечало имени; чтобы не было имя пустым, а преступление большим; чтобы не была честь высокой, а жизнь достойной наказания, чтобы не было божественным занятие и незаконным деяние, не было бы благочестиво одеяние и неблагочестиво достижение; не был бы шаг величественный и продвижение безобразное; не обнаружилось бы, что в церкви кафедра больше, а совесть епископа много меньше; чтобы мы подражали голубиной речи, а ум имели собачий; чтобы мы показывали деятельность овечью, и свирепость имели бы волчью; чтобы Господь не ответил нам по заслугам устами пророка: “Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня” [Ис 29, 13]. Ибо, братия, как сенатор узнается по одеянию, крестьянин по земледелию, варвар по оружию, моряк по умению грести, и так же, как разные виды труда у каждого ремесленника указывают самих деятелей, так и, если епископские труды указывают именно на епископа, чтобы со временем он стал известен больше, чем по роду деятельности, пусть это будет епископ по заслугам, а не по имени. Ежели, как утверждаем, нет ничего превосходнее епископства, то нет и ничего, более достойного сожаления, когда епископ подвергает опасности свою жизнь, если архипастырь уловляется преступлением, если предстоятель Церкви оскверняется пятном порока. И так же, как легче падать на ровном месте, так при падении с высоты, исход более тяжел. Велика честь епископская перед людьми, но после падения (чего да не будет!) и скорбь велика. В Церкви ступень высока, но если человек, имея епископское достоинство, по небрежению своему падает, всеми он заклеямен достойным сожаления образом. Великое возвышение требует великой осмотрительности; более

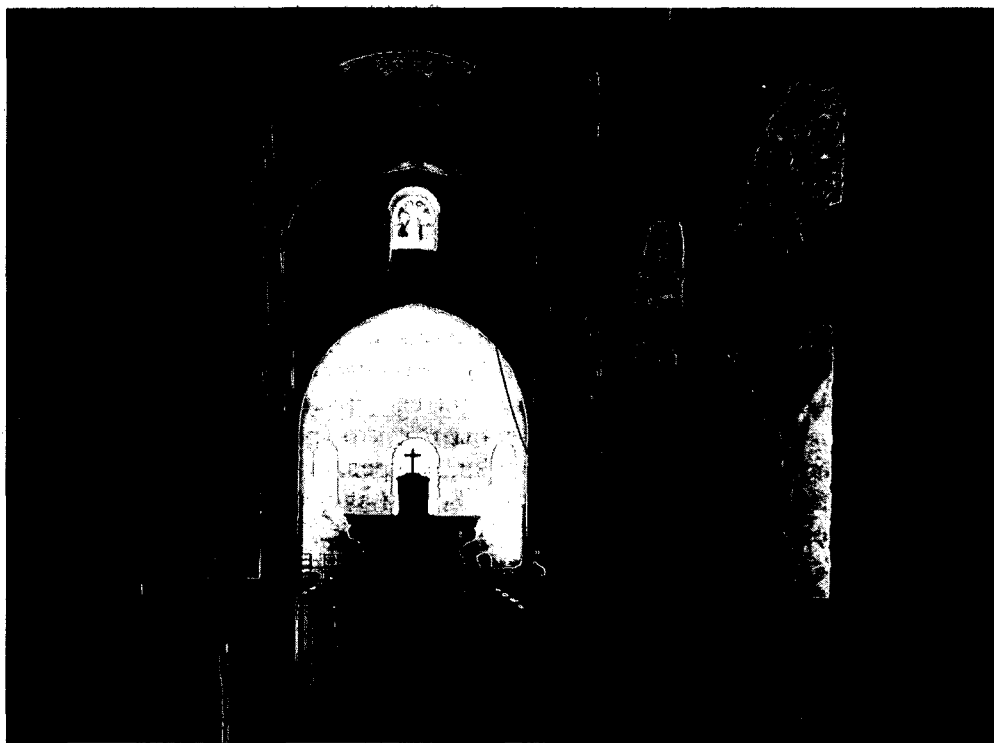
Шапэз, церковь св. Мартина. XI в.

высокая честь нуждается в более высокой заботе. Кому больше вверяется, с того больше и спросится, и власть имеющие терпят более сильные мучения, и грех знающему закон и не исполняющему; и раб, который знает волю Господина и не исполняет достойное, терпит многие побои.

Ибо иное от епископа испрашивает Бог и иное от пресвитера; иное от клирика и иное от мирянина: и, хотя Он требует труда от всех по отдельности, более, однако, требуется от того, кому поручена бóльшая забота; бóльшие муки несет тот, кому должно править более многочисленными народами, если он пренебрегает вверенным ему управлением. И, чтобы мы обрисовали нашим сослужителям род и образец самого епископства, должно нам вновь обратиться к апостольскому правилу и его в подробности обдумать; ибо оно различает отдельные стороны епископского служения; чтобы кто-нибудь из болтливых предстоятелей не посетовал, что мы в наших рассуждениях скорее их просто браним, чем, прибегнув к апостольским речениям, неопровержимо показываем их неправоту. Ибо блаженный апостол обращает ко всем епископам “достойное слово” [1 Тим 3, 1], как если бы он сказал: “То, о чем я буду говорить, говорю правдиво, чтобы никто не подумал, что я солгал”. “Если

кто епископства желает, доброго дела желает” [1 Тим 3, 1], то есть: желаешь быть епископом? Велико то, чего просишь; но вместе с тем, если примешь на себя, и труд благой. Впрочем, ты не сможешь быть епископом, если сочтешь возможным пренебрежительно относиться к делам епископским. И вновь апостол настаивает: “Но епископ должен быть непорочен” [1 Тим 3, 2]; то есть говорит он, “безупречным”, ибо, если будешь упрекаем, покроешь себя позором по вине своей. Вина приводит к обвинению, тот же, кто подчинен наказанию вследствие обвинения, будет покорнее неволе наказания, подчиненный неволе теряет свободу. Вот что происходит со свободой тех епископов, если ступят на путь, который мы назвали преступным. Но, чтобы тебя нельзя было упрекнуть, сохраняй во всех делах безупречность. После чего апостол добавил: “одной жены муж” [1 Тим 3, 2]. Если иметь в виду буквальный смысл, то апостол осуждает двоеженство, чтобы тот, кто желает достичь епископского сана, не имел второй сожительницы. Если же понимать это в аллегорическом смысле, апостол удерживает епископа от заключения брака с двумя женами, то есть, чтобы после усвоения учения кафолического он не усвоил бы смысла еретического, но пусть примет искренне только христианскую веру, чтобы епископ назывался мужем только одной жены, то есть Церкви. Далее: “трезв” [1 Тим 3, 2]. Апостол говорит “трезвенным”, что значит воздержным не столько от вина, но и должен быть умеренным в обычной жизни, чтобы епископ не предавался особо винопитию, но сердцем в трезвении радовался; если кто так не поступает, не будет епископом. И, продолжая, апостол добавляет: “целомудрен” [1 Тим 3, 2], имея в виду не мирское мудрствование, о котором сказано, что она “есть безумие пред Богом” [ср. 1 Кор 3, 19], но мудрость духовную, то есть ту, которая и в делах осмотрительна и в словах сильна, чтобы епископ был мудр, как змей, и прост, как голубь; если кто таким не будет, тот не епископ. И снова внушает апостол: “честно украшен” [1 Тим 3, 2]. Если мы обратим внимание только на внешнюю сторону слов апостольских, будем рассуждать ни о чем другом, присущем епископу, кроме как о его облачении; например, что красивее: отороченные мехом или шелковые одеяния; и среди епископов считал бы себя более честно украшенным тот, кто имел бы более красивые одежды. Но святой апостол, желавший, чтобы украшены не плотью, но духом был епископ, не хотел, чтобы его так понимали; он хотел, чтобы тот священнослужитель угоден был Богу, кто имеет обращенную к Богу душу. А иначе епископом не будет; и презревший слова святого апостола, впадет в бесславие беззакония. И после чего добавлено: “страннолюбив”, чтобы, по внушению человеколюбия, епископ давал приют не имеющему приюта, и вводил бы нуждающегося и лишенного дома в дом свой; не только бы употреблял дары Христовы, которые ему щедро даровала Благодать Христова. “Учителен”, то есть, если епископ обладает ученостью, пусть не только учит в достаточной степени вверенный себе народ, но и будет в силах опровергать возражения всех ересей, чтобы, будучи сам невеждой, он не учил невежд, и не случилось бы того, о чем написано: “если

слепой ведет слепого, то оба упадут в яму” [Мф 15, 14]. Кто не знает за собой таких способностей, пусть не стремится к епископству, чтобы не занять место другого мужа, который блеском своей учености мог бы осветить всех. Затем апостол говорит: “не пьяница” [1 Тим 3, 3], то есть мало преданным вину, чтобы епископ так пил, что не важно ему, что именно пьет; чтобы после обильного возлияния не услаждался влечением к женщине, ибо вином, как говорит апостол, вскармливается страсть ко всяческому наслаждению. Далее: “не бийца..., но тих” [1 Тим 3, 3], но скромн, то есть не держал бы руки, готовыми к драке, и не уязвлял бы совесть других людей неправильными подозрениями, чтобы, видя его дерзость, не судили бы о нем, скорее, как о кулачном бойце, чем как о епископе. Но, напротив, пусть он терпеливо сносит оскорбления, нанесенные другими, чтобы смиренное терпение указывало на дух сдержанный и спокойный. Еще говорится: “не сварлив”; то есть не распускал бы язык и не бранился бы, чтобы тот, кто громко возглашает хвалы Богу и пригубляет от Божественных Тайн, не предлагал бы яд распри, ибо не могут уста предстоятеля благословлять Бога и злословить человека, имеющего, как известно, образ Божий, и зло и добро никак не могут друг с другом сочетаться. Если поступает не так, не будет епископом. Сразу же после этого добавляется: “не сребролюбив”, то есть, невозможно, чтобы в чем-либо жажда прибыли одерживала верх над епископом, и он, ради постыдной прибыли оказался бы подвержен отвратительному греху, вскармливая корень всех зол, жадность; но чтобы он, довольствуясь лишь церковным жалованием, совсем не просил бы излишнего; скорее, уделяя излишки беднякам Христовым, приобрел бы себе Царствие Небесное. И затем апостол присоединяет следующее: “хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью” [1 Тим 3, 4]. Здесь говорится, что епископ должен хорошо начальствовать над домом своим, а это означает: чтобы он дом тела своего содержал по праву властвующего, не был бы сам в подчинении у тела и никоим образом не был бы ввержен в пропасть, увлекаемый необузданной любовью к наслаждениям, чтобы он мог примером чистоты направить своих сыновей к правилу непорочности. Кто не делает этого, не может назваться епископом. Затем апостол говорит: “кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?” [1 Тим 3, 5], то есть, конечно, как мы сказали выше: как возбудит усердие в других многих тот, кто не может благоустроить дом своего сердца? или кто не может вынуть бревно греха из своего глаза, из чьего же глаза уберет сучок? Кто этого не делает, не будет епископом. Также следует такое: “не из новообращенных” [1 Тим 3, 6], то есть того, кто недавно пришел к вере из язычества, или присоединен церковному служению из мирской службы, да не примет без разбора епископский сан, “чтобы не впасть в превозношение и сеть диавольскую” [ср. 1 Тим 3, 7]; ибо то, чему в течение долгого времени не учился, сохранить не сможет в течение малого времени, но, заблуждаясь и не зная, примет осуждение, которое принять заслужил надмевающийся диавол. И, ведя к концу речь о правиле и

Шапэз, церковь св. Мартина XI в. Интерьер

образе епископской жизни, наконец, апостол заключает: “Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних” [1 Тим 3, 7], то есть от еретиков и схизматиков, которые вне Святой Церкви устраивают нечестивые сходки, однако апостол говорит, подобает иметь от них свидетельство о непорочной и святой жизни епископов, (...) ибо иначе они получают повод для недоброжелательства и начинают порочить кафолическое учение святой веры. Как сможет быть епископом тот, кто не может быть таковым?

Как полагаю, здесь мы ясно видим, что мы освобождены от большого долга, когда выдвигаем против епископов не свое свидетельство, но апостольское, чтобы не быть нам, словно “безводные облака, носимые ветром” [Иуд 1, 12]. А поскольку наше мнение во всем согласуется с весомым мнением апостола, то пусть дерзают, если дерзнут, опровергать апостола свидетельство, а не наше.

Хотя длина книги побуждает нас поспешить к концу, но забота братской любви принуждает нас задержаться, особенно если речь идет о тех епископах, кто, притупив со временем ум свой, порочит священническую честь и о

ком с горечью можно сказать, что они в своем очерствлении безудержно следуют новому правилу: следуя примеру прокаженного Гиезия [4 Цар 5, 20–27] и Симона Волхва [Деян 8, 9–19], покупают за деньги благодать Святого Духа и торгуют ею, нисколько не беспокоясь, когда покупают благодать священства, что блаженный апостол Петр проклял их вместе с Симоном Волхвом: “серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги” [Деян 8, 20]; и что они вместе с Гиезием получили проказу от святого Елисея, когда полагают, что священнический сан можно распродавать за деньги. Если голова поражена особо тяжкой болезнью, неизбежно сверху вниз и по остальному телу разливается смертоносная болезнь: так и эти вот люди, которые, как кажется, возглавляют Церковь, губительной болезнью отравляют тело братии, так что ни одна из частей тела не может остаться здоровой и избежать заражения ядом порочности от нерадивых епископов. И в Церкви во многих местах ты увидишь епископов, которых возвеличили не достоинства, но деньги, и они похитили священный сан, сделав его безблагодатным и невежественным; если доверительно захочешь расспросить, кто поставил их во главе как архипастырей, они тотчас ответят и скажут: “Архиепископ недавно поставил меня епископом, и я дал сто солидов, чтобы он сообщил мне священный сан; если бы я не дал этих денег, не был бы я сегодня епископом. Потому лучше мне уменьшить количество золота в ларчике, чем потерять такой священный сан. Я дал золото и принял епископство; однако, если удачно сложится жизнь, не сомневаюсь, что немедленно получу деньги назад. Поставлю священника и приму золото; сделаю диакона и получу множество серебра, и также от прочих чинов по отдельности, и твердо надеюсь получить денежный доход от настоятелей за освящение церквей. Вот, так золото, которое я отдал, в моем ларце не уменьшилось”. Я отвечаю: «Именно потому я и скорблю о тебе, что архиепископ сделал тебя епископом лишь по плоти. Он за деньги поставил епископом духовно прокаженного; ты дал деньги, полагая, что купишь благодать Божию, и уже этим ты получил ту самую проказу. Снова деньги принял ты и не побоялся уничтожить благодать Божию, назначая ей цену; вместе с тем ты передал проказу дальше и совершил достойную сожаления куплю на погибель душ. Ты поставил над монахами настоятеля ради денариев и на погибель им возвеличил прокаженного человека. Несведущие люди на поставлении твоём кричат: “Достоин и праведен есть”, а нечистая совесть кричит: “Недостойн и неправеден”. Произносит такой епископ: “Мир вам”, и сам не имеет с собой внутреннего мира. Пред плотскими глазами он великий епископ, а пред Божественным взором – тяжело больной проказой. Посредством денег он получил недолжное рукоположение и во внутреннем человеке потерял Бога. Плоть получает достоинство, душа теряет почет. Служанка-плоть становится госпожой, и госпожа-душа делается рабыней; эта, меньшая, господствует над народами, а та, высшая, служит демонам. Он купил епископство для плоти, но уготовил ущерб для души. И какая будет польза человеку, если он приоб-

ретет весь мир и принесет ущерб своей душе? То, что ты отдал, когда поставлялся, было золотом; а то, что ты потерял, было душой. Когда ты поставляешь во епископа другого, то, что получил ты, было деньгами; а то, что ты дал, было проказой. Таковы товары ваши, которыми вы обмениваетесь себе на погибель.» Но спрашиваю немного собрата-епископа, ибо я сам епископ и с епископом беседую. Скажи мне, брат епископ, когда ты давал деньги, что ты получил? – Что? – спрашивает, – благодать епископства. – И почему эта благодать так называется? – Почему? – говорит, – как полагаю оттого, что даром дается, и потому благодать называется. – И если она даром дается, и золотом не оценивается, почему тобою за деньги покупается? – Но ты говоришь, что она не дается мне, если деньгами не покупается; и не буду поставлен во епископы, если не дам денег. – Как ясно из твоих ответов, ты при поставлении во епископа благодати не получил; ибо ты не заслужил ее даром; а если ты не получил благодать, брат, как ты смог сделаться епископом? Если Господь сказал: “Даром получили, даром давайте” [Мф 10, 8], почему ты решил, что ты сможешь купить даруемую благодать за деньги? Как вижу, ты и золото, что дал, потерял, и святую благодать не получил.

Теперь, сразу добавляя, спрошу епископа, чтобы не казалось, что мы обошли что-то молчанием из справедливых доводов. Кто, брат епископ, дает епископскую благодать? Бог или человек? – Без сомнения, Бог, но, однако, через человека. Человек возлагает руку, и Бог щедро дарует благодать, епископ смиренно служит Богу правой рукой, Бог благословляет мощной десницей; епископ других посвящает в сан, и Бог уделает благодать. – О правосудие! о равенство! если человеку даются деньги, которые в чине ничего другого не делают, только единственно доставляют ему служение; почему во всем отказано Богу, Который Сам щедро дарует тебе сан? Разве не кажется тебе несправедливым, что рабу воздается почитание, а Бог претерпевает оскорбление; и епископ несправедливо принимает деньги, и Бог претерпевает оскорбление от человека? Но если Бог от тебя ничего не ожидает в обмен на дарованный чин, почему епископ в бесстыдстве своем ждет от тебя денег? Бог человеку пожелал даровать благодать безвозмездно, а хищный епископ домогается денег от человека? Бог по благодати Своей ему подарил, епископ же по злодейству своему его в плен захватил! Что еще имеется, чего ты не получил? Если же ты получил, что гордишься, словно не получал?

Вот до какого зла докатился освященный чин. Вот до каких постыдных поступков опустились те, кто удостоился услышать от Судии мира: “Вы – свет мира” [Мф 5, 14]. Вот кому подчиняется народ – тем, кому от Господа сказано. “Вы – соль земли” [Мф 5, 13]. Если ты свет Церкви, поставленный Господом, чтобы мрак незнания и потемки совести рассеивать красноречием проповеди, что же ты сам, заблудившийся по причине вышеупомянутого уклонения от истины, бредешь на ощупь в густом мраке? И не только ты сам недостойно погибаешь, потому что это делаешь, но, сверх того, и других вместе с собой недостойно губишь. Даже если ты удостоился ощу-

тить вкус соли, чтобы быть в состоянии осолить поля неразумных, почему одуроченный таким бесчестьем пороков, ты отдаешь их грязным свиньям на поправление, так что после этого ни других, ни себя самого осолить уже не можешь [Мк 9, 50 Лк 14, 34]? Ты даже, поддавшись наслаждениям, добился служения глаз в теле, то есть в Церкви, чтобы ведомое тобою остальное тело, видело свет; ныне же, поскольку окутанный тьмою грехов ты стал подслеповат, то и себе ничего не освещаешь, и у других отнимаешь свет. О тех глазах в Евангелии говорится: “Если бы око твое было чисто, все тело твое было бы светло” [Мф 6, 22]; что означает, если епископ, который оказывается достойным стоять во главе тела, украшается непорочностью простоты, вся Церковь освещается сияющим светом. “Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно” [Мф 6, 23]; то есть, если епископ, который, как кажется, возглавляет, подобно светочу, вверенное ему тело, окружается мраком негодных дел, что тогда делать прочим членам, у которых отнят свет от глаз? То есть, что делать множеству мирян, когда незаконными желаниями и запрещенными деяниями епископ подталкивает множество людей к той же бездне зла, и ничто, совершаемое епископом, словно бы законное, не кажется уже незаконным? Но все верят, что все то похвально, что епископу было приятно, и никто не боится поступать так же, как поступает предстоятель без тени сомнения. Имя, которое ты носишь, обличает тебя самого. Ибо все не сомневаясь называют тебя епископом; и как иначе объясняется слово “епископ”, если не “надзирающий”? Когда ты по чину своему с особо возвышенного кресла Церкви надзираешь за всеми, и взоры всех устремлены на тебя, чтобы ты им подал пищу в благоприятное время³; почему пред глазами всех ты предстаешь, словно гадкое зеркало, так что они не могут украситься из-за того, что поверхность его замутнена?

Достаточно будет того, что до сих пор мы чуть подробнее изложили речь нашим сослужителям, в которой мы показали их превосходство, равно и падение, чтобы, уверившись в возвышенности почестей, они не меньше искали бы совершенства нравов, и не думали, что они епископы, если они таковы только по имени, а не по делам. И, хотя я знаю, что весьма многие священнослужители, замешанные в том произволе, не заботятся, чтобы о том думать, и будут по недобросовестности своей наносить вред Церкви; я полагаю, однако, что много больше тех, кто прилагает все усилия, чтобы не только называться, но и быть епископам, будут добросовестно возносить молитвы. Но как злобные нападки клеветников нисколько не отягощают нас, так нам помогают молитвы честных мужей. И ныне, Дух Святой, Который подал нам помощь в этом труде Божественным вдохновением, будь же в всякую помощь и епископам, чтобы они поступали так, как Ты Сам указал им в этом небольшом сочинении, чтобы по заслугам Ты уделил им Царствие Небесное, которые обещал, Ты, Который со Отцем и Сыном Единородным в Троице и Единице живешь и царствуешь, Бог во вся веки. Аминь.

Послания

Послание к Цезарю Оттону⁴

Светлейшему слуху господина моего я предпочел бы излагать скорее и селое, чем печальное. Но когда я вижу, что мои монахи истощены голодом угнетены наготой, как я смогу смолчать? Можно перетерпеть это несчастье если вместе с ним не будет удалена надежда на лучшее. Не знаю, в каких дексах, в каких книгах говорят, что все святилище Господне продано. Со ранние деньги нигде не отыскиваются, кладовые и житницы пусты, даже кошельках ничего нет. Что же мне, грешнику, тут делать? Если при всей милости господина моего могло так получиться, лучше бы было мне испытывать нужду у галлов, чем со столь многими нуждающимися просить подаяния у италов. Райнерий Франк, нам весьма близкий и Вам преданный, вверил мне многое о состоянии Вашей империи, что необходимо передать Вам, однако этого не следует доверять гонцу, или передавать на письме, если только на то не будет Вашего решения.

Послание к Петру, епископу Павии

Мы не благодарим никого из италов за то, что мы, как кажется, владеем монастырем св. Колумбана⁵. Если вы хвалили нас пред господином нашим, то и мы воздали вам должные хвалы. Вы настойчиво настаиваете на переговорах и грабежей нашей Церкви не прекращаете. Вы, кто должен был бы собирать разбросанное в целое, разделяете среди воинов наше, словно свое. Хватайте, грабьте, натравливайте на нас все силы Италии. Вы нашли благоприятное время. Господин наш занят войной, и мы не будем медлить, чтобы подготовить для него отряды, но и не будем опрометчиво претендовать на то, что находится в его ведении. Если бы мы могли наслаждаться миром, мы бы, как присутствуя, так и отсутствуя, приложили бы все старания к служению нашему цезарю. Если же нет, только его присутствие облегчит нашу нужду, так как (как сказал поэт) “верить нельзя никому”⁶ и так как сочиняются неслыханные, невиданные вещи, волю нашу вам открываем не иначе, как в письме, и вашу иначе не примем.

Послание Августе Адельгейде⁷

Госпоже своей Адельгейде, все еще Августе, пишет Герберт.

В пожалованиях земельных и милостях мы последовали своему желанию, как и желал господин наш Цезарь. Да вспомнит госпожа моя, что дала понять рабу своему, что будет просить еще за многих других, и иначе, чем это можно было бы осуществить. После того как мы удалились от Вас, ни Грифона, ни его гонца мы не видели. Как мы завтра бросим землю, которую Вы вчера даровали нашим верным? И если сбудется все то, что все приказывают, что нам тут делать; если все отдаем, то, что нам останется? Грифону, ибо это в нашей власти, мы никакого земельного пожалования не устушаем.

Изображение Матери-Церкви. Свиток "Exultet" из Вольтурно. 981–987 гг.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
Part 2. L., 1999. P. 21

Послание к Гугону схоласту

Гугону своему – Герберт, некогда схоласт.

Достойнейшими дарами по достоинству моей души обогатил меня мой господин. Ибо в какой части Италии не находятся владения блаженного Колумбана? Произошло так от щедрот и благоволения нашего Цезаря, судьба же устроила иначе: по достоинству души моей почтила меня многочисленными врагами. Ибо в какой части Италии не живут мои враги? Силы мои не равны силам Италии. Условие мира таково: если я, ограбленный и раздетый, подчинюсь, они перестанут бить, останусь в облачении – будут преследовать с обнаженными мечами. Где не смогут поразить мечом, достанут стрелами слов. Они презирают Императорское величие в пренебрежении, как в моем лице, так и в лице самого императора, когда делятся, разделяя имущество Господне по законам о свободной земле: ибо я не желаю соглашаться на это и прозываюсь вероломным, жестоким тираном. Самого Цезаря, превосходнейшего из всех людей,

негодяи приравнивают к ослу. О вернейший из друзей! Не оставь друга советом и помощью. Вспомни, что я говорил тебе: лучше мне быть простым воином в лагерях Цезаря, чем королем на чужбине⁸.

Послание к императрице Адельгейде

Многи грехи мои перед Господом, но я никогда не нарушал обещанную верность госпоже моей, отстранившей меня от служения, не предавал огласке доверенное мне, полагал, что предавался благочестию бескорыстно. Если, я как-то немного погрешил по отношению к Вашей воле, то по причине неосторожности, а не умысла; надеюсь, будет Вам достаточно узнать, что я беспрерывно приношу в том покаяние уже всю Четырдесятницу, уповаю на то, что так и есть. На какое-то время победила слепая страсть людей из знати, ныне пусть победит Ваша любовь, которая не иссякала, к справедливости. Да будет благосклонен к Вам Бог, доставивший Вам королевство и подчинивший Вашей власти могучих королей. Мое суждение таково. Сколь верно сыну госпожи моей Адельгейды я служил, с той же верностью и его матери послужу. Если я не могу находиться подле Вас и послужить делом, то отсутствуя, могу хотя бы – добрым словом, пожеланием Вам всех благ, усердными молитвами.

Послание от лица опустошенного Иерусалима Вселенской Церкви

То, что находится в Иерусалиме, – Вселенской Церкви, повелевающей скипетрами королей.

Поскольку ты весьма процветаешь, Непорочная Невеста Господня, членом Которой я себя признаю, есть для меня величайшая надежда, что, благодаря тебе, я подниму голову, уже почти совсем сокрушенную. И усомнюсь ли в чем-либо о тебе, Госпожа всяческих, если ты признаешь меня частью себя? Кто из твоих детей не должен будет подумать, что горестное бесчестие, причиненное мне, касается и его, чтобы не ужаснуться от самого последнего из дел? И хотя ныне я низвергнут, однако круг земной считает меня лучшей своей частью. У меня предсказания пророков, украшение патриархов. Отсюда вышли ясные светочи мира, апостолы, отсюда круг земной получил Христову веру, у меня обрел своего Искупителя. И в самом деле, хотя Он пребывает в своей Божественной природе повсюду, однако здесь был в человеческой природе рожден, пострадал, похоронен, отсюда вознесся в небеса. Пророк сказал: “и покой его будет слава” [Ис 11, 10], но диавол пытается сделать место сие бесславным, ибо язычники разрушают святые места. Возблитай же, Христова воительница, будь знаменосцем и соратником, и, когда не можешь действовать оружием, приди на помощь советом и именем. Что же ты можешь дать, или кому? Конечно, от многого малое; и тому, кто все, что имеет, дал даром, Он не без благодарности возвратит: и здесь дающему умножит, и в будущем вознаградит. Через меня Он благословляет тебя, чтобы, щедро давая, ты возрастала и умерила грехи, дабы жить тебе, с Ним царствуя.

Послание Экберту, настоятелю Турскому

Всякий раз, когда Вы вспоминаете меня, читаете среди чтимых авторов и по праву родства мне являете великую дружбу, по оценке Вашей, я думаю, что буду блаженным, если я тот, кто, по суждению такового мужа, оказывается достойным любви. Но так как я не тот, кто с Панетием⁹ иногда от полезного отделяет честь от пользы, но скорее тот, кто вместе с Туллием¹⁰ смешивает со всем полезным, нисколько не желаю такую прекрасную и священную дружбу посвятить своей и чьей-нибудь пользе. И поскольку образ нравов и речи не отделяется от философии, с усердием правильной жизни я всегда соединял усердие правильной речи. Так как только лишь правильная жизнь превосходит правильную речь, когда освобождаешься от забот правления, первое будет достаточно без второго. Нам же, занятым государственными делами, необходимо и то, и другое. Ибо прилично говорить для убеждения, и весьма полезно мягкой речью удерживать от нападения души неистовствующих. Для того чтобы приготовиться к такому делу, я постоянно собираю библиотеку, и как некогда в Риме, так и в других областях Италии, также в Германии и в области белгов я заплатил большие деньги переписчикам за копии авторов, в чем мне помогла блажелательность и усердие друзей, уроженцев одной со мной провинции. Позвольте, прошу, чтобы постоянно и у вас так делалось. В конце письма скажем, что мы желаем, чтобы было списано для нас. Пергамент и необходимые расходы для переписчика направим к Вам, не забывая, сверх того, Вашего благодеяния. Наконец, не будем больше говорить, чтобы не злоупотребить законами письма, причина такого труда – пренебрежение неверной судьбы, каковое пренебрежение нам оказывает не только природа, как многим, но приобретенная трудом ученость. Потому на покое, в делах и учим тому, что знаем, и доучиваем то, что не знаем.

Послание к настоятелю Геральду

Не знаю, даровал ли Бог смертным что-либо лучше друзей, если только они таковы, что, как кажется, в полной мере обладают достоинством и по достоинству живут. Блажен день, блажен час, в который было позволено узнать человека, лишь воспоминание о котором отвратило от нас все печали. Если бы я хоть иногда наслаждался его присутствием, я бы не напрасно считал себя почти блаженным. Чтобы так случилось, я устроил в Италии хорошо известные места для своего пребывания. Но слепая фортуна, которая покрывает мир мраком, вращает его, а меня или низвергает, или направляет в разные стороны. Образ друга запечатлен накрепко в моем сердце; я имею в виду господина и отца моего Геральда, мысли о котором будут всегда с нами.

Послание к госпоже императрице Феофано¹¹

Хотя по Вашему приказанию я желаю к Вам прийти, не напрасно противится этому Бог. Ибо в 9-й день апрельских календ я обратился с речью к захваченным в плен графам Годфриду и его дяде по отцу Сигфриду; между рядами врагов к Вашим приверженцам принадлежу лишь я один, кому они с твердым упованием вверили свои суждения о состоянии Вашей империи. По-

тому, согласно их пожеланию, я написал увещательные послания супругам, детям, друзьям, чтобы они продолжали оставаться верными Вам, не страшись бы никакого нападения врагов, и по их примеру, если судьба приведет, скорее выбрали бы изгнание за то, что верно Вам служат, чем землю своей родины и нарушение верности. Я считаю этих мужей одними из наиболее близких и мне любезных людей, для которых всего тягостнее то, что они не могут довести до конца Ваше поручение; после того, как они, как оказалось, были взяты в плен врагами. Но так как распри знатных людей суть погибель королевств, согласие Ваших знатных мужей, нам кажется, будет средством от всех зол. Ибо втрое сложенная веревочка рвется с трудом. Вы знаете еще, что короли франков смотрят на нас неблагоприятно, так как мы высказываем несогласное с ними мнение о верности Вам, а равно и тем, что наслаждаемся большой близостью к Адальберону, архиепископу Ремов; они о нем думают, что он им совсем неверен, преследуя его по этой же причине. Дайте нам, готовым Вам во всем повиноваться, верный знак касательно всего того, что Вы велите нам делать, и сообщите, пролегает ли среди врагов какой-нибудь путь, по которому и когда мы можем прибыть в Ваше присутствие. Дело до того дошло, что уже идет речь не об изгнании Адальберона, что тягостно было бы вынести, но спорят о его жизни и крови. Меня с ним объединяет то, что он, словно против своей воли, побуждает против начинаний короля. Наконец, бремя угнетения и ненависть к Вашему имени такова, что он не дерзает выразить свои несчастья ни в каких письменных ответах. Но если эта тирания усилится и откроется возможность бежать к Вам, не напрасно тот, кто Вам и сыну Вашему, в чем смог, подготовил поддержку, думая о Вас лучшее, имел твердую надежду.

Послание к Майолу, настоятелю Клуни¹²

Несмотря на то, что Вы беспрестанно заняты бдительной заботой о Вашем стаде, однако более важно для Вашей любви, если бы Вы исцелили болезни стада чужого. Во Флерийской киновии у монахов, весьма почитавших отца Бенедикта¹³, высшее место, как говорят, занял захватчик. Кто будет говорить, если Вы молчите? Какой негодяй удержится от такой дерзости, если этого не исправить? Мы же по ревности к Божественной любви говорим следующее: пусть примут его, если по нашему рассмотрению он окажется честным человеком; если же негодный, да будет лишен общения со всем чином отцов и монахов. Нам будет весьма приятно узнать из Вашего письма, что Вы об этом думаете.

Послание к монаху Райнольду

Не посчитай, дражайший брат, моим это грехом, что я столь долго лишен возможности находиться у моих братьев. После того как я уехал от тебя, я в частых поездках по силам исполнял дело отца моего Колумбана. Честлюбивые стремления королей, а также страшные и достойные сожаления наши времена дозволенное превратили в недозволенное, и обещания не надежны и не подвластны никакому закону. Однако поскольку я знаю, что все подвластно воле Господа, Который равно пременяет сердца и царства сынов человечес-

ких, то терпеливо ожидаю исхода дел. Также всячески увещаю и тебя поступать так же. Все же тем временем я больше всего прошу об одном, что будет для тебя безопасно и не нанесет ущерба, да и меня с тобой крепко свяжет дружбой. Ты знаешь, с каким усердием я отовсюду собираю списки книг, ты знаешь, сколько много произведений разных авторов находится в городах и селах Италии. Итак, вели, частным образом из твоих расходов, чтобы для меня переписали М. Манилия “Об астрологии”¹⁴, Викторина “О риторике”¹⁵, Демосфена “Офтальмолог”¹⁶. Ручаюсь тебе, брат, и обещаю твердо, ибо сохраняю в секрете твое столь верное служение и столь похвальное послушание, что все твои расходы, возьму увеличенными, как ты напишешь и в какое время прикажешь. Только сообщи, чрез кого передать и дары тебе и наши списки, и чаще радуй нас своими письмами. Не опасайся, что кому-нибудь станет известно то, что ты вверишь под нашу защиту.

¹ См. подробнее «Фульберт Шартрский» в наст. изд.

² См. подробнее «Адельбольд Утрехтский» в наст. изд.

³ Аллюзия на Пс 144, 15.

⁴ *Оттон II* (955–983), незадолго до своей смерти назначивший Герберта настоятелем Боббио в 983 г.

⁵ Скорее всего, монастырь, основанный св. Колумбаном в Боббио в 614 г.

⁶ *Вергилий Марон Энеида IV, 371* (перев. С. Ошерова).

⁷ *Адельгейда, Аделаида (931/932–999)* – королева Италии (см. «Ратхер Веронский», в наст. изд. примеч.).

⁸ Обыгрывается жалоба тени Ахилла в Аиде, что он предпочел бы быть слугой бедняка на земле, чем царем в царстве мертвых (“Одиссея” XI, 489–491).

⁹ *Панетий Родосский* (185 до н.э.–после 110 до н.э.) – греческий философ-стоик, сочинения которого известны по небольшому количеству отрывков.

¹⁰ *Марк Туллий Цицерон*. Тожество нравственно-прекрасного (честного) и полезного “что честно – то полезно, что полезно – то честно” – разработано в трактате “Об обязанностях”.

¹¹ *Феофано* (955–991) – родственница византийского императора Никифора II, супруга германского императора Оттона II и мать Оттона III; в малолетство последнего, после смерти Оттона II (984), управляла государством.

¹² См. также: *Одилон Клунийский* “Книжечка о житии блаженного Майоля” в наст. изд.

¹³ То есть строго придерживавшихся бенедиктинского устава.

¹⁴ *Марк Манилий* – автор астрономической поэмы, нач. I в. н.э.

¹⁵ *Марий Викторин* (275 – после 362) – римский философ-неоплатоник, переводчик трактатов Аристотеля, Плотина, Порфирия, в конце жизни принял христианство.

¹⁶ *Демосфен* (ум. в 20 г. до н.э.) – позднеантичный греческий автор медицинских текстов, по прозвищу Окулист.

Аббон Флерийский

Аббон, один из великих ученых Европы X в., родился недалеко от Орлеана. Точная дата его рождения неизвестна (ок. 945–950), но известно, что он учился в Париже, Реймсе и Орлеане. В результате он стал многогранным ученым, прекрасно знающим дисциплины как тривиума, так и квадравиума, и оставил сочинения по вычислениям календаря, логике, грамматике, кано-

ническому праву, исторические и агиографические сочинения. Вместе с Гербертом Орильякским¹, с которым он учился в Реймсе, Аббон был одним из первых ученых в Европе, знавших сочинения Боэция о логике. Сам Аббон составил трактат о силлогизмах. В 985 г. Аббон пытался стать настоятелем Флери, но попытка не удалась, и он был вынужден на два года покинуть Францию. Он уехал в Англию преподавать в монастыре Рэмси, провел там два года (985–987) и тем оказал большое влияние на развитие образования в этой стране, как при помощи книг, привезенных с собой, и дисциплин, которые он преподавал, так и посредством учеников, которых он обучал в Рэмси. Самым ярким из его англосаксонских учеников был Бюрхтферт (ок. 970–ок. 1020), математик, поэт, историк, агиограф, подобно своему учителю. Хотя сам Аббон рассматривал эти два года как ссылку, он, однако, успешно преподавал в Рэмси правила составления календаря, что, возможно, нашло отражение в сочинениях его ученика Бюрхтферта. В Рэмси он составил “Страдание св. Эдмунда”, рассказ об убийстве короля Восточной Англии Эдмунда викингами в 869 г. Другие его сочинения, относящиеся к этому же времени, представляют собой корпус небольших стихотворений, в основном, акростихов. Находясь в Англии, Аббон посетил св. Дунстана, архиепископа Кентерберийского, и св. Освальда, архиепископа Йоркского, а также такого влиятельного мирянина, как король Этельред. Когда в 987 г. пост настоятеля Флери снова освободился, Аббон вернулся во Францию и настоятельствовал во Флери с 988 года до своей кончины. После возвращения во Флери он по просьбе своих учеников из Рэмси составил трактат “Грамматические вопросы”, подробный трактат о латинском стихосложении. Аббон вел обширную переписку по вопросам экзегезы с Одилоном Ключийским², выступал как посредник во время церковных беспорядков в Туре (конфликт каноников св. Мартина с архиепископом), в Мармутье и Миси (возмущение братии против правящего настоятеля), в монастыре св. Киприана в Пуатье (обвинение братией настоятеля на светском суде), состоял в переписке с папой Григорием V, королем Робертом, со многими своими учениками. Аббон сохранил тесные связи со своими друзьями в Англии и свою репутацию поэта и знатока стихосложения, так что настоятель монастыря Св. Августина в Кентербери просил именно его переложить гекзаметрами анонимное “Житие св. Дунстана”³, но Аббон умер прежде, чем успел осуществить этот замысел. Он был убит восставшими монахами монастыря Ла Реоль, куда приехал усмирять мятеж, 13 ноября 1004 г.

Перевод сделан по изд.: PL 139, 419–461: 507–520.

Страдание св. Эдмунда⁴, короля и мученика

Господину святой Доробернской Метрополии⁵, архиепископу Дунстану⁶, истинно зрелому обычаями и возрастом, Аббон Флерийский, хотя и недостойный монах и левит, желает во всем насыщения от Господа Христа.

После того как я удалился от тебя, досточтимый отче, с великой бодростью сердца и поспешно вернулся в монастырь, который ты знаешь, начали

меня всеми силами те, в гостях у которых я, удерживаемый братской любовью, пребывал до сих пор, подталкивать меня рукой святого желания к тому, чтобы я привел в порядок страдание чудотворца Эдмунда, короля и мученика, изложив их на письме, и объявили, что оно будет полезно потомкам, приятно тебе и бесполезно как воспоминание обо мне, ничтожном, в Церкви англов. Ибо они слышали, что в моем присутствии страдание сего короля весьма многим неизвестное и никем не записанное, святость твоя пересказывала наподобие истории, взятой из памяти древности, господину епископу Рофенской Церкви⁷ и настоятелю монастыря, который зовется Мальмесбури⁸, и прочим вокруг стоящим братьям, каковых, как у тебя заведено, ты не перестаешь питать пищей Слова Божия на латинском языке и на языке отечества. Ты не отрицал при них, с глазами, полными слез, что, будучи еще юношей, ты узнал о страдании короля Эдмунда от некоего дряхлого старца, который о нем просто и с твердой верой рассказывал славнейшему королю Англов Ательстану, под клятвой объявляя, что в тот именно день он был оруженосцем блаженного мужа, мученически умершего за Христа.

Ты сослался на столь достоверное свидетельство, чтобы рассказ этот, надежно и неизменно скрытый в хранилище памяти, после передать более молодым братьям медоточными устами своими. Братия же начали настоятельно подгонять меня, ничтожного, чтобы я удовлетворил их пылкое желание и по возможности таким деянием не позволил бы совершенно пропасть. Из почтения к ним я не хотел противоречить их просьбам, и после того как я приложил немного усердия к мирским писаниям, я посвятил себя словно бы внутренней философии души, предложив описать чудеса того, кто поистине философствовал на престоле царства, особенно же те чудеса, о которых не слыхали веками после его кончины, каковым никто не поверил бы, если бы неопровержимое свидетельство твое не послужило им доказательством. Когда ты, которому принуждает верить белоснежная седина, рассказывал о том нетлении останков короля, что и доньше существуют, некто допытывался знать, может ли так это быть. Желая рассеять неясность, ты, сокровищница огромного знания, прибавил ради примера то, что гораздо более потрясает пораженные сердца слушающих, а именно: святой муж Господень Катберт⁹, несравненный исповедник и епископ не только до сих пор ожидает дня воскресения, имея совершенно нетленное тело, но даже его члены исполнены некой приятной мягкости. Дивясь сему примеру, я взял его как доказательство, когда, наконец, более решительно приступил к тщательной отделке деяний святого короля, уповая на его и твои несравненные заслуги. Посвящая тебе начатки своего труда, смиренно умоляю, чтобы ты ради меня хотя бы однажды обратил свой досуг в честный труд, удаляя отсюда лишнее, восполняя бессвязное, так как из уст твоих, за исключением отрывка о последнем чуде, я, следуя правдивому рассказу, все правдиво расположил в положенном порядке, поощряя всех возлюбить столь великого мученика. Будь здоров, отец во Христе.

1. Привлеченные некогда по просьбе бриттов в Британию, на службу и на помощь, позже оказавшуюся губительной, три германских народа, то есть саксы, юты и англы, сперва в течение долгого времени были им защитниками. В то время как германцы, часто тревожимые войной, мужественно защищали себя и своих, бритты, предаваясь праздности, словно люди самого низшего сословия, оставались на своей земле для своего удовольствия. Они сделались легкой добычей для непобедимого мужества своих наемников, которых сами же и призвали, и те решили изгнать несчастных местных жителей из их домов и с родной земли; и это было сделано. Изгнав бриттов, чужеродные победители постановили между собой поделить остров, изобилующий всякими благами, полагая недостойным, чтобы под властью праздных удерживалась земля, которая может предоставить достаточно пропитания и лучших мужей для ее обороны тем, кто на это способен. По сему случаю в восточную область этого острова, которая до сего дня на языке англов зовется "Эастэнгле"¹⁰, по жребию, который выпал на их имя, пришли саксы, а юты и англы направились в другие области, в которых каждый народ по своему жребию завладел своей долей, чтобы между союзниками, которым было достаточно земли для успешного правления, не было никакого раздора о владениях. Потому случилось так, что одна и та же Британия, разделенная на края и области, стала достаточной для правления сперва для многих вождей, а затем королей.

2. Вышеназванная восточная часть Британии славится как многими иными достоинствами, так и тем, что почти отовсюду омывается водами, ибо с востока и юго-востока она окружена океаном, а с севера огромными болотными трясиными, которые начинаются из-за равнинности земли от срединных областей почти по всей Британии, весьма часто тянутся на сто и более миль и, питая величайшие реки, впадают в море. Начиная от этой же области, в которой солнце поворачивает на запад, сам остальной остров равнинный и поэтому удобопроходимый. Чтобы часто набегавшие враги не вторгались в Британию, рвы укрепляются земляным валом наподобие высокой стены. Внутри край весьма богат плодородной землей, приятен прелестью садов и рощ, славен охотой на диких зверей, изобилует плодородными пастбищами для скота и лошадей. Умолчим о реках, богатых рыбой, ибо здесь эту область огибает морской залив, там через обширные болота, полные стоячих вод, которые простираются на две или три мили, протекает бесчисленное множество речек. Эти болота доставляют великому множеству монахов желанные убежища для уединенного жития, затворившись в которых отшельники не были лишены уединения; среди них безбрачные киновиты святого отца Бенедикта были тогда известны в тех местах.

3. Но вернемся к нашему рассказу: этой столь плодородной провинцией, которая, как мы сказали, называлась именем Эастэнгле, правил святейший и Богу любезный Эдмунд, происходивший из знатного рода старых саксов, с очень раннего возраста истинный последователь христианской веры.

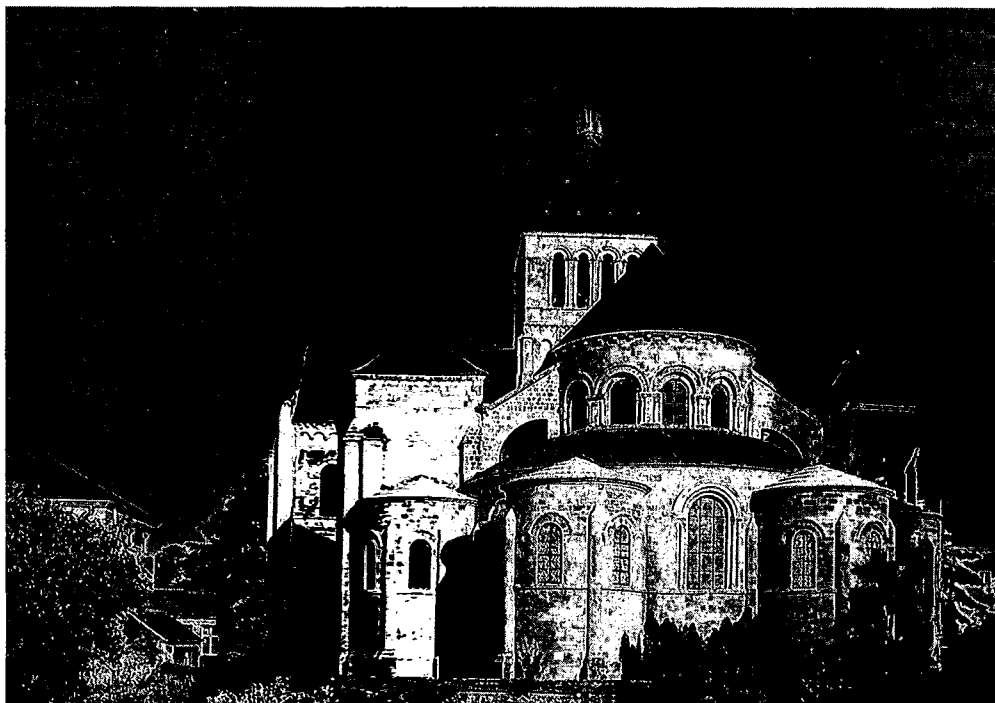

Нашествие викингов. Миниатюра из “Страдания св. Эдмунда”.
Geoffrey Barraclough. The Crucible of Europe.
Berkley and Los Angeles, 1976. P. 129

Произведенный на свет предками-королями, он не столько был избран по наследованию рода единоголосным одобрением всех жителей одной с ним области, сколько был захвачен ими, чтобы он возглавлял их со властью, как скиптродержец, так как его очень ценили за добрые обычаи. Ибо облик его, непрестанно украшаемый мирной преданностью безмятежного сердца, был достоин власти. Он говорил со всеми ласково и приветливо, был весьма славен благодатью смирения и, отличаясь среди своих ровесников удивительной кротостью, жил как повелитель без какого-либо презрения или гордости. И уже в своем облике святой муж предвосхищал то, что после было явлено Божественным велением, ибо тот, о мученическом конце которого предузнало Божественное Милосердие, еще отроком приложил все усилия, чтобы одолеть стезю добродетели.

4. Мы, чья речь менее богата, чем подобает, не можем рассказать, сколь велика была его благосклонность к подданным, сколь велика его суровость к злодеям, когда он достиг вершины власти. Поскольку он кротостью голубиной простоты так умерял хитрость змеиной находчивости, чтобы ни быть пойманным обманым притворством древнего врага, ни принимать мнения злых людей вопреки справедливости, и усерднейше исследовал дело, которое не знал; шествуя царским путем, не уклонялся направо, возносясь по причине заслуг, ни налево, уступая порокам человеческой немощи. Он был также, как подобало, кормильцем для нуждающихся, милостивейшим отцом сиротам и вдовам, всегда имея перед глазами речение того мудреца: “⟨Князем⟩ тебя поставили? Не возносись, будь между другими как один из них” [Сир 32, 1]. И когда он стал отличаться столь заметными украшениями, то есть добрыми делами, во Христе и в Церкви, враг рода человеческого, который тем сильнее завидовал праведным, что не имел стремления к доброй воле, приступил испытать его терпение, как и терпение святого Иова.

5. Потому диавол послал одного из противников Эдмунда, из своих припешников, чтобы тот, уничтожив повсюду все, что Эдмунд имел ранее, подстрекал, если сможет, к неповиновению, хотя этот богоотступник внешне был доброжелателен. Противника того звали Хингвар¹¹, который с другим столь же испорченным человеком, имя которого Хубба¹², попытался погубить все пределы Британии, если бы не воспрепятствовало ему Божие милосердие. Неудивительно, ибо они пришли, закаленные холодом своей злобы, с самой вершины земли, где свой престол расположил тот, кто чрез превозношение пожелал быть подобным Всевышнему. Ибо известно, по предсказанию пророка, что с севера приходит все зло, как правильно узнали, опрометчиво позволив противникам начать войну те, кто испытал на себе свирепость северных народов. Несомненно, что они до такой степени жестоки из-за врожденной злобности, что не умеют смягчаться, видя несчастья людей, так как некие из их народа питаются человеческой плотью и по причине такого деяния именуется по-гречески “антропофаги”. Весьма многие подобные народы во множестве обитают далее Скифии около Гиперборейских гор¹³, и, как мы читаем,

Флери. XI в. *Wenzler C., Champollion H. Eglises et cathedrales de la France Medievale.* P., 2006. P. 198

они последуют за антихристом прежде всех народов, чтобы без всякого со-
страдания наслаждаться мучениями людей, не захотевших напечатлеть на
челе знак зверя. Потому они уже не могут, беспокоя христиан, жить с ними в
мире; прежде всего это можно сказать о данах, живущих весьма близко к за-
падным областям, ибо они занимаются морским разбоем и частыми грабежа-
ми вблизи от этих краев. Из их рода и произошли, вышеназванные Хингвар
и Хубба, в первый раз пришедшие завоевывать Нортумбрийскую область¹⁴,
которые прошли всю ее безостановочно, принося ей тягостное опустошение.
Их весьма пагубным усилиям не мог сопротивляться никто из жителей об-
ласти, ибо это была заслуженная кара высшего гнева. Там действовал при-
служник нечестия Хубба, которого союзником своей жестокости Хингвар,
взяв добычу, оставил в этих местах, и, внезапно перейдя из северной части в
восточную, с великим флотом тайно пристал к некому городу этой области.
В то время как горожане не знали о его появлении, Хингвар вошел в город и
сжег его огнем, попавшихся ему навстречу на улицах города отроков, старцев
с детьми заколол и повелел отдать на позор женскую и девическую стыдли-
вость. Муж с супругой или мертвый, или умирающий лежал на пороге своего

дома, младенца, отнятого от груди матери, умерщвляли у нее на глазах, чтобы был больший плач. Нечестивый воин свирепствовал в опустошенном городе, страстно желая преступлений, чем мог угодить тирану, который только лишь из стремления к жестокости приказал, чтобы погибли невинные.

6. И когда Хингвар не столько насытил уже множеством убийств свое Ахименеево¹⁵ бешенство, сколько, утомившись, отложил на будущее, он призвал неких людей из простонародья, который почитал недостойными своего меча, и, как озабоченный изыскатель, постарался разузнать, где жил тогда их король. Ибо до него дошла молва о том, что этот славнейший король, а именно: Эдмунд был в расцвете лет и был во всем деятелен, имея крепкие силы для войны; и потому Хингвар поспешил в разных местах предать смерти тех, кого смог повсюду отыскать, чтобы король не смог ему сопротивляться, собрав дружину воинов для защиты своих подданных. В то время король пребывал далеко от города в поместье, которое на их языке называется Хэгилисдун (по которому тем же именем называется и соседний лес); нечестивец полагал, что истинное положение дел таково, что сколько воинов короля его оскверненный кровопролитием сотоварищ до этого привел к гибели, настолько меньше войска король соберет для ответного удара, если будет сеча. Хингвар также не дерзал оставлять флот без сильной руки, ибо, как у волков есть обычай вечерней порой тайно выходить на равнины и как можно скорее возвращаться в известные им лесные логова, так и у того же народа данов и аланов был обычай, в то время как они всегда стремились воевать, но никогда не сражались с врагом в назначенных битвах, если не предворяли бой хитростями, а когда они теряли надежду на победу, они возвращались в гавань на корабли.

7. Вот почему, проведя весьма много времени в поисках, Хингвар призвал одного из своих соратников, направил его, освободив его от беспокойства такого рода забот, к королю Эдмунду, чтобы он разведал, как тот воспринял, что делалось в его стране, и чтобы схватил короля неожиданно, даже заставил его подчиниться под пытками, если Эдмунд не захочет слушаться губительных приказов. Сам он, окруженный великой свитой, двинулся вслед медленным шагом и приказал вестнику нечестивого посольства, чтобы тот, ни о чем не беспокоясь и ничего не боясь, начал свою речь так: “Господин наш Хингвар, которого боятся земля и море, непобедимейший король, подчиняя себе оружием различные земли, пристал к желанному берегу этой области со многими кораблями, чтобы перезимовать здесь, и потому приказывает, чтобы ты разделил с ним древние сокровища и отеческие богатства и в будущем правил, подчинившись его власти. Если ты презришь его власть, опирающуюся на многие легионы, из-за своего неправильного решения будешь считаться недостойным как жизни, так и царства. И кто ты, если ты осмеливаешься дерзостно противоречить такой мощи? Натиск морской бури служит нашим веслам, не препятствует намерению стремиться вперед тем, кому ни ужасный гром с неба, ни частые удары молнии никогда не причиняли вреда, в то время как стихии нам благоприятствовали. Итак, приди со всеми своими поддан-

ными под власть этого величайшего правителя, которому служат стихии ради свойственной ему от рождения милости: ибо милосерднейший властитель умеет во всяком труде щадить подданных и одолевает гордых”.

8. Услышав это, святейший король восскорбел в глубокой печали сердца, и, призвав одного из своих епископов, который был из его доверенных лиц, попросил его посоветовать, что ему на это должно отвечать. И когда тот, боясь за жизнь короля, склонял его к согласию, ссылаясь на многие примеры, король, склонив голову и устремив взор в землю, недолго помолчал и отверз уста только таким образом: “О, епископ, мы будучи живыми, дошли до того, чего никогда не боялись! Вот, варварский пришелец, обнажив меч, грозит нашим земледельцам, и местный житель, некогда счастливый, безмолвствует, вздыхая и плача. И о если бы ныне, каждый из живых плакал, что не погиб в кровавой резне, и потому на милых нивах отчизны, даже если я умру, до сих пор оставшиеся в живых жили бы и после достигли прежней славы и счастья!” Епископ ему говорит: “Ты желаешь, чтобы кто-то остался в живых в отчизне, когда враждебный меч едва ли уже оставил кого-нибудь в целом городе! После того как секиры притупились о мертвые тела твоих подданных, тебя, оставленного без помощи, придут и повяжут. Потому, король, половина души моей, если не убережешься, прибегнув к бегству, или не защитишься, сдавшись в плен, сюда немедленно придут мучители, за ужасное подчинение которым ты заплатишь мучениями”. На это блаженнейший король говорит: “Вот чего я желаю, вот чему отдаю предпочтение перед всеми обетами: чтобы не пережить моих возлюбленных верных, которых с детьми и женами на ложе их, похищая их души, погубил грозный разбойник. А ты что предлагаешь? Чтобы в конце жизни, оставленный своей дружиной, я бегством бы нанес ущерб нашей славе? Я всегда избегал клеветы наушнического обвинения, никогда не претерпевал позора оставшихся воинов, потому что честью мне было бы погибнуть за отчизну; и ныне по своей воле я буду сам себе предатель, ибо мне по причине утраты дорогих мне людей сам свет дневной отвратителен. Да будет мне свидетелем Всемогущий Судия всяческих, что меня ни живого, ни мертвого ничто не отделит от любви Христовой, ибо в исповедании крещения я принял кольцо веры в Спасителя, отрицаясь сатаны и всего блеска его. Вследствие этого отречения мне выпадает на долю в третий раз удостоиться освящения во славу и хвалу Вечной Троицы, приняв ради кратчайшего пути к вечной жизни помазание священной хрисмы. Во-первых, это случилось, когда я принял крестильное платье Спасительной Купели; во-вторых, чрез подтверждение, явленное бóльшим знаком предстоятельской власти, в-третьих, когда я воспользовался властью этого преходящего царства, благодаря вашему и всего народа общему крику одобрения. И так, трижды орошенный помазанием таинственного освящения, я решил скорее принести пользу государству англоv, чем управлять им, не желая склонить шею ни под какое иное иго, кроме служения Господу. Ныне лукавый с притворным благоволением протягивает мышеловку своей хитрости, при помощи кото-

рой он решает уловить, как сеть, раба Христова, особенно, когда обещает то, что нам уже даровала Вышняя Щедрость. Он дарует жизнь, которой я еще не лишен, обещает королевство, которым я владею, весьма желает принести богатства, в которых я не нуждаюсь. Неужели из-за этого ныне я начну служить двум господам, я, в присутствии своих приближенных давший обет жить только под властью Христа?”

9. Тогда, обернувшись к вестнику, который был прислан к нему от нечестивейшего Хингвара, чтобы беседовать об условиях королевства, Эдмунд сказал: “Орошенный кровью моих подданных, ты достоин смертной казни; но, открыто следуя Христу, Который является для меня примером, не желаю осквернить чистые руки. Если таковое мне выпадет на долю, я охотно готов умереть за Имя Его от ваших стрел. Потому, быстро отправляйся назад и сообщи как можно скорее такой ответ: “Ты, сын дьявола, хорошо подражаешь отцу своему, который, гордясь, надмевался и пал с неба, и, весьма желая своей ложью очернить человеческий род, очень многих сделал подвластными своей муке. Ты, его последователь, не имеешь столько сил, чтобы угрозами меня напугать, или, обольстив, обмануть вкрадчивыми соблазнами погибели, думая, что найдешь меня не вооруженным повелениями Христа. Пусть твоя ненасытная алчность возьмет и истребит сокровища и богатства, которые нам до сего времени даровал Благословенный Бог; если даже ты уничтожишь это брэнное и немощное тело, как глиняный сосуд, никогда, хотя бы на мгновение, тебе не подчинится истинно свободный дух. Ибо больше чести защищать вечную свободу если не оружием, то хотя бы смертельными ранами, чем, потеряв, требовать ее обратно со слезными стенаниями; ибо, с одной стороны, славно умереть, с другой же, противопоставляется тому неповиновение невольника. Конечно, невольник принял все условия господина, а принятые условия приличествует сохранять. Если невольник отвергает условия, сколь угодно непосильные, он, виновный в оскорблении своего господина, присуждается к наказаниям, невольнику подобающим. Но да будет так: тяжел обычай этого служения, и тяжелее уязвление, которое обычно происходит от несчастья такого рода. Как знают те, кто часто принимал участие в судах, определенно, что следствие, к которому приводят противоречащие друг другу выводы, таково: если добиваются свободы, то, без сомнения, своим пренебрежением наносят оскорбление Господу. Потому или по своей воле, или против желания мой свободный дух, незапятнанный никаким видом отречения от Божественной власти или отчуждения от нее, возлетит из своей темницы к небу: ибо ты, дан, никогда не увидишь, чтобы король, потерявший свои права и свободы, пережил твою победу. Ты убеждаешь меня и предлагаешь мне надежду на царствование, убив всех моих, как если бы я столь страстно желал править, что хотел бы быть главой домам, лишенным благородного обитателя и драгоценной утвари. Пусть твоя свирепая жестокость завершит то, что начала, пусть, убив слуг, свергнет с престола короля, волочит его по земле, изгонит, убьет его ударами кулаков и, наконец, зарежет. Царь царей

Флери. Вход в монастырский собор. 1020 г.

Wenzler C., Champollion H. Eglises et Cathedrales de la France Medievale.
P., 2006. P. 199

Флери. Крипта собора. XI в.
Ch. Brooke The Monastic World. N.Y., 1974. P. 41

видит это, сострадая, и, как верю, перенесет меня в вечную жизнь, чтобы я с Ним правил. Потому знай, что ради любви к преходящей жизни христианской король Эдмунд не подчинится языческому вождю, если прежде ты не примешь нашу веру, более желая стать знаменосцем в военных лагерях Предвечного Царя”.

10. Едва святой муж закончил свою речь, воин направил свои стопы домой, чтобы доложить о беседе с королем, и вот, Хингвар, ехавший ему навстречу, приказывает, чтобы тот кратко сообщил ему все малейшие секреты короля. В то время как он их излагал, тиран приказал всей своей дружине, чтобы дворец был окружен и чтобы в нем был задержан один лишь король, которого по своим законам Хингвар уже признал мятежником¹⁶. После этого при помощи оружия святой король Эдмунд был схвачен во дворце, как последователь Христа; его крепко связывают, опутав крепкими узами и, невинного, приводят к нечестивому вождю, словно Христа к наместнику Пилату, ибо он желал идти по стопам Того, Кто за нас принесен был в жертву¹⁷. Так Эдмунда, заключенного в оковы, подвергают всяческому осмеянию и, наконец, жестоко избитого палками, приводят к дереву, стоящему поблизости. Привязав его к дереву, в течение весьма долгого времени его жесточайше угнетают ударами плетью, но не могут победить того, кто жалостным голосом беспрестанно призывает Христа. И потому противники, разъярившись, словно в знак

посмеяния, все его тело пронзили стрелами, увеличивая жестокость пытки частыми ударами дротиков, так что раны накладываются на раны, ибо дротиками наносили удар за ударом. И получилось, что, окруженный тьмой стрел, пронзенный их остриями со всех сторон, он оцетинился, содрогаясь, словно колючий ёж или шершавый от колючек чертополох, уподобившись в страдании славному мученику Себастиану¹⁸. И когда негодяй Хингвар увидел, что Эдмунд и так не поддается разбойникам, а непрерывно призывает Христа, он немедленно приказал палачу, отрубить королю голову. Палач оторвал от дерева полумертвого и обагреного кровью Эдмунда, в охладевшей груди которого до сих пор еще дрожало тепло жизни, так что он едва мог сопротивляться. Отведя короля от дерева, он прежде ободрал ему бока, как если бы король был повешен на дыбе или жестоко терзаем когтями, и приказал поднять его голову, всегда славившуюся королевской диадемой. И кротчайший Эдмунд стоял, как овен, избранный из всего стада, желая блаженной куплей отдать жизнь за мир сей. Он, заботясь о Божиих благодеяниях, уже подкреплялся видением внутреннего света, которым, находясь на поприще борьбы, желал насытиться более полно; потом, в то время как он молился, палач схватил короткий меч и, одним ударом отрубив ему голову, лишил его жизни. Итак, в 12-ый день декабрьских календ¹⁹ король и мученик Эдмунд, испытанный в огне страдания, приятнейшая Богу жертва всесожжения, с пальмовой ветвью победы и в венце праведности вошел в сенат Небесной Курии.

11. Таковым исходом король претерпел крестную муку, которую он непрерывно переносил во плоти своей, идя по стопам Господа своего Христа. Господь, незапятнанный преступлениями, у столба, к которому был привязан, не за Себя, но за нас оставил Кровью знаки Своих бичеваний; Эдмунд претерпел сходные муки у обагреного кровью дерева, чтобы достигнуть неувядающей славы. Благодетельнейший Господь, непорочный в жизни, чтобы очистить пороки наших злодеяний, принял в ладони и ступни жестокую муку чудовищных гвоздей; Эдмунд ради любви к имени Господню терпеливо упорствовал в исповедании веры всем телом, тяжко исколотый стрелами и полностью растерзанный свирепостью мучений. Получив смертный приговор, он исповедал веру до конца. Оставив тело короля Эдмунда, изувеченное таким образом и растерзанное остриями, даны, служители диавола, вместе со своим вождем главу святого, которую не масло грешника, но святыня несомненного Таинства умастила, унесли в лес, имя которому Хэглесдун, и забросили ее далеко, в густые кусты терновника. Они старались в особенности, чтобы не допустить положенного погребения христианами, которых осталось совсем немного, священнейшего тела мученика вместе с его главой.

При этом столь ужасном зрелище присутствовал, спрятавшись, один человек нашей веры, которого Божественное провидение, спасши, сохранило, как верим, от языческих мечей для того, чтобы показать, где искать святыню, хотя он вообще достоверно не знал, что было сделано со главой мученика, кроме того, что видел, как истязатели-даны устремились с нею в глубь леса.

12. Поэтому, как только хотя бы в некоторой степени был возвращен церквям мир, христиане начали выходить из потаенных мест, прилагая много усилий к розыскам главы своего короля и мученика, чтобы, найдя ее, соединить с остальным телом и похоронить по возможности с достойной почестью. Когда язычники ушли, предав опустошению всю местность, это святейшее тело, до сих пор лежавшее под открытым небом, быстро отыскали на том же поле, где король погиб, завершив свой поединок. Ради памяти о прежних благодеяниях короля и о его врожденном милосердии народ, никем не принуждаемый, сходясь в печали духа отовсюду, обнаружил с тяжкой скорбью, что недостает части его тела. Вышняя Милость вдохновила их души, после чего они выслушали того, кто, как сказано, был свидетелем страшного зрелища, и потом, собрав весьма большую толпу, стали искать повсюду в бездорожье лесов, не случится ли им прийти к тому месту, где лежит глава святого мужа. Ибо всем разумным людям было совершенно понятно, что приверженцы чуждого верования из зависти к нашей вере унесли главу мученика и бросили в чаше, но не просто так, а или забросав дерном, или оставив на съедение птицам и зверям. И тогда все посоветовались и единодушно решили, что каждый будет подавать знак тягучими звуками труб или рогов с тем, чтобы, обходя местность во всех направлениях, голосами или этими звуками труб дать понять друг другу, что они не возвращаются туда, где уже были, или чтобы не пропустить какого-либо места, где они еще не проезжали. А после того произошло неслыханное в веках дело, о котором удивительно рассказывать, а именно: глава святого короля, далеко унесенная от своего тела, внезапно подала голос, который зазвучал при отсутствии жил и артерий груди. В то время как многие, словно исполняя обязанность гробовщиков, шаг за шагом осматривали чашу и уже могли слышать речь друг друга, то голосам поочередно друг друга окликающим и попеременно кричащим: “Где ты?” глава восклицала, указывая место свое, на родном языке: “Her, her, her!”, что в переводе на латинский язык означает “Здесь, здесь, здесь!”. И она не переставала восклицать, повторяя одно и то же до тех пор, пока не привела всех к себе. Плектр мертвого языка дрожал, двигаясь в глотке, показывая на себе чудеса Рожденного Словом, Который ревушей ослице вложил человеческие слова, чтобы та порицала неразумие пророка²⁰. Творец вещей прибавил к этому чуду другое, даровав небесному сокровищу необычного стража. А именно, по милосердию Божию, в том месте обнаружили огромного волка, который лежал на земле, обхватив лапами священную главу и охраняя останки мученика; улегшись так, он не позволял никому из зверей причинить ей вред и, прямо на земле простершись, забыв голод, внимательно сберегал ее в неприкосновенности. Увидев это, собравшиеся люди поразились и посчитали блаженного короля и мученика Эдмунда подобным тому “мужу желаний”²¹, который, будучи невредимым среди пастей голодных львов, презрел угрозы злоумышляющих.

13. Признав с единодушным благоговением, что они нашли эту бесценную жемчужину, они, пролив от радости ливни слез, принесли ее к телу, благослов-

ляя Бога в гимнах и хвалах, и волк, страж и хранитель тех мошей, следовал за ними вплоть до места погребения. Он следовал за ними по пятам и, словно бы плача о потерянной святыне, никому даже он, злобный, не причинил вреда, ни к кому не был беспощадным и после невредимым возвратился в известное убежище любезного ему уединения; в этих местах волк столь ужасного вида больше не появлялся. Когда зверь, наконец, ушел, те, кому это было поручено, с высшим усердием и всяческой бережностью приспособив голову к святому телу, сообразно с обстоятельствами предали, соединив вместе, и то и другое достойной гробнице. В ней святой король Эдмунд еще много лет покоился в земле, ибо после над гробницей была построена скромного вида базилика. Когда окончательно успокоились пожары войны и буря преследований, религиозное благочестие христиан, выбравшись из тягот испытаний, начало приходить в себя. Тогда благочестивые христиане нашли благоприятное время и многообразно выразили на деле ту преданность и любовь, которую они испытывали по отношению к блаженнейшему королю и мученику. Ибо этот же святой, покоясь в крипте под освященным зданием, более похожим на бедную хижину, являл частыми знаменами чудес, сколь велики перед Богом были его заслуги. Побужденные чудесами, жители этой же провинции, не только простолюдины, но и знатные мужи, в королевском поместье, которое называется на языке англов “Бедрикесйеорд”²², а по-латыни “Бедрицикуртис”, выстроили большую церковь, отделанную замечательной деревянной обшивкой, куда перенесли св. Эдмунда, как и подобало, с великой славой.

14. Но, – удивительно молвить!, – хотя все полагали, что это драгоценное тело мученика подверглось тлению, поскольку прошло весьма много времени, оно было обнаружено целым и невредимым, так что не только оказалось, что было восстановлено соединение тела и головы, но вообще на теле не обнаружилось никаких ран и никаких рубцов. И так с почтением Эдмунд, кого должно называть святым королем и мучеником, невредимый и на вид, как живой, переносится в вышеназванное место, где до сих пор в том же виде ожидает обещанных радостей блаженного воскресения. Только на шее его алеет один рубец, словно красная нить, в знак мученичества, как имела свидетельствовать не раз некая блаженной памяти женщина, которой было дано имя Освен. Незадолго до наших теперешних времен она провела много лет у его священной могилы, предаваясь бдениям и постам. Эта досточтимая женщина имела обычай, который она получила или в Божественном откровении, или по причине необыкновенной преданности святому, а именно: ежегодно в день Тайной Вечери, открыв гробницу, она постригала ему волосы и обрезывала ногти. Усердно собирая все и складывая в шкатулочку, она почитала эти реликвии в течение всей своей жизни с достойной удивления любовью, возложив на алтарь этой же церкви, где до сих пор они сохраняются с должным почитанием.

15. Блаженной же памяти Теодред, благочестивый епископ этой области, который за замечательные заслуги свои прозывался Добрым²³, узнал таким

образом то, что мы сказали о нетлении мощей святого короля. Тогда, как мы взялись рассказывать, многие благочестивые люди приносили в вышеназванное место, достойное погребения мученика, драгоценнейшие дары и украшения из золота и серебра, но некие злоумышленники, не помнящие никакого добра, в ночной тишине приступили, чтобы вломиться в эту базилику, намереваясь учинить там грабеж. А было их восемь, решивших без всякого почтения к святому удовлетворить намерение своего безумия и тайно похитить все, что бы ни нашли для себя полезного внутри монастырской ограды. Потому, взяв всевозможные устройства и приспособления, чтобы достигнуть своей цели, однажды ночью они отправились на заранее обдуманное злодеяние. Они оказались в атриум церкви и уже приступают к своему нечестивому замыслу, действуя в разных местах: один из них приставил лестницу к дверям, чтобы, выставив окно, залезть внутрь; другой, взяв напильник или ремесленный молоток, занялся засовом; остальные мотыгами и кирками начали подкапывать стены. И пока они, каждый по отдельности, распределив труд, изо всех сил трудились, святой мученик их повязал прямо на месте, так что они не могли ни ноги сдвинуть, ни прекратить то занятие, за которое взялись; но один со своей лестницей повис высоко в воздухе, а другой, землекоп, остался наклоненным, – тот, кто тайком пришел на это дело, оказался на глазах у всех. Тем временем один из служителей, который находился внутри базилики, пробужденный ото сна, неожиданно упал с ложа. Власть мученика удержала его своим усилием, чтобы он не помешал совершению его чудес, и звук частых ударов и шума не дошел до ушей стража, находящегося внутри. Но что говорить, что он не мог подняться, если он не мог и слова вымолвить? Наконец, утром, люди крепко повязали воров, до сих пор там оставшихся и схваченных на месте злодеяния, и, наконец, отдали на суд вышесказанному епископу Теодреду. Он быстро вынес приговор и после во все время своей жизни раскаивался из-за того, что он его вынес. Ибо приказал повесить их на виселице всех вместе, потому что дерзнули тайно войти в атриум святого мученика, не вспомнив, что Господь чрез пророка увещает: “Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?” [Притч 24, 11], а также пророка Елисея, который отпустил восвояси разбойников из Самарии, накормив хлебом и водой, и сказал царю, хотевшему немедленно убить их, что он не захватил их своим мечом и луком; а еще предписание Апостола, в котором сказано: “А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляйте своими судьями ничего не значащих в церкви” [1 Кор 6, 4]. Потому суждение канонов запрещает, чтобы какой-нибудь епископ или кто-нибудь из клира исполнял обязанность обвинителя, ибо совершенно не приличествует служителям Небесной Жизни подавать согласие на смерть какого-нибудь человека. По этой причине вышеназванный епископ, опомнившись, тяжело сокрушался и долго предавался горьким рыданиям, наложив на себя епитимью. Когда, наконец, епитимья была исполнена, Теодред повелел объявить свой приказ жителям своей диоцезы, и, объявив, призвал их, призвав же, смиренно уговаривал,

чтобы они трехдневным постом отвратили от себя гнев Божий и, затем позволили бы ему, Теодреду, удалиться от них до тех пор, пока Господь, умиротворенный приношением в жертву сокрушенного духа, не дарует ему Свою милость, чтобы он дерзнул коснуться тела блаженного мученика и омыть мощи того, кто сохранился в жалкой и не подобающей ему гробнице, хотя столь великими добродетелями процвел в мире; и это было сделано. И так он, как уже мы рассказывали, обнаружил тело святейшего короля, прежде растерзанное и изувеченное, целым и нетленным, он прикоснулся к нему, омыл его и снова, облаченное в новые и лучшие одежды, положил в деревянный ковчег, благословляя Бога, Который дивен во святых Своих и славен во всех делах Своих.

16. Не лишне будет еще рассказать об одном муже, обладающем немалой властью, по имени Леофстан. Не привыкший обуздывать порывы юного возраста, он дерзнул забавы ради на столь бесчестное дело, что потребовал, пользуясь своим влиянием и исключительной властью, чтобы ему открыли и показали тело великого мученика. И хотя многие удерживали его, в особенности, те, кто был ему верен, но его повеление возобладало, так как все опасались его, кичившегося своей знатностью. Когда ковчег с мощами был открыт, Леофстан стал подле, взглянул, и в тот же миг впал в безумие – его “предал Бог превратному уму” [Рим 1, 28]; тем наказанием юноша получил урок, ибо дерзнул сделать то, что было запрещено.

Услышав об этом, отец его, муж, в полной мере благочестивый, имя которому было Эльфгар, ужаснулся позорнейшему деянию и принес мученику благодарение, а сына от себя удалил. В конце концов, дойдя до крайней бедности Леофстан, по суду Божию, окончил жизнь, съеденный червями. И так святой король и мученик Эдмунд дал всем понять, что он не менее славен заслугами, чем блаженный диакон и мученик Лаврентий – на чье тело, как рассказывает блаженный папа Григорий, некие люди (были ли они достойными, или нет), желая поднять его, взглянули, и случилось, что семеро из них прямо на месте внезапно умерли. О, сколь великого благоговения достойно было это место, где пребывал, будто спящий, свидетель Христов! Рассказывали, что в этом месте происходят и происходили такие чудеса, о каких в то время у англоv никогда в другом месте мы не слышали! Из стремления к краткости я обхожу их молчанием, чтобы не навлечь на праведника оскорблений от какого-нибудь гордеца, и полагаю, что достаточно тех чудес тем, кто страстно желает покровительства этого мученика и никого, кроме Бога, ему не предпочитают. О святом Эдмунде, как и о всех других святых, уже со Христом царствующих, известно, что, хотя его душа пребывает в Небесной славе, она, посещая место своего упокоения и днем, и ночью, не далеко отстоит от тела, вместе с которым она заслужила те радости блаженного бессмертия, которыми уже наслаждается. Ибо когда в Вечной Отчизне с душой святых соединяется Господь, Сущий повсюду, от Него святой получает все, что может получить и что желает, кроме лишь одного того, о чем он всегда и неустанно жаждал, – при воскресении мертвых быть облеченным в одеяние измененной

плоти; ибо тогда блаженство святых будет совершенно и полно, когда они по щедрости Христовой этого достигнут.

17. Впрочем, о высоте святости этого мученика в жизни сей, можно судить по тому, что умершая плоть его уже явила в некотором смысле славу [телесного] воскресения своей неповрежденностью. Поскольку Отцы Вселенской Церкви при перечислении ликов святых тех, кому даруется сей дар, прославляют по обретенному ими праву личного целомудрия, полагая, что по справедливому воздаянию Божию даже здесь уже вкушают радость от неповрежденности, вопреки обычаю плоти те, кто до смерти своей сохраняют его даже в суровом преследовании и мученичестве. Есть ли что большее в любви веры Христианской, чем человеку достигнуть по благодати того, что ангел имеет по природе? Потому Божественное предсказание обещает, как некий особенный дар, что “девственники следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел” [Откр 14, 4]. Итак, следует размыслить, кто был этот вот святой муж, который на вершине правления, среди стольких богатств и роскоши века сего, победив буйство собственной плоти, стремился одержать победу, что открыто показала его нетленная плоть. Оставаясь по уделу человеческому в плотском плену, такие люди стараются сохранить для Господа ту чистоту, которая Ему угодна в вечности, как являют их нетленные члены, и если не могут угодить девственным цветом стыдливости, по крайней мере, отягощают себя умерщвлением плотских желаний. Так как если это невидимое и не имеющее места присутствие святой души оскорбляется иногда нечистотой служащих, должно бояться страшных и грозных слов пророка: “Будет злодействовать в земле правых, и не будет взирать на величие Господа” [Ис 26, 10]. Ужасом этого речения побуждаемые, испросим и мы заступничества святого короля и мученика Эдмунда, чтобы он очистил нас, как достойно ему служащих, от грехов, по которым мы заслуживаем наказания, чрез Того, Кто живет и Царствует во веки веков. Аминь.

Послания

*Послание к Мицианским монахам*²⁴

Управитель флерийцев приветствует в Господе братией мицианских, в особенности их главу Константина.

В то время как любовь есть благо-желательность, удивительно мне, что вы не постыдились открыто показать, что вы лишены такого блага. Вы признаетесь прямо в своей зло-желательности не столько на словах, сколько самими теми письмами, которые вы направили нашим братьям; этого вы особенно не должны были делать. Ибо их благоволение неохотно принимает тех, кто одобряет преступления, предаёт обвиняемых, обвиняет братьев, в особенности, если обвиненный изгнан, если его отказываются выслушивать, в то время как написано, что никто в свое отсутствие не может быть осужден. Прямо

заявляю, своими восхвалениями вы желали запятнать вместе с собою и наших братьев и присоединить их, как если бы они были с вами связаны, одобряли вашу клевету, были судьями унижения, предстоятелями обвинения. Истинно, до какой степени такого рода пагуба им чужда, свидетельствует ничтожный писец Фредерик, который за лживые свои вымыслы, и за невероятные истории о никогда не бывших пороках его братьев, ныне живет в изгнании в Иерусалиме. Также и выдающийся в нашем образе жизни управитель Клюнийцев Одилон²⁵, совсем недавно обнаружив у себя подобных “историографов”, высек их плетью и, изгнав из своего монастыря, страшно заклеил железом отсечения. Должны же христиане гнать вон “*сатерриков*”²⁶, которых даже язычники преследовали; множество этих *сатерриков* народилось ныне, – да истребит их из мира поднебесного милосердная благодать Божия! Да и ересь акефалов²⁷, которая недавно возникла, должна быть осуждена вместе с *саттеррами*; так как они без головы властвуют, без духовного отца, а своих братьев растерзывают вопреки законам человеческого и Божиим, кусаясь, проповедуют мир, хотя ни один род звериный не обращает свою свирепость на себе подобных, а только на других животных, отличных от себя. А потому, вспомнив о своем монашеском житии, возвратитесь сами к себе; вспомните, какой обет принесли вы пред Богом и святыми Его; пожелайте, чтобы настоятель, которого вы изгнали с одной овечкой, главенствовал над вами по уставу; по его суждению простите провинности братьев ваших, и, если вам не угодно правило Бенедикта, законодателя монахов, пусть, по крайней мере, будет вам угодно речение Апостола: “Кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он или падает; и будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его” [Рим 14, 4]. Наконец, если заносите на пастыря руку порицания, знайте, что ответом вам пример Пастыря пастырей Иисуса Христа, Которому и следует подражать; вас Он оставил в горах как ни в чем не нуждающихся, и ищет одну заблудившуюся овцу, чтобы возвратить ее в стадо. Я полагаю весьма тяжким в вашем мятеже также и то, что благосклонность господина Фулькона, епископа Орлеанского, к вашему настоятелю вашими усилиями переменялась на раздражение, и даже своим наущением вы склонили епископа к немилости, вооружили против невинного вопреки канонам. Я признаю настоятеля вашего невинным потому, что он, по его заверению, имеет чистую совесть, пытается ответить на упреки, признает, что кто-то из вас некогда это подслушал; потому заключаем, что зависть диавола, которой “вошла в мир смерть” [Прем 2, 24], снедает душу злоумышляющих против стада, так как обвиненному не дают возможности для защиты, что до сих пор в Кафолической Церкви никому не было позволено.

Наконец, ныне слово обращается к тебе, некогда мне близкий Летальд²⁸, чьи выдающиеся знания в другое время я, в малости своей, весьма ценю и готов превозносить высшей похвалою. Зачем твоя мудрость приняла участие в том, чтобы разрушать жизнь одного несчастного, указывать на пороки, которых не было, одного слабого человеческого создания, когда написано, что мудрый не совершает того, в чем должно каяться²⁹? Но, быть может, в твоих

деяниях каяться не нужно. Однако кто же тогда с такой охотой принял на себя служение дьявола, чтобы указывать на людские пороки, сидеть “в собрании развратителей” [Пс 1, 1] и тем самым устраивать сборища злоумышленников? Увещаю и заклинаю, дражайший, припомни свою немощь, проникнись глубоким милосердием, своих же братьев “обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием” [2 Тим 4, 2], но так, конечно же, чтобы увещевание не довело до отчаяния, а долготерпение не поддалось труту³⁰ пороков. Ведь ты будешь назван главой этого тайного сговора: ты, что и сказать грешно, дерзко присвоил служение господина Ротберта, твоего настоятеля, и не устрасился кары доносчику. Да дарует всемогущий Бог, чтобы ты вновь, выпутавшись из всех зол без смуты и мятежа, обрел единомыслие и с отцом и с братьями. Будь здоров.

*Послание к Одилону*³¹

Одилону, замечательному благодатью Божией отцу Ключице, любящий любящих Христа Аббон, управитель флорийцев, желает спасения в Господе. Когда я отправился в Васконию³², чтобы научать монашескому житию, случилось мне попасть в монастырь святого мученика Киприана, расположенный в пригороде славнейшего города Пиктавийского³³; когда же я узнал, что этот монастырь подчинен Вашей власти, то решил, что и нашей, поскольку у друзей все общее, как говорит пословица. По этой причине меня весьма опечалила молва, распространявшаяся в то время повсюду. Опровергая слухи по очереди, я весьма скорбел о Вас, ибо дьявольская зависть подкрадывается к мужам нашего образа жизни чрез тех, кто не послушен уставу, и потому называемые монахами, становятся, уподобляясь сатирикам, обвинителями братьев, подстрекателями пороков и разрушают змеиными зубами недра Матери Церкви. Необходимо удерживаться от их безумия, досточтимый отче, чтобы не обесценились драгоценные камни святителя, поскольку уже во многих охладевает любовь³⁴, и дурные люди, носящие монашеские одежды, объединяются друг с другом ради взаимной помощи и общих замыслов, как написано о чешуйках брони Левиафана³⁵, “из каковых одно к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними” [Иов 41, 8]. Доносчики же по мирским законам караются смертью. С каковым безрассудством дерзают несчастные открывать уста на умерщвление братьев, на злословие ближнего, беря на себя служение предателя, – те, чья обязанность в нашем житии умалчивать даже и о делах добрых? Возлюбленный, в благоразумии своем остерегайся лукавства тех, кто уязвляет скромную жизнь добрых людей и при этом, словно волк под овечьей шкурой, проповедует мир. Когда это слышано, чтобы монахи и священники Господни осуждались по обвинению блудницы? Какой монах, ссылаясь на авторитет отцов, настоятеля своего принуждал идти на светский суд? Какой из клириков или епископов выносил приговор в суде? Прямо заявляю, что такого рода дерзость должна обуздываться со всей суровостью; ибо, как сказано всем известным законодателем монашеского жития Бенедиктом, тот монах, который пренебрег своим правилом жизни, свой или

чужой грех должен был поведать лишь настоятелю или духовному из старцев, а не раскрывать и не оглашать на площадях, ибо не вам дана власть произносить суд над вашими братьями, когда она вручена Другому. Наконец, так как при обвинении в грехе, по свидетельству Григория Великого, одни, суть обвинители, другие – свидетели, третьи – судьи; сделай так, муж благоразумнейший, чтобы возрадовался невинный, избавленный от обвинения, а безрассудный обвинитель почувствовал себя виноватым, дабы не смеялся он над мучениями невинных. Будь здоров.

Послание Льву, настоятелю монастыря св. Бонифация³⁶ в Риме

Господину Льву, возлюбленнейшему из возлюбленных, авве обители св. Бонифация, дивным образом прогремевшему повсюду своим первенством в красноречии, прославленному заслугами жизни и учением премудрости, Аббон, смиренный настоятель Флерийской киновии желает, чтобы Дух Господень, Который исполнил круг земной, исполнил бы и его самого знание и понимание.

Когда любовь, скрепляющая завершения дела, в то время как мы оба находились в области Ремов, соединила наши речи в частных беседах, то из Ваших молниевидных уст и в присутствии других, и со мною наедине лились в благом рвении столь обильные потоки красноречия, столь многие соты изливали мед Священного Писания, что мне ничего не оставалось, как воскликнуть: “благодать излилась из уст Твоих; посему благословил Тебя Бог навеки” [Пс 44, 3]. Итак, в изумлении слушая, как подобно молниям сыпались, хлесткие удары, я был принужден в дальнейшем открыто признать, что Вы – гром Святого Духа, сошедшего на апостолов в виде огненных языков, и что Дух Святой, благодатный семью дарами, достойно наделил еще и Вас пылающим огненным мечом для изгнания нечестивых из храма Своего. В таком случае, напрягши очи души своей, я пожелал наконец узреть орлиным взором солнечные лучи Вашего красноречия; и как говорит священнописец: “Брат, помогающий брату, подобен укрепленному городу” – [Притч 18, 17, пер. наш. – М.Н.], я понял, что для Вас, если Вам будет угодно, навечно я стану посохом крепкой помощи и столпом неразделимой дружбы. Ради этого преклоняю колена свои к Отцу, чтобы дал Вам чрез Господа нашего Иисуса Христа ощутить то же желание, чтобы соты уст Ваших истекали медом в воспоминание о нас на вечные веки. Среди дружеских сокровенных бесед Ваше Великолепие источило слуху нашему одно желание, которое, если Богу будет угодно, я постараюсь исполнить не менее, чем желаю обрести по обету вечную жизнь. Вы попросили отправить Вам частицы драгоценных мощей св. отца Бенедикта, ибо у нас, несомненно, хранятся его святейшие мощи, а вы имеете ревностное желание в его честь построить часовню, и Вы обещали также нам прислать взамен частички мощей св. Бонифация или от святых членов иных святых. Кроме того, Ваша несравненная доброта прибавила, что, если какая-либо нужда в домашних делах понудила бы нас укреп-

пить наши права апостолическим посланием от Римской власти, Вы во всем и во всех отношениях будете нам вернейшим сотрудником. Я дал обет привести все это в исполнение, когда я со смирением прибыл к славным останкам князя Апостолов, но – увы, о скорбь! – неожиданно нашел Римскую Церковь овдовевшей и лишенной достойного пастыря. Я открыто скажу, что Ваше отсутствие на меня столь пагубно подействовало, сколь обыкновенно отсутствие курицы действует на цыпленка, громко жалующегося осипшим голосом, что его насильно унесли от единственной защиты – его матери. А недавно я услышал весть, которая меня обрадовала больше злата и топазов, что апостолическая диадема была возложена на некоего мужа императорской крови, всего состоящего из добродетелей и мудрости. Ваше же возвращение возгремело уму нашему, словно невыразимая гармоническая музыка возвращенного Рая. Итак, ныне, поскольку мы словно побеседовали друг с другом и это послание находится пред Вашим взором, да будет Вам угодно выслушать этих монахов св. отца Бенедикта и услышанное привести в исполнение, как вы обещали с высшей верой и преданностью. Пусть Тот же Самый Дух, вдохновивший цветом всего красноречия Григория, вдохновит и этого досточтимого апостолического папу Своей Святой Римской Церкви и Вам дарует, чтобы Вы были ему самым любезным из всех приближенных, для вящего укрепления пошатнувшейся апостолической власти. Будьте здоровы.

¹ См. «Герберт Орильякский» в наст. изд.

² См. «Одилон Ключинский» в наст. изд.

³ См. «Житие св. Дунстана» в наст. изд.

⁴ Эдмунд Мученик (841–869) – король Восточной Англии с 855 г.

⁵ *Дороберн* – ныне Дувр, т.е. Кентерберийская диоцеза.

⁶ См. «Житие св. Дунстана» в наст. изд.

⁷ Рочестерская дицеза.

⁸ Ныне Мальмсбери.

⁹ *Св. Катберт* (ок. 635–687) – епископ Линдисфарнский, один из трех наиболее почитаемых святых на севере Англии наряду со св. Айданом и св. Бедой Досточтимым.

¹⁰ То есть Восточная Англия.

¹¹ *Ивар. Рагнарссон* (ум. ок. 873 г.) – язычник, предводитель датских викингов, по преданию, берсерк, возглавивший вместе со своими братьями Халфданом и Уббе (Хубба) войско, которое англосаксонские хронисты называли Великим Языческим, или Датским, Войском, и вторгшийся в Восточную Англию в 865 г. Прозван он был Хромым.

¹² *Уббе Рагнарссон* (ум. в 878 г.) – брат Ивара Рагнарссона, один из предводителей Великого Языческого Войска при нападении на Восточную Англию в 870-х годах, погиб в битве при Кинвите в Соммерсете.

¹³ То есть, по античным представлениям, в северных областях Европы, на краю цивилизованного мира. Гиперборейскими горами предположительно считали северный Урал, а также сопки на Кольском полуострове, в районе Сейдозера.

¹⁴ Область в Англии к северу от р. Хамбер.

¹⁵ Аббон уподобляет Хингвара, возглавлявшего большое войско, персу Ахемену. *Ахемен* (ум. в 675 г. до н.э.) – основатель династии Ахеменидов, создавших первую из персидских империй, куда входили обширные земли от Греции и Ливии до Индии. Эта империя просуществовала около 300 лет.

¹⁶ *Св. Эдмунд* был схвачен в местечке Хоун (Суффолк).

- ¹⁷ Место мученичества св. Эдмунда – Брэдфилд Сент-Клэр, ныне деревня в окрестностях города Бэри Сент-Эдмундс (Суффолк).
- ¹⁸ *Св. Себастиан* (ум. ок. 300) – римский мученик, пострадавший во время Диоклетиановых гонений. Его расстреляли из луков.
- ¹⁹ Память 20 ноября.
- ²⁰ Имеется в виду заговорившая, по воле Бога, ослица прорицателя Валаама (см. Чис 22, 21–33).
- ²¹ Библейский пророк Даниил был так назван архангелом Гавриилом, явившимся ему в видении (см. кн. Дан 9, 21–23; 10 11–19).
- ²² Ныне Бэри Сент-Эдмундс (Суффолк).
- ²³ *Теодред II Добрый* (ум. между 995 и 997 гг.), ставший епископом Эльмхама между 979 и 982 гг.
- ²⁴ Послание к братии монастыря Миси. См. «Летальд из Миси» в наст. изд.
- ²⁵ См. наст. изд.
- ²⁶ Искаженное (возможно, переписчиком) “сатирики”, т.е. актеры, шуты, или “сатиры”, – употреблено иронически (ср. следующее Письмо к Одилону).
- ²⁷ Букв. “безголовые”, эд. монофизиты в целом.
- ²⁸ *Летальд из Миси* – занял место изгнанного настоятеля; см. «Летальд из Миси» в наст. изд.
- ²⁹ Ср. *Марк Туллий Цицерон*. Тускуланские беседы, 5, 81.
- ³⁰ *Трут* – легко воспламеняющийся материал; образно – возбуждение; в более поздних богословских текстах используется устойчиво как метафора плотских пороков.
- ³¹ *Одилон Ключийский* – один из главных проводников так называемой “ключийской реформы” в монастырях; о нем см. «Одилон Ключийский» в наст. изд.
- ³² Область вокруг р. Гарона, ныне Гасконь во Франции.
- ³³ Ныне Пуатье.
- ³⁴ Ср. Мф 24, 12: “по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь”.
- ³⁵ *Леваифан* – название огромного чудовища, змея или крокодила. В Св. Писании аллегорически изображает жестокосердого фараона [Пс 73, 14], а также царство Вавилонское [Ис 27, 11].
- ³⁶ Монастырь св. Бонифация и церковь св. Алексия, основанная в III–IV вв., выстроенная, по преданию, на месте дома св. Алексия (см. наст. изд. “Житие Алексия человека Божия”). до сих пор находится на Авентинском холме в Риме. В 981 г. Лев стал вторым настоятелем после Сергия, бежавшего из Дамаска митрополита и возродившего, по разрешению папы Бенедикта VII монастырь в 977 г.

Дудон Сент-Квентинский

О начале жизни Дудона ничего не известно. Возможно, он родился в начале 960-х годах и, скорее всего, происходил из знатной семьи. Нельзя сказать, что он получил блестящее образование, но изучение его текстов позволяет предположить, что он учился в Льеже, а не в близлежащих Лане или Реймсе. Между 987 и 994 гг. он уже каноник монастыря Сент-Квентин, послан с дипломатической миссией от графа Вермандуа к Рикарду I Руанскому. Рикард отнесся к Дудону благожелательно, и с тех пор, не порывая связей со своим монастырем, деканом которого он впоследствии стал, Дудон часто живет в Руане, служа писцом у Рикарда и его преемника. Дудон стал капелланом Рикарда и составлял для него различные документы. За свою службу он

получил два бенефиция около Руана. В начале 990-х годов Рикард попросил Дудона записать деяния и события, произошедшие в его государстве, более того, историю его деда Роллона. После смерти Рикарда в 996 г. его сыновья Рикард II и архиепископ Роберт просили Дудона продолжить работу. У Дудона была возможность обращаться не только к письменной традиции, то есть к франкским хроникам, но и к рассказам сводного брата Рикарда I и его верного сподвижника графа Рудольфа. Именно его в своей книге Дудон называл “рассказчиком”, “повествователем”. Вторым источником устных преданий для Дудона была вдова Рикарда I, Гуннор, которая по своему влиянию и положению в государстве уступала только своим двоим сыновьям. Таким образом, сочинение Дудона было написано для узкого круга лиц в Руане. Кроме того, Дудон исполнял обязанности главы соборной школы Руана, где обучались будущие епископы и высшее духовенство. Постепенно на север Франции продвигалось влияние клюнийцев. В 1001 г. клюнийцы реформировали монастырь Фекамп и стали приобретать все больший вес в Руане. Их образовательная программа, в основу которой было положено изучение Священного Писания, агиографии и церковного пения, пришла в противоречие с гораздо более светской программой соборной школы, возглавляемой Дудоном, где упор делался на семь свободных искусств, особенно на риторику, метрику, музыку, историю. Между 1012 и 1015 гг. влияние клюнийцев в Руане окончательно упрочилось. Дудон, избранный в 1015 г. деканом Сент-Квентина, уехал из города. Труд, предпринятый в начале 990-х годов и завершённый до 1020 г., он послал злейшему врагу клюнийцев, Адальберону Ланскому. “Об обычаях и деяниях первых Герцогов Нормандии” тематически разделяется на четыре части. В прозаический текст включено около 89 отрывков, написанных 33 стихотворными размерами, основным из которых является гекзаметр. Сочинение Дудона было задумано как “прозиметр”. Повествование идет в прозе, а стихотворные вставки являются неким комментарием к прозаическому тексту, исполняя роль порицания, хвалы, молитвы, предсказания.

Перевод (с сокращениями) сделан по изд.: PL. V.141. Scol. 619–632.

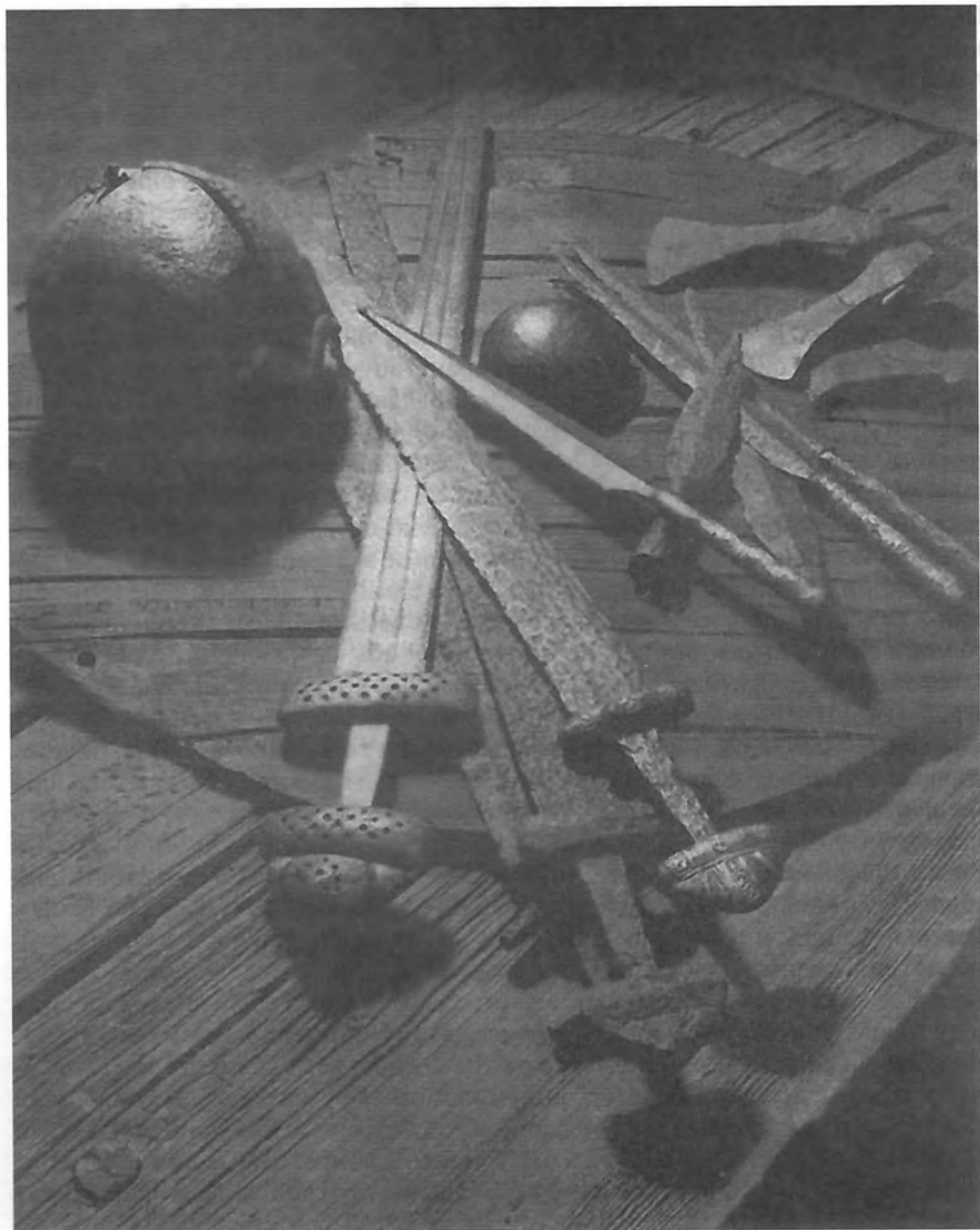
О деяниях норманнов

Из Первой Книги

Глава 2

Космографы, описав всю громаду мира и тщательно измерив окружность и поверхность земли, опоясанную непрерывным поясом Океана, разметив мысленно небесной осью на четыре части небо, разделили мир на три части: Азию, Европу и Африку. Из них Европа разрезана руслами множества рек, носит имена разных провинций и внутри своих пределов поделена на отечества разных народов. Наиболее обширная из этих провинций из-за многообразного и бесчисленного множества населяющих ее людей и самая изо-

бильная называется Германией. В её пределах на вершине Адноанской горы¹ начинается река Истр², быстро увеличивается благодаря водам шестидесяти рек и, бурная, течет с юга на восток, разделяя Германию и Скифию³, до того места, где ее принимает Скифское море⁴. Обычно эта река называется Данубием. В огромном пространстве между Данубием и берегом Скифского моря обитают свирепые и варварские народы, о которых говорят, что они устремились сюда, по варварскому обычаю, разными путями с острова Сканца⁵, окруженного со всех сторон Океаном, словно рой пчел из плетеного улья или как меч из ножен. Ибо здесь лежит земля многолюдной Алании, изобильные просторы Дакии и далеко простирающиеся пределы Гетии. Из этих трех областей Дакия лежит в середине, подобная венцу или напоминая город, укрепленная высочайшими Альпами. И пространство этой земли населяют свирепые и воинственные люди, которых вдохновляет Марс, а именно: геты, они же и готы, сарматы, амаксобии, трагодиты и аланы, а также многие другие, которые живут в Меотийских болотах⁶, возделывая там землю. И эти народы в похоти и распущенности производят на свет бесчисленное потомство в гадком смешении и незаконных сожительстввах, потому что с особенным бесстыдством оскверняются соитием со многими женщинами. Когда дети вырастают, они начинают распри со своими отцами или дедами, а чаще между собой ради владения имуществом. Так как их весьма много, а земли, на которой они живут, им не достает, по старинному обычаю своей страны, множество юношей, достигших совершеннолетия, изгоняется по жребию в другие страны, чтобы они в битвах добыли себе королевства, где они могли бы жить в непрестанном мире. Таким образом поступали геты, они же и готы, опустошившие почти всю Европу до тех мест, где они ныне живут. Кроме того, при осуществлении этих изгнаний и исходов они приносили жертвы, поклоняясь своему богу Тору⁷. И они обычно не предлагали ему ни овец, ни быков, ни дары отца Либеры или Цереры, но человеческую кровь, полагая, что это наиболее драгоценная из жертв⁸. По жребию жреца выбранных людей самым жестоким образом с помощью упряжки быков разом опрокидывали на землю, затем каждому наносился один страшный удар по голове. Когда жертва была распростерта на земле, варвары отыскивали слева сердечную жилу или вену; кровь убитого вытекала, а они, по своему обычаю, намазывали ею головы себе и своим воинам и быстро распускали по ветру паруса своих кораблей; и думая, что таким образом они умилоствивляют ветры, и сразу налегали на вёсла. Но если же выпадал большой жребий и они выступали на конях, то поднимали знамена битвы. И так, быстро покидая пределы своего отечества, устремлялись они на погубление и истребление других народов. Они уходят в изгнание от своих отцов, чтобы отважно сражаться с чужими королями. Их собственный народ отсылает их прочь нищими, чтобы они обогатились от чужого имущества. Они лишаются своих земель, чтобы занять чужие. Они прогоняются как изгои, чтобы, сражаясь, получить награду. Они вытесняются своим народом, чтобы иметь долю с другими. Они отделяются от

Оружие норманнов: мечи, копья, щит, шлем, боевые топоры. IX–X вв.

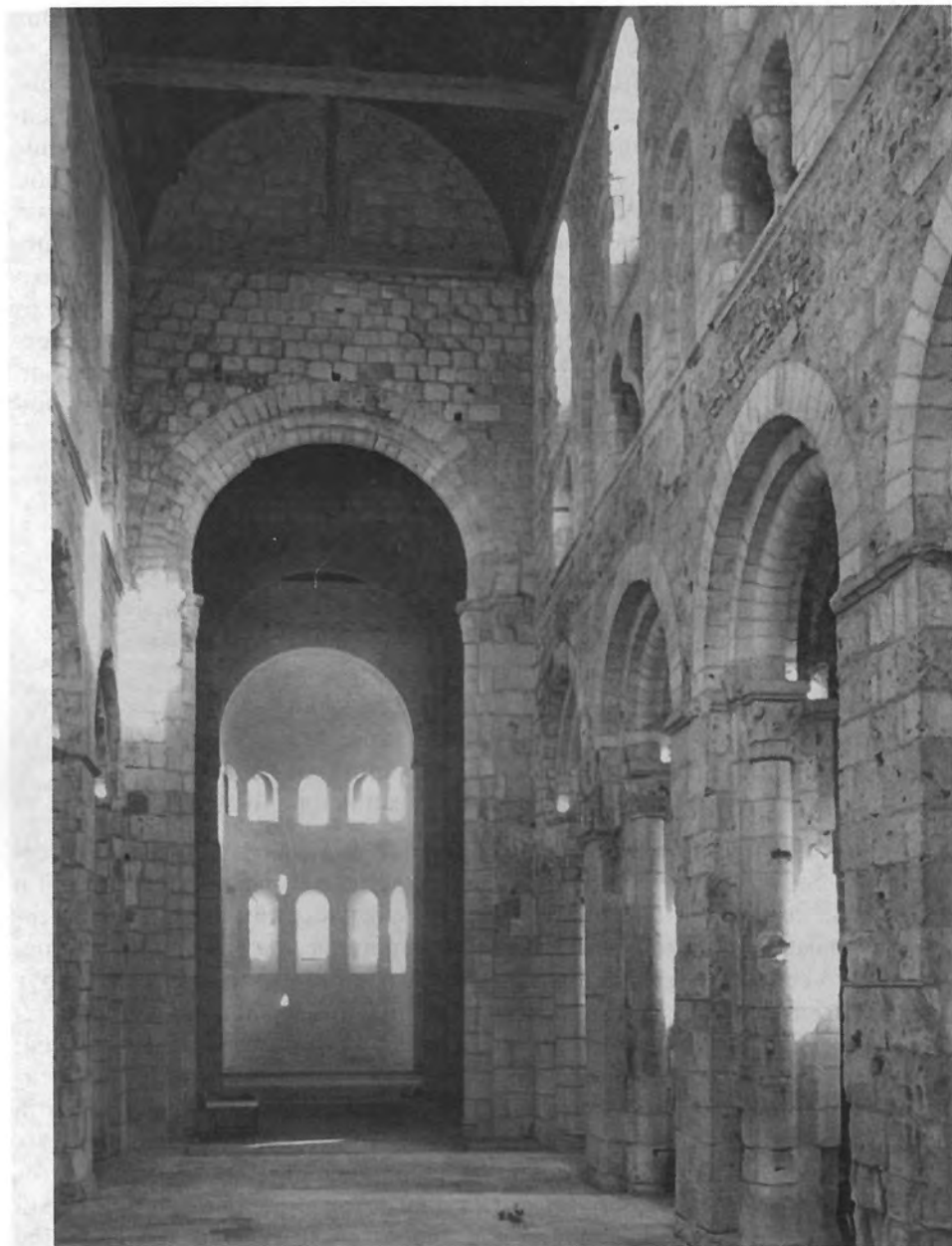
Джонс Г. Норманны. Покорители Северной Америки.

М., 2003. Вкл. 1. Илл. 2

своего народа, чтобы возместить потерянное имуществом чужеземцев. Они оставлены отцами и, может быть, больше не увидят своих матерей. Суровость юношей возрастает при уничтожении других народов. Отчизна их освобождается, извергнув своих жителей. Все прочие провинции страдают, полоненные по легкомыслию многочисленным врагом. Так превращается в пустыню все, что встречается им на пути. Они плывут вдоль морского берега, чтобы добыть себе добычу с суши. Что они похитят в одном королевстве, перевозят в другое. Они ищут портов, находящихся под защитой мира, чтобы сбыть похищенное с прибылью. Даки называют себя данайцами, или данами, и похваляются, что они происходят от Антенора⁹, который некогда, ускользнув от ахейцев, из опустевшей Трои проник в иллирийские пределы со своими последователями. И эти вот жестокие даки, изгнанные некогда по вышеописанному обычаю своими соотечественниками, вместе со своим вождем Анстином¹⁰ дошли туда, где широко раскинула свои земли Франкия.

Гнусен он, неукротим, бессердечен, жесток, беспощаден,
Гибель несет и вражду, и свирепостью злобно дышит,
Честь незнакома ему, вероломному, дерзкому вору,
Наглостью всех превзошел мятежей и раздоров зачинщик,
Друга способный предать, подстрекатель ко злу двоедушный,
Подлый притворщик, гордец, как лисица, коварный разбойник,
С черной душой негодяй, между ближними сеющий распри,
Где появляется он, там приходит беда за бедою.
Должно ему не хвалу, а хулу возглашать непрестанно,
Но, преступлений чредой превзойдя соплеменников многих,
Он устремляется ввысь, как Олимп, облаками венчанный.

Анстин повсюду обращал в бегство народы и захватывал их имущество для себя и своих воинов. Он вторгся во владения галльских правителей и присвоил себе королевство франков¹¹. Он обесчестил священство и осквернил святые храмы. Словами и делами он терзал короля франков, в печали пребывающего со своими приближенными в городах. Он рычит и ходит вокруг крепостных стен, как волк вокруг овчарен; он презирает франков, укрывшихся в страхе внутри своих крепостей; он преследует всех, словно лев оленей; он умерщвляет тех, кого застанет в их владениях. Идет резня, и острый клинок рассекает горло несчастных. Клир истребляется, наказанный жестокой смертью. Нечестивцы одеваются в покровы, которые срываются со святых алтарей, и носят белые одеяния, освященные для совершения миссы. Жестоко убивают они всякого, кто поднимет на них оружие. Прочий безоружный народ угоняют в плен. Жены, много раз обесчещенные, в слезах уводятся чужестранцами. Все девицы позорно лишены девства. Не только молодые, но и старики повсюду изгоняются со своих мест. Любой скот, какой найдут, угоняется для продажи. Возрастает неистовая ярость, увеличенная многими несчастьями. Сжигается храм Квентина¹², свидетеля Господня, славного

Монастырь Бернэ. Нормандия. Церковь пресв. Богородицы. 1010 г.
Wenzler C., Champollion H. Egliss et Cathedrales de la France Medievale.
P., 2006. P. 165

заслугами превыше небес, опоясанный монастырскими постройками; равно и прочие церкви, расположенные в вероманденских пределах; монастырь борца Христова Дионисия¹³ превращен в тлеющий пепел после победы, одержанной силой Вулкана. Эммон, епископ Новиомаценский¹⁴, со своими диаконами – увы, о скорбь! – убит в четвертый день майских календ, и весь народ, покинутый им, отведен пленным на корабли. Базилики исповедников Христовых Медарда и Элигия¹⁵ сожжены этими самыми нечестивцами до основания. Священная церковь святой девы Геновефы¹⁶, находившаяся в Паризии, спалена этими беззаконниками. И прочие церкви, расположенные вне крепостных стен, почти все сожжены. Бедствие распространяется; Франкия опустошается и почти обезлюдела. Она страдает от нехватки Либера и Цереры¹⁷, которыми прежде была столь изобильна; горюет, покинутая своими жителями, лишенная своих земледельцев; рыдает над плугом, который не пашет, над мотыгой, которая не возделывает поле. Земля замирает в покое, не потревоженная трудом быков; зарастают тропы, по которым давно никто не проходит; со временем поля покрываются лесом, рощами и кустарниками. Благополучие погибло, и люди потеряли уверенность, что останутся живы. На своих кораблях даки выходили в море и, внезапно оттуда появляясь, опустошали сопредельные страны. Ночью они нападали на спящих, тела которых оказывались сразу же погребены в покое смертного сна. Опустошив все, что они видели, и не встретив сопротивления по всей Франкии, они возвратились с добычей под защиту своих кораблей.

Все даки были созваны на совет, чтобы обсудить свои дальнейшие дела, и за всех высказался один из них, негоднейший Анстинн: “Уже крепчает желанный ветер, и попутные ветры, за которыми легко следовать, нам указывают путь. Если это вам по нраву, пойдем на Рим, и подчиним его, как и Франкию, своему владычеству”. Такая мысль всем оказалась по душе, и подняв паруса, разбойники поворачивают носы своих кораблей от франкских берегов. И повсюду, по каким бы водам ни проплывали, они покоряли и разоряли прибрежные земли. В намерении захватить Рим, госпожу народов, застав врасплох его жителей, они подошли на кораблях к городу, который называется Луна¹⁸. Знатные люди города, приведенные в ужас их страшным нападением, укрепили город, сколь это было возможно, многими воинами. Гнусный Анстинн, увидав, что город нельзя захватить при помощи всех его людей, придумал коварный план. Он послал гонца к епископу для переговоров, чтобы тот сказал ему речь, которая изложена ниже. Когда гонец предстал перед взором епископа и его приближенных, он произнес так: “Анстинн, вождь даков, а равно и все его воины, ушедшие с ним по жребию из Дакии, предлагают Вам верную службу. Вам известно, что после того как мы были изгнаны из Дакии по жребию, сильнейшая буря и волны носили нас по всем морям и пригнали к берегам королевства народа франков. Мы, по жребию, данному богами, вторглись в это королевство, провели много тяжелых битв против франкских народов и покорили все пространство этой области власти нашего господина. Однако, когда все было подчинено нашей власти, и мы пожелали

Бронзовое знамя викингского корабля.

XI в. Джонс Г. Норманны.

Покорители Северной Америки.

М., 2003. Вкл. 2. Илл. 1

ребенным в этом городе, благодаря вашему милосердию и вашему благочестию”. Услышав это, предстоятель и светский властитель ответили посланцу: “Мы заключим с вами договор о вечном мире и сделаем вашего господина христианином. Мы позволим вам приобрести все, что вам необходимо, к обоюдной, нашей и вашей, выгоде”. Коварный же гонец все, что им лживо наговорил и что услышал от них, передал своему господину, нечестивейшему из всех. Так дакам была дана защита мира, и вероломные язычники объединились с христианами, много торговали и много раз беспрепятственно приходили в город. Тем временем епископом готовится баня крещения, которая в будущем не принесет пользы нечестивцу. Освящаются воды, поднятые из глубины колодца. Зажигаются свечи для святого таинства Купели. Приводят обманщика Анстинна, изобретателя коварного замысла. Нечестивец входит в воду купели, омывающую лишь его плоть. Он принимает крещение на погибель своей души. От священного Крещения восприемниками его становятся епископ и светский властитель. Его уводят, словно болящего, помазав святым миром и елеем. Больного не по плоти, но по духу, жалкого тем, что он совершает вероломство, его в белых крещальных одеждах уносят, будто бы немощного, под защиту своего корабля. Тогда Анстинн созывает немедленно самых отчаянных негодяев из всех, чтобы посоветоваться о своем коварном плане. Он объявил им в тайне кощунственный замысел, который зародился в его неистовом сердце: “Когда наступит вечер, объявите предстоятелю и графу, что я умер, и настойчиво со слезами умоляйте, чтобы они позволили похоронить меня, новокрещеного, в своем городе. Скажите, что вы им отдадите мечи, и браслеты, и все, чем я владею”. Они же, как им было приказано, с рыданиями пришли к властителям города и сказали: “Наш

вернуться в страну, где мы родились, сначала нам противодействовали северные ветры, после зефир и нот. Сокрушенные встречными ветрами, мы, против своего желания, едва доплыли до ваших пределов, мы не пришли ни ваш город опустошать мечом, ни добычу вашего края отнести на наши корабли. У нас, истомленных такими напастьями, нет уже сил. Просим, дайте нам защиту мира, чтобы можно было приобрести то, что нам необходимо. Наш господин человек немощный и полный многих скорбей, желает получить из Ваших рук искупление в спасительной купели и сделаться христианином и, если смерть опередит его в таковой немощи, быть погребенным в этом городе, благодаря вашему милосердию и вашему благочестию”.

господин, Ваш сыночек, – горе! – умер он. Мы, несчастные, умоляем, чтобы вы позволили похоронить его у Вас в монастыре. И примите величайшие дары, которые вам, умирая, он приказал передать”. А епископ и светский властитель, обманутые такой хитрой речью, словно ослепленные дарами, которые им должны были дать и они должны были взять, пообещали, что тело будет принято и почестью предано земле в монастыре. Гонцы же, вернувшись, возвестили Анстинну повеление обманутых и обреченных на гибель властителей. Тогда закоренелый злодей, радуясь такому ответу, каждому из племен отдает приказ. Когда все собрались к нему, негоднейшему из всех негодяев, Анстинн сказал: “Только сделайте мне носилки и положите меня на них, словно мертвого. Положите там со мной оружие, и сами станьте вокруг них с плачем. С рыданиями идите по улицам и своих воинов принудите меня оплакивать. Пусть голос ваш громко разносится по всем нашим шатрам. Пусть голос тех, кто командует кораблями, громко раздастся вместе с другими дружинами. Велите нести перед носилками браслеты и пояса. Выложите мечи и боевые топоры, украшенные драгоценными камнями и золотом”. Все, что приказал нечестивец, сделалось быстрее сказанных слов. Послышались крики рыдающих и вопли плачущих. Горы гудели от эха голосов лживых плакальщиков. Предстоятель колокольным звоном созвал народ, рассеянный по всему городу. Приходит и клир, облаченный в монашеские одежды, а равно и правитель этого города, чтобы увенчаться мученичеством. Стекаются и женщины, чтобы быть уведенным на чужбину. Все в печали сходятся к носилкам, где лежит это чудовище. Перед знатью идут школяры, неся подсвечники и кресты. Язычники приносят живого Анстинна, положенного на погребальные носилки. У городских ворот христиане выходят навстречу язычникам. И оба народа несут усопшего в монастырь, где была приготовлена для него гробница. Епископ готовится служить миссу о своем сыночке. Клер, как и положено, занимает место хора. Не знают христиане, обреченные на умерщвление, о вероломстве губительного для них обмана. Поется мисса, идет торжественная служба; все христиане причащаются таинственной Жертвы Иисуса Христа. Когда торжество миссы подобающим образом завершилось и язычники стали мало помалу собираться вместе, предстоятель приказал выносить тело для погребения. Язычники же с громкими криками стали требовать себе носилки и говорили, что иначе он не будет погребен. Христиане стояли, изумленные их ответами. Тут Анстинн соскочил с погребальных носилок и вырвал из ножен сверкающий меч. Нечестивец напал на предстоятеля, державшего в руке книгу. Он пронзил предстоятеля мечом, уложив и графа, и перерезал клир, находящийся в церкви без оружия. Язычники же закрыли двери храма, чтобы никто не смог ускользнуть, и тогда неистовство язычников умертвило безоружных христиан. Все, кого нашла ярость врага, предаются смерти. Злодеи свирепствуют в стенах храма, как волки в овечьих загонах. Женщины исторгают плач из сердца, но тщетно проливают они слезы. Юношей вместе с девами связывают кожаными ремнями.

Последний день жизни наступает для всех них, краткое и невозвратное время жизни. У стен города падают на землю все, пытавшиеся сражаться, все более-менее крепкие горожане, кого только язычники находят, уничтожаются, оплакивая жестокость Марса. Вражеская дружина, которая была при кораблях, уже перед распахнутым настезь воротам. Сверкают обнаженные клинки оружия, стоит строй, готовый к резне. Сходятся в сражении, борясь друг с другом повсюду и всех, кого обнаруживают противостоящими им с оружием в руках, жестоко убивают. Наконец, весь христианский народ, увы! – перебит, битва оканчивается. Остальную же толпу горожан, достойную плача, ведут к кораблям. Стихает ярость неистовствующего Анстинна потому, что повержены правители города. Анстинн со своими воинами похвалялся, думая, что захватил Рим, главу мира. Он ликовал, что единолично правит всей империей, раз захвати город, полагая, что это Рим, владычица народов. Но после того, как он узнал, что это был не Рим, Анстинн в гневе сказал: “Ограбьте всю провинцию и предайте этот город огню. Как можно больше пленников и добычи отправьте на наши корабли. Пусть жители этой земли поймут, что мы прошли по их пределам”. Что мерзавец приказал, то служитель с радостью исполняет. Вся провинция подверглась вторжению и побеждена нечестивым врагом. Совершаются весьма многие убийства, пленников отводят на корабль. Мечом и огнем язычники опустошают все, что ими попадает на пути, и, насытившись разбоем, нагружают корабли пленниками и добычей. И вот уже они поворачивают носы кораблей, направляясь к королевству франков. Они пройдя Средиземное море, возвращаются во франкское королевство.

Франкия, все племена превзошедшая доблестью ратной,
Добрый предавшись делам, ни усилий, ни средств не жалея,
Ты умастила власы тем, кто рабство тебе уготовал,
Кто, пусть и тщетно, желал обесславить тебя и унижить.
Ты, наконец, собрала трижды шесть королевств в своей власти,
Стойкой отвагой сильна, осмотрительна, но не труслива,
Людам законы дала, мир в пределах своих сохраняя,
Кротость с любезностью ты съединила с усердием в битвах,
Верная верным друзьям, неустанно врагов поражала.
В день тот, когда собралось преступлений великое бремя,
Люди презрели закон и наполнили землю грехами,
Бога, Владыки громов, позабыли благие заветы.
Ныне, повержена в прах, ты лежишь на обломках оружия,
Стыд, потрясение, страх, изумленье тебя охватили,
Горьким уделом твоим стали бич, и попрек, и презренье,
Терпишь ты власть гордецов, вероломных, коварных, жестоких,
Сеющих гибель везде, состраданья не знающих вовсе.
Франкия, ныне воспрянь, взяв оружие, с колен поднимайся,
Вновь собери на совет мудрецов и старейшин народа,

Кайся в ужасных грехах, что ты прежде творила бездумно,
Прошлых деяний стыдись, на свои беззаконья досадуй,
То, что Господь повелел, запиши, чтоб твердить ежечасно.
Дакия ныне пошлет поколенье другое по свету,
Сильные весла гребцов снова вспенят бегучие волны.
Долго пришельцы с тобой будут в битвах кровавых сходиться,
Крепким копьём добывать в непрестанных сраженьях победу.
Тысячи франкских бойцов уничтожат свирепые гости.
С ними союз заключишь, и настанет спокойное время,
Снова прозвание твое вознесется к вершине Олимпа,
Грозный соратник смирит непокорных, надменных соседей,
Спесь их мечом сокрушит, укротит, подчинит твоей власти.
Трижды, четырежды ты, многократно счастливою будешь,
Славься, красуйся, ликуй и в веках над народами властвуй.

Глава 3

Между тем, в то время как Франкия оказалась почти безлюдной пустыней и испуганный народ страшился, словно бы дальних раскатов грома, прихода норманнов, король франков, не имея сил сопротивляться дерзости язычников, нашел для себя и своего народа весьма спасительное решение, а именно: заключить с Анстинном, негоднейшим из негодных, договор о мире, при котором утешится внезапно разыгравшаяся буря, опустошающая все королевство. Для этой цели он, призвав военачальников с епископами, графов с их дружинами, открыл им, что решил в своем сердце. Он рассказал им все подробно, и начал речь так: “О старейшины и господа, вы, побужденные прийти сюда по причине грозящей нам опасности, поразмыслите и давайте вместе отыщем способ спасти королевство”. И тогда франки, тронутые речью короля, обращенной к ним, единодушно высказались, что необходимо выступить и сразиться против пришельцев. Разубеждая их, король начал говорить: “Мне не кажется благоразумным начинать против них войну. Если вы выйдете против них, сражаясь, то или вы погибните, или они, обратившись в бегство, очень быстро возвратятся на свои корабли. Пусть будет испрошен долгий мир у нечестивцев, чтобы в наши времена страна пребывала в покое”. И такое решение из уст короля всем было приятно. Отправили посланников к жестокому Анстинну, чтобы заключить мир. В дальнейшем Анстинн, мало-помалу умиловленный обильными приношениями, изъятыми у народа Франкии, и смягченный общим количеством выплаченной дани, не отказал в долгожданном мире, которого у него просили, но дал его по своей воле. Когда незыблемый мир был одобрен предстоятелями Церкви, Анстинна привели к королю и он дал нерушимое обещание заключить с ним мир на одну олимпиаду. Связав себя договором совместной власти и обоюдного благоволения, они пришли во всем к единодушию и согласию. И Франкия, до

этого страдавшая от многообразных опустошений, в течение этого времени была избавлена от бед, причиняемых врагами, и спасена от опустошений, которые в ярости творили повсюду язычники. Напомним, чтобы кто-нибудь из читающих не ужаснулся таковому посрамлению, что несчастья вели не к гибели, но к исправлению из-за того, что возросли преступления франков. Ибо был сокрушен мстителем Анстинном франкский народ, уже ранее достаточно погрязший в нечестии и низости. По заслугам осуждены были вероломные люди и предатели, справедливо наказаны неверующие и нехристи. Слишком долго будет нам описывать все трудности этого времени в своем повествовании, потому, предвосхищая чьи-либо возражения, мы, пожалуй, скорее обратим перо к цели нашего замысла. Потому пусть это перо, хоть и неискusstное, осветит кратко деяния, произошедшие по воле Божией, и вкратце опишет их в том порядке, как они произошли. Пусть оно изложит истинное положение дел, устраняя ошибки и выдумки, опровергнет позорные заблуждения и раскроет обстоятельства будущего спасения.

Идя дорогой кружной, по опасным проселкам плутая,
Следуя тысячью троп, после ливня и топких, и скользких,
Книга, свой начатый путь перерви на короткое время,
Речь, что, как речка, течет, утомленная, ныне закончи.
Далее хочешь идти? Что ж, благого совета послушай,
Ибо дорога везде камениста, длинна, кочковата,
Где-то травой поросла, где-то скрыта чащобой лесною.
Досыта лучшим зерном накорми лошадей истощенных,
Ибо стремятся вперед, но от слабости еле ступают.
Должно почаще тебе их купать и скребницею чистить.
Звонким железом подков защити от камней их копыта,
Крепкие спины покрой чепраками искусной работы,
Челюсти их ты стяни удилами с наборной уздечкой.
Так ты, пожалуй, пройдешь этот путь и тяжелый, и славный,
Если ж не так, берегись: ошибешься и тут же погибнешь,
Коль не поможет Господь, на престоле сидящий небесном,
Коли тебя не спасет заступленье святого Квентина,
Равно и мужа того, чьи деянья мы здесь воспеваем.

Из Второй Книги

Глава 4

Когда вышнее провидение Божественной Троицы, по воле Которой с разнообразной очередностью все сменяется друг за другом с течением времен, милостиво призрело на Церковь, выкупленную священной кровью и изобильно очищенную влагой Святого Крещения, славно помазанную елеем и хрисмой, безмерно пострадавшую от событий, вкратце описанных выше, то сие спа-

сительное провидение, побуждаемое постоянными прошениями и мольбами христиан, не перестало подавать ей помощь, чтобы освободиться от жестокости свирепого народа из страны даков: чтобы Церковь по какой причине была самым плачевным образом угнетена, после от того же, исполнившись жизни, процвела; и кем была в пропасть сброшена, ими же до небес вознесена; и чьими деяниями была она с грязью смешана, их же дарами она была восстановлена; множеством каких людей поправа, ими же золотом и драгоценными камнями украшена; благодаря чьим грабегам лохмотья носила, благодаря дарам от тех же людей в прекрасные одеяния облачилась. Когда у даков вновь подросло многочисленное поколение, рожденное от законных браков или в позорном сожительстве, и молодые воины стали часто разжигать пожар войны и между собой, и против отцов и дядьев, тогда все самые знатные и могущественные из даков, сошедшись к королю, в один голос заявили: “Государство жестоко угнетается по причине военного вмешательства, расшатывается

Христос-Царь, самое древнее распятие на Скандинавском Севере (1050–1100).

Север Дании, церковь Обю около города Орхус. *Nygaard J.J. Det begyndte med trækirke. Kirkebyggeri i Danmark. København, 1988. P. 16*

распрями наших сыновей и племянников, ибо мы отказались от обычая, установленного нами в древности, и потому народ дакского племени, претерпевая столь многие несчастья, превращается в ничто. Позаботься, король, о королевстве, обратившись к древнейшему обычаю, ибо ты должен править, сохраняя мир. Пусть Дакия будет очищена от губительной заразы негоднейших врагов, чтобы мы, оставшиеся, могли жить и пребывать в покое и нерушимом мире”. Король отнесся внимательно к их совету, быстро разослал по земле, находящейся под его властью, свое повеление, чтобы были определены племянники и сыновья, которых жребий отметил бы для изгнания, и приказал наместникам этой земли явиться к нему в предписанный день. Слух о королевских посланиях такого рода вскоре дошел до юношей. Их сердца, волнваемые чувствами, пребывают в испуге и нерешительности, и они беспокоятся, ничего не зная о своем неверном будущем. Их пораженный дух пребывает в

оцепенении от неизвестности. Кого из них не томит забота, жаждущая определенности, и кого из них не терзает неверная надежда! Они не могли предугадать, что за решение обдумывалось в сердце короля.

Дакия, в Галлию путь твоим детям по жребию выпал,
Хочешь судьбу их узнать? Только звезды об этом расскажут,
Скрыта в грядущем их жизнь и награда, достойная смелых.
Радостью душу согрей, отложивши сердечную муку,
Ибо удары судьбы не погубят бессмертную душу.
Крепкому духом Господь прелагает несчастье во благо
И изобильем наград и богатством его осыпает,
Щедрой рукой их дает, одаряет бесценным именем.
Франкия, ты процветешь беспримерно в потомстве блаженном,
К роду честных христиан примешается новое племя,
В мирное время народ будет создан из даков и франков,
Что в бытие приведет, породит, возрастит, воспитает
Храбрых вождей, королей, предстоятелей Церкви и графов,
Всем им Властитель – Христос; круг земной подчинится их власти,
Церкви они возведут, драгоценным убранством украсят.
Радостно будут они поклоняться Предвечному Богу.
Давши им новую жизнь, возродив их в купели Крещения,
Ими восполнит Господь часть отпавшую воинов Неба.

¹ *Абноба* – горы, расположенные на правом берегу Рейна в Шварцвальде (Крайхгау и Оденвальд).

² Река Дунай.

³ По античным представлениям, унаследованным в Средневековье, область, называемая Скифией, граничила с Германией по Дунаю; ее естественными границами были реки Днестр и Днепр, далее к скифским землям относились Меотида (земли вокруг Азовского моря), просторство до реки Аракс; окраинные области Скифии находились за Каспийским морем.

⁴ Черное море.

⁵ Скандинавский полуостров.

⁶ Азовское море.

⁷ *Тор* (Тур) – бог грома, бурь, войны у древних германцев. Иордан в книге “О происхождении и деяниях гетов” отождествляет его с Марсом и сообщает, что готы считали его своим прародителем.

⁸ О человеческих жертвоприношениях, об обычае умиловивлять бога войны пролитием человеческой крови, упоминает и Иордан.

⁹ *Антенор* – в древнегреческой мифологии троянец, друг и советник Приама. По позднему сказанию, после падения Трои он во главе племени венетов переселился в Италию.

¹⁰ *Альстигн или Анстинн*, герм. Хастейн (кон. IX в.) – известный предводитель викингов.

¹¹ Впервые появление Хастейна отмечено в 843 г. (захват острова Нуармутье), затем в 859 г. на Лауре.

¹² *Сент-Квентин* – город где св. Квентин принял мученическую смерть при Диоклетиане (ок. 287 г.). В нач. VIII в. Фульрад построил там собор в честь св. Квентина.

¹³ Монастырь Сен-Дени, теперь в северном пригороде Парижа,

¹⁴ Епископ Нуайонский.

- ¹⁵ *Св. Элигий* (ок. 590–660) – епископ Нуайон-Турнэ, советник короля Дагоберта I; *Св. Медард* (ок. 457 – ок. 545) – епископ Вермандуа, перенесший епископскую кафедру в Нуайон, советник короля Хлотаря I (497–561).
- ¹⁶ *Св. Геновефа (Женевьева)* (ум. ок. 500) – покровительница Парижа. Приняла монашество в 15 лет в Нантерре, после смерти родителей переехала в Париж, где продолжала вести строгую подвижническую жизнь при поддержке св. Германа Оксеррского. По преданию, она пользовалась большим уважением короля Хильдерика (ум. в 481/2 г.), при котором франки продолжали завоевание Северной Франции; также по ее молитве Париж был спасен от разрушения при наступлении Атиллы.
- ¹⁷ То есть вина и хлеба.
- ¹⁸ *Луна* – древней этрусский город, располагающийся на берегу р. Макра (теперь Магра), которая в древние времена служила естественной границей между областями Этрурия и Лигурия. Викинги во главе с Хастейном разрушили Луну во время так называемого Средиземноморского похода в 859–862 гг.

Летальд из Миси

Создатель “Рыбака Витина” Летальд родился во 2-й половине X в. Большая часть его жизни оказалась связанной с монастырем Миси в Орлеанской диоцезе. Миси был основан около 501 г. св. Максимином и его престарелым дядей Евспицием с ведома и при поддержке короля Хлодвига и стал первым центром миссионерской деятельности на землях, позже образовавших диоцезы Орлеана и Ле Мана. К концу VIII в. монастырь пришел в упадок настолько, что его пришлось открывать заново. Сделал это Теодульф, возглавлявший Орлеанскую диоцезу в 790–818 гг., – приближенный короля Карла Великого и член придворной Академии. Теодульф получил от Карла под свое начало три монастыря диоцезы – Миси, Флери и Сент-Эньян, которые поддерживали между собой тесные связи вплоть до XI в. Таким образом, Миси, с одной стороны, был приобщен к культурной жизни своего времени, с другой, никогда не был обделен вниманием власть предержащих. При повторном открытии монастырь, первоначально посвященный св. первомученику Стефану, получил еще одного покровителя – св. Максимиана, своего основателя и первого настоятеля. В новооткрытый монастырь братия была прислана Бенедиктом Анианским (750–821), чья деятельность в 80-е годы VIII в. положила начало монастырским реформам во Франкии. По этой причине в середине IX в. Миси стал центром церковных преобразований на севере страны. Монахи Миси приняли участие в реформировании монастыря Корбьон, расположенного около Блуа. Хотя в X в. первенство перешло к Флери, Миси и в это время сохранял за собой репутацию центра учености, славился своим скрипторием, где создавались прекрасно иллюстрированные манускрипты.

Летальд поступил в братию Миси маленьким мальчиком в 60-е годы X в., в настоятельство Аннона (960–970). Возможно, он был племянником или каким-то другим родственником другого Летальда, управлявшего монастырем в 40-х годах этого же столетия. Летальд Старший, пользовавшийся уваже-

нием в монастыре, был избран на эту должность самими монахами и утвержден епископом Орлеанским. Известно, что он происходил из знатного рода; в монастырских источниках о нем говорится как о “благородном муже”. Тот факт, что два члена братии носили одно и то же довольно редкое имя и что автор “Рыбака Витина” поступил в монастырь еще ребенком, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что оба Летальда находились в близком родстве.

Летальд, одаренный и образованный юноша, быстро выделяется из среды братии. В 973 г. он уже исполняет обязанности монастырского канцелярия, т.е. составляет все документы монастыря, ведает монастырской библиотекой и школой. Тогда же начинается и его литературная карьера. К 80-м годам X в. относится его первый труд, составленный для собственной обители, – “Чудеса св. Максимиана”, где излагается история Миси и описываются чудеса, происшедшие у мощей святого. В 989 г. Летальд пишет поэму “Об изгнании [братии] Гломненского монастыря”, героически защищавшей свой монастырь от набегов норманнов, но в конце концов вынужденной его покинуть. Авторство Летальда было установлено путем сравнения текстов этой поэмы и “Рыбака Витина”. К этому же времени относится литургическая поэзия Летальда. В последующие годы из-под его пера выходят агрографические произведения для двух монашеских общин – “Житие и чудеса св. Мартина Вертавенского” для монастыря Жуин-де-Марн (между 994 и 1004 гг.) и “Житие и чудеса св. Евсиция” для монастыря Селль-сюр-Шер.

В 1004 г. произошло событие, резко изменившее жизнь Летальда. С 970 г. в Миси сменилось несколько настоятелей. Поскольку не сохранилось никаких свидетельств о недовольстве братии, можно предположить, что настоятели избирались самими монахами из своей среды, как и полагается по уставу св. Бенедикта Нурсийского, повсеместно принятому во франкских монастырях. Однако в 1004 г. Фулькон, епископ Орлеанский, нарушил устав и вмешался во внутреннюю жизнь общины, прислав в Миси своего ставленника Роберта. Братия была недовольна, была сделана попытка сместить пришельца. Самым достойным претендентом на должность настоятеля оказался Летальд, известный своей ученостью, принимавший в качестве канцелярия участие в управлении монастырем, к тому же родственник одного из прежних настоятелей. На какое-то время общине удалось настоять на своем, и Летальд даже исполнял настоятельские обязанности, но вскоре при поддержке Фулькана Роберт получил власть обратно. В этих обстоятельствах Летальд был вынужден покинуть Миси.

Покинув родной монастырь, Летальд переехал в диоцезу Ле Ман, где его хорошо знали. Там по просьбе епископа Манского Авесгауда он составил “Житие св. Юлиана”, первого епископа этой диоцезы (между 1007 и 1010 гг.). Тогда же был написан и “Витин”. Год смерти Летальда не установлен, но его имя еще упоминается в 1014 г. в описании кончины Константина, настоятеля монастыря Нуай, вероятно, приютившего изгнанника. Высказывалось пред-

положение, что Летальд – декан монастыря Сент-Энъян (третий из монастырей-побратимов наряду с Миси и Флери) в 20-х годах XI в. – и автор “Рыбака Витина” – одно лицо.

Перевод сделан по изд.: Letaldo di Micy. Within piscator / Ed. F.Bertini. Firenze, 1995. P. 2–14.

*Стих монаха Летальда о некоем рыбаке,
которого проглотил кит*

Если б Пиндарова лира мне звучность свою уделила,
Если б помог мне Орфей вдохновенной кифарой своей,
Что заставляет стремнины течь от устья к скалистым вершинам
И побуждает леса хороводом ходить вокруг певца,
Я б и тогда в затрудненье оказался пред этим твореньем,
Коего замысел, каюсь, воплотить неумело пытаюсь.
Вот что мне старец почтенный рассказал, сединой убеленный
(Дарит молва ему имя, величая “устаами златыми”).
Остров есть в море студеном, называли его Альбионом,
Времени бег неустанный сообщил ему имя Британии.
Племя его населяет, что усталости в битвах не знает.
Теплые лето и осень урожай изобильный приносят.
Люди лицом белокожи, как воины Неба, пригожи.
Пастырь великий, Григорий, научил вторить ангельским хорам
Тех, кто вели свои речи на варварском грубом наречье.
Песнью деянье восславим, по правилам песню составим.
Витин – героя прозвание, к рыболовству имел он призвание.
Реку и море, бывалый, бороздил он на лодочке малой.
И никакие невзгоды, ни морские, ни пресные воды
Не могли рыбаку помешать рыбы полную сеть выбирать.
Только лишь ложе Тифона покинет золотая Аврора,
Витин в просторы морские уплывает, влекомый стихией.
Сумку в дорогу собрал он, и трут, и огниво с кресалом.
Часто нужда в них бывает у тех, кто костер разжигает.
Поясом стан он украсил, острый нож сбоку в ножнах подвесил,
Все приготовил, чтоб в море уйти без заботы и горя.
Якорь, который средь волн должен прочно удерживать челн,
Поднят; дощатый настил корабельный канат укрепил.
Хлеб приготовлен в мешке, и вода ключевая в горшке,
Пресная чтобы вода освежала в рыбацких трудах.
Витин один отплывает, жизнь коварным пучинам вверяет.
Лодка идет от земли, вот и берег остался вдали.
Он средь соленых зыбей управляется с лодкой своей,
Рыбу ловкою тянет рукой, где сетью, где тонкой удой,

Если ж Зефира дыханье не рождает воды колыханья,
Бросивши якорь, в покое наслаждается ширью морскою.
Водная гладь расступилась, и чудовище вдруг появилось.
Кажется чудо морское Харибде и Сцилле роднею,
Страшно глазами моргает, преогромную пасть разевает;
И через пасть этой рыбы прямо в Тартар попасть вы смогли бы.
Чтобы избегнуть напасти, Витин быстренько вытянул снасти,
Лодочку утлую тщится повернуть, чтоб домой воротиться.
Ужас лишил его силы, дыхание перехватило,
И, неподвижен, несчастный оказался пред рыбой ужасной.
Чудище, страшно ярясь, раскрыло огромную пасть,
Лодочку вместе с Витином чрево кита поглотило.
Так, утомившись от зноя, путник июльской порою
Жажду умерить стремится, спешит из колодца напиться.
Витин под темные своды вplывает, лишенный свободы,
Весла лежат без движенья, парус повис в небреженье.
Звезды, друзья морехода, не светят в ночи безысходной,
Но лодочку бурные волны несут вперед неуклонно.

Витин, какие гнетут тебя мысли во чреве зверином?
Милые дети твои в ожиданье стремятся на берег,
Чрез освященный порог преступая Господнего храма,
Молит супруга твоя, чтоб ты счастливо с ловли вернулся.
Ты оказался один в неожиданной этой напасти.

С духом один собирайся и на действия быстро решайся.
Смелому все удастся, коль счастье ему улыбнется.
Верная в горе подмога – возносить свои помыслы к Богу.
Витин в китовом томится брюхе, подобном темнице.
Бьет по огниву кресалом – искра во тьме заблистала.
Тут же он трут подставляет – темницу огонь освещает;
Видно и в море глубоком может выжить рыбак одинокий.
Сталь, что в ножнах висела, немедленно пущена в дело.
Весла изрезав на части, пустивши на топливо снасти,
Лодку саму разрубает и яркий огонь зажигает.
Легкая лодка сгорает, дымный облак наверх посылает,
Но от костистого свода он спускается к Витину снова,
Наполняет китову утробу, долго ищет наружу дорогу,
Наконец, через пасть вылетает и в воздухе струями тает.
Рыкает фурия злобно, огнедышащей Этне подобна,
Серой зловонною пышет и на небо копотью дышит.
Внутренность пламя терзает, Эвменида покоя не знает,
Мечется в волнах соленых, оглашая окрестности стоном.
Негде бедняжке сокрыться, ибо враг ее в ней же гнездится.
То на поверхности моря ищет, как бы избыть это горе,

Буря на море.
Кодекс Экберта.
977–993 гг. Трир

Моисей, разделяющий
Красное море.
Испания. X в.
The Pimlico encyclopedia
of the Middle Ages. P. 73

То в глубину погружается, там от мук излечиться пытается.
Только лишь множат мученье безумные рыбы движенья.
Гость, проглоченный ранее, прибавляет несчастной страдания.
Витин прыгнуть не поленился к закопченному своду темницы,
Битвы кинжал его просит, в бок он рыбе удары наносит,
Дальше этих ударов череда принесла еще больше вреда:
Легкие сталь рассекает и желудок на части кромсает.
С сердцем и печенью тоже расправился Витин похоже.
Хочет он ребра крутые сокрушить, как скорлупки пустые,

Чтобы моря карающий вал сквозь пролом внутрь кита проникал.
И в ответ на жестокий удар так высокий чертог застонал,
Что достиг этот возглас предсмертный звезд, сиявших на тверди небесной.
Так вкусившего пища убила, так обжору еда погубила.
Жертва охотником стала – что еще на земле не бывало.
Кровью гость обогранный и сил совершенно лишенный
Остался в своем заточенье, продолжая свои злоключенья.
Снова кресалом ударил – и на вертеле ужин поджарил,
Плотию плоть подкрепляя, рыбой себя угощая.
Витин пять дней и четыре ночи в темной томится пещере.
Солнце, что мир освещает, ныне новый свой круг совершает.
Хоть в мрачных пучинах морских на удачу надежд никаких,
Храбрый рыбак не сдается, он с судьбой за спасение бьется.
Резвые волны на берег выносят тем временем зверя,
Мертвого, схлынув, бросают и на желтом песке оставляют.
Близ Ровикастрийского града оказалась китовья громада,
Близ места, где Витин родился и где он рыбачить учился.
Быстро сошлись горожане, дар морей осмотреть пожелали.
Явились и стар, и млад, мечи и секиры блещут.
Лестницы вмиг приставляют, на спину кита залезают.
Каждый о ближних хлопочет, отнести часть добычи им хочет.
И закипела работа, сталь удары наносит без счета.
Соседу сосед помогает, дружный шум берега оглашает,
И в самые недра китовы вот-вот проникнуть готовы,
Не зная, что там, как в темнице, их сородич плененный томится.
Витин в своем заключенье топоров ощутил приближенье,
Понял, что Богом хранимый, он на берег вернулся родимый,
Обратился к согражданам с речью: “Эй, братья, рубите полегче,
В чреве зверя – чего не бывает! – злострадальный рыбак пребывает”.
Дрожь горожан сотрясает, секиры из рук выпадают,
Голос, от ужаса севший, не рвется из уст побелевших.
В бегство толпой обратились, бежать без оглядки пустились,
Друг друга перегоняют, несутся, лишь пятки сверкают.
Их безыскусный рассказ весь город немедля потряс.
Мигом сбегаются жены, прихвативши свои веретена,
Мчит любопытная младость, поспешает согбенная старость,
Совсем позабыты заботы, людям новость услышать охота.
Вести такие услышав, в собор устремился епископ,
Клир пригласил на служенье, чтоб умерить народа смятенье,
И в обращенье к народу объяснил он событий природу,
Всех он Богу молиться призвал, чтобы город беды избежал,
Чтоб горожан благочестье не несло никакого бесчестья,
Чтобы духа нечистого ярость в проклятиях не изливалась:

“Моря коварного вал нам чудовище это прислал,
Гибелью голос грозит, что из рыбьего брюха звучит”.
Благочестивых мужей в пастве выбрал епископ своей,
С ними на берег морской он пошел со святою водой
И с образами святыми, призывая Иисусово Имя,
Чтобы, не сделав вреда, дух нечистый ушел навсегда.
Шествуют знатные таны, во главе копыеносной дружины,
И со скоростью молнии любопытными берег заполнен.
Лестницы к ребрам китовым приставляют, держа наготове
Воду святую, чтоб всюду хорошенько полить эту грудю.
И говорят: “Слушай, бес, если ты в эту тушу залез,
Имя свое называй, в чем провинность твоя, не скрывай,
Пред образами святых не должно быть неправд никаких,
Ну же, во Имя Святое, дай ответ нам, что ты есть такое”.
“Витин я, – голос сказал, – тот, кто в море недавно пропал.
Злая сия Эвменида, как рыбешку, меня проглотила.
Что же вы медлите, люди, помогите мне выйти отсюда,
Белый свет я хотел бы узреть, на родные поля посмотреть”.
Мужество к англам вернулось, уstraшенные души очнулись,
Принялись бодро за дело, утомляя работой железо.
Снова шумом брега оглашают, и секиры на солнце сверкают.
Части китовьего тела на кровавый песок полетели.
Епископу лучшую долю, как дар замечательный, дали,
Клирики мясо китово унесли, чтоб к обеду готовить.
Право народ получает на добычу, ее разделяет,
Нагрузивши корзины пустые, все вернулись в пенаты родные.
Витин наружу явился, весь облик его изменился;
Так же, как в зимнюю стужу потеряв свои перышки, тужит
Горлица в пору цветенья; как орлы красоту оперенья
Вместе с дряхлостью плоти теряют, возвращенную юность встречают.
Вот что с орлом приключается: одеянья он вовсе лишается,
Глаз орла, что на солнце взирает, непроглядная тьма покрывает,
Когти и загнутый клюв опадают, как листья с дерев,
Голод несчастного гложет, ибо пищу добыть он не может.
Витин, вернувшись из бездны, как орлы, изменился, болезный:
Выпали в чреве зверином волосы все до единого,
Ключьями кожа отстала, ногтей обожженных не стало.
Витина очи открылись, но мгла перед ними сгустилась,
Зренье, привыкшее к ночи, приспособиться к свету не хочет.
Он, поражен слепотою, не узнал побережье родное.
Родичей, что прибежали на берег, глаза не видали,
По голосу или на ощупь узнать их ему было проще.
Пленник соленой темницы, как воскресший мертвец из гробницы,

В город стремится родной, окруженный гудящей толпой.
Почесть ему оказать бедняки подбегают и знать,
По узеньким улицам города, как король, Витин шествует гордо.
Епископ навстречу выходит, тут же клир многолетье заводит,
Знать окружает стеною, народ напирает волною,
Многие дивного дела подробности знать бы хотели,
Сыплются градом вопросы, рыбака утомляют допросом.
Весть о спасенье Витина достигла его половины,
К берегу женщина мчится, как быстрокрылая птица,
Дети за нею вприпрыжку, оставивши дом нараспашку.

Долго им нужно бежать, ибо домик от моря далёко,
Витин меж тем горожан, как Иона второй, просвещает,
Им повествуя о том, как из чрева китова он спасся.
Прямо на берег жена прибежала с тревогой на сердце,
Мечется меж кораблей, что ладьями народ называет;
Так черно-белой стрелой резвокрылая ласточка в небе
Синем летит высоко, озирая селенья и воды,
Воздух шумящий крылом рассекает, щебечущим детям
Корм собирает, круги в поднебесных просторах рисуя.
Так и жена рыбака меж ладьями высокими кружит,
Мужа, рыдая, зовет, и земля откликается стоном,
Крики ее подхватив, отвечает сочувственно эхо,
“Витин”, – зовут берега, восклицая с несчастною: “Витин”.

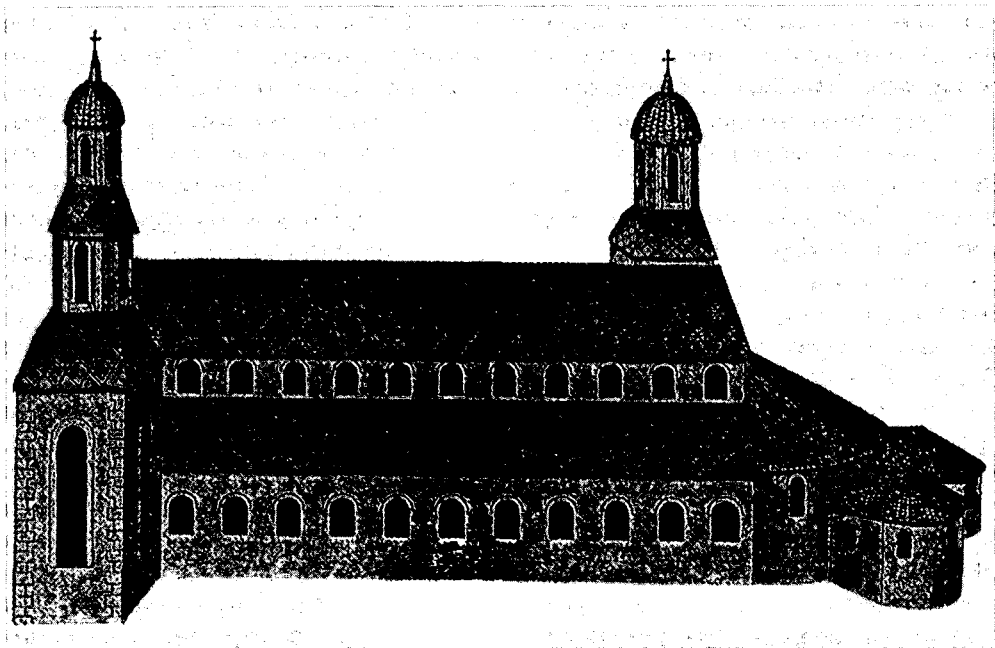
Женщина, в город придя, обратилась с расспросами к людям;

На мужа толпа указала, но мужа она не узнала:
Некто пред ней безобразный, покрытый коростой и грязный,
Нет ни ресниц, ни бровей, ни белокурых кудрей,
Прежним лишь голос остался, изменениям он не поддался.
Мужа услышавши голос, женщина вмиг успокоилась,
Витина тут же признала, вокруг мужа захопотала,
Шею обвивши руками, плешь поливая слезами.
Витин домой воротился, под крышей родной очутился,
Добычей богатой снабженный, дорогими дарами почтённый.
После же многие лета Витин здравствовал в городе этом,
Прежняя внешность вернулась, и удача в делах улыбнулась.
Кончается стих о Витине.

Фульберт Шартрский

Неизвестно, когда в Шартре впервые появилась школа. Религиозное обучение, вероятно, было там с ранних дней, когда там появилась христианская община, и в позднеантичные и франкские времена там, вероятно, существовала некая школа для клириков. Однако до 2-й половины X в. ничего особен-

ного о Шартрской школе не было известно. В самом конце X в. школа стала известна благодаря учителю и позже епископу Шартра Фульберту. До этого времени Шартрская школа была всего лишь одной из многих соборных школ Франции, но при Фульберте преподавание в ней достигло таких высот, что в течение следующего, XI-го, столетия с ней никто не мог сравниться. Все биографические подробности жизни Фульберта почерпнуты из его переписки. Предположительно он родился в 70-х годах X в., в конце 80-х был учеником Герберта Орильякского¹. Местом его рождения считают Пикардию, опять-таки основываясь на его письмах, однако этот факт объясняет его учебу в Реймсе. Все известные факты его жизни указывают в любом случае на северную Францию. Соучеником Фульберта у Герберта в Реймсе был Роберт, будущий король Франции Роберт Благочестивый (996–1031). Неизвестно, когда Фульберт появился в Шартре, но к 1004 г. он уже занимал там прочное положение и в это время упоминает в письмах о себе как о диаконе. Аббон Флерийский знал Фульберта достаточно хорошо и состоял с ним в переписке. Когда в 1006 г. умер епископ Шартра Ральф, король Роберт назвал Фульберта как его преемника на Шартрской кафедре. В качестве епископа Шартрского (Карнотенского) Фульберт был одним из наиболее значительных людей как в Церкви, так и в государстве. В Сансской провинции он был вторым лицом после архиепископа, по старшинству кафедры он занимал более высокое положение, чем епископы Орлеанский и Парижский. В то же время Шартрское епископство находилось на королевских землях. Епископ считался вассалом короля и мог рассчитывать на его поддержку. О епископстве Фульберта мало известно до 20-х годов XI в. 7–8 сентября 1020 г. сгорел собор Шартра, и сам город сильно пострадал. Фульберт начал строить новый собор, но крипты были построены только к концу 1025 г., и собор еще не был достроен ко времени смерти Фульберта в 1028 г. Последние годы своей жизни Фульберт тяжело болел, и, хотя ему приходилось вмешиваться в отношения между королем Робертом и его вассалом, графом Одоном Санским, Шартрским и Блуасским, эта дипломатическая деятельность была ему явно тяжела. В начале 1028 г. Фульберт последний раз приехал в Париж, чтобы в качестве свидетеля поставить подпись под королевской грамотой. 10 апреля этого же года он умер, а на следующий день похоронен в монастыре Сен-Пер прямо перед стенами Парижа. До нашего времени дошел большой корпус писем (более ста) Фульберта, его проповеди, стихотворения, литургические сочинения, выписки, которые он делал при чтении. Современники Фульберта считали его одним из самых образованных людей своего времени. Наибольшее количество цитат в сочинениях Фульберта взято из Священного Писания, из латинских Отцов Церкви и из сборников светского и церковного права. Однако он имел и хорошее светское образование, о чем говорят цитаты из Вергилия, Горация, Теренция, Тита Ливия, Валерия Максима, Орозия. Он был также знаком с трудами Боэция по логике. В Шартрской школе во времена Фульберта преподавание основывалось на семи свободных искусствах.

Реконструкция собора, построенного Фульбертом Шартрским.

Favier J. The World of Chartres. N.Y., 1990. P. 47

Сохранился интересный учебник по диалектике и риторике, куда входили сочинения Аристотеля, Цицерона, Боэция. В состав другого учебника – “О разнице между диалектикой и риторикой” – входили сочинения Порфирия, Аристотеля, Мария Викторина, Цицерона, Боэция, Герберта Орильякского и самого Фульберта. Вряд ли Фульберт продолжал столько же преподавать в соборной школе, как и до избрания его епископом, но вполне возможно, что его помощники, например, его ученик Хильдегар, преподавали основы, а сам Фульберт занимался с учащимися этими же предметами на более высоком уровне. Среди учеников Фульберта были Ангельрамн, глава школы в Сен-Рикье, позже настоятель этого знаменитого монастыря; Гумберт из Монтмажура, проучившийся в Шартре девять лет; Ольберт, настоятель Жемблу²; Бернард, глава соборной школы в Анжере; Адельман, глава соборной школы в Льеже, позже епископ Бреши; знаменитый Беренгар Турский, чью судьбу, по преданию, Фульберт предсказал на смертном одре.

Перевод сделан по изд.: PL 141, 189–264; 317–324, 345–348.

Проповеди к народу

Проповедь 1

Досточтимые отцы, любимые братья, сыны Божии, желаем вам напомнить нечто о том, что никогда вам не подобает забывать, а именно: как вы должны веровать и жить, и если кто согрешил, как может вновь исправить. Эти суть Три: такова кафолическая вера, что Единого Господа в Троице, и Троицу в Единиче почитаем. А есть многие, которые не могут этого понять, если не побудить их к пониманию словно бы чрез некие сравнения. По этой причине приведем и мы нечто подобное. В солнце есть три части согласно законам природы: шар, свет, тепло. Шар солнца по природе своей сияет и греет. Высший Отец по природе Своей Премудрый и Любящий; шар солнца, и свет его, и тепло суть не три солнца, но одно солнце; Высший Отец и Премудрость Его и Любовь Его суть не три бога, но Единый есть Бог; Премудрость есть Сын Божий, Дух святой есть Любовь. Таким образом, Отец и Сын и Святой Дух есть Единый Бог; Сей Бог до времени и ныне, и всегда творит все видимое и невидимое.

Спрашивается же: почему Отец Бог пожелал, чтобы Его Сын, то есть Премудрость, сделался Человеком? Ответим столь кратко, сколь можем; ради искупления человека, который погиб по причине своей вины и сам по себе не мог исправиться. Ибо прежде чем человек согрешил, он был благоразумен и бессмертен и имел свободную волю; хитрость диавольская была, однако, такова, что он соблазнил человека и сделал его неразумным, смертным и немощным: как он мог, сделавшись глупым, немощным и смертным, одолеть диавола и восстановить сам по себе то, что потерял, он, который и все свое, еще будучи в силах, не защитил? Однако никоим образом не могло не исполниться то, чего желал Всемогуший.

Проповедь 2

Братья, я верю, что все мы, кого вместила эта базилика, по вере христиане. Итак, во-первых, воздадим благодарение Богу, Который нас удостоил призвать к Своей вере, а чрез благодать крещения очистить от греха и освободить от диавола. Произнесите Богу благодарение, братья: если бы мы пребывали в той чистоте, которая была дана нам чрез крещение, мы были бы поистине блаженны. Но мы не остались в этой чистоте, ибо мы отступили чрез наше прегрешение, не только в грехах, но еще и в преступлениях, по причине которых грешники отделяются от Церкви; а преступления эти суть человекоубийства, блуд, прелюбодеяние, кощунства, грабежи, кражи, лжесвидетельства, гордость, зависть, алчность, ежедневный гнев, постоянное опьянение. Итак, поскольку мы принесли благодарение Богу за благость Его, так мы, виновные, покаемся ради нашей злобы и скажем каждый по отдельности: мы грешники. Братья, поистине мы таковы пред Богом и святыми

Его, но велико милосердие Того, Кто нам до сих пор дает место или время для исправления.

Итак, исправимся к лучшему, по Писанию, в том, в чем мы согрешили по незнанию; потому что, если вы не знаете, как должно исправляться, следует вам сказать. Во-первых, перестаньте грешить: ибо кто Господа не прекратит оскорблять, не плодоносно его покаяние, и кто не положит предел преступному греху в этой жизни, не обретет милости в другой. По каковой причине, как я сказал, необходимо, во-первых, положить конец преступлению, затем же уничтожить совершенное покаянием, милостыней, молитвой. Меру покаяния вам назначают священники. Мера милостыни определяется по возможности и вашей доброй воле. Меру молитвы установил Христос с обоюдным условием, которое вы знаете, а именно: “и остави нам долги наша, якоже и мы...” и так далее³. Итак, увещаем, братия, чтобы вы бежали преступлений, а покаяние, наложенное на вас, принимали с радостью, исполняли с усердием. “Нынешние временные страдания ничто не стоят по сравнению с тою славою, которая откроется в нас” [Рим 8, 18]. Также по возможности творите милостыню, ибо как вода гасит огонь, так и милостыня гасит грех. Будем молиться как друг за друга, так и за себя, по речению апостола: “Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться” [Иак 5, 16]. Мы знаем, что многие избегли смертельной опасности чрез покаяние, многие – чрез молитву. Будем же стараться, братия, оказаться среди этих людей, ибо Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его [Мф 11, 12]. Да придаст сил нашей слабости Тот, Кто сказал: “Мужайтесь: Я победил мир” [Ин 16, 33], Господь наш Иисус Христос, Который со Отцем и Святым Духом живет и царствует в бесконечные веки веков. Аминь.

Проповедь 3

На праздник Сретения (Очищения Всеблаженной Марии)

Мы хотим кратко рассказать вам, братия, откуда произошел праздник Очищения, который вы сегодня отмечаете, и что значат свечи, которые вы приносите. Этот праздник появился по причине закона. Ибо Бог предписал в законе, чтобы женщина, которая, зачав от своего мужа, родила первенца, в сороковой день по рождении приносила младенца в храм Господень с жертвами; и этот день называется днем Очищения. Это предписание и приношения другие матери исполнили по необходимости, ибо они были осквернены и грешны; когда же Христос был рожден от Блаженнейшей Девы Марии, Она не имела нужды в очищении по закону, ибо была чиста и свята. Однако Она, хотя не имела нужды слушаться закона, подчинив себя ему ради смирения и послушания, принесла в храм Божий Своего Сына с жертвами в сороковой день по рождении, то есть в сегодняшний день. Но это приношение было необычайно и славно, ибо по внушению Святого Духа, Ей навстречу выбежали святой пророк Симеон и Анна, святая вдова и пророчица, восхва-

ля и благословляя Господа о пришествии Христа и, как читается в Евангелии, совершая чудеса. Ибо, братия, Христос, пришедший во плоти, являл равно и пример смирения, и знаки божественной милости. Как в Рождестве Своем, когда Он смиренно лежал в яслях, был прославляем на небесах новой звездой и восхвалениями ангельскими, так и когда Он как крошечный Младенчик был принесен в храм для объявления Его Божественности, скрывающейся в плоти, сердца пророков просветил Святой Дух. Мы же, поклоняющиеся Ему – истинному Богу и Человеку, в память Принесения Его во Храм торжественно празднуем этот день принесением свечей, знаменуя чрез свет свечи Божество, чрез воск Его девственную плоть. Ибо пчела, изготовительница и меда, и воска, рождается без соития мужа и жены. Итак, очевидно, что Принесение Христа во Храм произошло из послушания закону, и наше символическое приношение происходит из пресладкой и досточтимой памяти Его Приношения во Храм. Ныне, зная, как этот праздник появился от добрых начал и сколь благочестивое и святое значение имеет наше приношение, украсим же праздник Божественными хвалами и деяниями, и торжественно и с благочестивым чувством совершим наше приношение, моля всемилостивую Матерь Божию, чтобы Она удостоила нас и наши дары сделаться угодными Своему Сыну, и по подобию нашего приношения, которое видится чистым, светлым и пылающим, попросит нам у Него чистоты сердечной и телесной; света знания, пыла веры и любви, так, чтобы даром Его благодати воспламененные, Духом Святым просвещенные, очищенными умами в святом храме Его славы мы смогли бы служить, благодаря Тому же Господу нашему Иисусу Христу.

Проповедь 9

О Благовещении Господнем

1. *Ущерб, нанесенный Евой, и благоденствия, принесенные Марией.* Приближается к нам, возлюбленные, желанный день Блаженной и Досточтимой Приснодевы Марии: потому да возрадуется величайшим ликованием наша земля, освещенная праздником столь Великой Девы. Ибо Она – цветок полевой, от которой произошла драгоценная лилия долин [ср. Песн 2, 1], чрез Ее Дитя изменилась природа, и уничтожился грех первородителей. Снято в Ней сказанное о несчастье Евы, в котором говорится: “в болезни будешь рожать детей” [Быт 3, 16]; ибо Она в радости произвела на свет Господа. Ибо Ева возрыдала, Она возликовала; Ева носила во чреве слезы, Мария же – радость, ибо та родила грешника, а Она – Невинного. Девой оставаясь, родила, ибо Девой оставаясь, зачала; родила, не потерпев ущерба, ибо не было похоти при зачатии. С обеих сторон чудо: и без истления непраздная, и в родах Дева-роженница. Ангел, послан был Богом Отцом, знаменуя начало нашего спасения, и сошел с неба, чтобы приветствовать Блаженную Марию: “Радуйся”, говорит Ей ангел, “Благодатная, Господь с Тобою” [Лк 1, 28]. Итак, исполнена Мария благодати, и Ева освобождена от вины. Злодеяние Евы превратилось в

благодеение Марии: “Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою”. С Тобою Господь в сердце, с Тобою во чреве, с Тобою в утробе, с Тобою в помощи.

2. *Мария превосходит всякую хвалу.* Радуйся, Блаженная Дева, Христос Царь со Своего неба сошел в утробу Твою, с лона Отца изволил сойти в утробу Матери. “Благословенна Ты в женах”, говорит ангел, “Которая родила Жизнь и мужам, и женам”. Матерь рода нашего внесла вину в мир; Родительница Господа нашего принесла спасение миру. Виновница греха есть Ева, подательница награды есть Мария; Ева, погибая, принесла вред, Мария, животворя, принесла пользу. Та нанесла рану, Сия исцелила. Ибо непослушание переменяется на послушание, вера возмещает вероломство. Итак, в радости Мария носит Младенца, носит Того, Кем носима. Совсем не вдруг, как воображают то савеллиане⁴, обрела Она младенца, но по прошествии девяти месяцев родила Христа. Пусть ныне ударит в органы Мария, и пусть зазвучат тимпаны под проворными пальцами Роженицы. Пусть стройно воспоют радующиеся хоры, и пусть сладкозвучные песни сольются перемежающимися мелодиями. Итак, слушайте, как воспела наша Тимпанистка; ибо Она говорит: “Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей; ибо отныне будут ублажать Меня все роды; Что сотворил Мне величие Сильный” [Лк 1, 46–49]. Ибо причиной той все возрастающей радости было чудо небывалое. Необычайное Порождение Марии преодолело порождение Евы, и песнью Марии был устранин плач Евы.

3. *Спасение мира происходит с согласия Марии. Мария есть Матерь и Дева. Она сочеталась браком с Самим Богом. Пророчество Иеремии о Марии.* Наконец, пока Она молча спрашивала Саму Себя, “что бы это было за приветствие” [Лк 1, 29], небесный посланник между тем продолжил: “Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога, и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус” [Лк 1, 30–31]. И она спрашивает: “Как будет это, когда Я мужа не знаю” [Лк 1, 34]. И ангел говорит Ей: “Дух Святой найдет на Тебя, и Сила Всевышнего осенит Тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим” [Лк 1, 35]. Ты уже слышала, как будет это, ответь ныне снова, что Ты тревожишься духом? Ты слышала, как будет это, ибо Дух Святой найдет на Тебя, чтобы ты родила Дитя и не потеряла девства, Сына произвела бы на свет и после рождения пребывала бы непорочной. О Блаженная Мария, весь плененный мир умоляет Тебя о согласии: Тебя, Госпожа, мир делает порукой своей веры. Не медли, Дева: посланнику поскорее проречи слово, и прими Сына; дай веру, и почувствуй силу. Она говорит “Се, Раба, Господня; да будет Мне по слову твоему” [Лк 1, 38]. Не медля, возвращается посланник, и на Девственный Брак входит Христос. Всеблаженная Богородица делается внезапно непраздной, и на все веки отныне провозглашается Блаженной. Зачала Она тотчас, Слову доверившись, не зная сожителства с мужем; наполнилась утроба, не оскверненная никаким человеческим объятием. Она пребывала Девой, когда зачала, Девой, когда была непраздна, Девой

в родах и Девой после родов. Прекрасна та девственность, и преславна плодovitость. Радуется Мария, и, радостная, удивляется тому, что Она – Мать, и ликует, что Она родила от Святого Духа; Она не ужасалась тому, что родила вне брака, но, ликуя, удивлялась тому, что родила. Итак, возрадуемся и мы, братия, в день столь великой Девы, Которая, обручившись с плотником, в брак вступила с Архитектором Небес. Ибо Ей был обещан Сын чрез посещение Святого Духа. Слыша о том, Она радуется и желает сделаться Матерью. Следовательно, что удивительного, если без истления родила Того, Кто освящением был зачат; ибо не пристало, чтобы Тот, Кто нам принес спасение, лишил Матерь Свою достоинства девства. Ибо Тот, Кого не вмещает ни земля, ни море, ни небо, удерживается внутри одного малого тела. Она есть то новое, предвозвещенное пророчеством пророка Иереми: “Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа” [Иер 31, 22]. О Жена, превыше жен благословенная, Которая мужа вообще не знала, и Мужа в утробе Своей приняла! Мария приняла Мужа, поверив ангелу; тогда как Ева погубила мужа, согласившись со змием.

4. *Слова Ангела к Марии. Милость Марии вверяется.* Ангел приветствует Деву, не знавшую приветствия мужа; Дева страшится новизны слов. Сказал Ей ангел, как изложено выше: “Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Господа”. Не страшись появления моего, Матерь Господа моего, я пришел как служитель Твоего зачатия, вступил не для того, чтобы Ты потеряла девство; Тот меня послал к Тебе, Кто рождается от Тебя. Ибо Ты зачнешь и родишь Сына; не просто сколько-нибудь значительного человека, но Спасителя всего мира. Вспомни, Мария, Ты читала о Деве в книге пророка Исаии, что Она родит [Ис 7, 14]; и радуйся и ликуй, ибо Ты удостоилась быть Сей Девой. Это Ты – прообразованная в пророчестве Дева; се, Ты примешь во чреве, не от мужа, но от Духа Святого: и будешь непраздна, и останешься неповрежденна. Ты Сына родишь и не потерпишь ущерба для девственности Своей. Ты сделаешься непраздной, и будешь Матерью вечно девственной. Тяжела станешь и чести непорочности не потеряешь. Набухнут сосцы твои, и целомудренными останутся детородные части. И Она сказала: “Се раба Господня: да будет Мне по слову Твоему”. О блаженная милость, о замечательная благодать, тем, что со смирением и верою приняла, Она в Себе Творца Небесного плотью облекла! Исполнил в Ней Господь, что некогда предсказал: “Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений” [Ос 6, 6]. Это была истинная милость, более всякой жертвы послушание приятное, это изволение, более всякого жертвоприношения принимаемое; с этого времени она удостоилась славы, которую Сама Она после восхвалила: “Се, отныне будут ублажать Меня все роды” [Лк 1, 48].

5. *Моление к Блаженной Деве.* О Всеблаженная Мария, кто может достойно вознести Тебе благодарение и провозгласить хвалы Тебе, одним Своим согласием пришедшей на помощь погибшему миру? Какие хвалы воздаст бренный человеческий род Тебе, единственным только лишь Своим обето-

ванием нашедшей возможность освобождения? Прими пусть скудную, пусть неравную заслугам Твоим, благодарность; и когда примешь наши молитвы, оправдай молитвой Своей наши прегрешения. Допусти наши молитвы в святое место, где они услышаны будут, подай нам средство для примирения. Да простится нам Тебя ради то, о чем мы Тебя ради печалуемся; да достигнем того, чего мы с верою сердечной испрашиваем. Прими то, что мы возносим, возврати то, что просим, освободи от того, чего боимся. Ты есть единственная надежда грешников, чрез Тебя ожидаем прощения грехов; и в Тебе, Преплаженная, ожидание наших наград. Пресвятая Мария, приди на помощь несчастным, поддержи малодушных, подкрепи плачущих, молись за народ, заступись за клир, ходатайствуй за благочестивых жен. Пусть все, Твой день памяти празднующие, ощутят поддержку Твою. Будь в помощь, с готовностью молитвам просящих внимающая, и подай всем осуществление желаний. Да не прекратится усердное моление Твое за народ Божий, Благословенная, удостоившаяся носить Искупителя мира, Который живет и царствует во веки веков.

Послания

Славнейшему отцу и архиепископу своему Леутгериху⁵ – епископ Фульберт. [ок. 1008 г.]

Будь осторожен и осмотрителен, помощник кормчего на королевском корабле. С необычной силой шипят духи земного царства. Вздываются волны века сего. Ощерившиеся утесы власти мирской грозят опасностью, и лицемеры расставляют сети, подобно морским разбойникам. Среди всего этого должно устремляться к гавани Небесного Отечества. Так и ты сам небезопасно стоишь на границе двух морей, не приобщайся же в сердце своем к сомнению и двоедушию. Ибо прост путь Господень, и кто ступает просто, ступает уверенно. Если ты, соблаздившись по какой-нибудь причине, отклонишься от пути закона Господня, то потерпев кораблекрушение, пойдешь ко дну, в Харибду тартара. Да управит тебя сильная рука Всемогущего Бога. Будь здоров.

Превосходнейшему и любимому господину своему Роберту⁶ Фульберт, епископ Карнотенский, желает непрерывного честного продвижения к вершине блаженства. [1016 или 1017 г.]

Среди многих моих тревог, меня немало угнетает забота о тебе, господин. Ибо когда я узнаю, что ты разумно действуешь, радуюсь, если же нет, печалюсь и страшусь. Услышав среди прочего, что в ближайший праздник Рождества Господня ты будешь держать совет со знатными мужами королевства о заключении мира, я радуюсь. Но, услышав, что град Аврелианский⁷ был опустошен пожаром, осквернен святотатствами, сверх того, осужден на отлучение от Церкви и после не примирен с Нею, я удивляюсь, и трепещу, и тревожусь. Ибо, подумай, скольким твоим верным епископам, которые в этот

самый день должны собраться, чтобы прославить Бога и тебя, будет причинена скорбь, если бы они оказались в том месте, где невозможно и им самим служить миссу, и тебе принимать святейшую Евхаристию? Да не будет так, возлюбленный господин, чтобы ты в столь великий праздник был или лишен Божественной службы, или сознательно дозволил совершать ее незаконно или недостойно! Потому я позаботился тебя предупредить о том, чтобы ты или привел этот город к примирению с Церковью, или заранее подумал, где лучше было бы совершать праздник. А я хотел бы посоветовать тебе, если могу, чтобы ты из-за гнева, который не исполняет правосудие Божие, не отказал бы в перемирии твоему епископу, пообещал справедливое решение, сверх того, оказал бы и услугу, если он захочет, в примирении своих Церквей. Если же епископ откажется от этого, он останется в опасности, ты же приплывешь в гавань. Впрочем, поскольку ты приказал, чтобы я при том присутствовал, хотел бы я остановиться у св. Максимилиана, что, думаю, монахам того монастыря не будет неприятно, чтобы там, отслужив ночью Рождественское бдение, на следующее утро я мог бы быть готов находиться полностью в твоём распоряжении. Всегда будь здоров и процветай во Господе.

Фульберт, недостойный епископ, желает несказанно любимому отцу и господину своему Одилону⁸ говорить оды с херувимами и серафимами.

Столь сильно, насколько я могу чувствовать в сердце своем, я благодарен тебе, святой отче, что ты словно бы утешаешься моей тягостной, на мой взгляд, и едва выносимой навязчивостью: и ты, господин, рабу твоему, обязанному тебе всем, что он имеет, наоборот, намереваешься послужить. Поистине, здесь живет и сияет та сильная и прекрасная любовь, которая, согласно Апостолу, долготерпит, милосердствует, и сила которой никогда не перестает [1 Кор 13, 4–8]. Той любовью движимый, томлюсь я лишь желанием наконец-то оказаться рядом и насладиться общением с тобой, но удерживает меня ныне тяжелая нужда. Ибо тот самый злодей Гауфрид⁹, которого я отлучил от причастия за многие преступления, не знаю, то ли отчаявшись, то ли впад в безумие, собрал множество воинов, не ведающих, куда их поведут, и неожиданно пожег огнем наши угодья, и затевает против нас, какие может, козни. Потому, чтобы такие дела не остались не обсужденными или не отмщенными, мне необходимо сначала встретиться с графом Одоном¹⁰. Если же он это дело оставит без внимания, то мне останется просить покровительства короля и Рикарда¹¹. Если и они также не позаботятся пособить, не знаю, что еще мне останется, кроме как совершить миссу и в полном одиночестве служить Христу.

Будьте здоровы.

Господину своему королю, светлейшему Роберту Фульберт, смиренный епископ Карнотенский, желает всегда пребывать в милости у Царя царей. [после 1019 г.]

Мы приносим благодарение Вашей благосклонности, ибо Вы недавно послали к нам Вашего посланника, каковой нас порадовал, возвещая нам о Вашем

благополучии, и рассказал Вашему Величеству о положении наших дел, узнав об этом от нас. И тогда же мы написали Вам о несчастьях, которые наносит нашей Церкви виконт Гауфрид, который предостаточно показывает, что он ни Господа, ни Вашего Превосходства не боится, так как он восстановил и замок Галардоне¹², Вами некогда разрушенный; об этом замке мы можем сказать: “от востока откроется бедствие [ср. Иер 1, 14]” нашей Церкви. И другой замок он еще дерзнул занять около реки Иллер, в угодьях Святой Марии¹³, о каковом истинно можно сказать: “И от запада откроется бедствие” [ср. Иер 1, 14]. Ныне также об этих же несчастьях мы по необходимости пишем и жалуемся Милосердию Вашему, прося от Вас совета и помощи, ибо от сына Вашего Гугона¹⁴ касательно этих несчастий мы не получили никакой помощи или утешения. По причине этих бедствий мы, охваченные скорбью до глубины сердца, уже предались такому плачу, что трубы наши, имевшие обыкновение возвещать веселье и радость, перестали звучать, дабы в известной мере свидетельствовать печаль нашу, и Божественная служба, которая по милости Божией до сих пор по обыкновению торжественно служилась в нашей Церкви с великим ликованием сердца и уст, ныне достойным жалости образом совершается только стесненными голосами и почти что в молчании. Оттого, преклонив колени с плачем сердца и души, мы умоляем Ваше Благодетельство, придите на помощь Церкви Пресвятой Богородицы, которую нам, верным Вашим, насколько в наших силах, хотя и недостойным, Вы пожелали вручить в управление; в тех тяготах, что на нас обрушились, получить утешение и отдохновение мы можем, кроме как от Господа, лишь только от Вас. Подумайте, как от этого нам освободиться, и обратите наш плач в радость, настойчиво прося графа Одона и твердо повелевая ему Вашей королевской властью, чтобы он приказал уничтожить духом истины вышесказанные хитрости, внушенные диаволом, или сам разрушил их ради Господа и Верности Вашей и чести Пресвятой Девы Марии и любви человека, до сих пор Вам верного. Если и ни с Вашей, ни с его помощью нельзя будет прекратить это, словно бы нескончаемое, смущение в наших местах, что иное остается, кроме как полностью запретить во всем нашем епископстве совершать богослужения? а потом нам самим – увы! – против воли и принужденным крайней необходимостью удалиться куда-нибудь в изгнание, не имея более сил видеть своими глазами попираание Святой Божьей Церкви. Чтобы мы не были вынуждены так поступить, снова и снова со слезами умоляем Ваше Милосердие, дабы после изгнания из Ваших земель мы не оказались принуждены открыто признать – чего да не будет! – пред чужим королем или императором, что Вы не захотели или не смогли защитить Невесту Христову Святую Церковь, Вам вверенную для управления.

Славному герцогу аквитанцев Гильельму¹⁵ епископ Фульберт желает молитвенной помощи. [1020 г.]

Вы призвали меня написать нечто о том, что такое верность, и я кратко написал Вам то, что следует от речительств книг. Кто клянется господину

Крипта Шартрского собора, построенная при жизни Фульберта.
Miller M. Chartres Cathedral. N.Y., 1996. P. 8

своему в верности, должен всегда держать в памяти эти шесть вещей: неповрежденность, безопасность, честность, полезность, легкость, возможность. Неповрежденность, а именно: чтобы не причинить господину своему ущерба, повредив тело свое. Безопасность, чтобы не причинить ему ущерба в отношении его тайн или охранений, благодаря которым он может находиться в безопасности. Честность, чтобы не причинить ему ущерба в отношении его справедливости или других дел, которые, как видится, относятся к его чести. Полезность, чтобы не причинить ему ущерба в отношении его имущества. Легкость или возможность, чтобы то доброе, что господин его мог легко сделать, не сделать ему трудным; или то, что возможно, не сделать бы для него невозможным. Справедливо, чтобы верный своему господину человек остерегался причинить ему вред, но не потому только, что он удостоен нести службу, ибо недостаточно воздерживаться от зла, если не делать то, что есть благо. Остается, чтобы в этих же шести вышеназванных вещах он верно подавал совет и помощь своему господину, если желает оказаться достойным благодеяния, и не нарушать верности, в которой поклялся. Господин также во всем этом, в свою очередь, должен поступать также со своим верным слугой. Если же господин чего-то не сделает, то по заслугам будет считаться преступ-

пившим: так как он, если будет замечен в нечестности в этих шести вещах, будь то делом, или согласием, окажется нечестивцем и клятвопреступником. Я написал бы Вам больше, если бы не был занят многими другими делами, затем еще восстановлением города и нашей Церкви, которая вся недавно сгорела в ужасающем пожаре. Каковой ущерб не мог не потрясти нас, хотя бы и немножко, однако нас успокаивает надежда на Бога и Ваше утешение.

*Фульберт, смиреннейший из епископов, приветствует своего Хильдегария*¹⁶. [ок. 1021 г.]

Отсутствие твое часто напоминает, сколь необходимо твое присутствие. Но меня утешает то, что я выражу тебе полнейшую покорность, чтобы ты был достоин ее принять и готов одарить в ответ и тем и другим. Ибо надеюсь, что мне также вместе с тобой будет предоставлена некоторая частица милости от твоих заслуг, если каковы, как Бог даст, будут. Потому я охотно помогу, оказав услугу. Но день прихода к вам я не решаюсь определить, ибо тогда мне, как думаю, не хватит средств, да и в моей диоцезе я занят многими делами. А ты сделай тем временем то, чего я весьма желаю, и верю, что ты это сделаешь: свой труд чтения, молитвы и научения братьев в радости духа распределяй, исполняя заботу равно о душе и о теле, чтобы из-за утомления последнего не пропала бы бодрость первой. О деле, касающемся нас и святого отца Хилария, о котором должно правильно рассудить, знаю, что ты не нуждаешься в напоминании, а пока остерегайся воров. Позаботься об одежаниях и прочих украшениях Церкви, которые нуждаются в стирке и мытье, чтобы они своей чистотой украсили праздник Пасхи. Наш лавр и весь фруктовый сад радуются уходу и заботе. Ты помни, что ты также виноградарь и земледелец. О различном числе псалмов, которые добавляются некоторыми во время поста в чтения отдельных канонических часов, следующих в конце, после молитвы Господней и главы, я не нахожу правила. Псалмы же, по моему суждению, были бы излишни, если бы их не защищало благочестие псалмопевцев. Когда же закончены главы, после молитвы Господней, где говорится: “Господи, услыши молитву мою”, тотчас же должно было бы прибавлять молитву, которая читается вслух из “Сакраментария”. Дозволь, однако, Церкви сохранять на сегодня ее обычай. О значении священнослужительских облачений Амаларий¹⁷ говорит так: “Желаем вкратце перечислить все вооружение клириков. Голова клирика в верхней части не покрыта волосами. Это символ духа, где есть образ Божий. В нижней части голова окружена волосами, словно [знаком] неизбежности. Одевание есть обуздание слов. Альба¹⁸ есть обуздание прочих низких чувств, при том, что их наставник – разум, стягивающий внутри, словно некий пояс, благодаря опыту воздержания похоть плоти. Обувь – запрещение ступням поспешать ко злу. Сандалии – снаряжение для пути проповедника, который не должен ни терять из виду небесное, ни жаждать земного. Вторая туника – это дела ума. Плащ с капюшоном – благочестивые дела тела. Стола – иго Христово, то есть Еван-

гелие. Далматик¹⁹ диакона, то есть служителя, есть забота о ближних. Плат есть чистые и благочестивые помыслы, которыми утираем несчастья духа, происходящие по немощи плоти. Архиепископский паллий – ожерелье благочестивейшей проповеди и в Ветхом и в Новом Завете²⁰. До сих пор было из Амаларика. Посылаю тебе Киприана²¹, Порфирия²² и “Жития Отцов” с Псалтирью, как ты просил. Увещаю тебя еще, чтобы, работая над Донатом, ты не примешивал никакого неуместного легкомыслия и не подавал повода для шуток, но пусть будет все серьезно. Будь осторожен, ведь ты уже стал посмешищем. Следи еще, чтобы твои приживальщики не ходили полуодетые и не страдали. Приветствуй от меня братий наших в Господе и будь здоров и благополучен. Не заграждай уст пресвитеру благословляющему²³, если только не по предписанию своего епископа; да, забыл: это запрещается канонам Агафона²⁴.

Благороднейшему королю Даномаркии Кнуту²⁵ Фульберт, Божией милостью епископ Карнотенский, со своими клириками и монахами желает молитвенной помощи. [1021 г.]

Когда мы увидели твой дар, поднесенный нам, то удивлялись равно и твоему тонкому уму и благочестию: тонкому уму, потому что ты, человек, не знающий нашего языка и отделенный от нас большим расстоянием и по земле и по морю, деятельно занят не только тем, что окружает тебя, но еще и усердно спрашиваешь о том, что окружает нас; а благочестию дивимся, ибо тебя, о котором ранее мы слышали как о владыке язычников, мы узнаем не только как христианина, но еще и как благодетельного и щедрого дарителя Церквям и слугам Божиим. Потому, воздавая благодарение Царю царей, по воле Которого так происходит, молимся, дабы Он даровал благополучие царству твоему в земле вашей и душу твою освободил от грехов содействием Вечного и Единосущного с Ним Единородного Христа, Господа нашего в единстве Святого Духа. Будь здоров, помня о нас, не забывая и своего.

* * *

О Филомеле, или Славии

Золотая дарит лира сладкие мелодии.

Голос, как струна, звенящий, вьется в септенарии,

Оглашает наши доли, как луга Эолии.

Филомела распевает, щебеча от радости,

Гимн слагает вдохновенно по закону музыки,

Без чьего искусства молкнут и псалмы, и песенки.

Как весна украсит землю пестрыми покровами,

Одеваются листвою тоненькие веточки,

Ветерок колышет травы, веет ароматами.

Веселится Филомела звуками приятными,

Горлышко свое дыханьем напрягает в пении,

Весть приносит о весне и лета приближении,
Днем и ночью упражняясь в дивном благозвучии,
Навевает утомленным сон своими ритмами,
Путника вдали от дома утешает в странствии.
Голос кроткой Филомелы есть венец гармонии,
Всех пернатых побеждает в честном состязании,
Музыкальным щебетаньем наполняет заросли,
Прославлять весну готовый чистыми напевами.
Вверх взмывает Филомела, к солнечному пламени,
Песнь ее к земле нисходит золотыми нитями.
Уступает тебе эхо в лиственной густой тени,
Уступает тебе лебедь и его мелодии,
Уступает звонкий бубен, наигрыши дудочки.
Пусть ты с виду невеличка, маленькие крылышки,
Но любой пленится сразу, слыша твои песенки.
Кто же смог вложить в напев твой столько чудной сладости?
То Создатель твой, конечно, Царь и неба, и земли.

Молитва

Я обращаюсь к Тебе, о Великого Ангел Совета,
Ты мой Создатель, Христе, Ты Спасенье, и Жизнь, и Надежда.
Мне за Тобою идти дай намеренье, волю и силы.
Что, недостойный, могу, ждать какого я должен исхода?
Ибо, служенье приняв архипастыря, ныне страшусь я
Боле вреда принести своей пастве смиренной, чем пользы,
И потому уступить этот труд я желал бы собрату.
Помня, однако, что мне не родня и не злато достали
Кафедру, мне, из низов вознесенному к власти церковной,
Верю, Тобой мой удел предрешен, от Тебя это было,
И не дерзая сложить с себя сан без знамения слыше,
Хоть побуждает к тому ум, свидетель моих беззаконий.
Отче, Ты ведаешь Сам, что приятно моим подопечным,
Что назидает меня; потому я молю Твою Милость:
Гибнущей даруй душе от Тебя воспринять вдохновенье,
Сам Ты во мне совершай исполнение дела благого.

Размышление о самом себе

В бедности был ты рожден, но Христос тебя принял, как сына
И недостойного так воспитал, укрепил и прославил,
Что удивляется мир, дарованья Господни считая.
Отроком был ты – тебе Он наставников дал благосклонных,
Ты возмужал – и Господь до епископства ныне возвысил.
Хвалят тебя короли, архипастыри вместе с народом,
Видя, что Господу ты и разумный, и верный служитель.

Раб вероломный, стыдись, открывают дела твои правду:
Не был разумен ничуть, не однажды ты верность нарушил.
Тягостно вспомнить, сколь ты нечестиво грешил против Бога,
Сколь огорчал ты святых, на твои преступления взиравших,
Так что едва ли тебя все возможные кары очистят.
Но покаянья Господь до сих пор от тебя ожидает,
Грешнику век он продлил, чтоб, одумавшись, тот изменился,
Рвением лень искупил, прегрешенье заслугой загладил.

О Святом Кресте

Славное знамя Царя, все Своей подчинившего власти,
Крест, воссиявший во тьме надо всеми светилами неба,
Тем, кого гибельный плод предал в рабство безжалостной смерти,
Ты исцеленье несешь, возрастивши им Плод Вечной Жизни.
Древо Святого Креста, пред Тобюю в молитве склоняюсь,
Ибо Христос наша Жизнь, Воскресение, Альфа, Омега,
Милость, и Слава святых, Свет, Покой, и Венец, и Награда.
Жертвою ставший Господь, род людской искупивший Собою,
Кровью на Древе Креста яд греха первородного смыл Он,
Жизни врата нам открыл, затворенные прежде Адамом.
Пастырь мой Добрый, Христос, стал я общником этой свободы,
Но, непрестанно греша, благодарность Тебе не принес я.
Горе мне, ибо числом превосходят мои прегрешенья
Белый сыпучий песок, устилающий ложе морское.
Так как для грешника Ты не погибели, блага желаешь,
И пред Тобюю согрешит, кто оставит надежду на милость,
В скорби к Тебе я спешу, изливаю к Тебе я молитву:
Сжался, молю, пощади и меня, и родных моих также,
Тех, кто покинул сей свет, тех, кто здесь, на земле пребывает.
Тем Ты сторицей воздай, кто мне ради Тебя благодетель,
Зло мне творящих прости, отвратив их от их преступлений.
Всем, кто, Тебе поклонясь, осенит себя знаменьем крестным,
Силы подай, поддержи, защити, сохрани и помилуй.
Пусть не приблизится к нам мать всех прочих пороков, гордыня,
Даруй нам чистую жизнь в сокрушение смиренного сердца.
Скрой от тщеславия нас, отдыханья хвалы неразумной,
Нас удостой воздавать благодарность Тебе непритворно.
Зависти нечистоту с наших душ истомленных очисти,
Их наполняя огнем негасимым любви христианской.
Гнева шипы укроти, возрасти в нас златое терпенье,
Мрачный уныния грех замени на благую надежду,
Жадности дай избежать, удушающей страсти стяжанья,
Чтоб милосердия труд мы во Имя Твое исполняли.

Чрева несытость позволь обуздать воздержанием строгим
И целомудрием так одержать над распутством победу,
Чтоб, от Тебя получив и грехов отпущенье, и силы,
Шествуя тесным путем, мы стремились к Небесной Отчизне.

* * *

Римлянин в школе меня обучал, а не житель Эллады.
Греческий текст, что тобой принесен, понимать нелегко мне,
Ведь не с Гомером я был, а с Вергилием в детстве приятель.

О высшем благе

Средь того, что люд считает величайшим счастьем,
Любим мы обыкновенно сытость со спокойствием.
Но философы, подметив это также у зверей,
Учат, что иное благо нужно выбрать для людей,
Полагают, что не должен разум человеческий
Брюху сытому рабом быть и ленивой праздности.
Разум с вечностью сроднился, как уже доказано,
Ибо вечен, бесконечен, так Отцами сказано.
Бренно брэнной плоти знанье мира преходящего,
Вечно то, что ищет разум, – знанье мира горнего.
Ум простой и бестелесный не подвержен тлению,
Ибо целость не подвластна порче разложения.
Мудрецы умом стремятся к неизменным истинам,
Познавая жизнь Вселенной, обращаясь к небесам,
И, греховные смиряя похотенья естества,
Утверждают добродетель целью человечества.
Как, философы считают, человеку нужно жить?
Мысли направлять ко благу и всегда добро творить.
Передать смогли потомкам правила полезные,
Сами же не соблюли их, плотью побежденные.
Меж собой у них о Боге было рассуждение,
Но великое возникло после расхождение:
“Нет богов”, один твердит; другой в ответ: “Их множество”,
Лишь Платон сказал великий, что Едино Божество.

О вкушении пищи

Пышные трапезы жизнь уставную ведут к беспорядку.
Если потворствуешь чреву, обжорство твой ум потемняет,
Если питаешься скудно, хвалы иль злословья дождешься.
Шествовать царским путем нелегко; опасаться придется,
Как бы унынье твой дух не сломило; так часто бывает.
Сможешь совсем избегать этих трапез коварных, – прекрасно;
Если же нет, приступай, будь веселым, но помни уставы.
Все понемножку отведай, что правило не запрещает,
Только пусть множество крошек тебя не ведет к объеденью.

- ¹ См. «Герберт Орильякский» в наст. изд.
- ² См. «Сигеберт из Жемблу “О церковных писателях”» в наст. изд.
- ³ Подразумеваются общеизвестные слова молитвы “Отче наш”: “и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим”.
- ⁴ *Савеллиане* – одно из еретических учений (нач. III в.), искаженно представляющее Лица Св. Троицы.
- ⁵ *Леутгерик* (ум. в 1032) – епископ Санский, ученик Герберта Орильякского.
- ⁶ *Роберт II* (972–1031), по прозвищу Благочестивый, или Мудрый – второй правитель из династии Капетингов, король Франции с 996 г.
- ⁷ Ныне г. Орлеан.
- ⁸ См. «Одилон Клунийский» в наст. изд.; Фульберт в бытность свою простым монахом находился, вероятно, под началом Одилона в Клуни.
- ⁹ Гауфрид упоминается Фульбертом и в письме к королю Роберту, – виконт *Годфруа де Шатодун*, который построил себе замок на монастырских землях (в нынешнем Ийсе, на землях, принадлежащих собору Пресв. Богородицы Шартрской).
- ¹⁰ *Одон II* (983–1037) – граф Блуа, Шартра, Шатодуна, Прованса, Реймса с 1004 и граф Труа и Мо с 1022 г., родственник одновременно Рикарда I Нормандского и Рикарда II Нормандского, с которым находился в неприязненных отношениях, и короля Франции Роберта II.
- ¹¹ *Король* – Роберт II; Рикард II (963–1027), по прозвищу Добрый – сын и наследник Рикарда I Бесстрашного, герцога Нормандского, союзник Роберта I.
- ¹² Ныне город Галлардон в 20 км к северо-востоку от Шартра, при слиянии рек Вуаз и Ремард.
- ¹³ Угодья, принадлежавшие собору Пресв. Богородицы.
- ¹⁴ *Гуго II* (1007–1025) Великий – соправитель короля Роберта II с 1017 по 1025 г.
- ¹⁵ *Гильом V* (969–1030), по прозвищу Великий – герцог Аквитанский, граф Пуату, друг Фульберта.
- ¹⁷ *Хильдегарий* – верный ученик Фульберта, субдиакон Шартрского собора.
- ¹⁷ *Амаларий Мецкий* (ок. 780–851) – выдающийся богослов эпохи Каролингов, литургист, в трактате “О церковных служениях” попытался объединить практику Римской и Галльской церквей.
- ¹⁸ Литургическое одеяние священника из белого полотна.
- ¹⁹ Церковное одеяние первоначально дьякона, позже – священника.
- ²⁰ *Амаларий Мецкий*. Четыре книги о церковных служениях (*De ecclesiasticis officiis libri quatuor*). PL V.105. С. 1102.
- ²¹ *Св. Киприан* (ум. в 258) – епископ Карфагенский, раннехристианский богослов, создатель канонического учения о единстве Церкви.
- ²² *Порфирий* (234–301/305) – греческий философ, представитель неоплатонизма. В эпоху Средних веков его трактат “Введение к категориям Аристотеля” давал представление о логике Аристотеля и многократно комментировался. Порфирий писал сочинения по грамматике. Ниже в письме упоминается имя еще одного грамматика – Доната (IV в.), чье сочинение “*Arts Minor*” (Малая грамматика) широко использовалось в Средние века.
- ²³ Обыгрывается ставшее поговоркой выражение: “не заграждай рта у вола молотящего” [1 Кор 9, 9], одно из законоустановлений Моисеевых [Втор 25, 4].
- ²⁴ *Агафон* – папа Римский (577–681).
- ²⁵ *Кнут* (ок. 994–1035) – король Англии, Дании и Норвегии. Он был крещен еще ребенком, но интереса к вере не проявлял, пока не стал правителем Англии в 1014 г., после смерти своего отца Свейна, с которым Кнут вторгся в Англию. Получив английский престол, Кнут стал делать большие пожертвования на церковное строительство, в частности, отстроил Бэри Сент-Эдмундс (см. *Аббон Флерийский* “Страдание св. Эдмунда, короля и мученика” в наст. изд.) и оказал помощь в строительстве Шартрского собора.

Одилон Ключийский

Одилон (ок. 962–1049) происходил из древнего и богатого овернского рода. Его отец Беральд был настолько уважаем окружающими за ум и благородство, что снискал прозвище “Великий”. Мать Одилона была очень благочестивой женщиной. После смерти мужа она ушла в монастырь св. Иоанна в Отэне, и монахини вспоминали о ней как о доброй и кроткой женщине, стремившейся помогать всем. Одилон с детства готовили к церковному служению. В раннем возрасте он поступил в монастырь св. Юлиана в Бриуде, где быстро выделился смирением, целомудрием, любовью к ближним. В одно из своих посещений этого монастыря его заметил Майоль, четвертый настоятель Ключи, побеседовал с ним, после чего Одилон решил перейти в Ключи. Одилон пришел в монастырь за четыре года до смерти Майоля, в 991 г. стал его со-настоятелем и помощником. Перед смертью Майоль назвал Одилона своим преемником (994). Став настоятелем, Одилон добился охранных грамот для Ключи с тем, чтобы никто не смел посягать на монастырские владения. При нем увеличилось число братии, что привело к увеличению числа монастырских построек. Первоначально монастырь был построен из дерева, одна лишь монастырская церковь была перестроена и украшена Майодем. Когда же Одилон осмотрел остальные здания монастыря, обнаружилось, что они ветхие. Поэтому Одилон начал большое строительство. В хорошем настроении Одилон сравнивал себя с Цезарем Августом, говоря, что он принял Ключи деревянным, а оставит мраморным. В 999 г. по просьбе Одилона и Оттона III папа Григорий V дал Ключи охранную грамоту. Оттон III и римские папы всячески одобряли и поддерживали деятельность Одилона. В его правление Ключи превратился в важнейший и известнейший монастырь Западной Европы. Фульберт Шартрский¹ называл Одилона “архангелом монахов”. Монастыри Бургундии, Прованса, Оверни и Пуату присоединялись к ключийской реформе прямо или косвенно, вступая в союз с ключийцами, особенно в Италии и Испании. Одилон был также великий строитель, и его примеру в Ключи подражали многие реформированные монастыри. Больше всего он стремился возрождать дух истинного монашества и исправлять нарушения. Здесь было чрезвычайно важно возвращение к Правилу св. Бенедикта Нурсийского. В течение своего долгого правления Одилон стремился укрепить связи между Ключи и папским престолом. Он стал также важной фигурой в политическом мире. Он был в сердечных отношениях с Генрихом III, который посетил Ключи во время правления Одилона. Он поддерживал идею *raatum Dei*, то есть защиту духовенства и церковной собственности во время официальных и неофициальных войн, а также *Teuga Dei*, т.е. прекращение военных действий с пятницы по понедельник и во время Великого и Рождественского постов. Хотя эта идея встретила большое сопротивление, она в конце концов была принята во многих провинциях Франции. В его проповедях любимой темой была Тайна Воплощения. Он много говорил о

роли Пресв. Богородицы в этой Тайне, и эти идеи были подхвачены и развиты Бернардом Клервосским. Одилон ввел по крайней мере одно важное литургическое новшество: праздник Поминовения Всех Душ был учрежден в его монастыре сначала как поминальная служба по усопшим братьям, потом как поминовение всех усопших христиан. Он был также знаменит своей заботой о бедняках во время голода и неурожая с 1028 по 1033 г., когда он продал или отдал в переплавку многое из монастырской сокровищницы для нужд голодающих. Возможно, его самым знаменитым высказыванием было то, что он предпочел бы, чтобы его осудили за чрезмерное милосердие, а не за чрезмерную строгость. К концу жизни Одилон тяжело болел, часто уезжал в Рим, надеясь, по обычаю того времени, умереть “у порога апостолов”. Перед самой смертью (в возрасте 87 лет) он решил объехать все реформированные им монастыри, но доехал только до Совиньи, где и умер. Канонизирован в 1063 г.

Перевод сделан по изд.: PL. V. 142. Scol. 939–962, 1019–1020, 1031–1036.

Книжечка о житии блаженного Майоля², настоятеля Ключи

Предисловие

Гугону и возлюбленному брату Алманну Одилон пресвитер желает спасения в Господе.

Когда я во время прошлой Пасхи находился в ограде Римского монастыря, накануне того дня, когда наступает праздник отца нашего Майоля, один из братьев, по имени Иоанн, одаренный, согласно соответствующему толкованию своего имени, даром благодати Господней, начал спрашивать, в каком томе он должен отметить чтения этой ночи. Я сказал ему: “Следует, чтобы в память этого отца читались речи блаженнейшего отца Григория, потому что этот отец, пока оставался в живых, часто слушал и читал эти же речи усерднейшим образом и, когда ему было угодно, красноречиво излагал некие из них. Когда чрез некоторое время окончилась вечерняя служба, как устав, так и необходимость побудила нас приступить к нашим ломам. В то время я рыдал и оплакивал не только ущерб в хозяйстве, но и огромную опасность необычного бедствия и неслыханного несчастья и, что более мучило, великие и достойные слез убытки всей отчизны и всех бедняков. Мучительное размышление о таковой опасности и таковой печали уже оставляло меня без сна в течение весьма многих ночей. Но этой вот ночью, наконец, когда, по установившемуся обыкновению, грызущее размышление дерзостно желало себя навязать нашим чувствам, я начал усердно молиться блаженному Майолю, чтобы он испросил мне у Господа помощь и утешение. А чрез некоторое время приятное воспоминание о таковом отце начало внушать мне и некото-

рым образом, обещая, говорить, что, если я бы потрудился занять свой дух хвалами ему, я весьма, без сомнения, смог бы обрести небесное утешение и помощь. Потому, возлюбленные старцы и братия, я позаботился написать предлагающийся труд, хотя не сообразно с величием сего святого мужа, а сообразно со скудостью нашего понимания. И в самом деле, каков бы ни был этот труд, наше братство желает и умоляет, чтобы духовный огонь вашего чувства исследовал, распознал и исправил его.

Начинается текст книжечки

После священных, божественных и спасительных сочинений апостолов и евангелистов и победоносных и непобедимых славных битв блаженных мучеников Божественная Слава, так сказать, на третье место поставила новые утешения Своей Церкви, а именно: светочи, горящие любовью и сияющие речью. Я называю апостольских предстоятелей и славнейших людей, наделенных человеческим знанием не вотще, но во спасение, исполненных Божественной мудрости. Через их духовное понимание и проницательное исследование Божественных писаний рассеялся мрак непонимания, окружавший Закон, пророческая речь, высочайшая своей глубиной и глубочайшая своей высотой, понятая духовно, вышла на свет, также слава, сила и величие Евангельского светоча расточила густейшие потемки, покрывавшие весь мир. И действительно, через весьма искреннее трудолюбие сих мужей верным излагаются и передаются апостольские деяния. Через их преданнейшее усердие Святой Церкви передаются победа и воздаяние блаженных мучеников. Ибо вера, мудрость и неустанное проповедание этих вот мужей обуздывают и прекращают бормотание шептунов и нападающих с бранью на католическую веру, унимают гомон раскольников, заграждают уста говорящих пустое, разрушают власть идолов, преодолевают жестокость язычников, ни во что вменияют безумие философов, презирают и искореняют его; изгоняют лживость всех еретиков, словно испускающих зловоние и вонючий чад, чтобы никогда и нигде он не смог появиться, рассеивают в ничто и уничтожают их вероломство, неверность, заблуждение и неистовство. После того как Небесный Чертог, исполненный радости, принял таковых и столь великих мужей, как своих сограждан и слуг своего Царя, из самого Горнего и Небесного Государства Божественное суждение на четвертом месте, соответствующем по порядку, пожелало позаботиться о младенцах Церкви, так, чтобы благодать, которую Бог изволил подавать чрез знаменитых и сильных, после подал бы чрез смиренных, невинных и простых. Вслед за тем монашеский чин начал распространяться и, скажем более правдиво, снова возрождаться; мы знаем, что он произошел от Илии и Иоанна Крестителя, и мы радуемся, что так, благодаря апостольскому образу жизни и житию, до нас дошли и приращение добродетелей и упражнения святых духовных отцов. И в самом деле, чрез них самих и ими самими в совершенстве исполнено то Господне предписание: чего не хватало тому юноше, расспрашивающего Спасителя,

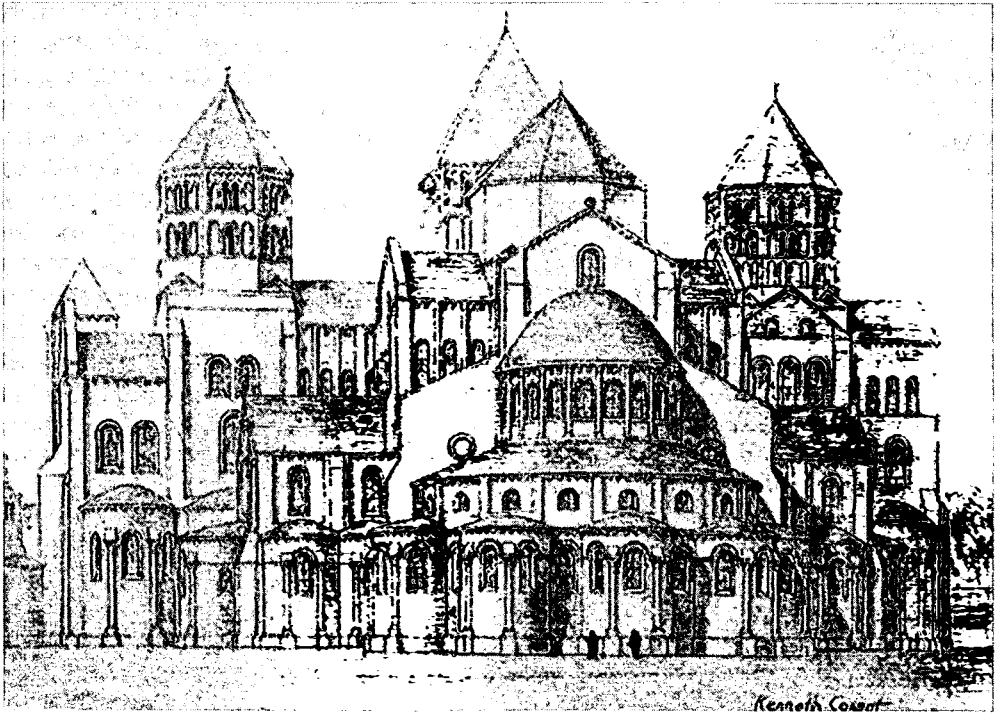
как достигнуть вечной жизни, когда Господь Христос ответил ему, сказав: “Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною” [Мф 19:21].

А среди внимательнейших слушателей и усерднейших исполнителей этого спасительного предписания блаженнейший отец, по праву и имени Бенедикт³, то есть “благословенный”, просиял, словно некое весьма блистающее небесное светило. Он отличался столь великой жизнью, обычаями и чудесами, что, описывая его рождение, жизнь и кончину, святой папа Григорий⁴, муж апостольский во всем и епископ апостольской кафедры, подал свидетельство этому святому мужу, который, как можно увидеть, среди главнейших глав Церкви и жизнью и учением сохранял знаменитое и важнейшее право. С течением времени, после перехода в вечность выше названного благочестивейшего отца почти вся Галлия приняла начало его учреждения и вероисповедания чрез блаженного Мавра⁵, его ученика. Затем, при посредстве Мавра и тех, кого он наставил в праведности, чрез весьма долгое время христианская вера возросла до вершин совершенства. Когда мужи эти отходили от сей жизни, усердие благочестивых отцов начало убывать, ибо праведность делалась более редкой, нечестивость же учащалась, а мать всех добродетелей – учение – становилась теплохладной, и как при посредстве мужей благочестивых и полных пыла Святого Духа правило святого учения, распространяясь, постепенно достигло совершенства, так при посредстве небрежных и праздных оно понемногу впало в уменьшение. Гибельная убыль спасительного замысла скрытно распространялась до того времени, когда, при содействии Вильгельма⁶, христианнейшего властителя аквитанцев, блаженной памяти отец, по имени Бернон⁷, в областях Бургундских, на лугу Матисценском⁸, в округе, который прозывается Клуниан, начал строить монастырь. Бернон, насколько мог, старался трудиться на этом же строительстве и в тяжелой борьбе преданно и похвально привел благочестивое настроение в исполнение. Ибо, благодаря его заслуге и примеру, многие, ищущие спокойной гавани монастыря, обратились от мира. Избрав одного из всех них, вновь вспомним и, вспоминая, изберем того, кто, как мы точно знаем, родился для спасения многих.

Этот муж, по имени Одон⁹, муж во всем достохвальный, верный и преданный предстоятелям Туронской Церкви блаженного Мартина¹⁰, был клириком и каноником этой же Церкви. После того как вышеназванный отец Бернон отошел от этого света, этот честный и смиренный муж, вполне наученный в исполнении правила, приступил после него к управлению монастырем, будучи избран многими верными. Затем Римский мир узнал, как Одон достиг вершины добродетелей, о чем повествуют его занятия. После него стал настоятелем блаженной памяти муж, по имени Хеймард¹¹, сын блаженной простоты и невинности. Он весьма усердствовал в умножении земельных угодий монас-

тыря и стяжании для него земного благополучия и был вполне предан соблюдению устава. Он терпеливо, без всякого ропота и возмущения, переносил потерю земного зренья и всякое несчастье, какое бы с ним ни приключилось. Христос обогатил мужа сего по заслугам, приобретенным терпением скорбей и простой и непорочной жизнью, столь великим даром, что в свое время он удостоился призвать творца нашего блага, блаженного Майоля, к любви монашеского чина. Для того, чтобы блаженный Майоль подчинил себя монашескому житию, много значила приятная беседа и духовное наставление досточтимого мужа Хильдебранна¹². Поскольку Майоль был из первейших Клунийских монахов и наместник этого же монастыря, он был дважды побуждаем к принятию настоятельского служения, но не хотел этого, ибо всегда более желал слушаться, чем приказывать, и более подчиняться, чем стоять во главе. Пожалуй, некто подумает, что я поступил неблагоприятно, потому что мне пришлось таковое объявить о людях, занимающих более высокое положение, чем я, когда я решился писать о блаженном Майоле. Ибо никто не поверит, что такое случилось нечаянно, но, скорее, подумает, что я по старательности сделал это нарочно. Ибо, что бы мы ни сказали выше о праведных и святых мужах, мы знаем, что все их деяния или полностью, или по большей части отразились в этом вот муже, о котором желаем беседовать.

Этот муж, блаженнейший отец наш Майоль, происходил из весьма славного рода и был от самого младенчества превосходно воспитан неусыпной заботой знатных родителей. Когда прошло время отрочества, он был отдан для обучения церковным наукам, чтобы он хорошо познакомился с духовными писаниями. По Высшей воле и Божественному предвидению произошло, что отрок столь доброй надежды тогда более усердно стал предан Божественным деяниям, чтобы пройти все время юности без опасности для целомудрия, и так сделалось, что в течение всей своей жизни он сохранил в своем теле славу девственности. Когда он вступил в юношеский возраст, Майоль, с усердием и не теряя времени, занялся глубже и лучше Божественными, прилежнее и серьезнее мирскими науками, и потому, часто упражняясь в том и другом знании, не утратился войти в алтарь Лугдунской Церкви. Затем в этом городе, матери и кормилице философии, который заслуженно, по древнему обычаю и церковному праву, удерживал первенство во всей Галлии, Майоль пожелал, чтобы его наставником в свободных искусствах был Антоний, муж ученый и рассудительный. Позже он гораздо более следовал примеру пустытника Антония Великого, ученика Христова, чем занятиям этого Антония, мирского философа по его ремеслу. После того, прийдя из вышесказанного города в город Матисценский, по приглашению знатнейших мужей отечества и своих сограждан, а именно, родных и друзей, Майоль немного пожил у них, но так как он был благочестив, то его достохвальная жизнь и удивительное усердие не могли укрыться от епископа вышеназванного города. Епископ смиренно пригласил Майоля по решению клириков и горожан,

Клюни. Собор, вид с востока. Реконструкция профессора К. Дж. Конанта.
Evans J. The Romanesque Architecture of the Order of Cluny.
Cambridge, 1938. Fig. 147

попросив его, чтобы он не отказался исполнять архидаконское служение в этой же Церкви. Поскольку святой муж был наделен благодатью смирения, он не замедлил подчиниться, когда узнал, что ему свыше повелевается чрез служение, предложенное предстоятелем. И, как после всем стало очевидно, все это дело было направлено к вершине большей пользы.

Приняв служение столь великого достоинства, Майоль показал себя таковым, что угодил Богу и миру, не миру, который во зле лежит, по миру, примиренному Христовой Кровью с Богом Отцом. Ибо поблизости от вышеназванного города находился монастырь, весьма достойно украшенный великим духовным усердием, куда уже сказанного почтенного мужа часто призывали настоятель и братия, имевшие с ним и частые беседы, и духовное сотоварищество. Наконец, среди весьма приятных бесед и взаимного служения искренней любви, братия вышепомянутого монастыря, видя умственным взором ангельский облик Майоля, слыша слухом сердца медоточное красноречие, пожелали, чтобы они могли обрести брата в том, которого после удос-

тоились назвать и отцом. Все стадо Господне усердно заботилось об этом, но старец Хильдебранн, о котором мы сказали выше, еще более горячо трудился, чтобы это произошло. Благодать Божия по желанию братий вышесказанной киновии уже создала в Майоле презрение к миру. Что более? Отложив служение церковного достоинства, презрев устремление светской знатности, оставив мирское сотоварищество друзей и родителей, Майоль подчинил всего себя небесному водительству, чтобы беспрепятственно служить истинному Царю Христу. Немного спустя, в определенный день, Майоль пришел в монастырь и был принят весьма любезно, введен в братию, согласно правилу, и, как это в обычае, увидел ото всех только почтение и любовь. Сколь велика была радость среди братий о его приходе, сколь безмерно ликование, сколь торжественно веселие, не может полностью изъяснить наша речь. И далее сохранилась у него очевидная воля к презрению мира, незыблемое почтение в отношении любви Божией, любезное братство в отношении любви ко ближнему, никакого затруднения в основательном изучении и соблюдении устава, и известное усердие в отношении изъяснения послушания не только настоятелю, но и еще братиям, и чистая простота правила в нем, чтобы он всем подавал пример. Каков был его образ жизни среди братий в начале его монашеского жития, видно было из настроения этих же братий во время славнейшего его избрания. Не было уже необходимо, чтобы кто-либо обучал соблюдать устав того, кого, как говорит святой евангелист, помазание Небесной благодати научало всему [ср. 1 Ин 2:27].

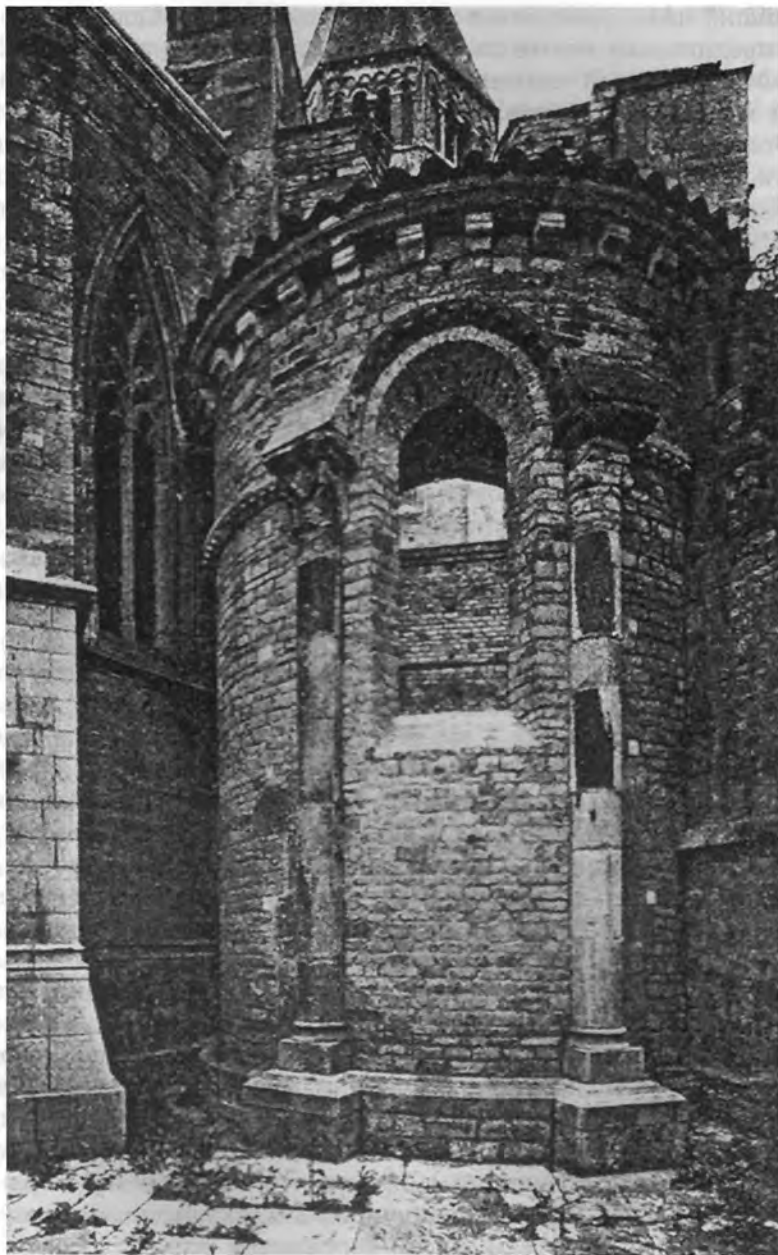
Между тем блаженный муж стал отличаться таким совершенством жизни и учения, что хвала всех верных по достоинству поставила его на первое и особенное место в доме Божиим. Ибо Богу так было угодно, чтобы Майоль чрез различные ступени смирения возшел на вершину монашеского совершенства, уже не как один из прочих, но будучи выдающимся среди всех остальных. Ибо, как рассказывают, в шестой год его жития вне мира, вышепоименованный настоятель блаженной памяти, а именно, господин и благочестивый отец Хеймард, монахом которого был блаженный Майоль, и увещаниям и повелениям которого святой муж подчинился и решил всегда подчиняться всем напряжением ума и возможностями тела, начал лишаться всего телесного здоровья, и потери земного зрения, что ему было еще тяжелее, хотя он терпеливо переносил это. И когда отец Хеймард уже преузнал, что он близится к смерти, и понял, что он не сможет долго нести заботу о столь великой киновии и печься о столь многих духовных овцах, начал духовно рассуждать о приведении монастыря в порядок и об избрании своего преемника с духовными и благочестивыми братьями и терпеливо размышлял об этом со спокойствием духа. Опросили всех братий, чтобы узнать, к кому склонялось их мнение, и порешили избрать господина Майоля. Я не в состоянии рассказать о деле его избрания, ибо дело это было великое, но, скажу вкратце, ни там, ни в другом месте не смогли и не смогут найти на такое служение более превосходного мужа, чем блаженный Майоль. Что более?

Избранника призвали; он, приглашенный, воспротивился; спросили его согласия, он стал противоречить; когда стали настаивать, затрепетал, когда ему приказали, успокоился. Ввиду этого приносим хвалы Богу, так как Он превозмог решение Майоля воспротивиться достойным похвалы послушанием.

В конце концов братия избирают святого мужа, народ одобряет его, предстоятели благословляют, и вышеназванный настоятель монастыря Хеймард торжественно возводит Майоля на возвышение, братия приветствуют его с великой любезностью, и все почитают его как господина и настоятеля. И не только близкие ему люди, но даже и все, кто мог его видеть и знать, окружили его почтением и уважением более, чем всех прочих людей своего времени. О его происхождении и жизни, обычаях, чудесах и кончине довольно сказаний наших отцов, изложенных преизящной речью. Те же, кто великое могли сказать о великих, великолепно описали славнейшие его деяния и заслуги, как им поведал Господь. А я, последний их раб, не иное, но то, что они сами сказали прежде, насколько дерзнул, записал убогим стилем и кратчайшими отрывками по главам, следуя Алкуину, наставнику великого императора Карла¹³, хотя я настолько же не равен ему, насколько грешник праведнику, неуч опытному, не умеющий говорить – весьма красноречивому. Алкуин приготовил, разъяснив более многими речениями, для нашего знания Житие великого и несравненного мужа и святейшего предстоятеля Мартина¹⁴, которое написал высочайшим стилем Сульпиций Север¹⁵. Так как никто после апостолов не стал равным блаженнейшему Мартину, так и я открыто говорю, что я во многом не равен Алкуину. Так как Алкуин был велик, он сказал великое о великом, я, незначительный, скажу незначительное о великом. Он сказал о своем Мартине, как о высшем пастыре и несравненном муже, скажу и я о Майоле, как о благочестивейшем отце и святейшем настоятеле, муже весьма замечательном и истинном кафолике. Майоль произошел из славнейшего рода и блистал двойной знатностью, унаследованной от обоих родителей. Он был предназначен Самим Вечным Светом светов, чтобы родиться в человеческой природе для просвещения многих, словно прекрасная звезда¹⁶. Ибо так как он был знатен родом, он был и прекрасно воспитан, и искусно образован. Чтобы мы могли взойти от низших к высшим, был уже упомянутый муж, которого мы часто называем и часто вспоминаем, походкой степенный, голосом величественный, устами красноречивый, видом привлекательный, лицом ангельский, видом безмятежный, во всяком движении, положении и движении тела являющий достоинство. Он казался мне самым красивым из всех смертных, ибо он был благообразен благодаря благой собранности всех телесных членов. Он был тверд верой, несомненен надеждой, исполнен двойной любви к Богу и ближнему, славен мудростью, удивителен умом, предусмотрителен в советах, крепок мужеством, неутомим, как почитатель духовного знания, и истинный приверженец благочестия, полного любви. Дух страха Божия исполнил его; известно, что страх Божий, как свидетельствует

пророк Давид, есть “начало мудрости” [Пс 110:10], конечно, той Мудрости, преисполнившись славы Которой, блаженный Майоль удостоился получить дар небесных блаженств. Возгоревшись светом этого дара, наш Майоль желал сделаться нищим с нищими духом, чтобы Царь Небесный удостоил его обогатиться Небесным Царством. С блаженными кроткими он старался стать кротким, чтобы вместе с ними наследовать землю живущих. С блаженными плачущими желал оплакать небрежение своих сынов и прегрешения всего мира, чтобы достигнуть вечного утешения со всеми близкими ему людьми. Он старался присоединиться к алчущим и жаждущим правды, ибо алкал и жаждал этой же правды и всегда желал бы пировать с ними на Небесной Трапезе и насыщаться духовными наслаждениями. Он старался быть милостивым к несчастным, чтобы с блаженными милостивыми обрести милосердие у Господа. Поскольку этот муж непрестанно усердствовал в желании небесного, он удостоился достигнуть Божественного созерцания должными заслугами и молением во время скорбей, чтобы стать достойным видения Господа с блаженными, имеющими чистое сердце. И, чтобы он удостоился быть и называться истинным сыном Божиим, Майоль в совершенстве научился быть миролюбивым, чтобы не только самому иметь терпение владеть своей душой, но и всех, находящихся в несогласии, призывать к согласию и миру. Ради правды он научился терпеливо сносить гонения и страдания от древнего врага и злых людей, чтобы, став блаженным по причине справедливости, оказанной страдающим правды ради и нищим духом, он мог сделаться общником в получении и владении Небесным Царством [Мф 5:3–11].

Украшенный тремя вышесказанными добродетелями и подкрепленный отовсюду восемью евангельскими блаженствами, блаженнейший отец Майоль постарался стяжать еще четыре основных урока пылким желанием и, получив их, совершать праведные дела, чтобы в будущем обеспечить чрез рассудительность спасение для себя свое и своих подопечных; чрез умеренность, которая называется иным именем скромностью, по благоразумию справедливого рассуждения скромно исполнял возложенные на него духовные труды; чрез мужество имел силы противостоять диаволу и его порокам и, противостоя, мужественно победить самого творца злобы, по закону сражаясь с ним; чрез справедливость же, которая пронизывает все виды добродетелей так, что она кажется их приправой, живя трезвенно, и благочестиво, и праведно [Тит 2], борясь доброй борьбой, совершив свое течение, сохранив веру, Майоль удостоился бы получить [2 Тим 4] уготованный ему венец праведности от Самого Господа, Который есть Щедрый Податель и Творец всех добродетелей, и прежде всего и над всем Бог, благословенный в веках, благословенная щедрость и кроткая благосклонность Которого подала нам как дар такового и столь великого пастыря, общением с каковым мы наслаждаемся. Он для нас есть пример, которому мы следуем, и в ком нам подан Образ, запечатлевающийся на нас, как говорит Блаженный Григорий о Главе Иисуса Христа, Господа нашего, в составлении Плоти Которого блаженный Майоль,

Клюни. Маленькая апсида. Ок. 1090–1105 гг.
Evans J. The Romanesque Architecture of the Order of Cluny.
Cambridge, 1938. Fig. 148

как святейший член, удостоился занять лучшее место. Если бы кто-нибудь услышал предписания заново составить повествование о жизни и добродетелях души Майоля, такой человек, пожалуй, позаботился бы узнать о видимых чудесах и знамениях, доступных плотскому зрению, с которыми полностью соглашается и укрепляется вера тех, кто имеет обыкновение сомневаться в заслугах и воздаяниях избранных; этим сомневающимся должно ответить словами Блаженного Григория: “Вера не имеет заслуг там, где человеческий разум признает доказательство”¹⁷. И пусть никто не сомневается о славе и святости Майоля, пусть узнает от тех, кто лично видел и слышал, как он жил, как учил и как, исполненный днями и украшенный добродетелями, отошел от сего света, и когда он узнает, что Майоль, по свидетельству верных, жил свято, учил правильно, пусть поверит без сомнения, что он достиг славы всех святых Христовым водительством. Каковые чудеса Господь изволил явить чрез него и до, и после его перехода в жизнь вечную, свидетельствуют тома, упорядоченные учеными мужами согласно католическому пониманию, записанные риторическим пером, и на некоторых страницах перемежающиеся с дактилическим метром. И так как Всемогущий Бог не позволяет никакому времени пройти без свидетельства о Его милости, для того, чтобы исправить небрежения нашей брэнности, Он часто обновляет примеры святости. Известно, что и в это время это часто случалось.

Среди всех, носящих имя святости, которые просияли в наши времена, блаженный Майоль явился выдающимся. Сообразно с обстоятельствами, нам должно немного сказать о его достойных уважения обычаях и добродетелях честной жизни. Как признаю, он был во всем полезен и по причине всего достохвален. Ибо ему была свойственна пристойность в деяниях, трезвенность в обычае, смирение в процветании, терпение в несчастьи. С кроткими он был ласков, гордым внушал благоговение, бережлив, когда должно, расточителен, когда подобало. Он выглядел всегда одинаково, деяния его не были беспорядочны. По отношению к людям он всегда был одним и тем же. Будучи преданным последователем святых, Майоль старался быть весьма внимательным слушателем тех, кому он подчинил себя, ибо он служил им и учился у них послушанию. Этот седмеричный союз, удивительным образом разделенный прекрасно апостолом Петром на троичное и четверичное число, Майоль слушал не глухим ухом, но, слушая, учился, и открыто явил речью и делом, чтобы и другие выучили, показывая “в вере добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь” [II Пет 1:5–7]. Еще он предпочитал диалектическим силлогизмам и риторическим доказательствам и всем дарованиям всех философов достохвальный пример апостольской простоты, говоря вместе с Павлом: “Говорю это не потому, что нуждаюсь; ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть: умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке;

все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе” [Флп 4:11:13]. Основательно наученный премудрости у таковых наставников и божественных философов и просвещенный ученостью и добродетелями всего Церковного учения, он стал, как Моисей, о котором Иисус, сын Сирахов, говорит: “Сделался он любим Богом и людьми, и потому память его благословенна” [ср. Сир 45:1]. Поистине, отец Майоль был любим Богом и людьми, ибо чрез любовь к Богу и ближнему, которую он хранил неизменно, он угодил Богу и людям; он старался угодить людям так, чтобы не быть неприятным Богу, а Богу угодить так, чтобы быть полезным людям. Он угодил Богу, хорошо живя и правильно уча. Он угодил людям, по возможности оказывая им духовные и преходящие благодеяния. Истинно, мы знаем, что его память существует в благословении, когда вспоминаем и еще ясно видим, что посредством его и тех, кого он родил во Христе, возросли, умножились и продолжают возрастать строения Небесной Мастерской. И чтобы назвать духовных мастеров, в мире труждающихся в этой же Мастерской, скажем, что особенно просиял один, недавно ушедший от дел человеческих, который потрудился более всех нас, а именно, господин и отец Вильгельм, о славнейших деяниях, достохвальной жизни и удивительной жизни которого наша скудость, насколько чувствует, не имеет сил рассказать в полноте.

Сколь явно существует в благословении память о блаженном Майоле и его учениках, пусть ответят монастыри, одни из которых ими самими построены от основания, другие с приращением добродетелей приведены от испорченности к лучшему положению дел. Сколь много этот вот муж, о котором мы говорим, угодил Богу посредством знамений и чудес, которые Господь совершил по его заслугам, Он явно изволил показать людям, когда, как передает надежнейший рассказ многих верных, люди, связанные многими различными немощами, еще и отчаивающиеся о жизни, были возвращены к первоначальному здоровью посредством благодати Божией, после того как Майоль посетил их. Когда была разогнана тьма, закрывающая глаза, весьма многие по его заслугам начали яснее видеть. Многие, угнетенные различного рода лихорадками, поскольку Господь подал чрез него благодать, были освобождены его молитвами. Многие, как рассказывают, удостоились получить спасительное лекарство от яда змеи, укусов волков и собак, нападения и обольщения демонов чрез знамение Господня Креста, начертанное его десницей. Многие были избавлены его заступничеством от опасностей на реках, от ударов молнии и прочих ущербов. Иногда ночью свечи, погасшие перед его ложем или по небрежению комнатного слуги, или по какому-либо случаю, как свидетельствовали присутствовавшие, были возжжены свыше.

Однажды блаженный муж пребывал в монастыре святейшего мученика Дионисия и, как было у него в обычае, в ночное время читал на двух языках¹⁸ книгу “О Небесной иерархии”¹⁹ этого же удивительного мученика и мирского и церковного философа, когда его охватил глубокий сон и из руки

Клюни. Северный трансепт. Ок. 1090–1105 гг.
Evans J. The Romanesque Architecture of the Order of Cluny.
Cambridge, 1938. Fig. 154

его свеча упала на страницу книги. И тогда случилось нечто удивительное и необыкновенное. Огонь, следуя служению своей природы, поглотил лен и воск, а страницу оставил невредимой. Если Майоль и не воскрешал тела усопших, известны другие лучшие и славнейшие чудеса, которые чрез него Господь совершил. Если душа более тела [ср. Мф 6:25], гораздо больше и замечательнее есть восстановление душ к жизни вечной, чем восстановление тел, возвращающихся к горестям и опасностям сей жизни. Невозможно исчислить то известное лишь Богу множество людей, которых он воскресил от смерти души и пучины пороков и привел своим примером на пути жизни. Он, славный этими и такого рода добродетелями, был любезен Богу и людям. Многие кафолики и достойные уважения клирики, благочестивые монахи и почтенные отцы настоятели почитали его, как святейшего отца. Святые и премудрые епископы относились к нему, как к любезному брату. Императоры и императрицы, короли и мира властители называли его старцем и господином. Оказывали ему почтение и предстоятели апостольского престола, и в то время он был поистине вождем монашеской жизни. Божественный и величайший Цезарь Оттон²⁰ любил его всем сердцем. Супруга этого же Цезаря, Божественная императрица августа Адельгейда²¹, относилась к нему с весьма искренней любовью и весьма любезной преданностью. Их сын, император Оттон (II)²², почитал сего святого мужа со смиренной преданностью, с любовью и стремлением, равным родительскому; Куонрад²³, брат благородный и миролюбивый вышеназванной императрицы, и его знатнейшая супруга Матильда столь же чтили блаженного Майоля. Сколь более часто они созерцали его лицо, столь больше возрастала их любовь к нему. Что скажу о знатнейшем Генрихе, герцоге Бургундском²⁴? Что о Ламберте²⁵, знатнейшем муже и благороднейшем графе? Что о Вильгельме²⁶, что о Рикарде²⁷, могущественнейших герцогах аквитанов и норманнов? Что об Итальянских князьях и маркионах? Как почитал святого Майоля Вильгельм²⁸, правитель Провинции, показывают жизнь и кончина сего властителя. Посредством заслуг блаженного Майоля и своего верного служения Вильгельм удостоился получить одеяние блаженного Бенедикта.

Как и насколько епископ Архенбальд, надежнейший попечитель Сильвианианского²⁹ монастыря, славнейший среди своих, глава лежащей по соседству диоцезы и могущественный покровитель бедняков, был предан блаженному Майолю, многообразно объявляет вышеназванный монастырь. Сей всегда поминаемый отец Майоль украшал и прославлял эту обитель зданиями и богатствами, и различными видами украшений и до и после перехода в жизнь вечную, так что подобало таковое сделать какому-нибудь королю. А этот вот наследник его чести и имени, который ныне пребывает в живых, хорошо относится к этому монастырю и еще не нанес никакого ущерба насельникам. Блаженный Майоль настолько был возвеличен и прославлен упредившей его благодатью Господней пред взором королей и князей, перед всем народом,

что мы можем сказать о нем без сомнения, что о Моисее, рабе Божиим, повторяет Иисус, сын Сирахов: “Прославил его пред лицом царей, ... и показал ему от славы Своей” [Сир 45:3]. Сколько раз с ним виделся Гугон³⁰, король франков, он принимал святого мужа со смиренной преданностью и относился к нему с большим почетом. А во время его призвания ко Господу, король попросил Майоля приехать к нему с тем намерением, чтобы устроить монастырь св. Дионисия советом и помощью мужа Божия лучше, чем он был тогда. Святой муж знал сказанное Господом: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” [Мф 22:21], и это предписание апостола: “Бога бойтесь, царя чтите” [1 Пет 2:17], и, чтобы исполнить этот труд, радостно пустился в путь, достиг Сильвинианского монастыря, где, исполненный дней и святости, он отошел от сей жизни, ибо Господь призвал его к Себе. Это случилось в пятый день Майских Ид³¹, когда наступило утро пятницы после торжественного празднования святейшего торжества Господа нашего, когда Христос Иисус, победив Князя смерти, вознеся, чтобы воссесть одесную Отца Своего, и после Себя показал верному Своему Майолю путь вознесения. После перехода блаженного мужа в жизнь вечную вышеназванный король Гугон, прибыв, почтил своим присутствием и королевскими дарами его погребение и гробницу, где, как дарует Господь, совершены и совершаются многие чудеса, весьма многим поданы и подаются весьма многие благодеяния; недостаточно памяти об их многочисленности и значительности, чтобы рассказать обо всех по порядку. Но я воспользуюсь весьма кратким заключением: у гробницы сего святейшего мужа, о котором мы говорим и чью жизнь и заслуги мы стараемся вверить любви верных, многие немощные были исцелены и исцеляются от какой бы то ни было немощи, (какой) были охвачены, по благодати и милосердию Христа. Там выпрямляются параличные и хромые, там исцеляются страдающие лихорадкой и слепые, там очищаются одержимые нечистыми духами, и освобождаются, не знаем, опаленные какого рода огнем ужасным и достойным сожаления образом. И какой бы преданный человек не пришел по какой бы то ни было нужде, он надлежащим образом испрашивает помощи и, получив исполнение желаемого, возвращается восвояси, благополучный и радостный, как дарует Господь наш Иисус Христос, Который живет и царствует в единстве Святого Духа, Бог во все веки веков. Аминь.

Но поскольку я хотел бы привести к завершению это повествование, в котором я попытался сказать нечто о житии и обычаях блаженного Майоля с безрассудством верности и дерзновением смирения, мне приходит на память некое достопамятное предзнаменование, которое, как я слышал из рассказа неких верных, совершилось при его родителе. Как передают, отец блаженного Майоля часто имел обыкновение рассказывать об этом предзнаменовании в приятной беседе. Но я боялся включить это предзнаменование в этот труд, чтобы оно не показалось кому-либо невероятным. Однако так случилось, что во времена Майоля произошли некоторые события, которым это предзна-

менованье весьма явно соответствовало, и после этого я начал вновь вспоминать о нем, а затем без сомнений решил рассказать нечто. Но содержание необыкновенного дела, будучи новым, противоречило началу, потому что по причине его значительности я боялся, что не смогу привести начатое к исполнению. И когда я размышлял об этом, само мое размышление говорило мне: “Сможет ли кто-нибудь, имея быстрый ум, рассказать о жесточайшем неистовстве волка, обманутого неким добрым мужем, так же хорошо, как рассказал о кротости и послушливости льва тот, кто написал “Житие блаженного Иеронима, толкователя Божественного Закона, ученейшего, весьма просвещенного и католического мужа?” Когда приблизилось то время, когда морским путем от пределов Испании до рубежей Италии и Провинции³² дошло хвастливое, жесточайшее, огромное множество сарацинов, и в обоих королевствах они предали смерти людей обоих полов, любого возраста и чина; затем, разрушая монастыри, города, опустошая селения и поместья, сарацины перешли быстрым ходом чрез Юлиевы Альпы, достигли хребта Пеннинских Альп; и там, ослабив удила своего нечестия, в течение весьма долгого времени они угнетали народы, почитающие Имя Христова различными нападениями и бедствиями, убивая одних, других беря в плен, у третьих отнимая все их имущество, таковым образом удовлетворяли желания своего нечестия, тиранически приводя их в исполнение; среди прочих бедствий, которые приносил этот весьма вероломный народ, они обманом и коварством взяли в плен блаженнейшего отца Майоля, возвращающегося от порога Апостолов, полностью ограбив его, опутали узами, угнетали голодом и жаждой. А он, освобожденный свыше, был напоследок выкуплен из их рук деньгами своего монастыря и, так как Господь защитил его, спасся невредимым, а противозаконное пленение святого мужа сделалось поводом изгнания нечестивцев и их вечной гибели. И как после Страдания Христова иудеи были изгнаны из своего отечества, так после пленения слуги и вернейшего раба Христова Майоля сарацины были изгнаны из пределов христиан. И как чрез Тита и Веспасиана³³, властителей римлян Господь положил наказание на иудеев, так по заслугам блаженного Майоля чрез Вильгельма, знаменитейшего из мужей и христианнейшего властителя, Он сложил иго сарацинов с плеч христиан и могучей силой исторг весьма большие пространства земли, противозаконно бывшие в их во владении, из их тиранического господства. Но, сказав это, необходимо перейти к предложенному.

Что же мы предложили? Некое достопамятное предзнаменование, соответствующее происшествиям, неожиданно случившимся во времена блаженного Майоля. Каковы же эти происшествия? Неожиданный приход сарацинов, уныние христиан, разрушение монастырей и городов, пленение самого блаженного Майоля, выкуп и освобождение, и изгнание, с помощью Христовой, этого же весьма свирепого народа от пределов христиан. Каково же это достопамятное предзнаменование и каковы его свойства? Ибо именно в этих

краях, на которые после перехода через море обрушилось все наступление сарацин, жесточайшему нападению этого народа предшествовало неслыханное неистовство волков. Мы сказали в меру необходимости, как множество верных было освобождено от преследования сарацин, скажем по возможности, каким порядком отечество было освобождено от нападения волков. Был тогда в этих краях некий воин, по имени Фольхерий, хорошо владевший оружием, богатейший по закону наследования прочими благами и имением и, как мы сказали и о его благороднейшем отпрыске, блистающий двойной знатностью, унаследованной от обоих родителей. Сей муж великого совета, рассудительного и проницательного ума был родителем вот этого святейшего нашего отца, о котором говорим, Майоля. В имении Фольхерия и в окрестностях его владений неистовство волков возросло в величайшей степени. Среди множества этих волков один казался больше телом, бегом быстрее, чем прочие, более жестокий в разрывании жертвы, более свирепый в пожирании ее, настолько, что члены человеческих тел в своей ненасытности он проглатывал целиком. Тогда муж этот, слыша и видя ежедневно, что возрастает таковое несчастье и таковое бедствие, начал сам с собой обдумывать не только свою нужду, но еще и несчастье других людей и весьма напряженно размышлять, как он мог бы освободить себя и своих сограждан от таковой опасности. И вот, побужденный Божественным велением, укрепленный небесным советом, предписал возвести ограды, установить загоны для скота и ввести в них овнов, овец, и агнцев, что никто в его время не дерзал делать против неистовства волков. Затем надел боевые доспехи, а именно: кольчугу и шлем, а сверху укрывшись целиком овечьими шкурами, Фольхерий остался ночной порой около овечьих загонов.

В одну из ночей на эти загоны для овец напали волки. По воле Божией случилось так, что волк, который был более жесток, накинулся на мужа, поджидавшего его; волк прыгнул Фольхерию на спину, поставил обе лапы ему на плечи и начал со всех сторон разыскивать, откуда легче ему было бы задушить овна, которого там и не было. Горло и шею защитила кольчуга, голову прикрыл шлем, все тело обезопасило прикрытие ограды; волк нигде не мог ему повредить. Тотчас же вытянув обе руки, этот муж схватил волка за обе лапы, так как был силен, и, крепко сжимая руками волчьи лапы, быстрым шагом вернулся к сотоварищам, которые долго ожидали и сомневались об исходе таковой борьбы; их взглядам был предложен в качестве великого подарка огромный волк. До следующего дня его сохранили живым и показали людям, на которых он всегда нападал. Его убили, разорвали на части и в его внутренностях нашли целиком части человеческих тел. Убитый волк был подвешен на стволе дерева, и в то время как его одного убили, все другие были изгнаны из этих пределов. Если кто-нибудь захотел бы, чтобы это было понято с рассуждением, то мог бы догадаться о некоем духовном смысле моего рассказа. Я верю, что чрез неистовство волков была возведена свирепость

сарацин. Я понимаю, что чрез этого мужа в мирском одеянии, стяжавшего многие хвалы, который обманул волка и, обманув, убил, предсказан был сын, который одолел невидимого волка, то есть древнего врага силой Христовой, презрел его со всеми его пороками и обманами, укротив его небесной силой и духовным оружием, и исторг души многих верных из его власти своим примером, учением и заслугами, привел их на путь спасения, жизни, истины и праведности, и ему предшествовал, сопутствовал и следовал Тот Сам, Кто есть Путь, Истина и Жизнь, Господь Иисус Христос, Который живет и царствует Бог во все веки веков. Аминь.

Проповеди

Об удивительном рождении Предтечи Господня Иоанна Крестителя

Празднуя происхождение Предтечи Господня, братья возлюбленные, прибавляет нам верной преданностью обсудить, каковы хвалы с благодарением Богу по причине его воспоминания мы должны воздать. Чтобы прогнать и обратить в бегство густейшие и отвратительные потемки смерти и невежества, которые творец мрака пустил на землю, следовало прийти Свету, Просвещающему весь мир. Потому логически вытекало, что Этому Свету предшествовало несказанное и вечное многообразие и временных, и разумных светочей. Назову отцов древнего благочестия, добродетелями, примерами и словами которых верные народы были просвещены и научены, и, так как туман вечной слепоты был если не полностью, то отчасти рассеян, могу признать, что этому помог Тот несказанный Свет. Как мы сказали, были светочи не от себя, не с какой-то другой стороны, но от Того Вышнего Просвещающего Света, почитатели небесных повелений, одни до закона, другие под законом, одни во времена судей, царей и пророков, возвещающие тайны Господня Рождества, страдания, Воскресения, Вознесения. После них просиял Господень Предтеча, Иоанн, который, словно бы ясным светом, довел до людей всех патриархов хвалы и вещие речи пророков. Ибо этот муж святой был не только праведен, но еще и происходил от праведных родителей. Он был праведен в проповеди, праведен во всем житии, праведен в страдании. Его рождение, праведность, святость и все святые дела возвестил архангел Гавриил, полностью описало Евангельское перо. Весьма достойно было, чтобы отрок, наделенный таким достоинством, звался таковым именем. Ибо, как свидетельствует речительство и опыт наших старейшин, Иоанн толкуется как “Благодать Божия” или “тот, в ком есть благодать”. Человеческое знание не может выразить в речи, даром какой святости, какой небесной благодати был обогащен Господень Предтеча. И хотя человеческое знание не имеет силы рассказать о нем, не должно обходить молчанием то, что сказано о нем и ему. Что даруется таковому человеку, когда о нем говорит столь незначительный человек? Какую силу для этого имеет ничтожность человеческая, когда о нем говорит Вышняя и Невыразимая Троица? Говорит о нем Бог

Отец в псалме, говорит снова в Евангелии. В псалме: “Поставлю светильник помазаннику Моему” [Пс 131:17]. О нем сказал евангелист: “Он был светильник, горящий и светящий” [Ин 5:35]. В Евангелии: “На кого увидишь Духа сходящего и пребывающего ..., тот есть крестящийся” [Ин 1:33]. Небесное учительство и кафолический образ мыслей извещает, что прилично отнести и к Предтече Его некоторые свидетельства, которые Святой Дух особо возглашает чрез Исаию и Иеремию громовым голосом о Лице Господа Спасителя. Как рассказывает Евангелие, еще более открыто Иоанну предоставил свидетельство Дух Святой, Которого исполнившись, он, к приходу Родительницы Господней все еще заключенный в утробу матери, удивительным образом возрадовался, не с помощью природы, но с согласия благодати. Ибо Сам Господь Христос, Которому он предоставил свидетельство, говоря: “Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира” [Ин 1:29], во время Своей проповеди сказал о нем: “Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя” [Мф 11:11]. И о Иоанне, кого Господь назвал величайшим из рожденных женами, Он ясно дал понять, что тот не имел порока легкомыслия и страсти к чувственным наслаждениям, признал, что он пророк и более, чем пророк, и что он тот, кого Он Сам властью Своей Божественности почтил преимущественными правами столь великих добродетелей и милостей, чтобы он превзошел заслуги всех смертных, открыто показал, что он Ангел, призванный от Бога и посланный перед Ним, чтобы приготовить путь спасения, как передает вещая речь пророка Малахии. Ибо, если ангелом он называется по-гречески, по-латыни он зовется вестник; по праву так нарекается блаженный Иоанн, который возвестил своим рождением от бесплодной матери Имеющего Родиться от Девы Матери, проповедью возвестил Грядущего на проповедь, крещением Крещающего, терпением мук Того, Кто понесет страдание и Своим страданием искупит человеческий род, Того, Который живет и царствует с Богом Отцом и Святым Духом во все веки веков.

О Святом Кресте

После единственной и удивительной и во всем мире достохвальной и спасительной победы Господня страдания, Его же Воскресения и священнейшего праздника Пасхи, в высшей степени достойно и прилично снова поразмышлять над этим славнейшим днем, когда были найдены орудия Господня Страдания к чести и славе Имени Божия и для спасения человечества, а именно, Крест, на котором висел Создатель нашего Спасения и гвозди, Которыми было прикреплено Святейшее Тело, Которое Сын Божий изволил принять от Непорочной Девы, несказанным образом рожденный прежде всех времен мира от Самого Бога Отца. По праву верная семья всей Церкви вновь весьма торжественно почитает в различные времена года нахождение и воздвижение Спасительного Креста, ибо посредством Креста мы узнали, что власть смерти уничтожена, посредством Креста размышляем о том, что мы избежали вечной смерти, и посредством Креста радуемся, что обрели помощь

вечной жизни. Ибо когда празднуется обретение победительного Креста Господня, весьма явно вспоминается Воскресение Распятого Господа, и когда почитается воздвижение этого же Креста, в этом празднике распознается, что Распятый Иисус Христос возносится на небо. Для подтверждения чудес этого деяния в Писании можно найти некие парные возвещения, чтобы ни у кого не осталось неверия к тому, что говорится о Боге, когда сходное соединяется со сходным. Жена, обманутая змеиной ложью, подала смерть мужу, более того, еще всему роду человеческому; смиренная преданность святых жен апостольскому собранию возвестила, что Господь воскрес, ибо в этом их уверила правдивая речь ангела. Вы слышали, что непослушный человек чрез вкушение от древа был изгнан из Рая; вы слышали, что разбойник, исповедавший Христа Господом, чрез смиренное исповедание был введен в Рай. Распущенная жена, посоветовав злое разногласие, проложила путь в преисподнюю, Непорочная Дева направила истинный путь в горняя. Развратная женщина принесла своему потомству смерть, Целомудренная Дева подала человеческому роду вечную жизнь. Мария Магдалина, некогда грешница, принесла радостное известие о Господнем Воскресении, императрица Елена явила присутствующим и имеющим прийти в будущем христианским народам радость и ликование об обретении Креста и прочих орудий Господня страдания. Мария, Родительница Господня стояла пред крестом в то время, когда страдал Единородный Сын Ее, Господь, и благочестивыми очами, как пишет кафолический учитель Амвросий, надеялась не на смерть Жертвы, но на спасение мира; о Марии Магдалине тот муж, поэт Седулий, переложивший Евангелие стихами, утверждает, что Она, заботясь о Его погребении, прежде прочих женщин была у гробницы Господа, а Елена, государыня Римской Империи, чтобы разыскать и найти орудия мучений Тела Господня и знаки нашего спасения, занялась этим умно и усердно, и, настроенная благочестиво и действующая непритворно, она трудилась выполнить все обеты, чтобы найти, что искала, и сильно желала почтить найденное к чести и славе Господа. Для исполнения этого трудного дела был у нее усерднейший помощник, ее сын, властитель Римской империи Константин, который первым среди властителей мира по совету матери, вышеназванной и часто поминаемой Елены, и благодаря ее усердию, даровал Римской Церкви свободу и привилегии. Затем для общественной пользы началась проповедь христианства, с согласия Господня, деянием этого властителя при отсутствии всяческого противодействия, честь и сила Христа, вера и победа Господа Распятого были возвещены по всему пространству мира, до какого места простиралась власть Римского государства. Я не скажу, “до пределов Римского государства”, но “до какого места” было проповедано величие Божественного и Воплощенного Слова и Спасительное ружательство миру Святого Евангелия, которое живым и свободным голосом возглашает честь и славу Креста и деяния и чудеса Распятого Господа. Что мы, несчастные, пытаемся сказать в похвалу Кресту, и что, неученые, пытаемся говорить, мы, узнающие ежедневно таковые

и столь великие речения от старших и лучших, чем мы, и что и известное и ангелам, и людям, и всех верных надежное благоразумие проповедовал, что (в это) верят и (об этом) помышляют. Сын Божий милосердно изволил принять человеческую плоть от Девы, сделавшись Человеком, пожелал явиться людям, и чрез того самого Человека, которого воспринял, пожелал освободить человеческий род от гибели вечной смерти и привести из мрака к свету, из смерти к жизни. Он знал так же, как Он все знает, что дерзость первородителей не может быть исправлена, если бы Божественное Достоинство не приняло нашу человеческую природу, но в мире всегда царствовало бы, как мы сказали, гордое безрассудство Первородителей, и не была бы отпущена вина, которая возникла в мире чрез незаконное внушение от древа, если бы Христос, повиснув на Крестном древе, не уничтожил рукописание смертного установления Своей Кровью. Необходимо, братия возлюбленные, чтобы тот, кто радуется, что он искуплен драгоценной Кровью Христовой, постарался ограждать себя знамением Господня Креста, и, как повелевает блаженный Иероним, пусть в начале всякого дела, против всякого нападения, против всякой опасности рука изображает крест, как делают все, искренне посвящающие себя Богу через Таинство Креста. И в другом месте этот же красноречивый оратор прекрасно и подробно излагает во хвалу Креста, что хоругви воинов, и пурпур царей, и диадемы кесарей изящно украшает изображение спасительного орудия казни. Каждый, кто положил пострадать или умереть за Христа со времени Господня страдания, желал прийти ко Христу чрез Крестные муки. Потому Христос таковым предсказал, что они должны будут достигнуть Небесного Царства: “Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь” (Ин 21:18). В распятии рук Господь обозначил, что Петр примет, как желал, перекладину креста. Андрей верно проповедовал Таинство Креста, и чрез крестную муку достиг победы. А Павел, если и не был распят плотью, с двойной любовью нес сердцем и телом Крест Господень, как учит блаженный папа Григорий, говоря: “А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа” [Гал 6:14]. Св.Григорий радовался еще и потому, что он достиг вершины знания и премудрости, хотя гордился тем, что он ничего не знает, кроме Иисуса Христа и его Распятия. Ибо что бы ни претерпел кто-либо за Христа по примеру Господнего страдания, это страдание по причине чести и славы называется распятием. Та женщина из книги Царств, которая постаралась сложить два куска дерева во образ Креста, когда пророчествовал Илия, как полагают толкователи Божественных Письмен, предвосхитила образ Церкви. Ибо, как мы сказали, два куска дерева, сложенные уже упомянутой женщиной во образ креста, понимаются Отцами в духовном смысле. Выбранное изречение Апостола Павла касательно того, чтобы священные тайны сего Креста понимались в духовном смысле, обращено к тем людям и, будучи обращено, увещает тех, кому, как и прежде, так и ныне присущи любовь и старание, и честь,

и слава пребывания у него в учении, и кто желает получить его спасительные увещания: “Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта, и долгота, и глубина и высота” [Ефес 3:16–18]. Согласно речению Апостола, мы верим, что тайна касается Креста. Протяженность Креста от оконечности одной до оконечности другой поперечной переключины, как полагаю, мы можем представить это упрощенно. Ибо высотой Креста мы зовем расстояние от его основания до положенного поперек дерева, согласно верному свидетельству старших и больших; а глубина есть крайняя часть Креста, которая, телесным зрением не может быть увидана, ибо она воткнута в землю. Мы верим, что высота есть превосходство главной и высшей добродетели, каковая есть вера в Бога и о Боге, без искренности и честности, каковой невозможно Ему угодить. Иначе мы можем понять под высотой добрые дела любви, под длиной стойкость вплоть до конца, под протяженностью надежду на небесное воздаяние, под глубиной непостижимые суды Божии, как передает надежный и полный многих мнений рассказ Отцов. Во времена Елены³⁴ Августы с августейшим ее сыном Константином проповедуются обретенный Крест, и в Него уверовали; а когда правил Ираклий³⁵, весьма победоносный царь и христианнейший властитель, поклоняются и чтят победное и славное воздвижение этого же Креста Господня. Что суть мы, дерзающие сказать нечто, хотя бы немного, для хвалы Кресту несведущим пониманием, неученой премудростью, картавым языком? Сколько и сколь многие, и каковы были те, кто смогли сказать возвышенно о столь великом деле? Чтобы рассказать об их заслугах и усердии, недостаточно бездействия нашей скудости, и бедность нашей памяти не может полностью даже воспринять многочисленность их знаменитых речений, которые они произносят, ибо этому противостоит наше незнание. Все католические учителя Церкви постарались объявить о Таинстве Креста и Страдания Господня, насколько тогда было необходимо, один более скрытым образом, другие более открыто, третьи более пространно. Среди них Иоанн Златоуст говорил гораздо более изобильно, чем прочие. Чрез многое время после него просиял некий монах, из монаха ставший епископом города Могунтинского, по имени Храбан³⁶, достаточно просвещенный мирской премудростью, известный католической верой, в совершенстве обученный особым знаниям. Он начал и сложил столь прекрасное сочинение о похвале Креста, и, складывая его, довел его до совершенства, так что ни сейчас, ни в будущем нельзя найти сочинения, более великолепного для взора, более доставляющего удовольствие при чтении, более приятного для хранения у себя, более нетрудного для списывания. Нам было угодно речение блаженного Иоанна, по прозвищу Златоуста, славнейшего патриарха царского града, о похвале Кресту вставить целиком, без перерыва в эту небольшую речь, чтобы то, что не смогла достойно рассказать наша необразованность, прославило его безыскусное и возвышенное

ручательство. Ибо некогда уже сказанный муж написал речение о Кресте Господнем, в котором он обращается к некому своему другу, говоря среди прочего: “И если ты желаешь знать, возлюбленный, силу Креста, и сколь велика, как могу к славе Его сказать, слушай: Крест есть надежда христиан, Крест – воскресение мертвых, крест – вождь слепых, крест – дорога отчаявшихся, крест – хромым посох, крест – опровержение гордых, крест – утешение бедняков, крест – обуздание богатых, крест – мука живущих дурно, крест – победа над демонами, крест – одоление диавола, крест – отроков наставник, крест – опора нуждающихся, крест – надежда отчаявшихся, крест – кормчий моряков, крест – гавань для терпящих бедствие, крест – жителей стена, крест – отец сирот, крест – защитник вдов, крест – советник праведных, крест – страждущих покой, крест – страж младенцев, крест – глава мужей, крест – конец старцев, крест – свет для сидящих во мраке, крест – величие царей, крест – щит вечный, крест – премудрость разумных, крест – свобода рабов, крест – философия императоров, крест – закон для нечестивых, крест – пророков провозглашение, крест – апостолов возвешение, крест – мучеников прославление, крест – монахов воздержание, крест – дев целомудрие, крест – радость священников, крест – Церкви основание, крест – ручательство круга земного, крест – разрушение капищ, крест – поражение идолов, крест – соблазн иудеям, крест – погибель нечестивцам, крест – сила бессильных, крест – болящих врач, крест – очищение прокаженных, крест – покой паралитиков, крест – голодающих, хлеб, крест – жаждущих источник, крест – нагих защита”³⁷. Да будет нам Путь, Жизнь, Спасение Христос Распятый, Который нас всегда спасает, Который все времена управляет. Да будет Крест нам всем сила и прибежище, с помощью Того, Кто ради спасения людей понес крестную муку, который с Отцом и Святым Духом живет и царствует во вся веки веков. Аминь.

Послание к Фульберту³⁸, епископу Карнотенскому

Господину и досточтимому и благочестивому возлюбленному брату и сопресвитеру Фульберту брат Одилон желает спасения в Господе.

Возлюбленный муж, что означает вопрошение, переданное нам неким нашим верным клириком; как он сам признался, Вашему Отечеству было угодно, чтобы я, хотя и недостойный, сделался судьей Вашей жизни. Вы поручили мне, чтобы на письме я описал Вам, что мне видится о Вашем, насколько можно сказать, безупречном образе жизни. Но глаза, покрытые мраком тьмы, не могут ясно увидеть великолепие небесной тверди и сферы небесных звезд. Назову тебя великолепием тверди и звездой; буду еще звать тебя звездой утренней, пользуясь свидетельством пророка Даниила: “И разумные будут сиять, как светила на тверди” [Дан 12:3]. И кто многих научает праведности, если не звезды в непрерывной вечности! Каким же суждением должно оцениваться Вы, кто есть таков и столь велик, о котором не могу я достойно помыслить? Ибо мы, угнетенные тьмой невежества, не можем распознать самих себя, и никоим образом не можем оценить жизнь праведных своим

судом. Всякий человек считает Вас по заслугам достойным хвалы настолько, что более желательно удивляться Вам, чем можно было бы что-то сказать. Понимание нашей малости отяготилось бы бременем Вашего вопрошения, если бы не была наготове память о Божественных речениях. Ибо Творец жизни и спасения дал пример верным, как Вы и сами лучше знаете, а именно: Муж во всем евангельский, придя в пределы Цезареи Филипповой, спрашивал своих учеников: “За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?” [Мф 16:13]. И спустя немного времени: “а вы за кого почитаете Меня?” [Мф 16:15]. Не потому спросил Тот, Который все знает и ничего от него не скрыто, как если бы Он не знал, но чтобы подать прелатам Церкви пример в том, как о себе спрашивать. И потому всякий предстоятель Церкви должен спрашивать у подданных, каково о нем мнение, какова о нем слава, и если что-либо о себе услышал, да воздаст благодарение Богу, от Которого имеет все, что есть доброго, чтобы с Его помощью благоприятным ходом возрастать из силы в силу до тех пор, пока не сможет узреть Бога богов в Сионе; если же дурное что-нибудь о себе услышит, пусть покается и в остальном весьма постарается заботливо исправиться. Но если по примеру учителей и Вас побуждает Ваше положение спрашивать о себе, должно провозгласить нам ясность Вашей мудрости, чистоту Вашей веры и доброжелательность Вашего трудолюбия; конечно, истина вообще не нуждается в хранении тайны, но не может прославляться человек, Богом возлюбленный и в мире ненавидимый, человеком неученым и некнижным. Ныне я, не обманутый каким-либо обманом грубой лести, не желающий какого-либо дара, хвалы или денег, сообщил о Вас это и другое в общей беседе, но не отказываюсь и еще сказать, и не откажусь от того, чему я правдиво верю, и столь много желаю, чтобы так сделалось. Если же Вы посчитали бы меня льстецом, послушайте Писание: “Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся” [Притч 1:10]. Ибо не подлежит обвинению, если мы похвалим тех, которые, как мы верим, достойны хвалы, как говорит Писание “Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои” [Притч 27:2]. Если же кто-нибудь захочет противопоставить этому то, что Писание говорит: “Прежде смерти не называй никого блаженным” [Сир 11:28], и я соглашусь, ибо полагаю, что Вы, слышавший от Апостола: “Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге” [Кол 3:3], мертвы для смертной жизни. И Вы говорите вместе с ним и словами и делами “Живем ли – для Господа живем, умираем ли – для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем, – всегда Господни” [Рим 14:8]. О прочем, возлюбленный муж, что некий Мудрец сказал: “Всего может избежать человек, кроме своего сердца”³⁹. Ибо никто не может уйти от себя. Ибо куда бы он ни пошел, его не оставляет его совесть. И апостол Павел говорит: “Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?” [1 Кор 2:11]. Я сказал бы нечто ради увещания, но как должен учить неученый того, кого духовное помазание учит обо всем? Но о том умолчу из Евангелия: “Еще одного не достает тебе” [Лк 18:22]. Что это могло бы быть, ты сам лучше знаешь. Будь здоров.

Исповедание веры Одилона

Поклоняюсь, восхваляю, славлю и благословляю Вечное и неопишное Единство Высшего Божества, как святые Ангелы и Архангелы и все святые поклоняются Ему на небесах. Верую и исповедую Отца и Сына и святого Духа, Трех в Лицах, Единого в Божестве и по сущности, как предсказали святые патриархи и пророки, как изложил Ангел Гавриил, посланный с небес к Деве, как объявили святые Апостолы, как благовествовали евангелисты, как проповедали мученики, как учили исповедники и исповедали святые девы. Верую и исповедую то Слово, Которое было в начале, и было у Бога, и было Бог; во времени рожденное и произведенное на свет за мое и всего мира освобождение и искупление от священной и нескверной Девы Марии в истине нашей плоти, без человеческого похотения, по закону Моисееву в восьмой день с наречением имени Иисус обрезанного и в сороковой день в храм Матерью с жертвами принесенного, волхвами возвещенного, Иоанном крещенного, в пустынях диаволом искушенного, но не побежденного; после многих и бесчисленных чудес и исцелений, дарованных благодетиями и проповедания Евангелия в установленное и предназначенное время собственным учеником преданного, иудеями схваченного, связанного, бичеванного, оплеванного, терновым венцом увенчанного, укусом напоенного, распятого, умершего и погребенного; в третий день, победив диавола и лишив ад его добычи, из мертвых собственной силой Воскресшего, через сорок дней апостолам в Той Плоти, в Которой распят был, явленного, в сороковой день на глазах у этих же апостолов и многих других верных на небо вознесшегося, потом имеющего прийти, чтобы живых, и мертвых, и мир судить огнем. Еще верую во Святого Духа, на Того же Господа нашего в виде голубя и на святых Апостолов в огненных языках сошедшего и им знание всех языков подавшего, и непобедимую против всякого гонения врагов стойкость даровавшего. Верую во Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь. Исповедую одно крещение во отпущение грехов, ожидаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь.

Молитва при поклонении Св. Кресту

Во Чье Имя всякое колено преклоняется, небесных, земных и преисподних, пред Ним преклоняю колени и исповедую прегрешения Отцу светов, Владыке всех духов, повелевающему как земными, так и небесными; и тебе, враг рода человеческого, ищущий вокруг, кого пожрать, приказываю: отврати от меня свои уловки и скрытые козни; ибо со мною есть Крест Господень, Который я всегда почитаю. Крест мне прибежище, крест непобедимое знамение, крест неодолимое оружие. Крест прогоняет всякое зло. Крест рассеивает мрак. Чрез этот Божественный Крест начну путь. Крест есть мне жизнь; тебе, враже, смерть. Крест Господа нашего есть мое возвышение, Кровь Его

да пребудет мне истинным искуплением. Воскресение Его да будет мне твердая вера и неизменная надежда на воскресение праведников, и Его славное вознесение к небесам да будет мне ежедневным преуспеянием к желанию Небесных, и излияние Святого Духа в сердцах наших да будет во отпущение всех наших прежних грехов. Аминь.

¹ См. «Фульберт Шаритрский» в наст. изд.

² Св. Майоль Клунийский (ок. 906–994) – настоятель монастыря с 956 г.

³ Св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480–ок. 550) – отец западного монашества, автор бенедиктинского устава, основатель и первый настоятель монастырей Субьяко и Монте-Кассино.

⁴ Св. Григорий Великий (ок. 540–604) – папа Римский, в книге “Беседы, или диалоги, о жизни и чудесах италийских отцов” написавший житие св. Бенедикта.

⁵ Св. Мавер (VI в.) – первый ученик св. Бенедикта Нурсийского, прославившийся своим послушанием. В “Житии св. Мавра”, составленном в IX в., говорилось, что из галльской области Ле Манн к св. Бенедикту прибыли посланцы от тамошнего епископа с просьбой пригласить им кого-нибудь из учеников святого, чтобы наладить в Галлии монашескую жизнь по бенедиктинскому уставу. Согласно этому житию, выбор пал на св. Мавра. Одилон пересказывает этот факт.

⁶ Гильом I (ум. в 918), по прозванию Благодетельный – граф Овернский с 886 г. и герцог Аквитанский с 893 г. Основал множество монастырей, самым важным и значительным из которых был Клуни (910).

⁷ Бернон из Бом (ок. 850–925) – первый настоятель Клуни, положивший начало знаменитой бенедиктинской реформе X века.

⁸ Ныне г.Макоп.

⁹ См. «Одон Клунийский» в наст. изд.

¹⁰ Св. Мартин Турский (ок. 316–397) – один из наиболее почитаемых святых Средневековья. Он был похоронен в Туре, и этот город стал центром его почитания.

¹¹ Хеймард (942–964) – настоятель Клуни с 948 г., с 954 по 956 г. управлял монастырем вместе со св. Майолом.

¹² Хильдебранн – пресвитер и канцелярий Клуни в правление Хеймарда.

¹³ Алкуин (ок. 735–804) – англосакс, богослов, педагог, церковный деятель, возглавивший по приглашению Карла Великого придворную школу, называвшуюся Академией, в последние годы жизни был настоятелем монастыря св. Мартина в Туре и составил на основе более раннего жития этого святого, написанного Сульпицием Севером, более краткое житие, читавшееся на праздник св. Мартина за службой.

¹⁴ Опубликовано в антологии “Памятники средневековой латинской литературы.VIII–IX века”. М., 2006.

¹⁵ Сульпиций Север (363–410/429) – церковный писатель, был близок к св. Мартину Турскому, составил его подробное житие.

¹⁶ Ср. Ин 22:16.

¹⁷ Св. Григорий Великий. Гомилии на Евангелия (“Homiliarum in Evangelia libri duo”). Lectio S.Evangeliū secundum Ioannem, XX, 19–31. PL. V. 76. Col. 1197.

¹⁸ По-латыни и по-гречески.

¹⁹ Св. Дионисий Ареопагит (I в. н.э.) – первый епископ Афин. По православной традиции, первый епископ Парижский, убитый там язычниками. Автор четырех книг, одна из которых “О небесной иерархии”, в которой излагается христианское учение о мире ангельском. Ангельская (или небесная) иерархия состоит из 9 ангельских чинов: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы. Цель Богоучрежденной ангельской иерархии – восхождение к Богоподобию чрез очищение, просвещение и совершенствование. Высшие лики становятся носителями и источниками Божественного

- Света и Божественной жизни для ликов подчиненных. Не только умные, бесплотные силы включены в светоносные духовные иерархии, но и род человеческий, воссоздаваемый и освящаемый в Церкви Христовой.
- ²⁰ *Оттон I Великий* (912–973) – император Священной Римской империи с 962 г.
- ²¹ *Адельгейда, Аделаида* (931/932–999) – см. с. 354. примеч. 66.
- ²² *Оттон II* (955–983) – император Священной Римской империи с 973 г.
- ²³ *Конрад Миролюбивый* (ок. 925–993) – король Бургундии с 937 г.; его жена Матильда – дочь Людовика IV Французского и Герберги Саксонской.
- ²⁴ *Одон-Герих* (946–1002) – герцог Бургундский с 965 г.
- ²⁵ *Ламберт I Лувенский* (950–1015).
- ²⁶ *Вильгельм IV* (937–993/995 г.), по прозвищу Железная Рука – герцог Аквитанский и граф Пуату с 963 г. по 990 г.
- ²⁷ *Рикард I Бесстрашный* – правитель норманнов, потом герцог Нормандский, с 942 по 996 гг.
- ²⁸ *Гильом I* (ок. 950–993), по прозвищу Освободитель, изгнавший сарацинов из Прованса – граф Прованса с 968 г. Пожертвовал Клуни земельные угодья, в старости принял монашество, умер в Авиньоне.
- ²⁹ Монастырь Совиньи.
- ³⁰ *Гуго Капет* (ок. 940–996) – основатель династии Капетингов, король Франции с 987 г.
- ³¹ 11 мая.
- ³² Прованс.
- ³³ *Веспасиан* (Тит Флавий Веспасиан Старший) (9–79) – император с 20 г., восстановил порядок в расстроеной гражданской войной империи, подавил восстание батавов, начал Иудейскую войну, которую завершил его сын Тит, значительно расширил границы империи. *Тит* (Тит Флавий Веспасиан Младший) (император с 79 по 81 г.) – сын и наследник Веспасиана, подавил восстание иудеев, захватил и разрушил Иерусалим.
- ³⁴ *Св. царица Елена* (ок. 250–330) – ставшая христианкой в преклонном возрасте (ок. 312 г.), совершила паломничество в Святую Землю, где обрела Крест Господень; мать св. Константина, первого императора-христианина.
- ³⁵ *Ираклий* (575–641) – византийский император (610–641), основатель Ираклийской династии, талантливый военачальник, победитель персов. Вернул в Иерусалим Св. Крест, похищенный персидским царем Хосровом.
- ³⁶ *Храбан Маур* (ок. 780–856) – просветитель Германии, архиепископ Майнцский, автор множества богословских и педагогических трудов. Ниже упоминается его сочинение “О похвале Св. Кресту”, написанное стихами и прозой.
- ³⁷ Цитата из гомилии “In Venerabilem Crucem sermo”, приписывавшейся св. Иоанну Златоусту. PG, 50. Scol. 815–820. Col. 819.
- ³⁸ См. «Фульберт Шартрский» в наст. изд.
- ³⁹ *Св. Исидор Севильский*. Три Книги сентенций. (“Sententiarum Libri tres”). PL. V.83. C. 627.

Иво Шартрский

Один из самых знаменитых епископов Франции XI–XII вв., Иво Шартрский, родился в окрестностях Бовэ около 1040 г. в знатной семье. Образование он получил сначала в Париже, затем в Нормандии, в монастыре Бек, славившемся своей богословской школой. Там Иво учился у Ланфранка (1005–1089), будущего архиепископа Кентерберийского при Вильгельме

Завоевателе (1028–1087), первом короле Англии из Нормандской династии. Соучеником Иво был Ансельм (ум. в 1109), будущий преемник Ланфранка на Кентерберийской кафедре, один из наиболее известных богословов Средневековья. Иво поступил в монастырь Нель в Пикардии, затем через некоторое время вернулся в Бовэ и, по желанию епископа Гюи (1063–1085), в 1078 или 1080 г. возглавил основанный им монастырь св. Квентина, ставший при Иво знаменитой школой богословия. В то время Иво снискал славу одного из лучших учителей Франции.

В 1090 г. Иво был рукоположен на Шартрскую кафедру. Его переезд в Шартр способствовал новому расцвету богословской школы при соборе Шартра, основанной известным математиком, богословом и философом епископом Фульбертом (ок.960–1028). Предшественник Иво на Шартрской кафедре, Гауфред, был вынужден сложить с себя епископский сан по причине симонии (торговли церковными должностями). Сторонники Гауфреда не желали принимать нового епископа и пытались сместить его; однако Иво был рукоположен самим папой Урбаном II (1042–1099) и получил от него поддержку в споре со своими противниками.

Слава епископа Шартрского как богослова, литургиста, знатока церковных канонов была весьма велика. Его канонические книги, например, “Панормия” (Panormia), составленная до 1096 г., приобрели широкую известность еще при жизни автора. Списки “Панормии” почти сразу после ее написания появились в Англии (Дарем и другие крупные центры), в Германии (Наумбург). Как канонист, Иво принимал участие в обсуждении проблемы инвеституры, то есть назначения на высокие церковные должности; до конца XI в. инвеститура находилась в руках светской власти, что способствовало распространению симонии. Еще в 1099 г. Иво призывал к разделению церковных и светских элементов в назначении епископов. Эта идея нашла свое воплощение в так называемом Вормском Конкордате 1122 г., согласно которому в Германском королевстве епископы и аббаты избирались высшим духовенством в присутствии короля или его представителя, причем знаки духовной власти вручались новопоставленному собрату архиепископом, а знаки светской власти – королем.

Несколько посланий Иво связаны с событиями 90-х годов XI в. Филипп I Французский (1052–1108), женатый на Берте Голландской (с 1072 г.), оставив ее, увез Бертраду, жену своего вассала Фулька Рэхина, графа Анжуйского, и пожелал заключить с ней брак. Хотя папа Урбан II отлучил короля от церкви, епископ г. Санли был готов совершить церемонию венчания. Однако другие епископы, возглавляемые Иво, отказались присутствовать при этом событии. В письмах к королю и собратиям-епископам Иво резко высказывался о происходящем. В 1094 г. Иво отказался поддерживать союзника короля Филиппа, Роберта, герцога Нормандского, против его брата, Вильгельма (Вильгельм II Рыжий (1060–1100), король Англии), и этим подал королю формальный повод для преследований. В этом же году умерла Берта,

законная жена Филиппа, но муж Бертрады, Фульк Рэхин, был жив, поэтому отлучение короля было еще раз подтверждено на церковном соборе в Отене 1 октября 1094 г. В ответ король собрал в Париже епископов, чтобы осудить Иво за государственную измену. Иво провел несколько лет в заключении, не прекращая переписки со своими сторонниками. Только письмо папы Урбана II королю Филиппу помогло его освобождению. После освобождения Иво вернулся в Шартр и до самой кончины оставался на епископской кафедре.

За всю свою жизнь Иво написал более 300 посланий разным лицам по вопросам политики, литургики, догматики, канонического права, морали. Собрание этих посланий представляло большую ценность как род справочника, обобщающего реальный жизненный опыт главы монастыря, а затем и диоцезы. Авторитет Иво был столь велик, что сборники его посланий часто включались в состав монастырских библиотек.

Перевод сделан по изд.: PL 162, 13–28; 505–527.

Проповеди

VII. О Пришествии Господнем в мир

(О Рождественском посте)

Так как, празднуя настоящие дни, мы празднуем оба Пришествия Христова в мир, должно различать Вашему братству, во что из прошлого вы должны веровать в этом праздновании, что ожидать от будущего, насколько ожидание будущего вас, обеспокоенных страхом, удерживает от злодеяний: вера же в прошедшее утвердит вас, не охладевающих в добрых делах, чрез любовь, ибо никто из вас не сомневается, что Господь уже пришел в образе раба, чтобы над Ним был произведен суд; никто из вас не отрицает, что Он придет в том же образе, чтобы судить. Первое его пришествие было тайным, второе будет явным. Ибо о первом его пришествии так читаем: “И Человек был, и кто познал Его?”¹. И в Евангелии: “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” [Ин 1, 5], и многое в таком роде. О втором же так говорится в Писании: “Грядет Бог наш, и не в безмолвии” [Пс 49, 3]. В первом пришествии Он молчал, не по предписанию, но по рассуждению. “Будучи злословием, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал” [1 Пет 2, 23]. И, как Агнец, пред стригущим Его, Он не открыл уст Своих. Во втором пришествии Он не будет молчать, когда каждому воздаст по делам его. Ибо Он скажет тем, кто будет стоять слева от Него так: “идите от Меня, проклятые, в огонь вечный” [Мф 25, 41]. А так – тем, кто будет справа от Него: “приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира” [Мф 25, 34]. Первое пришествие было со смирением и кротостью; второе будет с ужасом и величием. Ибо о первом устами пророка говорится Церкви: “се, Царь твой грядет к тебе кроткий” [Мф 21, 5]. Об ужасе второго так говорится в псалме: “Пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря”

[Пс 49, 3], то есть, что буря далеко прогоняет дурных людей от славы видения Его, а затем их пожирает огонь. Об этой буре написано: “удалится нечестивый, да не будет взирать на величие Божие” [ср. Ис 26, 10]. А об огне, которому должны быть преданы дурные люди, говорит Господь устами Моисея так: “огонь возгорелся во гневе Моем, жжёт до ада преисподнего” [Втор 32, 22]. Поскольку Господь также придет на суд с величием, Он говорит так: “Когда же придет Сын Человеческий во Славе Своей..., и соберутся пред Ним все народы” [Мф 25, 31–32]. В первом пришествии Господь пришел неправедных оправдать, во втором придет неправедных осудить. В первом Он пришел призвать отвратившихся, во втором прославить обратившихся. В первом пришествии Христос был предан за нечестивых **недолжной** смерти, во втором Он предаст нечестивых **должной** смерти. В первом пришествии Он приходит изменить нас внутренне по образу Божию. Во втором же “уничуженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его” [Флп 3, 21]. Ибо как чрез первого человека земного грех вошел в мир, и чрез грех – смерть, так подобало, чтобы чрез Второго Человека Небесного человек сначала оправдался от греха, после чрез Него же **восстановился** к бессмертию. Ибо каким образом он погиб, таким же образом он должен быть восстановлен. Первая смерть – вероломство; от нее происходит вторая: повреждение плоти чрез уход души. Так первое Воскресение – **оправдание**, второе – преобразование поврежденной плоти в бессмертную. Ибо и то, и другое пришествие Господне было необходимо для нашего восстановления, и Святая Церковь имеет обычай, исполняя обряды, почитать то и другое, чтобы начатые **благодаяния** первого пришествия вновь вспомнить с благодарностью и ожидать совершенных благ будущего пришествия с **благодарным** трепетом. Потому то, что о том и другом пришествии Господнем записано в Законе, и пророках, и псалмах, и Евангелии, особенно **возглашается** чтением и пением в Церкви в эти четыре седмицы, чтобы этими **четырьмя** родами свидетельств о полученных **благодаяниях** мы укреплялись к благодарению, а к будущему готовились с **неленостным** волнением и с усердием. **Итак**, сохраним первое одеяние непорочности, которую мы получаем в первом пришествии, чтобы, спеша с нею на брак отеческий, мы удостоились также получить иное одеяние бессмертия. Очистим себя от всякого осквернения плоти и духа, чтобы **Каким** мы, в радости, принимаем **Искупителя**, **Таким** же узреть в твердом уповании **приходящего** Судию. Как говорит Апостол: “каждого дело обнаружится, ибо день покажет, потому что в огне открывается” [1 Кор 3, 13]. В день же Господень этот вот воздух, который близко к земле, наполнится огнем **вплоть** до места, где поднимается разлитие вод: чрез **каковой** огонь пройдет всякий воскресший, **предстоящий** пред Судом Христовым. Как **вещественный** огонь или испытывает, или очищает золото и серебро: так этот вот огонь дела, совершенные **воскресающими**, испытывает, а **несовершенные** очищает. Ибо так говорит Апостол: “У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду; а у кого дело сгорит, тот потерпит урон, впрочем, сам

спасется, но так, как бы из огня [1 Кор 3, 14]. Зная это, возлюбленные, приготовимся к Пришествию Судии, чтобы Он нашел в нас не то, что осудит, но то, что увенчает. “Предстанем лицу Его со славословием” [ср. Пс 94, 2], оплачем злодеяния, нами сотворенные, поставим судьей над нами нашу совесть, ибо, как говорит Апостол: “если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы” [1 Кор 11, 31]. Ибо Высший Первосвященник, Который Себя за нас принес Богу Отцу, до сих пор просит за нас одесную Отца; до сих пор оставляет грешникам возможность для помилования Тот, Кто отрехшимся и после не обратившимся оставит только лишь возможность для возмездия. Итак, пока у нас есть время, избегнем, исправляясь, возмездия за прошлую жизнь, будем искать милосердия, храня суды праведные, чтобы в последствии не воссел напротив нас суровый Судия – Тот, Кто ныне просит за нас, милостивый Первосвященник Иисус Христос Господь наш.

Х. О явлении Господа во плоти (Об Епифании)

Древние отцы твердо установили праздновать этот день явления Христова во плоти по трем причинам. Причины эти знает каждый христианин, который имеет обыкновение читать или слушать Евангельскую историю. Об этих причинах следует немного сказать: каким образом они служат прославлению Бога и что приносят нашему просвещению. Первая причина имеет отношение к тому, о чем объявляет сегодняшнее Евангелие [Мф 2], что когда появилась новая звезда, указывающая на появление Истинного Света, то волхвы из восточных пределов, побужденные ею, пришли в Иерусалим и узнавали о месте Рождества Христова, и та звезда шла перед ними и встала над домом, где был Младенец, и они нашли Младенца, и принесли Ему таинственные дары: золото, ладан и смирну. Во-первых, вот что приносит пользу просвещению нашей веры: появившаяся новая звезда возвестила, что явилось на земле Рождество Божественного Света, чтобы всякое разумное существо не могло оправдать непризнание Его, ибо видело, что Ему еще и стихии служат. В этом деле Иудея может быть менее оправдана, когда она, не веря Тому, о Чьем рождении знала из Писаний, видела, что Волхвы, словно олицетворяя языческие народы, из-за явленных знамений поклонились Ему и почтили таинственными дарами. Те волхвы в действительности были не некромантами², как некие полагают, но языческими философами; они по роду занятия своего умели распознавать знамения и из сопутствующих им обстоятельств понимать исход дел. Потому они знаменовали соответственно: золотом, которое обыкновенно приносят царям в виде дани, Царскую Власть рожденного Младенца; ладаном, который возжигается в жертву Богу, Божественную природу Того же Младенца: смирной, которой умащаются тела усопших, Его смертную природу. Кафолическая Матерь-Церковь и верует, и проповедует, что во Христе были три этих лица, и, поклоняясь Царствующему в Небесах, почитает Его не таинственными дарами, но золотом, ладаном и смирной, вынесенными из хранилища своего сердца. И действительно, мы приносим Богу

Шартр. Колокольня монастыря Сен-Пер, 1-я пол. XI в.
Histoire de Chartres et du pays Chartrain. Toulouse, 1983

золото, когда, благодаря терпению, не отпадаем от Него, испытанные в мучениях. Как золото утончается и растягивается, когда по нему бьют молотками, так и благочестивая душа увлекается посредством терпения к лучшему, когда проходит мучения; и для нее терзание – битье молотом, стойкость – протяжение. Потому говорит Апостол: “от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда [Рим 5, 3–4]. Также и ладан мы возжигаем Ему на алтаре сердца, когда, горящие к нему внутренней любовью, мы стремимся угодить Ему в усердии сокрушенной и слезной молитвы. Также мы выносим смирну из ларца своего сердца, когда ради любви к Нему мы посвящаем себя бдениям, молитвам, посту и другим славным упражнениям и тем укрощаем необузданность плоти. Потому в Песни Песней говорит Невеста: “и с рук моих капала мирра” [Песн 5, 5]. Лучшая же смирна есть укрощение плоти, принимаемое с рассуждением, которое добывается не похвалы людской, но переходит к оживлению души. Смирну струят руки Павла, когда он говорит: “усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным” [1 Кор 9, 27]. О первой причине празднования Христова явления во плоти как для веры, так и для просвещения нравов, из-за краткости проповеди сказано достаточно.

Другая причина этого празднества состоит в том, что Иисус пришел к Иоанну на Иордан, когда Ему исполнилось тридцать лет, чтобы от него креститься; небеса открылись и Дух Святой появился в виде голубя, и был услышан Отеческий глас: “Ты Сын Мой Возлюбленный” [Лк 3, 22]. Этим подтверждается истинность нашей веры в Рождество Христово, и простота приходящих к вере воспитывается в стремлении к крещению и его пользой. И в самом деле, жизнь Христа упорядочивает жизнь христианина. Ибо, когда веришь, что Христос, не только Сам безгрешный, но еще и грехи мира очищающий, как можно видеть, принимает таинство крещения от раба, по какой же причине некий праведник, некий святой человек не сможет принять от сослужителя своего то же таинство, сможет от него уклониться? Ибо всем тем необходимо возрождение, рождение которых было греховно. Именно потому, что этого не было во Христе, о Ком читаем: “но род Его кто изъяснит?” [Ис 53, 8], Он принял это таинство лишь только ради обозначения полноты праведности, чтобы оставить нам после этот обычай. Потому, когда Христос сошел в воды Иордана, небеса открылись над Ним, и, когда Дух Святой сошел на Него, Он был назван Сыном Божиим, Он подал нам вышину христианской благодати, ибо и огненный меч, заграждающий нам рай, угашается в водах крещения, и доступ в рай открывается, и каждый крещеный, принимая залог Духа, чрез усыновление делается сыном Божиим.

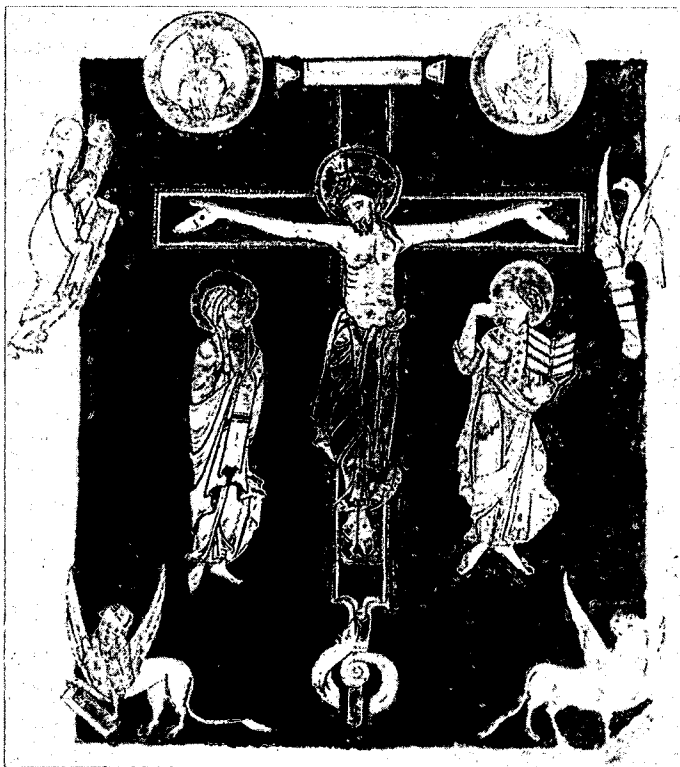
Третья причина этого празднества та, что Господь в годовщину Своего Крещения в присутствии Своих учеников благословил добрый брак Своим присутствием и началом Своих знамений и тем, что, претворив на браке воду в вино, сообщил нам великое Таинство: во-первых, чрез явление чуда дал понять Своим ученикам, до той поры не ведающим о ней, свою Божест-

венную природу. Таинственно же вода, превращенная в вино на браке, дает понять, что Бог соединяется с человеческой природой и делаются двое, Христос и Церковь, единой плотью [ср. Еф 5, 31–32], и закон, который до этого соблюдался только по плоти, чрез причастность человечеству Христову, понимается духовно. Мы также от предстоящей нам и пресной жизни ветхого человека чрез это соединение Христа и Церкви перешли в усыновлении к сынам Божиим.

Об этом можно говорить весьма много и длинно и подтверждать свою речь свидетельствами Писаний; но, чтобы слушатели не отягощались долгой речью, ныне этого достаточно. Ибо благоразумный человек принимает пищу настолько с большей пользой, насколько он голоднее, и настолько он более разборчив, насколько богаче пищей. Итак, сказав это выше, возлюбленные, утвердим нашу веру в Божественную и Человеческую природу Христа, вспоминая о свершившемся, и будем соответствовать нравами и образом жизни этим торжествам, которые мы празднуем в сем преходящем времени, чтобы чрез праздники, которые мы отмечаем в нашей преходящей жизни, мы удостоились достигнуть вечной радости.

XII. О семидесятинице

Мы знаем, любезнейшие, что, пребывая в сем мире, мы отчуждаемся от Господа, потому нам подобает ежедневными слезами оплакивать несчастье этого изгнания и всем желанием стремиться к Вечной Отчизне. Но так как Церковь, почтенная многими таинствами, не может торжественно отмечать это в общественных собраниях, под образом вселенского времени нам особным образом сообщены эти семьдесят дней, в течение которых в чтениях и песнопениях мы вспоминаем гибель рода человеческого и ежедневно скорбим, размышляя о нашей горькой смертности. Потому во входных молитвах сегодняшней миссы святая Церковь оплакивает смерть, причиненную ей чрез падение Первородителя, и, низвергнутая в скорби сей жизни в эти нижние пределы, скорбя, восклицает: “Объяли меня муки смертные..., цепи ада облегли меня” [Пс 17, 5–6]. Также для обозначения этого мы прекращаем наиболее употребительное в церкви восклицание, то есть “Аллилуйя!”, от сегодняшнего дня вплоть до Пасхи, и вместо этого еврейского слова часто повторяем латинское, то есть “Слава Тебе, Господи, Царь вечной славы”. Ибо как земной Иерусалим имеет образ Небесного Отечества, так и это вот восклицание, некогда часто повторяемое в хвалах Богу названным выше городом, означает хвалы граждан Вышнего Иерусалима, Матери Нашей, о которых поется в псалме: “Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя” [Пс 83, 5]. Значит, тем, что мы латинским речением восхваляем Бога в Его странствии к Иерусалиму, мы обозначаем странствие нашего изгнания. Этому значению семидесяти дней соответствует значение семидесяти лет, в течение которых жители этого земного Иерусалима были уведены в плен под власть царя Ассирийцев, и, пребывая в вавилон-

Распятие. Псалтирь. Сен-Жермен-де-Пре. Серед. XI в.
Beckwith J. Early Medieval art. Carolingian-Ottonian-Romanesque.
L., 1969. P. 183

ском рабстве, в это время не могли торжественно воздавать хвалы Богу по обычаю отчизны, но оплакивали несчастья своего изгнания. Псалмопевец, предвидя будущее по пророческому обычаю, словно уже прошедшее, воспевал это, говоря: “На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы” [Пс 136, 1–2]. Ассур же толкуется, как “вознесшийся”; Вавилон, как “смешение”; Иерусалим – “видение мира”. Итак, царь Ассирийцев, царь гордых, он же царь Вавилонский, то есть царь живущих не по закону, есть диавол, который угнетает жестоким игом рабства сынов мира, народ, тоскующий по видению небесных, и, сколь может одолеть, препятствует возвращению их и входу в Вышний Град; о том рабстве говорит Писание: “Тяжко иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех [Сир 40, 1]. Мы же, удерживаемые в этом рабстве, сидим, словно на реках Вавилонских, не погружаясь умом в преходящие страсти мира сего, но плачем, ибо мы несчастны, и глубоко вздыхаем о видении Вышнего и вечного,

часто желая этого. Потому Апостол говорит: “вся тварь совокупно стенает и мучится донныне” [Рим 8, 22]. И мы сами, имеющие начатки Духа, печалимся, ожидая принятия в число сынов Божиих, искупления плоти нашей. Это же творение есть душа, восстановленная от повреждения грехом к образу Божию, которая оплакивает внутри себя тщету, которой подчинена, и, словно роженица, пребывает в большом страхе и тоске, что **столь надолго удалилась от Отчизны**. Так же тосковал Псалмопевец, когда говорил: “Горе мне, что я пребываю у Мосоха” [Пс 119, 5]. И сам Апостол, **принявший Духа Святого среди первых членов Церкви, желая быть принятым в число сынов Божиих на деле, что он уже имел в надежде, так тосковал, когда говорил: “Имею желание разрешиться и быть со Христом” [Флп 1, 23]. Потому мы, утомленные и отягощенные несчастиями вавилонскими и вдохновляемые тоской по Вышнему Граду, словно бы вешаем на ивы наши арфы, на время скрываем проповедь радости Небесного Царства, которую мы обращали к угнетателям века нашего, укорененным в страстях мира, более того презирающим Божественную благодать, чтобы не показалось, что мы мечем бисер перед свиньями и даем святыню псам. Потому говорят пленники тем, кто захватил их в плен: “Как нам петь песнь Господню на земле чужой”? [Пс 136, 4]. Земля чужая есть множество нечестивцев, не принадлежащих к Вышнему Граду, которое, презирая, попирают, словно свиньи, бисер, то есть светлое Слово Божие, или, словно псы по отношению к святыне Божией, маловерно рассуждают о Слове Божиим. Ныне, когда мы сжато изложили древнее и нынешнее значение нашего плена, кратко послушаем, почему число “семьдесят” понимается как образ вселенского времени. Все время сей переходящей жизни упорядочивается седемичным круговращением дней, в которые нам предписывается соблюдать десять заповедей. В то время как мы сохраняем в это краткое время нашей жизни десять заповедей закона, мы словно бы семикратно увеличиваем динарий, и восполняем совокупность числа “семьдесят”. Итак, в эти дни сделаем то, что во всякое время должно делать, а именно: особенно и с большей охотой предадимся плачу, чтобы чрез горечь сердца и плач вернуться к нашему Отечеству, от которого мы отпали по причине смертоносного удовольствия. Тогда мы возвратим себе прерванное ныне “Аллилуйя” и с вышними гражданами без конца будем славить Бога, — что мы обозначаем пятидесятью днями Господня Воскресения, когда будем часто повторять одну песнь “Аллилуйя”. Тем временем восскорбим в пути, чтобы после возрадоваться в Отечестве. Пусть станет для нас горьким все, что бы ни было сладко в делах мира, по сравнению со сладостью Божией и красотой Дома Божия: насколько всякий больше всего любит горняя, настолько он понимает, что он больше принадлежит к Вышнему Отечеству. Так, отвратив взор, пробежим поприще сей переходящей жизни, чтобы мы могли достичь награды высшего призвания. В какой бы час мы ни пришли в виноградник Господень, мы неизменно понесем тяготы знойного дня, чтобы вечером не лишиться дневного денария. Ибо так говорит Господь: “претер-**

певший же до конца спасется” [Мф 10, 22]. Не будем глупыми путниками, чтобы, позабыв свое Отечество, мы возлюбили бы вместо родины изгнание и оставались бы в пути. Не будем столь бесчувственными, чтобы не понимать, что мы печалимся в скорбях нашего страдания и нашей смертности, и не искать целительного средства в самих скорбях. Ибо обыкновенно нет надежды на жизнь у тех больных, кто в болезни не чувствует, что он слабеет. Следовательно, прибегнем к Врачающему и Дарующему вечное здоровье. Явим Ему в покаянии нашем язвы свои, и пусть каждый воскликнет к Нему из глубины своей: “Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены” [Пс 6, 3]. Ибо так Врач наш делается благосклонным к неправдам нашим, исцелит всякую расслабленность нашу, и исполнит во благих желание наше.

XIV. О Великом посте (О четырехдесятнице)

Из проповеди апостольской ваше братство услышало: если кто говорит, что он пребывает во Христе, “должен поступать так, как Он поступал” [1 Ин 2, 6]. Итак, пусть христианин узнает, как поступал Христос, чтобы сообразно жизни Христа получить свой образ и жизнь христианина. Пусть новокрещеный узнает, что Христос сделал, удалившись от места крещения. Пусть послушает воцерковленный, примеры какого утешения Христос являл своим ученикам с самого начала своей проповеди. Пусть возросший полностью в вере внимает тому, что чрез горечь страдания совершил Христос [Евр 2, 10]; да отыщет он в жизни своей все ступени, по каковым научится, по каковым пойдет вперед, по каковым достигнет совершенства. Итак, пусть узнает новокрещеный, что Иисус, отойдя от Иордана, был приведен Святым Духом в пустыню, там постился сорок дней и, взалкав после поста, позволил Себя искушать [ср. Лк 4, 1–13]. Он отошел в пустыню, чтобы показать пример неопитам, чтобы они не переходили сразу после своего обращения к общественным делам, тотчас же поспешно не принимались бы за служение проповеди, не ввергли бы себя снова в суету и смятение мира сего, но, словно найдя убежище в уединении ума, стремились бы только к исправлению своей жизни и в этом уединении ожидали бы Того, Кто делает здоровыми слабых и беспокойных духом. Так Господь удержал учеников своих, до тех пор несведущих и еще не испытанных в мучении, от проповеднического служения, говоря: “вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше” [Лк 24, 49]. И устами Моисея говорится: “не работай на первородном воле своем” [Втор 15, 19], то есть, не проповедай в самом начале доброго делания. Потому Господь постился, чтобы научить нас обуздывать стремление к чревоугодию и увещать нас воздерживаться от соблазнов сей временной жизни. Ибо как Он не нуждался в крещении, в котором Он очистился бы от первородного греха; так и не был Ему необходим пост, в котором Он обуздывал бы в Себе побуждения плоти, которых не имел. Он пожелал быть искушенным, показывая Своим Собственным примером, что

у всякого, начинающего благочестивую жизнь, бывает достаточно искушений. Но так как Господь во всем опроверг Своего искушителя, так и мы, оставив наши страсти, не вернемся к ним снова и удержимся от своего желания. Пусть не ослабит услаждение плоти стойкости нашего духа, пусть не удерживают нас заботы от доброго замысла, пусть не уклонит нас в превратную сторону мирское честолюбие. Ибо во всяком искушении, в котором победил Христос, должен победить христианин. Этому таинственному посту соответствует еще таинственное число, а именно, сорок, то есть десять, взятое четырежды, полученное в увеличении; следует понимать так, что мы должны поститься не только в отношении плотской пищи, но еще воздерживаться ото всех преходящих наслаждений. Ибо мы увеличиваем четвертное число словно бы посредством десяти, в то время как мы насильно понуждаем нашу хрупкость, образованную из соединения четырех стихий или из четырех времен года, к многотрудному учению десяти заповедей. Потому это соблюдение Великого Поста нам поручено как образ вселенского времени, поскольку то, что мы довольно редко исполняли ранее по причине многочисленных обстоятельств, ныне исполним без отговорок, не только скудостью пищи, но еще и искоренением пороков и упражнением в добродетелях. Ибо без милосердия и других дел любви пост столь же действителен, сколь действителен грубый лоскут, вшитый в старую рубаху, по свидетельству Господа: “Никто к ветхой одежде не приставляет заплата из небеленой ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже” [Мк 2, 21]. Ибо как новый лоскут не обновит всю старую рубаху, но обезобразит ее ветхость либо получившейся прорехой, либо тем, что он новый, так воздержание только лишь от пищи не делает совершенного человека, но делает более заметной его прежнюю безнравственность. Пусть лежащие в расслаблении, просящие из-за голода подаяния, утомленные странствием ощутят ваше воздержание, чтобы вы послужили нужде нуждающихся в том, чего вы лишаете вашу плоть. Будьте, словно усердные жнецы, чтобы в то время как вы восстановили бы убыль прошедшего года, вы приготовились бы и к будущему, где душа ваша имеет жительство. Удержите язык свой, чтобы уничижительные, насмешливые, пустые, бранные слова вы и сами не говорили, и не слушали бы охотно говорящих. В то время по обоюдному согласию жена не оказывает должного мужу, пусть и муж окажет честь слабому сосуду, чтобы, согласно князю апостолов “не было вам препятствия в молитве” [1 Пет 3, 7]. Ибо в это время никто не должен предаваться чувственным удовольствиям, желая чрез покаяние очиститься от бывших грехов плотского вожделения. Хотя Христос, как уже было сказано, удалившись вскоре после крещения от Иордана, освятил этот пост. Своим примером. Для того, однако, предназначено время, близкое к празднованию Пасхи, чтобы христианский народ по возможностям своим усердно стремился подражать своему Главе еще и в дни этого поста, и чтобы мы встретили святой день этим постом очищенными. Подобаает, чтобы после времени скорби последовала радость Господня Воскресения, ибо после пере-

несенных мучений, после преодоленных искушений этой преходящей жизни понадеемся и мы, что стяжаем радость нашего воскресения, когда освободимся “от рабства тлению в свободу славы детей Божиих” [Рим 8, 21]. Ибо как коленопреклонениями и скорбью сего времени мы знаменуем, что угнетены грузом грехов и сторблены тяжелой неволей, так разрешением поста на пятьдесят дней после Воскресения и молитвой в прямостоянии предобразуем, насколько это возможно, свободное устремление наше к нетленной жизни. Итак, братия, тем временем будем помнить этот образ так, чтобы ныне иметь его в уповании, наконец обрести его в действительности: поскольку первое подобает идущим по пути, второе же заслуженным воинам, когда уже закончился срок служения, да воздастся наградою в их Отечестве.

XVIII. На день Пасхи

В то время как прочие праздники воспоминанием о деяниях воздействуют на умы христиан духовной радостью, в Воскресении Христовом, сходным образом, вместе радуются сердца и тела, ибо, когда восстает Христос, наш внутренний человек восстается вместе с Ним от смерти греха и надежда на наше телесное воскресение подтверждена вернейшим доказательством. По заслугам радуется внутренний и внешний человек³, так как Христу один совосстается на деле, другой в надежде. Потому этот праздник не возвращается к своему ежегодному дню, как остальные праздники, в которых только происходит воспоминание прежних событий, но соблюдению этого праздника отводится воскресный день и время уменьшения луны после недавнего исполнения весеннего равноденствия. Ибо день Господень, который является восьмым, и подобающим образом представляет Господне Воскресение, которое произошло в тот день, и предобразует наше воскресение, которое наступит после седмеричного обращения этого времени. А уменьшение луны приписывается этому соблюдению праздника по причине несомненного таинства, ибо, согласно астрологам, шар луны всегда наполовину не светится и наполовину светится. Ибо, когда луна возрастает, освещается нижняя часть, когда же убывает, освещается верхняя. Луна же в Священном Писании символизирует Церковь, которая по необходимости со времени своего возникновения терпит изнеможение своей смертности, однако в среде дурного и вероломного народа, по мере разумения своего, просвещает ночь человеческого невежества. Ей, обновленной и воскресшей со Христом, говорится устами Апостола: “Ищите горнего.., о горнем помышляйте, а не о земном” [Кол 3, 1–2]. Нам дается понять в Пасхальном таинстве и сообщается образом луны, во время Пасхи убывающей в нижней части и возрастающей в верхней, что от времени нашего обновления всегда наша любовь и стремление к земному уменьшается, и желание горнего благодаря ежедневным преуспеяниям возрастает. Мы тогда только будем торжественно отмечать истинную Пасху, если всегда будем постигать жизнью и нравами то, что обозначаем тайнами вещей и времен. Потому мы празднуем святую Пасху семь дней в белых

одеждах, что они всегда нам напоминают о том, что должно хранить чистоту тела и радость Воскресения. Потому и устами Премудрости говорится: “Да будут во всякое время одежды твои светлы и да не оскудеет елей на голове твоей” [Екк 9, 8]. Это же самое, если сказать: пусть никогда не отходит чистота от тела, духовная радость от сердца. Таков же был смысл, когда иудейский народ семь дней питался неквашенными хлебами после того, как вкусил агнца. Апостол толкует значение этого события: “Очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас” [1 Кор 5, 7]. Как если бы он сказал: чтобы вы были достойны праздновать истинную Пасху и вкусить Плоть Истинного и Непорочного Агнца, очистите старую закваску, то есть уничтожьте старый грех, чтобы вы были новым тестом, то есть возвратите себе новизну новой жизни, которую вы примете в Святой Купели. Ибо, когда народ, приходящий к вере, научается ее основаниям, он словно бы перемалывается: ибо, как разнообразие зерен посредством мельницы становится единством, так и различие людей чрез научение веры приводится в некое единодушие. Но это еще не тесто. Прибавляется вода, и делается хлеб. Так в другом месте говорит Апостол: “Один хлеб, одно Тело мы ... во Христе [ср.], когда бы ни ели от хлеба Его и из чаши Его ни пили” [ср. 1 Кор 10, 17 и 11, 26]. “Посему станем праздновать не со старою закваскою, ... но с опресноками чистоты и истины” [1 Кор 5, 8]. Как если бы он сказал: поскольку истинен Агнец, Которого вкушаем, приступим ко вкушению Плоти Его так, чтобы сохранить сердце чистым от злобы и язык непорочным от лжи. Ибо мы пресуществимся, словно сладкий хлеб во Плоть Христову, чтобы всегда быть со Христом, пребывающим в нас; и так будем праздновать Истинную Пасху не только семь дней, но и все время, то есть, чтобы всем желанием перейти из нижних к вышней радости небес.

Послания

Иво, Божией милостью смиренный епископ Карнотенский, благородной графине Аделе⁴ желает постигать правду во Христе.

Королевская кровь Вашего Высочества, унаследованная и от отца, и от матери, в глазах всех открыто свидетельствует о знатности Вашего рода. Но, насколько я усвоил, у тех, кто благочестив душою, честность обычаев и щедрость весьма сильно превосходят знатное происхождение. Потому удивляюсь, по какой причине Вы не предостерегаете двоюродную сестру Вашу Аделаиду⁵, которую, как Вы утверждаете, Вы любите и прелюбодейную связь которой с Вильгельмом Вы с таким усердием стараетесь или защитить, или сохранить, не заботитесь надлежащим образом ни об их, ни о Вашем спасении и не открываете ей, каковой позор до некоторой степени угрожает мне из-за этого. Ибо разве духовный меч, вложенный мне в уста, дерзнет поразить находящихся вдали от меня, оскверненных той же пагубой, если не дерзнет затронуть тех, кто близко, или если будет такое терпеть? Разве не

напомнят мне те самые слова Евангельские: “Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, ... сучок [в нашем]” [Мф 7, 5]. Кроме того, такую терпимость мне сурово запрещает апостол, говоря о творящих подобные непотребства: “делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют” [Рим 1, 32]. Одобряющими блаженный Амвросий называет тех, кто не грех не замечает или защищает его. Прошу, не щадя сил, чтобы не возмутилось против меня Ваше Высочество, так как Тот, Кому открыта бездна человеческой души, мне Свидетель, что я порицал их связь не по причине своей или чье-либо недоброжелательности, но только по строгости и любви к справедливости, так что, если иначе не может статья, я желал бы скорее навлечь на себя недоброжелательство людей, чем пренебречь законом Бога моего. Однако я снизойду к прошению Вашему на таком условии, а именно: если каждый из них поклянется, что до окончания рассмотрения дела они сохранят себя чистыми от плотского совокупления; а иначе, мне придется много потрудиться, чтобы мертвеца уже четырехдневного, повсюду смердящего⁶, многократным увещанием я мог бы вызвать “от ада преисподнего” [Пс 85, 13]. Будьте здоровы.

Иво, Божией милостью, хотя и недостойный епископ Карнотенский, приветствует Геральда, возлюбленного своего во Христе.

Я недавно получил венец твоей любви ко мне – весточку чрез принесшего письмо, в котором ты усердно спрашивал, насколько мирно я живу с соседями, насколько милостива ко мне знать. Еще в знак той же любви ты послал мне орудие снежной белизны для убирания волос. В то время как этот гребень мне нравится сам по себе, насколько предметы такого рода должны нравиться ради внешней красоты, еще сильнее, однако, он нравится ради внутренней высоты прекрасного таинства. Ибо под видом непричесанных волос в некоем сравнении можно понять как беспорядочные нравы, так и беспорядочных людей, и я верю, что твое благоразумие возбуждает мою бдительность этим подарком, словно неким напоминанием, чтобы я стремился упорядочить неупорядоченные нравы людей различными увещаниями, и призвать к должному порядку посредством духовного рассуждения. Очевидно, самим украшением сего орудия, которое долгой отделкой и долгой шлифовкой было доведено до таковой белизны, ты подаешь мне знак, что мне следует исправлять свое тело и обратить его в рабство, чтобы случайно, “проповедуя другим, самому не остаться недостойным” [1 Кор 9, 27]. Потому прошу тебя ради самых глубин любви, которой ты удостоил посетить меня: как ты вышесказанными знаками благоволения понуждаешь нас часто вспоминать тебя, так и ты часто поминай нас в своих молитвах, каким образом смогло бы или захотело Твое братолюбие. Ибо Ваши молитвы настолько более полны покоя, насколько более здравы. А наши, если и не ущербны, однако часто полны волнения по причине каждодневных нужд и смятения мирских дел. Если же вы не знаете причины моего волнения из собственного опыта,

узнайте ее посредством понимания. Ибо как я, который прежде никоим образом не мог освоить управления небольшим кораблем на небольшой реке, ныне, словно бы выйдя из мирной гавани в открытое море, справлюсь, управляя столь тяжелым и склонным к крушению кораблем? Если бы я удостоился твоего посещения, о чем я и просил тебя в Лугдуне, благодаря осмотрительности твоего совета и любви, которую ты снискал в глазах жителей наших, Божественная Милость совершила бы многое, чего еще не дерзает коснуться наше бессилие. Потому я, беспокоя, настаиваю и, настаивая, беспокою тебя, чтобы ты, найдя благоприятный случай, порадовал нас утешением твоего посещения, что будет полезно спасению многих и не помешает замыслам твоей святости. А наше счастье и несчастье, о которых ты спрашивал, так размеряет целительная Премудрость Божия, что не позволяет несчастьем сломить нас, а счастьем – вознести, так что мы можем сказать с Апостолом: “Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил” [1 Кор 10, 13]. Однако немногие “наблюдают за моими пятами” [Пс 55, 7], но, Бог милосерд, многие есть, кто желает “утро и вечер возбудить к славе Твоей” [Пс 64, 9]. Тот наставник, отторгнутый от служения и имени пастырского, уже не имеет, где похитить молоко и шерсть погибших овец, кроме того, что в Нормандии присвоит себе некую начальственную должность нашей Церкви и расхитит (ее имущество) при помощи не блещущего умом графа этой земли. Будь здоров.

Иво, смиренный епископ Карнотенский Гунтерию брату и сопресвитеру, восходящему из долины слезной, желает усердно петь песнь степеней⁷.

Я рад, что ты, словно из плена, вернулся на родину, благодаря Заступника нашего, милосердие Которого защитило тебя даже в морских опасностях. Ныне, итак, поскольку ты невредимым возвратился к своим братьям, хотя ты не можешь принести пользу всем, ибо желаешь внутреннего покоя, однако не откажись помочь хотя бы немногим. Потому увещаю Твое братолюбие перейти в Горнаценскую Церковь Приснодевы⁸, где ты смог бы и посвятить себя желанному покою, и позаботиться о спасении некоторых братий. Что же касается прочего, молись за меня, любезнейший брат, чтобы буря не потопила меня, гребущего на морской глубине. Будь здоров.

Филиппу⁹, благочестивому королю франков, своему господину, Иво, смиренный епископ Карнотенский, желает так править земным царством, чтобы не потерять вечно.

Так как, по предрешению Божественной благодати, я, бедняк, возвышен Вашей рукой из нечистот до трона властителя, я признаю, что после Бога я обязан Вам всем, чем могу, что подобает Вашему благу и чести. Но поскольку, раздражившись на полезные увещания, которые я из высшей преданности делал Вашей светлости, Вы перестали мне доверять и открыли имение епископского дома на расхищение нашим недругам, я, угнетаемый по этой причине тяжкими и великими неудобствами, в настоящее время не могу при-

существовать в королевской курии ни безопасно, ни с почетом. Потому смиренно прошу Ваше величество, чтобы тем временем Вы меня поддержали королевской милостью, пока не смогу хоть немного вздохнуть, и частично восстановить ущерб, который мне причинен почти до нехватки хлеба. Еще по милосердию Божию, ожидаю, что скоро случится так, что Вы признаете верным ту притчу Соломона: “Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего” [Притч 27, 6]: Что касается прочего, не увернусь от ответа моим клеветникам, которым Вы приказываете мне отвечать, когда понятно будет, каковы они, и чего требуют, или в церкви, если это дела церковные, или в курии, если государственные. Будьте здоровы.

*Гуго*¹⁰, *досточтимому Лугдунскому архиепископу*, смиренный Иво, епископ Карнотенский, желает быть в лоне Христовом.

Я услышал, что апостолический папа, господин Урбан, дал Твоей любви апостольский чин легата апостольского престола, в каковом чине ты похвально действовал во времена его предшественника блаженной памяти папы Григория. Я услышал и порадовался тому, что мне сказано, как по причине искренней любви, которую к тебе испытываю, так и по причине общей пользы для Церкви Христовой. Но после эту мою радость расстроило сказанное мне, что ты в таком смущении не желаешь принять это бремя на свои плечи, ибо некие люди отговаривают тебя, говоря, что ты не можешь надлежащим образом взять на себя такой труд по причине головных болей, немощного тела и почти ограниченных сил. Но такой совет свойственен невежественным врачам, ошупывающим опухоли и определяющим на ошупь гнойники, любящим свой покой, а не здоровье больных, не обращающим внимание на то, что говорит Истина: “не здоровые имеют нужду во враче, но больные” [Мф 9, 12]. Хотя еще в королевстве Италийском появился второй Ахав, а в Галльском вторая Иезавель, жаждущие подрывать алтари, убивать пророков, однако Илии не было сказано: “остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее” [3 Цар 19, 10], не прозвучал ему такой Божественный ответ: “Я соблюк Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом” [Рим 11, 4]. Хотя Иродиада, плясавшая для удовольствия Ирода, просила главы Иоанна, и Ирод согласился, однако Иоанн сказал: “Не должно тебе иметь жену брата твоего” [Мк 6, 18]. Хотя Валаам учил Валака есть и прелюбодействовать, но Финеес не удержал Израелита от прелюбодейства с Маданитянкой. Хотя, по наговорам Симона, Нерон связал Петра и посадил его в темницу, не менее, однако, Петр Симону сказал: “Серебро твое да будет в погибель с тобою” [Деян 8, 20]. Ибо, когда безрассудство и дерзость злодеев пытается более усердно расшатывать положение праведности, тем сильнее должно сопротивляться их нечестию, и должно помогать христианской вере, и поспешить навстречу достойным плача руинам Церкви. Я пишу тебе это, не как незнающему, но желаю, чтобы ты, Твое Отечество, принял решение, чтобы ты снова возложил руку на сошник плуга и вырвал бы с поля

Господня, которые можешь, колочки и не замедлил бы посеять семена, которые принесут урожай. Об этом достаточно. О прочем преданнейше прошу Твое Отечество, сообразно с тем, что ты ответишь моей худости, решишь ли приложить руку кораблю Церкви, терпящей опасности, уже почти терпящему крушение, и в каком месте я смогу найти тебя в начале четырехдесятницы. Ибо мне должно обсудить с Твоей Рассудительностью некие церковные дела, которые мне тягостны, тебе же затруднительны не будут. Будь здоров.

*Фулькону, Божией милостью епископу Белваценскому*¹¹, Иво, милостью Господней епископ Карнотенский, желает в несчастьях стойкости, в счастье смирения.

Так как наш противник диавол “ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить” [1 Пет 5, 8], в знакомом увещании настойчиво напоминаю Вашему Братству, чтобы Вы старались остерегаться его обманчивых кружений, поскольку, помня свое решение и служение, Вы можете превзойти мирскую гордыню не оружием мирской злобы, но оружием христианского воинства. Призывая, советую и, советуя, призываю, чтобы вы, если после всяческих бурь Вы замышляете достигнуть гавани, ни по какому соображению не поднимали головы против приказаний апостолического господина и его легата, архиепископа Лугдунского, где остается до сих пор некий якорь нашей надежды. Пересылаю Вам список письма, которое прислал мне господин папа о деле короля, после того, как королевские послы недавно уехали от него, чтобы Вы знали, что господин папа, если и не предупреждает, то и не идет позади. Будьте здоровы.

*Ансельму*¹², почтенному архиепископу Кентерберийскому, Иво, смиренный раб Карнотенской Церкви, посылает дар верных молитв, по данной ему мере.

Хотя тому, кто тебя пригласил, было угодно сказать тебе, не ищущему высот: “Пересядь выше” [Лк 14, 10], не потому, однако, мы верим, что Отечество твое, не тягостное никакому благочестивому человеку, позабыло тех, кого некогда любило во Христе, или от которых приняло ради Христа некоторое служение братства. Потому, если когда-либо случится повседневная нужда церковных дел, не забывая Вас, на память твоему Высочеству, какими можем средствами, приводим мысль о нашей худости, потому что мы желаем, чтобы ты подкрепил нас своими молитвами и, если необходимо будет, принес облегчение запасами. Ибо в этом году мы ради многого к тебе благоволения приняли сторону Бекценских¹³ монахов против Молисенских¹⁴ и, сколь много смогли, помогли рассуждением и благоприятствующей поддержкой. И уже братия из Пиксиаценского¹⁵ монастыря искали с нашей помощью полноту справедливости, потому что прежде страстно желали достичь благоволения короля. Что касается прочего, вверяю твоему Отечеству брата Ротхарда, подателя сего письма, отправленного в эти вот края; если он будет нуждаться в каком-нибудь совете, огради его и помощью. Если же наше служение будет удобно в чем-нибудь твоей Светлости, приказывай мне, и я окажу тебе послушание! Будь здоров.

- ¹ Место из Иер 17, 9, понимаемое ранними апологетами христологически (Тертуллиан, Лактанций); в перев. Иеронима (Вульгата) это место и понято, и переведено иначе.
- ² Гадатели, колдуны, вызыватели мертвых.
- ³ См. 2 Кор 4, 16; Рим 7, 22; Еф 3, 16.
- ⁴ *Адела Нормандская* (ок. 1064 – ок. 1137) – дочь Вильгельма Завоевателя, герцога Нормандского, первого англо-норманского короля, жена Стефана II, графа Блуа и Шартра; во время отъезда мужа в Крестовый поход, после его смерти до совершеннолетия детей управляла графством, была хорошо знакома с Иво Шартрским, участвуя в решении спора об инвеституре (церковная инвеститура, состоявшая в назначении на церковные должности и введении в сан) во Франции и Англии.
- ⁵ Адела обращалась к Иво Шартрскому, чтобы тот помог узаконить связь ее двоюродной сестры Аделаиды с Вильгельмом Бретейским, старшим сыном Вильгельма Фитц Осборна (ок. 1020–1071), близкого родственника и советника Вильгельма Завоевателя, и наследником семейных владений в Нормандии.
- ⁶ Аллюзия на воскрешение Иисусом Лазаря, брата Марфы и Марии (см. Ин 11, 39).
- ⁷ Песнь степеней (ступеней) или Песнь восхождения – 15 так называемых степенных псалмов. Древнееврейская традиция объясняет эти псалмы пением левитами на каждой из 15 ступеней Иерусалимского Храма пели по псалму, в частности, связано с праздником Введения.
- ⁸ Возможно, в нынешнем Гурнэ-сюр-Аронд, на севере Франции.
- ⁹ *Филипп I* (1052–1108), по прозвищу Толстый, из династии Капетингов, см. с. 425, примеч. 41 наст. изд.
- ¹⁰ *Гугон (Хью д'Ореваль)*, избранный епископом Лондонским после 1075 г. и оставшийся им до своей смерти в 1084/5 г.
- ¹¹ Современный г. Бовэ в Иль-де-Франс.
- ¹² См. «Ансельм Кентерберийский» в наст. изд.
- ¹³ Братия монастыря Бек в Нормандии, настоятелем которого некоторое время был Ансельм.
- ¹⁴ Братия монастыря Модем в Лангрской диоцезе (область за р. Марна в северо-восточной Франции).
- ¹⁵ Монастырь, вероятно, в Нормандии, пришедший в упадок после XVI в.

VI. Древняя Лотарингия

*

Иоанн Мецский

Об Иоанне Мецском известно крайне мало: он принял монашество в монастыре Горц, затем около 965 г. перешел в монастырь св. Арнульфа Мецкого, по некоторым сведениям, позже управлял им. Его перу принадлежат житие его друга, Иоанна Горцкого (ум. в 974 г.), а также жития св. Глодезинды (60-е годы X в.) и св. Горгония. Дата и место его рождения и точная дата смерти неизвестны. Однако эти скудные сведения позволяют с некоторой долей уверенности судить об Иоанне как о личности. Монастырь Горц, куда поступил Иоанн и где он принес монашеские обеты, стал центром церковной реформы в Верхней Лотарингии. Люди, собравшиеся там, желали возрождения монашеской жизни в диоцезе и решили начать с себя: в Горце были приняты тяжелые аскетические упражнения, строгий пост, неукоснительное соблюдение устава. Вторым настоятелем со времени обновления монашеской жизни в Горце был друг и тезка Иоанна, позже канонизированный и известный как св. Иоанн Горцкий (ум. в 974). Текст жития, написанного позже Иоанном, показывает, что он полностью разделял идеи своего более известного друга. Переход (или перевод) Иоанна в Мец также говорит о многом. Мец всегда пользовался покровительством правителей – как Меровингов, так и Каролингов. Еще король Австразии Теодорик избрал этот город своей столицей в 511 г. Позже там жила королева Брунгильда. Самым древним храмом города была базилика св. Стефана, упоминавшаяся в X в. В ней короновался Карл Лысый, были похоронены Людовик Благочестивый и его брат епископ Дрогон Мецкий. Правители из династии Каролингов неслучайно выбирали Мец как место своей коронации или упокоения. Епископом Мецским был св. Арнульф, один из основателей династии. В 643 г. его мощи были перенесены в церковь св. Иоанна, которая стала главным храмом монастыря, основанного в его честь. Все епископы Мецские были настоятелями этого монастыря. После смерти епископа Адальберона, или Адальберта (928–962), который был вынужден присоединиться к церковным реформам под давлением части своего священства, Оттон I назначил на Мецскую кафедру своего брата Бруно Кельнского (962–964); его сменил двоюродный брат Оттона Дитрих II (964–984); и далее, вплоть до 1072 г., Мецкой диоцезой управляли епископы,

связанные родством с правящими династиями. Перевод Иоанна в Мец произошел в правление епископа Бруно и означал признание его таланта в церковной среде, возможно, не только литературного, но и организаторского. Монастырь Горц, основанный еще епископом Хродегангом Мецским (742–746), по традиции должен был быть тесно связан с епископской кафедрой. Поэтому неудивительно, что после того как Горц стал центром церковных реформ, следующими монастырями, присоединившимися к реформаторскому движению, были именно монастыри Меца, в первую очередь, монастыри св. Арнульфа и св. Глодезинды. В свете этой реформы объяснима и просьба монахинь к Иоанну написать житие основательницы их монастыря, ибо, согласно бенедиктинскому уставу, житие святой необходимо было читать за праздничной службой, а более древний текст для этого не подходил.

Перевод сделан по изд.: PL V.137. Ccol. 211–218.

Житие св. Глодезинды¹, настоятельницы монастыря в Меце

Пролог

1. Так как вы, возлюбленные сестры во Христе, уже долго и несколько неумеренно побуждаете меня к трудам многими просьбами Вашего благочестия, просьбы ваши привели к тому, что я не отказал вашей любви; так как то, о чем вы просили, не только почетно, но, как общеизвестно, и благочестиво, и еще я понимаю так, что мне отказать вам в этом и недостойно, и опасно. И действительно, я думал о том, что силы берут верх над трудами; снова душа испытывается любовью, которая заставляет заботиться не о своем, но о том, что принадлежит ближним; чем большими трудностями грозит дело любви, тем она может после предоставить возможность достижения более легких успехов. И не должно страшиться в деле Божиим, что Господь, ради Кого совершается дело, не окажется рядом с работающим ради Него; пусть только не случится, что вера пошатнется. Таким образом вы вынуждаете меня узнать, каково было начало жития святой девы Христовой Глодезинды, которой вы непрерывно предстоите преданной стражей, каковы были деяния середины ее жизни, вплоть до блаженно совершившегося конца, насколько это осталось известно из писаний, сохранившихся до нашего времени в различных произведениях. Вы просите, чтобы я дерзнул исполнить этот труд своим пером, насколько это возможно. Как кажется, неприлично противиться сему труду, требующемуся в таковое время и с таковой настойчивостью, когда мне подается помощь этой же превосходнейшей девы, которая принадлежала душой Богу, добродетелями – миру, а также посылается поддержка ваших горячих молитв; даже если и не без некоего стыда, когда я, оценивая скудность собственного дарования, не буду медлить в течение долгого времени и скорее приступлю к началу повествования.

Сустерен, Юго-восточные Нидерланды. Ок. 1050–1060 гг.
Das Erste Jahrtusend. Kultur und Kunst in Werdenen Abendland an Rhein und Ruhr.
Düsseldorf, 1964. Илл. 62

Начинается житие

2. Во времена Хильдерика², весьма прославленного у историков короля франков, в Галлии Белгов, которая по имени народа после изменила имя на Франкию, жила преславная дева Господня Глодезинда, происходящая из весьма знатного рода. Ее знаменитый отец был славнейший полководец, имя которому было Винтрон, ее мать Годила была равна мужу украшением знатности. Вступив в отроческий возраст, дева Глодезинда, славная жизнью и обычаями, замечательная многим даром добродетелей, просияла для людей как будущий образец на пути непорочности. Когда она пребывала в доме родителей, еще не выйдя из детского возраста, она была полностью и со всем усердием обучена грамоте. Уже пришло время, когда ее должны были просватать за человека, достойного ее по рождению. По обычаю она была назначена родителями в супруги некому юноше, по имени Оболен. Однако она сохраняла непорочность и тела, и духа ради повсюду хранящего ее Христа. И (сколь всегда удивительно Сострадающий Бог хранит Своих избранных!), когда наступило время обручения, по обычаю юноша принял деву от

родителей и отвел домой в сопровождении великого множества людей, чтобы подготовиться к свадьбе. Но так как святая дева уже посвятила свое тело и душу Небесному Жениху, прежде упомянутый жених был вызван к королю, конечно, по внушению Божию и Его повелением и без промедления поспешил во дворец. Когда Оболен достиг дворца, суровый король сильно разгневался на него по причине многих приписанных ему нечестивых преступлений. Король вызвал стражу, и Оболену отвели в темницу. Он пробыл в ней целый год, изнуряясь подобающей его положению жестокостью, а когда год прошел, ему, осудив его по судебному приговору, отрубили голову. Так как всеми силами святое девство сопротивлялось плотским утехам, Глодезинда ни во что вменила всю пышность временной славы. Ликующая победительница всего ущерба и порчи торжествовала с Господом Христом, ведущим за нее решительный бой. Она предпочитала Христа всем удовольствиям гибнущих вещей, прилепясь сердцем и телом к Тому, к Кому она всегда стремилась.

3. Но коварство враждебной силы не ослабело. Отец, услышав о казни прежнего жениха, снова принуждает досточтимую деву к браку. Глодезинда, уже принявшая всем сердцем Жениха Христа, изо всех сил противилась тому, чтобы ее дух, однажды укрепившись, не склонился каким-нибудь намерением к падению добродетели. Тем временем приближался день брака, о котором договорились родители. Блаженная дева пред образом Того, Кто пред ее мысленными очами предстал Непреходящим, Неувядающим, Неумирающим, сосредоточенно размышляла некоторое время, что этот брак – гниение и сын человеческий – червь, и, благочестиво презрев желание отца, попросила убежища у Бога и святой Матери Церкви. У ее отца была сестра, жена достопамятной святости, по имени Ротлинда, весьма знаменитая среди Тревиоров³ славой своего благочестия. Отец пытался увести к ней Глодезинду, чтобы, по крайней мере, ее убеждение смягчило дух девушки, и она бы не отказывалась повиноваться отеческим советам. Но что пользы слепой настойчивости бороться против света вечности? Сопротивляясь мужественным духом по велениям отца, святая дева более желала устремиться в Метц, или Медиоматрик, главный город своего народа, прославленный властью и самой своей древностью на море и на суше. В этом городе есть базилика блаженного первоученика Стефана, которую Божественное Милосердие часто возвеличивало многими чудесами. Когда служанка Христова увидела, что базилика уже близко, и таковой поступок был ей по силам, то вошла в нее. Беглянка направилась внутрь алтаря к месту исповедания веры, где вместе с кровью этого же мученика хранятся мощи многих святых. О усердие к непорочности, по заслугам должное сделаться известным во все времена! Ибо, взглянув туда, куда нисходит непрочная смертность, плененная, так как сама природа человеческая осквернилась в грехопадении Адама достойным наказания образом, дева, мужественно сохраняющая твердость духа, словно бы видя огромную пропасть, содрогается, и так как иначе не-

возможно ей избежать брака, прибегает к защите бегства. И, конечно, она не ошиблась, поступая так, ибо никого не было из толпы, кто бы ее к этому принудил.

Действительно, ее отец был могущественным полководцем, который и на самих состоятельных людей наводил ужас, и рядом с ним стояла угрожающая и ужасная свита воинов, окружавших его плотной стеной. Но Глодезинда, более готовая умереть, чем потерять цвет девства и величие славной непорочности, не была взволнована угрозами, не была тронута лестью, и, бесстрашная, пребывала, словно в весьма защищенной гавани. Пусть научит девиц этот вот пример, что прекрасно не подчинять себя брачным узам, находить удовольствие не в множестве владений, ни в толпах слуг и служанок, ни в пышности украшений различного рода, ни в толпах каких-нибудь людей, готовых услужить, когда все это, как они знают, они должны потерять в различных обстоятельствах не без mnogой, во всяком случае, скорби, ибо ничто из этих земных радостей вообще не может во время смерти опередить человека, сопутствовать ему или следовать за ним. Почему же не предпочесть образ блаженной чистоты, каковой, единственно любезный Богу и ангельским полкам, превосходит все эти низшие и бранные мирские утехи своего собственного наслаждения, и быть привлеченным к святому и непорочному желанию.

4. Но продолжим начатое: родители, изумляющиеся поступку дочери и воспламененные гневом, преследовали бегущую девушку, особенно, когда мучительная скорбь побудила связанных с церемонией обручения помощников жаловаться, что их обманули; они попытались насильно вывести служанку Христову из места священного убежища, если бы смогли найти какую-нибудь уловку. Отец и мать проводили ночи перед входом в святое здание, днем и ночью внимательно наблюдали за ним, поспешили бы увести ее силой, как только представился бы какой-нибудь удобный случай. Досточтимая девица укреплялась духом, имея непоколебимую невозмутимость в душе, ибо она находилась вблизи святейшего алтаря: ни по какому делу или ни в какой момент времени ее нельзя было отторгнуть, и (удивительно сказать!), шесть дней непрерывно пребывая в церкви, она не только не вышла оттуда, но и совершенно воздерживалась от всей пищи и от питья. Истинно, Тот, Кто дает пищу всякой плоти и исполняет все живущее благословением, рабу Свою, обманутую людьми, подкреплял Божественной пищей, и, в то время как она, как ясно видно, в усердных молитвах обращалась к небу, питал ангельскими яствами. Тем временем вера, столь стойкая в своем постоянстве, требовала награды Божественного утешения, Какое удалило столь долго сгущавшееся облако скорби, и внезапно воссиял приятный свет. Ибо приближался уже седьмой день, а именно, день Господень, и вот, некий муж с ангельским лицом, за которым следовало два прекраснейших отрока, прошел на виду у всех в ту часть алтаря, где пряталась святая дева, защищая свое целомудрие, и войдя прямо туда, на виду у всех окутал голову блаженной девы

покрывалом во образ святого монашеского жития. Немедленно все, пред чьим взором явился сей величественный муж, были потрясены величием деяния, изумлением и чудом, и от ужаса они сделались, как если бы бессмысленные и ничтожные умом, не могли ни спросить, ни узнать, кто были эти люди или откуда они пришли.

5. Когда же присутствующие пришли в себя после того, как видение окончилось, они узрели блаженную деву, стоящую в том одеянии, и сразу поняли, что это было явление ангелов, и что все, что они видели, совершилось свыше, поэтому не было более ничего, чему бы они противодействовали. Простершись на полу и склонившись к стопам блаженной девы, они обратили всю свою надменную свирепость в мольбу и лишь просили прощения за нанесенные обиды. Сердцу той, кого защищал Дух Милосердия и Царь Кротости, этот труд прощения не был тяжек; тотчас же она, словно бы ничем не обиженная, все бывшее считая менее важным, возвратила свое благоволение родителям и всем прочим. Пусть девы внимательно послушают это и пусть узнают, что нет ничего Богу или ангелам свойственного более, чем сокровище непорочности. Христос предстоит девству во всех опасностях, духи небесные, как преданные рабы, служат невесте Своего Императора. Она одна, непорочная, следовала повсюду за Непорочным Агнцем: и чем ближе к Нему становилась, тем быстрее Он слышал ее, если она обращалась к Нему с какой-либо просьбой. Вот сколь близко эта неоценимая Благодать предстояла служанке Божией. Истинно, Господь находится рядом со всеми, кто сокрушил сердце, и спасительно присутствует близ боящихся Его. До какой степени, думаешь, уста блаженной девы в тот миг излились в восхвалении Ее Создателя, или каким голосом она с ликованием пропела бесценный гимн, когда она узнала, что взоры Сего Невидимого Света были столь кротко на нее устремлены, и Сей Сокровенный Слух к ее голосу был обращен столь скоро; и сколь легко ее молитвы были преданы исполнению, чтобы она возрадовалась тому, что святой ангел пришел прямо на глазах у смертных, чтобы порадовать и утешить ее с весьма могущественной властью? Без сомнения, она смогла наслаждаться, пророчески ликуя, уже сделавшись Небесной невестой, и говорить: “Облек меня Господь в ризы спасения, одеждою правды одел меня” [Ис 61:10]. И снова голосом Вселенской Церкви, собранной из людей обоего пола, от своего лица могла, торжествуя, провозгласить: “Как на жениха, возложил венец, и как невесту, украсил убранством” [Ис 61:10].

6. Так как блаженная дева, когда (как уже было сказано ранее), изобиловала глубинами милосердия, она милостиво простила всех, кто до этого выказывал ей враждебность, и затем, терпя все, кротко подчинилась родителям. Она поспешила по своей воле в область тревиров к вышеупомянутой тетке своей Ротхильде⁴, знаменитой и славной по причине великой честности своих обычаев, к которой в благоприятном стремлении от брака, страшась за свое целомудрие, она бежала неупрямым умом. Уже помирившись с родителями, Глодезинда немало уповала на нее. Прошло немного времени, и там, при-

няв желанный образ жизни, она со всем усердием равно устремилась к добрым обычаям и делам, и постоянно имела для себя образцом небесное учение во всем, что свыше и от человек. Так, достойным уважения образом полностью воспитанная, она возвратилась в город Мец, дружественный ей небесным покровительством. Там Глодезинда, уповая на Помощь Вышней Силы и с усердием прилагая все усилия, положила начало более суровой жизни, к которой уже давно всем желанием стремилась ее святая душа, вместе со стадом собранных ею служанок Христовых. Есть место у самых городских стен, по закону наследования бывшее тогда владением ее родителей, вполне пригодное для благочестивого начинания. Святая дева, настоятельно попросив, чтобы ей без промедления отдали это имение в дар для божественных нужд, получила его от них, готовых проявлять щедрость, построила монастырь дев Божиих, знаменитый и до сего дня, отличающийся прекрасными вещественными украшениями и, тем не менее, еще более прекрасный крепостью добродетелей, и превосходно управляла им. В этом монастыре славная исповедница собрала содружество почти сотни дев, служащих Христу, и со всем усердием неутомимо посвятила себя Ему. Я полагаю, что вера и здравое понимание должны верить письму, какова после была жизнь в этой благочестивой борьбе, принесшей ей успех во всяком роде духовного возрастания ежедневным упражнением, при каковой строгости монашеского правила она и саму себя обуздывала, и сделавшись вождем на вышнем пути, возглавляла других в том, чему сама следовала, и жила скорее для Бога, чем для себя. Ибо внимательно обдумывающему сие становится ясно, что блаженная дева, непрестанно созерцая сердечными очами это посещение, на нее столь приятно излитое свыше, исполнение внешних дел охраняла равным внутренним горением.

7. После того как св. Глодезинда шесть лет блаженно правила этим же монастырем по числу тех шести дней, в течение которых она вынесла в церкви сей удивительный пост, приготовивший ее к святой непорочности, любезная Богу и людям, знаменитая чудесами и жизнью, непорочная дева преселилась от мира сего, чтобы, верно завершив путь на предпринятом поприще святости, получить венец праведности от Господа, и чтобы соединиться в небесном браке с долго желанным Женихом. Подтверждают, что весь промежуток своей смертной жизни она прошла за 30 лет. И, действительно, что осведомляется о полноте возраста, если ничто из плодов, которые могла бы собрать дряхлая старость, не было погублено непродолжительной юностью. Ибо, согласно Премудрости, “Мудрость есть седина людей, и беспорочная жизнь – возраст старости” [Прем 4:9]. Отчего же не предпочесть, чтобы по великому дару Божию праведные, принятые в вечный покой, предусмотрительно отнимаются от мира, не видя зла, которое делается под солнцем, или ненадолго задерживаются удовольствиями духа; иначе они портились бы постоянным дурным влиянием пороков самой смертности, которым также, очевидно, подвластен и сам мир; то же самое свидетельствует и Пре-

мудрость: “Восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его” [Прем 4:11]. Тем временем девы позаботились о неизбежной должной почести погребения, и по обычаю, установленному ею уже с самого начала в этом же монастыре, ее тело вынесли в базилику святых апостолов недалеко от городских стен по направлению к южным воротам, и там, опустив глубоко вниз, полагают в крипте с левой стороны. Так св. Глодезинда приказала еще при своей жизни, потому что кладбище святых дев этого же монастыря тогда располагалось в вышеназванной Церкви апостолов; как известно, помянутая церковь еще не приняла в величественную (как ныне ее видим) гробницу мощи славнейшего исповедника Христова Арнульфа, которые спустя многое время после того просияли там великими знаменами жития и чудес. Потому после в народе здесь не сохранилась память о каких-либо иных святых, кроме св. Глодезинды, по причине знатности ее рода, и кроме имени этого блаженного предстоятеля. Около двадцати пяти лет досточтимый “залог” мощей блаженной девы оставался в том же месте, погребенный в мире, в то время как св. Глодезинда духом находилась близко к Самому Господу, подчиненная Тому, Кто Один поистине имеет бессмертие и обитает в непостижимом свете, и наслаждалась наградой вечной жизни, которая тем истинно бессмертна, что неизменна, с Тем, Кому Бессмертному, Невидимому, Одному только Богу честь и слава во веки веков. Аминь.

¹ Св. Глодезинда (ум. в 608) – дочь герцога Винтриона Шампанского, основательница монастыря в Меце.

² Хильдерик, возможно, ошибка писца. Время жизни св. Глодезинды совпадает со временем жизни Хильперика I (539–584).

³ Жители нынешнего Трира и его округи. *Трир* – один из древнейших городов Германии, “северный Рим”.

⁴ Выше ее имя приводится как Ротлинда.

Фолькуин Лоббский

Фолькуин происходил из рода Каролингов, его предком был Карл Мартелл. В 948г. он поступил в братию монастыря Сен-Бертен, около Теруанна, и в начале 960-х годов составил жизнеописание настоятелей этой обители (*Gesta abbatum sancti Bertini Sithiensium*). Таким образом, когда он, в 965 г. став настоятелем монастыря Лобб, решил написать историю деяний своих предшественников, он уже имел определенный опыт. В 980 г. была написана история настоятелей Лобба (*Gesta abbatum Lobiensium*). Фолькуин управлял этим монастырем до своей смерти, за исключением четырех лет (968–972), когда настоятельство было незаконно передано Ратхеру Веронскому¹. Фолькуин начинает излагать историю настоятелей, или скорее историю своего монастыря, с размышлений о течении времени, о божественном устройстве мира и смысле истории, затем описывает само место действия, т.е. Лобб,

объясняет его название, говорит об окрестностях и начинает историю самого монастыря с его основания св. Ланделином. Помимо житий святых, для описания далекого прошлого, как, например, древняя *Vita Landelini* (автор неизвестен) и *Vita Ursmari*, составленная Ансоном, он, без сомнения, прибегал к устной монастырской традиции. В “Деяниях настоятелей монастыря Лобб” упоминаются не только события прошлого, касающиеся самого монастыря, такие как набеги викингов или венгров (сер. X в.), но также и важные события из истории всего государства.

Перевод сделан по изд.: PL. V.137. Ccol. 529–582.

Житие св. Фолькуина², епископа Тарвеннского³ в Галлии

Пролог составителя

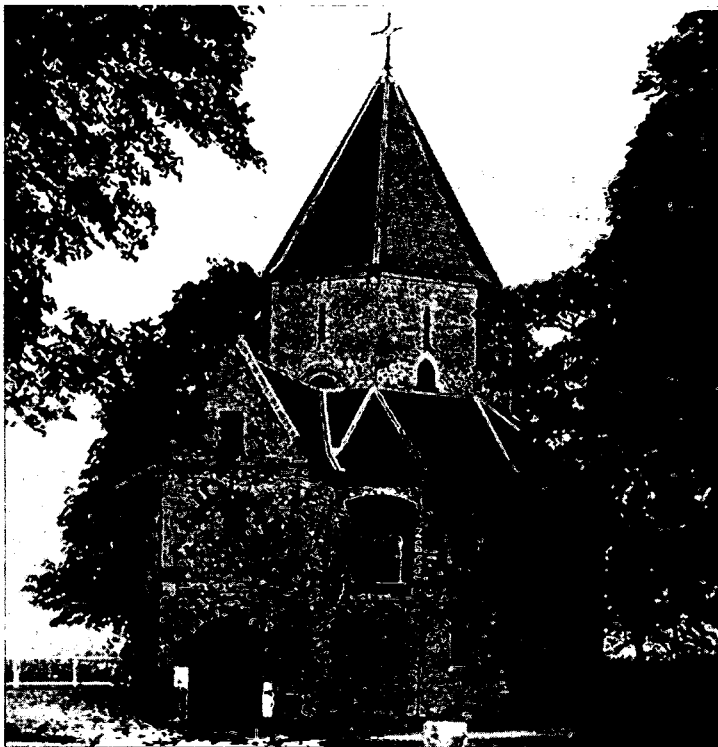
1. Возлюбленным во Христе братьям святой Ситиенской⁴ киновии, исповедующим с нами одну веру, надеющимся одной надеждой, любящим одной любовью, грешник Фолькуин, которого называют настоятелем Лоббского монастыря⁵, желает высшей и особой радости в Том, Кто истинно есть, и вечности со святыми Его.

Всегда вспоминая вас в молитвах, я думаю о вас так, ибо буду вечен, ибо после Бога должно в любви любить ближнего; я полагаю, конечно, что вы имеете влияние на мою участь, и желаю, чтобы ваши успех и процветание, как если бы мои собственные, были вечны во Христе. Признаюсь, что к этому меня впервые побудили ваши ученые занятия, когда в самом почти младенческом возрасте (как я бы сказал), когда мне препятствовало многообразное нападение забот ближних, побуждали меня к этой вашей не скажу, чередой собеседников, но бескорыстному братству, чтобы я занимался разысканиями; я так привык к этому, что ныне, мне кажется, это разрушить это братство есть кощунство, отказаться от него – достойное проклятия преступление. И действительно я по достоинству сказал бы, что нарушить любовь есть святотатство, если бы Апостол не передал полнее то, Что есть Бог, когда он сказал так: “Бог есть любовь” [1 Ин 4:6]. Следовательно, нарушить любовь есть отвергнуться Христа; что, как мне кажется, есть более, чем святотатство. Хотя *любовь*, распахнув объятия, принимает и самих недругов, однако постигает, что меру установленной любви в высшей степени обращает к слугам веры [Гал. 6:10].

2. Кроме этой любви, должной по отношению ко всем участникам Его веры, которая называется кафолической, то есть всеобщей, у вас для меня неким преимуществом служит то, что наученный вами основам веры, я сделаюсь общником всем, учащим всему доброму, по слову апостола [Гал. 6:6]; тогда еще по причине покровителей места и залогов мощей святых, которыми вы изобилуете более всех соседей, и покровительству которых вы радуетесь по некому особому праву; ибо мне, хотя и падающему из-за

многих пороков, всегда была готова их вымоленная защита, так как после Бога я люблю этих святых с особой преданностью, и полезным мне кажется сие великое благо, и чрез их заслуги возможно мне надеяться на высшее благо. У этой любви, которая вместе со мной в знак почтения принесла начатки, и появилось то намерение, не целиком, как мне кажется, ребяческое, чтобы я подумал отдать долг восхвалению тех, которых не прославили, если кто-либо из вас был ведом за руку более древними, чтобы соответствовать всякому их празднику в неких отдельных книгах, которые греки называют “синаксари”, и побудить души слушающих к хвале Божией чрез посредство любви к святым. Далее, были очевидны достаточные средства, которые, как казалось, могли удовлетворить этому намерению. Наконец, жизнь и деяния тех, чьему главенству вы радуетесь и наследственную преемственность которых вы выбрали вместе с именем (называю Аудомара⁶ и Бертина⁷), достаточно передало суждение древних, которые были настолько связаны с ними некоей близостью, поскольку жили в одно время с ними, что, в то время как одного слушаешь, другого понимаешь и заранее легко узнаешь по его делам, кто он был. Когда судишь по одному из многих, и о святом Винноке⁸ также достаточно написано: в вашей палестре веры он был помазан благовонной мазью и научен подвигу, ведомый отеческими лаврами к той же хвале, к какой и предшественник его спешил, и, в то время как мир восстал против него, св. Виннок украсил его добродетелью Христовой. Но – о наши времена, о нравы! – нерадивость современников до того пренебрегла святым Фолькуином, достойным почтения и того, чтобы о нем было проповедано всему миру, что, как кажется, о нем у них нет никакой памяти, кроме народных слухов.

3. Я воспламенялся из-за равнодушия (или его лучше должно называть нерадивостью) и молча негодовал; наконец, в то время как во мне ребяческий стыд и неопытность глупого сердца боролись с любовью к святому, я, мучаясь этим Пизоновым пороком⁹, который, когда не знал, что сказать, все же не мог молчать, склонил свой дух к тому, чтобы описать жизнь св. Фолькуина, и предоставил перо Тому, Кто делает красноречивыми языки младенцев, внезапно, словно новый Арпинат¹⁰, я появился как писатель. Истинно, я вспоминаю тот Эрисиппов софизм: если лжешь, то и, когда правду говоришь, лжешь; я, хотя и оставил без внимания многое о самих древних, не внес в свое писание ничего другого, кроме того, что я получил чрез их предание, ибо должно соглашаться с их убедительностью, так как не должно опровергать их суждение. Далее, я не предложил бы единоверцам причины, по которым можно меня обвинять, как в обычае у каких-то мальчишек; сказанное я на время вверил хранилищам молчания и берег для этого времени, когда обнаруживаются понемногу более верные, и так как есть нужда в свидетеле, чьим ручательством это дело укрепляется, я посвятил свой труд вам и, в особенности, тебе, досточтимый отец Вальтер, кому, кроме того, что у меня есть общего с прочими, я должен нечто особенное – или ради вознаграждения Бертина, или ради той любви, которая между нами возрастает.

Часовня св. Николая.

Byzantium and the Low Countries in the Tenth century.

Aspects of Art and History in the Ottonian Era. Dordrecht, 1985. P. 113

Поскольку ты, говорю, ты есть судья и защитник этого труда, прочее, что касается завистников, маловажно; они, может быть, и строят козни, но я не заметил способов связи и прочего, что мне ненавистно, которое обсуждают те, о которых говорится в одном роде, что называется софистическим. Они знают, что Церковь Христова добровольно пренебрегла этими правилами; хотя и не обходится без их знания; в особенности, когда задолго до нас сказано, что истинен закон истории; они собираются для наставления католиков предавать письму единственно то, что делает общеизвестным молва. Пусть они удалятся и какой угодно род речей предписывают своим Католам¹¹: или чтобы они были непреклонны, или строгие критики; и потому пусть они ловят у народа всякие пересуды и дешевую славу и, по примеру какого-то из их поэтов, носят на шее, натертой восковой мазью, награды победителей, нам, которые философствуют в школе Христовой под началом апостолов, предложено, чтобы мудрость змеи мы умеряли голубиной кротостью, чтобы, в то время как мы помогали нуждам ближних учением, равно

и деянием, нам также можно было бы помочь. Что же до прочего, братия, обращаюсь к вам словами апостольскими: “Радуйтесь, усовершеншайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами” [2 Кор 13:11]. Аминь.

Начинается житие св. Фолькуина

4. Благодетельный и Невыразимый и Всемогущий Бог, достаточный Самому Себе в Себе (ибо не извне откуда-то основывается, в то время как Он Сам есть Высшее Благо), разделил, многообразно распределяя, богатства Своей благодати на тех святых, кого прежде века заранее знал и предназначил. Ибо сосуды гнева, готовые к погибели, которые Он долго терпел, Он превратил в сосуды милосердия; и, чтобы они знали, что величие благодати этой исходит от Бога, а не от них самих, то Он им посредством дара благодати дал, что сделал Свою муку для них познаваемой.

5. Блаженная Мать-Церковь, таковыми украшенная ожерельями, подобна башне мужа Давида, построенной с ее укреплениями; на ней висят столь многие и таковые круглые медные щиты, таковое столь многих сильных мужей вооружение, которым она ограждается и украшается по заслугам, и исторгается от ужаса врат адовых (ср. Песн 4:4). Среди этих укреплений дал нам Бог один не из меньших щитов, одного покровителя и защитника епископа Фолькуина, блаженного и достойного, чтобы рассказать о нем в веках. Сжато и кратко желая возвестить его житие, постараемся не столь много рассказывать о его чудесах, зная, что мы беседуем с христианами, так как, по словам апостола, не им были даны во знамение языки, но неверующим; ибо св. Фолькуин мало известен нам чудесами, хотя при жизни своей больше, чем он, никто не скрывал весьма многие чудеса, если он и делал каковые. Но уже приближаемся к тому, чтобы нам говорить о нем, чтобы святой одобрением содействовал тому, кого особенно любил.

6. Расскажем о происхождении блаженного мужа: он получил преимущество земного высокого положения от давнего и весьма древнего знатного рода. Он процветал в правление Карла, прозванного Великим¹² как по причине богатства имений, так и полной готовности к битвам, и что более, по причине исповедания веры и закона мира; мать св. Фолькуина звалась Эрхенсинда, а отец Иероним; из них первая вела происхождение из рода готов, весьма славного как рождением, так и богатством; другой, как думаю, дядя вышеназванного короля, первый среди придворных, распоряжался управлением судебных и частных дел. Были у него еще и братья, занимавшие весьма высокое положение; из них Фольраду король вручил монастырь св. Квентина и, как ниже повторим, все предки его прародителей были весьма знатны. Это мы сказали не для того, чтобы потщеславиться перед знающими, но чтобы удивить равнодушных. Люди мира сего поддерживают тех, кто влиятелен благодаря таким правам, мы же хвалим тех, кто это все преизрел ради Спасителя.

7. Когда заботливые родители узрели, что их родовитый отпрыск в самом почти возрасте детских игр отличается священными занятиями и он вошел уже в возраст ранней юности, чтобы он мог учиться, они отдали его в церковную школу, где бы его научили Священным Писаниям; в школе, как думаю, отрок хороших дарований, поддаваясь обучению, преуспевал благодаря пронизательному уму, и после того как он получил начатки первого искусства, не было ничего, что ускользнуло бы от живости его ума. О чистоте его сердца свидетельствовало размышление об иге (Христовом) и усердие к непрерывным упражнениям, когда всякое такого рода настроение уже совершенно перешло в образ мыслей. Ибо написано: “Можно узнать даже отрока по занятиям его, чисто ли и правильно ли будет поведение его” [Притч 20:11]. Таковым его образовал Господь под наставлением учителей, какового позже поставил во главе Своей Церкви. Ибо таково правило пастырское: пусть не дерзает управлять тот, кто не умеет подчиняться. Затем, когда, как говорится, гигантскими шагами он восходил из силы в силу, когда изучал Священное Писание, и Божественный закон, достиг по порядку совершенства священных степеней; и благодать Вышней Помощи снискала ему такую милость, что все почитали его с уважением, относились к нему с большой любовью.

8. Тем временем достойно было, чтобы этот камень духовный, отшлифованный многообразными умозаключениями и стремящийся к небесным украшениям, был помещен в венец Небесного Царя, чтобы он не укрывался под видом частных людей, но тот, кто настолько себе наконец помог, уже и многим помог бы; его хватают, чтобы возвысить его церковной властью, и все единогласно это одобряют. Берега Британского Океана в западных пределах Галлии населяет некое племя, не столь многочисленное, сколь сильное, у историков они зовутся Моринами, ныне же по их городу Тарвеннийскому¹³, некогда богатейшему, но только разрушенному и почти разграбленному, называются тарвеннийцами. Орозий, пресвитер и достоверный историограф, упомянул это племя в своем труде, который он написал для нас против язычников, и показал в высшей степени ясно, что это племя было многочисленно по причине множества воинов, так что оно подчинилось бы не всякому Римскому войску, идущему ему навстречу. Упоминает он и город Менап¹⁴, от которого ничего не осталось, кроме развалин и пустого имени. Поэтому, может быть, поэт дал этому племени имя “живущих дальше всех людей”, ибо Фландрия, в которой живет часть этого народа, занимает это побережье, и не слышно было, чтобы далее жил какой-нибудь народ, ибо этому мешает Океан; здесь по обычаю поэтов использовано целое вместо части. Ибо из того края, где находятся города Бонония¹⁵ и Одраус¹⁶, есть легкая переправа в Британию. Племя это не имеет упорядоченных обычаев, прибегает более к оружию, чем совещанию, и, как сказано прежде нас, ему свойственно большое красноречие, но малая мудрость. Нелегко было бы обуздать их неукротимое варварство, всегда склонное ко злу, если бы не осмотрительность и пронизательность великого церковного мужа.

9. Церковь этого народа была лишена пастыря; но когда обсуждали замену предстоятеля и все долго перебирали достойных, никого не нашлось лучше Фолькуина. Избирая его, и тот, и другой народ не искал ничего различного, но, изъявляя общее желание, требовал, чтобы его дали им как епископа; за этой просьбой последовало согласие военачальников и всего клира. Что больше? Этот выбор, милостью Божией, понравился императорской власти, а именно Людовику, который наследовал своему отцу Карлу; и с его согласия Фолькуин был поставлен предстоятелем Тарвеннийского града, и во всем управляла воля Господня. Получив силы от духовного благословения, св. Фолькуин усилил дела милосердия и веры, проявляя себя по отношению к другим таким, каким подобало быть рабу Божию. Действительно, так как он узнал, что будет сражаться против духовной неправды, он нес перед собой приемы и упражнения в добродетели, то есть оружие веры, и так умерял крепость учения, что никто более, чем он, имеющий строгое суждение, не был приятен народу; с другой стороны, когда он стал приятен народу, то не оставил порядка строгих суждений. Он устроил жизнь так, что ни к одному, ни к другому не был более благосклонен. Общественные блага умерялись любовью; и он не предпочитал, чтобы вверенные ему овцы действовали ошибочно, а не правильно, и не прощал дурных, чтобы добрым не пришла гибель. Поистине, он умел пользоваться железом. Св. Фолькуин старался поступать так, чтобы святой Матери Церкви быть или укреплением, или украшением: укреплением извне, украшением изнутри. В словах его и в беседе с народом не было легкомыслия, со всяким он говорил о чем-либо полезнейшем, или размышлял о том же самом везде, где бы ни оказывался. В самом начале своего епископства св. Фолькуин явил такие способности, как если бы в течение долгого времени стоял во главе Церкви, на каковое служение недавно был поставлен; в том, что Греки называют "теосебией", то есть исповеданием веры и почитанием Бога, он следовал суждению каноников и апостолов, чтобы со всеми, к кому была направлена его забота, он был един сердцем и душой; и что бы непристойное или изнеженное он ни видел в своей Церкви, истинным и духовным обрезанием весьма усердно отрезал, относя к своему ущербу все, что бы явилось негодного в его подданных; относя к своей прибыли все, что бы почитание Христа ни принесло плодородного; об этом почитании святой муж так старался заботиться, чтобы не иметь никакой шелухи, и никакому роду порока не давал пустить корня. Он сам служил своей пастве образцом для подражания и зеркалом. Ибо он, как благочестивый купец, не для себя только одного покупал, но торгом своего труда искал спасения всех. Если кто-либо воздвигал великое что в вероисповедании, муж Божий признавал такого человека, его поддерживавшего, словно бы зачисленным в центурию в Божественном войске. Он также беспокоился и о бедняках Христовых, ибо то, что, отказывая себе, раздавал от трапезы своей, прибавлял им, а не оставлял желудку, как в обычае у некоторых, ибо он не много заботился о завтрашнем дне. Трудно продолжать рассказ о том, каким себя

Нивелль, Собор монастыря св. Гертруды.
Das Erste Jhartusend. Kultur und Kunst in Werdenen Abendland
an Rhein und Ruhr. Düsseldorf, 1964. Илл. 61

показал раб Божий; наконец, чтобы мы продолжали речь о его дарованиях, скажем, что св. Фолькуин расширил собрание всех добродетелей, более глубоко привитые ему образы благодати, словно присущая от природы.

10. Ситиу является киноией мужей Божиих, и в нем вспоминают многих святых. Это диоцеза Тарвеннского епископа, хотя монастырь имеет право неприкосновенности от императоров или Вселенского Папы и самой епископской кафедры. Этим монастырем тогда управлял Гугон¹⁷, которому Людовик был братом, а Карл отцом. В самом деле монастырь состоит из двух частей. Ибо нижняя часть занята монахами, верхняя принадлежит каноникам; и первые радуются покровительству Аудомара, вторые живут под защитой Бертина.

11. Народная молва делает общеизвестным перенесение мощей блаженного Аудомара, как оно было совершено этим блаженным настоятелем, и как к этим деяниям отнесся вышеупомянутый настоятель Гугон; в этих событиях весьма достойно удивления постоянство святого мужа Фолькуина. Нелегко

было сопротивляться настоятелю, достоинство которого от рождения было столь велико, что не было у него недостатка в военной силе; но муж Божий все это ставил ниже страха Господня; он не успокоился до тех пор, пока святыи мощи, поднятые хитростью, не поставил на подобающее место, хотя и с довольно большой опасностью для жизни, и учредил праздничный день в месяце июне, когда поднимаются посевы и уже появляются колосья. И, остерегаясь на будущее, чтобы мощи святого не были унесены таким же образом или при помощи другой какой-нибудь выдумки, св. Фолькуин скрыл их в земле, где в течение многих лет погребал усопших, однако оно было открыто, когда пожелал Господь. Равным образом он перенес и перезахоронил мощи святого Бертина и постановил, чтобы у нас этот день, то есть 17 день Августовских Календ, был праздничным.

12. А после этого, когда муж Божий Фолькуин узнал, что приближается телесная старость, даже в день своего освобождения от уз плоти усердно предался трудам добрых дел, зная написанное “Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими” [Лк 12:37]. И так, ежедневно из силы в силу возрастая, он сильно желал видеть Бога богов в Сионе. Свидетели же внутренней его любви были слезы, которые выдавали тайну его совести, проливая которые он пел псалмы и говорил часто: “Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!” [Пс 41:3]. И, согласно слову апостольскому, он не поднимал умственных очей на то, что уже совершил по Христову повелению; забыв то, что было позади, он устремлялся к тому, что было впереди, все больше и больше предаваясь бедствиям и посту, старался более очищенным умом воспламениться к горнему и, препоясав чресла, с зажженными и наполненными маслом лампадами благих дел ожидал прихода Господина своего с брака, чтобы войти с Ним в небесные чертоги и царствовать в будущем в радости вечного блаженства, которое будет длиться бесконечно; и, неся заботу о стаде, ему вверенном, надежнейший раздаятель подавал ему пшеницу Слова напряжением всех сил, увещая своих пасомых обратиться, пока ныне еще есть время, чтобы в последний день они не были найдены неготовыми.

13. Утомленный долгой старостью, как думаю, св. Фолькуин совершил почти 40-й год епископского служения, когда он уже не мог в собрании совершать торжество миссы. Узнав об этом, король еще при его жизни назначил ему преемника-епископа, что было против канонов; услышав это, святой предстоятель приготовился к служению миссы по епископскому обычаю и все служение исполнил весьма бодро, а муж, готовивший его смещение, стоял рядом. И когда пришла та минута, когда должно, как это в обычае у епископов, дать епископское благословение, изменив порядок, св. Фолькуин произнес проклятие. И пришельцы, испуганные, сев на коней, пожелали вернуться восвояси; на середине пути тот, кто строил козни против епископа, упав с коня, ударился шеей и испустил дух; и все, кто с ним приезжал, в течение года испустили дух по причине различных несчастий.

14. Когда пришло время призвания св. Фолькуина от сей жизни, хотя он отягощался долгой старостью, он решил объехать приходы своего епископства, зная, что это принесет пользу ему, а равно его подданным, чтобы детей Церкви, если они, отклонившись от лона Матери, где-либо ошиблись, направив по установлениям канонов, привести к Ней же, увещая проповедями. И, чувствуя таковое усердие и таковую преданность, он прибыл с благочестивой заботливостью к церкви, расположенной в Мемписке и называемой Хикклесбеке¹⁸. Там-то, немного пробыв, когда он уже помышлял вернуться, святой муж начал томиться тяжелой болезнью. Тогда, созвав учеников, он поручил их Всемогущему Господу, в весьма продолжительном увещании убедил их не покидать пути истинного; наконец, подкрепив свою речь благословением, св.Фолькуин предал дух небесам, чтобы соединиться с собраниями святых. А перешел он в мир иной в год от Воплощения Господня 855, третьего индикта, когда смеркалось, в субботу; это был 15 год правления Людовика, сына славного короля Карла, а епископства этого блаженного предстоятеля 40-й, 19 день январских календ. Он, пока еще был жив, просил, чтобы тело его для погребения отнесли в монастырь Ситиу в базилику св. Бертина, где не произошел его исход из сей жизни.

15. Когда муж Божий умер, на похороны его блаженного тела люди стекались толпами отовсюду. Его клирики, сетуя на тяжесть пути, утомились и прибегли к божественной помощи. Тогда этой же ночью, когда дул южный ветер, вся эта неизмеримая глубина вод, которая окружает остров Ситиу, почти на две мили так замерзла, что вода посредством льда подала идущим твердейший путь, когда они рано утром принесли святое тело на берег. Тело св.Фолькуина было принесено в монастырь и было принято со свечами и благовонными курильницами почтеннейшим и святейшим собранием монахов, вышедшим навстречу похоронной процессии вместе с великим множеством народа; они совершили служение со всеми почестями, как требует погребение; св.Фолькуин был облачен так, как обычно он стоял перед святым алтарем, и принесен для погребения в то же место, которое сам выбрал. Он был похоронен справа от святого Бертина при величайшем плаче стоящего подле народа.

16. Рассказывают также старцы, что у того же мужа Божия был некий конь удивительного понимания. Когда св.Фолькуин собирался ехать куда-либо, смотря по тому, чего требовала необходимость, конь, согнув колени, по своей воле подставлял спину святому бремени. Рассказывают, что этого столь умного коня должны были отдать братии, и он шел впереди погребальных носилок и плакал, а потом отказывался носить любого иного человека и не желал терпеть, что после членов столь великого предстоятеля он будет служить желаниям какого-нибудь человека; через недолгое время конь умер, и когда он был предан в пищу собакам, ни одна из них не потянула его к себе, вонзив в него зубы. Ибо не подобало выброшенным трупом коня кормить собак и ворон, подкрепляя их, и проходить вниз по их пасти тому, на ком всад-

ник по причине сердечной преданности воссылал частую молитву ко Христу; ибо нельзя верить, что святой забавлялся пересудами. Видя это, горожане похоронили по человеческому обычаю коня, которого, как я уже сказал, бессмысленная жестокость собак почтила неким, так выражусь, изумлением.

17. Случилось через недолгое время после этого некому монаху помянутой Ситиенской киновии, тезке этого блаженного мужа (ибо он звался Фолькуин) тяжело болеть в течение долгого времени, так что он мог ходить только с двойной поддержкой посохов. Однажды угнетаемый чрезмерностью страдания, он решил, собравшись с какими мог силами, пойти к алтарю святого покровителя Бертина. Он собирался помолиться о спасении души и здравии тела, но (чтобы описать положение церкви незнающим) тем, кто входил в церковь с юга, преграждала путь прежде расположенная гробница вышеназванного святого отца Бертина, потому что она занимала важнейшее место алтаря св. Мартина; и потому в правой части этого же алтаря сперва предстает гробница блаженного Фолькуина тем, кто желает идти к уже прежде названной гробнице. Этот же вышеупомянутый монах уже достиг гробницы блаженного Фолькуина, когда внезапно, не знаю, какой сотрясенный дрожью, после чего треснули палки, внезапно упал на святую гробницу; попав в такое положение, он со слезами испросил у Бога, если у Него получила какую-то заслугу душа предстоятеля, именно в этом месте погребенного, чтобы Господь возвратил ему давно потерянное и желанное здоровье чрез заступничество святого мужа. Он немного промедлил там, лежа и молясь, и в скором времени поднялся невредимым так, что при всеобщем изумлении принес благодарение Богу, шествуя на собственных ступнях без чьей-либо помощи. С того самого дня гробница блаженного мужа была окружена великим почитанием; и, так как этот же исцеленный монах был обучен грамоте, он изложил элегическим метром следующее, написав на его могиле:

В этой могиле лежат Фолькуина почтенного мощи.
Некогда в этом краю он предстоятелем был.
Сорок он лет возглавлял и воспитывал Церковь моринов,
Делом и верной душой Богу усердно служа,
И, в девятнадцатый день январских Календ опочивши,
Взятый от мира, вошел в светлый апостольский чин.

18. После этого все почитали заслуги блаженного мужа, чтобы подтверждалась речь Спасителя, говорящего: “Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано” [Мф 10:26]. Пастырь пастырей не пожелал, чтобы мощи Его наместника долго скрывались, положенные под землей, но изволил открыть всем людям досточтимую славу его благодатности. Ибо в год от Блаженнейшего Воплощения Господа нашего Иисуса Христа 928, первого индикта, во времена короля Карла, я обнаружил, что двум достойным внимания людям, далеко находящимся друг от друга, в тиши ночной Господь явил частые видения, чтобы они пришли в славную киновию

Ситиу, подняв мощи предстоятеля Фолькуина, **заблаговременно** приготовились к служению с должным почтением. Они, **исполняя приказанное** радостной душой, пришли с каким могли снаряжением к **уже сказанному** монастырю Ситиу, поведали братьям причину своего прихода, **настоятельно** попросили, чтобы им было разрешено открыть гроб, в котором **был сокрыт** их святой соотечественник. Братия, взвешивая намерение со всех **сторон**, с **каких** могли, довели его до сведения Адолофа Благородного, в то время **графа** этой местности и настоятеля монастыря, и, посоветовавшись со **Стефаном**, **который** в это же время был епископом Тарвеннской Церкви, по **общей воле всех**, со свечами и хором, поющим псалмы, и со всем снаряжением клириков на **расвете** дня ноябрьских Ид¹⁹ пришли к могиле святого мужа. Когда **члены** святого тела были подняты и помещены там, на месте могилы построили алтарь, народ провел этот праздничный день с пением и радостью; и, когда служение было исполнено, восстановили силы, и каждый возвратился домой.

19. В то время как все предавались радости, мощи блаженного мужа **просияли** чудесами. Местные жители, страдающие лихорадкой, установили **обычай** посещать алтарь святого мужа с приношением свечей, по **возможностям** каждого, и дивились тому, что по вере просящие получали здоровье. А что касается **стоны** его, которая до сих пор существует, мы видим, что женщины, мучающиеся тяжелыми родами, по его заслугам часто получали исцеление, так что когда видят, что они, угнетаемые **трехдневными** или того более родовыми муками, почти близки к смерти, вносят к ним эту **столу**, и женщины производят на свет детей, и им возвращается первоначальное здоровье. Господь показал и многими другими знаменами, что его святой **возвеличен** в небесах, так как, действуя и пребывая с избранными своими до конца века, Господь наш Иисус Христос, Совеchnый и Единый Отцу и Св. Духу, живет и царствует **бесконечные** веки веков. Аминь.

О деяниях настоятелей Лоббского монастыря

Пролог

Издавна древние всесторонне обсуждали этот вопрос, и, наконец, в наших душах запечатлелось речение как философов, так и духовных отцов, которые ненарушимо предписывают нам держаться того, что мир **вращается** не вследствие случайностей, но все по воле Управляющего и Всемогущего Бога Создателя управляется чрез Промысел, по **несказанному** устройству и расположению Его, прежде чем что-либо обнаруживается во времени. Ибо Всемогущая Сила Божества, Которая все то, что есть, собрала, чтобы оно было, образы вещей посредством неких первоначальных материй всегда имела совершенными у Себя; Бог, когда хотел и где хотел, и каким образом хотел, делал их для нас видимыми, и никто на Него не походит, так как Он был Создатель; когда было положено, по Его устройению, начало времен, и Он Сам во времени все

устроил, чтобы Тот, Кто, как верят, есть по праву Творец, понимался и как Управитель. Времена же состоят из дней и чисел, и когда мы читаем или слушаем, что в тот или тот день Бог сотворил то или это, непременно подразумеваем здесь время или число. Бог есть Создатель времени, хотя Он Сам древнее времени, Создатель которого Он есть, и все создал во времени. Он сделал и сами времена несогласными между собою, противоположными по равности, но по воле Его попеременно согласовывающимися, чтобы не смешивалось то, о чем думают, как о смешанном, но скорее попеременно согласовывающиеся между собой вещи делают известным и совершенным нечто упорядоченное. Сами также стихии, в которых мы пребываем, себе поочередно противоположные, в облике одного тела согласовываются с таким приятным равновесием, чтобы несогласные стихии не противоречили друг другу, более того, если ты удалишь одну стихию от другой, вместе с ее удалением ты погубишь человека. Движению времени есть сходная причина. Ибо что более противоположно, чем ночь и день, потемки и свет? Лето также противоречит зиме, а зима – лету. Весне противостоит также осень, осени – весна. Ибо кто ожидает зимой зноя и жарких дней, или кто видит, чтобы летом снег белил поля, и реки покрывались льдом? Так также никто весной никогда не отведывал раньше молодого вина или пробовал виноградные ягоды, в то время как также различные роды трав и цветов, которыми человек украшается и увеселяется весной, бессильные, вянут в осеннее время. Времена же, приходящие по порядку и поставленные на свое место, составляют год; если же они не соединялись бы, то год скорее считался бы неким хаосом и невыносимым временем, а не годовым кругом. Неизменное правило сохраняет эту же изменчивую связь вещей; согласно этому правилу, не ново то, что нам явилось недавно и не изменяется то, что нам кажется изменчивым; так все приводится в порядок, чтобы еще то, о чем думают, как о дурном, также не было беспорядочно. Высшая и главная, более того, единственная связь вещей есть воля Господня. Потому и поем мы: “Господь творит все, что хочет” [Пс 134:6]. Ничто извне не делается, только то, что из внутреннего дворца Вышнего Императора или повелевается, или разрешается или для чьей-то пользы, или для возмездия тайного и праведного суда Своего. Ибо кто большее любит, чем тот, кто сделал? Далее, кто с большей правильностью правит, чем тот, кто любит и сделал? Не может хоть кто-либо ближе или дальше выйти, если только не по воле Господней, в то время как спасительный дар свободной воли дан людям с благодатью Божией. Не много должно удивляться преемственности или падениям царств, о которых мы слышали или которым мы были свидетелями. Ибо Царство принадлежит Ему Самому, как говорит Псалмопевец, “Ибо Господне есть Царство, и Он – владыка над народами” [Пс 21:29]. И как узнал Навоуходносор, кому бы ни захотел Он дать царство, тому и даст его. Ибо когда пожелал, воздвиг царства, и когда захотел, низложил. Об этом свидетельствует древнейшее царство Ассирийцев, закончило свое существование, отданное после Мидийцам и Персам, затем Македонцам, а их многой кровью приобрел себе тот Александр Великий, которого Даниил называет или медным истуканом

[ср. Дан 2:31–34], или барсом в видении [Дан 7:6], это была великая пучина несчастий; наконец, когда римляне, пройдя море и землю, отличились военной силой, не без воли Божией царство его утратило власть. И так до сих пор ведется по отношению к царствам, хотя вскоре после возросло королевство франков, которое стремилось усилить себя римскими крепостями, и благоприятным преуспеянием, чтобы оно и военной силой, которой весьма изобилует из-за набора новых воинов, приобрело это положение, оно должно было быть, однако, включено в Римское государство. Ибо и этот народ подчиняется некой римской государственности; когда тот и другой народ вышли из Трои, те последовали за знаменем Энея, а эти вот отправились под началом вождя Антенора²⁰ чрез побережье Иллирии к болотам Меотиды²¹, и из-за чрезвычайной неустрашимости духа они избрали себе имя франков; занимая Галлию, они устрашали прочие народы до того времени, пока не сменили идолопоклонство на начало службы в Христовом воинстве. Ибо король их Хлодовей²², приняв в крещении благодать Христову при посредстве святого Ремигия²³, сделал свой народ христианским. Царь царей Христос не замедлил выдать пожалование воинских наград тем, кто за него сражался, ибо возвысил их королевствами и щедро наделил благоприятными успехами. Затем у Хлодовей, Хлотарей и Дагобертов²⁴ сохранялась эта блаженная наследственная преемственность. И почему бы не оставалась сия преемственность, которую Премудрость Божия, говорящая: “Многи цари царствуют” [Притч 8:15], утверждала верой, усиливала беспристрастием и справедливостью? Свидетельствуют об этом епископства или монастыри, которые росли, будучи обновлены в то время или основаны тогда. Если бы мы переписывали их по одному, нам не хватило бы страницы, особенно, когда мы обещали не это; достаточно, чтобы мы только говорили о своем монастыре; и так как должно говорить о месте, скажем о его местоположении, ведь это должно сказать сначала.

1. Есть место в крае, который древние по имени места, где суеверные язычники посвятили святилище Марсу, называли Фану-мартинским, а более недавние жители по имени протекающей там реки назвали Хайнау²⁵. Там в Самбринской области течет река Самбра²⁶, бегущая в приятных и красивых берегах. Равнина с там и сям возвышающимися холмами, и тень лесов, и удобство места делают эту область весьма привлекательной. В этом месте в Самбру впадает ручеек, называемый Лаубак, и полагают, что он-то и дал название сему месту. Однако есть и те, кто думает, что названное место получило имя из-за приспособления для охоты на диких зверей. Эта местность, отовсюду окруженная горами, поросшими лесом, в те времена соседствовала с Лифтинами и до сих пор называется “лесная”, поскольку сохранилось ее первоначальное имя, ибо король, идя на охоту, приказал, чтобы там сделали ему навес, который называют “лобией”, для того, чтобы умерить жар солнца, – отсюда речка от места, а не место от речки усвоило имя; это кажется более правдоподобным. Ибо место это на их языке называется Лобах; и “ло” называют тень лесов, а “бах” – речку; если каковые два слова складываются вместе, то производят слово: “речка тени”.

А было это место пригодно для устройства засад и для тех, кто промышляет разбоем. Ибо, как уже сказано, оно окружено лесами и неровно по причине скал, потому и не находят виновного, когда совершено преступление. Ухватившись за такую возможность, некий Морос²⁷, муж, занятый того рода деятельностью и хитростями, принялся усердно разбойничать в таком месте, в то время, когда от Хлодоева седьмым правил Лотарь. Не довольствуясь вполне маленькими преступлениями, он замышлял и исполнял бóльшие, наконец, поскольку Господь сожалел об этом, при посредстве святого епископа Аутберта Камараценского²⁸ – ибо этот приход находился у пределов его диоцезы, хотя до этих пределов протирается еще и Леодиценская диоцеза, – он был обращен из Мороса в Ланделина²⁹, словно второй Павел, сделавшийся из Савла. Он положил конец порокам и посвятил это место святым занятиям, чтобы каковое запятнал пороками, освятил бы добродетелями, и где изобиловал грех, там бы преизобиловала благодать, как говорит апостол [Рим 5:20]. В этом месте он выстроил и церковь себе, сообразно со временем, и оплакал то, чем прежде увеселялся, трудом рук своих добывал себе пропитание, распушенность плоти укрощал постами и бдениями, и совершенствовался высшим напряжением духа в том, что есть Божие, так что все удивлялись, видя перемену, совершенную Десницей Всевышнего. Благодаря таким упражнениям, он сделался зеркалом для многих, стекающихся к месту его усердия, и так стал первым основателем Лобиевской обители. Но Промысел Божий, о Котором мы упомянули выше, не всем суды Свои открывающий, – “Судьбы Твои – бездна великая!”, говорит Псалмопевец [Пс 35:7] – пожелал, чтобы блаженный Ланделин переселился из Лобий, чтобы место было свободно для другого, который за ним когда-нибудь последует, во всяком случае, чтобы тот не строил здания на основаниях другого и не потерпел бы ущерба, или чтобы великие заслуги двоих не ограничивались теснотой одного места. Может быть, предвидя это, блаженный Ланделин, переселившись из Лобий, устремился в Криспиний. {...}

5. Так как блаженный Урсмар³⁰, исполненный соединения всех добродетелей, добросовестно исполнял вверенное ему служение и, благодаря королевской щедрости, построив обитель, равную древним монастырям, освободился из темницы плоти; он был введен в Рай Небесный, где ныне и присно блаженно наслаждается Боговидением, и мы просим, чтобы он нас помнил. А умер он в год 713 от Воплощения Господня, в то время как Пиппин управлял королевством, а в вечности нами правит Господь. Он, перед смертью обессиленный долгой болезнью, еще при своей жизни заменил себя своим преемником, святым Эрмином³¹ (711), в которого, благодаря некоей особенной дружбе, он как бы перелил всего себя, как в любимого наследника и приятнейшего преемника. Заменив учителя, Эрмин начал подражать ему, так что, по повествованию эпикурейцев, можно было бы поверить в переселение душ в тела по очереди, он, как верили, в точности повторял св. Урсмара. Должно было бы отступить от нашего повествования, если бы мы хотели бы расска-

зять все о том, сколь усерден он был в приращении монастырских владений, сколь осмотрителен в порученном ему пастырском служении; описание его жизни повествует об этом в высшей степени изобильно. Его сорботниками или преемниками были управители и со-настоятели этого же монастыря, в особенности, святой Авель³², родом скотт, и святой епископ Вульгис³³, и господин Амульвин³⁴, также епископ; о том, сменяли ли они друг друга по очереди или управляли монастырем вместе, когда святой Эрмин был занят духовными делами, древность не оставила ничего определенного. Однако древние не умолчали о том, что они не только держали Лобниенский монастырь и управляли им, но и, сообразно с благоприятными временами, улучшали. Св. Эрмин управлял этим монастырем в царствование упомянутого владыки Пиппина три года, и при Карле, сыне этого же Пиппина, равно властители и вожде, двадцать два года. И так, пребыв в управлении 25 лет, он приобрел славу учителя и умер в восьмой день майских календ (737).

6. После него был настоятелем Теодвин; при нем, дарением майордома Карломанна³⁵, наша церковь удостоилась получить поместье Эонтанское, которое омывает Самбра; в грамоте этого пожалования так написано: “Сделано в Липтинах в государственном поместье, в шестой день Февраля, во второй год правления Хильдерика”³⁶. И в этом договоре сказано: “Подписано майордомом Карломанном, который сделал и подтвердил это пожалование”. Это, конечно, Карломанн, брат Пиппина³⁷, который, оставив хлопотное управление государством, сначала сделался клириком в Риме, построил монастырь на горе Серапт; после сделался монахом у святого Бенедикта на горе Кассино. А о вышеупомянутом короле Хильдерике, который был королем при Пиппине, история рассказывает, что и он сам, как свидетельствуют, по повелению папы Захарии³⁸ после был пострижен и заточен в монастырь; и потому он уступил Пиппину единовластие в королевстве, и оно было освящено архиепископом Бонифацием³⁹.

7. Вот что мы узнаем о вышеупомянутом Авеле. Когда мы были в Реймсе и беседовали с мужем достойным и в тех краях ученым, с архиепископом Адальбероном⁴⁰, когда мы спросили об основании этого же города и о преемственности епископов в нем, упомянули мы Деяния предстоятелей этого же города, и в то время этого было достаточно. В каковых Деяниях было найдено, что в этом же городе был епископом некий Авель, который в нем многое приобрел, или привел в порядок; каков же был его конец, составитель деяний или не знал, или пожелал вообще умолчать. Мы же, всесторонне обсудив даты, при помощи легкого подсчета доказали, что тот же Авель был и наш настоятель, и скотт, и епископ. А то, что составителю Деяний был неизвестен конец его жизни, пожалуй, произошло по причине долготы пути, и добровольного умолчания благочестивого мужа, и любви к небесной отчизне. Вышеупомянутый епископ сказал еще, доведя до своего времени обычай предшественников, что во время торжественного служения миссы в том особом поминовении умерших, которое говорится над синодиками и

торжественно делается в освящении Господня Тела, когда ежедневно субдиакон беззвучно прочитывает имена на ухо пресвитеру, по одиночке прочитываются записанные имена всех епископов этой кафедры, и весьма удивлялся, что в этом поминовении нет епископа Авеля. Как мы догадываемся, потому это сделано, что ему было приказано некоторое время занимать кафедру, на которой не было епископа; и ради любви к Богу он не вписал свое имя в этот перечень, уступив по своей воле. Ибо нельзя верить, что он в этом был еретиком, ибо не противостоять еретикам есть почти то же, что и покровительствовать им. Сколь многие и сколь великие мужи в то время не позволяли чему-нибудь такому потихоньку пробираться в Церковь; даже напротив, издавались государственные повеления, чтобы опровергнуть ереси, которые открыто преследовала королевская власть, ибо Господь запрещает, внушая ужас такими словами: “Проклят, кто удерживает меч Его от крови!” [Иер 48:10]. Не могло стать так, чтобы Авель не желал подражать тем, чья жизнь умом проходила на небе, назову Урсмара и Эрмина, когда они сами не могли бы его принять, если бы он не был и сам прежде испытан и не упражнялся в военных лагерях Господних. И о святом епископе Вульгисе не донесено до нас ничто, кроме немногого. Однако в наших самых старых мартирологиях находим, что отмечено о нем так: “Накануне Февральских Нон в Лаубаском монастыре кончина святого епископа Вульгиса”. Легко увидеть и склеп, в котором он лежит похороненный.

8. Настоятеля Теодвина сменил в заботе о вышесказанном месте епископ Теодульф, частью при вышеназванном властителе Пиппине, после сделанном королем, а девять лет при Карле, после императоре; он управлял им не медлительно и прибавлял не средние. Ибо в его время многие имения были собраны для нашей церкви, которые стоило бы описать бы, если бы они не были пожертвованиями, и грамоты завещательные на них (есть), и если бы я сам не стремился бы к краткости. Он умер в год 776 от Воплощения Господня, в день праздника святого Иоанна Крестителя.

9. Его преемником в правлении стал Ансон, муж добрый и святой, только настоятель и не епископ, управлявший этим же монастырем при уже названном императоре Карле 24 года. А этот Ансон, насколько способности и дарования позволили ему, изучал науки. Существует “Книжечка о житии святого Урсмара”, составленная им для предшественника его епископа Теодульфа⁴¹, а равно и другая, “Житие святого Эрмина”, в которых была изложена историческая правда, насколько муж простого красноречия мог описать ее. О смешении же слов не нам судить, потому что им присуща таковая путаница, что неясно, сделал ли он это, чтобы углубиться в известное ему, пусть и менее учено, насколько он был склонен к мирским наукам, или же он по своему желанию ни во что не ставил правила искусства риторики ради превосходства описываемых деяний. Он умер при вышеназванном Карле, в тот же год, когда тот сделался императором.

После него в правление самого императора это же настоятельство захватил каноник Хильдрик, а после него Рамнерик. Затем при том же императоре доходит дело до господина Фольрада⁴², благочестивейшего настоятеля, дяди уже названного Рамнерика. Известны нам только имена, а не деяния наместников; полагаю, из-за малого числа лет их правления или потому, что не запомнилось о них что-либо полезное. Однако деяния рассказывают о том, кто был третьим из них; ибо это был муж большой знатности и родственник королю. Он был внуком дяди императора Карла по отцу, как обнаруживается на стене башни церкви Св. Квентина в Августе Виромандуев⁴³ – ибо он также управлял и этим монастырем, – в высеченных строках такого рода:

Время свершило свой бег: десять люстров и после три года
Правил отчизною Карл, Богом нам данный король.
В срок, отведенный судьбой, он расстался с короной и жизнью,
Но нам оставил взамен, славный Людовик, тебя.
Знатностью равный тебе, начал авва Фольрад благородный
Строить сей Божий чертог, сей величавый собор.
Иероним был отцом, дедом Карл ему приходился,
Тот, что к высотам повел франков свободный народ.
Гибель врагам принося, укреплял он незыблемость мира,
Чтобы наследный престол милому сыну вручить.

10. В эти дни Господь ублажил Свой светильник, который зажег оправданием, ублажив же, свидетельствовал о нем чудесами, не желая, чтобы он скрывался дольше, но коснулся сердца вышеназванного настоятеля Фольрада, чтобы для большего почитания открыть его всем людям, и побудил его к тому, чтобы тот поднял из могилы мощи святого и досточтимого Урсмара, имя которого должно произноситься со всей любовью. Это обретение мощей совершилось с повеления и разрешения того, кто был тогда Камерацеским⁴⁴ епископом, и сделали это клирики того и другого чина при большом стечении народа. И когда мощи были подняты, этот день был проведен как праздничный, и решено было, чтобы и мы, и потомки торжественно праздновали его. Совершилось же это обретение мощей в год Господень 823, не скажу, что от кончины самого святого, но точно 110-ый год от его рождения в жизнь вечную, когда он начал жить в вечности со Христом. С этого времени молва о блаженном и славном муже стала возрастать, и, так как к его мощам стекались толпы больных, там возблестали чудеса различного рода исцелений. Чудеса эти по многому наших предшественников или нерадению, или незнанию до времени считались малоценными, и усердие к наукам было в пренебрежении; мы же ставим на свои места то, что видели или слышали, и делаем это, сохранив порядок. С помощью Божией, перейдем к тому, что нам оставило наше время.

11. Умер вышеназванный настоятель Фольрад через три года после вышеупомянутого обретения мощей (926), оставив после себя настоятелем Эгарда.

В его время совершено было в нашем монастыре первое рукоположение, а совершил его Камераценский предстоятель Теодерик, еще при жизни императора Людовика.

12. И когда Эгард освобожден от земных дел, был призван из Корби⁴⁵ (835) настоятель Харберт, муж добрый и стяжавший многую хвалу, по этой причине возвышенный уже помянутым императором на управление монастырем. Ибо он был усерден в исповедании веры и прилагал старание к тому, чтобы что-либо построить или украсить. Об этом свидетельствует весьма знаменитый колокол, сделанный по его приказанию и дарованный нашей Церкви, на котором есть стихи, сообщающие о настоятеле и создателе и о том, для чего он был сделан, словно колокол сам за себя говорит:

Харберта властью рожден, изготовлен искусством Патерна,
Пусть не питомец я Муз, воспеваю приятную песню.
Бодрствуя ночью и днем, прославляю Христа неустанно.

Этот настоятель попытался также подобающим повелением, прорыв кручи гор, провести из леса акведук для нужд мельниц, но не смог завершить несвоевременный и поздно начатый труд. Ибо монастырь был захвачен исполненным вражды Хукбертом, который ненавистен Богу и святым Его. Когда Хукберт захватил высшее управление делами монастыря, изгнав Харберта, возвратившегося в Корби, он тотчас распределил весь монастырь для военного дела, давая братьям для прокормления маленькие поместья и возвратив их в ничтожное состояние, как угодно было сему новому правителю монастыря.

¹ См. «Ратхер Веронский» в наст. изд.

² *Св. Фолькуин* – епископ Тарвеннский (817–855), дядя Карла Мартелла.

³ Земли бывшей Тарвеннской диоцезы находятся в департаменте Па-де-Кале, Франция.

⁴ Монастырь Сен-Бертен.

⁵ Монастырь Лобб в Эно, Бельгия.

⁶ *Св. Аудомар* (Омер) (ум. в 699) – епископ Тарвеннский. Начинал в монастыре (Луксовиум) Люксей, в 637 г. был назначен королем Дагобертом в область современного Па-де-Кале как епископ-миссионер, основал монастырь Ситиу (ныне Сент-Омер).

⁷ *Св. Бертин* (ум. в 698) – монах Луксовиума, помощник Аудомара. Настоятель Ситиу, который после его смерти стал называться Сен-Бертен, а позже Сент-Омер.

⁸ *Св. Виннок* (ум. в 717) – валлийский монах, на месте подвигов которого в Корнуолле была построена церковь св. Винноу. Позже присоединился к братии монастыря Ситиу во время настоятельства св. Бертина.

⁹ Возможно, Луций Кальпурний Пизон Фруги – автор “Анналов”; согласно Титу Ливию, он был излишне многословен.

¹⁰ То есть Цицерон, прозвище образовано от места рождения Цицерона, г. Арпинум неподалеку от современного г. Чивитавекки.

¹¹ Возможно, имеется в виду Марк Порций Цензорий Катон Старший (234–149 до н.э.) – консервативный римский политический деятель, основоположник латинской прозы.

¹² *Карл Великий* (747–814) – король франков с 768 (в южной части с 771 г.), король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., римский император с 800 г., основатель династии Каролингов.

¹³ Тарвенна, Теруанн, Франция, Па-де-Кале.

- ¹⁴ Замок менапов, Кессель, Нидерланды, Лимбург.
- ¹⁵ Булонь.
- ¹⁶ Возможно, Аррас.
- ¹⁷ *Гуго* (802/806–844) – сын Карла Великого, в 818 г. принял монашество в Шарру (в Центральной Франции), в 822/823 г. стал настоятелем монастыря св. Квентина (в Пикрадии, на севере Франции), с 836 г. настоятель монастыря Сен-Бертен, в 834–840 гг. канцлер Людовика Благочестивого.
- ¹⁸ Эскельбек-на-Изере.
- ¹⁹ 13 ноября.
- ²⁰ *Антенор* – друг и советник троянского царя Приама; по одной из легенд, во главе племени венетов переселился в Италию, что здесь и излагается.
- ²¹ В поздней античности Иллирия включала в себя дунайские провинции: Рецию, Норик, Паннонию, Дакию, Далмацию, Мёзию. Обычно название “Меотида” относится к Азовскому морю, но можно предположить, что в результате переселения народов это географическое название было перенесено на область озера Балатон.
- ²² *Хлодвиг, или Хлодвей I* (466–511) – король салических франков с 481 по 511 г. Он считается основателем династии Меровингов.
- ²³ См. с. 89, примеч. 9, с. 103, примеч. 6.
- ²⁴ Имена “Хлотарь” и “Дагоберт” были часты у королей династии Меровингов; имя “Хлотарь” носили короли в 511–524 гг. (Хлотарь I), в 584–592 гг. (Хлотарь II), в 657–673 гг. (Хлотарь II) и в 717–719 гг. (Хлотарь IV); имя “Дагоберт” встречается в 629–632 гг. (Дагоберт I), в 676–679. (Дагоберт II) и в 711–715 гг. (Дагоберт III).
- ²⁵ Эно.
- ²⁶ Ныне Самбра во Фландрии.
- ²⁷ Говорящее имя “*Morosus*” – своенравный, угрюмый.
- ²⁸ *Св. Аутберт* (Аусберт) (652 – ок. 669/670) – епископ Арраса и Камбрэ (629/639–669/670).
- ²⁹ *Св. Ланделин* (ум. в 686), основатель монастырей Лобб (650) и Криспин (возможно, теперь Креспин в департаменте Норд, Франция).
- ³⁰ *Св. Урсмар* (ум. в 713). См. “Житие св. Урсмара” в наст. изд.
- ³¹ *Св. Эрмин* происходил из франкского рода в окрестностях Лана, умер 25 апреля 737 г.
- ³² *Св. Авель* (ум. 5 августа 751) – известный церковный деятель, миссионер, спутник св. Винфрида-Бонифация. Папа Захария назначил его Реймским архиепископом, но некий Милон узурпировал кафедру, и Авель удалился в монастырь Лобб, настоятелем которого он оставался до самой смерти.
- ³³ *Св. Вульгис* (ум. 4 февраля 760) – настоятель в одном из монастырей Эно, позже епископ Эно.
- ³⁴ *Св. Амульвин* – преемник св. Эрмина (ум. ок. 750).
- ³⁵ *Карломанн* – майордом Австразии, Аламании и Тюрингии (741–751).
- ³⁶ *Хильдерик III* (743–747).
- ³⁷ *Пипин* – майордом Нейстрии, Бургундии и Прованса (741–768), в 768 г. стал королем.
- ³⁸ *Захария* – папа Римский с 741 по 752 г.
- ³⁹ *Св. Винфрид-Бонифаций* (ум. в 754) – просветитель Германии, архиепископ Майнцский.
- ⁴⁰ *Адальберон* (ум. в 989) – архиепископ Реймский, канцлер Лотаря (941–986), короля Западной Франкии из династии Каролингов и его сына Людовика Французского (ок. 967–987). После смерти Людовика Адальберон и Герберт Орильякский выступили в Санли за избрание Гуго Капета.
- ⁴¹ *Теодульф* – поэт, член придворной Академии Карла Великого, с 788 г. епископ Орлеанский, ум. в 821 г.
- ⁴² Брат св. Фолькуина Теруаннского, житие которого см. выше.
- ⁴³ Сен-Квентин, ныне Сен-Кантен, Франция.
- ⁴⁴ То есть епископом Камбрэ.
- ⁴⁵ Корби, основанный в 659/661 гг. королевой Батхильдой, находится в Пикардии (Северная Франция).

Ноткер Льежский

Ноткер происходил из знатной швабской семьи, родственной Саксонской династии. Он получил образование в монастыре Сент-Галлен и был благочинным этого монастыря. В 972 г. он был назначен епископом Льежа, и в течение 36 лет, до самой своей смерти, так хорошо исполнял свои обязанности, что остался в памяти льежцев самым великим епископом города. Он построил новый кафедральный собор – собор св. Ламберта, два монастыря, семь церквей, среди них церковь св. Иоанна по образцу Аахенского собора, городские стены. Особой его заслугой явилось создание и организация Льежской школы, куда стекались учащиеся со всей христианской Европы. Он пригласил в Льеж уроженца Калабрии Льва, тем самым включив в программу школы греческий язык. Среди его учеников были будущие епископы, например Гунтер Зальцбургский, сын герцога Эккехарта Майсенского, Рутгарт и Эрлуин Камбрейские, Хеймон Верденский, Хесселон Тульский, Адальбольд Утрехтский. Таким образом, через учеников Ноткера влияние Льежской школы распространилось не только на северные области Франции, но и на юг. Время правления Ноткера было отмечено таким расцветом науки и искусства в Льеже, что город называли “Северными Афинами”. Ноткер был верным сторонником императоров Оттона III и Генриха II. Он сопровождал Оттона в Италию и привез его тело назад в Германию. Ноткер был известен своим современникам как агиограф. По просьбе общины св. Бавона в Генте Ноткер составил “Житие св. Ландоальда”. Поводом для этого послужило перенесение в 980 г. мощей святого из Винтерсхофена в Гент. Поскольку все древние документы, рассказывавшие о святом, были утеряны, монахи отправили священника по имени Сараберт, чтобы тот лично передал епископу их просьбу, а также вручил в собственные руки записи, в которых сохранилось все, что можно было собрать из воспоминаний о святом Ландоальде. Из-за скудости сведений о святом Ноткеру пришлось создать скорее историческое произведение о событиях начала VII в., о временах Хлотаря I и Дагоберта, о миссионерской деятельности св. Аманды, в которое он искусно вплел то немногое, что было известно о св. Ландоальде, сподвижнике св. Аманды. При этом Ноткер избежал соблазна дополнить сведения о св. Ландоальде, используя “общие места” агиографического канона. После написания “Жития св. Ландоальда” к Ноткеру обратился Веринфрид, настоятель монастыря Стаvlo, с просьбой написать житие св. Ремакля, основателя и первого настоятеля этого монастыря. Задача Ноткера состояла в том, чтобы на основе более древнего жития написать текст, отвечающий требованиям X в. Текст этого жития свидетельствует об образованности Ноткера. Помимо Свящ. Писания и Отцов Церкви он приводит цитаты из Горация (из Посланий, а также из редко цитируемых Од), из Вергилия, Теренция и крайне редко цитируемого Тибулла. Из прозаиков он цитирует Цицерона (особенно “Тускуланские беседы”) и Саллюстия. Речи, с которыми св. Ремакль обращается к своим ученикам, составлены по образцу тех, которые можно найти у Саллюстия.

Перевод сделан по изд.: PL. V. 139. Scol. 1147–1168.

Житие св. Ремакля

Посвятительное послание Ноткера, епископа Льежского, к аббату Веринфриду.

Ноткер, которого, хотя и недостойного, называют однако, епископом владений Святой Марии и Святого Ламберта, Веринфриду, досточтимому отцу и во храме сослужителю, желает помощи вечного спасения.

Как говорит величайший из ораторов, “древность, которая ближе нас была к истоку и божественному нашему происхождению, ...оттого, быть может, лучше могла распознать и самую истину”¹. Истинно знаем, как рассказал ангел Даниилу, что прейдут многие, и многообразно будет знание [ср. Дан 12:4]; в древности особенно процветало размышление, исследовавшее истину и прозиравшее будущее; в наши же времена надежность веры становится как можно более сильной, основываясь на весьма многом знании прошлого. Древним знание всех вещей подала долговременность жизни, приводя их к нечувствительности старости; нас, напротив, горячая кровь и незнание вещей приводят в движение. О если бы воспоминание о мыслях древних мужей не отлетело от нас по причине краткости жизни, ее тревог и забот! Жили многие сильные мужи и до Агамемнона², но все, неоплаканные и неизвестные томятся в долгой ночи забвения, ибо не имеют вдохновенного Богом певца. Верю, что ты обдумываешь это, о почтеннейший из отцов, так как необходимо, что чем люди моложе, тем они проникательнее. Ты показал мне книжечку о жизни сколь вашего, столь и нашего особого покровителя, а именно, господина Ремакля, сетуя, однако, что из-за небрежения Ваших предшественников она появилась на свет короче, чем того требует дело, рассказывая о величии его деяний. И равно мне кажется, что ты, не скажу, настоятельно просишь, но скорее увещаешь, чтобы я приказал ее не только скопировать, но отделать гораздо более изящно, или потому что имеется множество деяний его, собранных в другом месте, или потому что Ваш хартуларий³ знает обстоятельства, несходство которых ныне весьма нужно разобрать. Но на твою просьбу, в то время как общеизвестно, что ты с твоими учениками являешься предстоятелем всех благородных искусств, приходит на ум Пиерийское⁴: “В рошу дров наносить!” и к морю: “Что посылаешь воды в реки?”. Нерешительная душа, колеблясь между этими двумя мыслями, начинает замолкать, когда, вот, неожиданно пробудилась память, и силы, от которых решительно отказывается неопытность, подает любовь, и она же устраивает прочее дело так, как это необходимо Безначальному. Итак, я приступил к делу, и – воспользуюсь словами некоего мудреца – “все, что мне нужно, себе из запаса я мало-го буду брать”⁵; я не счел, что есть нечто важнее твоего увещания, которое соединено и с честью нынешнего замысла, и пользой будущего времени, и если бы не казалось, что я обращаю в бегство суждение (бывших до меня), я бы с радостью согласился на такое служение. Дерзающему иметь суждение, оно дается, когда он верит, что может быть дано то, о чем знать есть слава,

равная славе правящего государя. Уже давно делали то же самое мужи почтенного возраста, авва Хильдуин⁶ в “Страдании св. Дионисия”, архиепископ Хинкмар⁷ в “Житии св. Ремигия” и другие весьма многие, составлявшие жития немалого числа святых. При том что эти писатели лучшие, мы можем держать в руках то, что во всех обстоятельствах и обыкновенно, и должно иметь наибольшее значение. Ибо, никто из них не был столь полезен для жизни, в конце концов, без того, чтобы дело, возраст, опыт не приносили чего-нибудь нового. И чтобы этот труд, предпринятый по твоему увещанию, не совершился бесплодно, не только времена и деяния того, кого вспоминаем, а именно, святого Ремакля, а еще и прочих предстоятелей нашей кафедры, которые повсюду можно было бы найти, я собрал вплоть до наших времен и затем, по твоей воле, развернул в состоящее из выписок житие святого, которое ты весьма желал получить. Я почитал, что, конечно, я далеко отстою образом мыслей от превосходства первого оратора, который мог протянуть малое во многое, или уменьшить великое, сделать величайшего из наименьшего, изложить долгое сжато, сжатое пространно, народное пристойным образом, пристойное умозрительно, новое обыкновенным образом, обыкновенное, словно новое, и коснуться многих вещей такого рода. Ему и поэт предписал: “Следуй преданию, поэт, а в выдумках будь согласован!”⁸. Как школяры, когда перед ними поставлена тема, выбирают, какими словами мог воспользоваться тот, кто потерпел обиду, или тот, кто нанес ее, и мы представили нечто достойное, мало того, несомненное. Ибо даже если я потщился бы последовать некому весьма красноречивому мужу, говорящему: “Даже если это, говорит, ни тот, ни другой не сказал, однако имел желание и явил в деянии”, я, во всяком случае, не убоился бы ничьего суждения, однако об этом в другом месте. Я говорю, послал я Любви Твоей подарок, который принят менее по уверенности влияния, более же по причине дерзновенной дружбы. И действительно, размышление о дружбе в труднейшем ходе труда придает великие силы, и многое изобилие вещей часто позволяет угодить желающим знания. Потому хотя я и тревожусь, как бы моя вина и недостатки не превратились в обиду для увещающего, ибо я не могу соответствовать служению, которое мне приказали исполнить, однако, когда вижу твою благожелательность, становится все незатруднительным и легким, и (я сказал бы так) по собственной моей воле делается то, что предлагается как предписание твоей Любезности. А так как это служение исполнено, желаю, чтобы и ты подъял некий труд; если какое из твоих сочинений я когда-нибудь настоятельно попрошу, будешь несправедлив ко мне, если откажешь. Кто бы ни сделал великое, желал, чтобы ему великое возвратилось. Но не дерзко желать великого, ибо ничто не равно твоим заслугам и моим обещаниям. Потому я боюсь укусов бранчивой зависти, ибо злобная зависть имеет обыкновение приносить человеку ущерб из-за трудного дела. Наконец, не все одно и то же любят и ему удивляются. Следовательно, пусть при этом кто-либо не умалит мои ответы косым взглядом, не отравит мрачной ненавистью и язвительной насмешкой. Но ты,

блаженнейший отче, ревнитель моего труда и своего увещания, позаботься, чтобы исполненное служение оградило меня от опасности, ибо более достойно отнести причину стыда твоего друга к тебе, если труд его вызовет неудовольствие. Будь здоров.

Всем, что ни сказка сказать, ни перо описать не сумеет,
Радостно в мире владей. Восприимчивый слух услаждает
Милое имя твое. Добродетель нашла тебе друга.

Предисловие автора

Всемогущий Господь, милость Которого изобильна, природа Которого благодать, воля Которого власть, деяние Которого милосердие, с великим терпением потерпел сосуды гнева, годные к гибели; но так как Он не нашел никого свободным от вины первого грехопадения, Он пришел, чтобы освободить всех, выплатил вперед богатство благодати и долготерпения, действительно проявил всемогущество воли на неблагодарных и недостойных внимания Его благодати, когда весьма Он прежде милостиво позаботился о том, чтобы могло быть восстановлено дело спасительного милосердия. Господь отнял у мужа сильного и вооруженного его оружие, на которое тот надеялся, раздал сосуды, которыми тот владел, чтобы, если прежде из-за грехов они были сосуды гнева, так чрез Его благодать они сделались бы сосуды милосердия. Ибо как не должно верить, что кто-нибудь может достигнуть спасения, если Бог не побуждает его к этому, так некому человеку, побужденному к спасению, невозможно трудиться над своим спасением, если Бог ему не помогает; никто не может погибнуть по воле Божией, но лишь по попущению, по выбору свободной воли; если бы воля в дарованиях и звание свободного человека не были однажды определены человеку, он был бы низведен к некой рабской необходимости. Следовательно, по милосердию Божию, мы имеем таковое начало нашего спасения. А нашей свободной воле присуще, чтобы мы соглашались со спасительным вдохновением. Далее, Божественному дару присуще, чтобы мы достигли того, к чему стремимся, соглашаясь с Божественным увещанием; нашей власти и малодушию свойственно, чтобы мы заблуждались. К нашей заботе отчасти, но к небесной помощи всячески относится, чтобы мы не заблуждались, получив дар Спасения. И твердо уповая на эту надежду, мы точно знаем, что мы на деле блаженны. Хотя мы и не видели, что Христос совершает таковое, живя во плоти, но, слыша об этом непрерывно, не усомнились уверовать. Еще многие делали дела, которые Он делал, и, по Его обетованию, и бóльшие дела также делали [Ин 14:2]. Не только соседи признают это, но еще и те проповедуют, которые живут далее савроматов, и доходят до Ледовитого моря, и населяют острова Блаженных. Мы подчинились такому благу с радостью, и нам доставляет удовольствие служить Таковому Господу, Который есть не только Покровитель и Помощник получающих пользу, но еще и заботится о лекарствах против заблуждений; ибо Он дарует нам поддержку ангелов и предоставляет покровительство

святых, которых мы не усомнимся умолять как ходатаев за наши прегрешения. Хотя Господь и даровал святых в разных местах различным провинциям для того, чтобы их почитали по отдельности у отдельных народов и всех вместе; однако же Он предназначил неких святых для некоторых отдельных мест с тем, чтобы их особенно любили и молились к ним с большей охотой. Из них к нам Господь призвал блаженного Ремакля, чтобы мы весьма много уповали на его помощь. Итак, приступим, по мере сил, рассказывать о его житии и деяниях.

Начинается житие

1. Королевство франков, всегда непобедимое от самого своего основания, очевидно, прославилось более прочих соседних королевств в особенности тогда, когда склонилось под иго Господней веры и сожгло то, чему прежде поклонялось, и поклонилось тому, что сжигало. Оно весьма увеличилось, и в это время положение Церкви Божией укрепилось, когда король Хлотарь⁹, четвертый по закону преемственности, сделался единовластным правителем трех королевств, и его владычество завершило сороковой год. В этот же год Ираклий¹⁰, снова отвоевавший Св. Крест, насчитывал четырнадцатый год своей власти. Этот Хлотарь не терпел, чтобы кто-либо из соседних королей входил с оружием в области подвластные ему, но постарался сдерживать браздами своего правления всех королей и все народы Испании, Галлии и Германии. Далее он поставил во главе австразийцев своего славного сына Дагоберта¹¹, и пожелал, чтобы ему были подчинены еще и германские земли. В их блаженнейшие времена христианская вера до того возросла, что в пределах их королевства не было почти ни одной церкви или можно было редко найти таковую, которая не прославилась бы покровительством какого-нибудь святого этих времен. И, так как мы умолчим о бесчисленных святых, назовем нескольких: святые мужи Элигий¹² и Аудуин¹³ несли службу во дворце; блаженный Арнульф и Ремарик¹⁴ призывались на королевские советы, святой Аманд¹⁵, блаженнейший Ремакль¹⁶ и святой Гоар¹⁷ своим рождением возвеличили Аквитанию. Некие считают, что эта Аквитания составляет почти третью часть Галлии. Она получила такое имя от извилистых вод Лигера, который по большей части ее омывает и почти обходит по кругу. С северо-запада эту область омывает океан, который называется Аквитанским заливом; с запада она граничит с Испанией, с севера и востока с Лугдунской провинцией, с юго-востока и юга – с Нарбонской. Область эта богата ручьями и реками, полными рыбы, ее почва весьма плодородна, пастбища для скота тучны, виноградники ее приятны, как нектар, обширные леса, знаменитые множеством плодов, золото, серебро и другие металлы находятся здесь в изобилии. Аквитания богата множеством доходов, но более других провинций предана роскоши и всем наслаждениям. Наконец, этот край славится сильными, воинственными и свирепыми мужами. Кроме замков и укрепленных мест, есть в Аквитании четырнадцать превеликих городов, и они

Дитрих Голландский и его жена Хильдегард поклоняются св. Адальберту.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study. Part 2. L., 1999. P. 61

многочисленны и весьма знамениты; среди них два главных города – Бурдигальский¹⁸, знаменитый всегда великими мужами; другой Битуригский¹⁹, архиепископом которого был тогда святой Австрегизил²⁰, а блаженный Сульпиций²¹ – архидиаконом и преемником Австрегизила на епископской кафедре.

В Битуригской-то диоцезе и был рожден тогда на этот свет от отца Альбуция и матери Матринии Ремакль; по своему положению в миру они оба выделялись и именем, и знатностью рода. Об этом свидетельствуют его обширные владения, переданные как нашей Церкви, так и Вашему монастырю или им самим, или его родителями, или еще Королевским Величеством; каким образом это делалось, можно узнать из посланий, которые еще и теперь сохраняются в архивах обеих Церквей.

2. А обучен был отрок добрых дарований Ремакль у блаженного Сульпиция, в честь которого, как известно, этим святым мужем освящены весьма многие церкви в нашей диоцезе. Когда же отрок подрос, и, смотря по тому, что требовал возраст, принес плод всяческой непорочности и честности, он был поручен блаженному Элигию, мужу среди людей его возраста, бесспорно, первому по заслугам. А Элигий в Соллемниакском монастыре²², который он сам возвел в своем имении, тщательно научил Ремакля священным установлениям монашеского образа жизни. Благочестивый юноша до такой степени повиновался его увещаниям, что он собою подавал примеры благочестивой жизни всем, служащим Христу в том монастыре, ибо в нем изобиловала Божественная благодать. Был он в бдениях усерден, в молитвах бодрствовал всю ночь, замечателен в воздержании, весьма славен всей непорочностью обычаев. Блаженный Элигий, которому отрок был передан родителями, видя это и радуясь его духовному преуспеянию с неким ликованием, переложил на Ремакля заботу о врученном ему стаде, поручая ему свои череды и назначая его взамен себя. Ибо Элигий был принуждаем возвратиться во дворец короля и усердно служить ему. А после повсюду распространился слух о святости жизни Ремакля и достиг слуха еще самих знатнейших придворных мужей. Промысел Божий сделал так, что светильник, возожженный огнем Божественной благодати, не мог утаиться под спудом своего собственного рассуждения; но он был поставлен на свещник, чтобы люди, не имеющие света, в доказательство веры, от него принимали свет. Во дворце короля стало известно, что таковым мужам не должно избегать присутствия в королевском дворце, чтобы дела королевства устраивались благодаря осмотрительности тех, чьи столь славные знаки заслуг были всем видимы. Итак, Ремакля призывают ко двору, как подобает, и вводят в королевский дворец, и, как после явил исход дела, он стал для всех великим утешением.

3. В почти это же время блаженный Иоанн, управляющий Тунгренской, или Трайектанской²³ Церковью, блаженно совлекся смертной плоти. Далее славный король Дагоберт, который наследовал в единовластии отцу Хлотарю, призвал к себе блаженного Аманда, который, как тогда было в обычае, был сделан епископом, чтобы проповедовать веру Христову. Некогда Дагоберт изгнал его, нанеся обиду блаженному епископу, ибо святой Аманд упрекал его по причине каких-то злодеяний. Ныне же король всеми силами старался привязать к себе мужа Божия чрез крещение сына своего Сигиберта и поместить его на Трайектанскую кафедру. И этот-то святой муж, за три года

объехавший замки и селения, сеял везде Слово Жизни; но видя, что ему ничего не удалось, более того, замечая еще, что сами священники и диаконы насмеяются над ним, по предписанию Господню, отряхнул по отношению к ним прах от ног своих и отправился проповедовать в другие места, как делал и прежде. Точно неизвестно тогда, сколько времени трайектанский народ оставался без пастыря, пока отец не сделал Сигиберта²⁴ королем Австразии и не пожелал учредить епископскую кафедру в городе Медиоматрике²⁵. Трайектанцы же все вместе чрез посольство избранных священников и великого множества вождей по требованию всех сословий предложили ему просьбу такого рода, что он не должен им поставить епископом никого, кроме блаженного Ремакля; ибо он любезен и Богу, и людям, среди своих ровесников первый по святости, приятен ангельским духам и должен быть принят и почтен всеми смертными. Они вспомнили, что они испытали от святого Ремакля много благодеяний и что им весьма часто помогала его помощь у короля и знатных людей. И им также было известно благоразумие того, кто нередко призывался в королевский совет. Блаженный Ремакль достаточно знал Писание, откуда он мог приводить примеры как из Ветхого, так и из Нового Завета. Наконец, у него не отсутствовало никакое из тех качеств, которые, по желанию Апостола, должны быть присущи епископу. Король, ласково и с благорасположением духа внимая этим речам и соглашаясь с их усердием, постановил предоставить им то, что они попросили. Он призвал к себе блаженного Ремакля и повел с ним речь об этом деле. Едва ли можно описать, какой приятностью речи он воспользовался, чтобы убедить его, и как ему всячески противился святой муж. Но король, полагаясь на совет священнослужителей и знати, не отступил от своего намерения. Наконец, святой муж, боясь, что он сопротивляется Божией воле, против своего желания все-таки согласился и был поставлен двадцать седьмым предстоятелем Тунгренской, или Траектанской, Церкви, чтобы наделить многих семенами Божественного Слова, которые до той поры он скрывал у себя.

4. Мы не можем изъяснить, с каким благочестием, с какой непорочностью было исполнено это служение, когда тотчас в самом начале его епископского назначения Христос щедро даровал ему такую благодать слова, что все с великой преданностью показали себя в послушании, и не было никого, кто любил бы его не от всего сердца, но всякий стремился по своим силам приноровить себя к его учению. В его обычаях не было никакой высокомерности, но всего его подчинило себе святое смирение. Гордые почитали его, как старца; смиренные любили, как брата. Ко всем он обращался с благоволением и духовной любовью. На земле проживая телом, внешностью и обычаями он показывал себя небесным. Он был обликом ангельский, походкой степенный, деянием благочестивый, целомудренный телом, весьма пронизательный духом, в деле осмотрительный, дарованиями выдающийся, великий советом, кафолический верой, весьма терпелив в уповании, имеющий ко всем любовь. Каковы были его заслуги у Господа, свидетельствуют его дела. Ему

Дитрих Голландский и его жена
приносят в дар церкви богослужбную книгу.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
Part 2. L., 1999. P. 61-a

была присуща удивительная приятность и обходительность обычаев, и среди богатых и бедных он умел вести себя с умеренностью, чтобы бедные полагали его человеком их положения, а богатые – своего сословия. Он оценивал не личности могущественных людей, но пристойность обычаев, ко всякому относясь с настолько большей благосклонностью и почтением, насколько он знал, что тот живет благочестиво. Чему он учил устами и прибавлял словами, никогда не опровергал деянием или голосом; но действием являл то, чему следовало учиться голосом. Что ему сообщила Божественная благодать, то он передавал потомкам. Потому последовало, что не только его деяния нам и сегодня приносят пользу, но еще и деяния его учеников; он надлежащим образом обучил тех, чьи деяние и труд нам служат примером и побуждают нас к подражанию.

5. Он был управителем многих киновий, в которых вплоть до сего дня возрастают полки служащих Христу. Он был отец и наставник многим ученикам. Как Он приобрел их души Христу, так и они сами, и их преемники, привели ко Христу души многих; его заслуги в них находятся в изобилии. В числе учеников блаженного Ремакля был блаженный Теодард²⁶, им, без сомнения, обученный церковным наукам, именно его святой Ремакль назначил своим преемником; муж сей в конце концов ушел из жизни как мученик. Таков же был и святой Ламберт²⁷, который также в свое время показал себя необыкновенным мучеником. Таков был и блаженный Аделин²⁸, рожденный в Аквитании, и, как рассказывают, его спутник в странствиях; ему, некогда в месте тайном, занимающемся достойными Бога занятиями и трудами, св. Ремакль явился в видении, лицом привлекательный, сединою почтенный, остальным обликом весьма превосходный и указал место будущего жития и вечного упокоения и источник, пригодный для человеческих нужд. Каковое деяние и сегодня для всех не тайна, ибо он упокоился плотью в том же месте, и, присутствуя духом, не престаёт ежедневно подавать там бесчисленные благодеяния верующим.

6. Далее, в избрании святого Трудона²⁹ легко можно заметить, что святой муж ревностно заботился о делах и охранении Господня стада, что у него был пророческий дух, что, наконец, в нем, великой любовью пылавшем ко Христу угасли все страсти. Он, по обычаю с пастырской предусмотрительностью посещая свою диоцезу, исторгал, кого мог, из пасти волков и стремился принести прибыль Вышнему Пастырю. Добрым людям он помогал сделаться лучше; праздных же и бездеятельных он увещал, чтобы возвратились к благоразумию. Тем временем св. Трудон еще отроком принес первые плоды добродетели. И он был замечен великим происхождением из знатного рода, однако ему был более присущ больший пыл Божественной любви и усердия к добродетелям. Блаженный отрок связал себя таковым обетом: если с помощью Христовой он выучит Святые Писания, то построит в своем поместье церковь, будет там непрестанно служить Господу, и соберет, кого сможет, к себе для почитания и служения Богу. И когда святой Трудон

воспылал этим желанием, он был поражен ночным видением, и ангельское утешение подкрепило его таким образом: “Знаешь, брат, – говорит ангел, – что те обеты, которые ты торжественно произнес Христу еще отроком, Ему приятны, и твои молитвы вознесены к Нему; не сомневайся, что в том, в чем, упреждая, Он тебе благоприятствовал, он тебя еще будет сопровождать Своей помощью и приведет в исполнение твое желание. Он, говорю, премудростью Своей напичкает твое сердце, и обучит предписаниям Своим, и Закон этот напишет в груди твоей. Далее же еще будешь возвышен к обязанностям Церковного достоинства, и словами и примером призовешь ко Христу и Церкви Его многих сынов твоих. И, чтобы ты более верно совершал церковное служение, пойдя к блаженному Ремаклю, который пребывает недалеко отсюда. Бог откроет ему, что тебе должно делать. Он направит шаги твои туда, куда ты столь стремишься”.

7. Блаженный Трудон, ни в чем не колеблясь относительно ангельского видения, поднялся поскорее и устремился туда, куда ему было приказано идти. Святой Ремакль был тогда занят, пася своих овец и заботясь о них; и когда блаженный Трудон подошел ближе, святой муж, наученный божественным откровением говорит: “Поднимайтесь поспешно, и выйдите навстречу мужу Божию, который идет нас посетить; примите его с уважением и приведите ко мне с почестями. Вот, он близко, быстрее бегите ему навстречу”. Они сделали, как им было приказано, и привели святого Трудона к блаженному Ремаклю, оставшемуся дома со своими учениками. Видя юношу, благочестивый отец поднялся, и, плача от радости, устремился к нему с поцелуями; удержал его, желающего броситься к его ногам, тотчас поднял и, от глубины сердца вознося благодарение Богу, сказал: “Да будет Тебе, Добрый Иисусе, Посетитель душ чрез посредство Святого Духа с Превечным Отцом, слава, хвала и ликование, Тебе, Который пожелал нас в этот день утешить приходом этого раба Твоего, в котором Ты обитаешь”. И добавил: “И ты, сын мой, будь благословен Господом, Который изволил послать тебя к нам и указать нам желание твоей души тайным вдохновением. Знай, следовательно, что далее ты мне будешь сыном по закону любви, и я буду всегда оказывать тебе служение духовного отца. Ибо мне, рабу Своему, открыл Господь, что тебе должно сделать для спасения твоей души; и от меня ты научишься, как сделаться исполнителем своего обета. Я узнал, ибо Господь научил меня, что в отрочестве ты дал обет, если тебе случится когда-либо получить знание священных Писаний, то ты построишь церковь в своем имении и там будешь служить Господу до конца своих дней. Узнай же, что ты исполнишь это таким порядком. Ты предложишь свои владения святому первомученику Стефану около Града Метенского³⁰ и от насельников места сего научишься Божественным Писаниям. Когда ты достигнешь этого, ты вернешься ко мне и построишь церковь, в каком хочешь месте, как ты пообещал”.

8. Затем, когда Трудон обратился к св. Ремаклю со слезными просьбами, тот дал юноше письма от себя к епископу Метенского града, который воспи-

тал и обучил его, как свыше ему самому было открыто. Во главе Метенской Церкви стоял тогда Клодульф, по плоти сын блаженного Арнульфа и по заслугам добродетелей достойнейший преемник его на епископской кафедре. Клодульф с великим человеколюбием принял блаженного Трудона, не только ради него самого, но еще и ради славного ручательства святого Ремакля, и когда причины его прихода стали известны, позаботился обучить его Священному Писанию и Божественному закону и принял владения, которые тот предложил святому Стефану. Он хорошо обходился с Трудонем, проведенным там много лет, и, усердно обученного и посвященного в священнический сан, отослал его святому отцу Ремаклю. Когда муж Божий, осведомившись у Трудона, что даровал ему Господь и был ли благоприятен путь в Мец и обратно, убедился в том, что Трудон хорошо обучен Священному Писанию, он вознес Богу великое благодарение, говоря так: “Хвала Тебе, Отче, Господи неба и земли, что Ты изволил исполнить то, что мне открыл о Своем рабе, и призвал его, неврежденного, ко мне, научив и украсив знанием Твоих предписаний и Твоего закона”. Святой Ремакль разрешил блаженному Трудону проповедовать Слово Божие в своей диоцезе, служить миссы, в каких хочет церквях, наконец, выстроить в собственном имении церковь, как тот обещал. Блаженный Трудон некоторое время оставался у св. Ремакля, живя весьма свято, и, наконец, получив епископское благословение, вновь посетил родную землю и исполнил на деле то, что уже давно замыслил в душе, выстроив церковь в своем поместье, где собрал многих, чтобы они служили Богу. Наконец он попросил Блаженного Ремакля освятить этот храм и добился желаемого. В этом храме он был погребен после многообразных трудов сей жизни. Там совершаются премногие чудеса, и вплоть до сего дня монахам там предоставляются удобные жилища.

9. Хочется немного поразмышлять о том, как в блаженном Ремакле, о чем мы уже сказали, утратил силу огонь всех страстей, как он превзошел заслугами всех священнослужителей нашего времени, сравнением с собой ввел в ущерб всех епископов нашего времени. Если бы им было предложено то положение, которое занимал блаженнейший муж, без сомнения, они будут поступать не так, то есть они не только не будут побуждать благочестивых мужей, чтобы они даровали имения свои не их церкви, но другой; но даже если кто, вдобавок, пожелал бы это сделать, они скорее будут отговаривать такого человека и убеждать его, чтобы им не без ущерба для других щедро пожертвовали то, что я назвал бы их утешением. Насколько более должно осуждать нас, настолько больше должно превознести большей хвалой и проповедью заслуги блаженного Ремакля, открыто отвергающего это. И мы пожелали гораздо более пространно вспомнить то же о св. Трудоне, чтобы еще мы показали, что Блаженный Ремакль был наделен и даром пророчества. Ибо когда вначале Трудон ушел от него, чтобы направиться в Метену, слугам блаженного Ремакля, презирающим такого гостя из-за его бедного платья, было неприятно, что епископ принимает у себя столь плохо одетого человека.

Узнав об этом из божественного откровения, Ремакль весьма сурово выбрал их, но, когда они раскаялись в том, что они сделали, он снова стал к ним милостив, увещая их, чтобы они были осторожнее в дальнейшем. Но об этом в другом месте.

10. У кого достанет силы рассказать, как же после этого свято и благочестиво жил Ремакль? Кто выразит в словах его заботу о вверенном ему стаде? Он увещал всех отказаться от соблазнов лъстивого мира, стремиться к братской любви и согласию, беспрепятственной стопой ходить по пути Божиих заповедей, презреть мир и его страсти, и высыхающий цвет, подобный сухой кратко живущей траве, попруть ревностным духом, умом и деянием добиваться и искать небесного. Деятельно занимаясь этим, святой Ремакль воспылал большим желанием беспрепятственно посвятить себя Богу, чтобы вкусить, сколь сладостен Господь. Он желал, чтобы ему был явлен способ, которым он бы легче этого достиг. В это время король Сигиберт, движимый великим благочестием духа, построил жилища, переданные в собственность богопочитанию, в местах, где их еще не было. Построенные или им, или королями прежних времен монастыри он поддерживал благосклонной щедростью и имением. Блаженный Ремакль и прочие священнослужители неутомимо заботились, чтобы почитание, долженствующее Богу, не находилось там в пренебрежении.

11. В том месте, которое называют Коэсеконгидун, у реки Сесмар, тот же король Сигиберт, по совету знатнейших мужей, построил киновию в честь апостолов Петра и Павла и Иоанна, так как это место показалось пригодным для пребывания и уставной жизни монахов. По своей щедрости он обогатил новый монастырь, привел туда славных рабов Божиих и пожелал, чтобы их попечителем, а также наставником и учителем стал блаженный Ремакль, чтобы от него они научились подобающим образом жить по преданию святых отцов. И сегодня существует место молитвы, высеченное его трудом в скале, в котором еще и теперь недомогающим подаются благодеяния исцелений. Ибо там благочестивый муж довольно долго приносил себя в жертву Богу, изнуря себя постами и бдениями; более тесно соединенный со Христом, он предавался Божественному созерцанию и орошал дождями спасительно учения сердца подданных. После он стал в своем месте испытывать тяготу, неясно, по какой причине, разве только потому, что о нем разнеслась молва; монастырь этот испытал много тягот от могущественных людей, которые проживали вокруг; и так как король не имел земель поблизости, за счет которых этот монастырь мог увеличиться, блаженный муж, говорят, обратился к королю и сказал ему: “Я посчитал нужным напомнить Твоему Величеству, славный властитель, что в то время как твоя великая щедрость посвятила в разных местах монастыри почитанию Бога и его святых, одна лишь Ардвенна³¹, расположенная в крутых горах, до сих пор не получила никакой киновии. Пусть Твоя Светлость прикажет построить там еще какие-нибудь обители: пусть, по благоволению Божию, явится желающему эта возможность, и

наша епископская кафедра там поблизости. И нетрудно будет увеличить новую обитель и снабдить ее необходимым имуществом, ибо не подлежит сомнению, что все места, лежащие там по соседству, подчиняются твоей власти”. На это король ответил так: “Твой долг, отче блаженнейший, в том, чтобы дать нам совет в таком деле; а наше дело будет приложить согласие к твоему совету и своевременно его исполнить. Ты, следовательно, возьми на себя заботу об этом, прилежно займись этими трудами; мы не откажем тебе ни в удобных местах, которые ты избереешь, ни в расходах”. Затем король созвал верных мужей – святого епископа Куниберта, Атетлана, Теодефрида и Гислохарда епископов; знатнейших мужей также своих майордома Гримоальда, Фолькоульда, Бобона; и также слуг своих Клодульфа, Ансигисила и Берселона и сказал им: “По воле Божией и вашему и прочих нам верных согласию, мы решили построить два монастыря в пределах Ардвенны. Пусть в них живут благочестивые мужи, возделыватели монашеской жизни. Пусть они молятся Всемогущему Богу о сохранении целостности нашей и наших преемников и о неизменном спокойствии всего королевства, равно и о тех, кто назначен заботиться о королевстве. А епископа Ремакля мы желаем поставить управителем и наставником в этих трудах”.

12. Подкрепленный королевской поддержкой и необходимыми вещами для спутников, святой епископ устремился в Ардвеннский лес, непроходимый по причине болот и гор. Он пришел к речке Вуархинне и обнаружил там верные признаки того, что некогда эти места были посвящены идолослужению. Там были камни Дианы, надписанные такого рода необыкновенными именами, или имеющие ее изображения, а также источники, пригодные, однако, для использования человеком, но оскверненные заблуждениями язычества и по этой причине еще и теперь подвластные нападениям демонов. Употребив заклинательную молитву при посредстве Христова имени и изобразив знак Святого Креста, святой Ремакль оберег и очистил это место от демонских нападений, и тотчас же течение воды, ускользая по каплям, прекратилось. Видя, что это место предоставляется удобным для обитания по причине богатых рыбой потоков и изобильнейших пастбищ, святой муж долго молился над источником, благословил его и высек на камне знак Креста, вливая свинец в углубления. И, вот, внезапно обильнейшие воды устремились вовне. Они и до сего дня придают достоверность нашим речениям, служа доказательством для тех, кто их видит. И так как муж Божий освободил это место от нападения нечистых духов, то он пожелал назвать его Малмундарий, как бы “очищенный от зла”. Он выстроил там же церковь, а равно и жилища, чтобы ими пользовались рабы Божии, и щедро наделил их всем, что необходимо для служения Богу.

13. Но так как этот монастырь был расположен в приходе Агриппины³², киновия получила для строительства то, что содержалось в пределах этой диоцезы. Выйдя оттуда, примерно на две римские мили к западу, святой Ремакль перешел речку Каллу, которая была границей между двумя прихо-

дами и остановился у реки Амблавы³³ по соседству с некой горой. И, оставаясь там некоторое время, он показал многие примеры святого жития, как могут узнать те, кто желает, от рассказывающих об этом жителей. Хотя место это и имеет много источников, но поскольку оно было тесное, не доставало пространства для необходимых монастырских служб, потому муж Божий направил стопы свои к востоку, и, пройдя короткое время, увидел место более обширное и более приспособленное для будущих трудов. Там он начал трудиться с большим вниманием, и, как обыкновенно бывает в таковых обстоятельствах, последовало явление Божественной Силы, по действию Которой за желанием последовало его исполнение. Далее, поскольку звери стекались туда отовсюду или в убежище, или ради питья, или еды, издревле это место называлось Стабулаус³⁴. Святой муж решил не изменять это имя, но пожелал, чтобы место это и называлось, и было убежищем верных душ, которые поспешат туда в будущем, словно на пастбища вечной жизни. Рычание зверей, сбегавшихся туда стаями, часто наводило немалый ужас на братьев, которых муж Господень в то время собрал в этом месте для служения Богу; так что прибегали с неким страхом к блаженному Ремаклю, предававшемуся труду, и спрашивали, какую помощь должно им получить против этих диавольских уловок. Доброжелательно глядя на них и укрепляя их, святой муж сказал: “Веруйте в Господа, сыночки, как следует, и нерушимо следуйте Его предписаниям. Храните ум свободным от бессмысленных помыслов; оказывайте непорочное служение Господу, очищая ваши души; непрерывно молитесь, вечером, утром и в полдень пойте псалмы, весьма часто занимайтесь чтением; на челе утверждайте знамение Креста, силу Его запечатлейте на своих душах; и тотчас уловки и козни отвратительного врага обратятся в ничто, и ужас перед всеми зверями, посредством которых он, как ему кажется, нашел возможность напасть на вас, исчезнет. Ибо таким образом еще до нас он нападал на насельников пустынь Египта, Фиванды и Нитрии³⁵. О, если бы мы могли быть признаны хоть как-нибудь их последователями! Дьявол имеет тысячи способов причинять вред, и у него наготове бесчисленные пути, ведущие в заблуждение. Но мы знаем хитрости и обманы того, который некогда на нас напал посредством мух. Мы же, рабы Христовы, чем чаще угнетаемся его нападениями, тем больше возвышаемся, крепко ему сопротивляясь. Умудренный опытом сатана весьма страшится основ правильной жизни, к которым обращаются христиане: бдений, молитв, постов, кротости, терпения, добровольной нищеты, презрения к пустой славе, смирения, милосердия и, в особенности чистой любви ко Христу. По каковой причине, как лев в пещере, он злоумышляет, чтобы скрытым образом удерживать вас страхом от вашего намерения”. Такими и такого рода другими словами святой Ремакль склонил их души к более преданному почитанию Бога и укрепил против всех соблазнов.

14. Позже, когда учреждение монастыря было приведено в исполнение, блаженный Ремакль изложил братьям, что им следует делать, и так приняв

к себе Тунгров, или область Трайектанскую, посвятил свой дух заботам пастырского служения. Немного позже король узнал, что эти монастыри построены, и вознес Всемогущему Богу великую благодарность. Так как недавно построенные Церкви требовали епископского благословения, король пожелал, призвав блаженного Ремакля, чтобы он торжественно освятил как ту, которая была в Колонской диоцезе, с согласия досточтимого епископа Куниберта, так и эту, которая находится в нашей диоцезе, так чтобы они получили предстоятельское благословение того мужа, чьим трудом и замечательным старанием они были построены. Святой муж не замедлил исполнить сие; действительно, он и королю, и знатым мужам до того был любезен и пользовался у них столь доброй славой, что никакое значительное дело не совершалось без его совета. И по этой причине, когда было совершено торжество миссы, майордом Гримоальд передал оба монастыря для управления его умению и усердию, сказав ему вместе с тем, что если будет что-то, необходимое для монахов, король снабдит его этим, ибо королевское повеление о монастырях было несомненно. Так святой предстоятель с согласия Божия получил возможность искать более уединенной жизни и стремиться к пустынножителству, как он всегда желал; и он, хотя с величайшей трудностью, упрямил в конце концов короля, чтобы ему был дан другой преемник, сам же он мог бы уйти в пустыню, чего он долго и сильно желал. Там, удалившись от мирских забот, он более беспрепятственно созерцал бы дела Божественные и небесные. Он предложил королю и знатым мужам св. Теодарда, жизнь которого была одобрена, и попросил, чтобы тот исполнял его обязанности и предложил его для избрания предстоятелем. Едва возможно рассказать, какой плач поднялся по причине его ухода, насколько печальными и несчастными он оставил тех, кому подал семена жизни, когда они увидели, что они лишаются такого отца и столь великого учителя. Всякий возраст, всякий пол свидетельствовал слезами душевную скорбь, и, провожая его, уходящего, они говорили громкими голосами: “Увы! мы несчастные, что же мы будем делать, лишаясь такого пастыря? Откуда нам уготовлено утешение, когда мы его потеряли того, кто был особенным облегчением наших несчастий? Кто далее придет к нам на помощь, когда нас оставил тот, кто особенным образом исцелял наши скорби? Какая надежда на спасение оставлена нам, лишаящимся присутствия такого отца?”

15. Тронутый их слезами и сетованиями, муж Божий, утешал их примерно такими словами: “Прошу, сыночки, не мешайте своими жалобами намерению моей души. Вы имеете Бога Пастырем и Отцом в ваших душах, и Он милостиво утешит вас в тяжелых и неблагоприятных обстоятельствах. Не желайте же еще никого извне, мы позаботились предоставить для вас сына нашего Теодарда, во всем испытанного, который будет усердно печься о вашем спасении, и с величайшей добросовестностью распределит вам меру пшеницы. Поскольку я не сомневаюсь, что вам будет достаточно его рассудительности, я хочу предаться желанному уединению и в присутствии все

созерцающего Величия Божия обитать в одиночестве”. Те, кто был среди них были более рассудителен, ответили на это: “Обдумай еще и еще, блаженнейший Отче, что делаешь; посмотри, какое ты нам наносишь бесчестье. Стадо, которое ты однажды принял, чтобы пасти, как говорится в установлениях святых Отцов, нельзя тебе оставлять, если только немощь не понуждает, и если ты делаешь это не по своей воле. Ибо пока епископ жив, и от пастырского служения его отзывает слабость здоровья, а не преступление, никакая причина не позволяет предложить вместо него другого для избрания, если только прежде сам не откажется и докажет просьбу свою на письме. Еще не должен другой заменять слабоумного, если болезнь имеет временами облегчение, только при условии, что он сам согласится. Ибо если таковой никогда не приходит в полное сознание, должно избрать человека верного и одобренной жизни, который, пока тот едва живет, исполняет его служение, и, когда тот умрет, становится, наконец, его преемником. Если кто не хочет держаться этого пути отцов, тот и жену отпущенную заставляет прелюбодействовать, и тому, кто желал бы жениться на разведенной, выжигает клеймо прелюбодея. Итак, помня таковое рассуждение, подумай, святейший Отче, сколь тягостным становится твое решение или какой ущерб потерпит наша слава. Тебя не обвиняют ни в каком преступлении, по каковой причине с тебя, обличив тебя, сняли бы пастырские обязанности. Тебя не угнетает болезнь, по каковой причине, словно представляя основание для отказа, ты мог бы прекратить служение. Таким образом, пусть даже и на письме ты подтвердишь свое прошение, по которому ты желаешь лишиться этого служения, мы отказываем тебе и совершенно не допустим другого, который будет нести твои обязанности. Пусть не случится нам потерпеть, чтобы другой стал твоим преемником, пока ты жив. Мы весьма желаем быть и называться законными сыновьями, а не плодом прелюбодеяния.

16. Внемли, когда твое суждение уже становится весьма тягостным; пойми, просим, ибо сим суждением запечатлевается знак нашего бесчестия. У тебя нет никаких причин покинуть нас справедливо и по канонам. Во-первых, мы не дети прелюбодеяния, чтобы ты нас оставил по закону. Мы приняты тобой в лоно Кафолической Матери Церкви; никогда мы не обращали доверчивый слух к неправильному учению. И если, может быть, мы даже и погрешили этим отчасти, ты должен был бы нам помочь. Затем, никакое наше преследование не принуждает тебя отправиться в другое место. Ибо если Господь разрешает бежать слабым, в то время как свирепствует гонитель, для совершенных это утешение не достаточно, многие святые терпеливо переносили непомерность зол и их своим терпением переменяли на лучшее. Наконец, тем, кто вынужден был бежать, не имея спокойствия духа, чтобы претерпеть зло, не помогали никакие блага, которые тебе могли бы принести пользу. Но, увы! мы несчастные! Лишаясь твоего присутствия, — присутствия совершенного человека, мы обречены на подозрение в бесчестии, ибо тебе не только противны наши старания, но еще и наши дурные дела

изгоняют тебя; твой уход, уход такового мужа, совсем не тайно показывает, что у нас не остается ничего хорошего. Ничто уж не остается, только клевета завистников и предсказания злоречивцев о том, что твоих преемников не только следует изгнать, но еще и причинить им смерть, когда ты от нас уходишь, и твой предшественник, блаженный Аманд, из-за нас отряхнув прах с ног, ушел от нас. Истинно, когда Всемогущий Бог, склонный к прощению, порицал пророка, недовольного по причине внезапно засохшей тыквы [Ион. 4:9–10], Он достаточно ясно объявил, что Он будет переносить с большой досадой, если погибнет Его творение и что Он более желает покаяния злых, чем их смерти” [Иезек 18:32].

17. Возволнованный этими словами, муж Божий некоторое время молча размышлял сам в себе и, наконец, разразился такими речами: “Не порицайте, братия мои, меня словами такового рода. Право, мне тягостно, что вы оплакиваете свой ущерб передо мной; но не могу вынести того, что вы, словно обиженные, желаете требовать от меня объяснения. Я не желаю, чтобы вы назывались плодом прелюбодеяния, и ухожу от вас не по этой причине; я не столь плохо думаю о вас, чтобы полагать, что я не принес у вас никакого плода и потому ухожу в другое место, где возблится большая надежда на плод. Но я не приписываю этого себе; да не будет, наконец, чтобы я был совершенным, чтобы я хотел казаться весьма совершенным. Мне не свойственно суждение совершенных: от начатого не отступать, не простирается в будущее; ревностно заниматься деятельной жизнью с Марфой, не стремиться настойчиво к созерцательной жизни с Марией³⁶; если предоставляется случай, лучше отказаться от деятельной жизни, чем предаваться созерцательной жизни без влечения к ней. Господь подавал мне помощь, чтобы я, как мог, управлял вами, мне врученными, и я с большой горячностью просил, чтобы труд мой был для вас плодотворен. Ваши усилия не внушают мне отвращения, нет ничего неправильного в ваших деяниях, что могло бы меня оскорбить. Мне остается только радоваться, что богатства, которые вы накопили, я понесу в другое место, чтобы они накапливались больше и больше, чтобы ваше изобилие пополнило нужду других. Прежде нас это делали еще святые мужи, — многие из них для большей пользы терпели то, что их переводили к другим Церквям, некоторые переселялись добровольно в надежде на более обильное воздаяние. Сверх того, если они чувствовали, что хотя бы немного преуспели или что их труд не вполне необходим, они сами по своей воле незаметно уходили и предлагали себя для принятия больших трудов; именно они, как сильнейшие бойцы Христовы, не желали пребывать в ограде покоя, но сами бодро выступали на открытое поле сражения; они не становились беглецами, не были подобны наемникам, бегущим при виде волка, но собирались мужественно вступать в битву; они по своей воле направлялись туда, где число сражающихся против врагов было малочисленнее, или сами враги грозно подступают более близко и сражаются более ожесточенно. Однако я, сыночки, не приписываю себе добродетелей таких людей, не объявляю опрометчиво,

что я равен им по заслугам. Ибо если вы не переносите имени моего преемника, пусть он будет мне, конечно, сотрудником. И не думайте, что я удалюсь от вас, хотя и уйду, чтобы приобрести Богу других, однако не собираюсь покидать пределы этой диоцезы. Я уйду недалеко от вас; если что-либо произойдет, можно будет прийти ко мне за советом. Там я буду ходатаем за ваши грехи и буду помнить все, что вам необходимо, и все, что бы вас ни тревожило, с настолько большей заботливостью, насколько более я буду удален от забот народа и по этой причине более беспрепятственно и более усердно смогу созерцать Бога. Некогда Моисей стоял на горе во время битвы Израиля с Амалекитянами³⁷ и сражался не оружием, но молитвами, и достиг того, что в этом столкновении народ Израильский был насколько сильнее, настолько сам Моисей был ближе к Богу в молитвах и дальше от шума сражающихся. И я, любезнейшие, решил постоянно и более внимательно заниматься Богосозерцанием в том месте, где мне не мешают мирские смятения. К таковому делу меня побуждает блаженный Иоанн Креститель³⁸, который еще в нежном возрасте более желал жить среди зверей и питаться их пищей, чем оставаться среди своих сограждан, чтобы не осквернить себя хотя бы празднословием. Примером такой жизни мне служит славный вождь Моисей, которому более желательно было наслаждаться в безлюдной пустыне божественными беседами, чем обессиливаться богатствами и удовольствиями египтян. Также Илия³⁹ и Елисей⁴⁰, и прочие пророки, славные усердием к Богосозерцанию, даже и царей усмиряли. К этому меня побуждает Авраам, по вере сделавшись отцом всех верующих, примеру которого я уже прежде последовал и, презрев родную землю, оставил все имущество и состояние. Наконец, к этому меня побуждает пример Самого Господа Спасителя, Который, собираясь вступить в бой с отвратительнейшим врагом, ушел в пустыню в одиночестве. О если бы Его милосердие и благодать сделали так, чтобы и я там мог сокрушить обманы нечистого врага, приобрести прибыль от тех, которых я должен там наставить, и принести какую-либо пользу вашему спасению своими молитвами!". Так блаженный Ремакль облегчил скорби своих духовных чад и унял их сетования, а затем пошел далее своим путем.

(...)

21. Блаженный Ремакль, уже старец, обычаями более зрелый, чем годами, почувствовал, что наступает день его призвания к жизни вечной и стремительно приближается время, когда почесть в небесах возместит тот труд, которому он часто предавался на земле. Он призвал к себе своих пасомых и их, оплакивающих то его уход, то свое сиротство, утешил так: "Вот, отцы святые, вот, братия возлюбленные, запечатленные в глубине сердца моего, половина души моей, я вступаю на путь всякой плоти и потом более к вам не возвращусь. Меня тревожит не мой уход, в котором я, поскольку Бог утешает меня, укрепляюсь, а то, что вы, которых я покидаю, остаетесь беззащитными. Не страшит меня общая участь всех смертных, когда даже вся жизнь мудреца должна быть подготовкой к смерти. Не может отвратительная смерть

обессилить сильного мужа, безвременная – мудрого, ничтожная – заранее к ней готовящегося. Ваш нежный возраст, который до сих пор был полезен вам, чтобы более глубоко обучаться наукам, немало волнует меня: весьма опасаясь за вас, что не будет никого, кто бы отогнал хищных волков, если они на вас нападут. Конечно, я посвятил эти монастыри Богу и святым его и приспособил для ваших нужд, а ваши дела в этом монашеском житии поручил сильному и верному мужу. Что же случится в будущем, мне неизвестно. Вы видите, конечно, в каком положении находятся наши дела и что сей мир лежит во зле. Итак, если моя молитва что-то значит для вас, умоляю, позаботьтесь, чтобы от той безупречности, которую я желал создать в вас, вы никогда не отклонились бы из-за какого-нибудь заблуждения; но будьте всегда соединены во Христе и единокорны, как вы поняли и чрез предание отцов, и чрез чтение Святых Писаний, и чрез мое заботливое увещание. Не выпускайте из рук Святого чтения, но да будет в нем для вас размышление об иге Христовом. Ибо “как плодородное поле без возделывания не дает урожая, так и душа”⁴¹. Знайте, что “для человека ученого и образованного ... жить значит мыслить”⁴². Часто занимайтесь молитвой, умоляйте Бога о грехах, допущенных по человеческой немощи, так чтобы другие после не допускали их, но еще старательно заботьтесь, чтобы этого не было. Ибо если кто предастся нерадивости и праздности, тот будет тщетно умолять Бога. Считайте добродетелью избегать пороков, и ставить во главу премудрость, и воздерживаться от глупости. Пусть стыдливость и непорочная вера – сестра праведности – обретут себе жилище в ваших сердцах, чтобы те, кто видит ваши дела, побуждались бы к подражанию. Принесите истинное покаяние в грехах Богу и поставленным над вами пастырям. При первой же возможности разоблачайте нападения соблазнов. Ибо в то время как превратный стыд глупцов скрывает язвы, он же сообщает им большие силы. Оказывайте послушание старшим, применяйте души к предписаниям устава. Ибо тогда всякий правильно живет, когда заботится исполнять то, что он слышит. Удерживайте себя ото всего, что советует гнев, ибо победа невинности только лишь в том, чтобы не грешить, когда можешь. Проявляйте также некоторую умеренность в благоприятных обстоятельствах. “Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы // Дальше и ближе которых не может добра быть на свете”⁴³; и всякий должен жить на свой лад⁴⁴. Пусть никто не нарушает права другого; ибо терпение, после того как это произошло, доставляет обиду. Любите терпение, которое есть гавань несчастных, ибо никто не бывает варваром настолько, что не может смягчиться, лишь только обратит терпеливый слух к образованию. Не уклоняйтесь ни от какого труда, который налагают на вас ваши начальники; ибо даже все тяжкие труды можно перенести при посредстве терпения, и нужда или навык в трудах делает более терпимыми даже скорби. Решительно избегайте медлительности; ибо добродетели нелегко сопутствовать ленивым умам. Особенно отвергайте гордость, чтобы вы могли получить истинную свободу. Ибо не должно считать свободным того, чьей

душой овладевает гордыня. Ревностно стремитесь к целомудрию, ибо, как говорит Божественное Писание, “нет достойной меры для воздержной души” [Сир 26:19]. Пусть вас не услаждают преуспевания успеха, которые утомляют и души мудрецов. Ибо кто гораздо более услаждается, тревожится, когда счастливые обстоятельства переменяются на несчастные. Прежде всего, увещаю вас сохранять мир и согласие; пусть так же как вы собраны в двух монастырях, так в вас пылает двойная любовь – к Богу и ближнему; и так как будет один вам пастырь начальником, не допускайте, чтобы когда-нибудь какой-то соблазн или раскол разделил бы вас. Пусть не опустошит вас съедающая кости зависть, ибо завистник иссушается обильным имуществом другого и завистью. Если меньше, может быть, у вас под рукой средств, не сетуйте. Ибо бедняк тот, кого удовлетворяет польза вещей; и сама природа увещает нас ежедневно, сколь в немногом, сколь в ничтожном, сколь в незначительном она нуждается. Богатство не освобождает умы людей от забот.

Вот о чем я желал вам напомнить, возлюбленные, словно говоря вам “последнее прости”, когда вот теперь я уйду из жизни. Позаботьтесь, чтобы мои слова запечатлелись в ваших сердцах столь более глубоко, сколь большую тяготу вы чувствуете от моего ухода. Если кто из вас принесет некий плод, вы доставите мне величайшую радость. Равно же подумайте, что и вы также будете умирать, и потому, прошу вас, не позволяйте ускользнуть впустую времени, данному вам на покаяние. Придет, придет тот день, когда тщетно пожелаете воспользоваться этим временем. Итак, пока есть время, делайте добро всем⁴⁵.

“Смерть есть предел всех страданий”⁴⁶. Никому не дается постоянное пользование земными благами, и один наследник сменяет другого, словно волна набегает на волну. Мы суть прах и тень; всех ожидает одна смерть, и однажды каждому должно попать стопами смертный путь. Если мы уйдем отсюда, хорошо исполнив добрые дела, будем блаженны, ибо вместе с телами мы освободились от всякой страсти и зависти”.

Этими последними приятнейшими речениями блаженный Ремакль успокоил плач своих учеников. Затем, когда муж Господень, охваченный умеренной лихорадкой, подкрепил себя Священным Напутствием Тела и Крови Господней, среди толпы любимых учеников он предал душу Создателю после долгого служения, оказанного Христу. Древний Израэлит, выйдя из Египта, сняв одежду плоти, отнес накопленные богатства в землю обетованную. Тело его, приготовленное с почестями к погребению, было погребено под пение многих псалмов и гимнов в церкви блаженного Мартина, которую он сам построил; там оно покоилось еще довольно долгое время, свидетельствуя при помощи чудес, что он жив у Бога. Преемником его был господин Паполен, муж апостольский, о котором мы упомянули выше; Паполену преемником стал Сиголин, равно одобренный суждением блаженного отца; Сиголену – Годвин, престарелый зрелостью лет и обычаев, который перенес тело святого мужа и положил в церкви Блаженного апостола Петра; он же

позаботился, чтобы его раку изукрашили золотом и серебром. Там по заслугам святого Ремакля и доныне Господь совершает многие знамения чудес, записи о которых хранятся там ради восхваления и славы Всесильного Бога, Который благословен в веках. Аминь.

- ¹ *Марк Туллий Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 26 / Пер. М.Л. Гаспарова.
- ² *Агамемнон* – в греческой мифологии царь Микен, предводитель ахейского войска в Троянской войне. Ср. *Цицерон М.Т.* “Брут”, 71: “...и до Гомера были поэты...” / Пер. И.П. Стрельниковой.
- ³ *Хартуларий*, архивариус.
- ⁴ То есть навеянное Музами. Ср. “То же, что в рощу дров наносить...” (*Гораций*. Сатиры, I, 10,35 / Пер. под ред. Ф.А. Петровского).
- ⁵ *Гораций*. Послания, II, 2, 190 / Пер. Н. Гинцбурга.
- ⁶ *Хильдуин* – аббат Сен-Дени во Франции (1-я пол. IX в.), осуществивший первый, несовершенный, перевод творений Дионисия Ареопагита на латинский язык, сопроводив его житием.
- ⁷ *Св. Хинкмар* (806–882) – архиепископ Реймский, получивший прекрасное образование у Хильдуина в монастыре Сен-Дени, выдающийся церковный писатель эпохи Каролингов.
- ⁸ *Гораций*. Послание к Пизонам. Наука поэзии. 119 / Пер. М.Л. Гаспарова.
- ⁹ *Хлотарь II* (584–629) – король Нейстрии в 584–613 гг., с 613 – всего Франкского королевства; из династии Меровингов. Объединил всё Франкское королевство, но был вынужден удовлетворить сепаратистские требования знати Австразии, назначив в 623 своего сына Дагоберта ее королём.
- ¹⁰ *Ираклий* (575–641) – византийский император (610–641).
- ¹¹ В 623 г.
- ¹² *Св. Элигий* (588–600) – епископ Нуайонский, апостол Фландрии.
- ¹³ *Св. Оуэн* (600–684) – епископ Руанский, канцлер Дагоберта I, основатель монастыря Ребэ.
- ¹⁴ Житие св. Арнульфа Мецкого, где упоминается его друг и сподвижник Ремарик, опубликовано в изд.: Памятники средневековой латинской литературы, VIII–IX века. М., 2006.
- ¹⁵ *Св. Аманд* (584–675) – монах и миссионер во Фландрии и Северной Франции.
- ¹⁶ *Св. Ремакль* (VII в.) – основатель монастыря Солиньяк в Арденнах.
- ¹⁷ См. “Житие св. Гоара” в наст. изд.
- ¹⁸ Ныне г. Бордо.
- ¹⁹ Ныне г. Бурж.
- ²⁰ *Св. Аустрегизил* – епископ Буржа, исповедник (VII в.).
- ²¹ *Св. Сульпиций* происходил из знатного рода, из Ватана в Берри (ныне департамент Эндр, юго-западнее Буржа), воспитывался при дворе Хлотаря II. Будучи благочестив, избрал церковную карьеру. Ученик и преемник св. Аустрегизила на Битуригской кафедре.
- ²² Монастырь Солиньяк.
- ²³ Ныне г. Утрехт.
- ²⁴ *Сигиберт II* (601–613).
- ²⁵ Ныне г. Мец.
- ²⁶ *Св. Теодард* (ум. в 670) – епископ Маастрихта, предшественник св. Ламберта, убитый по политическим причинам.
- ²⁷ *Св. Ламберт* (635–705) – епископ Маастрихта и покровитель Льежа.
- ²⁸ *Св. Аделин* (ум. в 690) – ученик св. Ремакля, рожденный в Гаскони, основал монастырь Шелль в Льежской диоцезе, провел последние годы жизни как отшельник на реке Мёз.
- ²⁹ *Св. Трудо* (ум. ок. 698) – называемый Апостол Эсбэйский. Область Эсбэ находится в современных провинциях Брабант и Лимбург, в Бельгии.
- ³⁰ То есть клиру собора св. Стефана в Меце.

³¹ Ныне г. Арденн.

³² Ныне г. Кёльн.

³³ Ныне р. Амель в Бельгии.

³⁴ Ныне г. Ставло, в Льежской провинции, Бельгия.

³⁵ Области в Египте, где зародилось в IV в. монашество.

³⁶ См. Лк 10:38–42.

³⁷ См. Исх 17:11–12.

³⁸ См. Мф 3:4; Мр 1:6.

³⁹ См. III Царств 18:17–18.

⁴⁰ См. III и IV Царств.

⁴¹ *Марк Туллий Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 13 / Пер. М.Л. Гаспарова.

⁴² Там же. V, 111 / Пер. М.Л. Гаспарова.

⁴³ *Горацій*. Сатиры. I, 1,105–106 / Пер. М. Дмитриева.

⁴⁴ *Ср. Горацій*. Послания. I, 7, 98 – “меркой своею себя измеряй и своими шагами” / Пер.

Н. Гинцбурга.

⁴⁵ См. Гал 6:10.

⁴⁶ *Горацій*. Послания. I, 16, 79 / Пер. Н. Гинцбурга.

Адальбольд Утрехтский

Адальбольд родился на землях, входящих в современные Нидерланды, и с 993 по 1003 г. учился у Ноткера Льежского. Но и, уехав из Льежа, Адальбольд не порывал связей со школой, в которой он учился. Он стал каноником Лаубаха и, возможно, возглавил монастырскую школу. Император Генрих II весьма благоволил к Адальбольду, пригласил его ко двору, а в 1010 г. назначил его епископом Утрехтским. Епископский сан не был синекурой. Адальбольду пришлось фактически создавать свою диоцезу, присоединяя к ней новые земли. Так, в 1024 г. юрисдикция Епископа Утрехтского распространилась на округ Трент, а в 1026 г. на округ Тайстербант. Адальбольду приходилось и защищать границы диоцезы – не только от набегов викингов, но и от представителей местной знати, – причем не всегда успешно. Дитрих III Голландский, например, отнял у Утрехтской кафедры земельное владение Мерведе, находившееся между устьями рек Вааля и Мааса. По приказу императора был снаряжен отряд во главе с Годфруа Брабантским, который должен был захватить и разрушить замок Дитриха, контролировавшего таким образом все судоходство на Маасе, однако Дитрих успешно защищался, и эти земли не были возвращены Адальбольду. Адальбольд прославился своим церковным строительством. Он, в частности, восстановил монастырь Тиль и достроил монастырь Хохорст, начатый еще его предшественником Ансфридом. В Хохорст он назначил настоятелем Поппона из Ставло, таким образом, положив начало Клунийской реформе в своей диоцезе. Особенно он прославился тем, что заново и довольно быстро отстроил собор св. Мартина в Утрехте (освящен в 1023 г.) – кафедральный собор диоцезы, который стал известен как “Адальбольдов собор”. Наследие Адальбольда включает в себя сочинения по математике, а также комментарий к стихотворению Бозция

“*O qui perpetua mundum ratione gubernas*” из его знаменитого трактата “Утешение философией”, объясняющий эти стихи в духе всех средневековых комментариев, как христианскую космогонию. В этом комментарии особенно ярко проявилась склонность Адальбольда к математике и естественным наукам. В последние годы жизни, после смерти императора Генриха II и до своей собственной смерти в 1026 г., Адельбольд писал его жизнеописание. Его сочинение основывается на фактах и очень далеко от агиографического канона.

Перевод сделан по изд.: PL. 140, 89–98.

О деяниях св. Генриха¹

Вступление сочинителя

1. Чтобы описать деяния, должно ставить себе две цели: чтобы и пишущий держался истины в повествовании, и читатель получил бы полезный плод при чтении. Но писатель не может держаться истины, если он не избежит по мере сил следующих четырех страстей или до некоторой степени не удалит их из своего ума: ненависть и плотскую любовь, зависть и адскую угодливость. Ибо ненависть и зависть или вообще замалчивают благие деяния, или, говоря о них, быстро их пробегают, или изменяют их превратным толкованием. Напротив, о дурных делах рассказывают и преувеличивают их. А плотская любовь и адская угодливость, зная о дурных делах, их не знают или, изображая незнание, скрывают истину; о благих же делах, стремясь угождать, рассказывают пространно и чересчур возвеличивают. Так посредством этих четырех страстей как в благих делах, так и в дурных исчезает истина, а ложь сверкает излишним блеском. Духовная же любовь, подруга истины, ни дурных дел не скрывает, ни благие дела не выставляет напоказ, зная, что и дурные дела часто служат к исправлению, и добрые дела нередко вредят, когда побуждают к гордости. Ибо лучше несчастьем укрощать душу, чем, упорствуя надмеваться успехом. Читатель же может получить плод, если только будет внимательно слушать, или в совершенстве поймет, почему доброе происходит от доброго, злое – от злого, доброе из злого, и злое из доброго.

2. Почему добро дается людям добрым, можно понять двояко: ибо или они столь хороши, что не нуждаются ни в испытаниях, ни в очищениях чрез соблазны века сего; или они хороши в том смысле, что если соблазны напали бы на них, они ухудшились бы, пожалуй, в меру своего простодушия. Следовательно, грязь мира сего не пачкает их в течение жизни столь сильно, чтобы то, что они претерпевают, побуждало их к исправлению или, если они не желают одуматься, то они поняли бы, что и здесь и в будущем они должны быть осуждены за то, что поддерживали зло. Зло иногда заслуживают добрые люди не для этого, а чтобы чрез мучение увеличивалось бы их заслуги, чрез заслуги же увеличивалась награда. Бывает иногда провинность невелика, и

за нее люди здесь легко наказываются, чтобы в будущем хуже не мучались. Благое же дается людям дурным, чтобы так они или узнали бы милосердие Божие и раскаялись бы в своей испорченности, или оставляется им в упрек то, что не желают признать Подателя благ.

3. То, что мы написали в предисловии, думаем, будет бесполезно в любых деесписаниях и пишущему и читающему. Кроме того, мы знаем, и весьма часто слышим, что во всех писаниях с радостью почитают древность, а новизну брезгливо отвергают. Но то, что воспринимается как древность, не стало бы древним, если бы сначала не было новым. По этой причине пусть идет впереди новизна, чтобы за ней следовала древность. Следовательно, глупо презирать предшествующее, а то, что за ним следует и что получает свою способность существовать от идущего впереди, не принимать. Ибо редко жаждущий ищет реку, когда стоит рядом с источником. Мы говорим это не для того, чтобы отказывались от древности, но чтобы принималась и новизна. Во всех писаниях, где есть истина и польза, все равно имеет силу: и новизна и древность. Пожалуй, найдется кто-нибудь, кто скажет: “Что может быть пользы в чтении о каких-либо славных делах?”. Ответим ему, что всякий, кто читает деяния другого, если они хороши, находит, чему следовать, если же плохи, имеет, чего страшиться. Ибо читать о деяниях другого человека есть смотреться в зеркало. Если увидишь в нем то, что тебе не нравится, исправь в себе; если то, что нравится, подражай. Предисловие оканчивается, далее следует причина предисловия.

4. В 1002 год от Воплощения Господня, в двенадцатый индикт, Оттон III, император Август, умирает в Патерне, которая есть замок в Романье. Муж он был равно красив телом, находясь в расцвете сил, и скромнен честностью нрава, возрастом юноша, но природными способностями старец, удивительной доброты. Я весьма жаждал бы описать его деяния, если бы или в памяти их держал, или имел верного рассказчика. Знаю только то, что, хотя в весьма молодом возрасте он многое делал по-ребячески, в старшие годы он жил безупречно. Он любил Бога, любя Его, имел страх Божий, всем нравился, никому не был неприятен, если только уж совсем нечестивым; ибо для добрых людей естественно не любить злых и нравиться добрым. Наконец, насколько его жизнь была прежде совершенна, присутствовавшие могли понять при его кончине. Ибо всякий, кто был там, по благочестию его мог видеть, что он не умер, а преселился, чего только и желал, и верное творение поспешило по обету вернуться к Творцу. Это была не кончина его, а переход в жизнь вечную, и для всех, кому присущ здравый ум, стенание необыкновенное, плач невероятный.

5. Скорбь была бы еще более неутолима, если бы после его смерти не остался славный герцог Генрих, переживший его, муж деятельный и способный к принятию власти. В то время Генрих владел герцогством в Баварском королевстве, мирно правил народом, приумножал мир, увеличивал имущество церквей, высоко ценил законы и исповедание веры. Он так жил, будучи

герцогом, что всем было угодно, чтобы, оставив герцогство, он стал королем, и от знамени отдельного отряда возвысился бы до наследственного престола. Мы говорим “наследственный”, ибо от тех, кто знает, как рассчитывать родословные, мы слышали, что от Карла Великого до него со стороны отца 27 поколений, со стороны матери 26 поколений. Сверх того, он был избран королем после кончины Оттона III, и они сами по отношению друг к другу были родственниками третьей степени. А мать его была дочерью короля Конрада.

6. Благородный преемник, произошедший от таких предков, был избран, и все желали, чтобы он сделался королем. Но мне не лишним будет рассказывать, и прочим – послушать, как он был приглашен на королевский престол людьми здравомыслящими; как еще чрез своих пособников попыталась этому помешать зависть, спутница добрых мужей. Не удивляйтесь тому, что я сказал, что зависть есть спутница добрых людей, ибо там, где изобилуют добрые дела, изобилует и зависть. Потому некий философ, которого его ученик спросил, как ему жить, чтобы избегать нападков завистников, ответил: “Не делай ничего хорошо, бодро, разумно, и знай, что так ты сможешь отклонить злословие завистников. Следовательно, или будь глуп и избегай зависти, или действуй благоразумно и терпи зависть”.

7. Когда же Оттон, славнейший из императоров, умер, цизальпийцы, которые были с ним, архиепископ Колониенский, епископы Леодиценский, Аугустинский и Констанцкий, Оттон, сын Карла, графы Генрих и Юнкманн и весьма многие прочие, действующие, как того требовала верность, с величайшей трудностью и многими опасностями через Верону, через Баварию отвезли назад его мертвое тело. Им навстречу вышел благороднейший герцог с епископами и графами Баварскими, принял тело своего господина и сородича с каким подобало почтением, принял все войско с каким должно радушием, провел с какими следовало удобствами через свои земли. Наконец, достигнув Мунеборга, он доставил тело императора в город на собственных плечах, показывая должный пример благочестия и чело-веколюбия, устроил так, чтобы войско провело там долгое время, чтобы и сами они о пользе и утешении королевства побеседовали, и кони, утомленные долготой пути, отдохнули бы. Там всем лучшим людям делая королевские подарки, он связал себя дружбой с теми, кого в будущем принял в свое воинство.

8. Затем, дойдя с телом усопшего императора до Аугусты, он позаботился о том, чтобы внутренности императора были погребены в базилике св. Афры подле гробницы св. Удальрика, и для поминовения его души даровал этой же церкви сто мансов земли из собственного наследства. Затем, пожелав прочим здоровья, сам он возвратился в свои владения. А тело императора, с почестями перевезенное в Ахен, как позже можно видеть, было похоронено в середине церкви св. Марии. Ибо тот кротчайший император особенно любил эту церковь и обогатил ее многим имением.

9. В то время знатнейшими в королевстве после славного герцога Генриха были Беннон, герцог Саксонии, Хериманн, герцог Алемании, Теодорик в Лотарингском королевстве, маркиз Экехард в Тюрингии. Беннон, как мудрый муж, не воодушевлялся получением королевской власти, зная, что Генрих более других полон сил, чтобы получить власть. Ибо мудрому свойственно презирать стремление к тому, что, как он знает, не может увенчаться завершением. Теодорик также, зная, что герцог Генрих есть наследник королевства, не желал начинать того, что не сможет закончить. А Хериманн, человек могущественный и в прочих делах разумный, поверил, что он сможет совершить то, что после, испытав, не смог. Не знаю, имел ли Экехард надежду на получение королевства или замыслил мятеж, но в королевском имении, которое называется Поледа, против него ночью выступили его недруги, и он, мужественно сражаясь, был убит. Остался спор между славнейшим герцогом Генрихом и сильнейшим мужем Хериманном, но был он краток и быстро подошел к концу. Ибо они были несхожи благородством и мудростью, богатством и телесным изяществом.

10. Итак, когда прошел июнь, герцог Генрих, который вскоре должен был стать королем, собрав немалое число людей, отправился из Баварии и Восточной Франкии за Рейн к Вормсу, желая там переправиться через реку и прийти в Майнц, чтобы получить благословение на королевство. Но герцог Хериманн, соединившись с Алеманнами и какими-то франками и эльзасцами, поспешил к Вормсу, чтобы помешать Генриху переправиться и никому не разрешил там перейти Рейн. И Хериманну легко можно было начать сопротивление, ибо у него в помощниках был Рейн. А с герцогом Генрихом были мужи прославленные и весьма мудрые: архиепископ Майнцкий, архиепископ Зальцбургский, епископ Брескии, епископ Регенсбургский, епископ Страсбургский, епископ Батавский, епископ Фризии, настоятель монастыря Фульда, прочие главы монастырей и многие графы.

11. Посоветовавшись с ними, герцог изобразил возвращение в Баварию, и, словно потеряв всякую надежду переправиться, пошел к Лоресхайму². Оттуда, поспешив в Майнц, он беспрепятственно переправился через Рейн. Там в восьмой день июньских Ид он был избран королем, все выразили одобрение; он был благословлен и коронован. Там сошлись франки и мозельцы, стали людьми короля и по долгу почтили его величие. Отпраздновав дни своей коронации и приняв в войско некоторых пришедших, король снова переправился через Рейн, поспешил пойти с великим множеством через Восточную Франкию в Алеманнию, чтобы Хериманн, услышав о разорении своей земли, отказался от начатого мятежа и преклонил главу, как и прочие, перед королевской властью. В Алемании король пребывал весьма много дней, волей-неволей разоряя страну.

12. И Хериманн, муж тупоумный и жестоковыйный, разгневался на епископа Страсбургского, потому что тот действовал мудро и избрал лучшую часть. Соединившись с Куноном, своим зятем, Хериманн пришел в Арген-

Утрехт. Интерьер собора св. Петра. Ок. 1040–1050 гг.
Das Erste Jhrtusend. Kultur und Kunst in Werdenen Abendland
an Rhein und Ruhr. Düsseldorf, 1964. Илл. 65

тину³ и, поскольку воины епископа не оказали ему упорного сопротивления, сокрушил стены города, захватил немалую добычу, с неистовством вошел в церковь и осквернил ее. Тем временем король, который в это время находился в Алеманнии, торжественно отпраздновал Рождество в Рейхенау⁴ и, никого не боясь, держал себя, как власть имеющий, когда ему было возвещено, что Хериманн желал идти ему навстречу и окончить спор битвой. Такая речь понравилась королю; он ушел из Рейхенау и достиг неких лугов, обширнейших и весьма удобных для решительного сражения. Там он, ожидая прихода герцога и не отвергая, по своему суждению, возможности вступить в бой, торжественно отпраздновал день св. Апостолов. Но Хериманн, воспользовавшись полезным советом, отказался пойти навстречу королю и посчитал, что ему и его людям будет лучше, если он скроется, чем если выйдет в открытый бой.

13. В то время как король так его поджидал, некие люди неосмотрительно подали королю совет, чтобы он шел в Констанцию⁵ и там воздал Хериманну за то, что тот совершил в Аргентине. Ибо епископы Куриенский⁶ и Констанцкий были заодно с Хериманном, не столько от души желая избрать

его на королевский престол, сколько страшась его соседства и сомневаясь в исходе раздора. Но так как король был предусмотрителен и уверен в своей власти над этим городом, он ответил им кротко и ласково: “Да не будет того, чтобы за безумие Хериманна обратилось мщение на тех, от кого мне дарована королевская корона. Пожалуй, если даже за Аргентину я разорил бы Констанцию, не уменьшил бы я тем свой ущерб, но удвоил бы. Кроме того, дурным способом приобретает королевство тот, кто, приобретая его, считает менее важным ущерб, наносимый душе. Бог короновал меня не для осквернения церквей, но для наказания их осквернителей”. Долго ожидая в лугах Хериманна и, наконец, поняв, что тот не придет, король удалился оттуда и пошел через Алеманнию, повсюду опустошая поместья герцога.

14. Наконец вопль бедняков чрезмерно возрос и дошел до слуха короля. Король не мог долго переносить его, зная, что жители ничем не виноваты в жестокости герцога и что они по этой причине несправедливо страдают. Вот почему, движимый милосердием, он ушел из Алеманнии и отправился во Франкскую землю, особенно им любимую, уверенный, что герцог, хочет он этого или не хочет, а склонит выю и понесет иго, как только будет вынужден это сделать.

15. Я полагаю, не следует умолчать о том, что, прежде чем король вышел из Алеманнии, Хезелон, сын Бертольда, которого в свое время король одарил герцогством прежде всех графов этого королевства, отправил к королю послов, выбрав в своей войске лучших, и необдуманно просил, чтобы тот даровал ему герцогство Баварское. Но на необдуманный вопрос приготовлен был обдуманный ответ, и торопливому прошению противопоставлено было взвешенное размышление; король терпеливо сказал: “Я получил благословение на королевскую власть от тех, кого я всегда считал первейшими среди всех народов и которых всегда любил всем душевным чувством, и не желаю ухудшать их закона, не потерплю, чтобы они испортились, пока я жив. У них есть закон, на основании которого они имеют власть выбирать себе герцога; и я не буду нарушать этот закон; более того, кто бы ни попытался нарушить его, найдет во мне недруга. В этом походе никто еще не заслужил ничего, что я даровал бы кому-нибудь из них без того, чтобы их избрал народ. Бавары до сих пор сражаются на моей стороне, зная, что исход дела не определен, и я их, против их желания, предаю кому-либо из смертных? Хезелон ожидает, что я вернусь в Баварию; там, если народ его изберет, и я изберу и восхвалю, если отвергнет, и я отвергну. Полагаю, что ему еще не присуще такое неразумие, чтобы он стремился увеличить свои почести за счет моего позора”. Хезелон, приняв такой ответ, скрыл в душе семя мятежа, который спустя год под влиянием дурных советчиков, он учинил себе на горе.

16. Король, пробыв во Франкии немного дней, пришел в Тюрингию. Там Вильгельм, властитель торингов, вместе с иноземцами, без промедления выйдя ему навстречу, сделался человеком короля. Оттуда король, пройдя в Саксонию, достиг Мерзебурга. Там в день праздника св. Иакова Беннон,

герцог саксов, Болеслав⁷, герцог славян, Лиебзо, архиепископ Бременский, Беннон, епископ Хильдененский, Ратхер, епископ Падерборнский, Арнульф Гальберштадский, прочие епископы Саксонии и весьма многие графы вышли навстречу королю, приняли его, одоббив, восхвалили, восхвалив, каждый по отдельности присягнул ему на верность, принеся присягу, пообещали верность свою, подкрепив ее церковными таинствами, пообещав верность, короновали короля, коронованного усадили на королевский трон, и, усадив его, почтили должным поздравлением.

17. После того как они с усердием совершили это, Болеслав, отойдя оттуда, с того самого дня, когда он пообещал верность королю и скрепил обещание таинством, начал замышлять дурное и свои замыслы, насколько мог, приводил в исполнение. Ибо когда он сам и Хезелон побеседовали друг с другом, каждый из них был затронут отравленными замыслами другого, и позже они оба устыдились того, что дурно закончилось. Тем временем, когда из Саксонии король поспешал в королевство Лотарингское, в Груоне⁸ навстречу ему вышла его жена, которую звали госпожа Кунигунда; она уже была его женой, но по положению дел вскоре она должна была короноваться. Ибо, когда она приехала оттуда в Падерборн, на празднике св. Лаврентия⁹ ее признали королевой, благословили, увенчали, и она стала Кунигунда кунинга, что по латыни можно истолковать, как “королева”.

18. Но так как никогда не бывает ясной погоды без того, чтобы за ней не следовала пасмурная; так редко бывает и радость, которая не сопровождается несчастьем. Ибо в то время как все ликовали по причине благословения королевы, бавары (у которых был обычай хотеть того же в чужой земле, чего они хотят в своей) желали собрать урожай вокруг города, а земледельцы желали защитить свое имущество, и первые начали поступать неразумно. Это дело взволновало местных жителей и даже еще воодушевило их к мужественному сопротивлению. Когда спор усилился, слуги короля и местные жители стеклись, сбежались, сошлись. Началась тяжелая битва, из слуг короля убили одного юношу, а именно, брата господина Филиберта, который в то время был канцелярием, после же сделан был епископом Фризским. Его убийство сильно потрясло всех верных королю слуг, и они начали преследовать горожан и, преследуя их, ненасытно свирепствовали. И если бы их не удерживала власть короля, они преследовали бы всех до полного уничтожения.

19. Когда возмущение с весьма большим трудом было успокоено и были наказаны те, чья глупость стала причиной смуты, король оттуда поспешил в Динсберг и там ожидал прихода лотарингцев. Первыми прибыли Леодиценский¹⁰ и Камераценский¹¹ епископы, ничуть не сомневаясь в осмотрительности короля и не имея колебаний относительно его надежности. Прибыл туда еще и Колониенский¹² архиепископ, но сколь более красноречивый, столь более своенравный, чем другие. Была, сверх того, причина отсрочки – корона, принятая с благословения архиепископа Майнца. Они вместе сдела-

лись людьми короля, пообещали верность, скрепили обещанную верность таинством причастия. Король приехал вместе с ними в Аахен, когда прочие лотарингцы съехались на праздник Рождества Богородицы; после Рождества Пречистой Девы его избрали королем, восхвалили, возвели на королевский трон, прославили. Но во время этого прославления некоторые получили пальму вознаграждения, некие пролили слезы. Ибо плачущие горевали об Оттоне, которого потеряли, не признавали Генриха, которого поддержали.

20. Король, принятый таким образом в отдельных королевствах своего предшественника, кроме Италии и Алеманнии, и всеми единодушно восхваляемый, возвратился во Франкию, чтобы оттуда, когда закончится суровость зимы и вернется приятность весны, повести войско в Алеманнию и научить Хериманна, который не желал пользоваться советами разумных, угнетенного различными разорениями, нести иго подчинения. Но Хериманн, который, пользуясь советами юношей и питая пустую надежду, притязал на большее, чем ему полагалось, одумался и на празднике св. Ремигия в Бруселле¹³ вышел навстречу королю, зная, что лучше покаяться, прежде чем ему будет нанесен какой-либо ущерб. Представ перед королем босым и с верными заступниками, он стремился получить помилование за совершенное зло, искал снисхождения своим имениям, полученным в дар от короля, и, чтобы об этом умолить, преклонил колена на землю.

21. Хериманн был принят там милостиво, и ему было даровано то, о чем он просил со всем смирением. Лишь скреплен был подписями список некоего договора; пусть это было ему в настоящем тяжело, однако в будущем послужило ему спасением. Ибо ему было возвращено расположение короля с тем условием, чтобы он из своих собственных средств привел церковь Аргентинского града¹⁴ в первоначальное состояние. Хериманн не отказался от этого, но по приказу и совету короля передал помянутой церкви монастырь св. Стефана в возмещение нанесенного им ущерба. Когда это условие было скреплено присягой и таинством св. Причастия, он сделался человеком короля и возрадовался, что он так завершил дурно начатую борьбу. исполнив это, король решил возвратиться в Баварию, свою родную землю, не желая столь часто посещать своих новых верноподданных, чтобы отторгнуть от себя старых, как если бы он ставил их ниже новых.

22. Празднуя в Регенсбурге день св. Мартина, он щедро даровал некому Бладемарии, по рождению славянину, герцогство Богемское и почтил его с большей справедливостью словами и делами, чтобы он стал более приятен остальным. Король Генрих пробыл в Баварии много дней, отправляя правосудие для тех, кто искал закона, и оказывая почести тем, кто приходил, чтобы навестить его, смотря по тому, чего каждый был достоин.

23. В то же время некий убийца епископа, по имени Хардвин, не скажем, правил в Италии, но служил правящим в нем порокам. Ибо, услышав о смерти императора Оттона, лангобарды, глухие и слепые и не заботящиеся о будущем, избрали его и, поспешая к покаянию, короновали его себе королем.

Он, как я сказал, властвовал тогда, служа своим порокам, и, постоянно ожидая прихода короля Генриха, охранял вход в Лангобардию, который местные жители называют Клузы, с весьма большой предусмотрительностью и осторожностью. Потому еще был истинен над ним суд Божий, что епископов, которые более прочих жаждали и страстно желали его избрания, он почитал как волопасов, относился к ним, как к свинопасам. Ибо однажды епископ Брешии пришел к нему и, не знаю, о чем желал порассуждать; как только Хардвину начало не нравится рассуждение, он схватил епископа за волосы, словно презренного волопаса, и низверг его на землю. Он ничего не обсуждал со старейшинами, все обдумывал с юношами. Что еще было весьма тяжело, при его правлении властвовали лицемеры, осквернители, разорители, а людей, любящих закон и почитающих Бога, угнетали. Корыстолюбие было его советницей, алчность постельницей, а монета – госпожой и королевой. С этими прислужницами он удерживал не принадлежавшую ему власть.

24. Вот почему, ведомые раскаянием по причине коронации Хардвина, некие люди посылали к королю Генриху или гонцов, или письма и настоятельно просили в смиреннейших мольбах, чтобы он помог земле, находящейся под тяжелейшим бременем. Они передавали еще, что, если он, чем-либо занятый, сам задержится, по крайней мере, пусть переправит им от какого-нибудь правителя своих людей с небольшой дружиной. Некоторые открыто выражали желание такого рода, некоторые таились. Ибо маркиз Тиетбольд и архиепископ Модены, Вероны и Верцелл открыто оставались верными королю Генриху. А архиепископ Миланский и епископы Кремоны, Пьяченцы, Павии, Брешии, Комы открыто показывали, какова была их воля. Однако все вместе желали, чтобы королем был Генрих, и приглашали его просьбами чрез послов и послания.

25. Наконец, король избрал для исполнения просьбы лангобардов Оттона, герцога каринтийцев¹⁵, который еще владел и веронским графством, и, поскольку выше именованные мужи твердо надеялись на короля, направил его в Италию с небольшой дружиной. К нему присоединились еще Оттон, сын Хериберта, с Эрнестом, сыном маркиза Тиетбольда. Когда они, среди гор, которые отделяют от Италии Баварию и Каринтию, сошлись над рекой, которая называется Брента¹⁶, жители Каринтии и Форо-Юлианы¹⁷, вышли им навстречу с небольшим числом воинов, как если бы имея твердое упованием на обещания, данные италийцам, и совсем не помышляя о битве. Тем временем архиепископ Равенны и маркиз Тиетбольд с прочими открытыми верно-подданными короля Генриха собрали своих людей, желая выйти навстречу тевтонам и принять их в Италии с безопасностью. Узнав об этом заранее, Хардвин с большим войском поспешил прийти в Верону, чтобы и перекрыть там дорогу италийцам, спешившим на помощь тевтонам, и взять с боя Клузы, которые охранял епископ Веронский; что Хардвин и сделал.

26. Захватив Клузы, Хардвин услышал, что тевтоны сошлись на Тридентской¹⁸ равнине, и поспешил туда со всем своим войском. Но, не найдя там

тевтонов, он вернулся в поля вокруг Вероны и там в каком-то маленьком замке отпраздновал Рождество Господне. Но празднование, совершаемое такого рода человеком, правильнее назвать принижением праздника. Тем временем тевтоны, опередив его, остановились подле некой горы, которая (не знаю, по какой причине) зовется Унгарий. Зная, что Хардвин уже занял Клузы, сами послали к Хардвину своих послов, и попросили, чтобы он или уступил им путь, пока они не пройдут, или прошел бы сам при их согласии. Хардвин выслушал послов и, прибегнув к коварному обману, сказал: “Переночуйте у нас, а на следующий день, когда мы посоветуемся с нашими верно-подданными, мы сможем дать вам ответ”.

27. Поскольку послы не поняли обмана, он в течение всей ночи объезжал крепости своих людей и предписал, чтобы на следующий день они были готовы вступить в сражение с тевтонами. Когда рассвело, послы, придя, чтобы получить ответ, увидели, что все лангобарды одеты в броню и готовы к битве; они спросили Хардвина, что это означает. Раскрыв нечестивый свой замысел, Хардвин сказал: “Может быть, в то же время и будет вам извещение”. Оттуда, выдвинув вперед войско, он в середине дня пришел к Унгарийской горе. А войско его, как подсчитали, было 1015 человек. А что касается тевтонов, то было их едва 500, и они частью разделились, чтобы собрать пропитание для людей и коней, частью были посланы для охраны дорог. Узнав о том, что приближается Хардвин, они быстро вооружились, и, насколько могли, приготовились к сопротивлению, избрав подвиг и менее ценя жизнь, чем славу.

28. Тем временем Хардвин неожиданно пришел с лангобардами. Оттон с тевтонами пошел ему навстречу. Сделалась схватка, сделалась битва, сделалось кровопролитие тяжелейшее с обеих сторон; и тевтоны, хотя их было весьма мало, почти одержали победу, если бы не помешало им бегство Оттона, брата епископа Регенсбургского. Когда же он бежал, войско тевтонов уменьшилось, и снова было побеждено, так как многие вступили в схватку. Так победа осталась за лангобардами, но была куплена уничтожением весьма многих из них. Тевтоны возвратились, смущенные, однако когда-нибудь собирающиеся отомстить. Тем временем король, воротясь из Баварии во Франкию, праздновал Рождество Христово во Франкфурте, принял от многих посольства и отослал послов с достойными ответами и дарами. Хериманн еще, прежде не желавший нести иго подчинения, присутствовал на этом празднике и, как подобало, во всем был покорен королевской власти.

¹ Генрих Баварский – король с 1002 по 1024 г.

² Монастырь Лоресхайм, основан в 764 г.

³ Г. Страсбург.

⁴ Монастырь Рейхенау, посвященный пресв. Богородице и св. ап. Марку, основан в 724 г. св. Пирмином.

⁵ Ныне г. Констанц на Боденском озере (Германия).

⁶ Ныне г. Шур (Швейцария).

⁷ *Болеслав I Польский* (967–1025), закончил объединение польских земель, отстаивал независимость Польши от власти Священной Римской империи; при нем в Гнезно учреждена архиепископская кафедра (1000); в 1018 г. ходил на Киев.

⁸ Г. Грона в области Готтинген (Германия).

⁹ То есть 10 августа.

¹⁰ Льежский.

¹¹ Камбрэйский.

¹² Кельнский.

¹³ Г. Брюссель.

¹⁴ Г. Аугсбург.

¹⁵ *Каринтия*, ныне область на юге Австрии.

¹⁶ Река в области Венето.

¹⁷ Область Фриули.

¹⁸ Г. Трент.

VII. Германия

*

Видукинд Корвейский

О Видукинде, первом национальном историке саксов, известно немного: жил он в середине X в. во время правления первых королей саксонской династии Генриха I Птицелова и Оттона I Великого. Приблизительные даты его рождения и смерти: ок. 925—после 973 г. Сакс по происхождению, Видукинд был монахом Корвейского аббатства (в Вестфалии), где получил неплохое классическое образование. Возможно, он имел какие-то близкие отношения ко двору Оттона. Ведь по просьбе дочери этого императора, Матильды, аббатисы Кведлинбургской, он и написал свое главное сочинение “История саксов в трех книгах”, охватывающее период от древнейших времен до 967 г. В нем Видукинд осветил политическую и военную жизнь саксов и деятельность их первых королей. В первом из посвященных обращений к Матильде, предпосланных каждой книге, Видукинд с сожалением замечает, что смог изложить только часть подвигов Генриха и Оттона: “Я писал кратко и с выбором, чтобы рассказ был для читателя ясным и неустойчивым. Но я позаботился рассказать кое-что о происхождении и о нравах народа, первым королем которого был сам всемогущий повелитель Генрих, чтобы ты, читая об этом, усладила душу, откинула заботы и порадовалась приятному развлечению”. Вся начальная часть I книги (15 глав), излагающая древнюю историю саксов, составляет истинную ценность сочинения, являясь единственным, хотя и полуполюгендарным, источником для ознакомления с историей происхождения и бытом саксов в языческий период, и придает сочинению своеобразный характер. Используя здесь народные саги и предания, бытовавшие в устной традиции, Видукинд с гордостью говорит о древнем и благородном происхождении своего народа от греков, о храбрости саксов, достойной римлян, подчеркивает внутреннее превосходство их над франками. Достоверная история саксов и ее первых королей начинается с 16 главы; здесь излагаются события с начала X в.: воцарение Генриха I Птицелова, его деятельность, войны против славян и венгров, смерть Генриха. Во II книге описываются события с 936 по 946 г., рассказано о коронации Оттона I и его деятельности, о войнах против редариев и венгров, о распрях в королевском роду. Книга заканчивается смертью королевы Эдиты. В III книге речь идет о событиях до 967 г., о победе Оттона над венграми при Лехе, о новых между-

усобиях, коротко излагается внешняя политика Оттона. Уже после смерти Оттона было добавлено к этой книге еще 6 глав о последних годах правления Оттона, о его смерти и погребении. Правда, вопрос о принадлежности этих последних глав Видукинду остается спорным.

Источниками Видукинда, кроме устной традиции, были труды римских и средневековых историографов: в этнографических частях он опирался на Беду и Иордана, в биографических на Светония (через Эйнхарда), в описании феодальных битв и мятежей против Оттона на Саллюстия. Использование преданий и саг роднит Видукинда с Павлом Диаконом и Бедой, хотя он значительно уступает им по политическому кругозору и эрудиции. Особенно заметно влияние на Видукинда Саллюстия. Например, в драматичном изображении паники населения осажденного саксами города турингов (I, 11; ср. “Заговор Катилины”, 31, картину паники жителей Рима перед войском Катилины), или в речи Оттона перед сражением при Лехе – III, 46, построенной по образцу речи Катилины перед битвой при Пистории [“Заговор Катилины”, 58], наконец, в ряде прямых текстуальных заимствований.

При составлении “Истории саксов” Видукинд использовал также и рассказы очевидцев событий, и свои личные воспоминания, хотя он и не был участником изображаемых событий и не имел отношения ни к дипломатии, ни к военным подвигам героев своего повествования (в противоположность предшествующим ему историкам – Эйнхарду, Нитхарду и современнику Лиудпранду). Стремясь придать своему сочинению объективный, правдивый характер, Видукинд не замалчивает распрей в королевском роду, не утаивает королевских секретов, “считая своей обязанностью удовлетворить требование истории” (II, 25). Порой он рисует картину жестокой расправы саксов с их противниками, а о них говорит без неприязни. И все же национальный патриотизм явственно проступает в его желании прославить свой народ, его неизменно победные битвы с окружающими племенами и народами. Саксы изображаются доблестными воинами, которые под героическим девизом “победа или смерть” дрались с врагом за славу и за отечество [I, 9; 11 и др.]. Соответственно, короли саксонской династии, Генрих и Оттон, представлены воинственными вождями, мудрыми, щедрыми, великодушными правителями, целью которых, по мнению Видукинда, было расширение и укрепление государства, упрочение мира с соседними народами. Разумеется, есть в такой оценке изрядная доля лести. Но то, что Видукинд рисует оттоновское государство как господство саксов над другими племенами и народами, отвечало действительности того времени: саксы имели преобладающее влияние, а Оттон в 962 г. вторично восстановил “Римскую империю”, провозгласив себя ее главой.

Композиция “Истории саксов” строго продумана. Развитие повествования идет сюжетно законченными группами (например, древний период истории саксов – I, 1–15, правление Генриха I – I, 26–41, битва Оттона I при Лехе – III, 44–49), с соблюдением причинной связи событий, и в хроноло-

гическом порядке, лишь изредка нарушаемом ретроспекциями в более ранние времена, в чем Видукинд считает нужным оправдаться перед читателем: “События и обстоятельства теперь так перепутываются друг с другом, что почти невозможно различить их последовательность; и пусть меня никто не винит в смещении времен, если я иной раз излагаю последующие события раньше предшествующих” [II, 28].

Сочинение Видукинда своеобразно и по стилистике: историческое повествование соседствует в нем с драматической сценкой, сага с агиографическим экскурсом, рассказ о чудесах с прямой характеристикой исторических персонажей. Все же основной характер сочинения скорее всего может быть определен как историко-эпический, с введением отдельных элементов биографического жанра. Эпические средства выразительности служили Видукинду формой выражения исторической действительности: картины боев нарисованы с эпической широтой, красочностью и наглядностью. Эпизоды часто драматизированы живым диалогом, патетические места изложены ритмической прозой, применен прием речевой характеристики персонажей. Язык “Истории саксов” местами недостаточно ясен, встречаются неточности в употреблении слов.

Трудом Видукинда пользовались последующие саксонские хронисты: Титмар Мерзебургский и Саксонский анналист. Для нас он ценен как источник для знакомства с историей саксов и славян и как образец немецкой историографии X в.

Из других сочинений Видукинда известны два ранних его агиографических сочинения, но они не сохранились.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 70–80.

История саксов

1, 1. Пусть никто не удивляется тому, что я, изобразив в первых своих трудах триумф воинов высочайшего повелителя¹, намерен теперь описать деяния наших правителей. Поскольку в том труде я, как мог, выполнил то, чего требовало мое призвание, то и теперь не уклонюсь от своего долга потрудиться по мере сил моих для своего племени и своего народа.

2. Но предварительно я вкратце расскажу о происхождении и быте саксов, следуя здесь, пожалуй, исключительно преданиям, потому что давность времени затуманивает почти всякую достоверность. Ведь мнения об этом различны: одни думают, что саксы происходят от датчан и норманнов, другие – что род их идет от греков; я сам слышал в молодости, как кто-то хвастал тем, что сами они предполагают в саксах остатки македонского войска, которое следовало за Александром Великим, а после его безвременной смерти рассеялось по всей земле. Как бы то ни было, не подлежит сомнению,

что это было древнее и благородное племя, о котором упоминается и в речи Агриппы к иудеям у Иосифа² со ссылкой на высказывание поэта Лукана³.

3. Но мы знаем точно, что саксы прибыли в эти края на кораблях и впервые вышли на берег у того места, которое еще и до сего дня называется Гадолаун⁴.

4. Местные жители, должно быть туринги⁵, недоброжелательно отнеслись к их прибытию и вооружились против них; саксы мужественно сопротивлялись и удержали за собой порт. Потом еще долгое время были у них стычки друг с другом, и, когда с обеих сторон пало много жертв, решили, наконец, вести переговоры о заключении мира. Договор был заключен на условии: саксам разрешалось покупать и продавать все, но они должны были воздерживаться от захвата других земель, убийств, а также разбоя. Этот договор долгое время оставался нерушимым. Когда же у саксов вышли деньги и они ничего уже более не могли ни купить, ни продать, то сочли они мир для себя бесполезным.

5. И вот случилось в это время сойти с корабля какому-то молодому саксу с тяжелой ношей золота, в золотом ожерелье, да еще и в золотых браслетах. Повстречался ему туринг и спрашивает: “К чему столько золота вокруг твоей тощей шеи?” – “Я ищу покупателя, – ответил тот, – лишь для этого и ношу на себе это золото; разве бы я стал украшать себя золотом, когда умираю от голода?” Туринг спросил о цене, сколь она высока. “Цена, – отвечал сакс, – для меня ничего не значит, сколько бы ты ни дал – приму с благодарностью”. “А что, – заметил тот, насмехаясь над юношей, – если я наполню твой карман этой вот пылью?” На том месте как раз была навалена куча земли. Сакс, не мешкая, подставил карман, взял землю и тотчас отдал турингу золото; и оба, довольные, поспешили к своим. Туринги превозносили земляка до небес⁶ за то, что он так ловко провел сакса и стал счастливейшим из смертных, получив такую уйму золота за столь ничтожную цену. Совершенно уверенные в своей победе, они почти торжествовали над саксами. Тем временем сакс, уже без золота, зато тяжело нагруженный землей, приближался к кораблям. Товарищи, вышедшие ему навстречу, были поражены его поступком: одни из них стали смеяться над ним, другие порицать, но все единодушно сочли его безумцем. А он, попросив всех помолчать, промолвил: “Следуйте за мной, храбрые саксы, и вы убедитесь, что безумие мое для вас полезно”⁷. Они, хоть и сомневались, все же пошли следом за вожаком. Он же, взяв землю, рассыпал ее как можно реже по соседним полям, и занял это место для лагеря.

6. Но когда туринги увидели лагерь саксов, то показалось им это нестерпимым и они отправили послов с жалобой, что со стороны саксов нарушен мир и не соблюден договор. Саксы возразили, что они до сих пор нерушимо соблюдают договор, а купленную на свое собственное золото землю намерены оставить за собой, не нарушая мира, в противном же случае – отстоять ее оружием. Услышав это, местные жители прокляли саксонское золото и объявили виновником несчастья их страны того, кого сами же незадолго перед

тем восхваляли за удачливость. Потом, распаленные гневом, бросились они в пылу безрассудства без порядка и без плана на лагерь саксов; а эти встретили врагов в боевой готовности, опрокинули их и, после счастливого окончания битвы, удержали за собой, по закону войны, ближайшие окрестности. После долгих и многократных столкновений обеих сторон туринги убедились, что саксы одержат над ними верх, и предложили через посредников встретиться обеим сторонам в установленный день в определенном месте без оружия и снова заключить договор о мире. Саксы ответили, что принимают предложение. В те времена были у них в употреблении большие ножи, какими и до сего дня пользуются англы, по обычаю предков. С этими ножами, спрятанными под плащами, саксы выступили из лагеря и сошлись с турингами в условленном месте. И когда они увидели, что враги безоружны и с ними пришли все их предводители, то, сочтя это удобным моментом для овладения всей страной, выхватили ножи, бросились на незащитных, ничего не подозревающих людей и перебили всех, так что ни один из них не уцелел. Так саксы приобрели известность и стали внушать соседним народам великий страх.

7. А иные полагают, что они от этого злодеяния получили свое имя. Потому что ножи на нашем языке называются “сакс”; и они за то и были прозваны саксами, что перерезали такое множество людей своими ножами. {...}

9. Саксы без колебаний и сомнений выбрали⁸ 9 предводителей, у каждого из которых было по тысяче воинов. И предводители вступили в лагерь, каждый с сотней воинов, тогда как остальная часть многочисленного войска оставалась за лагерем, и дружественными словами приветствовали Тиадрика. Тиадрик с радостью принял это приветствие и, после обмена рукопожатиями с ними, дал им слово. Они же сказали: “Преданный тебе и повинующийся твоим повелениям народ саксов послал нас к тебе; и вот мы здесь, готовые ко всему, что внушит тебе твоя воля, готовые или победить твоих врагов, или, коль суждено судьбой иное, умереть за тебя. Знай же, что у саксов нет никакого другого желания, кроме как победить или отдать жизнь⁹; ведь мы не можем оказать своим друзьям большей услуги, чем пренебречь ради них смертью. И мы горячо желаем, чтобы ты убедился в этом на деле”. Пока они так говорили, франки дивились воинам, отличающимся телесной силой и мужеством. Удивлялись они и их своеобразной одежде, а также вооружению и рассыпавшимся по плечам кудрям¹⁰, но всего более их героической решительности. Одеты в военные плащи¹¹ и вооруженные длинными копьями, стояли они, опершись на небольшие щиты, с большими ножами на бедрах. Некоторые даже говорили, что им, франкам, не следует пользоваться услугами столь могущественных друзей: люди они необузданные, и если заселят здешнюю страну, то, и сомневаться нечего, со временем разрушат франкское государство. Но Тиадрик, заботясь лишь о своей личной выгоде, принял воинов как союзников и приказал им готовиться к штурму города¹². Саксы, возвратясь от короля, расположились лагерем с южной стороны города на лугах, примыкающих к реке, а на следующий день, с первым лучом солнца, взялись

IN CIP EPISTOLAE AD CORIN
THI I

AV
LVS

UOCATUS A PLS NPI IHU PER
uoluntate di. et sosthenes frater
ecclesiae di quae e corinthi scifi cati
in xpo ihu uocatus scif. cum omnibus
qui uocant nomen dñi nri ihu xpi in
omni loco ipso rñ et nro. gratia uob
et pax ad o patrento et dño ihu xpo.
Gratia ago dñe o sem p uobis.
in gratia di quae data e uobis in xpo ihu.
quam omnibus diuites facti estis in
illo in omni uerbo et in omni scientia.
sicut testimoniu xpi confirmata e in o
bit. et ad nihil uobis desit in illa gratia. expec

Инициал "P". Первая Библия св. Марциала. Лимож.

Ок. 1000 г.

за оружие, атаковали пригород¹³ и подожгли его. После того как пригород был взят и сожжен, они выстроились в боевом порядке против восточных ворот. Когда осажденные увидели у стен неприятеля, приведенного в боевую готовность, и поняли, что им грозит крайняя опасность, то сделали из ворот отчаянную вылазку, ринулись в слепой ярости на противников, стали копья метать, а потом стали биться мечами¹⁴. Завязался жестокий бой. Многие и с той и с другой стороны полегли в этой битве. Одни сражались за отечество, за жен и детей, наконец, за собственную жизнь, саксы же бились ради славы и ради приобретения страны¹⁵. Раздавался крик подбадривающих друг друга воинов, звон оружия и стоны умирающих, и такое зрелище длилось весь этот день. Повсюду совершались убийства, повсюду слышался вопль, но ни то, ни другое войско не отступало, и лишь поздний вечер прервал битву¹⁶. Многие из турингов были в тот день убиты, многие ранены, саксы же насчитывали убитыми шесть тысяч.

10. Тогда Ирминфрид¹⁷ послал Иринга¹⁸ со всеми своими сокровищами к Тиадрику смиренно ходатайствовать о мире и сообщить о добровольной сдаче. Иринг пришел к нему и сказал: “Твой прежний родственник¹⁹, а теперь слуга, послал меня к тебе, чтобы ты сжалился, если не над ним, то хоть над своей несчастной сестрой и над своими племянниками, которые находятся в бедственном положении”. Когда он, обливаясь слезами, проговорил эти слова, то подкупленные золотом франкские предводители прибавили от себя, что королевскому милосердию не подобает отвергать такую мольбу, что он не должен забывать родственных связей и что полезней оказать покровительство тем, кого он уже одолел и так ослабил, что они никогда против него не восстанут, чем такому необузданному и неуступчивому народу, от которого франкское государство не может ожидать ничего, кроме опасности; сколь тверды и непоколебимы саксы, он может также видеть по бою, который они дали, и потому лучше поддержать турингов, а саксов изгнать из своей страны. Такие речи, хоть и были неприятны Тиадрику, все же изменили направление его мыслей, и он обещал на следующий день принять своего зятя и отказаться от союза с саксами. Услыхав это, Иринг бросился королю в ноги и стал прославлять королевское мягкосердечие, потом послал своему господину желанную весть, чем обрадовал его, и заверил город в безопасности; а сам остался в лагере, чтобы дело не приняло ночью дурного оборота. Между тем из города, которому обещанием мира была возвращена безопасность, вышел какой-то туринг с соколом и стал высматривать добычу на той стороне реки. Но лишь только он пустил птицу, один из саксов тотчас поймал ее на другом берегу. И как он ни упрашивал вернуть ее, сакс отвечал отказом. Тогда туринг сказал: “Отдай ее мне, и я выдам тайну, которая будет полезна тебе и твоим товарищам”. Сакс ответил: “Говори – и получишь, что просишь”. “Короли, – молвил тот, – заключили между собой мир и договорились, что, если застанут вас завтра в лагере, захватят в плен, а в случае сопротивления – перебьют вас”. “Шутишь ты или говоришь всерьез?” – спросил сакс. “Второй

час завтрашнего дня, – ответил, тот, – покажет, что вам следовало действовать без шуток. Поэтому позаботьтесь о себе и ищите спасения в бегстве”. Сакс тут же выпустил сокола и передал товарищам, что услышал. Те, глубоко потрясенные этой вестью, в первый момент не знали даже, как им вести себя при данном положении дел.

11. Но был тогда в лагере саксов убежденный сединами воин, по имени Гагагат²⁰, старец уже, но и в старости все еще полный силы, которого называли “отцом отцов” в награду за его доблестные подвиги. Он схватил боевое знамя, которое у них почиталось святыней, с изображением льва, дракона и парящего над ними орла – что означало величие храбрости, мудрости и подобных добродетелей, – и сказал, всей своей позой выражая непреклонность духа: “До сих пор я жил среди храбрых саксов и дожил почти до глубокой старости, но никогда я не видел, чтобы саксы бежали; неужели же теперь доведется мне делать то, чему я никогда не учился? Я умею сражаться, но не могу и не хочу бежать; и если судьба не позволит мне жить долее²¹, пусть по крайней мере суждено мне будет то, что для меня всего дороже, – пасть с друзьями. Распростертые вокруг нас тела друзей, которые предпочли лучше отдать жизнь, чем быть побежденными, испустить непоколебимый дух, чем отступить перед врагом, служат мне примером отеческой доблести. Но к чему столько слов на увещания презирать смерть? Мы пойдем на беспечных людей, на убийство – не на битву. Ведь они не подозревают никакой беды, полагаясь на обещанный мир и на наши тяжелые потери; да и утомленные нынешним боем, они не позаботятся о сторожевых постах и об обычной охране. Набросимся же на ничего не подозревающих, погруженных в сон людей – это не составит труда. Следуйте за мной, как за вождем, и даю вам голову на отсечение, все выйдет так, как я сказал”.

Воодушевленные его прекрасными словами, они использовали остаток дня на восстановление своих сил. Потом, в первую ночную стражу, когда обычно тяжелый сон охватывает людей, они взяли по данному знаку за оружие, устремились под предводительством вождя к стенам и, не обнаружив ни постов, ни охраны, с устрашающим боевым криком ворвались в город. Встревоженные этим враги искали спасения – одни бежали, другие блуждали, подобно пьяным, по улицам и укреплениям города, третьи, принимая саксов за своих сограждан, попадались им в руки. Они же всех взрослых смерти предавали, а малолетних в добычу сберегали. Это была ночь, полная криков, убийств и грабежей, и не было в целом городе ни одного спокойного места, пока румяная утренняя заря не занялась и бескровной победы не осветила²². Но поскольку венцом победы считался плен короля, т.е. Ирминфрида, то стали искать его всюду, пока не выяснилось, что он с супругой, сыновьями и немногочисленной свитой бежал.

12. С наступлением утра саксы принесли своего орла к восточным воротам, воздвигли алтарь победы и, следуя заблуждениям предков, торжественно славили своего собственного истукана, который изображал Марса,

соответствуя по виду столпам Геркулеса²³, а по положению – солнцу, называвшемуся у греков Аполлоном. Из этого очевидно, что мнение тех, кто считает саксов потомками греков, все же вероятно; потому что Марс называется по гречески Хермин, или Хермис²⁴ – этим словом мы и до сих пор пользуемся, даже не зная его значения, для похвалы или порицания. После этого они еще три дня праздновали победу, делили военные доспехи врагов, оказывали последние почести павшим и до небес превозносили своего вождя, восклицая, что он одарен божественным духом и неземной доблестью, потому что своей стойкостью достиг такой блестящей победы. Все это случилось, как передают наши предки, в календы октября²⁵. Эти дни суеверных заблуждений обращены теперь благочестивыми людьми в посты, молитвы и приношения за всех наших умерших христиан.

13. По окончании всего этого они вернулись в лагерь к Тиадрику, были им радушно приняты, восхвалены и получили в дар эту страну на вечные времена. Теперь уже их называли союзниками и друзьями франков, и они поселились прежде всего в городе, который уберегли от огня как свой собственный. А каков был конец самих королей, я не премину рассказать здесь – ведь это замечательная сага. Вот она: Иринг, посланный в день взятия города к Тиадрику, был им принят и остался на ту ночь в лагере. Когда же Тиадрик услышал о бегстве Ирминфрида, то замыслил хитростью вернуть его назад, а Ирингу велел убить его, за что обещал ему великолепные дары и великую власть в государстве. Сам Тиадрик, однако, хотел казаться непричастным к этому убийству. И хотя Иринг с болью выслушал это, но в конце концов, соблазненный ложными обещаниями, уступил и согласился подчиниться его воле. И вот Ирминфрид был вызван и пал к ногам Тиадрика, и тогда Иринг, стоявший рядом как королевский оруженосец с обнаженным мечом, убил своего коленапоклоненного господина. Тотчас вскричал король: “После такого злодеяния ты, убийца своего господина, стал ненавистен всем людям. Мы не хотим быть соучастниками твоего подлого поступка, дорога тебе открыта – прочь отсюда!” “Поделом, – промолвил Иринг, – стал я ненавистным всем людям за то, что поддался твоим козням; но прежде чем уйти, я искуплю это мое преступление мезтью за своего господина”. И он, как стоял с обнаженным мечом, пронзил им самого Тиадрика; потом, взяв тело своего господина, положил его на труп Тиадрика, чтобы тот, кто был побежден при жизни, мог быть победителем по крайней мере по смерти, и ушел, пролагая себе мечом дорогу.

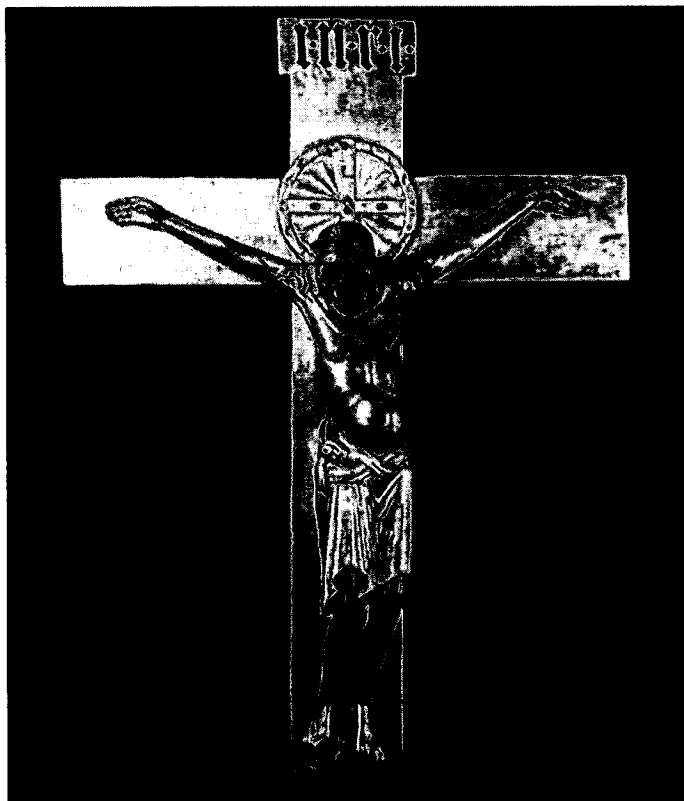
Я предоставляю читателю судить, насколько правдоподобен этот рассказ. Все же нельзя не удивляться тому значению, какое он приобрел: еще и по сей день именем Иринга обозначается на небе так называемый Млечный путь.

1, 32. И вот когда междоусобная война утихла²⁶, венгры снова прошлись по всей Саксонии, предавая огню города и селения, и произвели повсюду такую резню, что стране угрожало полное опустошение. Король²⁷ же находился в укрепленном городе, называемом Верлаон²⁸, потому что не доверял своему

еще малообученному войску, непривычному к большой войне против такого дикого народа²⁹. А какое кровопролитие произвели они в те дни и сколько сожгли монастырей, – об этом я счел лучшим умолчать, чем возобновлять даже словами наши бедствия. Но вот случилось схватить какого-то из венгерских предводителей, его связали и привели к королю. Венгры, очень любившие его, предложили за него выкуп – несметное количество золота и серебра. Но король, отвергнув золото, потребовал мира и, наконец, добился, что за выдачу пленных и дары, мир был заключен на 9 лет.

I, 35. Так король Генрих получил мир от венгров на 9 лет. С какой мудростью и неусыпной заботой укреплял он отечество и покорял варварские народы, высказать я не в силах, но и совсем умолчать об этом не должен. Прежде всего он выбрал из военнообязанных поселян³⁰ каждого девятого и заставил жить в городе, чтобы он для остальных своих восьми товарищей строил жилища, получал и сохранял третью часть всего урожая, остальные же восемь должны были сеять, жать, собирать плоды для девятого и держать их у себя. Он распорядился также, чтобы суды и все прочие собрания и празднества проводились в городах, над строительством которых трудились дни и ночи, с тем чтобы в мирное время обучиться тому, что понадобится делать в случае необходимости в борьбе с врагами. Вне городов имелись очень плохие строения, или же их и вовсе не было. Приучив жителей к такому порядку и дисциплине, он неожиданно напал на славян, которые назывались гевельдами³¹; измучив их нескончаемыми битвами, он, наконец, воспользовавшись сильным морозом, расположился лагерем на льду и овладел их крепостью Бранибор³² с помощью голода, меча и стужи. И когда вместе с этим городом он овладел и всей страной, то обратился он против даламанцев³³, войну против которых давно уже доверил ему отец³⁴, осадил город, который назывался Гана³⁵, и захватил его, наконец, на двадцатый день. Трофеи города были отданы воинам, все взрослое население перебито, а мальчики и девочки взяты в плен. После этого он со всем своим войском напал на Прагу, город в Богемии, и принудил к подчинению его правителя³⁶; о нем рассказывают всякие чудеса, но я за неимением доказательств³⁷ обойду все это молчанием. Он был братом Болеслава и всю жизнь оставался верным и покорным императору³⁸. Итак, обязав короля Богемии платить подати, Генрих вернулся в Саксонию.

I, 38. А когда король имел уже у себя войско, подготовленное к конному сражению, то решил он начать борьбу со старым врагом – венграми³⁹. ...И вот венгры внезапно, со стремительностью, на какую только были способны, вступили в пределы Тюрингии и прошли всю эту страну огнем и мечом. Здесь они разделили свои отряды; одна часть пошла на запад, намереваясь с юго-запада напасть на Саксонию, но саксы вместе с тюрингами вступили с ними в борьбу, убили их предводителей, а остатки западного войска рассеяли по всей стране: одни из них умерли от голода, другие – замерзли, третьи были избиты или попали в плен и, как того и заслуживали, погибли жалкой смертью. Отряды же, которые остались на востоке, узнав, что сестра короля, выданная за какого-то тюринга Видо – ведь была она рождена вне брака, –

Распятие Герона, архиепископа Кельнского. Кельнский собор. 975 г.
Хроника христианства. М., 1999. С. 151

живет в соседней крепости и обладает множеством золота и серебра, с такой силой бросились атаковать крепость, что, не помешай им ночь, они захватили бы ее. Но когда этой ночью они получили известие о поражении западных отрядов и близости к ним самим короля с огромным войском – король расположился лагерем при местечке Риаде⁴⁰, – то, объятые страхом, покинули они лагерь, созывая по своему обычаю рассеянные полчища пламенем костров и густым дымом. Король же на следующий день⁴¹ вывел войско вперед, увещевая воинов возложить свои надежды на Божью милость и не сомневаться в том, что явится им, как и в других сражениях, божественная помощь, что венгры – всех их общий враг, что они должны думать только о защите родины и соотечественников, что скоро они сами увидят, как враги обратятся в бегство, если они, мужественно сражаясь, окажут им сопротивление. Возбужденные этими прекрасными словами, воины, видя, как их полководец появляется то в передних рядах, то в задних, то в середине войска⁴², а перед

ним ангел – его именем и изображением было украшено полковое знамя, – приобрели уверенность и твердую решимость. Все же король опасался – как оно и вышло, – что враги при виде вооруженных всадников тотчас обратятся в бегство; вот почему он выслал вперед отряд легковооруженных турингов с тем, чтобы венгры, преследуя их, оказались таким образом вблизи его войска. Так оно и получилось. Но, несмотря на это, они, едва завидев тяжелооруженную конницу, бежали, да так, что на пространстве восьми миль лишь немногие были убиты и взяты в плен; зато лагерь их был опустошен и все пленные освобождены.

I, 39. По возвращении из похода король-победитель, как и подобало, с щедростью воздал Богу хвалу в благодарность за дарованную ему победу над врагами, а ту дань, которую он обычно отдавал врагам (венграм), посвятил на Божественную службу и предназначил ее для раздачи бедным. Войско приветствовало его как отца отечества, всемогущего повелителя и императора; слава о его могуществе и храбрости распространилась повсюду, среди всех народов и королевств... А когда он задумал возвысить свой народ, то мало кто оставался из знатных людей всей Саксонии, или таких и вовсе не было, кого бы он ни удостоил богатыми дарами, чином или же какой-нибудь должностью. К его исключительному благоразумию и мудрости добавлялась еще и могучая телесная сила, придававшая его королевскому достоинству истинную красоту. На военных состязаниях он одерживал победы с таким превосходством, что нагонял на всех ужас; на охоте был так неутомим, что за один выезд убивал сорок или даже более штук дичи. И хотя в обществе он был весьма общителен, однако ничуть не ронял королевского достоинства; воинам он внушал такое благоговение и в то же время страх, что они, даже если он сам шутил, не осмеливались позволить себе какую-нибудь вольность.

II, 36. ...Сам он⁴³, всемогущий повелитель, старший и лучший из братьев⁴⁴, славился прежде всего благочестием; в своих предприятиях отличался среди всех смертных настойчивостью; несмотря на страх, внушаемый его королевским величием, был всегда приветлив; в даяниях был щедр, в сне умерен и обычно что-то говорил во сне, так что казалось, он всегда бодрствует; друзьям он ни в чем не отказывал и проявлял к ним более чем человеческую верность. Ибо я слышал, что некоторые из обвиненных и избличенных в преступлениях находили в нем своего защитника и поручителя, который не верил в их виновность и обращался с ними так, будто они никогда против него и не совершали никакого преступления. Дарования его достойны всяческого удивления⁴⁵. Ведь по смерти королевы Эдиты⁴⁶ он овладел грамотой, которой до тех пор не знал, так что вполне мог читать и понимать целые книги. Кроме того, он умел говорить на романском⁴⁷ и на славянском языках, хотя не часто случалось, чтобы он счел достойным ими пользоваться. Охотником он был усердным, любил игру в кости, изредка упражнялся в верховой езде, сохраняя королевское приличие. Вдобавок к этому он был крепкого телосложения, вполне соответствующего его королевскому достоинству, с

седой головой и сверкающими глазами, подобно вспышкам молнии излучающими блеск; лицо было румяным, борода вопреки древнему обычаю – окладистой, грудь покрыта волосами, как бы львиной гривой, живот соразмерный, походка то быстрая, то величавая. Одежду он носил отечественную и никогда не пользовался иноземной. Всякий раз, как ему предстояло надевать корону, он, как рассказывают, соблюдал пост.

¹ Имеется в виду Оттон I Великий (912–973); у власти с 933 г. Труды эти не сохранились.

² *Иосиф Флавий*. Иудейская война, II, 16.

³ *Лука*. Фарсалия, I, 423.

⁴ Слева от устья Эльбы (Лабы).

⁵ Туринги жили между франками и саксами, между реками Рейн и Майн.

⁶ Выражение заимствовано у Саллюстия (“Заговор Катилины”, 48), у Видукинда встречается еще в I, 12.

⁷ Ср. “Энеида”, II, 335.

⁸ В ответ на просьбу франкского короля Тиадрика, незаконного сына короля Гуго, помочь ему в войне против турингов. Об этом идет речь в начале главы.

⁹ Альтернатива “победа или смерть”, по-видимому, заимствована у Саллюстия (“Заговор Катилины”, 20).

¹⁰ Франки имели обыкновение стричь волосы на затылке.

¹¹ Широкая в разноцветную полосу льняная или шерстяная одежда.

¹² Имеется в виду город близ Ганновера, где в замке Сцитинги (теперь Бург Шейдунген) заперся со свитой король турингов.

¹³ В тексте “*oppidum*” означает строения, расположенные за стенами города.

¹⁴ Ср. *Саллюстий*, Заговор Катилины, 60: “Дротики были отброшены, бились мечами”.

¹⁵ Король франков обещал саксам в случае их победы над турингами всю страну.

¹⁶ Ср. *Саллюстий*, Югуртинская война, 60: “Наступившая ночь прервала сражение”.

¹⁷ Король турингов.

¹⁸ Оруженосец Ирминфрида.

¹⁹ Ирминфрид был женат на Амальберге, сводной сестре Тиадрика.

²⁰ Рудольф Фульдский (I, 1) называет Гатагата вождем саксов.

²¹ Ср. “Энеида”, IV, 651 и I, 18: “судьба позволила”, “если позволит, то рок”.

²² Выражение “бескровная победа” заимствовано у Саллюстия (“Заговор Катилины”, 61).

²³ По-видимому, у Видукинда были довольно смутные представления о греческой мифологии. “Геркулесовы столбы” – скалы по берегам Гибралтарского пролива – он принимал за статуи.

²⁴ Видукинд смешивает здесь Ареса и Гермеса. На сакс. яз. *marī*, *mar* – для одобрения, *mara* – для порицания.

²⁵ То есть 1 октября.

²⁶ В 924 г.

²⁷ То есть Генрих I Птицелов, у власти с 919 г., положил начало саксонской династии (919–1024).

²⁸ Близ г. Гослар.

²⁹ С набегами венгров уже не могло справиться пешее ополчение германских племен, необходима была конница. Генрих I и провел в целях обороны Саксонии военную реформу, подготовив из свободных крестьян и министерялов воинов-рыцарей, сражавшихся в конном строю в тяжелом вооружении.

³⁰ В тексте “*agrarii milites*”. Толкования этого термина различны. По-видимому, это были слуги короля из свободных крестьян, выполнявшие хозяйственно-административную и военную службу (главным образом, в коннице), за которую получали земельные владения.

- ³¹ Область по берегам реки Хафель, близ Берлина, к востоку от Эльбы (Лабы). Битва с полабскими славянами имела место в 928 г.
- ³² Теперь Бранденбург.
- ³³ Одно из славянских племен.
- ³⁴ *Оттон*, герцог саксонский.
- ³⁵ Местность возле Мейсена (близ Дрездена).
- ³⁶ То есть чешского святого Вацлава/Венцеслава (см. II, 3).
- ³⁷ Видукинд неоднократно высказывает сомнения в достоверности сообщаемого им, считая это “выдумкой, основанной на народной молве” (I, 22, ср. I, 1; 13; 18; 35 и др.).
- ³⁸ То есть Генриху I. Термин “*impregator*” употреблен здесь, как и в ряде других мест, не в собственном значении, а в смысле “король” (“гех”).
- ³⁹ Генрих отказался платить венграм дань, и они снова задумали напасть на Саксонию.
- ⁴⁰ Вблизи саксонско-тюрингской границы, может быть – Рietenбург.
- ⁴¹ Битва произошла 15 мая 933 г.
- ⁴² Заимствовано у Саллюстия (“Югуртинская война”, 45).
- ⁴³ То есть Отгон I Великий.
- ⁴⁴ То есть Генриха II и Бруно.
- ⁴⁵ Здесь очевидно влияние Эйнхарда (“Жизнь Карла”, 22–23).
- ⁴⁶ Жена Оттона, умерла в 947 г.
- ⁴⁷ Имеется в виду не латинский язык, которого Оттон не понимал, а древний французский язык, галльское народное наречие (см.: *Нитхард*. История, III, 5).

Хротсвита Гандерсгеймская

В плеяде писателей-новаторов оттоновского времени Хротсвита Гандерсгеймская занимает почетное место. В век, когда драматического жанра в литературе не существовало, она писала драмы; в век, когда рифмованная проза только что начинала утверждаться в латинской словесности, она пользовалась ею широко и свободно; в век, когда женщина рассматривалась господствующим мировоззрением, главным образом, как “сосуд диавольский”, она выступила с апологией женского достоинства в той форме, в какой это только и было возможно в средневековой христианской культуре, – в форме прославления девственности.

Даты рождения и смерти Хротсвиты неизвестны; творчество ее относится к 950–970-м годам. Имя свое (Хротсвита, Гросвита, Росвита – около 20 орфографических вариантов) она толковала как “Громкий Глагол”, но этимология эта сомнительна. По-видимому, она происходила из Саксонии, и по-видимому, из знатного рода: Гандерсгеймский каноникат, к которому она принадлежала, был аристократическим заведением, из 8 первых его аббатис 6 принадлежали к оттоновскому Лиудольфингскому роду. В Гандерсгейме Хротсвита воспитывалась смолоду, одной из ее наставниц была племянница Оттона I Герберга (940–1001), с 959 г. гандерсгеймская аббатиса; Хротсвита была ненамного старше Герберги. Училась она с усердием, была знакома не только с тривиумом, но и с квадравиумом, свои знания она с гордостью выставляет напоказ в своих сочинениях; ученость была для нее как бы обоснованием права на человеческое достоинство.

Сочинения Хротсвиты были собраны ею самой в три книги с посвящениями и предисловиями. Первая книга – это сборник 8 стихотворных легенд (в леонинских гексаметрах, одна – в дистихах), главным образом, из житий святых; впрочем, две легенды, о франкском мученике Гонгольфе и о кордовском мученике Пелагии, повествуют о совсем недавних событиях, отчасти даже со слов очевидцев. Одна из легенд посвящена истории Теофила, продавшего душу дьяволу, а потом спасенного заступничеством Богоматери, – сюжет, обработанный потом Рютбёфом и послуживший легенде о Фаусте. Писать легенды Хротсвита начала в юности и тайно, лишь потом, с одобрения Герберги, она собрала их в книгу, и они читались за монастырской трапезой.

Вторая книга Хротсвиты – это шесть пьес, содержание которых тоже заимствовано из житий святых; они были написаны в два приема. Первые явились: “Галликан” – история языческого военачальника, влюбленного в дочь императора Константина, обратившегося в христианство и ставшего святым; “Дульциций” – о мученичестве девственниц Агапии, Хионии и Ирины во время Диоклетианова гонения; “Каллимах” – о юноше-язычнике, влюбленном в христианку Друзиану, об их смерти и чудесном воскрешении по воле Бога; “Авраам” – о святом отшельнике, возвращающем на путь истинный свою приемную дочь, совращенную дьяволом и ставшую блудницей. Потом были написаны еще две пьесы: “Пафнутий”, вариант того же сюжета, что и в “Аврааме”, и “Сапиенция”, вариант того же сюжета, что и в “Дульциции”; обе эти пьесы сильно перегружены ученым материалом, в “Пафнутия” вставлен длинный диалог героя с его учениками о философских и научных предметах. Как возникли эти пьесы, Хротсвита рассказывает в предисловии к ним: читая популярного в X в. Теренция, она любовалась его изящным стилем и живым диалогом, но жалела, что все эти достоинства служат лишь для описания мирских утех и блудной любви; поэтому она решила написать несколько сочинений в той же форме (словом “комедия” она не пользуется), но с благочестивым христианским содержанием. Теренция современники Хротсвиты читали как прозу, потому что сложное строение метрического стиха римской комедии ими уже не воспринималось; поэтому и свои подражания Теренцию Хротсвита пишет прозой, однако украшая ее только что начавшим в моду украшением – рифмой. Кроме Теренция, несомненное влияние на форму пьес Хротсвиты оказали диалогические учебники (типа Алкуиновых), диалогические эклоги и, быть может, мало известный нам народный примитивный театр бродячих мимов.

Третья книга Хротсвиты включает две эпические поэмы исторического содержания. Первая – “Деяния Оттона”, написанная по прямому заказу Герберги, сохранилась неполностью; здесь панегирически рассказывается история правления императора, кульминацию образует римская коронация, но в целом внимание автора больше сосредоточено на лицах, чем на событиях. Это, главным образом, семейная история, самая живая ее часть – рассказ

об итальянской королеве Адельгейде, ставшей потом женой Оттона, ее плене, бегстве и т. д. Вторая поэма – “Начала Гандерсгеймской обители” – стихотворная история Гандерсгеймского канониката, начиная с его основателей графа Лиудольфа и графини Оды – и до смерти их дочери Христины в 919 г. Поэма об Оттоне имеет посвящения самому Оттону I, Оттону II и Вильгельму Майнцскому – свидетельство о прямой связи творчества Хротсвиты с оттоновским двором.

Идейный мир Хротсвиты прост и ясен. Все четко делится на праведное и грешное, Божие и дьявольское, черное и белое; дело истинного христианина – побеждать в себе грешное начало и служить Господу всеми своими силами; страсть есть проявление грешного начала, опасное и соблазнительное, и борьбу своих героев со страстью Хротсвита рисует живо и сочувственно; девственность есть образец чистой жизни, угодной Богу, для мужчин такая степень чистоты недоступна, и поэтому Хротсвита прославляет девственность от первых своих стихотворений до последних. Содержание большинства ее произведений – столкновение праведной стихии и грешной стихии, для изображения этого конфликта она не жалеет контрастных красок, упоминает и о педерастии (в “Пелагии”) и о некрофилии (в “Каллимахе”); оттого она и возвращается к таким ярким ситуациям, как “обращение в лупанаре” (“Авраам”, “Пафнутий”) и “беззащитные девы перед деспотом” (“Дульциций”, “Сапиенция”); победа в этой борьбе уготована светлому началу, отсюда такой вкус к изображению Божиих чудес (например, в “Каллимахе”), отсюда же тезис о всеисилии Божия милосердия в “Аврааме”. Пьесы Хротсвиты построены как наглядные иллюстрации к ее идейной программе; отсюда намеренная простота их построения, прямолинейность действия, строгая одноцветность фигур, простота диалога. При всем этом она умеет разнообразить свое искусство: читатель почувствует разницу между комической окраской ее “Дульциция”, лирической – “Каллимаха” и психологической углубленностью “Авраама” – пьесы, в которой внутреннее перерождение грешной Марии происходит на глазах у читателя.

Задуманные не столько как комедии, сколько как “антикомедии”, пьесы Хротсвиты не имели успеха: Теренция продолжали читать, а ее скоро забыли; лишь одна из ее пьес, “Галликан”, в XII в. была переработана для сцены уже возникшего средневекового театра. Зато когда накануне германской реформации, в пору обостренной немецкой национальной гордости, гуманист Цельтис в 1493 г. нашел и в 1501 г. издал эти сочинения “первой немецкой поэтессы” (с гравюрами Дюрера и Траута), это стало всевропейской сенсацией. (Высказывалось даже предположение, что пьесы Хротсвиты были лишь подделкой, написанной самим Цельтисом и его друзьями, но оно оказалось не выдерживающим критики.) В эпоху классицизма восторг перед Хротсвитой затих, но в эпоху романтизма вспыхнул снова. Неожиданное усиление интереса к драматургии Хротсвиты наблюдается на Западе и в наше время –

в связи с тем, что некоторые исследователи не без оснований усмотрели в ее творчестве черты сходства с “эпическим театром” Бертольда Брехта, возникшим, конечно, на совершенно иной идейной основе, но использующим аналогичные агитационно-поэтические приемы.

Текст “Предисловие к драмам”, “Дульциция”, “Каллимаха”, “Авраама” приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 81–103. Текст “Пафнутия” приводится по изд.: Хротсвита Гандерсгеймская. Пафнутий / Пер. М.Л. Гаспарова // *Arbor Mundi*, 2003, № 10. С. 191–208. Текст “Истории страдания святой Агнеты” сделан по изд.: PL. V. 137. Ccol. 1121–1130.

Предисловие к драмам

Многие обретаются католики,
коим вряд ли можем мы простить таковые проступки,
что ради изощренного
красноречия словесного
языческих книг суетность брENNую
предпочитают пользе Писания священного,
Есть и другие,
святым страницам прилежащие,
кои, хотя все языческое вообще презирают,
Теренциевы вымыслы, однако же, частенько читают,
и пока сладостью речи упиваются,
познанием нечестивых вещей оскверняются.
А посему я, Громкий Глагол Гандерсгеймский¹,
не погнушалась подражать тому писанием,
кого многие почтили чтением,
дабы в том роде сочинительства, в коем постыдное
распутных жен многоблудие
воспевалось,
ныне достохвальное
святых девственниц целомудрие
по силе умишка моего прославилось.
Сие не раз заставляло меня стыдиться
и густым румянцем заливаться,
ибо, по велению
сего рода сочинения,
и ненавистное влюбленных безумие,
и пагубно-сладкое оных общение,
к коему даже наш слух
должен оставаться глух,
часто в уме обсуждала
и перу писать препоручала.

Сидящие монахини. Деталь алтаря или алтарной преграды.
Резьба по известняку. 2-я пол. XI в. Германия. *Beckwith J.*
Early Medieval art. Carolingian-Ottonian-Romanesque. L., 1969. P. 170–171

Ибо, если бы я стыда ради сие опустила,
то и задачи своей бы не свершила,
и невинности хваления
не воздала бы в меру своего умения.
Ибо, чем обольстительнее улещения безумцев,
тем сила всевышнего заступника сильнее
и торжество победителей становится славнее,
особливо когда женская слабость побеждает,
а мужская мощь посрамлена бывает.
Без сомнения, иные тем меня попрекнут,
что в этом моем писании убогом
все много хуже, все много плоше
и уж совсем на того не похоже,
кому подражать я хотела слогом.
Не возражаю,
но утверждаю,
Что по справедливости нельзя меня в том обвинить,
будто я предерзостно пытаюсь оным быть равной,
кои намного превзошли мое скудоумие мудростью
достославной,
и не таково
мое хвастовство,
чтобы даже с последними
тех творцов учениками
я равнялась познаниями.
Одного только добиваюсь:
хотя ничего как следует делать не умею,
но в смирении душевном вождедею,

как бы свыше приятое дарование
Даятелю вернуть без ослушания.
И не столь я себялюбива,
чтобы, убоявшись укоризненного слова,
во святых явленную мощь Христову
(поелику мне им же дарована сила),
я людям не возвестила.
Если кому благочестивое тщание мое будет любо,
возрадуюсь сугубо.
Если же (ради моего ничтожества
или нескладной речи моей убожества)
не понравится никому,
то сама я от содеянного радость приму;
ибо, когда я ранее
невежества своего жалкие писания
героическим стихом нанизала,
а нынешние в драматический ряд увязала,
то все же прелести
языческой мерзости
ничуть не подпала

Дульциций
Мученичество святых девственниц
Агапии, Хионии и Ирины

Сцена 2

Дульциций. Приведите, воины, приведите
тех, кого в узилище томите.

Воины. Вот те, кого ты звал.

Дульциций. Батюшки!

Какие милочки!

Какие красоточки!

Какие чудесные девицы!

Воины. Истинно красавицы.

Дульциций. Пленен я красою их особы.

Воины. Еще бы.

Дульциций. Жажду их привлечь для своей утехи.

Воины. Сомневаемся в успехе.

Дульциций. А почему?

Воины. Верны они Богу своему.

Дульциций. Что если соблазну улещеньями?

Воины. Пренебрегут.

Дульциций. Что если застращаю мученьями?
Воины. Ни за что почтут.
Дульциций. Что же делать?
Воины. Размысли сам.
Дульциций. Поместите этих затворниц
в самую далекую из горниц,
перед которою кухарь
складывает грязную утварь.
Воины. Для чего же в это место?
Дульциций. Чтобы я мог посещать их часто.
Воины. Как прикажешь.

Сцена 4

Дульциций. Что делают пленницы
В часы бессонницы?
Воины. Поют гимны.
Дульциций. Приблизимся слегка.
Воины. Три тоненьких голоса
слышны нам издалика.
Дульциций. Вы теперь
со светильниками сторожите дверь,
я же войду
и в желанных объятиях усладу найду.
Воины. Входи, подождем.

Сцена 5

Агапия. Кто в дверь стучится?
Ирина. Несчастный Дульциций сюда ломится.
Хония. Боже, нас не покинь.
Агапия. Аминь.
Хония. Что означает звон этих котлов,
кувшинов и горшков?
Ирина. Пойду взглянуть... Подойдите,
прошу вас, подойдите,
в замочную скважину посмотрите.
Агапия. Что там такое?
Ирина. Этот безумный,
рассудка лишенный,
воображает,
что в наших объятиях пребывает.
Агапия. Что же он делает?
Ирина. То котел нежно к груди прижимает,
то горшки и кувшины обнимает,
сладкие поцелуи расточает.

Х и о н и я. Ах, как смешно!
И р и н а. От такого объятия
лицо, руки и платье
так уж измазаны,
так уж изгажены,
что от налипшей сажи
стал он эфиопа гаже.
А г а п и я. Справедливо, чтобы он так же выглядел извне,
как душа его, преданная сатане.
И р и н а. Вот он собирается уходить. Посмотрим скорей,
что сделают воины, стоящие у дверей.

Сцена 6

В о и н ы. Кто это выходит? Караул! Он дьяволом одержим.
Иль, быть может, это сам Вельзевул?
Бежим!
Дульциций. Эй, стража!
Куда же?
Стойте, погодите!
В опочивальню меня со светом отведите.
В о и н ы. Голос господина нашего,
а образ дьявола падшего...
Мы здесь не останемся,
но еще быстрее бежать ударимся...
Привидение хочет нас загубить!

Каллимах Воскрешение из мертвых Друзианы и Каллимаха²

Сцена 1

К а л л и м а х. Друзья мои, послушайте друга.
Д р у з ь я. Все мы к твоим услугам.
К а л л и м а х. Не подумайте дурного,
Но хочу я вам втайне сказать два слова.
Д р у з ь я. Говори свободно
Все, что тебе угодно.
К а л л и м а х. Тогда отступимте в сторону,
Чтоб не быть разговору прервану.
Д р у з ь я. Мы готовы.
К а л л и м а х. Стражду я страданьем,
Тяжким и давним,

И от вашего суждения
Надеюсь получить облегчение.
Дру з ь я. Истинным другом и зовется лишь тот,
Кто с ближним делится всем, что на долю ему фортуна пошлет.
К а л л и м а х. Поделюсь я моим страданьем
И утешусь вашим состраданьем.
Дру з ь я. Что нам расскажешь,
Тем и сострадание наше заслужишь;
Если же нет,
Постараемся мы душу твою отратить от бед.
К а л л и м а х. Люблю я!
Дру з ь я. Что?
К а л л и м а х. Нечто прекрасное,
Нечто прелестное.
Дру з ь я. Много сказано,
Мало названо,
Единичность любви твоей не указана.
К а л л и м а х. Женщину.
Дру з ь я. Женщину ты назвал –
Обо всем женском роде в едином слове сказал.
К а л л и м а х. Не всех равномерно,
Но единую безмерно.
Дру з ь я. Всякое определение
Мыслимо только через отношение.
Назови существо,
Чтобы понятно сделалось качество.
К а л л и м а х. Друзиану.
Дру з ь я. Андроника, нашего князя, жену?
К а л л и м а х. Ее самую.
Дру з ь я. Но ведь эта жена
Крещена.
К а л л и м а х. Мне до этого дела нет,
Лишь бы только любовь моя к ней проложила след.
Дру з ь я. Не проложит.
К а л л и м а х. Почему же не сможет?
Дру з ь я. Трудно.
К а л л и м а х. Разве первый склоняю я женщину к страсти
блудной?
Дру з ь я. Слушай, брат, –
Та, обольстить которую ты рад,
Святым апостолом Иоанном крещена
И единому Господу всею душою предана.

Даже к мужу,
Христианнейшему Андронику, не всходит она на ложе;
И похоть твою подавно отвергнет тоже.
Каллимах. Искал я у вас утешения,
А обрел я у вас отчаяние.
Друзья. Притворство обманно есть,
И пагубна для истины лесть.
Каллимах. Если в помощи вашей вы мне отказываете,
Сам я пойду,
К ней подойду
И страстными словами любовь в ней разожду.
Друзья. Тщетны твои попытки.
Каллимах. Пусть, судьбе вопреки!³
Друзья. Увидим.

Сцена 2

Каллимах. Послушай меня,
Друзиана, любовь моя!
Друзиана. О чем тебе говорить со мной,
Каллимах молодой,
Право, не понимаю.
Каллимах. Не понимаешь?
Друзиана. Нет.
Каллимах. Прежде всего – о любви.
Друзиана. О какой любви?
Каллимах. О том, что тебя люблю я больше всего на свете.
Друзиана. Какие же узы кровные
Или какие обеты законные
Внушили тебе эту любовь?
Каллимах. Красота твоя.
Друзиана. Красота моя?
Каллимах. Да.
Друзиана. Но что тебе до нее?
Каллимах. Увы! Немногого я добился,
Но надежды на большее пока не лишился.
Друзиана. Прочь, прочь скорей.
Грешный блудодей!
Стыдно мне долее говорить с тобой,
Ибо чувствую, покорен ты воле дьявольской.
Каллимах. Друзиана, Друзиана, не отвергай меня, влюбленного,
В самое сердце страстью пораженного,
Но любовью на любовь мою ответь.

Д р у з и а н а. Блудные ухищрения твои осуждаю,
Похоть твою отвергаю,
Самого тебя всею душою презираю.
К а л л и м а х. Не гневайся, Друзиана, не гневайся:
Ты сама, быть может, не знаешь, что с тобой делается,
И краснеешь от смущенья.
Д р у з и а н а. Нет, лишь от возмущенья!
К а л л и м а х. Возмущенье твое минует.
Д р у з и а н а. Того не будет!
К а л л и м а х. А вдруг?!
Д р у з и а н а. О безумный, о грешный, зачем ты душою мечешься,
Зачем надеждою пустою тешишься?
Ужели, мнишь ты, меня
Тронет твоя болтовня,
Если я так долго
Ради божеского долга
воздерживалась и от супружеского долга.
К а л л и м а х. Но да будет
Свидетелем Бог и люди:
Если ты надо мною не сжалишься,
Я не устану, Я не отстану,
Пока рано или поздно
Не опутают тебя коварные мои козни.

Сцена 3

Д р у з и а н а. Горе мне!
Господи Иисусе Христе,
К чему было блюсти мне для тебя мое целомудрие,
Если вид мой вселил в безумца такое безумие?
Услыши, о Господи, муку мою,
Услыши, как я боюсь!
Что мне делать, что делать мне, я не знаю:
Если я все открою,
То жестокою вражду посею;
Если скрою,
То без вспоможения твоего я диавольских козней не одолею.
Повели же мне, Господи Христе,
Умереть скорее, Да не погублю я души
Этого красивого юноши.
А н д р о н к. Горе мне! Друзиана, супруга моя любимая,
Внезапной похищена кончиною.
Побегу
И святого Иоанна приведу.

Сцена 4

И о а н н. Что, Андроник, тебя огорчает?
Отчего твои очи слезы источают?
А н д р о н и к. Увы! учитель и господин,
Жизни не рад твой духовный сын.
И о а н н. Что приключилось?
А н д р о н и к. Друзиана, крестница твоя...
И о а н н. Неземного сподобилась бытия?
А н д р о н и к. Да!
И о а н н. Неуместно слезы твои проливаются
О той, что теперь небесным покоем наслаждается.
А н д р о н и к. Прав ты поистине:
Душа ее ликует в Царствии Небесном,
Тело же восстанет при воскресении телесном.
Мучит меня иное:
Только что предо мною
Стояла она
И смерть на себя призывала сама.
И о а н н. Почему?
А н д р о н и к. И об этом тебе расскажу,
Но не прежде, чем душу от скорби освобожу.
И о а н н. Поспешим
И достойным образом погребение свершим.
А н д р о н и к. Мраморный гроб поблизости есть,
В тот гроб хочу я ее перенести,
А охраню этому гробу
Будет Фортунат, слуга мой особый.
И о а н н. Погребем ее тело с честью многой,
А душа ее возликует в горних пред Богом.

Сцена 5

К а л л и м а х. Почему, Фортунат,
Друзиана уже в гробнице покоится,
А душа моя от любви никак не исцелится?
Ф о р т у н а т. Жаль мне тебя.
К а л л и м а х. Гибну я,
И надобна мне помощь твоя.
Ф о р т у н а т. Какая?
К а л л и м а х. Хочу я еще раз насладиться ее лицезрением.
Ф о р т у н а т. Тело ее не тронуто тлением,
Ибо не страдала она долгим страданием,
Но смерть похитила ее мгновенно.
К а л л и м а х. О, близость возлюбленной, сколь ты блаженна!

Ф о р т у н а т. Если подарком меня пожалуешь,
Сделаю я так, что ты ее изведаеть.
К а л л и м а х. Все, что при мне,
Дарю я тебе,
А потом, Фортунат,
Получишь ты и больше стократ.
Ф о р т у н а т. Идем же.
К а л л и м а х. Не замедлю.

Сцена 6

Ф о р т у н а т. Вот и тело,
Лицо ее не истлело,
И члены не тронуты гнилью:
Наслаждайся им вволю.
К а л л и м а х. О Друзиана, Друзиана, как истинно
Я тебя любил,
Какою страстию искренней
До самых недр я охвачен был!
А ты меня всегда отвергала,
Словам моим не внимала!
Ныне же в моей ты власти:
Совершу над тобой все,
что угодно моей страсти.
Ф о р т у н а т. Ах! ах! страшная змея на нас ползет.
К а л л и м а х. Горе мне! Фортунат, почто ты меня обманул,
Почто на постыдное преступление подстрекнул?
Вот, умираешь ты, ужален змеею,
И я от ужаса умираю вместе с тобою.

Сцена 7

И о а н н. Поспешим, Андроник, ко гробу твоей жены:
Мы за душу ее помолиться пред Господом должны.
А н д р о н и к. Воистину ты – святой человек:
Кто душою к тебе прилепился, ты не оставляешь тех.
И о а н н. Но се!
Господь наш незримый
Предстал пред нами въяве,
Подобный юноше в цветущей красе.
А н д р о н и к. Трепещите все!
И о а н н. Иисусе, Господи мой, почто ты днесь
Снизшел рабам твоим явиться здесь?
Б о г. Друзианы ради
И того, кто лежит при гробе ее,

Ибо их воскресением прославится Имя Мое.
А н д р о н и к. Сколь мгновенно вознесся Он в небеса!
И о а н н. Оттого, увы, непонятны мне Его слова.
А н д р о н и к. Пойдем же быстрее –
По приходе, быть может, изреченное станет тебе яснее.

Авраам

Падение и обращение Марии девицы, / Авраама Отшельника племянницы, / которая двадцать лет в пустыне спасалась, / но, утративши девство, вновь / в суету мирскую вмешалась / и даже блудной жизни не убоялась; / но по миновении двух лет, / вняв увещаниям Авраама отшельника, / явившегося к ней под обличем любовника, / к прежней жизни воротилась / и многими слезами, долгими постами, / двадцатью годами молитв и бдений / смыла с души своей пятно погрешений

Сцена 3

А в р а а м. Брате Ефреме, во всякой участи я к первому тебе
прихожу,

У тебя совета прошу.

Выслушай, не обессудь, стенания мои,

И облегчи мне страдания мои.

Е ф р е м. Аврааме, Аврааме, почто так печалишься,

Какою мукою мучишься?

Мирянину духом смущаться можно,

Отшельнику же отнюдь не должно.

А в р а а м. Скорбь меня обуяла неизмерная,

Горе меня постигло несказанное.

Е ф р е м. Долгими речами окольными меня не томи,

Но что с тобою, прямо скажи.

А в р а а м. Мария, та,

Которая вместо дочери мне была,

Которую четырежды пять лет

Воспитывал я так тщательно,

Учил так старательно...

Е ф р е м. Что же с ней?

А в р а а м. Горе! Она погибла.

Е ф р е м. Как же?

А в р а а м. Ужасным было ее падение

И тайным исчезновение.

Е ф р е м. Как же Мария

В сети попала одного древнего змия?

А в р а м. Была она во власти
Грешной страсти
К человеку, который приходил к ней под одеждой монашеской
черною

И любовью своею притворною
В сердце ее девичьем,
К обману непривычному,
Такую страсть заронил,
Что на мерзкий грех убежать в окно ее соблазнил.

Е ф р е м. Слышу и трепещу.

А в р а м. Когда же злополучная поняла свой позорный путь,
Стала она бить себя в грудь,
Лицо свое ранами покрывать,

Одежды рвать,

Волосы вырывать,

Голосом громкие вопли издавать.

Е ф р е м. Истинно, истинно, в участи такой

Не омыть греха и целою слезною рекой.

А в р а м. Плакала она,

Что уже не та она, какую была.

Е ф р е м. Ах, горькая беда!

А в р а м. Плакала, что нашими увещаниями она пренебрегла.

Е ф р е м. О, да!

А в р а м. Плакала она,

Что забыла и бденья, и моления, и пост, и пот.

Е ф р е м. Если в этом раскаянии твердой останется она,
То будет она спасена.

А в р а м. Увы, она его позабыла,

И после худого с нею еще худшее было.

Е ф р е м. Поражен я до самых недр,

И силы в моем теле больше нет.

А в р а м. Когда излилась она в стенаниях своих,

То горе ее крайнее

Увлекло ее стремглав в бездну отчаянья.

Е ф р е м. Гибель, гибель прегорькая!

А в р а м. И отчаявшись заслужить себе прощение,

Решила она в мир вернуться

И в суету окунуться.

Е ф р е м. Ах, таким победителем

Ни один бес никогда не был над пустынножителем.

А в р а м. Да, преданы мы демонам-губителям.

Е ф р е м. Одно удивительно для меня:
Как она ускользнула незаметно для тебя.
А в р а а м. Дух мой был в великом смятении
Из-за ужасного одного сновидения.
Если бы не это мое ослепление,
Я предупредил бы ее падение.
Е ф р е м. Расскажи мне, прошу, твое видение.
А в р а а м. Мнилось мне, будто стою я перед келией.
И вот некий дракон, виду огромного,
Запаху зловонного,
Налетел на меня изо всех сил,
Беленькую голубку у меня ухватил,
Ее сожрал,
И во мгновение ока из глаз пропал.
Е ф р е м. Вещий сон!
А в р а а м. А когда я был пробужден,
То, размышляя об этом видении,
Испугался я, что на Святую Церковь готовится гонение,
И иные из верующих могут впасть во искушение.
Е ф р е м. Испуг справедливый.
А в р а а м. И тогда, простершись ниц, Предведающего я молил,
Чтобы он значение сна мне открыл.
Е ф р е м. Ты правильно поступил.
А в р а а м. И вот на третью ночь,
Когда уже обнял мои усталые члены сон,
Привиделось мне, что оный самый дракон
К ногам моим, растерзанный, упал без сил,
И голубку, целую и невредимую, выпустил.
Е ф р е м. Отрадный ответ!
И сомнения у меня нет,
Что твоя
Вернется к тебе Мария.
А в р а а м. Сие второе видение
После первого было мне в утешение.
Духом я воспрянул,
И о питомице моей вспомянул –
И тут-то с тревогою подумал я,
Что уж целых два дня
Не видел ее на молитве Божией возле себя.
Е ф р е м. Поздно об этом подумал ты.
А в р а а м. Поздно, увы!
Пошел я к ее окну,

Рукой в него стукнул,
Девицу многожды по имени окликнул...
Е ф р е м. Ах, тщетно ты ее окликал!
А в р а а м. Этого я еще не знал.
И спросил я, почему к Божиему служению в ней прилежания
нет?

Но ни звука не получил в ответ.
Е ф р е м. И что же ты сделал ?
А в р а а м. Когда понял я, что дочери моей в келии нет,
Сердце мое страх пронизал,
По членам моим холод пробежал.
Е ф р е м. И не диво: сам я, слушая речь твою,
То же самое чувствую.
А в р а а м. Слезными стенаниями я воздух потрясал,
Вопрошал: что за волк овечку мою растерзал,
Что за разбойник дочь мою украл?
Е ф р е м. И впрямь, как же тебе не плакать о той,
Которую вскормил ты собственной рукой.
А в р а а м. Наконец, пришли те, кто истину знал,
И поведали все то, что я тебе пересказал,
И сказали, что в мирскую суету она ушла.
Е ф р е м. Куда?
А в р а а м. Неведомо.
Е ф р е м. Что же делать?
А в р а а м. Есть у меня верный друг,
Обойдет он города и села вокруг,
Пока не узнает, где,
В какой она есть земле?
Е ф р е м. И что же, когда узнает?
А в р а а м. Я в мирской одежде туда пойду,
Под видом любовника к ней войду:
Может быть, от моего увещания
После жизненного своего крушения
В тихой пристани обретет она спасение.
Е ф р е м. А если дадут тебе мяса и вина?
А в р а а м. Не отвергну, дабы не узнали меня.
Е ф р е м. И подлинно, ты разумно и похвально поступишь,
Если строгость воздержания своего на недолгое время нарушишь,
Дабы вернуть ко Господу заблудшую душу.
А в р а а м. Крепче стало мое решение,
Оттого что в твоём согласии я нашел утешение.
Е ф р е м. Тот, кто тайны сердец человеческих знает,

Всякого поступка намерение пронизает
В высочайшей мудрости суда своего
Осуждать он не будет того,
Кто от строгости воздержания
Отступая недолговременно,
Не погнушался к низайшим и слабейшим снизойти,
Чтобы заблудшую душу ко Господу воротить.
А в р а а м. Ты же споспешествуй силою молитв,
Да избегну я диаволовых ловитв.
Е ф р е м. Волею Всевышнего Бога,
Подателя всякого блага,
Да будет делу твоему благое завершение.

Сцена 4

А в р а а м. Не это ли мой друг.
Коего вот уже два года послал я разыскивать Марию?
Да, это он.
Д р у г. Здрав буди, досточтимый отче.
А в р а а м. Бог тебя храни
По вся дни.
Долго тебя я ждал,
Но уже надеяться перестал.
Д р у г. Оттого я опоздал,
Что неверными вестями тревожить тебя не желал.
Когда же я истину узнал,
Тотчас вернуться к тебе поспешил.
А в р а а м. Видел ли ты Марию?
Д р у г. Видел!
А в р а а м. Где?
Д р у г. В ближнем городе.
А в р а а м. С кем же она была,
И с кем имела дела.
Д р у г. И сказать не могу.
А в р а а м. Почему?
Д р у г. Стыдно языку моему.
А в р а а м. Все же молви, прошу!
Д р у г. В доме некоего сводника она обиталище имеет,
А он ее и холит, и лелеет,
Потому что денег целую тьму
Марины любовники приносят ему.
А в р а а м. Так у Марии любовники есть?
Д р у г. Есть.
А в р а а м. Кто же они?

Д р у г. Их не перечесть.
А в р а а м. Боже мой, Боже правый,
Какая ужасная слава:
Невеста, уготованная Тебе,
Других любовников ищет себе.
Д р у г. Так о блудницах ведомо с древних дней:
Чужая любовь им всегда милей.
А в р а а м. Коня мне быстроногого приведи
И платье мне воинское принеси:
Духовное облачение я сниму
И в обличье любовника к ней пойду.
Д р у г. Вот тебе все, что нужно.
А в р а а м. Дай же мне и шляпу – гуменце прикрыть.
Д р у г. Конечно, иначе тебя могут открыть.
А в р а а м. И возьму я с собой,
Чтобы заплатить гостинику, единственный мой золотой.
Д р у г. Да: ведь если денег у тебя не будет,
То и к Марии тебя не пустят.

Сцена 5

А в р а а м. Здравствуй, гостиник честной!
Г о с т и н и к. Здравствуй! что это за гость такой?
А в р а а м. Может ли в твоём жилище
Путник ночной найти себе кров и пищу?
Г о с т и н и к. Конечно!
В этот приют
Каждому вход открыт.
А в р а а м. Отлично.
Г о с т и н и к. Войди же
И садись к нашему столу поближе.
А в р а а м. За ласковый прием тебя благодарю,
Однако еще кое-чего у тебя попрошу.
Г о с т и н и к. Проси, что хочешь:
Все получишь.
А в р а а м. Этот скромный подарок от меня прими,
И за это к ужину моему пригласи
Девуцу ту,
Которая с тобою обитает тут.
Г о с т и н и к. А зачем она тебе надобна?
А в р а а м. Хочу я свести знакомство с ней,
Ибо многие, многие красоту ее расхваливали мне.
Г о с т и н и к. Кто ее хвалил,
Тот истинную правду говорил,

Ибо так ее лицо красотою блистает,
Что всех остальных женщин затмевает.
А в р а а м. Оттого и сердце мое любовью к ней пылает.
Г о с т и н и к. Дивлюсь я, что в твоей преклонной старости
Влюбился ты в женщину в цвете юности.
А в р а а м. Право, затем лишь и пришел я сюда,
Чтобы ее увидеть.

Сцена 6

Г о с т и н и к. Поспешай, Мария, поспешай:
Пусть увидит новый гость наш, как ты хороша.
М а р и я. Вот я и пришла.
А в р а а м (про себя). Сколько же нужно мне душевных сил,
Чтобы ту, которую сам я в глухой пустыне вскормил и вспоил,
Видел я девицу
В обличье блудницы?
Но нельзя, чтобы являлось в моем лице
То, что я чувствую на сердце:
Удержу я слезы, льющиеся из очей,
И под притворною веселостью моей
Скрою всю горечь душевных моих скорбей.
Г о с т и н и к. Радуйся, Мария, судьбе своей:
Ибо уже не только юноши влюбленные,
Но и старцы, годами убеленные,
К тебе спешат
И тебя на любовь склонить хотят.
М а р и я. Всякий, кто с любовью ко мне приходит,
Любовь ответную во мне находит.
А в р а а м. Приблизься, Мария, и подари мне поцелуй.
М а р и я. Не только я поцелуй тебе подарю,
Но и шею твою дряхлую объятием обовью.
А в р а а м. Этого я и хочу.
М а р и я. Но что со мною?
Какою неожиданною упиваюсь я новизною?
Словно такое чувствую я благоухание,
Каким дышало оное давнее мое воздержание.
А в р а а м. Должен я, должен притворствоваться
И в шалостях, резвому юноше пристойных, упорствовать,
Чтобы по строгости моей она не признала меня
И от стыда в дальний свой покой не сокрылась от меня.
М а р и я. Бедная я!
С какой высоты я пала.
И в какую погибельную бездну попала!

А в р а а м. Не место здесь изливать жалобы,
Где застольному веселию предаваться надлежало бы.
Г о с т и н и к. Госпожа Мария, отчего ты вздохи испускаешь
И слезы проливаешь?
Не два ли ты года уже здесь пребываешь
Без единого стога,
Без горестного слова?
М а р и я. Ах, лучше бы мне все эти два года
В могиле лежать,
Нежели здесь в пороке жизнь свою провождать.
А в р а а м. Не затем я пришел, чтобы о грехах твоих рыдать,
А затем, чтобы любовь твою познать.
М а р и я. Угрызение коснулось моей совести,
Оттого и стала я такие речи вести.
Однако лучше яствами усладимся
И тем увеселимся,
Ибо сказал ты неложно,
Что здесь нам оплакивать грехи не должно.
А в р а а м. Вот, наелись мы сытно,
Напились мы славно
Твоими, хозяин, щедротами
И твоими заботами;
А теперь позволь нам встать из-за стола
И на отдых расположить усталые тела.
Г о с т и н и к. Воля твоя.
М а р и я. Вставай, господин мой, с кресла,
Отведу я тебя в опочивальное место.
А в р а а м. Спасибо. Но только вдвоем
Туда мы пойдем.

Сцена 7

М а р и я. Вот и покой,
Где на эту ночь ты обретешь покой,
Вот и ложе,
На которое богатый покров положен,—
Сядь, и я разую тебя,
Чтобы ты, разуваясь, не утомил себя.
А в р а а м. Прежде запри на дверях замок.
Чтобы войти к нам никто не мог.
М а р и я. Пусть это тебя не тревожит:
Я сделаю так, что никто к нам войти не сможет.
А в р а а м. Ныне время мне с открытым лицом
Пред дочерью предстать отцом.

О Мария,
Избранная дочь моя,
Лучшая частица сердца моего,
Узнаешь ли во мне ты старца того,
Который отечески вскормил тебя и вспоил
И царя Небесного Сыну Единородному посвятил?
М а р и я. Увы мне! предо мною отец и наставник мой Авраам!
А в р а а м. Дочь моя, что с тобой?
М а р и я. Мучусь горькою судьбой.
А в р а а м. Кто тебя обольстил,
Кто тебя совратил?
М а р и я. Тот же, кто первосотворенных человекóв соблазнил.
А в р а а м. Где та ангельская жизнь, которою на земле ты жила?
М а р и я. Миновала.
А в р а а м. Где стыдливость твоя девственная,
Где воздержность твоя удивительная?
М а р и я. Пала.
А в р а а м. За все твои бдения, молитвы, посты,
Какой же мзды, неразумная, чаешь ты,
Если, низвергнувшись с высоты небесной,
Ты погрузилась в адские бездны?
М а р и я. Увы!
А в р а а м. Почто ты от меня отвратилась?
Почто удалилась?
Почто в беде падения твоего ты мне не открылась?
Между тем
Как я и возлюбленный мой Ефрем
Могли бы достойным покаянием
Оказать тебе вспоможение?
М а р и я. С тех пор, как грехами я себя запятнала,
К святости твоей приблизиться я не дерзала.
А в р а а м. Кто чист от греха, кроме Едина
Святой Приснодевы сына?
М а р и я. Никто.
А в р а а м. Грешить – удел человеческий,
Но упорствовать во грехах – удел диавольский.
Не того осуждают, кому случится пасть,
А того, кто не поспешит скорее встать.
М а р и я. Горе мне, бедной!
А в р а а м. Зачем падаешь в изнеможении?
Зачем на земле простираешься без движения?
Восстань с земли
И моим словам внимли.
М а р и я. Обессилил меня страх,

Что не вынесу я упреков в отеческих словах.
А в р а а м. Мою любовь к тебе вспомяни
И страх отгони.
М а р и я. Не могу.
А в р а а м. Не тебя ли ради оставил я любезное свое пустынное
уединение,
И сложил с себя обычай монашеского воздержания,
И из дряхлого отшельника
Превратился в распутных юношей собеседника,
И, привыкнув безмолвствовать целыми сутками,
Стал, скрываясь, разговаривать веселыми шутками?
Отчего же ты потупила долу очи
И не вымолвишь ни слова на все мои речи?
М а р и я. Казнюсь я сознанием содеянного,
Оттого я не смею и глаза к небесам поднять
И с твоими речами мои менять.
А в р а а м. Надежды не теряй,
Дочь моя, и в отчаяние не впадай,
Но духом восстань из бездны отчаяния, как из пропасти,
Дабы искать спасения во Господе.
М а р и я. Грехов моих изобилие
Повергает меня в горестное бессилие.
А в р а а м. Грехи твои
Поистине тяжелы,
Но всего на свете безмернее
Божие милосердие.
Поэтому скорбь оставь
И единственно к покаянию помыслы твои направь:
Кто грехи свои покаянием оmyвает,
На том и милость Господня бывает.
М а р и я. О, я каялась бы с истинным усердием,
Будь хоть малая у меня надежда на Божие милосердие.
А в р а а м. Ты видишь ради тебя принятое мучение мое,
Забудь же пагубное отчаяние твое,
Ибо оно есть грех,
Поистине худший всех.
Кто в Господе снисхождения к грешникам не чаает,
Тот неисцелимо согрешает,
Ибо как искра с огнива не может моря воспламенить,
Так и всех грехов наших горечь Божественную сладостную
милость не может переменить.
М а р и я. В Вышнем Милосердии не сомневаюсь отнюдь,
Но собственных грехов моих тяжесть давит мне грудь,
И о том я тревожна,

Что неостанет мне сил для покаяния должного.
А в р а а м. Тяжесть покаяния я с тобой разделю,—
Об одном молю:

Воротись туда, откуда ты ушла,
И вновь живи тою жизнью, которою жила.
М а р и я. Ни в чем не прекословлю воле твоей,
И покорно повинуюсь повелениям твоим.

А в р а а м. Ныне вижу, что истинная
Ты дочь моя избранная,
Паче всех моей любви достойная.

М а р и я. Золота есть толика у меня и платья:
Что велишь с ними делать, желаю знать я.

А в р а а м. Что грехом добыто,
То вместе с грехом должно быть и забыто.
М а р и я. Думала я, для бедных это будет вспоможением
Или ко святому алтарю приношением.

А в р а а м. Неугоден Господу дар такой,
Который обретен преступной ценой.

М а р и я. Более о том нет заботы никакой.

А в р а а м. Утро всходит,
Солнце выводит —
Пора нам в путь.

М а р и я. Отец мой добрый,
Усердному пастырю подобный,
Шествуй же вперед,

А овца, тобою обретенная, вослед тебе послушно пойдет.

А в р а а м. Отнюдь; я пешим пойду,
Тебя же на коня посажу,
Чтобы камни дорог

Не изранили нежных ног.

М а р и я. О, как тебя назвать,
Какою благодарностью тебе воздать
За то, что меня, сожаления недостойную, ты не страхом понуждаешь,
Но кротостию к покаянию побуждаешь?

А в р а а м. Ничего от тебя не хочу,
Только чтобы служению
Господнему посвятила ты жизнь свою.

М а р и я. От всей души моей Господу послужу,
Все силы мои к тому приложу,
И даже если силы не будет,
То воля неизменна пребудет.

А в р а а м. И как служила ты суете мирской,
Так послужишь воле Божеской.

М а р и я. Пусть же, пусть твоею добротой

Воля Господня сбудется надо мной.

А в р а а м. Итак, поспешим.

М а р и я. О, даже миг промедления мне невыносим.

Сцена 8

А в р а а м. Как быстро одолели мы столь тяжелую дорогу!

М а р и я. С мыслию о Боге

Легки все дороги.

А в р а а м. Вот и келья

Покинутая твоя.

М а р и я. Бедная я!

Видела она прегрешение мое,

И оттого боюсь я войти в нее.

А в р а а м. И как же не бежать нам оттуда,

Где вражия была над нами победа.

М а р и я. Но где же мне скрыться от плачевных

Моих угрызений душевных?

А в р а а м. Стены святые

Кельи глубочайшей укроют тебя от древнего змия.

М а р и я. Не прекословлю,

Но повинуюсь с любовью.

А в р а а м. Теперь я пойду

К Ефрему, другу моему,

Чтобы он, сострадавший мне о погибели твоей,

Ныне порадовался радости моей.

М а р и я. Да будет так.

Сцена 9

Е ф р е м. Добрые ли вести несешь ты мне?

А в р а а м. Весьма.

Е ф р е м. Верно, нашлась Мария сама?

А в р а а м. Нашел я ее, нашел,

И овечку мою домой привел.

Е ф р е м. Не без Божиего сие было внушения.

А в р а а м. Без сомнения.

Е ф р е м. Хотел бы я узнать, где она живет

И какую жизнь ведет.

А в р а а м. Вблизи моей келий обитает.

Е ф р е м. Так и подобает.

А в р а а м. Что я ей ни прикажу,

Какой труд ни положу,

Самый мучительный,

Самый обременительный –

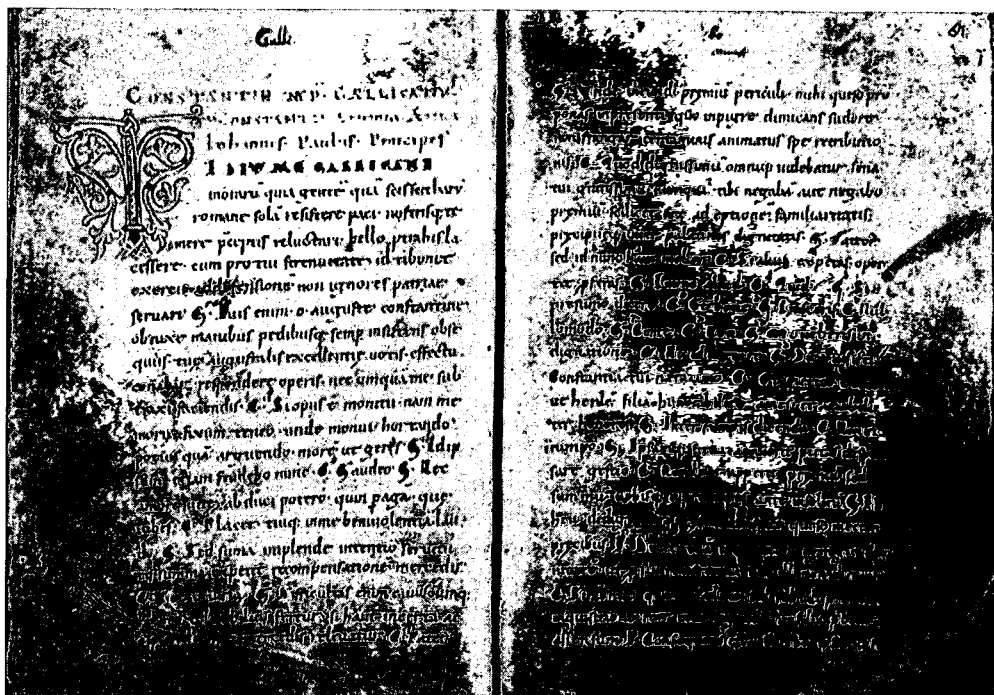
Все она исполняет неукоснительно.

Е ф р е м. Похвально.

А в р а а м. Носит она власяницу,
 Повсечасным постом и бдением томится,
 Принуждает нежное тело строгому уставу покорствоваться
 И духу не противоборствовать.
 Е ф р е м. Справедливо: мерзость грешного наслаждения
 Очищается горечью покаяния.
 А в р а а м. Кто стенания ее услышит,
 Тот в сердце их запишет,
 Кто сердечные угрызения ее узрит,
 У того у самого совесть заболит.
 Е ф р е м. Так и надлежит.
 А в р а а м. Усиливается она
 Для тех, кого смутила она падением,
 Ныне стать примером обращения.
 Е ф р е м. Разумно.
 А в р а а м. Мыслит она: чем грех ее черней,
 Тем сияние искупления должно быть светлей.
 Е ф р е м. Радуется мой слух,
 И ликованием полнится дух.
 А в р а а м. Истинно так: ведь и ангельские сонмы
 Господа славя, ликуют о каждом обращенном.
 Е ф р е м. И не диво: ведь грешника обращение
 Паче верности праведника для Господа драгоценнее.
 А в р а а м. И тем заслуженнее хваление,
 Чем казалось его неразумие безнадежнее.
 Е ф р е м. Ликуя, восхвалим,
 Восхваляя, прославим
 Единородного,
 Достолюбезного,
 Преблагостного,
 Всемилоостивого
 Сына Господня,
 Спасающего с любовью
 Тех, кто искуплен его святою кровью.
 А в р а а м. Ему же честь бесконечная,
 Хвала и прославление во веки вечные.
 Аминь.

Пафнутий

Обращение Тауды блудницы, / чрез Пафнутия отшельника, / подобно Аврааму, представшего в образе любовника, / ко Господу обращенной, / и для приятия / пятилетнего покаяния / в малой келии заключенной, / после же довольного свершения с Господом примиренной / и после покаяния на пятнадцатый день во Христе опочившей.

Начало драмы “Галликан”. Нач. XI в.
Hroswitha of Gandersheim. Her Life, Times, and Works,
and a Comprehensive Bibliography. ed. A.L. Haight. New York, 1965.
Plate 2

(Сцена 1. Пафнутий, ученики)

(1) – Почему, отче Пафнутии, лик твой мрачен, / а не по
обычаю твоему ясен?

– У кого сердце печально, / у того и обличие мрачно.

– О чем же печаль твоего сердца?

– О поношении нашего Творца.

– Отколе же сие поношение?

– От собственного его творения, / образа его и подобия.

– Устрашительно твое речение.

(2) – Ведаю, что для Божия величия / ничто суть людские поношения, / но
ежели Господу Богу / приписать метафорически людскую тревогу, / то есть
ли что прискорбнее, нежели когда
малый мир противоборствует / Тому, чьим браздам великий мир смиренно
покорствуется?

(3) – Что есть малый мир?

– Человек.

– Человек?

– Воистину так.

– Какой человек?

– Всякий.

– Каков же он может быть?

– Таков, чтобы Создателю своему угодить.

– Трудно сие разумению.

– Ибо не тотчас дается пониманию.

– Изъясни!

– Напрягите слух.

– Изготовили мы наш дух.

(4) – Как великий мир из четырех супротивных стихий составляется, / но по воле Творца в гармоническом согласовании обретается, / так и человек из тех же стихий, но еще более супротивных частей слагается.

(5) – Что же может быть стихий супротивнее?

– Тело и душа: / ибо стихии суть хотя и супротивны, / но все телесны; / душа же в отличие от плоти бессмертна есть, / плоть же в отличие от души бездуховна есть.

– Истинно так.

– Если же диалектически рассудить, / супротивны они не могут быть.

– Как же сие возможно?

– Диалектически рассуждая неложно: / ибо ничто не супротивно сущности, / но сущность объемлет все противоположности.

(6) – Что же значат слова твои “в гармоническом согласовании обретаются”?

– Сие значит: как низкие и высокие звоны, / гармонически быв сопряжены, / в мусическое слагаются звучание, / так стихии разночленные, / подобающе сочлененные, / единое образуют мироздание.

– Странно нам, как разногласное согласным, / а согласное может зваться разногласным.

– Ибо ни вполне подобное, / ни вполне разноподобное / и по сути и природе разнородное / не может сочетаться в согласие.

(7) – Что есть музыка?

– Наука из философического квадривия.

– Но что есть квадривий?

– Арифметика, геометрика, музыка, астрономика.

– Почему сие зовется квадривий?

– Квадривий есть четверопутье, / и как от четверопутья дороги, / так от единого начала философии исходят сии науки.

(8) – Устрашаемся спросить о трех иных, / ибо трудно уму нашему даже начало рассуждения о них.

- Воистину трудно.
- Молви же хоть вкратце о том, / что уже помянуто в рассуждении твоём.
- Немногое могу сказать, / ибо не отшельнику об этом знать.
- (9) – Что есть предмет сей науки?
- Музыки?
- Именно.
- Суть звуки.
- (10) – Единая ли она или многовидная?
- Троякая, но единоподобная: / какова одна, такова и другая.
- Чем же они разнствуют?
- Первая заключена в небесах, / вторая в человеческих голосах, / третья в музыкальных орудиях.
- (11) – В чем же небесная состоит?
- В сфере небесной и семи светилах.
- Как?
- Так, / что такие же в них созвучия, толикие же протяжения, / подобные же напряжения / в небесах, / каковые и на струнах.
- (12) – Что суть протяжения?
- Отстояния, коими как струны, / также и планеты разделены.
- Что же суть напряжения?
- То же, что и тоны.
- Но и таковым познанием мы не вразумлены.
- Тон образуется из звуков двойных, / между коими отношение десять восьмых.
- (13) – Чем предложенное постичь стремимся быстрее, / тем новое представляется нам труднее.
- Таково уж предмета нашего рассмотрение.
- Поведай же нам, что есть созвучие, / дабы уразумели мы его значение.
- Созвучие есть звуков совмещение.
- Какое?
- (14) – Четырьмя или пятью или осьмью звуками образуемое.
- Общее уведавши название, / желаем уведать и отдельные.
- Первое именуется диатессерон, из звуков оно четырех, / отношение же их эпитритное, сиречь четыре к трем. / Второе есть дианте, из звуков оно пяти, / отношение же их гемольное, сиречь три к двум. / Третье есть диапазон, из звуков оно восьми, / отношение же их два к одному.
- (15) – Стало быть, и планеты имеют звучание, / если со струнами допускают сравнение?
- Поистине.
- Почему же они не слышны?
- Разные суть тому причины. / Иные говорят: из-за непрерывности; / иные: из-за воздуха чрезмерной плотности; / иные: из-за огромности, / не вмеща-

ющейся в наши ушные полости; / (16) иные же говорят, что сферные звуки / таковы суть приятны и сладки, / что, услышавши оные, человеки / о себе позабыли бы, / дела свои побросали бы / и только звукам внимали бы / от часа восходного / до часа закатного.

– Благо, что они не слышимы.

– Так они Господом предустроены.

(17) – Довольно же о небесном: / поведай теперь о человеческом.

– О чем?

– О воспринимающем.

– Не только в сложении / душевном и телесном, / не только в испускании / голоса высокого и низкого, / но и в сердца биении, / и в тела сложении, / и в суставах перста соотношении / те же меры находим, / какие и в созвучиях слышим, / ибо мусическое / обретается согласие / не только в звуках, / но и в иных многообразных предметах.

(18) – Если бы ведали мы заранее, / сколь трудно сего вопроса решение, / лучше бы нам малого мира сего не знать, / нежели трудности такие вздывать.

– Зато, потрудясь, уведали / то, чего прежде не слыхивали.

– Истинно, / однако же стыдно, / что не объемлет наше разумение / и крупницы твоего рассуждения.

(19) – Не смейтесь надо мною, / ибо не мудрецом пред вами стою, / но невеждою.

– Откуда же ты знаешь / то, что нам излагаешь?

– Малую каплю знания / от безбрежного мудрости изливания, / не труженически сидя, / но случайным образом мимо идя, / уловить я улучился / и вам сообщить потщился,

(20) – За щедрость тебе наше благодарение, / но страшимся апостольского речения: / “но Бог избрал немудрое мира, дабы посрамить мудрых” [1 Кор., 1,27].

– Мудрый ли, немудрый ли превратное творит – / посрамление от Господа претерпит.

– Точно так.

– Не знание знаемого / Господу претит, / но неправосудие знающего.

– Воистину.

(21) – А кому достойнее / и кому справедливее / знание наук посвятить, / если не Тому, кто знаемое сотворил / и знанием нас одарил?

– Никому.

– Кто больше знает, / сколь предивно Господь все на свете числу, мере и весу подчиняет, / тот и любовь к Нему жарче пылает.

– Доподлинно.

– Но к чему гласить мне разные разности, / от которых ни малой вам нет приятности?

(22) – Обнажи нам печали твоей причинность, / дабы нас не угнетала любознательность.

- Ежели и узнаете, / радостны от этого не станете.
- Знаем, что любознание / нередко влечет огорчение, / но сильнее нас оно, / ибо слабости нашей врождено.

(23) – В наши пришла края / некая женщина бесстыдная.

- Беда опаснейшая!
- Красотою она удивительна, / злонравием омерзительна.
- Истинно пагубна. / Как она прозывается?
- Таида.
- Та самая блудница?
- Да.

(24) – Всем она, порочная, ведома.

- И не диво, ибо мало ей немногих губить, / но всех она готова красотою манить / и на гибель влечь.
- Удручительна твоя речь.

(25) – И не только простецы скудость добра своего расточают, / ее ублажая, / но и вельможные мужи драгоценности многообразные погубляют, / своим ущербом ее обогащая.

- Страшимся слышать.
- Толпы влюбленных у нее на дворе.
- Себе на горе.

(26) – Слепленные, / умопомраченные, / к ней прибывают, / ссоры затевают

- Одни пороки другие порождают.
- В драках лица друг другу поражают, / оружие обнажают, / крови потоки / орошают распутницыны пороги.
- Грех великий.

(27) – Сие-то поношение Творца / оплакиваю я в скорби сердца.

- Чаятельно, в райской обители / скорбят с тобою все небожители.

(28) – Не пойти ли мне к ней под видом влюбленного, / дабы отвлечь от намерения греховного?

- Кто внушил тебе такое желание, / Тот подарит тебе искомого достижение.
- Поддержите меня молитвами прилежными / устоять перед кознями враждебными.
- Кто князя тьмы ниспроверг, / Тот и над недругом даст тебе верх.

⟨Сцена 2. *Пафнутий, юноши*⟩

(1) – Вот юноши стоят на площади: / подойду к ним и вопрошу: / где та, которой ищу.

- Вот неведомый человек к нам подходит: / попытаем, чего он хочет.
- Кто вы, приятели?
- Этого города обитатели.

(2) – Благослови вас Боже!

- И тебе того же, / здешний ли ты жилец / или дальний пришлец.
- Пришлец издалика.
- Ради какого прока?

(3) – Сказать не смею.

– Почему?

– Тайное дело имею.

– Лучше его открой, / ибо ежели ты чужой, / то без здешнего совета / нелегко тебе будет достичь успеха.

– Но не явится ли мне от того помеха?

– Не от нас.

(4) – Ободрениям вашим уступаю, / вашей верности мою тайну открываю.

– Неверности не опасайся, / противодействия не пугайся.

(5) – Дошло до меня, / что живет здесь некая жена, / всем прелестная, / ко всем любезная.

– Знаешь ли ты ее имя?

– Да.

– Назови его нам.

– Таида.

– Пламень в нас пышет от ее вида.

– Говорят, что нет ее прекраснее, / нет ее приятнее.

– Молва нелжива, / так она красива.

(6) – Ради нее я с пути сошел, / чтобы ее увидеть, пришел.

– Ничто тебе в том не мешает.

– Где она обитает?

– Вот / дом, где она живет.

– Тот ли дом, / на который указуешь перстом?

– Тот самый.

– Пойду к ней прямо.

– Если хочешь, мы тебя сопроводим.

– Нет, пойду один.

– Воля твоя.

⟨Сцена 3. Пафнутий, Таида⟩

(1) – Ты ли Таида, / коей взыскую вида?

– Кто ты, странник?

– Твой поклонник.

– Кто с любовью ко мне приходит, / равную любовь во мне находит.

(2) – О Таида, Таида, / сколь многие / исходил дороги я / ради счастья тебя узреть / и с тобою разговоры иметь!

– Лица своего не скрываю, / в разговорах никому не отказываю.

(3) – Тайна собеседования нашего / уединенного места себе испрашивает.

– Вот ложе, / мягко стланное, / вести на нем можешь / беседы пространные.

– Для разговора тайного / нет ли места более дальнего?

(4) – Есть дальнее, / есть тайное / такое место, / что лишь Богу да мне известно.

– Богу? какому?

- Истинному.
- Коему все открыто?
- Ничто от Него не скрыто.
- Справедливость ли Он блюдет / или неправедными делами небрежет?
- О заслугах наших и грехах / весы справедливости в Его руках, / с награждением либо наказанием / каждому по его деяниям.
- (5) – О, предивное / милосердие Христово и долготерпение, / что грешников, о грехах своих ведающих, видишь, / но промедляешь и не губишь!
- Отчего трепещешь? / отчего бледнеешь? / отчего слезы проливаешь?
- Трепещу о твоём дерзновении, / плачу о твоём падении, / ибо все ты знала / и столько душ погубила!
- Горе мне, бедной!
- (6) – Погибнешь тем справедливее, / чем в знании своем дерзновеннее / оскорбляла ты Божеское величие.
- Горе мне, горе! / Что ты гласишь? / чем мне, несчастной, грозишь?
- Ад тебя ждет кромешный, / если в жизни пребудешь грешной.
- В недра проникает душевные / страшное твоё назидание.
- (7) – О если бы оно / так тебя потрясло, / чтоб не стало в тебе дерзновения / гибельные лелеять наслаждения!
- Есть ли место гибельному наслаждению в сердце моем, / если в нем / горесть внутреннего страдания / порождает страх нового воздаяния / за деяния, / совершенные в здравом сознании?
- Хочу я, чтобы вместо шипов / выкорчеванных пороков / вызрели гроздья покаяния.
- (8) – О если бы вера, / если бы надежда / мне, презренной, / тысячью тысяч скверн оскверненной, / грехи мои искупить / и любым покаянием прощение заслужить!
- Нет греха столь тяжкого, / преступления столь великого, / чтоб не смыть покаянными слезами, / если дела последуют за словами.
- Молви, отче, молви, какие деяния / способны снискать дарование прощения!
- (9) – От мира отрекись, / развратных любовников сторонись.
- А после того?
- В уединенное место последуй, / сама себя исповедай, / дабы слезы твои горькие / грехи оплакали столькие.
- Если можно мне на сие уповать, / то ни мига не стану я промедлять.
- Нет сомнения, / что сбудутся упования.
- (10) – Дай мне время / имения свергнуть бремя, / худо нажитого, / долго хранимого.
- О том не тревожься, / охотники на него найдутся.
- Не о том тревожусь, / чтобы себе что сохранить / или друзей одарить, / ни даже неимущим не хочу их уступить, / ибо цена греха / даже благодеянию помеха.

(11) – Правильно судишь. / Что же ты с ним делать будешь?

– Огню приобщу /и в пепел обращаю.

– Почему?

– Да не будет / оставлено в людях / дурно нажитое достояние, / Господа Творца поругание.

(12) – О сколь иною / являешься ты ныне предо мною, / нежели когда пылала любовью лживою / и гналась за порочною наживою.

– Божиею волею / чаю к лучшему перемениться более.

– По Божию изволению / и неизменимому бывает изменение.

– Иду / и что замыслила, то свершу.

– С миром отправляйся, / вскоре же ко мне возвращайся.

⟨Сцена 4. Таида, любовники⟩

(1) – Спешите ко мне, бывшие / любовники мои недобрые.

– Слышим голос Таиды. / Поспешим, да не будет ей обиды.

– Придите, ибо с вами / обменяться хочу словами.

(2) – О Таида, Таида, / что за костер ты слагаешь? / Отчего богатства разные и прекрасные на него взлагаешь?

– Вопрошаете Таиду?

– Ибо дивимся такому виду.

– Не замедлю показать.

– Жаждем узнать.

(3) – Каждый всмотрись!

– Умиришь, Таида, умиришь! / Что делаешь? / почто безумствуешь?

– Не безумствую, / но умоздравствую.

– Для чего ты губишь четыреста фунтов золота, / и горит богатства разность и красота?

– Все, чем вы несправедливо льстили меня привлечь, / я на оном пламени хочу сожечь, / дабы не было места надежде, / что вашей любви уступлю, как прежде.

(4) – Остановись на малость, остановись / и причину смятения твоего объявь!

– Не останавлиюсь / и словами с вами не поделюсь.

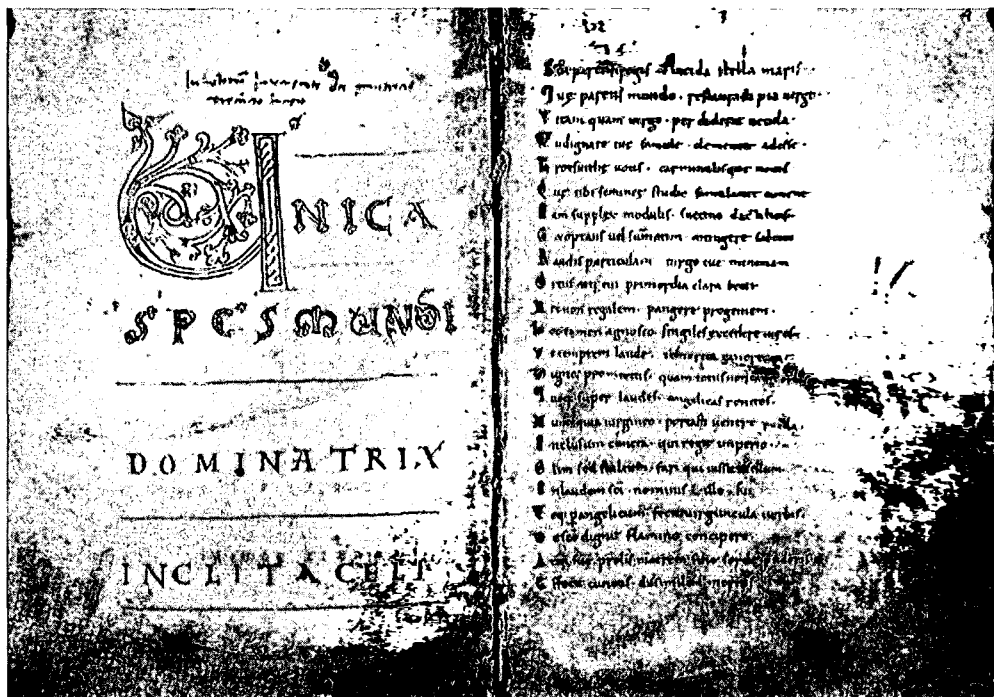
– Отчего ты нас презираешь? / или неверность какую в нас замечаешь? / Мы ли / твоим желаниям не послушны были? / А ты нас неправую ненавистью встречаешь.

– Отойдите / и одежду мою, хватаясь, не рвите: / и того довольно, / что доселе я с вами грешила своевольно. / Но кончен грех; / отрекаюсь от вас от всех.

(5) – Куда она идет?

– Туда, где никто из вас меня не найдет.

– Диво! о ужас! Таида, / которая всегда / в богатстве радовалась счастьем, / а душою прилежала сладострастью, / и единого наслаждения искала, / ныне золото и самоцветности без колебания побросала / и влюбленных нас воспрезрела / и недоступна вовеки стала!

Начало поэмы “Мария”.

X в. Hroswitha of Gandersheim. Her Life, Times, and Works, and a Comprehensive Bibliography. ed. A.L. Haight. New York, 1965. Plate 1

(Сцена 5. Тауда, Пафнутий)

(1) – Се, отче Пафнутий, / следую за тобою до любых перепутий.

– Промедление твое было мне тревожно: / не пошла ли ты вновь по дороге ложной.

– Не тревожься о том, / ибо помыслы мои об ином: / я одежд роскошеств моих совлеклась / и от любовников моих прилюдно отреклась.

(2) – Благо, что отрекаешься, / ибо ныне предаешься / истинному / любовнику твоему / иже ввыси / на небеси.

– Отче, начерти мне пути, / которыми идти.

– Следуй за мною.

– Следую твоею тропюю / и вождею / следовать жизньню твоюю.

(Сцена 6. Пафнутий, Тауда)

(1) – Вот обитель, в которой девицы / обретаются священножительницы. / Здесь будь место твоего обитания / до свершения / должного покаяния.

– Не противлюсь.

– Вниду к настоятельнице, / оных девиц наставительнице, / упрошу ее тебя принять.

– А мне что делать?

– За мною последовать.

– Как повелишь.

(2) – Се, настоятельница / сама пред нами является. / Диво, / что некто о нас известил ее столь скоро.

– Молва людская, / меж скорыми самая скорая.

⟨Сцена 7. Пафнутий, настоятельница⟩

(1) – Во благо нам являешься, / честная игуменья, / ибо днесь взыскую тебя.

– Отче Пафнутий, / любимец Божий, / во истине нами чтимый, / благословен твой приход.

– Благостью вечного благословения / да изольется на тебя милость Вседержителя.

– Для каких причин твоя святость / удостоила посетить обители нашей малость?

(2) – Нуждаюсь в твоей помощности / при некоторой гнетущей надобности.

– Легким словом мне возвести, / что должна я произвести, / я же твоим повелениям / послушествую со всем прилежанием.

(3) – Козочку привел я полуживую, / волчьими зубами истерзанную, / дабы жалостию ты ее возлелеяла, / заботою исцелила, / доколе козией щетины она не отрешится, / овчей рунной мягкостию не облечется.

– Изъясни.

(4) – Сия, / тебе предстоящая, / в блудодействии жизнь свою провоздала.

– Горестно!

– Всяческому распутству себя предавала.

– Себя погубляла.

– Ныне же, моим побуждением / и Христовым Господним вспоможением, / пременяла она желанное в ненавистное / и познала вместо легконравного чистое.

– Исполать Побудителю премены и Содетелю.

(5) – Поелику же скорбь душевная, / яко и телесная, / средствами / изживается противодейственными, / то ныне, отъявшись от мирских забот, / в малую / да внидет она келию, / дабы в ней / отрястись от греховности своей.

– Во благо.

(6) – Повели, / дабы келию такуюю построили.

– В самом малом времени.

– Да не будет в ней ни входа / и ни выхода, / но оконце лишь малое, / чрез которое / дастся пропитание скудное, / в должный день и час ей назначенное.

(7) – Опасаюсь, что нежность ее душесложения / не потерпит тягости толикого труждения.

– Не опасайся, ибо греховные бедства / надежного для исцеления требуют средства.

– Истинно так.

(8) – Тягостно для меня промедление, / ибо опасно ей меж людей пребывание.

– Напрасно твое опасение: / введи ее в заточение, / ибо достроена келия, / столь тебе желанная.

(9) – Преславно.

⟨Пафнутий, Таида⟩

– Вниди, Таида: / се твое жилище, / для оплакивания грехов твоих должно прибежище.

– Сколь малое, / сколь темное, / сколь для женского обитания неудобное!

(10) – Почто пугаешься? / почто войти не решаешься? / Поистине, жившей доселе в блуждании неукротимом, / днесь тебе довлеет обуздание в месте уединенном.

– Душа, привычная к роскошности, / часто неприязненна бывает к суровости.

– Тем паче ей должно послушанию покорствоваться, / доколе не престанет противоборствовать.

(11) – Что повелевает отческое твое степенство, / того не отвергнет мое убожество; / некое однакоже неудобство / вижу я в сей обители, / трудное для плотской моей слабости.

– Каково / то неудобство?

– Краснею вымолвить.

– Не стыдись прямосердечно открыть.

(12) – Есть ли что неудобнее / и несноснее, / нежели то, что различные надобности плотские / в едином месте / надобно избывать? / Станет оно вскорости негодно для обитания / крайнего ради зловония.

– Не страшись скоротечного, / но страшись во аде мучения вечного.

– Слабость моя / ко страху побуждает меня.

– Пагубную сладость наслаждения / должно омыть тебе оным излишеством зловония.

(13) – Не отвергаю, / не отрицаю, / что мне, смердящей, / справедливо пребывать в щели мерзейшей, / но о том стражду, / что места такого не вижу, / откуда возносить чисто и честно / моления ко Грозной Силе Небесной.

– Но откуда в тебе / такое самомнение, / чтобы оскверненными губами твоими / пречистой Божественности выговорить имя?

(14) – На кого же возложить мне упование, / чье спасти меня может милосердие, / если мне запретно воззвание / к Тому, пред Кем я преступница / и к Кому Единому должны молитвы возноситься?

– Должно тебе молиться не словами, / но слезами, / не звонкостью гласа, / но рыданием уязвленного сердца.

– Если не дано мне Господа словесно умолять, / как же мне тогда о спасении уповать?

- Тем скорее ты спасения удостоишься, / чем смиреннее пред Господом умилишься. / Только и молви: / “Господи, / сотворивший меня, / ныне помилуй меня”.
- (15) – В милосердии Его нуждаюсь, / и без одного в борении сломаюсь.
- Борись упорно, / и победу одержишь наверно.
- Но мне надобны твои молитвы, / дабы с победою выйти из битвы.
- И без просьб я на том стою.
- Уповаю.

⟨*Пафнутий, настоятельница*⟩

- (16) – Ныне пришло время в желанное / воротиться мне мое уединение / и дорогих / посетить учеников моих. / А тебе, / досточтимейшей игуменье, / благодати твоей и попечительности, / оставляю я узницу сию, / дабы слабость ее ты крепила умеренными телесными вспоможениями, / а душу вдосталь восстанов-ляла целебными наставлениями.
- Не тревожься, ибо материнскою / опеку я ее заботою.
- Отхожу в свой путь.
- С миром!

⟨*Сцена 8. Пафнутий, ученики*⟩

- (1) – Кто стучит у дверей?
- Эй!
- Не голос ли то Пафнутия, / нашего учителя?
- Отворите!
- Здравствуй, отче.
- И вы здравствуйте.
- Тревожны мы были об отсутствии твоём долгом.
- Но было оное благом.
- (2) – Что же сделалось с Таидою?
- Все по моему желанию.
- Где она?
- В малой келии / оплакивает прегрешения свои.
- (3) – Слава Господу Триединому!
- И благословение имени Его грозному / ныне и присно.
- Аминь.

⟨*Сцена 9, через три года. Пафнутий*⟩

- Се, / миновало трехлетнее / Таидино покаяние, / мне же неизвестно, / было ли Господу благоугодно / сердечное ее угрызение. / Встану и пойду / к Антонию, брату моему, / дабы чрез его посредство / стало мне сбывшееся явлено.

⟨*Сцена 10. Антоний, Пафнутий*⟩

- (1) – Что сие за нечаянная радость? / что за внезапная приятность? / Не Пафнутий ли, брат мой и соотшельник? / Воистину он.
- Воистину я.

– Прекрасно, брат мой, что ты пришествовал, / прекрасно, что меня приходом твоим порадовал.

– Не менее я ликую о твоём лике, / нежели ты о моём приходе.

(2) – Какова же причина, столь мне отрадная, / извела тебя из твоего уединения?

– Изъясню.

– Внемлю с жадностию.

– Обреталась у нас тому назад три года / блудница по имени Таида, / и не только себя погубляла, / но и иных многих за собою к гибели увлекала.

– О, нравы достослезные!

(3) – К ней пришел я во образе любовника и распутную душу ее поначалу сладкими поощрениями лъстиво услаждал, / после же суровыми увещаниями грозно устрашал.

– Таково сочетание, / для ее распутства уместное.

– И она, отступаясь, порочные свои обычаи воспрезрела, / чистоту избрала / и себя в теснейшую келию заточить предпочла.

(4) – Радуюсь, слыша, / и ликует моя душа, / и счастливо бьются / жилы моего сердца.

– Таковая радость / украшает твою святость; / я же, безмерно ликуя о ее обращении, / пребываю, однако, в некоем смущении, / преуспела ли ее телесная слабость / одолеть трудов столь долгую тягость.

– Где неложно благоволение, / там присуще и доброе сострадание.

(5) – Посему и тебя прошу о благоволении: / чтобы ты и ученики твои / общими со мною молитвами / дотоле усердствовали, / доколе не явится небесное знамение, / что Божественное милосердие, / тронутое слезами покаяния, / удостоило кающуюся прощения.

– Соглашаемся мы на просьбу твою охотно.

– И Всемиловитым Господом услышаны будете несомненно.

⟨Сцена 11. *Антоний, Пафнутий*⟩

(1) – Се, сбылось на нас евангельское обещание.

– Какое?

– Божье слово нам обещает, / что моление совокупное всего достигает.

Что же?

– Павлу, ученику моему, некое / явлено было видение.

– Призови его.

⟨*Антоний, Павел*⟩

– Приди, Павел, / и поведай Пафнутию, что ты видел.

(2) – Видел я в видении ложе небесное, / чистейшими покровами прекраснейше устланное, / и при том ложе / четыре светлые девы стояли на страже, / и такая была дивная светлость и сладость, / что в душе моей мне подумалось: / “Славы такой достоин лишь один / Антоний, отец мой и господин”.

– Недостоин есмь.

– И мне грянул небесный глас: / “Слава сия / не для Антония, / но для того хранится, / дабы обрела ее Таида блудница”.

⟨Пафнутий, Антоний⟩

(3) – Слава сладости, Господи Христе, Твоего милосердия, / что в печали моей удостоен я столь благого утешения.

– Воистину слава.

– Ныне пойду / и узницу мою навещу.

– Да, пора возвестить ей спасительное упование / и вечного блаженства обетование.

⟨Сцена 12. Пафнутий, Таида⟩

(1) – Таида, дочь моя приемная, окно свое отвори / и лицо свое мне яви.

– Кого слышу я?

– Отца твоего Пафнутия.

– О, за что мне сладость толикой радости, / что снизошел ты меня, грешную, навещать?

– Я три года, отсутствуя телесно, / пекся душою о спасении твоём небесном.

– Несомненно.

(2) – Изъясни мне повесть твоего обращения / и меру твоего покаяния.

– Изъясню свободно, / разумея, сколь мало / делала я то, что Господу угодно.

– Если Господь на беззакония воззрит, / ни единый не устоит [Пс. 129,3].

(3) – Если хочешь знать, что я делала, / то великое множество грехов своих я в мыслях своих как в связку связала / и душевным оком постоянно на них взирала, / дабы как от ноздрей моих мерзость зловония, / так от мысли не отступал ужас адского наказания.

– Покаянием себя наказуешь / и тем прощение себе обретаешь.

– О, прощение вождевленное!

(4) – Дай мне руку, / я из келий тебя изведу.

– Нет, чтимый отче, / из нечистот моих не исторгни смрадную меня, / по грехам моим да будет мне обитель моя.

– Время настало, умерив страх, / уповать на истинную жизнь в небесах, / ибо Всевышнему / угодно твое покаяние Господу.

– Ему же славу / да возносят ангелы и архангелы, / что не воспрезрел Он смирения / сердечного моего сокрушения.

(5) – Будь же в страхе Господнем неколебима /и в Любви к Нему неутомима, / и через пятнадцать дней / отрешись ты от смертной своей / плоти / и по счастливом свершении пути, / вышнюю благодатью осененная, / преселишься ты в горние селения.

– О, когда бы заслуга моя / избавила меня / от наказующего огня! / Ибо не по заслугам моим / быть мне одаряемою блаженством вечным.

– Даром Божий дар даруется [Римл. 3,24] / и заслугою человеческою не меряется, / ибо если бы сие благо по заслуге давалось, / благодатью оно бы не именовалось.

(6) – Посему да восславит Его согласное / пение всеневесное, / и весь круг земной, и всех тварей род, / и все бездны мятущихся вод, / что не только Он терпит наши согрешения, / но и дарует воздаяния / за наши покаяния.
– Так издревле / Господу угоднее / малых миловать, / нежели казни предавать.

⟨Сцена 13, через пятнадцать дней. *Таида, Пафнутий*⟩

(1) – Чтимейший отче, / не уходи от меня прочь, / не лишай меня утешения / в час конечного моего отрешения.

– Не уйду, / не отойду, / доколе, души твоей заневесному внемля плесканию, / тела твоего не предам погребению.

(2) – Приступаю умирать.

– Ныне должно молитвы воссылать.

– Господи, сотворивший меня, / ныне помилуй меня, / и душе, которую Ты одушевил, / для счастливого возвращения к Тебе дай сил.

(3) – Не сотворенный ни от кого, / Образ, Коему чуждо вещество, / Чье Единобытие / воздвигло состоять из оногo и сего / человека, который не есть то, что он есть, / – даруй разнovidным частям разрешаемого человека / желанно воротиться к тому, что началом их было от века, / дабы и душа, / небесною причастностью хороша, / к радостям небесным возвееялась, / и тело в нежном лоне земли, вещества своего, мирно улелеялось, (4) впредь до дня, когда прах сойдется с прахом / и возрожденные члены вновь живым проникнутся духом / и восстанет сия Таида в совершенной своей человечности / в овчем чистейшем стаде / вековечной радости ради, / – Ты же, иже Един еси еже еси, в Троиединости Твоей царствуй и славься во веки веков.

История страдания св. Агнеты, девы и мученицы

Дева, желая презреть суету и роскошество мира
И навсегда превозмочь невоздержанной плоти господство,
Стала достойна того, чтобы зваться невестой Христовой,
Той, что стремится прийти, почитая, как ангелы, девство,
К светлым небесным дворцам Жениха своего Иисуса,
Чтобы венцом золотым увенчаться среди жителей неба,
Звучную песню воспеть, непрестанно идя вслед за Агнцем.
Чистое сердце хранит с неподвластной ущербу любовью
Верный спасения знак, достохвальное знаменье девства.
Та, что главу защитит, как печатью, священным покровом,
Девство храня, во Христе пребывает небесной любовью
И перед всеми людьми отдает предпочтение Тому лишь,
Кто, красотой воссияв, наподобие солнца прекрасен,
Весь человеческий род превосходит, бесспорно, по праву.
К Господу многие встарь, непорочной пылая любовью,
Девы святые пришли в постоянстве незыблемой веры,

Выбрали горькую смерть или тяготу страшных мучений,
Только бы им сохранить украшение славное девства.
К лику сих праведных дев и известная миру Агнета
Нами причислена здесь, Жениха красотою достойна,
Девам о славе Христа, непохожей на славу земную,
Добрую весть принесла, возвещая о Том неустанно,
Кто прежде времени был и по плоти родился от Девы,
Он целомудренных душ Украшенье, Жених и Награда.
Пусть же нехитрая песнь, сочиненная нашей Каменной,
Нам повествует теперь о заслугах прекрасной Агнеты,
Что уроженкой была знаменитого города Рима,
Доброго корня росток, благородных родителей чадо.
В них благородство души сочеталось со знатностью крови,
Разум и к правде любовь отвечали умению править.
Миру Агнета была добродетелей кладом известна,
Чудной лица красотою и сиянием веры неложной.
С раннего детства, когда от греха первородного дева,
Светлой омыта волной, поднялась из священной купели,
Всю себя только Христу посвятила она без остатка,
Чтоб навсегда сохранить чистоту преблаженного девства,
Стойко отвергнуть, презрев, все плотские желанья и чувства
И на духовную брань целомудренной жизни решиться,
Чтоб, победивши врага, предлагавшего ковы соблазна,
Ангельских светлых чинов стать достойной Агнета могла бы.
Два незаметно прошли пятилетия в мерном круженье,
После еще пронеслись мимолетного детства три года.
Юный Семпрония сын, управителя Вечного Града,
Превосходил остальных одногодков красой и богатством,
Как-то Агнету узрел, был пленен ее ликом прелестным,
Пылкой любви подчиняясь, устремился к ней сердцем горящим,
Более прочих девиц предпочел ее, выбрав из многих,
Веря, что счастье нашел, и наградой себе почитая,
Если он век проведет в наслаждениях жизни семейной
С девой, столь милой ему и достойной во всех отношениях.
Юноша к деве спешит, окруженный друзьями и свитой,
С чистой невестой Христа обручиться скорее желает.
Много несет он даров из богатых отцовских хранилищ,
Глупо надеясь на то, что ему совершить не удастся, –
Хочет дарами прельстить непреклонную душу Агнеты,
Чтобы к вступлению в брак нечестивый девицу принудить.
Дева Христова дары приравняла ко грязи бесстрашно,
И украшений златых приношенье, не медля, отвергла,
Также сиянье камней драгоценных ее не смутило.

Так, сообщает молва, безрассудному молвила дева:
“Право, на вечную смерть осуждены ты, дерзкий, достоин,
Жаждой преступной томим, презираешь Создателя волю.
Прочь удались от меня, обратившись в постыдное бегство.
Сладких надежд не питай, что заставишь ты верное сердце,
Полное чистой любви, отказать Жениху Неземному.
Знай, что повсюду со мной христианской свидетельство веры:
Миром невидимый крест на челе и на теле поставлен.
Знаменем этим святым, как сосуд, запечатано сердце,
Чтоб не дерзала душа разыскать себе друга иного,
Но научилась любить Одного лишь Предвечного Бога.
С Ним не сравнится никто ни красою, ни силой, ни властью.
Он по достоинству всех превзошел и земных, и небесных.
Так до начала времен без участия Матери Сына,
Равного по Божеству и величием равного также,
Бог Всемогущий родил, сотворивший из вечности время.
И без отца родила Богородица Дева Его же.
В избранный Господом час, и Творца Своего воспитала.
Облик пресветлый Его превосходит Своей красотой
Солнечный свет золотой и сиянье луны серебристой.
Солнце с луною вдвоем восхваляют Создателя мира,
И мириады светил, подчиненные власти Господней,
Чинно свершают свой ход, времена отмеряя послушно.
Стройные хором хвалы непрестанно Ему воспевая,
Ангелов светлых отряд Господину приносит служенье.
Свойство Его – доброта, и всеилие власти разумной,
Славы величие и постоянство в согласии мирном.
Друг мой, Кого я люблю, пребывает Таким неизменно.
Должно, признаюсь, Его Одного почитать больше прочих.
Он обручился со мной, дав залог мне любви нерушимой:
Тот светоносный венец, как подарок любимой невесте,
Дивной игрою камней ожерелье сверкает на шее,
Серьги, как звезды, блестя, украшают сиянием уши,
К свадьбе прекрасный наряд из мерцающей ткани мне прислан.
Божиих уст благодать, изливаясь на мир изобильно,
С детства вспоила меня, наплатала целебную пищу,
Словно бы нектар и мед или сладость молочных потоков.
С Ним уготован мне брак в светозарных высоких чертогах,
Там, где немеркнущий свет, словно яспис и злато, сияет.
Там воспевают орган, повторяя мелодии тоны,
Мне величальную песнь, как любимой невесте Владыки,
И Жениху похвалу произносят небесные хоры,
Чистую славят любовь, что ко мне мой Властитель питает.

Другу ответила я на любовь столь же чистой любовью,
Не причинен был ущерб целомудрию девушки юной.
В день тот, когда, наконец, удостоюсь Его я объятий,
В брачный войду я покой, осиянный Божественной славой,
Хоть и останусь притом навсегда целомудренной девой.
Только Ему Одному я храню неизменную верность
И доверяю себя без сомненья Господней защите”.
Эти услышав слова, уязвляемый страстью безумец
Сильно душой восскорбел, испуская глубокие вздохи,
Ибо исполнить не смог то, что сердце слепое желало.
Горькой тоскою объят, небывалою скорбью измучен,
Этот глупейший юнец затворился безвыходно дома,
Скрыв безответную страсть под личиною тяжкой болезни,
Хоть настоящий предлог был страданье души, а не тела.
Без промедления всем нашептала молва-лиходейка,
Что-де Семпрония сын поражен непонятным недугом.
Сходятся быстро врачи, наподобие мощного войска,
Много лекарств подают, помогающих в разных болезнях,
Но никакое из них не спасает от боли сердечной.
Опыт врачам подсказал, в чем же корень страдания злого,
Спешно открыли отцу, что виной всему страсть без ответа,
И потому от тоски сын приблизился к ранней могиле.
Вот что услышал отец, узнавая причину болезни.
Как разъярившийся лев, воспылал он немедленно гневом,
Бросился тут же искать, задыхаясь в неистовстве лютом,
Кто Сей Неведомый Муж, императору равный по власти,
Если на помощь Его понадеялась гордая дева.
Думал Семпроний, что, с Ним сочетавшись, Агнета презрела
Сына и доблесть, и стать, опозорив того принародно,
Хоть, как отец полагал, по заслугам он всех превосходит.
Так он ответа искал, подгоняемый яростью бурной,
Вызнал, что корень всему христианка младая, Агнета,
С детства несущая знак при крещеньи полученной веры,
Девство она сохранить пожелала, обет исполняя,
Ну а Жених ей – Христос, как Его называют обычно.
Новость сия принесла ликование злобному сердцу,
Тотчас надежду внушив, что Семпроний упрямую деву
Вмиг к почитанью богов жесточайшею пыткой принудит
И утолит наконец ненасытную, черную ярость,
Что, как огонь его жгла, как он вспомнит о сыне болящем.
И потому приказал привести он, не медля, Агнету.
Вот, не страшась ничего, пред Семпронием дева предстала.
С ласковой речью сперва он по-дружески к ней обратился,

После ее принуждал поношеньями злобно и бранью,
Чтоб добровольно она согласилась на брак с его сыном,
Чтоб поклонилась богам, а Христа почитанье отвергла.
Но не могли убедить ни прошения стойкую деву,
Ни откровенная лесть, ни проклятья, ни страшные кары,
Чтоб не хранила обет, подкрепляемый знаменьем веры,
Прежнего чтоб Жениха позабыла в смятенье сердечном.
Вновь уговоры начав, говорит ей коварно Семпроний:
“Если поистине ты непорочной желаешь остаться
Девой, скорей поспеши подчинить себя Весте Великой,
К жрицам причислить себя, почитающим эту богиню,
Чтоб у ее алтаря совершать вместе с ними служенье”.
Хитро наместник сказал, но ему возразила Агнета:
“Раз уж отвергла я брак с твоим сыном любимым, Семпроний,
Кто пятерицею чувств одарен и умом не обижен,
Кем управляет душа, наделенная свыше бессмертьем,
Хоть ей – увы! – суждено оказаться на дне преисподней
Из-за великих грехов, совершенных в неведение Бога,
Если не примет твой сын, возрожденный водою крещенья,
Истинной веры закон, обретя в покаянии разум,
Что за угрозы, скажи, и какие, скажи, увещанья
Смогут принудить меня к почитанью бездушных кумиров?
Руки ваятеля их из металлов искусно создали,
Только подобием тел их снабдил одаренный художник,
Ибо совсем лишены и дыханья они, и движенья
И не способны явить ничего, что присуще живому.
Как я могу ожидать от безжизненных этих чудовищ
В жизни, какую веда, утешения или поддержки,
Если ни жизни, ни чувств совершенно они не имеют,
Пользы себе не несут и ко мне не придут на подмогу?”
Выслушав девы слова, говорит управитель Семпроний:
“Знаю, что ты молода, наслаждаешься юности цветом,
Ум твой еще не окреп, да и лет тебе вовсе не много.
Видя твою простоту, порожденную детством счастливым,
Я тебе, дерзкой, помочь постараюсь разумной поддержкой,
Чтоб, пощадивши, склонить к почитанью Великой Богини,
Чтоб ты припала к стопам драгоценным божественной Весты
И по закону отцов воскурила бы ладан кумирам.
Если ж решишься презреть моего милосердия помощь,
Более не пощажу, но, законную власть применяя,
Я повелю заключить тебя в недра злосчастливого дома,
Где, в прегрешеньях вольны, веселятся нечистые жены,
Сделав тебя навсегда сотоваркою гнусным блудницам.

Ты, что сияешь красой, приходишь из славного рода,
Станешь позором семьи и родным своим вечным бесчестьем”.
Этих угроз не страшась и в ничто их вменяя, Агнета
Так дерзновенно в ответ управителю Рима сказала:
“Если б, Семпроний, ты знал почитанье Всесильного Бога,
Чья безграничная власть управляет Им созданным миром,
Коей Всещедрый Господь укрепляет служителей верных
И сокрушает вконец паутину лукавства и козней,
Ты никогда б не излил предо мной столь безумные речи
И не подумал страшать обещаьем бесчестья лихого.
Вот почему, не боясь, исповедую веру Христову,
Богом Христа признаю, и меня мой Господь не оставит,
Свыше меня защитит от позора Господня десница,
Так что, надеюсь, грехов не запачкаюсь липкою скверной,
Не повредят мне ничуть испытания немощной плоти”.
Слыша бесстрашную речь, воспылав неумеренным гневом,
Отдал Семпроний приказ, чтоб невесту Предвечного Бога
Пышных лишивши одежд и открыв обнаженную миру,
Тут же на площадь повлечь, где собираются толпы народа,
В недра ее заключить ненавистного дома разврата,
Где без помехи юнцы, ни стыда, ни ума не имея,
Увеселяться могли нечестивым общением женщин.
Но, нареченной Своей утешенье Христос подавая,
Не потерпел, чтоб ее поруганье какое коснулось.
Чудо Господь сотворил для Агнеты, покровов лишенной,
Длинных завеса волос опустилась тотчас же вдоль тела,
Словно текущий поток, заструились, густые, с макушки
И, наподобье плаща драгоценного, пяток коснувшись,
От любопытных зевак обнаженную деву прикрыли.
Только ее привели на порог злострадального дома,
Запах сладчайший тотчас ощутила Христова невеста
И увидала вертеп, озаренный мерцающим светом,
Что лишь презренье внушал темнотой и нечестием прежде.
По принуждению вошла в эти скорбные стены Агнета,
Ангел Всевышнего к ней устремился с приветливой речью,
Поддал девице скорей белоснежное он одеянье, –
Нету таких на земле, и по мерке подогнано точно.
То одеянье надев, к небесам обратилась Агнета,
Богу хвалу возгласив благодарным, усердная, словом,
Коего помощь спасла от напасти ее неминучей,
Коего Вышняя власть защитила ее непорочность
И уничтожила все обольстителя древнего козни.
А в это время юнцы, в ослеплении сердца беснуясь,

Быстро собравшись в толпу, отовсюду бегом прибежали.
Начали юноши спор, что испорченность их породила:
Кто из них первый войдет и узнает как можно скорее,
Так ли Защита крепка, Каковой предала себя дева
Та, что, плотскую любовь презирая, искала небесной,
Как она сможет теперь свой обет, не нарушив, исполнить?
Что ж, не замедлил Господь прекратить безрассудные споры,
Ибо из верных никто никогда не бывал посрамленным,
Если он все полагал упование на Господа Славы:
Тот, кто взбегал на крыльцо, побуждаемый духом гордыни,
Тотчас, как видел лучи золотого Небесного Света,
Ангела-стража встречал, озаренного чудным сияньем,
Страх пред знамением тем, как удар, поражал нечестивца.
Тут же, простершись у ног непорочной невесты Христовой,
Молит, чтоб узы его заблуждений расторгнуты были,
И обещает ей чтить по достоинству Бога Благого,
Что утешает своих почитателей в разных несчастьях.
Так вот обитель греха нарекается домом молитвы.
Тут и Семпрония сын появиться, безумный, решился,
Коего страсти никак уступать не хотела Агнета.
В сердце бесчестном глумясь над девицей, он к дому подходит,
Богу хвалы не воздав и отвергнув Того почитанье,
Чья благодать, воссияв, осветила печальные стены.
Думая лишь о себе, он предерзостно входит в покои
И беззаконной любви ожидает вкусить наслажденье
С той, кого прежде мечтал объявить он законной супругой.
Божия Сила и Власть, Милосердие также Господне
Противостало ему, замышлявшему дело дурное,
Словно прикрывши щитом ученицу Христову Агнету,
А наглеца обрекло стать добычею смерти внезапной,
Ибо тотчас же, когда устремился он шагом проворным
К месту, где Богу хвалы возносила смиренно Агнета,
Силы покинули плоть, пораженную хищною смертью,
И нечестивец упал, уничтоженный Силой Христовой.
Страшную весть получив, прибежал потрясенный родитель
С плачем, большою толпой окруженный друзей и прохожих,
И говоря о себе, как о самом несчастном на свете,
Так к небесам возопил, клеветца на безвинную деву:
“Горе, злодейка-жена, у которой неженское сердце
Прячется в нежной груди, как свирепая львица, жестока.
Юное прячет лицо кровожадность и злобную волю.
Ну же, скажи, почему ты мою погубила отраду,
Сына, что был мне всегда утешеньем, надеждой и славой?”

Некогда я ликовал о рождение такого потомка,
Ныне, оставшись один, погребенья его ожидаю.
Видно, порочный твой ум, развращенный враждебным ученьем,
Ложное знание впитал из нечистых ручьев волхвованья,
Если внезапно убить моего пожелала ты сына,
Жизни лишила того, кто едва ощутил ее сладость”.
Горьких попреков череда не обидела кроткую деву,
Не побудила в ответ порицанье обидчику бросить,
Но, сострадав отцу, потерявшему сына, Агнета
Мудрую речь повела, рассуждая о том, что случилось:
“Вовсе не я тут виной, что твой сын столь внезапно скончался,
Но, что скорее, себе он погибель принес своевольно,
Ибо с презреньем отверг прославление Бога Живого,
Чья – я свидетель тому – благодать в этом доме сияет.
Ныне узнает весь мир, золотым согреваемый солнцем,
Власть и Величье Того, Кто и солнцу тепло сообщает.
Я со смиренной мольбой обращаюсь к Его милосердию,
Чтобы Он вновь повелел неподвижному телу согреться,
Новую жизнь даровал, воскрешая и духом, и плотью”.
Вот что девица рекла, приказав расступиться зевакам,
Пала на землю потом, со слезами мольбы изливая,
Стала просить, чтоб Господь воскресил неразумного к жизни.
Ангел немедля предстал ей, когда о несчастном молилась,
Поднял с холодной земли бездыханное юноши тело,
Слово со властью изрек, призывая Всевышнего Имя,
Чтобы усопший ожил, чтоб к нему возвратилось дыханье.
Тот, по приказу, восстал, прореченного слова быстрее,
Силы вернулись сполна, восстановлено тело, как прежде.
Сладость похвальных речей к небесам вознося непрестанно,
Юноша громко излил благодарность в веселии духа
Богу, Владыке побед, как Подателю жизни и смерти.
Облик свой прежний приняв, выступает он легкой походкой,
Жизни исполнен теперь тот, кто раньше был смерти подвластен,
И, показавшись отцу, угнетенному скорбью жестокой,
Счастья причиной стал, уничтожив причину печали.
Неба высокого свод огласился воскресшего речью:
“Веруйте, братья мои, благородные граждане Рима,
Верьте, что Бог наш – Христос, Он Единый и Истинный вечно,
Вместе с Отцом в небесах и со Духом Святым Огнезrachным,
Мира всего Господин, восседает на горнем престоле,
Держит под властью Своей небеса, преисподнюю, землю,
Правит Он всем, что создал, с неизменной и вечной любовью.
Должно Ему Одному поклоняться, молиться и верить,

Прежде заблудшего Он и желавшего только дурного
Смертью внезапной меня от греха милосердно избавил,
Волей Своею предел положил Он такому безумью,
После же, склонный прощать, оказал Он заблудшему милость,
Девы Агнеты мольбой, столь горячей и столь же усердной
Тронут, Христос возвратил обновленного к жизни духовной”.
Видит отец, что идет к нему сын воскресенный навстречу,
Ныне прекрасен вдвойне: красотой и плоти, и духа, —
Гибель которого он, изнывая от горя, оплакал.
Чуда дивясь новизне, о котором нигде не слыхали,
В страхе трепещет отец и от радости также ликует,
Сына за шею обняв с превеликой отцовской любовью,
Нежный дарит поцелуй обретенному снова дитяти,
Не умолкая, Христа объявляет он Истинным Богом,
Коего милость узнал, от Него получив утешенье,
Коего власти святой даже горькая смерть подчинилась,
Сына вернула живым, поглотивши несчастного мертвым.
Подле стоявший народ, удивление в душах питая,
Радостно весь возгласил благодарность Единому Богу,
Имя Святое Его восхваляя и благословляя.
Слыша о чуде, жрецы воскипели неправедным гневом
И возбудили тотчас небывалую смуту в народе,
Гнусную ложь сочинив, обвинили Агнету в кощунстве,
Постановили казнить невиновную казнью жестокой,
Ибо презрела она почитание древних кумиров
И преступила закон, нанеся оскорбленье святыням.
Вот почему огорчен, с беспокойством на сердце Семпроний
Деве святой сострадал, испытав благодарность за сына.
Все же не мог он решить, поддаваясь сомненьям о деве,
Что ему делать теперь иль с решеньем каким примириться,
Ибо губить не хотел, защитить ее был он не в силах.
Он удалился, скорбя, от служенья судьи отказавшись,
Больше Семпроний не мог выносить приговор бессердечно;
Избран на место его презестокий язычник Аспазий,
Он приказал побыстрей на сожженье Агнету отправить,
Воле покорный жрецов, одобряя их волчью жестокость,
Но непорочную плоть, каковой не коснулось бесчестье,
Не испытавшую жар вожделения также плотского,
Тронуть вещественный огонь не сумел, хоть обжечь попытался.
Пламени вдруг языки расступились, по воле Христовой,
И для молитвы простор уделили блаженной Агнете,
В стороны сами стремясь, обжигающим жаром пылая,
Бросились на палачей, их предавши мучительной смерти,

Бурное пламя затем на глазающий люд обратилось,
Многие множества тех, кто Христа не признал, погубило.
Не пострадала одна от огня лишь блаженная дева,
В пламени шумном она, улыбаясь, спокойно стояла,
Руки воздев к небесам, так Всевышнему громко молилась:
“Слова Премудрый Отец, все рождающий мира Создатель,
Вместе с Рожденным Тобой до времен Твоим Сыном Любимым,
С Духом, подобным огню, Пресвятым, Вам Обоим совечным,
Хвалим и благодарим, и Тебя почитаем с любовью.
Только Тебя Одного в восхвалениях благословляю,
Преданно я воздаю благодарность Тебе за спасенье,
Ибо, под Вышний покров прибегая Христа Жизнодавца,
Не поддалась никогда на обманы я древнего змия,
Юной души чистота, целомудрие девственной плоти
Мне помогли миновать и мирскую трясину соблазнов,
И невредимой пройти сквозь огонь, разожженный тираном.
Вот почему, испытав о Твоем милосердии радость,
Ныне к Тебе тороплюсь возвратиться душою счастливой,
Смерть претерпеть я хочу и расторгнуть оковы плотские,
Чтоб удостоиться мне созерцания Бога Благого,
Коего я Одного и любила всегда, и искала.
Чистую душу прими, за Тебя разлученную с телом,
Дай упокоиться ей за оградой Небесного царства,
Где Ты, по праву могуч, под Троическим Именем правишь,
Мира троичного Царь, Господин во вселенной Единый,
Всем Ты во времени Сам управляешь Божественной властью”.
Чудо! Лишь только замолк звук последней горячей молитвы,
Пламя тотчас улеглось, и костер почернел, угасая,
Россыпь живых угольков под сидящим пеплом потухла,
Черная всюду зола остывала, лишенная жара,
Искорки даже одной на кострище большом не нашли бы,
И пораженно толпа, это чудо увидев, вздохнула.
Чем несомненной себя Всемогущество Божье являло,
Тем на душе у судьбы все черней и черней становилось.
Ярость, как бешеный зверь, беспрестанно его сокрушала,
Ибо не смог он стерпеть, что живую осталась Агнета,
Коей молитвами Бог чуда столь нередко являет.
Ножны покинув, клинок приближается к девичьей шее,
Неудержимо летя, беззащитное горло пронзает.
Злобный Аспазий не ждал, что, свершив злодеянье, поможет
Деве, которой вредить он стремился жестокой душою,
Ибо на небо послал ту, чью жизнь столь безжалостно отнял.
Тут же, когда за Христа уязвленная раной смертельной,

Вздых свой последний Ему предала, умирая, Агнета,
И, не нарушив обет, страстотерпица в Боге почила,
Быстро с сияющих звезд к ней спустились крылатые хоры,
Ангелов светлых полки, и ее непорочную душу,
Белую, словно снега, и небесного полную света,
С лаской приняв, повлекли по воздушному радостно морю,
Как подобает, хвалы воспевая Всещедрому Богу,
И, пронеся над огнем, окружающим мира строенье,
Вводят в надзвездный дворец к Жениху, о Котором мечтала;
Он подает ей венец, золотистым сияющий блеском,
Так награждая ее ради чести блаженного девства,
Дар ей неменьший вручен, как свидетельство славной победы,
Пальмы зеленая ветвь, знак того, что терпела мученье.
Дева блаженная так просияла двойною победой,
Что и награды двойной оказалась по праву достойна,
И среди множества дев возблистала в небесных чертогах,
Словно лилеи цветок, отливающий нежным румянцем,
Царствует в пышном саду, возвышаясь над всеми цветами.
Долг свой святой между тем исполняют родители девы,
В церкви свершают обряд, погребают, оплакав, Агнету,
С почестью в лоно земли опускают останки честные.
Также и место костра, где молилась блаженная дева,
Где не коснулся огонь непорочного тела Агнеты,
Верность скорбящих родных охраняла горячей любовью.
Как-то ночью порой, как обычно, родители девы,
К месту мучений пришли, чтобы там горячо помолиться.
Вдруг Милосердный Господь им явил таковое виденье.
Коротко скажем: они увидали отряды блаженных
Дев, что спускались с небес, нисходя из надзвездных чертогов;
Девы блистали красой и убранством изящных нарядов,
И среди них свою дочь, осиянную славой такой же,
Видят Агнету они, за Христа претерпевшую муки.
Справа от девы стоял белоснежный, как облако, Агнец.
Мать и отца увидав, за усердие в вере почтенных,
Ласково с речью такой обратилась к ним дева Агнета:
“Радуйтесь ныне со мной, возносите хвалы беспрестанно,
Ибо живу во дворце, источающем свет не вечерний,
В вечности девам святым я подругой любимой стала,
Ныне же в Царстве Небес сочетаюсь я в сладких объятьях
Чистой любви неземной с Тем, Кого на земле почитала,
Верной желая душой созерцать Его Лик бесконечно”.
Вымолвив эти слова, вдруг Агнета сокрылась из виду.
Радость объяла родных, утешенье наполнило души;

Слезы отерли они, что пролили по дочери милой
И благозвучной хвалой умиленно прославили Бога,
Кто после трудной борьбы даровал своим воинам верным
Милость духовных побед и свидетельство вечной награды.

¹ “Громкий Глагол” – народная этимология имени “Хротсвита”; современные ученые предполагают более вероятной другую этимологию – “крепкая славой”.

² Действие “Каллимаха” агиографическая литература относит к Эдессе, действие “Авраама” – к Геллеспонтской Фригии в Малой Азии.

³ “Пусть, судьбе вопреки!” – вергилианская реминисценция.

Випон Бургундский

Сочинения Випона Бургундского, историка и поэта, являются важным источником сведений о правлении Конрада II (1024–1039) и его сына Генриха III (1039–1056), о чем мало говорят другие источники. В 1040-х годах Випон несколько раз приезжал ко двору и путешествовал вместе со всем окружением Генриха III. Возможно, он как наставник Генриха был в штате домашней королевской церкви. Даже если он был связан с Бургундией (это сказывается в его интересе к событиям в Бургундии, который отразился в его сочинениях), Випон, должно быть, происходил из северных, германских областей, которые были присоединены к Германской империи после 1032 г. Сочинения Випона свидетельствуют о его обширных знаниях и высоком интеллектуальном уровне, а также о его поэтическом таланте и о его глубоком понимании международной политики. Некоторые сочинения Випона до нас не дошли. Из упоминаний в “Деяниях Конрада II” мы знаем о его утерянной эпической поэме “Галлинарий”, посвященной вхождению Бургундии в Священную Римскую империю; утерян его стихотворный “Бревиарий”, восхвалявший победы Генриха III над славянами, и хвалебный гимн Генриху. Сочинение Випона “Деяния императора Конрада” было написано после 1040 г., возможно, в 1045/1046 гг., незадолго до кончины, последовавшей около 1050 г. У Випона было также намерение написать и историю правления Генриха III, ранние деяния которого также описаны в произведении, посвященном деяниям его отца. В первой части “Деяний” Випон опирается на свои собственные воспоминания об избрании Конрада, о его коронации и начале правления, далее он пользуется ныне утраченной хроникой из монастыря Райхенау, автор которой известен как Герман из Райхенау; эта хроника лежит в основе некоторых других исторических произведений этого времени. Однако Випон критически отнесся к своему источнику, улучшил и исправил его. Ведущей темой его сочинения о Конраде стал девиз “Сохранять закон – значит править”. Его сочинение считается одним из лучших королевских жизнеописаний средневековой Германии. “Ритм к Генриху” Випона является политическим призывом, побуждающим Генриха вмешаться в итальянские дела. Авторство

Випона подкреплено летописными свидетельствами. “Сто пословиц” Випона, самое раннее его сочинение, посвященное Генриху III (ок. 1028 г.), представляет собой собрание высказываний в стихотворной форме, которое должно было вдохновлять будущего правителя. В “Пословицах” заключается определенная программа, так же как и в 326 гекзаметрах “Тетралого”, поднесенного Випоном королю на Рождество 1041 г., и в его “Стихе к трапезе короля” из 10 дистихов. “Тетралог” Випона, как следует из названия, представляет собой беседу четырех участников: поэта и трех муз. Похвалы королю здесь отходят на второй план, главное место в “Тетралогe” занимают отрывки, выражающие основные положения политической программы, сформулированной Випоном. Основа деяний правителя – христианские добродетели, “закон и право” призваны поддерживать “мир”, цель императоров-миротворцев. Таким образом, основание для деятельности императора, желающего реформ, закладывается в этом идеологическом сочинении, отвечая требованиям эпохи и взглядам самого Випона.

Значение Випона как идеолога, воспитателя короля и историка не умаляет его значения как поэта. Его “Кантилена на смерть Конрада II” была известна и за пределами Германии. Так, ее текст был обнаружен в “Кембриджских песнях”. Еще два стихотворения, посвященные королям, находящиеся в этом манускрипте, также, возможно, написаны Випоном. Его секвенция на праздник Пасхи “Хвалы Пасхальной Жертве”, посвященная Воскресению Христову, выводит св. Марию Магдалину как вестницу Воскресения. Эта секвенция дала толчок возникновению большого количества секвенций, которые были написаны на ту же мелодию и даже использовали ее первую строку как начальную. Секвенция Випона исполнялась во время Пасхальной литургии вплоть до II Ватиканского собора.

Текст стихотворений приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 185–186. Перевод прозаического текста сделан по изд.: PL. V. 142. Scol. 1217–1235.

Деяния императора Конрада Второго¹

Послание

к королю Генриху сыну императора Конрада

Славнейшему императору Генриху Третьему², королю, способному правителю во время войны и мира, пишет Випон, пресвитер Божией милостью, ибо он слуга царственных слуг сего мира, правящих по воле Господней.

Я подумал, господин император, что полезно будет изложить замечательную жизнь и славные деяния императора Конрада, твоего отца, чтобы светильник не тайлся под спудом, чтобы солнечный луч не скрывался в облаке, чтобы достопамятная доблесть не покрывалась ржавчиной забвения. Ибо если бы его преславные и весьма блистательные деяния не предшествовали

Император Конрад II и его сын Генрих III.
Geoffrey Barraclough.
The Crucible of Europe.
Berkeley and Los Angeles, 1976.
С. 159

твоим, они бы, казалось, остались в тени чрезвычайного блеска следующих за ними твоих доблестей. А мне, службе твоему, хочется, если Господь изволит, сообщить о деяниях вас обоих, которые происходили при моей жизни, так проводя различие между вами, чтобы я правдиво рассказал, что один с пользой поделил государство, а именно Римскую империю, а другой ее же разумно привел в порядок. Если я пишу или говорю здесь больше или меньше, или иначе, чем было на самом деле, пусть ставят это в вину не пишущему, но рассказавшему, так как, болея в течение долгого времени, я не мог часто присутствовать в домовая церкви господина моего Конрада. То же, что я видел сам и от других, желающих собрать от вас плод, узнал, поведаю пером, опирающимся на истину. И так как есть некоторые деяния, которые ты достохвально совершил еще при жизни своего отца, я решил поместить их среди его деяний; те же, которые ты славно совершил после его кончины, я решил изложить в должном порядке. Если же какие-нибудь недоброжелатели укоряют меня за лишний труд, ведь, мол, и другие об этом же писали (хотя до сих пор я не видел ничего другого написанного), я отвечу: “В устах двух или трех да будет покоиться все свидетельство; и слова Христа в Евангелии излагаются не одним единственным свидетелем, но четырьмя, достойными веры в Церкви”.

Тебе, высочайший император, посвящаю этот труд, тебе представляю деяния отца, чтобы, всякий раз, как задумаешь совершить славнейшие дела, прежде ты представлял бы,

словно в зеркале, отцовские доблести, чтобы то, что ты унаследовал от отеческого корня, изобильнее процвело в тебе, и чтобы ты с помощью Всемогущего Бога удостоился бы владеть своим королевством и империей более продолжительно, чем все твои предшественники, так, чтобы превзойти их всех в каких-либо божественных и мирских делах.

*Деяния императора Конрада Второго
Начинается пролог*

Я подумал, что подобает и приличествует связать узами ускользящую память о преходящих вещах и, в особенности, не обходить праздным молчанием заслуги христианской империи, ибо не только до сих пор сохраняется некая непрерывная слава тех людей, которые в жизни сей хорошо послужили, но и потомкам предлагается образ доброго жития, если бы они пожелали подражать родителям, ибо полезный пример обыкновенно делает душу подражающего более смелой и решительной в деяниях. Также по большей части случается, что потомки благоговеют перед славой древних или с такой же легкостью впадают в смущение касательно ее, если они себя с ними, в особенности, не равняют, когда, побуждаемые молвой, восхваляют их деяния. Ибо как добродетель улучшает многих неблагородных людей, так знатность без добродетелей многих знатных мужей нравственно перерождает. Кроме этого, кажется, что нельзя молчать о победах кафолических властителей, делать всем известными победы нехристианских тиранов. Довольно опрометчиво и писать, и читать о Тарквинии Гордом³, о Тулле⁴ и Анхизе, отце Энея, о свирепом Рутуле⁵ и о такого же рода прочих мужах и совершенно пренебречь нашими Карлами и тремя Оттонами⁶, императором Генрихом Вторым, императором Конрадом, отцом славнейшего короля Генриха Третьего, и самим королем Генрихом, торжествующим во Христе. Писателям настоящего времени нужно бояться, что они окажутся недостойными пред Богом из-за своего порочного бездействия, в то время как древние повествования Ветхого Завета предзнаменовали и научили, что и плоды недавних дел должно также положить в кладовую памяти. Так мы вспоминаем, что Авраам освободил от истребления Лота, своего племянника⁷; так мы узнаем, что сыны Израилевы победили различных врагов. Так, благодаря изобилию писаний, перед нашими глазами проходят битвы царя Давида, советы Соломона, дарования Гедеона, сражения Маккавеев. Ибо древние философы различными способами заботились о государстве. Они писали и переписывали, по большей части, вещие сны, чтобы склонить умы слушателей к тому, что хотели утвердить. Зачастую с теми же целями они измышляли разные рассказы, богатые сказаниями и мифами, скрывая достойные памяти дела и имена, ибо такого рода выдумки несколько не противоречили философии; нередко в трактатах, прямо тому посвященных, они уверяли правителей государства, что души человеческие вечны, и что, как передает Макробий⁸ слова Сократа, – душа после смерти живого существа не погибает. Почти все философы

учат, что плод человеческого усердия не погибает вместе с человеческой жизнью, но все, кто помогал отечеству и хранил законы, наслаждаются вечной жизнью, а те, кто презирал справедливость, по суждению справедливого Создателя, без сомнения, оставлены на мучения⁹. А то, что душа человеческая бессмертна, философы доказывают при помощи многих рассуждений: в то время, пока душа заключена в узы плоти, она пользуется той свободой, что лишь живым движением помышления пробегает далекие звезды, земные, а то и морские тайны, которые никогда во плоти не видела; иногда, когда тело бодрствует, иногда, когда оно спит, душа своим, а не чужим зрением собирает большинство знаний о будущем и удерживает их в памяти; лишившись же облачного покрова плоти, она гораздо более свободно с той же живостью наслаждается этим знанием. И, знание об этом, как Макробий говорил, приносит величайшую пользу в особенности властителям, закосневшим в надменности своей, которые зачастую не заботятся о благах вечной жизни. По этой причине древние устанавливали победителям множество статуй и памятников и полагали, что их деяния должны быть записаны, чтобы слава тех, чьи души, как они верили, живы в вечности, хотя они и умерли плотью, существовала для вечной памяти у потомков. Хотя сами древние философы только человеческой премудростью разуживали о бессмертии души, которое им еще не было обещано или явлено Христом, этим, однако, побуждаемые, и сами соблюдали праведность, и усердно внушали ее правителям своего отечества в своих писаниях. Деяния же государства, как считается, умирают вместе с его правителями, если не записывается происходящее, и по причине праздного умолчания приключается величайший урон, если из сохранившихся писаний не открывается то, что касается великого усопшего, к чему живущий приложил старание. Почему же мы, у кого Слово истины изгнало молчаливое бездействие, сказав: “Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях” [Мф 10, 27], терпим, что христианским властителям и защитникам евангельской веры отказано в том, что своим правителям еще язычники предлагали? Ибо если наши кафолические короли, защитники истинной веры, без опасности заблуждения управляют миром Христовым по закону Его, который Он нам передал чрез Свое Евангелие, что иное делают те, кто показывает их благие деяния в своих писаниях, если не проповедуют Евангелие Христово? Сколько бы ни колебался дух пишущего прежде чем приступить к трудным делам, совершенным со зрелой пронизательностью и нравственной серьезностью и с неизменным постоянством, И если события, которыми пишущему подобает заниматься всеми, совершаются с неуместной распушенностью, или с притворной дерзостью, или с бесстыдным корыстолюбием, то в этих деяниях правителей, которые он записывает, должно, насколько позволяют способности и дарования, открывать как то, что совершилось, так и то, что было обойдено молчанием; поэтому когда благочестие доброго правителя побудило к добродетели и добрым делам, то это будет полезно родине, а хвала ему на пользу потомкам. Прошлые дела

Генрих III. Миниатюра из Евангелия Генриха III. Ок. 1040 г.
Geoffrey Barraclough. The Crucible of Europe.
Berkeley and Los Angeles, 1976. P. 165

очевидны; что бы ни было в будущем, это нельзя узнать заранее. Вот что, следовательно, побудило меня написать сей труд и дало мне надежду; я пожелал написать для общей пользы читающих, так чтобы и слушающим было бы приятно. Ибо если в этих писаниях сообщается нечто, достойное уважения, во власти читателя открыто подражать этому. Что еще сделаю далее: я желал бы, чтобы тот, чью плоть отягощают многие пороки, по побуждению Божию, погруженный в такие занятия, избежал бы праздности, как недруга души. Если же я готов говорить о государственных делах, я изложу по преимуществу дела двоих королей, а именно: императора Конрада и его сына короля Генриха Третьего, которого почти все разумные люди прозывают Генрихом Венцом Правосудия. Деяния отца, которые совершались при моей жизни, насколько я сам был тому свидетелем или узнал из рассказа других, изображу в живых красках для несведущих потомков. А славнейшие деяния сына, ибо он жив и правит милостью Божией, я не перестану собирать, сколь долго буду жить. Как известно, я вошел в эту жизнь прежде короля, так мне случится и покинуть ее прежде него, и если это произойдет, то я таким образом оставлю свой труд незавершенным, и потому я умоляю пишущего после меня, пусть не будет ему стыдно возвести свои стены на моем основании, пусть не презрит он поднять упавшее перо, пусть не завидует моим начинаниям, поскольку он не захочет, чтобы кто-либо завидовал исходу его дела. Ибо, если кто начал некий труд и дошел до середины, не подобает быть неблагодарным при завершении этого труда тому, кто нашел начало уже приготовленным. Я предложил краткое вступление; ныне перейду к делам императора, но сначала я немного рассказал, сколь достойным было его избрание; так что, начав отсюда, я смогу писать с большей достоверностью, если напомним прежде, какие епископы или прочие властители в те времена стояли во главе королевства.

О съезде властителей

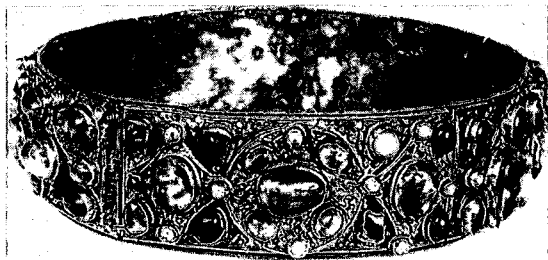
В год Воплощения Господня 1024, император Генрих Второй, когда уже он хорошо устроил дела империи и после долгих трудов начал пожинать зрелый плод мира, находясь в ясном уме и пользуясь полнотой власти, охвачен был болезнью плоти; и поскольку болезнь усиливалась, в 3 иды июля он ушел из этой жизни. Из Саксонии его тело было отвезено для погребения в место, называемое Пабенберг, где он сам с доброй ревностью и усердием основал епископскую кафедру, славную всяческим церковным убранством. Для освящения ее император принял апостолического господина, по имени Бенедикт, и своей властью и императорским указом укрепил привилегии для охраны сего места. После кончины императора государство, потеряв отца, в скором времени зашаталось, словно осиротевшее. По этой причине всякий знатный человек испытал страх и заботу, а наихудшие люди пожелали подвергнуть государство опасности. Поистине Божественный Промысел вручил мужам-предстоятелям корабля Церкви, и этим правителям подобало приложить усилие, чтобы без ущерба привести эти корабли к гавани покоя в род-

ной стране. Ибо когда император умер, не оставив сыновей, всякий весьма могущественный из мирских владык старался, более при помощи силы, чем ума, или сделаться первым или, благодаря какому-нибудь договору, вторым после первого. По этой причине почти все королевство охватила распря, так что во многих местах сделались бы кровопролитие, пожары, грабежи, если бы вмешательство славных мужей не помешало бы ее раздуванию. А императрица Кунигунда¹⁰, хотя и была лишена решимости, присущей мужам, по совету своих братьев, епископа Теодорика Мецского¹¹ и Хеззилона, герцога Баварского, в меру сил способствовала усилению государства и в заботливых размышлениях направила все свои способности и проницательный ум на восстановление империи. Дело требует от меня назвать вкратце некоторые имена тех понтификов либо мирских властителей, чьим советом обыкновенно избирались короли Франции, чтобы события в моем дальнейшем рассказе не показались произошедшими случайно, но что совершилось так по решению наимудрейших мужей, взвешенному и достойному, и оказалось наилучшим выбором. (...)

Вышеупомянутые епископы и некоторые могущественные герцоги, полагая, что именно так возможно лучше или быстрее избежать угрожающей опасности, при помощи Вышней Защиты и достопамятного усердия стремились изо всех сил к тому, чтобы государство, не имеющее правителя, не подвергалось дольше опасности. Надлежащий обмен посланиями и вестниками не вотще связал воедино личные помышления и стремления отдельных людей касательно того, кто с кем согласился бы или кого себе выбрал господином. Ибо Промыслу свойственно изнутри готовить то, чего не имеешь снаружи, и совет прежде труда есть семя будущего плода. Тщетно будешь ожидать помощи от другого, если не знаешь, чего желал. Тайное совещание, постепенное обдумывание, скорое исполнение в весьма трудных делах приводит к хорошему исходу. Наконец условились о дне и нашли место для встречи, собралось такое множество народа, что не помню, чтобы я видел таковое прежде. Я не замедлю описать все, достойное упоминания, что происходило на этом сходе.

Об избрании короля

В пределах Могунтии и Вормации¹² есть место, из-за своей обширности и ровности способное принять весьма большое множество людей, благодаря уединенности островов безопасное и удобное для обсуждения тайных дел¹³; но об имени и расположении этого места предоставлю более сказать топографам, я же вернусь к начатому. Когда в этом месте собралась вся знать и, так сказать, силы и богатство королевства, они разбили лагерь по обе стороны Рейна, так как Рейн отделяет Галлию от Германии. Со стороны Германии сошлись саксы с соседними им славянами, восточные франки, норрики, аламанны. А со стороны Галлии присоединились к ним франки, которые живут за Рейном, рипуари и лиутаринги. Стали они рассуждать о важном деле,

Корона императрицы Кунигунды.
Фульда. Нач. XI в. *Das Erste
Jahrtausend. Kultur und Kunst
in Werdenen Abendland an Rhein
und Ruhr.* Düsseldorf, 1964.
Илл. 305

сомневаться в том, кого выберут, колеблясь между страхом и надеждой, и как родня между собой, так и друзья по очереди весьма долго обдумывали противоположные желания. Ибо должно было совещаться не о пустяках, а о том деле, которое могло привести к гибели всех основ государства, если не обдумать такое дело тщательно и неравнодушно. И как говорится в народных пословицах: “Сваренное полезно – сырое опасно” и, как говорят: “Глазную мазь готовьте осторожно”. Когда собравшиеся долго спорили таким образом, кому следовало бы править, одного мужа отвергли по причине возраста – или чрезвычайно незрелого, или сверх меры преклонного, другого по причине того, что не было ничего известно о его добродетелях, а некоторых потому, что была известна их неопытность. Наконец, среди многих были выбраны немногие, и из немногих были выделены двое, которые, будучи испытаны лучшими мужами, долго размышлявшими с высшей тщательностью, наконец удостоились равного числа голосов. Этими двумя были два Куонона, из которых один звался Старшим Куононом, ибо был старше возрастом, а о другом говорили как о Младшем Куононе. Оба они были весьма благородными мужами в Тевтонской Франкии, рождены были от двух братьев, из которых один звался Хеззил, а другой Куонон; мы узнали, что они происходят от Оттона, герцога франков, как и двое других – Брунон и Вильгельм, из них Брунон, сделавшись папой на апостольском престоле Римской Церкви, после перемены имени назван был Григорием¹⁴; Вильгельм же, став епископом Аргентинской Церкви¹⁵, удивительным образом ее возвысил. Оба вышеназванных Куонона были весьма знатны со стороны отцов, но не менее они просияли и со стороны материнских родов. Мать Куонона Младшего Матильда была рождена дочерью Конрада, короля Бургундии. Мать Куонона Старшего Адельгейда¹⁶ происходила из знатнейшего рода Лиутарингов. Сия Адельгейда была сестрой графов Герхарда и Адельберта, которые, все время сражаясь до последнего с королями и герцогами за дело своего родича короля Конрада, едва пришли с ними к согласию; их родители, как передают, происходили из древнего рода троянских царей, которые подъяли иго христианской веры при блаженном исповеднике Ремигии¹⁷. Долго остальные знатные мужи пребывали в нерешительности касательно этих двух мужей, то есть старшего и младшего Куононов; и хотя почти все втайне склонялись и горячо желали избрать старшего Куонона из-за его добродетелей и честности, однако всякий весьма

умно скрывал свое настроение из-за могущества младшего, опасаясь, как бы не сделалось расхождение во мнениях ради получения императорской короны. И наконец, по Божественному промыслу, случилось так, что они между собой сошлись в некоем соглашении, которое было весьма кстати в деле, вызывающем столько сомнений, а именно: если большая часть народа похвалит кого-либо из двоих, другой ему без промедления уступит будущую власть. Полагаю, достойно будет рассказать, в каком рассуждении Старший Куонон обнаружил свой ум, не потому что он сам отчаялся стать правителем, ибо он понял, что воля Господня уже была сообщена сердцам собравшихся знатных мужей относительно выбора правителя, но желал укрепить душу родственника, чтобы тот меньше беспокоился о неизвестном исходе дел. Куонон обратился к младшему родственнику с такой замечательной речью: “Радость, подобающая счастливым делам, не превосходит меру достоинства, не позволяет кому-либо быть неблагодарным за полученные благодеяния; и как в несчастьях вредное малодушие ведет к худшему, так и в счастье благородная веселость приводит человека к лучшему; и плод достигнутого блаженства немного имеет силы, если умеренной бодростью он не питает душу труждающегося. Так я чувствую, что бодрость души моей весьма подкрепится многими радостями, ибо из такового собрания мужей единодушное согласие всех избрало лишь нас двоих, и из нас возведет одного в королевское достоинство. Ибо нам не должно превзойти наших родичей знатностью или богатством, и мы не заслужили ничего, достойного такого почитания. Не подобает возноситься пустыми словами; предки наши свою славу добывали делом, а не желали более показать ее на словах. Прилично будет, если мы удовольствуемся жизнью среди равных, такой же, как и у всех. К чему бы мы ни были способны, по мнению других, за это воздадим благодарение Богу. Нам должно поразмыслить, как бы мы, достойные такой чести, как думается, благодаря чужому единомыслию, не показались недостойными такой милости благодаря собственному и родственному несогласию. Ибо глупо злоупотреблять чужой властью вместо своей. При любом избрании никому нельзя судить о себе самом; хотя о другом позволено.

А если было бы позволено кому судить о себе, сколько королюков, не скажу королей, мы увидали бы? Не в нашей власти было эту честь, возданную многими, удерживать между двумя. Молитвы, желания, согласие франков, лиутарингов, саксов, нориков, аламаннов сошлись на выборе нас, словно бы поросли одного корня, словно одного дома, словно нерасторжимого и тесного союза; нас, соединенных по столь многим причинам, никто не заподозрит в том, что мы можем быть разделены недружелюбием.

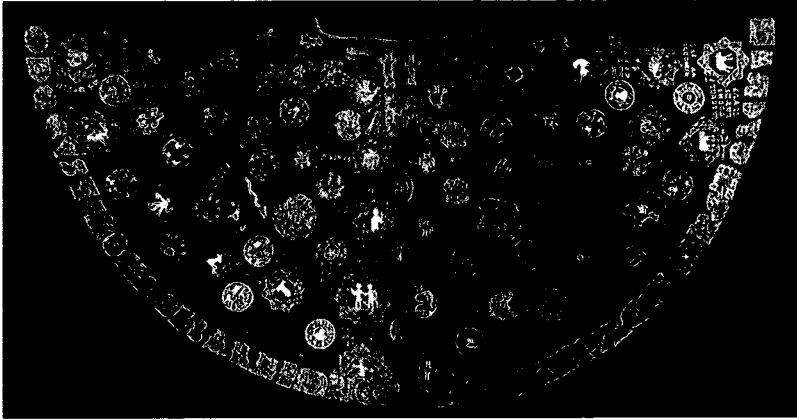
В дружбе нам жить надлежит, так нам близость по крови велит.
Прочностью родственных уз укрепится наш верный союз.

Далее, если мы откажемся от предложенного другими, поскольку что-нибудь нам помешает, то есть если мы будем несогласны друг с другом, то на-

род тогда, несомненно, пожелает отвернуться от нас и избрать себе кого-то третьего; и мы не только будем лишены великой чести, но еще, что всем добрым людям противнее смерти, стяжаем себе славу малодушных и завистливых людей, словно не могли выдержать достоинство столь великого правления и не пожелали уступить эту честь друг другу, а это между кровными родственниками, как я считаю, представляется великим беззаконием. Итак, величайшая почеть, высшее могущество окружит нас и таким образом придет к нам, чтобы, если бы мы пожелали, почтить на одном из нас. Почему мне и кажется, что, если такая совокупная честь пребывала бы на одном из нас, и другой в дальнейшем никоим образом не лишился бы участия в этой же чести. Ибо как некая доля чести изливается на родителей королей, хотя они все и не стали королями, так и те, кто определен и заранее назван для власти, хотя еще и не получили ее, вовсе не лишатся при том некоторой, связанной с этим, почести; при том, что они не были призваны не по причине недостатка своих достоинств. Кроме того, если родичи королей почитаются ради королей, и поскольку все желали бы быть с нами таковыми, каковыми мы были друг с другом в духовном согласии, так преуспевание одного зависит от другого; кто может быть счастливее нас, если один будет править, а другой своим благорасположением уступит правящему государству? Потому будем осмотрительны, не будем предпочитать чужака родственнику, неясного ясного; чтобы сегодняшний день, вплоть до сей минуты радостный и приятный по причине такового решения, не принес нам долговременного несчастья, и мы таким образом дурно обойдемся с благожелательностью, высказанной столь многочисленным народом. Да не будет сего с моей стороны, любезнейший из моих родственников! Я желаю сказать, что я о тебе думаю. Если я узнаю, что народ душой склоняется к тебе, хочет видеть тебя королем и господином, никаким злым измышлением я не отниму у тебя это благоволение, более того, выберу тебя тем с большим желанием, по сравнению с другими, чем более буду надеяться, что я тебе милее их. Если же Бог на меня воззрит, не сомневаюсь, что и ты воздашь мне равным за равное". На это Младший Куонон ответил, что для него все такое суждение будет по нраву, и, конечно, пообещал Старшему Куонону, как самому любимому родственнику, что если тот будет призван к верховной власти, он будет верен ему во всем, как и подобает королю. Среди этих речей Старший Куонон, на глазах у многих наклонился и поцеловал родича, и сразу было отмечено, что каждый из них был доволен этим поцелуем. Приняв это за знак согласия, властители сели вместе с прочими, весьма многочисленный народ стоял возле:

Всяк ликовал, что пришло, наконец, долгожданное время
Тó перед всеми изречь, что давно уже в сердце тайлось.

Когда народ спросил архиепископа Майнцского, суждение которого должно было принять прежде прочих, что он думает, тот от всего сердца веселым голосом восхвалил и избрал Куонона, старшего возрастом, своим господином

Парадный плащ императора Генриха II. Нач. XI в.

и королем, правителем и защитником отечества. Его суждению без сомнений последовали прочие архиепископы и остальные мужи священных чинов. Младший Кунон, переговорив с лиутарингами, вернулся и с величайшей любовью выбрал его господином и королем, и король, взяв его за руку, усадил его вместе с собой. Тогда люди из отдельных королевств один за другим весьма часто стали повторять эти же слова избрания; народ поднял крик, все единогласно согласилось со знатными мужами в выборе; все желали Кунона Старшего, стояли на своем, ничуть не сомневаясь, предпочли, чтобы он ими правил, указали на него как на достойнейшего королевской власти и потребовали, чтобы он был без промедления коронован. Вышесказанная императрица Кунигунда охотно принесла знаки королевской власти, которые после себя оставил император Генрих, и, насколько ее полу свойственно влияние, охотно поддержала его в том, чтобы он принял правление. Я же верю, что этому избранию благоприятствовали небесные силы, ибо среди мужей исключительного могущества, среди стольких герцогов и маркионов без зависти, без спора был избран тот, кто по сравнению со столь великими мужами в том, что касается государственной власти, имел немного привилегий и влияния, хотя родом и доблестью и богатством не был никого из них хуже. Однако, как говорили, архиепископ Кельнский и герцог Фредерик¹⁸ с некими другими лиутарингами ушли со враждой из-за неизбрания Кунона Младшего, более того, по наущению врага мира дьявола; но они быстро вернулись в милость короля, кроме тех, кого опередил общий для всех удел смерти, и все, чтобы он ни предписывал, принимали с удовольствием. Также архиепископ Пелегрин¹⁹, словно бы во искупление прежней вины, вымолил у короля, чтобы ему было позволено короновать королеву в кафедральном соборе Кельна. Об этой коронации я расскажу впоследствии, ныне вернусь к королю. Поистине он был

избран волей Божией, о чем Господь заранее предусмотрел свидетельство, которое позже король получил от людей. Ибо Куонон Старший был мужем великого смирения, осмотрителен в совете, правдив в словах, добр в делах, не жаден, щедрее всех королей в даянии, об обычаях его я позже расскажу больше. И вот, должно здесь сказать, что никоим образом не могло случиться так, чтобы не стал правителем, и весьма величайшим, тот, кто был столь силен в своих добродетелях. Поскольку, как сказано “славе предшествует смирение” [Притч 15, 33], кому присуща сия царица добродетелей, по заслугам идет впереди славных мужей мира сего. Следовательно, никому на земле не дозволено было бороться с тем, кому Всемогущий Бог судил всеми управлять.

О коронации правителя

Когда избрание совершилось, все с великой бодростью поспешили последовать за королем в Майнц, чтобы он там принял священнейшее помазание. Люди шли, радуясь, клирики воспевали псалмы, миряне пели каждый по-своему; я еще никогда не знал случая, чтобы Господь получал в один день в одном месте столь великие хвалы. Если бы Карл Великий ожил и явился, держа скипетр, народ не был бы веселее и не мог бы радоваться более возвращению столь великого мужа, чем первому успеху этого вот короля. Король достиг Майнца; там принятый с должными почестями, он благочестиво ожидал своей коронации, которая была желательна всем. Когда архиепископ Майнцский и весь клир торжественно приготовились, чтобы благословить его на правление в день Рождества Пресвятой Богородицы Марии, во время священной службы помазания короля архиепископ обратился к Куонону с такой речью: “Вся власть сего текущего века происходит из одного чистейшего источника. Обыкновенно случается, что когда множество ручьев истекает из этого начала, одни бывают бурными, другие мутными, основной же источник пребывает в своей чистоте. Таким же образом, когда человеческая природа дерзает в себе соединить Творца и творение, мы можем рассуждать о Боге, бессмертном Царе, и земных правителях. Ибо написано: “Вся власть от Бога”²⁰. Он Всемогущий Царь царей, Творец и Начало всех почестей, когда Он изливает на князей земли милость какого-либо достоинства, насколько по природе Источника оно чисто и нескверно. Когда же поток, текущий из Сего Источника, достигает тех, кто недостойно обращается со полученным достоинством и оскверняет его гордыней, завистью, похотью, корыстолюбием, гневом, нетерпимостью, жестокостью, то такие мужи доставляют себе и всем своим подданным опасное питье несправедливости, если только они не очистятся покаянием. Вся Церковь Святых молится и ходатайствует ко Господу, чтобы достоинство власти, которое сегодня чистым подается Богом господину и королю нашему Конраду, присутствующему здесь, он сохранил неоскверненным, насколько это возможно человеку. Нам должно говорить с тобой и ради тебя, господин король. Господь, Который избрал тебя, чтобы ты

Император Генрих II. Манускрипт XI в.
Geoffrey Barraclough. The Crucible of Europe.
Berkeley and Los Angeles, 1976. P. 158

был королем над своим народом, Сам прежде пожелал тебя испытать, потом направлять: ибо Он бичует всякого, кого принимает; Он удостоил порицать того, кого желал принять; угодно было Ему смирить того, кого Он предполагал возвысить. Так Бог Авраама, раба Своего, испытал и, испытав, прославил. Так Он разрешил претерпеть гнев царя Саула, преследование, обиды, убежища пустыни, богатство, изгнание Давиду, слуге Своему, которого Он после сделал славнейшим царем в Израиле. Блажен, кто претерпевает искушение, так как он примет увенчание. Не без причины тебя Бог подверг испытанию, усладил Он для тебя плод, за тем последовавший. Он позволил тебе потерять милость императора Генриха, твоего предшественника, и вновь

обрести ее, только чтобы ты умел сострадать тем, кто теряет твою милость; ты претерпел обиды, чтобы ныне ты мог сострадать претерпевающим обиды. Милосердие Божие не пожелало, чтобы ты остался без научения, чтобы после небесного училища ты принял бы христианское правление. Ты достиг Высшего достоинства, ты викарий Христа. Лишь тот, кто Ему подражает, истинным правителем бывает. Подобаает, чтобы на этом королевском престоле тебе сопутствовало бы вознаграждение вечной жизни. Великое счастье на земле царствовать, величайшее же в Небесах торжествовать. А так как Бог многого от тебя требует, Он больше всего желает, чтобы ты вершил суд и справедливость и хранил мир отечества, которое всегда на тебя надеется, чтобы ты был защитник церквей и клириков, охранитель вдов и сирот; ибо этими и другими добрыми делами укрепится престол твой здесь и в вечности. И ныне, господин король, вся святая Церковь вместе с нами просит твоей милости к тем, кто против тебя провинился и по причине какого-нибудь оскорбления лишился твоей милости. Из них есть один, по имени Оттон, знатный муж, который тебе причинял обиды; ради него и всех прочих взываем к твоему милосердию, чтобы ты простил им их ошибки ради любви Божией, Которая тебя сегодня превратила в другого человека и соделала тебя причастником Своей воли, поскольку и тебе пусть изволит Он воздать за все твои прегрешения”.

Во время этой речи король, движимый милосердием, вздохнул и далее, как можно поверить, источил слезы. Затем, так как епископы и герцоги со всем народом настоятельно просили, он простил всех, кто перед ним провинился.

Это деянье народ с величайшею радостью принял,
Милость узрев короля, все вокруг зарыдали от счастья.
Тот удержался б от слез, кто имеет железное сердце,
Видя, как славный король милосердно виновных прощает.

И хотя он мог бы отомстить за свои обиды, если бы он никогда не сделался королем, однако, возложив твердое упование на столь великую власть, он совершенно отказался от мщениа.

Когда подобающим образом было совершено богослужение, король выступил, чтобы принять королевский венец. И, как читаем о царе Сауле, “он от плеч своих был выше всего народа” [1 Цар 9, 2], и Конрад, изменившись, словно бы обрел особую внешность, до сих пор невиданную, и в сопровождении свиты священников с веселым лицом, величественной походкой возвратился в покои. Оттуда он прошел к столу, убранному по-королевски, и так, самым должным образом, провел он свой первый в королевском достоинстве день.

О первых деяниях короля Конрада

Подчинив перо свое деяниям славного короля Конрада, должно мне сказать о тех из них, которые он совершил в самый день своей коронации. Хотя они и покажутся незначительными, однако имеют некий прекрасный тайный смысл. Но так как пишется история государства, которая привлекает внимание чита-

теля скорее к необычности дел, чем к оборотам речи, то, как кажется, более подобает ревностно заняться самим делом во всей полноте, чем нечто излагать без разбору в рассуждениях, полных аллегорий. Во время самого королевского шествия к Конраду подошли трое, каждый со своей жалобой. Одним был крестьянин Могунтинской Церкви, другими были мальчик и какая-то вдова. Когда король начал выслушивать их дела, некие из его князей удерживали его, говоря, чтобы он не задержал чем-нибудь свою коронацию и вовремя выслушал богослужение; Конрад, повернувшись к епископам, как викарий Христов, христианнейше ответил: “Если мне подобает ревностно приниматься за правление, и мужу решительному никоим образом не свойственно откладывать то, что он может сделать надлежащим образом; правильнее, как мне кажется, исполнить то, что я должен, чем выслушать от другого, что мне должно делать. Я помню, вы часто говорили, что оправдываются не слушатели, а исполнители закона. Если же, как вы говорите, должно поспешить на коронацию, столь более основательно мне подобает утвердить шаги мои в деле Божиим, сколь я понимаю, что я приближаюсь к более высокому положению”.

Вымолвив эти слова, достославный правитель остался
Там, где навстречу ему бедняки удрученные вышли.
Конрад всему предпочел правосудия твердую поступь.

После того как король немного отошел от того места, пред ним предстал некий человек, говоря, что он был без вины изгнан из своего отечества; король, взяв его за руку, повлек его в обход всех стоящих вокруг прямо к своему престолу и там заботливо поручил дело несчастного какому-то из своих князей.

Видно, что это было счастливое начало правления, где более спешили закон исполнить, чем короля благословить. Более изобильно было в короле усердие милосердия, чем желание коронования; он шествовал по пути справедливости, когда стремился к королевской почести. Он мог бы сказать с Псалмопевцем: “Моя нога стоит на прямом пути” [Пс 25, 12]. Он укрепил себя дарованием милости, прежде чем воссел на престол судии. Он боялся быть сброшенным, если бы конь его не оказался на царской высоте. Весьма похвально, что среди новых радостей, среди обхождения королевских слуг он крики столь многих бедняков слышал и их дела разрешал. Он не желал пренебречь ими, ибо быстро мог исправить причиненное им зло. Он согласился справедливость распространять, так как это означало управлять. Он распространял свое благословение ради почтения к королевской власти; ибо написано: “Могущество царя любит суд” [Пс 98, 14].

Более что принесет столько пользы во всех начинаньях,
Чем справедливый закон в сильных руках короля?

Так что король такими делами, которыми обыкновенно весьма обременена королевская власть, то есть защитой церковей, вдов, сирот, в тот день подготовил себе путь к дальнейшему правлению.

О пути короля через королевства

Подумалось мне, что вовсе не нужно рассказывать обо всем пути короля и о том, где он ежегодно праздновал важнейшие праздники Рождества Господня и Пасхи, кроме того, что должно сказать, если где-либо случилось что-нибудь замечательное и славное; ибо если бы я захотел обозреть все, прежде я лишился бы сил, а не предмета повествования. Я перейду так быстро, как смогу, к славнейшим деяниям Конрада, в каковых он отличился такой славой, что никому не будет тягостно умолчать о менее выдающихся мужах. Собрав королевскую свиту, король Конрад сначала прошел через область Рипуариев²¹ до места, которое называется дворец Аквисграний²², где со времени древних королей и в особенности Карла находился трон правителя государства как главный престол всего королевства. Воссев на него, король превосходнейшим образом привел в порядок государственные дела, и там, ибо это было угодно собравшимся, созвав общий совет, разумно распределил привилегии в Божественных и человеческих делах. Молва о нем черпала силы в его добродетелях; он день ото дня становился для всех более славным по причине сохранения мира, более любезным по причине милостивого благоговения, более почитаемым по причине строгого королевского суждения. Ибо хотя он не знал грамоты, однако весь клир он любезно и приветливо как при всех, так и тайно рассудительно наставил при помощи подобающего учения. А любовь воинов он столь сильно привлек тем, что не потерпел, чтобы у кого-либо из потомков было отнято то, что в прежние времена было пожаловано их родителям. Кроме того, полагаю, что во всем мире я не мог бы найти равных Конраду в частых дарах, которыми он побуждал воинов дерзать на мужественные поступки. Из рассказа о нем можно догадаться, сколь он был щедр, сколь любезен, сколь тверд духом, сколь неустрашим, ласков со всеми добрыми, суров со злыми, к согражданам милостив, к врагам безжалостен, неустанен в деяниях, сколь он был неутомим, чтобы принести государству величайшую пользу; короче говоря, успех сопровождал его настолько, что никто не сомневается, что после времен Карла Великого не было мужа; более достойного королевского престола. Поэтому существует пословица: “У седла Конрада – стремяна Карла”. Эту пословицу один из наших в книжечке, которую он назвал Галлинаруий, в четвертой сатире изложил в таковом стихе:

Конрад вступил в стремяна как наследник великого Карла,
А через знаки сии королевское имя и слава

прошли по областям разных народов, переправились через морские потоки; повсеместно разносилась молва о его добродетели, которая проистекала от неисчерпаемой жизненной силы.

Вернувшись от Рипуариев, король пошел в Саксонию; там он твердой властью укрепил беспощаднейший закон саксов по их собственной воле. Затем взыскав подать с варваров, которые живут на границе с Саксонией, он

получил все положенные ему долги для казны. Далее, пройдя Баварию и Восточную Франкию, Конрад пришел в Аламанию. Благодаря этому путешествию он надежнейшим образом окружил королевства мирным договором и королевским попечением.

Как король пришел ко взаимному удовольствию с италами

В первый год своего правления король Конрад праздновал святой день Пятидесятницы в городе Констанции. Там епископ Медиоланский Хериберт с прочими знатными людьми Италии вышел навстречу королю, присягнул ему на верность и подтвердил ее чрез залог Таинств и заложников, что он со всеми своими людьми примет его, принародно восхвалит как господина и короля и тут же коронует, когда Конрад придет с войском в Италию, чтобы подчинить ее себе. Сходным образом поступили и остальные лангобарды, кроме тицинцев, иначе зовомых павийцами, послы которых пришли с дарами, ища королевской дружбы, думая умиловить короля за оскорбление, нанесенное ему гражданами, хотя никоим образом не могли добиться этого от короля по своему желанию. Изложу вкратце, каким деянием они его оскорбили. В городе Павийском был дворец, некогда удивительным образом построенный королем Теодориком²³ и после пышно украшенный императором Оттоном Третьим. Поскольку у людей в обычае вести себя несдержанно в небывалых доселе делах, когда стало известно о кончине Генриха, предшественника короля Конрада, тотчас же

Жители Павии в мирный дворец устремились предерзко,
Дом королей пожелав разметать беззаконной рукою,

и разрушили весь дворец до последнего камня в его основании, чтобы никакой из королей не решил больше строить дворец в этом городе. По причине этой дерзости долго длилась великая тяжба между королем и павийцами. Павийцы говорили: “Кого мы оскорбили? Мы сохранили верность и почтение к нашему императору вплоть до конца его жизни; а когда он умер, несправедливо обвинять нас, что мы разрушили дом нашего короля, так как у нас не было никакого короля”, на что им король отвечал: “Знаю, что дом своего короля вы не разрушили, ибо в то время у вас не было никакого короля; но вы не можете не признать, что вы разрушили королевский дом. Если король умер, осталось королевство, также и корабль остается, кормчий которого погибает. Здания были государственные, а не частные; по закону они чужие, а не ваши. Но вы виновны перед королем в том, что вы захватчики чужого имущества. Раз вы оказались захватчиками чужого имущества, следовательно, вы виновны перед королем”. После того как им горячо возразили такого рода словами, послы, тщетно попытавшись достигнуть мира, оставили свои попытки и ушли. Остальные же итальянцы, которых король почтил богатейшими дарами, были отпущены с миром. А король, благополучно устроив дело в королевстве, отправился в Свевию²⁴

к замку Туркик²⁵ и там принял в свое подданство некоторых италийцев, которые не пришли в Констанцию. Оттуда чрез немного дней он пришел в город Базилейский²⁶.

О Болеславе, герцоге славян

В тот же год Болеслав Славянин, герцог Полян²⁷, о котором мы упомянули выше, присвоил себе знаки королевской власти и имя короля, нанеся обиду королю Конраду, однако смерть быстро свела на нет его безрассудство. А сын его Мешко²⁸, равным образом мятежник, изгнал брата своего Оттона в провинцию Руссия, так тот держал сторону короля. А как после король Конрад укротил своеволие этого Мешко и вероломство некого Удальрика²⁹, герцога Богемии, скажу в своем месте.

О том, что король с войском вошел в Италию

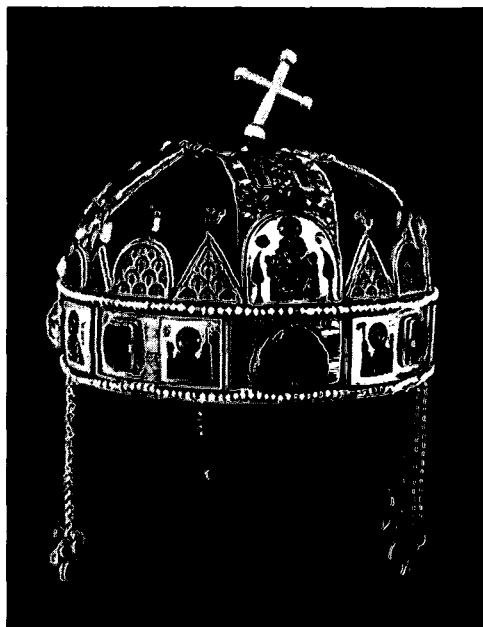
В год от воплощения Христова 1026 по совету и прошению знатных мужей королевства король Конрад назначил сына своего Генриха, еще мальчика, королем после себя и поручил опеку над ним Брунону, епископу Августенской церкви, и противостоял козням своих вышеупомянутых врагов при помощи сына и прочих своих верных людей, сам же с многочисленным войском отправился в Италию. В каковом походе выше названный герцог Эрнест Аламаннский, немного послужив королю, Кампидонский монастырь³⁰, хотя было против законов Божиих и человеческих служить свободному делу, иначе, чем по собственной воле, принял от короля как пожалование и с почетом был опущен для охраны отечества.

О том, что король сокрушил павийцев

Король, войдя в Италию, прошел через Верону, между Медиоланом и Павией, достиг Верцелл и там отпраздновал Святую Пасху. В сами пасхальные дни Лев, предстоятель этого же города, муж весьма разумный, с миром оставил земную юдоль, и его преемником стал медиоланский каноник Хардерик. Король же подчинил своей власти уже почти всю равнинную Италию. Конрад не мог взять внезапно город Павийский, поскольку он был густо населен; он не пожелал принять в милость самих павийцев, ибо дворец, который они разрушили, они до сих пор отказывались заново отстроить в том месте, где он был прежде; но он стал с особой силой преследовать защитников павийцев: маркиона Адельберта, Вильгельма и прочих знатных мужей, опустошил их замок, называемый Урба, и разрушил многие другие маленькие замки и весьма надежные укрепления. В то же время в Италии началось великое бедствие из-за споров павийцев; в округе многие их церкви вместе с их небольшими замками были сожжены, и народ, который туда сбегался, погиб от огня и меча; поля были опустошены, виноградники вырублены, король запретил вход и выход, уничтожил мореплаванье, запретил товары, и так в течение двух лет сокрушал тицинцев³¹, пока они не исполнили, прекратив отсрочки, все, что он предписал.

Об осаде Равенны

В то же время король Конрад вошел в Равенну и правил там с великой властью. Однажды негодные равеннцы возбудили ссору с войском короля и, твердо надеясь на свое численное превосходство, попытались изгнать войско из города; и из-за того, что некие ворота были узки, не дали тем, кто был вне города, прийти на помощь находящимся внутри городских стен. Когда поднялся мятеж, повсюду начала разгораться битва. Одни напали на чужеземцев в своих домах, другие сражались на улицах, третьи овладели воротами. Многие со стен, многие с высоких башен трусливо начали битву камнями и кольями. Напротив, тевтонцы, противодействуя им при помощи оружия и военного искусства, построились в полки, спереди и сзади окружили равеннцев, мечами яростно прокладывали дорогу друг ко другу и тех, кто был между ними, оставили убитыми или ранеными или обратили в бегство. Некий граф, по имени Эппон, лучший воин Баварии, выйдя со знаменем из города, одержал верх над занимавшими мост, и многие из них, им одним сброшенные с моста, нашли свою гибель в воде. Король Конрад находился в своих покоях, когда он узнал о мятеже, только он схватил оружие и, выйдя в атрий, потребовал коня, как увидел, что равеннцы, побежденные в сражении, бегут в церкви и повсюду ищут убежища. Он почувствовал к ним сострадание, ибо и с той и с другой стороны были его подданные, удержал войско от преследования горожан и сам удалился во дворец. Когда же наступило утро, оставшиеся в живых равеннцы босиком, во власяницах и с обнаженными мечами, как их закон предписывает поступать побежденным горожанам, приходящим пред очи короля, по его собственному предписанию, пришли и всеми способами пытались испросить прощение. Там король Конрад по своему обыкновению явил величайшую щедрость по отношению к некому раненому тевтону, ступня которого с большой частью голени выше лодыжки была совершенно отрублена в битве; король приказал, чтобы были принесены его поножи, сделанные из толстой кожи, и приказал их наполнить монетами и положить над постелью подле раненого воина.

Корона св. Стефана –
символ единства Венгрии

О том, что послы короля Рудольфа пришли к королю Конраду в Италию
Когда начался 1027 год от Рождества Христова, король Конрад отпраздновал Рождество Господне в городе Ипорегии³². Туда пришли послы от короля Бургундии Рудольфа с обещанием, что тот прибудет в Рим на избрание и коронацию короля Конрада. Король принял эту весть с благодарностью, и, отпустив послов с дарами, перешел реку По и устремился в Рим. Когда же Конрад пришел в город Луккский³³, то обнаружил, что Лукка вместе с маркионом Регинхером враждебна ему. Король, пробыв там немного времени, через несколько дней принял капитуляцию города и маркиона и вскоре подчинил себе всю Тусцию. Так победитель взошел на холмы достославного Рима.

Пасхальная секвенция

Жертву пасхальную звучно
христиане да восславят!
Заклан Агнец за паству;
Христос неповинный
с Богом погрешивших
примиряет.
С жизнью смерть сразилась
в борении дивном;
мертв Живый, но мертвым
жизнь дарует.
Промолви, Мария,
слова такие:
что зрела ты на Гробе
и земли в утробе?

“Был там плат лежавший,
Ангел вещавший,
Воскресшего могила,
и Святого сила
Воскресла Христова
сила святая,
ныне в Галилее
братии сретая”.
Примем реченье Марии,
развевя злые
словеса иудеев.
Христос воскресе
воистину ныне;
поверим святой благостыне.

Гимн деве Марии

Слово сладкого привета
Воспоем затем, что это
Слово внявши, Домом Света
Стала Благодатная.

Восприяв привет священный,
Восприяла Плод нетленный
Дева, Храм одушевленный,
Между терний Лилия.

Ты и мать Соломона,
И руно Ты Гедсона,
Пред Тобой во время оно
Три волхва склонилися

Солнце Правды Ты родила,
Бога миру Ты явила,
Рай Адаму возвратила
Души просветилися

Ей, Царица! Ты вторая
Купина, что, не сгорая,
Нам являешь светы Рая,
О, Благоуханная;

Вознеси о нас моления
Темным даруй просветленье,
Просветленным дай спасенье,
Славою венчанная

Секвенция деве Марии

О, святая Лилия, осиянный
Цвет веселия! –
Рождества Таинница,
Божества Кормилица,
Пестунья Всевышнего:
Из Тебя спасение,
через Тебя свершение
замысла предвечного!
Матерь Света, Храм Завета,
Ты хвалима,
как Солима
Скиния чудесная:
Ты для грешных безутешных
сладость Рая,
Ты святая
Лествица небесная!
Сокровенно, потаенно
источаешь неизменно Ты дары
духовные:
Их отрада,
как лампада,
светит нам и мраки Ада
гонит прочь греховные.
Горе, Ева Божья гнева
навлекла пылание;
но Мария
злобе змия
жаждет посрамления.
Ты явила,
Ты взрастила,
Ты вскормила
Искупителя;
Ад смиряешь,
нам внимаешь,

спобораешь
на Губителя.
Ветвь, преславный
Грозд державный
дивно произведшая.
О, Благая,
в радость Рая
праотцев возведшая,
Матерь Бога,
у чертога,
у порога
вечного Селения,
Воздыхаем,
воззываем,
воссылаем
мы к Тебе моления!
Сколь утешно
и безгрешно
Агнца млеко
питаешь Ты!
Сколь приветный
свет заветный
человекам
являешь Ты!
Хочет Сын,
чтоб Мать молила,
чтоб Его для нас явила
кротким и прощающим;
Хочет нас во тьме греховной
озарить зарей духовной,
светом немерцающим;
Явить в Себе спасение,
Отцу усыновление
и в Духе ликование.

¹ *Конрад II* (ок. 990 – 4 июня 1039) – первый император из династии Салиев.

² *Генрих III* (29 октября 1017–5 октября 1056), по прозвищу Черный, или Благочестивый – старший сын Конрада II.

³ *Луций Таркевиний Гордый* – по преданию, последний царь Древнего Рима (534/533–510/509 до н.э.), прославившийся своей жестокостью.

⁴ *Тулл Гостилий* (673–641) – третий из легендарных царей Рима.

⁵ *Гай Марций Рутул* – первый диктатор из числа плебеев, цензор; избирался консулом четыре раза, впервые в 357 г. до н.э.

- ⁶ *Карл I Великий* (747–814) – король франков с 768 г., лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Священной Римской империи с 800 г.; *Карл II Лысый* (823–877) – император Священной Римской империи с 877 г.; *Оттон I Великий* (912–973) – император Священной Римской империи с 962 г.; *Оттон II* (955–983) – император Священной Римской империи с 973 г.; *Оттон III* (980–1002) – император Священной Римской империи с 996 г.
- ⁷ См. Быт 18, 23–33.
- ⁸ *Амаросий Феодосий Макробий* (IV в. н. э.) – древнеримский писатель, филолог и философ-неоплатоник.
- ⁹ Этот фрагмент можно рассматривать как весьма свободный парафраз того, о чем говорил Макробий (это традиционно для всех средневековых авторов, за небольшим исключением). В целом, учению о душе у Макробия посвящен весь *Комментарий*, но особенно – главы 9–14 из первой книги. Наиболее близкие фразы к цитате из Випона содержатся в таком фрагменте: кн. 1, гл. 1, абзацы 5–7 (комментарий М.С. Петровой).
- ¹⁰ См. *Адальбольд Утрехтский*. О деяниях св. Генриха, гл. 17 в наст. изд.
- ¹¹ *Тьерри II* – епископ Мецский; при нем в 1040 г. был отстроен собор св. Стефана в Меце.
- ¹² В окрестностях Майнца и Вормса.
- ¹³ Место называлось Камба.
- ¹⁴ *Брунон Каринтийский* (972–999) – двоюродный брат Оттона III, папа Римский (996–999), взявший имя Григория V.
- ¹⁵ То есть Страсбургской.
- ¹⁶ См. *Ратхер Веронский*. Послание к императрице Адельгейде в наст. изд.
- ¹⁷ См. примеч. 11. С. 89.
- ¹⁸ Возможно, Фредерик Люксембургский (ок. 1003–1065).
- ¹⁹ *Пильгрим* (ум в. 1036) – архиепископ Кельнский в 1021–1036 гг.
- ²⁰ Парафраз слов апостола Павла: “Нет власти не от Бога” [Рим 13, 1].
- ²¹ Область в среднерейнском бассейне вплоть до Майна.
- ²² *Аахен* – одна из главных резиденций Карла Великого.
- ²³ *Теодорих Великий* (451–526) – король остготов (470–526) из рода Амалов.
- ²⁴ Швейцария.
- ²⁵ Ныне Цюрих.
- ²⁶ Ныне Базель.
- ²⁷ *Болеслав I Храбрый, или Великий* (967–1025) – герцог Польский в 992–1025 гг., король Польский в 1025 г.
- ²⁸ *Мешко II Ламберт* (990–1034) – с 1025 г. правил короткое время как король Польский, затем с 1031 г. как герцог Польский. Мешко был вынужден вернуть Конраду земли, которые отвоёвал его отец Болеслав в правление Генриха II, удовольствоваться титулом герцога и стать вассалом Конрада.
- ²⁹ *Болеслав-Удальрик* (966–1034) – герцог Богемии.
- ³⁰ Монастырь Кемптен в Аллгау, Бавария.
- ³¹ Вероятно, то же, что павийцы.
- ³² Ныне Ивреа, город в Северной Италии, в Пьемонте, провинции Турин.
- ³³ Лукка.

Германн из Райхенау (Германн Согнутый)

Германн был вторым сыном графа Вольферада II из Альтхаузена (Швабия). Родился в местечке Сауглау. Свое прозвище он получил от врожденного физического недостатка. С раннего детства он не мог передвигаться без посторонней помощи. Его умственные способности были необыкновенны. В семь лет Германн был отправлен в монастырь Райхенау, где он учился у

настоятеля монастыря Бернона, известного ученого и музыканта¹. Там же Германн принял в 1043 г. монашество и преподавал в монастырской школе. Как историк Германн написал сочинение под названием “Всеобщая хроника”, возрождающая традицию всемирных хроник, которые получили распространение в эпоху Каролингов. Как в свое время Регинон Прюмский, Германн начинает свою хронику от Рождества Христова и доводит ее до последнего года своей жизни, до середины 1054 г. “Хроника” известна тем, что содержит свидетельства очевидцев о правлении императора Генриха III .

Его собственная “Хроника” была продолжена после его смерти до 1080 г. Бертольдом из Райхенау. Вторая наиболее важная работа Германна – трактат “О музыке”, что показывает в нем ученика Бернона. Особенность этого трактата в том, что Германн уделяет особое внимание тонам, которые он сравнивает с днями недели и их постоянным повторением. Он также наделяет тона некоторыми качествами, которые им свойственны: дорический тон – серьезный и благородный, фригийский – оживленный и танцующий, лидийский – чувственный, миксолидийский – болтливый, гиподорический – чарующий, ипофригийский – сдержанный или мрачный, гипомиксолидийский – жалобный и плачущий. Трактат Германна, основанный на сочинении Боэция, заложил основы средневековой теории тонов. Германн даже предложил свою систему записи музыки, но она не получила распространения. Перу Германна принадлежит также “Мартиролог”. В нем, кроме имен и дней поминовения святых, даются краткие сведения о каждом из них. “Мартиролог” Германна продолжает традицию, начатую Бедой Досточтимым, Флором Лионским, Адоном Вьенским. Как астроном и математик Германн написал много небольших трактатов по арифметике и усовершенствовал измерительные инструменты, развивая достижения своего великого предшественника Герберта Орилякского. Так, Германн написал трактаты об устройстве астролябии и о ее использовании для астрономических вычислений, об игре в шахматы. Как поэт он написал поэму “О восьми основных грехах”. Ему приписывалась двадцать одна музыкальная композиция, из которых ему в действительности принадлежит четыре секвенции: Св. Кресту, Пасхальная, на праздник Св. Троицы, св. Марии Магдалине, и рифмованная служба св. Адре.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 188–190.

Молитва деве Марии

О, Спасителя Матерь! Врата открытые Рая
Ты являешь собой, и Звезду Морей; так помилуй
Падших людей, хотящих восстать, о Ты, что родила,
Преодолев естество, Твоего Родителя дивно!
О, Присносущная Дева, из уст Гаврииловых слово
“Радуйся!” внявшая встарь, умились о грешниках темных.

Радуйся, Царица

Радуйся, Царица,
Матерь милосердия,
жизнь, и веселие,
и упование наше, радуйся!
к Тебе прибегаем мы, горькие чада Евы,
к Тебе воздыхаем, изливая слезы
в сей плачевной юдоли.
Ей, Заступница наша!

на нас милосердия
склони взоры,
и Христа, благословенный
плод оный чрева Твоего,
яви нам по скончании сроков
земного нашего странствия,
златая, благая
Мария святая!

Секвенция о Святейшей Троице

Троичной Единости,
единосущной Божественности
Хвала многовидная –
Владыке,
что в безначальном
самотождестве покоится,
как Вечность,
Иатриилу дивному;
и Слову,
собезначальной
Отчей Мудрости зиждательной,
от века
просиявшей Истине;
и Тебе, сих обоих
Благоволение,
Параклите сладостный,
о, Блаженство святое
и Святость всесветлая!
Ибо тройственен образ/
всесовершеннейшей /
целокупной благости:/
образ Жизни, Любви,
Софии-Премудрости.
Истинная и благая
Вечность,
вечная же и благая
Истина,
истинная и вечная
Благость!
Злоба, Смерть и Ложь да сгинут
купно;

зрак Твой да ознаменуют
тройческий
светы – ΟΥΣΙΑ,
Веденье, Милость!
О, Источник, кипящий
благ полнотою, которых
отблеск смертным сияет!
там неизменны:
радость, блаженство,
и улада, и слава,
и ΣΩΤΗΡΙΑ.
Дай и нам усладиться,
ныне молящим, Твоею
благостью, Триединый;
бесов извергни,
мир христианский,
о Альфа и Омега,
весь устрояя.
Отче, Эл, Элион,
Элоэ, Элион,
Иа, Садаи,
Свет, Самаин,
Ты еси Эйэ, Бог
Саваоф, неизреченный
Адонаи;
от Тебя сотворенных
помилуй.
Сыне, Иммануил
дивно вседивностный,
Ангел Совета,
Боже крепкий,

Рождество Христово. Сакраментарий св. Кельн.

Ок. 1000 г.

Господи истинный,
Отче века грядущего,
миротворче,
Иисусе Мессия,
спаси нас.
Ты, Дух страха Божия,
благочестия,
и совета, и разума,
и силы,
и ведения,
и премудрости,
освяти нас,
возвышая таинственно.

Божественной Троицы
Единение,
Божества нераздельного
Троичность,
Ты нас исцели,
вины очисти,
узы расторгни,
умиряя немирное,
и взыскующих света
Твоего возрадуй
со всеми святыми
в горнем Иерусалиме.

¹ См. *Сигеберт из Жемблу*. О церковных писателях в наст. изд.

Отлох Эммерамский

Биография Отлоха – монаха из монастыря св. Эммерама в Регенсбурге – достаточно типична для средневекового латинского христианского писателя. Он родился ок. 1010 г. в Фрейзингенской диоцезе и получил свое начальное образование в монастыре Тегернзее. Четырнадцатилетним мальчиком он был отдан послушником в монастырь Герсфельд для усовершенствования в науках. Там он с такой самоотверженностью отдался учению, что чуть не потерял зрение. Позднее, став уже известным писателем, он, как было принято в то время, подарил этому монастырю две свои книги.

Из Герсфельда он возвратился к себе во Фрейзингенскую диоцезу, а оттуда, поссорившись с аббатом Веринхаром, перебрался в Регенсбург, где в монастыре св. Эммерама рассчитывал найти хорошую библиотеку и образованное духовенство. Там он через некоторое время дает монашеский обет, решившись на этот шаг не без колебаний.

История этого обращения, выразительно рассказанная Отлохом в его “Книге видений”, – традиционна и представляет собой общее место в биографиях латинских христианских писателей. Она отражает общую закономерность в их образовании, сохраняющуюся на протяжении нескольких веков: к изучению Священного писания большая часть латинских христианских писателей приходила, освоив в той или иной мере богатства литературы классической древности.

По собственному признанию Отлоха, он до тех пор усердно предавался чтению классиков, пока однажды не заболел, чрезмерно увлекшись чтением Лукана. Несмотря на последовавшее затем страшное видение и повторяющиеся приступы тяжелой болезни, он продолжал читать Лукана и не решался

окончательно покинуть мир. Наконец, все усиливающаяся болезнь, по его словам, убедила его в том, что Бог хочет его обращения, и он попросил монахов монастыря св. Эммерама принять его в свое братство. После многих возражений его нашли готовым к этому шагу, и в 1032 г. он становится монахом.

В монастыре скоро оценили его эрудицию, и хотя он не достиг еще нужного для этого возраста, его сделали школьным учителем. Может быть, этот факт, помимо всего, наложил отпечаток на его сочинения, в которых дает о себе знать дидактическая тенденция. Все последующие годы до самой своей смерти он, дослужившись до деканства, почти постоянно живет в монастыре св. Эммерама, совершив лишь два путешествия в Фульду – в 1054 и 1062 гг. Второе пребывание Отлоха в Фульде длилось четыре года и было чрезвычайно для него плодотворным. Здесь он написал свою “Книгу видений”, в которой он, как и в “Книге об искушениях”, в назидание молодым рассказывает о своих переживаниях юных лет, обнаруживая при этом весьма чувствительную натуру и тонкую душевную организацию. Здесь же он написал новую биографию Бонифация и начал составлять обширное собрание пословиц, предназначенное для учебных целей. Возвращаясь в Регенсбург, он задержался на год в Аморбахе, где написал проповедь “*Quomodo legendum sit in rebus visibilibus*”. Последние годы в монастыре св. Эммерама он провел в писательской работе. Умер Отлох вскоре после 1070 г.

Одним из основных его сочинений считается автобиографическая “Книга об искушениях, переменчивой судьбе и сочинениях”. Личные переживания с возрастом приобретают для писателя все большую важность, и у него появляется желание поведать потомству о своей внутренней жизни, о главных духовных битвах, дабы дать урок молодым и прославить себя. В первой части книги “Об искушениях” Отлох подробно рассказывает о том, каким искушениям он подвергался со стороны дьявола уже после вступления в монастырь и как он победоносно их преодолел. Вторая часть этого сочинения начинается с заявления о том, что об искушениях он поведал для того, чтобы молодые монахи знали, как можно против них бороться с помощью Священного Писания. Затем он дает подробный хронологический отчет о своих работах, объясняя причины их возникновения. Здесь же, не без хвастовства, он рассказывает о том, как рано он научился писать, как хорошо писал и какие из написанных им книг он подарил разным монастырям и лицам.

Интересной работой Отлоха является составленный им большой сборник пословиц. Это уже не первая в христианской литературе, начиная с X в., попытка заменить языческий учебный материал христианским. По времени такой ближайшей к Отлоху работой был сборник изречений Випона. По словам самого Отлоха, на мысль составить подобную книгу его натолкнул сборник изречений, приписываемый Сенеке. Как и в сборнике мнимого Сенеки, в сборнике Отлоха материал расположен в алфавитном порядке и разделен на 20 глав в соответствии с двадцатью буквами алфавита. Сборник содержит более двух тысяч пословиц. Приблизительно треть изречений взята из книг

Священного Писания. Большая часть пословиц – пословицы прозаические. Однако каждая глава кончается небольшим количеством стихотворных пословиц, и среди них немало стихов из дистихов Катона, из Горация и Ювенала, от которых Отлох отрешивался в предисловии и без которых все-таки не обошелся. Надо сказать, что и в прозаической небиблейской части немало совпадений со сборником пословиц, теперь известным под именем Публилия Сира.

Эта работа Отлоха в свою очередь была многократно переписана и существовала в извлечениях. Ряд сочинений Отлоха указывает на то, что он владел определенным интересом к философской теории и философским проблемам. Любопытно, что свои сочинения он писал не сам, а диктовал и только делал к ним собственноручные приписки.

Текст “Книги об искушениях, переменчивой судьбе и сочинениях” и “Книги пословиц” приводится по изд.: “Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 146–156. Остальные тексты переведены по изд.: PL 146.

Книга об искушениях, переменчивой судьбе и сочинениях

Жил некий, погрязший в разных пороках, служитель церкви, который в ответ на частые увещания Господа исправиться, обратился наконец и, не сказав ни слова своим друзьям, принял монашеский обет. В том месте, где он стал монахом, он встретил всяких людей: одни из них читали языческие книги, другие – Священное Писание, сам же он взял за образец тех, кто, как он видел, успешно предается божественному чтению. Но чем чаще он присутствовал на этих чтениях, тем невыносимее была для него тяжесть вселившихся в него дьявольских искушений.

Но он, надеясь на Господа и вручая себя милости Божьей, с тем же рвением, с каким начал, настойчиво продолжал читать священные книги. Много лет спустя, избавившись от этой напасти и размышляя о том, какую пользу может принести рассказ о том, что он претерпел, и ему самому, и другим, он написал не только о выпавших на его долю тяготах искушения, но и о тех изречениях из Священного писания, которые, возникая у него в уме как бы по Божественному вдохновению, служили ему щитом против дьявольских обольщений. Так он стал писать о тяготах искушений:

«Я перенес различные насмешки сатаны во время сна и бодрствования и все их, конечно, разоблачить не смогу, но о некоторых, осевших в памяти, я, по возможности, хочу рассказать. Я думаю, что поведать об обольщениях, которые я терпел и до принятия монашества и долго после, следует прежде всего потому, что само желание дать обет было у меня, конечно, слишком неожиданным и несерьезным. Ведь это и против Писания, где говорится: “Без рассуждения не делай ничего” [Сир 32, 24]. Я же принял решение внезапно,

со всем пылом юности, без совета родных и друзей; так что если какой-нибудь молодой человек столь же поспешно даст опасный обет – это будет слишком опрометчиво. Гораздо лучше подождать до более зрелого возраста и тогда, наконец, принять обращение как естественное и желанное. Поспешное же решение и подобные ему поступки внушил мне дьявол под видом совета и сочувствия. Когда же нечестивый соблазнитель своими проделками не смог достичь осуществления своего желания и завладеть мною полностью, так как я, благодаря Богу, противился ему, он подстрекнул меня к еще большему беспутству. С привычной ловкостью он старался довести меня до отчаяния, внушая, правда, впуская, что если я теперь захочу вернуться, то, запутавшись в низких поступках, стану ненавистен не только своим начальникам, но и множеству других людей, а также своим родителям и знакомым.

“Уж не думаешь ли ты, – говорил он, – что человек, погрязший в таких страшных грехах, может оказаться достойным предстать перед Богом, самым занятым судьей, когда в Писании сказано: праведник едва спасается” [1 Пет 4, 18]. Следовательно, не желай того, чего не следует желать, а лучше обрати свое усердие на то, чего ты можешь достичь тотчас же. Если же дело обстоит так, как упрямо думаешь ты, считая, что у всех есть равная возможность и что Царства Небесного может достичь как праведник, так и грешник, то светлейший апостол Павел ни за что не сказал бы: “ибо не во всех вера” [2 Фес 3, 2]. И еще раз не сказал бы то же самое: “но не все послушались благовествования” [Рим 10, 16]. И сам Спаситель и правдивейший автор дал своим ученикам и всему миру такие первоосновы: “Кто может вместить, да вместит” [Мф 19, 12]. Эта сентенция, без сомнения, означает, что не всякий способен на добро».

Христос с рельефа, изображающего Страшный Суд. Западный фасад церкви Адальберта в Бремене. Ок. 1050 г.
Beckwith J. Early Medieval art. Carolingian-Ottonian-Romanesque. L., 1969. P. 172

Пока меня терзали подобные искушения, какое, как ты думаешь, было у меня тогда состояние духа? Ничего другого мне, конечно, не оставалось, кроме слез, и точно так, как сказано у Псалмопевца: “Слезы мои были для меня хлебом – день и ночь” [Пс 41, 4]. Признаюсь из самой глубины сердца, что только благодаря милости Господа можно преодолеть такое мученье.

После того как коварный злоумышленник не смог заставить меня смириться с отчаянием, он пытался с помощью других своих лживых доводов вызвать мое недовольство Божественным правосудием и толкнуть меня на богохульство; и к тому же он старался это сделать, не порицая и не запугивая меня, а притворяясь, будто жалеет меня и сочувствует моей скорби, внушая мне при этом размышления такого рода: “О бедный юноша, его печали не внял ни один человек! Да и кто из людей способен постичь твою глубокую скорбь? Ты не должен винить их за это, так как люди не способны помочь в том, чего они не могут знать. Только Господь знает все. Поэтому он один в ответе за все, что представляется нелепым и неустроенным. Но если он все знает и все может, почему он не поможет тебе в твоей беде? Ведь ты оставил мир ради любви к нему и уже давно терпишь невыносимые мученья? Каков же смысл этих страданий, на которые он непрерывно по-разному обрекает тех, кто обращается к нему с мольбой? Сделай то, что ты намеревался сделать; оставь пустые мольбы и печаль, так как он продолжает упорствовать в той жестокости, которую до сих пор проявлял. Слишком глупо вымаливать просьбами то, что, как ты знаешь, невозможно вымолить. Однако не бойся, так как он никогда не позволит погибнуть всем из-за несправедливости одного владыки. Но почему всегда наказание обрушивается на какого-нибудь одного человека? Кто из смертных может прожить без греха от начала и до конца жизни? Разве в старости можно обладать невинностью ребенка? Как учит Христос, говоря: “Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царство небесное” [Мф 18, 3]. Неужели же не пугает тебя угроза, которая содержится в словах пророка Иезекииля: “Душа, которая согрешила, она умрет. Ибо умрет всякий, кто грешит” [Иез 18, 20]. Ведь ни один человек не спасется, так как никто не может скрыться от греха. А разве не привлекает твое внимание замечательная мысль, которую несколько позже высказал тот же самый пророк? Он сказал: “Если праведник отступает от правды своей и делает беззаконие, все добрые дела его не припомнятся” [Иез 18, 24]. По этой причине Иуда – предатель Господа, хотя он совершил только одно это предательство, был осужден после многих праведных дел. Обрати внимание и на два других важных примера того же рода, которые могут подтвердить и уточнить нашу мысль. В самом деле, в книге Исхода можно прочесть, как Господь говорит Моисею: “Кого помиловать, помилую, кого пожалеть, пожалею” [Исх 33, 19]. И опять-таки в Евангелии записано, как некто, желая стать учеником Господа и сказав: “Я последую за тобой, куда бы ты ни пошел” [Лк 9,57], получил от него ответ: “Лисы имеют норы, а птицы небесные гнезда. Сын же человеческий не имеет, где приклонить голову” [Мф 8, 20].

О беспристрастная строгость, о достойная сожаления беспристрастность, подвластная лишь воле своих судей и отвергающая ищущих у нее защиты. Такой порядок, конечно, невыносим и, по справедливости, не может никому нравиться. Подобного рода искушения, которые с очевидностью доказывают, какой опасности подвергался мой дух, долго смущали мои мысли.

Книга пословиц

Предисловие

Когда я прочел недавно составленное в алфавитном порядке собрание пословиц, которое приписывают Сенеке, то сначала подивился тому, что неверующий мог обладать той мудростью, какая открылась мне в некоторых из его изречений. Затем у меня возникло сильное желание последовать примеру его занятий и составить подобный же сборник изречений, выбрав их как из языческих книг, так и из Священного Писания и взяв также кое-какие из наших пословиц, подходящие для назидания верующих.

Ведь если даже Сенека, не имея ни веры, ни надежды на достижение вечной жизни, а довольствовавшийся лишь честным поведением в этой, старался и сам исправиться и подвигнуть к исправлению других, то насколько больше могу сделать я, если я верю, что Бог вездесущ, что Он обещает вечную жизнь любящим его, и знаю сказанное всем: “и слышавший да скажет: прииди!” [Откр 22, 17] и “взывай громко, не удерживайся... и укажи народу моему на беззакония его...” [Ис 58, 1].

И согласно с евангельской притчей о том, как отец семейства, ссудив одних – пятью талантами, других – двумя, а третьих – одним, сказал при этом: “Употребляйте их в оборот, пока я возвращусь” [Лк 19, 13], так и я должен привлечь кого-нибудь к устройению душевному с помощью уделенных мне даров знания. И как должно быть приятно каждому постоянно держать в своем уме и памяти некоторые из этих коротеньких изречений, способствующих исправлению, когда мы знаем, что отъявленный злодей и преступник вымолил у Господа про-

Фибула с орлом. Майнц. Нач. XI в.
Das Erste Jahrtausend. Kultur und Kunst
in Werdenen Abendland an Rhein und
Ruhr. Düsseldorf, 1964. Илл. 304

шение всех своих грехов немногими словами: “Помяни меня, Господи, когда приидешь в царствие твое!” [Лк 23, 42]. Я спрашиваю, разве того, кто стремится получить от Бога дар разумения, невозможно научить так, словно он им владел, если он беспрестанно повторяет стих: “Разум верный у всех, исполняющих заповеди его” [Пс 110, 10]. Во всяком случае, если он постигнет смысл этих слов и поверит, что в них – истина, то и этого ему будет достаточно для спасения. Ибо они учат, что, делая добро, которое он в состоянии понять, он обретает для себя дальнейшее разумение. Разве не следует во всех отношениях одобрить такое учение и обетование? Подобную же науку можно найти во многих сентенциях, которые я здесь привел. А небольшое изречение в прологе я упомянул для того, чтобы вложить в душу читателя искреннее стремление прочесть не только те пословицы, которые я здесь собрал, но и все изречения Священного Писания. Ибо эти священные слова не принесут спасения тому, кто читает и слушает их без сердечного участия. Поэтому и Господь наш в Евангелии часто напоминает своим ученикам: “Имеющий уши, да слышит” [Лк 14, 35]. Тот, у кого есть горячее стремление, следуя Божественным предписаниям, делать добро, которое он постиг, пусть слушает мои поучения, в противном случае мои слова не принесут ему пользы, даже если он их услышит. Любой маленький ученик при желании может с легкостью выучить собранные здесь пословицы, ибо они гораздо короче и понятнее стихов из басен Авиана и полезнее некоторых изречений Катона; а те и другие без колебаний обычно читают мальчикам почти все учителя на первых уроках, тогда как верующим в Христа, как маленьким, так и постарше, прежде всего должны быть изложены основы христианского, а не языческого учения, с тем чтобы они, усвоив их до некоторой степени, безопаснее могли учиться грамматике по языческим книгам.

В самом деле, хотя мальчики и неспособны различать добро и зло, зло обычно пристает к ним легче и укрепляется в них крепче, чем добро. Поэтому тот, кто хочет, чтобы обучение имело хороший исход, пусть позаботится о хорошем вступлении, т. е. о начале обучения, и пусть знает, что трудно человеку расстаться со злом, если он связан с ним долгой привычкой. Кроме того, об этом надо помнить и потому, что если Бог призрит с небес на детей человеческих, чтобы видеть, есть ли на земле разумеющий, ищущий Бога, то чтобы Он знал, какое внимание уделяют учителя обучению учеников; направляют ли они их стремление к достижению славы земной или славы духовной. Возьмите это на заметку равно и вы, ученики, и вы, учителя.

Прочтите это, прошу вас, мальчики и юноши, с сердечным участием.

I Помощь наша – в имени Господа, сотворившего небо и землю [Пс 123, 8].

Душа, которая согрешила, она умрет [Иез 18, 4].

Душа праведника – обитель мудрости.

Отборное серебро – язык праведного [Притч 10, 20].

- I Послушает мудрый и умножит познания [Притч 1, 5].
 Кто дружится с глупыми – развратится [Притч 13, 2].
 Трудно искать золото в грязи.
 Друг познается в беде.
 Большая радость достигается лишь ценою больших страданий.
 Любить – удел сынов, страшиться – удел рабов.
 Скупой лишь раз поступает правильно – когда умирает.
 Скупому всегда не хватает и того, что он имеет, и того, чего он не имеет.
 Скупость творение ненавистных, щедрость – знаменитых.
 И дурные, и хорошие дела начинаются с малого, но со временем и те, и другие становятся больше.
 Тот к смерти спешит, кто поспешно о чем-нибудь судит и в ком царствует какой-нибудь порок.
- II Блажен, кто помышлет о бедном. В день бедствия избавит его Господь! [Пс 40, 2].
 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся [Мф 5, 6].
 Всякая злость мала в сравнении со злостью жены [Сир 25, 21].
 Праведно говорить и нечестиво жить значит казнить самого себя.
 Блаженнее давать, нежели принимать.
 Лучше всех войн та война, когда дух противится плоти.
 Тот храбрый воин, кто сможет победить самого себя.
 Жестокое животное – сердце порочной женщины.
- III Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук его вещает твердь [Пс 18, 2].
 С чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его [Пс 17, 28].
 Хранит Господь всех любящих его, а всех нечестивых – истребит [Пс 144, 20].
 Небо и земля пройдут, но слова Бога не пройдут [Мф 24, 35].
 Будь неторопливым и твердым, как требует дело.
 Только небо меняют, не душу: кто за море едет¹.
 Жадность к монете растет соответственно росту богатства².
 Прежде исправиться сам должен тот, кто других поучает.
 Если болит голова, страдает с нею и тело.
 Быстро преступная алчность ломает все лучшее в мире³.
- IV Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа его [Пс 10, 5].
 Уклоняйся от зла и делай добро [Пс 36, 27].
 Давайте, и вам да воздастся.
 Тот уж полдела свершил, кто начал: осмейся быть мудрым⁴.
 Часто ученого может добру научить неученый.
 Слов понапрасну не трать, говоря о делах ненадежных⁵.

- V Высок над всеми народами Господь; над небесами слава его [Пс 112, 4].
Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби [Мф 10, 16].
От избытка сердца говорят уста [Мф 12, 34].
Мальчик познается по усердию своему.
Знаний лишенный вечно живет во тьме непроглядной.
- VI Верен Господь во всех словах своих и чист во всех делах своих.
Милovidность обманчива, и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы [Притч 31, 31].
Вера, если не имеет дел, мертва [Посл Иак 2, 17].
Напрасна забота о спасении тела, если одновременно не помышлять и о спасении души.
Счастлив, кто обрести сумеет покой долговечный.
Самый испытанный ум бывает повержен неправедным словом.
- VII Вкусите, и увидите, как благ Господь. Блажен человек, который уповает на него [Пс 33, 9].
Тяжел камень, весок и песок; но гнев глупца тяжелее их обоих [Притч 27, 3].
Чистой радости нет нигде на земле.
- VIII Дни человека, как трава: как цвет полевой, так он цветет [Пс 102, 15].
Человек видит лицо, Бог – сердце.
Человек рожден для труда, птица – для полета.
Человеку свойственно грешить, дьяволу – способствовать ему в этих грехах.
Бояться людей больше, чем Бога, не свойственно верующим во Христа.
- IX Довольно часто доньше последние в первые метят.
Начало мудрости – страх Господень [Пс 110, 10].
Праведен ты, Господи, и справедливы суды твои [Пс 118, 137].
Праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане [Пс 92, 13].
Признание зла – есть начало добра.
Хрупкое человеческое правосудие скорее отпускает грехи, чем укрепляет добродетели.
Истинная безвредность состоит в том, чтобы не вредить ни себе, ни другим.
Деньги бывают царем иль рабом для того, кто скопил их⁶.
Сохнет завистник, когда у другого он видит обилье⁷.
Гнев омрачает наш разум и истину видеть мешает⁸.
- X Следует не вымогать любовь, а добиваться ее с помощью благодетелей.
Любовь покрывает множество грехов.

- XI Да веселится сердце ищущих Господа [Пс 104, 3].
 Широкий и просторный путь, ведущий к смерти.
 Язык мудрецов украшает науку.
 Язык миротворца – дерево жизни.
 Да похвалят тебя чужие, а не твои уста.
 Светильник тела – глаза; свет ума – мудрость духовная.
 Упорный труд все преодолевает.
 Юноша дерзкий нуждается часто в наставлениях наших.
 Вечный свет благочестным, и вечная тьма нечестивым.
- XII Велик Господь наш, и велика крепость его, и разум его неизмерим [Пс 146, 5].
 Милости Господа полна земля.
 Ужасна смерть грешника, и тот, кто ненавидит праведника, совершает проступок.
 Лучше покорность, чем жертвы.
 Лучше жестокий мужчина, чем услужливая женщина.
 Музыка в минуту скорби – назойливый рассказ.
 Лучше идти к дому печали, чем к дому веселья.
 Лучше почетное поражение, чем позорная победа.
 Трудно сражение, в котором юнец свою плоть побеждает.
- XIII Знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет [Пс 1, 6].
 Не уподобляйтесь коню и мулу, у которых нет разума.
 Никто не благ, как только один Бог [Мф 19, 17].
 Никто не может служить двум господам.
 Не может хорошее дерево давать плохие плоды, а плохое – хорошие.
 Не мила похвала в устах грешника.
 Не медли обратиться к Господу.
 Ничто на земле не бывает без причины.
 Никто не грешит опаснее, чем тот, кто защищает грех.
 Тот сам себе отказывает, кто стремится к недостижимому.
 Стоит похвал не знающий много, а честно живущий.
 Все не грешны глаза, если ум – господин над глазами.
- XIV Очи Господни обращены на праведников, и уши его – к воплю их [Пс 33, 16].
 Для верующих нет невозможного.
 Всякий, делающий грех, есть раб греха [Ин 8, 34].
 Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь [Мф 3, 10].
 Всякому делу – свое время.
 Без рассуждений не делай ничего, а сделав, не раскаивайся.
 Все позволено, но не все достижимо.

- Жизнь всякого неверующего грешна.
 Праздность враждебна природе.
 Всякий день надо рассматривать как последний.
- XV Близок Господь ко всем, призывающим его в истине [Пс 145, 18].
 Удержи язык свой от зла и уста свои от коварных слов.
 Дурные исправляются с трудом.
 Сильный и муки терпит сильные.
 Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели [1 Тим 5, 20].
 Сытый желудок с легкостью рассуждает о посте.
 Нужно повелевать деньгами, а не повиноваться им.
- XVI Любящие Господа, ненавидьте зло [Пс 96, 10].
 Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою [Притч 13, 3].
 Кто скупое сеет, тот скупое и пожнет [2 Кор 9, 6].
 Кто богат? Тот, кто ничего не желает. А кто беден? Жадный.
 Тот, кто себя не щадит, и других щадить не умеет.
 Кто тебе много дает, от тебя ожидает того же.
- XVII Предай Господу путь твой и уповай на него, и он свершит [Пс 36, 5].
 И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль [Притч 14, 13].
 Кроткий ответ отвращает гнев [Притч 15, 1].
 Корень всех зол есть сребролюбие [1 Тим 6, 10].
 Благочестивый человек быстро гневается и легко успокаивается.
 Уменьше обращаться с животным есть искусство из искусств.
 Вера дается редкому человеку, горе же, увы, всякому.
- XVIII Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом [Пс 2, 11].
 Да будет Господу слава вовеки [Пс 103, 31].
 Если рука твоя и нога соблазняют тебя, отсеки их и брось от себя [Мф 18, 8].
 У мудрого глаза его – в голове его [Еккл 2, 14].
 Глупого не исправишь словами.
 Мудрый постоянен, как солнце, глупый изменчив, как луна.
 Ветер гнет сильнее вековые сосны⁹.
 Жадный всегда ведь в нужде, так предел полагай вожделеньям¹⁰.
 Злато дороже серебра, но доблесть дороже и злата.
 Слово даруется всем, душевная мудрость – немногим.
- XIX Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе и тебе воздастся обет в Иерусалиме [Пс 64, 2].
 Вожделенное сокровище почитает во взоре мудреца.
 Глупый выставляет напоказ все свои мысли, мудрый же медлит и бережет их на будущее.
 Время всякой вещи под небом [Еккл 3, 1].

Лживый свидетель не избежит наказания.

Позор, когда тот, кто не умеет управлять своей жизнью, берется судить о чужой.

Лучше вовсе остаться без крова, чем кров иметь ненавистный.

Знай, что ты сам заболел, если в каждом видишь больного.

XX Все пути Господа – милость и истина к хранящим завет его и откровения его [Пс 24, 10].

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение [Мф 26, 41].

Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; сын же человеческий не имеет, где приклонить голову [Мф 8, 20].

Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше [Мф 6, 21].

Вино и женщины делают отступниками даже мудрых.

Где высокомерие, там и обида.

Горе одинокому, так как некому будет поддержать его, если с ним случится беда.

Доброе слово умножает число друзей и укрощает врагов.

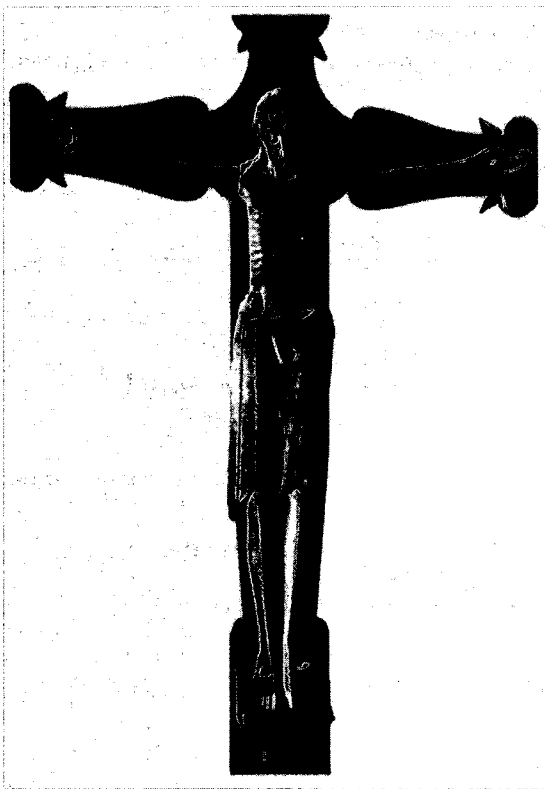
Муж состоит скорее из силы духа, чем тела.

Светит как солнце муж, других опекающий мудро.

Житие св. Вольфганга

*Начинается пролог жития св. Вольфганга*¹¹

По усердному увещанию некоторых наших братьев я, смиреннейший Отлох, был принужден собрать воедино и исправить значительно более высоким стилем жития, написанные двумя моими предшественниками подчас на несхожем и необработанном материале. Часто сопротивляясь, по причине неопытности более, чем по злomu умыслу, я отказывался от столь тяжелого труда. Но они, поскольку дело это само по себе мне казалось весьма трудным, умеряли трудности упованием на Божественную помощь, и просили и не отступали до тех пор, пока я не пообещал, что я исполню их желание или хотя бы попытаюсь, веруя прежде всего, что завершение дела такого рода будет не без Вышней воли: “Ничто на земле не делается без причины” [Иов 5, 6]. Определение же дела, основанного на разуме и к тому же в чем-то полезного, дано нам в научение в общей формуле святого Августина: “Воля Божия, – говорит он, – есть первая и высшая причина всех плотских и духовных движений”¹². Веруя в это и на то надеясь, я позаботился исполнить братское моление. Таким образом в этом труде, как я заранее уведомляю читателя, я стремлюсь к тому, чтобы то, что сходно по мысли, но из-за невыправленных ошибок и грубости стиля оказалось неясным, подчинить до некоторой степени правилам грамматики и привести в соответствие с другими жизнеописаниями. Там, где встречаются расхождения, как, например, когда говорится,

Распятие. Бронза, литье. Ок. 1070 г.
Монастырь Хельмштедт, Германия.
*Beckwith J. Early Medieval art. Carolingian-
Ottonian-Romanesque. L., 1969. P. 176*

что он обратил короля и народ венгров к святой вере, а к тому же еще и крестил их, и некоторое другое (ибо между собой не согласуются не только вторая книжица, а именно написанный у нас “Диалог” монаха Арнольфа, но еще и слова всех, кто до сей поры среди нас живет и свидетельствует о деяниях святого Вольфганга, как они узнали из правдивых рассказов отцов), мне кажется, я должен более следовать словам и писаниям не чужих, а здешних мужей, среди которых помянутый муж Божий просиял в наибольшей степени во время своей земной жизни. Ибо другая книжица, где также встречается такое расхождение, пришла от франков. Я постарался прибавить еще многое, чего нет ни в той, ни в другой книге, полученное из надежно-го свидетельства неких верных, и так, кое-что прибавляя, а кое-что, изложенное совершенно неудовлетворительно либо неуместным образом выраженное, убирая, и большую часть еще и

исправляя, и на главы разбивая, выказал я Вам, о братья мои, наблюдатели за сим делом, полное послушание, насколько позволило мое скромное дарование. Так что теперь, прошу, не ждите от меня большего.

Начинается житие святого епископа Вольфганга

1. Блаженный Вольфганг, по происхождению свев, был рожден от благородных родителей, не претерпевающих, как желал для себя Соломон, ни богатства, ни бедности, но живущих умеренно и честно. Разумеется, с самых детских лет мальчик, возжаждав Божественного источника жизни и презирая все преходящее, выделился как великий пример добрых качеств и стремился просиять многими добродетелями. Говорят еще, что его матери привидилось, что она носит в своем чреве звезду, что, несомненно, было подобающим предзнаменованием рождения сына, славного своими добродетелями. Ибо он

оказался одним из тех, о которых говорит Святое Писание: “И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда” [Дан 12, 3].

2. Вскоре после рождения мальчик сподобился благодати Крещения и был назван Вольфгангом: это имя объясняет себя само. Ибо в ризнице, которую он повелел построить, среди прочего написал (ведь он был искуснейший составитель стихов): “Зданию же это велел возвести настоятель Лупамбул”. Тем не менее, имя это не было для него знаком чего-то дурного, никак его не порочило, но было обычным именем его рода, ибо и имена зверей могут обращаться и в ту, и в другую сторону. Ведь лев иногда обозначает диавола, как в этом месте: “Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить” [1 Пет 5, 8]; тем не менее, оно еще и Христа обозначает, как в этом вот речении: “вот, лев от колена Иудина” [Откр 5, 5]; также овца и в хорошем смысле называется: “мы, народ Твой и Твоей пажити овцы” [Пс 78, 13], и в дурном, как здесь: “как овец, заключат в преисподнюю” [Пс 48, 15]; а патриарх Иаков обращается к своему сыну: “Вениамин хищный волк” [Быт 49, 27], и поэт о самом святом Павле так пишет: “О Павел, хищный волк, ... что еще останется в мире, что не унесешь ты в пасти?”¹³ Отсюда видно, что никто не оправдывается и не осуждается по причине имени.

3. Мальчик рос, и с каждым годом в нем умножалась благодать Святого Духа. И потому, когда Вольфгангу было уже около семи лет, родители препоручили его некоему клирику для изучения наук, будто бы с осмотрительностью позаботившись наперед о том, чему они после порадовались, уже испытав сами, а именно: под защитой непрестанного сыновьяго заступничества, они освободились от уз грехов, которыми, как они чувствовали, были опутаны. А этот отрок, имеющий драгоценные дарования, с такой жадностью все воспринимал и обладал такой памятью, что по истечении немногих лет не только проник в исторический смысл Писаний, но исследовал и их глубочайшую таинственную суть. По этой причине Вольфганг уже не довольствовался тем, чему учился дома, но отправился в сопровождении своего отца в одно место, расположенное на двух морях, то есть в Аугенскую киновию¹⁴, туда, где в то время в германских землях школьное учение наиболее процветало. Поскольку давно разнеслась молва о его дарованиях, Вольфганга приняли там с радостью, и по прошествии короткого времени, наставники, узнав остроту его способностей, стали смотреть на него с уважением. Тем не менее, он совсем не превозносился, не выказывал ни к кому надменности или пренебрежения по причине такового превосходства, но со всеми в единодушии ходил в доме Божиим.

4. В упомянутом месте в то же самое время¹⁵ в обучении находился некий Генрих¹⁶, происходивший из превосходного рода франков и свевов. Он, привязав к себе великой любовью вышеназванного юношу, настоятельно просил его отправиться с ним в город Гербиполис, называемый в простонародье

Крестьянин в повозке.
Миниатюра из списка “De Universo” Рабана Мавра. 1028 г.

Вирцибург. Генрих советовал идти туда прежде всего потому, что его брат по имени Поппон, единовластно правил этим епископством и для начального обучения нанял учителем некоего Стефана из Италии¹⁷; так что он мог давать разъяснения всем, желавшим обучаться в том месте. И поскольку Генрих не переставал его настойчиво в том убеждать и пообещал проявить всю щедрость, которую потребует учение и странствие, Вольфганг, наконец, уступил просящему. Отправившись вместе с означенный город, они пришли к ученому наставнику, и он был благосклонен к ним в течение немалого числа дней, пока они оставались у него в учении.

5. Когда же однажды наставник из книги Марциана “О браке Меркурия и Филологии”¹⁸ зачитывал, каким образом оба имени согласовываются глубиной стихотворного ритма, и недостаточно подробно это изложил, юноши, как у них было в обыкновении, прибегли к мужу Божию Вольфгангу, обладавшему более пронизательным умом, и единодушно просили, чтобы он объяснил им трудности стихотворного размера. И поскольку Вольфганг был и добр, и сведущ, он не только объяснил то, о чем они просили, но еще и, от-

крыв всю точность этого речения, показал его глубину. Узнав об этом, вышеупомянутый наставник, движимый гневом, с угрозой запретил ему присутствовать на следующем чтении. Так коварный враг, найдя подобный повод, как сам, так и чрез тесно связанных с ним, пытался угнетать раба Божия. Но, конечно, как огонь, вздымаемый дуновениями ветра, имеет обыкновение подниматься выше, так и пыл духовного чувства, которое с детства укоренилось в сердце Вольфганга, не мог быть погашен никаким дождем искушений. С того времени, по его собственному признанию, словам которого всем должно верить, он постигал глубины Писаний без всякого земного наставника, и дарование его было настолько более ярким, насколько летнее солнце отличается от зимнего.

6. В такого рода преуспеваниях муж Божий достиг зрелости, ежедневно возрастая все сильнее в добродетелях, и еще в сердце своем положил предпринять некие шаги к восхождению из долины плача. Ибо если бы не удерживали его просьбы друга Генриха, к которому Вольфганг был привязан душою, он совершенно отказался бы от мирских желаний. Но, беспрестанно размышляя, он отложил до времени то, что после благочестиво исполнил, ибо любовь не ищет своего [ср. Рим 5, 6], но того, что желательно другому.

7. С тех пор прошло немного времени, когда Генрих принял от Оттона Великого Трирское архиепископство¹⁹, и усиленно, не щадя сил, требовал у блаженного Вольфганга, чтобы тот туда отправился с ним. И тот, довольно долго противился, но, так как не мог найти хорошего повода для отказа, не хотел выказывать строптивость, то поехал со своим другом. После досточтимый предстоятель Генрих, желая выразить силу внутренней любви, которую он питал к мужу Божию, намеревался почтить его таковыми благодеяниями и званиями, чтобы во всем его епископстве Вольфганг был вторым по могуществу после архиепископа и был вознесен над прочими по своему положению. А раб Божий, избегая тщеславия и всегда имея перед глазами таковое апостольское речение: “мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него” [1 Тим 6, 7], а также: “желающие обогащаться впадают в искушение” [1 Тим 6, 9], сказал, что не достоин такой почести. Наконец, он согласился, чтобы ему поручили юношей школьного возраста; руководствуясь разумным соображением, что, передавая другим как раздатель верный замечательный талант учености, данный ему от Бога, он принесет плоды. В этом труде Вольфганг не искал себе по мирскому обычаю никакой выгоды, никакого вознаграждения, но решил действовать так, чтобы другим принести пользу. Ибо он ничего не требовал ни от кого из учеников в виде вознаграждения, как имеют обыкновение делать многие наставники, провозглашающие этот вот сатирический стишок: “Всем ведь желательно знать; а платить – никто не желает”²⁰, хотя многие ему предлагали плату. Даже еще до поставления во пресвитера Вольфганг воздерживался от мяса и не искал драгоценных одежд; преданный бдениям, молитвам и постам, он был вовлечен в мирские дела лишь телом, но не духом. А юношей, которых он принял

для научения, не только развивал упражнениями в благородных искусствах, но и воспитывал нравственными наставлениями. Мы можем отчасти понять, сколь Вольфганг был заботлив: как мы знаем из рассказов его учеников, он настолько соизмерял свои силы с силами воспитанников, что, толкуя с некими более восприимчивыми какие-нибудь трудные и глубокие места искусств или авторов, тотчас же обращался к менее способным и более простым и, словно приготовив заранее, наподобие кормилицы, молочную пищу истории, подавал им ее в изобилии. Сверх того, он подкреплял всех бедняков и лишенных человеческой поддержки, которые пребывали у него в ученичестве, не только духовной, но и плотской пищей.

8. Когда же всем, непосредственно или по слухам, стало очевидно достоятельное его житие, архиепископ Генрих как сам, так и через своих приближенных приступил к мужу Божию, прося, чтобы он принял себе для управления какую-нибудь киновию или клириков, или монахов. Вольфганг, как обычно, оправдываясь смирением, объявил себя недостойным, но после, наконец, принужденный покорностью послушания, согласился стать деканом клириков. Хотя он исполнял обязанности этого принятого на себя старшинства против воли, он служил неблагочестивым устрашением, для прочих же был сама любовь; так то угрозами, то уговорами всех их заставил делать то, к чему они прежде не привыкли, то есть вместе принимать пищу и спать в одном dormitorio, слушать чтение в общем зале, и с приятностью увещал их не презирать личные или духовные нужды тех, кому они вдоволь подавали плотскую помощь; во всем этом он сам подавал им пример, так что все говорили, что он не клирик, а монах.

9. Тем временем предстоятелю Генриху случилось по приказу Цезаря Оттона ради военного похода отправиться в Рим²¹, и, пробыв там некоторое время, он тяжело заболел. Потеряв всякую надежду на выздоровление, предстоятель призвал к себе Цезаря и поведал ему о духовных качествах блаженного Вольфганга, умоляя, чтобы Цезарь послал письмо в Тревир, с тем, чтобы запретить кому бы то ни было притеснять того Божия слугу. Изложив эту просьбу, Генрих отдал должное смерти. Когда слух о том достиг Тревириков, святой Вольфганг сначала весьма опечалился, затем утешился, так как в то время он получил возможность совершить то, о чем долго помышлял из презрения к миру. И когда уже Вольфганг твердо решил возвратиться на родину, архиепископ Кельнский Бруно²², который, благодаря чести предстоятельства, владел также герцогством Лотарингским, попытался удержать его у себя. Святой не согласился, ибо этим ставил сам себя в трудное положение, однако пробыл у Бруно довольно долго. Потому позже Вольфганг часто повторял, что он редко видел мужа, равного епископу Бруно честностью обычаев. Было бы несправедливым не отметить, сколь совершенен был тот муж, которого привлекло столь великое мирское благополучие, обещанное славным предстоятельством, и к которому большая часть всей той скверны, о чем и писать неприятно, однако не приставала. Ведь оставить все и в веке сем сделаться нищим заслуживает, как известно, великой награды.

10. Итак, славный архиепископ Бруно, видя, что муж Божий желает приступить к более суровому образу жизни, радостно и благожелательно позволил ему удалиться, как тот и хотел. Но когда Вольфганг прибыл домой и был принят с любовью всеми родными и друзьями, то они встали у него на пути, словно Сирены перед вторым, можно сказать, Улиссом. Все родные и близкие обещали ему лучшую часть наследственного имущества, многие друзья также упрашивали его не отказываться от своего положения, говоря: "...пошатнувшийся дом ты один подпираешь"²³. Достаточно было еще и тех, кто добавлял, что Писание предписывает повиновение родителям. Но Божий ратоборец и глава бойцов Господних, презрев все, противопоставил этому слова Самого Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: "Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин меня" [Мф 10, 37]. Возможно, он читал, что святой Иероним написал к некоему другу: "Пусть дитя повис на шее, пусть мать с растрепанными волосами и в разорванных одеждах являет сощцы, которыми тебя вскормила, пусть отец лежит на пороге, перешагнув через отца, быстрее иди дальше, устремив сухие глаза на хоругвь Креста. Вышнее благочестие есть, чтобы в этом деле ты был жесток"²⁴. Вольфганг еще обдумывал пример Иоанна Крестителя. Хотя его мать была благочестива и отец священник, он, оставив обоих, ушел в пустыню, чтобы не оскверниться, живя среди людей. Побуждаемый такими примерами, Вольфганг, отдельно призвав родителей, как передают, сказал: "Разделите между собой часть имущества, которую вы решили мне дать. Ибо есть некий могущественный и богатый Господин, Который обещает мне большое наследство, если пожелаю верно служить Ему; в Нем часть моего наследства, и Он Сам есть Тот, Кто возмещает мне мое наследство. Ибо я верую, что мне будет дано столь достаточное вознаграждение, что и вам я смогу оказывать какую-нибудь помощь. Вот почему прошу, чтобы вы столь не расстроили обетование великого благодеяния слезным сетованием; но приготовьте то, что для этого необходимо. Ибо Такой Господин ищет не ленивого служителя, но усердного". Тотчас же повеселев, родители начали выведывать у него имя и место, куда он хочет идти. Он ответил им: "Сейчас вы не можете узнать, а после узнаете". Вслед за тем, когда они стали расспрашивать его, не изволит ли он взять кого-либо из своих слуг в сопровождение, он решительно отказался. По прошествии нескольких дней, Вольфганг взял с собой двух юношей и духовного Исаака, то есть свой обет, который он желал предложить Богу в жертву, и пришел в уединенный монастырь, расположенный в дремучем лесу²⁵. Раб Божий решил устремиться именно туда ради более сурового устава, которого, как он знал, там придерживаются. А в те дни ту киновию возглавлял духовный отец, происходивший из народа англов, по имени Григорий²⁶, который в юные годы, оставив родину, родителей, также девицу, ему уготованную в жены, поспешил в монастырь. Здесь мы опустим его весьма благочестивую жизнь, ибо не следует ее пересказывать, чтобы не отклониться от задуманного. Отдав себя под начало этого настоятеля, раб Христов Вольфганг отложил ветхого

человека с его деяниями и облек нового человека в платье монашеского жития. С какой суровостью и каким соблюдением устава он проводил жизнь в монашестве, явили плод его добродетелей и спасение многих душ. Когда же муж Божий прошел начальное время своей службы в воинстве Небесного Цезаря, к нему приходили многие братья из соседних монастырей, которых коснулся слух о честности его обычаев. Получив разрешение настоятеля, он обучал их всех главным наукам, а равно и наукам, основанным на практическом опыте, и просвещал нравственным учением, которое выше всего остального²⁷.

11. В это же время блаженный предстоятель Удальрик²⁸, чье благоухание святости распространилось по всей Европе, прибыл по своему обычаю в этот монастырь, чтобы посетить братий. Когда он провел несколько дней в монастыре, то, узнав характер святого Вольфганга, постарался окружить его великим чувством любви и оказать ему уважение. Вскоре после того Удальрик поставил его во пресвитера, хотя муж Божий и сопротивлялся этому. Тогда муж Божий, выделенный достоинством священнослужителя, пожелал исполнить то, к чему был призван, и мотыгой смирения всячески очищал дух свой от поросли грехов; посредством обетов, которые были отчетливо произнесены его устами, он добросовестно принес беспорочную жертву. Поскольку Вольфганг стремился подобным сокрушением приносить самого себя ежедневно в жертву Богу, он удостоился возвыситься благодатью Божественного видения. {...}

15. Когда блаженный предстоятель Вольфганг вник в дела епископства, он увидел в городе Ратисбоне²⁹ неблагочестие монашеской жизни и, как передают, часто вздыхая, говорил: “Если бы у нас были монахи, остального бы было в достатке”. И когда некие приближенные ответили ему, что во многих местах монахи проживают в чрезвычайном изобилии, он, скорбя и плача, говорил: “О как пал непорочный! О насколько отняты добродетели у сынов человеческих! Что пользы носить одеяние святости без дела? Монахи, соблюдающие устав, приравниваются к блаженным ангелам, а монахи, подчиняющиеся законам мира, — вероотступникам”. А это он потому говорил, что видел, что монахи, находившиеся в киновии блаженного мученика Эммерама не имеют настоятеля и подобны овцам, блуждающим без пастыря. Ибо в течение долгого времени в Ратисбонской Церкви было обыкновение, что те, кто были ее епископы, становились и настоятелями монастыря. Но это случилось потому, что епископы, получая управление вышеупомянутой киновией от императоров или королей, правили ею по благоусмотрению своей власти. Когда умер тот, от кого они получили свою власть, они не позаботились после избрать взамен себя никакого настоятеля, опасаясь, конечно, чтобы случайно не был положен конец их злоупотреблениям властью или служением, если во главе монастыря встанет пастырь и управитель, живущий по обычаю уставной жизни. Когда епископы таким образом удерживали и растрачивали монастырское имущество и не заботились о том, чтобы обеспечить монахов

необходимым, они давали братии разрешение самим добывать, где это было возможно, то, в чем они нуждались, – одежду и пропитание. Святой предстоятель скорбел обо всем этом и, желая это исправить, послал в Тревирский монастырь, где почивает плотью блаженный Максимин³⁰, и призвал оттуда некоего деятельного в уставном учении мужа, по имени Рамвольд³¹, служившего некогда вместе с ним капелланом под началом архиепископа Генриха. Приняв Рамвольда, Вольфганг поначалу поставил его препозитом³², а затем назначил настоятелем киновии св. Эммерама.

16. Некоторые из советников его, досадуя, говорили так: “Разве возможно для тебя и твоих преемников, чтобы ты потерял имение, принадлежащее святому Эммераму? Многие хвалят тебя, но в этом не похвалят, более того, похулят. Пользуйся служением предстоятеля и настоятеля, как до сего дня поступали и твои предшественники, чтобы не лишаться разнообразных выгод. Такого рода неразумие должно быть приправлено солью разума”. Он, отвечая им, сказал: «Не постыжусь называться неразумным и глупым ради Господа. Ибо знаю это вот речение апостольское: “мудрость мира сего есть безумие пред Богом” [1 Кор 3, 19]. Хочу, чтобы вы знали вот что: никогда не наложу на себя такое бремя, которое не могу нести, а именно: не присвою себе имя епископа и настоятеля. Ибо как свидетельствует блаженный Григорий, неприлично, чтобы в теле человеческом один член исполнял служение другого, так, разумеется, вредно и вместе с тем отвратительно, если отдельные служения и дела не будут распределены на столько же людей. Ибо довольно епископу, чтобы высшим бодрствованием он предавался пастьерскому служению, и от настоятеля требуется много усилий, чтобы заботиться о спасении братий и во всех отношениях хорошо печься об имуществе своего монастыря. Потому и сам он должен еще распределять послушания среди братий, чтобы облегчить свое бремя. Кроме того, если мне следовать тому, что вы предложили, имущество блаженного мученика Эммерама, которое, как вы пожаловались, я уничтожаю, хочу не потерять, но сохранить всеми способами для того, кому они переданы, и для пользования рабам Божиим. Ибо так это имущество служит мне наилучшим образом, если оно в изобилии предоставляется тем, кому предназначено, и соответственно сохраняется для их снабжения». И поскольку св. Вольфганг множество раз произносил эти и такого рода слова, уста говорящих негодное были заграждены так, что они восхвалили то, что прежде хулили, сказав: “Ты предпочел, как и следует, человеческому Божественное, ты показал вздорность наших помышлений и превосходство своей мудрости. Что же нам остается еще делать, кроме того, чтобы вместе восславить Господа, Который даровал тебя, столь великого предстоятеля, Своей Церкви? По праву за тебя восхваляем Господа в вечности; по праву тебе подчиняемся во всем согласно обетам”. Итак, когда Рамвольд был уже поставлен настоятелем, блаженный Вольфганг не потерпел, чтобы он или ему врученные монастыри утеснялись какой-нибудь нехваткой съестного; но чтобы иметь таким образом попечение как о душах, так и телах, передал монахам имущество,

которое должно было иметь им для пользования и при помощи которого можно было, без сомнения, достаточно заботиться не только об этих же монахах, но еще и странниках, приходящих в монастырь, и бедняках, и служителях кинувии и поддерживать их.

18. Пока святой Вольфганг усердно трудился таким образом, как мы уже описали, над устройством монастырской жизни, с не меньшим усердием он также препоясал себя для установления законов жизни каноников. Ибо кого он находил, оказавшегося в бедственном положении (по причине немощи предшествующего епископа Михаила), то толково и усердно стремился поправить дело, прежде всего, конечно, чтобы выдавалось каноникам вдоволь пищи и достаточно одежды, и затем, чтобы после себя обеспечить надежных хранителей этих законов. Он установил еще, чтобы они вместе ели в трапезной, спали в одной дормитории, не выходили за ограду монастыря в неподходящее время, не пытались нарушить уставного молчания. Предписал младшим присутствовать на школьных занятиях; повелел старшим проводить время в псалмопении, или чтении, или в молитве. Чтобы юноши быстрее осваивали благородную науку, он часто изъявлял желание посмотреть их дощечки, где они писали диктанты. Большую часть учеников за их преуспеяние благоволением поощрял, а праздных и небрежных бранил.

19. В то время как внутримонастырские дела пребывали в разумном управлении, Вольфганг, необыкновенный почитатель Бога, никоим образом не упускал и заботу о внешнем; но как он подавал пример городским и каноническим клирикам, так всех оведал еще и благоуханием спасительной проповеди, обходя всю свою диоцезу. По этой причине, когда он служил в установленном порядке торжество миссы, он настолько приучил народ часто посещать церковные службы, что в праздничные дни, как казалось, дома едва ли оставались и сторожа. Ибо толпа и мужчин и женщин, тесня друг друга, обыкновенно стекалась к пресладкому увещанию столь великого предстоятеля. Людей туда приводило благоухание небесных ароматов, словно пчел, которых, как кажется, притягивает к себе запах меда. Всеми силами желая быть пригодным и полезным этим людям, благочестивый отец в рассуждениях о Небесном Царстве не пользовался туманными или мудреными выражениями, но умерял сладость медоточных уст какой-то невыразимой строгостью – так, что, казалось, он простым и наилучшим способом выражал то, что касалось глубинных помыслов каждого, и таким образом исторгал потоки слез из очей некоторых слушателей. Ибо несомненно, что он принял эту благодать от Святого Духа, чтобы присутствующие во время его проповедания и внимательно его слушающие редко или никогда не уходили с его проповеди без излития слезного. Недруг же человеческого спасения, терпя ущерб от такого превеликого блага, поданного Щедрым Подателем всяческих благ, всеми силами, насколько мог, разжигал по причине своей злобы против него завистливую ненависть, которую сам всегда к нему питал.

20. Так однажды, когда в городе Ратисбонском Вольфганг по обыкновению своему держал речь к народу, диавол внезапно вызвал смерч, и вместе со смерчем беспорядочное смятение, и равно со смятением ропот и крики пребывающего в замешательстве народа, а еще над кровлей Церкви устроил оглушительный грохот, и в самом помещении церковном рассеивал пыль и дым, и перед взором некоторых людей разлил непроглядную тьму. Неожиданно увидев и услышав это, уstraшенный народ, более того, что еще хуже, совершенно лишившийся разума, начал бегать туда и сюда, наталкиваясь друг на друга, не зная, в какую сторону ему безопаснее и правильнее обратиться. Между тем слышались с одной стороны голоса: “В городе свирепствует сильнейший пожар”, с другой, вопли: “Вот, сделался мятеж, и мечами многим перерезают глотки”. И когда, чтобы унять крики такого рода, было впустую потрачено много сил, наконец, те, кто был обманут кознями врага, толпою повалили из церкви, а в ней осталось совсем немного людей. Тогда епископ, которого не смогло изгнать волнение, вызванное той бурей, воскликнул: “Господи Иисусе Христе, даруй обычной Своей милостью верным твоим узреть сегодня славу Имени Твоего и посрамление диавола”. За этими словами последовала ясная погода, а за ясной погодой – возвращение народа в Церковь. Предстоятель тотчас же излил возвратившемуся народу слова Святого Учения, ибо благодать Духа Святого ему внушила сладость речи, тем более в этот день польза была в том, что муж Божий явно победил или обратил в бегство врага, который чрезмерным замешательством на какое-то время всем навредил. Потому и позже у благочестивых верующих был возведен в закон такой обычай, по которому в общественных местах люди словно бы отрядами предшествовали епископу и следовали за ним и принимали произносимую им проповедь с глубочайшей любовью.

21. Также в другой раз, когда блаженный Вольфганг служил торжество миссы в базилике св. Павла апостола, народ сошелся туда во множестве по своему обыкновению. И когда некий неразумный воин из стоящих поблизости увидел мужа Божия одетым в смиренное платье, а затем облаченным в священнослужительское одеяние, он отнесся к епископу свысока и по причине простонародной глупости возроптал устами сердца, говоря: “О, сколь неразумен был император в то время, когда предпочел возвысить как предстоятеля этого вот презренного оборванца, а не могущественных людей, которыми изобилуют края его владычества”. Тот, Кто знал помыслы людей, в ту же минуту милостиво обличил этот ропот и соделал явным для исправления этого порока. Ибо как в Евангелии Господь отвечает на помысленное, так Он не скрыл до времени мысленный ропот этого человека, чтобы и ныне он был исправлен, и в будущем другие избежали греховного ропота. Тот, внезапно охваченный чрезвычайным ужасом, едва мог сесть, поддерживаемый стоящими рядом. Когда его господин увидел его, дрожащего и бледного, тотчас же поспешив, попытался разузнать, что с ним случилось или чем он страдает. Тогда тот, призвав священнослужителей, покался, что дурно помыслил

против мужа Божия и по этой причине был поражен страхом, причиняющим сей ущерб. Услышав это, господин его подумал, что война можно излечить простым средством, отправился домой, взяв его с собой, и лечил, задержав на несколько дней. Но поскольку он никоим образом там не смог излечиться, господин вновь привел его в город Ратисбонский, где с ним приключилась такого рода немощь. В городе он пришел к епископу и, когда захотел рассказать о мучении больного человека и изложить свою жалобу, муж Божий, предвосхитив его речь, сказал: “Молчи, знаю, чего ты хочешь”. И, обратившись к управителю Тагинину, говорит: “Брат, принеси священную воду, стоящую у ложа моего, и окропи человека, находящегося пред дверьми моей комнаты”. Тот, повинувшись приказанному, окропил того мужа святой водой. А епископ, обратясь лицом к кресту, находящемуся против дверей, произнес про себя некие спасительные слова, и в тот же час тот человек был исцелен.

24. Во времена этого же святого предстоятеля случилось так, что по недостатку вина, некие пресвитеры совершали таинство миссы на воде или другом роде напитков. Достоверно узнав об этом, муж Божий излил такой ливень слез, что, как передавали, потерял телесное здоровье. Когда же он наказал резкими словами обличения тех, кто дерзнул на таковое, и выслушал их оправдания, хотя и тщетные, что они не могли, мол, достать вина, то сразу же все случаи такого порока пресек вот каким образом. Он предписал, чтобы каждый месяц года приходил один пресвитер, получал вино от его ключника и разделял между остальными. Таковому полному любви разделению подобающим образом подходит этот краткий стих Псалмопевца: “Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки” [Пс 111, 9].

25. В то время как духовный пастырь бодрствовал над врученным ему стадом, так надзирая над ним, он проявлял глубины милосердия по отношению к тем, кто находился под охраной других пастырей. Ибо, если кто-либо из них открывал ему, что терпит какой-то ущерб либо в божественных, либо в человеческих делах, Вольфганг, поддерживая и сострадая ему, употреблял в помощь слова и дела: Поэтому, когда близкие его часто ворчали на него, зачем он так поступает, ибо о всяком человеке должен пещься свой правитель, он ответил: “Милостыня есть слово греческое, у нас же толкуется, как “дело милосердия”. Все добрые дела, которые в сей настоящей жизни делает каждый христианин, соединяются под этим одним именем. Ибо тот совершает подобающим образом дело милосердия, кто сначала себе самому и другим, подчиняющимся ему в Господе, не позволяет лишиться приятного образа жизни, затем, как говорит апостол, “доколе есть время, будем делать добро всем” [Гал 6, 10], не прекращает помогать и своим ближним”.

26. Однажды, когда жестокость голода угнетала многих и по причине этой нужды несчетное множество людей пришло к блаженному Вольфгангу, он, созвав препозитов, приказал, чтобы всякому, пришедшему из дальних краев, давали хлеба, сколько хочет, однако, с одним условием, а именно: когда он возвратится домой, половину своих съестных припасов раздаст бедным;

и самих раздавателей связал строжайшими клятвами, чтобы они не принимали вознаграждения за эту раздачу. И когда во время того жестокого голода некие купцы проезжали с повозками для закупки зерна мимо того места, где жил святой Вольфганг, они тотчас, узнав, что этот же предстоятель пребывает в том месте, избрали красивые сосуды, при помощи которых служили ему, поднимая их за его здоровье, и послали их ему в виде приношения. Будучи весел лицом, он приказал принять сосуды, но отослал их обратно, наполненные едой и питьем, с выражением благодарности. Затем, подарив им в виде утешения пшеницу, он отослал их, обрадованных, назад с тем уговором, о котором было сказано выше.

27. Одно достопамятное деяние святого предстоятеля может открыть всю его великую доброту. Поскольку по соседству с ним всегда проживали бедняки, один из них вошел в покой Вольфганга, и, отрезав немалую часть от завесы, которая висела у ложа епископа, поспешно убежал. Один из живущих в монастыре, увидев сделанное, осторожно последовал за виновным и, схватив его, передал вора блаженному мужу, ибо сам не дерзнул высечь его плетью. Когда вор был схвачен, стоявшие вокруг епископа настойчиво требовали, чтобы этот виновный был наказан жестокими бичеваниями. А этот кроткий, которому “предал себя бедный” и кто всегда был “помощник сироте” [см. Пс 9, 35], прибегнув к красноречию, объявил, что большая вина лежит на тех, кто должен был наблюдать за его комнатой, и оправдал провинившегося. Затем, обратившись к бедняку, Вольфганг спросил его, почему тот так поступил. А бедняк, дрожа, поскольку он страшился, что навлек на себя великое наказание, пожаловался, что нуждается в одежде, и доказал это своей наготой. Тогда муж Божий, душа которого была подвижна милосердием, стал всячески оправдывать его, говоря: “Если бы он был хорошо одет, он бы никоим образом не совершил эту кражу. Поэтому пусть он, хоть и поздно, примет одежду от наших щедрот; и если потом, когда одежды будет у него в достатке, он совершит таковое, тогда-то он и искупит совершенное”. Таковыми речениями Вольфганг не только смягчил гнев обвинителей, но еще и побудил их души к щедротам милостыни.

28. Некоторым образом уже сказано, сколь милосерден и сострадателен был этот святой; ныне узнаем из следующих слов, сколь пронизателен был его ум против еретической испорченности. Ибо поскольку с самого начала в новооснованной Церкви не было недостатка в тех, через чьи уста злобный враг произносил ложь и поругание против католической веры, также, по Божию устроению, не было недостатка и в тех, кто защищал истинность святой веры. Некий еретик, имеющий как бы шоры на глазах, напал на то, что “Слово сделалось плотью”, говоря: “Если Слово, то не сделалось плотью; или если сделалось, не есть Слово”. А в то время, когда он громогласно и весьма красноречиво произносил это, случилось так, что к нему приблизился святой Вольфганг, и Кесарь Оттон³³ попросил мужа Божия на то ответить. А тот говорит, ибо он ходил в духе смирения: “Так как я облачен в монашес-

кое платье, мне не позволено спорить”. Когда святой произнес это, еретик, исполненный упрямства, вновь повторил вышеупомянутые слова. Наконец, боец Христов был вынужден сказать: “Поскольку ты должен быть излечен не духовным, а плотским противоядием, скажи, что есть акциденция”. А тот весьма надменно отвечает: “Акциденция есть то, что присутствует и отсутствует, исключая порчу субъекта”. И снова предстоятель говорит: “А скажи-ка, сколько есть видов акциденции”³⁴. А тот сразу же умолк, сраженный, как мы полагаем, стрелой Всемогущего Бога. Богослов же Вольфганг, которого и Кесарь и прочие настойчиво просили разъяснить это, хотя поначалу отказывался, изложил ответ кратко, не прибегая к тяжеловесной манере выражения: “Акциденция бывает четырех видов: одна, которая не приключается и не уходит, как темный цвет кожи или курносый нос; другая, которая приключается и уходит, как сытость и сон; третья, которая не приключается и, однако, уходит, как младенчество и отрочество; четвертая, которая приключается и не уходит, как старость и седина. Итак, по этой аналогии, Сын, Который есть Сила и Премудрость Бога Отца, для Которого нет ничего невозможного, облекся ради дела нашего искупления, словно бы посредством неотделимой акциденции, в человеческое естество, не оставляя Божества. Но это все должно постигать очами веры, ибо, как сказал блаженный Григорий: “Та вера не имеет заслуги, для которой разум человеческий представляет опыт”³⁵. Этими и другими словами Он настолько умягчил сердца слушающих, что этот сын Велиалов испрашивал милости у славного наставника, прося прощения за ошибку. А муж Божий, более склонный к прощению, чем к наказанию, наложил на него епитимию, и запретил, призвав Христа во свидетели, под угрозой анафемы возвращаться к этой кощунственной речи.

29. Как кажется, должно поведать, что среди таких подвигов благочестивого усердия раб Божий сделал еще для народа Богемцев. Ибо этот народ, недавно напитанный христианской верой³⁶, хотя и неохотно, оставил нечестивых идолов, но решительно не знал, каким образом следовать кафолической вере, ибо не имел пастыря. И славный герцог Генрих³⁷ и прочие верующие настойчиво требовали у Кесаря Оттона Второго, особенного почитателя божественной веры, чтобы он ради любви к Богу королевской властью довел до конца начало просвещения этого народа. Кесарь с охотой дал согласие на такие просьбы, но так как Богемская провинция была под властью Ратисбонской Церкви, он не мог это совершить без помощи самого предстоятеля Вольфганга. Потому король, послав посольство к епископу, попросил, чтобы тот, приняв вместо своей диоцезы земельные владения, согласился устроить себе епископство в Богемии. Муж Божий, чрезвычайно обрадованный сказанным, созвал своих приближенных, выпрашивая у них совета, каким образом дать подобающий ответ Кесарю. Они же единодушно посоветовали не соглашаться на такое прошение, а он сказал: “Я вижу драгоценную жемчужину, скрывающуюся под землей вышеназванной провинции, которую я не получу иначе, чем по взаимному соглашению о продаже и купле. И потому слушайте, что

я скажу. Вот, я охотно издержу себя и все свое, чтобы дом Божий утвердился там посредством укрепленной Церкви”. Помня об этом, он отослал Кесарю ответ, что он согласен. И когда пришло время совершить обмен, Вольфганг с такой радостью содействовал ему, как если бы сам измыслил для себя преимущественное право сделать это.

30. Не умолчим и о том, что иногда посредством пророческого духа муж Божий видел, словно бы настоящее, то, что должно будет произойти. Сие в наивысшей степени обнаруживается в преуспейнии детей славного герцога Генриха. Ибо, когда к Вольфгангу были по обычаю приведены под благословение блистательные родственники Генриха, который впоследствии волей Божией сделался королем, Вольфганг заранее назвал его королем; брата же его, Брунона, наименовал предстоятелем; старшую их сестру – королевой, а другую, которую крестил и принял от святой купели, нарек настоятельницей³⁸. Мы увидели, что исполнилось это и многое другое, о чем мы услышали из его уст.

31. Также в другое время, когда этот же блаженный Вольфганг уже на закате дня пришел в некое селение, в народе называемое Эгилольфсхейм³⁹, он отправил посланца и приказал, чтобы тот известил на следующий день всех окрестных жителей, которые нуждались в миропомазании⁴⁰, чтобы они пришли как можно быстрее. Этот посланец, желая тотчас же исполнить приказ, побежал к коню, чтобы сесть на него, и обнаружил, что его тайком увели. Поэтому он, скорбя весьма и печалься, не знал, что ему делать. Ибо любовь к св. Вольфгангу и страх огорчить его принуждали его быстро исполнить повеление, но никакой возможности сделать это не было; ибо не было ни надежды на то, чтобы найти другого коня, ни сил, чтобы он мог пешком с необходимой быстротой исполнить данное ему поручение. Сверх того пешеходу предстоял тяжелый путь, ибо земля тогда была размыта ливнем. Он довольно долго колебался из-за таких затруднений, не зная, что предпринять, и, наконец, положившись на Господа, решил, что исполнит приказанное, идя пешком. И когда темной ночью он блуждал и часто падал на грязной дороге, то он стал восклицать: “Помилуй меня Господи, помилуй меня, и ты, мой старец Вольфганг, послушай, сколь много муки я терплю сейчас по причине твоего приказанья, сбиваясь с пути и падая?” И когда он стеноя произнес это несколько раз, то увидел стоящего рядом с собой какого-то коня с уздой и наложенным седлом. Полагая, что этот конь пребывал в том месте не без некоего седока, он начал старательно вглядываться, нет ли поблизости того, кому, возможно, принадлежал конь, и громко звал, не было ли кого поблизости. Долго он спрашивал и кричал, а когда никто не ответил и не подошел, он сел на этого коня и исполнил предписание своего господина. Когда же наступил день, и многие жители, позванные на миропомазание, сошлись в вышеназванную деревню, посланец епископа вывел перед всеми найденного коня, усердно выпрашивая, кому он принадлежал. Однако ни тогда, ни потом не нашлось никого, кто бы назвал его своим. Из чего и сам посланный, и другие поняли, сколь вели-

кую благодать даровал Господь святому предстоятелю Вольфгангу, который, даже отсутствуя, мог помочь призывающим его.

32. Когда Кесарь Оттон Второй, из-за обиды, нанесенной ему в области Франков, вторгся с враждебным им войском, дойдя вплоть до Паризия⁴¹, то на обратном пути участвующие в походе подошли к некоей реке, волны которой вздымались, набегая на ее крутые берега. Многие рисковали там переправиться и гибли в воде, а истинный почитатель Бога, епископ Вольфганг, со своими спутниками, когда приблизился к реке и увидел столь огромную опасность, поднял взор на небо; с верой благословив себя и своих спутников, увещал их бесстрашно переправляться через эту реку. Они же от страха все медлили, а с тыла ожесточенно нападали франки, тогда святой муж первым из своей свиты, благодаря Имени Божию, Которое всегда звучало у него на устах, перейдя реку, подал благой пример следующим за ним, и никто из его спутников вообще никакой опасности не претерпел. Тогда все удивились, радуясь и хваля Господа, а смиреннейший муж твердо попросил, чтобы не разносили молву о нем из-за этого чуда.

33. Как кажется, и другое его удивительное деяние следует прибавить, чтобы присоединить к предыдущим. Ибо однажды, когда святой Вольфганг обсуждал, по своему обыкновению, со своими клириками какие-то важные вопросы богопочитания, один из них, имя которого было Буоззон, ответил неосмотрительно. А святой раб Божий, словно немного рассердившись, со смиренным упреком обратил глаза свои на сквернослова. Как только этот человек прекратил свои дурные речи, то начал страдать от тяжелой болезни глаз. И когда после блаженный предстоятель увидел Буоззона в толпе, сидящего с покрытой головой, как это в обычае у страдающих глазами, он, движимый милосердием, подошел к мужу сему и спросил, от какой боли тот страдает. И Буоззон пожаловался на болезнь глаз, смиренно попросив благословения у мужа Божия. Сострадав его муке, святой муж осенил его глаза знаменем Креста и так возвратил страдальцу первоначальное здравие. Однако святой приказал ему в виде лекарственного средства умыть лицо, чтобы не стало известно об этом крестном знамении.

34. Однажды, когда предстоятель сидел близ каменщиков в монастыре св. Павла, к нему принесли женщину, раздражаемую нечистым духом. Но как только она предстала перед ним, то, упав на землю, начала жалким образом метаться. А святой раб Божий, вздыхая, сказал нам: “Если я был достоин вообще что-нибудь получить по молитве от Всемогущего Бога, ни о чем я не просил бы Его с большей охотой, чем, чтобы Он изволил освободить Свое творение от нападения злого духа. Оставим же сие тем, кого Бог по достоинству слышит; мы же, сострадав, тем временем прочтем хоть несколько псалмов”. После, когда псалмопение завершилось, святой со слезами излил за нее молитву. И она всеми членами тела содрогнулась и лежала, словно спящая. Между тем, взглянув на нас, внимательно следящих за тем, что он собирается делать, сказал: “Поднимите ее и, отведав домой, если сможет, чем-нибудь

подкрепите ее силы”. Ее отнесли домой, и она подкрепила свои силы. Мы узнавали доподлинно, что она освободилась от нападений злого духа, но никто из нас не дерзнул предать это гласности.

37. В области Рубилоценской Церкви⁴² некий человек долгое время столь сильно истаявал от нездоровья, что почти целый год страдал, испытывая отвращение к еде и пище, которую была ему необходима для выздоровления, не мог подкрепляться. Он, отправив гонцов к святому Вольфгангу, смиренно умолял того, чтобы от его милосердия последовало некое лечебное средство. Услышав это, муж Божий всячески оправдывался и говорил, что он не имеет таковых заслуг перед Богом, благодаря которым может быть совершено такого рода чудо. И после того как святой долго размышлял, как одновременно избежать народного признания и исполнить прошение больного, он словно бы по другому поводу отслужил торжество миссы и с верным пресвитером передал немощному Тело Господне. Причастившись, тот немножечко поспал, затем принял подкрепление едой и питьем и снова воспользовался освежающим отдыхом. Когда он получил здравие души и тела, то, вознося благодарение Богу, поднялся с ложа и после пребывал здоровым. Если мы еще пожелаем пересказать вдобавок к этому, на скольких святой епископ возлагал руки в качестве благословения, сколько раз, вкусив благословленного им хлеба, люди освобождались от немощи, то наше повествование, пожалуй, покажется читателю тягостным. Потому, опустив это, поспешим описать его переход в вечность.

38. Епископ Вольфганг, которого часто называли досточтимым и еще чаще должны были бы назвать таковым, стремился служить Богу многими делами милосердия и справедливости, при помощи которых он управлял вверенной ему Церковью. В то время как святой был поставлен в Ратисбоне, когда того потребовала необходимость, он направил свой путь в восточную область Пагоарии⁴³, где он заболел лихорадкой. Муж Божий упредил свою телесную тяготу не только бдениями и молениями, но еще и милостыней, словно предузнал будущее, и все, что имел, руками бедняков передал в сокровищницу Христа; и так, собираясь достигнуть восточных областей, в усердных молитвах препоручил свой исход Тому, Кто не ведает заката. И когда святой епископ, пересекши воды Данувия⁴⁴, достиг места, называемого Пуппинга⁴⁵, он не мог далее продолжать путь, ибо настало время разлучения души с телом. Там, когда его посетила Высшая Благодать, он узнал, что скоро будет исполнено открытое ему некогда посредством видения; он приказал, чтобы его отнесли в часовню блаженного Отмара⁴⁶, которая там находилась, и положили перед алтарем. Когда это было сделано, святой Вольфганг, немного придя в себя от болезни, сел и прежде всего исповедью очистился от грехов. Затем пастырь Божий, светло увещая всех, кто находился там, ради веры, надежды и любви, их и всех, ему врученных с глубокими вздохами препоручил Богу и святым Его; и там, приняв последнее, напутственное причастие, простерся на земле. Служители, или келейники, попытались выгнать из церкви

всех, за исключением близких, остающихся с ними по обычаю. Муж Божий запретил им, говоря: “Отоприте двери, не запрещайте войти никому, кто этого бы хотел. Ибо нам, смертным, не должно стыдиться ничего, кроме дурных дел, когда мы по необходимости уплачиваем должное смерти, если же Иисус Христос, Который ничего не должен был смерти, почти обнаженный не постыдился умереть на Кресте ради спасения человеческого рода. Пусть усмотрит всякий в моей смерти то, чего он должен страшиться и остерегаться в своей. Бог да изволит смилостивиться и надо мною, несчастным грешником, ныне подпадающим под власть смерти, и над всяким, созерцающим ее со страхом и смирением”. Сказав это, святой Вольфганг с благоговением закрыл глаза и, словно бы утихнув во сне, почил в мире⁴⁷.

К звездам небесным душа отлетела святого Вольфганга.

Если захочешь узнать, о, читатель, когда это было.

За день пред тем, как ноябрь начался, архипастырь скончался.

39. Когда это все ночной порой закончилось, следующим утром готовившие похоронные обряды начали тревожиться, откуда они возьмут епископа. Тем временем прибыли Ювавенский⁴⁸ предстоятель досточтимый Хартвик и Арибон, некий военачальник, которого муж Божий среди мирян любил больше всех. То, что они придут к нему, предыдущей ночью было также известно предстоятелю Вольфгангу, и после долгого молчания и после того, как тягость телесная утихла, он внезапно сказал находящимся возле него: “Очистите дом, приготовьте комнату для гостей, ибо сегодня к нам приходят благие гости. И чтобы вы поверили, будет вам такое знамение: корабль, на котором перевозится имущество господина архиепископа Хартвика и префекта Арибона, претерпел крушение на Данубии, но, по милосердию Божию, люди остались невредимы, и эти государи приедут сюда тотчас же после моей кончины”. Так и случилось; и прибывшие вместе с многочисленной толпой верных подняли тело блаженного Вольфганга и в седьмой день от его перехода в вечность принесли с почетом в город Ратисбонский. Там его приняли в соборе Святого Петра и препоручили Богу торжествами бдения и миссы, а позднее с великим почтением понесли его во все монастыри города, впоследствии же – в церковь блаженного мученика Эммерама, к которому муж Божий при жизни питал уважение и искреннюю любовь. В этой церкви, после того как по обычаю были совершены торжество миссы и погребальный обряд, святой Вольфганг был с честью и славой похоронен там, двенадцатым в ряду предстоятелей. Вполне подобало, чтобы священное число замкнулось столь великим мужем, на котором Господь позже явил различными чудесами, что его “с князьями народа своего посадил” [Пс 112, 8].

40. После блаженной кончины святого предстоятеля Вольфганга Божественная благодать изволила проявиться через него весьма многими чудесами и знамениями; о некоторых из них мы не знаем по причине небрежения и забвения, а какие-то, о которых нам достоверно известно из правдивых сообщений, мы, насколько можем, попытаемся изложить. И прежде всего следует

рассказать вот о чем: когда жители области вместе с гражданами того города, где почил святой предстоятель, сошлись для постройки лучшей и бóльшей базилики, – ибо прежняя была выстроена из древесного материала, – то, когда они начали возводить стены, привели однажды туда какого-то бесноватого. Мастера, движимые Божественным милосердием, схватив его, положили на то место, где святой раб Божий испустил дух; и заслугами святого мужа там он тотчас же обрел здоровье в радости. Впоследствии это место часто еще посещалось страдающими от различных недугов, и многие были утешены и вернули себе здоровье, ибо, как говорит блаженный Григорий⁴⁹, чаще всего случается, что еще большие чудеса происходят там, где имеются реликвии святых, чем там, где покоятся их тела.

Диалог о трех вопросах

досточтимого Отлоха, монаха Санкт-Эммерамского, а именно:
о познании Божественного милосердия, о разнообразии судов Божиих и о разнообразной способности поступать правильно.

Начинается Диалог о трех вопросах.

Пролог этой книжечки

Ты жаждешь, Хейнрик, мой близкий друг, чтобы я изложил на письме в виде диалога, происходящего между нами, ход некоторого размышления в той нашей беседе, которую мы некогда вели о Божественном милосердии и прочих вещах. Эту просьбу я стараюсь исполнить, отчасти с готовностью, отчасти же против своей воли; с готовностью, ибо желаю заслужить твою любовь пред всеми смертными; против воли, ибо я хотел сделать известным эти рассуждения без награды, без имени автора, как ты от меня знаешь и прочитав сам это одобрил, чтобы, если вдруг кто-либо, охваченный завистью или желанием нанести вред, приступит к чтению такого рода высказываний, с наморщенным лбом, как водится, и мрачным лицом, то не зная, кто автор этого труда, меньше будет, завидуя, преследовать или присваивая, безумствовать. Ибо совершенно неизбежно, что завистники и гордецы могут признать без насмешки писания или речения какого-нибудь неизвестного и незначительного человека.

Потому настоятельно прошу тебя, поскольку я, покоряясь твоим желаниям, принужден упоминать имя в перемежающихся лицах диалога, позаботиться лишь о том, чтобы словечки моей худости, произнесенные для просвещения смиренных, не сделались предметом осмеяния у завистников и гордецов.

Я сказал это по причине высокомерия некоторых людей. Если же в этих писаниях я сделал нечто безрассудное, прошу, пусть читатели меня простят. Затем я лишь об одном умоляю всех, кто изволит читать или слушать сие, чтобы, если они найдут здесь нечто, приправленное солью премудрости, пусть воздадут благодарение Богу, Который, когда желает, подает подобающую речь также и несмысленным животным; и ко мне, кто ничего не произносил

от себя, но только по дарованию Его, пусть их милостивая благосклонность выразится в том, что они будут просителями за мои грехи. А если они признают, что сказанное нелепо или несообразно, а это, как читаем, бывало еще и со Святыми Отцами, пусть скорее сочтут моим невежеством, чем злоумышлением, и потому пусть они удалят вредное таким образом, чтобы не презреть полезное. Ибо знаю, что я не смог изложить столь священный и столь трудный предмет никаким подобающим слогом или речью; потому, однако, что, как бы я ни старался изложить его, разными знатоками все уже изложено лучше.

Знатоками же я называю тех, кто более сведущ в Священном Писании, чем в диалектике. Ибо я обнаружил, что некоторые диалектики столь просты, что они решили, что нужно сжато излагать все речения Священного Писания, следуя суждению диалектики, и в весьма большом количестве речений более поверили Боэцию, чем святым писателям. Потому и последователи этого же Боэция осуждали меня, что я приписал название “лицо” чему-то, а не разумной сущности. Если это порицание справедливо, справедливо еще, чтобы порицались иные имена и глаголы, такие, как “сущность”, “вид”, “род”, “ощущать”, “иметь” и другие весьма многие, которые находятся в Священных текстах, если они употреблены иначе, чем учит диалектика.

Итак, согласно диалектике, эти все слова имеют только лишь одно значение, но в Священном Писании употребляются различным образом: иногда, как в диалектике, а иногда – иначе. Потому и святой Августин, ученейший как в божественных, так и в мирских писаниях, не постыдился признать в книге “Пересмотры” свое заблуждение, когда в ранее им написанном с опорой на некоторые авторитеты сочинении утверждал, что должно получать чувственное восприятие только лишь от вещественных предметов. Он говорит: “Существует и понятие мысли”⁵⁰.

Итак, если бы те, кто порицает меня, выправили в Священном Писании все то, о чем я тут сказал, тогда вместе с тем они исправили бы и ту неуклюжесть, которую я допустил в рассуждении о “лице”. Прошу, пусть они изволят прислушаться к этому, ибо Всемогущий Бог, так как Он имеет обыкновение привлекать диалектиков и грамматиков к благодати Своего познания, так изволяет принять слова или писания и тех и других, пока они стремятся соблюдать священную истину и веру.

Но если они, может быть, надмеваясь по причине красноречия мирских писаний, не верят этому и требуют, чтобы Бог более услаждался изяществом их речи, чем неуклюжестью нашей, прошу, пусть внимательно выслушают, что говорит Апостол: “Мудрость мира сего есть безумие пред Богом [1 Кор 3, 19] и “Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное” [1 Кор 1, 27]. Среди этого также должно обдумать, что некие имена и глаголы употребляются иногда в несобственном смысле, иногда же в подлинном значении. Как, например, в Псалмах употребляется глагол “следовать”: “ищи мира и следуй за ним” [Пс 33, 15]. В другом месте в другом смысле употребляется: “тайно клеветующего на ближнего своего буду преследовать”⁵¹ [Пс 100, 5]. Из них

одно по необходимости употребляется в несобственном смысле, другое же в прямом значении; только, пожалуй, если мы, или ища мира, или желая нанести вред человеку (ибо таково значение слова “преследующие”), не совершаем ни первого ни второго действия, “идя следом”, то в таком случае не можем выразить и то и другое одним глаголом. Если это так, то же дано понять и о лице. Ибо есть латинское имя, и можно легко узнать о его происхождении в соответствии с правилами грамматики. Ибо от глагола *persono* – “громко звучать раздаваться” происходит имя, то есть *persona* – “лицо”, с долгим предпоследним слогом ради различения, чтобы не подумалось, что *persona* – это форма повелительного наклонения. Отсюда получается: как глагол *persono* употребляется не потому, что некую вещь или именно существо вслух называет или именует, но любую вещь, так и вместо названия какой-либо вещи или указания на нее можно говорить *persona*, “лицо”.

Если не ошибаюсь, можно обнаружить, что это присуще как Священному Писанию, так и мирским сочинениям. Ибо Священное Писание утверждает, что лицо и имя значат одно и то же, когда вместо трех лиц, Отца и Сына и Святого Духа, которые мы множество раз читаем, иногда употребляет три имени, как: “Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого духа” [Мф 28, 19]. Эти слова открывают, что имя и лицо связаны некой общностью. Ибо тем, что слово “имя” употребляется вместо слова “лицо”, и имя приписывается различным вещам, и лицо также может приписываться различным вещам.

Так и в мирских писаниях, которым еще следуют весьма многие духовные мужи, передается нечто подобное, когда в грамматике местоимению и глаголу приписывают три лица, например: “я, ты, он”; и “читаю, читаешь, читает”. Из них первое и второе лицо в подлинном смысле подобают разумной сущности, ибо никто не может сказать “я”, никто не может понять под “ты” иное, чем разумные сущности. А третьим лицом, когда говорят: “он, она, оно”, может называться и какое-либо неразумное и бесчувственное творение, как: “этот источник; эта вода; это множество морских вод течет”.

Итак, прошу, пусть диалектики внимательно выслушают все это и не вменяют мне в вину, если в моих скромных сочинениях они найдут что-либо иное, чем то, чему учит диалектика. Ибо важнее для меня в чтении или на письме следовать словам святых, чем мнениям Платона, Аристотеля или даже самого Боэция. Хотя он показал себя превосходнейшим оратором в весьма многих высказываниях, однако можно обнаружить, что кое в чем он ошибался. Среди его заблуждений есть известное место: когда Боэций говорит от лица Философии, он называет Лукана, язычника и неверующего, своим другом, сказав: “И друг мой Лукан...”. Ведь никому не подобает утверждать, что какой-то язычник и неверующий является другом Истинной Философии, то есть Божественной Премудрости, и в этом каждый христианин может его упрекнуть. Итак, должно почитать Бога и должно хвалить все Божественное, а после этого можно похвалить и все прочее.

Заканчивается пролог.

Начинается диалог о трех вопросах, то есть:

о познании Божественного милосердия, и о многообразии Божественных судов, а также о различных способах поступать правильно.

Сколь Божий Суд милосерд, сколько способов доброе дело
Сделать, коль хочешь узнать, о, стремящийся к Высшему Благу,
Ныне сюда обратись и, смиренно читая, узнаешь.

Глава I. В Божественных Писаниях человек избирательно научается тому, что необходимо для спасения

Хейнрик. Почему бы нам, Отлох, когда мы встречаемся, не обсудить подобающим образом нечто о нашем спасении?

Отлох. Ты говоришь, словно кому-то надлежит делать иное.

Хейнрик. Нет; но, поскольку я претерпеваю непрерывные муки соблазнов и смятений, иногда решительно не понимаю, что относится к нашему спасению.

Отлох. Божественная благодать всеми началами как Ветхого, так и Нового Завета настолько уже защитила нас от любых мучений, которые причиняет вражеский обман, что нам не нужно добавлять никакого учения и не думать ни о чем ином, кроме того, чему мы научаемся, читая Писание.

Хейнрик. Я помню некую пословицу, которую и тебя со мной прошу вспомнить.

Отлох. Скажи, пожалуйста, какую.

Хейнрик. Что почти все ученые мужи либо не в состоянии, либо не считают себя достойным сочувствовать разным неучам.

Отлох. Почему ты говоришь вот такое?

Хейнрик. Потому что ты сказал, что ничего не следует добавлять к мукам моего невежества, кроме того, что я попытался бы прочитать уже написанное, словно впредь не сможет возникнуть основание для какой-либо ошибки, кроме той, которую я прежде я обсудил, или что я смогу самостоятельно объяснить все речения Священного Писания. Потому, прошу тебя, снизойди немного к моей неопытности и, если попытаюсь узнать что-либо неисследованное или неизвестное, постарайся объяснить мне это.

Отлох. Удивляюсь, что ты желаешь разузнать об этом, а именно: о том, что было обсуждено и открыто; что ты сможешь отыскать где-либо, что прежде не узнали и не обсудили? Но почему ты медлишь высказать, что ты хотел бы спросить?

Глава II. Каким образом говорится, что земля исполнена милосердия, когда люди претерпевают столько зол

Хейнрик. Итак, поскольку незадолго до этого ты сказал, что Божественной благодати нам достаточно во всех начатках Писания, признаю, что это так. Меня же немало волнует, что, хотя написано: “Милости Господней полна земля” [Пс 32, 5], и мы верим, что мы живем и существуем благодаря этому, однако многие тяготы и горести угнетают нас в сем веке от начала до

конца жизни. Не сомневаюсь, что истинно то, что я пытаюсь выяснить. Но прошу, чтобы мне было открыто, каким образом истинно то, что существует в таком противоречии, ибо не знаю, захочется ли рассуждать хоть о чем-нибудь потом, кроме веры. Ибо я многое читал, но нигде не мог найти ответа на вопрос такого рода.

Отлох. Ты требуешь от меня того, о чем не в состоянии свидетельствовать никакой язык и ум.

Хейнрик. Почему ты возражаешь таким образом, прежде говоривший, что впредь не останется никакого вопроса, который взволновал бы какого-либо христианина? Прими вопрошаемое сочувствующим духом, и объяви то, что здесь, как ты думаешь, нужно знать. Ибо я полагаю, что Божественная благодать, которой, как написано, исполнена земля, и на какой-либо благодати, как мы веруем, зиждется Небесное Отечество, не настолько не поддается описанию, чтобы никто в разговоре, никто хотя бы в размышлении не желал бы ее описать.

Отлох. Без сомнения, этого желают многие, смотря по тому, насколько возможно говорить и открывать нечто лучшее о Боге, как Псалмопевец свидетельствует от лица Господа: “Остановитесь и познайте, что Я Бог” [Пс 45, 11]. Итак, поскольку любовь есть Бог, благодать же любовь Божия; следовательно, благодать Божия есть Бог. По причине чего, когда нам предписывается остановиться и познавать, Кто есть Бог, нам, конечно, предписывается искать благодати Божией. Однако так должно искать всего Божественного, чтобы мы верили, что никто не может по достоинству и в совершенстве воспринять или рассказать об этом.

Хейнрик. Полагаю, что я напитан такой верой. И, чтобы ты познал, насколько твердо я держусь ее, добавлю одно сравнение, подходящее к этому рассуждению. Ибо я верю, что так же, как невозможно вычерпать изобилие моря так, чтобы казалось, что оно хоть на сколько-нибудь уменьшилось, так и человеческое рассуждение не в состоянии рассказать по достоинству или полностью о величии Вышнего Божества. Ибо можно, по силам вычерпывающего, почерпнуть из моря, но после того, как зачерпнешь воды, море не подает решительно никаких признаков уменьшения. Сходным образом также можно немного порассуждать и о Боге; но никакое рассуждение не может постигнуть глубину и величие Его Премудрости настолько, чтобы ее хоть сколько-нибудь можно было исчерпать. Ты знаешь, что я без сомнения держусь этой веры в Бога, которую я выразил в сравнении; потому, прошу, разъясни мне в некоторой степени то, о чем я выше спрашивал, а именно: согласно Псалмопевцу, “Милости Господней полна земля”, в то время как почти весь мир страдает от столь великой тяготой скорбей и несчастий, а также и немощи человеческой.

Отлох. Хотя сначала я ужаснулся такому вопросу, ныне уже начинаю получать от него удовольствие, ибо вижу, что ты вооружен немалой верой. Но поскольку, чтобы открыто сообщить, что ты напитан святой верой, ты

прибегнул к доказательству путем сравнения, также терпеливо выслушай, когда и я поступлю таким же образом, ибо на подобный вопрос невозможно ответить иначе, чем чрез сравнение. Ибо, чтобы пролить свет на неясность вопроса, требуется какое-нибудь уподобление. Итак, нынешняя земная жизнь устроена Вышним Небесным Наставником наподобие школы, в которой изучается всевозможная премудрость. Ведь так же, как необходимо, чтобы в школе были разные роды учения, не для того, чтобы кто-нибудь, этим угнетенный, погиб, один или все вместе, но чтобы вид учения преподавался ученикам, смотря по тому, чего требует возраст или способности каждого; так и в этой жизни, которая есть величайшая школа, нужны многие орудия наставления, — ни одно не приготовлено для гибели, но все даны для преуспевания. Первое определение Божественной благодати касается того, чтобы все люди в своей немощи подчинялась повелевающему, будь он кроток или суров, так как люди никоим образом не могут оставаться самостоятельными; ведь много лучше и милостивее любым способом преградить путь спешащему к пропасти, чем соглашаться с ним.

Глава III. Бог некой особой благодатью попустил, чтобы благо и милость не были постоянны для человека

Хейнрик. Итак, почему же Бог, в то время как Он Всемогущ и, как написано, сделал все, что ни пожелал бы⁵², не создал человека настолько устойчивым и крепким, чтобы тот мог существовать без тех необходимых и тягостных наставлений, о которых ты говоришь? Ибо это кажется, скорее, неким знаком бессилия.

Отлох. Не должно оценивать все так, как кажется. Ибо Бог, будучи Всемогущим, справедлив и вместе с тем благ, и так как говорится, что Его воля предусматривает лишь справедливое и благое, и творит все это по заслугам. И хотя сказано, что Бог может сделать все, что хочет, должно обсудить, как то, что Он желал в отношении человека, в высшей степени справедливо и хорошо. Ибо читаем, что Всемогущий Бог сказал так, когда все творения лишь повелительным словом были созданы: “Да будет” [Быт 1, 3] то и то; когда же Он собирался создавать человека, словно бы вопрошая и размышляя об его превосходстве, упреждая действие Свое, сказал: “Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему” [Быт 1, 26]. И немного спустя Писание передает: “И сотворил Бог человека по образу Своему” [Быт 1, 27]. Эти слова нужно глубоко обдумать, ибо в них заключено то, каким достоинством Бог наградил человека, создавая его, и как бы Он хотел, чтобы человек жил.

Но обойдем молчанием знание и способность к разным добродетелям, которые, как мы верим, образу Божию, то есть человеку, присущи от рождения, только лишь скажем немного о свободной воле, которую, как верят, человек получил с прочими добродетелями. Кроме того, образ Божий не воспроизвел Бога, Который бесспорно наслаждается свободной волей. Писание свидетельствует еще и вот о чем, когда передает, что предписывал Бог: “От вся-

кого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него” [Быт 16–17]. Ибо в то время как созданному человеку что-то даруется, а что-то запрещается, открыто показывается, что он был поставлен перед свободным выбором. Созданный свободным, человек должен был выполнять повеления Того, от Кого он получил свободу. Итак, поскольку это было справедливо, воля Божия была дана для исполнения. Поэтому достаточно ясно, что неисполнение воли такого рода должно приписывать не Тому, Кто даровал свободу, а тому, кто, нарушил Божественное предписание.

Хейнрик. Когда я внимательно слушаю цепь твоих слов, удивляюсь, к чему они ведут.

Отлох. Я отвечаю на твои вопросы. Ибо сначала ты спрашивал, по какой причине Бог попустил таковые скорби в мире, затем, почему создал человека столь немощным. Ибо и то, и другое, как кажется, появилось по условию сотворения первого человека, и было также желательно обдумать происхождение этого человека, чтобы не было задано никаких лишних вопросов, после того как из происхождения будет познана причина.

Хейнрик. Да будет так, чтобы этот вот вопрос был отброшен как лишний, а именно: что в создании этого же первого человека, спрашиваю я, приписывается Божественной благодати, которой, как описывается, исполнена земля?

Отлох. Природа вещей не может быть познана иначе, чем чрез оппозиции, то есть противоположности. И потому, если желаешь познать милость Божию, ты прежде должен внимательно выслушать, что ей противоположно или противоречит. Ибо необходимо, чтобы любая вещь была познана. А такое знание, как представляется, есть различие, или противоречие, которое находим между какими-либо противоположными или противоречивыми вещами, как, например, между белым и черным. Ибо белое, описанное через белое, или черное, описанное через черное, нелегко познать; но и то, и другое познается чрез противоположный или разнящийся цвет. Так и милость Божию должно осмыслить чрез ее противоположность, то есть Божий суд. Ибо тогда мы понимаем и то, и другое, поскольку две эти вещи противоположны либо связаны друг с другом. Так благо еще объясняется при помощи противопоставления его злу, и всякая добродетель – противоречащему ей пороку. Итак, могли ли быть познаны или получить какую-либо награду смирение без гордыни, любовь без ненависти, целомудрие без распутства, воздержанность без чревоугодия, кротость без жестокости, терпение без обидчивости, истина без лжи и прочие добродетели без противостоящих им пороков? Ибо если не было бы никакой противоположности или разницы в вещах, никто бы не мог предаваться какому-то пороку, и никто не мог бы получить заслуженной награды за добродетель. И еще к тому же: если бы не было битвы, то не было бы и победы. А если бы не было никакой победы, ни на какую славу не следовало бы надеяться тем, кто должен был сражаться. И ясность солнечного дня без противопоставления ему темной ночи не была бы ни приятна, ни

драгоценна. Ибо ничто, кроме того, что кажется превосходнее в сравнении с другим, не является благодатным или ценным. Но так как сравнивать можно не менее двух предметов, то там, где нет в достаточной мере чего-то иного, с чем следует сравнивать, не будет благодати, а вместе и ценности. Потому и вопрос, что есть милость Божия, следует обдумывать чрез сравнение, или противопоставление, такого рода: достоинство ангельской природы и ее гибельное падение, в каком-то впервые был явлен суд Божий; а равно и грех первого человека, который можно загладить Искушением, когда Божия милость впервые проявилась на людях; а также и многообразные примеры сострадания Божия, потом явленные людям, насколько возможно, изучи, обращаясь к ним духом поочередно. И когда ты обдумаешь это в духе и поймешь справедливость наказания за провинности, ты, без сомнения, признаешь, что “милости Господней исполнена земля”.

Хотя еще весьма многие поколения мира сего по своим грехам осуждены справедливейшим судом Божиим, однако этот суд, как верим, свершился ради спасения других, как и спасение язычников произошло благодаря осуждению иудеев. Ибо обучение в такой школе не проходит без гибели некоторых, как и зерно отделяется при молотье от мякины, хотя мы надеемся, что кое-кто, кого мы видим осужденными в этой жизни, будут спасены в будущей.

Х е й н р и к. Ты уже достаточно объяснил, что бичи Божии необходимы и что их должно приписывать благодати более, чем каре. Но ты еще совершенно ясно показал, что и грех первого человека, который толпа невежд приписывает Создателю, должно относить к его же непослушанию.

(...)

Глава 11. Каким образом из-за греха одного человека погиб весь человеческий род. Трудность вопроса

Х е й н р и к. Не хочу, чтобы ты больше задерживался на этом, ибо ты достаточно объяснил, что нельзя сказать ничего, что было бы достойно Бога. Но остается иное, которое в зависимости от предшествующих обстоятельств побуждает мою душу к вопрошению. Ибо, когда вспоминаю, сколько много полезного ты вывел из причины первоначального греха, и сколь различными сопоставлениями, а также доказательствами ты наставил меня к познанию Божественной благодати, горю великой надеждой и такое вот спросить у тебя: каким образом весь род человеческий удостоился приговора осуждения, хотя согрешил один человек, как часто передает Священное Писание, например, таковые слова Апостола: “Посему, как преступления одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни” [Рим 5, 18]. Ибо я не сомневаюсь в справедливости Суда Божия, на нас осуществляемого, но весьма удивляюсь, каким образом чрез одного прегрешившего мы все удостоились осуждения. Потому прошу, чтобы ты каким-нибудь доказательством постарался открыть тайну этого вопроса, если она

не может быть открыта иначе, как выше ты открыл потаенное посредством множества доказательств.

Отлох. То, о чем ты просишь, столь велико, и столь неясно и трудно, что я страшусь остановиться на этом хотя бы в немногих размышлениях. Ибо написано: “Что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй: ибо не нужно тебе, что сокрыто” [Сир 3, 21–22].

Хейнрик. Признаю, что это так, как ты говоришь. Но поскольку, напротив, написано: “Все возможно верующему” [Мк 9, 23], и снова: “Сила Божия ко спасению всякому верующему” [Рим 1, 16], то я верю, что ты можешь чрез Божественное вдохновение воодушевиться к разрешению вопроса такого рода: пожалуйста, попытайся, насколько сможешь, рассказать мне о том, чего я допытываюсь.

Отлох. С какой бы ты верой ни искал ответа, тяжело и затруднительно мне выполнить то, о чем ты просишь. Но, помня то слово, которое Господь сказал некой уверовавшей: “Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему” [Мф 15, 28], и почерпнув в них твердое упование, приступлю к рассмотрению, укрепленный более силами твоей веры, чем моего знания. И прежде всего скажу, что сначала тебе необходимо овладеть многими словесными приемами, чтобы тем самым, постепенно поднимаясь к познанию тонкости столь значительного вопроса, ты приведен был наконец к истине столь более подобающим образом, сколь более ты стал сведущ.

{...}

Глава 17. Предлагается вопрос о четырех судах Божиих

Хейнрик. То, что я слышу, удивительно. Подобно неким заклинаниям, сказанное поражает меня настолько, что, если прежде нетерпеливым духом я требовал от тебя ответ на какой-нибудь вопрос, ныне вынужден оставить его и с тем же неугасимым интересом исследовать, предложив, нечто другое и неизведанное. О, если бы благодаря такого рода исследованию я удостоился бы проникнуть в более высокое и исследованное ранее!

Отлох. Конечно, да будет то, чего ты желаешь, если, однако, будешь любознательным и усердным слушателем того, о чем необходимо прежде сказать.

Хейнрик. Всячески за это тебя благодарю. Ныне, поскольку ты так заботишься обо мне, объясни то, о чем ты совсем недавно рассказывал, а именно: каковы суть справедливые суды Божии, которые необходимы, которые еще настолько сокровенны, что их невозможно познать никоим образом.

Отлох. Объясню, насколько будет благосклонен Податель всех благ. Итак, когда ты услышишь или прочтешь, что суды Божии справедливы, внимательно выслушай сперва, что людской обычай воспринимает как справедливое, истинное и необходимое. Ибо Бог не оставил человека, которого сотворил по Своему образу, настолько бесчувственным, чтобы тот не смог до некоторой степени исследовать и понять это. И когда ты исследуешь отдельные случаи и раскроешь их тайну, воздай Богу благодарение наилучшим образом, как на-

ставит тебя раскрытая тайна. Ибо Судия не требует от тебя знать ничего сверх этого. Но чтобы мы обсудили это более пространно, скажем: все справедливое есть истинное, и все истинное – справедливое. Известно также, что все справедливое и все истинное необходимо. Однако они различаются тем, что все справедливое и истинное должно относиться лишь к Богу, необходимое же относим к творению. Ибо Бог не нуждается ни в чем; в Боге же нуждается все сотворенное. Итак, сказав об этом, увидим, как суды Божии, которые вообще все справедливы и необходимы, могут называться, однако, по-разному: одни – справедливыми, а другие – необходимыми, некоторые же – справедливыми и вместе с тем необходимыми, а иные – еще и сокровенными. И так как все суды разделяются на четыре вида, поговорим, насколько Бог удостоит даровать, об отдельных видах, полагая на первое место справедливые, на второе – необходимые, на третье – справедливые и вместе с тем необходимые, каковые еще все пребывают очевидными, на четвертое же место, сокровенные суды Божии. Все то, что мы называем очевидными судами, некие люди могут признать таковыми: справедливыми из предшествующих, необходимыми же из последующих обстоятельств. Те же суды мы называем сокровенными, которые не могут с очевидностью показать из предыдущих и последующих причин, каковы они и каким образом совершены, но нам лишь должно верить, что они справедливы, ибо поскольку Богу будущее известно, словно прошедшее, Он может справедливо судить о том и о другом. Среди этого всячески должно исследовать, что людской обычай называет справедливым или необходимым. Ибо мы знаем, что Бог подает лишь тот род речи, который обыкновенно постигает человеческое знание, ибо и Он пользуется законами нашей речи, сколько бы раз ни подавал знамение касательно чего-либо.

Хейнрик. Хотя то, что ты говоришь, неясно, согласия слов кажутся, однако, приятными и нравственными. Потому продолжи то, что ты начал, до тех пор, пока я не смогу понять их.

Отлох. Мы уже сказали, что все справедливое еще и истинно, и все истинное справедливо, и что все истинное и справедливое необходимо, и на сколько бы видов ни разделялись суды Божии, понять можно только смысл некоторых из них. И так как мы не умеем говорить о Боге никакой иной речью, кроме человеческой, ныне посмотрим, что у людей называется справедливым или необходимым, чтобы мы могли познать Божественные суды посредством человеческой справедливости, и так подтвердим отдельные предложенные нами виды Божественных судов прибавленными примерами.

(...)

Глава 19. Примеры первого вида Божественных судов, которые называются справедливыми

Отлох. Итак, поскольку, согласно вышесказанному рассуждению, справедливость Божия может быть до некоторой степени исследована, желательного лишь, насколько возможно, разъяснить о Божественных судах то, что я,

побуждаемый тобою, пообещал, а именно: какие суды особенно справедливы и вместе с тем необходимы, какие еще называются сокровенными и по каким признакам познаются именно эти суды. Но поскольку мы пообещали эти же суды, разделенные на четыре вида, подкрепить по отдельности примерами, сначала назовем примеры первого вида судов. Итак, ты знаешь, что города содомлян и гоморрян были уничтожены судом Божиим?

Хейнрик. Конечно, я знаю, что они были разрушены судом Божиим.

Отлох. Можешь ты ли заключить, каким образом этот суд был справедлив?

Хейнрик. Нет, если не потому, что я верю, что суд Божий всегда справедлив. Ибо иначе не знаю, каким образом: или в этом разрушении, или где еще он справедлив, потому прошу, чтобы ты, упомянувший об этом, поставился бы мне это открыть.

Отлох. Разве ты не можешь обнаружить, что разрушению вышеупомянутых городов было предпослано некое наставление Божественного Милосердия?

Хейнрик. Как полагаю, никоим образом. Ибо, как читаем, никакой муж, напомнивший бы им о Законе Божиим, или проповедник, не был послан туда заранее, но за день до того, как города были разрушены, пришли, говорят, два ангела, по словам Писания: “И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома” [Быт 19, 1].

Отлох. Читай далее и, пожалуй, найдешь суды Божьи, которые совершились в том же месте; о них было дано знать в некоем предостережении, и потому они истинные и справедливые. Ибо из памяти твоей не должно изгладиться, что сказанное прежде справедливо и что оно совершилось ради праведника. По каковой причине с усердием обрати внимание на продолжение упоминаемого места из Писания, и обнаружишь, немного разобравшись, сколь справедливы были суды Божьи, совершенные в вышеназванных городах.

Хейнрик. Я не в состоянии найти то, что ты мне велишь, и потому прошу тебя открыть мне это.

Отлох. Разве после тех слов Писания, которые я привел ранее, не написано: “И вышел Лот и говорил с зятьями своими, которые брали за себя дочерей своих и сказал: встаньте, выйдите из сего места; ибо Господь истребит сей город. Но зятьям его показалось, что он шутит” [Быт 19, 14]?

Хейнрик. Я, конечно, помню, что это так написано, но каким образом чрез эти слова можно доказать, что суды Божественные – справедливы?

Отлох. Можно, и просто.

Хейнрик. Каким образом?

Отлох. Прежде всего тем, что Лот предостерег неких людей, чтобы они вышли из города, и предсказал, что сам город должен быть разрушен; все, кто слышал эти слова Лота, получили наставление с тем, чтобы избежать судов Божиих, о которых им сообщили. Но поскольку они не желали верить в предсказанное и приближающееся разрушение, очевидно, что они не желали

раскаиваться в своих позорных делах. Отсюда выводится и доказывается, что суд Божий справедлив и истинен, ибо Господь разрушил вышеназванные города не прежде, но после увещаний, которые оставлены были без внимания.

Хейнрик. Я уже более полно познаю, что должно понимать о справедливом суде. Однако, как кажется, нечто мешает моему пониманию истории о разрушении тех городов. Ибо там никоим образом не получили предостережения все жители; но, как читаем, все, кроме тех, кто вышел с Лотом, были осуждены.

Отлох. Божественный суд не ошибается, в отличие от человеческого, который в большинстве случаев заблуждается. Ибо хотя Бог, прежде чем кого-либо наставить, заранее знал, будут ли люди покорны Его наставлениям, тем не менее, Он, словно не знающий, предостерег некоторых, которые должны были погибнуть, призывая их к покаянию. Так сделал Он потому, что самим предостережением, оказавшимся недействительным, Он показал людям, что Он не ошибается в прочих судах, которые Он не открывает. Ибо Господь доказал на примере тех, кто был предупрежден и не обратился, что даже если и все были бы наставлены, они поступили бы также. Еще и иным способом доказывается, что, конечно, все так и произошло бы. Ибо прежде, чем два ангела пришли в Содом, они говорили с Авраамом и, как говорят, открыли ему грехи содомлян и гоморрян. После того как Авраам весьма долго слезно умолял о них Господа, он завершил свою долгую молитву, говоря: “Может быть найдется там десять 〈праведников〉?” [Быт 18, 32]. Отвечая ему, Господь говорит: “Не истреблю ради десяти” [Быт 18, 32]. Вот, ты слышишь из слов Божиих, что произойдет. Ибо Господь при помощи малого числа тех, кого Он знал как неисправимых, привел доказательство касательно всех.

Хейнрик. Какое бы сомнение об этом приговоре ни укоренилось во мне, открытое рассуждение его рассеяло. Ибо ныне все, что ты рассказал мне о справедливом суде Божиим, совершенном в разрушении вышеупомянутых городов, кажется мне столь очевидным, что удивляюсь, как я не понял того же самостоятельно из обстоятельств, изложенных в Писании. Следовательно, по праву читаем, по праву поем: “Праведен ты, Господи, и справедливы суды Твои: [Пс 118, 137]. И это вот: “Праведны и истинны пути Твои, Царь веков” [Откр 15, 3].

Отлох. Разве ты не понимаешь и то, что вышесказанный Божественный суд называется справедливым по причине предшествующих или последующих дел?

Хейнрик. Я уже ясно понимаю, что, по твоему мнению, всякий явный суд может быть доказан как справедливый на основании предшествующих дел.

Глава 20. Бог в неких очевидных судах являет, сколь справедливо Он судит в сокровенных судах

Отлох. Не хочешь ли, чтобы я обнаружил иной пример, при помощи которого равным образом можно доказать, что суды Божие справедливы?

Хейнрик. Всячески желаю этого и настоятельно прошу, ибо, насколько более откровенно ты объяснил мне вышеизложенное, настолько более ты подготовил меня желать услышать дальнейшее. Ибо я получаю равное удовольствие и от этих вопросов и от разъяснений, так что будь добр, насколько пожелаешь, терпеливо подожди отвечать на тот вопрос, о котором я всячески уже просил. Итак, продолжи начатое, ибо ты многое предложил для объяснения.

Отлох. Не хочешь ли послушать, каким образом справедлив этот вот суд Божий, который, как читаем, совершился в Красном море над фараоном и всем его войском?

Хейнрик. Как полагаю, хочу (...).

Отлох. Почему, спрашиваю, в высшей степени очевидно, что суд справедлив?

Хейнрик. По причине разнообразных чудес, и знамений, и предшествующих казней. Но и если что может быть еще более справедливым, чем справедливое, этот вот суд я называю в высшей степени справедливым, потому что ему предшествовали столь значимые увещающие знамения.

Отлох. Ты сказал весьма хорошо. Ибо чем более был справедлив суд Господень, тем суровее Он наказал Египет. Знай же, что всякий раз те, кто судимы таким судом, предупреждены были Господом какой-либо немощью или каким-либо наказанием, и они не желают обратиться от своих грехов.

Хейнрик. Суд, который совершается над презирающими увещания Милосердия, кажется в высшей степени справедливым.

Отлох. К двум рассказанным примерам прибавим и третий, чтобы ты признал с очевидностью, каким образом удостоверяется, что Божественные суды справедливы. К этому относится пример сообщества Корея, Дафана и Авирона, а также и прочих сынов Израилевых, которые, выйдя из Египта, погибли в пустыне. Справедливый суд Божий признает их всех вместе осужденными, ибо, как читаем, Господь всячески наказывал и предупреждал их. Между тем, должно поразмыслить еще о том, что и таковой суд Божий можно понимать как справедливый, когда осуждается кто-либо, предупрежденный или природным разумением или каким-либо знанием Божественного закона, но не обратившийся, как те, кто в первый век мира погибли от потопа. Ибо все они были осуждены только лишь в природном разумении, поскольку никакой закон еще не был провозглашен. Потому и Апостол говорит: “открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им; ибо невидимое Его... чрез рассматривание творений видимо” [Рим 1, 18–20]. В другом месте тот же Апостол, говоря о неких людях, мудрых от природы, объясняет более ясно что это, разумеется, правда: “Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея себе закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах” [Рим 2, 14–15]. Еще и такого рода рассуждением можно доказать,

что тот Последний и Страшный Божий Суд справедлив, ибо его предвещают различные наставления и наказания. Потому и Псалмопевец говорит: “Грядет Бог наш, и не в безмолвии” [Пс 49, 3]. И все, что становится явным, конечно же, имеет доказательство в различных знамениях того, что оно было предвозвещено. Итак, разве, основываясь на всем этом, ты не заключаешь, что, благодаря соответствующему различию, те суды, которым предшествует наставление или какое-нибудь наказание, называются справедливыми?

Хейнрик. От того, с чего ты начал свое рассуждение о таком различии, хотя до сих пор я не слыхал о нем, я немедленно пришел к убеждению, что оно непреложным образом присутствует в Священном Писании. Ибо, благодаря этому можно поразмыслить, почему в Священном писании суды Божии столько раз называются справедливыми, если не потому, что подразумевается некая причина их различия? Совсем не следует осуждать способность к рассуждению.

Проповедь на день св. Апостолов

Хотя во всем круге земном должны почитаться по праву все хоры святых мучеников и исповедников, мы верим, что апостолы достойны большего почитания; они, с самого начала избранные Господом нашим Иисусом Христом, удостоились получить власть, когда Он еще пребывал Плотью на земле. Мы верим, что они не только потому князья Церквей, что как основатели этих Церквей, уча и записывая предписания Господни, первыми утвердили их в этом мире, но еще и потому, что в Судный День они станут первыми судьями, как свидетельствует и Сам Господь, говоря им: “истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израелевых” [Мф 19, 28]. Так же и в другом месте Господь обращается к им, говоря: “И я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да едите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых” [Лк 22, 29–30]. К ним должно относиться с величайшим почтением еще и потому, что власть связывать и разрешать грехи людей, хотя, как мы верим, отчасти дарованная и другим святым, прежде всех особенно сообщена самим апостолам, и Господь говорит так: “Истинно говорю вам; что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе” [Мф 18, 18]. Кроме того, что мы уже сказали, повсюду можно найти слова, сообща сказанные всем двенадцати ученикам Христовыми, но подобающие каждому из них, которые записаны не только в Евангелии, но еще и в Деяниях апостолов и в Церковных историях; сие доказывает, что апостолы получили особую благодать чудес; на них весьма в величайшей степени исполнилось то, что сказал им наш Спаситель, как читаем: “Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит [Ин 14, 12]. Ибо пусть мы умолчим о прочих чудесах блаженного Петра, князя апостолов, достаточно рассказать об этом одном

чуде, а именно: на улицах полагали больных, “дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них” [Деян 5, 15], и они избавились бы от своих немощей. Как мы читаем, таковое никогда не делалось для нашего Господа, ибо, согласно Его обетованию, истинно верующий в Него, а именно блаженный Петр сделал большее чудо, чем Христос. Кому, спрашиваю, Он открыл что-либо подобное, если не ученику? То же, что мы скажем об одном апостоле, скажем и о прочих, хотя мы читали не обо всех их деяниях, мы верим, что их деяние в некотором роде есть чудо. Ибо хотя Господь дал многие дары всем, верующим в Него, особенно, однако, даровал их апостолам, которых Он наставлял, будучи во Плоти. Потому же, что мы не сможем подробно рассказать об особых чудесах всех учеников Господних, мы скажем о некоторых их деяниях, сохраненных нашей памятью, которые, как мы полагаем, должно отмечать на их празднествах и восхвалениях торжественнее, чем прочие праздники. После Петра по заслугам сначала должно поведать о Павле. Хотя он и не был предназначен войти в число двенадцати апостолов, избранных Иисусом Христом, когда Он был во Плоти, однако, благодаря равной заслуге посредством высшего призвания и удивительного учения, был принят в апостольскую общность и стяжал имя апостола. И, как представляется, тем, что в то же время, когда блаженный Петр начал проповедовать, Павел сам сделался проповедником и в один и тот же день удостоился пострадать с ним в одном месте, такая заслуга его вполне доказана. Блаженный Павел настолько превзошел величием своих добродетелей почти всех людей, что по изобилию и мудрости своего проповедания был наречен Учителем и Наставником многих языков [1 Тим 2, 7], а также из-за чистоты жизни, еще во плоти, был восхищен до третьего неба [2 Кор 12, 2]. Затем перейдем к особенной похвале апостолу Андрею, брату Петра, которого вместе с ним наш Спаситель удостоил призвания в таких словах: “Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков” [Мф 4, 19]. Впоследствии, конечно, он совершил эту рыбную ловлю тем действеннее и благоразумнее, чем более был предназначен к ней Учителем всяческих. Ибо, как передают заслуживающее доверия Предание, апостол Андрей приобрел Господу сетями своего проповедания весьма великое множество людей в Ахайской провинции, и умирая этого призвания он держался до последнего своего крестного страдания. Но мы потому прибавили этот рассказ, чтобы показать в нем некое преимущественное право благодати; ибо велико то, что он удостоился чрез крестную смерть приравняться Христу. Затем должно почтить хвалой старшего Иакова, а именно: брата Иоанна Евангелиста; они оба были рождены отцом Зеведем и первыми вместе избраны Господом после блаженного Петра и брата его Андрея. Кроме того, как рассказывается в Евангелии, поскольку мать их, придя к Иисусу, настойчиво попросила, чтобы один сидел по правую и другой по левую Его руку, ей Господь ответил: “Не знаете, чего просите” и добавил, спросив обоих: “Можете ли пить чашу, которую я буду пить?” И когда они ответили: “Можем”, услышали далее: “чашу Мою будете пить” [Мф 20, 20–23]. Мы верим, что в сей чаше, которая понимается как изображение страдания

Господня, этот Иаков, о ком мы говорим, получил огромное право заслуг, ибо он первым из апостолов одержал победу мученичества. После него по порядку, но не по заслугам идет меньший брат его, Иоанн, избранный девственник Божий и величайший евангелист; нам должно похвалить того, кому в особой степени были дарованы столь великие добродетели, так что, как мы полагаем, способность человеческого разума не может снискать ничего, что его достойно. Однако если мы не можем найти достойные слова, это не означает, что о чудесах его должно нам совершенно умолчать; ибо сама наша немощь, пожалуй, выдает величие его славы. О сколь велико должно быть почитание его, ибо его особенно возлюбил Господь, ибо этому девственнику на Кресте, уже умирая, вручил Он Свою Матерь, то есть Приснодеву. Кто не согласится, что следует почитать того, кто, удалившись на остров Патмос, удостоился не только проникнуть взором в тайны Неба, но и открыть их на письме миру? Также Иоанну досталось ни с чем не сравненное преимущество, ибо он отразил по настойчивой просьбе святых Азийских отцов чрез Божественное слово Евангелия все возникшие в то время козни еретиков. Когда завершилось время его нынешней жизни, он, говорят, живым вошел в могилу, находился в ней, не умирая, но, словно почивая, и так завершил последний день жизни земной. Если кому-нибудь будет угодно, пусть он сам с собой сие по отдельности обдумает и тогда поймет преимущество его даже перед учениками.

Пожалуй, и Фома носит особые венцы, ибо, касаясь собственными руками истинной Плоти и ран Господа нашего после Его воскресения, всех верных он избавил от недугов неверия [см. Ин, 20; 27–28]. Равным образом должно чтить еще и другого Иакова, конечно, того, которого Святое Писание называет и праведным из-за чистоты жизни, и братом Господним [Гал 1, 19] по причине родства по плоти. Он зовется сыном сестры Святой Девы Марии. Сей Иаков, кроме вышеназванного кровного родства с нашим Спасителем, по причине которого он удостоился весьма великой и особой чести, возростал от чрева матери в таковом величии заслуг, что не пил ни вина, ни сикера, не ел привычного всем мяса животных, не умащался маслом и не пользовался баней. Но и Матфей, призванный от сбора пошрины, не был лишен особых даров добродетелей, ибо, сразу же, как только его призвал Господь, тотчас удостоился усладить Его гостеприимством в своем доме, а равно, когда из мытаря сделался евангелистом, подал величайшую надежду всем верующим на обращение. Лука и Марк сами также были сильны и славны, ибо писали Евангелия, хотя передают, что они не были в числе двенадцати учеников; однако их тем более должно почитать, поскольку, благодаря предвидению Божью, следует признать, что они были предизбраны как свидетели истины. И тебя, святой Матфий, искавший благочестивого жребия, должно по заслугам чтить всем людям, поскольку ты, конечно, имеешь великое право называться святым. Остаются четверо из двенадцати апостолов, а именно: Филипп, о котором упоминается и в Евангелии, и день памяти которого празднуется вместе с Иаковом Младшим, равно и Варфоломей, который, как говорят, пос-

лан был в далекую Индию, а также Симон и Иуда, по прозванию Фаддей, брат только что помянутого Иакова; их дни памяти мы также отмечаем. Хотя, говорю, мы не удостоились знать о каких-либо чудесах, совершенных ими, кроме как об их страданиях, в известной мере общих с прочими святыми, но должны мы восхвалять и вместе прославлять особым возданием почестей не только всех двенадцать учеников, но и семьдесят двух других, ибо наш Спаситель изволил избрать их и просветить Своим учением прежде прочих людей. Ибо сколь меньше мы можем почитать подобающим образом Того, Кто пребывает Весь надо всеми и во всех, столь больше мы неустанно и усердно посвящаем себя хвалам и торжественным служениям Его святым и особенно апостолам, дабы благодаря их заступлению мы удостоились стяжать отпущение грехов и избегнуть различных, угрожающих нам опасностей для души и тела. Ибо поскольку негоднейший враг насылает ныне нам козни более, чем в предшествующее время, какое же достаточно действенное средство против того мы можем найти, если не просить даже и не призывать на помощь особенных заступников? Ибо врага укрощают сильным ударом. Вот почему, возлюбленные отцы и братия, празднуя день всех апостолов Христовых, будем, насколько возможно, подражать их учению, а равно и добродетелям, чтобы и они защитили нас от опасностей настоящей жизни и на будущем страшном испытании, где они сделаются судьями, присудили, чтобы мы, отделенные от злых, поставлены были вместе с добрыми, водительством Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцом и Святым Духом царствует до конца времени непреложно. *〈Аминь〉*.

Послание досточтимого Отлоха, монаха св. Эммерама, “О допущении причин добра и зла”

Начинается послание Отлоха к его другу о том, почему Бог разрешает, чтобы людям на долю выпадало добро и зло.

Поскольку возраст мой входит в вечернюю пору, и уже день, который в был дан мне когда-то по милости Божией, чтобы научиться писать и сочинять, клонится к закату, не могу – увы мне! – ныне произнести таковые слова, которые соответствовали бы или Вашей мудрости, или достоинству. Однако из-за того, что любовь Ваша смиренно ищет писаний моей худости, приступаю, чтобы как-нибудь Вам повиноваться, и, конечно, подчинясь, желаю изъяснить ту же любовь, какую и Вы явили в просьбе. Ибо, что может быть слаше или приятнее, чем любовь, которая прославлена настолько, что сам Бог, как говорят, есть любовь? [1 Ин 4, 16]. Потому, прошу, пусть Вам будет угодно, чтобы я, насколько смог бы, побеседовал здесь об этой любви и, согласно Псалмопевцу, сказал: “Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе” [Пс 33, 4]. Нами во всех отношениях заслуженно прославляется Тот, Кто нас и по подобию Своему создал, и над всеми видимыми вещами поста-

вил. Не подлежит сомнению, что Его должно любить, ибо после того как мы согрешили грехом первого человека, Он не осудил нас по могуществу Своему и не по заслуженному нами, но по милости Своей послал нам, словно Отец, страдающий сыновьям, Совечного Себе Единородного для нашего восстановления, чтобы, наставленные Его спасительным учением, мы и принесли покаяние, и стяжали блаженство вечной жизни. Мы кратко рассказали об этом потому, что таковы суть известнейшие благодеяния Божественного Милосердия. Ныне угодно нам более обстоятельно рассказать о том, что значительно более непонятно и некоторым людям неизвестно, а именно: как в том, что кажется дурным и совершенно противоположным нашему спасению, присутствует любовь и премудрость Божия; и мы можем узнать, что и вся земля, как свидетельствует Псалмопевец, “полна милости Господней” [Пс 32, 5].

Итак, мы не можем вполне познать какие-либо блага иначе, чем посредством противоположных и противопоставленных им зол. Ибо, если ты богат или здоров, ты никогда не будешь бояться, что тебя будет угнетать какая-либо бедность или немощь, и не задумаешься, каковы блага суть богатство и здоровье, и не постарайшься возблагодарить Бога за такого рода дары. Если же ты противопоставляешь сим дарам немощь и бедность многих, задумаешься о милости и суде Божиим и, конечно, сможешь признать Его дары. Дары Божии познаются потому, что они суть дары, что подчас они отнимаются и что различаются благодаря природе противоположного.

Потому вполне очевидно, что должно приписывать Божественной милости и любви как несчастье, которое называется злом, так и процветание, которое обычно называется добром, и за них должно любить Бога, Который имеет обыкновение и утешать нас посредством преуспевания, и исправлять нас посредством несчастья. Чтобы блаженный апостол Павел не превознесся в весьма многих имеющихся у него добродетелях, Господь попустил ему потерпеть избиение. Много милосерднее, конечно же, было, чтобы, угнетаемый несчастьями, святой апостол был спасен, чем если бы, оставленный в преуспевании и по этой причине впавший в гордость, он был бы осужден за такое преступление. Итак, здесь дается понять, что несчастье, в котором нуждался столь великий муж, необходимо всем людям. Конечно, Псалмопевец понял это именно так, когда со слезами молился, говоря: “Доброму разумению и ведению научи меня; ибо заповедям Твоим я верую” [Пс 118, 66]. Снова ощущая, сколь ему было полезно такого рода учение, он восхвалил Бога и сказал: “Благо мне, что я пострадал” [Пс 118, 71].

Должно обдумать и другую причину Божественной любви в многообразии добрых и злых дел. Ибо, поскольку Божественная благодать сообщила человеку право свободного выбора с тем, чтобы всякий испытывался, хочет ли он быть вовлечен в добрые или злые дела, необходимо было, чтобы перед ним полагалось доброе и злое; и он познал бы себя самого в отношении к добру и злу и получил бы основанное на опыте знание своего характера, чтобы он не мог иметь никакого сетования на Бога по той причине, что ему не была дана способность

поступать правильно. Итак, всегда должно размышлять о таковой великой любви и премудрости Божией, всегда должно почитать и любить Его и всегда удивляться тому, что во всем, творимом Богом, ничто не существует без причины. Ибо многообразие в творимом Богом существует либо потому, чтобы, как я уже сказал, легче было бы познавать те противоположные друг другу блага, за каковые мы принесли благодарение Господу, и признать всем сердцем, что это Он дал их нам; либо потому, что мы, поставленные перед выбором, имеем возможность поступать хорошо или дурно. Должно непрестанно размышлять еще о причине Божественной премудрости и любви, скрытой в творениях и различных вещах, которая хотя в известной мере относится к вышесказанному, однако несет в себе нечто особенное. Ибо я говорю, что величайшие премудрость и любовь заключаются в том, что Бог попускает и справедливый суд, по которому испытывает, впадает ли человек в грех, и милость, которой изволил его восстановить, в творениях или вещах, Себе противоположных, потому Он ежедневно побуждает, ежедневно возвещает, чтобы всякий человек, признавая суд, которого удостоился, прибегал к оказанной милости и отвращался от злых дел. Чтобы объяснить это, приведем примеры. В самом деле, всякое творение, которое нам противодействует, как лев, волк и мыши, и вся низменное, которым мы окружаем себя по плоти, а также пороки, которые духовно властвуют над нами, указывают на справедливый Суд Божий, совершающийся на нас посредством преступления первого человека; а собаки и овцы, и прочие животные, дарованные людям в помощь, и дары всех добродетелей, которые мы воспринимаем, являют невыразимое распределение непрестанно о нас пекущейся Божественной милости. И так устроено, что все, происходящее на земле, имеет причиной или наказание за первое прегрешение, или Божественную милость. Из них одно учит нас бояться Бога, а другое – любить Его. Так что пусть тот, кто желает избежать вечной муки, прибегает ныне к милости Божией, научаясь, во-первых, Его бояться, а затем – любить.

Итак, обдумывая это все, Псалмопевец с восхищением сказал: “Как многочисленны дела Твои, Господи! Все сделал Ты премудро” [103, 14]. Здесь он снова говорит иными словами: “Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это” [138, 14]. И нам подобает непрестанно обдумывать эти удивительные дела и вместе с тем должно рассказывать о них другим, кому нужно и кто изволит слушать. Любовь же, которую Господь явил нам, просвещая наши сердца, мы также должны явить другим людям, наставляя их, чтобы, когда придет время плача, они бежали от будущего гнева, искали Господа, когда можно найти Его, призывали Его, когда Он близко [см. Ис. 55, 6]. Ибо ныне, когда обращенным предлагается милость, близок Господь всем, призывающим его в истине [Пс 144, 18]. Тогда же, когда Он явится как Строгий Судья, Он будет далек от грешников, ибо не услышит мольбы никакого грешника.

Чтобы избегнуть Суда, позаботиться нужно нам ныне,
Милости время теперь, как мы верим, даровано людям.
Всех я обдумать прошу то, о чем вы сейчас прочитали.

Молитва грешника

О, Единственная Надежда, о, Вечное Спасение и Прибежище на Тебя надеющихся, Боже! помилуй меня, несчастного и грешного, ищущего защиты благодати Твоей. Помогни мне, Господи, и внемли моим молитвам, которые я стараюсь принести, уже не надеясь на какие-то мои заслуги, но твердо уповаю на одну лишь безмерность Твоего милосердия. Просвети, прошу, во-первых, сердце мое, чтобы я, немного размышляя о многообразии Твоей благодати и моей негодности, желал всегда оплакивать и исправлять то, что до сих пор содеял против Тебя, достойным плачем покаяния. Затем молю, Господи, чтобы Ты угасил всякую нечистоту, всякое тщеславие или заблуждение, какое постарается во мне разжечь негоднейший враг, и возжег во мне горячность к Твоему закону и любви, чтобы Ты внушил моему сердцу тот голод и жажду, которыми я мог бы пылать, соблюдая Твои заповеди и желая радостей вечной жизни. Ибо хотя чрез дары Твоей благодати я знаю, что радости вечной жизни должно предпочитать всей веселости сей земной жизни, хотя я научен желать и искать их различными способами, но никакое знание мне не полезно, если Ты не привлекаешь меня к ним непрестанно восполнением Твоего внушения и не подаешь мне намерение, а также случай, равно как и силы, жить добродетельно. Ибо легкая слабость и упадок может воспрепятствовать во мне, немощном и небрежном, – увы! – всему намерению благочестия. И потому, Милосерднейший Господи, предвидя во мне эту немощь, сделай меня настолько невредимым и здоровым в жизненной силе и внутреннего, и внешнего человека, чтобы я был весел и усерден во всем стремлении служить Тебе и мог вынести все труды, которые в веке сем мне должно непрерывно исполнять и ради приумножения Твоей славы, и ради раскаяния в своих грехах, и еще ради нужд других людей. Наконец, я знаю, что у Тебя есть много воинов столь великой добродетели и столь великой верности; хотя весьма многие немощи и тяготы, угнетая, препятствуют им, тем не менее, они весьма усердны и стойки в исполнении Твоих предписаний. Они совершенны, Господи, хранимые Твоей благодатью, и избраны воинами силы Твоей; а я, угнетаемый всевозможной немощью и малодушием, как принуждаю меня к тому мои грехи, едва пребываю в небольшом усердии служения Тебе, если у меня есть всякое здравие и преуспевание. Потому прошу, Милосерднейший Господи, не позволяй тяготе немощи или несчастья угнетать меня более, чем это, как Ты знаешь, подходит моему устройению. Поддержи меня, немощного и нестойкого, до тех пор, пока я не обращусь к Тебе хоть немного; итак, утверди меня таковой верой и надеждой, чрез которые я, будучи твердо уверен в Твоих обетованиях, не впаду ни в какие опасности неверия, уныния и вреда. К этому также даруй мне, молю, таковую любовь, страх Божий, смирение, а также терпение и послушание, какие я должен оказывать сначала Тебе, Всемогущий Господи, затем и всем людям, среди которых когда-либо мне случались бы жить. Удали от меня, Господи, тщеславие, а равно и наслаждение

всякой мирской славой, и дай мне некую долю духовной мудрости; чтобы мудрость сия была со мной и трудилась со мной, чтобы я знал, что приятно Тебе во всякое время. Не припомни, молю, грехи юности и невежества моего, но по милосердию Твоему помяни меня, Господи. Также, прошу, даруй мне, бодрствующему и спящему, таковую чистоту ума и тела, чтобы я был достоин приступить к службе в алтаре и ко всему прочему служению и мог бы сам совершить его приемлемым образом: ибо от самого себя я не имею ничего хорошего и не могу получить ни от какого человека дар какой-либо добродетели. Потому услышь меня, несчастного, Господи Боже, Который Один лишь можешь все, и нам велишь призывать Тебя ради нужд наших; даруй, чтобы я удостоился сделаться причастником тех добродетелей, которые я уже назвал в молитве, и всех прочих, без которых Тебе никто не может угодить. Но хотя столь великие дары Твоего Милосердия я не могу снискать и сохранить никакими собственными стараниями и никаким достойным трудом, молю, даруй мне их чрез Святейшее Рождество и Страдание Твое, Господи Иисусе Христе, а равно чрез Досточтимый Крест, на Котором Ты ради спасения мира изволил висеть, и чрез Воскресение и Вознесение Твое, еще и чрез Благодать Святого Духа. *〈Аминь〉*.

¹ *Гораций*. Послания. I, 11, 27 / Пер. Н. Гинцбурга.

² *Ювенал*. Сатиры. XIV, 139 / Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского.

³ “Дистихи Катона”. II, 19, 2.

⁴ *Гораций*. Послания, I, 2, 40 / Пер. Н. Гинцбурга.

⁵ “Дистихи Катона”. I, 10, 1.

⁶ *Гораций*. Послания, I, 10, 47 / Пер. Н. Гинцбурга.

⁷ Там же. I, 2, 57 / Пер. Н. Гинцбурга.

⁸ Дистихи Катона”. II, 4, 2.

⁹ *Гораций*. Оды, II, 10, 9 / Пер. З. Морозкиной.

¹⁰ *Гораций*. Послания, I, 2, 56 / Пер. Н. Гинцбурга.

¹¹ *Св. Вольфганг* (ок. 934–994) – епископ Регенсбургский (Бавария) с 972 г. Считается одним из трех великих немецких святых X в. наряду со св. Ульрихом (ок. 890–973), главой Церкви в Германии, епископом Аугсбурга, и св. Конрадом (ок. 900–975), епископом Констанцы, приближенным Оттона I, который, при всей близости ко двору, занимался не политикой, а делами своей диоцезы.

¹² Не совсем точная цитата из сочинения блаж. Августина “О Троице” (PL 42, 873).

¹³ *Аратор Субдиакон*. О деяниях апостольских (PL 68, 175, 202).

¹⁴ Монастырь Рейхенау.

¹⁵ Ок. 950 г.

¹⁶ *Генрих I* (ум. в 964) – архиепископ Трирский с 956 г. Происходил из знатного рода Бабенбергов, которые, имея титулы графов и герцогов, правили областями, входящими в современную Австрию, с 976 по 1248 г.

¹⁷ Стефан был родом из Новары (ныне столица провинции Новара в Пьемонте, на северо-западе Италии).

¹⁸ *Марциан Миней Феликс Капелла* (1-я пол. V в.) – писатель-энциклопедист, ритор, философ, известный, в основном, как автор трактата, посвященного семи свободным искусствам, представленным в аллегорических образах юных невест. Сочинение это было весьма по-

- пулярно в Средние века, так как в нем рассказывалось о предметах, составлявших основу средневекового образования.
- ¹⁹ В 956 г.
- ²⁰ Ювенал. Сатиры. VII, 157 / Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского.
- ²¹ Ок. 964 г.
- ²² Брунон I Великий (925–965) – младший брат Оттона I Великого, архиепископ Кельнский с 953 г., герцог Лотарингский с 954 г.
- ²³ Вергилий. Энеида. XII, 59 / Пер. В. Брюсова.
- ²⁴ Блаж. Иероним Стридонский. Послание к Гелиодору (PL 22, 594).
- ²⁵ Монастырь Айнзидельн в Швейцарии, в современном кантоне Швиц.
- ²⁶ В 960–996 гг.
- ²⁷ Имеется в виду разделение на семь “свободных искусств” (букв. “науки, основанные на авторитетах”), а также практические знания (медицина, архитектура, география, сельскохозяйственная наука) и, вероятно, некое духовное руководство.
- ²⁸ Св. Ульрих Аугсбургский (890–973) – епископ Баварский.
- ²⁹ Регенсбург, в Баварии.
- ³⁰ Св. Максимин (ум. в 346) – пятый епископ Трирский, противник арианства; принимал у себя в Трире св. Афанасия Александрийского, находившегося в ссылке (в 336–337 гг., еще до своего епископства, и в 343 г.).
- ³¹ Блаж. Рамвольд (ок. 900–1000/1001) – сначала член братии монастыря св. Максимиана в Трире, духовник архиепископа Трирского, с 975 г. настоятель монастыря св. Эммерамма в Регенсбурге.
- ³² Наместник, занимающий в монастыре второе место после настоятеля.
- ³³ Имеется в виду Оттон II.
- ³⁴ Акциденция – философский термин, означающий несущественное, изменчивое, случайное, которое может быть опущено без изменения сущности вещи (несущественное свойство вещи).
- ³⁵ Гомилия на Евангелие, 26 (Свт. Григорий Великий. Творения. М., 1999. С. 231).
- ³⁶ 973 г.
- ³⁷ Генрих II Стротивый (951–995) – герцог Баварии, племянник Оттона II.
- ³⁸ Речь идет о Генрихе II (973–1024) – императоре Священной Римской империи (с 1014), короле Германии (с 1002), герцоге Баварии (с 995), о его брате Бруноне, епископе Аугсбурга (ум. в 1029), об их сестрах: Гизеле (ум. в 1065), с 995 г. жене Иштвана I Святого, или Великого (970/975–1038), короля Венгрии, и о Бригитте (ум. после 1004).
- ³⁹ Ныне Альтеглофсхайм в составе района Регенсбург, Бавария.
- ⁴⁰ Священник совершал обряд крещения, епископ же “закреплял” крещение, совершая таинство миропомазания.
- ⁴¹ В 978 г.
- ⁴² Айхштадт в Баварии.
- ⁴³ Верхняя Австрия.
- ⁴⁴ Р. Дунай.
- ⁴⁵ Ныне Пуппинг в районе Эфердинг (Верхняя Австрия).
- ⁴⁶ Св. Отмар (ум. в 759) – один из наиболее почитаемых святых в монастыре Санк-Галлен, построил в 716 г. монастырь на месте подвигов св. Галла (ум. в 650).
- ⁴⁷ 31 октября 994 г.
- ⁴⁸ Епископ Зальцбурга.
- ⁴⁹ “О жизни италийских отцов и о бессмертии души”, кн. 2, гл. 38 (см. Свт. Григорий Великий. Творения. С. 542).
- ⁴⁹ Блаж. Августин. Пересмотры (PL 32, 586).
- ⁵⁰ В синодальном переводе передано как “изгоню”.
- ⁵¹ Ср. Пс 113, 11 “Бог наш на небесах и на земле; творит все, что хочет”.

Эккехард IV

Эккехард IV родился в 980 г. в Эльзасе. Он рано пришел в Санкт-Галленский монастырь. Одним из его учителей был Ноткер Лабеон, научивший его писать стихи на церковные сюжеты. После смерти Ноткера (в 1022 г.) Эккехард уехал в Майнц, где был учителем в соборной школе. Там по предложению архиепископа Арибона он стилистически исправил латинские стихи поэмы Геральда “Вальтарий”. В 1034 г. возвратился в Санкт-Галленский монастырь, где и умер в 1060 г.

Из сочинений Эккехарда известны: “Liber benedictionum” – коллекция поэм и песнопений для церковных торжеств и в честь святых монастыря, эпитафия Арибону, написанная в 1031 г., и “История Санкт-Галленского монастыря” (“Causa Sancti Galli”), написанная по просьбе братьев по монастырю как продолжение хроники Ратперта, законченной им на 883 году. Эккехард изложил события из жизни монастыря дальше, до 973 г. Начинается книга со времени Саломона III и кончается последним годом правления Оттона I. События, заключенные в этих пределах времени, размещены в книге без соблюдения строгой хронологической последовательности и во многом лишены исторической достоверности. Ведь главным источником сочинения была устная монастырская традиция и рассказы очевидцев. Тем не менее, сочинение чрезвычайно своеобразно и любопытно как образец, едва ли не единственный в это время, бытописательной литературы. Главные его достоинства – непринужденность изложения, жизненность образов, наглядность и красочность описания, богатство содержания. Эккехард рисует самые разнообразные картины культурно-бытовой жизни монастыря, приводит любопытные детали быта и нравов обитателей монастыря, рассказывает о буднях и праздниках, об обучении в монастырской школе, о приемах знатных гостей, о забавных происшествиях местного характера и о событиях исторических (например, о вторжении в монастырь венгров), о днях процветания монастыря и о случившихся там несчастьях (среди которых был, например, пожар в 937 г.).

Примечательна удивительная жизненность характеров некоторых героев книги: аббатов и монахов, учителей и учеников, например Ноткера, Ратперта, Туотилона, о которых Эккехард говорит с величайшим почтением. Но рядом с выдающимися монахами рисует Эккехард и самых простых, порой недостойных – лицемерных, тупых, заносчивых, хитрых (таких, как Синдульф или Сандрат), которых он осуждает и над кем посмеивается (Герибальд). Юмор – неотъемлемая черта таланта Эккехарда и его истинное украшение, так же как и умело примененный живой диалог героев. Сочинение иллюстрировано цитатами, сравнениями и сентенциями из Библии и античных авторов: Вергилия, Цицерона, Саллюстия, Квинтилиана и др. Главный элемент сочинения Эккехарда – анекдот, а не исторически верный рассказ, и в этом его недостаток как исторического источника, но и его достоинство, обеспечивающее ему литературную неповторимость.

Эккехард в своем сочинении не касается современности, и потому уверенно судить о его взглядах на жизнь и его отношениях к различным злободневным вопросам невозможно. И все же сама эта обращенность в прошлое, прославление предреформенных времен блеска и процветания монастыря, по-видимому, скрывает скептическое отношение Эккехарда к современности, неприятие им новшеств реформы, проводимой в его время аббатом Норпертом (1034–1072), “под управлением которого мы теперь живем, не так, как мы этого якобы хотим, но так, как можем”, – говорит Эккехард в предисловии к книге.

Недостаток сочинения Эккехарда в неясности его языка, что вызвано сильной риторической окрашенностью стиля, избытием стилистических фигур. Впрочем, по утверждению исследователей стиля Эккехарда, его затемненность – это художественная манера, она предумышленна и даже лежит в основе всего сочинения, являясь риторическим искусством. В латинском языке Эккехарда встречаются тевтонизмы, а то и целые немецкие выражения. Но ценность Эккехарда, как одного из лучших рассказчиков средневековья, остается неоспоримой.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 157–166.

История Санкт-Галленского монастыря [Ноткер, Ратперт и Туотилон]

33. Я начинаю общий рассказ о Ноткере¹, Ратперте и Туотилоне², учениках Изо и Марцелла³, ибо у них, несомненно, было одно сердце и одна душа, как мы слышали это от отцов, словно трое составляли одно целое. Основательно обучившись у Изо божественным вещам, перешли они, как я уже сказал, к Марцеллу. А он, владеющий знанием божественных вещей, равно как и человеческих, направил их к изучению семи свободных искусств, особенно же к музыке. И поскольку это искусство естественнее других и хотя труднее осваивается, но в применении доставляет истинное наслаждение, то овладели они им в конце концов настолько, что это проявилось в некоторых сочинениях, о которых я уже упоминал недавно⁴. Но хоть эти трое и были единоклюны в их стремлениях, по натуре, как это случается, меж собой различались. Ноткер – телом, но не духом, хилый, голосом, но не в душе, заика, в божественных делах, возвышенный, в неблагоприятных обстоятельствах кроткий, ко всему снисходительный, был строгим блюстителем нашей дисциплины; перед внезапным и неожиданным он робел, не считая демонов, с которыми он обычно отважно сражался. В молитвах, в чтении, в сочинении стихов был весьма прилежен. И был он, чтобы мне все дарования его святой личности вкратце выразить, воистину сосудом Духа Святого, полнее которого не было в его время.

34. Туотилон же был хорош и полезен совсем по-иному, человек, который мускулами и всеми членами тела был таким, каких Фабий⁵ рекомендовал выбирать атлетами. Он был красноречив, имел звучный голос, был искусен в резьбе и мастером в живописи; музыкант, как и его товарищи, он, однако, превосходил всех игрой на различных струнных инструментах; ведь он обучал даже сыновей сановников игре на струнных инструментах, в месте, уставленном аббатом. Искусный предвещатель далекого и близкого, в зодчестве и других своих занятиях преуспевающий, умел он слагать стихи на обоих языках⁶ и к тому был одарен природой; и в серьезном, и в шутке столь изящен, что наш Карл⁷ как-то упрекнул того, кто человека с подобным дарованием сделал монахом. Но при всем том был он, что важнее прочего, в обществе деятельным, в уединении склонным к слезам; наделенный даром слагать стихи и мелодии, он был целомудрен, как истинный ученик Марцелла, который перед женщинами опускал глаза.

Ратперт занимал середину между обоими, о ком я говорил. С юношеских лет школьный наставник, ровный и благожелательный учитель, строгий в воспитании, еще реже, чем его братья, выходил из кельи, снашивая за год всего лишь пару башмаков и называя прогулку смертью; часто, обнимая отправляющегося с пути Туотилона, он просил его беречь себя. Ревностный в школе, он порой небрежно откосился к урокам молитв и миссам, говоря: “Мы слушаем хорошую миссу, в то время как учим ее служить”. И хотя он считал величайшим злом монастыря безнаказанность, он приходил в капитул⁸, лишь когда его призывали, потому что, как он говорил, ему должна быть доверена эта важнейшая обязанность – исправлять и наказывать.

35. Таковы были эти три сенатора нашего общества; между тем терпели они – что всегда бывает уделом ученых и ценных людей – лишения и постоянные оскорбления от тех, кто вел праздную и беззаботную жизнь, в особенности же Ноткер, святой (я уверен в этом), потому что он совсем не привык защищаться. Правда, Туотилон и Ратперт, которые подобным людям резко возражали и менее всего подходили для оскорблений, преследовались ими реже. Ноткер же, кротчайший из людей, на себе самом испытал, какими бывают оскорбления. Из этих многих обидчиков я хочу рассказать по крайней мере об одном, чтобы ты по нему мог судить и обо всех⁹, так как именно такими повелевает сатана. Был этот человек, по имени Синдульф, служащим рефектория¹⁰, и за свою притворную услужливость, за то, что обвинял братьев в вымышленных преступлениях, был в конце концов поставлен Саломоном¹¹, поскольку ни в каком ином месте не мог быть полезен, старшим над работниками¹². Действительно, в должности рефекторария¹³ он оказывал некоторым, кому осмеливался, предпочтительно же Ноткеру, вместо услуг одни неприятности.

Так как Саломон, обремененный множеством дел, не мог уделять достаточного внимания частностям, а он иногда лишал братьев пищи или портил ее, то многие громко сетовали на несправедливость. Среди них однажды ока-

зались и те трое, о ком я говорил, о чем-то беседующие. Но Синдульф, который всегда был горячим для раздора и умел разжечь старый факел ненависти и повод к ней среди собратьев, угодливо шепнул на ухо Саломону, что должен сообщить ему нечто касающееся его чести. А тот, хотя и понимал, что ничего нет вреднее для прелатов, чем выслушивать нашептывания подчиненных, все же спросил, что за новости он принес. Синдульф между тем лгал, что трое и всегда-то плохо отзываются о Саломоне, но вчера говорили такое, что и Богу было бы нестерпимо. Саломон поверил наговору, затаил к ним, ничего плохого не предполагавшим, неприязнь и в конце концов проявил ее. Но поскольку они от него ничего не могли разузнать о своей вине, то и решили, что стали жертвой Синдульфа. Когда наконец дело в присутствии братьев было рассмотрено и сами они с другими вместе изобличили Синдульфа, ибо все засвидетельствовали, что они вообще ни слова против епископа не говорили, то испросили они, каждый себе, разрешения наказать лжеца. Но так как тот не признавался, они молчали [перед епископом] и держали себя тихо.

36. Был у этих трех неразлучных обычай: в ночной перерыв между ночными песнопениями собираться, с разрешения аббата, в скриптории и проводить сравнение сочинений, которые для подобного часа более всего подходили. И вот Синдульф, зная о часе и об их беседах, однажды ночью тайком подкрался к застекленному окну, у которого сидел Туотилон, и, прижав ухо к стеклу, стал подслушивать, не удастся ли чего-нибудь подхватить, что бы он мог, извратив, передать епископу. Его заметил Туотилон, человек непреклонный и полагавшийся на силу своих мускулов, и сказал товарищам по-латыни, чтобы тот ничего не понял и мог оставаться скрытым: “Этот здесь и прижался ухом к окну. Ты, Ноткер, так как ты робок, вернись в церковь. Ты же, мой Ратперт, возьми плеть братьев, что висит в зале собраний¹⁴, и подбеги с той стороны, потому что я, лишь только слышу твои шаги, мгновенно распахну окно, схвачу его за волосы и, притянув к себе, буду крепко держать. А ты, душа моя, проникнись мужеством, будь твердым и накажи его плеткой изо всех сил, пусть Бог покарает его!” Тот послушно вышел, ибо всегда был весьма строг к дисциплине, схватил плеть и, быстро подбежав, изо всех сил стал осыпать ударами спину человека, голова которого была втянута внутрь помещения. И вот Синдульф, отбиваясь руками и ногами, поймал вскинутую плеть и крепко зажал ее, но Ратперт, схватив замеченную поблизости розгу, стал наносить ему сильнейшие удары. А этот, после того как уже жестоко был наказан и напрасно молил о пощаде, сказал: “Я вынужден звать на помощь”, – и завопил во весь голос.

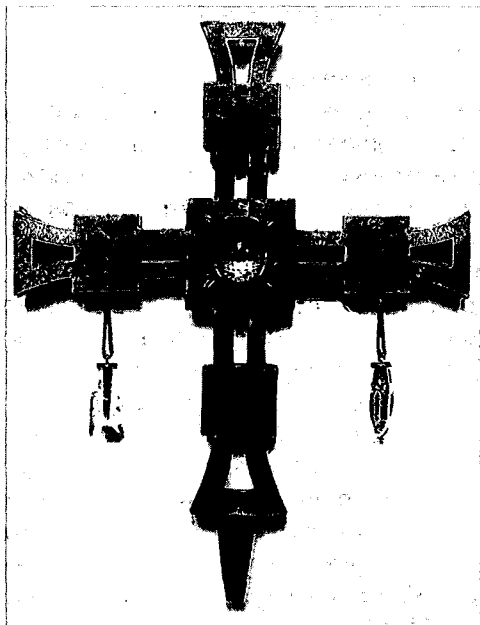
Несколько братьев, услышав крик в столь необычное время, в недоумении сбежались сюда со свечами и стали спрашивать, что случилось. А Туотилон без устали твердил, что поймал дьявола, и просил посветить ему, чтобы он мог разглядеть, в каком образе он задержал его. И вот он, поворачивая голову сопротивляющегося туда и сюда, чтобы рассмотреть, спросил, будто не зная, не Синдульф ли это? Когда же все вскричали, что это действитель-

но он самый и есть, и стали просить Туотилона отпустить его, он выпустил его и промолвил: “Горе мне, несчастному, что я коснулся епископского наушника и доверенного!” Когда братья сбегались сюда, Ратперт, отойдя в сторону, украдкой скрылся, и потому пострадавший не мог узнать, кем был бит. Все же некоторые спросили, куда вышли господин Ноткер и Ратперт; Туотилон ответил: “Оба они, лишь только заметили дьявола, ушли к службе Господней и оставили меня в темноте с тем кто проходил здесь по делу. Но право же, вы все это должны знать, ангел Божий собственной рукой нанес ему удары!” Когда наконец братья стали расходиться, между приверженцами начались, как это случается, всякие разговоры; одни говорили, что это совершился суд Божий, чтобы были разоблачены тайные подслушиватели, другие, что подобному человеку не подобал такой образ действий, разве что он ссылался в оправдание на ангела Божия.

Синдульф же скрылся, потому что был сокрушен болью тела и в равной мере души. Спустя несколько дней епископ наконец спросил, где это так долго пропадает его поставщик слухов – так именно он обыкновенно называл человека, приносившего ему какие-либо тайные новости. Узнав все, как было, он велел позвать его и, так как не хотел столь постыдное дело ставить в вину столь нужному ему человеку, стал утешать его. “Поскольку, – сказал он, – те, которые с детства всегда были моими недоброжелателями, причинили тебе зло, я, если буду жив, обойдусь с тобой лучше”. Спустя некоторое время случай представился, и, хотя многие выражали опасение, как бы столь важному делу в монастыре не был причинен ущерб передачей его такому человеку, Синдульф, тем не менее, был поставлен им, как я уже сказал ранее, старшим над работниками.

[Нападение венгров]

52. Разведчики шли день и ночь по знакомым местам, желая предупредить братьев, не веривших в возможность нападения на Санкт-Галлен варваров, о приближении врага, чтобы они могли бежать в крепость. Даже и сам Энгильберт¹⁵, думая, как и они, чуть было не опоздал перенести в кре-

Крест-мошевик. Кельн. Сер. XI в.
Das Erste Jahrtusend. Kultur und Kunst
in Werdenen Abendland an Rhein und Ruhr.
Düsseldorf, 1964. Илл. 366

пость драгоценности Санкт-Галлена; вот поэтому и остался врагам киборий¹⁶ св. Отмара.

Враги наступали не все разом, но, поскольку никто не оказывал им сопротивления, отрядами вторгались в города и села и, разграбив, сжигали их; и так внезапно нападали они, когда хотели, на неподготовленных. Иногда они скрывались в лесах по сто человек, или меньше, и нападали потом оттуда; но дым и красноватое от костров небо выдавали, где находились отдельные отряды. Был тогда среди наших братьев весьма простодушный и чудаковатый брат, по имени Герибальд, чьи слова и поступки часто подвергались осмеянию. И вот когда ему, при первом отходе братьев в крепость, некоторые объятые страхом братья сказали, чтобы он тоже бежал, он ответил: “Право, бежать должен тот, кто хочет, я же никуда не побегу, потому что келарь¹⁷ не выдал мне еще на этот год ремней для башмаков”. А когда братья в последний момент силой хотели заставить его отправиться с ними, он стал отчаянно сопротивляться и поклялся, что никуда не двинется, пока не дадут ему в руки годовой ремень. И так бесстрашно он ждал нашествия венгров. Наконец, совсем поздно, бежали братья с другими маловерами, потрясенные ужасным известием “враги в угрожающей близости”; он же, оставаясь при своем решении, без страха праздно прохаживался взад и вперед.

53. И вот наконец вторглись сюда носящие колчаны враги, угрожая пиками и острыми стрелами. Они тщательно обыскали все вокруг, так что ни пола, ни возраста не пощадили бы, это уж точно, и нашли одного его, бесстрашно стоящего в середине. Они удивились: что бы это значило? и почему он не убежал? Предводители, приказав убийцам не трогать его до поры до времени, стали допрашивать его через переводчика, и лишь только увидели, что он невероятно глуп, смеясь, оставили его в покое. Мраморного алтаря св. Галла они и не подумали касаться, потому что до этого не раз были обмануты подобными алтарями, не найдя внутри их ничего, кроме костей и пепла. В конце концов они стали выпытывать у дурака, где спрятаны местные сокровища. И когда он бодро привел их к сокровенным дверям сокровищницы и они, взломав их, ничего там не нашли, кроме подсвечников и позолоченных венков¹⁸, в спешке оставленных бежавшими, то пригрозили они обманщику оплеухой. Двое из них забрались на колокольню, думая, что петух на ее верхушке золотой, потому что, по их мнению, божество места, которое так называлось¹⁹, могло быть сделано только из благородного металла. И тут один здоровенный мужчина, вытянувшись, чтобы сорвать петуха копьём, свалился с высоты во двор и испустил дух. Тем временем другой, взобравшись на верх восточного щипца с намерением на поругание бога святилища, освободить там свой желудок, упал навзничь и разбился насмерть. Герибальд потом рассказывал, что в то время, как этих двух сжигали между дверными косяками, сильный, пламя извергающий костер охватил дверную притолоку и перекинулся на потолок, и многие тогда наперебой стали шестами мешать головешки, однако поджечь храм Галла, как и Большой храм, не смогли. Но были в

общем подвале братьев два бочонка вина, полные еще до самой пробки. Они остались там потому, что в тот момент никто не рискнул запрячь быков или погонять их. Однако никто из врагов не открыл их, не знаю благодаря какому счастливому для монастыря случаю, разве только потому, что такой добычи было на их повозках в изобилии. Ведь когда кто-то из них, замахнувшись топором, собирался срубить один из обручей, Герибальд, который уже совсем по-домашнему обращался с ними, сказал: “Оставь это, добрый человек! Что же, по-твоему, должны мы пить, когда вы уйдете отсюда?” И тот, услышав через переводчика эти слова, засмеялся и попросил товарищей не прикасаться к бочонкам их дурака. И так были они сохранены, пока не нашел их аббат, после того как венгры покинули монастырь.

54. Но разведчиков, которые должны были обыскивать леса и все тайные места самым тщательным образом, высылали они одного за другим и ждали, не принесут ли эти каких-либо новостей. В конце концов они расположились в атриуме и на лугу для богатого пира, когда Виборада²⁰ уже приняла мученическую смерть. А серебром покрытый киворий св. Отмара, который при внезапном нападении венгров беженцы не могли унести, они оголили. Вожди, разумеется, заняли ровное место внутри монастыря и пировали со всей пышностью. Также и Герибальд наелся у них досыта, больше чем когда-либо, как он сам потом говорил. Когда они по своему обычаю порознь и без стульев растянулись на зеленом сене для пиршества, принес он себе и клирику, которого они захватили как добычу, по маленькому стулу. После того как венгры, без ножей, а зубами, растерзали лопатки и прочие части убитого зверя и жадно проглотили их полусырыми, стали они, развлекаясь, перебрасываться обглоданными костями. Вино в полных чанах, поставленное посредине, каждый черпал себе без разбора, сколько ему было угодно. Когда же они, разогретые неразбавленным вином, стали взывать ужаснейшим образом к своим богам, то заставили делать то же самое клирика и своего дурака. Клирик, хорошо зная их язык, благодаря чему и была сохранена ему жизнь, принялся громко кричать вместе с ними. И вот когда от их языка он совсем было обезумел, затянул он, заливаясь слезами, антифон²¹ из службы Святому Кресту (открытие которого должно было праздноваться на следующий день²²) “Sanctifica nos”, это запел с ним и сам Герибальд, хотя и сиплым голосом. Все, кто там был, собрались на необычное пение пленников и в необузданном веселье стали плясать и состязаться в борьбе перед вождями. Некоторые сбежали сюда даже с оружием, чтобы показать, как они владеют военным искусством. Тем временем клирик, сочтя такую веселость благоприятным моментом для того, чтобы просить о своем освобождении, бросился, несчастный, в слезах, вождям в ноги, призывая Крест Святой на помощь. А эти, озлобившись, свистом и каким-то отвратительным хрюканием дали понять своим приближенным, чего бы они хотели. И они в неистовстве налетели, схватили человека быстрее, чем это сказано, и обнажили ножи, чтобы сыграть шутку, которую немцы называют *picchin*²³, на его тонзуре, прежде чем отсечь ему голову.

Вход Господень в Иерусалим. Эпистолярый. Трир. Ок. 980–990 гг.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Studi. P. 2

55. В то время как они к этому готовились, разведчики из леса, лежащего против крепости, спешили сюда, подавая неожиданные сигналы трубами и голосами. Они объявили, что совсем близко находится крепость, охраняемая вооруженными отрядами. Клирик и Герибальд были оставлены одни в монастыре, а воины, каждый сам по себе, бросились бегом за ворота и выстроились, как были приучены, в боевом порядке, прежде чем кто-либо мог подумать об этом. Когда же услышали они о природном положении крепости, о том, что она не может быть осаждена и что место это из-за его длинного и очень узкого горного кряжа может быть доступно нападающим лишь с огромными потерями и непереносимой опасностью, а его защитники по своей численности, хотя это были только мужчины, никогда не уступали противнику, пока у них были съестные припасы, то отказались они от монастыря; а поскольку Галл, его бог, был владыкой огня²⁴, подожгли несколько домов в деревне, чтобы можно было видеть (ведь уже близилась ночь), и отправилась, после того как трубы объявили призыв к молчанию, по дороге, что ведет на Констанцию. Но так как люди в крепости подумали, что горит монастырь, и слышали об отходе венгров, то окольным путем последовали они за ними, схватили разведчиков, которые шли вдали от общей массы воинов; спереди, и нескольких убили, одного же, раненого, взяли в плен. Прочие, кому едва удалось спастись бегством, дали главному отряду сигнал трубами,

чтобы они были настороже. А венгры быстро, как только они могли, овладев полями и равнинами, поспешно расставили в боевом порядке войско, в соответствии с возможностью; повозки и прочий багаж разместили вокруг, ночь разделили на вахты и, расположившись на лугу, молча предались вину и сну. А на рассвете вторглись в ближайшую деревню, выискивая, не оставили ли чего-нибудь бежавшие, и грабили и сжигали все жилища, мимо которых проходили. Но Энгильберт, который был предводителем в наступлении на врага, распорядился, чтобы большая часть людей снова вернулась в крепость, а сам с немногими, подобными ему смельчаками, избегая опасности, пробрался в монастырь разведать, не оставлен ли там кто-нибудь в засаде. И так как ему было жаль простака Герибальда, который был, однако, хорошего происхождения, то стали они тщательно искать, не удастся ли найти хотя бы его тело для захоронения. Когда же его нигде не нашли – потому что он, с трудом убежденный клириком, поднялся с ним на вершину ближайшей горы и спрятался в зарослях кустарника – стал жалеть его Энгильберт еще сильнее, если только враги увели с собой раба такого простодушия. Он удивился также, что враги, большие охотники до вина, оставили без внимания бочонки с вином, и возблагодарил Бога.

[Пожар 937 года]

67. Был, как я уже сказал, праздничный день св. Марка²⁵. Обычно случается, что в праздничные дни младшие школьники заслуживают наказания на следующий день, на этот же раз, благодаря заступничеству, они получили прощение, или, чтобы вернее написать, отсрочку до второй ферии²⁶. Но на третью ферию, после того как надзиратели, которых мы называем благочинными²⁷, напомнили школьному наставнику о виновниках, всем было приказано раздеться. Одного из тех, кого собирались наказать, послали на верхний этаж принести хранившиеся там розги. А он, чтобы освободить себя и товарищей, быстро выхватил головню из печурки и закинул ее на сухое дерево рядом с крышей и раздул огонь, насколько хватило времени. Когда же ему крикнули надзиратели, что он там медлит, он громко прокричал в ответ, что горит дом. Когда сухая кровля²⁸ воспламенилась, ибо дул еще и северный ветер, дом скоро был обжат пламенем. Быстрее, чем это сказано, ученики оделись, отстранив учителя, сорвались с мест, взобрались на крышу. Северный ветер подхватил разбросанные обломки кровли и вместе с огнем занес их на лету на щипец ближайшей башни церкви Св. Галла. Это была та самая башня, которую Гартмут²⁹ окружил некогда, имея в виду ее огнеопасность, тремя защитными стенами, с тем чтобы, в случае пожара в монастыре, можно было быстро перенести в нее, при надобности, через крипту³⁰, имевшую туда проход, церковные сокровища. Тем не менее, эта башня, покрытая поверх черепицы деревянной кровлей, загорелась, как я уже сказал, и сильный огонь, как это до сих пор видно, сжег абсиду³¹ Св. Девы, там, где она примыкает к башне. Удивительно было, как мы слышали это от стариков, бывших тогда молодыми, замедление пожара перед тем, как воспламенилась верхняя кровля.

Ведь они сняли все колокола и стащили их, вместе со всей церковной утварью, вниз. Разбили решетки и свалили их на алтарь св. Галла, чтобы останки его от огня не распались. Наконец вынесли они мощи св. Отмара и отнесли все, что вынесли, под охраной в жилище усадьбы аббата, которое едва уцелело от пожара. В таком бедствии и несчастье Фиет, очевидец, преисполненный страха, бегал туда-сюда.

68. По окончании пожара с наиболее близких стен церкви был тщательно собран пепел и счищен смывной водой, и золотые таланты [монеты] Гартмута, которые сверкали в них каплями, извлечены. Пестрая толпа живущих по соседству людей, как это бывает, сбежавшись, многое тайком унесла с собой. Мало того, сами сторожа, как рассказывали, не хранили верность своему долгу. Многие книги были похищены, потом и прочее. После такого бедствия, причиненного пожаром, представился братьям, которые долгое время не имели ни крова, ни средств пропитания, случай к испытанию. Так как братьям не запрещалось искать местожительство за горами и долинами и в ближайших поселениях, где только было возможно, то пошли, как это случается, частично верные, частично ложные, дурные слухи. Ведь Фиет просил, как этого требовала необходимость, то сам, то через вестников из подходящих братьев, если он только мог надеяться на чье-то сочувствие, о помощи потерпевшему бедствие монастырю. Около пожарища и пепла Галла остались старики с учениками, которые не очень-то повиновались приказаниям. У хижин, которые были построены близ пожарища, собирались вместе кто и когда хотел. Дисциплина сохранялась только согласием, нарушалась раздорами. Ибо некоторые, а именно те, на кого в таком несчастье нельзя было положиться, противились дисциплине, сбрасывали с себя ярмо и отбивались от него.

¹ То есть *Ноткер Заика* (ок. 840–912) – монах Санкт-Галленского монастыря, учитель музыки, поэт.

² См. “Поэты Санкт-Галленской школы” в наст. изд.

³ Учителя в монастырской школе.

⁴ Намек на секвенции Ноткера.

⁵ *Марк Фабий Квинтилиан*. Об образовании оратора, VIII, 3, 10; X, 1, 33.

⁶ То есть на латинском и немецком языках.

⁷ *Карл III Толстый* (годы правления 877–887) посетил Санкт-Галленский монастырь в 883 г.

⁸ Совет старших членов монастырской братии, участвовавшей в управлении монастырем.

⁹ См.: “Энеида”. II, 65–66.

¹⁰ Трапезная.

¹¹ Аббат Санкт-Галлена, епископ Констанцкий (860–919). В 890 г. составил книгу формул (образцов юридических актов и писем).

¹² В тексте *decanus operiorum* – должностное лицо из монахов, помощник настоятеля монастыря в управлении.

¹³ Монах, несущий послушание в трапезной.

¹⁴ В тексте *in pyrati*, т.е. в большом, отапливаемом зале заседаний капитула.

¹⁵ Аббат Санкт-Галленского монастыря (в 925–935 гг.).

¹⁶ Балдахин над алтарем, чашевидной формы, поддерживаемый четырьмя колоннами.

¹⁷ В тексте *camerarius* – монах, отвечающий за все имущество обители.

¹⁸ *Corona* – подвесной светильник.

¹⁹ Игра слов: *gallus* – “петух” и “монастырь св. Галла”.

²⁰ Отшельница, жила в монастыре с 916 г., мученическую смерть ее относят ко 2 мая 926 г.

²¹ Церковное песнопение, при котором хор разделяется на две группы, поющие попеременно.

²² То есть 3 мая.

²³ *picchin* (нем.) – “колоть”.

²⁴ Игра слов: *gallus* – “петух” и “красный петух” (пожар).

²⁵ 25 апреля 931 г.

²⁶ Фериями называли дни недели: первая ферия – воскресенье, вторая ферия – понедельник, третья – вторник и т.д.

²⁷ В тексте *circator*, т.е. *qui circam fecit*, монах, который следит за порядком в монастыре.

²⁸ Крыши монастырских зданий и храма были покрыты дубовой щепой.

²⁹ Аббат Санкт-Галленского монастыря. Башня находилась на северной стороне церкви, недалеко от внешней школы.

³⁰ *Krypta* – подземная часовня под храмом, здесь, вероятно, под алтарем св. Отмара.

³¹ *Апсида* – полукруглая, иногда многогранная, выступающая часть здания, перекрытая соответствующим полукуполом.

Ламперт Герсфельдский

О жизни Ламперта Герсфельдского известно немного – всем, что мы о нем знаем, мы обязаны его же сочинению “Анналы”. Родился он в 20-х годах XI столетия в состоятельной семье, учился в Бамбергской школе (в Баварии), где получил хорошее церковное и классическое образование. В марте 1058 г. он стал монахом Герсфельдского монастыря в Тюрингии; в этом же году получил сан священника в Ашафенбурге и ходил на поклонение в Палестину, откуда вернулся в Герсфельд в сентябре следующего года. В 1071 г. он временно находился в монастырях Залфелда и Зигбурга для ознакомления с новыми монашескими правилами, вводимыми архиепископом Анионом Кельнским. О дальнейшей жизни Ламперта сведений нет. Умер он в начале 80-х годов.

Из сочинения Ламперта первые три (“Жизнь св. Лулла” – основателя Герсфельдского монастыря, стихотворение в гексаметрах по истории монастыря и “История Герсфельдского монастыря”) не сохранились, или сохранились частично. Зато последнее, написанное в 1077–1079 гг. и прославившее его, сочинение “Анналы” дошло до нас полностью. Оно состоит из двух, неоднородных по значению, интересу и объему, частей: начальная, “от сотворения мира” до середины XI в., представляет собой краткий и сухой перечень событий и имен по “шести эпохам” (от Адама до смерти Генриха III), изложенных главным образом по анналам Герсфельдского и Фульдского монастырей и по сочинениям Беды и Исидора; вторая часть, начинаясь со времени вступления на престол Генриха IV, содержит богатый материал по политической истории Германии середины XI в. и особенно по истории спора за инвеституру между Генрихом IV и папой Григорием VII Гильдебрандом, спора, обусловившего ожесточенную и длительную борьбу империи и папства за политическое

господство в феодальном мире. В ней подробно и красочно рассказывает о современных Ламперту событиях: саксонском восстании 1073–1075 гг., Вормском соборе и низложении папы Григория VII, отлучении Генриха IV от церкви в 1076 г., встрече его с папой в Каноссе и последующем разрыве с ним. Оканчивается книга избранием на Форхгеймском сейме в 1077 г. антикороля Рудольфа Швабского. Неравноценность частей сочинения объясняется, по-видимому, тем, что Ламперт мыслил его как историю современности, но, отдавая дань анналистической традиции, вначале поместил краткий обзор всемирной хроники.

В “Анналах” использовано множество источников, как античных (Вергилий, Овидий, Теренций, и особенно Ливий и Саллюстий), так и средневековых (Библия, Иероним, Августин, Иордан, Эйнхард и др.). По своим знаниям и литературному дарованию Ламперт заметно выделяется из ряда средневековых историков. Он мастерски владеет искусством живого, наглядного, стройного рассказа и красочного описания. Латынь его ясна и выразительна, стиль лишен риторических ухищрений; тон повествования ровный, изложение кажется объективным.

Однако под прикрытием этой кажущейся объективности скрывается определенная тенденциозная настроенность Ламперта. И хотя его не слишком увлекали, судя по его же словам, аскетические идеалы клюнийского движения за реформу, поддержанного Григорием VII в его борьбе за право инвеституры, все же в конфликте между папой и императором он принял сторону тех кругов феодальной знати, которые составляли крайнюю оппозицию Генриху IV, заняв, таким образом, позицию, противоположную позиции его собратьев по монастырю, стоявших на стороне императора. Это сказалось на освещении событий в “Анналах”, в частности на изображении Генриха IV и Григория VII. Если первый обрисован с неприязнью, сгущенно-темными красками (это клятвопреступник, лицемер, осквернитель церкви и т.п.), то второй, напротив, – с симпатией и благожелательностью. События в целях защиты интересов папы изображены Лампертом в соответствующем духе. Таков, например, рассказ о начале и развитии борьбы между императором и папой, о встрече их в Каноссе.

Наличие в “Анналах” тенденциозного вымысла и фактических неточностей, преувеличений или умолчаний, столь свойственных вообще анналам XI в., отнюдь не снимает их ценности, хотя заставляет относиться к ним с известной осторожностью. Это сочинение, предлагающее читателю широкую и живописную картину политической жизни Германии XI в., представляет большой интерес как памятник культуры своего времени, отражающий и борьбу партий и общественные настроения, господствовавшие в различных кругах населения Германии в тот период.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 167–175.

Анналы

Год 1076¹ ... Король², хорошо зная, что спасение его заключается в освобождении от церковного отлучения до дня его годовщины, и полагая, что не в его интересах ожидать прибытия римского папы³ в Галлию⁴ и передать дело свое на рассмотрение столь враждебному суду и столь беспощадным обвинителям, решил, что при его тогдашнем положении будет лучше встретить папу, направляющегося в Галлию, еще в пределах Италии и любым возможным способом попытаться добиться снятия с него анафемы; добившись этого и не опасаясь потом ничего со стороны церкви, он легко одолеет и другие трудности – переговорит с князьями⁵, а при неудаче обратится к верности друзей. За несколько дней до рождества он покинул город Шпейер и отправился в путь вместе с женой и малолетним сыном. Когда он покидал государство, никто из свободных немцев не сопровождал его, кроме одного, да и тот не отличался ни родом, ни богатством. И так как у него не хватало средств для столь дальнего пути, он обратился ко многим, кому неоднократно во времена благоденствия государства оказывал помощь, но лишь немного нашлось таких, которые в память прежних его благодеяний, или из сочувствия к разыгравшемуся перед ними зрелищу [превратностей] человеческой судьбы, несколько облегчили его затруднительное положение. В такую беду и несчастье был он низвергнут вдруг с вершины славы и могущества. Подобно ему, и другие отлученные, горя желанием быстрее добиться освобождения, поспешили в Италию, однако из страха перед князьями, или, вернее, перед папой, они условились не допускать, чтобы король отправился в путь вместе с ними⁶.

Зима в том году была на редкость жестокой и затяжной, и наступила она со столь необычной суровостью, что с праздника св. Мартина⁷ и почти до апрельских календ скованный ледяным холодом Рейн оставался для пешехода переходимым, и во многих местах виноградники совсем засохли, потому что корни их вымерзли.

Год 1077 ... На пути в Италию король Генрих отпраздновал в Бургундии в местечке Безансон Рождество, где довольно пышно для своего тогдашнего бедственного положения был встречен и принят дядей по матери, графом Вильгельмом⁸, владельцем обширных и богатых поместий в той области. Свернуть с прямого пути и идти по Бургундии его заставило известие о том, что герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд⁹ расставили по всем ведущим в Италию путям и проходам, обычно называемым клузами, стражу, чтобы у него не было никакой возможности для прохода там. После рождественского праздника он отправился дальше и по прибытии в местечко Геке встретил там свою тещу¹⁰ с ее сыном Амадеем¹¹, которые в тех краях пользовались большим влиянием, имели громкое имя и обширные владения. Они приняли гостя с почетом, но все же согласились пропустить его через свои земли только с условием передачи им, в качестве платы за проход, пяти итальянских епископств, граничащих с их владениями. Всем приближенным короля это

условие показалось тяжелым и неприемлемым. Но он, вынужденный крайней необходимостью, купил себе пропуск даже и на таком условии; а тех ничуть не волновали ни чувства родственности, ни сострадание к столь несчастному его положению, и после того, как было потрачено много труда и времени на эти переговоры, ему еле-еле удалось добиться того, что они получали, в качестве платы за предоставление ему прохода, одну, но чрезвычайно богатую Бургундскую провинцию. Так гнев Божий отвратил от него не только связанных с ним клятвой и его многочисленными благоденствиями, но даже друзей и родственников.

После того как он с трудом добился разрешения на проход, тут же возникло другое затруднение. Зима стояла необычайно суровая, и огромной протяженности горы, через которые ему предстояло переходить, с вершинами, уходящими почти в облака, были так плотно покрыты глыбами снега и льда, что при спуске по их скользким и отвесным склонам ни всадник, ни пешеход не могли сделать без риска ни шага. Но приближавшийся день отлучения короля¹² не допускал никакого промедления в скором пути, потому что, не освободись он до этого дня от анафемы, он узнал бы общее решение князей¹³ о том, что он и осужден, и лишился трона без всякой возможности восстановления в правах в будущем. Поэтому он нанял за какое-то вознаграждение нескольких туземцев, знакомых с этими местами и привыкших к альпийским кручам, которые провели бы его через крутые горы и снежные глыбы и следовавшим с ним могли бы облегчить путь каким только возможно образом. Когда они, с проводниками впереди, с большим трудом добрались до горной вершины¹⁴, то далее продвигаться уже не было никакой возможности, потому что отвесный склон горы, как говорят, был настолько скользким, что спуск здесь казался совсем невозможным. Мужчины пытались одолеть опасность своими силами: то ползая на четвереньках, то опираясь на плечи своих проводников, иной раз даже, поскользнувшись на льду, они теряли равновесие, падали и катились далеко вниз; и все же в конце концов с огромной опасностью для жизни они достигли равнины. Королева же и другие женщины из ее свиты были усажены на воловью шкуру, и впереди идущие проводники волокли их вниз. Лошадей спустили они частично тем же способом, частично скатили, связав им ноги, из них многие, пока их стаскивали, погибли, многие были изувечены, и лишь совсем немногие смогли избежать опасности, оставшись целыми и невредимыми.

Когда в Италии распространился слух о том, что прибывает король и что он, пройдя через крутые горы, уже находится в пределах Италии¹⁵, устремились к нему наперебой все итальянские епископы и графы. Везде принимали его с высшими почестями, как это и подобает его королевскому достоинству. В течение нескольких дней к нему сошло огромное войско. Ведь они уже со времени его вступления на престол с нетерпением ждали его появления в Италии, потому что страну тревожили беспрестанные войны, мятежи, разбои и различные междоусобия, и они надеялись, что все то, что, вопреки законам

Олицетворения королевских добродетелей. Ок. 1001–1002 гг. Бамберг.

Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.

P. 2. L., 1999. P. 13

и правам, было поправлено нечестивыми людьми, будет восстановлено силой королевской власти. К тому же разошелся слух, что он спешит сюда, исполненный гнева, чтобы свергнуть папу, и они весьма обрадовались тому, что им представится случай надлежащим образом отомстить за свое бесчестие тому, кто уже давно отлучил их от общения с Церковью...

И вот когда папа на своем поспешном пути в Галлию неожиданно услышал, что король уже в Италии, то по совету Матильды¹⁶ остановился в хорошо укрепленном замке, Каноссе¹⁷, намереваясь выждать здесь до тех пор, пока не разузнает точнее о цели его прибытия: пришел ли король за тем, чтобы покаяться в своем поступке, или чтобы, исполненный гнева, с оружием в руках отомстить за позор своего отлучения...

Между тем Генрих, пригласив на переговоры графиню Матильду, послал ее, обремененную просьбами и посулами, к папе, и с ней свою тещу с ее сыном, а также маркграфа Аццо¹⁸, аббата Ключийского¹⁹ и некоторых других знатных итальянцев, которые, как он не преминул вспомнить, пользовались у папы большим уважением, умоляя освободить его от уз отлучения и не верить слепо немецким князьям, которые возводят на него обвинения больше из побуждений зависти, чем из рвения к справедливости. Выслушав их обращение, папа ответил, что крайне несообразно и совсем чуждо церковным установлениям разбирать дело по обвинению в отсутствие обвинителей. Напротив, если король уверен в своей невинности, пусть без всякого страха и сомнения доверчиво явится в назначенный день в Аугсбург, где решили собраться другие князья; там он, рассмотрев показания обеих сторон, без ненависти или благосклонности, а лишь на основании церковного установления, по данному пункту обвинения, отведя правое от неправого, вынесет возможно более справедливый приговор²⁰.

На это посланные отвечали, что король нигде на свете не уклонился бы от его приговора, потому что знает его как неподкупного карателя и защитника справедливости и невинности; но ведь уже близится годовщина его отлучения от Церкви, и королевские князья в настороженном ожидании и тревожной напряженности жаждут исхода дела, чтобы его, если не будет он освобожден от отлучения до этого дня, объявить по имперским законам недостойным королевского сана и впредь не выслушивать его оправданий в невинности. Вот поэтому король настоятельно просит, готовый нести всякое наказание, какое только потребует папа, снять с него анафему и вернуть благодатное общение с Церковью. Потом он снова, как будто ничего и не было решено этим соглашением, в тот день и том месте, какие назначит папа, опровергнет все обвинения, возводимые на него²¹ обвинителями, и по его приговору или вступит в управление, если освободится от обвинений, иди же, если проиграет дело, послушно перенесет это.

Долго папа противился, опасаясь юношеского непостоянства короля и его склонности следовать за льстецами, куда бы они его ни вовлекали. Но в конце концов, побежденный настойчивостью посредников и весомостью их дово-

дов, сказал: “Если он и вправду раскаялся в своей поступке, то пусть передаст нашей власти в доказательство искреннего и от всего сердца идущего покаяния корону и другие знаки королевского сана и объявит себя, после столь кощунственного проступка, недостойным королевского имени и должности”. Но это показалось посланным слишком жестоким. И так как они упорно просили его смягчить приговор и надломленную трость не переломить²² строгостью приговора, то он наконец позволил, хотя и с большим трудом, уговорить себя, чтобы король явился к нему лично, и, если он принесет искреннее раскаяние за проступки, то вина, которую он навлек на себя поношением апостольского престола и непослушанием апостольским постановлениям, будет забыта.

И вот король явился, как было приказано²³, и поскольку замок²⁴ был обнесен тройной стеной, то его приняли внутри второго кольца стен, тогда как вся его свита осталась снаружи; там, сняв королевское одеяние, без знаков королевского достоинства, без всякого великолепия, стоял он, не сходя с места, с босыми ногами, не принимая пищи с утра до вечера, в ожидании приговора римского папы. Так было и на второй и на третий день. Наконец, на четвертый²⁵ он был к нему допущен, и после долгих переговоров с него было снято церковное отлучение на следующем условии: в назначенный папой день он должен явиться в назначенное место на общее собрание немецких князей и дать ответ на обвинения, которые они ему предъявят. А папа, если сочтет это полезным, как судья примет решение, и он должен будет по его приговору или удержать власть в случае освобождения от обвинений, или безропотно лишиться ее, если обвинения будут доказаны и он по церковному уставу будет объявлен недостойным королевских почестей. Удержит ли он или потеряет корону, он никогда и никому не должен будет мстить за это унижение. Но до того дня, когда дело его будет разобрано законным порядком, он не должен носить никаких королевских украшений, никаких знаков королевского достоинства, ничего не предпринимать, по своему обычному праву, в управлении государством и ничего не решать, что еще должно быть одобрено. Наконец, он не должен пользоваться ни королевским, ни государственным имуществом, разве что сборами с королевских земель, необходимыми для содержания его самого и его людей; а все те, кто давал ему клятву на верность, должны до поры до времени оставаться перед богом и людьми свободными от уз этой клятвы и необремененными обязательством хранить ему верность. Роберта, епископа Бамбергского, Удальрика Косгеймского²⁶ и других, по совету которых он и себя и государство вверг в беду, он должен навсегда лишить своего доверия. Если же, в случае опровержения обвинений, он останется могущественным и вновь утвердится на троне, то должен он подчиниться римскому епископу, всегда повиноваться ему и помогать, по мере сил своих и в полном единстве с ним, в устранении всех дурных, укоренившихся в его государстве обычаев, противных церковным законам. И последнее: если он нарушит какой-либо из этих пунктов, то освобождение от анафемы, которого он теперь

так жаждет, должно будет считаться недействительным, и тогда уже, считаясь уличенным и признавшимся, он никогда больше не должен домогаться аудиенции, чтобы доказывать свою невиновность; и все имперские князья, свободные от всяких клятвенных обязательств ему, без дальнейшего рассмотрения дел смогут единогласно избрать нового короля.

Король с радостью принял условия и обещал²⁷ под священной клятвой все их соблюсти²⁸...

...Король, пораженный этим неожиданным предложением, стал колебаться, отговариваться и советоваться со своими приближенными, в стороне от толпы, соображая в смятении, чтобы ему предпринять, как бы избежать необходимости столь ужасного испытания чашей²⁹. Когда, наконец, он пришел в себя, то начал ссылаться на отсутствие князей, которые сохраняли ему в беде неизменную преданность и без совета которых, а тем более в отсутствие обвинителей, то испытание, которое он перенесет в доказательство своей невиновности перед немногими свидетелями, будет тщетным и у неверующих людей не будет иметь никакого значения. Поэтому он умолял папу отложить дело до общего собрания князей и всеобщего обсуждения, чтобы там перед собравшимися обвинителями и согласно церковным законам, после изучения как жалобы, так и личностей обвинителей, он мог бы опровергнуть обвинения по условиям, которые имперскими князьями признавались справедливыми. Папа без труда удовлетворил эту просьбу и по окончании Божественной службы пригласил короля на трапезу; и после того как этот хорошо подкрепился и был тщательно подготовлен ко всему, что ему нужно было выполнить, он с миром отпустил его к своим, оставшимся далеко за пределами замка. Из благой предосторожности, чтобы король, после восстановленного общения с Церковью, вновь не запятнал себя, он послал перед ним Эппо, епископа Цейцского, снять вместо него самого отлучение с тех, кто с отлученным, еще до снятия с него анафемы, не колеблясь, поддерживал отношения.

И вот когда этот епископ пришел и изложил итальянцам, с чем был прислан, поднялась против него буря гнева и недовольства. Все принялись шуметь и буйствовать, кричать и размахивать руками, перебивать апостольское посольство насмешливыми выкриками, осыпать его попреками к поношениям и самой гнусной бранью, на какую только подстрекала их ярость: они не ставят ни во что анафему папы, которого самого итальянские епископы давно уже, на справедливом основании, предали анафеме за то, что он занял апостольский престол святокупством³⁰, замарал себя убийствами, обесчестил развратом и другими тяжелыми преступлениями. Король поступил не по своему достоинству и запятнал свою честь никогда не смываемым позорным пятном, потому что королевское величие подчинил еретику, человеку, опозоренному всеми пороками. Он, кого они избрали в защитники справедливости и хранителем церковных законов, своим постыдным смирением совершенно обесчестил католическую веру, авторитет церкви и достоинство государства.

Они наносили папе, какие только могли, оскорбления, мстя за него³¹, а он теперь, стыдно даже сказать, оставил их среди волн смятения и, руководствуясь лишь частной необходимостью, примирился с общественным врагом. Таки-ми были главные упреки, которые бросали итальянские князья и распространяли повсюду в народе. Они возбудили вскоре жестокую ненависть к королю. Короче говоря, возмущение возросло настолько, что у всех было одно только желание, одна мысль: отца, который сам себя сделал недостойным королевской власти, свергнуть, а сына его, хоть и был он еще несовершеннолетним и не созрел для управления государством, поставить королем и, придя с ним в Рим, выбрать другого папу, который бы безотлагательно посвятил его в сан императора, а все распоряжения Григория VII отменил.

Когда до короля дошли вести об этом неприятном заговоре, он спешно отправил всех князей, которые были при нем, с поручением какими угодно средствами и какими возможно усилиями успокоить взбудораженные умы населения: они не должны дурно воспринимать и считать за оскорбление то, что он сделал, вынужденный крайней необходимостью, для общего блага. Не освободившись от церковного отлучения до установленного дня, он не мог бы удовлетворить ни германских князей, которые злоумышляют клеветническим обвинением лишить его короны, ни папу Римского, который для разрушения благосостояния Святой Церкви все кругом поражает мечом духовным. Теперь он освободил себя от всех препятствий; которые расставили на его пути враги, и всю свою заботу и старание обратит на мщение за причиненную ему несправедливость. Лишь с трудом смогли они наконец умерить, но отнюдь не погасить, пожар вспыхнувшего негодования, большая часть князей в гневе покинула лагерь и без разрешения вернулась домой. Остальные, скрыв на время недовольство, принимали возвращавшегося короля миролюбиво, хотя и не оказывали ему обычного почета и не снабжали таким обильным, как раньше, продовольствием, и как это подобает королевскому величию, но, опустив глаза, повсюду на каждом углу они, враждебно настроенные, шептались о его легкомыслии и сумасбродстве и обвиняли в беспечности, потому что в конце концов он обманул надежды находившейся в опасности несчастной Италии, которая давно и с такой тревогой ждала его, и не оказал ей никакой поддержки. И когда он объезжал Италию, чтобы по королевскому обычаю оказать справедливость притесненным и гонимым клеветой, его не принимали в городах, не выходили ему навстречу с факелами и ликующими возгласами, как к прежним королям, но вынуждали разбивать лагерь за городом и доставляли ему туда продовольствие для содержания войска, но и то в скромном количестве, едва достаточном для удовлетворения насущной потребности, не говоря уж о приличествующих королевской трапезе роскоши и изобилии, лишь бы только их не могли уличить в преждевременном отходе от него. Они распорядились расставить в отдельных местах стражу, чтобы вооруженной рукой обуздать тех, кто, быть может, захотел бы поживиться чем-то в полях и деревнях.

Король, напуганный неожиданным оборотом дела, поздно раскаялся в том, что легкомысленно доверился неизвестному ему и не испытанному до сих пор на верность народу, и, удалившись от границ Германии, не избежал, но лишь сменил врага. Угнетенный тягостным беспокойством и страхом, он не нашел никакого другого выхода, как снова расположить к себе, если как-то удастся, итальянцев, которых он оскорбил. Единственное, по его мнению, средство для достижения этого состояло в том, чтобы снова разорвать договор с папой и таким образом восстановить согласие тем изначальным обстоятельством, с которого произошел раздор. Удальрику Косгеймскому и другим, которых папа удалил из его Свиты строжайшим церковным отлучением, он вернул свою прежнюю милость и расположение и вновь с исключительной предпочтительностью совещался с ними, как привык раньше, по частным, а также и по общественным делам. Затем в присутствии князей он обвинил и оклеветал папу в том, что он сам своими происками возбудил все то, что потрясло государство, — вихрь смятения и целую бурю неистовых волнений, что он сам был зачинателем и подстрекателем всех бед, какие случились в Церкви Божией за последнее время. И он убеждал всех сообща, под его предводительством и руководством, добиваться отпущения папе за столь великое зло. Потом он пренебрежительно, как паутинную ткань, разорвал все условия и все узы церковных законов, которыми папа связал его силой апостольского полномочия ради его же спасения, и, опустив поводья Божия страха, ринулся с необузданной вольностью на все, что приходило ему на ум. Все это тотчас умерило недовольство итальянцев и погасило их ярость. Их расположение к нему снова ожило, так что они стали стекаться к нему изо дня в день во все большем количестве, обеспечивали его войску обильное содержание и охотно обещали и впредь поддержку и помощь во всем, чтобы он им ни приказал³².

¹ После княжеского сейма в Трибуре (Оппенгейме) в октябре 1076 г. большинство немецких князей и епископов отказали в доверии Генриху IV и низложили его. Они пригласили его и папу Григория VII Гильдебранда (см. ниже) в феврале 1077 г. в Аугсбург для разбора конфликтных дел. Генрих был вынужден отправиться в Италию, чтобы примириться с папой и таким образом избавиться от церковного отлучения, объявленного ему папским собором 15 февраля 1076 г. в ответ на низложение Григория VII на Вормском сейме в январе 1076 г.

² То есть *Генрих IV* (годы правления 1056–1077).

³ То есть *Григорий VII Гильдебранд*, вступил на папский престол в 1073 г. С этого времени началась открытая борьба между ним и Генрихом IV за инвеституру. Инвеститура духовенства, ранее осуществляемая королевской властью, была объявлена Латеранским собором в Риме недействительной. Папа требовал от Генриха прекращения инвеституры и смещения ряда епископов. Генрих ответил отказом. Фактически это борьба за право назначения епископов вылилась в борьбу между духовной и светской властью за политическое господство в феодальном мире.

⁴ То есть в Германию.

⁵ В период борьбы Генриха IV с папой Григорием VII Гильдебрандом усилилась роль княжеских собраний, которые теперь решали государственные дела самостоятельно.

- ⁶ Преувеличено, чтобы представить положение Генриха IV более плачевным.
- ⁷ 11 ноября.
- ⁸ Двоюродный брат императрицы Агнессы, матери Генриха IV.
- ⁹ Стронники Григория VII.
- ¹⁰ *Адельгейда* – маркграфиня Туринская.
- ¹¹ Эта подробность недостоверна.
- ¹² То есть 15 февраля 1077 г.
- ¹³ Княжеские собрания в этот период принимали решения о судьбе короля самостоятельно.
- ¹⁴ Мон-Сени.
- ¹⁵ В январе 1077 г.
- ¹⁶ Маркграфиня Матильда Тосканская, сторонница Григория VII.
- ¹⁷ Замок Каносса, в Северной Италии, юго-восточнее Пармы, принадлежал Матильде Тосканской.
- ¹⁸ Из Эсте, отец герцога Вельфа Баварского.
- ¹⁹ *Гуго* – аббат из Ключийского монастыря в Бургундии, крестный отец короля.
- ²⁰ Действуя в союзе с феодальной знатью, стремившейся к ослаблению королевской власти, Григорий VII претендовал на роль арбитра в столкновениях короля с князьями.
- ²¹ Генрих обвинялся в оскорблении апостольского престола, в нарушении клятв, в симонии.
- ²² Ис 42:3.
- ²³ Неточно: Генрих IV пришел в Каноссу по собственному решению, а не по приказу.
- ²⁴ То есть Каносса.
- ²⁵ Генрих был освобожден 23 января, на третий день.
- ²⁶ Преданные сторонники короля, отлученные в числе других пяти его советников от Церкви в феврале 1075 г.
- ²⁷ Обещание Генриха было политическим маневром, как и вообще его приход в Каноссу.
- ²⁸ Далее папа предлагает ему “испытание чашей”, предварительно пройдя его сам.
- ²⁹ По другим источникам, король принял просфору (гостию).
- ³⁰ Продажа и купля церковных должностей, симония.
- ³¹ То есть за Генриха IV.
- ³² Сочинение кончается рассказом о Форхгеймском сейме в марте 1076 г., на котором Генрих IV лишился власти, а Рудольф Швабский был избран королем.

“Бегство узника”

Латинская поэма “Бегство узника” стала известна с 1834 г, когда Якоб Гримм нашел ее в двух рукописях в Брюссельской библиотеке. Латинское ее заглавие звучит экзотично своими грецизмами: “*Ecbasis captivi*”, приблизительно: “Исшествие плененного, описанное через аллегорию”. Имя автора остается неизвестным, и датировка поэмы до сих пор является предметом споров.

Аллегорический смысл поэмы раскрывается в ее прологе. Монах, находящийся в монастырской темнице, по-видимому, за какую-то серьезную провинность, решает заслужить прощение, сочинив поэму о своей судьбе. Он изображает ее в повести о том, как в предпасхальную субботу 812 г., некий теленок бежал из родного хлева, чуть не погиб в пещере волка, но спасся благодаря своевременному приходу своих родителей, быка и коровы, с целым войском животных, во главе которых стоял лис, исконный враг волка. Поэма

заканчивается освобождением теленка, казнью волка и несколькими стихами эпилога “от автора”.

В поэме есть некоторые исторические и географические намеки на время и место ее создания. Исторические намеки, к сожалению, недостаточно ясны: упоминаются имена германских императоров Конрада и Генриха, но неясно, подразумеваются ли Конрад I (911–918) и Генрих I Птицелов (918–936) или Конрад II (1024–1039) и Генрих III (1039–1056). Ранние комментаторы поэмы (Фойгт и Царнке) придерживались первого мнения и поэтому относят поэму к X в., другие (Штреккер и Триллих) – второго мнения и датируют поэму серединой XI в. По-видимому, это мнение более исторически обоснованно: 1) Речь идет о предписанном Генрихом “замирении” и запрещении войны и убийств в праздничные дни, а этот факт известен относительно Генриха III; 2) Генрих III был еще при жизни Конрада II его соправителем и заместителем, что отражено в поэме в образе разумного, благородного и благочестивого барса, которого больной лев назначает своим соправителем; 3) упоминаются родовые наследственные замки феодалов, владение которыми закрепляется королевскими грамотами, что в X в. было еще неупотребительно.

Более надежны данные географические: местом действия являются пастбища и леса Вогез, а местом написания поэмы – монастырь св. Эвра в Туле возле Вогез (“теленки” сам называет себя “безбородым юнцом, беглым монашеским из Туля”). Упоминаются реки Маас и Мозель и их рыбные богатства и даже приток Рейна, ручей Рабадо. Автор поэмы – немец (в латинском языке встречаются германизмы), не симпатизирующий “западным франкам”. С чисто литературной точки зрения поэма “Бегство узника” интересна в двух отношениях: во-первых, она является первой дошедшей до нас литературной обработкой народного “животного” эпоса, впоследствии пышно расцветшего в XII–XIII вв. во фламандских, французских и немецких вариантах, переделках и обработках; во-вторых, в ней впервые употреблен – еще довольно не искусно – литературный прием так называемого рамочного повествования: в основную повесть (названную исследователями “внешней”) вдвинут длинный рассказ волка о причинах его вражды с лисом, тянущейся уже в течение трех поколений (“внутренняя” повесть). Ход распри изложен очень подробно, попутно рассказано об излечении больного короля-льва, о пире по поводу его выздоровления, о песнях менестрелей – соловья и попугая, о выборе соправителя; общим стержнем рассказа являются коварные замыслы лиса.

Целеустановка и тенденция поэмы не совсем ясны. В ней, несомненно, имеется момент сатиры, но неясно, против кого она направлена: против светского общества или против духовенства. Вернее всего, эта неясность проистекает из контаминации “внешней” и “внутренней” повести. В истории злоключений теленка насмешкам и осуждению подвергается монах-волк, на словах отрекающийся от земных благ, на деле же собирающийся полакомиться телятиной и дающий своему сателлиту-ежу рецепты для ее изготовления. Во “внутренней” же повести (о пире у льва) подвергается критике придвор-

ное общество с его интригами жадных феодалов, со стремлением к роскошной жизни, безделью и обжорству. Попытки приурочить образы отдельных зверей к определенным историческим лицам не привели к надежным результатам.

Поэма написана довольно неуклюжим гексаметром с леонинской системой рифмовки, точному переводу не поддающейся. Имеется много стихов, целиком перенесенных из античных поэтов и христианских поэтов раннего средневековья.

В “эпilogе” автор говорит, что его поэма состоит из 1170 стихов, в обеих рукописях же число стихов больше – их 1224, т.е. лишних стихов 54 (ясно наличие интерполяции). Наиболее вероятно предложение Э. Фойгта считать интерполяцией песню менестрелей во “внутренней” повести (религиозную песню о распятии Христа, по содержанию не связанную с темой королевского пира, – ст. 852–905 – как раз дают 54 стиха). Менее вероятно предложение Триллича считать добавленным пролог: в нем 68 стихов и он органически связан с эпilogом.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 116–127.

«Бегство узника» (аллегория)

Если назад оглянусь и минувшие годы припомню,
Диву даюсь, до чего довела меня юная глупость.
Мыслям разумным был чужд, избегал я общения с братьей,
Занят был всяческим вздором, тонул в нелепых забавах.
Слово свое на уроках учитель тратил напрасно,
Я от ученья бежал и бродил, предаваясь безделью.
Вот за такой-то мой нрав меня прозвали “осленком”.
Нынче ж хочу позабыть о грубом реве ослином,
С толстой дерюгой мешка хочу – хоть и поздно – расстаться.
Чтобы усердным трудом победить привычную тупость,
Взялся стихи я слагать, хоть опыта в них не имею.
Сон отгоняют они, и пить, и есть запрещают.
То в затылке почешешь, то ногти упорно кусаешь.
То ломаешь перо, от глубоких устав размышлений.
Кто этим делом займется, пускай простится с бездельем,
Бросит привычки свои, стремясь к стихам благозвучным.
Люди найдутся, конечно, которые, видя ошибки
В этих стихах, осудят меня по высоким законам.
И, метнувши копьё, мое творенье проколют.
Есть ведь немало таких, – изучив стихов построенье,

Ловко умеют они сплести изгибы напевов.
Я же, стремясь уложить в размер установленный стопы,
Очень уж слаб в различенье слогов, долготы их и счета.
Их сочетать не могу, соблюдая времени меру,
Лучше уж мне помолчать, прикусив свой язык неискусный.
Можем мы всюду прочесть в сочинениях древних поэтов,
Как населяют Камены луга, леса и потоки,
Как и в размерах каких они свои песни слагают.
Поступь легкая их скользит то туда, то обратно,
Нас, неумелых, уча, чтоб не пачкали золото грязью,
Чтоб не пытались стихом неуклюжим описывать небо
Иль нашим словом бессильным могучие подвиги славить.
Этим запретом смущен, я готов был вспять обратиться.
Впрочем, при наших отцах такой соблюдался обычай:
Пусть не посмеет никто говорить и писать о деяньях,
Если не слышал о них достоверных надежных рассказов
Или не видел того, что достойно памяти долгой;
Верили только таким свидетелям, верным и крепким.
Я ж свой рассказ поведу иначе – басенным складом,
В тяжелой сознаюсь вине: эта повесть – вымысел чистый.
Есть, однако, и в ней немало мыслей полезных.
Кто ее вслух прочтает, получит хлеба ковригу.
Верьте мне, пользы немного, а много вреда, если люди
Станут писать об одном, одному отдавать свои силы.
Пусть, кто в школе сидит, обучается разным наукам;
Время ученья пройдет, и сам он учителем станет.
Кто мою книгу прочтет, узнать, конечно, захочет,
С целью какую я начал ее и зачем обработал.
Чтобы на это ответить, я все расскажу по порядку.
Днем я однажды сидел взаперти, как обычно бывало.
Видно мне было, как много людей трудилось на поле,
Как убирали пшеницу, ее ссыпая в амбары,
Как со вниманьем глядели на пашни, на милые лозы,
Как грузили в телеги запас урожая обильный,
Не для монахов одних, хранящих тайны завета,
Но в пропитанье сироткам, и странникам бедным, и нищим
Все свой долг исполняли, полезное делая дело.
Был без дела лишь я, заключен в монастырской темнице.
Горькую душу мою терзала память о прошлом,
Жалобы я воссылал в высоту, к потокам воздушным;
Сердца печального горечь я сам врачевать попытался,
Жечь каленым железом, лечить целебною мазью.
Горько оплакивал я все то, чем тешился прежде.

Сельскохозяйственные работы.
Миниатюра из списка “De Universo” Рабана Мавра.
Монте Кассино, 1023 г.

Я сказать не умел, что таил я в уме молчаливом.
Был я, как высохший ствол, огнем обугленный ярым,
Был я, как жалкий теленок, ремнем привязанный крепким.
Так же обуздан, как он, я был руками монахов.
Нити узорные в повесть сплетая, о нем расскажу я.
Лет восемьсот с Рождества истекло, и трижды четыре,
Месяц апрель наступил и пасхальное в нем полнолуние,
Жил в эту пору теленок – он вскормлен был возле Возага
(Можно об этом прочесть во всем том, что сказано раньше).
Этой весной, как всегда, овчары погнали отары
В поле; за ними свиней погнал свинопас неуклюжий;
Все старались они держать свое стадо в порядке;
Следом погнали коров пастухи и коней коневоды.
Все со вниманьем искали, где лучше выпас для стада.
Бедный теленок в хлеву оставался, за шею привязан.
Воли ему не дают, его сердце подавлено горем,

А что печальней всего, – он лишен материнской заботы:
Жалобно стонет, грустит и часто глубоко вздыхает,
Взор свой к небу подняв, Иисуса о помощи молит,
Слезы горькие льет, не одну, а две или двадцать,
Просит, чтоб сторож его отпустил, ремень развязавши,
Дал насладиться ему молоком из вымени сладким.
То он о воле мечтает, а то о напитке целебном,
Но не дают ему воли и к вымени путь закрывают.
Он замышляет побег, чтоб скорее свободы добиться,
Привязь свою он жует и сосет и – ремень разрывает.
Вырвавшись, скачет, ликуя, и нежным копытцем топочет,
Громко мычать он боится, бежит по цветущему лугу.
Полная воля теперь теленку дана молодому,
Может налево свернуть, а если захочет, направо,
Может на травке прилечь, а может побегать вприпрыжку.
Весело носится он, ожидая встречи со стадом.
Но, наконец, утомившись, в лесу он ищет защиты.
Вдруг пред теленком отшельник лесной; он гимн запева
Так, как поют пилигримы, из стран возвращаясь далеких.
“Благословен, о Христе, твой служитель! Он прислан тобою!
Господу жизнь он доверил – пусть сердцем своим возликует!
Мирный приют он найдет здесь, в этой обители, ночью,
Завтра же кровью своей освятит он трапезу нашу.
Кто умеет грешить, тот сумеет нести покаянье!”
И приглашает теленка хозяин в волчью пещеру,
В угол приводит его, вонючий, грязный и темный.
Волк ликует, что завтра он досыта сможет наестся;
Речь произносит, в которой слова все дышат любовью;
“Мне поведай, кто ты, почему навесить меня вздумал?
Да, для меня ты, поверь, являешься гостем желанным.
Вышним хвалу вознеси! Ты станешь жителем леса,
Пищей ты восстановишь мое ослабевшее тело.
Третий уж месяц идет – не вкушал я сладкого мяса,
В кубке губ не мочил, наполненном свежее кровью.
В день, когда наша земля породила впервые животных,
Созданы были для нас бессловесные жирные твари,
Так положено в мире, и кровь эта богу угодна”.
Вот что ответил теленок –он в речи своей запинался,
Детская робость ему сказать побольше мешала.
Т е л е н о к п р о с е б я:
“О Юпитер, ты можешь карать и миловать можешь
Грех мой мраком покрой и тучей – мой дерзкий проступок!
Если останусь в живых, я вышним воздам благодарность
Я на каждый алтарь тебе положу по козленку.

Т е л е н о к в о л к у:

Долго я слушал тебя, но боюсь отвечать слишком длинно.
Я – безбородый юнец, я – беглый монашек из Туля.
Грех мой я сознаю, – я по юности лет заблуждался.
Сам во всем виноват – я учителю был непослушен,
Но поддался порыву и, сам разорвав мою привязь,
В этот я лес прибежал и сам себе смерть уготовил.
Эту вину мне прости, но если в другом я повинен.
Казни предай поскорей, ты – царь из всех наивысший;
Только мне жизнь сохрани до того, как мессу отслужат.
Срок этот Генрих король повелел давать осужденным.
Сказано в отчих заветах: за каждый проступок монахи
Кару несут: за малый – полегче, за тяжкий – суровой”.
Молвит хозяин пещеры: “Удрать ты надеешься, жалкий!
Срок, что ты просишь, я дам, если это богу угодно.
Но приказ мой послушай: храни спокойствие духа,
Взором веселым гляди, поцелуй подари мне, как другу”.

Т е л е н о к:

“Другом зачем притворился и манишь лживым приветом?”

В о л к:

“Голод свои утоли и займи за трапезой место.
Но не проси у меня особо изысканной пищи,
Той, что из грязных котлов подается с пылу да с жару;
Лишь на столах богачей ты подобные кушанья встретишь
Будь умерен в еде и питайся сухою листвою,
Кушанья плотные вредны, они приносят болезни.
Есть у меня здесь латук, и редька, и разные зерна.
Мозг здоров у того, кто уксусом жажду смиряет.
Мозг больной порождает всегда безумство и ярость,
Власть над собой сохранишь, если пуст и легок желудок.
Скоро ежик вернется с тяжелой грудой яблок,
Выдра, искусный рыбак, мне рыбки достать побежала.
Слезы утри! королям затяни ты хвалебную песню.
Зря ты молишь богов: обречен ты подземному миру,
Жертвою станешь Плутона, – а он беспощаден, ты знаешь. –
Нынче ж, пока удастся, блаженствуй и радуйся жизни”.

Вот ложится теленок и пробует все, что подносят,
Ест он, что твердо, что мягко, и все, что влажно, что сухо,
Корм холодный иль теплый, господскую ль, рабскую ль пищу.
Волк, подвязавши передник, спешит подавать угощение,
Повара службу несет, свою должность правит усердно,
Кончен ужин обильный: объедков осталось немало,
В угол волк их относит и накрепко прячет в корзины.

Ночь пробежала уже половину небесного свода;
Этой порой возвратились прислужники волка, припасов
Разных с собой принесли: окуней различного рода,
Камбалы плоской и гибких угрей, толстолобиков жирных,
Мелких речных пескарей, каракатиц черных и раков,
Краснобородок, стерлядок, сельдей, осетров и форелей,
Был здесь и вкусный лосось, питомец рейнских затонов,
Не было также нехватки ни в рыбных богатствах Рабада,
Ни в многочисленных рыбах, живущих в глубинах Мозеллы;
Корюшек стая была, населяющих горные речки,
Тех, что своим плавником чешую любую пронзают.
Все это выдра достала, прислужник любимый и кроткий.
Пищу другую добыл покрытый иглами ежик:
Пряности, перец сухой, семена снотворного мака,
Листья капусты, порей и остро-жгучую редьку,
Нежный сладкий каштан, украшение господских пирушек,
Разных деревьев плоды, айву и крустумские фрукты.
Волк с благодарностью принял весь этот запас принесенный,
Все уселись за стол; и вот что промолвил “наставник”:
“Семь уж лет истекло и год восьмой на исходе
С дня, как плодами земли и рыбой я начал питаться;
Все покупал я на рынке и тем же гостей угощал я,
Жил по-монашески я, соблюдая устав монастырский,
Дорого стоило это, и средства мои истощились;
Вам благодарен душой – вы помощью верной мне были;
Тяжко гнетет меня старость, я вам оставляю наследство:
Ежику – скалы, а выдре – богатую рыбами реку”.
С нежной улыбкой они ему гладили шею и морду.
Вдруг, заметив меня, сейчас же воскликнули оба:
“Диву даемся: кто он? Что делает в нашей пещере?”
В о л к:
“Хлев свой он бросил и вот – в пещере теперь очутился.
Что-то не спится ему: я его держу под надзором,
Но, оставляя его в живых, я закон нарушаю:
Слишком его полюбил, незаконное дело творю я;
Завтра, однако, послужит он мне, как ему подобает;
Кровью наполнит он чашу, язык мой иссохший омочит,
Грудь мне очистит от слизи, – она мешает дыханью.
Кашель сухой – от бобов – пусть считает осел благозвучным,
Пищи такой пусть свинья своим хрюканьем грубым гордится
Я ж из-за этой еды все силы тела утратил,
Даже на землю ступить не могу моей лапой нежной,
Весь я исчах и иссох от пищи, мне непривычной.
(Варвары-франки пускай эти зерна в стручках поглощают!)

Что за прибыль от них? Куда лучше прежний порядок!
К старым я нравам вернусь, возвращусь я к прежнему быту:
Мясо вновь буду жрать и ко всем обращаюсь с советом;
Свежее мясо теленка вкуснее, чем чахлые рыбки!
Сил я опять наберусь и здоровья от жирного сока,
Вновь заиграет румянец на морде моей побледневшей;
Вкус привлекает, манит аромат, и безмерна услада!
Средства я все применю, чтобы грудь излечилась больная”.

В ы д р а:

“Ах, беззаконье ликует, закон попирая и правду”.

В о л к:

“Брось свои старые штучки, у них уже выпали зубы.
Сам я себе господин и не дам над собой издеваться”.

В ы д р а:

“Если есть разум в тебе, придержи язык за зубами:
Будь своей долей доволен, отцов соблюдая заветы.
Целых семь лет истекло, как избрал ты устав воздержанья,
Чрево свое отучил от вкушения мяса любого,
Всем соблазнам стола предпочел ты рыбную пищу,
Трапезу часто свою украшая нежной форелью.
Ныне ж теленка поглотишь, устав святой нарушая;
Как же могу я молчать и не лить мои слезы потоком?
Много обрушится бед, и бедою ты будешь проучен.
Ты лишь по званью монах, но стезю ты прямую покинул, —
Ты преступленье замыслил, устав отвергая священный.
Кроткого видя малютку, простишь с безумною злобой.
Бодрствовать должен монах — он обетом скован великим —
И наставленья устава оправдывать словом и делом.
Пусть ничего он “своим” не зовет, пусть все будет общим,
Братьям пусть бед не чинит, каких себе не желает.
Если не так ты живешь, окончишь жизнь, как преступник,
И, как разбойник, ты будешь казнен по канонам церковным”.

Умная выдра умолкла, сказавши ни много, ни мало.

В о л к:

“Тем, кто на ухо туг, об этом всем им поведай!
Хвостик теленка меж тем закушу бедром я ослиным.
Мать мне природа велела питаться так, не иначе”.

В ы д р а:

“Должен монаха язык вести лишь разумные речи”.

В о л к:

Если со мной хочешь дело иметь, обуздай свою дерзость”

В ы д р а:

“Время тратит напрасно, кто мокрую клеит посуду;
Если ж посуда грязна, то все, что кладешь в нее, скиснет”.

Новый день наступил, счастливый и самый желанный.
Только лишь солнца лучи разогнали покровы ночные,
Сторож стада с рожком обошел хлева и овчарни,
Кличет питомцев своих, проверяет, все ли на месте.
Чтоб не погиб ни один из тех, кто ему препоручен.
Слышит – корова мычит и бык ревет разъяренный,
Ищут по стойлам они своего пропавшего сына.
К ним подбегает собачка – она из породы Вогезской,
Дебри лесов ей знакомы – и верную весть им приносит.
“Думаю я, что могу вас порадовать, горем сраженных”;
В Библии есть в “Бытии” такие слова про Исава:
“Был он метким стрелком, носил колчан нагруженный,
Рог при себе он имел и лук натягивал ловко,
Слева носил на боку охотничью сумку большую”.
Он-то меня воспитал и водил за собой по трущобам,
После же смерти его я у вас приютилась, бедняжка.
То, что пришлось увидеть и услышать, меня испугало.
Есть здесь пещера в горах, а в ней – добычи без счета,
Я вчера на закате – уже от лая охрипши –
Вдруг слышала шум... барсука поймать я старалась.
Если пещеру обыщем, вернем пропажу мы в стойло”.
Гости чуждой слова прослушали нее со вниманьем;
Славно собачка ведет их, не хуже, чем целая свора,
В ногу со всеми бежит, обогнуть никого не стараясь,
Прямо приводит туда, куда она обещала.
Конный отряд выступает, за ним шагает пехота, –
Счетом больше она, но доблестью меньше и честью;
Опыта мало у ней, неуклюжа, но к битве готова.
Ростом огромный и силой своей равный целому стаду,
Бык разжигает их пыл, потрясает их яростным ревом,
Гул идет по земле, словно рушится все мирозданье.
Волк, пробужденный внезапно, вином и сном одурманен,
Слуг призывает к себе, от ратного дела отвыкших,
Храбрости ждет он от них, приученных только к безделью.
Волк влезает на вышку, чтобы лучше к врагам приглядеться,
Вид их в ужас ввергает его; отдышавшись, он молвит:
“Храбрые слуги мои, вы врагов моих видите гневных;
Злоба во всех них одна, не у всех у них равная доблесть.
Жаждут нас погубить, никого в живых не оставить.
Как вы поможете мне побороть разъяренное войско?
Не в рукопашном бою, не в стрельбе из лука – их сила,
Нет для метанья камней у них ни пращей, ни снарядов,
Я в их отрядах не вижу пернатых, коварных и злобных, –

Волк ведь копытом не бьет, а бык не может кусаться.
Лишь бы рогатый олень иль клыкастый кабан не явились!
Очень уж тяжко сражаться с клыками иль с рогом ветвистым.
Если осадят пещеру, тарану она не уступит,
Трудно найти в нее вход, не проскочит и крошка-мышонок.
Может, боюсь, только лис разрушить крепление камня;
Если не сможет один, позовет друзей он на помощь;
Он и вся шайка его моей лишь погибели ищут,
Это, наверное, он и всю эту свару затеял.
Там, где сил не хватает, всегда господствуют козни;
Пусть же лису на гибель коварство его обратится!”
Оба, однако, слуги, ничуть не поддавшись испугу,
К волку открыто вопрос обращают и просят ответа:
“Мы не свершали вовек беззаконий; в деяньях преступных
Мы не имели участия, нас кара не может коснуться. –
Нас ни один из этих врагов обвинить не посмеет
В братской крови пролитье, в убийстве сородичей гнусном.
Мы в беспорочном безбрачье всю жизнь провести собирались;
Благодаренье всегда всемогущему Богу возносим,
Давшему всем нам закон, положившему грани дерзаньям.
Много ты дать нам не мог, но ты договора держался,
Клятву ты нам приносил; истек уже срок семилетний
С дня, как союз наш скреплен; а теперь нашей смерти ты хочешь?
Это ль награда за службу, что ты нас на смерть обрекаешь?
Что за причина, скажи, что испуган ты лиса коварством?
И почему ты дрожишь пред ударами этого войска?
Вот, что узнать мы хотим, – где больное скрывается место?”

[Волк в ответ рассказывает длинную историю (ст. 392–1096) о том, как его дед оклеветал лиса перед королем-львом и лис был бы повешен, если бы не сумел оправдаться; лис же не только оправдался, но и отомстил волку, убедив больного льва, что ему для выздоровления надо завернуться в свежую шкуру, содранную с волка; после выздоровления льва лис выпросил себе во паденье ту пещеру, в которой теперь опять живет волк; каким образом волк снова завладел пещерой, не упоминается, но лис сохраняет на нее законное право и ждет случая, чтобы выгнать из нее волка. Этот случай представляется теперь, когда волк совершил новое преступление, заманив теленка. Выслушав эту историю, выдра опять напрасно убеждает волка выпустить теленка; волк отказывается.]

В ы д р а:

“Ты хорошо поступил, что нам подробно поведал
Все, что так долго скрывал; теперь вся тайна раскрыта.
Войско, быть может, помедлит, и это нам будет на пользу.

Я, под защитой святых, взгляну, что оно замышляет”.
Выдра влезает на холм, лежащий рядом с утесом,
Видит сейчас же, что лис королевскую грамоту держит:
Все подписались под ней, кто жил в ту прежнюю пору.
Войско храбро идет и голосом громким взывает:
“Пусть не решится никто преступить приказ королевский!
Птицы того расклюют, кто его веленья нарушит.
Тот, что другого клеймит клеветой, не получит награды.
Хочет он ложью прожить и намеки лукавые сеет.
С тыла тайком он кусает врага, повадкою волчьей,
Мысли скрывая свои, извращает он право и правду.
Он – рыболовный крючок, ядовитой насадкой снабженный,
Он смертоносный напиток дает, обещая лекарство.
Козни, что сам он затеял, ему же погибелью станут,
Что незаконно возникло, пускай незаконно погибнет.
Кто упорствует в лжи, пусть пищей воронам станет.
Всех подручных его в цепях отправят в Илерду,
Все же владенья его немедля вернутся к владельцу”.
Слышала выдра, какое решение принято было.
Страшных угроз испугавшись, охвачена страхом безумным,
Все, что увидеть пришлось, по порядку поведала волку
И убеждала его отпустить теленка на волю.

В о л к:
“Нет, я людей не боюсь и ничуть не дрожу перед лисом”.

В ы д р а:
“Ты презираешь совет, а меч уже к горлу приставлен.
Скоро и приговор смертный тебе придется услышать.
Будут и те казнены, кто вместе с тобой попадетя.
Помощи просишь: ее искать надо в мирное время,
Ты же не хочешь понять и не веришь тому, кто умнее.
Волю и нравы сильнейших владык ни во что ты не ставишь,
Честью было б тебе у них заслужить благосклонность;
Ныне ж захваченный замок они возвращают владельцу:
Верь, из пещеры никто не спасется, ни сильный, ни слабый”.

Выдра, послушник робкий, с холма вершины скатилась;
В страхе пред силой врага осажденный покинула замок,
Жизнь спасая свою, на дно речное нырнула.
Ежик, напротив, привык обитать в хоромах просторных,
Нынче ж ему довелось в скалистой щели укрыться.
Крепость атакой взята, торжествующе лает собачка,
Войско врывается в замок, досель не поддавшийся франкам.

Л и с:
“Здесь он, и больше нигде! Здесь скрывается тот, кого ищем.

Вот он, дядюшка мой! Как дела, любезнейший родич?
Вижу – цела голова и почтенной блеснит сединою.
Как ты красив! И лицо, и бедро, и зубы, и лапы!
От головы и до пят так и светишься весь белизною.
Славного отпрыск отца, воспитанный с сердцем невинным,
Видно, что ты возрастал в семье богатой и знатной,
Верно, и Конраду ты посреди королей не уступишь.
Знатностью всех превосходишь, кто предками может похвастать.
Ты и в науках силен, возвеличен безмерным почетом.
Кто б тебя мог обвинить в чем-нибудь, в чем меня обвиняют?
Можно ль тебе быть угодным? Добром ты на зло отвечаешь.
Отче, выйди ко мне! Пускай же все подивятся,
Сколь величавы все члены, сколь тело твое благородно!
Если в словах моих ложь, пусть мне голову грязью обмажут!”
Лиса льстивая речь затуманила голову волку.
Бедный же узник – меча острие его пощадило, –
Выждав, чтоб волк отодвинуть решил дверную щеколду,
Выпрыгнул быстро на волю; отца и мать разыскавши,
Сладкое вымя сосет и к матери радостно жметя.
Это – ясный пример, что правдива, как свет, поговорка:
“Лук пусть натянут, но в цель стрела не всегда попадает”.
Волка бык пригвоздил к стволу высокого дуба,
Лис эту казнь поощрил, обе лапы вниз опустивши,
Надпись надгробную тут же составил разбойнику злому:
“Вот, что Писанье гласит, и видим мы это на деле:
Горе тебе! если грабишь других, сам будешь ограблен.
Смерть готовит себе, кто возлюбит искусство коварства,
Радостей тот не пожнет, кто вступил на путь беззаконья.
Взглянет пускай на тебя, кто жить замыслит неправдой!”
Вот что лис произнес, вступая в наследье отцово.
Мать, возвращаясь с телянком, его расспрашивать стала:
“Что ж не расскажешь, сынок, что делал хозяин жестокий?”
Т е л е н о к:
“Милая мать, ты грешишь, вспоминая минувшие беды.
Вспомнить противно кощунство, что видел я в этой пещере.
Если я больше скажу, то это вас всех опечалит.
Сладостна скромная речь, утомляет рассказ многословный.
Грустно мне было, что вы за мной так поздно явились,
Впрочем, целую ночь я провел не так уж печально:
Был там приятель и друг, со мною плакавший горько,
Волка просил за меня он, потоки слез проливая.
“Выдрой смешною” его называют – известное имя.
Плещется вечно в реках он, наследник рыбных затонов.

Грусть мою он утешал, отирать мои слезы старался,
Зябкого друга от стужи ночной согревал возле печи.
Даже и в этой беде нам все же вздремнуть удавалось,
Вакха дарами меня угощал он и ласковой речью.
Ну, а ежа-хитреца, одного из прислужников многих,
Ирод-злодей наставлял, как готовить мясо телячье.
Он говорил, что я буду пасхальным праздничным блюдом,
Съест он меня целиком, не даст на кусочки разрезать.
Меч двуострый уже к моему он горлу приставил,
Жаждал меня, бедняка, растерзать кровожадную пастью.
Господу слава! Меня от зубов Он волчьих избавил,
Я невредимым вернулся в объятия матери милой”.
Благословенно вовеки святое имя Христово!
Тысячу с сотней стихов я сложил, да еще семь десятков.
Долог был труд, и теперь дозволено сном насладиться.
Надо поистине мне одуматься, бросить забавы,
Пеньем псалмов заменить пора уже легкие шутки.
Голод терзает меня, и зубам надо дать поработать.
Кончу я повесть мою, не прибавлю к ней больше ни слова.

“Разгневанный Ирод”

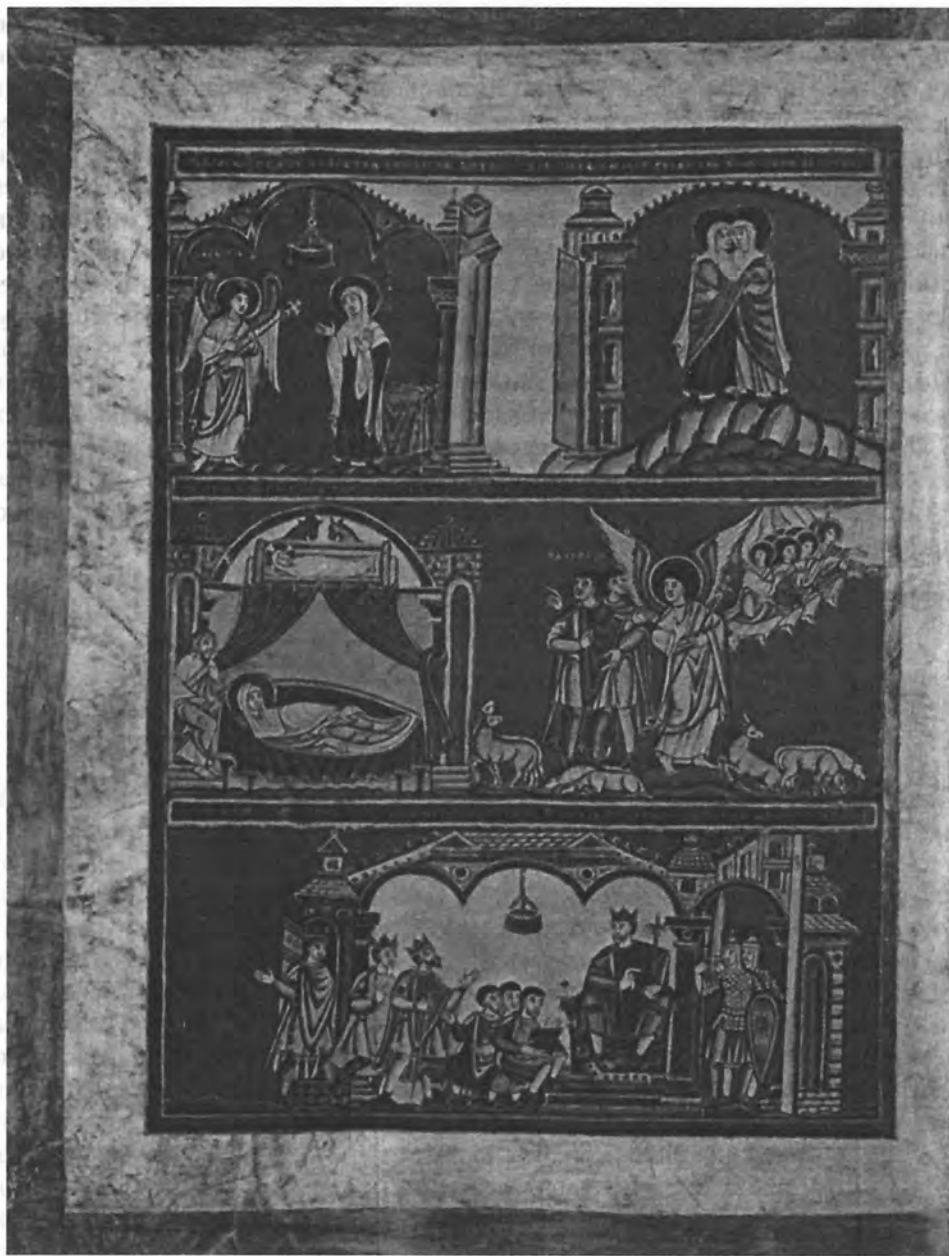
Литургическая драма “Разгневанный Ирод” относится к рождественским действиям. Она имела и другое название – “Чин Звезды”. Согласно П. Дронке, исследовавшему текст драмы, в ней имелось несколько явных инноваций: прелюдия пелась и представлялась пантомимой, герои характеризовались при помощи речи; использовались аллюзии на классическую литературу (в X–XI вв. средневековая Европа открыла для себя театр Теренция); Волхвы изображаются иностранцами, которые держатся спокойно и с достоинством, подобно Энею со свитой, прибывшему в Карфаген. Прошлое и настоящее сливаются: в прошлом день, в который игрался “Чин Звезды”, был по традиции, тем днем, когда Ирод отдал приказ об избииении младенцев в Вифлееме, а в настоящем это одновременно праздник Вифлеемских Младенцев и праздник младших клириков. В тексте драмы перемежаются ритм и метр. В течение всего действия участники его поют. Все эти особенности позволяют предполагать, что драма была написана в высококультурной среде. Возможно, “Чин Звезды” был написан в соборной школе Фрейзинга, что дало начало еще одному названию этого текста, – “Фрейзингское действо”. Средневековые латинские пьесы, изображающие путешествие Волхвов, известны под разными названиями: “Чин, или Служба, Звезды”, “чин Трех Королей”, “чин, изображающий Ирода”. В манускриптах 11 века сохранилось около 10 таких пьес. Они происходят из Франции (самая ранняя из Меца, после 1000 г.), Герма-

нии (Лорш, Регенсбург, Фрейзинг), Бельгии (Мальмеди), Австрии, Венгрии. Они дошли до нашего времени в разной степени сохранности – от нескольких фрагментов до полного текста “Чина Звезды” из Фрейзинга. Текст “Чина Звезды” сопровождался записью нот. По предположениям П. Дронке, пьеса исполнялась в соборе Фрейзинга, и потому сцена была организована следующим образом. Перед алтарем, на востоке, должен был находиться Вифлеемский вертеп. “Север”, по древнегерманским представлениям, “жилище Люцифера”, являлся подходящим местом для дворца Ирода. Возможно, его трон помещался на некое возвышение со ступеньками, расположенное у северных дверей собора. Во “дворец Ирода” Волхвы шествуют по “Иерусалиму”, т.е., спустившись с хоров, идут по главному нефу, и, таким образом, все присутствующие вовлекаются в действие, становясь “иерусалимскими жителями”. У южных дверей собора устанавливалось возвышение для пастухов. Пастухи по ходу пьесы идут к “Вифлеемскому вертепу” – к алтарю – и встречаются там с Волхвами, идущими от Ирода. Отмечено, что речь Пастухов, Волхвов и Ангела тесно связана с литургической традицией, тогда как в языческом царстве Ирода герои говорят гекзаметром или даже употребляют рифмы.

Перевод сделан по изд.: *Nine Medieval Plays* / Ed. P. Dronke. L., 1998. P. 58–90.

«Разгневанный Ирод»

Царь входит и на златой престол восходит,
О себе принимает решение,
Издает повеление:
“Кто власти царевой зло причинит,
Тому неминуемая гибель грозит”.
А н г е л *(начиная)*.
Пастыри, благовествую вам велие ликование.
П а с т у х и.
Пойдем в Вифлеем и узрим слова сего исполнение.
Х о р.
Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение.
В о л х в ы *выходят*.
Звезда сияньем золотым блистает,
Рождение Царя Царей объявляет,
Приход Его пророчества издавна предвещают.
Пойдем же, Его найдем,
Дары Ему принесем:
Злато, ладан и смирну.
В о л х в ы, *обращаясь к жителям Иерусалима*.
Скажите нам, Иерусалимские жители,
Где народов Упование,

Рождественский цикл. Золотой Кодекс из Эктернаха. Ок. 1031 г.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
P. 2. L., 1999. P. 196

Новорожденный Царь Иудейский,
Которому мы пришли поклониться,
Ведомые знаменьями небесными.

В е с т н и к *(вбегая)*.

Приветствую тебя, царь Иудейский!

Ц а р ь.

Что за новость несешь ты?

В е с т н и к:

Прибыли к нам, господине,

Три мужа неизвестные,

с востока пришедшие,

Некого Новорожденного Царя ищущие.

Ц а р ь.

Что заставило их сюда придти,

Кто они, велю, расспроси.

В е с т н и к *(к волхвам)*.

Какая необычность дела

Или какая причина побудила

Вас идти неведомыми путями?

Кто вы? Откуда родом вы?

Мир нам несете иль меч?

В о л х в ы *ответствуют*.

Мы халдеи есмы,

С миром приходим,

Царя царей ищем,

Рождение Его звезда указывает,

Которая ярче прочих сияет.

О р у ж е н о с е ц *(к царю)*.

Живи, царь, в вечности.

Ц а р ь...

Какие приносишь новости?

Что в городе слышно, возвести.

В е с т н и к.

Царь, несу удивительные вести:

вот, три царя...

Ц а р ь.

К себе их призовем,

Речей их послушаем.

В е с т н и к.

Царь вас своим повелением призывает,

Не медля, идите!

В е с т н и к *(предваряя волхвов)*.

Вот, звездою водимые, волхвы идут,

Царя царей ищут.
Прикажи им подойти, пусть скажут, что знают,
Кто таковы, почему пришли, что о нас слышали.
В о л х в ы (*царю*).
Приветствуем тебя, владыка Иудейский!
Царь:
По какой причине вы странствуете,
Кто вы и откуда путь держите?
Скажите.
В о л х в ы.
Царь есть причина странствия;
Мы же цари аравийские,
Сюда пришедшие.
Ц а р ь.
Какого Царя вы ищете,
Как о рождении Его узнаете?
В о л х в ы *ответствуют*.
О рождении Его мы узнали,
Ибо звезда на востоке нам возвестила.
Ц а р ь.
Верится ли вам, что Он воцарится?
Нам скажите,
Не потаите.
В о л х в ы *ответствуют*.
Признаем, что он воцарится.
С таинственными дарами
Запутанными путями
Пришли мы Ему поклониться.
П е р в ы й.
Злато Царю.
В т о р о й.
Ладан Священнику.
Т р е т ь й.
Смирну Смертному Человеку.
Ц а р ь *к воинам*.
Эй, мои соратники,
Пусть придут сюда книжники,
Знающие пророческие книги.
В о и н ы *к книжникам*.
Вы, Закон знающие,
Царем призванные,
С книгами пророческими,
Поспешая, придите.

Ц а р ь к книжникам.

На вопрос ответьте, о книжники,

Не сказано ли в ваших книгах

О Сем Младенце?

К н и ж н и к и *ответствуют.*

Видим, господине,

В книгах пророческих,

Что родится Христос

В Вифлееме, граде Давидовом,

Так пророками предсказано.

А н т и ф о н.

И ты, Вифлеем, земля Иудина,

ничем не меньше воеводств Иудиных;

ибо из тебя произойдет Вождь,

Который упасет народ Мой Израиля.

(Мф 2:6)

Ц а р ь к книжникам.

...особое в вещах разумение.

Прочь подите, достойные, с вашими пророками.

Ц а р ь *бросает книгу (к знатым мужам).*

Знатные мужи,

дайте нам совет,

честной и похвальный.

О р у ж е н о с е ц (*царю*).

Слушай, что сделаешь, царь, пусть и прост сей совет, но полезен:

Без промедленья волхвов награди дорогими дарами,

Чтоб отыскали Царя, в Вифлееме рожденного ныне,

И, возвратившись к тебе, путь неложный к Нему показали.

Ц а р ь.

К нам приведи поскорей чужеземных правителей, воин.

О р у ж е н о с е ц (*волхвам*).

Царь приказал вам пред ним появиться.

Ц а р ь к волхвам. *К первому.*

Кто ты, ответь, впереди по годам и по чину стоящий.

П е р в ы й в о л х в *ответствует.*

Я, о почтеннейший царь, управляю Халдейской державой.

Ц а р ь (*второму*).

Скажи, откуда ты?

В т о р о й в о л х в *ответствует.*

Область Фарсийская мне, Зороастру, во всем подчинилась.

Ц а р ь.

А ты, третий, откуда ты?

Т р е т ь и й в о л х в *ответствует.*

Знойной Аравии я полновластный и грозный владыка.

Ц а р ь, *получив совет, говорит.*
Идите и Младенца усердно ищите,
Найдя, возвращайтесь и мне расскажите,
Чтобы и мне пойти Ему поклониться.
В о л х в ы, *взирая на звезду, поют.*
Вот, звезда на востоке воссияла,
Снова, светлая, в путь нас призвала.
В о л х в ы *(пастухам).*
Пастыри, скажите, не видели ль вы чего?
П а с т у х и.
Младенца мы видели, пеленами повитого.
А н г е л *(издалека).*
Кто суть те, звездою ведомые,
К нам идущие,
Неслыханные дары несущие?
В о л х в ы *ответствуют.*
Мы, кого вы видите,
Звездою ведомые
Цари Фарсийский, Аравийский и Савский,
Дары несущие
Христу, Царю, ныне рожденному Господу.
П о в и в а л ь н ы е б а б к и.
Вот Младенец, Которого ищете,
Поспешите же и поклонитесь Ему,
Ибо Он есть мира Искупление.
В о л х в ы *(входя в вертеп).*
Приветствуем Тебя, Владыка вечности!
П е р в ы й.
Прими, Царь, злато.
В т о р о й.
Возьми ладан, ибо Ты – Истинный Бог.
Т р е т и й.
Вот смирна, знак погребения.
А н г е л *(простершимся волхвам).*
Исполнено все, что в пророчествах сказано.
Идите, другой возвращаясь дорогою,
Чтоб вам потом не нести наказания
За то, что Царя вы губителям предали.
В о л х в ы *(уходя, поют антифон).*
О Царь Всесильный земли и неба,
Кому силы ангельские служат,
В вертепе пребывает Держащий вселенную,
В яслях возлежит Владыка Громов облачных.

В е с т н и к.

Волхвы обманули тебя, господине.

Другою они возвратились дорогою. {...}

Ц а р ь (*вскакивая на ноги*).

Гнева моего буйство угашу убийством.

О р у ж е н о с е ц (*царю*).

Позволь, господине, отомстить за твой гнев,

Вели ненасытным сим мечом детей убить.

Может быть, среди погибших погибнет и Младенец.

Ц а р ь (*вырывая меч из ножен, отдает его Оруженосцу*).

Мой верный оруженосец, пусть сей меч младенцев косит.

ИЛИ:

Пусть погибнет каждый младенец,

Обыщи хорошенько кормилиц,

Чтоб обманом из них ни одна

Дитя мужеска пола не спасла.

Этот стих поют отроки на Царском шествии

Так ежегодно сей день награждается царской хвалою,

Он в нашу жизнь возвратил озаренье Нетварного Света,

Радость он людям принес, исполнение древних пророчеств,

Царство – Благому Царю, мир – обширному кругу земному.

Нам же сей праздничный день подарил ликованье и песни.

Царствовать должно Тому, Кто, по праву венцом увенчанный,

Носит и Имя Царя, и обычаем царским известен.

По окончании службы отроки поют

Радостные, ликуют святые хоры ангельские,

Ангел Великого Совета родился от Девы, от Звезды – Солнце,

Как звезда луч свой, родила Дева Сына Прекрасного.

“Руодлиб”

Латинская поэма, известная под названием “Руодлиб” по имени героя ее, является первым дошедшим до нас “рыцарским” авантюрным романом, еще довольно несложным по фабуле, но дающим много интересного материала: и бытового, и фольклорного, и даже политического характера.

Имя автора неизвестно, но, поскольку рукопись поэмы, хотя и дошедшая до нас в сильно поврежденном виде, написана в монастыре Тегернзее (в Баварии) в XI в. (второй экземпляр конца XI в. найден тоже в монастырской библиотеке св. Флориана), предполагают, что автором был монах первого монастыря. Рукопись состоит из восемнадцати пергаментных двойных листов большого формата, но с лакунами, так что полностью

связного повествования мы получить не можем и промежутки приходится дополнять предположительно. К сожалению, не имеется конца, в котором, очевидно, заключалась развязка повести. Впрочем, есть предположение, что поэма и не была окончена ее автором, так как в рукописи на обратной стороне первого и последнего листа той же рукой, как вся поэма, написано 11 эпиграмм, посвященных различным предметам обихода. Повреждения рукописи значительны – ее переплели и при этом на многих листах обрезают и испортили клеем начало многих стихов, а иногда всю первую половину их.

Содержание поэмы вкратце следующее. Некрупный и небогатый феодал Руодлиб, долго служивший у более мощных “князей”, вынужден покинуть родину: князья не награждают его за верную службу, а товарищи враждуют с ним. По пути он встречается с королевским охотником, и тот устраивает его на службу к самому королю, где Руодлиб показывает и свое искусство на охоте и рыбной ловле, и храбрость на войне, когда некий граф, чьи владения граничат с землями короля, совершает разбойничий набег, кончающийся поражением. Граф ссылается на приказ “своего” короля, но тот отказывается от него, хочет примириться с “главным королем” и просит его покровительства (по-видимому, здесь подразумеваются отношения между императором и местными герцогами). Подробно описаны приезды послов, мирные переговоры, подарки, которыми обмениваются короли.

Через несколько лет Руодлиб получает письмо от матери; она зовет его домой. Король награждает его богатыми подарками и дает ряд полезных советов. Руодлиб едет домой, переживая по дороге новые приключения. Где-то он встречается со своим племянником (этот эпизод утерян), заезжает с ним в замок к его вдовствующей владелице. Племянник Руодлиба влюбляется в дочь владелицы и с дядей возвращается домой, чтобы готовиться к свадьбе. Мать Руодлиба хочет женить и его, но он узнает, что девушка, которую ему сватают, была любовницей клирика, и ловко выводит ее на чистую воду. Мать Руодлиба видит сон о будущем величии своего сына – он победит сказочного короля гномов и сам станет королем. Руодлиб едет искать счастья, встречает и побеждает короля гномов – на этом поэма обрывается.

Как видно из изложенного, в поэме переплетены картины реальной жизни, рыцарского быта с фантастическими мотивами. Отношения крупных феодалов к мелким, менее богатым и мощным, обрисованы с осуждением. Напротив, сильно идеализирован “главный” король, император: он стремится только к миру, старается обуздать своевольных феодалов, ласков с подчиненными, умеет быть благодарным за услуги; он щедр и благожелателен. Возможно, что под этим идеализированным образом автор подразумевал Генриха III, императора хорошо образованного и очень энергичного (либо его отца, Конрада II). Это тем более правдоподобно, что описание драгоценностей, которые король дарит Руодлибу, соответствует сохранившимся в Майнце украшениям королевы Гизелы, матери Генриха III.

Вторым заслуживающим внимания элементом романа являются мотивы “плутовской” новеллы на темы, которые впоследствии дошли до фацетий эпохи Возрождения: король, прощаясь с Руодлибом, советует ему не верить рыжим людям, а ночуя в какой-нибудь деревне, останавливаться не там, где у старого хозяина молодая жена, а у пожилой вдовы, либо у пожилой женщины с молодым мужем. Уехав от короля, Руодлиб скоро встречается с навязчивым рыжим бродягой, который сперва обкрадывает его, а потом на ночлеге соблазняет молодую хозяйку и убивает ее старого мужа. Рассказ о суде над изменившей мужу женщиной, приносящей искреннее покаяние, и над рыжим злодеем не закончен. Также несколько комически-буффонадный характер носит и рассказ о мнимом сватовстве Руодлиба к девушке, потерявшей девичью честь.

Наконец, чисто сказочный мотив, очевидно, должен был быть развернут в эпизоде с королем гномов и его красавицей-женой, только “очень уж маленького роста”.

Поэма не лишена затяжек и повторений (например, растянут рассказ о сватовстве и о свадьбе племянника), но имеет и художественные достоинства: живо изображено горе Руодлиба и его домочадцев при его отъезде с родины, просто и искренно написано письмо его матери.

Язык поэмы – подлинная средневековая латынь, античные реминисценции почти отсутствуют (в этом она сильно отличается от поэмы раннего средневековья, включая “Вальтария”). Стих ее – довольно правильный гексаметр, правда с некоторыми нарушениями долготы и краткости слогов, но уже со сплошной леонинской рифмой (вернее, ассонансом), почти недоступной для нашего слуха и в нашем переводе не переданной.

Текст приводится по изд.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 128–145.

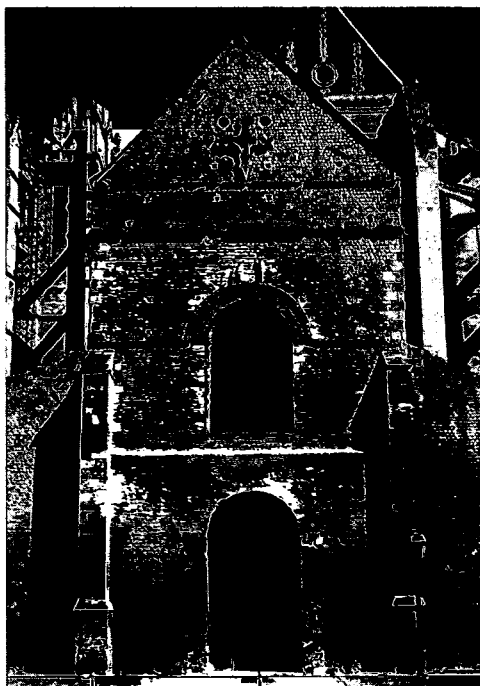
«Руодлиб»

Л и с т 1

Жил некий муж благородный, потомок семьи родовитой,
Доблесть врожденную он украшал своими делами.
Многим богатым князьям ему служить приходилось,
Часто приказы он их исполнял, но ни разу не видел
Он ни наград, ни похвал, подобавших ему по заслугам.
Кто б из князей ни велел вместо них отомстить за обиду
Или какой-либо труд по их желанью исполнить,
Брался за дело всегда без отказа, нимало не медля.
Жизнь свою он не раз подвергал опасностям грозным
В жарком бою, на охоте, в нежданных схватках с врагами,
Счастья, однако, не знал – никто даже малого дара
Не дал ему: обещанья всегда князья нарушали.

Нажил он много врагов за свою усердную службу,
Их одолеть был не в силах и что ему делать не ведал.
Даже и жизнь уберечь – он на это надежду утратил.
Матери он поручил вести управленье именем,
Край свой покинул родной и направил свой путь на чужбину.
Оруженосец один лишь ему стал спутником верным,
Торбу взвалил на коня дорожную, с разной поклажей
(С раннего детства привык он нести при хозяине службу):
Справа он торбу повесил, а слева – копые господина,
Правой – копые ухватил, колчан под щитом закрепивши,
Сам же сидел на мешке с зерном для конского корма.
А господин был одет иначе – в камзол и кольчугу,
Шлем – а не шапку – носил, сверкающий яркою сталью,
Был мечом опоясан с литой золотой рукоятью,
Коготь изогнутый грифа – рожком на охоте служивший –
Шею ремнем обвивал; был тот коготь в пол-локтя длиною.
Он на обоих концах, на широком и узком, украшен
Золотом был и скреплен полоской кожи оленьей.
Не был он снега белей, но светился насквозь, как алмазный,
Если ж подуют в него, он гудел, как труба боевая.
Матери, дому родному сказать “прости” приходилось.
Ждал уже конь вороной, скребницей начищен и вымыт.
Масти особой он был – белый волос был виден сквозь черный.
Свесилась с шеи крутой налево грива густая,
Пышен был конский убор – так господским коням подобает.
Возле седла приторочен был кожаный кубок дорожный,
Смазан внутри и снаружи он был смолой ароматной,
Так что напиток любой в этом кубке слаще казался;
И покрывалось седло небольшой пурпурной подушкой.
Путник вскочил на коня, и конь высоко подпрыгнул,
Словно обрадован был, что несет на себе господина.
Быстрый охотничий пес носился то слева, то справа;
Чутким он был следопытом, едва ли нашелся бы лучший;
Дичи такой не водилось нигде, ни крупной, ни мелкой,
Чтобы укрыться могла – ее он разыскивал мигом.
Всадник с последним “прости” обратился к матери, к слугам;
Хлынули слезы из глаз, когда всем он дарил поцелуи.
В руки поводья схватил и, коня пришпорив, рванулся
В поле широкое, вдаль – так быстро лишь ласточка мчится.
Мать сквозь решетку окна его провожала глазами,
А домочадцы взошли наверх, на зубчатую башню,
Вслед глядели ему, тяжело вздыхали, рыдали.
Только он скрылся из глаз, как все расплакались горше,

После, рыдания сдержав,
они лица умыли водою,
Чтобы пойти к госпоже
и ее попытаться утешить.
Но, свою боль затаив,
слова надежды притворной
Им говорила она, чтоб горе
их успокоить.
Сына ее между тем забота терзала
не меньше,
Он во время пути размышлял
обо всем, что случилось:
Как за верную службу ни разу
награды не видел,
Как из-за многих врагов,
окружавших его отовсюду,
Должен он ныне покинуть пределы
родины милой.
Думал также о том, куда он поступит
на службу.
Если ж фортуна к нему враждебной
будет, как прежде,
Если товарищи снова завистливы
будут и злобны,
Станет ли жизнь его легче?
Быть может, трудней и печальней?

Нотр-Дам-де-ла-Басс-Эвр. Бёвуа.
Кон. Х в.

Тяжко вздохнув, со слезами он к Богу с мольбой обратился,
Чтобы его не покинул в нужде, не дал бы погибнуть,
Помощь ему ниспослал, даровал над несчастьем победу.
Так он, печальный, вступил в пределы края чужого.
Вскоре попутчик нашелся ему – королевский охотник;
Вежливым оба приветом они обменялись, как должно.
Ростом изгнанник был статен, и мужествен был его облик,
Звучен был голос его, и ответ – суров и достоин.
Кто он – охотник спросил – и едет куда и откуда,
Но на вопрос не ответил ему чужеземец ни слова.
Спрашивать снова охотник не стал, в уме размышляя:
“Это навряд ли посол, уж очень бедна его свита,
Кто ж при дворе его меч понесет, кто подарки разложит?
Беден он, думаю я, но доблестен (это же видно)”.
Он помолчал, как прилично, и новую сделал попытку:
“Ты не сердись, если снова к тебе обращаюсь я с вопросом:
Пользу тебе принести я хочу, а вредить не намерен.

Начало Евангелия от Луки. Корвей. Ок. 900 г. *Mayr-Harting H.*
Ottonian Book Illumination. An Historical Study. P. 2. L., 1999. P. 171

Я – королевский охотник, слуга любимый и верный.
Чаще, чем многих других, меня он выслушивать любит.
Если ты край свой покинул родной из-за тяжких усобиц,
Если в здешней земле – что и мне, и тебе не родная –
Службу ты хочешь найти, одержать над невзгодой победу,
Дам я полезный совет; ты, надеюсь, его не отвергнешь
Если в охотничьем деле ты опытен, ловок, искусен,
Верь мне – изгнание твое для тебя обернется удачей!
Любит охоту король и любит ловчих умелых.
Тот, кто имеет, дает, – что же может дарить неимущий?
Он же не каждый хоть день, да зато дает постоянно.
Впредь не будет заботы тебе об одежде и пище.
Если ему кто-нибудь подарит коней превосходных,
Нам поручает проверить, насколько они быстроноги,
Легок ли конь на скаку, не упрям ли в беге по кругу.
После дарит их тому, кому конь всех более нужен.
Корм для коня никогда покупать тебе не придется.
Только захочешь – скажи, и тебе насыплют, не меря.
Часто король на пиру покинет гостей своих знатных,
К нашим столам подойдет, беседует с нами и шутит,
Кушанья лучшие нам со стола своего посылает.
Это – не плата для нас, а чтоб нам оказать уваженье.
Если согласен со мною вступить ты в крепкую дружбу,
Верности клятву дадим, по рукам с тобою ударим,
Чтоб неразлучны мы были до горького смертного часа.
Где бы нам быть ни пришлось, пусть каждый за дело другого,
Как за свое – если может помочь – душою болеет”.
Речи поверив такой, изгнанник ответил не медля:
“Да, ты поистине мне доказал, что добра мне желаешь.
И не могу я презреть твой совет, от сердца мне данный.
Как моя доля сложилась, ты правильно сам догадался.
Так закрепим же с тобою союз и верную дружбу”.
Давши друг другу десницу, они договор заключили,
Прочную дружбу свою скрепив поцелуем взаимным,
Единодушно служить одним и тем же владыкам.
Ехали долго они, о делах своих рассуждая,
И недалеко уже была королевства столица.
Путник там каждый вступал под власть королевских законов.
В замок войдя, своих слуг и коней отправив на отдых,
Вместе сейчас же они ко двору короля поспешили,
Ловчего видя, король к нему обратился с вопросом:
“Где побывал ты, о чем ты слышал, поскорей расскажи нам!
Выследил, может быть, ты, бродя по трущобам лесистым,

Сен-Фуа. Конк. Кон. XI в. *Xavier Barrali Altet*. The Romanesque. Köln. 2001. P. 61

Иль кабана, иль медведя? И можно ль затеять охоту?”
Не как владыке ответил охотник, скорее как другу:
“Нет, я зверей не видал: но того, кто их усмиряет,
Выследил я и поймал и к тебе с собою привел я.
Юноша этот достоин тебе послужить, я уверен;
Он искусством охоты давно и умело владеет,
Это я вижу и сам по всему его снаряженью.
Будет коль милость твоя, его ты сам испытаешь.
Вот его скромный подарок; он просит его не отвергнуть.
Просит принять пришлеца под твою высокую руку”.
Гончую масти двцветной держал он левой рукою.
Был к ошейнику пес золоченой привязан цепочкой,

[На 2 листе рукописи идет рассказ о рыбной ловле; здесь Руодлиб показывает свое искусство заманивать рыбу особой травой “буглосса”, которая лишает рыб зрения. Потом он применяет это же средство во время волчьей облавы. В это время после долгого мира соседний маркграф совершает неожиданный разбойничий набег на границы государства; Руодлиб становится военачальником, разбивает войско маркграфа и берет его самого в плен. Маркграф ссылается на приказ “своего” короля, Руодлиб ему возражает.]

Л и с т 3

“Нет, приказа такого, я знаю, король ваш разумный
Дать бы не мог; но виною твоя пустая надменность.
Вот теперь и смотри, какой ты чести добился.
Ты преступленье свершил, ища себе призрачной славы.
Мог бы тебя по заслугам повесить я вниз головою”.

Воины вскрикнули все: “И повесь! Чего же ты медлишь?
Но отвечал Руодлиб: “Нет! Наш король не велел нам
Тех губить, кто нам сдастся, и тех, кого в плен мы захватим.
Был нам приказ: если сможем, отнять у врагов их добычу,
Наших из плена вернуть. Мы исполнили то и другое,
Тех победили, кто нас победил, – чего же нам больше?
Львом ты в битве себя покажи, а в возмездье – ягненком.
Честью не будет для вас, если станете мстить за убытки,
Гнев свой уметь обуздать – это лучший способ отмщенья.
Вот почему я прошу, чтоб решили вы все добровольно:
С нами пусть едет маркграф, своего лишенный оружия;
Будет ли собственный конь ему дан или лошадь любая,
Только пусть конюший будет при нем, который умело
Сможет коня расседлать, напоить и задать ему корму.
Пусть пред глазами маркграфа пройдет, заковано в цепи,
Войско его; пусть увидит, в какую пучину позора
Вверг он людей, чтоб опять не затеял такую же распрю”.

По сердцу воинам всем пришлось слова полководца,
И с ликованием они в свой край родной поспешили.
Даже и те, чьи дома сгорели во время набега,
Горе забыли свое – они снова были свободны.

[Руодлиб докладывает своему королю об удачном походе; король одобряет его образ действий, велит хорошо обращаться с пленными, Руодлиба же посылает во главе посольства к “младшему” королю, предлагая переговоры и заключение мира. “Младший” король принимает посольство очень любезно и соглашается на все условия.]

Л и с т 4

С речью такую король к послам, их позвав, обратился:
“Ваш государь своим другом в посланье меня называет;
Я советникам всем сообщил о его завереньях.
Милостив он и к тому, кого бы он мог уничтожить.
Нам возвращает он тех, кто был бы казни достоин.
Честь он мне оказал большую своим милосердьем.
Нам же теперь надлежит воздать ему благодарность,
Если все то, что чрез вас обещал, он исполнит по правде”.

“Знай, – ответил посол, – никогда в его не было нравах
Слово хотя бы одно изменить в своих обещаньях.

Правда – все, что он скажет, всегда его слово правдиво”.
Молвил король: “А когда же и где мы встретиться можем?”
“Время и место назначить – твое королевское право”.
“Нет, – король возразил, – ты выбери место для встречи,
Где мы на тысячу лет установим мир нерушимый”.
“Если согласен и ты, и советники, – молвил посланник, –
Лучше не может быть места, где можно бы встречу назначить,
Чем то широкое поле, где мы лишь недавно сражались.
Эта равнина граничит и с нашей, и с вашей землею,
Там победили мы вас и своим вернули свободу,
Там же и ваши пойдут по домам, с нами мир заключивши”.
Все согласились с послом: на равнине места довольно,
Чтоб разместиться могли там две королевские свиты.
Срок трехнедельный до встречи назначили общим решением.
Встал с престола король и, советников всех отпуская,
Он в покои свои на отдых к себе удалился.

Л и с т 5

Было для встречи гостей приготовлено место на поле:
Вкруг – сидений ряды, середина ж пустой оставалась;
К трапезам здесь созывать мог король и утром, и в полдень
Многих епископов – счетом двенадцать – и столько ж аббатов.
Тут же разбит был шатер обширный, повернут к востоку;
Шел от него переход к другому шатру небольшому,
Где при поездках всегда помещалась походная церковь;
В нем был воздвигнут алтарь, покрывалом роскошным украшен;
Крест короля был положен на нем и венец королевский.
Там ежедневно король мог слушать церковную службу,
Утром – на мессе бывать, посещать вечернее бденье,
Также моленья дневные всегда исполнять по уставу.
Прибыл старший король и, немедля мессу прослушав,
К младшему он отправляет посла, того же, кто раньше
Вел с ним беседу, в тот день, когда сговорились о встрече.
Видеться он предложил до того, как завтракать сядут.
Младший король, принимая посла, ему улыбнулся
И поцелуй подарил. “Что скажешь? – спросил он тотчас же. –
Рад я видеть тебя, заслужил ты мою благодарность”.
“Мне государь мой велел передать, что с тобой увидаться
Он бы хотел поутру, покуда за стол не сядились.
Выйдет к тебе он на мост, что наши края разделяет.
Там будет мир заключен и будет закончена распря,
Пленных тебе отдадут; ты жалоб от них не услышишь,
Ведь возвратятся они с достатком, большим, чем прежде”.
“Так пусть и будет”, – ответил король, посла отпуская.

Встретились там короли, где решили, согласно условию,
И, не сказавши ни слова еще, обменялись лобзаньем.
Наш король повелел всем высоким сановникам церкви
Так же, как он, поступить – сам почтил поцелуем аббатов;
Тот же почет был оказан прибывшему с ним духовенству.
Заняли место свое короли, прелаты, аббаты,
Вместе с ними князья и две королевские свиты,
К ним обратился великий король с разумною речью:
“Наш любезнейший друг, король, нами всеми любимый!
Все, что я обещал, в чем поклялся, я ныне исполню.
То, что в пылу неразумья затеяли наши народы,
Мы должны им простить и мир заключить между ними.
Пусть друг с другом они в согласье живут без обмана,
Впредь пускай ни один о своих невзгодах не вспомнит,
Пусть позабудет о них и о мести пускай не помыслит.
Лучше добром я за зло отплачу, чем победой неправой”.

Встать хотел младший король, чтоб воздать благодарность достойно,
Наш же его удержал; он сел, но все же воскликнул:
“Столько деяний благих для нас ты свершил, что едва ли
Сможем тебе отплатить мы за это полною мерой.
Тот, под чьею рукой ты победное носишь оружие,
Он возвеличил тебя и покрыл тебя славой и честью.
Нет нужды мне теперь осыпать тебя похвалами.
Доблесть твоя, милосердие и щедрость повсюду известны,
Недруги даже твои восхваляют тебя против воли.
Я же и весь мой народ служить тебе верой и правдой
Ныне должны и вступить под твою победную знамя!”

“Так да не будет! – сказал наш король. – Покуда живу я,
Прав я твоих никогда и чести твоей не затрону.
Ты – король, как и я, над тобой величаться не стану,
Равным владеем мы правом, нам равный почет подобает.
То, за чем мы пришли, что задумали, то мы исполним.
Ныне – прими же своих и взгляни, как мы их почтили”.

Это промолвив, ввести приказал он пленника-графа
В пышной одежде, с оружием, как будто готовым на битву.
Пленников шло вслед за ним девятьсот, ни один из отряда
Не был без новой одежды, и не был никто безоружен.
“Вот они, – молвил король, – те, кого судьба пощадила.
Сами же были они беспощадны; когда победили,
Грабили, жгли и людей убивали коварно и злобно.
Как обращался я с ними и чем отплатил за злодейство,
Сам ты услышишь от них; пусть, вернувшись, тебе порасскажут.
Пусть же теперь, присмирив, к обычаям прежним вернуться,

Пусть земляками опять и верными станут друзьями”.
Так был мир заключен и дана взаимная клятва,
Чтобы никто никогда не дерзнул эту клятву нарушить.
Мир заключив, короли в шатры свои возвратились.
Сели со свитой за стол; и великая радость царила;
Все ликовали в тот день, что вернулись друзья невредимы.

[“Младший” король готовит для “старшего” короля и его свиты подарки – драгоценности, диких зверей; для его светских спутников – коней и дорогое оружие; для духовенства – много золота. Щедро награждены Руодлиб и его спутники по посольству.]

Все приготовив подарки, король удалился на отдых,
Но приказал известить, когда его гость пробудится.
Сам же велел, отдохнув, чтоб мула ему оседлали,
С малою свитой, верхом, он в лагерь гостя поехал.
Там, спеша, сбежалось к нему немало народа,
Сам же король усадил его рядом с собою любезно.
Младший промолвил: “Меня удостой своим посещеньем,
Скромных подарков моих, я надеюсь, ты не отвергнешь;
Тех, кто приехал с тобой, я тоже к себе приглашаю”.
“Так пусть и будет”, – ответил король, и оба расстались.
Старший король пригласил к себе своих приближенных,
Возле себя усадил и такое им дал наставленье
(Было в привычках его, что просьба равнялась приказу):
“Каждый из вас свою честь пусть ценит выше подарков,
Пусть ни один не возьмет того, чем король вас одарит.
Думать не должен никто, что вас привлекает нажива.
Как поступлю я, глядите и так же, как я, поступайте”.
Все пошли с королем и приняты были с почетом.
Трижды чаша вина их всех кругом обходила.
Младший король попросил гостей идти за собою.
Он их привел на широкий лужок, обнесенный оградой;
Там стояли столы, а на них громоздились подарки;
Возле в роскошном убранстве стояли на привязи кони,
Были и мулы и много верблюдов огромного роста,
Тридцать онагров стояло, уже укрощенных и смирных:
Львы, наводящие ужас, и подле них леопарды,
Рысь прикована крепко была золотою цепочкой,
Связаны были друг с другом большой павиан и мартышка,
Два близнеца-медвежонка играли в забавные игры,
Пять прирученных птиц, человеческой речью владевших:
Ворон, скворец, попугай и сорока с болтливой галкой.
Молвил король: “Это все для тебя, досточтимый владыка,
Эти дары – духовенству, а эти – его подчиненным.

Старший король, на подарки взглянув, оценил их высоко.
Молвил дарителю: “Слишком они изобильны и пышны.
Мы не хотим, чтобы ты понес столь тяжелый убыток.
Добрую волю твою принимаю я вместо даренья;
Двух медвежат я возьму – они славно играют,
Дочке моей передам от тебя я скворца и сороку;
Но благодарность тебе воздаю, как если бы принял
Все я, но я не хочу, чтоб епископов, графов, придворных
Ты одарял; лишь аббатам, коль хочешь, и скромным монахам
Можешь дарить – я не спорю – тебе это все возместится.
Всю свою жизнь ведь они посвятили Всевышнему Богу,
Ночью и днем за тебя молитвы возносят усердно,
То, что подарить ты им, принесет самому тебе радость.
Сильных же мира сего осыпать не позволю дарами”.

Он умолчал – а быть может, забыл – об епископских служках
Им потихоньку вручили дары, их всех осчастливив.
Против запрета король никого б наградить не решился,
Да и никто бы не взял ни большого, ни малого дара.
Вот поцелуем прощальным уже короли обменялись,
Молвил друг другу “прости”; и оба домой возвратились.
Только успел Руодлиб вернуться к себе, как неожиданно
Вестник прибыл к нему с известьем от матери милой.
Радостно принял его Руодлиб, вопрошая: “Скажи мне,
Как моя мать – здорова ль она и как ей живется?”
Вестник ответил: “Жива и здорова; тебе посылает
Это письмо; ты больше поверишь ему, чем рассказу”.

Взявши письмо, пригласил к себе Руодлиб грамотея;
Тот, прочитавши, сказал: “Вот, думаю, вкратце в чем дело:
Все, кому ты служил, к тебе теперь благосклонны;
Просим тебя возвратиться, грустим, что тебя потеряли
Мы на столь долгое время; ведь ты удалился в изгнание;
Сколько вражды и нападок терпел ты всегда непрерывно!
Край свой покинул родной и надолго ушел на чужбину,
Знаем, что даже и там перенес трудов ты немало.
Горько мы сетуем все, всякий раз, как придется собраться
Нам для общих решений, порой – по судебному делу:
Нет никого среди нас, кто мог бы сравняться с тобою,
Дать разумный совет, судить справедливо и честно,
Стать защитой вдовиц и опорой сирот малолетних,
Если стяжатели их угнетают, чиня им обиды;
Жалобно стонут они, этот гнет вынося нестерпимый.
Тех, кто с тобой враждовал, теперь ты уже не увидишь:
Кое-кто умер из них, другие калеками стали;

Нынче нет никого, кто с тобою бы распрю затеял.
Милый, вернись поскорей, мы ждем твоего возвращенья.
Прежде всего мы должны и сами с тобой помириться,
Все возратить, что у нас заслужил ты верною службой,
Ты ведь, себя не жалея, за нас бросался в опасность”.

Ну а в конце твоя мать от себя письмо прилагает:
“Вспомни, мой сын дорогой, о родной своей матери бедной;
Знаешь ведь ты, что, когда ты дом свой покинул, осталась
В нем неутешной она и дважды стала вдовою:
После отца твоего и после тебя, мой родимый.
В дни, что со мною ты был, облегчал ты все мне заботы,
Но ты уехал, и мне остались лишь тяжкие вздохи.
Все ж я решила тогда терпеливо нести что угодно,
Лишь бы тебе удалось в безопасности жить на чужбине,
Лишь бы избавился ты от врагов столь жестоких и мощных.
Ныне конец им пришел – либо сгибли, либо калеки.
Сын мой милый, вернись, положи конец моей скорби!
Ты возвращеньем своим не только сородичам близким
Радость вернешь, но и всем, кто в нашем краю обитает”.

Рыцарь все эти слова с великой радостью слушал,
Но материнская речь залила ему очи слезами.
Слух о посланье разнесся повсюду, и лучшему другу
Рыцаря он причинил несказанно безмерное горе,
Да не ему одному; среди всех его подчиненных
Только и толков было о том, как жаль с ним расстаться.
Все говорили, что ввек не видали подобного мужа,
Верности, чести такой и столь безупречного нрава:
Ведь никому он вреда не нанес, но всем был полезен.
Те лишь, кто знал, какие труды он несет ежедневно,
“Диво ль, – сказали, – что здесь ему жизнь показалась нелегкой?
Много ли он заслужил? Живет он совсем небогато:
Пища, одежда –и только, а больше награды не видит.
Служит, однако, он крепкой опорой всему государству”.

С лучшим другом своим к королю отправился рыцарь
И, представ перед ним, к нему с мольбой обратился:
“Если б осмелился я, если б знал, что не будешь в обиде
Ты на меня, я б тебе рассказал, что меня угнетает”.

“Ну, говори же, – король отвечал, – помогу я охотно”.

Рыцарь упал к ногам короля и обнял их, целуя,
После, поднявшись, сказал, запинаясь, со вздохом тяжелым:
“То, что печалит меня, король пусть сам прочитает!”

В руки он дал королю посланье из края родного;
Молвил король, прочитав: “Да, меня это очень печалит.

Если ж исполнят князья все то, что тебе обещают,
Мой совет – возвращайся домой, не раздумывай долго.
Матери ж нежное слово сильнее трогает сердце;
Разве противиться можно тому, чтобы ты к ней вернулся,
В горе утешил ее и на радость сородичам многим,
Жаждающим видеть тебя, в своем доме стал господином?
В путь собирайся, когда пожелаешь; лишь эту неделю
Сроку нам дай, чтоб могли, не спеша, мы обдумать спокойно,
Как нам, тебя наградив, отпустить с достойной оплатой.
В полную меру ты нам послужил и верой и правдой;
И не забвенью предать, а запомнить нам подобает,
Как ты не раз свою жизнь подвергал опасностям грозным,
В битвах сражаясь за нас, за народ и за все государство”.
Пред королем преклонился изгнанник; и радостно слышать
Было ему, что заслуги король оценил. Отвечал он:
“Ты за услуги мои меня наградишь выше меры.
Да, с той поры, как пришел я к тебе, король досточтимый,
Служба твоя, что ни день, была мне праздником Пасхи.
Здесь получал я всегда и даров, и почета немало,
Как от тебя самого, так от всех, кто тебя окружает”.
Дал приказанье король изготовить немедленно чаши,
Чистое взяв серебро, – по краю окружности – в локоть,
Счетом четыре; из них – две глубоких, две плоских, для крышек.
Станут схожи они с караваем печеного хлеба,
Если снаружи покрыть их слоем теста из полбы.
Первую чашу наполнил король ходячей монетой,
Тою, что каждый зовет ювелир “византийским денаром”.
Так ее туго набил, чтоб нельзя ни единой монеты
Было вбить молотком и при тряске они не звенели.
Пусть, когда рыцарь вернется домой, он хозяйство поправит,
Тех, кому прежде служил, дарами к себе расположит,
Чтоб, обещанья сдержав, они с ним расплатились по чести.
Чашу вторую король разделил на две разные части:
В первую часть положил он одни золотые монеты;
Их чеканят особо и в яром огне обжигают;
Город Византии им дал свое прозвание и имя.
Вьется по-гречески надпись кругом по краю монеты,
А в середине монеты стоит Господь Вседержитель,
Руку Свою возложив на главу повелителя мира.
Должен раздать эти деньги друзьям и сородичам рыцарь,
Чтобы с ним вместе могли отпраздновать день возвращения
Так, как обычай велит; ведь он в изгнании тяжком
Не повстречался с нуждой, но вернулся с честью и славой.

Золотом первую часть король, наполнив до края,
В часть вторую вложил двенадцать прекрасных застежек:
Восемь – цельнолитых, не свинцом утягченных, не дутых;
Видом подобны двум змеям: их жала друг к другу стремятся,
Но, в поцелуе любовном сливаясь, вреда не наносят.
Прочие были четыре изогнуты в круглые кольца,
Каждое весом в пол-либры; похожи на толстые жилы,
Были не столько красивы они, сколь полезны и ценны.
Пряжкой роскошною царской еще был дополнен подарок.
В глиняной форме, как видно, ее отлили когда-то,
И молоток ювелира ее не касался; шлифовки
Не было видно на ней, но была она цельнолитую;
На середине ее орел вздымал свои крылья,
Шар из кристалла прозрачный он в клюве держал, а в кристалле
Три малюсеньких птички, казалось, летали кругами;
Были они, как живые, готовы к полету и к пенью.
Крепким кольцом золотым был орел по груди охвачен,
Словно лентой широкой оно его обвивало,
Целый талант золотой пошел на его изготовку.
Несколько пряжек король прибавил, более легких:
Вставлено было и в них немало камней драгоценных
Разных цветов – и сверкали они, как звезды на небе,
Около четверти либры была из них каждая весом,
Тонкой прелестной цепочкой была снабжена и замочком,
А на замочке задвижка; она и справа, и слева
Крепко держала замок, ему не давая открыться:
Так, что увидеть нельзя, что хранится под этой задвижкой.
После добавил король к дарам золотой полумесяц
Весом в либру одну; его сделал мастер искусный.
Он по изгибу внутри и снаружи камней разноцветных
Много таких нанизал, какие рождаются в море
В месяце мае всегда и сливаются с золотом чистым,
Если в раковин створки, как надо, его положили.
Сам полумесяц покрыт разноцветной осыпью мелкой,
В ней цветное стекло, и в ней золотые осколки,
Видом похожи они на листки, узелки и на пташек;
Их обжигают в огне, придают им разную форму,
После на камне точильном, смочив, их шлифуют до блеска.
Этот чудеснейший сплав называют “кузнечной эмалью”.
Маленьких шариков нить полумесяц сзади скрепляет.
Тихо друг друга касаясь, звенят они сладостным звоном.
Бережно в чашу вложить король велел полумесяц,
Дважды восемь сережек висячих туда же добавил:

Первые пары четыре усыпаны были камнями,
Ярко сверкали на них аметист и берилл драгоценный;
В пары другие камней никаких не вставляли; узоры
Дивные были на них, узелки, сплетенные в сетку;
Так ювелир на стекле золотой рисунок наносит;
Звон издавали подвески серег при малейшем движенье.
Тридцать колец изготовить король приказал напоследок,
Чистое золото взять – и самого высшего рода.
Каждый перстень велел драгоценным камнем украсить,
Вставив в него лигурин, гиацинт с бериллом прекрасным.
Три колечка назначил король для подарка невесте,
Тонких, не очень больших, как женской руке подобает.
Обе наполнились чаши теперь дорогими дарами;
Плотно забив их гвоздями с припаянной крепкой головкой,
Тесто из тонкой муки приготовить и, клею подбавив,
Чаши обмазать король приказал, чтоб никто не пытался
Этот слой отскрести, водой размочить иль разрезать.
Вот и тот день наступил, в который ответ и решение
Рыцарю верному дать король обещал благосклонно.
Ближих придворных созвав, он сказал: “Наш рыцарь приезжий
Хочет вернуться домой; его туда призывают
Те, кто принудил его покинуть землю родную.
Вот послание их; его послушайте сами”.
Так он сказал; и письмо им прочел тот, кто грамотой ведал.
После прочтения письма они все преисполнились скорби.
Как же лишится король, да и все они этого друга:
Верен и предан он был, разумен и доброго нрава.
Дали совет королю удержать его силой иль просьбой,
Дать ему дом и жену, и честью богато осыпать,
Даже сказали: “Ему ведь и графство вполне подобает”.
“Нет, – ответил король, – от меня не увидит насилья
Тот, кто ни разу во мне не вызвал ни малого гнева,
Если же гневался я, превращал меня в кроткого агнца.
Так же и в деле любом он всегда был предан и верен.
Все же изгнание из дома так тяжко его угнетало,
Как не видал никогда я, чтоб кто-нибудь чувствовал так же.
Мы же отпустим его; пусть вернется на родину снова,
Но в благодарность ему мы скажем, что если случится
Снова дома беда, то к нам вернуться он может.
Службу и званье свое у нас он снова получит”.
К рыцарю, речь свою кончив, король слугу посылает
И приглашает прийти. Не замедлив, рыцарь явился.
Краткое длилось молчанье, но молвил король благосклонно:

“Я отпускаю тебя, мой милый, совсем неохотно:
Был ты к услугам всегда готов и хорошего нрава,
И за все это, мой друг дорогой, я тебе благодарен.
Нет здесь врагов у тебя, ты всему народу любезен.
Ныне ответь мне по правде, какой ты награды желаешь,
Мой дорогой, от меня? Иль добрый совет, или деньги?”
Рыцарь немного подумал, что будет приличней ответить.
“Я не хочу, – он сказал, – выше мудрости ставить богатство.
Слишком обильный достаток вражду вызывает и козни.
Гонит подчас нищета бедняков к воровству и разбою.
Часто богатство родит в друзьях и сородичах зависть.
Брата враждой зажигает и рушит верности клятвы.
Лучше лишиться богатств, чем утратить рассудок и разум;
А у того, кто в себе возрастит благочестную мудрость,
Будет всегда у него серебра довольно и злата.
Все завоюет разумный, ему не изменит оружие.
Часто, напротив, я помню, видал я немало безумцев,
Что, неразумьем своим потеряв все то, что имели,
Жили в нужде и в грязи, опускаясь все ниже и ниже.
Был им достаток не впрок, он принес им одни лишь несчастья.
Можешь поэтому ты такие мне дать наставленья,
Кои я ввек не забуду, а все сохраню нерушимо;
Будет мне это дороже, чем десять золота фунтов.
Грабить не станут меня, враждовать со мною не будут,
В темных дебрях убить меня не замыслит разбойник.
Пусть в королевской казне сохраняется клад драгоценный,
Бедный же, если здоров и умен, – с него и довольно.
Мне оплаты не надо, вкусить я жажду познания”.
Это услышав, промолвил король: “Пойдем же со мною”.
В дальний укрылись покой, никого с собою не взяли.

[Наставления, которые король дает Руодлибу, очень разнохарактерны, некоторые даже несколько смешны. Нельзя верить рыжему человеку, он всегда коварен; нельзя проезжать верхом по засеянному крестьянскому полю; останавливаться на ночевку у старого мужа с молодой женой; давать соседу кобылу, у которой скоро должен родиться жеребенок; слишком часто ходить в гости хотя бы к другу; приближать к себе служанку, даже очень красивую; а если женишься, не надо давать жене над собой власти; не надо вступать в распри со своим начальником; обносить свое поле канавой (люди протопчут дорогу по обе стороны канавы, и часть поля пропадет); надо в пути заходить в церкви, это защитит путника по дороге.]

Кончил король наставленья, умолк и с рыцарем вместе
В зал возвратился и сел на престол. Перед всеми своими
Рыцаря он превознес похвалами за доблесть и разум;

Был ответом ему одобрительный шепот придворных.
Рыцарь им всем благодарность воздал – королю и народу.
Молвил король: “Возвращаясь к себе, почетом покрытый,
К матери снова вернись, управляй отцовским наследьем,
Если на родине жить безбедно ты сможешь и если
Те, кому ты служил, свои обещанья исполнят;
Если ж обманут тебя, как много раз уже было,
Можешь и ты обмануть и от службы у них отказаться.
Людям скупым и нечестным ты больше служить не обязан.
Если же в душу твою порой закрадется сомненье,
Жизнь в родимом краю тебе будет тоскливой казаться,
То возвращаясь; тебя я приму с таким же приветом,
Как провожаю сейчас, – и слово мое неизменно”.

После король подал знак слуге, стоявшему рядом,
На ухо что-то шепнул – такой у него был обычай.
Тотчас его казначей принес две сумки, в которых
Были спрятаны хлебы, хранившие много сокровищ;
Тесто из полбы – снаружи, внутри – золотые монеты.
Их вручая, король промолвил: “Мой добрый товарищ,
Я прошу, дорогой, не ломать этот хлеб и не резать
Раньше, чем сядешь один ты за стол с своей матерью милой;
Лишь у нее на глазах разломи ты тот, что поменьше.
Ну, а второй ты разломишь, когда за свадебный ужин
Сядешь с невестой; тогда угостишь и друзей своих близких,
Пусть узнают они, что за вкус у нашего хлеба”.

Рыцарю три поцелуя король подарил на прощанье,
С вздохом его отпустил. И рыцарь в слезах удалился.
Шла за ним следом толпа, его провожая с печалью
Руки жали ему, целовали его со слезами.
Дальше его провожал лишь самый близкий приятель.
Тот щитоносец, что встарь с небольшой поклажей приехал,
Вел он теперь под уздцы тяжело нагруженную лошадь.
Тяжкое горе снедало друзей, что уж скоро разлука,
Что лишь короткое время побыть им друг с другом придется,
Целых три дня по пути они проводили в беседах,
Вечером – ужин у них едва к полночи кончался.
В вечер последний пораньше легли, чтоб заснуть, но в постелях
Долго лежали, разувшись, и сна ожидали, но тайно
Слезы в молчании лили, и каждый вздыхал, отвернувшись,
Больше, однако, чем рыцарь, скорбел королевский охотник:
Он, как ребенок, рыдал, теряя столь верного друга.
Ведать не мог, приведется ль им снова встретиться в жизни.
Он бы хотел провести всю ночь, не заснув и рыдая,

Если б печальное сердце ему не сморила дремота.
Вот забрезжил рассвет, и оба разом проснулись,
Встали, оделись, поели, взнуздали коней и в дорогу
Снова пустились, пока не достигли границ государства.
Здесь завершался совместный их путь и пришлось расставаться.
Слез не в силах сдержать, едва промолвил изгнанник:
“Друг мой, прошу я, скажи королю, что всем своим сердцем
Я молюсь за него и служить всегда ему буду,
Так же и близких его любить я буду, как душу”.
Горькие слезы пролив, обменялись они поцелуем,
Слово “прости” и не раз, и не два они повторяли,
Но, наконец, разлучились, и каждый к себе возвратился.

Л и с т 12

Мальчик на вишне высокой сидел, и вишенок много
Вкруг висело, но их он как будто и вовсе не видел,
Первым хотел он увидеть, когда господин возвратится.
Над головою его сидела галка ручная,
Знать хотелось бы ей, почему не срывает он вишен,
И, причину раскрыв, госпоже об этом поведать.
Мальчик же больше всего увидеть хотел господина,
Часто твердил: “Руодлиб, господин мой, вернись поскорее!”
Это запомнила галка; к своей госпоже полетела,
Ей сказала: “Прошу, что сейчас скажу я, послушай!”
“Ну говори!” – “Руодлиб, господин мой, вернись поскорее!”
Слуги, хотя увидали – госпожа их тяжело вздохнула, –
Все ж рассмеялись, заметив, как быстро учится галка.
Мать же сказала: “Лети-ка назад и, на ветке усевшись,
Все, что он скажет, запомни и крикни, если он крикнет”.
Галка, над мальчиком сидя, ловила каждое слово.
Мальчик же ждал одного – чтоб скорей господин возвратился,
Взгляды свои напрягал, и когда из леса густого
Конный отряд появился, то он его сразу увидел.
Первым ехал племянник, за ним – его щитоносец.
Дальше – сам господин, со своим постоянным слугою.
Мальчик громко вскричал: “Господин уже близко, ликуйте!”

Л и с т 13

Рыцарь после купанья за стол сел в свежей одежде,
Но не хотел он занять, как хозяин, первое место,
Справа от матери сел, как прилично скромному гостю,
Ей предоставив охотно за трапезой ведать порядком.
Все, что она подавала ему, принимал он с почтеньем.
Резала ломтики хлеба она и всем раздавала,
Кушанья разные всем подавать велела особо.

Кубки с вином рассылала иль чаши с брагой медовой.
Рядом сидел с Руодлибом его сородич-племянник.
Хлеб меж собою делили и ели из общего блюда,
Также из чаши вино они оба пили, меняясь.
Матери спутницей верной была ее галка ручная,
Если ей хлебные крошки давали, хватала сейчас же,
По столу важно ходила и ловко прыгала боком.
Съедено было немало, немало и выпито кубков.
Воду велела подать госпожа; и стольничий подал
Каждому гостю ее; по столам по чину налили,
И виночерпии всех обнесли последнею чашей.
После убрали столы и сложили скатерти. Гости,
Весело пир завершив, госпоже благодарность воздали.
Рады, сказали они, что живым и здоровым вернулся
Сын – утешенье ее – и скорбеть ей больше не надо,
Как приходилось доселе, лишенной поддержки сыновней.
Быстро весть разнеслась, и повсюду стало известно,
Что Руодлиб вернулся домой – и с немалым богатством.
Кончился пир; и, когда ему показалось уместным,
С матерью милой тайком Руодлиб удалился в покой.
Дал щитonosцу приказ принести тяжелую торбу;
Много вещей дорогих, ее развязавши, он вынул;
Много мехов и одежд, и других драгоценных подарков, –
Все, что во время изгнания за десять лет приобрел он.
После велел он ему принести и дорожные сумки
Хлебы достать из муки – как сказали ему – африканской.
Матери их показал и молвил с веселою шуткой:
“Мать, посмотри-ка, что я заработал за долгую службу.
Хлеб этот дал мне король, не позволив ломать по дороге”.
Мать предложила ему: “Позовем же слуг наших верных,
Пусть они так же, как мы, попробуют хлеб африканский”.
Сын возразил: “Нет, пожалуй, мы лучше их сами разрежем”.
Вынул свой нож Руодлиб, чтобы хлеб нарезать ломтями,
Вдруг увидел, что там чаша сквозь хлеб серебром заблестела;
Тесто сухое соскреб; засверкала она еще ярче
Три гвоздя он увидел, сцеплявшие накрепко чаши,
Быстро головки гвоздей отделил он напильником острым,
Чаши одну от другой отцепил; золотые монеты
В первой увидел; так плотно лежали – одной не прибавишь!
Был Руодлиб восхищен и Богу воздал благодарность.
Медлить он больше не стал, взял в руки чашу вторую,
Тесто из полбы соскреб; распилив все гвозди, увидел
Гору монет и сокровищ, наполнивших чашу до края.

Был поражен несказанно; воскликнула мать в удивленье;
Хоть по привычке вздохнула, но сердце ее ликовало,
И, прослезившись, она Христа восхвалила в молитве;
Сына Он ей возвратил, изобильем осыпав и счастьем.
Рыцарь же на землю пал и к земле приложился устами,
Словно к ногам короля своего, к ней приник поцелуем.
Хлынули слезы рекою, ему лицо заливая.

“Господи! – стал он молиться. – Кто может сравниться с Тобою?

Был человек я ничтожный и жалкий; но Ты меня принял
И в милосердье Своем удостоил богатства и чести.
Не вспомняв о проступках моих, тебя оскорблявших,
Ныне молю я, не раньше пошли ко мне смерть, чем увижу
Снова того, к кому я пришел в нищете и печали;
Он по воле Твоей меня приютил милосердно,
Дал участвовать мне во многих житейских уладах,
Десять лет бедняка на своей удерживал службе,
Так возвеличив меня, что отныне могу я в почете
Жизнь мою проводить, если буду я мудр и разумен”.
Рыцарь и с ним его мать любовались долго дарами;
Чаши закрыли потом, насколько могли, осторожно.
Взяли с собой кое-что из вещей, привезенных в подарок
И прибежали, на зов их спеша, их младшие слуги.

VII. Вместо послесловия

*

Сигеберт из Жемблу (ок. 1030–1112)

Сигеберт, один из наиболее плодотворных, многогранных и важных церковных писателей XI в., воспитывался и вырос в монастыре св. Петра в Жемблу (Льежская диоцеза, Бельгия), где была исключительно хорошая школа и библиотека. Позже он провел около двадцати лет в школе монастыря Сент-Винсент в Меце в качестве наставника. В 1070 г. Сигеберт вернулся в Жемблу и провел там оставшееся время своей жизни. Его литературное творчество можно разделить на пять основных частей. С юности он писал много житий. Также он писал произведения исторического жанра (особенно известны его “Хроника” и “Деяния Гемблаценских настоятелей”), в которых описываются драматические события, связанные с проблемой инвеституры в XI в. он писал также полемические произведения, в частности, послания Григорию VII, с которым Сигеберт спорил защищая королевскую и императорскую инвеституру и действительность таинств, совершенных женатым духовенством. Сигеберт также попытался восстановить точную последовательность исторических событий между 381 и 1111 гг., хотя это ему и не удалось. Наконец, его перу принадлежит книга “О церковных писателях”. Это своеобразный каталог, включающий в себя имена 172 авторов, начиная с Маркелла, ученика св. ап. Петра, и заканчивая самим Сигебертом. Хотя зачастую Сигеберт сообщает лишь поверхностные сведения о церковных писателях, многие средневековые сочинения и авторы были бы совершенно неизвестны нам, если бы они не были упомянуты в сочинении Сигеберта. Живя в Меце, Сигеберт составил жития св. Люции и св. Сигеберта, жизнеописание Теодерика, епископа Мецского. Вернувшись в Жемблу, он продолжал работать как агиограф и составил жития свв. Гвиберта, Макловия/Мало, Теодарда, Ламберта, а также чтения для праздничных служб свв. Гвиберту и Макловию. В 1082 г. он создал свою знаменитую “Всеобщую Хронику”, которую переработал и дополнил в 1111 г. Около 1110 г. он составил комментарии на библейскую книгу Экклезиаст. Много внимания Сигеберт уделял хронологии и вычислениям календаря (“Десятичная книга”, 1092 г.).

Перевод сделан по изд.: PL. V. 160. Scol. 547–589.

Книга о церковных писателях Сигиберта Гемблауценского

(...)Глава 126. Лиутпранд¹, диакон Тицинской Церкви написал красивым стилем, перемежая стих и прозу, к Регимунду, епископу Элибеританскому Испанской Церкви, Историю о деяниях королей и императоров его времени, которую он озаглавил Антаподосис, то есть Воздаяние.

Глава 127. Ратхер², ставший из монаха Лобиенского епископом Веронским, муж удивительной простоты, написал Житие св. Урсмара Лобиенского; и, дважды изгнанный из Веронского епископства, он написал книгу, в которой в довольно изящных выражениях оплакивает свои горести, вставляя в свое дело многое, которое может понравиться читающим и принести им пользу. После, поставленный во епископа Льежской Церкви, и из нее изгнанный, он написал книгу, которую озаглавил Френесис. Он также написал книгу, которой предпослал название "Пустая (как ему показалось) Болтовня". Написал книгу "О Теле и Крови Господней и О Предопределении Божиим". Написал против ереси Антропоморфитов, то есть учащих, что Бог имеет телесный и человеческий облик; каковая ересь тогда сильно беспокоила Италию. Написал Агонистик, то есть Шесть книг Предисловий, одну книгу Исповеданий и прочее.

Глава 128. Вандальберт³ метрическим стилем написал Мартирологий.

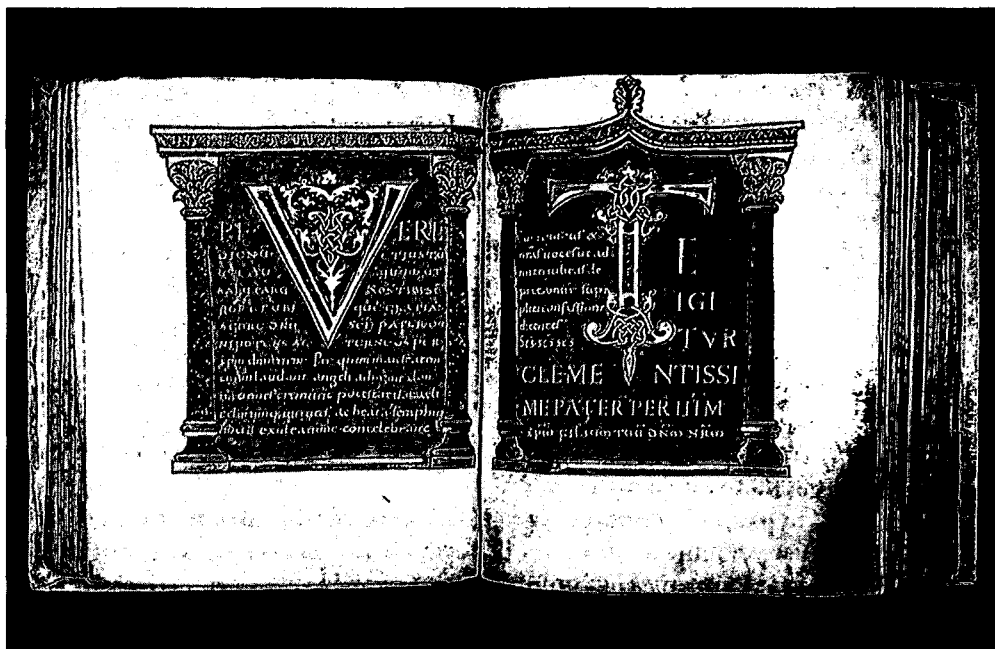
Глава 129. Видукинд⁴, монах саксонского монастыря Корби, написал Историю саксов до смерти императора Оттона Первого и составил ее для Матильды, дочери императора Оттона, написал "Жизнеописание самого императора". Написал в стихах "Страдание Девы Феклы", и, чередуя стихи и прозу, написал "Житие Павла, первого пустычника".

Глава 130. Рогер⁵ написал "Житие Брунона, архиепископа Кельнского", каковой был герцогом и братом императора Оттона.

Глава 131. Флаувальд⁶, монах Реймский, написал "Деяния предстоятелей Реймских"; он начал свое повествование от основания этого самого города, сначала стяжавшего себе имя Кордурус от характера жителей, которые на войне были жестокосерды. После войны Рема, от Ромула, брата его, от лица Ромула бежавшие, пришли в этот город и по имени владыки своего Рема называли его Ремом. Этот писатель по праву включается в число церковных писателей, потому что, делая отступления в своем труде, он вспоминает святых мучеников или исповедников, покоящихся в храмах Реймской Церкви, лежащих около Реймса или находящихся под властью Реймского предстоятеля; он сделал их жития или страдания известными читателям.

Глава 132. Епископ Адельм⁷ (подражая Симфозию, который посредством просопопеи выражал качества отдельных вещей и написал в стихах книгу Загадок), изображая и сам качества вещей, написал книгу Загадок и завершил ее, написав тысячу стихов, как и сам предупреждает в заглавных буквах своего стихотворного пролога: "Адельм спел песни тысячей стихов".

Глава 133. Фома написал для господина своего Хильдуина книгу Загадок, пусть краткую, но полную истины и изящества; в ней он вывел Мать Премуд-

Вступление и канон Миссы. Сакраментарий. Фульда. Кон. X в.
Mayr-Harting H. Ottonian Book Illumination. An Historical Study.
 P. 2. L., 1999. P. 124

рость и семь ее дочерей, которые суть семь свободных искусств, посредством просопопеи выражающие согласие между собой.

Глава 134. Теодул⁸, италиец по происхождению, наученный греческому и латинскому языку, учась в Афинах, услышал язычников, спорящих с христианами, и собрал их рассуждения; возвратившись в Италию, он собрал эти рассуждения в аллегорическую эклогу, выведя двух лиц спорящими и третье, судящее о словах двоих. Первое лицо он назвал Псеустин, получившее имя от Лживости, излагающее человеческое и невероятное; второе лицо Алифия, противопоставляющее первому Божественное и истинное; третье лицо – Фронесис, зовомое так от рассудительности, чрез которое исследуются сомнительные речения. “Теодул” толкуется как раб Божий. Название этой книги таково: “Эклога Теодула”. Исполняя церковный устав, он умер безвременной смертью и потому книгу свою не исправил.

Глава 135. Хаймон⁹ изложил всего апостола Павла, Апокалипсис, Исаию, Песнь Песней и другие; но все целиком до нас не дошли.

Глава 136. Фолькуин¹⁰, настоятель Лобиенского монастыря, написал Деяния настоятелей Лобиенских, передавая посредством отступлений многое, полезное читающим.

Глава 137. Херигер¹¹, настоятель Лобиенского монастыря, славный книжным знанием, написал “Деяния предстоятелей Легиенских”. Он похвально написал метрическим стилем Житие св. Урсмара. Написал к Гугону послание о некоторых вопросах; написал от своего лица и от лица епископа Адельбольда диалог о несогласии в Церкви, о Пришествии Господнем во Плоти. Он собрал еще воедино против Ратберга многие писания кафолических отцов о Теле и Крови Господней.

Глава 138. Адальбольд¹², из клирика Лобиенского, ставший епископом Трайектанским, написал “Житие императора Генриха Второго” и оставил потомкам многие по себе памятники в церковных и мирских писаниях.

Глава 139. Аббон¹³, настоятель Флери, явил, сколько мог, и в той и другой науке, когда письменно изложил свои мысли о вычислении Пасхи, сделанном Викторием. Умер мучеником.

Глава 140. Арибон¹⁴, архиепископ Майнцкий, изложил письменно свои мысли о 15 степенях псалмов¹⁵.

Глава 141. Бурхард¹⁶, епископ града Вангионского, который называется Вормс, с великим усердием составил огромный том канонов, который по его имени называется Бурхард; он подтвердил этот том свидетельствами всех подлинных соборов, и предписаниями Римских предстоятелей, и речениями почти всех кафолических отцов; этим томом еще подтверждаются постановления всех соборов.

Глава 142. Ольберт¹⁷, из монаха Лобиенского ставший настоятелем Гемблаценским, прославился усердием и знанием, как мирским, так и церковным, и пылом веры, увековечил свое имя, описывая жизнь святых отцов и слагая песнь в честь святых; и тем в большей степени, что его совет побудил Бурхарда, епископа Вормского, составить том канонов, который предназначал для пользы церковной жизни, и старанием, устами и рукой Ольберта выпустил в свет этот огромный том канонов для всеобщей пользы.

Глава 143. Альберт¹⁸, монах Мецкий, написал для епископа Историю о деяниях своего времени, хотя и краткую, однако полезную.

Глава 144. Гвидон¹⁹, монах Аретинский после всех почти музыкантов просиял в Церкви; его должно предпочитать прежним потому, что отроки и отроковицы легче выучивают неизвестные песнопения, или их можно научить посредством его правила легче, чем при помощи голоса наставника или чрез использование какого-нибудь инструмента, если только употребить шесть букв или слогов, гармонично приложенных к шести голосам, которые допускает только лишь музыка, и громкие и тихие повышения и понижения этих самых гласов, различающиеся в пределах целой музыкальной октавы, показываются взору и слуху посредством этих гласов или сгибанием пальцев левой руки.

Глава 145. В год тысяча шестой Хильперик написал с достойным одобрения изяществом Книгу о высчитывании Пасхалий.

Глава 146. Эгельберт, клирик Легиенский, написал метрическим стилем книгу о сельских Загадках, сначала краткую, но так как ход мысли увеличивался непрерывно, написал о том же самом в стихах вторую, большую, книгу.

Глава 147. Лев Охридский²⁰, архиепископ Болгар, написал краткую книжечку, посредством которой излил столько смертоносного яда, что вся Греция погибла бы, если бы сила этого яда не была уничтожена противоядием Римского суждения и апостолической веры.

Глава 148. Никита²¹, монах Константинопольский по прозвищу Пекторат, написал книгу к римлянам, которую озаглавил “О некващенном хлебе, о Субботе, о браке священников”; он защищал греков, которые служат на квасном хлебе, празднуют субботу с иудеями и одобряют браки священства.

Глава 149. Лев²², из епископа города Левков, который звался Туллом, сделавшись девятым папой Римским, носящим это имя, написал послание к императору Константину Мономаху²³ и увещал его, чтобы он не позволял усиливаться в своей империи столь многим ересям. Ибо греки, как приверженцы симонии, продавали дар Божий, как валесии²⁴, чужеземцев своих кастратов еще до епископства продвигали, как николаиты²⁵, дозволяли браки священства, как донатисты²⁶, постоянно обсуждали, что только в Греции Церковь православная, как севериане²⁷, говорили, что закон Моисеев хулится; как пневматомахи²⁸, вырвали исповедание Духа Святого из Символа Веры, как Назореи²⁹, исповедают крестить до восьмого дня после рождения, женщинами в родах и нечистоте, находящимся в опасности для жизни, запрещают причащаться или запрещают креститься, если они язычницы³⁰. Латинцев, крещенных в имя Святой Троицы, перекрещивают, и сами, служа на квасном хлебе, зовут латинцев опресночниками и преследуют их, закрывая их церкви. Желая искоренить в Греции столь многие и таковые ереси, папа Лев написал еще к Михаилу, патриарху Константинопольскому, обличая его во всем этом, и кроме прочего, в том, что он себя называет Вселенским Патриархом и ставит Константинопольскую Церковь впереди Римской Церкви и Ее в сынах Ее предает анафеме. Об этом папа Лев написал также всем первым епископам Африки, Нумидии, Египта, Италии послания, полезные читающим. Он написал об этом еще и грекам книгу прекрасным языком, опровергая их заблуждения евангельскими и каноническими свидетельствами и доказывая истинность веры католической церкви. И если кто слышал сочиненные им песнопения в честь святых, по праву сравнит его с папой Григорием Первым.

Глава 150. Гумберт³¹, монах Тулленский, по причине знания наук переведенный папой Львом в Рим и назначенный кардиналом Рима, был послан этим же папой в Константинополь для опровержения ересей греков. Он опроверг писания Льва Охридского, архиепископа болгар. Опроверг еще писания Никиты Пектората и в присутствии императора Константина одолел его настолько, что сам Никита анафематствовал свою книгу и собственной рукой предал ее огню. И все, что он там сказал или сделал, Гумберт написал словно бы в виде диалога, от лица Римлянина и Константинопольца.

Глава 151. Павел, услугами которого пользовались в Константинополе легаты Римской Церкви, перевел с латыни на греческий язык все, о чем епископ Гумберт спорил там или написал, в чем помогал ему его сын Смарагд; это все, по приказанию Константина Мономаха, сохранились в архиве Константинопольской Церкви.

Глава 152. Ансельм, монах Реймский, написал “Итинерарий папы Льва Девятого из Рима в Галлию”, потому в величайшей степени, чтобы сделать известным, с какой властью папа Лев в Реймсе или в других городах торжественно собирал церковные соборы; с какой точностью и справедливостью исследовал церковные дела; с какой опытностью в суждениях исправлял погрешающих; как ему помогала Сила Божия. Ибо он достаточно претерпел в одной тяжбе на соборе в Реймсе, где епископ Фризингенский, в то время как он упрямо действовал против апостолического суждения, внезапно пред очами всех онемел.

Глава 153. Алманн Грамматик³², ставший из клирика Легиенской Церкви епископом Брешии, написал к Беренганию, клирику Туронскому, послание, обличая его в том, что он отторг себя от единства Кафолической Церкви, уча и словами и писаниями, что Тело и Кровь Христовы, которые ежедневно по всей земле на алтаре приносятся в Жертву, не суть Истинное Тело Христово, и не Истинная Кровь Христова, но образ и подобие Тела и Крови Христовой. Он написал об этом же послание к Павлу, Мецскому первосвященнику, увещая его, чтобы и он их общего друга Беренгария удержал от такой неправильной мысли.

Глава 154. Беренгарий Турский³³, замечательный знанием свободных искусств и еще более диалектики, написал пышным стилем против Алманна, грамматика и епископа, не признавая благожелательность исправляющего друга, но защищая свое суждение о Таинствах Христовых. И так как многие писали к нему или против него об этой вещи, написал и он к ним или против них, и в то время как он злоупотреблял диалектическими софизмами против простоты апостольской веры, как кажется, ни сам он не оправдался, ни других не просветил, ибо более исказил ясное, чем разъяснил темное.

Глава 155. Ланфранк³⁴, диалектик и архиепископ Кентерберийский, написал толкование на послания апостола Павла и, где бы ни случилось удобное место, согласно законам диалектики, излагал, вводил меньшую посылку, выводил заключение. Он описал хвалы, победы и деяния Вильгельма, графа норманнов, который первым вторгся в королевство англов. Он написал также полные выпады послания против Беренгария Турского, изобличая во лжи его писания о Телe и Крови Иисуса Христа. Сей Беренгарий на соборе 93 епископов был настолько убежден папой Николаем, что сам своими руками разжег огонь и сжег свои писания, клянясь, что он никогда не будет ни учить, ни писать. Однако, презрев клятву, после он написал против выше-названного собора, против кафолической истины, против мнения всех Церквей и лично против Гумберта, Римского кардинала. На это Ланфранк напи-

сал в ответ и, поместив поочередно имена свое и Беренгария, разделил те и другие речения.

Глава 156. Бернон³⁵, настоятель монастыря Рейхенау, просиял в мирской и церковной учености. Обхожу молчанием то, что он написал о мирской учености. Среди этих писаний выделяется то, что он, превосходя других в искусстве музыки, написал о правилах музыкальных созвучий и тонов. Он, размеря монохорд³⁶ за пределами правил Бозэция, но с одобрения Гвидона, младшего по отношению к Бозэцию, прибавил один тон к тетрахорду гипатон³⁷, и против обыкновения древних в сам тетрахордогипатон с пользой включил сюнемменон³⁸ (пятый тетрахордогипатон³⁹). Но не умолчу о том, что он написал о постах четырех времен года; о проведении которых среди многих есть несогласие; в то время как одни, по рассуждению времен, к посту среды и пятницы прибавляют день февраля, или мая, или сентября, и, если суббота приходится на календы месяца, оканчивают пост; другие же не постятся без рассуждения времен, если среда и пятница поста не совпадают с самой субботой в марте, или июне, или октябре. И такой обычай поститься подкрепляют своим суждением многие, и более всего тевтоны, согласно писаниям Бернона.

Глава 157. Арнульф Монах⁴⁰, выбрав из Притч Соломоновых более пригодные речения, написал и расположил их в изящных стихах и в буквальном, и аллегорическом смысле.

Глава 158. Марбод⁴¹, епископ Редонский, всю целиком Песнь Песней изложил изящными стихами, создал прекрасное буквальное и аллегорическое сочинение. Он написал в стихах “Страдание св. Лаврентия”. Написал также в стихах “Страдание мучеников Фиванских”, словно присоединяясь к мнению Евхерия, епископа Лионского, который об их страдании написал утонченной прозой к епископу Сильвию.

Глава 159. Мариан Скотт, странствуя ради Христа в Галлии и сделавшись монахом в Майнце, провел в затворе много лет. Он, написал Хронику от Рождества Христова до года от Рождества Христова 1082, с удивительной тонкостью показав заблуждение прежних хронографов, так помещающих Рождество Христово, что год Страдания Его, насколько это относится к исчислению Пасхалий, не согласуется с евангельской истиной. Потому сам он, прибавляя 23 года к тому году, когда, как писали ранее него, было Рождество Христово, написал на полях попеременно здесь истинные годы, приведенные в евангелии, тут годы, неправильно вычисленные прежними писателями, чтобы не только при помощи понимания, но и при помощи зрения можно было различать ложь и истину.

Глава 160. Генрих, из наставника Тревирского ставший епископом Верцелльским, написал книгу от имени Теодерика, епископа Верденского, к Гильдебранду, или папе Григорию, “О несогласии Царства и священства”, не обличая его, но, умоляя, как старца и отца, и дружеским побуждением, словно бы волнением скорбящего, подсказывая ему все, что и когда он делал

и говорил против законов человеческих и Божиих, как разгласила болтливая молва.

Глава 161. Ансельм, епископ Луценский, муж, славный знанием наук, написал толкование на книгу пророка Иеремии. Он создал трактат на Псалмы. Он сам, неутомимый соратник папы Григория, написал вместо него против Гвиберта, присоединив к нему послание от императора Генриха. Он подтвердил учение Григория VII книгой, содержащей лучшие из свидетельств Писания.

Глава 162. Петр Дамиани⁴², седьмой диакон Римской Церкви, написал “Житие Одилона, четвертого настоятеля Клунийского”. Есть еще и его гомилии, написанные красивым стилем.

Глава 163. Ансельм, клирик Легиенский, написал “Деяния предстоятелей Легиенских” и в той же книге правдиво изложил ему известное Житие епископа Гвазона.

Глава 164. Франкон, наставник Легиенский, славный вероисповеданием и знанием мирских и церковных наук, насколько смог, в писаниях сделал свои знания известными потомкам. Любители светской науки оценивают его ученость по книге, которую он написал к Герману, архиепископу Кельнскому, о квадратуре круга, о которой Аристотель говорит: “Квадратура круга, если она познаваема, есть знание, которого еще нет”. По причине того, что это стало доступно познанию, светские философы обращаются к нему или даже предпочитают его другим, мы же восхваляем его, ибо он бодрствовал над св. Писанием и многое написал, как-то: одну книгу о вычислении Пасхалий, и другие, которые имеются у других людей.

Глава 165. Бернард, монах из народа саксов, написал красивым, но язвительным стилем, к Хардуину, епископу Магдебургскому, книгу против Генриха, четвертого императора, носящего это имя; и слов даже лишь его одного достаточно всем, чтобы понять, сколь суров и ненавистен саксам был сам император.

Глава 166. Гунтер, монах монастыря св. Аманда, написал в стихах “Мученичество святого Кириака”.

Глава 167. Иво⁴³, Карнотенский епископ, написал к Гугону, архиепископу Лондонскому и легату апостольской Церкви, послание, не особенно длинное, но весьма много подкрепленное каноническими и кафолическими свидетельствами, о несогласии царства и священства и о небывалых постановлениях Римской Церкви. Он написал и весьма полезные послания к различным друзьям, составил еще превосходный том канонов.

Глава 168. Ансельм⁴⁴, архиепископ Кентерберийский, написал книгу “О Святом Духе” против неких греков, отрицающих, что Святой Дух равен Отцу и Сыну. Написал и книгу, которую назвал: “Почему Бог есть Человек”, и другую: о том, что должно размышлять о сущности Божества, которую назвал “Монологий”; равно и другую о том же предмете, которую назвал “Прологион”; в первой из них рассматривается пример размышления о разумных

основаниях веры, во второй говорится о вере, ищущей разум; написал еще одну книгу, “О Воплощении Слова”, к папе Урбану; еще одну о первородном грехе и Девственном Зачатии; еще “Об Истине”, другую также “О свободе воли”; еще другую, по качеству уступающую прочим, “О Хлебе Жертвы” против греков. Он написал также и довольно большой том размышлений, или молитв; еще также весьма полезную книгу, вводящую в диалектику, начало которой таково: О грамматике и т.д. Те, кто бывали в его присутствии или наслаждались знакомством с ним, говорят, что он написал и другие книги.

Глава 169. Бернард⁴⁵, клирик Утрехтский, написавший размышления об Эклоге Теодула, разъяснил божественные истории и мирские басни в аллегорическом толковании.

Глава 170. Теодерик, монах и настоятель монастыря св. Трудона улучшил более изящным стилем Жития святых Бавона, Трудона и Румольда, и многое изысканно и умно, кратко, но похвально написал стихами.

¹ См. “Лиутпранд Кремонский” в наст. изд.

² См. “Ратхер Веронский” в наст. изд.

³ См. “Вандальберт Прюмский” в наст. изд.

⁴ См. “Видукинд Корвейский” в наст. изд.

⁵ *Руотгер* – монах монастыря св. Панталеона в Кельне, написал житие в 967/8 гг.

⁶ Возможно, ошибочное написание имени “Флодоард”. *Флодоард Реймский* (893/4–966). Имеется в виду его труд “История Реймской Церкви”.

⁷ *Англосакс Альдхельм* (ум. в 709/710 гг.) – епископ Шерборнский (Англия), написавший книгу загадок, числом 100, по примеру Симфония.

⁸ *Аноним*, живший во 2-й половине IX в.

⁹ *Хаймон* – епископ Гальберштадтский (ум.в 853), ученик Алкуина и соученик Рабана Мавра.

¹⁰ См. “Фолькуин Лоббский” в наст. изд.

¹¹ Настоятель монастыря Лобб в 990–1007 гг.

¹² См. “Адальбольд Утрехтский” в наст. изд.

¹³ См. “Аббон Флерийский” в наст. изд.

¹⁴ Умер в 1031 г.

¹⁵ Возможно, 18 кафизма, в которую входят 15 степенных псалмов – песни степеней. Древне-еврейская традиция – на каждой из 15 ступеней Иерусалимского Храма пели по псалму, в частности, связано с праздником Введения.

¹⁶ *Бурхард* (965–1025) – епископ Вормса с 1000 г. Книгу канонов составил в 1007–1014 гг.

¹⁷ *Ольберт* (1012–1048) – настоятель Жемблу, при котором была собрана богатейшая библиотека, преподавание в монастырской школе поднято на высокий уровень.

¹⁸ *Альперт* (кон. X–XI) – монах монастыря св. Симфоριана в Меце, описавший в своей “Истории епископов Мецских” период времени с 978 г. по начало XI в.

¹⁹ *Гвидо д’Арецо* (ок. 990–1050?) – выдающийся музыкант, педагог, теоретик музыки, осуществивший реформу нотации.

²⁰ *Лев Охридский* – один из наиболее значительных богословов XI в., написавший, по поручению патриарха Константинопольского Михаила Керулария (1000–1059, патриарх с 1043 г.), сочинение против латинских обрядов (об опресноках, посте в субботу, употреблении удавленнины, пении “Аллилуиа” на Пасху).

²¹ *Никита Пекторат, или Стифат* (XI в.) – монах Студийского монастыря в Константинополе, ученик св. Симеона Нового Богослова, сторонник патриарха Михаила Керулария при

- разрыве его с Римом в 1053 г., написавший трактат “Против латинян”, в котором обличались служение литургии на опресноках, пост в субботу и безбрачие духовенства. Легаты Римского папы обратились к императору Константину IX по поводу этого трактата, и тот, желая добиться мира с Римом, приказал Никите сжечь свое сочинение.
- ²² *Лев IX* (1002–1054) – папа Римский с 1049 г. до своей смерти.
- ²³ *Константин IX Мономах* – византийский император в 1042–1055 гг.
- ²⁴ *Валесии* (валесиане) – евнухи, секта III в., члены которой кастрировали себя и своих гостей, полагая, что так они служат Богу.
- ²⁵ *Николаиты* – раннехристианская секта, члены которой допускали вкушение идоложертвенных животных, практиковали общность жен и не считали за грех прелюбодеяние.
- ²⁶ *Донатисты* – секта, появившаяся в Северной Африке IV в., члены которой требовали вторичного крещения лиц, вступивших в их общество, отвергали вмешательство светской власти в дела церкви, на преследования властей отвечали восстаниями, убийствами и насилием.
- ²⁷ *Севериане* – течение в монофизитстве (учение о том, что в Христе соединяются две природы – Божественная и человеческая), секта, появившаяся в 519 г., члены которой учили о единой природе Христа, допускали в ней различие свойств божеских и человеческих и утверждали, что Плоть Христа до воскресения была тленной.
- ²⁸ *Пневматомахи* (македоняне) – течение в арианстве (учение о том, что Христос небезначален и несочетен Богу Отцу, а является творением Бога), члены которого не признавали христианского учения о Святой Троице и считали, что Святой Дух сотворен, подобно ангелам, и находится в подчинении Бога Отца и Христа.
- ²⁹ *Назореи* – раннехристианская секта, члены которой были антиринитариями, т.е. не принимали учения о Святой Троице. По их представлениям Христос родился от Девы естественным образом подобно всем людям, но воспринял в Себя особую благодать.
- ³⁰ Пересказанная близко к тексту цитата из “Послания об отлучении Константинопольского патриарха от Церкви” (1054).
- ³¹ *Гумберт из Мурмутье* (ок. 1015–1061) – кардинал Римской Церкви, архиепископ Сицилии (с 1050 г.), привезший в Константинополь папскую буллу об отлучении от Церкви Константинопольского патриарха Михаила Керулария; это событие послужило официальным поводом для разделения Церквей.
- ³² *Адельман Льежский* (ум. в 1061) – ученик Льежской соборной школы, продолживший образование у Фульберта Шартрского (см. наст. изд.).
- ³³ *Беренгар Турский* (ок. 999–1088) – один из наиболее известных богословов XI в., положивших начало спорам о Пресуществлении Св. Даров во время Евхаристии, некоторое время стоял во главе Шартрской школы.
- ³⁴ *Ланфранк* (ок. 1005–1089) – уроженец Ломбардии, архиепископ Кентерберийский с 1070 г. В спорах со своим учителем Беренгаром Турским защищал традиционные представления о церковных догматах, в частности, о Пресуществлении Св. Даров, защищая ортодоксальный взгляд на Евхаристию (претворение хлеба и вина в Плоть и Кровь Господа), причем трижды на церковных соборах опровергал мнение Беренгара.
- ³⁵ *Бернон* (ок. 978–1048) – настоятель монастыря Рейхенау с 1008 г., теоретик музыки, осуществивший реформу григорианского пения.
- ³⁶ *Монохорд* (канон) – древнегреческий однострунный музыкальный инструмент научно-учебного характера для построения звуковой системы (звукоряда) путем манипуляций с различными частями (отрезками струны), которые в отношении целой струны и других частей дают различные музыкальные интервалы. Существовало несколько способов разметки монохорда, средневековые теоретики занимались этим обычно со ссылкой на Бозция, а также Гвидо (тот приводит различные способы разметки монохорда в своем “Микрологе”), но комментатор мог этого не знать или не принимать во внимание (комментарий Р.Л. Поспеловой).

- ³⁷ *Тетрахорд* гипатон или в переводе тетрахорд главных (он был самый низкий в звуковой системе греков, или как они называли ее, “совершенной системе”, т.е. нашими нотами это были звуки ми-ре-до-си сверху вниз в малой и большой октавах: e-d-C-H). По контексту это должен быть звук А, т.е. самый нижний звук так называемый прослабаномен (добавочный), который был уже известен грекам (комментарий Р.Л. Поспеловой).
- ³⁸ *Тетрахорд* сюнемменон переводят обычно как тетрахорд соединенных (т.е. “соединенных с месой”, центральным звуком системы, ля малой октавы, нашими нотами это будет ре-до-си бемоль-ля, d¹-c¹-b-a). Как следует из текста, Бернон включил этот тетрахорд в тетрахорд гипатон в нижней октаве по аналогии с малой. У греков он был только на стыке первой и малой октавы. Поэтому видимо “против обыкновения древних”. То есть, надо полагать, речь идет о тетрахорде c-d-B-A, который имеет общие звуки (c-d) с тетрахордом гипатон. Возможно, это объясняет, почему “прибавил один тон”, так как сюнемменон для своего завершения требует А, которого нет в тетрахорде гипатон (комментарий Р.Л. Поспеловой).
- ³⁹ Пятый тетрахорд гипатон действительно можно трактовать как пятый тетрахорд, если брать всю звуковую систему греков, в которой было четыре тетрахорда сверху вниз от ля первой октавы и пятый сюнемменон, встроенный как бы в тетрахорд отделенных (от месы), т.е. e-d-c¹-h¹, которому в нижней октаве соответствует как раз тетрахорд гипатон (комментарий Р.Л. Поспеловой).
- ⁴⁰ *Арнульф* (кон. X–1-я пол. XI в.) посвятил указанное сочинение императору Генриху III.
- ⁴¹ *Марбод Реннский* (ок. 1035–1123) – поэт, наставник соборной школы в Анжере (графство Анжу), затем епископ Ренна в Бретани.
- ⁴² См. “Петр Дамиани” в наст. изд.
- ⁴³ См. “Иво Шартрский” в наст. изд.
- ⁴⁴ См. “Ансельм Кентерберийский” в наст. изд.
- ⁴⁵ *Бернард Утрехтский* (1076–1099).

Содержание

*

<i>М.Л. Гаспаров. Латинская литература между Империей и Папством (X–XI вв.)</i>	3
<i>М.Р. Ненарокова. Об основных жанрах латинской литературы X–XI вв.</i>	31

I. От Каролингов к Оттонам

Луп Ферьерский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	45
Послания	46
“Любезнейшему Эйнхарду...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	46
“Дражайшему наставнику Эйнхарду...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	48
“Почтеннейшему и превосходнейшему наставнику” Храбану.. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	48
Житие св. Вигберта. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	49
Гомилия на праздник св. Вигберта. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	60
Молитва на праздник св. Вигберта. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	63
Пасхазий Ратберт. <i>М.Р. Ненарокова</i>	65
Эклога двух монахинь. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	66
Вандальберт Прюмский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	72
Житие св. Гоара. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	73
Радбод Утрехтский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	90
Проповеди	91
Слово о св. Свитберте. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	91
Слово о жизни св. девы Христовой Амельберги. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	94
Гомилия о св. Лебуине. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	97
Аллегорическая песнь о св. Свитберте. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	100
Эклога о св. Лебуине. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	102
Хукбальд Сент-Амандский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	105
Житие св. Альдегунды, девы. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	106
Поэты Санкт-Галленской школы. <i>М.Р. Ненарокова</i>	125
Туотилон	127
Троп на Рождество. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	127

Ратперт	127
Стих Ратперта для процессии в воскресный день. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	127
Стих на вкушение Евхаристии. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	128
Стих на приезд императрицы. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	130
Стих на празднество св. Галла. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	130
Вальдрамм	131
Антифон на освящение храма. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	131
Стих на приезд императора. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	132
Другой стих на приезд императора. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	132
Стих для процессии. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	133
Хартманн	134
Стих, который поется перед чтением Евангелия. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	134
Стих для процессии на праздник Вифлеемских Младенцев. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	134
Стих на праздник Вифлеемских Младенцев. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	136
Еще стих на приезд императора. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	136
Стих на перенесение мощей св. Магна – первый. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i> ..	137
Стих иной на перенесение мощей св. Магна. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	137
Еще стих на перенесение мощей св. Магна. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	138
“Кембриджские песни”. <i>М.Л. Гаспаров</i>	139
Песнь об Оттонах. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	141
Снежный ребенок. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	143
Лжец. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	144
Стих о монахе Иоанне. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	145
Весенние вздохи девушки. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	146
Приглашение подруге. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	146
К мальчику. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	147
Похвала Риму. Пер. <i>Ф.А. Петровского</i>	147

II. Англия

“Действо о посещении Гроба”. <i>М.Р. Ненарокова</i>	149
“Действо о посещении Гроба”. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	150
Вульфстан Винчестерский . <i>М.Р. Ненарокова</i>	154
Житие св. Этельвольда. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	155
“Житие св. Дунстана”. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	181
“Житие св. Дунстана”	181
Эльфрик Бата . <i>М.Р. Ненарокова</i>	214
Латинские беседы. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	215

Ансельм Кентерберийский. С.С. Аверинцев	224
Книга размышлений и молитвословий. Пер. С.С. Аверинцева	226
Просологион. Пер. С.С. Аверинцева	229
Приложение. Житие св. Ансельма, составленное Эадмером, монахом Кентерберийским, Ансельмовым учеником и неразлучным спутником. Пер. С.С. Аверинцева	237

III. Испания

“Хроника Альфонсо III” (из цикла астурийских хроник конца IX в.) <i>О.В. Ауоров</i> ...	248
“Астурийские хроники”. Пер. <i>О.В. Ауорова</i>	249
“Житие св. Ильдефонса”. <i>О.В. Ауоров</i>	269
“Житие и деяния св. Ильдефонса...” Пер. <i>О.В. Ауорова</i>	270

IV. Италия

“Житие Алексея, человека Божия”. <i>Т.А. Миллер</i>	275
“Житие Алексея, человека Божия”. Пер. <i>Т.А. Миллер</i>	277
Атгон Верчелльский. М.Р. Ненарокова	281
Проповеди	282
Слово на Рождество Господне. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	282
Слово на праздник восьмого дня по Рождестве Господнем. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	284
Слово на праздник Богоявления. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	287
Слово на утро Пасхи. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	288
Слово на Вознесение Господне. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	289
Слово на кончину блаженнейшего Евсевия, епископа Верчелльского. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	291
Лиутпранд Кремонский. Т.И. Кузнецова	294
Антаподосис, или воздаяние. Пер. <i>Т.И. Кузнецовой</i>	298
Отчет о посольстве в Константинополь. Пер. <i>Т.И. Кузнецовой</i>	306
Ратхер Веронский. М.Л. Гаспаров	312
Шесть книг Предисловий, или Агонистик. Вступление. Начало первой книги, главы I, III, IV. Пер. <i>Л.А. Фрейберг</i> , главы II, VI–IX, XIII–XVI. Начало второй книги; главы VI, VII. Начинается третья книга, главы I, IV. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	315
Житие св. Урсмара. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	335
Проповеди	341
О четырехдесятнице. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	341
О Пасхе. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	343
Послания	347
Милону, захватчику Веронской кафедры. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	347
Послание к Мартину Феррарскому. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	349

Наннону, графу Веронскому. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	349
К императрице Адельгейде. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	352
Гумпольд Мантуанский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	355
Житие св. Венцеслава, герцога Богемского. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	356
Петр Дамиани. <i>М.Р. Ненарокова</i>	375
Житие св. Ромуальда, аввы и исповедника, основателя Камальдоленской конгрегации, ордена св. Бенедикта. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	376
О различных чудесных рассказах, с добавлением сходного рассуждения о различных явлениях и чудесах. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	391
Рассуждение о различных явлениях и чудесах. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	398
Проповеди	412
Слово о духовной брани. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	412
Слово о перенесении мощей св. Илария Пиктавийского, епископа и исповедника. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	
Гомилия на праздник Входа Господня в Иерусалим. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	
Послания	414
“Благочестивым и почтенным епископам...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	414
“Господину архидиакону Гильдебранту...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	415
“Господину Петру, писцу святого дворца...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	415
Молитвы	
Молитва о св. Кресте	418
Молитва ко Святой Троице. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	418
Молитва Богу Сыну. Пер. <i>Ф.А. Петровского</i>	418
Другая молитва Богу Сыну. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	418
Молитва вторая ко Святой Троице. Пер. <i>Ф.А. Петровского</i>	418
Стихотворения.....	419
Гимны святому Апполинарию священномученику. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	419
Гимн святому Бенедикту. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	421
Гимн святому апостолу Иоанну. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	422
Вечерний гимн на Успение Пресвятой Девы. Пер. <i>Ф.А. Петровского</i>	423
Альфан Салернский. <i>М.Л. Гаспаров</i>	426
Житие и мученичество св. Христины, девы и мученицы, написанное Альфаном архиепископом Салернским. Пер. <i>М.С. Касьян</i>	427
Гимн св. Христине. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	438
Исповедь стихотворная. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	444
К монаху Вильгельму, грамматiku. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	449
К архидиакону Гильдебранду. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	451
Проповедь Альфана на текст евангельский. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	452

V. Королевство франков

Одон Ключинский. М.Р. Ненарокова	455
Житие св. Григория, епископа Туронского, написанное Одоном, настоятелем Ключинского монастыря. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	456
Проповеди	471
О почитании святой Марии Магдалины. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	473
Анселл Схоластик. М.Л. Гаспаров	484
Видение Анселла Схоластика. Пер. <i>Б.И. Ярхо</i>	485
Герберт Орильякский (папа Сильвестр II). М.Р. Ненарокова	491
Проповедь о просвещении епископов. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	492
Послания	502
Послание к Цезарю Оттону. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	502
Послание к Петру, епископу Павии. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	502
Послание Августе Адельгейде. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	502
Послание к Гугону схоласту. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	503
Послание к императрице Адельгейде	504
Послание от лица опустошенного Иерусалима Вселенной Церкви. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	504
Послание Экберту, настоятелю Турскому. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	505
Послание к настоятелю Геральду. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	505
Послание к госпоже императрице Феофано. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	505
Послание к Майолю, настоятелю Ключи. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	506
Послание к монаху Райнольду. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	506
Аббон Флерийский. М.Р. Ненарокова	507
Страдание св. Эдмунда, короля и мученика. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	508
Послания	524
Послание к Мицианским монахам. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	524
Послание к Одилону. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	526
Послание Льву, настоятелю монастыря св. Бонифация. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	527
Дудон Сент-Квентинский. М.Р. Ненарокова	529
О деяниях норманнов. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	530
Летальд из Миси. М.Р. Ненарокова	543
Стих монаха Летальда о некоем рыбаке, которого проглотил кит. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	545
Фульберт Шартрский. М.Р. Ненарокова	550
Проповеди к народу. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	553

Проповедь 1. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	553
Проповедь 2. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	553
Проповедь 3. На праздник Сретения... Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	554
Послания	558
“Славнейшему отцу и архиепископу своему Леутгеру...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	558
“Превосходнейшему и любимому господину своему Роберту...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	558
“Фульберт недостойный епископ...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	559
“Господину своему королю...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	559
“Славному герцогу аквитанцев Гильельму...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	562
“Фульберт, смиреннейший из епископов...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	562
“Благороднейшему королю Даномаркин Кнуту...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	563
О Филомеле, или Славии. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	563
Молитва. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	564
Размышление о самом себе. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	564
О Святом Кресте. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	565
О высшем благе. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	566
О вкушении пищи. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	566
Одилон Ключинский. М.Р. Ненарокова	568
Книжечка о житии блаженного Майоля, настоятеля Ключни. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	569
Проповеди	586
Об удивительном рождестве Предтечи Господня Иоанна Крестителя	586
О Святом Кресте. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	586
Послание к Фульберту, епископу Карнотенскому. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	590
Исповедание веры Одилона. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	592
Молитва при поклонении Св. Кресту. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	592
Иво Шартрский. М.Р. Ненарокова	594
Проповеди	596
О Пришествии Господнем в мир (О Рождественском посте). Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	596
О явлении Господа во плоти (Об Епифании). Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	598
О семидесятице. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	601
О великом посте (О четырехдесятнице). Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	604
На день Пасхи. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	606
Послания	607
“Иво, Божией милостью смиренный епископ Карнотенский...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	607
“Иво, Божией милостью, хотя и...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	608
“Иво, смиренный епископ Карнотенский...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	609
“Филиппу, благочестивому королю франков...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	609

“Туго, досточтимому Лугдунскому архиепископу...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	610
“Фулькону, Божией милостью епископу Белваценскому...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	611
“Ансельму, почтенному архиепископу Кентерберийскому...” Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	611

VI. Древняя Лотарингия

Иоанн Мецкий. <i>М.Р. Ненарокова</i>	613
Житие св. Глодезинды, настоятельницы монастыря в Меце. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	614
Фолькуин Лоббский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	620
Житие св. Фолькуина, епископа Тарвеннского в Галлии. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	621
О деяниях настоятелей Лоббского монастыря. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	631
Ноткер Льежский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	640
Житие св. Ремакля. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	641
Адальбольд Утрехтский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	662
О деяниях св. Генриха. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	663

VII. Германия

Видуккинд Корвейский. <i>Т.И. Кузнецова</i>	674
История саксов. Пер. <i>Т.И. Кузнецовой</i>	676
Хротсвита Гандерсгеймская. <i>М.Л. Гаспаров</i>	687
Предисловие к драмам. Пер. <i>Б.И. Ярхо</i>	690
Дульциций. Пер. <i>Б.И. Ярхо</i>	692
Каллимах. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	694
Авраам. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	700
Пафнутий. Пер. <i>М.Л. Гаспарова</i>	712
История страдания св. Агнеты, девы и мученицы. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	727
Випон Бургундский. <i>М.Р. Ненарокова</i>	738
Деяния императора Конрада Второго. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	739
Пасхальная секвенция. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	758
Гимн деве Марии. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	758
Секвенция деве Марии. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	759
Германн из Райхенау (Германн Согнутый). <i>М.Р. Ненарокова</i>	760
Молитва деве Марии. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	761
Радуйся, Царица. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	762
Секвенция о Святейшей Троице. Пер. <i>С.С. Аверинцева</i>	762

Отлох Эммерамский. И.П. Стрельникова	764
Книга об искушениях, переменчивой судьбе и сочинениях. Пер. <i>И.П. Стрельниковой</i>	766
Книга пословиц. Пер. <i>И.П. Стрельниковой</i>	769
Житие св. Вольфганга. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	775
Диалог о трех вопросах. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	793
Проповедь на день св. Апостолов. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	806
Послание досточтимого Отлоха, монаха св. Эммерама, “О допущении причин добра и зла”. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	809
Молитва грешника. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	812
Эккехард IV. Т.И. Кузнецова	815
История Санкт-Галленского монастыря (Ноткер, Ратперт и Туотилон). Пер. <i>Т.И. Кузнецовой</i>	816
Ламперт Герсфельдский. Т.И. Кузнецова	825
Анналы. Пер. <i>Т.И. Кузнецовой</i>	827
“Бегство узника”. <i>М.Е. Грабарь-Пассек</i>	835
“Бегство узника”. Пер. <i>М.Е. Грабарь-Пассек</i>	837
“Разгневанный Ирод”. <i>М.Р. Ненарокова</i>	848
“Разгневанный Ирод”. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	849
“Руодлиб”. <i>М.Е. Грабарь-Пассек</i>	855
“Руодлиб”. Пер. <i>М.Е. Грабарь-Пассек</i>	857

VII. Вместо послесловия

Сигеберт из Жемблу. М.Р. Ненарокова	877
Книга о церковных писателях Сигиберта Гемблаценского. Пер. <i>М.Р. Ненароковой</i>	878

Научное издание

**Памятники средневековой
латинской литературы**

*

X-XI века

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Н.А. Алпатова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Е.А. Желнова,
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 27.05.2011
Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 67,4. Усл.кр.-отт. 72,6. Уч.-изд.л. 77,1
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.)
Тип. зак. 3256

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППШ “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6